This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 170.25

Bd. Aug., 1888.

Harvard College Library

FROM THE FUND OF

CHARLES MINOT
(Class of 1828).

26 May - 28 June, 1888.

(MAY 25 1888)

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 2 лин., 7.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1888.

Стр.

I.—ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ К. Д. КАВЕЛИНА.—1877—1885 гг.—По воспоминаніямъ и семейной перепискѣ.—**Д. А. Корсакова** 5

II.—ЖИТЬ, КАКЪ ЛЮДИ ЖИВУТЪ.—Заброшенный дневникъ.—**В. Крестовскій** (Псевдонимъ). 52

III.—НОВѢЙШІЕ КРИТИКИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА.—Жюль Симонъ, Спенсеръ и Мэнъ.—I-II.—**Л. З. Слонимскаго**. 96

IV.—МУСЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—I-VII. **В. Д. Карепина**. 121

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Затишье.—II. На мотивъ изъ С. Прюдома.—III. Изъ Коппе.—IV. Позту, на мотивъ изъ Сирокомли.—**О. М.** 191

VI.—СИБИРЬ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ.—III. Аббатъ Шаппъ и имп. Екатерина II.—IV. Русскіе географическіе поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка.—**А. Н. Пыпина**. 195

VII.—ВЫСТАВКА МАШИНЪ.—Стих. **А. М. Жемчужникова**. 238

VIII.—В. М. ГАРШИНЪ и его творчество.—**К. К. Арсеньева**. 239

IX.—НАКАНУНѢ ПЕРЕВОРОТА.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго.—Часть II: VI-XI.—**А. Э.** 259

X.—ХРОНИКА.—ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.—Старая и новая Германія.—IV-VII.—**Е. Н. Утина**. 304

XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю.—Возможно ли введеніе въ этомъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей?—Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами.—Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованіемъ остзейскихъ судебныхъ учрежденій.—Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ.—Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ. 339

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Канцлерскій кризисъ въ Германіи.—„Буланжисты" во Франціи.—Министерство Флоке и его программа.—Личные успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе.—Увлеченія оппортунистовъ. 363

XIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—П. А. Матвѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса.—В. Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ.—П. В. Владимірова, Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и лики.—**А. П.**—К. Ярошъ, Вопросы современной морали.—П. И. Георгіевскій: Экономическая отвѣтственность, г. Ярошскаго.—**К. К.**—Новыя книги и брошюры. 373

XIV.—ВОЗРАЖЕНІЕ на статью Е. С. Некрасовой о графинѣ Е. П. Ростопчиной.—**С. П. Сушкова**. 388

XV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Заключеніе А. Ѳ. Кони по дѣлу Кетхудова.—Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятыхъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической комиссіи государственныхъ экзаменовъ.—Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина. 438

XVI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Сборникъ имп. русскаго историческаго общества. Томы 61, 63 и 65.—Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова. вып. 10.—Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева.—Искра божья, гр. Е. А. Саліаса.—Сатиръ и Нимфа, ром. П. А. Лейкина.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

☛ Съ перваго марта открыта подписка на 2-ую четверть года. ☚
(См. Объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

§ 3-1912

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ОДЪ LII. — ТОМЪ CCCV. — 1/13 МАЯ, 1888.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1888

~~131684~~
~~Slav 302.2~~
PSlav 176.25

June 25.
Minot fund.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

(1482)

HARVARD COLLEGE
MAY 26 1888
LIBRARY

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ
К. Д. КАВЕЛИНА
1877—1885 гг.

Матеріалы для біографіи изъ семейной переписки и воспоминаній [1]).

„Если не сажу и не успѣю написать что задумалъ, пусть слѣды останутся хоть въ письмахъ къ близкимъ: кто-нибудь ихъ подниметъ и разовьетъ".

Кавелинъ, іюль 1883.

I.

Въ зиму 1877—78 гг. Кавелинъ, послѣ тяжкой утраты, понесенной имъ со смертью его любимой дочери С. К. Брюлловой, сдѣлался совсѣмъ домосѣдомъ и весь предался работамъ. Во главѣ его работъ за это время слѣдуетъ поставить его занятія по дальнѣйшему преобразованію военно-юридической академіи и приготовленію къ чтеніямъ въ ней гражданскаго права.

Черезъ 16 слишкомъ лѣтъ Кавелинъ снова вступалъ на каѳедру, но совершенно при иныхъ условіяхъ, чѣмъ прежде. Военно-юридическая академія была спеціальнымъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, еще недавно преобразованнымъ изъ главнаго аудиторскаго училища на общихъ основаніяхъ военныхъ академій генеральнаго штаба, артиллерійской и инженерной. Составъ слушателей и цѣли академіи были совершенно иные, чѣмъ юридическихъ факультетовъ нашихъ университетовъ. Слушатели академіи были мо-

---

[1]) Матеріалы для предшествующихъ лѣтъ были помѣщены въ „Вѣстникѣ Европы", въ 1886 и 1887 гг.

лодые люди съ самостоятельнымъ общественнымъ и служебнымъ положеніемъ — офицеры, прослужившіе уже нѣсколько лѣтъ въ разныхъ полкахъ гвардіи, арміи, флота и спеціальныхъ частяхъ войскъ. Цѣль академіи заключалась въ приготовленіи изъ нихъ военныхъ юристовъ для вновь образуемыхъ, по мысли гр. Д. А. Милютина, военныхъ судовъ. Составъ и цѣль академіи опредѣляли ея организацію и программу преподаванія, которыя, несмотря на недавнюю реформу, требовали новаго пересмотра, новыхъ измѣненій. Кавелинъ съ жаромъ предался работамъ по реформѣ военно-юридической академіи, вмѣстѣ съ вновь назначеннымъ ея директоромъ, генераломъ П. О. Бобровскимъ и профессорами: онъ просматривалъ программы, представлялъ на нихъ свои замѣчанія, вырабатывалъ общій планъ преподаванія, серьезно вдумываясь въ послѣдовательность и взаимныя отношенія всей группы юридическихъ наукъ, которыя должны быть приноровлены къ спеціальной задачѣ военно-юридической академіи. Особенно старательно отнесся онъ къ выработкѣ программы гражданскаго права, представителемъ котораго являлся самъ въ академіи, и которымъ столь усердно и плодотворно занимался въ теченіе многихъ лѣтъ. Кавелинъ давно не удовлетворялся шаблонной, рутинной систематикой нашего дѣйствующаго законодательства по гражданскому праву и программой университетскаго курса русскаго гражданскаго права, цѣликомъ заимствованными изъ права римскаго и комментаріевъ на него западно-европейскихъ, преимущественно нѣмецкихъ цивилистовъ. Онъ отнесся отрицательно къ такой произвольной систематикѣ еще въ 1864 году въ монографіи: „Что есть гражданское право, и гдѣ его предѣлы?“, встрѣченной неблагосклонно юристами-рутинёрами. Теперь онъ пришелъ къ мысли составить самостоятельную программу гражданскаго права и выполнить ее на дѣлѣ въ преподаваніи офицерамъ военно-юридической академіи. Въ этой программѣ, ограничивающей область гражданскаго права лишь *правами и обязанностями, вытекающими изъ имущественныхъ отношеній и обязательствъ*, Кавелинъ исключилъ значительную часть 1-й части X-го тома нашего свода законовъ, а именно права семейственныя, возникающія изъ отношеній личныхъ, включенныхъ имъ въ область общественнаго права, и, наоборотъ, ввелъ цѣлый рядъ новыхъ рубрикъ, излагающихъ юридическія отношенія, вытекающія изъ правъ по имуществу и обязательствамъ, разбросанныхъ по разнымъ другимъ томамъ свода законовъ и обыкновенно разсматриваемыхъ въ изложеніи правъ государственнаго, административнаго, общественнаго, полицейскаго, финансоваго и др. По этой новой про-

граммѣ гражданскаго права читалъ Кавелинъ лекціи въ военно-юридической академіи и напечаталъ эти лекціи въ трехъ послѣдовательныхъ серіяхъ: 1) Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ. Спб. 1879 г. (конспектъ лекцій, читанныхъ въ 1878—1879 академ. году).—2) Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго союза; Спб. 1884 г.—и 3) Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія имуществомъ. Спб. 1885 г. (курсы 1883 и 1884 гг.).

Въ ту же зиму 1877—1878 г. Кавелинъ съ интересомъ слѣдилъ за нашими военными дѣйствіями на Балканахъ и въ Малой Азіи, за дипломатическими маневрами нашихъ противниковъ и за политическими и общественными явленіями внутри Россіи. Паденіе Плевны, переходъ нашихъ войскъ черезъ Балканы, движеніе ихъ къ Константинополю и остановка въ Санъ-Стефано, а затѣмъ предварительный миръ, заключенный въ Санъ-Стефано 19-го февраля 1878 года — все это принималось имъ близко къ сердцу и волновало его, то радуя, то глубоко огорчая... Придавая всегда, какъ то видно изъ его писемъ конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, важное для Россіи значеніе восточному вопросу, Кавелинъ не могъ иначе относиться къ нашимъ успѣхамъ или ошибкамъ въ такомъ серьезномъ для всего славянскаго міра дѣлѣ, какъ призваніе къ самостоятельной политической жизни болгарскаго народа.—Изъ внутреннихъ русскихъ явленій того времени Кавелинъ обращалъ особенное вниманіе на броженіе среди молодежи, на проявленіе въ нѣкоторыхъ ея кружкахъ такъ-называемой соціаль-демократической пропаганды.

Для талантливаго, обобщающаго ума Кавелина всѣ эти явленія въ области тогдашней внѣшней и внутренней политики Россіи давали обильный матеріалъ для размышленій, для новой провѣрки политическаго, общественнаго и культурнаго строя Россіи, и Кавелинъ съ жаромъ и увлеченіемъ, напоминавшими лучшую пору его общественной дѣятельности—40-ые и 50-ые года,—развивалъ свои воззрѣнія на историческія условія политическаго, общественнаго и культурнаго строя Россіи. Болѣе чѣмъ когда-либо убѣждался онъ въ недостаточномъ въ Россіи развитіи нравственной личности. Вопросы этики поглощали все его вниманіе въ зиму 1877-78 г., и любимой темой тогдашнихъ его разговоровъ было развитіе тѣхъ мыслей, которыя онъ позже изложилъ въ своихъ „Задачахъ этики“. Эту монографію перерабатывалъ онъ нѣсколько разъ въ ту зиму, и изданіе ненапечатанныхъ ея редакцій было бы весьма важно не только для изученія исторіи мыслей Кавелина, но и для уясненія самаго вопроса о нравственности. Одна изъ такихъ

редакцій живо мнѣ памятна. Она излагаетъ вопросъ весьма популярно, въ діалогической формѣ, приблизительно въ видѣ слѣдующаго разговора между признающимъ и отрицающимъ объективныя начала этики.

— Если я умру, не высказавшись печатно по этимъ вопросамъ — я не исполню своего жизненнаго назначенія, — говорилъ Кавелинъ.

Я не раздѣлялъ такого воззрѣнія. Мнѣнія о морали, высказываемыя Кавелинымъ, представлялись мнѣ слишкомъ абстрактными и мало мотивированными. На мой взглядъ, было бы гораздо полезнѣе для русскаго общества и для самого Кавелина, еслибы онъ, вмѣсто теоретическаго изложенія взглядовъ на нравственность, принялся бы за писаніе своихъ мемуаровъ. Вся жизнь Кавелина была практическимъ проявленіемъ исповѣдуемыхъ имъ моральныхъ началъ, и, будучи изложена съ свойственнымъ ему талантомъ, представила бы двоякій интересъ: историку дала бы она въ высшей степени важный матеріалъ для изученія русской общественности XIX-го в., для моралиста явилась бы конкретнымъ выраженіемъ общественной и субъективной нравственности, становясь высокимъ и поучительнымъ примѣромъ для послѣдующихъ поколѣній. Я высказалъ свои воззрѣнія Кавелину, но встрѣтилъ отъ него сильный отпоръ.

— Что такое *моя* личность? — говорилъ онъ. — Песчинка, атомъ въ общей суммѣ человѣческихъ личностей, совокупность и взаимодѣйствіе которыхъ называется обществомъ, народомъ; *общая*, а не *индивидуальная* ихъ жизнь производитъ исторію. Спасибо тебѣ, глубокое спасибо за высокое мнѣніе о моей личности, но оно сильно преувеличено. Въ тебѣ въ данномъ случаѣ говоритъ субъективное относительно меня чувство, а не истина. Я по мѣрѣ силъ выработалъ въ себѣ нравственныя основы, которымъ слѣдовалъ и слѣдую въ жизни, но поучать ими другихъ я никогда не рѣшусь... Это ниже моего достоинства. Ставить себя въ примѣръ другимъ, выдвигать себя на пьедесталъ — это просто пошло!

— Не ставить себя въ примѣръ,—возражалъ я,—а просто разсказать о себѣ *все какъ было*, и правда будетъ говорить сама за себя.

Но возраженія мои не переубѣдили Кавелина.

Въ концѣ 1877 г. Д. Ѳ. Самаринъ издалъ въ Москвѣ I-й томъ сочиненій своего брата Юрія Ѳедоровича и прислалъ его немедленно Кавелину. Кавелинъ былъ пораженъ однимъ мѣстомъ въ предисловіи къ этому тому,—мѣсту, имѣющему большое значеніе

въ изученіи развитія личнаго начала въ русской жизни и отношенія къ этому началу славянофиловъ.

— Вотъ еще новая черта высокаго благородства характера Юрія Ѳедоровича Самарина!—восклицалъ Кавелинъ въ волненіи, указывая мнѣ на это мѣсто.

— Все дѣло въ *опечаткѣ*,—продолжалъ онъ.—И сколько изъ за этой опечатки было несправедливыхъ нареканій на славянофиловъ, сколько глумленій посыпалось на нихъ, а Ю. Ѳ. Самаринъ все молчалъ, и публика узнала объ этой роковой опечаткѣ лишь послѣ его смерти, *тридцать лѣтъ* спустя послѣ ея появленія.

Эта историческая „опечатка" требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Кавелинъ еще въ 1847 г. полемизировалъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ по поводу своей статьи: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи", въ которой, выводя идею общества изъ личной автономіи, изъ личности, ставящей себя началомъ и мѣриломъ всего, выражалъ уже въ то время мысль о слабомъ развитіи въ Россіи личности и о необходимости болѣе сильнаго ея развитія. По мнѣнію Кавелина, личное начало развито племенами германороманскими.—Развивши начало личности до-нельзя,—говорилъ онъ,—Европа стремится дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку и пересоздать это общество. Начало личности внесено къ намъ въ Россію Петромъ Великимъ, какъ начало, чуждое славяно-русскимъ племенамъ, и въ дальнѣйшемъ развитіи этого начала заключается задача всей послѣдующей славяно-русской общественности. Ю. Ѳ. Самаринъ возражалъ на это основное положеніе статьи и доказывалъ, что дойти до идеи *человѣка* путемъ исчерпыванія отдѣльныхъ личностей такъ же невозможно, какъ дойти до идеи цѣлаго переборомъ единицъ, что, поддаваясь утомленію или уступая необходимости, личность ограничиваетъ себя въ пользу самой себя, т.-е. ставитъ или допускаетъ общество, *какъ средство*, удобное для достиженія ея *личныхъ* цѣлей и, слѣдовательно, всегда подчиненное имъ. Ю. Ѳ. Самаринъ, развивая свою мысль, говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Что касается до насъ, то, признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ начало *разобщающее* (т.-е. личность) обратится въ противоположное начало *примиренія* и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности

перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ?“ [1]) Возраженія Самарина Кавелину печатались въ „Москвитянинѣ“ во время отсутствія автора, который, вслѣдствіе этого, не могъ держать самъ корректуры своей статьи. Подчеркнутыя выраженія Самарина были набраны въ „Москвитянинѣ“ такъ: „Какимъ образомъ начало *разобщающееся* обратится въ противоположное начало *приниженія* и единенія?“

Благодаря этой фатальной опечаткѣ, славянофиламъ была приписана ихъ противниками-западниками *теорія приниженія*, и выраженіе „*принижающаяся личность*“ стала въ устахъ послѣднихъ злымъ и ироническимъ „mot“, пущеннымъ по адресу славянофиловъ [2]). Въ этомъ смыслѣ употребилъ его и самъ Кавелинъ, въ своемъ отвѣтѣ Самарину, напечатанномъ въ „Современникѣ“ 1847 года [3]).

Эта опечатка и все содержаніе I тома „Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина“ воскрешали въ памяти Кавелина его молодость, столь памятные для него 40-ые года, и онъ не разъ съ большимъ одушевленіемъ говорилъ со мной о славянофилахъ, о ихъ громадномъ значеніи въ исторіи русскаго умственнаго развитія, о неправильномъ и несправедливомъ сужденіи о нихъ большинства. Яркими чертами рисовалъ онъ сильныхъ духомъ и нравственными основами личности Ю. Ѳ. Самарина и другихъ „старыхъ славянофиловъ“ 40-хъ годовъ и, наоборотъ, весьма несочувственно относился къ „эпигонамъ славянофильства“ 70-хъ годовъ, къ которымъ причислялъ онъ И. С. Аксакова и князя Черкасскаго. Припоминалъ Кавелинъ свои прежнія пренія съ славянофилами и одинъ продолжительный разговоръ, который онъ имѣлъ съ Ю. Ѳ. Самаринымъ передъ его послѣднимъ отъѣздомъ за границу.

— Мы подвели съ нимъ итоги подъ наши воззрѣнія, покаялись во взаимныхъ увлеченіяхъ и рѣзкостяхъ, сдѣлали множество уступовъ и пришли къ соглашенію въ самыхъ главныхъ пунктахъ, — говорилъ Кавелинъ. — Въ одномъ мы никакъ не могли согласиться съ Самаринымъ — въ вопросахъ религіозныхъ. Тутъ мы стояли съ нимъ на діаметрально-противоположной почвѣ и говорили разными языками, не понимая другъ друга. И представь себѣ, что при этомъ спорѣ, продолжавшемся нѣсколько часовъ сряду, Самаринъ ни единымъ словомъ не намекнулъ мнѣ на „принижающуюся“ личность!..

---

[1]) Сочин. Ю. Ѳ. Самарина, т. I, с. 40.

[2]) Подробнѣе объ этой опечаткѣ см. предисл. къ I т. сочин. Ю. Ѳ. Самарина, стр. VI—VIII.

[3]) Сочин. Кавелина, изд. Солдатенкова, т. I, с. 386, 388 и слѣд.

Меня очень заинтересовали эти разсказы Кавелина. Изъ нихъ выяснилось для меня то *общее*, что̀ неразрывно связываетъ Кавелина съ славянофилами—это ученіе о *нравственныхъ началахъ, которыя должны быть положены въ основу индивидуальной и общественной дѣятельности человѣка;* и я усердно просилъ Кавелина изложить печатно свои воззрѣнія на славянофиловъ. Онъ исполнилъ это. Такъ возникла статья Кавелина по поводу I т. „Сочиненій Ю. Ѳ. Самарина", помѣщенная въ газетѣ „Сѣверный Вѣстникъ" 1878 г. [1]). Представляю краткое résumé этой статьи.

Прежде всего Кавелинъ опровергаетъ какой бы то ни было элементъ *политическій* въ ученіи славянофиловъ и доказываетъ, что они не были и не могли быть *политической партіей*, и что для такихъ партій въ Россіи нѣтъ почвы. Славянофильское ученіе, по мнѣнію Кавелина, представляетъ „исключительно научную, историческую, философскую и теософическую доктрину".

Чтобы правильно понять славянофиловъ, необходимо освободить ихъ ученіе отъ тѣхъ позднѣйшихъ наростовъ и примѣсей, которые исказили первоначальную доктрину основателей славянофильства, испытавшую то, что̀ испытываетъ всякое ученіе. Противники, апологеты, панегиристы, неразумные послѣдователи и псевдо-сторонники поставили на счетъ славянофиловъ то, чего тѣ никогда не говорили. Затѣмъ въ славянофильскомъ ученіи, какъ во всякомъ, слѣдуетъ отдѣлить *мотивы* и *формулы* отъ *стремленій* и *идеаловъ*. Совершенно не раздѣляя первыхъ и опровергая главнѣйшіе изъ нихъ, Кавелинъ вполнѣ симпатизируетъ стремленіямъ и идеаламъ славянофиловъ и резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ значеніе ихъ въ развитіи русскаго самосознанія: „Въ наше время, самое названіе славянофиловъ и западниковъ потеряло всякое значеніе и держится только по старой памяти. Каждый мыслящій человѣкъ, принимающій къ сердцу интересы своей родины, не можетъ не чувствовать себя наполовину славянофиломъ, наполовину западникомъ, потому что оба воззрѣнія выражали и формулировали только двѣ стороны одной и той же русской дѣйствительности, которыя въ наукѣ, мысли, изслѣдованіи можно и должно отграничить одну отъ другой и изучать особливо для лучшаго ихъ выясненія, но которыя въ

---

[1]) „Московскіе славянофилы сороковыхъ годовъ", „Сѣв. Вѣстн." 1878 г., №№ 20, 23, 24. — Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" того же года (№ 35) Кавелину возразилъ на эту статью нѣкто скрывшій себя подъ псевдонимомъ *не-Москвичъ*. На это возраженіе Кавелинъ написалъ отвѣтъ подъ заглавіемъ: „Виноваты всѣ", въ „Сѣв. Вѣстн." 1878 г., № 49.

живой дѣйствительности навсегда останутся непосредственно слитыми въ одно цѣлое"...

Затѣмъ Кавелинъ подробно останавливается на исторіи возникновенія и первоначальнаго развитія славянофильскаго ученія и на характеристикѣ первыхъ славянофиловъ—братьевъ Кирѣевскихъ, Хомякова, К. С. Аксакова и Самарина, отмѣчая ихъ высокое умственное развитіе и обширную европейски-научную эрудицію. „Опредѣленность, связность, цѣльность ученія, его систематичность и стройность,—говоритъ онъ,—были, безъ сомнѣнія, одною изъ причинъ его распространенія и успѣховъ въ публикѣ... Они (первые славянофилы) нашли въ своемъ умѣ и сердцѣ горячую и просвѣщенную любовь къ родинѣ. Ихъ вдохновенной мысли, опередившей дѣйствительность, представлялось человѣческое общество, проникнутое нравственными стремленіями, въ которомъ нѣтъ ни вражды сословій, ни антагонизма интересовъ власти и народа—общество, въ которомъ всѣ люди живутъ между собою въ любви, согласіи и единеніи. Они чаяли, что такими должны быть, по природѣ и историческимъ условіямъ, русскій народъ, славянское племя, что въ этомъ они должны стоять выше другихъ народовъ, даже тѣхъ, которые въ остальномъ опередили ихъ. Назовите людей, которые такъ думали и надѣялись, мечтателями, оптимистами, утопистами, если считаете эти идеалы недостижимыми, но отнеситесь съ почтеніемъ къ ихъ памяти, произносите съ уваженіемъ ихъ имена. Такъ мечтали лучшіе люди, такъ ошибались, если это ошибка, достойнѣйшія личности во всѣ времена и у всѣхъ народовъ"... Далѣе Кавелинъ отмѣчаетъ патріотическія заслуги славянофиловъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, къ которымъ они—въ большинствѣ своихъ представителей богатые помѣщики—относились всегда съ особымъ сочувствіемъ и были изъ первыхъ, указавшихъ на деревенскую массу русскаго народа, какъ на твердый оплотъ и основаніе нашей государственной прочности и нашей исторической роли во всемірной исторіи

„Прошло какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ, — такъ заключаетъ Кавелинъ свою статью,—и многія изъ мыслей, взглядовъ и стремленій первыхъ славянофиловъ обошли всю Россію, сдѣлались общимъ убѣжденіемъ всѣхъ. Не они одни ихъ насадили, но они, безспорно, много способствовали ихъ выясненію и упроченію въ русскомъ обществѣ".

Въ ту же зиму 1877—1878 г. Кавелинъ попрежнему былъ занятъ вопросомъ о сельской общинѣ и о правильной его постановкѣ среди другихъ современныхъ общественныхъ вопросовъ и много размышлялъ надъ дальнѣйшимъ улучшеніемъ быта крестьянъ, что,

по его глубокому убѣжденію, должно было составлять краеугольный камень русской внутренней политики. Свои воззрѣнія на всѣ эти вопросы Кавелинъ изложилъ въ цѣломъ рядѣ монографій, помѣщавшихся въ 1878 г. и послѣдующихъ годахъ, въ „Вѣстникѣ Европы", въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" и въ „Недѣлѣ". Кавелинъ приходилъ въ восторгъ отъ книги о русской поземельной общинѣ, написанной нѣмцемъ и на нѣмецкомъ языкѣ—докторомъ Кейслеромъ, бывшимъ въ то время редакторомъ издающейся въ Петербургѣ газеты „S.-Petersburger Herold". Онъ ставилъ эту книгу выше всего, что было написано до тѣхъ поръ объ общинѣ, и очень близко сошелся съ ея авторомъ. Свое мнѣніе о книгѣ д-ра Кейслера Кавелинъ высказалъ въ статьѣ: „Поземельная община въ древней и новой Россіи", помѣщенной въ майской книгѣ „Вѣстника Европы" 1877 года.

Осенью 1877 г. въ императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ возникла мысль объ изученіи современнаго положенія общиннаго землевладѣнія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Мысль эта, если не ошибаюсь, была возбуждена членомъ названнаго общества С. Я. Капустинымъ, написавшимъ о современномъ положеніи русской сельской общины весьма интересную книгу. При вольномъ экономическомъ обществѣ была образована особая коммиссія для разсмотрѣнія вопроса, поднятаго г. Капустинымъ, и для выработки программы его изученія. 29-го ноября 1877 г. состоялось весьма любопытное соединенное засѣданіе двухъ отдѣленій географическаго общества—статистики и этнографіи, въ которомъ былъ также поднятъ вопросъ объ изученіи современнаго положенія общиннаго землевладѣнія въ Россіи—и поднятъ былъ опять тѣмъ же г. Капустинымъ. Онъ прочелъ въ засѣданіи свой докладъ объ этомъ предметѣ, который вызвалъ оживленныя и весьма интересныя пренія. Постановлено было образовать и при географическомъ обществѣ коммиссію для собиранія матеріаловъ о современномъ состояніи общиннаго землевладѣнія въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи и соединить эту коммиссію съ существующей уже при вольномъ экономическомъ обществѣ. Въ члены этой коммиссіи были тутъ же названы извѣстные изслѣдователи вопроса объ общинѣ, и Кавелинъ былъ названъ однимъ изъ первыхъ, несмотря на то, что онъ уже давно не состоялъ членомъ географическаго общества. Кавелинъ былъ очень тронутъ оказаннымъ ему вниманіемъ и съ увлеченіемъ принялся развивать программу, предстоящую коммиссіи. Я живо помню первыя засѣданія этой коммиссіи, бывшія весной 1878 года, въ апрѣлѣ и въ самомъ началѣ мая, въ которыхъ, кромѣ Кавелина, принимали участіе

Л. Н. Майковъ, Н. В. Калачовъ и В. П. Васильевъ, извѣстный русскій синологъ. Кавелинъ, находясь среди ученыхъ, съ которыми давно не сводили его обстоятельства, и въ томъ самомъ географическомъ обществѣ, гдѣ онъ столь плодотворно работалъ въ началѣ 50-хъ годовъ [1]), оживлялся духомъ, и, переживая свою молодость, талантливо и энергически развивалъ свои воззрѣнія на русскую сельскую общину. Коммиссіей была выработана программа для собиранія свѣденій о современномъ положеніи общиннаго землевладѣнія въ Россіи и разослана къ разнымъ лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ, и въ губернскіе статистическіе комитеты, но какова дальнѣйшая судьба этой программы и работъ коммиссіи при географическомъ обществѣ—мнѣ неизвѣстно.

Обращаясь къ концу 50-хъ годовъ, когда друзья Кавелина и онъ самъ трудились надъ уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостного права и надъ созданіемъ „Положеній 19-го февраля 1861 года“, и сравнивая тогдашнія радужныя надежды людей 40-хъ годовъ съ исполненіемъ ихъ на дѣлѣ въ 70-хъ годахъ — Кавелинъ не могъ не поражаться діаметральною противоположностью того и другого. Отступленіе отъ духа „Положеній 19-го февраля 1861 года“ въ послѣдующихъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ по крестьянскому дѣлу, извращеніе лучшихъ чаяній людей 40-хъ годовъ при переходѣ идеи освобожденія крестьянъ въ дѣйствительность—все это не могло не укрыться отъ зоркаго умственнаго взгляда Кавелина и не могло не оскорблять его чуткаго къ добру сердца. Необходимость стать твердо на положительную законную почву „Положеній о крестьянахъ“, освободить эту почву отъ послѣдующихъ наростовъ разныхъ случайныхъ циркуляровъ и распоряженій съ одной стороны и проявленій грубости нравовъ, какъ общества, такъ и крестьянства, и канцелярской формалистики, съ другой, и проводить въ жизнь лишь строго логическіе выводы изъ законоположеній 19-го февраля 1861 года—вотъ тѣ принципы, которые развивалъ и проповѣдывалъ теперь Кавелинъ съ горячностью, съ настойчивостью, и въ частныхъ разговорахъ, и въ бесѣдахъ съ оффиціальными лицами, и въ письмахъ, и въ цѣломъ рядѣ печатныхъ статей и замѣтокъ.

— Крестьяне не освобождены!—восклицалъ онъ.—Положеніе 19-го февраля 1861 г. дало только программу ихъ освобожденія, которая не только не исполнена, но изломана въ конецъ. Дальнѣйшее улучшеніе экономическаго, нравственнаго и умственнаго

[1]) О работахъ Кавелина въ географическомъ обществѣ, въ 50-хъ годахъ, см. въ моемъ предисловіи къ тремъ его монографіямъ по крестьянскому вопросу, въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ 1887 года.

положенія крестьянъ еще впереди и много, много придется надъ нимъ поработать! — Съ этою цѣлью, по убѣжденію Кавелина, должно было принять слѣдующія мѣры: скорѣйшее окончаніе выкупа и облегченіе его для крестьянъ, образованіе дешеваго государственнаго кредита для помощи крестьянамъ при покупкѣ ими земель сверхъ ихъ надѣла, улучшеніе и упрощеніе ихъ самоуправленія и суда, поднятіе крестьянскихъ хозяйствъ путемъ улучшенія ихъ веденія, основаніе наибольшаго количества школъ, пригодныхъ и вполнѣ понятныхъ для крестьянъ.

Смотря на осуществленіе реформъ земской и судебной, Кавелинъ также мало-по-малу разочаровывался, но не въ самыхъ принципахъ этихъ реформъ, которые онъ также горячо отстаивалъ теперь, какъ и въ 60-хъ годахъ, а разочаровывался въ той средѣ, черезъ которую преломлялись свѣтлые лучи русскихъ идеалистовъ 40-хъ годовъ, образуя своеобразные и „безобразные“ спектры. Этими спектрами неопровержимо изобличалось присутствіе въ русской дѣйствительности такихъ общественныхъ суррогатовъ, которые не были предусмотрѣны лучшими русскими людьми 40-хъ годовъ, теоретиками-идеалистами. Но Кавелинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не замѣчать ихъ теперь, и идеально добросовѣстенъ для того, чтобы уступать имъ, идти съ ними на компромиссъ. Напротивъ, онъ съ нравственною болью указывалъ на нихъ и предлагалъ средства для дальнѣйшаго слѣдованія по пути прогресса и реформъ. Въ числѣ общественныхъ разочарованій Кавелина, однимъ изъ самыхъ крупныхъ должно быть отмѣчено разочарованіе въ тѣхъ надеждахъ, которыя онъ возлагалъ въ 60-хъ годахъ на мѣстное провинціальное дворянство, какъ на руководителя земства, какъ на общественный элементъ, которому, по историческимъ и общественнымъ условіямъ, предстояло стать во главѣ мѣстной хозяйственной и общественной дѣятельности.

Многіе, даже близкіе къ Кавелину люди, знавшіе хорошо его образъ мыслей, видѣли въ такихъ его воззрѣніяхъ діаметральную противоположность его взглядамъ 60-хъ годовъ и упрекали его въ томъ, что онъ утратилъ свой оптимизмъ; а люди или мало знакомые съ Кавелинымъ, или знавшіе его только по печатнымъ его статьямъ, прямо называли его—за воззрѣнія 70-хъ годовъ—пессимистомъ. На тѣ и другія воззрѣнія Кавелинъ возражалъ замѣчательнымъ опредѣленіемъ своей точки зрѣнія.

— Я оптимистъ, неисправимѣйшій оптимистъ,—говорилъ онъ, —но оптимизмъ у меня своеобразный! Оптимизмъ—не маниловщина, не преклоненіе передъ фактомъ, не восхваленіе существующаго, не хвалебное славословіе на темы: „веселися, храбрый

россъ!“ или: „шапками закидаемъ!“ Полное оправданіе существующаго, примиреніе съ нимъ могло быть выведено только изъ туманной идеалистической абстракціи Гегеля имъ самимъ и его слѣпыми послѣдователями. Далеко не „все дѣйствительное — разумно“, и знаменитая формула нѣмецкаго мыслителя является для меня полнѣйшимъ абсурдомъ. Мой оптимизмъ не исключаетъ не только критики современнаго, но и глубокаго его порицанія. Оптимизмъ мой опредѣляется глубокою и искреннею любовью къ моей родинѣ и непреодолимой вѣрой въ лучшіе дни для русской земли въ будущемъ, ближайшемъ или отдаленномъ—я самъ не знаю. Вотъ почему я привѣтствую все доброе, все высокое, все честное, какъ зародыши, атомы этого будущаго лучшаго порядка дѣлъ, который долженъ взять верхъ не посредствомъ общественныхъ потрясеній, а путемъ мирныхъ, постепенныхъ и послѣдовательныхъ реформъ. Потому же самому я бичую все злое, низкое, безчестное, откуда бы и когда бы оно ни происходило. Въ 40-хъ годахъ я былъ противникомъ тогдашней реакціи; въ 50-хъ я сталъ ярымъ сторонникомъ прогрессивнаго направленія; теперь —я противникъ и реакціи, и прогресса, въ тѣхъ формахъ, въ какихъ проявляется у насъ то и другое. Но и теперь точно также, какъ и 40 лѣтъ тому назадъ, я глубоко убѣжденъ въ великихъ всемірно-историческихъ судьбахъ Россіи и въ томъ, что лучшая пора для нея наступитъ рано или поздно.—Вотъ въ какомъ смыслѣ я оптимистъ!..

...Покойная сестра Кавелина непремѣнно желала повидаться съ нимъ послѣ кончины Брюлловой. Сначала она хотѣла пріѣхать въ Петербургъ весной 1878 г., но затѣмъ измѣнила свой планъ, такъ какъ опасалась утомиться отъ столь длиннаго пути послѣ болѣзни, перенесенной ею въ началѣ 1878 г. Рѣшено было, что они съѣдутся съ братомъ на полъ-дорогѣ между Казанью и Петербургомъ, въ Троицкой Лаврѣ. Намѣстникомъ ея незадолго передъ тѣмъ (въ 1877 г.), былъ назначенъ архимандритъ Леонидъ Кавелинъ, двоюродный братъ Кавелина, съ которымъ они были очень дружны и давнымъ давно не видались [1]). Одновре-

---

[1]) Архимандритъ Леонидъ, въ міру *Левъ Александровичъ Кавелинъ* (р. въ 1822 г.), сынъ Александра Александровича Кавелина и Маріи Михайловны, рожденной Нахимовой, служилъ въ лейбъ-гвардіи волынскомъ полку и въ 1853 г. поступилъ послушникомъ въ Оптину пустынь, близъ гор. Козельска, калужской губерніи. Затѣмъ о. Леонидъ занималъ послѣдовательно должности члена, а потомъ начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ, настоятеля русской посольской церкви въ Константинополѣ и настоятеля ставропигіальнаго воскресенскаго монастыря, Новаго Іерусалима,

менно съ ними должны были пріѣхать въ Троицкую Лавру или въ Москву и другіе наши родственники.

11-го мая 1878 г. выѣхали мы съ Кавелинымъ изъ Петербурга съ вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ, и 12-го мая, около двухъ часовъ дня, были уже въ старой монастырской гостинницѣ Троицкой Лавры. Радостно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустно встрѣтился Кавелинъ съ своей сестрой и съ архимандритомъ Леонидомъ. Всѣ они очень постарѣли. Кавелинъ не былъ уже тѣмъ оживленнымъ сангвиникомъ, съ вьющимися волосами и пронизывающимъ насквозь взоромъ, какимъ онъ былъ въ 1861 году. Взоръ его потухалъ, но таилъ въ себѣ какую-то глубокую, скорбную думу. Курчавая прежде голова обнажилась, борода посѣдѣла, самъ онъ сгорбился, руки его дрожали. Во всей его фигурѣ замѣтно было какое-то утомленіе [1]). Воспоминанія лучшихъ дней оживляли его, и онъ не могъ вдоволь наговориться о миломъ и невозвратно прошедшемъ для него времени молодости. Дня 3—4 пробыли мы въ Троицкой Лаврѣ, въ которой Кавелинъ былъ первый разъ въ жизни. Мы вмѣстѣ съ нимъ подробно осматривали всѣ достопримѣчательности Лавры: ея соборы, ризницу, библіотеку, историческую монастырскую стѣну, выдержавшую борьбу съ польско-литовскими шайками въ 1609 г. и укрывшую въ себѣ отъ мятежныхъ стрѣльцовъ въ 1689 г. Петра Великаго, и, наконецъ, новѣйшія учрежденія Лавры: кельи митрополита Платона, монастырскую пекарню, иконописную школу, фотографію съ литографіей и т.-наз. Домъ Призрѣнія, находящійся внѣ стѣнъ монастыря, въ посадѣ [2]).

О своихъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ Лавры и ея учреж-

близъ Москвы, основаннаго патріархомъ Никономъ. Архимандритъ Леонидъ, знатокъ русскихъ и славянскихъ древностей, извѣстенъ въ ученомъ мірѣ многочисленными и весьма цѣнными въ научномъ отношеніи изслѣдованіями и критическими изданіями матеріаловъ по юго-славянской и русской церковной и политической исторіи и славяно-русской археологіи и исторіи литературы. Онъ состоитъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, въ „Чтеніяхъ“ котораго въ 70-хъ годахъ въ обиліи помѣщались его изслѣдованія, с.-петербургскаго и московскаго археологическихъ обществъ и общества любителей древней письменности и нѣсколькихъ славянскихъ ученыхъ обществъ.

[1]) Черты лица К. Д. Кавелина 1877—78 г. прекрасно переданы на портретѣ его, писанномъ Н. Я. Ярошенко.

[2]) Это учрежденіе, состоящее подъ умѣлымъ и энергичнымъ управленіемъ Елиз. Степ. Кротковой, носитъ скромное названіе Дома Призрѣнія, но въ сущности оно гораздо шире своего названія. Основанное на средства Троицкой Лавры, оно заключаетъ въ себѣ пять отдѣльныхъ заведеній: 1) странноприимную для приходящихъ богомолокъ, 2) богадельню для престарѣлыхъ женщинъ, 3) больницу, и 4) два отдѣльныхъ училища для мальчиковъ и дѣвочекъ.

деній, Кавелинъ передавалъ мнѣ ежедневно, въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній. Сводъ этихъ замѣчаній, почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, Кавелинъ изложилъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ѳ. Раденъ отъ 17-го сентября 1878 года.

„Меня поражаетъ здѣсь, какъ и въ Кіевѣ,—пишетъ онъ,—крайняя бѣдность историческихъ памятниковъ, живо переносящихъ въ старину. Такіе живые слѣды сохранились только отъ временъ митрополита Платона; по нимъ можно возстановить его замѣчательный образъ; тутъ кстати и его портретъ, за который можно поручиться, что онъ похожъ какъ двѣ капли воды. А отъ великой, могучей, политически-значительной фигуры св. Сергія, его отношеній къ Дмитрію (Донскому) и къ митрополиту Алексѣю не сохранилось почти ничего. Двѣ деревянныя чаши, въ которыхъ совершались дары, крашенинныя ризы, въ которыхъ онъ (св. Сергій) служилъ, простѣйшіе кожаные башмаки, въ которыхъ онъ умеръ, да сказаніе о томъ, что св. Алексѣй предлагалъ ему быть послѣ него митрополитомъ—вотъ, кажется, все самое характерное. Нѣсколько легендъ, сухихъ, аскетическихъ и некрасивыхъ, какъ почти всѣ наши легенды, свидѣтельствуютъ только о благоговѣніи къ нему современниковъ, не прибавляя ровно ничего къ его характеристикѣ.

„Теперь Лавра—и, кажется, давно уже—перерождается изъ народной святыни, которой стала, благодаря политической роли своей и своего основателя, въ учебное, воспитательное и благотворительное заведеніе, какъ Оптина пустынь—въ образцовую сельско-хозяйственную ферму. Это, безъ сомнѣнія, наилучшій исходъ для нашихъ обителей и пустынь. Въ Троицкой Лаврѣ есть рисовальная школа, т.-е., я хочу сказать, школа живописи, въ которой безличные, мертвые византійскіе лики образовъ, какъ когда-то въ Италіи, превращаются постепенно въ живыя человѣческія лица“... Затѣмъ Кавелинъ кратко упоминаетъ о другихъ заведеніяхъ при Лаврѣ и о Домѣ Призрѣнія.

Повидавшись въ Москвѣ съ остальными родственниками и нѣкоторыми изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, Кавелинъ уѣхалъ 18-го мая въ Иваново. Я отправился обратно въ Петербургъ доканчивать мои занятія въ архивахъ, а сестра Кавелина уѣхала въ Казань. Тяжело ей было разставаться съ любимымъ братомъ, съ которымъ ей больше и не пришлось свидѣться...

23-го мая 1878 г. Кавелинъ писалъ своей сестрѣ уже изъ Иванова:

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Согласно съ нашимъ условіемъ и съ твоимъ приказаніемъ,

пишу тебѣ изъ Иванова. Вотъ ужъ четвертый день, что я здѣсь, и только вчера успѣлъ немного отдохнуть—до того я измучился безпутною жизнью въ дорогѣ и по гостинницамъ. Прежде я крѣпко спалъ дорогой, а нынче почему-то не спалось. Къ довершенію всего вообрази мой ужасъ, когда въ Мценскѣ мнѣ подали, вмѣсто моего чемодана, какой-то сундукъ,—правда, очень приличный, но все-таки не мой! А у меня въ чемоданѣ были документы, бумаги и письма, которыя были мнѣ нужны до зарѣза, и которыхъ потеря была бы невознаградима. Къ счастію, все окончилось благополучно, и мой чемоданъ мнѣ возвращенъ третьяго-дня.

„Въ деревнѣ я нашелъ все въ добромъ порядкѣ. Всходы порядочные, кромѣ пшеницы, которая плоха. Но за день до моего пріѣзда прошелъ сильный дождь, который много справилъ въ полѣ. Послѣ моего пріѣзда опять начались дожди, которые продолжаются и до сихъ поръ, вотъ ужъ три дня. Крестьяне ликуютъ. Вчера получилъ телеграмму, что семейство Коршъ пріѣдетъ сюда 26-го мая, т.-е. черезъ три дня. Я этому очень радъ. Не будетъ такъ пусто и такъ одиноко въ домѣ.

„Нашъ семейный съѣздъ въ Москвѣ прошелъ какъ сонъ, какъ проходитъ вся наша жизнь. Давно ли мы были молоды, веселы, не знали ни горя, ни печали, ни заботы? А теперь мы старики, съ недочетами въ волосахъ и зубахъ. И сколько горя прошло черезъ душу! Сколько самыхъ тяжелыхъ утратъ! Еслибъ не привычка къ труду, къ исполненію долга, кажется, разсыпался бы давно и ничего бы не сталъ дѣлать! Только и поддерживаетъ—трудъ, долгъ, невозможность жить въ праздности.

„Теперь жду съ минуты на минуту привоза моихъ книгъ изъ Петербурга и примусь за окончаніе курса гражданскаго права, который начну съ осени въ военно-юридической академіи. А когда станетъ лѣто, въ концѣ іюня, выберу хорошее жаркое время и начну пить воды...

„Меня радуетъ, что мое хозяйство идетъ очень, очень порядочно. Скотъ великолѣпенъ, телятки, 30 штукъ, восхитительны, поля въ отличномъ видѣ, въ домѣ все благоустроено, школы идутъ очень хорошо. Чего никогда не бывало—дѣвочки и малыя дѣти до сихъ поръ ходятъ учиться, по требованію родителей. 8 человѣкъ готовятся къ экзамену на свидѣтельство, т.-е. на право служить 2 года меньше противъ срока. Я ѣзжу теперь въ деревню на радость. Отъ своихъ еще не имѣю подробныхъ вѣстей. Должно быть еще не переѣзжали изъ Петербурга на берегъ моря“...

Мнѣ онъ писалъ изъ Иванова слѣдующее:

„4 іюля 1878 г.—Письмо твое очень меня порадовало столько же своимъ содержаніемъ, сколько и тѣмъ, что я, наконецъ, получилъ о тебѣ хоть какія-нибудь вѣсти. Нѣсколько мѣсяцевъ ты точно въ землю провалился, и я не зналъ, чему это приписать.

„Лекціи свои я набросалъ вчернѣ совсѣмъ. Курсъ есть, и будетъ что читать. Вслѣдъ затѣмъ началъ критически читать сводъ законовъ гражданскихъ съ выписками всего, что мнѣ нужно посреди массы хлама. Придется пройти такимъ образомъ томовъ 9, въ которыхъ много матеріала для курса. Въ остальныхъ его тоже немало, но ужъ далеко не столько. Въ годъ времени, если не случится ничего особеннаго и буду здоровъ, я съ этими 9-ю томами справлюсь и буду въ состояніи выработать порядочный, въ научномъ отношеніи, курсъ, хоть въ обстоятельной программѣ.

„Другое дѣло, которое меня очень интересуетъ, это измѣненіе трехъ полей у ивановскихъ мужиковъ. Сверхъ моего ожиданія, это дѣло подвигается и понемногу зрѣетъ. Когда-нибудь опишу тебѣ подробно, въ чемъ суть, какъ идетъ дѣло и отчего я такъ восхищаюсь, видя, что оно двигается.

„Сдается мнѣ, что нынѣшняя зима въ Петербургѣ будетъ не такая безцвѣтная, какъ всѣ послѣднія. Не можетъ быть, чтобы исходъ войны, разоблачившій много... не вынудилъ людей тряхнуть мозгами. Идти въ старой колеѣ невозможно, и это непремѣнно отзовется въ разговорахъ и печати, какъ ее ни души. А разъ болото заколеблется, выйдутъ свѣжія силы и новые люди, скрывающіеся теперь подъ спудомъ, и въ которыхъ у насъ недостатка никогда не бывало. Это доказала и нынѣшняя война... Намъ нужны вовсе не либеральныя учрежденія политическія, а такія, при которыхъ законъ не былъ бы пустымъ словомъ, и здравый смыслъ, интересы страны—не преслѣдовались бы систематически, какъ какія-нибудь преступленія. Какъ и когда мы этого достигнемъ —не знаю; но что въ этомъ направленіи должна будетъ теперь снова развиваться русская общественная и государственная жизнь —это не подлежитъ теперь для меня ни малѣйшему сомнѣнію“.

II.

Въ теченіе 1880 и 1881 гг. Кавелинъ, слѣдуя своему обычному воззрѣнію, „топилъ жизнь въ дѣятельности“, хотя личные вопросы, помимо его воли, осаждали его. Онъ поглощенъ былъ заботами о внукахъ и новой семьѣ Брюлловыхъ, въ которой Кавелинъ привязался всѣми силами своей любящей души.

Другою его сильною привязанностью за это время является военно-юридическая академія, въ слушателяхъ которой онъ нашелъ юношескій откликъ лучшимъ своимъ душевнымъ стремленіямъ. Письма Кавелина за эти года ко мнѣ и къ его сестрѣ полны подробностей о его житейскихъ обстоятельствахъ и объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ, и живо передаютъ состояніе его души, все болѣе и болѣе утомлявшейся жизнью... Представляю выдержки изъ важнѣйшихъ писемъ того времени къ намъ:

3-го іюня 1880 г. Юденки.

„Я передъ всѣми вами крѣпко виноватъ, милые, дорогіе мои друзья! Безконечное количество времени вамъ не писалъ, тогда какъ, видитъ Богъ, часто объ васъ вспоминалъ съ сердечной дружбой и горькими упреками себѣ. У меня есть одна странность, съ которой я никогда не могъ справиться, какъ съ нею ни боролся: когда у меня на рукахъ какое-нибудь скучное дѣло, я его отъ себя отпихиваю до послѣдней возможности, а между тѣмъ хандрю и ничего другого не дѣлаю. Это случилось со мною нынѣшней зимой. Прислали мнѣ изъ департамента дѣло, надъ которымъ... пришлось трудиться разъ пять и каждый разъ передѣлывать все съизнова, больше по части прополаскиванія редакціи. Надоѣло и опротивѣло мнѣ это проклятое дѣло до того, что у меня чуть-чуть не дѣлались судороги, когда я объ немъ вспоминалъ. И вотъ я захандрилъ, какъ про русскихъ людей говорятъ, что-де запилъ; остановилъ всѣ другія дѣла, въ томъ числѣ и всю переписку. Наконецъ, съ остервенѣніемъ и отчаяніемъ принялся за проклятую работу и раздѣлался съ нею только 17-го мая; 18-го полетѣлъ въ Москву, гдѣ были кой-какія дѣла, а 22-го, въ 6 часовъ вечера, пріѣхалъ въ Иваново. Въ Москвѣ началъ сгоряча письмо къ С. о „Мефистофелѣ“ Антокольскаго, которое прочтете, вѣроятно, въ іюльской книжкѣ „Вѣстника Европы“; въ Ивановѣ, кромѣ занятій по хозяйству, проработалъ надъ этимъ письмомъ до 1-го іюня. Между тѣмъ получилъ отъ Марьи Ѳедоровны [1]) письмо, что братъ Александръ плохъ, страдаетъ разстройствомъ сердца и врядъ ли долго протянетъ. Покончивъ съ экзаменомъ на свидѣтельство въ моихъ двухъ школахъ, я 2-го поѣхалъ въ Юденки [2]), откуда и пишу это письмо къ вамъ. У меня гора съ плечъ свалится, когда оно пошлется въ Казань. Я тогда выполню не фор-

[1]) М. Ѳ. Бѣлкина, свояченица Александра Дмитр. Кавелина.

[2]) Имѣніе Ал. Дм. Кавелина.

мальный долгъ, а долгъ сердца и дружбы, а такіе долги меня всегда очень безпокоили“ [3])...

6-го іюня. Иваново.

„...Моя профессура идетъ своимъ чередомъ и также успѣшно. Съ слушателями и товарищами по службѣ полное и совершенное единодушіе. Мы передѣлали расположеніе курса такимъ образомъ, чтобы преподаваніе шло въ извѣстной послѣдовательности—сначала преподавались предметы, дающіе общее понятіе о юридическихъ наукахъ, затѣмъ шли основные предметы, а подъ конецъ прикладные. Вслѣдствіе этого курсъ раздѣленъ на полугодья, и по новому росписанію мнѣ придется читать съ января по май, по 8 часовъ въ недѣлю. Первое полугодіе пройдетъ на приготовленіе лекцій, второе—на ихъ чтеніе...

„...Во время пребыванія своего въ Москвѣ, гдѣ пробылъ три дня, познакомился съ молодыми профессорами. Давно уже слышалъ, что тамъ подобралась на каѳедрахъ порядочная молодежь, и мнѣ хотѣлось когда-нибудь завязать съ ними сношенія. Случай представился: меня избрали въ члены коммиссіи, которая должна присудить Самаринскую премію. Это дало мнѣ поводъ видѣть кружокъ молодыхъ профессоровъ. М. М. К. пригласилъ меня вечеромъ къ себѣ, и тутъ я увидалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ томъ числѣ А. И. Ч. Мнѣ эта компанія очень пришлась по душѣ, особенно самъ хозяинъ, К. и Ч. Изъ вашихъ знакомыхъ тутъ были гр. К. и Т., который много разспрашивалъ о васъ. Ч.—прелесть... Я въ него просто влюбился... Довольно на него взглянуть, чтобы почувствовать къ нему невольное влеченіе. Ему лѣтъ 30 и... столько въ немъ симпатичности и простоты, что невозможно съ нимъ не сойтись съ нѣсколькихъ словъ. Я помолодѣлъ лѣтъ на 20 въ этомъ милѣйшемъ кружкѣ; вопреки привычекъ, сложившихся многими годами, ушелъ далеко за полночь, и теперь не могу, безъ особеннаго удовольствія, вспомнить объ этой бесѣдѣ,—точно она происходила въ дни молодости. Настроеніе этого кружка живо мнѣ напомнило времена Грановскаго et Cie....

„...Видѣлся въ Москвѣ съ Юрьевымъ, редакторомъ „Русской Мысли“, но на очень короткое время. Осенью нарочно пріѣду въ Москву дня на четыре, чтобы повидаться со всѣми и перетолковать хорошенько. Тамъ, послѣ долгаго промежутка летаргіи, опять какъ будто занимается заря умственной жизни и дѣятельности. Вездѣ какъ будто начинаетъ отлегать, и хотя... мракъ всюду глубокій, но чувствуется, что дѣло идетъ къ утру. Любо-

[1]) Ал. Дм. Кавелинъ † 13 іюня 1880 г.

пытно, что̀ принесетъ будущая зима. Прошлыя двѣ были... нестерпимыя, по какой-то мрачной сдавленности, близкой къ отчаянію; вездѣ и на всѣхъ была печать томленія и адской скуки и безнадежности, напоминавшая вторую половину 48-го и послѣдующіе годы, до крымскаго разгрома. Хуже времени и представить себѣ нельзя"...

Весной 1880 г. я напечаталъ въ Казани мою докторскую диссертацію: „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны". Въ письмѣ ко мнѣ отъ 11-го іюля того же года, передавая свой отзывъ о моей книгѣ, Кавелинъ высказываетъ, между прочимъ, нѣсколько общихъ мыслей о задачахъ исторіи и о развитіи верховной власти въ Россіи. Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ мыслей:

„...У насъ, за недостаткомъ фактовъ и критики, каждый вынужденъ, волей-неволей, составить себѣ извѣстный взглядъ. Онъ можетъ быть невѣренъ, но можетъ быть самъ въ себѣ выработанъ и законченъ, и въ этомъ смыслѣ крайне полезенъ для послѣдующихъ работъ, какъ точка для сравненія и какъ освѣщеніе, которое указываетъ, въ какую сторону должны быть направлены изслѣдованія... Исторія, если ты глубже въ нее всмотришься, есть вѣчное и всегдашнее переплетеніе общихъ законовъ,—которые дѣйствуютъ какъ рокъ, какъ судьба или, если хочешь, какъ провидѣніе,—и законовъ личнаго, индивидуальнаго существованія. Первые и составляютъ фонъ картины. Самодержавіе началось въ Великороссіи съ незапамятныхъ временъ и продолжается до сихъ поръ. Не доказательство ли это, что оно имѣетъ глубокія причины въ общихъ условіяхъ нашего существованія?.. Бироновщина, господство нѣмцевъ—не было даже продуктомъ самодержавія, а плодомъ сближенія полудикаго народа съ народомъ, опередившимъ насъ въ культурѣ. Вѣдь это послѣ человѣкъ сознательно принимаетъ вліянія, а сначала школьникъ обожаетъ своего учителя и подпадаетъ подъ господство не принципа или культуры, которую онъ съ собой несетъ, а его самого.

„На этомъ общемъ фонѣ, въ его условіяхъ, шла жизнь людей. Передовымъ умамъ, просвѣщеннѣйшимъ людямъ были непонутру послѣдствія господствующаго принципа, который въ жизни осложнялся особенностями нравовъ, степени культуры и личными свойствами людей. Прибавь и то, что эти передовые люди, въ свою очередь, не съ неба свалились, а выросли въ данныхъ условіяхъ, которыя играютъ великую, рѣшающую роль въ томъ, съ какой точки зрѣнія они становились сторонниками принципа ограниченія самодержавной власти. Человѣкъ родови-

тый, считавшійся съ Романовыми старшинствомъ происхожденія, русскій служилый человѣкъ-патріотъ, наконецъ вкусившій отъ европейскихъ идей изъ книгъ или личнаго опыта — совсѣмъ различнымъ образомъ относились къ самодержавію. Всѣ они протестовали противъ него, но протестъ ихъ былъ различенъ. Иной былъ предвкушеніемъ того, что совершилось гораздо позднѣе... иной осужденъ исторіей навсегда и не имѣетъ ни малѣйшей будущности. Бываетъ и то, что одинъ и тотъ же человѣкъ соединяетъ въ себѣ оба рода протестовъ разомъ; бываетъ, что благороднѣйшія личности, стремясь къ лучшему и предчувствуя его, формулируютъ свой протестъ противъ настоящаго въ старыхъ формахъ, уже отжившихъ и осужденныхъ исторіей. Нельзя имъ лично не сочувствовать; сердце разрывается, читая горестную лѣтопись ихъ злосчастной судьбы! Бываетъ и наоборотъ, что самыя презрѣнныя личности, возмущающія душу своимъ негоднымъ личнымъ характеромъ, дѣлаютъ дѣло исторіи. Надо умѣть отличать одно отъ другого; произнося судъ, не терять ни на минуту изъ глазъ и той, и другой стороны событій и личной дѣятельности. Именно исторія и учитъ насъ отличать общее отъ частнаго, личнаго и индивидуальнаго, и схватывать въ общей картинѣ и то, и другое вмѣстѣ“...

. . . . . .

„...Часто погибали правые, заявившіе принципъ слишкомъ рано; часто погибали превосходныя, выдающіяся личности только потому, что защищали отжившіе принципы. Слишкомъ часто исторія подвигалась впередъ отвратительными путями и посредствомъ омерзительныхъ личностей. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать также, что принципы проводятся въ исторіи не съ одной своей казовой, идеальной стороны, а какъ дѣйствительная сила, которая никогда не церемонится и ломаетъ все, что ей встрѣтится на пути. Въ этомъ—трагизмъ и драматизмъ исторіи“...

4-го октября 1880 г. Кавелинъ писалъ мнѣ изъ Петербурга:

„...Мы вообще этимъ страдаемъ: идеалъ, который не можетъ быть осуществленъ—именно потому, что онъ идеалъ—въ головѣ, и отчаяніе, что его въ дѣйствительности нельзя осуществить; за симъ хандра, опусканіе рукъ и бросаніе всякаго дѣла. Толкуемъ мы о европейской цивилизаціи, а сами—азіаты, наклонные къ буддистической нирванѣ, къ факирству и созерцанію кончика носа, вмѣсто пониманія дѣйствительности и борьбы съ нею...

„...Я напечаталъ лѣтомъ, въ іюлѣ, замѣтку о „Мефистофелѣ“ Антокольскаго, гдѣ касаюсь любимаго моего вопроса о нрав-

ственности [1]). Написалъ разборъ книги Пахмана—обычное русское гражданское право для коммиссіи, присуждающей самаринскую премію; статью о представительствѣ, которая не можетъ быть напечатана, несмотря на то, что я высказываюсь въ ней противъ конституціи на европейскій ладъ; замѣтку о введеніи крестьянами многополья и травосѣянія. Вчера отправилъ въ „Вѣстникъ Европы" открытое письмо къ Достоевскому по поводу его рѣчи о Пушкинѣ и полемики съ Градовскимъ. Тутъ разбираю и вопросъ о нравственности и общественныхъ идеалахъ, и доктрины старыхъ и новыхъ славянофиловъ и западниковъ, и вліяніе восточнаго и западнаго христіанства на воззрѣнія, быть и нравы людей и т. п. Надѣюсь, что вызову полемику. Надо объясниться по важнѣйшимъ вопросамъ и вытащить полемику русскую изъ грязи, въ которой она теперь купается по уши"...

Въ тотъ же день, 4-го октября 1880 г., онъ писалъ своей сестрѣ:

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Состарѣлись мы оба съ тобою! Я совсѣмъ лысый (возвышенное чело!), борода сѣдая, силъ много меньше, но все еще бодрюсь, хлопочу, работаю и интересуюсь многимъ...

„...Мы съ тобой доживаемъ свой вѣкъ, а Россія, кажется, собирается переродиться. Новое время стучится во всѣ двери... Люди, выступающіе на сцену, безъ сомнѣнія, честные и искренно желающіе добра; но ихъ умѣнью, знанію Россіи, пониманію положенія, я не довѣряю. Qui vivra—verra! Что-то все очень легковѣсно стало. А положеніе крайне серьезное"...

Нѣсколько позже и я получилъ отъ него письмо:

26-го ноября 1880 г. С.-Петербургъ.

„Прости, что не писалъ вамъ такъ долго. Запустилъ, по обыкновенію, множество дѣлъ, работая надъ одной запиской. Теперь свалилъ эту штуку съ плечъ и поосвободился. Не знаю, говорилъ ли тебѣ, что я давно помышлялъ о введеніи въ гимназическій курсъ, въ высшемъ классѣ, пропедевтики нравственно-общественно-юридическо-политическихъ наукъ (т.-е. соціологіи), чтобы дать юношамъ самыя общія понятія о томъ, что́ каждый человѣкъ долженъ знать и чего у насъ никто не знаетъ... Еще въ прошломъ году я составилъ объ этомъ записку по случаю пересмотра курса военныхъ училищъ, а теперь написалъ программу мотивированную, въ родѣ введенія въ курсъ. Если военный министръ одобритъ эту послѣд-

[1]) Напеч. въ „Вѣстн. Европы" 1880 г., кн. 7.

нюю работу, то я стану хлопотать о принятіи предмета и въ гимназическій курсъ, благо и онъ долженъ же когда-нибудь измѣниться. Можетъ быть, поведу пропаганду своей мысли и въ печати...

„...Нынче осенью мнѣ было предложено ѣхать попечителемъ учебнаго округа въ Дерптъ. Я отказался. Съ Сабуровымъ служить было бы очень пріятно, и задача—вести дерптскій округъ—очень благодарная; но положеніе настолько еще не выяснилось, что принять это предложеніе было очень рискованно; кромѣ того, я имѣю личныя причины не принимать вообще никакихъ предложеній и оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь...

„...Собираюсь писать много разныхъ вещей: о крестьянскомъ вопросѣ, о книгѣ Пахмана—обычное право, критику нашего наслѣдственнаго и семейнаго права, не говоря о задачахъ этики, которыя продолжаютъ меня занимать по прежнему. Но теперь эту прыть надо будетъ окоротить. По новому росписанію лекцій въ военно-юридической академіи я первое полугодіе не читалъ, а второе буду читать, вмѣсто 4-хъ, по 8-ми лекцій въ недѣлю; стало быть, за приготовленіемъ къ лекціямъ, много свободнаго времени не останется.

„Я впрочемъ радъ утопить время въ разнаго рода работахъ, чтобы не видѣть, какъ оно идетъ. Считаю дни, когда можно будетъ опять отправиться въ деревню. Весна, деревня—имѣютъ на меня и мое здоровье волшебное дѣйствіе. Я оживаю. Здѣсь пестрота, раздражающаго пропасть, а не живешь. Теперь почти 3 мѣсяца прошли,—осталось еще до деревни $5^1/_2$. Длинно: надѣюсь, пройдутъ незамѣтно.

„Читаешь ли ты мои произведенія, письмо Достоевскому, письма изъ „Медвѣжьяго угла“? [1]) И то, и другое принято хорошо. За Достоевскаго ругали—не за мысли, которыя высказываю, а за то, какъ я смѣлъ говорить о Достоевскомъ какъ о порядочномъ человѣкѣ! Я-де долженъ былъ протрактовать его совершенно наоборотъ. Достоевскій, какъ и Аксаковъ—немножко к.....; но это не мѣшаетъ имъ во многомъ быть правыми. Но этого никакъ не хотятъ признать. Я стараюсь быть по возможности внѣ партій, и до сихъ поръ не имѣлъ случая въ этомъ раскаиваться. Время слишкомъ серьезное, чтобы увлекаться въ ту или другую сторону“...

---

[1]) Первое помѣщено въ „Вѣсти. Европы“ 1880 г., кн. 11-я; второе—въ „Русской Мысли“ того же года, кн. 11-я.

30-го декабря 1880 г.

„Я получилъ ваши милыя письма и спѣшу отвѣчать. Поздравляю васъ и сестру съ праздниками, хотя отъ новаго года я ничего путнаго не жду...

„...Сегодня выправляю окончательно и отдаю въ переписку статью для Вѣстника Европы: „Крестьянскій вопросъ". Это будетъ развитіемъ извѣстной тебѣ темы, что Россія — мужицкое царство. Хотѣлось бы для газеты „Порядокъ" написать статью въ фельетонъ объ Аксаковѣ, съ мотто: „То былъ вѣкъ богатырей, но смѣшались шашки, и полѣзли изъ щелей мошки да букашки". Славянофилы окончательно вылиняли (какъ и западники)"...

24-го апрѣля 1881 г.

„Любезный другъ и сестра Sophie! Поздравляю тебя съ минувшими праздниками. Прости, что рѣдко пишу. Во вторую половину года читалъ въ академіи по 8 часовъ лекцій въ недѣлю, что въ мои лѣта утомительно; а съ марта никому не писалъ — такъ былъ пораженъ и потрясенъ событіями. Положеніе, очень запутанное и прежде, еще болѣе съ тѣхъ поръ запуталось, и какъ, когда распутается — никто не въ состояніи предсказать. Для молодости это открываетъ широкіе горизонты въ будущемъ; для насъ это только предметъ безпокойства, тревоги и хандры. Очень бы хотѣлось мирно и безмятежно прожить остальные годы, а вотъ именно этого и не даетъ судьба. Такъ, видно, всю жизнь до конца и промаячишься...

„...Беру моихъ внучатъ въ деревню, куда отправляюсь 14-го мая. Еслибы могъ, бросилъ бы службу и жилъ бы 8 мѣсяцевъ въ деревнѣ и 4 въ Питерѣ...

„...Я здоровъ, продолжаю работать и печататься. Но ни прежней живости, ни прежнихъ силъ, разумѣется, нѣтъ. Недавно упалъ на улицѣ на спину и здорово расшибся. Спина теперь не болитъ, но вытянутыя связки въ плечѣ даютъ себя сильно чувствовать, и я до сихъ поръ хожу съ повязкой. Говорятъ, раньше 2-хъ мѣсяцевъ врядъ ли починюсь"...

Въ началѣ мая 1881 г. я получилъ отъ Кавелина большое письмо, писанное въ теченіе нѣсколькихъ дней (24—27 апрѣля). Въ немъ онъ рѣзко и весьма преувеличенно нападаетъ на сословныя притязанія русскаго дворянства, а затѣмъ, обращаясь къ нѣкоторымъ несогласіямъ его воззрѣній съ моими, пишетъ слѣдующее:

„Ты знаешь, что въ наше время близость и дружба обуслов-

ливаются не родственными связями, не знакомствомъ съ дѣтства, не однокашничествомъ, привычкой и т. п., а нравственными свойствами и одинаковостью—не убѣжденій, чаяній и стремленій, а почвы, на которой стоятъ люди, точкой отправленія ихъ чувствъ и сужденій. Что бы меня ни связывало съ В***, Катковымъ, Д. Т. и Наполеономъ III или Бисмаркомъ съ колыбели, я бы не могъ быть съ ними другомъ и близкимъ. Я понимаю всякій образъ мыслей, начиная отъ самыхъ крайнихъ и оканчивая принципіальнымъ крѣпостничествомъ; могу даже быть съ представителями такихъ воззрѣній близкимъ и глубоко имъ лично сочувствовать, не раздѣляя ихъ образа мыслей и образа дѣйствій, если я только глубоко убѣжденъ, что въ основаніи ихъ воззрѣній лежитъ одинаковое со мною желаніе общаго блага и блага Россіи въ особенности: я буду отвергать только ихъ доктрину, какъ заблужденіе. Но ни В***, ни Каткова, ни К—го, ни С—на и имъ подобныхъ я не могу принять въ свою близость и дружбу, хотя и могу съ ними болѣе или менѣе часто соглашаться и идти рука объ руку"...

„...Въ хаосѣ, который теперь господствуетъ у насъ, нельзя опредѣлить, кто консерваторъ, кто либералъ, потому что каждый имѣетъ свою мѣрку. Подождемъ поступковъ — увидимъ, что будетъ. У насъ ходятъ разные слухи о томъ, будто бы предположены и даже рѣшены въ принципѣ разныя перемѣны въ административныхъ порядкахъ, съ цѣлью придать высшему управленію болѣе единства и цѣльности въ направленіи дѣлъ. Ходятъ также слухи о призывѣ отъ городовъ и земствъ выборныхъ въ разныя коммиссіи для выработки законопроектовъ по разнымъ частямъ. En attendant, печать остается въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Вообще реакціи нѣтъ, а неопредѣленность и неизвѣстность—полнѣйшія.

„Ты мнѣ мало пишешь о своей женѣ. Вѣрно закопалась въ семью, въ домъ, въ хозяйство, т.-е. дѣлаетъ серьезное дѣло... И отлично она это дѣлаетъ! Крѣпко пожми ей отъ меня руку и скажи, что какъ давно прежде, такъ и теперь, я думаю, что наши молодыя женщины и дѣвушки гораздо полезнѣе, умнѣе и толковѣе ведутъ дѣла, чѣмъ наша братья—мужчины. Я ими любуюсь. Имъ принадлежитъ будущность; а мы выбьемся на настоящую дорогу гораздо позднѣе, а можетъ быть и совсѣмъ насъ надо въ сломку и ждать порядочнаго отъ дѣтей, которыхъ нарожаютъ новыя женщины. Даже бабы въ деревняхъ и дѣвочки крестьянскія—и въ тѣхъ больше толку и смыслу, чѣмъ у мужиковъ и мальчиковъ. Такая ужъ полоса идетъ".

14-го сентября 1881 г. Кавелинъ писалъ мнѣ:

„Я виноватъ передъ тобой, твоей женой и матерью. *Никакихъ* моральныхъ причинъ не писать вамъ всѣмъ не было, и было много, напротивъ, чтобы хоть отвѣтить на ваши дружескія посланія. Но я этого не сдѣлалъ по свойству, которое ты давно знаешь во мнѣ. Разъ что-нибудь запустилъ—и не рѣшаешься приниматься, а между тѣмъ на душѣ кошки скребутъ и гадко. А кромѣ того водится за мной и такой грѣхъ: когда я чѣмъ-нибудь занятъ, я ужъ ни за что другое не могу приняться, хотя бы рѣчь шла о письмѣ въ 5 строкъ. Нынѣ же лѣтомъ я былъ сильно занятъ. Сначала спѣшилъ окончательно исправить статьи о крестьянскомъ вопросѣ, которыя напечатаны въ августовской и сентябрьской книжкахъ „Вѣстника Европы“, а потомъ написалъ еще продолженіе и конецъ той же статьи, листовъ 6 печатныхъ, которые появятся въ „Вѣстникѣ Европы“ въ нынѣшнемъ году. Это заняло у меня, при извѣстномъ тебѣ перемарываніи и передѣлываніи статей по нѣсколько разъ, почти все лѣто, до 12-го августа. А остальное время я былъ занятъ—если возможно, еще больше—имѣніемъ. Мой управляющій сталъ запивать, самодурничать, не исполнять моихъ распоряженій, относиться къ дѣлу очень невнимательно, и я долженъ былъ его замѣнить другимъ. Сдача имѣнія, пріисканіе другого подходящаго человѣка, необходимость ввести его во всѣ детали хозяйства, необходимость свести къ концу всѣ счеты и дѣла прежняго управленія—все это взяло столько времени, что я работалъ, не разгибая спины, даже по вечерамъ, чего не дѣлаю уже десятки лѣтъ; уѣхалъ изъ деревни не 27-го, а 29-го августа, и пріѣхалъ въ Петербургъ исхудалый и усталый [1]).

„Вотъ почему никому изъ васъ я не писалъ. Не сердитесь на меня и простите...

---

[1]) Еще въ 1878 г. Кавелинъ задумалъ завести въ Ивановѣ сыроварню, которая, по его соображеніямъ, должна была принести ему значительный доходъ, но вышло совершенно наоборотъ. Сначала дѣло это пошло на-ладъ, но къ 1883 году оно совсѣмъ расклеилось. Привожу въ доказательство нѣкоторые отрывки изъ писемъ Кавелина за 1884 годъ: „Съ сыромъ у меня большія неудачи и непріятности,—пишетъ мнѣ Кавелинъ 4-го апрѣля 1884 года. — Сыроваръ свѣтренничалъ, непростительно небрежно велъ дѣло, и сыръ, слишкомъ 500 пудъ, вышелъ никуда негодный. На этомъ я потерпѣлъ убытокъ въ нѣсколько тысячъ... Потерплю его еще годъ, а потомъ, если то же повторится, возьму другого“. 5-го августа того же года Кавелинъ писалъ: „...Собираюсь значительно сократить скотный дворъ... очень дорого онъ стоитъ... Подумываю о сдачѣ сыроварни въ аренду: нельзя ежегодно вкладывать деньги въ имѣніе и входить въ долги!“

„...Читалъ ли ты мои письма въ „Порядкѣ“ [1]) и статьи „О крестьянскомъ вопросѣ“ въ „Вѣстникѣ Европы“ [2])? Здѣсь и кое-гдѣ въ провинціи, какъ мнѣ говорили, эти статьи по крестьянскому вопросу произвели впечатлѣніе и читались много. Продолженіе ихъ въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, надѣюсь, живо заинтересуетъ многихъ. Въ нихъ трактуется: объ усовершенствованіяхъ крестьянскаго хозяйства, о долгосрочномъ и краткосрочномъ кредитѣ крестьянамъ и страхованіи, о крестьянскомъ управленіи и отношеніяхъ его къ земскимъ и правительственнымъ учрежденіямъ, о народномъ образованіи, о мѣрахъ къ проведенію крестьянской реформы. Кромѣ того, особая глава посвящена полемическому выясненію моихъ взглядовъ на роль крестьянства въ Россіи и на ходъ нашего внутренняго развитія съ общечеловѣческой точки зрѣнія. Тутъ высказываются мысли тебѣ давно извѣстныя. Всѣ эти статьи уже совершенно готовы и сданы въ редакцію „Вѣстника“. Очень любопытно бы знать, какъ судятъ объ этой серіи статей у васъ, въ Казани?

„У насъ положеніе самое неопредѣленное и невыясненное. Новые люди, выступившіе и выступающіе на сцену, сортомъ много пониже сошедшихъ съ нея. Общее настроеніе то, что они скоро окажутся несостоятельными и будутъ замѣнены другими. Сама жизнь, само дѣло должны къ тому привести. Но когда это будетъ,—трудно рѣшить.

„Я участвовалъ въ предварительныхъ или подготовительныхъ совѣщаніяхъ по вопросу объ уменьшеніи пьянства, о которомъ будутъ разсуждать эксперты изъ земцевъ, вызванные на 20-е сентября. Что-то они скажутъ? Мнѣ сдается, что пока не будутъ преобразованы государственныя учрежденія по общему плану, и пока все законодательство не подвергнется такой же коренной передѣлкѣ, до тѣхъ поръ всѣ прочія мѣры по той или другой части не приведутъ ни къ чему. Точно также я глубоко убѣжденъ, что пока крестьянскій вопросъ не будетъ положенъ въ основаніе всѣхъ реформъ, пока онъ не будетъ признанъ исходной точкой всѣхъ административныхъ, законодательныхъ и политическихъ соображеній, до тѣхъ поръ положеніе наше не начнетъ улучшаться. Весь узелъ вопроса—въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ поднятіи крестьянства“...

---

[1]) „По дорогѣ“, замѣтки и впечатлѣнія, „Порядокъ“, 1881 г., № 149, и „Изъ деревни“, ibid., №№ 162, 174.

[2]) Помѣщ. въ „Вѣстн. Европы“, 1881 г., кн. 8, 8—12. Отд. изд., Спб., 1882 г.

Въ концѣ марта 1882 г. въ петербургскихъ газетахъ, преимущественно въ „Голосѣ", стали появляться извѣщенія о болѣзни Кавелина, которыя меня сильно тревожили своею неопредѣленностью. За невозможностью ѣхать немедленно въ Петербургъ, я долженъ былъ ограничиться заочными сношеніями съ людьми, близкими Константину Дмитріевичу. Изъ телеграммъ и переписки съ ними выяснилось, что болѣзнь Кавелина состояла въ злокачественной опухоли на затылкѣ, называемой въ просторѣчіи карбункуломъ. Началась болѣзнь 7—8 марта и долго не поддавалась точному опредѣленію. Лѣта Кавелина и его тѣлосложеніе усложняли болѣзнь и порождали опасенія среди его друзей.

Я не рѣшался долѣе медлить, и 28-го мая выѣхалъ изъ Казани. 30-го я былъ уже у больного...

Я засталъ Кавелина выздоравливающимъ, но непокидающимъ еще постели; только разъ или два въ день дозволялось ему, при посторонней помощи, сдѣлать нѣсколько шаговъ по комнатѣ, но и этотъ умѣренный моціонъ его утомлялъ — такъ онъ былъ слабъ физически! Зато голова его была совершенно свѣжа, и мысль отличалась необыкновенною ясностью. Лежа въ постели, онъ постоянно работалъ головой, обдумывая цѣлый рядъ затѣянныхъ имъ статей и живо интересуясь политическими вопросами. Самымъ крупнымъ событіемъ изъ внутренней политики за это время было увольненіе отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ Н. П. Игнатьева...

Болѣзнь Кавелина вызвала общее сочувствіе въ Петербургѣ, и его квартира (въ 7-й линіи Васильевскаго Острова, въ домѣ Костицына) ежедневно осаждалась массой посѣтителей, принадлежавшихъ къ самымъ разнообразнымъ слоямъ столичнаго общества. Это общее вниманіе очень его трогало.

Я уѣхалъ изъ Петербурга 5-го іюня, когда даже тѣнь опасности въ положеніи Кавелина миновала. Въ теченіе іюня и половины іюля онъ писалъ мнѣ весьма часто, но то были коротенькія записочки, большею частію открытыя письма, подробно излагавшія ходъ его выздоровленія. Болѣзнь его обновила; въ немъ замѣчалась прежняя его бодрость, прежняя духовная энергія. Расположеніе духа его послѣ выздоровленія прекрасно выражается въ слѣдующихъ двухъ его письмахъ:

16-го іюля 1882 г. Павловскъ.

„Я получилъ ваши два письма, любезнѣйшіе мои друзья, и отвѣчаю на нихъ посреди приготовленій къ отъѣзду въ деревню. Наконецъ-то, 13-го іюля, послѣднія двѣ раны на шеѣ закры-

лись, сегодня беру ванну въ первый разъ, 18-го послѣ обѣда уѣзжаю въ Петербургъ, 20-го, вѣрнѣе 21-го, ѣду въ Иваново, гдѣ пробуду до 19-го августа; 19-го пускаюсь въ обратный путь, чтобы поспѣть къ 22-му въ Петербургъ. Надо прочесть нѣсколько дополнительныхъ лекцій въ военно-юридической академіи, потомъ проэкзаменовать офицеровъ своего курса, такъ чтобы съ сентября они были совершенно свободны и могли заняться лекціями 2-го курса. Я же, если буду свободенъ, проведу конецъ августа и сентябрь, пока позволитъ погода, въ Павловскѣ...

„...Что я починился совсѣмъ, лучшимъ доказательствомъ служитъ, что ко мнѣ вполнѣ возвратилась die Lebensfreude, и руки чешутся писать. Правду и то сказать: время преинтересное, какого давно не было. Исторія несется на парахъ къ новому періоду развитія. Рядомъ съ небывалою и отвратительною гнилью, слышатся живые голоса и замѣчаются факты, свидѣтельствующіе о приближеніи новаго времени и новаго синтеза. Не помню, писалъ ли я вамъ объ одномъ изъ знаменій времени,—объ исповѣди гр. Льва Толстого, запрещенной духовной цензурой и обращающейся въ рукописи? Это, по мнѣ, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій по смѣлости и искренности, хотя я съ постановкою вопроса и выводами Толстого не согласенъ отъ *A* до *Z*. Но это ничего. Для меня важно и значительно, что вопросъ религіозный и нравственный поднятъ и трактуется, и что онъ привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. Толстой и софистъ, и незнакомъ съ философіей и наукой, хотя и считаетъ себя и ученымъ, и философомъ; вдобавокъ ко всему, онъ высоко о себѣ думаетъ и капризничаетъ въ своихъ выводахъ по-барски. Нужды нѣтъ! Его мучаютъ глубоко религіозный и нравственный вопросы, онъ старается по своему рѣшить ихъ, и его читаютъ съ жадностью. Вотъ что чрезвычайно важно и знаменательно для нашего времени. Впрочемъ, рукопись Толстого—одно изъ многихъ знаменій. У насъ положительно идетъ процессъ обновленія. А гниль гніетъ! Можно ли, напримѣръ, безъ омерзенія видѣть, что дѣлается Англіей въ Египтѣ. Купчишки и эксплуататоры, фарисеишки, прикрывающіе свои корыстолюбивые замыслы знаменемъ цивилизаціи прогресса—нѣтъ, ничего отвратительнѣе я не могу себѣ и представить! Ей-ей, лучше наши воры. Эти, по крайней мѣрѣ, просто крали, не прикрываясь мантіей цивилизаціи и прогресса. Я предпочитаю всегда откровенныхъ воровъ и разбойниковъ—Тартюфамъ.

„Злосчастная кукуевская катастрофа чуть-чуть было не похоронила и меня. Дѣло въ томъ, что я давно порываюсь въ деревню. Врачи рѣшили отпустить меня, когда раны закроются. Дѣло шло

на ладъ, какъ вдругъ появилась лихорадка. Это задержало мой отъѣздъ, который безъ этого эпизода легко могъ совпасть съ кукуевской катастрофой. Вотъ было бы хорошо, нечего сказать, лечиться три мѣсяца, чтобы захлебнуться въ жидкой глинѣ подъ Бастыевымъ!

„Но буря и ливень, сотворившіе кукуевское несчастіе, не обошли-таки меня. Въ имѣніи они залили нѣсколько десятинъ (11 изъ 50) заливного луга, перепортили остальныя, перепутали и повредили рожь. На лугахъ я понесу, повидимому, большіе убытки. Но все же это лучше, чѣмъ быть похороненнымъ въ вагонѣ живымъ. Я совсѣмъ не животолюбивъ и убѣдился въ этомъ во время болѣзни; но мученической смерти не желалъ бы. И притомъ, страшно интересно теперь жить и слѣдить за быстро несущимся потокомъ исторіи: чѣмъ незамѣтнѣе онъ рветъ и уноситъ старое, которое, повидимому, сохраняется цѣлымъ и невредимымъ на поверхности—ни дать, ни взять кукуевская насыпь—тѣмъ интереснѣе наблюдать. Исторія не тогда дѣлается, когда наступаетъ развязка, а тогда, когда развязка подготовляется въ тайникахъ жизни. А именно таково наше время...

... Затѣмъ, будьте здоровы. Прощайте. Дай вамъ Богъ всего хорошаго. Поцѣлуйте малютку, и да процвѣтетъ она въ лучшія времена, которыя приближаются. Пусть не увидитъ бурь, не услышитъ раскатовъ грома, а начнетъ жить умомъ и сердцемъ, когда ясные дни смѣнятъ непогоду, въ которой унесется гниль и смрадъ, которые насъ душатъ".

21-го октября 1882 г.

„Любезнѣйшіе мои друзья!

„Я виноватъ передъ вами, что такъ давно не отвѣчалъ на ваши милыя, задушевныя письма; какъ это дѣлается — не знаю, но ничего не успѣваю я дѣлать во время, хоть работаю много и усиленно.

„Изъ деревни, гдѣ получилъ вашу грамотку, воротился въ Петербургъ 21-го августа, чтобы дочитать курсъ въ военно-юридической академіи и проэкзаменовать офицеровъ. Экзаменъ былъ 14-го сентября, въ полномъ смыслѣ слова блистательный. Деревня меня тоже порадовала. Все нашелъ въ порядкѣ, урожай озимыхъ былъ очень хорошій, яровыхъ и травъ—сносный, но съ склоненіемъ на плохое. Управляющій (новый)—превосходный...

„Ты меня спрашиваешь, за что я обозванъ пессимистомъ? Посылаю тебѣ мои статьи и полемику противъ меня [1]). На дняхъ

[1]) Письма къ О. К. Нотовичу, по поводу его книги: „Основы реформъ мѣстнаго и центральнаго управленія" (Спб. 1882 г.)—помѣщ. въ газетѣ „Новости" 1882 г., №№ 240 и 256. Статьи по поводу этихъ писемъ: *тамъ же*, №№ 240, 256, 267, 272;

появилась еще статья Головачова. Я буду отвѣчать. „Путевыя письма“ ты, конечно, читалъ. Они произвели впечатлѣніе. Кромѣ того, написалъ три статьи о гражданскомъ уложеніи, которое должно составляться. Первая появится въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права“ въ ноябрѣ. Четвертую и послѣднюю еще не писалъ, на дняхъ примусь за нее.

„Много затѣваю написать, да времени мало. Мелкія дѣла рвутъ на тысячи клочковъ. А признаки времени поразительные. Старый міръ уходитъ и у насъ вездѣ. Цѣлое міросозерцаніе проваливается, мракъ падаетъ на землю. У насъ пониженіе уровня знаній, пониманія, требованій и нравственнаго строя поразительны. Точно у людей голова и сердце поражены и перестали функціонировать. Скука всюду страшная и какое-то угнетенное состояніе духа. Будь больше свободнаго времени, объ этомъ можно было бы написать не одну интересную статью.

„Я просто тронутъ тѣмъ вниманіемъ, сочувствіемъ и уваженіемъ къ личному характеру, которыя мнѣ оказываются со всѣхъ сторонъ. Было бы отъ чего головѣ закружиться, еслибы я не зналъ совершенно ясно и твердо, что все это достается мнѣ именно за то, что̀ мѣшаетъ головѣ закружиться и возмечтать о себѣ. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь цѣнится нравственный характеръ, исключающій всякую возможность самомнѣнія и самовозвеличенія. Не фарисейское самоуниженіе, не лицемѣрная изысканная учтивость и деликатность, а изъ глубины совѣсти и сознанія идущее убѣжденіе въ своей личной малости, въ отсутствіи всякаго права считать себя, по человѣчеству, выше кого бы то ни было—и даетъ то почетное положеніе, которымъ нельзя не наслаждаться, но которымъ нельзя гордиться, ибо оно—плодъ не достоинства и таланта, а нравственнаго строя, который только и держится отсутствіемъ самообожанія“.

III.

...Послѣ 1882 года мнѣ не суждено было болѣе видѣться съ Кавелинымъ.

Изъ писемъ его за 1883 и 1884 гг. видно, что душевная бодрость скоро смѣнилась весьма естественной въ его годы реакціей: онъ начинаетъ ощущать утомленіе жизнью, и мысль о смерти

„Новое Время“ 1882 г., № 2374; „Голосъ“ того же года № 265; „Заря“, №№ 212 и 218. К. Д. Кавелинъ отвѣчалъ всѣмъ своимъ оппонентамъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1882 г., кн. 12.

посѣщаетъ его все чаще и чаще. Онъ какъ бы торопится высказать въ печати свои задушевныя воззрѣнія по существеннымъ научнымъ и общественнымъ вопросамъ, боясь унести въ могилу недосказанное. Послѣдніе два года жизни Кавелина отмѣчены какимъ-то лихорадочнымъ напряженіемъ умственной дѣятельности. Съ чрезмѣрнымъ рвеніемъ предается онъ профессурѣ въ военно-юридической академіи; издаетъ читанные имъ тамъ спеціальные курсы по гражданскому праву; перерабатываетъ „Задачи Этики“, и, едва окончивъ ихъ для печати, набрасываетъ обширную программу для распространенія въ публикѣ и среди учащейся молодежи свѣденій по исторіи философіи и энциклопедіи общественно-политическихъ наукъ. Смерть прерываетъ его послѣдніе замыслы въ самомъ началѣ: программа набросана на бумагѣ лишь вчернѣ, слегка очерчена въ конспектахъ слабѣющимъ, нетвердымъ почеркомъ...

26-го января 1883 г. Кавелинъ писалъ своей сестрѣ:

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Ты вѣроятно очень на меня сердишься за мое молчаніе, а того не подозрѣваешь, что съ 16-го декабря и до сихъ поръ я сижу дома отъ воспаленія внутри праваго уха, которое, кромѣ страданій, такъ меня сдѣлало неспособнымъ къ работѣ, что малѣйшую записку написать мнѣ было въ тягость. Теперь мнѣ лучше, но все еще меня не выпускаютъ и не позволяютъ приняться за мои обычныя занятія. Очень можетъ статься, что слухъ правымъ ухомъ и не возвратится вовсе. Тогда обращусь, какъ подсмѣивается надо мною одинъ мой пріятель-докторъ, въ настоящаго президента, которые, по нашему россійскому обычаю, и глухи, и тупы, и выжили изъ всѣхъ лѣтъ.

„Что тебѣ сказать о себѣ? Старѣю и мечтаю уѣхать жить въ деревню, на покой. Но это пока маниловскія мечты, и остаешься, скрѣпя сердце, киснуть зиму въ Питерѣ...

„...15-го декабря я обѣдалъ—съ кѣмъ бы ты думала? — съ кіевскимъ митрополитомъ Платономъ и варшавскимъ архіепископомъ Леонтіемъ. Пригласилъ меня къ себѣ обѣдать съ ними мой великій пріятель, протоіерей андреевскаго собора, Александръ Тимоѳеевичъ Камчатовъ. Платонъ былъ его учителемъ, а ему, Камчатову, 72 года. Платонъ меня очаровалъ своей простотой, умомъ и просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи [1]).

[1]) Кавелинъ имѣлъ за послѣднее время своей жизни очень много близкихъ знакомыхъ среди духовенства. Имѣя независимый свободный образъ мыслей въ вопро-

„Дни становятся длиннѣе, солнце—веселѣе, и меня такъ и тянетъ въ деревню. Въ Петербургѣ становится очень скучно, конечно потому, что я становлюсь старъ, друзья-пріятели почти всѣ вымерли. Начинаю переживать себя. Какъ было бы кстати выиграть на билетъ почтенный кушъ, подвести итоги прошедшему и начать жить по-стариковски"...

Одновременно съ тѣмъ онъ писалъ и ко мнѣ:

„Изъ письма къ твоей матери ты увидишь, что я былъ и есть боленъ— и все прочее. Тебѣ же хочу писать о томъ, что тебя болѣе интересуетъ, чѣмъ ее.

„Моя полемика съ Нотовичемъ вызвана была книгой послѣдняго о реформахъ центральнаго и мѣстнаго управленія. Книга, изобилующая общими мѣстами и отвлеченными либеральностями, которыя препорядочно всѣмъ надоѣли. Книгу эту Нотовичъ мнѣ прислалъ. Чортъ меня дернулъ написать ему письмо, въ которомъ я высказалъ, что этимъ путемъ, т.-е. избирательнымъ и представительнымъ правленіемъ, на манеръ европейскій, у насъ ничего не подѣлаешь; что намъ нужна административная реформа, съ смѣшанными учрежденіями изъ выборныхъ и коронныхъ чиновниковъ и съ самодержавною властью во главѣ. Нотовичъ просилъ позволенія напечатать это письмо. Я имѣлъ неосторожность согласиться. И потянулась наша русская, безалаберная, безсмысленная канитель, которая мнѣ до смерти надоѣла и въ конецъ измучила. У насъ не умѣютъ спорить логически, послѣдовательно, не умѣютъ понять, что говоритъ противникъ, не слушаютъ его; каждый валяетъ свое, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на доводы, ни на то, что предыдущимъ споромъ разрѣшено. Думаютъ люди не головой, а животомъ, инспираціями минуты, и потому никакой споръ невозможенъ. Писалъ я не для противниковъ и не для собственнаго удовлетворенія, а единственно для публики, и радъ-радехонекъ, что наконецъ отъ этого безтолковаго спора отдѣлался. Что ты подѣлаешь въ странѣ, гдѣ нѣтъ двухъ человѣкъ согласныхъ между собою, и гдѣ три-четверти не понимаютъ и не признаютъ обязательности логики? У нашего интеллигентнаго слоя нѣтъ даже общаго языка, и каждый подъ однимъ и тѣмъ же словомъ разумѣетъ совсѣмъ другое. Не чудовищно ли, что меня прославили пессимистомъ за то только, что я не признаю русской культуры и не считаю насъ способными

сахъ религіозныхъ, онъ сходился со многими духовными лицами помимо ихъ религіозныхъ воззрѣній и нѣкоторыхъ изъ нихъ ставилъ очень высоко за твердость ихъ убѣжденій, хотя и противоположныхъ его собственнымъ, и за нравственныя достоинства, которыя онъ цѣнилъ въ человѣкѣ выше всего.

къ избирательной и представительной формѣ правленія? Я то—пессимистъ! Совсѣмъ другое значеніе имѣла моя полемика съ Пахманомъ".

Передавая о своихъ пререканіяхъ въ с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ съ С. В. Пахманомъ, по поводу гражданскаго уложенія, Кавелинъ выражаетъ недовольство предварительными работами по этому вопросу кодификаціонной коммиссіи и самого г. Пахмана. „Затѣяли сочинить гражданское уложеніе,—между прочимъ пишетъ онъ,—не понимая путемъ, за какую задачу взялись, а она и кодификаторамъ, да и нашему жалкому времени, вовсе не по плечу. Собственно подъ „Уложеніемъ" понимаютъ исправленное и улучшенное изданіе X-го т. Свода, и съ этой задачей справиться не могутъ"...

„...Я напечаталъ о русскомъ гражданскомъ уложеніи четыре статьи въ „Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права" (ноябрь и декабрь 1882 и январь и февраль 1883 г.). Серьезныхъ возраженій еще не видалъ: писать некому. А московское юридическое общество выбрало меня въ свои почетные члены за „ученыя заслуги".

„...Подвизаюсь я и въ императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ. На дняхъ вношу въ совѣтъ предложеніе обратить особенное вниманіе на экономическія условія сельскаго хозяйства, составляющія у насъ непреодолимое препятствіе къ его развитію. Что изъ этого выйдетъ—не знаю. Мало рабочихъ силъ, мало серьезно-мыслящихъ людей, мало самоотверженно-любящихъ родину, мало понимающихъ теперешнее наше положеніе. Некѣмъ взяться за дѣло, а одинъ въ полѣ—не воинъ. Посмотрю, и если не найду отголоска—выйду.

„Пора на покой. Чувствую, что силы начинаютъ убывать. Еслибы судьба улыбнулась и дала возможность бросить службу и жить въ деревнѣ, закопался бы въ книги, чтобы изложить на бумагѣ многія мысли, которыя вызрѣли и которыя очень занимаютъ. Но врядъ ли это удастся, и приходится вертѣться какъ бѣлка въ колесѣ, и толочь воду, растрачиваясь на мелочи. Жизнь идетъ сѣрая. Свѣта ни откуда не видно. Поляризаціи силъ не дождаться очень долго—такъ все, и не только въ Россіи, а вездѣ, разъѣхалось, разбрелось, пульверизировалось и въ жизни, и въ мысли. Безумцы и маловѣры ждутъ чего-то необычайнаго,—и ничего не дождутся. Событія приготовляются долгой работой мысли, а мы точно послѣ горячки, совсѣмъ обезсиленные, влачимъ жизнь изо дня въ день безъ цѣли, стараемся разсѣяться и скучаемъ, ѣдимъ,

пьемъ, винтимъ и занимаемся самоубійствомъ въ усиливающихся размѣрахъ...

„...Скажи своей матери, что письма, къ ней написаннаго мѣсяцъ тому назадъ, я не переписываю: некогда. Съ тѣхъ поръ мнѣ гораздо лучше, началъ читать лекціи. На праздникахъ, съ четверга, сижу дома, потому что схватилъ гришъ. Докторъ ушной остался вчера вполнѣ доволенъ мною, но дыра въ ушной перепонкѣ врядъ ли заростетъ. Слышу плохо правымъ ухомъ, да и вообще слышу плохо, потому что силы слуха различны въ обоихъ ушахъ...

„Будьте снисходительны и не требуйте отъ меня частыхъ писемъ. Я заваленъ вздорнѣйшими дѣлами, пишу ежедневно по пяти и шести записокъ, писемъ, и не могу справляться. Некогда не только книги—статьи прочесть. Изнемогаю отъ хлопотъ, ничего не дѣлая".

22-го апрѣля 1883 г.

„...Собираюсь въ деревню. Задумалъ ѣхать рано, 7-го мая; но вѣроятно даже 18-го не уѣду. Брюлловы возвращаются и собираются въ Иваново на лѣто...

„Все, что дѣлается кругомъ, въ обществѣ и въ правительственныхъ сферахъ, больше и больше утверждаетъ въ стоическомъ взглядѣ на жизнь.

„Располагаю лѣтомъ написать большую статью о современныхъ направленіяхъ русскаго духа и русской жизни, съ совершенно объективной и безпристрастной оцѣнкой и славянофиловъ, и народниковъ, и западниковъ, и катковцевъ, и православныхъ фанатиковъ. Выводъ: необходимо предстоящее обновленіе поднятіемъ нравственности, опирающейся на соціологію, и развитіемъ правового порядка. Невозможность стоять на исключительно историческо-національной точкѣ зрѣнія и необходимость подняться на общечеловѣческую, стать выше расовыхъ и сословныхъ различій, и смотрѣть на наше призваніе какъ на разрѣшеніе одной изъ задачъ всемірной исторіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ должно быть выяснено, что нравственность не слѣдуетъ смѣшивать съ системою правилъ для поступковъ (которая совпадаетъ съ правомъ); она есть выработка чувствъ и воли каждаго человѣка въ постоянномъ, неуклонномъ внутреннемъ стремленіи къ правдѣ, добру и истинѣ. Отлагаю эту работу на лѣто, потому что она требуетъ сосредоточенія мыслей, чего въ здѣшнемъ водоворотѣ невозможно добиться, ниже на одинъ день.

„Недавно одинъ остзейскій баронъ обозвалъ меня нигилистомъ, низкопоклонникомъ, кланяющимся направо и налѣво. Этого го-

сподина я продерну порядкомъ въ путевыхъ письмахъ, которыя собираюсь опять писать. Послѣднія имѣли большой успѣхъ“ [1]).

13-го іюля 1883 г., сельцо Иваново.

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Твою дружескую грамотку я получилъ. Старенькіе мы съ тобою стали совсѣмъ. У тебя руки трясутся и почеркъ нетвердый. Посмотри, и я тоже насилу-насилу владѣю пальцами. Не слушаются они моихъ приказаній и выдѣлываютъ, помимо моей воли, на бумагѣ вавилоны, похожіе на то, когда муха, попавшая въ чернильницу и выползшая оттуда, прогуляется по листу бѣлой бумаги. Что прикажешь дѣлать—время беретъ свое! Нынѣшней весной я чуть-чуть не отправился на тотъ свѣтъ. Вырвался изъ Петербурга рано, 9-го мая, и думалъ—съ 11-го буду благодушествовать въ деревнѣ. Анъ не тутъ-то было! Подъѣзжая къ Бѣлеву, расхворался такъ, что слегъ въ семъ богоспасаемомъ градѣ въ постель и пролежалъ до 30-го мая, съ сильнѣйшимъ воспаленіемъ легкихъ, сперва одного, потомъ другого. Лукинъ [2]), нашъ земскій врачъ и мой пріятель, крѣпкое тѣлосложеніе и умѣренная жизнь вывезли. Отдышался въ деревнѣ и совсѣмъ поправился, хоть куда! Такъ поправился, что даже могъ порядочно наработать перомъ...

„Часто вспоминаетъ о тебѣ Marie Belly и Ек. Ал. Чижова [3]). Обѣ тоже немолоды, какъ и мы съ тобой. Я тоже начинаю чувствовать пустоту вокругъ себя. Сверстники, друзья и знакомые молодости повымерли или доживаютъ свой вѣкъ. Что живитъ, поддерживаетъ силы и бодрость—это сочувствіе, расположеніе, довѣріе массы людей изъ всѣхъ слоевъ и всякихъ возрастовъ—людей, большинства которыхъ не знаю и никогда не видалъ. Не будь этого—и жить бы не стоило, пройдя чрезъ все то, чрезъ что я прошелъ. Недавно, одинъ изъ окончившихъ курсъ въ нынѣшнемъ году въ военно-юридической академіи, л.-гв. гренадерскаго полка капитанъ М—въ, человѣкъ лѣтъ 30-ти, десять лѣтъ прослужившій во фронтѣ и израненный въ Болгаріи, написалъ мнѣ письмо, по поводу отличнаго моего отзыва о его письменной работѣ: вотъ такія письма способны хоть мертваго

[1]) Напеч. въ „Вѣстн. Европы“ 1882 г., кн. 10.

[2]) Николай Александровичъ Лукинъ умеръ отъ тифа 11-го января 1884 г. Кавелинъ написалъ его некрологъ, помѣщенный въ „Новостяхъ“ 1884 г., № 16.

[3]) Марья Яковлева Белли, двоюродная сестра Кавелина, со стороны матери; Чижова—старинная пріятельница семейства Кавелиныхъ, сосѣдка ихъ по имѣнію въ бѣлевскомъ уѣздѣ тульской губерніи.

воскресить! А я, вдобавокъ, былъ съ М—мъ только въ оффиціальныхъ отношеніяхъ, зналъ его только какъ слушателя и какъ державшаго отлично экзамены. А такіе сюрпризы—нѣтъ-нѣтъ и прорываются, изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ и кружковъ, изъ глуши провинціальной, изъ сословія владѣльцевъ, изъ духовенства и т. п. Чувствуешь, что для чего-нибудь еще живешь и долженъ трудиться до гробовой доски".

16-го іюля 1883 г., с. Иваново.

„Любезнѣйшій другъ Дмитрій Александровичъ! Изъ письма къ твоей матери ты узнаешь обо мнѣ и моихъ разныя разности. Не повторяя ихъ, разскажу тебѣ о мысляхъ своихъ и работахъ.

„Незадолго передъ отъѣздомъ въ деревню я получилъ, кажется, отъ самого автора, г. фонъ Самсонъ-Гиммельстіерна, лифляндскаго барона, брошюру: „Vom Lande", гдѣ я, за свои аграрныя и крестьянскія воззрѣнія, отдѣлываюсь такъ, какъ еще никто никогда меня не отдѣлывалъ, даже, вѣроятно, за глаза. Доносы, инсинуаціи, наглѣйшія искаженія моихъ словъ и мыслей, подлѣйшія ругательства сыплются на меня въ этой брошюрѣ градомъ и безпощадно. Должно быть нѣкоторой части „фонства" я ужъ очень насолилъ! Въ отвѣтъ я написалъ и на-дняхъ отправляю въ „Вѣстникъ Европы" большую статью, въ которой изобличаю Самсона, но, главнымъ образомъ, разъясняю принципіальное различіе въ постановкѣ аграрнаго и крестьянскаго вопроса у насъ и въ прибалтійскомъ краѣ, причины нашихъ неудачъ и успѣховъ остзейскихъ бароновъ, преимущества нашего освобожденія крестьянъ передъ ихнимъ, и вѣроятный исходъ крестьянскаго и аграрнаго вопроса у насъ. Самсону-таки достается на орѣхи; но, главное, я имѣю въ виду читателей и мыслящихъ людей у насъ и въ прибалтійскомъ краѣ, и стараюсь отыскать почву для ихъ возможнаго сближенія и соглашенія [1]).

„Покончивъ съ этимъ дѣломъ, принимаюсь за другую, большую статью о нашемъ теперешнемъ умственномъ и нравственномъ

[1]) „Освобожденіе крестьянъ и г. фонъ Самсонъ-Гиммельстіерна", ст. Кавелина, „Вѣстн. Европы" 1883 г., кн. 9. Статья эта вслѣдъ за ея появленіемъ въ печати переведена на нѣмецкій языкъ *Эрвиномъ Бауеромъ* подъ заглавіемъ: „Die Bauern-Emancipation und Herr v. Samson-Himmelstjerna", въ „Revalsche Zeitung", 1883 г., №№ 202—213. Отд. оттискъ ея вышелъ въ Ревелѣ въ концѣ сент. 1883 г., in 12°, 67 стр. По поводу этой же статьи помѣщено въ „Reval. Zeit." того же года, № 256, письмо Кавелина на нѣмецкомъ языкѣ къ редактору этой газеты отъ 4-го ноября 1883 г., въ отвѣтъ на полученное Кавелинымъ нѣмецкое же письмо изъ Лифляндіи, въ которомъ выражается большое сочувствіе его воззрѣніямъ на остзейское баронство въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

состояніи, составляющемъ злобу дня. Мнѣ хочется объяснить кажущійся нашъ умственный и нравственный упадокъ, унынie, апатію; причины, почему всѣ наши направленія въ наукѣ, печати и общественной дѣятельности потеряли прежній кредитъ и поблекли; куда мы идемъ, и какіе вопросы, въ ближайшемъ будущемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, выдвинутся у насъ на первый планъ. Я хочу подробно разобрать разныя теченія русской мысли, поочередно возбуждавшія общее сочувствіе, показать ихъ сильныя и слабыя стороны и объяснить, почему они сошли со сцены. Цѣль статьи — привести къ образованію одной большой національной русской партіи, въ которой всѣ бывшія направленія слились бы въ дружномъ преслѣдованіи, съ различныхъ точекъ зрѣнія, общечеловѣческихъ цѣлей и въ разрѣшеніи общечеловѣческихъ задачъ на русской почвѣ.

„Тема, какъ ты видишь, обширная и поработать надъ ней придется много и долго. Если съ ней справлюсь,—дѣло будетъ полезное.

„Вы (еслибы я былъ лордомъ англійскаго адмиралтейства, то сказалъ бы: „мальчишки“—такъ величаютъ 86-ти и 90-лѣтніе адмиралы своихъ 56-ти и 60-ти-лѣтнихъ сотоварищей) что-то ужъ очень ударились въ археологію, біографію и библіографію, и упускаете изъ виду великія теченія, дающія направленіе роду человѣческому и рѣшающія судьбы народовъ. Въ наукѣ происходитъ то же распаденіе на составные атомы, та же пульверизація, которую замѣчаемъ въ дѣйствительной жизни вслѣдствіе отсутствія идеаловъ. Это состояніе съ особенною яркостью можно наблюдать на римскомъ обществѣ временъ имперіи. Оно повторяется и теперь, во всемъ мірѣ, съ тою существенною разницею, что древнему міру открывался выходъ въ сверхчувственный идеальный міръ, а намъ этотъ путь невозможенъ, потому что физіологія и психологическая критика съ ослѣпительною очевидностью и ясностью доказали, что идеальный міръ не имѣетъ внѣ человѣка объективнаго существованія, есть самъ продуктъ его жизни, существуетъ только для человѣка и опредѣляетъ способъ его отношеній къ самому себѣ, другимъ людямъ и къ окружающему внѣшнему міру. Это приводитъ меня къ той мысли, что точку опоры человѣкъ долженъ искать въ самомъ себѣ, въ своемъ нравственномъ чувствѣ и нравственной дѣятельности, необходимость которыхъ дана сожительствомъ съ другими людьми. Право, судъ, законъ, наказаніе — суть только суррогаты нравственнаго чувства и воли, слабое ихъ подобіе и переложеніе во внѣшнія, обязательныя формулы. Мысль эта вовсе не новая. Ее носилъ въ

себѣ Сократъ и проповѣдывалъ Христосъ; но состояніе науки и знанія не позволяли формулировать ее научнымъ образомъ, какъ это возможно теперь, когда источники и назначеніе мысли и знанія выяснились...

„18-го іюля. Пишу тебѣ à petites journées, понемногу каждый день, потому что другія занятія отвлекаютъ, да и прежняя рабочая способность проходитъ съ лѣтами. Не знаю, слажу ли съ своей задачей, особливо потому, что эту зиму придется много работать и по академіи, и по вольному экономическому обществу; а можетъ быть наклюнутся, какъ всегда, и другія занятія. Если не слажу и не успѣю написать что задумалъ, пусть слѣды останутся хоть въ письмахъ къ близкимъ: кто-нибудь потомъ ихъ подниметъ и разовьетъ. Мнѣ они кажутся имѣющими будущность; они, какъ я убѣжденъ, сильно скажутся въ нашемъ дальнѣйшемъ развитіи. А кому удастся ихъ провести,—это въ сущности совершенно все равно“...

Въ 1883 г. Кавелинъ писалъ нѣсколько разъ моей женѣ. Изъ его писемъ къ ней, полныхъ искренней дружбы и родственнаго расположенія, я привожу лишь одно, посвященное важному вопросу—воспитанію дѣтей. Кромѣ общаго интереса, письмо это имѣетъ большое значеніе въ біографіи Кавелина. Въ немъ онъ высказываетъ воззрѣнія діаметрально-противоположныя тѣмъ, какія были имъ положены въ основу образованія его собственныхъ дѣтей, и повидимому горестныя думы о преждевременной ихъ утратѣ заставили его придти къ мысли о вредѣ для дѣтей преждевременнаго умственнаго развитія.

19-го іюля 1883 г.

„...Раннее развитіе умственныхъ способностей ребенка всегда бываетъ на счетъ физической крѣпости. Ты, молодая мать, не давай, какъ у насъ безпрестанно дѣлается, въ видѣ забавы, развивать дѣтей! Чѣмъ дольше дитя пребываетъ кусочкомъ живого мяса,—тѣмъ лучше! Ребенку нужно прежде всего запастись физическими силами: умственныя разовьются потомъ тѣмъ быстрѣе и прочнѣе. Боже тебя оборони рано начинать учить твоихъ дѣтокъ! Незамѣтно для насъ самихъ мы замѣшиваемъ въ воспитаніе наше личное самолюбіе и тщеславіе, боимся, чтобы наши дѣти не были хуже другихъ, не хотимъ отстать отъ нихъ — и этому Молоху тщеславія приносимъ въ жертву будущія поколѣнія. Не подражай этимъ невольнымъ и безсознательнымъ преступницамъ противъ законовъ воспитанія дѣтей! Помни, что чѣмъ существо совершеннѣе по своему организму—а человѣкъ вѣнецъ природы—тѣмъ дольше ему нужно времени для того, чтобы развиться, окрѣп-

нуть и стать на свои ноги. А мы, вопреки здравому смыслу, тѣшимся ребенкомъ какъ игрушкой, какъ куклой, выучивая его выдѣлывать разныя штуки, требующія напряженія умственныхъ силъ, въ то время, когда ему надо развиваться физически, чтобы мозгъ и нервы у него были здоровые и крѣпкіе. Пусть мой крестникъ побольше ѣстъ и спитъ — изъ него выйдетъ человѣкъ: все остальное придетъ само собой и скоро, и хорошо"...

Послѣ этого письма мы не получали отъ Кавелина писемъ въ теченіе восьми слишкомъ мѣсяцевъ. Причина такого долгаго молчанія объяснялась разнообразными и чрезмѣрными его трудами, бывшими ему не по лѣтамъ и утомлявшими его.

3-го апрѣля 1884 г. Кавелинъ писалъ:

„Милый другъ и сестра Sophie!

„Наконецъ-то я дорвался до возможности писать тебѣ и твоимъ милымъ домашнимъ. Твои письма лежали передо мной и мучили мою совѣсть, но ничего не могъ я сдѣлать — такая вышла мнѣ трудная эта зима! Смолоду не помню, чтобъ пришлось столько работать. Профессура въ академіи, департаментъ, вольное экономическое общество—точно сговорились въ эту зиму, чтобы не давать мнѣ покоя; а тутъ еще, какъ нарочно, въ первый разъ въ жизни, пришлось отправлять обязанности присяжнаго засѣдателя двѣ недѣли, по двумъ (даже тремъ) весьма сложнымъ и труднымъ дѣламъ, по двумъ въ качествѣ старшины. Можешь представить, каково мнѣ было, въ 65-ть-то лѣтъ, два раза ночевать въ судѣ и раза три возвращаться изъ суда домой въ 3, 5 и 6 часовъ утра, проѣхавъ добрый часъ по холоду изъ душной залы и подъ вліяніемъ большого возбужденія, которое производитъ всякій процессъ! Теперь всѣ эти усиленныя занятія и натуги—за спиной, но остается штукъ 50 визитовъ, писемъ, неисполненныхъ порученій и дѣлъ по случаю отъѣзда въ деревню, надѣюсь ранняго (4-го или 5-го мая). Все это надо кончить и привести въ порядокъ до отъѣзда. А кромѣ того, что ни день, то своя злоба. Вотъ и вертишься какъ бѣлка въ колесѣ! Съ тѣмъ, должно быть, и умру.

„Поздравляю тебя съ наступающими праздниками... А я къ празднику съ большимъ горемъ и съ тяжкой заботой. Вторая жена Брюллова, рожденная Лихонина, скончалась въ Римѣ, въ злѣйшей чахоткѣ 29-го марта. Это была дѣйствительная мать Сониныхъ дѣтямъ, не дѣлавшая между ними и своими никакого различія...

„Не только ты одна, но и всѣ мы сильно старѣемъ и пре-

вращаемся понемногу въ грибы... Посмотри, каковъ я сталъ—ужасъ! Преветхій деньми! А все бодрюсь, даже любезничаю и желаю, во что бы то ни стало, умереть если не въ роли jeune premier, то хоть съ перомъ въ рукахъ, что мнѣ болѣе къ лицу...

„...Я вообще здоровъ, сплю отлично, веду образъ жизни крайне умѣренный и осторожный, встаю въ семь, работаю часовъ пять-шесть, стараюсь пораньше лечь (что мнѣ рѣдко удается: все больше къ часу, а иногда и въ два), и благодаря этому сохранился какъ рѣдко кто: сердце, легкія, почки не оставляютъ желать ничего лучшаго, по свидѣтельству самого С. П. Боткина. Только руки трясутся до того, что нельзя иногда ложки до рта донести. Съ воспаленія легкихъ, прошлой весной, мизинецъ на лѣвой рукѣ онѣмѣлъ, какъ бываетъ, когда отлежишь руку. Нога тоже болитъ. Въ плечѣ—ревматизмъ; желудокъ тоже пошаливаетъ, особенно этой зимой. Какъ водится, начинаю разваливаться. Но голова совсѣмъ свѣжа и работаетъ, сердце (au moral)—тоже...

„...Довольно я съ тобой поболталъ... Если заведутся деньги (на что, впрочемъ, плохо разсчитываю), выйду въ отставку, и тогда поѣду странствовать въ послѣдній разъ, туда, гдѣ провелъ хорошіе дни въ своей жизни [1]). Не сердись, что пишу рѣдко: ей Богу не могу писать часто, а не то, чтобы не помнилъ и не любилъ. Подъ старость много вспоминается былое: да силъ и времени нѣтъ“...

5-го апрѣля 1884 г.

„Милый и дорогой Дмитрій Александровичъ!

„Наконецъ-то дорвался я и до письма къ тебѣ! Признаюсь, вздохну свободно, когда письмо это будетъ написано и сдано на почту. Перечитывая три письма твои, исполненныя нѣжной дружбы и ласки, казнился, не тѣмъ, что чувствовалъ себя виноватымъ, а тѣмъ, что не могъ отвѣчать тотчасъ же, зная по опыту, какъ тяжело изливать свои чувства въ пустоту, безъ отзыва. Вообрази же, что я поступалъ такъ не съ однимъ тобой, а со множествомъ людей, и только теперь получилъ нужный досугъ, чтобы понемногу разсчитаться съ грѣхами сердечными, въ которыхъ ни душой, ни тѣломъ не виноватъ...

„...Не могу тебѣ выразить, какъ близоруки, бездарны и тупоумны кажутся мнѣ тѣ, которые въ наше время повѣсили носы, приходятъ въ отчаяніе отъ того, что кругомъ у насъ совершается, и съ какимъ-то тупымъ страхомъ смотрятъ впередъ. Пусть бы побольше вспоминали прошлое, да зорче вглядывались въ то, что

[1]) Поволжье.

подъ носомъ дѣлается: они тотчасъ убѣдились бы, что исподоволь, но неудержимо и безпрерывно, идетъ полное и совершенное перерожденіе Россіи, болѣзненное и мучительное — да, какъ всякій конецъ одного и начало другого, но не представляющее ничего такого, отъ чего бы можно было придти въ уныніе или отчаяніе. Тяжко намъ—лапотникамъ, идущимъ не въ головѣ, а пока въ хвостѣ всемірной исторіи, только потому, что переживаемый нами кризисъ не есть специфическій русскій, а всемірный, повторяющійся, на разные лады, на всемъ земномъ шарѣ. Отходитъ въ вѣчность цѣлое міросозерцаніе, а новое только начинаетъ зарождаться и еще не выяснилось. Оттого большинство, поющее съ чужого голоса, потеряло голову, спуталось и не знаетъ, куда идти...

„Но головы меньшинства, между тѣмъ, вездѣ работаютъ, думаютъ крѣпкую думу. Умственные ручейки текутъ вездѣ незамѣтными струйками и рано ли. поздно ли, сольются въ рѣки и потоки, которые направятъ русскую жизнь въ ея настоящее русло, выяснятъ столбовыя направленія и цѣли дѣятельности, недостатокъ которыхъ и есть наше коренное, основное, чуть ли не единственное зло. Ты, русскій историкъ, знаешь лучше меня, въ какихъ мы, не разъ и не два, бывали отчаянныхъ положеніяхъ, когда все, казалось, было потеряно навсегда, безвозвратно. Горсть людей, смотрѣвшихъ впередъ, преданныхъ родинѣ, трезво и ясно понимавшихъ ближайшія задачи, стоявшія на очереди, вынесли страну на своихъ плечахъ. То же самое будетъ и теперь. Я вижу много разнаго народу, старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, и вездѣ, во всѣхъ, вижу зачатки этой совершающейся внутренней работы, какъ весною деревья сначала чернѣютъ, потомъ бурѣютъ, а потомъ почки трескаются подъ напоромъ свѣжей листвы, которая просится наружу. Поменьше малодушія, близорукости, побольше знанія прошедшаго и исторіи, нашей и чужой—и уныніе, нравственное и умственное угнетеніе сами собою исчезнутъ...

„Срокъ, на который я выбранъ въ президенты вольнаго экономическаго общества, — мартъ 1885 года. Если къ тому времени дѣла общества не измѣнятся къ лучшему — брошу его. И безъ него дѣла много — не оберешься, и дѣла полезнаго. Съ однимъ я надѣюсь справиться нынче лѣтомъ, — это „Задачи Этики“, о чемъ я, кажется, тебѣ уже писалъ и изложилъ свои мысли; другое — это составленіе элементарной, простѣйшей и общедоступной каждому грамотному человѣку энциклопедіи соціальныхъ наукъ, которая обнимала бы всѣ стороны жизни че-

ловѣка въ обществѣ, начиная съ семьи и оканчивая международными отношеніями, — экономическую, юридико-политическую и нравственную. Такая энциклопедія у насъ — насущная потребность. Въ Европѣ безъ нея обходятся, потому что сама жизнь вырабатываетъ въ каждомъ, съ юныхъ лѣтъ, правильныя понятія объ этихъ предметахъ; у насъ же жизнь ничему этому не учитъ, и людямъ должна придти на помощь школа и наука, чтобы дать возможность разобраться въ хаосѣ соціальныхъ фактовъ и устроить жизнь правильно или хоть сносно. Начиная съ вершинъ правительственныхъ и оканчивая поденщикомъ, у насъ никто не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о самыхъ простыхъ условіяхъ соціальной жизни. Вотъ почему такая энциклопедія составляетъ насущную потребность не только для среднихъ и низшихъ, но и для высшихъ слоевъ русскаго общества, и должна быть введена, какъ существенная составная часть преподаванія, во всѣ учебныя заведенія—низшія, среднія и высшія, мужскія и женскія, гражданскія, военныя, духовныя. Удастся ли выполнить этотъ трудъ, который возьметъ нѣсколько лѣтъ? Во всякомъ случаѣ я за него примусь съ осени, если буду живъ [1]).

„А теперь, пока, печатаю свои лекціи, читанныя въ 1883—1884 году въ военно-юридической академіи, по семейному и наслѣдственному праву, въ видѣ приложенія къ „Журналу гражданскаго и уголовнаго права“. Теперь идетъ пока семейное право; осенью напечатаю и наслѣдственное. Мнѣ обѣщали выпустить первое къ маю, но я сомнѣваюсь, чтобы успѣли. Пока напечатано только пять листовъ, а ихъ будетъ всего 11—13, а май ужъ на дворѣ. Работая надъ этимъ курсомъ, я натолкнулся на цѣлый рядъ мыслей о развитіи семьи и наслѣдованія въ исторіи и ихъ вѣроятной будущности, настолько интересныхъ и освѣщающихъ связную картину прошедшаго и настоящаго, что я рѣшился, несмотря на всѣ несовершенства моего труда, подѣлиться своими выводами и съ читателями внѣ академической аудиторіи. Когда выйдетъ въ свѣтъ особой брошюрой — пришлю тебѣ; а пока, если вопросъ тебя интересуетъ, достань „Журналъ гражданскаго и уголовнаго права“ за нынѣшній годъ.

„Думается также, между дѣломъ и бездѣльемъ, написать коечто и для крестьянъ въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, разсылаемомъ даромъ въ 12 тысячъ волостей. Кругъ читателей очень почтенный! Надо же когда-нибудь заставить ихъ подумать о безобраз-

[1]) Въ бумагахъ Кавелина сохранились только нѣкоторыя выписки и замѣтки для этого важнаго труда, который, къ великому сожалѣнію, онъ не успѣлъ выполнить.

номъ распредѣленіи между ними пашни, при которомъ никакое правильное крестьянское сельское хозяйство немыслимо, о необходимости травосѣянія, многополья, о прекращеніи частыхъ передѣловъ земель, о наслѣдственномъ пользованіи пашнею и т. под. [1]).

„Вотъ мои работы и планы. Своихъ мемуаровъ пока не пишу; а думаю о нихъ часто. Кое-что слѣдуетъ записать, чтобы передать потомству думы современниковъ о томъ, что у насъ происходило съ сороковыхъ по восьмидесятые годы.

„Такъ какъ ты страстный и опытный библіографъ, то очень бы меня одолжилъ, прославъ сюда (въ Петербургъ, а не въ деревню) составленный тобою списокъ моихъ статей и работъ, не вошедшихъ въ полное собраніе моихъ сочиненій, т.-е. напечатанныхъ послѣ того. Я довольно аккуратно откладываю ихъ, по мѣрѣ ихъ выхода, но все-таки есть пропуски, и мнѣ бы хотѣлось ихъ пополнить...

„Мои бумаги будутъ тебѣ всѣ переданы послѣ моей смерти, для приведенія ихъ въ порядокъ и для пользованія ими, на что онѣ только могутъ быть тебѣ пригодны, оставаясь собственностью внуковъ [2]). Библіотека моя получила на дняхъ нѣсколько благопристойный видъ, благодаря нѣсколькимъ барынямъ, которыя надъ этимъ работали болѣе двухъ мѣсяцевъ въ пыли и грязи.

„Мой 40-лѣтній литературный юбилей, съ защиты диссертаціи —26-го апрѣля [3]). Я всячески стараюсь, чтобы его не было. Глубоко мнѣ противны всякія чествованія, всякія манифестаціи и демонстраціи, въ которыхъ являешься какимъ-то импровизированнымъ лицедѣемъ, въ жалкомъ и глупомъ положеніи. Каждый сколько-нибудь думающій человѣкъ не можетъ не понимать, что его личное участіе въ томъ, что онъ произвелъ, почти равно нулю, что все, не исключая направленія мыслей и стремленій, принадлежитъ не ему, а есть продуктъ прошедшаго и настоящей обстановки, очень часто простой случайности; а быть воро-

[1]) Начало этихъ статей появилось въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“, 1884 г., № 18, подъ названіемъ: „Крестьянскіе разговоры“, разговоръ 1-й (о болѣе раціональномъ раздѣленіи пашни между крестьянами).

[2]) Это желаніе К. Д. Кавелина было въ точности исполнено П. А. Брюлловымъ, который осенью 18-5 г. передалъ мнѣ всѣ важнѣйшія бумаги Кавелина и обширное собраніе писемъ къ нему.

[3]) Кавелинъ забылъ день своего магистерскаго диспута, который происходилъ 24-го февраля 1884 года. 20-го апрѣля того же года онъ былъ утвержденъ магистромъ. Московское юридическое общество и нѣкоторые изъ друзей Кавелина хлопотали о чествованіи въ 1884 г. сорокалѣтія его учено-литературной дѣятельности.

ной въ павлиньихъ перьяхъ и принимать овацiи, зная, что совсѣмъ ихъ не заслужилъ, не можетъ не претить глубоко каждому честному человѣку. Да мимо идетъ меня эта горькая чаша и смѣшная комедiя!..

„...Университеты наши въ упадкѣ,—это не подлежитъ сомнѣнiю, но причины упадка болѣе глубоки и общи, чѣмъ думаютъ наши близорукiе либералы и консерваторы. Весь мiръ въ упадкѣ и разложенiи, все износилось въ дребезги, чѣмъ человѣчество до сихъ поръ жило, дышало и гордилось, какъ своимъ лучшимъ достоянiемъ. Какъ же предполагать, что одни университеты будутъ или могутъ быть изъятiемъ изъ общаго крушенiя и процвѣтать? Эту вопiющую нелѣпость огромное большинство не понимаетъ и ведетъ ожесточенную войну изъ-за вздора, съ напускнымъ паѳосомъ, который только заслоняетъ шумихой и трескомъ отсутствiе убѣжденiй, личные разсчеты и совершенную мертвенность содержанiя. Люди обратились въ манекены и куклы, носящiе только съ виду человѣческiй образъ: это живые мертвецы. Это не только у насъ, но и всюду, куда ни обернешься. Всюду—смерть и разложенiе, какъ въ концѣ древняго мiра...

„Мой планъ слѣдующiй: выѣхать изъ Петербурга 4-го мая, пробыть въ Москвѣ 5 дней; 10-го ѣхать въ Мценскъ, 11-го быть въ Ивановѣ и все лѣто исключительно работать надъ „Задачами Этики“, въ которой—ключъ возрожденiя. Пока нравственная личность не оживетъ снова, о возрожденiи и думать нечего, а она не оживетъ, пока кореннымъ образомъ не измѣнится все наше теперешнее мiросозерцанiе, представляющее хаотическое смѣшенiе преданiй съ выводами науки, производящее теперешнее, анархическое состоянiе умовъ“...

5-го августа 1884 г., с. Иваново.

„Милый, дорогой Дмитрiй Александровичъ! Еслибы ты только могъ себѣ вообразить, въ какомъ блаженномъ душевномъ состоянiи я нахожусь, принимаясь за это письмо! Мечты и желанiя многихъ лѣтъ, наконецъ, исполнились: „Задачи Этики“ написаны и совсѣмъ готовы къ печати. Съ 15-го мая я сидѣлъ надъ ними по 5 и 6 часовъ въ день, и кончилъ въ концѣ iюня; весь iюль перерабатывалъ, передѣлывалъ заново, и 31-го iюля кончилъ совсѣмъ, на отдѣлку. Съ моей совѣсти гора свалилась. Теперь я все сдѣлалъ, что могъ сдѣлать хорошаго, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унесъ съ собою недосказанную мысль. Съ октября начну печатать въ „Вѣстникѣ Европы“. Выйдетъ листовъ 7 печатныхъ. Беру 1.000 особыхъ оттисковъ. Посвящаю

молодому поколѣнію, въ которому обращаюсь съ нѣсколькими задушевными словами. Можетъ быть, переведу на нѣмецкій языкъ.

„Мнѣ думается, что этой работой будетъ положено начало коренному преобразованію всего теперешняго научнаго міросозерцанія, безъ чего научная этика немыслима и невозможна. Противорѣчія, въ которыхъ мысль въ наше время запуталась, требуютъ радикальнаго выхода. Я на него указываю, предоставляя другимъ рѣшить, правъ я или ошибаюсь: но въ необходимости радикальнаго выхода я ни одну минуту не сомнѣваюсь.

„Очень любопытно будетъ знать отзывы и сужденія. Ожидаю безконечное множество глупостей и вздора, гораздо меньше толковыхъ и заслуженно-строгихъ отзывовъ. Самое любопытное будетъ для меня то, какое впечатлѣніе произведетъ моя работа на учащуюся молодежь? При случаѣ напиши мнѣ что узнаешь и услышишь.

„Теперь я въ раздумьѣ, за какую приняться работу. У меня ихъ двѣ на примѣтѣ. Одна — это популярная, общедоступная энциклопедія юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ наукъ, въ которой у насъ большая потребность; другая — такой же общедоступный очеркъ исторіи философіи. Прочитавъ „Задачи Этики“, ты увидишь, что и для этой работы я созрѣлъ. Самъ я чувствую, что съ нею теперь могъ бы справиться. Послѣдняя была бы мнѣ гораздо больше по душѣ, но первая, пожалуй, будетъ полезнѣе для огромной массы образованныхъ людей, и потому я, вѣроятно, примусь за нее предпочтительно. Ей, какъ необходимое вступленіе, предпошлю очеркъ развитія общества отъ простѣйшихъ формъ (бродячаго быта) до высшихъ формъ современныхъ международныхъ отношеній. Эту работу, т.-е. очеркъ, напечатаю особо въ журналѣ. Послѣ нея остальное будетъ уже сравнительно легко. Тогда я буду уже совсѣмъ старъ, и эта болѣе легкая работа будетъ мнѣ по силамъ...

„Подумываю также серьезно разстаться съ вольнымъ экономическимъ обществомъ, которое доставляетъ однѣ непріятности... а времени оно отнимаетъ много; силы же не прибываютъ, а убываютъ. Хочется тишины, покоя и уединенныхъ занятій, въ кабинетѣ. Съ теперешнимъ разбродомъ мыслей нѣтъ ни малѣйшей охоты къ публичной дѣятельности. Нужно, чтобы смѣнилось два-три поколѣнія, чтобы она снова представила живой интересъ“...

26-го ноября 1884 г.

„Дорогой другъ, Дмитрій Александровичъ! ...Проклятый Петербургъ замучиваетъ мелкими хлопотами, которыя не оставляютъ времени для серьезной работы.

„Ну, что ты скажешь, и что у васъ въ Казани говорятъ умные люди о „Задачахъ Этики“? Меня это крайне интересуетъ. Все, что я до сихъ поръ слышалъ, сводится къ такъ-называемому succès d'estime. Хорошо-де и очень хорошо, но какъ-то мало понятно, отвлеченно, оставляетъ безъ отвѣта практическіе вопросы. Знакомые съ философіей вообще довольны. Другіе говорятъ, что приходится много думать. Вообще, большого, быстраго успѣха нѣтъ, а есть сочувствіе, къ которому въ значительной степени примѣшивается недоумѣніе. Я этимъ результатомъ доволенъ. Не могъ же я мечтать о томъ, что современники, по уши погруженные въ исключительно объективное міровоззрѣніе и не признающіе другой точки зрѣнія, сразу, прочитавъ мою работу, по щучьему повелѣнію, усвоятъ себѣ идеальный взглядъ, безъ котораго никакая этика немыслима. Довольно и предовольно того, что люди задумались. Остальное сдѣлаетъ время и большій интересъ къ философіи, который видимо ростетъ. Въ 1874 году я предсказывалъ, что этическіе вопросы вызовутъ у насъ интересъ къ философіи и самостоятельную разработку ея у насъ. Кажется, это предсказаніе начинаетъ осуществляться.—1-го декабря выйдетъ окончаніе „Задачъ Этики“, которое еще больше разъяснитъ мою точку зрѣнія, а въ половинѣ декабря выйдутъ изъ печати особые оттиски, съ посвященіемъ молодому поколѣнію и съ небольшимъ предисловіемъ. Пришлю тебѣ, Буличу и Ковалевскому [1]), такъ какъ съ нимъ, не называя его, я полемизирую.

„Съ вольнымъ экономическимъ обществомъ я покончилъ—и до смерти радъ... Если ты читаешь „Новости“, то видѣлъ тамъ послѣдніе отголоски того, что происходило въ обществѣ... [2]).

„...Теперь, поосвободившись, я опять принимаюсь за прерванную работу—за собираніе матеріаловъ къ исторіи развитія общественности, которая послужитъ введеніемъ къ энциклопедіи политическихъ и соціальныхъ наукъ. Буду работать по-нѣмецки, посвящая этому ежедневно нѣсколько часовъ: въ годъ, въ два накопится много. Это время читалъ Caspari, „Geschichte des Urmenschen“, но у меня его взяли.

„Обнимаю тебя и Варю много разъ, крѣпко и сердечно цѣлую твоихъ милыхъ дѣтей. Все это скоро выростетъ, оперится

---

[1]) Н. Н. Буличъ — давнишній знакомый К. Д. Кавелина — профессоръ исторіи русской словесности въ казанскомъ университетѣ, былъ въ то время ректоромъ этого университета. Н. О. Ковалевскій — профессоръ физіологіи въ казанскомъ университетѣ.

[2]) См. письмо К. Д. Кавелина къ редактору „Новостей“, по поводу выхода перваго изъ президентовъ вольнаго экономическаго общества. „Новости“ 1884 г., № 324.

и будетъ дѣйствовать въ свою очередь, смѣнивъ насъ. Пошли имъ Богъ много радостей и счастія, насколько человѣку дано имъ наслаждаться".

Письмо это, въ которомъ Кавелинъ привѣтствуетъ молодое, нарождающееся поколѣніе задушевнымъ пожеланіемъ всего лучшаго—было послѣднимъ его письмомъ ко мнѣ.

Матеріалы для его біографіи изъ семейной переписки и воспоминаній исчерпаны...

Въ двадцатыхъ числахъ апрѣля 1885 года я уѣхалъ на нѣсколько дней изъ Казани, а 30-го апрѣля утромъ, возвратившись домой, я былъ пораженъ извѣстіемъ о болѣзни К. Д. Кавелина. Но я не терялъ надежды, что организмъ Кавелина переборетъ болѣзнь, и 1-го мая я былъ утѣшенъ телеграммой изъ Петербурга, что опасность миновала и явилась большая надежда на выздоровленіе. 2-го мая рано утромъ я уже былъ на пароходѣ, радостно воображая себѣ мою встрѣчу съ дорогимъ Кавелинымъ. Но этимъ мечтамъ не суждено было исполниться...

3-го мая, въ 7 часовъ 15 минутъ утра, Кавелинъ скончался.

Эту глубоко скорбную для меня вѣсть я узналъ изъ „Русскихъ Вѣдомостей" въ Москвѣ, на вокзалѣ николаевской желѣзной дороги...

Не стану останавливаться на этомъ горестномъ событіи въ моей жизни...

Д. Корсаковъ.

ЖИТЬ, КАКЪ ЛЮДИ ЖИВУТЪ...

Заброшенный дневникъ.

Октябрь, 1885.

...Она, наконецъ, уѣхала.

Я одинъ, свободенъ. Что-то похожее на ребячье чувство, когда родители уѣзжаютъ изъ дома, и на радости не знаешь, за что̀ приняться. Первымъ дѣломъ я послѣ обѣда выспался,—въ полтора года завелъ эту глупую привычку. Потомъ, машинально, сталъ разбираться на своемъ письменномъ столѣ и одинъ смѣялся: будто куда сбираюсь. Это вѣрно: я сбираюсь жить, какъ люди. Что̀-то торопитъ, что̀-то волнуетъ. Конечно, волнуетъ и впечатлѣніе послѣдней сцены, отъ которой я еще не успѣлъ порядкомъ выспаться.

Попалась подъ-руку эта тетрадь. Она не тронута полтора года, съ того памятнаго дня. Вотъ, какъ была—залита чернилами; еще лоснятся пятна. Начальные писанные листы были вырваны и не существуютъ; странно: ихъ было что-то немного. Вѣроятно, потому и сбережена переплетенная тетрадь; еще, можетъ быть, пригодится. Вообще, все бережно, въ порядкѣ; я, наконецъ, добился порядка. Въ первые мѣсяцы, бывало, не помню, когда я пилъ утренній чай, не торопясь, не спѣша на службу, не забывая то того, то другого. Наказаніе! И, главное, всегда открывалось, что самъ же я виноватъ, самъ завалилъ свой портфель за комодъ, самъ засунулъ бумаги подъ другія бумаги:—„Не знаю, куда вы положили; я искала; вы на столѣ не велите ничего трогать“...—Порядокъ завелся, какъ завелась глупая привычка—позволять все трогать, распоряжаться всѣмъ и—кстати—мною..

И еще глупая привычка: волноваться изъ-за пустяковъ, даже когда они уже кончены.

Странное слово: *кончены*. Отчего его такъ непріятно писать? Великая истина: „Что пройдетъ, то будетъ мило". Положимъ, мое прошлое мило мнѣ не будетъ, но какая странная тоска въ словѣ: *кончено*! Напоминаніе ли о томъ, что человѣкъ не вѣченъ, прахъ... Какой вздоръ,—вовсе не то! Нѣтъ,—а будто сознаніе, будто ощущеніе, что въ самомъ человѣкѣ, въ самой глубинѣ его чувства есть какая-то конечность. Вдругъ выглядываетъ какая-то пустота на днѣ... фантазирую и поэтизирую! Просто, тоже, что—когда щелкалъ орѣхи, и въ мѣшкѣ, наконецъ, остались только скорлупа да свищи. Вполнѣ вѣрное, а главное, прямо изъ дѣйствительности выхваченное сравненіе; въ полтора года насмотрѣлся я на мѣшочки съ орѣхами. Занятіе! Дешево и пріятно!..

Странно вышло наше разставаніе; я ждалъ чего-то другого. Обѣдъ былъ готовъ; поставленъ одинъ приборъ для меня. Я сдѣлалъ знакъ Анисьѣ подать другой, но Паша это замѣтила и повторяла:

— Не надо, не надо; некогда, извозчикъ ждетъ.

— Подождетъ,—сказалъ я.

— Нѣтъ. Лучше, какъ уберусь. Дома.

„Дома"... У нея ужъ есть свое „*дома*". Меня возмутило; такъ равнодушно говорить:—„дома"! Полтора года, прожитые у *меня* въ домѣ—какъ будто не бывали. Она даже нисколько не конфузилась; правда, глаза были красны, но—ничего. Въ тормошеньѣ, въ своихъ женскихъ сборахъ, она будто утопила всякое чувство. Даже разсмѣялась, когда я разсмѣялся, какъ она совала въ сундукъ свое ситцевое платье; сказала только:

— Разгладится.

— А это?

Я показалъ на гранатное кашемировое, которое подарилъ ей къ новому году.

— Не берешь?

— Возьму,—отвѣчала она спокойно, только отвернулась.

Вообще, она выказала много твердости, даже удивительно много. Я былъ этому радъ; я боялся сценъ.

— Ну, все,—сказала она и сѣла.

Она, кажется, ждала, что и я присяду. Я стоялъ у двери кухни и курилъ.

— Прощайте, Иванъ Николаевичъ.

— Прощайте, Паша.

Я сказалъ *вы*, но подалъ руку. Она была въ пальто и уже закутана бѣлымъ платкомъ. Она подошла поцѣловать меня. Я ужасно боялся этой минуты и старался быть еще хладнокровнѣе.

Ея лицо было горячо и влажно, губы сухи, поцѣлуй непріятенъ. Всего одинъ поцѣлуй, я ждалъ больше. Она перекрестилась, заглянула въ дверь пустой комнаты, гдѣ жила, и пошла къ черной лѣстницѣ.

— Что-жъ не туда?—спросилъ я, показывая на парадный выходъ.

— Извозчикъ во дворѣ. Вы не ходите.

Я и не располагалъ провожать: увидѣлъ бы швейцаръ, могъ кто-нибудь встрѣтиться, она могла расчувствоваться. Я не заперъ кухни и приказалъ Анисьѣ, какъ проводить, давать мнѣ обѣдать. Анисья пришла не скоро; у женщинъ всегда найдется о чемъ болтать и надъ чѣмъ возиться. Этотъ отъѣздъ былъ, конечно, событіе чрезвычайное, но и обѣдъ былъ приготовленъ чрезвычайно дурно. Противъ своего обыкновенія, Анисья не возразила на мой выговоръ, но нашла нужнымъ занимать меня разговоромъ.

— Прасковья Алексѣевна не выдержала-таки, заплакала. Сѣла на дрожки, закрылась платкомъ и заплакала.

Я велѣлъ ей подмести и убрать ту комнату и пошелъ отдохнуть. Седьмой часъ. Скоро пора въ театръ...

Я хорошо сдѣлалъ, что принялся за эту тетрадь. Написанныя строки оживляютъ, мозгъ работаетъ. Буду записывать все, встрѣчи, мысли; переживая, будто не чувствуешь, а пройдетъ извѣстное время—оглядываешься. Я стою теперь на перепутьѣ жизни; напишу свою жизнь, что испыталъ, чему былъ свидѣтелемъ. Я легко набрасываю на бумагу мои впечатлѣнія, у меня есть какое-то влеченіе писать. Такое влеченіе—доказательство способности, таланта. Вотъ, сейчасъ прочиталъ занимательную сценку...

Но прежде всего—моя исторія. Дѣтство—въ сторону: давно, смутно, незанимательно и, вообще, нѣтъ ничего несноснѣе описаній дѣтства. Ранняя юность, пожалуй, тоже,—хотя она, отчасти, причиной того, что свершилось со мною. Я былъ „шалунъ“. Отецъ называлъ хуже и не любилъ меня. Человѣкъ хитрый, настойчивый, скупой—не могъ и не хотѣлъ понять чувствъ юноши. Я мѣнялъ мѣста, гдѣ воспитывался, наслушался упрековъ моей лѣни, нерадѣнію и прочее... „Да будетъ ему земля легка“; я простилъ. Сама судьба взялась поправить зло, которое хотѣли мнѣ сдѣлать.

У меня былъ братъ, моложе меня, почти десятью годами, нѣжный отрокъ, любимчикъ. Мать, родивъ его, умерла; отцу, съ горя, онъ сталъ еще милѣе. Меня, недостойнаго, слѣдовало „увротить“ и наказать. По общепринятому обычаю, это дѣлается посредствомъ денегъ; отецъ такъ и сдѣлалъ: умирая, онъ оста-

далъ намъ родовое имѣніе пополамъ, какъ слѣдовало по закону, но все благопріобрѣтенное (двѣ трети состоянія) завѣщалъ меньшому. Отъ матери былъ капиталъ: я получилъ свою половину, но я не умѣлъ, не умѣю и никогда не буду умѣть скряжничать, подбирать крохи, низкопоклонничать, прятаться отъ людей; я жилъ—слѣдовательно, тратилъ. Отъ материнскихъ денегъ оставалось уже немного; я уже рѣшался продать отцовское наслѣдіе, когда во мнѣ принялъ участіе опекунъ брата, отцовскій старый пріятель. Онъ предложилъ мнѣ сохранить то, что еще у меня было, распоряжаться землею, помѣстить остатокъ денегъ,—словомъ, спасти меня отъ окончательнаго разоренія. Читать мнѣ мораль было поздно; онъ помогъ дѣломъ. Я сдалъ ему на руки все и записался на службу въ Петербургѣ, — дальше отъ знакомыхъ глазъ. Братъ былъ въ гимназіи въ Москвѣ, и жилъ у опекуна. Я существовалъ тѣмъ, что мнѣ высылалъ этотъ опекунъ, и своимъ жалованьемъ; но какая-нибудь тысяча съ небольшимъ въ годъ—не Богъ знаетъ что для человѣка молодого, привыкшаго къ обществу, неспособнаго жить по мелочи. Я знакомился, бывалъ вездѣ, игралъ—какъ случалось—и счастливо, и несчастливо, тратилъ, занималъ, долженъ. Обыкновенная исторія. Она тянулась четыре года.

Чѣмъ больше разбираю, тѣмъ яснѣе вижу, что въ послѣдніе полтора года я охотно запропадалъ и нравственно прятался. Я, просто, оглупѣлъ; казалось бы, простое соображеніе: — я узналъ, что существуетъ тетушка Елена Платоновна; стоило обратиться къ ней, и она бы выручила. Было жутко—признаться. Впрочемъ, не помню, вспоминалъ ли я даже объ Еленѣ Платоновнѣ. И кто знаетъ, какъ бы тогда она приступилась къ моей *будь*. Вѣдь теперь, когда она приняла меня такъ радушно, когда сама вызвалась устроить мнѣ приличный, „представительный“ образъ жизни,—теперь мое положеніе не то, что было полтора года назадъ.

— Ты почти богачъ,—говоритъ она:—ты уже не неизвѣстный рыцарь, лишенный наслѣдства...

Есть такой въ какомъ-то старомъ романѣ. Тетушка—ея мать была двоюродная сестра моей матери—старая дѣва, и желаетъ закончить мое свѣтское воспитаніе; это, можетъ быть, отчасти предлогъ самой повеселиться на склонѣ лѣтъ. Что-жъ, доставлю ей веселіе; обѣщала пріѣхать на всю зиму. Но, въ ожиданіи ея, и самъ не буду тратить времени...

Семь часовъ...

М-me Орѣцкая не была въ театрѣ; я ждалъ, смотрѣлъ на пустую ложу. Grande dame—никому не передаетъ своей ложи, когда не располагаетъ быть сама: можетъ быть, вздумается послушать послѣдній актъ. Чтобы узнать о ней, я пошелъ на службу и спросилъ Весельскаго о кузинѣ. Тотъ преравнодушно отвѣчалъ, что она здорова, а почему не была — онъ не знаетъ... Дуракъ! Онъ зоветъ ее просто „Magie“. Почему и мнѣ не назвать ее такъ... по крайней мѣрѣ, въ этой тетради... Но что я скажу? Словъ нѣтъ...

Я разстроенъ и усталъ; три часа высидѣлъ на службѣ и раздумывалъ, почему бы мнѣ ее не бросить; прибыль отъ нея самая ничтожная. Но есть другая выгода—знакомства. Чрезъ Весельскаго, чрезъ Орѣцкихъ... Орѣцкій богачъ, въ силѣ. Наконецъ, у меня можетъ явиться и честолюбіе.

Говорю это не въ шутку, — честолюбіе. Войти въ свѣтъ и занять въ немъ мѣсто, пріобрѣсти вліяніе—вовсе не шутка. А при способностяхъ, при умѣньѣ—въ блестящемъ свѣтѣ это дѣлается скоро... Мелкій людъ одолѣваетъ; тереться въ его средѣ—какъ разъ затеряешься. Вѣдь эта среда—тоже съ оттѣночкомъ того, что поглощало меня полтора года: мелочь разсчета, мелочь удовольствій, мелочь понятій!.. „Въ груди моей силы необъятныя“. Имъ данъ толчокъ; онѣ всѣ встрепенулись и встали теперь; для нихъ возможенъ просторъ, возможно удовольствіе; теперь...

Теперь я узналъ, увидѣлъ... сердце замираетъ.

Покуда,—жить какъ-нибудь нужно! я беру, что могу, этотъ полусвѣтъ (жаль, нѣтъ у насъ слова!), это полуобщество имѣетъ свои претензіи, но съ нимъ можно не стѣсняться; мужчины, большею частью, однообразны и скучны; женщины встрѣчаются хорошенькія; на время, отъ нечего-дѣлать, можно заняться, и почему не брать того, что дается легко. Звѣзды далеки, а маленькіе фонарики, чиновницы...

Нечаянно нашелъ слово и смѣюсь. Вчера, измученный напраснымъ ожиданіемъ, я принялся дурачиться и разозлилъ мою *чиновницу*: только въ послѣдній антрактъ поднялся къ ней въ ложу, въ третій ярусъ, это все-таки не шутка! Она меня поджидала и не вытерпѣла:

— Вы начинаете отъ рукъ отбиваться!

Чуть прямо не сказала: „разбогатѣлъ и не смотритъ“. Затѣмъ разговоръ у насъ былъ самый занимательный: какой у меня чинъ. Она расхохоталась.

— Только-то? Ноготокъ, пожалуй, остеръ, а птичка невелика.

Я притворился, будто обиженъ; она притихла, стала извиняться; я воспользовался минутой, и въ темнотѣ, при разъѣздѣ, расцѣловалъ ее. Она обидѣлась. Сегодня утромъ записываю въ расходъ: „флаконъ духовъ—столько-то; посыльному—столько-то". Посмотримъ, догадается ли, отъ кого; она глупа достаточно... Тетушка Елена Платоновна была бы, пожалуй, недовольна назначеніемъ приношенія, недовольна тратой денегъ, но мои траты и мой выборъ—не ея дѣло...

Догадалась, достало понятливости! Звонокъ, посыльный—Анисья говоритъ, что тотъ же, котораго я отправлялъ. Огромный свертокъ, семьдесятъ-семь листовъ газетъ. Даже не поскупилась, иллюстрированныя, раскрашенныя, цѣлыми тетрадями. Я, наконецъ, добрался: конфетка въ золотой бумагѣ, къ ней, смятой ленточкой съ моего флакона, привязанъ прутъ изъ вѣника, розга, — и все надушено моими духами. Остроумное мщеніе. Голубушка, какъ съумѣла! Давно я столько не хохоталъ. Но такая месть не означаетъ гнѣва,—напротивъ. Мнѣ слѣдуетъ еще разъ обидѣться и еще обидѣть. Это ни къ чему не обязываетъ.

Странно, глупость этой барыньки навела меня на размышленія, на сопоставленія. Паша никогда бы не сдѣлала такой выходки, не придумала бы такой пошлой шутки. Отъ робости или отъ серьезности,—впрочемъ, она умѣла смѣяться,—но она бы на это не рѣшилась... Странная дѣвушка. Она какъ-то непостижимо, по своему, себя уважала; необыкновенное смѣшеніе гордости и выносливости, и никто не видалъ ея у меня, она умѣла прятаться. Если приходили мои знакомые, товарищи—сослуживцы или молодые военные, она не показывалась, какъ бы долго они ни оставались, уходила по черной лѣстницѣ къ своей бабушкѣ, къ сосѣдкѣ-булочницѣ, къ женѣ швейцара. Въ нарядныя гости она не ходила, и у нея не бывало никого. Анисья говорила, что лѣтомъ, когда я уѣзжалъ въ Москву, онѣ всего два раза вышли прогуляться, недалеко, и съ ними еще одна товарка, хорошая дѣвушка. „*Недалеко*"—было сказано для моего успокоенія, но что въ прогулкѣ участвовала *товарка*, то-есть какая-нибудь мѣщанка, швея, не находили для меня ничего обиднаго: вѣдь и Паша—швея... Развлеченій она никакихъ не желала; любила театръ, но только музыку; о драматическихъ спектакляхъ у нея было свое оригинальное мнѣніе.

— Что плакать или смѣяться выдумкамъ; лучше кругомъ себя на живыхъ людей оглянуться.

Зато въ оперу отправлялась часто,—разумѣется, въ рай. Это все-таки стоило не дешево, потому что мнѣ приходилось всякій

разъ брать для себя кресло; не сидѣть же въ раю. И безъ того меня стали считать любителемъ русской оперы: я бывалъ принужденъ досиживать до конца; Паша боялась уходить одна и при разъѣздѣ всегда дожидалась меня въ сѣняхъ, чтобъ вмѣстѣ возвращаться домой. Разъ я провелъ непріятную минуту. Я провожалъ Лугорскую съ дочерью; долго не было ихъ кареты. Вижу, сверху спускается Паша; думаю—станетъ какъ-нибудь на виду, будетъ торчать, можетъ быть, позоветъ. Она только поглядѣла и вышла за толпою на улицу. Я посадилъ Лугорскихъ въ карету и пошелъ, своей обыкновенной дорогой, по троттуару, вдоль стѣны; мнѣ вдругъ пришло безпокойство, чтобъ Пашу не затолкали, не обидѣли. Разъѣздъ въ этотъ вечеръ былъ особенно великъ; поклонники и поклонницы шпалерой стояли у актерскаго подъѣзда. Наконецъ, ужъ на просторѣ, мнѣ мелькнулъ бѣлый платокъ Паши; я окликнулъ, она не оглянулась и сѣла въ сани. Я усталъ; взяла досада,—изъ чего я безпокоился, догонялъ? какъ себѣ знаетъ! Я тоже взялъ извозчика и поѣхалъ къ Лугорскимъ, сдѣлать имъ сюрпризъ, слѣдомъ за ними явиться къ чаю. Тамъ собралось что-то много золотыхъ юношей; мнѣ съ первой секунды стало скучно, но я пробылъ долго. Mademoiselle Людмила проскрипѣла подъ фортепіано: „Цвѣты, цвѣточки“,—какъ будто эти „цвѣточки“ за часъ до того и подъ оркестръ не довольно надоѣли. Наконецъ, возвращаюсь къ себѣ: лѣстница освѣщена, дверь вмигъ отперта, готовъ чай, готовъ ужинъ; Паша веселая, миленькая...

— Я не слышала, что вы меня кликали. Вы были съ дамами; я видѣла, что мнѣ нельзя.

Безобидно. Будто въ порядкѣ вещей, будто такъ и слѣдуетъ *ей*: увидѣла барынь—и отходи прочь. Сознательное униженіе собственной личности... Глупое рабство! Какъ справедливо, что женщину можно любить только тогда, когда она сама себя цѣнитъ... А на это убито полтора года! Полтора года молодости, ея лучшей поры!..

Воспоминаніе—величайшее изъ золъ.

Все не собрался написать тетушкѣ; она сама написала, догадалась, написала. Пріѣдетъ непремѣнно, но еще задержали обстоятельства. Можетъ мѣшкать, мнѣ и безъ нея не скучно. Шутитъ: „Старые люди говорятъ—безъ женщины въ домѣ, какъ безъ кошки“, и подчеркнула „*старые*“: напоминаніе не считать ее старухой. Желаетъ полюбоваться Петербургомъ,—это я уже

слышалъ,—и посмотрѣть, какъ я поживаю,—что совершенно излишнее. Это побудило меня принять свои мѣры. По моей же лѣстницѣ, съ самаго верха, скоро уѣзжаетъ жилецъ, до февраля, и радъ на это время сдать свои двѣ комнаты. Тѣсно, темно, но можно красиво убрать. Я распорядился сейчасъ перемѣнить тамъ обои; пусть ужъ этотъ баринъ не безпокоится—не ждать же мнѣ: за расходы я заплачу. Уморительный онъ, какъ будто въ этомъ сомнѣвался и сконфузился, когда я разсѣялъ его сомнѣнія; человѣкъ смирненькій, скромненькій. Я его встрѣчалъ иногда, когда онъ брелъ къ себѣ наверхъ, съ портфелемъ, со сверточками; мы даже не кланялись; теперь, по поводу квартиры, познакомились. Онъ пришелъ вечеромъ, пилъ чай, и къ одиннадцати—ужъ дремалъ. Говоритъ—встаетъ чѣмъ свѣтъ. Конечно, зарабатываетъ сегодня, чтобъ достало на завтра; нужда. И мы ее знавали, нужду, но не было способности такъ уничтожать свою душу, подчинять ее отупляющему труду; хотѣлось воли, простора, и спасало только это стремленіе... Этотъ—право, есть чему подивиться!—доволенъ, питается, имѣетъ знакомства (воображаю!), хотя не имѣетъ времени часто ихъ поддерживать, покупаетъ книжки, получаетъ журнальчики, киснетъ, но существуетъ и очень много философствуетъ. Что-жъ и дѣлать въ норѣ, какъ не философствовать. Женатъ и имѣетъ пару дѣтей; все это живетъ въ деревнѣ у родителей (выражается почтительно): здѣсь — нѣтъ возможности; надѣется перейти въ Москву или въ губернскій городъ. Живетъ здѣсь четвертый годъ и Петербурга не знаетъ. Мнѣ вздумалось просвѣтить его; прокатилъ его въ разныя мѣста, угостилъ, подъ деликатнымъ предлогомъ начала знакомства. Должно быть, понравилось; утромъ, въ одинъ табельный день, онъ похвалилъ погоду, желалъ прогуляться, что-ли, но куда съ нимъ покажешься...

Зато, взманилъ меня. Впрочемъ, нечего было и разманивать. Не помню, гдѣ я не былъ этими днями, не помню, что я дѣлалъ. Знаю, что два раза плясалъ и растратилъ кучу денегъ.

Досадно: сегодня не видалъ волшебницы... Истинно, волшебница, мучительница, неприступная царица.

Но точно ли неприступная? много смертныхъ кругомъ нея; она, кажется, равнодушна; замѣчаетъ всѣхъ, не отличая никого, всегда спокойна, обходительна, говоритъ просто...

Поѣхалъ къ ней вечеромъ и не засталъ. „Обѣдаютъ у княгини“. Это „venez diner ce soir“—ихъ обычаи... По-чиновни-

чьи, когда иные супруги ужъ зѣвать начинаютъ, у Орѣцкихъ только начинается вечеръ.

Супругъ Орѣцкій—важная денежная сила, но человѣкъ пріятный, со вкусомъ, держится тоже очень просто, особенно привѣтливъ съ молодежью, шутитъ, у себя въ кабинетѣ потчуетъ сигарами. Я робѣлъ, пріѣхавъ на балъ въ первый разъ, но это скоро обошлось. Потомъ—вспоминаю и смѣюсь! — на первыхъ порахъ меня глупо пугалъ медвѣдь съ золочеными когтями въ швейцарской; теперь я свободно нахожу себѣ мѣсто въ роскошной гостиной среди модныхъ франтовъ, старыхъ тузовъ, вычурныхъ барынь, вступаю въ разговоры и не обращаю вниманія на молчаніе. Если бываютъ *тамъ* эти люди—могу бывать и я. „Самоуничиженіе—паче гордости“,—гдѣ-то сказано, и сказано тѣмъ умнѣе, что практично. Люди запропадаютъ, потому что—*не смѣютъ*; молчалинство! Но и Молчалинъ былъ не глупъ, а себѣ на-умѣ, и тихонько строилъ себѣ каррьеру. Конечно, что же и за каррьера! Конечно, есть люди и малымъ довольные,—но что же и за люди!... Не силы, а силёнки—тѣ, которыя мирятся съ такимъ низменнымъ положеніемъ. И времена не тѣ: молчалинствомъ нынче ничего не добьешься. Я молодъ, образованъ, недуренъ собой, богатъ; я хочу впередъ и пройду впередъ,- надѣюсь, не скучной дорогой.

Нужна отвага,—она есть. Нужна удача...

Когда сердце за-одно съ честолюбіемъ...

На дняхъ какъ-то,—были немногіе,—у Мари читали стихотвореніе:

Любовь, трава полярныхъ странъ,
Мгновенно выростаетъ...

Или „зеленѣетъ“—разумѣется, не помню. Читалъ ея кузенъ Весельскій—собственное произведеніе. Поэтъ, туда же! Я хотѣлъ уйти; она оглянулась, и я остался, прикованный къ мѣсту.

Три дня не трогалъ этой тетради и почти не былъ дома.

— Заходилъ къ вамъ нѣсколько разъ, васъ заря вгонитъ, заря выгонитъ,—сказалъ жилецъ, заставъ меня вчера опять на походѣ.

Пока я отдыхалъ и сбирался,—онъ мудрствовалъ. Все высыпалъ: „разсѣянная жизнь затягиваетъ; остановиться трудно; привычка—наклонная плоскость“... Жалко и смѣшно! Я удержался сказать вѣчномудрое слово: „зеленъ виноградъ“,—и только выразилъ мысль, что запугиванье пошлостью, превышеньемъ и тому подобнымъ—придумано людьми, которые не жили, а только со-

чиняли себѣ жизнь въ фантазіи, потому что жить дѣйствительностью у нихъ не хватало смѣлости. Чуть не сказалъ: не хватало ума и денегъ—но что̀ его обижать!

— Въ человѣкѣ,—замѣтилъ я:—существуетъ врожденная потребность радости, которой онъ долженъ удовлетворить.

— Но какой радости? Въ чемъ состоитъ радость?

— Въ чемъ бы ни состояла,—отвѣчалъ я, надѣвая перчатки: —хоть бы въ ощущеніи свѣжей перчатки.

— Эгоизмъ!—произнесъ онъ, и, очевидно, желалъ перейти еще къ чему-то, но мнѣ слушать было некогда.

Эгоизмъ!.. Но безъ эгоизма люди не въ состояніи понимать другихъ людей. Вотъ, онъ, мудрецъ, меня не понимаетъ,—а я, эгоистъ, понялъ, когда онъ расчувствовался,—заговорилъ о своей женѣ. Показалъ ея карточку; я ахнулъ, какъ хороша. Глаза, волосы, станъ, и всего только двадцать лѣтъ! Безпристрастно— лучше m-me Орѣцкой. Вотъ, показать бы въ свѣтъ...

— Она въ свѣтъ не годится, — отвѣтилъ онъ и очень сумрачно тотчасъ спряталъ карточку.

Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, не годится: что-то суровое. Мари Орѣцкая тоже иногда взглядываетъ сурово, но—какая же разница! Понимаю: вотъ такая женщина можетъ властвовать. Спокойна, безпощадна. Я восхищаюсь. Недавно, дѣвица одна (о лѣтахъ ея ужъ не говорятъ), наивничая, что-то сболтнула. Мари только оглянулась съ состраданіемъ... Упасть на колѣни передъ нею! Безъ словъ все выразила! Могутъ барыни у нея поучиться; неумолима ко всякой ихъ оплошности. Иная и не ждетъ, какъ тутъ и попалась, а главное—сразу не догадается: обидѣться, кажется, нечѣмъ. А мы, мужчины, потомъ хохочемъ. Достается иногда и нашему брату...

Но знаю и увѣренъ, что надо мной она не смѣется. Во-первыхъ, надо мной смѣяться нечему; она могла разобрать это, хотя видитъ меня въ своемъ домѣ недавно. Она умна и понимаетъ, что я ее понялъ: ей должны надоѣсть всѣ ея поклонники, пустые, однообразные. Она этого не выражаетъ, но несомнѣнно—такъ есть, такъ должно быть. Я не то, что̀ другіе,—я противоположность, я оригиналенъ, и я ей нравлюсь. Это ясно. Я—недавно въ ея кругу, и хотя усвоилъ всѣ ея оттѣнки, всю внѣшность, но наблюдательному взору женщины должна быть замѣтна та незатронутость, та свѣжесть чувствъ, та привлекающая молодая *удивленность*—étonnement,—которая составляетъ неотразимую силу...

Именно вчера въ ея гостиной говорили о чувствахъ. Запи-

салъ бы все,—невозможно. Вспоминается отрывками, одно цѣпляется за другое; перекрестный огонь шутокъ, намековъ, движенія, перемѣны мѣста. Она встала и проходила мимо меня; у нея въ рукахъ былъ букетъ. Я воспользовался минутой и сказалъ ей, на тему общаго разговора, но тихо:

— Анализировать влеченія сердца—то же, что анатомировать цвѣты...

Близко былъ ея мужъ; она обратилась къ нему, показывая букетъ.

— Сейчасъ мнѣ привезли. Но жалко, завтра ужъ завянетъ.

Она такъ мило это говорила. Мужъ засмѣялся, пошутилъ надъ ея страстью къ цвѣтамъ.

— Какъ жалостлива!—сказалъ онъ мнѣ:—не любитъ букетовъ.

— Кто любитъ цвѣты, тотъ не можетъ любить букетовъ,—возразила она.

У меня голова закружилась: если другіе подносятъ ей, могу поднести и я... Не помню, какъ я выговорилъ:

— Позвольте привезти вамъ... такое, что бы завтра не завяло.

Я вспыхнулъ, весь дрожалъ. Важный баринъ вообразилъ, конечно, что я перековфузился. У меня летали въ глазахъ магазины, оранжереи. Сразу я наговорилъ, будто одинъ знакомый, уѣзжая, оставилъ мнѣ небольшую пальму, что я не умѣю ходить за нею, что Марья Александровна сдѣлаетъ доброе дѣло, спасетъ жизнь одному растенію, если позволитъ...

— Позволяетъ!—снисходительно-весело прервалъ супругъ и отошелъ, безъ сомнѣнія, убѣжденный, что я совсѣмъ потерялся.

Она поблагодарила, но болѣе не сказала ни слова и не вернулась къ начатому разговору... Почему она такъ вдругъ прервала его, увидя мужа?..

Сегодня жилецъ сослужилъ мнѣ службу. Не самому же мнѣ тащить трехъ-аршинное дерево; разумѣется, лучше этой *небольшой* пальмы не было въ оранжереѣ. Погода ужасная; я взялъ карету, съѣздилъ, выбралъ, а остальное растолковалъ жильцу: не мудрено найти, гдѣ живутъ Орѣцкіе, и сдать швейцару. Жилецъ ахнулъ, какъ дорого это стоитъ. Мнѣ стало какъ-то совѣстно; я сказалъ, будто это мнѣ поручили.

— Но подумайте только,—плакался онъ:—доброму человѣку на такія деньги—три мѣсяца прожить! Нѣтъ, ужъ вы извините меня, увольте. Точно будто и я служу *ихъ* прихотямъ. Я не могу...

Я, однако, его уговорилъ, заставивъ повѣрить, что мнѣ нездоровится. Это правда; сильно голова болитъ; я, вѣрно, простудился.

Разсчитывалъ пріятно провести время, а пришлось сидѣть дома; глупый насморкъ, да еще съ лихорадкой: конечно, *порядочные* не являться тотчасъ слѣдомъ за приношеніемъ, но хотѣлось бы видѣть эффектъ пальмы въ роскошной гостиной.

Нестерпимо. Докторъ смѣется, говоритъ, что это неопасно, ничего,—имъ все ничего!—что стоитъ только поберечься, не выѣзжать. По-неволѣ, когда показаться нельзя. Кажется, лицо распухло.

Мнѣ вздумалось немножко счесться; много издержано за это время. Совершенно вѣрно замѣчено, что когда являются деньги, являются и потребности; но еще вѣрнѣе, что когда деньги у меня бывали рѣдко—онѣ тратились не вѣсть куда. Теперь въ эти три недѣли я, по крайней мѣрѣ, знаю, куда. Приказалъ Анисьѣ вчера подать мнѣ счетъ и дѣлать это всякій день, и она меня тутъ же взбѣсила: неграмотная, видите ли, такъ ходила къ Прасковьѣ Алексѣевнѣ,—та ей записала! И, какъ слѣдовало ожидать, задолжала въ лавочку. Отъ этихъ милыхъ лавочекъ вѣкъ свой и шло у насъ все вверхъ дномъ Преоригинальныя суммы: „четыре копѣйки, девять копѣекъ“. Почему не пять, не десять,—что-нибудь опредѣленное? Тоска! Вотъ такія-то пошлости лишаютъ образа человѣческаго.

Хотѣлъ написать Еленѣ Платоновнѣ; некогда. Анисья не думала приготовить комнату. Я вошелъ — все какъ осталось три недѣли назадъ, пустая кровать, пустой шкафъ. Я толкнулся на швейную машину, и мнѣ пришла мысль: на что мнѣ эта машина? Къ тому же—доказательство, что въ домѣ была женщина; пожалуй, скандализуются... Что-жъ, *была*,—но вѣдь ужъ нѣтъ ея. Но все лучше, какъ нѣтъ и повода для объясненій, лучше съ глазъ долой. Конечно, вещь дорогая...

Я позвалъ Анисью.

— Вы, стало быть, знаете, гдѣ живетъ Прасковья Алексѣевна?

Она засмѣялась.

— Вы бѣгали къ ней, счеты ваши записывали. Позовите извозчика, возьмите эту машину и свезите ей. Вы скажете, что это я прислалъ.

Чрезъ часъ она воротилась.

— Благодарить васъ приказала; очень была рада,—доложила она, ожидая, что я стану разспрашивать.

Я молчалъ. Скучно, темно, болѣнъ, погода скверная. Анисья видимо желала мнѣ угодить, затопила каминъ и принесла папиросокъ.

— Ихъ тамъ, въ комодѣ, тысяча. Наготовила *она* по вашему вкусу еще давно. Вотъ и сейчасъ, спрашиваетъ, есть ли еще у васъ папироски. Она бы и теперь набила, да не изъ чего ей; если къ ней отнести табакъ и патроны, она и теперь, пожалуй... Живетъ она,—что-жъ! Работа есть. Два платья ей дали шить, да къ праздникамъ еще, можетъ, дадутъ. Машина ей теперь большое облегченіе. Комнатка у нея—что-жъ! стѣна мимо окна приходится, въ бокъ. И цвѣтокъ себѣ поставила, завела; какъ была, затѣйница... А ужъ не та, что прежде. Я было-заплакала, а она говоритъ: „это, говоритъ, было, да быльемъ поросло; нечего вспоминать“...

Я велѣлъ ей уйти... „Быльемъ поросло“... Вотъ и любовь!

Ужасная тоска, выѣхать невозможно. Отвратительная погода; только тѣмъ и кстати, что не манитъ изъ дома.

Но мнѣ необходимо знать, что дѣлается за порогомъ моего дома; вѣдь я—въ Петербургѣ! жизнь кипитъ и мчится... а для меня она остановилась въ четырехъ глухихъ стѣнахъ. Я не затворникъ, я не могу выносить.

Хоть бы зашелъ кто-нибудь—ни души! Знакомыхъ довольно; отношенія, кажется, недурны; по крайней мѣрѣ, столкновеній не бывало. Нѣтъ друзей,—но что такое друзья? Были, говорятъ, примѣры въ исторіи... Теперь и имена ихъ перепутываются. Есть, просто, люди; не скучно, когда они приходятъ, но не скучно, когда и уходятъ. У всѣхъ свои интересы; если есть что-нибудь практическое, общее, ну, и сближаешься, насколько необходимо. А *тѣ* друзья, идеальные? Вопросъ еще спорный: благо или бѣда—имѣть ихъ?

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей“...

И еще другой текстъ:—„Нѣтъ человѣка, который, въ половинѣ жизни, не сталъ бы мизантропомъ“... Я почти въ половинѣ жизни...

Ни одному изъ фатовъ, которые *тамъ* увиваются, не придетъ на мысль провѣдать, что со мною сталось...

Сейчасъ былъ жилецъ и свѣтскую жизнь проклиналъ. Премилы эти проклятія невѣдомому, посылаемыя въ пространство. Я не противорѣчилъ. Философствуетъ, о чемъ только можетъ, даже о моемъ нездоровьѣ. Припомнилъ: „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“,—и говоритъ:

— Неправда, невѣрно, совсѣмъ наоборотъ. Не тѣло поддерживаетъ духъ, а именно духъ — то-есть мысль, нравственное чувство—живитъ и укрѣпляетъ тѣло, заставляетъ забывать болѣзнь, даже исцѣляетъ. Внутреннее довольство доставляетъ даже практическую удачу...

Должно быть, на моемъ лицѣ онъ прочелъ вопросъ: почему же у него такъ много неудачъ?—и какъ будто опечалился, оттворился дѣломъ и ушелъ.

Этотъ смѣшной человѣкъ оставилъ мнѣ какое-то безпокойство. Нездоровье само по себѣ, но странно, безпричинно, какъ-то тяжко на душѣ. Откуда-то вдругъ, клочками, набираются всякія мысли, воспоминанія, нежданныя, непрошенныя. Если между ними мелькаютъ веселыя, то раздражаютъ еще хуже. Такъ бы ужъ—къ больному больное, „подъ одинъ цвѣтъ“...

Вотъ и это слово, влетѣло въ память, завертѣлось, не могу выгнать. Его сказала Паша, прикалывая яркій желтый бантъ къ палевому платью. Я назвалъ ее канарейкой; она обрадовалась и распѣлась на цѣлый день. У нея бывалъ вкусъ и даже оригинальность.

Нестерпимо! скука истомила. Попробую одно средство, не оригинальное. Въ дѣтствѣ, бывало, приказывали пощупать то, что пугало; я пощупаю свое прошлое,—запишу его, то прошлое, что меня истомило и довело до *униженія*...

Горькое слово написано; не вычеркну. Я раздраженъ, и мнѣ пріятно волновать себя, вспоминать униженіе; въ волненіи, разскажется еще удачнѣе. Я не скрою отъ себя, не обойду ничего. Это—исторія послѣдняго полутора года; прослѣжу, какъ могло случиться то, что случилось. Меня займетъ умственная работа; она мнѣ легко удается. Начинаю.

Весной прошлаго года всѣ разъѣхались по дачамъ. Мнѣ ѣхать было некуда и не съ чѣмъ, даже невозможно оставить квартиры, за которую три мѣсяца было не плачено. Дворникъ ужъ сплетничалъ Анисьѣ, что хозяинъ намѣренъ меня „выселить“. Учтивое, прекрасное выраженіе. Я ждалъ,—право, не знаю, чего я ждалъ. Опекунъ, мой повѣренный, объявилъ при послѣдней присылкѣ,

что не можетъ больше доставить ни гроша, а затѣмъ на всѣ письма отмалчивался. Шансы займовъ истощились. Я не могъ рѣшиться заложить послѣднее—мои часы, они были необходимы мнѣ, какъ порядочному человѣку; и по какому-то суевѣрному чувству мнѣ казалось страшно, что вотъ, на груди моей, что-то перестанетъ биться. Я ждалъ... день за день. Погода стояла ясная. Я высиживалъ на службѣ, бродилъ, обѣдалъ въ долгъ въ трактирахъ. Я убѣждался, что такъ можно прожить долго, только бы имѣть ночлегъ. Анисья—не знаю чѣмъ питалась, даже иногда находила чѣмъ меня попотчивать. Отослать ее было тоже невозможно; ужъ не помню, сколько я былъ ей долженъ. Она терпѣла,—бывшая крѣпостная, обломокъ древняго усердія. Впрочемъ, когда мы, наконецъ, съ нею сочлись, она не оставила себя въ убыткѣ.

Итакъ, я бѣдствовалъ. Наконецъ, подошло время получать жалованье, и служащимъ въ нашемъ управленіи выдали,—крупнымъ чиновникамъ покрупнѣе, мелкимъ помельче. Того, что получилъ я, стало бы мнѣ прожить недѣлю. Я такъ скучалъ въ послѣдніе дни, что моей первой мыслью было хоть чѣмъ-нибудь вознаградить себя. Сослуживцы, натурально, не знали моего ужаснаго положенія. Получая деньги и разговорившись съ нашимъ старымъ казначеемъ, я какъ могъ равнодушнѣе сказалъ, что завтра ѣду на дачу, въ окрестностяхъ, къ знакомымъ, къ госпожѣ Лугорской—особа богатая, внушительная. Рядомъ съ ея дачей—собственная дача нашего начальника, куда онъ уже нѣсколько дней какъ переѣхалъ. Казначей обрадовался оказіи: начальникъ—его старый пріятель, „человѣкъ милый, снисходительный“; чтобъ его не безпокоить, не вызывать изъ малости, и самому не тратиться на поѣздку—не возьмусь ли я отвезти ему деньги? Казначей распишется, я распишусь—словомъ все, что слѣдуетъ, а для меня это еще хорошій случай—доставить удобство начальнику. Я согласился, расписался, что получилъ для доставленія, и мнѣ вручили эту львиную долю.

Никакъ не могу объяснить, что было у меня въ головѣ. За минуту, я уже сообразилъ и твердо зналъ, что никуда не поѣду: Лугорскіе меня не звали, денегъ мало, недостанетъ даже на необходимое. Сказалось—*такъ*, но я не умѣлъ, просто, я не хотѣлъ сознаться, что сболтнулъ. Толстый пакетъ какъ-то сверкнулъ мнѣ въ глаза, я при свидѣтеляхъ пересчиталъ, что въ немъ было, машинально небрежно заклеилъ и положилъ въ карманъ. У меня не было намѣренія украсть. Такъ же машинально, самъ не зная для чего, я сказалъ, что, можетъ быть, завтра промѣшкаю съѣздить,

но что послѣ-завтра, какъ можно раньше, съ первымъ пароходомъ... Не знаю, не знаю, зачѣмъ я оговорился, прибавивъ, что вѣдь это все равно, потому что я далъ росписку въ полученіи. Мнѣ отвѣчали, что — я ужъ не слышалъ, но, вѣроятно, разрѣшили промѣшкать, потому что не остановили, когда я уходилъ, всячески стараясь не торопиться... Ощущеніе памятное: меня вдругъ, до боли, что-то схватило подъ грудью; я не могъ передохнуть, зашелъ въ булочную и спросилъ воды. Мнѣ вдругъ захотѣлось ѣсть, но я не ѣлъ, и вмѣсто воды, не останавливаясь, не размѣшивая, не замѣчая, что горячо—выпилъ два стакана кофе. Расплачиваясь, я вынулъ пакетъ; онъ въ карманѣ у меня расклеился. Крупную ассигнацію долго размѣнивали. Я помнилъ, что въ другомъ карманѣ, въ бумажникѣ, у меня есть свои мелкія, но думалъ, что ихъ надо отдать Анисьѣ. У прилавка мнѣ напомнили, что за мной есть долгъ; я только сдѣлалъ знакъ, чтобъ его вычли; я не могъ говорить. Мнѣ было холодно, я прошелъ очень немного, но страшно усталъ, въ глазахъ синѣло, будто въ угарѣ. Домой не хотѣлось, никуда не хотѣлось. Солнце сіяло, рѣка серебрилась, изъ дверей магазиновъ пахло цвѣтами и плодами. Я вдругъ взялъ дрожки, велѣлъ везти себя домой—и, помню, бранился за скверныя рессоры. У воротъ торчалъ дворникъ; меня взбѣсило, какъ онъ нагло взглянулъ. Я велѣлъ сію минуту придти за деньгами и сказалъ, что сегодня же отсюда съѣду. Куда я былъ намѣренъ переселиться, точно ли я былъ намѣренъ переселиться, я не зналъ, но, разъ объявивъ рѣшительно, остановиться было глупо. Я и не оглянулся, какъ Анисья ужъ связывала узлы и сбирала посуду. Валялась старая газета; я сталъ смотрѣть объявленія.

— Тутъ въ домѣ рядомъ отдается,—замѣтила Анисья:—развѣ только дорога будетъ.

— Куда вамъ пять комнатъ; и за эту едва, слава Богу, расплатились,—отозвался дворникъ.

Дерзость меня подтолкнула. Я побѣжалъ, ворвался къ управляющему, помѣшалъ ему обѣдать, выбросилъ деньги и нанялъ квартиру, вотъ эту, по контракту на годъ. Я торопился и торопилъ, чтобы все сейчасъ вносили, убирали,—повторялъ, что хочу ночевать уже здѣсь. Это стало для меня потребностью. Я не могъ ничего думать, я былъ возбужденъ. Двѣ недѣли нелѣпаго выжиданія, напраснаго ломанья головы, дурного питанія, оскорбленій отъ всякаго дворника—мѣра переполнилась. Тутъ я убѣдился, какъ я нервенъ; войдя въ просторныя комнаты, я сознался, что не могу жить въ клѣткахъ безъ солнца...

Къ вечеру хотя еще не все убралось по мѣстамъ, но моя спальня была готова, уютна, прохладна; я спалъ съ наслажденіемъ. Такіе часы полнаго забвенія даются рѣдко и стоютъ дорого. Для меня, съ первой минуты пробужденія, настала расплата: какое-то странное безпокойство. Мнѣ показалось любопытно слѣдить за нимъ. Я догадывался. Безпокойство сначала смутно шевельнулось въ мозгу; что-то будто удивило; вдругъ, что-то толкнуло, заставивъ приподняться. По спинѣ забѣгали мурашки. Я сунулъ руку подъ подушку, куда съ вечера положилъ пакетъ; мнѣ почему-то казалось, что я не найду его. Онъ лежалъ, какъ былъ, и, прижатый за ночь, выгладился, будто заклеенный... Если-бы сначала онъ былъ заклеенъ получше! еслибъ я его не открывалъ! Было страшно притронуться... Но вѣдь надо провѣрить. Надо же знать, что̀ есть у меня.

Помню все это, помню отлично. Точно я хотѣлъ знать, сколько *взялъ чужого*, но въ то же время мнѣ казалось, будто *истратилъ собственное*. Въ головѣ моей происходило что-то непостижимое. Я выложилъ ассигнаціи себѣ на колѣни, считалъ и все сбивался. Кажется, не было половины. Я сидѣлъ окаменѣлый.

Анисья постучалась въ дверь.

— За сливками сходить надо. Нѣтъ ли у васъ мелкихъ?

Я велѣлъ ей посмотрѣть въ пальто и думалъ: вотъ, женщина— не можетъ оказать простой услуги—купить, не безпокоя меня; кажется, вчера ей дали довольно!.. Я слушалъ, какъ она снимала пальто съ вѣшалки, возилась въ карманахъ... „Мелочь“ — вѣдь тоже изъ *тѣхъ*, остатки, сдача...

Я, кажется, вскрикнулъ, какъ ребенокъ; я былъ въ квартирѣ одинъ, жутко. Я сталъ считать опять, уже ничего не понимая. Было необходимо встать, освѣжиться. Мой письменный столъ былъ ужъ на мѣстѣ; я положилъ пакетъ въ ящикъ и бережно заперъ на ключъ.

Анисья вздумала набрать сыру, масла, печенья. Я разбранилъ ее.

— Ну, что̀ ужъ, неразоритесь. Давно не кушали.

Правда, я давно вкусно не ѣлъ; она обрадовалась, когда я похвалилъ кофе.

— На здоровье. Что жъ, жалованье получили, кушаете свое. Хоть бы и дорогихъ денегъ стоило — богатымъ ли однимъ себя ублажать, прости Господи! Будто безъ достатка человѣкъ ужъ и не человѣкъ. Поди, всякому тоже хочется.

Философія наивная, но она произвела на меня хорошее, ободряющее впечатлѣніе. Не желая казаться въ глазахъ Анисьи жал-

кимъ „человѣкомъ безъ достатка", я объяснилъ ей, что если и случаются стѣсненія, то они временныя: я служу и, конечно, буду богатъ.

— Что Богъ дастъ, то и будетъ,—отвѣтила она:—живутъ люди, и вы проживете.

Она ушла прибираться на „новомъ мѣстѣ". Счеты, разговоры съ кухаркой меня утомили. День, какъ вчера, былъ свѣтлый и праздничный, но я и безъ того не располагалъ идти въ должность. Я посмотрѣлъ на письменный столъ, хотѣлъ записать свой дневникъ, отбросилъ, толкнулъ чернильницу, пролилъ, пришлось звать Анисью убирать безпорядокъ; я ненавижу возню... Съ того дня до послѣдняго времени я не трогалъ этой тетради. Полтора года!.. Памятный день.

Пакетъ уцѣлѣлъ; я опять заглянулъ въ него, какъ-то по-дѣтски, даже разсмѣялся. Пестрѣли двѣ радужныя, еще что-то. Совсѣмъ безсознательно, я переложилъ ихъ въ свой бумажникъ, бумажникъ въ карманъ, пустой пакетъ опять въ столъ, и опять аккуратно заперъ. Я ушелъ изъ дома, гулялъ, зашелъ въ фотографію, снялся и заказалъ дюжину „кабинетныхъ". Мнѣ очень нравились портреты большіе, длинные, модные, но показались дороги. Обѣдалъ въ ресторанѣ. Хотѣлось проѣхать куда-нибудь на дачу, прокатиться на взморье, но подумалось: праздникъ, можетъ встрѣтиться кто-нибудь изъ сослуживцевъ; они всѣ по праздникамъ гуляютъ съ семействами; пристать къ нимъ—скука, петербургская чиновничья идиллія. Есть мѣста поразнообразнѣе; тамъ, если кто и встрѣтится—другое дѣло...

Я пропадалъ до свѣта.

И тогда, и теперь, чрезъ полтора года, я, какъ честный человѣкъ говорю, что я былъ въ чаду, что я оглянулся поздно, что я сталъ играть единственно только въ надеждѣ поправиться, спастись. Вѣдь если обыграли меня—могъ и я обыграть, воротить все, получить больше. Я надѣялся. Я волосы на себѣ рвалъ... Вертепъ проклятый!.. Я вышелъ въ три часа утра. Часы я разсчиталъ по солнцу; моихъ больше не было. Я поставилъ ихъ послѣдніе на карту, думая взять хоть на что пообѣдать.

Я шелъ и прямо, и сворачивая, не знаю куда. Въ головѣ шумно вертѣлось не знаю что и отрывочно, и странно-связно. Я соображалъ, что я буду сегодня ѣсть, и нѣтъ ли чего у Анисьи... потому что пища—первая потребность человѣка, и о ней первой слѣдуетъ заботиться. Основная идея времени; человѣчество подняло къ небу крикъ о хлѣбѣ, и вполнѣ право... Я шелъ, постукивая тростью по плитамъ скверныхъ троттуаровъ. Трость у меня

оставалась. Бѣгали собаки и меня не тронули. Дома кругомъ всякіе, полукаменные, полудеревянные, съ свѣтелками и—тоже! —съ претензіями, съ занавѣсочками, съ балкончиками, съ цвѣточками. Внизу все заперто—двери лавчонокъ, ставни—съ дырочками. Нынче вырѣзаютъ просто четыреугольники, прежде бывали сердечки. Гдѣ-то стукнула калитка. Я схватилъ себя за грудь и побѣжалъ будто воръ.

Я въ самомъ дѣлѣ воръ...

Тутъ нѣсколько минутъ, которыхъ я разсказать не умѣю: звонъ въ ушахъ, нестерпимая боль во всемъ тѣлѣ. Сверкнула вода, рѣчка, я сбѣжалъ къ берегу. Ощущеніе мягкой земли, сырой травы, заставило очнуться, но съ сознаніемъ поднялось полное отчаяніе. Я не зналъ, гдѣ я, но къ чему знать? Ничего нѣтъ нигдѣ! Вотъ вода. Одна секунда... Что-жъ? повиниться, сказать, что потерялъ? Искать станутъ! Молить, чтобъ подождали, ждать, чтобъ изъ грошей, которыхъ недостаетъ и на мое существованіе... Я бросилъ шляпу, трость и машинально перекрестился...

За мною раздался крикъ; меня ухватили мокрыя руки.

— Баринъ, Господь съ вами!

Я рванулся, упалъ на землю и зарыдалъ... Жить такъ хотѣлось! По моему лбу скользнули тѣ же маленькія мокрыя руки. Я открылъ глаза: подлѣ меня сидѣла молоденькая дѣвушка и горько плакала. Едва я шевельнулся — она ухватилась еще крѣпче и тихо, сердито сказала:

— Если вы только... закричу. Вонъ—городовой.

Она вся дрожала, крестила меня, уговаривала; я лежалъ, странно отдыхая. Не хотѣлось подняться. Было хорошо: подлѣ меня есть кто-нибудь, слышится молодой голосъ, свѣжія руки гладятъ по головѣ. Я былъ страшно утомленъ; двѣ недѣли голода, постыдныхъ страданій, двое сутокъ возбужденія, наконецъ вотъ этотъ отчаянный порывъ... Но что будетъ завтра, что будетъ черезъ часъ? Я хватился часовъ...

— Ради самого Бога!—вскрикнула она, когда я поднимался: —но скажите же, что съ вами такое?

Я сказалъ все, должно быть, понятно. Она спросила:

— Вамъ нужны деньги?

Я былъ уничтоженъ, я выносилъ агонію, но помню, какъ меня рѣзнула эта выходка. Дѣвчонка ранней зарей, покуда люди не видятъ, полощетъ свои тряпки и спрашиваетъ! Я повторилъ:

— Деньги.

— Жаль, нѣтъ со мной...

Я захохоталъ.

— Нѣтъ, а то бы сію минуту... Но если вы... Подождите, вотъ наша квартира. Подождите, я сейчасъ...

Она указала на домъ недалеко отъ рѣчки, побѣжала, вдругъ остановилась, оглянулась, воротилась, заставила меня перекреститься—звонили къ заутренѣ, заставила поклясться, что я не сойду съ мѣста, и побѣжала опять. Я, въ самомъ дѣлѣ, стоялъ отупѣлый, одурѣлый, глядя по сторонамъ, дожидаясь, не знаю чего. Я ждалъ не долго. Она прибѣжала запыхавшись и подала мнѣ старый свертокъ бумаги.

— Вотъ, пятьсотъ. Извольте.

Я почти испугался.

— Откуда у васъ?

— Мои собственныя. Господь съ вами, возьмите.

— Ваши?.. Но какъ же вы отдаете? вы сами бѣдны...

— А душа христіанская за что пропадаетъ?—сказала она и вся побѣднѣла.

Тутъ я замѣтилъ, какъ хороши ея глаза, какіе-то ангельски-гнѣвные. Я ее обнялъ и сталъ цѣловать.

— Ты бѣдна,—повторилъ я.

— Ну, когда-нибудь отдадите!—вскрикнула она, дрожа, и стала сбирать свое бѣлье.

— Вы меня не знаете... Вы умѣете читать?

Я досталъ свою визитную карточку и подалъ ей. Она засмѣялась, взяла, сунула за платокъ, подхватила свой валекъ и связку и побѣжала.

Можетъ быть, въ эту минуту, во всемъ городѣ не было человѣка въ положеніи оригинальнѣе моего. Именно это первое мнѣ подумалось. Въ рукахъ деньги, вижу ихъ: не сонъ! Свалились... съ неба что ли? Честь возстановлена, жизнь улыбнулась... Хотѣлось бѣжать. Я замѣтилъ: моя особенность—вотъ такая потребность порывнаго, быстраго движенія, при всякомъ душевномъ волненіи.

Во дворахъ поднимался шумъ, въ домахъ отворялись ставни. Прошли рабочіе и оглянулись на меня; одинъ, усмѣхаясь, подтолкнулъ другого и кивнулъ въ конецъ улицы. Я опомнился и пошелъ ровными шагами, зная, что ищу извозчика, и не зная, что хочу дѣлать.

Дома я проспалъ до вечера. Анисья доложила, что тутъ сосѣди распродаютъ мебель, разное, по хозяйству, и *намъ* бы кстати. Я разсердился, крикнулъ, что мнѣ старой дряни не нужно, чтобы не приставали со вздоромъ, и скорѣе открылъ столъ, досталъ пакетъ и вложилъ въ него четыре бумажки. Я ихъ еще не ви-

далъ съ утра, осмотрѣлъ, довольно ли онѣ чисты, въ тотъ же мигъ заклеилъ пакетъ и запечаталъ своею печатью. Мнѣ такъ показалось необходимо—приличнѣе, и вдругъ стало ужасно жаль этихъ денегъ. Правда, еще оставалась сотня—хорошо, что хоть дала лишнее! но что такое сотня! и тѣ надо когда-нибудь возвратить; даже чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Развѣ отправиться опять *туда*, воротить свои часы. Не всякій же разъ несчастье... Несчастье въ картахъ—счастье въ любви. Съ чего вздумалось дѣвчонкѣ? Кто она? Она, кажется, что-то говорила,—я припоминалъ смутно; потомъ, разумѣется, узналъ подробно. Тѣмъ же вечеромъ я опять ее увидѣлъ—ѣхалъ на дачу къ Лугорскимъ, дорога какъ разъ тѣми же закоулками. Я узналъ берегъ, мѣсто, ея домъ. Въ окнѣ мелькнуло розовое платьице: заинтересовалась, выглянула на стукъ фаэтона. Я, улыбаясь, снялъ шляпу; она узнала меня и спряталась. Черезъ мѣсяцъ она пришла жить ко мнѣ.

Тутъ я узналъ ея исторію. Ея отецъ былъ дворовый и послѣ освобожденія остался жить у бывшей госпожи; житье было хорошее. Старая богомольная дѣва все ему препоручила; онъ управлялъ и не кралъ. Въ тѣхъ мѣстахъ всѣ Бога помнили. Зато помѣщица была милостива, взяла къ себѣ жить мать своего управляющаго, позволила ему жениться на комъ хотѣлъ; родилась Паша, она ее окрестила, а потомъ выучила грамотѣ. Кажется, воспитаніе тѣмъ и ограничилось; барышня находила, что дѣвочка не должна „отбиваться“ отъ своихъ родныхъ. Паша служила въ домѣ и на кухнѣ; требовалось, чтобы она умѣла шить бѣлье и платье по выкройкѣ и какъ можно лучше вышивала *гладью*. Этому учила мать, а барышня надзирала. Еще требовалось, чтобы она держалась чисто, порядочно, знала—не знаю какіе *уроки*, и по вечерамъ читала барынѣ „Собраніе романовъ“. Смотрѣли за нею очень строго и никуда не пускали, развѣ рѣдко, не дальше своей усадьбы, но гулять бывало и некогда. Сама барышня никогда не гуляла. Въ усадьбу иногда приходили крестьяне и, еще рѣже, крестьянскія дѣвочки; объ ихъ жизни Паша не имѣла понятія. Она вообще мало видала людей, кромѣ тѣхъ, съ которыми жила, и бывала только въ церкви, съ барышней, когда та ѣздила въ свой далекій приходъ. Ужасно много тамъ молились. Скучала ли она—она не знала: привыкла, все ждала, „когда выростетъ большая“... Отецъ умеръ. Барышня стала къ нимъ еще добрѣе, но скоро сама умерла и при смерти „наградила“ крестницу, дала большія деньги, и матери тоже дала, „отказала“ платье, шубы, и бабушкѣ—никого не забыла. Пріѣхалъ отцовскій братъ, который давно выписался въ мѣщане и имѣлъ лавочку въ Петербургѣ,

и взялъ къ себѣ Пашу, ея мать и свою мать. Страшно было въ Петербургѣ. Пашу отдали учиться работать въ модный магазинъ; ей было пятнадцать лѣтъ. Она никакъ не умѣла объяснить, что такое чувствовала при перемѣнѣ жизни: какъ будто живѣе, но все жутко. Жила она дома, при своихъ, дядя торговалъ, бабушка хозяйничала, мать шила и вышивала на заказъ; жили хорошо, только не долго, годъ какой-нибудь; пришла холера—и мать, и дядя, умерли въ однѣ сутки.

Я увѣренъ, что тутъ ихъ, старуху и Пашу, страшно обобрали. Она не умѣла объяснить, что и какъ у нихъ описывали, что насчитывали, какія имъ выдавали свидѣтельства. Вступился какой-то служащій баринъ, и, слава Богу, справилъ. Лавочку продали; долги, говорятъ, открылись большіе, но у Паши ея денегъ („награжденія покойной барышни“) не отняли; все тотъ баринъ отхлопоталъ. Бабушкѣ отъ лавочки остались деньги, и что было въ домѣ, и еще материны, она успѣла спрятать; знакомые посовѣтовали и научили раздать по рукамъ, за проценты. Но священникъ сказалъ, что это грѣшно, и потому Паша своихъ не дала, а держала все время въ своемъ сундукѣ, дома. Бабушка ее за это бранила, но она не слушалась—и еще ее не послушалась: сейчасъ же вышла изъ магазина,—сиротой ужъ и вовсе страшно,—стала работать на дому, бабушка пекла пироги; тѣмъ и жили...

Записалъ почти ея слогомъ; тѣмъ лучше.

Она часто вспоминала свою крестную мать.

— Дай Богъ ей царство небесное. Еслибъ не ея деньги, мнѣ бы не видать своего счастья.

Одинъ разъ я ей смолчалъ, но она повторила, и надо было дать ей понять всю ея неделикатность.

— Что ты подъ этимъ разумѣешь? Что ты купила себѣ любовь?

— Какъ такъ? Что такое?

— Ну, да. Ты говоришь, что еслибъ не деньги...

— Да еслибъ ихъ не случилось, что бы намъ тогда дѣлать?

Оригинальное разсужденіе. Иногда ея наивности выходили забавны, но скоро наскучали. Она никакъ не могла бы понять меня, отъ неспособности разобраться даже въ самой себѣ. Съ моей стороны, совершенно натурально, что мнѣ понравилась хорошенькая, свѣженькая дѣвушка, которая внезапно въ меня влюбилась. Мнѣ хотѣлось заставить ее поразмыслить, какъ это произошло съ нею. Она додумалась только до того, что сказала:

— Не знаю.

— Это не отвѣтъ.

— Не знаю.

— Постарайся припомнить; дай себѣ отчетъ...

— Какой отчетъ?.. Увидѣла... мнѣ стало васъ жалко.

— Жалость—не любовь.

— Не знаю.

И слезы на глазахъ.

— Паша, это скучно, надо же какъ-нибудь осмыслить...

— Не знаю... Я бы въ ту минуту душу свою отдала.

— Въ ту минуту? А потомъ?

— Потомъ... что-жъ... Господи! Вы сами знаете.

И ничего больше. Я самъ взялся разобрать этотъ характеръ и угадалъ его вѣрно. Она выросла въ глуши, стѣсненная, запуганная; привычка подчиняться и инстинктивная, врожденная робость сдѣлали ее немыслящей мечтательницей. Ея дѣйствительность была несложна, и, какъ всякая дѣвушка ея круга, она легко справлялась съ нею; но почти беззаботно отважная въ житейскихъ дѣлахъ, она серьезно или страстно принимала всякія мелочи: напримѣръ, вскрикивала отъ радости, открывая окно въ солнечный день, засматривалась на воробьевъ, плакала, услыша шарманку, и тому подобныя ребячества. Она будто не жила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жила вдвойнѣ. Что такое мерещилось ей подъ дѣйствительностью, къ которой она была такъ спокойно-равнодушна, я пробовалъ спрашивать и отступился: она не понимала даже, что я спрашиваю!.. Зато мнѣ вполнѣ выяснилась причина ея внезапной любви. Съ крестной маменькой, старой дѣвой и ханжей, она начиталась проповѣдей и романовъ; встрѣча со мной вышла необыкновенная, романическая: тутъ и подвигъ, тутъ и страсть... Всяческая испорченность воображенія.

Думая угодить, я предлагалъ читать романы, и удивился: она, даже съ досадой, сказала, что вздоры ей надоѣли.

— Хорошо читать правду, а не пустяки, выдумки.

Натурально, я не брался ей толковать о значеніи романа, а объ ея познаніяхъ не разспрашивалъ. Она, конфузясь, сказала, что желала бы что-нибудь „историческое“,—конечно, слышала такое слово отъ крестной маменьки. Я затруднился, что ей предложить; какъ у всякаго молодого человѣка, у меня бывало только современное, легкое чтеніе. Я предоставилъ выборъ ей самой и записался на три мѣсяца въ одну незатѣйливую читальню, гдѣ можно было имѣть всякое старье. Иногда я заставалъ ее за толстымъ томомъ, за растрепанной книгой журнала; она конфузилась и тотчасъ же прятала. Чтеніе ее волновало; случалось, она тихонько плакала. Я не спрашивалъ причины, съ тѣхъ поръ, какъ

однажды пошутилъ надъ какой-то *чувствительностью*, и изъ этого вышла прескучная сцена. Разъ она пресерьезно попросила учиться. Я былъ просто пораженъ и вспылилъ. Чему учиться? Съ какихъ азовъ начинать? Я не педагогъ! Взять гувернантку, набрать учителей? Были бы средства, которыхъ у меня нѣтъ! У меня едва есть чѣмъ жить, у меня времени нѣтъ! А у нея самой развѣ есть время? Невозможность очевидная! И откуда, и къ чему такая духовная жажда? Для меня ея познанія неинтересны и еще менѣе необходимы... Она притихла. Мнѣ стало ее жаль. Чтобы развлечь, я повелъ ее въ театръ. Музыка ей понравилась, но потомъ она оттоваривалась, что дорого. Чтобъ она не смѣла считать, я заставлялъ ее идти, или, чтобъ доказать мою волю, шелъ одинъ, часто вовсе не желая. Положеніе глупое.

Понятно, что я не могъ, не желалъ и не долженъ былъ терять знакомства, мѣнять мой прежній образъ жизни, сидѣть по утрамъ въ должности и проводить дни съ своей „невидимкой". Такъ остроумно назвалъ ее одинъ сослуживецъ, изъ тѣхъ, что ходили ко мнѣ. Но я не особенно любилъ холостыя компаніи; конечно, пріятно собраться у меня (моя квартира просторна), отъ меня прокатиться, поужинать, но все-таки это однообразно и обходится слишкомъ дорого. Безъ сравненія благоразумнѣе, а для меня было просто необходимо бывать въ другомъ обществѣ— въ обществѣ женщинъ привлекательныхъ, образованныхъ. Дома брала досада: все одно и то же. Едва вхожу—Паша прячетъ свою книгу, берется за работу; мои разсказы ей непонятны, новости не интересуютъ; цѣлые дни уходитъ и сидитъ у себя въ комнатѣ. Чтобъ избавить и ее, и себя, отъ стѣсненія, я все чаще уходилъ, а вечера положительно не бывалъ дома.

Паша почти всегда разстроенная возвращалась послѣ визита къ своей бабушкѣ. Эта вѣдьма однажды вздумала пожаловать, посмотрѣть, какъ поживаетъ Пашенька. Не возвышая голоса, вѣжливо, я попросилъ ее убраться и не приходить никогда. Замѣчательно, что Паша не вступилась, не попросила меня,—покорная. Вѣроятно, догадывалась, что я не затруднюсь и ей указать дорогу вслѣдъ бабушкѣ; она уже настолько знала мой характеръ. Не противорѣча, не жалуясь, даже не вспоминая, она, молча, оставила за собою свободу дѣйствій и продолжала бывать у бабушки, когда ей было угодно. Пѣшкомъ—далеко... Я выносилъ униженіе!.. Она отправлялась на свои *собственныя* деньги! набрала заказовъ шитья, вышиванья, работала днемъ, по ночамъ жгла свой *собственный* керосинъ! Разъ, воротясь поздно, я за-

сталъ ее за работой: не успѣла погасить лампу! Она бросилась мнѣ на шею, но прощенія не просила.

— Это я для своей прихоти. Побалуйте меня, повольте.

Она была такая хорошенькая, что сердиться не было возможности. Зато, на другое утро (я былъ въ выигрышѣ) я купилъ швейную машину и въ шутку заказалъ сшить что-то для себя. Она была въ восхищеніи.

Бываетъ же счастье въ глупостяхъ... Впрочемъ, только въ глупостяхъ оно и бываетъ...

Я жилъ день за день; жалованья и присылокъ изъ Москвы часто недоставало. Много было нужно, чтобы прилично показаться въ обществѣ, а иногда — стыдно признаться! — просто, чтобы прилично пообѣдать, когда дома угощали вчерашнимъ. Доходило и до этого. Меня выводили изъ терпѣнія. Анисья возъимѣла особенную страсть къ Прасковьѣ Алексѣевнѣ, и ради нея твердила объ экономіи. Я сердился и былъ въ правѣ: откуда мнѣ было доставать для *нихъ*? Наконецъ, это разразилось.

Разъ, провожая меня поутру, Паша сказала — хотѣла ли умилостивить меня заранѣе, или зашутить, не знаю:

— Вы, изъ должности, такъ ужъ прямо и отправляйтесь къ Контану. У насъ—тю-тю! и плита не топлена.

Я бросилъ ей въ лицо мои часы, оборвалъ цѣпочку. Она подхватила на лету. Будто вижу ее; она не крикнула. Тутъ мнѣ вспомнилось, что эти часы подарила мнѣ она, изъ своихъ заработковъ. Я велѣлъ ихъ сію же минуту продать, заложить, чтобы ихъ въ домѣ не было, и такъ хлопнулъ дверью, что швейцаръ бѣжалъ узнать, что̀ случилось. Изъ-за его испуганной рожи, будь только возможность, я бы сейчасъ съѣхалъ съ квартиры. На зло, я возвратился къ обѣду, разсчитывая, что мои дамы не справятся. Обѣдъ былъ готовъ, приличный. Паша, какъ всегда, тихая, ясная (случалось, она меня выводила изъ себя этою ясностью!), разговаривала по обыкновенію, только глаза распухли. Я не обращалъ на нее вниманія, молчалъ, ушелъ тотчасъ послѣ обѣда и легъ. Въ тишинѣ слышалось чиканье: часы стояли на подставкѣ, на письменномъ столѣ; оборванная цѣпочка была скрѣплена. Хотѣлось узнать, что̀ это за исторія, но я раздумалъ себя безпокоить, предпочитая выспаться: объясненіе, конечно, затянулось бы надолго. Я прислушался; Паша притворяла всѣ двери, чтобы не достигалъ стукъ ея машины, но заснуть все-таки не могъ отъ несноснаго чиканья и раздумья. Думать было о чемъ: денежное положеніе опять было скверное, какъ тогда весной, а теперь зима, самый сезонъ... Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, я кликнулъ Пашу.

Она прибѣжала вмигъ, вѣрно ждала, но не присѣла по обыкновенію, а стала противъ меня.

— Что ты, сторожишь, скоро ли скончаюсь?—спросилъ я.

— Что вы, Господи помилуй...

— Такъ надъ умирающими стоять, минуты считають.

Она сѣла, можетъ быть, машинально, безтактно оглянулась на письменный столъ.

— Почему *это* еще здѣсь?—спросилъ я.

— Я... я не отдавала,—выговорила она.

— Вижу, что не отдавала, но откуда же ты взяла деньги?

Она молчала.

— Стало быть, нашлись припрятанныя?

— Еслибы были, я бы васъ и безпокоить не стала,—возразила она и вся вспыхнула.

— Такъ откуда же взяла? Говори!

Я вскочилъ.

— Попросила у бабушки,—сказала она и залилась слезами.—Мнѣ такъ васъ было жалко. Вы эти часики любили. Куда пойдете—какъ вамъ безъ часовъ.

— И ты за пять верстъ побѣжала?

— Нѣтъ, пѣшкомъ бы я не успѣла... Грѣшница: солгала! Сошла съ лѣстницы—швейцаръ; я съ нимъ заговорила, да вдругъ: —„ахъ, забыла деньги; опять мнѣ наверхъ подниматься! дайте, говорю, мнѣ на извозчика“... Онъ сейчасъ. И я сейчасъ, какъ воротилась, размѣняла, отдала...

— Ты не лжешь?

— Вотъ только въ первый разъ въ жизни швейцару солгала!—вскричала она.—Да что же я могу вамъ солгать?

Я ее обнялъ; она удивилась, чему я обрадовался, и стала смѣяться. Я тоже смѣялся...

Молодость невозвратная!.. Чувствую, что мнѣ ужъ больше такъ не чувствовать. Почему? вѣдь прошелъ всего только годъ! Неужели одинъ годъ можетъ унести такъ много?.. Воротилъ бы—невозможно. Я уже не тотъ; она, можетъ быть, любитъ по прежнему... Нѣтъ, и она уже такъ не любитъ. *„Было—и быльемъ поросло“*... Конечно, она сказала это кухаркѣ, свидѣтельницѣ идиллiи, но все-таки по прежнему любить она не можетъ: между нами легла разлука,—добровольная, спокойная,—но разлука есть пропасть, и всякій день все шире, и воспоминаніями ее не засыплешь. Сглаживается складъ жизни, отлетаетъ привычка... къ чему сантиментальничать? Привычка, покой—основанія счастья... Паша, можетъ быть (и даже навѣрное!), легко вернулась бы къ

прежнему складу, засѣла бы за свою машину, за старыя книжонки; такія натуры невзыскательны, не болѣютъ, а когда оцарапаются—вылечиваются... домашними средствами! Не то, что люди сильные, страстные, которыхъ жизнь разманивала съ дѣтства, кому она внушала стремленія, ставила дѣятельность въ обязанность, а неподвижность въ преступленіе; кого она искушала, не давая ничего, обманывала, не удовлетворяя, развращала, дѣлая завистниками. Для такихъ душъ, временная привычка, временное счастье—едва миновали—уже невозвратны... Впередъ! Къ тому лучшему, свѣтлому, которое мечталось, а теперь становится доступно... можетъ быть, близко.

Да просто: не брать того, что̀ дается—глупо.

Минутами какъ будто жаль... Чего—увлеченія или привычки? Но не погрязать же, когда, наконецъ, есть возможность жить какъ люди...

Увлекся размышленіями; лучше продолжать мою исторію; можетъ быть, чрезъ много лѣтъ загляну въ нее. Можетъ быть, и раньше вздумаю ее обдѣлать, придать ей болѣе законченную форму. Теперь, замѣчаю, выходитъ нѣсколько отрывочно, но въ первомъ наброскѣ это неизбѣжно. Въ нездоровьѣ, въ дурную погоду, при недостаткѣ общества—писать пріятно, даже и полезно. Писать—это еще испытаніе нравственной силы, еще удостовѣреніе въ *жизненности*. Оно мнѣ необходимо...

Даже и жилецъ третій день глазъ не кажетъ. Ему же скучнѣе.

Зима шла. Я скучалъ. Вечеринки въ *полуобществѣ*, танцы въ клубахъ, вообще удовольствія съ оглядкой, гдѣ доступнѣе и дешевле—однообразны. Но я бы еще помирился съ однообразіемъ, среди котораго все-таки встрѣчаются кое-какія удачи, если-бы не бывалъ принужденъ и тутъ иногда стѣсняться. Я не могъ выдвинуться впередъ; не было средствъ. Приходилось тратить все, чтобы являться въ обществѣ прилично и не отставать въ мелочахъ, на которыя именно такъ много обращается вниманія. На бѣду, я проигрывался; нашла такая несчастная полоса. Хозяйство шло не знаю какъ. Паша извертывалась и стала брать у своей бабушки, за проценты. Я спросилъ, какъ они велики. Она, почти сердясь, сказала, чтобы я не приставалъ, не мое дѣло, и вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, попросила прощенія. Я простилъ и не разспрашивалъ; мнѣ было ее жаль. Она зарабатывала и выплачивала что̀-то; съ ея стороны, конечно, это было деликатно,

но меня одолѣвалъ стукъ ея машины. Въ обществѣ я привыкъ видѣть женщинъ болѣе или менѣе нарядныхъ. Паша стала одѣваться небрежнѣе. Я ей замѣтилъ. Она не возразила, но на другое утро я разслышалъ — она шептала Анисьѣ:

— Голубушка, разогрѣйте какъ-нибудь утюжокъ, погладьте мое платье. Мнѣ самой ни минутки некогда: надо дошить заказное къ вечеру...

Вздоръ, вздоръ все это, но какъ много мелочи обрываютъ покоя, веселья, наконецъ привязанности!..

Такъ протянулся годъ.

Нынѣшней весной умеръ мой братъ. Мое состояніе увеличилось вчетверо: наслѣдственный капиталъ матери, отцовская родовая часть и все „благопріобрѣтенное", которое надѣялись отнять у меня... Ошиблись въ разсчетѣ! — Меня извѣстилъ опекунъ, прилагая деньги на поѣздку въ Москву, для исполненія формальностей, очень несложныхъ, потому что наслѣдникъ — я одинъ.

Я позвалъ Пашу.

— Братъ умеръ.

— Неправда.

— Какъ неправда?

— Вы бы это такъ не сказали.

Чтобы убѣдить ее, я показалъ письмо. Она заплакала.

— Вѣдь ты его не знала.

— Бѣдненькій мальчикъ, такой молоденькій...

— Молодымъ умирать лучше: не успѣлъ нагрѣшить.

— Мнѣ его жалко, что вы о немъ не плачете.

Оригинально!.. Чтобы не волновать ее, я не обращалъ вниманія, какъ онѣ съ Анисьей распоряжались о разныхъ моленіяхъ. Къ тому же, было некогда. Отпуска въ Москву мнѣ не дали; жить было надо, и смѣшно, наконецъ! деньги есть и — нѣтъ ихъ! Я написалъ опекуну, что, безъ всякаго сомнѣнія, имѣются не маленькія сбереженія отъ доходовъ мальчика, который только-что поступилъ въ университетъ; его четырехлѣтнее содержаніе въ гимназіи (со смерти отца) никоимъ образомъ не могло обходиться по пяти тысячъ въ годъ. Слѣдовательно, кромѣ наслѣдства, должны быть еще суммы. Я былъ осужденъ на нищету, и теперь въ правѣ требовать того, что, по закону, мое. Итакъ, почтенный довѣритель моего отца не найдетъ ли возможнымъ удѣлить мнѣ сейчасъ же двѣ тысячи изъ этихъ тысячъ сбереженій? (Я повторилъ: „несомнѣнно существующихъ"). Какъ это сдѣлать — предоставляю его усмотрѣнію, но иначе я поставленъ въ невозможность двинуться изъ Петербурга.

Къ моему удивленію, опекунъ не отговаривался, но „сбереженія“ были всѣ положены въ банкъ, и прежде всѣхъ формальностей съ наслѣдствомъ ихъ было взять нельзя. Практическій господинъ (онъ оказался, точно, порядочный) устроилъ дѣло—досталъ двѣ тысячи у родственницы моей, у драгоцѣнной тетушки Елены Платоновны. Та, чтобы вывести „молодого человѣка“ изъ затрудненія, одолжила по первому слову и безъ процентовъ. Сказалось сердце старой дѣвы. Моя судьба—познавать на себѣ чувствительность дѣвическихъ сердецъ.

У меня никогда не бывало разомъ столько денегъ. Весна стояла прелестная; ничего нѣтъ лучше хорошей петербургской весны. Паша жила въ Петербургѣ четыре года, и все-таки не съумѣла привыкнуть, не только привязаться: все вспоминала деревню, овражки, проталинки, медуничку. Я объявилъ, что хотя теперь у меня есть и своя деревня, но я зарываться туда не намѣренъ и предпочитаю проталинкамъ чистые троттуары. Цвѣты я покупалъ постоянно; я не могу жить безъ цвѣтовъ...

А что-то моя пальма? Цѣлая недѣля—это съ ума сойти!.. Вспоминали ли меня?.. О, разумѣется. Слишкомъ много между нами общихъ симпатій: вотъ, эта страсть къ цвѣтамъ... *Она* говоритъ: „страсть“. Я написалъ:—„между *нами*“... Вырвалось отъ сердца, написалось невольно! И я тоже не могу видѣть отцвѣтшихъ, завялыхъ; мнѣ противно это нераціозное умираніе...

Странно,—отчего живая страсть переплетается съ холоднымъ воспоминаніемъ? Бывало, я прикажу выбросить надоѣвшее растеніе, а жалостливая Прасковья Алексѣевна перетащитъ его въ свою комнату и старается „отходить“.

Она была, въ самомъ дѣлѣ, добра; обо всемъ бы ей заботиться. Можетъ быть, инстинктъ бережливости, слѣдствіе дворовaго, мѣщанскаго воспитанія: скопить, припрятать. Съ годами изъ этого выростаетъ жадность.

Да, это вѣрно. И начинается съ тихонькаго лукавства. Оно и не замедлило выглянуть.

При деньгахъ, мнѣ вздумалось сдѣлать удовольствіе Пашѣ; я выбралъ шляпку у Аронъ и привезъ. Она раскричалась.

— Куда мнѣ такую! Надѣть страшно!

— Я уродства не выберу.

— Это другимъ носить, а не мнѣ.

— Къ тебѣ идетъ; простенькая.

— Но чего стоитъ? можно дешевую; зачѣмъ лишнее тратить?

— Вздоръ!

— Нѣтъ, послушайте, ужъ если тратить... Я хотѣла васъ просить...

„Хотѣла“ —то-есть, съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что есть у меня деньги, думала и надумывалась приступить и заставить меня расплатиться съ бабушкой!

— Въ разное время я у нея брала; я-то все записывала; а она... путаница, не сочтешь! Спрашиваетъ процентъ,—и съ такого-то мѣсяца, и съ такого-то дня...

Тутъ все пошло на лицо. И—„бѣда, бывали эти проценты!“ и—„хорошо бы; *покуда можно*, совсѣмъ это покончить...“ (Подразумѣвается: покуда я не разсорилъ того, что̀ у меня въ карманѣ) и—„стараго человѣка успокоить...“

Я видѣлъ хитрость, и потому спросилъ, какъ можно хладнокровнѣе:

— О чемъ же ей безпокоиться? Я отъ долга не отказываюсь, а ты живешь у меня.

Она покраснѣла, но выдержала.

— Вотъ, именно, это и есть.

— Что̀ такое?

— Что я васъ люблю.

— Именно это не нравится? Грѣхъ мучаетъ?

Она махнула рукой и хотѣла бѣжать. Я остановилъ ее.

— Говори же, что̀ такое? Не велитъ меня любить?

— Охъ, ради Бога, догадайтесь сами... Не то, что люблю,—это ей ничего, а говоритъ — деньги ея пропали. Говоритъ: „ты ему своего не пожалѣла, моего и подавно не пожалѣешь...“ Отдайте, чтобъ попрековъ не было!

Я молча пошелъ къ своему письменному столу.

— Сколько ей надо?

Она была разстроена, однако счеты помнила, даже мигомъ принесла записочку.

— Всего разомъ не могу. Мнѣ жить надо, мнѣ надо ѣхать въ Москву. Половину?

— Хоть половину,—отвѣчала она и тотчасъ взяла.

— Когда же ей это доставится?

Она не замѣчала, что я избѣгалъ сказать ей *ты*?

— Вы вечеромъ хотѣли ѣхать на Островъ?

— Поѣду.

— Тогда я къ ней съѣзжу.

— На пароходѣ? Обновить шляпку?

Она не отвѣчала и выходила.

— Правда, нельзя. Бабушка копитъ внучкѣ приданое, а внучка явится къ ней разряженная.

Мнѣ почти совѣстно, что я сказалъ ей это вслѣдъ, сказалъ смѣясь, необдуманно. Одинъ отвѣтъ: заплакала, пошла...

Я возвратился на зарѣ, но меня рано разбудили. Бабушка явилась по черной лѣстницѣ и орала на всю вселенную; сосѣди выглядывали изъ своихъ кухонь. Оказывалось—недовольна частью уплаты и требуетъ всего сполна. Она вломилась въ гостиную, усѣлась на диванъ, ругалась, клялась съ мѣста не сойти, покуда ей не заплатятъ. Анисья выказала необыкновенную предусмотрительность, захлопнувъ окошки, и необыкновенное мужество, ухвативъ бѣшеную за руки, когда та бросилась на Пашу.

— Будетъ съ васъ и вчерашняго!

Съ вчерашняго вечера я не видалъ Паши и не зналъ, что у нихъ произошло. Старуха мигомъ присмирѣла, увидя меня; но она была въ своемъ правѣ. Къ счастью, я много выигралъ въ эту ночь. Я бросилъ ей ея деньги сполна; она схватила ихъ, оттолкнула Пашу—та еще вздумала подойти!—и сейчасъ убѣжала. Все это было отвратительно. Я взглянулъ на часы и удивился: *рано*—выходило, около четырехъ. Натурально, я бѣжалъ и не возвращался до ночи: выносить эти мерзости было не подъ силу... И видѣть Пашу тоже не было силъ. Утромъ она разливала чай, измученная. Было отъ чего: она летала въ догонку за бабушкой. Понятно, я подробностей не спрашивалъ. Паша заговорила сама, что бабушка совсѣмъ уѣзжаетъ.

— Завтра, даже, можетъ быть, сегодня вечеромъ; совсѣмъ, на свою сторону, въ деревню. Она давно хотѣла. Теперь встрѣтилась здѣсь одна *наша* изъ деревни, съ ней уѣзжаетъ.

— Что-жъ, слѣдомъ за нею опять, на вокзалъ? Провожать?

— Она меня прокляла,—отвѣчала она тихо, безъ слезъ.

Помню эту минуту. Мнѣ стало ее жаль, стала понятна любовь изъ жалости. Она была такая миленькая, вся бѣленькая, измятая голубка; она какъ-то сторонилась; одиночество до того ее проникло, что она боялась какъ будто даже меня. Мнѣ захотѣлось ее утѣшить.

— Ну, поѣдемъ вмѣстѣ, прокатимся въ поле, въ настоящее поле, въ деревню; наймемъ избу хоть на цѣлую недѣлю.

— Нѣтъ. Вамъ будетъ скучно. Не надо.

Совершенно вѣрно: мнѣ было бы скучно... Она всегда конфузилась, если ее кто-нибудь случайно видѣлъ со мною; чувство натуральное въ простой дѣвушкѣ, не настолько развитой, чтобы твердо стать въ своемъ положеніи... Правда, у иныхъ твердость

доходитъ до такой беззастѣнчивости, что ей не обрадуешься!.. Но въ деревнѣ Пашу не зналъ бы никто, она могла бы не стѣсняться; занятій у меня нѣтъ, моимъ привычкамъ она бы не мѣшала; я не любитель природы, но недѣля сельской халатной жизни даже могла быть полезна моему здоровью... Какъ могла она догадаться, что наединѣ съ нею мнѣ будетъ скучно? А догадалась вѣрно: да, будетъ скучно!.. Мнѣ стало неловко, но отговариваться, притворяться я не могъ. И—кто ее знаетъ? Она могла угадать и притворство.

Странная дѣвушка. Вотъ, исписываю о ней цѣлыя страницы. Воспоминаніе не острое, но немножко больное и потому пріятное. Интересно, какъ она вспоминаетъ обо мнѣ? Всего вѣроятнѣе—никакъ. Я для нея—обыкновеннѣйшій эпизодъ жизни тысячи дѣвушекъ, которыя являются въ столицу искать счастья. И для нея счастье нашлось, недолгое, но всякое счастье недолго. Женщины упрямо не хотятъ этого признать, а между тѣмъ скорѣе насъ утѣшаются. Больше ли въ нихъ живучести... „Живуча, какъ кошка“... И какъ кошка лукава и кокетлива; вотъ и причина живучести. Послушать женщину: сейчасъ умретъ! сейчасъ въ воду! не прошло мѣсяца, глядь—она танцуетъ, гдѣ бы ни пришлось, смотря по чину и званію, въ дворянскомъ собраніи или въ танцклассѣ. Всѣ онѣ—одно. Паша танцовать не умѣла...

Не умѣла, такъ выучится. Я этого не требовалъ, не имѣя средствъ наряжать ее, чтобы показываться съ нею прилично. Она говорила, будто не любитъ нарядовъ; можетъ быть, притворялась. Послѣ перемѣны моего состоянія, мы слишкомъ скоро разошлись; покутить еще ей было некогда. Она называла кутежомъ покупку ситцеваго платья и десятка яблокъ. Вотъ, теперь, время покажетъ. Она, конечно, постарается себя вознаградить. Покуда—„живетъ бѣдно“...

Уходя, она меня оскорбила. Разумѣется, я предлагалъ ее устроить, помочь ей; она грубо отказалась. Я предлагалъ ей взять хоть тѣ деньги, которыми, на первую встрѣчу, она меня такъ кстати выручила:

— Я всегда помнилъ этотъ долгъ,—сказалъ я.

— А я его никогда не помнила.

— Это смѣшно. Это ваше состояніе. Всякій благоразумный человѣкъ считаетъ то, что имѣетъ.

— Ну, и считайте. Если считать, такъ въ полтора года, какъ я жила у васъ,—домъ, прислуга, всякія прихоти,—я бы прожила и не такое свое *состояніе*, какъ вы его называете... А что вы сказали—я васъ выручила,—такъ за это вы мнѣ ни-

какими деньгами заплатить не можете. Стало-быть, квитъ, счетамъ конецъ... И всему конецъ.

Пожалуй, логично... „Всему конецъ“.

Въ іюлѣ меня отпустили въ Москву. Полученіе наслѣдства совершилось недѣли въ двѣ, я могъ бы сейчасъ уѣхать, но мнѣ понравилось въ Москвѣ: разнообразнѣе, оригинальнѣе, привольнѣе. Городъ былъ, по лѣтнему, пустъ, но я жилъ на дачѣ,— „въ подмосковной“, какъ по-барски называетъ свое имѣніе тетушка Елена Платоновна. Я, разумѣется, посѣтилъ ее; она небрежно бросила мой „долгъ“ на столъ, а меня приняла въ объятія. До тѣхъ поръ мы другъ друга едва знали, но тутъ началось прямо на *ты*.

— Шалунъ, блудный сынъ! я ужъ изъ дома не выпущу; довольно ты въ Петербургѣ наглотался пыли. Отдыхай здѣсь.

Когда-то, кажется, какой-то завоеватель засѣлъ въ какомъ-то городѣ, и изъ этого вышло что-то для него непріятное. Кромѣ непріятности, то же случилось и со мною. Мнѣ понравился большой старинный домъ изъ вѣкового лѣса, немного запущенный, небрежно убранный, хотя прислуги было чуть ли не больше десятка. Въ Петербургѣ у насъ такой бы часу не потерпѣли. Меня это и сердило, и смѣшило, а иногда даже нравилось: въ распущенности было что-то барское,—не наше житье въ обрѣзъ, по звонку, житье вволю, съ запасами, съ хозяйствомъ, хотя бы и безтолковымъ, но видна господская рука, планъ, что-то прочное. Тутъ можно приказывать; въ себѣ ощущаешь власть, а кругомъ себя заботу. Кругомъ у тетушки было много знакомыхъ, я со всѣми перезнакомился; бывали обѣды, катанья, parties de plaisir; время незамѣтно летѣло; я, натурально, просрочилъ свой отпускъ. Ничего не значило получить свидѣтельство о болѣзни отъ доктора, который каждый вечеръ приходилъ играть въ карты у тетушки, и первый замѣтилъ, что я „очень поправился“. Это вѣрно: я поправился въ здоровьѣ нравственномъ; меня освѣжало, укрѣпляло порядочное общество, въ которомъ я обращался. Дома была тетушка, особа свѣтская, остроумная; у нея я былъ свой человѣкъ. Мнѣ было пріятно не стѣсняться, соображая, какъ себя поставить, пріятно пожить настоящей, установившейся свѣтской жизнью; я только видалъ ее,—хотя и не издали,—но самъ еще не испытывалъ... Было только одно лишеніе, и то, можетъ быть, къ счастью: въ числѣ знакомыхъ не встрѣтилось ни одной хорошенькой женщины.

— Милый мой, чѣмъ знатнѣе, тѣмъ безобразнѣе, судьба!— пошутила тетушка, съ очаровательною злостью.

Сама она, замѣтно, была прежде недурна, одѣвается прекрасно, осторожно слѣдуя модѣ, развязна, никогда не вызывая насмѣшки; умѣетъ оживить свое общество, не любитъ толковать о старости, но говоритъ о ней спокойно, не молодится, но будто на дѣлѣ желаетъ доказать, что она моложе молодыхъ.

— То-есть, васъ, нынѣшнихъ молодыхъ. Вы жить не умѣете.

Себя она называетъ „человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ", изъ тогдашнихъ старшихъ, но тѣмъ лучше: меньше эксцентричности и больше эстетическаго развитія. Она „сочувствовала стремленіямъ", позднѣе „оглянулась", но продолжаетъ „читать" и находитъ, что „дѣло" не въ словахъ, а въ дѣлѣ. Я не поинтересовался узнать, что̀ все это значитъ, что̀ она читаетъ, и не разспрашивалъ о ея дѣятельности; кажется, тетушка и сама затруднилась бы ее опредѣлить. На столахъ я видѣлъ дѣтскіе журналы, записочки благотворительницъ и письма просительницъ, образцы корпіи, спутки толстыхъ нитокъ, все довольно пыльное. Талантъ тетушки былъ—все дешево покупать и находить работающихъ „на дому", отчего ей дешево обходились ея туалеты. Знакомымъ она доставляла истинную услугу, рекомендуя своихъ protégées, готовыхъ взять всякую работу, лишь бы только ее дали. Изъ противорѣчія, мнѣ вздумалось поспорить; я самъ испугался, выговоривъ слово: „эксплуатація", ждалъ, что тетушка обидится. Она только умно разсмѣялась и такъ ясно растолковала мнѣ непреложные законы подчиненія и нужды, какъ мнѣ еще въ голову не приходило.

— Фразъ когда-то говорилось много,—заключила она:—и я, милый мой, еще больше твоего ихъ наслушалась; вамъ достались только остаточки. Лучшее правило—старинное: „живи и жить давай другимъ",—а вы его крестите: „эксплуатація"!! Вотъ, я тебѣ докажу на дѣлѣ...

И доказала. На другой день, я только вышелъ къ завтраку, Елена Платоновна ужъ успѣла съѣздить въ городъ, купить полотно, ужъ отвезла его въ какой-то монастырь, отдала шить какой-то „сестрѣ".

— Черезъ двѣ недѣли тебѣ будетъ готово бѣлье.

Я выразилъ сомнѣніе, что произведеніе этой „сестры" едва-ли будетъ годиться. Тетушка даже вознегодовала.

— Я вѣдь не *прюда*; я отдала для мѣрки твою сорочку...

Хотя не „прюда", но слова „рубашка" она не произноситъ.

— А если ты думаешь о фасонѣ, то прикажи, какой хо-

чешь: тамъ, у нихъ, всѣ извѣстны. Зато, полюбуйся на цѣну,—чего бы въ магазинѣ стоило!—а потомъ сравнишь и работу...

Интимныхъ разговоровъ между нами не бывало: что-нибудь свѣтское, читанное, вѣсти, шутки. Я замѣтилъ: интимные разговоры бываютъ у людей, которымъ житейски не везетъ; тѣ, обыкновенно, начнутъ съ своихъ собственныхъ дѣлъ, а потомъ пустятся въ философію, въ анализъ всякихъ чувствъ и побужденій. Что-жъ, все-таки развлеченіе или, вѣрнѣе, отвлеченіе отъ чувства настоящей минуты... Мы съ тетушкой этимъ не занимались. Дурное расположеніе духа стало находить на меня только когда показались желтые листья. Возвращаться въ Петербургъ! Служба—словно медвѣдь валитъ; слякоть... А тутъ, перваго сентября, мы вдвоемъ съ тетушкой сидимъ вечеромъ на балконѣ...

Мы оба молчали. Я раздумался. У меня невольно вырвалось:

— Такъ жить нельзя!

— Нельзя,—повторила тетушка, будто эхо.

Я хотѣлъ пошутить; она прервала съ первыхъ словъ.

— Нѣтъ, полно. Вотъ тебѣ доказательство, что я слѣжу за твоею мыслью и понимаю тебя лучше, нежели ты самъ себя понимаешь. Ты проговорился; будемъ продолжать. Вѣдь мы съ тобой люди близкіе... Такъ, какъ ты живешь—жить нельзя. Въ твои лѣта, люди имѣютъ положеніе, къ чему-нибудь стремятся. Нынче не время мечтать и кричать... Что за ломка вселенной, помилуйте! Тѣ, у кого нѣтъ угла, тѣ, пожалуй, себѣ кричи,—но ты... Faut pas s'encanailler, mon cher. У тебя есть чѣмъ пользоваться, только надо пользоваться умно, серьезно. Службу свою ты запустилъ; положимъ, теперь въ ней нѣтъ необходимости, но у всякаго молодого человѣка должно быть благородное честолюбіе. Надѣюсь, ты не намѣренъ засѣсть и оставаться ничѣмъ въ какой-нибудь канцеляріи, въ управленіи... все равно! встрѣчать кто вновь поступаетъ, провожать кто выходитъ, разсчитывать на вакансіи покойниковъ,—ну, получить какое-нибудь повышеніе и тогда ужъ сидѣть до конца вѣка на одномъ мѣстѣ... одно разнообразіе: казна подъ тобою кресло перемѣнитъ, когда старое просидится... Не смѣйся; нисколько не забавно. Это не жизнь. Это значитъ затянуться, закиснуть...

— Что-жъ надо дѣлать?

— Добиваться, знакомиться, искать такихъ людей, чтобы могли выдвинуть тебя впередъ, людей общества...

— Я знаю такихъ и бываю въ ихъ обществѣ.

— Какъ бываешь? Какъ бальный кавалеръ!.. Откровенно,

безъ упрека, безъ морали: ты охотникъ повеселиться, помотать, покутить...

Я поцѣловалъ ея ручку, въ доказательство, что не обижаюсь, и подтвердилъ, что не пренебрегаю наслажденіями, не готовлюсь въ отшельники, а скупцомъ сдѣлаюсь развѣ подъ старость,—но молодости впереди еще довольно.

Она не смѣялась, качала головой и прервала:

— Молодости довольно? А какъ много?

— Мнѣ еще нѣтъ тридцати.

— Тридцать лѣтъ, мой другъ, и не увидишь, какъ тутъ и есть. Ни одинъ годъ не настаетъ такъ неожиданно; роковой: все еще что-то ждется, мечтается, покуда не придется писать эту гадкую цифру. Самая цифра безобразна,—право, не смѣйся... Только тогда оглянешься: прошло! Я не кокетничаю; физически чувствуется, что прошло. Энергіи нѣтъ. Лѣнь. Является насмѣшка надъ юными. А ужъ если что̀ кажется смѣшно въ другихъ, то прямая логика: не дѣлай самъ того же. Да и со стороны посмотрѣть—всякій осудитъ. Бывали примѣры: накутитъ корнетикъ —его подъ арестъ на сутки; а съ нимъ вмѣстѣ попадется господинъ... за роковую цифру! того посадятъ на мѣсяцъ. И совершенно справедливо: что̀ впереди, какая карьера у этихъ вѣчныхъ вивёровъ, хоть бы они вертѣлись и въ порядочномъ кругу? Ты самъ знаешь, какъ смѣшны юноши съ просѣдью. Достоинства въ нихъ нѣтъ, увѣренности ужъ и быть не можетъ: вѣчно неспокойны, оглядываются, ждутъ своего послѣдняго часа... Что̀ смѣешься? Я правду говорю. И какъ ихъ презираютъ женщины! То-есть, презираютъ въ душѣ, а въ глаза, натурально, учтивы, любезны, принимаютъ поклоненія, услуги, даже охотнѣе, чѣмъ отъ молодыхъ... Женщины, мой другъ, вѣдь безсовѣстныя!.. У старичковъ хоть ума и достаетъ, догадываются, а все-таки стараются угодить, заслужить...

Она хохотала какъ добрый товарищъ.

— И, разумѣется, только напрасно разоряются,—договорила она уже серьезно.—А въ душѣ все-таки пустота, жажда. Сколько ни умничай, ни резонируй, человѣкъ—вѣчно человѣкъ, вѣчно ищетъ привязанности. И привязываются... подхватитъ какая-нибудь старая дѣва, обернетъ какая-нибудь балерина, а то и хуже... „Обломова“ читалъ?

— Вы изображаете ужасы,—сказалъ я..

Она меня, въ самомъ дѣлѣ, испугала. Какъ дѣва, тетушка не говорила прямо, можетъ быть и не знала о Пашѣ, но можетъ быть... слухомъ земля полнится. Мнѣ вздумалось отважиться.

— Тетушка, читали вы, давно была повѣсть; ея заглавіе вошло въ поговорку...

— Давно? Какая повѣсть?

Я вдругъ спохватился и не перевелъ по-русски:

— Comment on se débarrasse d'une maîtresse.

— On en fait sa femme,—договорила она презрительно.— Знаю; вздоръ. И повѣсть безъ развязки. Описать бы, какая жена изъ *нея* вышла; *онъ*, навѣрное, сто разъ наплакался.

— За что такъ, тетушка? *Они* давно понимали другъ друга.

— Женщину можно понять только женою,—произнесла она серьезно.

— Но и насъ тоже только мужьями,—возразилъ я, смѣясь.

— Ну, не лицемѣрь. Пожалуй, и вы, господа, когда вздумаете не церемониться...

Она въ моихъ глазахъ прочла вопросъ, почему ей это извѣстно? —и продолжала даже съ волненіемъ.

— Женщины откровенно повѣряютъ одна другой свои испытанія; невозможно требовать, чтобы всегда сердце выдерживало. Смиряются, помня свои обязанности, но вѣчно молчать... Впрочемъ, нынче и не смиряются, и не молчатъ!.. Я и замужъ не пошла изъ страха разлада или огласки... Когда дѣвушка въ мечтахъ создала себѣ свѣтлую жизнь, ждетъ, готовится любить, беречь человѣка, раздѣлять всякіе его помыслы, поддерживать его дѣятельность, цѣнить его таланты, одушевлять его, хранить всякій его грошъ, всякой бездѣлицей украшать его уголъ...

— Какой же вы грѣхъ сдѣлали, тетушка!—прервалъ я слегка шутя, чтобы ей было удобнѣе сойти съ восторженнаго тона.

— Грѣхъ?

— Разумѣется. Великій грѣхъ эгоизма: вы могли дать счастье другому, и не дали, побоялись за себя.

— Что-жъ дѣлать, струсила!—отвѣчала она и обрадовалась предлогу, засмѣялась.—Я немножко мечтательница, не всѣ, такъ какъ я, говорятъ о себѣ правду... Но и рѣчь не обо мнѣ. Я говорю, что вы, мужчины, вѣкъ вашъ ребята, горды только на словахъ, а все ищете, къ кому прильнуть, и безъ женщинъ—пропали, съ жизнью не справитесь. Вы это сами чувствуете и изъ ложнаго стыда не сознаетесь. Да вотъ, ты первый, самъ на лицо. Ты теперь не бѣденъ, ты даже богатъ, а не знаешь, что съ собою дѣлать.

— А вы знаете?

— Знаю.

— Такъ скажите.

— Жениться.

— Это, тетушка, ужъ слишкомъ рѣшительно.

— Жить домомъ. Un foyer.

Она задумалась.

— Ты влюбленъ въ кого-нибудь?

— Нѣтъ.

— Рѣшительно?

— Рѣшительно.

— Полюбить надо,—сказала она задумчиво.

— На заказъ это не дѣлается.

Она нѣсколько презрительно усмѣхнулась, все раздумывая.

— Ну, у васъ это скоро дѣлается... Впрочемъ такъ и лучше; разомъ.

— Какъ въ воду?

Я выговорилъ это слово и какъ-то ужаснулся, — буквально ужаснулся. Прошла какая-то странная секунда, что-то рѣзнуло по сердцу; въ глазахъ явственно промелькнула бѣленькая Паша и ея испуганные глазки... Она меня ждетъ, она тоскуетъ. Сколько разъ она мнѣ писала; я писалъ, кажется, только одинъ разъ... да, точно, одинъ разъ, о квартирѣ... Если сейчасъ уѣхать, завтра, въ эту самую пору, я позвоню у своей двери. Переполохъ. „Кто это можетъ быть?“ Анисья летитъ съ лампой. Въ прихожей, конечно, нѣтъ огня; безъ меня экономничаютъ. Выбѣгаетъ Паша, и отъ радости въ слезы... Какъ я ее расцѣлую! „Чаю!“ чай готовъ; онѣ сидѣли за нимъ въ кухнѣ. И ужинъ сейчасъ; ужъ зажгли керосинку... Развѣ это не домъ, не foyer... Конечно, foyer: тутъ и есть, въ кухнѣ. Ну, поужинаемъ. О чемъ мы будемъ говорить?

Невольно я сдѣлалъ рѣзкое движеніе. Тетушка наблюдала за мною.

— Ты сказалъ: жениться, что̀ въ воду прыгнуть. Какъ же иначе? И плавать такъ учатъ. О чемъ задумался?

— О томъ, что̀ вы сказали. Что мы влюбляемся проворно.

— И разлюбляете также проворно.

— Каково-жъ положеніе, когда человѣкъ ужъ женатъ, связанъ...

— Постой, пожалуйста. Вы сейчасъ готовы насыпать фразъ! Все ужъ я слыхала о свободѣ, что̀ у васъ толкуется. И ничего этого случиться не можетъ: женщина, которая любитъ, цѣнитъ человѣка...

— Вы ужъ это говорили, тетушка,—угождаетъ, наставляетъ, бережетъ. Но если вдругъ является другая женщина... Не о

красотѣ рѣчь! не о порывѣ страсти! Но если и та душевная связь, которую вы поэтизируете...

— Если и ей конецъ? Конечно, не весело.

— Вы же сказали, что сами побоялись...

— Ты же мнѣ сказалъ, что я дурно сдѣлала!—почти вскричала она.—А я сознаюсь: я сдѣлала хуже чѣмъ дурно, я сдѣлала глупость! Ну, довольно тебѣ?... Ты спросишь: что-жъ остается послѣ душевнаго разрыва? Остается необходимость взаимной поддержки, безъ которой не проживутъ ни мужъ, ни жена, необходимость порядка, видимости предъ обществомъ...

— То-есть, декорума?

— То-есть, декорума. Фразеры ваши кричатъ, будто декорумъ—лицемѣріе, ложь,—изъ чего же они-то сами всѣ переженились? Есть „хозяйка“—и на всемъ домѣ отпечатокъ уваженія... Ну, юноша, еще такъ и быть, летай, покуда ноги носятъ; но въ твои года „бездомный скиталецъ“... это только поэтамъ дозволяется, и то въ стихахъ, а не на практикѣ.

— Тетушка, но вѣдь это мой приговоръ.

— Въ воду, мой милый, въ воду!—весело повторила она.—Натурально, съ оглядкой. Ты выгодный женихъ, тебя станутъ ловить; въ Петербургѣ ловятъ хуже, чѣмъ въ провинціи. Выбирай и не увлекайся. Бываешь ли ты въ семейныхъ домахъ?

Я признался, что не питаю къ нимъ особеннаго расположенія, и что хотя бы между дѣвицами нашлось совершенство—желалъ бы повременить возложеніемъ на себя брачныхъ узъ. Тетушка смѣялась.

— Мнѣ пришла идея,—вдругъ весело сказала она:—хочешь ли попробовать, что такое порядочная жизнь съ хозяйкой въ домѣ? Чтобы все шло толкомъ, въ свой часъ, чтобы сбирались знакомые, и старики, и молодые, провести вечеръ, поговорить, поиграть; и люди значительные, и женщины, и дѣвушки... Словомъ, хочешь ли испытать, какъ настоящимъ образомъ живется?

— Какъ не хотѣть,—отвѣчалъ я нѣсколько удивленный.

— Скажи откровенно... комплиментъ я по глазамъ отгадаю!.. Умѣю ли я держаться, очень ли я несносна?

Я совершенно искренно сказалъ, что она милая женщина, и также искренно отвѣчалъ на дальнѣйшіе вопросы, что такая хозяйка—кладъ, такая жена—надежная поддержка.

Она прервала, смѣясь:

— Такъ что, будь я лѣтъ на двадцать помоложе, ты бы влюбился?

Злодѣйка, десятокъ годовъ все-таки утаила! Впрочемъ это кокетство мнѣ понравилось.

— Влюбился бы, тетушка, и хлопоталъ бы о разрѣшеніи жениться.

— Ну, такому испытанію я бы тебя не подвергла. А вотъ, теперь, если хочешь, сдѣлаемъ репетицію. Позови меня къ себѣ въ Петербургъ, погостить зиму.

(Вотъ, тутъ я и попался! Въ настоящую минуту чувствую, что попался. Тогда я искренно вѣрилъ, что тетушка мнѣ необходима.)

— У меня въ Петербургѣ много хорошихъ знакомствъ; я познакомлю тебя, ты мнѣ представишь своихъ, и будутъ сбираться, будетъ пріятно. Увидишь, какъ ты обновишься.

Это я предчувствовалъ и безъ ея указаній. Знала или не знала тетушка о моей домашней жизни, но многое въ ней она затрогивала необыкновенно вѣрно. Мнѣ оставалось только ужасаться и спрашивать себя: за что я себя гублю? Начались предположенія, какъ она пріѣдетъ, какъ помѣстится.

— Большихъ затѣй не нужно,—ce serait bourgeois: ты не милліонеръ,—но мило, изящно. Предоставляю твоему вкусу,—ты видалъ гостиныя,—твоему вкусу и... благоразумію.

Рѣшительно она что-нибудь провѣдала!

Черезъ три-четыре дня, раннимъ утромъ я воротился въ Петербургъ. Съ неба падало—не дождь, не снѣгъ, а что-то ужасающее. Провожая, тетушка дала мнѣ нѣсколько астръ изъ своего цвѣтника; я обѣщалъ сберечь, заткнулъ у окна въ вагонѣ; тамъ онѣ и остались. Ужъ въ каретѣ я вспомнилъ, что это могъ быть „московскій гостинецъ“. Стало какъ-то тяжело и больно. Было холодно; у кареты распахнулась дверца, чуть не вылетѣла картонка съ моей шляпой; меня взяла досада. Лѣстница еще безъ ковра, печь въ швейцарской только-что затоплена. Я разбранился и поднимался усталый.

На звонокъ отворила Паша, закутанная, блѣдная, и даже не ахнула. Странная встрѣча. Мнѣ стало еще досаднѣе.

— Ты, кажется, даже не удивилась, что это я?

— Не удивилась. Я васъ все время ждала.

— Сплошь всѣ два мѣсяца?

— Да.

Она показалась мнѣ необыкновенно глупа. Ни увлеченія, ни шутки, хоть бы фразы! то-есть, того, что можно ожидать отъ женщины: влюблена — бросься на шею, кокетка — подразни... вообще, догадайся, что мое настроеніе скверное, что впечатлѣніе

непріятное, что опасны такія впечатлѣнія съ первой минуты. Нѣтъ! Ничего!

— Въ комнатахъ тепло, сейчасъ согрѣетесь.

Она тащила съ меня пальто; я сорвалъ его самъ и бросилъ на полъ. Она подняла, затворила двери за швейцаромъ, который вносилъ чемоданъ, показала, гдѣ поставить, попросила разстегнуть ремни.

— Туго очень; отсырѣли.

Вотъ она — высокимъ слогомъ—жизнь за-одно, жизненная правда! Конечно, эта особа была правдива: привлекательна она быть не могла, а потому и не старалась. Тутъ я вполнѣ сознался, что погибаю. Два мѣсяца, прожитые по-человѣчески, открыли мнѣ глаза на мое положеніе... Безшумное мельканіе этой фигуры въ вязаномъ платкѣ волновало мнѣ нервы.

— Ты босикомъ?—спросилъ я.

Она будто удивилась.

— Ходишь, какъ кошка крадешься.

— Туфли,—коротко отвѣтила она и тотчасъ вышла.

Анисья подавала самоваръ.

— Очень больна; третій день только встала съ постели, — зашептала она и замолкла.

Паша воротилась, стуча каблуками. Меня все раздражало.

— Ты была нездорова? Что-жъ ты не написала?

— Пустое; прошло. Простудилась немного.

— Ты, стало-быть, думаешь, что я не забочусь о твоемъ здоровьѣ?

Когда я разсерженъ, то говорю особенно холодно; это моя привычка. Вся сцена будто передо мною. Разумѣется, еслибы Паша мнѣ написала, я все-таки не поспѣшилъ бы воротиться: подъ какимъ предлогомъ вдругъ ускакать, бросить домъ тетушки, общество? И изъ-за чего? Удовольствіе—вотъ оно. И говорятъ—безпокоиться было нечего. А сказано: „пустяки!“—я не интересуюсь дальше спрашивать. Анисья обрадовалась случаю тараторить. Ѣздили онѣ вдвоемъ съ Прасковьей Алексѣевной на какую-то распродажу растеній, купили вотъ (тощую дрянь!)—запоздали и до полночи сидѣли съ своимъ грузомъ на пристани, ждали послѣдняго парохода, а пароходъ и подходить не хотѣлъ, забирать ихъ... Анисья иллюстрировала свой разсказъ то бранью, то смѣхомъ.

— Тутъ она и простудилась; съ рѣки вѣтеръ, а она въ одномъ платьѣ. А потомъ, какъ пришлось эти горшки тащить, извозчиковъ нѣтъ, далеко, темно, да бѣгомъ, неравно кто привяжется...

— И никто не привязался,—возразила Паша и засмѣялась.

— Очень жаль,—сказалъ я:—проучить бы васъ за глупости.

Видя, что я сердитъ, Анисья ушла. Паша стояла, прислонясь къ печкѣ, пряча руки въ платокъ. Какъ теперь смотрю на нее:—тоненькая, наклонивъ голову. Она была граціозна и особенно какъ-то жалка; беззащитное что-то, покорное... Не умѣю выразить своего чувства, но, поручусь, такое бывало у всякаго. Во мнѣ кипѣла злость, мнѣ было пріятно видѣть мученіе,—мученіе существа сломленнаго, уничтоженнаго и, именно,—красиваго. Я понималъ, какъ ей больно, почему ей больно,—и мнѣ хотѣлось, чтобы было еще больнѣе...

Забавно и кстати. Сейчасъ пишу эти строки,—жилецъ спускается съ своей вершины, какъ паукъ по своей нитке. Говорить съ нимъ можно только объ отвлеченномъ. Мнѣ вздумалось спросить, испыталъ ли онъ чувство наслажденія злобы?

Онъ усмѣхнулся и покачалъ головою.

— Не приходилось.

— Но, по крайней мѣрѣ, знаете, что оно бываетъ?

— Слыхалъ. Помѣшательство.

— Слишкомъ скоро рѣшаете. Это чувство бываетъ у людей развитыхъ, образованныхъ и совершенно здоровыхъ умомъ. Не вѣрнѣе ли—напряженное состояніе нервовъ?

— Нѣтъ, блажь, — возразилъ онъ.—Блажатъ, у кого есть досугъ и средства блажить. Не бѣдняки, неученые, неумные, несчастные... у тѣхъ дѣло можетъ доходить до припадковъ жестокости, но тамъ свои причины, то—особая статья... А господа, которымъ, какъ говорится, умирать не надо,—ахъ „наслажденіе злобы", просто, глупая блажь.

— Эти люди не глупы.

— Такъ еще хуже. Значитъ, нѣтъ у нихъ совѣсти.

— Позвольте! Слѣдовательно, вы признаете, вы согласны, что совѣсти можетъ *не быть*? Тогда—люди неотвѣтственны!

— Безъ совѣсти на свѣтъ родились!—почти вскричалъ онъ и махнулъ рукой.—Ей-Богу, отлично придумано: нѣтъ такого-то органа и—творю, что хочу: неотвѣтственъ!

— Вы же сами сказали: „у нихъ нѣтъ совѣсти"...

— Извольте, по вашему: совѣсть—органъ. По моему—безъ такого необходимаго органа люди не родятся; а если его не оказывается, значитъ они сами его въ себѣ уничтожили.

— Какъ такъ?

— Просто: съ дѣтства не сочли нужнымъ развивать, или взрослые нашли удобнѣе... *выкинуть тряпицу изъ кармана.* Помните?

Я хохоталъ.

— И полсмѣха нѣтъ!.. Могли бы эти развитые, образованные, по крайности, хоть то сообразить, что если имъ отъ чего-нибудь обидно и больно, то и другимъ тоже можетъ быть обидно и больно,—такъ нѣтъ! Увѣрены, безнаказанны, сила! И придумали „напряженность нервовъ", „наслажденіе злобы", — барскія потѣхи... И выходятъ тираны. Примѣры бывали...

— Въ исторіи?—спросилъ я.

— Вездѣ,—отвѣчалъ онъ и не засидѣлся, скоро ушелъ.

Я разобралъ себя строго и хорошо, помню дни послѣ моего возвращенія... Сейчасъ я смѣялся: право, я не историческій примѣръ, не бѣдный Неронъ, этотъ образецъ изящной нервной блажи. Я не желалъ тѣшиться, раздражать себя для разнообразія; жизнью я не такъ пресыщенъ, чтобы ужъ мнѣ были необходимы искусственныя острыя ощущенія. Наконецъ, я не безсовѣстный! Пашу я, въ самомъ дѣлѣ, жалѣлъ, но чепуха этого житья стала мнѣ невыносима. Изъ самосохраненія, изъ самоуваженія, мнѣ было необходимо другое...

Теперь я знаю, *что* мнѣ необходимо; теперь я понялъ, что это *другое*; теперь... Когда же, наконецъ, пройдетъ мое глупое нездоровье? Лицо опухло, голоса нѣтъ. Слишкомъ недѣля пропала даромъ, а тамъ—явится тетушка...

Я хочу видѣть Мари. Я долженъ ее видѣть. Предъ самимъ собою, предъ высшимъ понятіемъ собственнаго достоинства, я обязанъ удовлетворить своему желанію. Я хочу, чтобы она меня полюбила,—и она полюбитъ, отвѣтитъ страстью на страсть, которая не дается ей въ тупоумномъ, холодномъ „свѣтѣ"...

Сію минуту меня страшно разсердили. Пишу и слышу, что премудрая Анисья еще бесѣдуетъ съ жильцомъ, въ дверяхъ лѣстницы. Слышу вопросъ о Прасковьѣ Алексѣевнѣ и просьбу передать ей книжку. Они знакомы! Давно! до моей поѣздки въ Москву, съ весны, съ зимы, кто ихъ знаетъ, когда начались эти книжки, чрезъ Анисью... Вотъ, и сейчасъ тоже...

Что-жъ? это—*первый*... Я чуть не задохнулся. Меня обманывали! Въ дряни, въ затасканной книжонкѣ „гражданскихъ вздоховъ" — но меня обманывали!.. „Какъ Богъ святъ—никогда

она къ нему не ходила"... Что-жъ изъ этого? все-таки обманывала, дурачила... „Какъ Богъ святъ"... Зачѣмъ ей было къ нему? онъ бѣденъ; онъ и тогда былъ бѣднѣе меня. Узнай я во-время.. Ничего нѣтъ обиднѣе, какъ это „поздно". За нимъ всѣ сомнѣнія, всѣ подозрѣнія. Если... Что же, если даже осталась вѣрна, все-таки, стало быть, не вполнѣ любила, скрытничала, не уважала... А этого ужъ не воротить, не разъяснить, не отмстить!

Хорошо, что все кончено. Я свободенъ. Завтра мѣсяцъ, какъ она ушла,—5-го октября. Смѣшно—помню чи́сла!

В. Крестовскій
Псевдонимъ.

НОВѢЙШІЕ КРИТИКИ
ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

— *Jules Simon.* Nos hommes d'état. Paris, 1887.
— *Herbert Spenser.* The man *versus* the state. London, 1885.
— Sir Henry Sumner *Maine.* Popular government. London. 1885.

Главный разсадникъ новыхъ политическихъ идей въ Европѣ— Парижъ — измѣнилъ свою роль со времени водворенія республики во Франціи. Французскіе идеалы „народной свободы“ служили путеводною нитью западно-европейской демократіи, пока она подавлялась бонапартовскимъ или бурбоновскимъ режимомъ; но они утратили, повидимому, значительную долю своего обаянія съ тѣхъ поръ, какъ получили возможность свободнаго примѣненія на практикѣ. То, что прежде, до паденія второй имперіи, казалось совершенствомъ въ теоріи, обнаружило неизбѣжные недостатки въ дѣйствительной жизни; прежнее безусловное увлеченіе уступило мѣсто разочарованію и критикѣ.

Мы имѣли уже случай высказаться по поводу нѣкоторыхъ возраженій, вызываемыхъ извѣстными особенностями парламентской системы въ западной Европѣ *). Съ того времени появилось не мало новыхъ работъ, направленныхъ, такъ или иначе, противъ парламентаризма, и изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, книги Жюль Симона, Спенсера и Мэна, различныя по характеру и содержанію, но однородныя по

*) „Вѣстникъ Европы“, 1884, сентябрь, стр. 337 и слѣд.: „Кризисъ парламентаризма“.

практическимъ выводамъ и тенденціямъ авторовъ. Жюль Симонъ, одинъ изъ старыхъ республиканскихъ дѣятелей Франціи, даетъ намъ рядъ остроумныхъ очерковъ и характеристикъ, представляющихъ жизнь республики въ весьма одностороннемъ и неутѣшительномъ свѣтѣ; онъ не касается принциповъ, не входитъ въ глубь вопросовъ, но показываетъ на дѣлѣ, какъ примѣняются „великія начала“ 1789 года въ современной французской демократіи. Онъ не предлагаетъ никакого рѣшенія и никакой реформы, а ограничивается ролью критика и отчасти сатирика, бичующаго нравы правящихъ классовъ общества. Спенсеръ болѣе серьезно обсуждаетъ недостатки англійскаго парламента, возстаетъ противъ его всемогущества, противъ его возростающаго вмѣшательства въ частные интересы гражданъ, противъ забвенія личныхъ человѣческихъ правъ во имя отвлеченной идеи народнаго блага. Онъ находитъ, что „тираннія“ парламентовъ столь же опасна для индивидуальной свободы, какъ и всякія другія формы деспотизма; но при этомъ онъ становится исключительно на точку зрѣнія личности, не заботясь о способахъ и задачахъ государственнаго управленія. Мэнъ ставитъ уже принципіально вопросъ о „народовластіи“ и прямо нападаетъ на самыя основы демократическаго строя, ссылаясь на историческій опытъ, понимаемый имъ, впрочемъ, весьма своеобразно. Такимъ образомъ, эти три авторитетные писателя какъ бы дополняютъ и иллюстрируютъ другъ друга: одинъ говоритъ о парламентскихъ недугахъ Франціи, другой — противъ парламентаризма въ Англіи, третій — противъ самого принципа народнаго самоуправленія, или демократіи.

I.

Вспоминая первые годы третьей республики и сравнивая это недалекое прошлое съ настоящимъ, Жюль Симонъ является прежде всего суровымъ пессимистомъ. „Тщетно было бы искать теперь,— замѣчаетъ онъ,—да и нѣтъ уже теперь тѣхъ высокихъ мыслей, того духа самоотверженія, того неограниченнаго безкорыстія, которыми освѣщены были первые годы республики. Вражда и честолюбіе взяли верхъ. Я вижу только кружки и интриги. Если остается еще общее знамя, то это — знамя секты, а не знамя Франціи,—славное, дорогое знамя, подъ которымъ должны и могутъ соединиться всѣ французы. Вотъ, напримѣръ, тонкинская экспедиція—второе изданіе мексиканской. Въ этой долгой войнѣ, затрогивавшей столько интересовъ настоящихъ и будущихъ, па-

лата не находила ничего другого, кромѣ смѣшного спора о портфеляхъ. Даже великія дѣла становятся мелкими вслѣдствіе мелкости душъ". Правительство занимается очищеніемъ администраціи отъ сомнительныхъ республиканцевъ. „Гдѣ же начинается республиканецъ?—спрашиваетъ авторъ:—Кто вы, устраняющіе насъ? Сколько васъ? Куда вы насъ ведете?" Предпринимается борьба противъ духовенства и религіи. „Ссылаются на свободу совѣсти. Чьей совѣсти?" Не католиковъ и, слѣдовательно, — не большинства. Меньшинство, притомъ весьма незначительное, налагаетъ свои законы на всѣхъ... Эта мнимая свобода, ведущая къ преслѣдованіямъ, вполнѣ достойна „очистителей". Они называютъ себя либералами, тогда какъ они просто фанатики".

Но республиканцы, какъ извѣстно, считаютъ свободу совѣсти несовмѣстимою съ нравственнымъ гнетомъ католической церкви; они не касаются вѣрованій населенія,—они хотятъ только, чтобы эти вѣрованія никому не навязывались ни духовенствомъ, ни государственною властью. Если такъ думаетъ только „меньшинство", какъ полагаетъ Жюль Симонъ, то какимъ образомъ оно могло бы достигнуть преобладанія въ парламентѣ, основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ? Избирая въ депутаты завѣдомыхъ противниковъ католидизма, большинство французовъ заявляетъ этимъ солидарность съ ихъ взглядами на религію, — такъ что приписывать извѣстныя мѣры небольшой горсти „фанатиковъ" нѣтъ никакого основанія. Виновато тутъ господствующее настроеніе умовъ, которое не создается правителями и палатами, какъ то признаетъ, впрочемъ, и самъ авторъ. „Хорошо и необходимо,—говоритъ онъ,—заботиться объ администраціи, о финансахъ, объ арміи; но особенно нужно наблюдать за нами самими, за нашими умами и сердцами, имѣть въ виду наши нравственныя силы, которыя важнѣе другихъ. Скептицизмъ, овладѣвающій нами въ политикѣ, въ религіи, въ философіи, въ искусствахъ и въ литературѣ, есть рана болѣе смертельная, чѣмъ удары 1871 года". Правда, эта „смертельная рана" принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ, съ которыми могутъ долго жить и процвѣтать народы,—ибо она существуетъ у французовъ довольно давно, и притомъ независимо отъ республики или имперіи.

Жюль Симонъ полагаетъ, что французская палата депутатовъ не можетъ считаться точнымъ отраженіемъ чувствъ и желаній народа, при существующей системѣ выборовъ. — „Народъ выбираетъ между двумя кандидатскими списками—республиканскимъ и реакціоннымъ, но онъ не выбираетъ отдѣльныхъ кандидатовъ, вносимыхъ въ эти списки. Народъ рѣшитъ, будетъ ли палата респуб-

ликанскою или монархическою; но избирательные комитеты рѣшаютъ за него, кто именно будетъ депутатомъ. Депутаты, разъ водворившись въ бурбонскомъ дворцѣ, имѣютъ обыкновеніе говорить: „я выбранъ сотней тысячъ или двумя-стами тысячъ гражданъ". Это не совсѣмъ такъ; каждый изъ нихъ—избранникъ сорока, или тридцати, или двадцати гражданъ, смотря по численному составу комитетовъ. Нельзя даже считать избирателями всѣхъ делегатовъ, участвовавшихъ въ составленіи списка; истинные избиратели—только тѣ, которые назначаютъ делегатовъ. Они одни играютъ активную роль въ томъ, что̀ принято называть прямымъ всенароднымъ голосованіемъ. Что касается народа, то онъ говоритъ: „да" или „нѣтъ", высказывается за тотъ или другой списокъ, за республику или монархію; онъ даетъ плебисцитъ, но не выбираетъ депутатовъ. Всеобщая подача голосовъ по департаментскимъ спискамъ, имѣющая цѣлью сдѣлать народъ полновластнымъ, дѣлаетъ его въ дѣйствительности рабомъ".—Авторъ даетъ понять, что составъ избирательныхъ комитетовъ зависитъ отъ случая или отъ произвола нѣсколькихъ лицъ, безъ всякаго отношенія къ желаніямъ и симпатіямъ населенія. „Можно предположить,—поясняетъ онъ,—что дѣло происходитъ такимъ образомъ: Пьерръ, который еще ничего собою не представляетъ, говоритъ Жаку: „я назначаю тебя делегатомъ"; а Жакъ, считающій себя уполномоченнымъ съ этого момента, говоритъ въ свою очередь Пьерру: „я тебя назначаю делегатомъ". Они просто избираютъ другъ друга".—Еслибы все это было вѣрно, то французскій парламентъ напоминалъ бы скорѣе случайное сборище честолюбцевъ, чѣмъ настоящее народное представительство. Возможно ли, однако, допустить, что милліоны избирателей будутъ слѣпо подчиняться внушеніямъ какихъ-то невѣдомыхъ имъ личностей, попавшихъ почему-то въ избирательные комитеты? Если даже предположить, что массы населенія относятся пассивно и индифферентно къ парламентскимъ выборамъ, то вѣдь не можетъ быть и рѣчи о подобномъ же равнодушіи и бездѣйствіи со стороны господствующей буржуазіи и вліятельныхъ мѣстныхъ дѣятелей. Для того, чтобы всякій желающій могъ фигурировать въ роли делегата, необходимо было бы полное устраненіе лучшихъ общественныхъ силъ отъ избирательной агитаціи и предоставленіе выборовъ на произволъ судьбы; между тѣмъ во Франціи, какъ извѣстно, избирательная борьба ведется болѣе страстно и горячо, чѣмъ въ другихъ странахъ,—не только въ силу національнаго характера французовъ, но и потому, что у нихъ результаты выборовъ имѣютъ гораздо большее вліяніе на важнѣйшіе интересы государства,

чѣмъ гдѣ бы то ни было. Слова Жюля Симона о Жакѣ и Пьеррѣ должны быть дополнены весьма существеннымъ комментаріемъ: Жакъ занимаетъ, быть можетъ, постъ мэра въ главномъ городѣ департамента, а Пьерръ—предсѣдатель мѣстнаго провинціальнаго собранія, такъ что они имѣютъ нѣкоторое право разсчитывать на довѣріе населенія и назначать другъ друга делегатами для предложенія той или другой кандидатуры въ члены парламента. И въ самомъ дѣлѣ, фактическіе избирательные комитеты повсюду составляются изъ видныхъ представителей мѣстности, пользующихся извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, почетомъ и популярностью,—изъ городскихъ мэровъ, членовъ муниципальныхъ и департаментскихъ совѣтовъ, богатѣйшихъ коммерсантовъ, землевладѣльцевъ, адвокатовъ. Естественно, что лица, поставленныя во главѣ мѣстныхъ выборныхъ учрежденій, играютъ руководящую роль въ парламентскихъ выборахъ, и составленіе кандидатскихъ списковъ при дѣятельномъ ихъ участіи не заключаетъ въ себѣ ничего случайнаго или произвольнаго. Неизбѣжное соперничество между разными кружками и лицами выдвигаетъ въ ряды кандидатовъ только такихъ людей, относительно которыхъ существуетъ наименьше разногласій въ средѣ данной партіи, и эти люди должны были бы по необходимости принадлежать къ числу самыхъ выдающихся по достоинствамъ, связямъ, вліянію или богатству. Часто мѣстные избирательные комитеты дѣйствуютъ по указаніямъ какого-нибудь парламентскаго вождя, въ родѣ Клемансо или Жюля Ферри; въ прежнее время, при Гамбеттѣ, эта направляющая функція центральнаго избирательнаго комитета была общимъ правиломъ въ республиканской партіи,—но всегда нужно было считаться съ мѣстными условіями отдѣльныхъ департаментовъ, при избраніи кандидатовъ, могущихъ имѣть шансы на успѣхъ. Правда, нѣтъ положительныхъ законовъ, которыми опредѣлялся бы составъ избирательныхъ комитетовъ, и это отсутствіе регламентаціи кажется большимъ недостаткомъ Жюлю Симону. Большинство французовъ, повидимому, не раздѣляетъ такого взгляда, ибо всѣ понимаютъ, что свобода избирательнаго движенія составляетъ лучшую гарантію истиннаго народнаго представительства. Различные слои населенія, особенно низшіе, могутъ не имѣть въ своей средѣ подходящихъ кандидатовъ, и должны по-неволѣ полагаться на рекомендаціи довѣренныхъ и авторитетныхъ людей, изъ которыхъ составлены избирательные комитеты; народъ можетъ относиться безразлично къ вопросу о лицахъ, такъ какъ рѣшающее значеніе имѣетъ характеръ тѣхъ требованій и интересовъ, которые кандидатъ берется отстаивать въ парламентѣ. Подавая

голосъ за кандидатовъ той или другой партіи, избиратели имѣютъ въ виду не столько личныя ихъ качества, которыя иногда имъ совершенно неизвѣстны,—сколько ихъ политическое направленіе и программу, цѣли и свойства ихъ общественной дѣятельности. Каждая партія заинтересована въ томъ, чтобы выборъ лицъ, рекомендуемыхъ народу, былъ возможно болѣе удаченъ; малѣйшая оплошность въ этомъ отношеніи даетъ оружіе въ руки противниковъ и становится предметомъ разоблаченій въ печати. Кандидатъ можетъ быть указанъ только двадцатью или сорока гражданами, какъ замѣчаетъ Жюль Симонъ; но эти двадцать или сорокъ гражданъ представляютъ обыкновенно всѣ выборныя власти департамента, и они дѣйствуютъ солидарно съ руководителями партіи и съ ея журналистикою, безъ чего успѣхъ кандидатуры не можетъ быть обезпеченъ. Мы не говоримъ здѣсь, конечно, о тѣхъ случаяхъ, когда самое имя или положеніе кандидата служитъ знаменемъ для избирателей, и когда роль комитетовъ остается болѣе формальною и второстепенною. Каковы бы ни были мотивы, побуждающіе народъ выбирать рекомендуемыхъ кандидатовъ, — довѣріе ли къ предлагающимъ, или сочувствіе цѣлямъ и убѣжденіямъ данной партіи, — выборъ всегда является свободнымъ выраженіемъ всеобщаго народнаго голосованія. Отъ рекомендаціи до дѣйствительнаго выбора —большое разстояніе, о которомъ какъ будто забываетъ Жюль Симонъ, когда говоритъ о голосахъ „сорока или двадцати гражданъ“. Развивая въ палатѣ свою программу или предъявляя извѣстныя требованія, каждый изъ депутатовъ имѣетъ полное основаніе считать себя выразителемъ мнѣній десятковъ тысячъ избирателей, утвердившихъ эту программу и эти требованія.

Болѣе основателенъ пессимизмъ Жюля Симона въ другомъ отношеніи: современная Франція не имѣетъ ни великихъ ораторовъ, ни великихъ государственныхъ людей. Политическіе таланты измельчали подъ разлагающимъ вліяніемъ второй имперіи; старые бойцы республики сошли со сцены. и единственный преемникъ ихъ, Гамбетта, не оставилъ послѣ себя равносильныхъ продолжателей. „Нравы публики—по словамъ автора—также измѣнились. Въ шестидесятыхъ годахъ она восхищалась крупными парламентскими рѣчами; ораторскій турниръ между Жюлемъ Фавромъ и Руэромъ привлекалъ всѣхъ красивыхъ женщинъ. Теперь интересуются запросами, засѣданіями, когда всѣ говорятъ и никто не понимаетъ другъ друга. Когда трибуна остается на минуту пустою — говоритъ далѣе Жюль Симонъ, — мнѣ представляется, что я вижу на ней Тьера или Беррье, или Жюля Фавра, Эмиля

Оливье, Эрнеста Пикара. Очень немногіе изъ нашихъ современниковъ слышали Гизо или Ламартина. Теперь не знаютъ уже настоящаго, высокаго краснорѣчія". Авторъ весьма ядовито характеризуетъ средніе типы политическихъ каррьеристовъ, попадающихъ въ палату по какому-то недоразумѣнію. Иной провинціальный адвокатъ, имѣвшій случайный успѣхъ на какой-нибудь мѣстной сходкѣ, провозглашается вдругъ тонкимъ политикомъ; онъ чувствуетъ призваніе къ государственнымъ дѣламъ, и довѣрчивые сограждане единодушно выбираютъ его въ члены парламента. Онъ ѣдетъ въ Парижъ съ самыми широкими планами и съ самыми лучшими намѣреніями; онъ собирается исполнить обѣщанія, данныя имъ избирателямъ, но скоро онъ убѣждается, что у него нѣтъ нужнаго дара слова, что другіе говорятъ несравненно лучше и умнѣе его, и онъ мирится съ скромною ролью слушателя и начинаетъ смотрѣть на свое участіе въ голосованіяхъ какъ на средство устроить свою личную каррьеру. Онъ ищетъ сближенія съ кѣмъ-либо изъ предводителей партіи, прислуживаетъ и льститъ Жюлю Ферри или Фрейсинэ, смотря по обстоятельствамъ, и мечтаетъ о мѣстѣ товарища министра въ будущемъ кабинетѣ. Онъ не безпокоится насчетъ своего вторичнаго избранія; онъ просто скажетъ избирателямъ: „я одинъ изъ трехсотъ". „Его совѣсть—въ хорошихъ рукахъ, такъ какъ она въ рукахъ распорядительнаго комитета. За него можно подать голосъ съ полною безопасностью". Другой типъ депутатовъ—ловкіе дѣльцы откровеннаго направленія, стремящіеся всегда идти по вѣтру, поклонники успѣха во что бы то ни стало, мѣняющіе свои взгляды безъ всякихъ стѣсненій. „Показывать себя постоянно, поспѣвать повсюду, дѣлать возможно больше шуму,—такова для нихъ вся современная политика. Это система оппортунистовъ старшей и младшей линіи, гамбеттистовъ и ферристовъ". Передъ читателемъ проходитъ рядъ интересныхъ портретовъ-каррикатуръ, подъ разными вымышленными именами. „Гранпрѐ, сдѣлавшись депутатомъ, находится въ жестокомъ затрудненіи. Онъ всегда долженъ быть на сторонѣ сильнѣйшаго, а кто теперь сильнѣе другихъ—онъ не знаетъ. Ферри былъ бы его идеаломъ. Это человѣкъ, который наилучше умѣетъ мѣнять свое положеніе, оставаясь вѣрнымъ своей партіи; онъ только прогуливается отъ одного оттѣнка до другого. Онъ умѣетъ это дѣлать въ совершенствѣ. При жизни Гамбетты, онъ пытался замѣнить его, нанося удары клерикализму. Онъ не достигъ своей цѣли, и тотчасъ же выставилъ себя намѣстникомъ побѣдителя,—верхъ искусства! Онъ убѣдилъ палату, что нѣтъ никакой войны съ Китаемъ, и въ то же самое время, въ той же

рѣчи, онъ предъявлялъ смѣту военныхъ расходовъ. Когда онъ увидѣлъ, что вѣтеръ переходитъ на сторону умѣренныхъ, онъ оказался вдругъ не только умѣреннымъ, но и главою умѣренныхъ. Словомъ, настоящій государственный человѣкъ,—почти единственный". Соблазнителенъ и Клемансо; но онъ имѣетъ свою группу и не ищетъ новыхъ приверженцевъ; притомъ онъ не скоро будетъ министромъ-президентомъ. Депутатъ перебираетъ имена людей, къ которымъ можно бы примкнуть. Ферри погубилъ себя Тонкиномъ; Бриссонъ слишкомъ неподвиженъ и мало обѣщаетъ въ будущемъ; къ Клемансо обращаться безполезно.—Ферри, Бриссонъ, Клемансо,—это списокъ, который французы повторяютъ и переворачиваютъ утромъ и вечеромъ, со времени смерти Гамбетты. Какъ славенъ этотъ списокъ! И однако какъ онъ коротокъ!" Наконецъ, искателю парламентской карьеры приходитъ въ голову имя Фрейсинэ, и онъ спѣшитъ пристроиться къ нему. Изобразивъ нѣсколько типовъ подобнаго рода, Жюль Симонъ замѣчаетъ меланхолично: „хорошіе это люди, и печально наше время". Удивительнѣе всего то, что эти ничтожества пріобрѣтаютъ вліяніе и положеніе въ политическомъ мірѣ. „Онъ былъ одно время министромъ—не помню, чего, и не знаю, за что,—говоритъ авторъ о характерномъ представителѣ большинства, нѣкоемъ Аминтасѣ:—не было никакого основанія сдѣлать его министромъ, потому что, насколько извѣстно, онъ не оказалъ никакой услуги государству, и онъ не обладаетъ качествами ни дѣлового человѣка, ни оратора. Впрочемъ, не было также основанія, чтобы онъ не былъ министромъ, какъ и всякій другой... Въ пятнадцать лѣтъ мы потребили по меньшей мѣрѣ девяносто или даже сто министровъ, такъ что эта категорія гражданъ не можетъ уже считаться отборной. Аминтасъ—депутатъ совершенно заурядный, не обратившій на себя вниманія ни въ какой спеціальности и не знающій другой политики, кромѣ избирательной... Онъ не сомнѣвается однако, что ему предстоитъ быть первымъ министромъ, и требуетъ только, чтобы тягостное ожиданіе облегчалось для него посредствомъ извѣстныхъ компенсацій. Дѣло идетъ не о такъ-называемомъ мѣстѣ; это было бы слишкомъ вульгарно... Едва ли онъ принялъ бы постъ Ваддингтона въ Лондонѣ; но онъ охотно пошелъ бы на берлинскій конгрессъ, чтобы устроивать дѣла Европы... Величіе его могло бы быть объяснено психіатромъ, еслибы оно зависѣло только отъ его воображенія; но чѣмъ объяснить предупредительность министровъ? При всякой перемѣнѣ кабинета, они изобрѣтаютъ для него какой-нибудь генеральный контроль или протекторатъ... Публика къ этому привыкла. Важ-

ность Аминтаса не имѣетъ и не можетъ имѣть никакой причины; но онъ важенъ,—въ этомъ всѣ согласны. Это, по общему признанію, абсолютная пустота, надутая, лоснящаяся, мечущаяся, безъ цѣли и безъ компаса. Онъ не годенъ ни къ чему,—онъ просто важенъ, безъ всякаго другого эпитета. Это одинъ изъ оригинальныхъ продуктовъ современной демократіи".

Политическое безсиліе сказывается, по мнѣнію Жюля Симона, въ дѣятельности парламента и во всей организаціи управленія. „Мы заимствовали свои мундиры отъ слугъ имперіи; мы взяли себѣ ихъ жалованье, и мы присвоили себѣ ихъ авторитетъ. Народъ царствуетъ и управляетъ черезъ насъ: революція окончена... Это прелестное устройство составляетъ предметъ зависти для всѣхъ народовъ, и они, пожалуй, присоединятся къ намъ, чтобы насладиться вполнѣ его плодами... Отъ администраціи требуютъ по преимуществу услугъ на выборахъ; она столько же зависитъ отъ депутатовъ, сколько отъ избирателей; она все еще находится въ періодѣ образованія, какъ и армія, какъ сама Франція". Финансы республики доведены до ежегоднаго дефицита въ 600 милліоновъ, и къ началу 1886 года эти недочеты составляли уже колоссальную сумму въ два милліарда четыреста милліоновъ. Правда, республика погасила два милліарда шестьсотъ милліоновъ прежняго долга, вызваннаго несчастіями 1870 года; но рядомъ съ этимъ дѣлались затраты, далеко превышающія обычныя средства бюджета: построено 26.000 зданій для школъ, проведено желѣзныхъ дорогъ на 10.000 километровъ и издержано 745 милліоновъ на сельскіе пути сообщенія. Въ 1870 году, при имперіи, расходы по министерству народнаго просвѣщенія не превышали 24 милліоновъ; теперь они дошли до 163 милліоновъ, т.-е. возросли почти въ семь разъ, не считая полумилліарда на увеличеніе спеціальныхъ средствъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Докладчики школьнаго бюджета въ палатѣ депутатовъ предвидятъ дальнѣйшее увеличеніе расходовъ до 250 и даже до 300 милліоновъ въ годъ; сверхъ того, нужно будетъ прибавить еще 606 милліоновъ для распредѣленія между городскими и сельскими общинами на потребности учебнаго дѣла. Какъ ни полезны эти затраты, но онѣ кажутся слишкомъ смѣлыми Жюлю Симону, при существованіи крупнаго дефицита, тѣмъ болѣе, что и бюджеты другихъ вѣдомствъ возростаютъ въ соотвѣтственной мѣрѣ. „Чрезвычайные кредиты, обыкновенный бюджетъ въ три милліарда—все это вотируется парламентомъ съ удивительнымъ послушаніемъ и съ ошеломляющею быстротою. Парламентъ чувствуетъ себя вполнѣ успокоеннымъ, когда ему удалось урѣзать жалованье какимъ-нибудь

мелкимъ чиновникамъ, и онъ пользуется этою экономіею въ нѣсколько милліоновъ, чтобы бросать сотни милліоновъ безъ надобности". Понятно, что страна не можетъ быть довольна нынѣшнею палатою, безцвѣтною, непослѣдовательною и неразсчетливою. „Этотъ капризный народъ, который часто не выноситъ узды, желаетъ быть управляемымъ; онъ страдаетъ не отъ гнета, не отъ анархіи, а отъ нерѣшительности". Республиканцы занялись преслѣдованіемъ духовенства, изгнаніемъ людей, подобныхъ герцогу Омальскому, устраненіемъ независимыхъ или реакціонныхъ элементовъ изъ состава магистратуры и администраціи; они возбудили раздраженіе въ разныхъ слояхъ общества, безъ всякой пользы для республики. „Они какъ будто поставили себѣ задачу:—при господствѣ принципа народнаго верховенства и при системѣ прямого всеобщаго голосованія, основать правительство на всеобщемъ недовольствѣ"... „Среди министровъ,—продолжаетъ авторъ,—нѣтъ въ сущности ни идей, ни доктрины; нѣтъ авторитета, а есть только честолюбіе. Министры спрашиваютъ у палаты, чего она хочетъ; палата спрашиваетъ у избирателей, чего они хотятъ, а избиратели хотятъ—луну... Разстроенная армія, истощенная казна, опасность въ будущемъ,—вотъ чего стоило намъ честолюбіе нѣкоторыхъ посредственныхъ адвокатовъ, которые, сдѣлавшись министрами, пожелали цѣною какихъ бы то ни было жертвъ доставить странѣ преимущества долгаго министерства". Жюль Симонъ обращается въ заключеніе не только къ республиканцамъ, но и къ французамъ вообще: „Ваши домашніе нравы не лучше публичныхъ... Вы имѣете искусства, которыя не согрѣваютъ и не возвышаютъ,—литературу, которая не знаетъ другой цѣли, какъ только развлекать васъ или возбуждать ваши дурные инстинкты... Увы, народъ упадка, —великій, однако, народъ,—еслибы тебя умѣли поднять и вести;—ты считаешь себя господиномъ твоихъ судебъ, потому что отдаешь ихъ забавнымъ образомъ въ руки Камелина и Басли; ты считаешь себя господиномъ своей мысли, потому что не умѣешь уже вѣрить ни во что. Ты потерялъ привычку быть управляемымъ—извнѣ правительствомъ, внутри—вѣрою. Зрѣлище революціи еще не научило тебя, что первое условіе свободы—имѣть правительство сильное и строгіе нравы".

Замѣчанія Жюля Симона, – хотя отчасти и односторонніе, и слишкомъ рѣзкія,—содержатъ въ себѣ не мало горькихъ истинъ, которыя давно уже сознаются лучшими и наиболѣе искренними представителями республиканской партіи во Франціи. Что французскій парламентскій режимъ въ современномъ его видѣ не соотвѣтствуетъ идеалу народнаго самоуправленія,—это несомнѣнно.

Въ чемъ же заключаются причины тѣхъ недуговъ, на которые указываетъ Жюль Симонъ? Зависятъ ли они отъ самыхъ свойствъ демократическаго строя, или отъ какихъ-нибудь посторонннихъ обстоятельствъ? Отсутствіе великихъ умовъ и талантовъ въ парламентѣ, недостатокъ въ государственныхъ людяхъ, невысокій уровень политическаго пониманія среди депутатовъ, преобладаніе личныхъ и кружковыхъ интересовъ надъ общенародными, — все это симптомы общаго состоянія націи, переживающей трудную критическую эпоху. Учрежденія, дающія полный просторъ всевозможнымъ дарованіямъ, не могутъ быть отвѣтственны за то, что страна не производитъ даровитыхъ политическихъ дѣятелей въ данное время, что посредственности господствуютъ повсюду— и въ большинствѣ, и въ оппозиціи, что нѣтъ авторитетныхъ вождей, подобныхъ Тьеру и Гамбеттѣ. При другомъ политическомъ устройствѣ не выдвигались бы даже тѣ немногіе талантливые представители, которыхъ имѣетъ еще республика: недостатокъ свободы устранялъ бы наиболѣе независимыхъ и смѣлыхъ бойцовъ, заглушалъ бы неподкупные голоса въ печати и мѣшалъ бы появленію такихъ отрезвляющихъ книгъ, какъ очерки Жюля Симона. Бѣдность политическихъ дарованій замѣчается одинаково во всѣхъ партіяхъ; она особенно бросается въ глаза въ консервативномъ лагерѣ. Консерваторы не имѣютъ даже того утѣшенія, что могутъ явиться геніальные люди, достойные стать ихъ руководителями, — ибо руководители ихъ суть въ то же время претенденты, не имѣющіе надобности въ личныхъ заслугахъ и способностяхъ для предъявленія своихъ наслѣдственныхъ правъ. Среди республиканцевъ всегда живетъ надежда, что ничѣмъ не стѣсненныя и широко развивающіяся народныя силы выдвинутъ новыхъ героевъ политики, могучихъ ораторовъ и патріотовъ, которые вдохнутъ свѣжую жизнь въ дѣятельность парламента и правительства. Надежда эта можетъ оказаться напрасною, и періодъ политическаго безплодія можетъ тянуться еще многіе годы; но это будетъ уже дѣломъ естественнаго роста или упадка французскаго общества, а не продуктомъ тѣхъ или другихъ учрежденій.

Каковъ бы ни былъ, однако, составъ парламента, онъ долженъ былъ бы удовлетворительно исполнять свою существенную функцію—строго контролировать государственные расходы и ограничивать ихъ предѣлами необходимости, не допуская ни дефицитовъ, ни новыхъ долговъ, ни чрезмѣрнаго увеличенія налоговъ. Для добросовѣстнаго исполненія этой задачи нужны именно средніе умы, не задающіеся отдаленными цѣлями и заботящіеся глав-

нымъ образомъ о практическихъ интересахъ народа. Если въ дѣйствительности депутаты пренебрегаютъ финансами страны, то это можетъ быть объяснено только однимъ предположеніемъ, — что сами избиратели мало интересуются вопросомъ о количествѣ платимыхъ ими податей и не требуютъ отъ своихъ представителей соблюденія экономіи въ государственныхъ расходахъ. Иначе какъ понять, что большинство населенія выбираетъ кандидатовъ, программы которыхъ обѣщаютъ скорѣе увеличеніе, чѣмъ уменьшеніе податного бремени? Избиратели добиваются устройства новыхъ каналовъ, желѣзныхъ дорогъ или иныхъ полезныхъ сооруженій, связанныхъ съ значительными затратами изъ государственнаго казначейства, и они ждутъ отъ своихъ уполномоченныхъ осуществленія своихъ требованій, не останавливаясь передъ неизбѣжными послѣдствіями—нарушеніемъ бюджетнаго равновѣсія, возростаніемъ налоговъ и долговъ. Дошло до того, что одно небольшое министерство публичныхъ работъ очутилось съ бюджетомъ въ *600* милл. Только богатая отъ природы страна, съ непоколебимымъ и неограниченнымъ кредитомъ, съ безукоризненно честною администраціею, при всеобщемъ свободномъ контролѣ, можетъ позволить себѣ роскошь грандіозныхъ издержекъ и дефицитовъ, безъ опасности для будущаго и безъ чувствительнаго вреда въ настоящемъ. Массы плательщиковъ податей имѣютъ законную возможность измѣнить финансовую систему палатъ и правительства; для этого нужно только подавать голоса за сторонниковъ безусловной бережливости въ бюджетѣ, за противниковъ всякихъ предпріятій и работъ, превышающихъ текущія средства казны, за приверженцевъ необходимыхъ реформъ въ видахъ сокращенія расходовъ и налоговъ. Депутатъ, вотирующій въ парламентѣ несогласно съ желаніями избирателей, рискуетъ не быть выбраннымъ вновь, и потому сознательное уклоненіе палаты отъ удовлетворенія народныхъ требованій представляется немыслимымъ. Блестящее экономическое состояніе Франціи наиболѣе ярко характеризуется тѣмъ фактомъ, что, платя втрое больше податей, чѣмъ нѣмцы, французскіе избиратели хлопочутъ о какихъ угодно улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, но только не о финансовыхъ. Производились, между тѣмъ, многомилліонныя издержки, которыхъ не могло одобрить населеніе,—какъ, напримѣръ, на тонкинскую экспедицію, — и нельзя не остановиться надъ вопросомъ: почему депутаты столь легко назначали колоссальныя суммы на ненужныя дѣла, которымъ не могли сочувствовать избиратели? Имѣетъ ли эта расточительность какую-либо связь съ недостатками выборной организаціи, какъ полагаетъ по-

видимому Жюль Симонъ? Съ теоретической точки зрѣнія можно утверждать, что выборы по департаментскимъ спискамъ недостаточно обезпечиваютъ интересы народныхъ массъ. Лица, выбираемыя не отдѣльными округами, а цѣлымъ департаментомъ, по списку той или другой партіи, не связаны непосредственно съ избирателями данной мѣстности, и чувство прямой отвѣтственности предъ населеніемъ ослабляется вслѣдствіе того, что кандидаты выступаютъ не въ одиночку, а группами, въ болѣе обширныхъ выборныхъ районахъ. Представитель одного какого-нибудь округа, обязанный своимъ избраніемъ личному довѣрію мѣстныхъ жителей, будетъ гораздо ближе къ насущнымъ интересамъ послѣднихъ, чѣмъ представитель департамента, выбранный вмѣстѣ съ своими единомышленниками по предложенію избирательнаго комитета, въ силу принадлежности къ извѣстной политической партіи. Что же видимъ мы на практикѣ? Палата 1881—85 годовъ, разрѣшавшая тонкинскіе и иные кредиты съ такой небывалой щедростью, была выбрана еще при прежней избирательной системѣ—по округамъ, когда связи съ избирателями были крѣпче и тѣснѣе, и когда посредническая роль комитетовъ не имѣла еще такого значенія, какъ теперь. Выборы по спискамъ, установленные закономъ при министерствѣ Жюля Ферри, дали нынѣшнюю палату—слабую и безцвѣтную въ другихъ отношеніяхъ, но упорно стремящуюся къ посильнымъ сбереженіямъ. Въ періодъ 1871—77 годовъ французскіе финансы поражали Европу своимъ удивительнымъ процвѣтаніемъ послѣ несчастной войны и послѣ уплаты пяти милліардовъ контрибуціи, а между тѣмъ національное собраніе 1871—75 годовъ и палата 1875—77 годовъ были выбраны также по округамъ, какъ и расточительный парламентъ, подчинявшійся руководству Ферри. Ясно, что способъ выборовъ не оказываетъ замѣтнаго вліянія на финансовую политику парламентскаго большинства.

Здѣсь мы подходимъ къ основной проблемѣ парламентаризма, почти не затронутой Жюлемъ Симономъ, но постоянно обсуждаемой въ серьезной французской публицистикѣ послѣдняго времени. При разрозненности партій и группъ, при перемѣнчивости большинства, которое часто образуется изъ случайнаго соединенія непримиримыхъ между собою элементовъ (какъ, напр., крайней лѣвой съ реакціонною правою), правительство не можетъ и не должно находиться всецѣло въ рукахъ палаты; оно должно занимать свое особое мѣсто, подвергаясь неограниченному и всестороннему контролю, но не превращаясь въ пассивное орудіе парламентскихъ комбинацій,—ибо въ противномъ случаѣ никакая

послѣдовательная и опредѣленная политика невозможна. По конституціи 1875 года, рядомъ съ палатою депутатовъ существуетъ умѣряющій ее сенатъ, и независимо отъ обоихъ законодательныхъ собраній поставлена исполнительная власть, въ лицѣ неотвѣтственнаго президента республики. Сенатъ—этотъ „великій совѣтъ французскихъ общинъ“ по опредѣленію Гамбетты—низведенъ на степень ненужнаго, едва терпимаго учрежденія, регистрирующаго лишь постановленія палаты депутатовъ. Исполнительная власть имѣетъ лишь тѣнь власти, и фактически роль президента сводится къ исполненію извѣстныхъ обрядовъ, къ фигурированію на оффиціальныхъ пріемахъ и балахъ въ Елисейскомъ дворцѣ. Всѣ правительственныя полномочія сосредоточились въ палатѣ депутатовъ, и сложная государственная машина подчинена всевозможнымъ колебаніямъ, перемѣнамъ и толчкамъ впечатлительнаго, неопредѣленнаго парламентскаго большинства, вопреки духу и смыслу конституціи. Министерства падаютъ въ силу случайнаго, временнаго настроенія палаты; политическія системы мѣняются вмѣстѣ съ перестановкою лицъ въ составѣ кабинетовъ; государственные вопросы рѣшаются изо дня въ день, по соображеніямъ настоящей минуты, и республика постоянно находится какъ будто въ промежуткѣ между двумя кризисами. Многимъ начинаетъ казаться, что страна вовсе не имѣетъ прочнаго правительства, и это чувство охватываетъ даже убѣжденныхъ республиканцевъ, при видѣ парламентскихъ скачковъ и эфемерныхъ министровъ, мѣняющихся, какъ въ калейдоскопѣ. Та же самая палата, которая послушно вотировала милліоны на Тонкинъ и Мадагаскаръ, отреклась отъ колоніальныхъ предпріятій и свергла устроителей ихъ, при извѣстіи о первой военной неудачѣ, и то, что раньше признавалось мудростью и патріотизмомъ, превратилось чуть ли не въ государственную измѣну. Идеаломъ министерской политики сдѣлалось отсутствіе всякой политики—простое ожиданіе и исполненіе революцій палаты; министры, уклоняющіеся отъ такой несложной программы, разсматриваются какъ нарушители парламентскихъ правъ. Такъ-называемые радикалы, дающіе тонъ республиканскому большинству, считаютъ образцомъ политическаго устройства безраздѣльное господство единой всемогущей палаты; они забываютъ, что конвентъ подготовилъ почву для Бонапарта. И теперь робкіе люди ищутъ властной руки, способной внести постоянство въ политическую жизнь; упорно повторяющіяся манифестаціи, имѣющія своимъ предметомъ генерала Буланже, доказываютъ наглядно, что культъ личности не можетъ быть искорененъ никакими учрежденіями. Когда

нѣтъ вождей въ парламентѣ, толпа отыскиваетъ ихъ въ арміи. Слабость и увлеченія палаты, не встрѣчающія нигдѣ противовѣса, роняютъ парламентаризмъ въ общественномъ мнѣніи; сами республиканцы, недовольные большинствомъ, вовлекаютъ популярнаго генерала въ борьбу партій и пользуются его именемъ, какъ пугаломъ, противъ оппортунистовъ,—и легко можетъ случиться, что это оружіе обратится противъ палаты и республики. Маленькій опытъ плебисцита, сдѣланный недавно въ пяти департаментахъ, во время частныхъ депутатскихъ выборовъ 26-го февраля, заставилъ сильно задуматься многихъ парламентскихъ дѣятелей; если болѣе 50.000 голосовъ дано было генералу Буланже безъ серьезной предварительной пропаганды, то не слѣдуетъ ли опасаться, что на будущихъ парламентскихъ выборахъ онъ будетъ выбранъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ страны? И каково будетъ положеніе палаты и правительства въ виду этого возможнаго результата народнаго голосованія?

Парламентская система дѣйствуетъ во Франціи въ неправильномъ, извращенномъ видѣ, и послѣдствія этого извращенія не могутъ быть отнесены къ самымъ основамъ и принципамъ народнаго представительства. Характеръ недуга опредѣляетъ и способъ его исцѣленія. Палата депутатовъ должна контролировать исполнительную власть, но не совмѣщать въ себѣ ея функцій; она обсуждаетъ и утверждаетъ законы, но не должна вмѣшиваться въ ихъ примѣненіе; она назначаетъ финансовыя средства, но не можетъ смѣщать министровъ. Парламентъ существуетъ для контроля и для законодательства, а не для управленія. Смѣшеніе властей приводитъ къ путаницѣ; оно подрываетъ авторитетъ государства, безъ всякой пользы для кого бы то ни было. Нѣкоторые французскіе публицисты предлагаютъ усвоить порядокъ, принятый въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, и мысль эта встрѣчаетъ все большее сочувствіе въ республиканской партіи. Президентъ долженъ быть дѣйствительнымъ главою правительства, и фикція его неотвѣтственности должна быть оставлена, какъ несогласная съ природою вещей. Министры, назначаемые президентомъ, должны зависѣть отъ него одного; они не должны принадлежать къ составу палаты и участвовать въ ея преніяхъ. Конституціонная реформа, проведенная въ этомъ смыслѣ, возстановила бы равновѣсіе властей, и свободное демократическое устройство соединялось бы съ прочностью и единствомъ управленія. Но политическій темпераментъ французовъ даетъ мало надежды на осуществленіе такихъ преобразованій, которыя прежде всего предполагаютъ наклонность къ соглаше-

ніямъ и компромиссамъ; поэтому остается ожидать появленія новыхъ даровитыхъ личностей, способныхъ взять на себя роль руководителей палаты и вдохновителей министерства.

II.

Парламенты не только унаслѣдовали прежнюю неограниченную власть королей, но еще значительно расширили предѣлы дѣятельности и задачъ государства. Преслѣдуя общее народное благо, они вносятъ регламентацію во всѣ закоулки общественнаго и экономическаго быта; личная свобода гражданъ, какъ утверждаетъ Гербертъ Спенсеръ, оказывается столь же стѣсненною, какъ и при старомъ деспотическомъ режимѣ. По мнѣнію знаменитаго соціолога, для отдѣльныхъ лицъ безразлично, кѣмъ и во имя чего они стѣснены,—произволомъ ли правителя, во имя его „bon plaisir“, или рѣшеніями выборной палаты, руководимой желаніями и потребностями народныхъ массъ. Спенсеръ находитъ крайнюю непослѣдовательность въ политикѣ либеральной партіи, которая прежде боролась подъ знаменемъ личной свободы и возставала противъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, а теперь сама усвоила себѣ принципъ принужденія и вмѣшательства. Этотъ переходъ отъ одной системы къ другой—противоположной—кажется автору „безсознательнымъ“ и объясняется имъ простымъ смѣшеніемъ понятій. „Ибо чѣмъ были,—говоритъ онъ,—по взглядамъ народа и самихъ дѣятелей либерализма тѣ перемѣны, которыя совершены были либералами въ прошломъ? Это были упраздненія тягостей, терпимыхъ народомъ или частью его: такова была общая ихъ черта, которая наиболѣе отпечатлѣлась въ умахъ людей. Это были смягченія золъ, которыя прямо или косвенно чувствовались значительными классами гражданъ, какъ причины бѣдствій или помѣхи благосостоянію. И такъ какъ, въ умахъ многихъ, устраненное зло равносильно достигнутому благу, то эти мѣры представлялись уже положительными пріобрѣтеніями, и благосостояніе большинства принято было либеральными государственными людьми и либеральными избирателями за цѣль либерализма. Отсюда произошло смѣшеніе“. Либерализмъ превратился, такимъ образомъ, въ новый видъ торизма; онъ требуетъ уже не свободы, а государственной опеки, которую въ былое время отстаивала лишь консервативная или торійская партія. Спенсеръ ссылается на все новѣйшее законодательство, построенное на ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ,—особенно на фабричные законы, мѣшающіе свободной

эксплуатаціи дѣтей и женщинъ на фабрикахъ и заводахъ, на законы объ обязательномъ школьномъ обученіи, на мѣры противъ пьянства и пауперизма, на законы о жилищахъ для рабочихъ, о содѣйствіи фермерамъ въ пріобрѣтеніи поземельныхъ участковъ, и т. п. Для исполненія всѣхъ этихъ мѣропріятій создаются новыя учрежденія или новые штаты чиновниковъ, возростаютъ налоги и мѣстные сборы, извлекающіе часть имущества изъ свободнаго распоряженія гражданъ, и „съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ этого принудительнаго законодательства граждане лишаются какой-нибудь свободы, которою они раньше обладали“. Истинный либерализмъ долженъ отвергать предположеніе о неограниченной парламентской власти, какъ онъ отвергалъ когда-то неограниченную власть королевскую, ибо „свобода гражданъ измѣряется не природою правительственнаго механизма, представительнаго или иного, а относительнымъ количествомъ налагаемыхъ имъ стѣсненій“. Законны только такія стѣсненія, которыя необходимы для охраны лицъ отъ прямыхъ или косвенныхъ нападеній и отъ нарушенія ихъ свободы со стороны согражданъ; эти стѣсненія принудительны только въ отрицательномъ, а не въ положительномъ смыслѣ. Такъ разсуждалъ Спенсеръ, и съ этой точки зрѣнія онъ подробно разбираетъ потомъ опасности, представляемыя современнымъ парламентаризмомъ.

Уже приведенные нами взгляды, положенные въ основу дальнѣйшихъ разсужденій Спенсера, сами собою напрашиваются на возраженія. Если либералы всегда имѣли въ виду общественное благо, въ отличіе отъ торіевъ, охранявшихъ интересы и выгоды власти, то эта противоположность цѣлей остается существеннымъ признакомъ, разграничивающимъ обѣ партіи, хотя способы дѣйствія ихъ должны были неизбѣжно измѣниться вмѣстѣ съ обстоятельствами. Не странно ли характеризовать политическія направленія по способамъ, которыми достигались извѣстныя цѣли, а не по самимъ этимъ цѣлямъ? Либерализмъ получилъ свое названіе въ ту эпоху, когда на первомъ планѣ стояла еще потребность освобожденія отъ стѣснительнаго произвола администраціи; можно сказать, что это названіе уже не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и что повѣйшіе либералы должны были бы называться какъ-нибудь иначе, напримѣръ прогрессистами, хотя въ болѣе широкомъ смыслѣ всякое улучшеніе народной жизни есть, въ то же время, освобожденіе ея отъ какого-либо недуга [1]). Но можно ли

[1]) См. замѣтку: „Либералы и либерализмъ въ Западной Европѣ“, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1883, январь, стр. 420 и сл.

считать обязательнымъ для партіи держаться именно тѣхъ выводовъ, которые вытекаютъ изъ ея устарѣлаго или односторонняго названія? Слово слѣдуетъ за сущностью и подчиняется ей, а не наоборотъ. Не логично также требовать, чтобы смыслъ либерализма въ прошедшемъ былъ обязателенъ для него въ настоящемъ. Видѣть какое-то безсознательное „смѣшеніе понятій“ въ многолѣтнихъ систематическихъ усиліяхъ лучшихъ людей возвысить матеріальный и нравственный бытъ большинства населенія—значитъ смотрѣть на исторію, какъ на цѣпь силлогизмовъ и прилагать къ политикѣ чисто формальную, схоластическую мѣрку. Какъ это ни удивительно со стороны такого мыслителя, какъ Спенсеръ, но въ данномъ случаѣ онъ несомнѣнно придаетъ гораздо большую важность внѣшней формѣ общественныхъ движеній, чѣмъ ихъ внутреннему содержанію. Между прочимъ, въ установленіи полной свободы совѣсти и печати, въ отмѣнѣ ненужныхъ законовъ, стѣснявшихъ частную жизнь и задерживавшихъ развитіе промышленности и торговли, онъ видитъ лишь доказательство того, что существуетъ все-таки тенденція—ограничить владычество парламента, какъ будто нѣтъ принципіальной разницы между свободою мнѣній и печати и свободою эксплуатаціи дѣтскаго труда на фабрикахъ. Отмѣна стѣсненій, признаваемыхъ вредными или излишними, не только не противорѣчитъ теоріи неограниченнаго парламентскаго вмѣшательства, но, напротивъ, доказываетъ наглядно, что это вмѣшательство не есть что-либо произвольное, и что оно служитъ тому же принципу общественной пользы, который всегда былъ руководящимъ началомъ истиннаго либерализма. Система государственной опеки существовала гораздо раньше, чѣмъ пріобрѣли свое значеніе парламенты; она наибольше развилась и окрѣпла вовсе не тамъ, гдѣ установилось народное представительство. Трудно винить либераловъ за стремленіе употреблять для цѣлей общенароднаго блага тѣ широкія государственныя средства, которыя прежде служили исключительно интересамъ правящаго класса. Спенсеръ дорожитъ формальною свободою гражданъ, выражающеюся отсутствіемъ законодательныхъ стѣсненій; онъ ничего не имѣетъ противъ фактическаго гнета однихъ людей надъ другими, сильныхъ надъ слабыми, если только гнетъ этотъ совершается безъ явнаго насилія, предусмотрѣннаго уголовными или полицейскими законами. Парламентскіе либералы заботятся больше о фактической, реальной свободѣ лицъ и классовъ, поставленныхъ въ невыгодныя условія существованія, и въ этомъ нельзя видѣть особенный недостатокъ парламентаризма.

Въ обширной главѣ о „грядущемъ рабствѣ“ (переведенной и на русскій языкъ, въ видѣ отдѣльной книжки), Герберть Спенсеръ старается обстоятельно изобразить великій вредъ, причиняемый обществу преувеличенными заботами государства о народномъ благѣ. Къ сожалѣнію, политико-экономическіе доводы автора совершенно расходятся съ массою извѣстныхъ всѣмъ фактовъ и не имѣютъ никакой точки опоры въ спеціальной литературѣ предмета. Спенсеръ представляетъ себѣ современный экономическій бытъ въ видѣ идеально-справедливаго порядка, въ которомъ каждому воздается по дѣламъ его: бѣдность есть достойное наказаніе за лѣность и пороки; неимущіе и страждущіе сами виноваты въ своихъ несчастіяхъ; трудъ и добродѣтель вознаграждаются благосостояніемъ и богатствомъ, а „существа, неспособныя поддерживать себя, должны погибать“, въ силу общаго закона природы. Поэтому всякая филантропія вредна, не только частная, но и особенно общественная и законодательная, ибо она плодитъ тунеядцевъ и лѣнтяевъ, пріучаетъ бѣдныхъ къ даровымъ пріобрѣтеніямъ и сохраняетъ жизнь людей никому ненужныхъ. Авторъ подтверждаетъ свою мысль ссылкою на англійскіе законы о бѣдныхъ и на разросшіеся бюджеты народныхъ школъ. Если даже на минуту стать на точку зрѣнія Спенсера, то вся его аргументація уничтожается однимъ естественнымъ вопросомъ: что сдѣлали бы добродѣтельные и зажиточные классы Англіи, еслибы существующіе въ ней милліоны бѣдняковъ, предоставленные вполнѣ на произволъ судьбы, не пожелали погибнуть тихо и мирно, а вздумали бы съ шумомъ требовать хлѣба и пріюта, подъ угрозою насилій и волненій? Очевидно, господствующіе классы должны заботиться о бѣдныхъ, ради собственной своей безопасности, и налогъ въ пользу неимущихъ есть только способъ страхованія отъ непріятныхъ столкновеній и безпорядковъ. Еще яснѣе роль эгоистическихъ мотивовъ въ школьномъ вопросѣ. Развѣ для общества безразлично, что выйдетъ изъ многихъ тысячъ дѣтей бѣдняковъ — поступятъ ли они въ число преступниковъ и опасныхъ негодяевъ, или превратятся въ полезныхъ работниковъ и образованныхъ людей? Но самая сущность взгляда Спенсера на экономическую жизнь и на отношеніе къ ней государства заключаетъ въ себѣ колоссальное недоразумѣніе. Весь хозяйственный строй Англіи основанъ на принудительныхъ мѣрахъ и законахъ прежнихъ временъ. Предлагаетъ ли авторъ отмѣнить эти старые законы со всѣми ихъ послѣдствіями, чтобы уничтожить многочисленные и преобладающіе понынѣ продукты отвергаемаго имъ государственнаго вмѣшательства? Нѣтъ, онъ не поднимаетъ вопроса о прошломъ и ставитъ даже молчаливое предположеніе,

что безъ участія правителей все существующее выработалось бы само собою, путемъ свободныхъ частныхъ дѣйствій и сдѣлокъ. Онъ исходитъ, такимъ образомъ, изъ посылки совершенно фантастической, и вся его критика, направленная противъ вмѣшательства въ настоящемъ, основана на непонятной иллюзіи относительно прошедшаго. Онъ хотѣлъ бы, чтобы государство ограничивалось охраною личныхъ и имущественныхъ правъ; но что такое эта охрана, какъ не вмѣшательство, и притомъ одностороннее, нерѣдко въ пользу институтовъ и порядковъ, созданныхъ вѣками принужденій и насилій? Поселяне, изгнанные изъ своихъ наслѣдственныхъ участковъ для „очистки“ помѣстій подъ пастбища, имѣли противъ себя не только землевладѣльцевъ, но и полицейскія, и военныя силы королевства; общинныя земли отняты были у крестьянства такимъ же способомъ. Никто не скажетъ, что эти поселяне и ихъ потомки сами виноваты въ своей судьбѣ, что они получили лишь справедливое возмездіе за свою лѣность и пороки, тогда какъ лорды вознаграждены за свои добродѣтели и трудолюбіе. Ирландскіе арендаторы, выселяемые съ своихъ дѣдовскихъ фермъ при помощи крутыхъ экзекуцій, суть также жертвы государственнаго вмѣшательства, руководимаго интересами одного высшаго класса. А когда либералы думаютъ устранить это вмѣшательство и возстановить нѣкоторую долю попранныхъ правъ, то Спенсеръ замѣчаетъ въ этомъ напрасное стѣсненіе личной свободы гражданъ и даже нарушеніе законовъ природы. Законодательныя реформы не всегда имѣютъ своимъ результатомъ чрезмѣрное размноженіе чиновниковъ, которое авторъ вполнѣ основательно признаетъ серьезнымъ зломъ; важнѣйшія преобразованія заключаются въ отмѣнѣ несправедливыхъ привилегій, учрежденій и законовъ, санкціонировавшихъ гнетъ меньшинства надъ большинствомъ,—а такого рода реформы приводятъ скорѣе къ сокращенію, чѣмъ къ усиленію бюрократизма. Спенсеръ рѣзко возражаетъ противъ распространеннаго предразсудка, приписывающаго государству способность и обязанность разрѣшать всякія вообще соціальныя и экономическія задачи, выдвигаемыя жизнью; но нельзя отрицать, что государство можетъ, по крайней мѣрѣ, исправить и измѣнить свои собственные акты, совершившіеся въ прошедшемъ. Эта область историческихъ поправокъ и отрицательныхъ реформъ представляетъ весьма широкое поле для дѣятельности парламента, проникнутаго демократическимъ духомъ. Подобное направленіе законодательства ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо „государственнымъ соціализмомъ“, какъ ошибочно предполагаетъ Спенсеръ.

Англійскій парламентаризмъ, по мнѣнію Спенсера, все болѣе поддается напору общественныхъ и народныхъ движеній, имѣющихъ будто бы соціалистическій характеръ. „Каждый кандидатъ въ члены парламента берется предложить или поддержать какой-нибудь новый проектъ законодательства для привлеченія избирателей. Руководители партій, какъ тѣ, которые озабочены сохраненіемъ власти, такъ и желающіе вытѣснить ихъ, стараются превзойти другъ друга количествомъ обѣщаній, чтобы пріобрѣсть сторонниковъ. Каждый ищетъ популярности, обѣщая больше своего противника. Коммунистическія (?) теоріи, отчасти освященныя отдѣльными актами парламента и молчаливо или явно поддерживаемыя многочисленными публичными дѣятелями, вербующими себѣ приверженцевъ, проповѣдуются все громче и шумнѣе, въ той или другой формѣ, народными ораторами и организованными обществами. Журналисты, всегда избѣгающіе говорить то, что непріятно ихъ читателямъ, идутъ по теченію. Говорятъ, что французская революція пожирала своихъ собственныхъ дѣтей. Здѣсь аналогичная катастрофа не кажется невѣроятной. Многочисленныя соціалистическія перемѣны, сдѣланныя парламентомъ, въ связи со многими другими, которыя имѣютъ быть сдѣланы, всѣ потонутъ постепенно въ государственномъ соціализмѣ и исчезнутъ въ громадной волнѣ, которую онѣ подняли мало-по-малу". Граждане очутятся въ состояніи рабства, потому что рабомъ, по объясненію Спенсера, слѣдуетъ считать всякаго, кто обязанъ отдавать часть своего труда и своихъ доходовъ въ пользу другихъ людей; а будутъ ли эти обязательства относиться къ отдѣльнымъ лицамъ или къ цѣлому обществу, — это будто бы безразлично. Если держаться такого опредѣленія, то нѣтъ надобности говорить о „грядущемъ рабствѣ", грозящемъ будто бы высшимъ классамъ населенія, ибо подобное рабство уже существуетъ для массы плательщиковъ податей, для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, поставленныхъ въ зависимость отъ хозяевъ и капиталистовъ. Уплата налоговъ на пользу общую не становится „рабствомъ" оттого, что собираемыя казною средства пойдутъ на улучшеніе быта низшихъ слоевъ народа. Неудачные или слишкомъ смѣлые проекты, предлагаемые дѣятелями различныхъ партій, встрѣчаютъ надлежащее противодѣйствіе въ свободной печати и имѣютъ очень мало шансовъ быть принятыми палатою; если же извѣстныя реформы одобряются общественнымъ мнѣніемъ и вождями парламентскаго большинства, то онѣ очевидно соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ потребностямъ и не могутъ уже быть особенно смѣлыми или дурными. Спенсеру рисуется картина какого-то неудержимаго

радикальнаго реформаторства, въ которомъ наиболѣе опасны первые шаги. Переходъ желѣзныхъ дорогъ въ собственность государства и заботы объ устройствѣ жилищъ для рабочихъ повлекутъ за собою будто бы не только націонализацію земли, но и поглощеніе всѣхъ промысловъ государствомъ; почему это можетъ случиться и какая логическая связь находится между разумными проектами и фантастическими изъ нихъ выводами — остается непонятнымъ. Авторъ много говоритъ объ опасностяхъ сосредоточенной и постоянно разростающейся бюрократической организаціи, на которую возлагаются все новыя задачи, соединенныя съ новыми полномочіями, въ ущербъ индивидуальной свободѣ. „Предполагаютъ, что оффиціализмъ будетъ дѣлать именно то, для чего онъ предназначенъ, чего, однако, никогда не бываетъ. Механизмъ будущаго устройства, подобно нынѣ существующему, долженъ быть выработанъ изъ того же матеріала — изъ свойствъ человѣческой природы, и недостатки этой природы выразятся въ одинаковыхъ послѣдствіяхъ. Любовь къ власти, своекорыстіе, несправедливость, неискренность, которыя нерѣдко губятъ частныя предпріятія, должны неизбѣжно порождать гораздо болѣе значительные и менѣе устранимые недуги, такъ какъ результаты этихъ слабостей будутъ накопляться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Обширная и сложная, располагающая всѣми рессурсами, административная организація, разъ утвердившись, сдѣлается неодолимой“. Изъ этого можно вывести только одно заключеніе, — что необходимо предоставить больше простора мѣстному народному самоуправленію и что послѣднему должны принадлежать исполнительныя и контрольныя функціи, вытекающія изъ новыхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Такая система отчасти практикуется уже англійскимъ парламентомъ, который вообще не можетъ быть заподозрѣнъ въ наклонности ограничивать гражданскую свободу и увеличивать права администраціи. Примѣненіе школьныхъ законовъ и постановленій противъ пьянства, также какъ законовъ о бѣдныхъ, зависитъ въ значительной степени отъ городскихъ и сельскихъ общинъ, отъ приходовъ, отъ выборныхъ мѣстныхъ властей; эти же органы самоуправленія должны были бы завѣдывать осуществленіемъ другихъ законодательныхъ мѣръ, относимыхъ Спенсеромъ почему-то къ категоріи „соціалистическихъ“. Возраженія противъ централизаціи и оффиціализма касаются лишь способовъ исполненія реформъ, а не самой ихъ сущности и цѣли.

Говоря въ особой главѣ о „грѣхахъ законодателей“, Спенсеръ воздвигаетъ цѣлый обвинительный актъ противъ англійскаго парламента. Онъ останавливается на томъ странномъ фактѣ, что

для составленія законовъ, по общепринятому взгляду, не требуется будто бы спеціальныхъ знаній и подготовки: всякій общественный дѣятель считаетъ себя способнымъ законодательствовать, хотя бы онъ совсѣмъ не обладалъ нужными для этого свѣденіями, между тѣмъ какъ никто не станетъ распоряжаться приготовленіемъ лекарствъ въ аптекѣ, не будучи спеціалистомъ своего дѣла. Отсюда множество законовъ, приносящихъ вредъ вмѣсто ожидаемой пользы; однѣ и тѣ же ошибки повторяются постоянно, и парламенту приходится, большею частью, отмѣнять постановленія прежняго времени. По вычисленію одного статистика, цитируемаго Спенсеромъ, отъ двадцатаго года царствованія Георга III до конца 1872 года состоялось 18.110 публичныхъ актовъ парламента, и четыре пятыхъ этого числа уже отмѣнено вполнѣ или отчасти. Въ одно трехлѣтіе отъ 1870 до 1872 года включительно было исправлено и отмѣнено 3.532 парламентскихъ акта; изъ нихъ 2.759 было вполнѣ отмѣнено. Самъ авторъ сосчиталъ, что во время трехъ парламентскихъ сессій (1883—84 гг.) палата общинъ отмѣнила 650 актовъ, относящихся къ настоящему царствованію, независимо отъ многихъ исправленныхъ законовъ и отъ актовъ предшествовавшихъ правленій. Несомнѣнно,—замѣчаетъ Спенсеръ, —что въ массѣ случаевъ законы отмѣняются только потому, что они оказались неудовлетворительными или вредными. Трудно вообразить, сколько неисчислимыхъ золъ причинено было этими неудачными постановленіями, прежде чѣмъ они были отмѣнены. И тѣмъ преступнѣе то легкомысліе, съ какимъ люди берутся устанавливать законы для жизни народа.— „Житейскій опытъ ежедневно убѣждаетъ каждаго гражданина и законодателя, что поведеніе человѣческихъ существъ не можетъ быть разсчитано напередъ. Онъ (т.-е. гражданинъ и законодатель) бросилъ мысль управлять своею женою и отдаетъ себя въ ея управленіе. Дѣти, на которыхъ онъ пытался дѣйствовать различными способами — то выговоромъ, то наказаніемъ, то убѣжденіемъ, то наградой,—не поддаются какъ слѣдуетъ ни одному воспитательному методу, и никакіе доводы не мѣшаютъ матэри употреблять въ обращеніи съ ними пріемы, признаваемые отцомъ вредными. Такъ же точно въ отношеніяхъ съ прислугою онъ рѣдко имѣетъ успѣхъ... И при всемъ томъ, какъ ни труднымъ находитъ онъ имѣть дѣло съ человѣчествомъ въ конкретѣ, онъ увѣренъ въ своемъ умѣньѣ обращаться съ человѣческимъ обществомъ. Онъ не сомнѣвается, что граждане будутъ поступать такъ, какъ онъ предусмотрѣлъ, и будутъ стремиться къ цѣлямъ, которыя онъ считаетъ желательными, хотя онъ не знаетъ и тысячной доли населенія и едва ли

видалъ когда-либо сотую его часть, а большая масса этихъ гражданъ принадлежитъ къ слоямъ, имѣющимъ нравы и взгляды, о которыхъ онъ располагаетъ лишь самыми смутными свѣденіями".

По поводу этихъ мѣткихъ и вѣскихъ замѣчаній можно сдѣлать только одну существенную поправку: члены парламента вообще не занимаются составленіемъ законовъ; они только обсуждаютъ, принимаютъ или отвергаютъ законопроекты, выработанные компетентными лицами или спеціальными коммиссіями по порученію министерства или по частной иниціативѣ. Прежде чѣмъ быть принятымъ въ той или другой формѣ, всякій новый законъ долженъ пройти трудный и длинный путь публичной критики, въ которой руководящее участіе принимаютъ лучшіе знатоки даннаго вопроса, опытные юрисконсульты, практическіе дѣльцы и государственные люди, какъ со стороны правительства, такъ и со стороны оппозиціи. Мыслимо ли при такихъ условіяхъ, чтобы черезъ парламентское горнило проскользнулъ законопроектъ, порожденный самоувѣренностью и незнаніемъ? Не даромъ многіе акты англійскаго парламента послужили образцомъ для другихъ европейскихъ законодательствъ; вспомнимъ фабричные законы, знаменитый банковскій актъ 1844 года и др. Лучшіе памятники новѣйшаго законодательства въ западной Европѣ принадлежатъ несомнѣнно Англіи и Франціи—двумъ странамъ, гдѣ парламентаризмъ достигъ наиболѣе полнаго развитія. Приписывая составленіе парламентскихъ актовъ случайнымъ, неподготовленнымъ членамъ выборныхъ палатъ, Спенсеръ критикуетъ не факты, а свое теоретическое предположеніе, не имѣющее ничего общаго съ дѣйствительною практикою парламентаризма. Столь же невѣренъ выводъ, дѣлаемый имъ изъ громаднаго числа отмѣненныхъ и постоянно отмѣняемыхъ законовъ. Законы дурные и стѣснительные для средняго класса—были хороши и выгодны для землевладѣльческой аристократіи, при господствѣ которой они издавались. Законы весьма мудрые съ точки зрѣнія промышленной буржуазіи—были безусловно дурными для большинства трудящагося населенія, для городскихъ и сельскихъ рабочихъ, которые начинаютъ теперь имѣть голосъ въ дѣлахъ избирательныхъ и парламентскихъ. Понятно, что акты, состоявшіеся въ интересахъ одного класса, отмѣняются при переходѣ власти и вліянія къ другимъ общественнымъ слоямъ, и постепенный ростъ демократіи сопровождается отмѣною и пересмотромъ враждебныхъ или невыгодныхъ для нея законовъ, какъ бы искусно ни были придуманы послѣдніе. Такимъ образомъ, представленія о дурныхъ и хорошихъ законахъ неодинаковы въ различныя эпохи; они мѣняются вмѣстѣ съ историческими обстоя-

тельствами, и неумѣлость законодателей тутъ ни-при-чемъ, — за немногими, конечно, исключеніями.

Защита индивидуальныхъ правъ отъ неограниченной власти парламентовъ значительно облегчается двумя обстоятельствами, о которыхъ не упоминаетъ Спенсеръ. Во-первыхъ, парламентаризмъ основанъ на признаніи извѣстныхъ фундаментальныхъ правъ каждаго полноправнаго гражданина, и эти права обыкновенно точно опредѣлены конституціонными законами страны: они не могутъ быть отняты или ограничены безъ явнаго нарушенія конституціи. Во-вторыхъ, члены парламента, выбираемые на непродолжительный срокъ изъ среды милліоновъ гражданъ, въ качествѣ ихъ уполномоченныхъ, не могутъ предпринимать что-либо во вредъ своимъ же избирателямъ и всему обществу, ибо это значило бы дѣйствовать противъ самихъ же себя. Ограничивая или стѣсняя свободу частныхъ лицъ вообще, они ограничивали бы свою собственную свободу и стѣсняли бы свои собственныя права. Такія самоотверженныя рѣшенія возможны только въ порывѣ народнаго возбужденія или энтузіазма, при условіяхъ совершенно исключительныхъ; они немыслимы при нормальномъ ходѣ жизни. Еслибъ какая-нибудь палата увлеклась на путь стѣсненій, то другая могла бы всегда поправить дѣло и возстановить нарушенныя гарантіи. Частная и общественная свобода неразрывно связана съ понятіемъ о народномъ представительствѣ; она служитъ его необходимою основою и фундаментомъ. Парламентъ живетъ одною жизнью съ обществомъ и народомъ; онъ обладаетъ властью не въ томъ отвлеченномъ, формальномъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ это слово Спенсеръ. Парламентъ всегда остается органомъ и выразителемъ общественнаго настроенія; онъ зависитъ не только отъ избирателей, но отъ всѣхъ окружающихъ его общественныхъ силъ и вліяній, которыя фактически ставятъ весьма опредѣленные предѣлы его полномочіямъ. Тѣ стѣсненія частныхъ правъ, о которыхъ говоритъ англійскій соціологъ, не имѣютъ общаго характера и относятся лишь къ извѣстнымъ родамъ дѣятельности; они направлены только къ тому, чтобы предупредить несправедливое угнетеніе однихъ людей другими, совершающееся подъ прикрытіемъ неограниченной свободы сдѣлокъ. Право на эксплуатацію ближняго не входитъ въ кругъ основныхъ гражданскихъ правъ, и ограниченіе его не есть посягательство на свободу личности: напротивъ, оно охраняетъ эту свободу отъ легальныхъ насилій и злоупотребленій.

Л. Слонимскій.

МУСЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

„Warum?“ von *Rob. Schumann.*

Warum bin ich selbst so krank
und so trübl
Mein liebes Liebchen, sprich?
O, sprich, mein herzallerliebstes Lieb,
Warum verliessest du mich?—*H. Heine.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Уже пять часовъ вечера. Въ громадной залѣ — нестерпимо жарко и душно. Пыль сверкаетъ и переливается въ косыхъ лучахъ весенняго солнца, падающихъ изъ верхнихъ оконъ и освѣщающихъ теперь одни только перила и колонны на хорахъ противоположной стороны. Ряды стульевъ и густая толпа внизу погружены въ тѣнь, и пыль тамъ стоитъ синеватымъ туманомъ надъ моремъ головъ, шляпокъ, свѣтлыхъ весеннихъ нарядовъ, черныхъ фраковъ, мундировъ. Море это, какъ настоящее море, не только волнуется, но и шумитъ, бушуетъ. Вотъ уже нѣсколько минутъ сряду во всей залѣ, отъ первыхъ креселъ у самой эстрады до отдаленнѣйшихъ мѣстъ на хорахъ, стоитъ немолчный гулъ, крикъ тысячной толпы, рукоплесканья тысячи рукъ, стукъ стульевъ о полъ, стонъ голосовъ. На минуту этотъ невообразимый шумъ словно замираетъ, но вдругъ откуда-то съ хоръ раздается нечеловѣчески-пискливое „bis“, или изъ середины первыхъ рядовъ особенно рѣзкое хлопанье и „браво“, произнесенное дружно

нѣсколькими басистыми голосами — и толпа подхватываетъ эти „bis“ и „браво“, и море бушуетъ и ревetъ съ новой силой.

Но вотъ словно вихремъ проносится по залѣ: „идетъ! идетъ!“ Тутъ шумъ достигаетъ такихъ громовыхъ раскатовъ, что, кажется, стѣны обрушатся. И вслѣдъ затѣмъ все, точно по командѣ, затихаетъ. Вся зала притаила дыханіе. И только сотни паръ рукъ хватаются за бинокли, и тысячи глазъ приковываются къ эстрадѣ.

Великій артистъ, усталый и блѣдный, отирая со лба крупными каплями катящійся потъ, растроганно и утомленно кланяясь на всѣ стороны, проходитъ среди почтительно и радостно разступающейся толпы, захватившей всю эстраду, и садится передъ роялемъ. Съ минуту онъ точно въ раздумьѣ, затѣмъ поднимаетъ голову, встряхиваетъ своей темной гривой волосъ — и нѣжная, мягкая нота проносится въ замершей отъ ожиданія залѣ.

— А! „Warum“!—говоритъ себѣ мысленно Сергѣй Глуховской. Онъ сидитъ почти въ серединѣ залы, въ седьмомъ ряду.— А! „Warum“! (Такъ всегда невольно произносятъ про себя названіе хорошо знакомой вещи всѣ знатоки и любители музыки, едва услышатъ первый тактъ.) Нетерпѣніе Сергѣя, ожиданіе, „что-то *онъ* теперь сыграетъ?“—мгновенно перешли въ радость: *онъ* выбралъ такую знакомую, любимую, поэтическую вещь,—и такъ же мгновенно Сергѣй забываетъ все окружающее, себя и *его*, и только слышитъ, слышитъ каждую ноту, каждый аккордъ и модуляцію этого прелестнаго произведенія Шумана. И не только слышитъ, но, кажется, видитъ, осязаетъ, вдыхаетъ каждый звукъ, до того переносится Сергѣй въ тотъ поэтическій міръ, который скрывается въ этой вещицѣ,—и онъ переживаетъ все настроеніе пьесы отъ начала до конца. Горло сжимается отъ какого-то невыразимо-сладкаго, почти болѣзненнаго чувства, въ глазахъ стоитъ свѣтлый туманъ, и такъ грустно, и такъ хорошо...

— Ахъ, ахъ, какъ хорошо!—громко вздыхаетъ Глуховской, вмѣстѣ съ послѣднимъ аккордомъ, и не видитъ, какъ всѣ вскакиваютъ, бросаются впередъ; не слышитъ вновь поднявшагося крика, стука. Ничего онъ не видитъ и не слышитъ и, весь оцѣпенѣвъ, продолжаетъ слушать тотъ „Warum“, который раздается гдѣ-то глубоко въ душѣ — „Warum“ Шумана въ только-что слышанной геніальной передачѣ великаго мастера, и въ то же время и „Warum“ Гейне, строфы котораго Сергѣй повторяетъ про себя. Великій композиторъ и великій виртуозъ, казалось, сказали то же, что геніальный поэтъ; да, да, это тѣ же слова, то же чувство. Нѣтъ, не то, а еще гораздо глубже, сильнѣе, такъ какъ всегда

музыка сильнѣе слова и досказываетъ то, чего слову не передать.

— А какъ *онъ*, *онъ*-то какъ сыгралъ! Ахъ, милый, хорошій, чудный человѣкъ, молодецъ, геній!

И въ припадкѣ благодарности Глуховской также бросается впередъ, кричитъ, апплодируетъ, стучитъ ногами и первымъ попавшимся подъ руки стуломъ.

И когда задыхающійся отъ усталости и жары художникъ еще разъ появляется и еще разъ кланяется съ эстрады, и когда всѣ еще разъ кричатъ и хлопаютъ ему свое тысячеголосное „спасибо", въ душѣ Сергѣя становится какъ-то свѣтло и легко, точно онъ въ самомъ дѣлѣ успѣлъ высказать всю свою радость и благодарность, и точно его геній, его божество понялъ, слышалъ, что онъ ему хотѣлъ прокричать. Весь сіяя и глубоко задумавшись, такъ задумавшись, что опять ничего и никого кругомъ не видитъ, Глуховской поспѣшно проталкивается къ выходу и самъ не знаетъ, почему спѣшитъ. По костюму и прическѣ Сергѣй сильно смахиваетъ на англичанина; черты лица у него выточенныя, твердыя; рѣзкость ихъ смягчается только взглядомъ задумчивыхъ сѣрыхъ глазъ и необыкновенно доброй, почти дѣтской улыбкой.

— Сережа, голубчикъ, когда ты пріѣхалъ, Сережа? Какъ хорошо! Да? А знаешь, вѣдь это та самая соната, которую играла тогда Z., но только вѣдь лучше, въ сто разъ лучше... Что ты говоришь?... Пріѣхалъ къ свадьбѣ Неридова?... Да, да, какже! Въ среду мы съ тобой отличаемся оба. Вѣдь я тоже у него шафером... Игралъ-то онъ какъ! Ахъ, какъ хорошо!.. Такъ ты не къ намъ? Да куда же ты такъ бѣжишь?!.. Ну, вотъ видишь! Попался!..—и Саша Муранскій, молоденькій артиллеристъ, поспѣшно начинаетъ съ необычайнымъ вниманіемъ въ сотый разъ перечитывать афишу, чтобы скрыть свой неудержимый смѣхъ, видя, какъ другъ его Сережа смущенно извиняется передъ очень полной и нарядной дамой, сердито и не безъ язвительности замѣчающей:—Александръ Македонскій великій человѣкъ, но платья обрывать все-таки не слѣдуетъ!

Это громкое восклицаніе заставляетъ обернуться хорошенькую, стройную дѣвушку и человѣкъ шесть военной и статской молодежи, которые всѣ идутъ передъ разсерженной дамой. Они находятся, повидимому, подъ ея предводительствомъ, такъ какъ она до сихъ поръ ежеминутно командовала имъ:

— Par ici, Муся! Georges, voyons! Si vous courrez de la sorte... vous vous perdrez dans la foule. Monsieur Мюнстеръ, ayez la bonté de les retenir un peu! Ah, je suffoque! Plus lentement, de grâce!

Но до сихъ поръ ея приказанія оставались втунѣ, такъ какъ все вниманіе веселой молодежи было приковано къ безъ умолку болтавшей черноглазой дѣвушкѣ. Всѣ они слушали ее, всѣ вмѣстѣ перебивали, всѣ безъ остановки смѣялись и спѣшили къ лѣстницѣ, стараясь охранять безконечный шлейфъ бѣлаго платья Марьи Николаевны, которую только-что ея тетка, Марья Петровна, назвала Мусей, и вовсе не замѣчая, сколько страдало разныхъ другихъ нарядовъ отъ ихъ каблуковъ и шпоръ, сколько ихъ провожало злыхъ взглядовъ; они и не подумали ни разу, каково было поспѣвать за ними неповоротливой Марьѣ Петровнѣ Муранской.

На этотъ разъ и они, однако, замѣтили ея окончательно сердитый тонъ, обернулись и замедлили шагъ. Но не успѣли они всѣ улыбнуться на ея гнѣвное лицо, какъ вдругъ это лицо приняло выраженіе восторженной радости и удивленія, большіе каріе глаза какъ-то необычайно сладко прищурились, и голосомъ уже приторно-мягкимъ и на-распѣвъ Марья Петровна принялась восклицать:

— Сергѣй Александровичъ! Васъ ли я вижу? Ah, quel bonheur! Какъ Петръ Михайловичъ вамъ будетъ радъ! Когда вы пріѣхали и почему не прямо къ намъ? Это грѣхъ, это просто грѣхъ! Муся, Муся, regardez donc — Сергѣй Александровичъ! Ахъ, она страшно рада, что васъ видитъ. N'est-ce pas, Муся? Ah, quel bonheur!

Сергѣй, поспѣшно поздоровавшись съ растаявшей и точно готовой сейчасъ же умереть отъ счастья Марьей Петровной, уже протолкался впередъ и радостно протягивалъ руку Мусѣ. И безъ того хорошенькая дѣвушка сдѣлалась просто красавицей, до того была свѣтла и красила ее улыбка, которою она отвѣтила на его веселое: „здравствуйте, Муся". Ея оживленное личико освѣтилось такою серьезною радостью, что вся ея свита потомъ рѣшила, что согласна хоть каждый день вмѣстѣ съ нею встрѣчать разныхъ друзей дѣтства, только бы видѣть еще разъ такую улыбку, такой свѣтлый взглядъ. Когда Муся смѣялась, на лѣвой щекѣ ея дѣлалась глубокая ямочка, и одна бровь какъ-то капризно поднималась, а это и придавало улыбкѣ какую-то особенную прелесть.

— Да-съ, позвольте васъ спросить,—говорила Муся черезъ минуту:—кто это дозволилъ вамъ пріѣзжать въ Петербургъ потихоньку, останавливаться во всякихъ „Hôtels de l'Europe" или гдѣ-нибудь въ этомъ родѣ, да еще ѣхать въ концертъ, не появившись передъ тѣмъ на поклонъ къ намъ? Кто это позволилъ? Саня,—обратилась она къ брату,—это ты, вѣрно, его къ намъ

не пустилъ? Ты ужъ другихъ-то не сбивай съ толку, самъ хорошъ... Гдѣ мой вѣеръ? Вѣдь ты обѣщалъ его сюда привезти. Гдѣ же онъ? У меня ни одного не осталось послѣ того, какъ... —и Муся, лукаво улыбнувшись, замолчала.

Слова эти напомнили, должно быть, что-нибудь очень веселое, потому что всѣ опять неудержимо разсмѣялись.

— Ваше превосходительство! сюда пожалуйте, здѣсь!—почтительно произнесъ сѣдой ливрейный лакей, накидывая Марьѣ Петровнѣ на плечи ея мантò, и только-что хотѣлъ барышнѣ подать ея легкую ротонду, какъ Мюнстеръ выхватилъ ее у лакея изъ рукъ, а Саша такъ же живо отцѣпилъ бѣлый шарфъ, и всѣ принялись укутывать и помогать Марьѣ Николаевнѣ, точно на улицѣ былъ не теплый весенній день, а двадцатиградусный морозъ.

— Что это, какъ вы школьничаете, особенно ты, Саня! — строго сказала дѣвушка, стараясь по возможности принять серьезный видъ. — Я не столѣтняя старушка, могу и сама завязать шарфъ.—И она опять засмѣялась.

— C'est à vous la faute, — уже опять сердито произнесла Марья Петровна.—Vous riez et vous faites du tapage tout comme...

— Муранскихъ карета! — пробасилъ голосъ въ распахнутую дверь.

Марья Петровна, не окончивъ наставленія, засуетилась, закивала головой направо и налѣво, торопливо крикнула: „à ce soir!“ бросившимся поддержать дверь Сашѣ и офицеру съ моноклемъ, и потянула Мусю за собой. Муся въ дверяхъ остановилась, обернулась и съ комическою важностью сказала:

— Сергѣй Александровичъ! Сейчасъ къ намъ прощенія просить!—и прошла за Марьей Петровной.

Дверь хлопнула, и тотчасъ же снова открылась, пропуская красивую старушку въ букляхъ и свѣтломъ чепцѣ; генерала, мурлыкавшаго сквозь зубы тему изъ сонаты; высокаго, желтаго, худого господина съ тетрадкой нотъ подъ мышкой, толковавшаго идущей съ нимъ молодой дамѣ о какомъ-то невѣрномъ темпѣ и „смазываньи“. За ними, съ „охами“ и „ахами“, пробѣжали двѣ восторженныя барышни, и нескончаемой вереницей потянулась толпа. Двери хлопали. Лакеи кричали неестественно низкими голосами какія-то никому непонятныя имена. Дамы растерянно бросались впередъ. Какой-то мрачный господинъ бранился со сторожемъ, который никакъ не могъ найти его галошъ. Сергѣй также не скоро получилъ свое пальто и потому торопливо догонялъ Сашу Муранскаго. Тотъ ждалъ его на углу.

— Послушай, Сережа, ты къ нимъ теперь не поѣзжай. И

они, и я, мы будемъ вечеромъ у Гирѣевыхъ: тамъ сегодня дѣвишникъ, конечно и тебя женихъ Неридовъ съ собой потащитъ. А теперь пойдемъ съ нами обѣдать. Кстати: позволь тебя и познакомить... Это Юрочка Бергъ, мой первый другъ и пріятель,— сказалъ Саша, слегка ударяя по плечу некрасиваго, черноволосаго, очень еще молодого человѣка, манеры котораго сразу выдавали бывшаго правовѣда.—Сей херувимъ—князь Острожскій,— сказалъ Муранскій, указывая на взявшаго Берга подъ руку чрезвычайно тонкаго и хрупкаго на взглядъ юношу, съ нѣжнымъ, румянымъ лицомъ и наивными смѣющимися глазами.—Высоцкій! —и Саша принялъ оффиціальный видъ, представляя Глуховскому рослаго, виднаго, но нѣсколько натянутаго офицера съ моноклемъ, адъютанта какого-то полка.

Съ двумя другими молодыми людьми Сергѣй уже давно поздоровался, такъ какъ это были братья Мюнстеры: старшій, Павелъ Васильевичъ товарищъ Глуховского по выпуску, а младшій, Рудольфъ—товарищъ по полку Неридова и только-что представленнаго Высоцкаго.

— А это, господа, Сергѣй Александровичъ Глуховской, первый другъ Марьи Николаевны. Вы, впрочемъ, слышали о немъ не мало.

Сергѣй всѣмъ пожалъ руки, обѣщалъ къ шести часамъ непремѣнно пріѣхать къ Донону, гдѣ сегодня товарищи давали послѣдній холостой обѣдъ Неридову, и поѣхалъ въ свой отель, совершенно счастливый первымъ днемъ своего пребыванія въ Петербургѣ.

II.

Глуховской зналъ Муранскихъ съ самаго своего выхода изъ училища. Весною, еще въ половинѣ 70-хъ годовъ, сдавъ послѣдній экзаменъ и крайне неравнодушный къ своему новому, не-форменному платью, онъ пріѣхалъ какъ-то вечеромъ къ одной изъ своихъ тетокъ. Это былъ ея „вторникъ“; поздняя весна уже разогнала почти всѣхъ ея habitués,—кого въ деревню, кого за границу, другихъ просто подышать теплымъ майскимъ воздухомъ на Островахъ. Кузины—тогда еще подростки, всегда милыя болтушки и друзья Сергѣя—въ этотъ день какъ-то мечтательно смотрѣли въ раскрытыя окна на набережную, въ даль неподвижной рѣки, въ которой отражалось весеннее безцвѣтное небо,—вздыхали и точно забыли о томъ, что онѣ должны „занимать“ гостей; ихъ тоже

тянуло изъ города въ зелень и просторъ полей. Сергѣй уже расположился-было за фортепіано по предложенію хозяйки, видѣвшей, что сегодня у нея скучно и „не клеится“,—какъ въ дверяхъ раздались громкія восклицанія:

— Ah, ma chérie! едва, едва вырвалась къ вамъ, да и то боялась, что уже не застану васъ въ городѣ. Но вы себѣ представить не можете... Ah, bonjour, Sophie! bonjour, Mary!.. Вы не можете себѣ представить, какъ я была занята и разстроена! Вы знаете, вѣдь Pierre долженъ былъ такъ внезапно уѣхать въ Римъ. Lise se meurt... plus d'espoire! ah, mon Dieu, mon Dieu! И это бѣдное дитя теперь будетъ совсѣмъ сиротой!..

И среди всѣхъ этихъ восклицаній Сергѣй впервые познакомился съ Марьей Петровной Муразской.

Она видимо искренно была разстроена безнадежною болѣзнью своей belle-soeur, почти только и говорила, что о своей маленькой племянницѣ Мусѣ, которая теперь останется круглой сиротой, такъ какъ ея отецъ, братъ Марьи Петровны, умеръ уже два года тому назадъ. И вотъ теперь братъ вдовы, Петръ Михайловичъ Бобринъ, поѣхалъ въ Римъ, къ больной сестрѣ, и, вѣроятно, только-только застанетъ ее въ живыхъ: телеграммы приходили все болѣе и болѣе тревожныя.

Едва Марья Петровна узнала, что Сергѣй также ѣдетъ въ Италію, она его засыпала просьбами съѣздить въ Римъ повидать Петра Михайловича и его сестру и передать отъ нея разные petits paquets, которые ей было совершенно необходимо послать, и непремѣнно, непремѣнно написать ей, что и какъ онъ тамъ найдетъ. Сергѣй удивился про себя тому, что Марья Петровна сама не проситъ написать Петра Михайловича, но, конечно, согласился. Глуховской былъ къ тому же радъ случаю познакомиться съ Бобринымъ, о которомъ еще въ училищѣ много слыхалъ, особенно послѣ его большого этико-юридическаго сочиненія.

Во весь остальной вечеръ Марья Петровна ахала, что для перваго знакомства безпокоитъ такъ „cet aimable jeune homme“, восторгалась затѣмъ его игрой на фортепіано, просила сыграть „Poème d'amour“, говорила, что „cela lui rappelle sa jeunesse“, опять вздыхала, вспоминая Lise и свою безцеремонность, и наконецъ уѣхала, оставивъ Сергѣя въ совершенномъ недоумѣніи предъ этой массой французскихъ фразъ, фальшиво-сантиментальныхъ „аховъ“ и въ то же время какъ будто искренней тревогой о судьбѣ бѣдной сиротки Муси. Такое же странное впечатлѣніе производила на него и вся наружность Марьи Петровны: претен-

ціозная прическа со взбитыми сѣдоватыми буклями и весь нарядъ, украшенный множествомъ вышедшихъ изъ моды бантиковъ, бусъ, оборочекъ и медальоновъ—дисгармонировали съ мягкимъ взглядомъ ея большихъ черныхъ глазъ и доброй улыбкой когда-то красиваго рта.

На другой день Марья Петровна прислала Глуховскому посылки и письма въ Италію, а черезъ двѣ недѣли онъ передавалъ ихъ Бобрину, уже въ Неаполѣ, куда тотъ увезъ Мусю изъ Рима послѣ похоронъ ея матери. Марья Петровна сказала правду: телеграммы все ухудшались, и въ тотъ самый день, какъ Сергѣй былъ у тетки, въ ночь пришло извѣстіе о смерти „de cette pauvre Lise". Елизавета Михайловна, блестящая свѣтская красавица, заставлявшая цѣлыхъ десять лѣтъ кричать о себѣ весь Петербургъ, не перенесла смерти своего мужа, некрасиваго и для другихъ мало интереснаго человѣка, который былъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ старше ея. Промучившись полтора года въ чахоткѣ, она умерла на рукахъ брата, не понимая, что умираетъ; послѣдніе же дни была почти постоянно безъ памяти.

Бобринъ, невысокаго роста, плотно сложенный человѣкъ, лѣтъ подъ-пятьдесятъ, встрѣтилъ Глуховского чрезвычайно радушно и просто. Волосы и борода Петра Михайловича были совсѣмъ сѣдые, но лицо свѣжее, румяное, а большіе каріе глаза горѣли юношескимъ огнемъ. Бобринъ былъ похожъ на свою покойную сестру, и въ молодости—очень красивъ. Въ первыя минуты свиданія онъ былъ какъ-то нервно оживленъ и разговорчивъ; Сергѣю показалось, что онъ не хотѣлъ при чужомъ человѣкѣ показывать своего горя. Но вскорѣ рѣчь Бобрина, оставаясь такой же живой, стала покойнѣе. Узнавъ о порученіи Марьи Петровны, Петръ Михайловичъ предложилъ Сергѣю самому передать письмо Мусѣ.

Прямо изъ окна второго этажа они перешагнули въ садъ, находившійся на одной высотѣ съ комнатами, на террассѣ, которая съ двухъ сторонъ примыкала къ отелю и тянулась узкой полосой надъ моремъ и надъ улицей, ведшей за городъ. Это былъ настоящій итальянскій садъ: въ глубинѣ нѣсколько темныхъ орѣшниковъ, аллея платановъ; между ними зелеными гирляндами перекинулся плющъ; подъ такими же гирляндами исчезали стѣнки, окружавшія садъ съ трехъ сторонъ. А ближе къ морю и къ дому—сплошной коверъ цвѣтовъ и розы безъ конца: громадныя, крошечныя, всевозможныхъ оттѣнковъ,—розы, подвязанныя къ палкамъ, и совсѣмъ дико разросшіеся кусты, и кусты, ползущіе по стѣнѣ отеля, всѣ усѣянные мелкими темно-красными цвѣтами. Тутъ же стояло въ грунту нѣсколько рѣдкихъ тропическихъ ра-

стеній; агавы топорщились на стѣнкѣ надъ моремъ; среди маленькой лужайки, между двухъ молодыхъ пальмъ, плескалъ небольшой фонтанъ, окруженный, какъ ожерельемъ, какими-то низенькими яркими кустиками. Цвѣты положительно наводняли этотъ уголокъ; казалось, не руки человѣческія насадили ихъ тутъ, а просто изъ всякой трещины камня, изъ всякой горсти земли поднимались на встрѣчу палящему солнцу ростки и стебли, и вспыхивали яркіе вѣнчики. Такіе садики заставляютъ иногда вспоминать о первомъ легендарномъ обиталищѣ человѣка: кажется, всѣ климаты перемѣшались тутъ, всѣ имѣютъ здѣсь своихъ представителей,—и какихъ мощныхъ, красивыхъ, пригрѣтыхъ южнымъ солнцемъ!

А солнце, дѣйствительно, и грѣло, и жгло. Внизу на улицѣ все замерло. Замерло и темно-синее, почти черное въ тотъ часъ дня море. И на этой черной синевѣ моря, среди ярко-синяго неба, точно подернутые бѣлой дымкой, виднѣлись голубые призраки Искіи и Прочиды.

Муся стояла, прислонившись къ плющевой стѣнкѣ, и не сводила глазъ съ моря.

— Муся!—позвалъ ее Петръ Михайловичъ. — Вотъ Сергѣй Александровичъ привезъ тебѣ поклонъ и письмо отъ тети Мари и еще какой-то ящичекъ и два свертка. Поди сюда—познакомься.

Муся, тоненькая дѣвочка, съ длинной, темной косой и громадными черными глазами, быстро подошла къ нимъ, серьезно, будто строго, взглянула въ лицо Сергѣю, такъ же серьезно пожала его руку и, не взявъ отъ него письма, вдругъ живо обратилась къ Петру Михайловичу съ улыбкой, точно освѣтившей все ея личико и вызвавшей двѣ прелестныя ямочки на подбородкѣ и на одной полной щечкѣ.

— Ахъ, дядя! погляди, что это за прелесть! Гляди: вотъ теперь море будто черное, а эти скалы вдали почти бѣлыя и небо яркое. А утромъ, я глядѣла, море и небо были совсѣмъ блѣдно-голубыя, а скалы темно-синія. Вечеромъ скалы будутъ голубыя, а море лиловатое, и небо совсѣмъ свѣтлое, пока не наступитъ ночь, и все станетъ темно-синимъ.—И дѣвочка потянула Петра Михайловича къ баллюстрадѣ.

Сергѣй былъ пораженъ той страстной ноткой, которая звучала въ голосѣ ребенка. И голосъ ея также поразилъ его: низкій и грудной, не только не дѣтскій, но даже не женскій обыкновенный контральтъ, а похожій на тотъ, какимъ говорятъ итальянки изъ простонародья.

— Я ужъ тутъ 156 часовъ стою,—продолжала Муся, дѣлая

большіе глаза и нарочно особенно важно произнося слова: „сто пятьдесятъ-шесть“,—и все уйти не могу, хоть мнѣ уже всю голову пропекло. Ай-ай! совсѣмъ пропекло!—и, закрывъ голову руками, Муся убѣжала на противоположную сторону сада, въ тѣнь, гдѣ проворно влѣзла на низенькую стѣнку и спокойно усѣлась, прислонившись къ одному изъ орѣшниковъ.

— Дядя, дядя! давай мнѣ письмо отъ тети Мари и подарки давай! А вы не подглядывали, что она мнѣ прислала, не знаете?—Муся, хитро прищуривъ глаза, посмотрѣла на Сергѣя Александровича.

Въ ящикѣ оказалась большая кукла, краски, тетради и книжка, и Муся такъ занялась ими, что забыла читать письмо. Петръ Михайловичъ, грустно улыбаясь, смотрѣлъ на нее, но, замѣтивъ взглядъ Сергѣя, сразу принялъ спокойный видъ и сказалъ:

— Ну, а что въ Петербургѣ дѣлается? Правда, что Z. назначенъ товарищемъ министра? Мнѣ это говорилъ одинъ русскій пріѣзжій въ этомъ отелѣ... Или, можетъ быть, вы послѣднее время такъ были поглощены своими личными дѣлами, такъ сказать, дебютами жизни, что и не слыхали, что̀ тамъ дѣлается? Зато, вѣрно, перебывали во всѣхъ театрахъ загородныхъ, каждый вечеръ на Островахъ и т. д., и т. д. А какъ вы познакомились съ Марьей Петровной?.. Только пойдемте въ комнаты. Мы съ вами не „inglesi“ и не „cani“, и, пожалуй, рискуемъ получить солнечный ударъ, оставаясь въ эту пору дня на улицѣ.

Они усѣлись въ полутьмѣ и относительной прохладѣ гостиной съ плотно прикрытыми жалюзи, и черезъ десять минутъ Сергѣю Александровичу казалось, что онъ уже многіе годы знаетъ и любитъ Петра Михайловича. Такъ Бобринъ умѣлъ сразу близко и просто подходить къ людямъ и въ то же время заставлять ихъ высказываться.

— Однако, надо и Мусю позвать. Муся! иди въ комнаты: слишкомъ жарко; да дай мнѣ письмо Мари, что̀ она тебѣ пишетъ?

Послышались скорые шаги, и Муся съ рѣшительнымъ и строгимъ видомъ быстро подошла къ столу. Брови ея были мрачно сдвинуты, а глаза заплаканы.

— Вотъ письмо!—сказала она почти грубо, отдавая письмо дядѣ, и еще быстрѣе пошла въ свою комнату, видимо борясь со слезами.

Марья Петровна писала:

„Ma pauvre petite Муся! Le Tout-Puissant a bien voulu rappeler auprès de Lui Votre mère adorée. Que Sa volonté soit faite. Ты не должна, дитя мое, роптать на Его неисповѣдимые

пути, которыми Онъ насъ всегда ведетъ къ нашему благу. Я увѣрена, ты утѣшаешься тѣмъ, что этотъ ангелъ, для котораго наша земная жизнь была слишкомъ груба и тяжела, улетѣлъ къ своимъ небеснымъ братьямъ, но ты должна вѣчно помнить, какого хранителя ты потеряла, должна помнить que tu n'as de guide que le Père qui est aux cieux, et que tes parents te regardent des nues. Молись, дитя мое, непремѣнно молись et mets-toi sous la sainte protection de notre bonne Vierge qui est ta patronne. Это должно быть твоимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Саша посылаетъ тебѣ эти игрушки, а я къ нимъ прибавлю ce livre de prières, такъ какъ убѣждена que toute autre lecture te serait importune. Je t'embrasse, ma pauvre orpheline, et je te bénis.—A toi de coeur M. Mouransky".

Петръ Михайловичъ, читая письмо, съ досадой пожималъ плечами и раза два громко выбранился.

Сергѣй просидѣлъ у Бобрина до поздняго итальянскаго обѣда и даже обѣдать остался. Къ его удивленію, Муся влетѣла въ столовую веселѣе солнца, послѣдніе лучи котораго огненно-золотой дорогой пробѣжали по недвижному морю и заглянули въ окна нарядной, украшенной зеркалами и бронзой, обѣденной залы. Муся, какъ оказалось, успѣла уже побывать съ дѣтьми хозяина на берегу, ловила какія-то „морскія гадости" (какъ она выражалась), потомъ всѣ бѣгали на пристань, гдѣ ихъ чуть не побили мальчишки, выпрашивавшіе у англійскихъ и русскихъ матросовъ деньги за свое кувырканье и гримасы, и, наконецъ, благополучно вернулись домой; впрочемъ, не совсѣмъ благополучно для костюма Муси: ея черное платье такъ пострадало отъ близкаго знакомства съ „морскими гадостями" и пескомъ, что ужаснувшаяся хозяйка отеля поспѣшила привести ее за руку къ Петру Михайловичу и прочла ей при немъ страшную нотацію по-итальянски, съ жестами и актерскими повышеніями голоса.

Муся за обѣдомъ въ лицахъ уморительно представляла эту сцену, нимало не смущаясь присутствіемъ въ залѣ хозяина отеля, добродушнаго старичка въ нанковомъ пиджачкѣ, надѣтомъ прямо на тѣло, и не покидавшей его головы соломенной шляпѣ (онъ всегда спасался бѣгствомъ, завидя дамъ, издали извинялся передъ ними за безпорядокъ своего костюма и былъ совершенно подъ башмакомъ своей красивой и энергичной супруги).

Муся вскакивала со стула, потрясала руками, воздѣвала ихъ къ небу, закатывала глаза и живо-живо тараторила непонятныя слова, но такъ вѣрно схватила тонъ и манеру разсерженной

итальянки, что Петръ Михайловичъ заливался хохотомъ и никакъ не могъ побранить дѣвочку, какъ она того заслуживала. Когда она успокоилась и начала ѣсть свою „минестру“, Бобринъ сказалъ совершенно спокойно:

— Но зато ты теперь, вотъ, одѣта въ бѣлое платье, что̀, я думаю, тебѣ непріятно.

Ея черные глаза вдругъ опустились, горячая краска залила все личико, двѣ большія слезы выкатились изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ, и Муся исподлобья взглянула на дядю.

— Дядя! какая я гадкая! Безпамятная, безсердечная... Правда? —сказала она чуть слышно и низко опустила голову.

— Нѣтъ, не безсердечная и не безпамятная, а только еще очень-очень молоденькая дѣвочка... Только помни побольше, чему *она* тебя учила, а то ты у меня совсѣмъ мальчишкой станешь, а ты знаешь, какъ *она* не любила такихъ манеръ. Однако, довольно о тебѣ говорить. Вотъ лучше придумай, куда мы повеземъ завтра Сергѣя Александровича, что̀ ему покажемъ.

Весь обѣдъ прошелъ среди плановъ разныхъ прогулокъ и среди разсказовъ о Сашѣ Муранскомъ и его семьѣ.

Саша—тогда маленькій пажикъ—былъ троюродный братъ Муси и великій другъ ея. Они вмѣстѣ пугали привидѣніями старую гувернантку Сашиныхъ сестеръ, вмѣстѣ убѣгали на рѣчку удить окуней, вмѣстѣ скрывались на деревьяхъ отъ поисковъ m-lle Rosalie. Когда Мусю увезли за границу, они дѣятельно переписывались, причемъ Саша въ своихъ письмахъ особенное вниманіе обращалъ на росчерки, которые напоминали не то паутину, не то спутанныя нитки—такъ они были сложны. Сергѣй зналъ Сашу съ дѣтства и, пріѣзжая къ его матери, всегда охотно возился съ мальчикомъ.

Муся видимо обрадовалась случаю поговорить о своемъ товарищѣ, а въ концѣ обѣда отвела Глуховского въ сторону и сказала ему очень важно и серьезно:

— Les amis de nos amis sont nos amis, вы любите моего Сашку и другъ его, такъ и я буду вашимъ другомъ,—хотите?

И дѣйствительно, съ этого дня Сергѣй и маленькая Муся были друзьями.

Глуховской разсчитывалъ, повидавъ Бобрина, продолжать путешествіе по начертанному еще въ Петербургѣ плану, но послѣ двухъ-трехъ дней, проведенныхъ съ Петромъ Михайловичемъ, попросилъ позволенія быть его вторымъ неразлучнымъ спутникомъ и вмѣстѣ съ нимъ объѣхать Италію и часть южной Франціи и

Испаніи. Этотъ немолодой уже человѣкъ просто очаровалъ его. Бобринъ привлекалъ Сергѣя, съ дѣтства любившаго искусства и хорошаго музыканта, своею необычайно разностороннею образованностью, тонкимъ и глубокимъ художественнымъ пониманіемъ и всего болѣе своею неутомимостью, подвижностью и тою горячностью, которую онъ вносилъ во все, что дѣлалъ, будь то разыскиванье какой-нибудь картины въ музеѣ или разговоръ о томъ, что Митя Неридовъ (бывшій товарищъ по училищу Глуховского, поступившій поломъ въ пажескій корпусъ), только-что выйдя въ офицеры, успѣлъ уже дважды попасться въ самыя невозможныя исторіи и отсидѣлъ за нихъ почти мѣсяцъ на гауптвахтѣ. Петру Михайловичу до всего было дѣло.

Насколько онъ, при своемъ свѣтскомъ воспитаніи и съ перваго взгляда замѣтной деликатности, былъ совершенно равнодушенъ къ разнымъ мелочамъ, разнымъ „cela ne se fait pas“ и „que dira le monde“, и былъ совершенно нетребователенъ относительно разныхъ удобствъ и неудобствъ, однимъ словомъ всего внѣшняго, и до чрезвычайности простъ въ обращеніи,—настолько онъ былъ требователенъ отъ людей, съ которыми встрѣчался или о которыхъ только слыхалъ, относительно того, что любилъ, считалъ важнымъ и нужнымъ. Люди, ничего не дѣлавшіе или не имѣвшіе никакого интереса къ чему-нибудь опредѣленному, такъ-называемые „добрые малые“ или „просто добрые люди“, жившіе „такъ себѣ“, „изо дня въ день“, „какъ случится“—были ему нестерпимы, раздражали его, или онъ просто не обращалъ на нихъ никакого вниманія, точно это были столы или стулья. Еще болѣе тяготили Бобрина люди, которые говорили фальшиво, высокопарными фразами или общими мѣстами. Тогда на него просто жалко было смотрѣть. Его вѣжливость мѣшала ему прервать или не слушать говорившаго, но Петръ Михайловичъ морщился, какъ еслибы кто началъ водить пробкой по стеклу, или, покорившись своей судьбѣ, слушалъ съ такимъ угнетеннымъ видомъ, точно его приговорили выслушать со вниманіемъ рѣчь на китайскомъ языкѣ. „Вѣдь это чистое наказаніе!“ – говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Онъ самъ, способный цѣлые часы простаивать, любуясь на закатъ или передъ какой-нибудь „старухой съ козой“ (одной изъ наиболѣе рѣдкихъ древнихъ статуй въ неаполитанскомъ музеѣ)—онъ никогда не выражался цвѣтисто или громко. Рѣчь его была сдержана, проста и сжата—и онъ самъ былъ прежде всего человѣкъ прямой и откровенный, подчасъ до рѣзкости, и въ то же время чуткій и отзывчивый на все искреннее, глубокое и яркое.

Общность вкусовъ и интересовъ скоро сдружила Сергѣя и

Петра Михайловича, несмотря на разницу ихъ лѣтъ. Эта разница, впрочемъ, сильно сглаживалась тѣмъ, что Бобринъ до 45 лѣтъ остался увлекающимся человѣкомъ, съ юношескою горячностью отстаивавшимъ свои убѣжденія и говорившимъ о любимыхъ вещахъ со страстью,—тогда какъ Сергѣй, несмотря на свою крайнюю молодость, былъ чрезвычайно сдержанный и внѣшне-спокойный человѣкъ.

Сергѣя поразило отношеніе Петра Михайловича къ Мусѣ. Онъ всегда говорилъ съ ней какъ со взрослымъ человѣкомъ: обсуждалъ ея самые фантастическіе дѣтскіе планы, какъ самыя серьезныя вещи, выслушивалъ ея мнѣнія о чемъ бы то ни было и высказывалъ затѣмъ ей свои—вполнѣ искренно и точно, не прибѣгая ни къ какимъ смягченіямъ или педагогическимъ пріемамъ, предоставляя ей уже самой разбираться, которое изъ двухъ мнѣній вѣрнѣе. Въ одномъ только Бобринъ не давалъ Мусѣ свободы: какая бы жара ни была, въ какомъ бы дрянномъ, неудобномъ отелѣ они ни остановились—Муся должна была заняться чѣмъ-нибудь часа два. Петръ Михайловичъ заставлялъ ее или срисовать для него видъ (дѣвочка хорошо владѣла акварелью и карандашомъ), или перевести отрывокъ изъ какой-нибудь книги (по большей части по исторіи искусства или литературы), или прочесть отрывокъ изъ какого-нибудь первокласснаго автора—причемъ Сергѣй, къ изумленію своему, узналъ, что дѣвочка читала на двухъ древнихъ языкахъ—наконецъ, Муся должна была просто прочесть что-нибудь и потомъ своими словами, устно или письменно, разсказать о прочитанномъ. „Если она цѣлый годъ ничего не будетъ дѣлать—это ее испортитъ“, замѣчалъ какъ бы про себя Бобринъ. „А этакъ на мѣстѣ всему учиться—самое лучшее. Главное же надо, чтобы она умѣла учиться безъ учителей“.

Часто Петръ Михайловичъ съ ней спорилъ и иногда соглашался, поспоривъ, съ доводами дѣвочки, и въ такомъ случаѣ тотчасъ говорилъ ей: „ты права, Миша“. Онъ звалъ ее „Мишей“ и даже „Михаиломъ Николаевичемъ“, такъ какъ находилъ, что ей слѣдовало родиться мальчикомъ. „У нея совсѣмъ не женскій умъ и не бабій характеръ“,—сказалъ онъ какъ-то Сергѣю:—„изъ нея прокъ выйдетъ. И знаете, этой бабьей мелочности въ ней нѣтъ. А главное, въ чемъ мы съ ней сошлись, въ ней этакая пуританская правдивость и точность, отсутствіе которой у всѣхъ, а особенно у женщинъ, меня такъ возмущаетъ и огорчаетъ. Когда Муся передаетъ что-нибудь, замѣтьте, она слова лишняго никогда не прибавитъ, ничего не прикраситъ. И никому не спускаетъ, если при ней разскажутъ что-нибудь не вполнѣ вѣрно. Такъ рас-

кинятится, что мнѣ уже не разъ приходилось ее останавливать. А вѣдь вы вотъ, навѣрное, замѣтили, какъ она при этомъ хорошо и оригинально разсказываетъ. Это въ мать-покойницу: талантливая была женщина, умница; одна бѣда—слишкомъ была хороша собой, ну и увлекалась черезъ-чуръ своими свѣтскими успѣхами, разными романами и выѣздами, по-просту сказать: прожила всю жизнь среди пустяковъ; ничего изъ нея не вышло. Не дай Богъ, чтобы Мишка въ нее пошла, а у нихъ много общаго! Не говорю уже о лицѣ (это тѣ же глаза, улыбка, даже ямочка на щекѣ и бровь лѣвая отдѣльно подымается, когда она смѣется), но и манера говорить, грудной этотъ голосъ, музыкальность—все въ мать... и страстность, съ которой она все дѣлаетъ“...

— Ну, это, значитъ, черта фамильная у Бобриныхъ—дядюшка Муси тѣмъ же самымъ отличается,—замѣтилъ Сергѣй.

— Можетъ быть, можетъ быть!—разсмѣялся Петръ Михайловичъ.

И Муся тоже совсѣмъ особенно относилась къ дядѣ: она, видимо, безгранично уважала его, и онъ въ ея глазахъ былъ умнѣйшій, первый человѣкъ въ мірѣ, но говорила она съ нимъ совсѣмъ какъ съ равнымъ себѣ по лѣтамъ другомъ, и спорила съ нимъ какъ съ равнымъ.

Сергѣя, выросшаго въ недружной семьѣ, гдѣ всѣ боялись отца и хитрили съ матерью, женщиной доброй, но капризной и пустой, чрезвычайно заинтересовали дядя съ племянницей; и скоро Глуховской сдѣлался третьимъ въ этой оригинальной дружбѣ. Муся очень скоро стала съ нимъ такой же откровенной, какъ съ Петромъ Михайловичемъ; а еще болѣе сдружила ихъ любовь къ музыкѣ. Дѣвочка играла прекрасно, толково и со страстью настоящей артистки; читала ноты съ листа, какъ любую книгу, и какъ только въ reading-room какого-нибудь отеля попадался рояль, Сергѣй съ Мусей играли въ четыре руки.

Они пропутешествовали вмѣстѣ почти три мѣсяца; осмотрѣли за это время безконечное множество церквей, дворцовъ, музеевъ и видовъ—и смотрѣли не какъ англичане, только ради того, чтобы отмѣтить, вѣрно ли сказалъ Baedecker, а что-называется „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“. Сергѣй часто потомъ говорилъ, что за это путешествіе онъ прошелъ полный подробный курсъ всѣхъ изящныхъ искусствъ.

По возвращеніи въ Петербургъ Сергѣй сталъ постояннымъ гостемъ у Бобрина. У Петра Михайловича собирались многіе ху-

дожники, ученые, музыканты; здѣсь можно было слышать всѣ новости литературы, науки и искусства изъ первыхъ рукъ, и очень рѣдко можно было услышать обыденныя салонныя сплетни, хотя простой и веселый хозяинъ не потерпѣлъ бы у себя того односторонняго и скучнаго кастоваго тона, который часто слышится тамъ, гдѣ собираются исключительно „талантливые“ и „ученые“ люди.

Муся черезъ годъ поступила въ гимназію, несмотря на негодованіе и протестъ Марьи Петровны, которая находила, что совершенно излишне для дѣвочки, а особенно для такой хорошенькой, учиться „всѣмъ этимъ математикамъ, которыя все равно, что вотъ этотъ прахъ подъ ногами“, и которыя ни къ чему не послужатъ ей въ жизни, и „за мазуркой она о математикахъ говорить не будетъ“, а ужъ самое ужасное то, что ей придется сидѣть рядомъ avec des filles de blanchisseuses, тогда какъ „son oncle est un homme d'état (а онъ былъ членомъ государственнаго совѣта) et son cousin un amiral“.

Муся страшно надувалась, слушая эти разговоры, и рѣзко замѣчала, что если она имѣетъ несчастье казаться хорошенькой Марьѣ Петровнѣ, то это еще не резонъ ей оставаться дурой, а что *математика* (она съ язвительностью подчеркивала единственное число) ей послужитъ уже потому, что она будетъ учить ей крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ, окончивъ курсъ, она сдѣлается сельской учительницей. И будущая сельская учительница, если только не получала замѣчанія отъ Петра Михайловича за свою выходку, съ побѣдоноснымъ видомъ уходила къ себѣ, повторяя скороговоркой: „Іоаннъ Калита съ 1325 по 1340, Василій I“ и т. д., и т. д. По французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ она объявила, что готовиться не станетъ, такъ какъ знаетъ все, что нужно для перваго класса, а она поступаетъ въ 5-й.

Съ тѣхъ поръ прошло слишкомъ четыре года. Сергѣй перешелъ служить въ одинъ изъ провинціальныхъ городовъ, въ Петербургѣ бывалъ лишь не надолго, но ни съ Петромъ Михайловичемъ, ни съ Мусей его дружба не измѣнилась. Они часто переписывались. Муся присылала ему безконечныя посланія, описывала своихъ новыхъ и старыхъ учителей и профессоровъ, подругъ, занятія; давала подробные отчеты о всѣхъ концертахъ, гдѣ была, о всѣхъ книгахъ, которыя прочла; спрашивала его мнѣній, пересылала ему всѣ новыя ноты, которыя играла.

Она давно оставила свой планъ сдѣлаться сельской учитель-

нищей, такъ какъ не могла рѣшиться уѣхать въ глушь, „гдѣ нѣтъ музыки“. Она кончитъ гимназію, поступитъ на курсы вмѣстѣ со своей подругой Нитой Бергъ, а потомъ сдѣлается профессоромъ русской исторіи; по ея словамъ, она пишетъ большое сочиненіе и читаетъ все только книги по русской исторіи.

Потомъ и этому плану Муся измѣнила; она вся предалась музыкѣ, стала брать уроки пѣнія и гармоніи и писала Глуховскому, что хочетъ всю жизнь свою посвятить музыкѣ.

Послѣдніе три мѣсяца ея письма стали что-то рѣдки. Она часто писала, что совсѣмъ не находитъ минуты поговорить со своимъ другомъ, что очень много веселится, танцуетъ, постоянно бываетъ въ оперѣ и концертахъ. Писала она попрежнему откровенно, но какъ-то короче прежняго и точно иначе. Какъ ни мала была эта перемѣна, она не ускользнула отъ Сергѣя, такъ какъ онъ слишкомъ хорошо слышалъ не только „тонъ, дѣлавшій музыку“ ея писемъ, но и малѣйшіе оттѣнки отдѣльныхъ звуковъ. Глуховскому хотѣлось лично повидать своего друга и опредѣлить, что такое въ ней измѣнилось или прибавилось. Поэтому Сергѣй вдвойнѣ обрадовался, когда получилъ отъ своего бывшаго товарища Неридова письмо съ извѣстіемъ, что онъ женится на красавицѣ Ольгѣ Гирѣевой, и съ просьбой непремѣнно быть его шаферомъ. Глуховской немедленно взялъ отпускъ, покатилъ въ Петербургъ и—точно судьба заранѣе готовила ему сюрпризъ къ пріѣзду — въ первый же день попалъ на концертъ и встрѣтилъ тутъ Мусю Муранскую.

III.

— А! наконецъ! — закричалъ невысокій, замѣчательно хорошо сложенный и замѣчательно красивый брюнетъ, Дмитрій Алексѣевичъ Неридовъ, или Митька-Безпутный, какъ его звали въ полку.—Наконецъ!—закричалъ онъ Сергѣю, входившему въ особую комнату у Донона, гдѣ былъ накрытъ столъ на восемь человѣкъ и ярко горѣли канделябры.

— А я ужъ, признаться, братъ, думалъ, что ты надуешь меня.—Онъ вскочилъ съ дивана и бросился обнимать и душить Глуховского.

Кромѣ него въ комнатѣ уже были оба Мюнстера и князь Острожскій съ Высоцкимъ.

Сергѣй, щурясь отъ яркаго освѣщенія послѣ сумрака корридора, положилъ шляпу на окно, сквозь опущенную штору кото-

раго пробивался синеватый дневной свѣтъ. Маленькій лакей-татаринъ тотчасъ подскочилъ и почтительно, почти съ нѣжностью, перенесъ шляпу на другой конецъ комнаты и повѣсилъ на вѣшалку у дверей.

— Нѣтъ, ужъ если обѣщалъ, то, очевидно, и сдержу обѣщаніе,—отвѣтилъ Сергѣй.—Итакъ, сегодня мы тебя отпѣваемъ?—продолжалъ онъ, садясь на диванъ подлѣ Дмитрія.—Ну, покажись-ка, signor-Безпутный! Покажись: какъ это ты остепенился, какъ принялъ видъ нѣжнаго и скромнаго жениха?

— Ужъ и не говори! — вступился старшій Мюнстеръ. — Я даже рукой махнулъ на него. Ну, по истинѣ, это отпѣтый. Это не Митька-Безпутный! Это какой-то iddio del amore. „Ахъ Ольга! ахъ луна!“—передразнивалъ онъ Неридова.

— Мюнстеръ!—смѣясь, но не совсѣмъ довольный шуткой, окликнулъ его Дмитрій своимъ низкимъ, извѣстнымъ въ полку голосомъ.—Смотри не приставай, а то я найду на тебя управу!

— Да не отпирайся, братъ Митька!—закричалъ изъ дверей Муранскій, только-что вошедшій съ Бергомъ и слышавшій послѣднія слова Мюнстера.—Правду говорятъ, такъ ты лучше молчи. Знаешь, Глуховской, что я тебѣ еще скажу про него: вѣдь изъ полка выходитъ, въ адъютанты поступаетъ. И все это по приказанію своей королевы!

— А дѣйствительно королева,—процѣдилъ Высоцкій.—Она и хороша, и величественна, и походка у нея какъ у королевы, и даже эти косы, posées en couronne—право, у нея царскій видъ!

— Шш!..—Саша зажалъ ему ротъ рукой.—Осторожность, осторожность,—онъ ревнивъ!..

— Однако, пора намъ и обѣдать,—сказалъ Неридовъ, съ гримасой слушавшій эту болтовню.—Вѣдь намъ времени не много: я обѣщалъ пріѣхать къ девяти часамъ. Сережа! что ты будешь ѣсть? Ты какую рыбу любишь?

— Нѣтъ, Неридовъ, ты ужъ не безпокойся! — вступился младшій Мюнстеръ, котораго товарищи звали „церемоніймейстеромъ“ за его пристрастіе къ устройству всевозможныхъ обѣдовъ, проводовъ и подношеній и къ распоряженіямъ на нихъ. И дѣйствительно, никто съ такимъ торжественно-озабоченнымъ видомъ не пробѣгалъ въ алтарь, чтобъ отнести кольца священнику; никто не придумывалъ такого необыкновеннаго букета для прощальнаго бенефиса уѣзжающей балерины; никто не умѣлъ съ такимъ печальнымъ достоинствомъ положить вѣнокъ у катафалка уважаемаго покойнаго генерала, или, наконецъ, сварить такую жженку, или устроить крюшонъ на прощальномъ ужинѣ въ честь своего

полковника. И не только товарищи, но и всѣ знакомые Рудольфа Мюнстера знали и цѣнили въ немъ это качество, и потому никого такъ часто не звали въ шафера, никому такъ охотно не поручали съѣздить къ Сазикову, чтобы перемѣнить расположеніе монограммъ на братинѣ съ чарками, или къ Балле—пріобрѣсти поразительно-изящную бонбоньерку для поднесенія невѣстѣ au moment de se mettre en wagon pour son voyage de noce. Однимъ словомъ, Мюнстеръ былъ тотъ „неизмѣнный, милѣйшій, необходимѣйшій" человѣкъ, безъ котораго не обходится ни одно торжество.

— Нѣтъ, Неридовъ, ты ужъ не хлопочи! — сказалъ онъ, тотчасъ впадая въ тотъ растроганно-торжественный тонъ, которымъ онъ умѣлъ всегда такъ во-время подогрѣть леденящую скуку и натянутость оффиціальныхъ проводовъ, такъ что даже самыя непріязненно-настроенныя головы одобрительно кивали ему, а шаблонный тостъ за „нашего любимаго и уважаемаго товарища" вызывалъ „восторженное ура всѣхъ присутствовавшихъ" и такое же энергичное качаніе—и всѣ оставались довольны. —Не хлопочи!—сказалъ Рудольфъ Васильевичъ.—Сегодня мы съ тобой, такъ сказать, прощаемся на рубежѣ твоей новой жизни, такъ мы ужъ безъ твоего вѣдома всѣмъ распорядились и просимъ тебя принять отъ насъ этотъ обѣдъ въ память нашей долголѣтней дружбы.

— Да, да, Митя!—подхватилъ Муранскій, уже растроганный этимъ напоминаніемъ. — Богъ вѣсть, что будетъ со всѣми нами, а особенно съ тобой; такъ пусть же сегодняшній обѣдъ останется послѣднимъ общимъ хорошимъ воспоминаніемъ.—И Саша даже обнялъ Неридова.

Мюнстеръ, чувствуя, что для начала уже довольно трогательныхъ словъ, и что если будутъ продолжать въ этомъ духѣ, можетъ не хватить жару для конца обѣда, и даже весь обѣдъ рискуетъ пройти скучно, тотчасъ перемѣнилъ тонъ:

— Ну-съ, дѣти мои, начнемте, какъ всегда, съ добраго русскаго обычая. Митька пé—Безпутный (не правда ли, я вѣрно говорю: пé—Безпутный?—подчеркнулъ онъ свою шутку)—тутъ твоя любимая: „oranges amères". А это, Глуховской, для тебя „cassis" и грибки твои любимые. Видишь, прокуроръ, мы тебя тутъ не забываемъ, все помнимъ до тонкости!.. Ну, дѣти мои, здѣсь сегодня всѣ хозяева, кромѣ этого дорогого гостя (онъ съ напускною важностью раскланялся съ Дмитріемъ). Такъ каждый думай о себѣ. За ваше здоровье!—закончилъ онъ весело. И онъ первый налилъ себѣ рюмку водки и разомъ проглотилъ ее.

Всѣ столпились у длиннаго узкаго стола, придвинутаго къ стѣнѣ и сплошь уставленнаго всевозможными копченьями, соленьями, сырами, хрустальными графинчиками и глиняными кувшинчиками. На нѣсколько минутъ разговоръ прекратился; перекидывались только обычными шутками и словечками, такими же неизбѣжными при всѣхъ закускахъ, какъ неизбѣжно молодому человѣку, дѣлающему визиты перваго января, увѣрять, что онъ желалъ бы не быть принятымъ, а столкнувшимся на мосту извозчикамъ обзывать другъ друга „желтоглазыми“.

Два лакея разставляли чашки съ „борщкомъ“ и тарелки со шпинатнымъ супомъ.

— Кто что хочетъ, господа!—принялся опять хозяйничать Мюнстеръ.—Кто любитъ борщокъ—бери себѣ борщокъ, а для другихъ—сія весенняя похлебка!

— Ты, говорятъ, изъ полка выкодишь?—спросилъ Глуховской, садясь подлѣ Неридова и развертывая салфетку.—Отчего ты задумалъ эту измѣну?

— Да, они правду говорятъ,—весело кивая на усаживавшихся противъ Сергѣя Павла Мюнстера и Муранскаго, отвѣтилъ Дмитрій.—Это желаніе Ольги; ей хочется, какъ она выражается, чтобъ я былъ „больше на виду“, ну, и чтобъ не возиться вѣчно съ солдатами, въ роту не ходить. Свободнѣе, что и говорить! Хотя, по правдѣ сказать, чего же болѣе „на виду“, чѣмъ нашъ полкъ? И я бы самъ по себѣ его ни за что и ни на что не промѣнялъ бы.

— Славно сказано!.. браво, дружище!—крикнулъ Рудольфъ Мюнстеръ, занявшій мѣсто на другомъ концѣ стола противъ Неридова.

— Ну, признаться, Дмитрій, я бы не сдѣлалъ этого. Что за охота свою занятую свободу мѣнять на зависимое бездѣлье,—замѣтилъ Сергѣй, вытирая салфеткой усы, залѣпленные шпинатомъ.

— Дѣло-то будетъ!

— Да полно! Какое же это дѣло?! Entre nous, вѣдь это, знаешь, какая должность,—говорилъ Глуховской, понижая голосъ ради татарина-лакея, изъ-за плеча Мюнстера наливавшаго мадеру въ рюмку Муранскаго.

— Такъ-то такъ! да что ты прикажешь дѣлать?

— Ce que femme veut, Dieu le veut,—процѣдилъ сентенціозно Высоцкій съ своей вѣчно-любезной улыбкой и нѣмецкимъ произношеніемъ французскихъ словъ.

— Да скажи же мнѣ, наконецъ, гдѣ ты познакомился съ

твоей future épouse, я вѣдь ничего не знаю. Давно ли мнѣ Муранскій писалъ о твоей знаменитой продѣлкѣ въ оперѣ—и вдругъ уже ты пишешь: „объявленъ женихомъ, обрученъ“. А въ среду мы ужъ тебя и окрутимъ. Это вѣдь скорѣе, чѣмъ перемѣна декораціи въ фееріи!

Дмитрій, улыбаясь, постукивалъ ножемъ по столу.

— Я думаю, ты мою невѣсту немножко знаешь. Ты ее встрѣчалъ у Муранской... Кстати, я познакомился съ твоимъ другомъ; какая это прелестная дѣвочка!.. Такъ Ольга тебя помнитъ; она тебя видѣла у Петра Михайловича, когда ее привозили въ Петербургъ еще ребенкомъ. Это было, кажется, въ 73—74 году.

— А! припоминаю! Скажи: мамаша у нея такая полная, высокая? Этакая помѣщица на видъ?

— Да, да!—подхватилъ Саша Муранскій, въ разсѣянности накладывая себѣ на тарелку столько зелени, макаронъ и тушеныхъ бѣлыхъ грибовъ, поданныхъ къ ростбифу, что высокій татаринъ, не двинувъ рукой, которой держалъ блюдо, показалъ глазами стоявшему въ дверяхъ маленькому лакею, и тотъ сейчасъ же исчезъ за новымъ блюдомъ.—Да,—сказалъ Саша,—мамаша Ольги Павловны особа внушительныхъ размѣровъ. Я все хочу ей предложить поѣхать въ Японію. Она тамъ имѣла бы большой успѣхъ: ее приняли бы за самую главную богиню; вѣдь у нихъ боги чѣмъ толще, тѣмъ выше въ божественной іерархіи.

— Такъ вотъ кто твоя невѣста!—опять сказалъ Сергѣй Неридову.—Кажется, у нея глаза очень хороши были.

— Ну, и теперь такіе остались, если не лучше; глаза удивительные!—восторженно воскликнулъ Дмитрій.

Всѣ засмѣялись.—Еще бы, еще бы не „удивительные“!—поддразнилъ его Павелъ Мюнстеръ.

— Павелъ Васильевичъ, ты не смѣйся, это вовсе не пристрастный судъ. Да вотъ самъ увидишь. А пока это тебѣ кто угодно подтвердитъ. Ну, хоть Высоцкій...

Высоцкій только-что собрался отвѣтить какой-нибудь любезной и казенной фразой, но оба Мюнстера, Бергъ и Муранскій громко запротестовали.

— Помилуйте, Неридовъ!—кричалъ громче всѣхъ Бергъ:—какой же онъ безпристрастный судья! да онъ хуже васъ пристрастенъ. Вы вотъ дерзаете говорить, que la maman немножко слишкомъ провинціальна, ну, а онъ и передъ нею преклоняется!

— Ахъ, что я вамъ разскажу про мамашу!—началъ вполь-

голоса Муранскій, наклоняясь черезъ столъ къ Бергу и князю Острожскому. — Такой анекдотъ, такой! ну, право, еслибъ не самъ былъ въ немъ дѣйствующимъ лицомъ, т.-е., вѣрнѣе, публикой на спектаклѣ, ей-Богу, не повѣрилъ бы.—И Саша началъ шопотомъ, чтобы не быть услышаннымъ Неридовымъ, разсказывать что-то, должно быть, дѣйствительно очень смѣшное, такъ какъ не только Бергъ, Острожскій, Павелъ Васильевичъ, но и Высоцкій, тщетно старавшійся сохранить невозмутимо-спокойное лицо, то-и-дѣло прерывали разсказчика взрывами смѣха, а послѣднія слова его были покрыты такимъ дружнымъ хохотомъ, что и Неридовъ съ Глуховскимъ прервали свое дружеское a parte. Они говорили о планахъ Дмитрія относительно его будущей женатой жизни, о Муранской, Петрѣ Михайловичѣ, о разныхъ подробностяхъ церемоніи въ среду, о которыхъ имъ еще надо было договориться...

— О чемъ это вы?—оглядываясь на смѣющихся, спросилъ Глуховской.

— Такъ!—немножко смутясь, отвѣтилъ Саша.—Одинъ анекдотъ я имъ разсказалъ.

— Ну, то-то-же! Я и то удивлялся все время, что это съ тобой сталось: ни одной исторіи, въ продолженіе цѣлыхъ трехъ-четвертей часа, а прежде такъ и сыпалъ разными правдивыми и неправдоподобными, цензурными и нецензурными, о комъ и о чемъ угодно.

— Да, да!—закричалъ Рудольфъ Мюнстеръ.—Еще, помнишь, у него любимый былъ одинъ, о мистерѣ Андерсонѣ?

Бергъ и Глуховской покатились со смѣху. Саша долго старался сохранить спокойный видъ, но не выдержалъ и тоже расхохотался, краснѣя до ушей, такъ что слезы выступили ему на глаза. И онъ долго хохоталъ, захлебываясь, отмахиваясь руками и охая.

— Ой, батюшки! Ой-ой... Андерсонъ! Ха-ха-ха! Къ чему это ты напомнилъ, Мюнстеръ! Ой, батюшки!

— Сергѣй Александровичъ! что же это?—Мюнстеръ заволновался, видя, что Сергѣй отказывается отъ рыбы. — Это невозможно! Ты попробуй, ты хоть попробуй только. Вѣдь соусъ Франсуа самъ для меня дѣлалъ. Осипъ!—обратился Рудольфъ къ подававшему высокому татарину, настоящее имя котораго было Кази-Рахметъ.—Вѣдь monsieur François это нарочно самъ для меня дѣлалъ? онъ мнѣ обѣщалъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство, такъ точно, они сами!—отвѣчалъ татаринъ, осторожно перенося серебряное глубокое

блюдо надъ головой Высоцкаго и вдругъ быстро опуская его вновь передъ Сергѣемъ.

Мюнстеръ подбѣжалъ.—Непремѣнно, непремѣнно возьми, мы съ Франсуа вдвоемъ выдумали: кромѣ свѣжей икры прибавлено въ соусъ трюфелей. А варено на шампанскомъ. Это удивительно! Ну, просто, таетъ во рту!

Сергѣй долженъ былъ взять рыбы съ удивительнымъ соусомъ, который ему мало понравился, но онъ похвалилъ его Мюнстеру, зная, что тотъ искренно огорчился бы неуспѣхомъ своей выдумки. Высоцкій, съ видомъ знатока, объявилъ, что очень хорошо, но что послѣ этого непремѣнно надо какое-нибудь кисленькое вино, ну, хоть Moselwein, такъ какъ соусъ слишкомъ пикантенъ и густъ, или Rheinwein...

— Прикажете подать, ваше сіятельство?—Маленькій лакей, на-лету подхватившій карту винъ и уже открывшій ее на рейнскихъ, тотчасъ подбѣжалъ.—Hochheimer, Hildesheimer, Asmannshäuser, Johannisberger?—скороговоркой спрашивалъ онъ..

— Пожалуй, пожалуй, вотъ какъ другіе...—Высоцкій нерѣшительно посмотрѣлъ по сторонамъ. Онъ очень боялся, какъ бы онъ не оказался единственнымъ желающимъ. Въ полку, гдѣ за общими обѣдами платили за вино отдѣльно, онъ привыкъ, несмотря на свои манеры гастронома, пить всегда только то, что кромѣ него пили еще нѣсколько товарищей (чтобъ не пришлось платить одному за свою бутылку); и теперь онъ, забывъ, гдѣ обѣдаетъ, посмотрѣлъ, не найдется ли еще охотника. Въ сущности же, ему совершенно все равно было, какое вино пить; онъ, пожалуй, даже и никакого не любилъ, какъ и вообще ничего особенно не любилъ, но почему-то считалъ нужнымъ притворяться знатокомъ, а иногда и охотникомъ выпить. Мюнстеръ, который былъ готовъ пить съ кѣмъ и что угодно, и пилъ страшно много, почти никогда не пьянѣя, пришелъ къ нему на помощь:

— Въ самомъ дѣлѣ, Высоцкій, возьмемъ стараго друга Johannisberger'а! Вѣдь старый другъ лучше не двухъ, а сколькихъ угодно новыхъ!

Татаринъ съ картой, едва дождавшись кивка Мюнстера, тотчасъ исчезъ въ дверяхъ.

— А ты, Острожскій, хочешь? А?!

Мюнстеру приходилось перекрикивать хохотъ и громкій говоръ сидѣвшихъ по срединѣ стола—Муранскаго, своего брата и Берга. Саша, съ здоровымъ молодымъ аппетитомъ, бралъ на тарелку и ѣлъ все, что ему подавали, и пилъ все, что неслыш-

ными шагами подходившій высокій татаринъ наливалъ ему въ рюмки и стаканы, и въ то же время безъ устали разсказывалъ анекдотъ за анекдотомъ, представлялъ цѣлыя сцены, мѣняя голосъ, какъ настоящій актеръ, сыпалъ остротами и каламбурами, часто совершенно несалонными, и морилъ со смѣху своихъ сосѣдей. Неридовъ и Глуховской уже давно прекратили свой разговоръ и, перегнувшись къ Муранскому, слушали. Саша, совершенно красный, со странно улыбавшимися, точно посвѣтлѣвшими глазами, копировалъ теперь командира полка Неридова, къ которому ѣздилъ вмѣстѣ съ Мюнстеромъ отъ имени Дмитрія просить разрѣшенія вѣнчаться въ полковой церкви.

— „Такъ Неридовъ женится?“ (дѣлая надуто-глупое лицо, спрашивалъ Муранскій, поднимая брови, какъ это дѣлалъ генералъ).— „Такъ точно, ваше превосходительство, у него даже въ рукахъ разрѣшеніе вашего превосходительства“ (Саша тотчасъ передразнилъ мягкія манеры Рудольфа).— „А! да, да, знаю, знаю! А на комъ онъ женится?“— „На Гирѣевой“.— „А, знаю, знаю— это танцовщица, такая хорошенькая, черненькая“. — „Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, это молодая дѣвица, очень хорошаго семейства, и даже еще очень мало успѣла танцовать въ своей жизни! — „Не танцов-щи-ца?! (Саша изображалъ совершенное недоумѣніе на генеральскомъ лицѣ). Какъ же это? Какъ же? Но *она* мнѣ сказывала, что выходитъ за Неридова!!.“—Саша уже въ десятый разъ представлялъ эту сцену, но едва онъ доходилъ до этого мѣста, какъ всѣ, тихонько смѣявшіеся все время въ ожиданіи этихъ словъ, дружно расхохотались. — А? Каковъ? Нѣтъ, это прелесть! — весело кричалъ Бергъ, хлопая по плечу Высоцкаго.—Это прелесть!

— Ей-Богу, ничего не понимаю! Въ чемъ тутъ дѣло? — вмѣшался Сергѣй.—Что тутъ такого смѣшного?

— А! батюшки! онъ и не знаетъ, онъ не знаетъ!—Мюнстеръ захохоталъ еще громче прежняго.—Видишь ли, братецъ ты мой, въ чемъ дѣло... ахъ, Богъ мой, я просто придти въ себя не могу! видишь ли, въ чемъ дѣло: вѣдь генералъ-то ухаживалъ въ прошломъ году за Катенькой Гариной,—ну, и нашъ Дмитрій Алексѣевичъ за ней же. И, разумѣется, побѣда была на сторонѣ не столь заслуженнаго и гораздо болѣе легкомысленнаго. Но генералъ-то нашъ не хотѣлъ отступать. То да сё, однимъ словомъ— надоѣлъ ей смертельно. Вотъ приходитъ онъ къ ней въ одно, весьма для него печальное, утро, а она — трахъ! съ мѣста въ карьеръ сообщаетъ ему: „поздравьте, молъ, меня, я выхожу за

Неридова".—Генералъ окаменѣлъ. Однако, ничего: оправился, и даже букетъ ей прислалъ изъ бѣлыхъ розъ и ландышей...

— Право, букетъ! — заливаясь хохотомъ, подтвердилъ Муранскій.—Самъ видѣлъ! Это ей-то бѣлыя розы и ландыши: couleur de l'innocence! А-ха-ха-ха!

— И Митьку потомъ поздравлялъ,—продолжалъ Мюнстеръ.—А тотъ принималъ поздравленія. — „Когда же свадьба?" —„Не знаю, молъ, еще; ваше превосходительство, какъ устроюсь съ дѣлами". Это они сговорились, ты понимаешь? И даже генералъ намекалъ уже Митькѣ, что ему въ такомъ случаѣ придется оставить полкъ.

— Такъ теперь-то... теперь-то,—задыхаясь и вытирая глаза, подхватилъ опять Саша,—теперь-то онъ и не можетъ сообразить...

— Я думаю, онъ къ ней поѣхалъ объясняться, навѣрное поѣхалъ. Онъ человѣкъ точный и аккуратный. Ты какъ полагаешь, Оттонъ Христофоровичъ?—спросилъ Рудольфъ Мюнстеръ Острожскаго.

— Пожалуй, пожалуй...

— Эхъ! вывернется!—вдругъ весело сказалъ Неридовъ, ударивъ рукой по столу.—Катюша и не нашего Густафовича одного съумѣетъ провести и вывести!

Всѣ съ недоумѣніемъ секунду поглядѣли на него, потомъ новый взрывъ хохота былъ отвѣтомъ на его слова.—Ну, Митька! ну, утѣшилъ! Ахъ ты безпутный, безпутный! — Муранскій уже опять обнималъ его, мѣшая татарину, выжидавшему съ блюдомъ и осторожно увертывавшемуся всякій разъ, какъ черезъ-чуръ энергичные жесты Саши угрожали цѣлости блюда. — Ахъ ты молодецъ, Митька! И женихъ, и отпѣтый, а какъ вспомнилъ старинушку, такъ даже и голосъ перемѣнился!

Мюнстеръ обрадовался этому удачному обороту рѣчи: маленькій татаринъ уже давно поставилъ передъ Рудольфомъ Васильевичемъ кувшины съ золотистымъ крюшономъ, и бокалы были налиты. Пора было опять перевести разговоръ на трогательно-дружескія темы.

— Да, дѣти мои,—началъ Мюнстеръ, точно задумчиво посматривая на свой бокалъ: — хорошая была старинушка, если даже теперь, чуть ли не наканунѣ рѣшительнаго дня, нашъ неузнаваемый Дмитрій Алексѣевичъ съ такимъ жаромъ о ней вспоминаетъ. Выпьемъ же въ память этой нашей общей старины, нашей дружбы, и за здоровье, счастье и многолѣтіе нашего дорогого Митьки. Ура!—немного нескладно окончилъ онъ.

Всѣ закричали, задвигали стульями, потянулись черезъ столы;

раздались поцѣлуи и пожеланія. Мюнстеръ выпилъ залпомъ свой бокалъ и бросилъ его о-земь. Высокій татаринъ опять мигнулъ маленькому, тотъ скользнулъ въ корридоръ, и черезъ минуту уже вновь появился и подметалъ на лопаточку осколки стекла.

— Нѣтъ! — отвѣчая на насмѣшливый вопросъ Глуховского, говорилъ Дмитрій, усаживаясь опять на свое мѣсто, когда шумъ затихъ, и всѣ принялись за жаркое.—Нѣтъ! Это я просто такъ сказалъ, потому что, дѣйствительно, она славная была, умница; но, право, нисколько я объ этихъ временахъ и не жалѣю, и не вспоминаю. Напротивъ! Ну, вѣришь ли,—прибавилъ онъ, понижая голосъ: — мнѣ даже непріятенъ этотъ сегодняшній обѣдъ. Отсталъ я какъ-то ото всего этого. Еслибъ не ты,—право, скучалъ бы страшно, а нельзя же было отказаться, ихъ всѣхъ обидѣть. А, право, мнѣ не по себѣ здѣсь сегодня!

— Что-жъ! я это понимаю,—нѣжно ему улыбаясь своей прекрасной улыбкой, отвѣтилъ Сергѣй и пожалъ его руку. — Да, вѣдь, теперь скоро и конецъ обѣду. Ужъ немного ждать,—добавилъ онъ, угадавъ мысль Неридова. — А кто изъ нихъ ѣдетъ? —спросилъ онъ тихо.

— Высоцкій... Саша... Бергъ... Рудольфа звали, да онъ сегодня на прощальной чашкѣ чая, знаешь, у піанистки этой извѣстной (право, не пойму даже, какъ онъ туда попалъ: вѣдь въ музыкѣ ничего не смыслитъ!). Ну, а Павелъ еще не бываетъ у Гирѣевыхъ, хотя, я увѣренъ, стремится туда; вѣдь онъ ухаживаетъ за твоимъ quasi-другомъ. А propos, убѣжденъ, что ты на ней женишься. Ну, не знаю почему, но убѣжденъ. Я въ эту дружбу что-то плохо вѣрю. Поэтому мнѣ и жаль бѣднаго Павла.

— Дмитрій! ты, я вижу, дѣйствительно совсѣмъ съ толку сбился. Ну, какой я женихъ для Муси?! Павелъ? нѣтъ, онъ тоже не годится. А мнѣ, право, и во снѣ подобная мысль въ голову не приходила. Да я и не люблю ея вовсе, т.-е., понимаешь, *такъ* не люблю, не влюбленъ ничуть.

— Эхъ, Сережа, это все вздоръ. Вотъ я ее видѣлъ всего два раза, но съ перваго же сказалъ себѣ: „Глуховской влюбленъ въ эту дѣвочку, и онъ на ней женится“. Понимаешь, въ ней есть что-то такое, что прелестно, очаровываетъ съ перваго раза, и что очень мѣшаетъ всякой дружбѣ. Не можешь ты съ ней быть только дружень; не можешь! Представь себѣ, что вотъ я женихъ—и ты видишь, какой искренно-преданный моей невѣстѣ— но представь себѣ, что послѣ того дня, какъ я съ Муранской познакомился, я ее цѣлую ночь во снѣ видѣлъ. Т.-е. видѣлъ я,

конечно, какъ всегда, Ольгу, но рядомъ съ нею все Муся эта... Марія Николаевна, хочу я сказать! И эта улыбка ея дивная...

— Ай, ай, Дмитрій! хорошо, что Ольга твоя тебя не слышитъ!

— Ну, что-жъ?! Я и Ольгѣ даже хотѣлъ объ этомъ разсказать...—Дмитрій очень внимательно сталъ брать мороженое.

— Однако, не сказалъ?

— Нѣтъ... Да къ чему? Это вѣдь я только какъ примѣръ того, что съ ней нельзя быть только дружнымъ, — и чувствуя, что запутался, Дмитрій вдругъ обратилъ вниманіе Глуховского на Сашу:—Гляди, онъ совсѣмъ готовъ. А вѣдь вечеромъ ему еще надо будетъ навѣрное дирижировать, если Бергъ откажется. Да и во всякомъ случаѣ не могу же я его такимъ везти къ Ольгѣ... Эй! Рушка! Мюнстеръ! поди сюда на пару словъ!—закричалъ Неридовъ черезъ столъ.

Мюнстеръ, совсѣмъ красный, но бодрый, какъ всегда, подлетѣлъ и съ внимательнымъ видомъ нагнулъ голову.

— Слушай, ты Александру больше ничего не давай. Вели подать кофе покрѣпче. И вообще я его тебѣ препоручаю. Провѣтри его немножко и доставь туда въ приличномъ видѣ; а то такъ вовсе не пускай, засади дома. Тебѣ вѣдь все равно, раньше десяти часовъ некуда спѣшить.

— Разумѣется. Сдѣлаю, сдѣлаю!

И Мюнстеръ побѣжалъ къ Сашѣ, который, стоя со стакономъ въ рукѣ, что-то опять тихо разсказывалъ сидѣвшимъ передъ нимъ, спиною къ столу, Острожскому и Высоцкому, и Бергу, который перегнулся, почти лежалъ, черезъ столъ. Всѣ они уже немножко неестественно и неохотно смѣялись. Свѣчи горѣли красноватымъ огнемъ среди мутныхъ облаковъ дыма. Всѣ уже устали; всѣмъ, можетъ быть, за исключеніемъ Саши, казалось, что уже пора расходиться, но никто не хотѣлъ встать первый.

— Ну-съ, позвольте васъ всѣхъ обнять еще разъ и поблагодарить, — сказалъ Дмитрій. — „Мое русское спасибо“,—передразнилъ онъ кого-то.—Онъ вынулъ часы.—А теперь я долженъ убѣгать. Ай-ай! ужъ десять минутъ десятаго. Я и то опоздалъ. Да вѣдь и вамъ всѣмъ тоже ѣхать пора!

Всѣ принялись разбирать свои шпаги, шляпы и палки. Мюнстеръ, притворивъ дверь, расплачивался въ корридорѣ. Саша залпомъ допивалъ свой кофе; онъ былъ нахмуренъ и мраченъ, такъ какъ чувствовалъ, что въ вискахъ стучитъ, въ глазахъ какой-то непріятный туманъ, и вообще все какъ-то странно и какъ-то непріятно. И онъ очень обрадовался, когда вернувшійся Рудольфъ Мюнстеръ,—которому просіявшіе, очевидно довольные хо-

рошимъ „на-чаекъ“, оба лакея на ходу помогали одѣвать пальто, —предложилъ ѣхать къ нему.

IV.

Гирѣевы нанимали на Литейной меблированную квартиру; они пріѣхали въ Петербургъ, какъ говорили, лишь на мѣсяцъ, повеселиться, да загостились. Въ сущности, madame Гирѣева пріѣхала съ цѣлью найти жениха дочкѣ и выдать ее замужъ; и это ей удалось, такъ что она нисколько не сожалѣла теперь о томъ, что прожила всю зиму на бивуакѣ, неудобно и неуютно, среди рыночной, позолоченной обстановки меблированной квартиры, лишенная того простого, барскаго деревенскаго комфорта, въ которомъ прожила свою жизнь. Она объ этомъ ничуть не сожалѣла. Ольга не только успѣла за эту зиму прослыть одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ, не только заставила ухаживать за собою всю молодежь, которая у нихъ перебывала (а у нихъ бывали всѣ, кто только, познакомившись на какомъ-нибудь вечерѣ съ дочкой, просилъ позволенія быть представленнымъ матушкѣ), но съумѣла еще остановить свой выборъ на такомъ во всѣхъ отношеніяхъ завидномъ женихѣ, какъ Неридовъ. И Прасковья Львовна, „эта добрѣйшая Прасковья Львовна“, какъ о ней говорили всѣ знакомые, была вполнѣ довольна.

Она и дѣйствительно была добрѣйшая Прасковья Львовна; если она радовалась, что ея будущій зять такъ богатъ, такой хорошей фамиліи, принадлежитъ къ лучшему обществу, то единственно потому, что любила свою Оленьку до безумія и на все смотрѣла ея глазами. А Оленька уже лѣтъ съ тринадцати твердила, что она слишкомъ хороша для ихъ глуши, что она „для иного“ рождена, что ей непремѣнно надо выйти за богатаго, очень богатаго человѣка (состояніе Гирѣевыхъ было недурное, и жили они хорошо, но ихъ жизнь казалась скучной и мелкой подростающей красавицѣ). И теперь, еслибы сама Ольга передумала и объявила матери, что выходитъ за какого-нибудь небогатаго и неблестящаго молодого человѣка, ну, хотя бы за этого смѣшного, влюбленнаго до глупости, маленькаго гусара Локтева, Прасковья Львовна искренно ужаснулась бы и съ полнымъ убѣжденіемъ стала бы доказывать Ольгѣ, что она себя загубитъ, что она рождена не для скромной жизни обыкновенныхъ дѣвушекъ, а для чего-то иного, болѣе блестящаго и широкаго, что ей непремѣнно и необходимо надо выйти замужъ за бога-

таго и знатнаго человѣка. Но Ольгѣ, къ счастью, никакія несообразныя мысли не приходили въ голову, а потому Прасковья Львовна была искренно спокойна и довольна.

Сегодня вечеромъ она даже просто сіяетъ въ своемъ нѣсколько старомодномъ, но нарядномъ сиреневомъ платьѣ, отдѣланномъ чудеснѣйшимъ старымъ кружевомъ, которое ужасаетъ Ольгу.—Мамаша, нынче это кружево не модно,—говоритъ она съ гримаской:—это, можетъ быть, было очень модно при вашей бабушкѣ, а нынче никто его не носитъ.—Но у Прасковьи Львовны старомодныя понятія относительно кружевъ—и это единственное почти, въ чемъ она не слушаетъ дочку. — Ну, Олечка,—успокаиваетъ она ее,—мы тебѣ дѣлаемъ все модное, а ужъ я буду эти носить; мнѣ еще маменька-покойница подарила, да я, признаться, и люблю старыя кружева. Право, Анна Евграфовна,—обращается она къ матери Неридова, съ которой сидитъ теперь въ маленькой проходной гостиной,—вѣдь недурное кружево?

Анна Евграфовна совсѣмъ не похожа на Прасковью Львовну. Гирѣева—дама очень высокая, полная, волосы у нея темные, до сихъ поръ очень густые и причесаны по модному (по желанію дочки); лицо тоже очень полное, немного желтоватое, добродушно-расплывшееся, почти всегда улыбающееся; глаза темные, выраженіе ихъ совершенно неопредѣленное; голосъ мягкій; говоритъ на-распѣвъ, немного съ провинціальнымъ акцентомъ; движенія плавныя, лѣнивыя. Любитъ говорить о чудотворныхъ иконахъ, о болѣзни мѣстнаго архіерея, о болѣзни своей тетушки Ольги Ельпидифоровны, о болѣзни князя Сергѣя Петровича, о томъ, какъ у нея самой палецъ болѣлъ въ годъ освобожденія крестьянъ, и какъ ей ни одинъ докторъ не помогъ, а посовѣтовали ей ниточкой палецъ обвязать три раза, глядя черезъ лѣвое плечо, три дня пальца не мыть, а потомъ ниточку закопать такъ, чтобы этого никто не видѣлъ—и все какъ рукой сняло! Вообще всевозможныя болѣзни, леченія, исцѣленія, ужасы и страхи—ея любимая тема для разговоровъ, и о какой бы болѣзни, паденіи изъ экипажа, несчастьѣ съ лампой или огнестрѣльнымъ оружіемъ ни заговорили, всегда оказывается, что съ кѣмъ-нибудь изъ родныхъ, знакомыхъ или даже знакомыхъ ея знакомыхъ (но непремѣнно *ея* знакомыхъ) было то же самое, но случилось еще ужаснѣе, продолжалось еще долѣе, а спасеніе было еще чудеснѣе. Кромѣ того, какъ ни мало, по ея словамъ, вѣрила она докторамъ, но всѣ *ея* знакомые доктора были самые лучшіе, и леченіе ихъ самое вѣрное и скорое; а всѣ *ея* знакомые студенты и гимназисты держали экзамены и писали такія сочиненія, какъ никто

не писалъ и не держалъ. Всѣ московскіе учителя Оленьки были въ такомъ восторгѣ отъ ея способностей, что прямо говорили Прасковьѣ Львовнѣ, что еслибы даже она съ нихъ брала деньги за уроки, то и тогда они почли бы за особенное счастье заниматься съ такой необыкновенно одаренной ученицей. А одинъ разъ Оленька рѣшила такую задачу, которой даже два профессора не могли рѣшить. Что же касается кухарки въ Гирѣевѣ, то она пекла булочки, о какихъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ понятія не имѣютъ, sauce provençale дѣлала гораздо лучше, чѣмъ поваръ англійскаго клуба; ну, и зелени такой, какъ у нихъ, въ Гирѣевѣ, здѣсь никто не ѣлъ. Она, Прасковья Львовна, проситъ позволенія прислать одну, только одну маленькую головку цвѣтной капусты—и тогда, посмотримъ, что-то скажетъ Анна Евграфовна?!

Анна Евграфовна небольшого роста и не то что худая, но и не полная; лицо у нея красное; глаза сѣрые, немного на выкатѣ; волосы свѣтлые и причесаны по-старинному; на головѣ носитъ всегда черное кружево. Голосъ у нея очень громкій, рѣзкій, и всякій разъ, что она немного раздражается (а раздражается она поминутно), онъ становится какимъ-то скрипучимъ и трясущимся. Говоритъ очень скоро и отрывисто; походка и всѣ движенія ея тоже очень рѣзкія и быстрыя. Говоритъ любитъ о новѣйшей французской литературѣ, о рѣчи Солсбери, о румынской королевѣ, о плохомъ сбытѣ хлѣба въ Россіи и американской конкурренціи, о женскомъ вопросѣ, о новѣйшихъ открытіяхъ астрономіи—трудно сказать, о чемъ она особенно любитъ говорить, такъ какъ обо всемъ этомъ и о многомъ другомъ говоритъ съ одинаковымъ жаромъ и одинаковымъ раздраженіемъ. И голосъ ея, когда она послѣ подобнаго разговора отказывается остаться ужинать или обѣдать, дрожитъ и скрипитъ, какъ у мелодраматическаго злодѣя, произносящаго: „нѣ-ѣтъ! ты отъ меня не уйдешь, несчастный! нѣ-ѣ-ѣтъ!“ А Анна Евграфовна произноситъ такимъ тономъ: „нѣ-ѣтъ! ужинать я не останусь, это противъ моихъ правилъ! нѣ-ѣ-ѣтъ, пора и домой!“ О своихъ дѣтяхъ, Дмитріѣ и Еленѣ (высокой бѣлокурой дѣвушкѣ, которая такъ же спокойна, какъ мать рѣзка и порывиста, и такъ же всегда сдержанна, какъ братъ ея увлекается и забывается)—о нихъ Анна Евграфовна не любитъ говорить съ посторонними, а если и говоритъ, то непремѣнно въ такомъ тонѣ: „А мой-то чудодѣй опять на гауптвахту попалъ“; или: „Princess Helen has again her painting-fancy-day“ (Елена Алексѣевна очень хорошо рисовала, и это была ея единственная страсть, которой она отдава-

лась иногда цѣлыми днями, отказываясь отъ всѣхъ прогулокъ и выѣздовъ, но отказываясь такъ спокойно и съ тѣмъ своимъ всегдашнимъ, нѣсколько неприступнымъ, видомъ, за который мать прозвала ее „Princess Helen“). Если Аннѣ Евграфовнѣ начинаютъ говорить о ея дѣтяхъ что-нибудь любезное, она окончательно раздражается, и бѣдному Maupassan'у и Paul Alexis'у или русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, „которыя такъ дороги, что провозъ по нимъ невыгоднѣе, чѣмъ привозъ хлѣба изъ-за моря“ —достается особенно сильно въ такой день.

Но въ эту минуту рѣзкая Анна Евграфовна и мягкая Прасковья Львовна забыли и о болѣзни архіерея, и объ американской пшеницѣ, и, улыбаясь, смотрѣли въ дверь залы на танцующую молодежь.

Еще только одиннадцать часовъ, но Юрочка Бергъ уже приводитъ къ концу вторую кадриль, и всѣ уже растанцовались и развеселились такъ, какъ обыкновенно веселятся и танцуютъ только къ концу вечера, и то только на такъ-называемыхъ sauteries, а не на большихъ балахъ. Да зала и не имѣетъ бальнаго вида. Танцуютъ какъ бы экспромптомъ, отодвинувъ столы и кресла къ стѣнамъ и выдвинувъ рояль въ двери другой комнаты (такъ какъ иначе нельзя было бы помѣститься и десяти парамъ, а танцуютъ слишкомъ тридцать человѣкъ). Барышни всѣ въ закрытыхъ весеннихъ платьяхъ, очень немногія въ цвѣтахъ. Блестящее бѣлое атласное, очень узко-связанное, съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, платье Ольги такъ же бросается въ глаза на этомъ свѣтломъ, но скромномъ фонѣ, какъ яркая красота Ольги, ея высокій ростъ и красивая фигура выдѣляютъ ее изъ всей толпы барышенъ. Ольга очень хороша и совсѣмъ не похожа на мать: у нея чудесные синіе глаза съ темными длинными рѣсницами и почти черными бровями, кажущимися особенно рѣзкими подъ ея густыми пепельными волосами, къ которымъ Ольга приколола двѣ живыя розы изъ букета, утромъ присланнаго ей Неридовымъ (онъ присылаетъ ей такой букетъ каждый день). Черты лица ея тоже совсѣмъ не материнскія; еслибъ не глаза и не ослѣпительный цвѣтъ лица, эти черты, при всей своей правильности, поражали бы рѣзкостью, особенно ротъ, съ тонкими, немного поджатыми губами; этотъ ротъ придаетъ Ольгѣ подчасъ очень пикантное выраженіе, напоминающее типъ нѣкоторыхъ французскихъ актрисъ, иногда же просто портитъ ее, дѣлая похожей на какую-то злую птицу. Но кто видитъ Ольгу въ первый разъ, тотъ поражается ея отточеннымъ профилемъ, удивительнымъ контрастомъ темныхъ бровей и свѣтлыхъ волосъ, ослѣпительною свѣжестью кожи и

всего болѣе ея необыкновенными темно-синими глазами. Высоцкій вѣрно нашелъ въ ней что-то царственное: въ своемъ блестящемъ, облегающемъ талью платьѣ, она кажется дѣйствительно не то средневѣковой королевой, не то феей изъ какого-нибудь иллюстрированнаго изданія нѣмецкихъ сказокъ. Такому впечатлѣнію картинки способствуетъ и то, что выраженіе ея лица и блестящихъ глазъ почти не мѣняется и постоянно сохраняетъ одинъ и тотъ же равнодушно-улыбающійся видъ.

Она танцуетъ теперь съ Высоцкимъ и, весело смѣясь, дразнитъ его, заставляя постоянно въ чемъ-то оправдываться, что-то объяснять, и по этому случаю говорить все новые и новые комплименты и сахарныя любезности. Муся какъ-то выразилась, что комплименты Высоцкаго скоро способны отбить охоту слушать чьи бы то ни было любезности: онѣ похожи на тѣ невѣроятныя сладости, которыми обкармливаютъ маленькихъ marmitons въ день поступленія ихъ въ кондитерскую, и тѣмъ навсегда отбиваютъ у нихъ охоту ѣсть что бы то ни было сладкое. Но Ольга этого не находила. Напротивъ того, ей было очень весело слушать такія, почти восточныя, сравненія и похвалы ея глазамъ, бровямъ, весело было поддразнивать Высоцкаго все болѣе и болѣе, заставлять его иногда договариваться до дерзостей, и тогда надувать губки, называть его противнымъ, даже нахаломъ (Ольга очень любила употреблять выраженія, совершенно недопускаемыя въ обществѣ), ударять его вѣеромъ по рукаву или зажимать ему ротъ рукой, однимъ словомъ—продѣлывать съ нимъ то же, что она продѣлывала со всѣми, восхищавшимися ею въ глаза, — а восхищались ею, за немногими исключеніями, всѣ, кто бывалъ у нихъ. Анну Евграфовну эти манеры и разговоры приводили въ отчаяніе, и она про себя ужасалась выбору сына, не говоря ему ничего прямо, такъ какъ знала, что это повело бы только къ ссорѣ. Дмитрія же эти выходки восхищали, какъ и все, что продѣлывала Ольга. Онъ видѣлъ въ ней шаловливое, избалованное, прелестное въ самыхъ своихъ рѣзкихъ манерахъ, дитя природы, влюбленное въ свою красоту, — и это ему нравилось болѣе всего.

Стоя въ дверяхъ столовой съ Сергѣемъ, онъ уже разъ десять принимался восхищаться ея откровеннымъ кокетствомъ, ея бойкостью и смѣлыми рѣчами. — Какой прелестный мой котеночекъ сегодня! — сказалъ онъ, поймавъ ее за руку, во время танцевъ.

И Сергѣю показалось, что это ласкательное сравненіе гораздо вѣрнѣе, чѣмъ слова Высоцкаго. И даже не ручного котенка напоминала Ольга ему, а какую-то дикую и опасную кошку, тигрицу съ яркими глазами и атласистымъ мѣхомъ.

Кадриль кончилась; барышни столпились въ маленькой гостиной Ольги, съ немного-выцвѣвшею кретоновой мебелью и банальнымъ розовымъ фонаремъ. Муранскій (Мюнстеръ два раза облилъ его водой, напоилъ чаемъ съ лимономъ и заставилъ сначала прокатиться съ собой на Васильевскій Островъ, гдѣ жила піанистка, и уже оттуда только проѣхать къ Гирѣевымъ), Юрочка Бергъ и другіе молодые люди толпились у дверей и спѣшили, по приказаніямъ Ольги, приносить изъ столовой лимонадъ, оршадъ или конфекты той или другой барышнѣ.

Ольга почти лежала на низенькомъ диванчикѣ въ углу у окна и лѣниво обмахивалась розовымъ, вышитымъ шелками, вѣеромъ. —Ахъ, какъ я устала! мнѣ просто покою не давали ни минуты!— громко жаловалась она.

— Бѣдненькая!—сказала Муся, подходя къ ней. Муранская была въ томъ же бѣломъ мягкомъ платьѣ, что и днемъ, и только приколола темно-красные бархатистые цвѣты къ корсажу и къ своей тяжелой косѣ, согнутой пополамъ и связанной ниже затылка лентой, какъ тогда носили. Муся не любила бывать у Гирѣевыхъ, такъ какъ никакъ не могла сойтись съ Ольгой. Мусѣ все казалось, что Ольга говоритъ на какомъ-то ужасно-грубомъ и на-половину непонятномъ языкѣ,—и точно также все, о чемъ заговоритъ она, Муся, будетъ той непонятно и скучно. Поэтому Мусѣ было у нихъ всегда какъ-то неловко, она чувствовала себя словно связанной. Но m-me Гирѣева и покойная Муранская были подруги по институту. Прасковья Львовна встрѣтила Мусю съ той добротой и радушіемъ, съ которыми принимала у себя всѣхъ, и даже теплѣе и радушнѣе, чѣмъ многихъ: вѣдь это была дочь *ея* подруги. Приходилось бывать у нея. И Муся помогала Ольгѣ выбирать и заказывать наряды, давала разные мелкіе свѣтскіе совѣты, старалась иногда удерживать отъ слишкомъ дикихъ выходокъ. Вначалѣ она пробовала говорить и даже спорить съ той, но сразу наткнулась не то что на какія-нибудь непріязненныя понятія или идеи, но на такое отсутствіе какихъ бы то ни было серьезныхъ мыслей, такую абсолютную свободу отъ какихъ бы то ни было мнѣній, знаній, отъ всего, что выходило за предѣлы разговоровъ о нарядахъ, выѣздахъ и т. п.,—что Муся просто опѣшила. И сразу же у нея установилась въ отношеніи къ Ольгѣ та немного насмѣшливая, немного покровительственная манера, съ которой она подошла и теперь къ ней, хотя Ольга была слишкомъ годомъ старше ея.

— Бѣдненькая!—повторила Муся, садясь подлѣ Ольги и махая

на нее вѣеромъ.—Мнѣ васъ жалко; отдохните хорошенько, посидите!

— Да! я не могу больше, у меня даже голова разболѣлась. Давайте играть въ какія-нибудь petits jeux!

— Давайте, давайте!—закричали барышни.

Всѣ опять высыпали въ залу. Зашумѣли стульями и сѣли въ кружокъ.

— Давайте играть въ „мнѣніе“! — предложила Ольга свою любимую игру.

— Ну, и первая вы уходите! — сказалъ Бергъ. — Чѣмъ вы уйдете?

— Я?!—Ольга обвела глазами залу, точно отыскивая предметъ, который былъ бы достоинъ того, чтобъ она имъ назвалась.— Я?—повторила Ольга свой вопросъ.—Я уйду вотъ этимъ браслетомъ.—Она показала на свой тоненькій, украшенный двумя крупными сафирами и громаднымъ брилліантомъ, porte-bonheur, подарокъ Дмитрія.—Высоцкій! (она почти всѣхъ называла по фамиліи) Высоцкій! — повелительно обратилась она къ адъютанту, сидѣвшему подлѣ Муси и, какъ Ольгѣ показалось, уже слишкомъ увлекшемуся разговоромъ:—собирайте „мнѣнія“!

Ольга вышла изъ комнаты, шурша своимъ длиннымъ, блестящимъ платьемъ.

Высоцкій, почтительно склоняя передъ барышнями свою длинную, тонкую фигуру, началъ обходить всѣхъ по очереди, выслушивая „мнѣнія“. „Очаровательный“, „чудный браслетъ“, „дивная работа“, „два дивные сафира на этомъ браслетѣ“—такъ и сыпались „мнѣнія“ барышенъ и молодыхъ людей. Игра состояла въ томъ, чтобы каждый сказалъ такое мнѣніе, которое относилось бы и до предмета, которымъ назывался отгадывающій, и до самого отгадывающаго. Высоцкій побоялся спутать мнѣнія и попросилъ у Дмитрія его записную книжку.

— Такое единогласіе въ похвалахъ, — сказалъ Высоцкій въ объясненіе своей просьбы,—что трудно даже уловить всѣ оттѣнки мнѣній.

— Что? Готово?—Всѣ оглянулись. Ольга стояла въ дверяхъ. Она сняла съ головы не только розы, но и всѣ шпильки,—и густые пепельные волосы падали ей по спинѣ и плечамъ, почти до колѣнъ.

— У меня такъ голова болитъ! – сказала она, поднося руку ко лбу и точно оправдываясь.

Муся прикусила губы, чтобы не разсмѣяться. Она встала со своего мѣста и, перейдя черезъ залу, спокойно и просто подошла къ Неридову.

— Высоцкій не забудетъ мнѣнія, оно у него записано, а пока Оля будетъ отгадывать, я могу съ вами поболтать. Вѣдь вамъ все равно, что слышать, что не слышать всѣ эти мнѣнія— они вамъ все равно покажутся недостаточными. Правда?—и Муся взглянула ласково ему въ глаза.—Возьмите себѣ другой стулъ!—сказала она, садясь на его мѣсто.

Дмитрій поставилъ себѣ стулъ за нею.

— О чемъ же вы хотите поболтать со мною, Марья Николаевна?

— А вотъ о чемъ прежде всего: отчего Мюнстеръ не пріѣхалъ сюда?

— Какой прямой вопросъ! А вамъ очень недостаетъ Павла Васильевича?

— Очень.

— Позволите передать ему ваше сожалѣніе? Онъ будетъ страшно польщенъ.

— Не думаю.

— Какое самоуничиженіе!

— Вовсе нѣтъ! А польщенъ онъ не будетъ потому, что хорошо знаетъ, какъ я всегда жалѣю, когда его нѣтъ.

— Марья Николаевна! Что вы мнѣ говорите?!—Дмитрій съ комическимъ ужасомъ всплеснулъ руками.

— Да ничего особеннаго не говорю; это правда.—Муся покраснѣла, однако, и стала глядѣть въ сторону, гдѣ Ольга громко читала мнѣнія изъ книжки, которую въ почтительной позѣ держалъ передъ нею Высоцкій.—„Ce bracelet porte bonheur“, прочла Ольга многозначительно.—А! это ваше мнѣніе!—вскричала она, подымая глаза на Высоцкаго. — Навѣрное ваше! Это ваша манера говорить!

— Угадала! Угадала!.. Андрей Петровичъ! вамъ уходить, вамъ уходить!—запищали всѣ барышни разомъ.

— Я и не воображалъ,—продолжалъ Дмитрій,—что Мюнстеръ пользуется такимъ успѣхомъ.

— Ахъ, Дмитрій Алексѣевичъ, зачѣмъ вы такъ говорите, какъ всѣ; это какъ-то вамъ не пристало.

— А развѣ я не похожъ на другихъ?

— Какъ вамъ сказать?.. — Муся посмотрѣла ему прямо въ лицо. — Нѣтъ, не похожи! — и она рѣшительно покачала своей темной головкой.—Знаете, такъ это странно: я васъ вижу въ третій разъ, а могу васъ спросить, не боясь, о томъ, что меня близко затрогиваетъ. И мнѣ совсѣмъ не хочется говорить съ вами такъ, какъ со всѣми: о томъ, о семъ. И потомъ... видите, я, конечно,

слишкомъ мало знаю всѣхъ этихъ знакомыхъ Ольги, но мнѣ почему-то кажется, что они вамъ такъ же не по душѣ, какъ мнѣ, а мнѣ здѣсь всегда какъ-то тяжело. Вы, ради Бога, не сердитесь. Je ne veux dire rien de désobligeant pour Olga, только всѣ они какіе-то такіе...

— Правда, правда, Марья Николаевна! Значитъ, вы сходитесь во мнѣніи съ Леной и maman. Да и со мной тоже. Но это вѣдь не долго такъ будетъ. Послѣ свадьбы мы ѣдемъ за границу; лѣтомъ будемъ въ Красномъ—весь кружокъ Ольги за это время измѣнится. А я, конечно, первый соглашусь съ вами, что ее здѣсь многое окружающее портитъ. Только не будьте строги къ ней, милая барышня! Вы выросли въ Петербургѣ, много жили за границей, ну... совсѣмъ въ другомъ обществѣ... А моя Ольга всю жизнь прожила въ деревнѣ... Это самородокъ! Ей еще много надо воспитывать себя!..

— Да я вовсе и не строга, — сказала Муся, сконфуженная его внезапною откровенностью. — Я, напротивъ, очень упрекала себя, что мнѣ здѣсь такъ все не по себѣ, все меня колетъ... Я стала бояться, что я вправду какая-то кисейная барышня (терпѣть не могу этого избитаго слова!)—какъ меня называетъ одна моя знакомая, Катерина Никитишна Луковникова. Вы ее знаете?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ я все упрекала себя именно за то, что мнѣ съ ними со всѣми такъ скучно, и всѣ они мнѣ кажутся такими, такими...

— Хорошій вы человѣкъ, Марья Николаевна, право!

— Ну, вотъ! Это почему? Вы меня совсѣмъ не знаете!

— Извините, знаю...—началъ Дмитрій, но подбѣжавшая къ нимъ Ольга прервала его:

— Скорѣе, скорѣе, говори твое мнѣніе о Высоцкомъ! Онъ ушелъ „книгой“.

— Что бы сказать?.. Ну, скажи: нѣмецкая, молъ, книга.

— Онъ сейчасъ отгадаетъ, что это ты.

— Ну, такъ это я скажу,—рѣшила Муся.—А вы скажите, Дмитрій Алексѣевичъ, что это военная книга par excellence.

— Браво, Марья Николаевна! Какъ вы его хорошо, однако, знаете!.. Ну, хорошо, такъ „военная“ - будетъ мое мнѣніе. Ольга, смотри, не смѣшай!

Ольга подошла къ другимъ, записывая мнѣнія. Вскорѣ всѣмъ надоѣло „мнѣніе“. Стали играть въ „рубль пошелъ“, потомъ въ „веревочку“. Муся, видя, что и Дмитрій скучаетъ за этими играми, снова разговорилась съ нимъ. Чтобы не мѣшать играющимъ, они перешли въ столовую и стали ходить взадъ и впередъ. Изъ залы

доносились взрывы хохота, визгливые голоса барышенъ, повременамъ всѣ вдругъ начинали говорить разомъ, и поднимался невообразимый гамъ:—„Нѣтъ, нѣтъ! Вамъ въ кругъ!.. Это нечестно! Онъ подтолкнулъ кольцо къ Катенькѣ!.. Юрій Михайловичъ, такъ не играютъ! Вамъ въ кругъ, вамъ въ кругъ!“—кричало сразу десять голосовъ, и все это издали напоминало какой-то грандіозный птичникъ. Муся и Неридовъ разговорились, какъ старые знакомые. Неридовъ разсказывалъ разные эпизоды изъ своей военной жизни, о своемъ пребываніи въ С.-Стефано и о походѣ 1876 года въ Хиву, въ которомъ онъ участвовалъ, о разныхъ своихъ приключеніяхъ и продѣлкахъ въ полку и въ училищѣ. Муся, въ свою очередь, разсказывала о поѣздкахъ за границу, о парижской выставкѣ прошлаго года, о гимназіи, подругахъ, экзаменахъ, планахъ будущаго. Невольно они перешли къ своимъ задушевнымъ мыслямъ и убѣжденіямъ, поспорили о какой-то симфоніи. Муся упрекнула Неридова въ свѣтской манерѣ говорить слегка и шутливо о вещахъ, которыя она принимала близко къ сердцу.—Знаете, есть одна хорошая манера: иногда, подъ видомъ шутки, сказать что-нибудь важное, серьезное. Но легко пріобрѣсти и другую, нехорошую манеру: все судить и мѣрить съ точки зрѣнія свѣтской, веселой и банальной формы. А сколько есть такихъ людей, и какъ часто мы сами такъ судимъ! Въ свѣтѣ мы очень часто смотримъ подъ дѣйствіемъ какого-то „веселящаго газа“, и самыя глубокія и хорошія чувства кажутся намъ банальными, высокопарными, мы смѣемся надъ ними и скрываемъ ихъ, или говоримъ о самыхъ серьезныхъ вопросахъ въ красивенькихъ, веселенькихъ фразахъ, вотъ какъ и вы сейчасъ. Этого я просто не выношу.

— Хорошій вы человѣкъ!—опять повторилъ Неридовъ.

— Почемъ же вы знаете, какой я человѣкъ?

— Право, трудно вамъ сказать... Но съ перваго же раза, какъ я увидѣлъ васъ, я отлично васъ опредѣлилъ, и теперь всегда заранѣе знаю, что и какъ вы скажете, что сдѣлаете.

— Такъ это прескучно!

— Вовсе нѣтъ! Напротивъ, это очень интересно. Вы очень интересный человѣкъ, Марья Николаевна!

— Ну, это вы сказали уже совсѣмъ à la Высоцкій. Пожалуйста, не говорите такъ, а то *мнѣ* будетъ казаться, что вы не такой, какъ мнѣ то показалось съ перваго раза.

— А вы тоже, значитъ, съ перваго раза рѣшили, какой я?

— Да.

— Ну, какой же?

— Вы?—Муся съ минуту подумала.

— Вы какой-то внезапный—сказала она.

Дмитрій расхохотался.

— Это что же означаетъ: „внезапный“?—смѣясь, спросилъ онъ, взявъ изъ ея рукъ вѣеръ, которымъ она закрывалась.

Муся сѣла у стола и стала играть маленькимъ серебрянымъ ножичкомъ.

— Это значитъ... это значитъ... ну, просто внезапный! Ну, ну, смѣлый такой, прямой, живой!.. Нѣтъ, я не съумѣю объяснить, но только очень, очень хорошо это понимаю.

Дмитрія начинала очень занимать эта дѣвочка. Однако онъ сдѣлалъ видъ, что находитъ все это просто смѣшной болтовней. —Нечего сказать, это дѣйствительно дамское,—pardon, дѣвическое — объясненіе: внезапный, молъ, и есть внезапный!

Муся вспыхнула и быстро взяла у него вѣеръ.—Пожалуйста, не смѣйтесь и не думайте, что это я такъ сболтнула и сама не знаю, что хочу сказать. Если хотите, я объясню вамъ точнѣе...

— Je ne demande que ça!

— Видите, мнѣ кажется, что вотъ, положимъ, скажутъ Мюнстеру...

Дмитрій улыбнулся.

— Нѣтъ, не Мюнстеру, а Высоцкому, — продолжала Муся, не смущаясь,—скажутъ ему: „Андрей Петровичъ, пойдемте завтра въ театръ!“ Онъ сейчасъ начнетъ соображать: „Въ 11 смѣнюсь съ дежурства, въ 12 дома, до 4-хъ въ ротѣ и т. д., и д. т., значитъ“... Скажутъ Бергу. Онъ сейчасъ подумаетъ: „Въ среду обѣдаю у m-me Норрель, въ четвергъ танцую у Пьеретти, значитъ“... Скажутъ даже Сашѣ — и тотъ сначала спроситъ: „съ кѣмъ, молъ, поѣдемъ?“ А вотъ скажутъ вамъ — и вы уже изъ дверей прокричите: „въ которомъ ряду брать билетъ?“—и былъ таковъ. А ужъ потомъ спохватитесь, что вы и дежурный-то въ этотъ день, и обѣдаете у полкового командира, и...

Дмитрій отъ души расхохотался надъ объясненіемъ Муси, которое хорошо понялъ и въ глубинѣ души нашелъ замѣчательно мѣткимъ, и нарочно придрался къ словамъ Муси.

— Это все заразъ?

— Да, все заразъ! И когда уже убѣжите, то по дорогѣ вспомните, что вы заняты, и тогда приметесь бѣгать туда-сюда, все устроивать и улаживать. И непремѣнно уладите!

— Умница барышня!—сказалъ Дмитрій, вставая.—А теперь позвольте вашу ручку; слышите, тамъ играютъ: un tour de valse, mademoiselle!—Онъ поклонился.

— Mercі. Только нельзя ли обойтись безъ этихъ дипломовъ

и аттестатовъ. Какая есть, такая и есть. А васъ я все-таки слишкомъ мало знаю, чтобы вы мнѣ такъ говорили.

— Ну, простите, простите! Не буду больше. Вѣдь ужъ я покаялся вамъ: всегда боялся барышенъ и бѣгалъ отъ нихъ, какъ отъ огня, совсѣмъ не умѣю съ ними говорить. Olga n'est pas si difficile, — она мнѣ больше прощаетъ. А если вы обѣщаете всегда такъ дружески откровенно говорить со мной, я надѣюсь исправиться. Обѣщаете поучить меня?

Онъ слегка пожалъ ея ручку, наклоняя свою красивую голову и заглядывая Мусѣ въ глаза. Она немножко удивленно на него взглянула, но тотчасъ ласково и довѣрчиво кивнула ему: — Хорошо!

Они вошли въ залу. Ольга вальсировала съ Бергомъ, и ея свѣтлые волосы, какъ шелковое покрывало, отлетали при каждомъ поворотѣ. Маленькая, хорошенькая Маничка Рыбасова танцовала съ Муранскимъ. Высоцкій, какъ только Муся вошла въ залу, подошелъ и церемонно раскланялся предъ нею. Но Муся, улыбаясь и не отвѣчая на его поклонъ, съ тѣмъ смѣлымъ и спокойнымъ движеніемъ, которое можно замѣтить только у дѣвушекъ, очень много или съ большимъ успѣхомъ бывающихъ въ свѣтѣ и много танцующихъ, положила руку на плечо Неридова и близко къ ней откинула голову, начиная па вальса, вслѣдъ за своимъ кавалеромъ, отъ самыхъ дверей.

У другихъ дверей Бергъ съ помощью Муранскаго старался, не порвавъ, отцѣпить шелковистые волосы отъ пуговицы рукава, что заставляло Ольгу стоять неподвижно и откинуть назадъ голову. Она нетерпѣливо постукивала ногой и сердилась: — Скорѣе, да скорѣе же!

— Tu l'as voulu, Georges Dandin! — сказала довольно громко Лена Неридова Мусѣ, которая остановилась, не сдѣлавъ полнаго тура, и вмѣстѣ съ Дмитріемъ и Леной подходила тоже на помощь Ольгѣ. Наконецъ, волосы отцѣпили, и Ольга убѣжала къ себѣ заплести косы.

— Я еще удивляюсь, что она не причесывается en public! — раздался за спиной Дмитрія скрипящій голосъ его матери: — это было бы только послѣдовательно... Прощай! Мы ѣдемъ съ Леной домой, у нея завтра урокъ въ 10 часовъ.

Прасковья Львовна провожала своихъ будущихъ родственницъ до передней и заботливо укутывала ихъ. А Ольга, выйдя изъ своей комнаты причесанною à la Гретхенъ, не выказала никакого огорченія, узнавъ отъ жениха, что его мать и сестра уже уѣхали. — А! уѣхали! — промолвила она совершенно равнодушно и тотчасъ

закричала:—Бергъ! маленькую кадриль до ужина, только повеселѣе, поживѣе! —и она захлопала въ ладоши.

Муся тоже не осталась ужинать, такъ какъ за ними уже давно прислали карету, и Марья Петровна едва держалась на ногахъ отъ усталости. Сергѣй вышелъ вмѣстѣ съ ними.

— Ну что, Serge? — обратилась къ нему Муся, тихонько спускаясь съ лѣстницы и нарочно пропустивъ впередъ Марью Петровну.—Цѣлый вечеръ не удалось съ вами двухъ словъ сказать. Ну, что̀ скажете?

— Знаете, Муся, просто еще ничего не могу сказать. Странно это все, чтобъ не сказать больше! И какъ-то совсѣмъ не могу поставить рядомъ моихъ Неридовыхъ и этихъ двухъ Гирѣевыхъ. Хороша она удивительно, что̀ и говорить! Mais je crois pourtant préférer la maman: это просто добрая коровушка. А дочка!.. Скажите, вы не думаете, что она выходитъ за него по разсчету гораздо болѣе, чѣмъ по любви?

— Ду-ма-ю,—сказала Муся, потупившись и почему-то краснѣя до ушей.

— Вотъ видите! И я тоже.

Они остановились надъ послѣдними ступеньками, такъ какъ приходилось еще ждать кареты, а они не хотѣли, чтобъ ихъ разговоръ слышала Марья Петровна.

— Ну, а Митька мой какъ вамъ нравится? Правда, славный малый? А хорошъ собой какъ! Правда? И, знаете, отличный скрипачъ; вотъ бы вамъ какъ-нибудь съ нимъ поиграть вмѣстѣ. А то онъ лѣнивъ, и теперь навѣрное совсѣмъ забросилъ свою скрипку. А тонъ у него чудесный!

— Онъ мнѣ очень нравится. Очень, очень! Какъ можно сравнивать ихъ! И сестра у него прелестная. И всего болѣе мнѣ нравится, что она такъ непохожа на меня: она такая тихая, покойная, строгая. Точно вы. Вы, право, отлично другъ къ другу подходите. А мамаша Неридова какая потѣшная! И тоже отличная!

Муся, смѣясь, сошла съ послѣднихъ ступенекъ. А Сергѣй вдругъ вспомнилъ слова Неридова за обѣдомъ: „увѣренъ, что ты на ней женишься“,— и эти слова уже не показались ему такими странными и невозможными.—Какая она хорошая!—говорилъ онъ себѣ, возвращаясь пѣшкомъ къ себѣ домой.—Насколько она лучше и выше ихъ всѣхъ! И, главное, въ ней хорошо то, чего именно она не цѣнитъ: она вовсе не такая тихая, не такая спокойная!

Но навѣрное Сергѣю показалось бы совершенно невозможнымъ и страннымъ, еслибъ онъ узналъ какимъ-нибудь чудомъ, что, два часа спустя, почти тѣми же словами, сказалъ это себѣ

Неридовъ, сидя у своего стола и цѣлуя подаренную Ольгой перчатку.—„Милая, милая Олечка!“—шепталъ онъ и вдругъ, безъ всякаго перехода, сказалъ себѣ: — А какая хорошая эта Муся Муранская. И что въ ней всего лучше,—это ея живость, тотъ огонекъ, который въ ней такъ ярко вспыхиваетъ по временамъ. Какая хорошая! И умница, и такая у нея distinction душевная. Да, она не чета *имъ всѣмъ*.—И Дмитрій, опять безъ всякаго, повидимому, перехода, вернулся къ мыслямъ объ Ольгѣ и о томъ, что завтра онъ ѣдетъ съ Ольгой по магазинамъ—значитъ, весь день проведетъ съ нею,—быстро раздѣлся, легъ и тотчасъ же заснулъ крѣпкимъ, молодымъ сномъ.

V.

Вторникъ. Безъ пяти минутъ девять. Всѣ ученицы старшаго класса гимназіи уже собрались и ждутъ прихода учителя русской литературы. Сегодня его послѣдній урокъ передъ выпускомъ. Солнце ярко свѣтитъ въ окно, бросая ослѣпительный блескъ на черную доску. Всѣ молчатъ и перелистываютъ тетради, прочитывая послѣднія слова, записанныя прошлый разъ за учителемъ. Въ сосѣдней залѣ дочь директрисы пятый разъ подрядъ играетъ „Spinnerlied“ Вагнера-Листа.

— Mesdames!—вдругъ вскрикиваетъ Надя Сергѣева, маленькая толстушка лѣтъ шестнадцати:—у кого группа? У Бергъ?

— Да, да,—отвѣчаетъ Бергъ, бѣлокурая, тоненькая дѣвушка, великій другъ Муси и ея конкуррентка на золотую медаль.—Я ее положила на шкафчикъ, чтобы не помять.

— Какъ же намъ сдѣлать?—спрашиваетъ, въ свою очередь, Луковникова, особа громаднаго роста и на видъ лѣтъ двадцати-пяти, хотя ей только-что минуло восемнадцать. — Какъ же мы сдѣлаемъ?—повторяетъ она своимъ визгливымъ, высокимъ голосомъ:—поднесемъ тотчасъ, какъ онъ войдетъ, или послѣ урока? И кто будетъ подносить? Надо что-нибудь сказать.

— Пусть Муранская передастъ ему.

— Конечно, Муранская.

— Нѣтъ, пусть и Бергъ тоже. Обѣ вмѣстѣ!

— Всѣмъ надо подойти, mesdames! Всѣмъ вмѣстѣ, вмѣстѣ и поднести.

— Да кто же говорить-то будетъ?! Нельзя же сунуть въ руки и молчать!

— Хорошо, я скажу,—говоритъ Муранская:—мы просимъ

его намъ всѣмъ дать по карточкѣ въ память его уроковъ, которые мы такъ любили, и которые намъ принесли столько знанія и пользы, а чтобы и онъ насъ не забылъ, мы подносимъ ему нашу группу...

— Скажи, что мы не всѣмъ учителямъ подносимъ, а лишь нѣкоторымъ, и ему подносимъ съ особеннымъ уваженіемъ.

— Нѣтъ, Мельникова! Этого нельзя говорить!—кричатъ на Мельникову десять голосовъ разомъ.—Съ какой стати и другихъ обижать, и что это за объявленія?! Ужъ и безъ того тѣ, которымъ мы не подносимъ, будутъ обижены. И намъ безъ того уже досталось отъ Париной, что мы не для всѣхъ группы заказали. Къ чему же на прощанье еще разъ съ ней браниться?!

— Да и Софья Игнатьевна, навѣрное, по этому поводу на прощанье прочтетъ намъ нотацію: „Вотъ, молъ, вы готовитесь вступить въ настоящую жизнь, служить, такъ сказать, Россіи, а учителямъ не всѣмъ группы дарите!“—передразнила Муся голосъ и тонъ директрисы.

Всѣ расхохотались.

— Ну, такъ скажи, Муранская, какъ хотѣла. Такъ и будетъ хорошо!

Дверь изъ корридора распахнулась, и оттуда выглянула бѣлокурая, некрасивая дѣвушка лѣтъ двадцати-четырехъ:

— Mesdames! нельзя ли такъ не шумѣть? У насъ сегодня письменныя работы по математикѣ; вы мѣшаете намъ очень,—сказала она. Это была классная дама IV-го класса.

— Хорошо, хорошо, Анна Александровна, не будемъ! Не будемъ!—отвѣтили нѣсколько ученицъ вполголоса.

Часы зашипѣли, затрещали и жалкимъ, дребезжащимъ звономъ пробили девять.

— Однако, и часы наши отстаютъ, да и Петровскій что-то запаздываетъ. Вонъ, у нихъ уже начали давно, да и на моихъ часахъ девять минутъ десятаго,—тихонько сказала Нина Бергъ, вынимая часы на черномъ шнуркѣ. Она была примѣрная ученица и никогда не надѣвала въ гимназію цѣпочку; цѣпочки, вмѣстѣ съ браслетами, бантами и кольцами, строго преслѣдовались Софьей Игнатьевной.

— Знала бы, опоздала бы непремѣнно!—Муся зѣваетъ, не раскрывая рта, и прислоняется къ плечу Ниты.—Ниточка, страхъ, какъ спать хочется!

— Ты танцовала вчера опять?

— Да. Весело какъ было! Ну, просто, чрезобычайно!

— У кого? У кого, Муранская?—спрашиваютъ кругомъ нея.

— У Кернъ. Отчего ты не была, Нина? Тебя ждали. Юрочка (ахъ, Богъ мой, я его все, по старой памяти, зову „Юрочкой“)—Юрій Михайловичъ сказалъ,—что ты будто зубришь. Я не повѣрила.

— Нѣтъ, я вправду занималась.

— Ахъ ты примѣрная, примѣрная! Нѣтъ! я не могу такъ!

- Зато помяни мое слово, Муранская, — пропѣла своимъ тоненькимъ голосомъ Луковникова:—не видать тебѣ медали, какъ своихъ ушей. А Бергъ получитъ.

— Господь съ нею, съ медалью! Мнѣ все равно. Курсъ я хорошо знаю весь...

— Навѣрное, лучше меня,—вставила добросовѣстная Нина.

— Ну, а если Нина получитъ медаль, это будетъ и справедливо: она занималась, а я!.. Но я не могу, не могу все сидѣть на мѣстѣ тихонечко и все думать: этого нельзя, того не дѣлать! То ли дѣло вчера!—Муся вскочила съ мѣста и закружилась въ проходѣ между скамейками.

— Муранская! Муранская, что съ вами?—раздался въ дверяхъ голосъ классной дамы. — Господинъ Петровскій сейчасъ войдетъ. Садитесь скорѣе на свое мѣсто!

Вошелъ высокій, худощавый, въ вицъ-мундирѣ, господинъ лѣтъ 35 — 40, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, освѣщеннымъ прекрасными сѣрыми глазами, и съ черными волосами, падавшими прямыми прядями на лобъ. — Здравствуйте-съ! — сказалъ онъ звонкимъ, веселымъ голосомъ, кланяясь и быстро проходя къ своему мѣсту. И еще не садясь, началъ:

— Ну-съ, послѣдній разъ мы остановились на Майковѣ. Сегодня мы заключимъ наши бесѣды съ вами, милостивыя государыни, сказавъ лишь нѣсколько словъ, по недостатку времени —это въ скобкахъ (и онъ руками показалъ, что ставитъ эту фразу въ скобки) — лишь нѣсколько словъ о другихъ нашихъ поэтахъ послѣдняго времени...

Всѣ почти держали карандаши на-готовѣ, чтобы тотчасъ начать записывать.

— Но прежде всего я долженъ обратить ваше вниманіе, милостивыя государыни, на разницу поэзіи...—И урокъ начался.

Съ десяти до одиннадцати былъ урокъ того же Петровскаго, такъ какъ онъ читалъ и русскую исторію. Съ одиннадцати до двѣнадцати—такъ-называемый „пустой часъ“, такъ какъ назначенные въ это время уроки нѣмецкой литературы уже кончились до Пасхи. Петровскій и ученицы попросили у m-lle Пари-

ной позволенія воспользоваться и этимъ часомъ, чтобы успѣть кончить „всю литературу“ по намѣченной Петровскимъ программѣ.

Почти всѣ устали записывать; многія уже положили карандаши и перья; тѣ, которыя еще продолжали писать, старались сокращать слова до послѣдней возможности, часто просто ставили первую букву слова, или писали „полуграмотный“ въ видѣ слѣдующаго кабалистическаго знака: гр/2, а фразу: „онъ относился къ своимъ литературнымъ трудамъ, какъ и его великій учитель Пушкинъ“—писали въ видѣ пропорціи „он: своим. лит. труд.= вел. учит. П.“. Муся то-и-дѣло расправляла руку и постукивала ею по столу. Уроки Петровскаго были ея любимыми, такъ какъ онъ постоянно заставлялъ ученицъ читать то то, то другое сочиненіе, то того, то другого автора, требовалъ самостоятельныхъ устныхъ отвѣтовъ и письменныхъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ, заставлялъ ученицъ составлять изъ общихъ бесѣдъ въ классѣ выводы о какомъ-нибудь писателѣ или исторической личности—однимъ словомъ, заставлялъ ученицъ учить самихъ себя. А это былъ тотъ способъ, къ которому Муся привыкла съ дѣтства.

Вообще Муся никакъ не могла начать учиться тѣмъ манеромъ, какъ почти всѣ учились и учили въ гимназіи, „не для себя“, какъ Муся выражалась. А манеръ этотъ такой: *надо* твердо помнить въ нынѣшнемъ году всю „всеобщую исторію“, начиная отъ изобрѣтенія книгопечатанія; но *можно не помнить*, что было въ Россіи въ 1505 г., такъ какъ „это проходили въ прошломъ году“, и „это русская исторія“. *Надо* „во французской литературѣ“ безошибочно отвѣчать: „Pascal est surtout remarquable par ses écrits à la défense des Jansénistes“; или: „René Déscartes a été le fondateur de la philosophie spiritualiste“; но точно знать, что это значитъ, кто такіе эти янсенисты, какая такая эта philosophie и какое значеніе имѣетъ для насъ Декартъ—этого отнюдь *не надо*. *Надо* „въ географіи“ безъ ошибки отвѣтить всѣ города и городки Приволжья; *но можно забыть* всѣ города Франціи, такъ какъ „это курсъ пятаго класса“, и „это мы будемъ повторять только къ экзамену“; значитъ, если учитель французской литературы скажетъ „il naquit à Dijon“, говоря о Боссюэтѣ, то можно съ недоумѣніемъ переглядываться или тихонько спрашивать: „Развѣ Дижонъ во Франціи, а не въ Швейцаріи? Муранская, Муся, гдѣ Дижонъ?“

Слѣдуетъ отдать справедливость и учителямъ: большинство твердо помнили „курсъ нынѣшняго года“, и почти никогда не касались

неловкихъ и ненужныхъ вопросовъ. Учителю всеобщей исторіи не приходило въ голову, говоря о флорентинскомъ соборѣ, поточнѣе поговорить о роли Исидора—„это вы пройдете или прошли въ русской исторіи“, или даже „въ исторіи русской церкви“. —Знаешь, Луковникова,—шепчетъ Мельникова (если дѣло происходитъ *на* „исторіи русской церкви“) — это наверху на лѣвой страницѣ, глава: „Освобожденіе русской іерархіи отъ византійскаго вліянія“.—Но *на* „всеобщей исторіи“ этого Исидора нужно помнить только какъ „русскаго депутата Исидора“; о значеніи же его поѣздки для Руси говорить не слѣдуетъ—надо, напротивъ, потверже помнить и построже спрашивать о томъ, что соборъ былъ созванъ по настоянію императора Михаила въ надеждѣ на помощь противъ турокъ, и что помощи этой онъ не получилъ.

И учителя это всѣ хорошо знали и помнили, спрашивали, „что нужно“, а „чего не нужно“—не спрашивали.

Но Петровскій былъ бѣдовый человѣкъ. Разсказывая о Петрѣ Великомъ, онъ имѣлъ непростительную странность интересоваться тѣмъ, въ какой именно провинціи Голландіи лежитъ Саардамъ, какое значеніе для французской литературы имѣетъ „госпожа дé-Мéнтéнонъ“ (Петровскій очень плохо произносилъ иностранныя слова, что не мѣшало ему читать на трехъ новыхъ и двухъ древнихъ языкахъ такъ же свободно, какъ по-русски); да, госпожа де-Ментенонъ, которую Петръ посѣтилъ во время своего пребыванія во Франціи. Или, по поводу введенія Петромъ гражданскаго шрифта, Петровскій спрашивалъ о годѣ изобрѣтенія книгопечатанія („слава Богу, что это мы проходили въ нынѣшнемъ году“). Или, не обращая вниманія, что это не относится ни до какого „курса“ и ни до какой „исторіи“, желалъ узнать, кто и когда вылѣпилъ статую Петра, стоящую на Исакіевской площади. Этого уже, конечно, никто не зналъ, да и къ чему было это знать?!

Вотъ за эти-то непростительные, ненужные и страшные вопросы, за эту-то непохожую на всѣхъ другихъ (иногда очень талантливыхъ и очень знающихъ и добросовѣстныхъ) учителей манеру, и любила Муся въ особенности уроки Петровскаго. Все, что ее интересовало, она, разъ запомнивъ, уже не забывала, а такъ какъ она интересовалась, за немногими исключеніями, всѣмъ, чему училась, то помнила хорошо все, что прошла, и не боялась Петровскаго. Мусѣ было совершенно все равно, гдѣ, когда и какъ она что-нибудь узнала. Если она дома прочитывала что-нибудь такое, чего не говорилъ учитель, или что не стояло въ учебникѣ—она, не смущаясь, вставляла это въ свой отвѣтъ.—

Откуда ты это взяла, Муранская? — Я читала объ этомъ у Шлоссера. – Да вѣдь онъ (учитель нѣмецкаго языка) этого „не отмѣтилъ“ намъ! — Такъ что же? — „Для чего же ты это говорила?“ —Господи, да вы видите, что отъ этого совсѣмъ другимъ оказывается Фридрихъ.—Тебѣ-то что до этого?—Какъ что?!! —Муся почти съ ужасомъ смотритъ на спрашивающую. Мусѣ было далеко не все равно, что и какъ учить, и оттого она и говорила про всѣхъ, что всѣ учились „не для себя“, а она „для себя“. Если она чего-нибудь не понимала, то цѣлый часъ готова была допрашивать учителя, пока не добивалась своего, за что получала страшную нотацію отъ m-lle Париной и массу насмѣшекъ отъ подругъ. Если она находила какое-нибудь стихотвореніе Некрасова, превозносимое учителемъ, фальшивымъ, натянутымъ, она спорила съ Петровскимъ, и если, несмотря на его доводы, оставалась при своемъ мнѣніи, то и писала въ своемъ сочиненіи самую безпощадную и остроумную критику, и получала его обратно со словами: — Не могу поставить вамъ никакого балла, госпожа Муранская, такъ какъ вы совершенно не поняли автора, и я ни въ какомъ случаѣ не могу признать вашу точку зрѣнія вѣрной.

Если Мусю заинтересовывалъ особенно какой-нибудь фактъ, или личность, или даже отвлеченный вопросъ, Муся узнавала, гдѣ можно было объ этомъ прочесть, заставляла дома Петра Михайловича отыскивать ей книги, рукописи, картины, и цѣлыя ночи напролетъ готова была читать, только бы понять, такъ понять, чтобы этотъ фактъ, личность или вопросъ стали для нея „своими“.

Петровскій былъ ея самый любимый учитель, и никто изъ ея подругъ не удивился, когда она заговорила о своемъ желаніи идти на курсы, заниматься спеціально русской исторіей и исторіей литературы.

Весь классъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на блестящую ученицу; она все время шла первой, только послѣдніе два года вновь поступившая Бергъ стала оспаривать ея неоспоримыя права на золотую медаль. Но Бергъ училась совсѣмъ иначе, всѣ ее лучше понимали и скоро всѣ рѣшили, что медаль получитъ она. Бергъ занималась всѣмъ одинаково хорошо, но ничѣмъ особенно не интересовалась. Отвѣчала всегда прекрасно, но разсуждать въ классѣ и не любила, и не умѣла. Сочиненія подавала хорошія, но вполнѣ согласныя съ мнѣніемъ учителя. Держала себя она какъ настоящая первая ученица, и во всѣхъ нотаціяхъ классу всегда указывали на нее, какъ на достойный подражанія примѣръ.

Мусю очень любили, особенно за ея веселость, всегдашнюю готовность написать для другихъ сочиненіе, перевести нѣмецкій разсказъ, или выписать слова для англійскаго стихотворенія, или сдѣлать задачу, за ея отчаянную удаль и находчивость въ разныхъ веселыхъ продѣлкахъ. Ее даже „уважали“ въ классѣ за ея способности, умъ, всегдашнюю смѣлость въ переговорахъ съ Софьей Игнатьевной, за рѣзкій отказъ участвовать, если какая-нибудь классная продѣлка была направлена противъ несчастной классной дамы или безобидной французской учительницы, и за безбоязненное выслушиванье, послѣ такого отказа, разныхъ названій въ родѣ: „предательница“, „идетъ противъ класса“, „трусиха“.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Муранскую не всегда понимали, находили, что она „вѣрно, что-то изображаетъ“, что она „все дѣлаетъ не спроста“, и что „просто она выскочка“.

Въ „большую рекреацію“, позавтракавъ, ученицы по двѣ и по три ходили по залѣ; другія, прислонившись къ роялю, просматривали какія-то тетради, пряча ихъ за передникъ, какъ только въ залу входила классная дама. „Маленькія“ играли въ углу около оконъ въ „короли“; въ другомъ углу стояли кружкомъ игравшія въ „реверансъ“. Дежурная въ этотъ день классная дама пятаго класса, Fräulein Roth, высокая, бѣлокурая, пожилая ужъ женщина, сидѣла у стѣны, изрѣдка вставала, оглядывала залу и слѣдила за порядкомъ. Бергъ и Муранская, обнявшись, ходили взадъ и впередъ и разговаривали съ Мельниковой, которая шла спиной, держась за ихъ черные передники и оглядываясь черезъ плечо, чтобы не натолкнуться на другихъ.

— Отчего же ты не нойдешь на курсы, Муранская?—спросила Мельникова.

— Сидѣть надоѣло.

— Какъ такъ надоѣло?

— Да, видишь ли, я просто въ ужасъ прихожу, что пришлось бы еще три-четыре года сидѣть на скамеечкѣ, каждый день, съ 9 и до 4 или 5, аккуратно слушать разные „предметы“, записывать, зубрить, отвѣчать... Понимаешь, вся эта процедура учебная мнѣ больше не въ моготу!

— „Учебная процедура не въ моготу“, а сама на себя накликаетъ еще лишнее; вонъ взялась для Петровскаго еще сочиненіе написать и насъ всѣхъ подвела. А можно было бы и такъ отъѣхать!

— Нѣтъ, Мельникова, это совсѣмъ не то! Еслибъ я могла заниматься, чѣмъ я хочу и когда я хочу, я согласна была бы еще десять лѣтъ хоть здѣсь въ гимназіи просидѣть. Но если непремѣнно съ 9-ти до 4-хъ, непремѣнно *все* слушать, и все сидѣть, и все зубрить, и все писать! Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ еслибъ можно было, какъ въ средніе вѣка, поступить къ какому-нибудь одному профессору, да заняться чѣмъ-нибудь однимъ, самой рыться въ книгахъ, писать; работать: сегодня — утромъ, завтра—вечеромъ, послѣ-завтра—весь день, потомъ придти къ учителю, показать ему, поговорить съ нимъ, послушать его ученія—вотъ этого я бы хотѣла. Да я, можетъ быть, такъ и сдѣлаю. А то эти классы, директрисы, черные переднички, все по мѣрочкѣ и по часамъ! Нѣтъ, не могу!

— Но вѣдь если иначе нельзя,—сказала Бергъ.—Разъ мы хотимъ чему-нибудь научиться, мы должны подчиняться и тѣмъ правиламъ и, можетъ быть, непріятнымъ, стѣсненіямъ, которыя существуютъ въ извѣстномъ учрежденіи.

— Ахъ, Нита, видишь, ты говоришь: „чему-нибудь научиться“, а на курсахъ я не могу чему-нибудь учиться или научиться, а должна опять всѣмъ „заниматься“, „проходить“ непремѣнно „такой-то курсъ“.

— Да какъ же ты хочешь сдѣлать иначе? Нельзя же, чтобъ сто человѣкъ учились, и каждый по своему?! Вѣдь тогда это будетъ просто столпотвореніе вавилонское! Меня ужасно удивляетъ, Муся, какъ ты, всегда сочувствующая всему хорошему, свѣтлому, вдругъ такъ противъ курсовъ!!...

— Пойми ты, Нита, что вовсе не противъ курсовъ, а что я только про себя говорю, что я сама не пойду, и почему именно не пойду. А за курсы я всегда буду горой стоять—и я очень понимаю и уважаю тебя и Луковникову, и всѣхъ, кто идетъ на курсы. Только сама-то я не могу!

— Просто ты разлѣнилась,—рѣшила Мельникова.—Балы, да театры, да тряпки разныя сбили тебя съ толку, и стала ты просто обыкновенной „барышней“, въ худомъ смыслѣ слова.

Муся улыбнулась.—И то можетъ быть!—сказала она.

— Да ужъ въ вашемъ кругу трудно дѣло дѣлать толкомъ,—объявила подошедшая Луковникова.—Этакъ поучитесь, поучитесь немножко, потомъ пойдутъ балы, да выѣзды, тамъ—глядишь—и замужъ выдадутъ. Гдѣ же тутъ учиться или работать!

Муся поморщилась, такъ какъ, слушая Луковникову, она всегда испытывала такое же непріятное впечатлѣніе, какъ еслибы при ней фальшиво пропѣли цѣлую арію полутономъ ниже или выше

аккомпанимента, и Муся всегда какъ-то внутренно сжималась и пряталась, точно ее грубо толкнули. Она и теперь было-замолчала, но тотчасъ пересилила себя и отвѣтила безъ всякой непріязни:

— Однако замѣть, Катя, что и Бергъ изъ того же „круга“. (Не понимаю собственно, о какомъ „кругѣ“ ты говоришь). Значитъ онъ тутъ ни-при-чемъ, значитъ это ужъ я сама по себѣ „столь нехороша“, какъ говоритъ батюшка. Только ты напрасно думаешь, что у „насъ“ только и думаютъ, что о женихахъ и нарядахъ. Мнѣ кажется, что говорить такія общія мѣста о „нашемъ кругѣ“, какъ тебѣ угодно выражаться, такъ же справедливо, какъ справедлива моя тетушка, которая увѣрена que tous les moujiks sont des ivrognes, и т. п.

— Совершенно вѣрно, Муся,—сказала Нина, тотчасъ, какъ всегда, понявъ Мусю, и въ знакъ этого тихонько пожала ей руку.

— И все же мнѣ жалко, что ты не пойдешь на курсы. Ужъ такъ бы и зубрили весь вѣкъ вмѣстѣ. Кстати, на французскую литературу я пріѣду готовиться къ тебѣ. Вѣдь такъ?..

Дверь въ корридоръ распахнулась, и на порогѣ появилась m-lle Парина.

— I-ый классъ! Mesdemoiselles! I-ый классъ! Пожалуйте!— закричала она, хлопая въ ладоши.—Батюшка уже пришелъ. Въ классъ!!

Молодыя дѣвушки, лавируя между бѣгавшими „малышами“ и гулявшими подъ ручку ученицами среднихъ классовъ и оправляя на ходу передники и прически, стали собираться къ двери и строиться парами.

— Всѣ?—спросила m-lle Парина и пошла по корридору. За нею длинной вереницей потянулись коричнево-черныя пары, переговариваясь и пересмѣиваясь вполголоса, и вдругъ замолкли всѣ разомъ, увидавъ стоявшихъ въ дверяхъ учительской Софью Игнатьевну Рыбину и инспектора. И точно повинуясь дѣйствію какого-то невидимаго механизма, каждыя двѣ ученицы, поравнявшись съ ними, какъ по командѣ, наклоняли голову, разомъ присѣдали, не перемѣняя ноги шли дальше и уходили въ дверь большой классной, изъ которой въ полутемный корридоръ врывался яркій широкій лучъ свѣта.

А инспекторъ и Софья Игнатьевна, повинуясь тому же невидимому механизму, по той же неслышной командѣ, такъ же разомъ наклоняли голову, какъ только одна пара смѣняла другую, и разомъ же говорили: „Здравствуйте, здравствуйте“—издали только и слышно было это однообразное: „тутьте“, „тутьте“, точно щебетанье какой-то странной, большой птицы.

VI.

Во вторникъ уроки кончались очень поздно для тѣхъ, кто занимался англійскимъ языкомъ, и Муся всю дорогу домой торопила извозчика, чтобы успѣть переодѣться къ обѣду. По вторникамъ у Петра Михайловича всегда обѣдали гости, а сегодня (Муся это знала) долженъ былъ быть и Сергѣй Александровичъ, и Мюнстеръ.

Когда она вошла въ гостиную, тамъ уже шелъ громкій споръ между Глуховскимъ, Петромъ Михайловичемъ и Рубцовымъ, высокимъ, чрезвычайно болѣзненнымъ и худощавымъ господиномъ, съ рѣдкой козлиной бородкой и быстрыми черными глазами. Павелъ Мюнстеръ сидѣлъ подлѣ Марьи Петровны у окна и почтительно слушалъ, что она ему разсказывала о пріѣхавшемъ въ католическую церковь curé, который, по ея словамъ, былъ un Jean Chrisostome; на проповѣдяхъ его она испытывала такое же божественное наслажденіе, какъ въ то счастливое время, когда она въ первый разъ слушала Рубини. На ней тогда было „розовое платье декольте и прелестная берта Chantilly; Петръ Михайловичъ, какъ увидѣлъ ее, Марью Петровну, такъ и не могъ свести съ нея глазъ". (Марья Петровна почти всѣмъ разсказывала объ этой внезапной побѣдѣ надъ Петромъ Михайловичемъ и даже ему самому не разъ напоминала: „Vous rappelez-vous comme vous étiez amoureux de moi?" — причемъ Петръ Михайловичъ только покашливалъ и немного удивленно поднималъ брови, но никогда ее не опровергалъ). „И, конечно,— продолжала она,—все было бы совсѣмъ иначе, и навѣрное она была бы теперь m-me Бобрина, еслибы Nicolas не вздумалъ въ это самое время жениться на Lise. Ну, потомъ и Петръ Михайловичъ женился, потомъ жена и сынъ его умерли, et certainement il n'a plus eu le courage de recommencer la vie de famille". И сама она, Марья Петровна, въ то время уже поняла que le bonheur est ailleurs, а кромѣ того она тогда не могла опомниться послѣ потери своего дяди (vous savez, mon oncle le général Rézakoff). Да и теперь у нея въ душѣ вѣчный мракъ и трауръ, и она только и отдыхаетъ, что на проповѣдяхъ du père Clermont, и вотъ еще когда Редстокъ пріѣзжалъ сюда. „Le service divin russe est trop grossier pour notre siècle, on devrait le purifier de beaucoup de choses",—и Марья Петровна очень удивлялась, какъ это наши архіереи не займутся этимъ дѣломъ.

Мюнстеръ слушалъ Марью Петровну, но постоянно огляды-

вался на дверь. Когда Муся вошла, онъ тотчасъ прервалъ собесѣдницу: — „вотъ и Марья Николаевна!“ — Мюнстеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, остановился и, не сгибаясь, медленно наклонилъ голову, долго не подымая ея, — поклонъ былъ необыкновенно изященъ и преисполненъ самой глубокой почтительности. Муся, поздоровавшись со спорившими, быстро, на ходу, пожала руку Мюнстеру и подошла поцѣловать Марью Петровну.

— Bonjour, petite tante!

— Bonjour, Marie! Vous êtes partie si tôt ce matin, я и не слыхала даже. Это просто несчастье мое — эта гимназія... Dieu merci, скоро конецъ!

— А у васъ уже скоро экзамены, Марья Николаевна?

— Да, черезъ четыре дня конецъ урокамъ. Послѣднюю недѣлю учимся, — отвѣтила Муся, почему-то весело взглядывая на Мюнстера. И тотчасъ, по какой-то, ей одной понятной, связи идей, спросила: — Отчего же вы въ субботу не были у Гирѣевыхъ?

Мюнстеръ замялся. — Видите ли, мнѣ какъ-то неловко было съ перваго раза, не будучи еще представленнымъ madame Гирѣевой, пріѣхать на такой, такъ сказать, торжественный вечеръ.

— Совсѣмъ не торжественный! — перебила его Муся: — это былъ даже и не вечеръ, а такъ себѣ, — дѣвишникъ, и больше ничего. Болтали, прыгали, играли въ petits jeux — ничего похожаго на вечеръ! Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, вы хорошо знаете, что съ Гирѣевыми всякихъ тонкостей этихъ и соблюдать не надо. Наконецъ, васъ никто и не заставлялъ поступить противъ какого-нибудь правила: васъ представляетъ дирижеръ, вы танцуете сегодня, — завтра вы дѣлаете визитъ, вотъ и все! Qu'y a-t-il de plus reçu et de plus mondain!? — Муся съ досадой перешла черезъ гостиную и сѣла подлѣ Сергѣя Александровича.

— Что вы мнѣ хорошенькаго скажете? — тотчасъ обратился онъ къ ней, забывая отвѣчать на доводы Рубцова, которые относились главнымъ образомъ къ нему. Но Рубцовъ не унимался.

— Такъ послѣ этого вы скажете мнѣ, Сергѣй Александровичъ, что и красный цвѣтъ самъ по себѣ можетъ доставить вамъ удовольствіе? Будьте послѣдовательны! Если какое-нибудь *sol* въ голосѣ m-me Зембрихъ васъ способно такъ восхищать и переносить на седьмыя небеса, то отчего же и полотно, сплошь покрытое какимъ-нибудь этакъ карминомъ, не сдѣлаетъ съ вами того же?! Восхищаетесь sol'емъ, восхищайтесь и карминомъ!

— И восхищаемся, и восхищаемся! — воскликнули въ одинъ голосъ Муся, Сергѣй и Петръ Михайловичъ. И Сергѣй прибавилъ тотчасъ: — Только опять вы невѣрно выдержали сравненіе,

Александръ Андреевичъ. Полотно, покрытое карминомъ, врядъ-ли меня перенесетъ на седьмое небо, точно такъ же, какъ врядъ ли Петръ Михайловичъ будетъ восхищаться, если Зембрихъ цѣлый концертъ будетъ тянуть одно *sol*, какъ бы оно ни звучало. Но если случайно проходя подъ окномъ гдѣ-нибудь въ Италіи (какъ мнѣ не разъ случалось), услышишь этакую итальянскую бархатную ноту, то совершенно независимо отъ того, что и кто это поетъ, мнѣ будетъ такъ же пріятно, какъ мнѣ пріятно иногда, проходя мимо Кнопа или Брисака увидать въ окнѣ платокъ или матерію хорошаго темно-краснаго или золотистаго цвѣта. Просто пріятно для глаза!

— Идите дальше,—сказалъ Рубцовъ,—и скажите, что вы будете восхищаться и облаченіемъ какого-нибудь средневѣкового палача: „пріятное-молъ пятно для глаза", а что тутъ этотъ красный цвѣтъ означаетъ, это вамъ все равно-съ!

— Александръ Андреевичъ! батенька! зачѣмъ эти пересолы? —мягко вступился Бобринъ.—Я думаю, еслибы мы съ вами были гугенотами или гуситами, и при насъ пытали бы нашего единовѣрца,—намъ и въ голову не пришло бы замѣтить, какого цвѣта кафтанъ палача, будь онъ самаго расчуднаго „rouge de Chine" или „carroubier". Ну, а какъ мы съ вами живемъ, слава Богу, въ XIX столѣтіи, и казнь гугенотовъ увидимъ только развѣ на картинѣ Матейки или нашего Якобія или Гуна, то, право, мнѣ очень пріятно, если этотъ кафтанъ будетъ такого хорошаго краснаго цвѣта, какъ вотъ платокъ у Кнопа, да написанъ такъ, какъ, напр., извѣстный красный пажикъ Харламова.

Рубцовъ только плечи подымалъ и строилъ презрительныя гримасы.— Удивляюсь!!

— И точно также,—продолжалъ Бобринъ,—мнѣ пріятно слышать это *sol* Зембрихъ: и звучитъ оно прелестно, и беретъ его она умѣло, и даже—благо Зембрихъ въ этомъ случаѣ такой отличный примѣръ—даже передаетъ она имъ то самое настроеніе и чувство, котораго хотѣлъ авторъ, и не погрѣшаетъ противъ музыкальной фразы, которую это *sol* оканчиваетъ.

— А вѣдь я знаю, когда Александру Андреевичу coute qui coute понравится и цвѣтъ какой хотите, и звукъ тоже!—сказала Муся немного лукаво.—Если картина изображаетъ бѣдную, развалившуюся хижину, на порогѣ сидитъ мужикъ въ красной дырявой рубашкѣ и глядитъ, какъ урядникъ уводитъ его послѣднюю корову,—за эту картину Александръ Андреевичъ горой, въ ней все будетъ хорошо, и рубашка окажется удивительной. Или взять, напримѣръ...

— Да-съ, барышня, мнѣ дороже и важнѣе, когда мнѣ изобразятъ моего Архишку, а не вашихъ раззолоченныхъ пажей!

Муся засмѣялась.—Вотъ и попались, Александръ Андреевичъ! То-то и я говорю: коли вамъ Архишку вашего какого-то напишутъ—все хорошо, хоть бы руки и ноги у него были нарисованы криво, лицо пестрое. А если пажа въ бархатной шапкѣ—все худо! А намъ съ дядей одинаково важно, если напишутъ хорошо Архишкину рубашку или pourpoint пажика...

— Позвольте, позвольте!

— Да, да, мы непремѣнно будемъ довольны и счастливы, если художникъ, изображая отчаяніе мужика, напишетъ это ярко, гармонично по краскамъ и хорошо нарисуетъ. А за одно хорошее письмо бархатной шапочки я, конечно, не превознесу художника до небесъ, и желала бы увидѣть такъ хорошо написанною не непремѣнно раздирательную, но правдивую, глубоко понятую сцену изъ жизни, все равно—печальную или веселую.

Петръ Михайловичъ давно уже скучалъ этимъ споромъ. Онъ считалъ Рубцова человѣкомъ умнымъ и въ его этнографической спеціальности даже очень талантливымъ, но абсолютнымъ профаномъ въ искусствѣ; заносчивость его сужденій и мнѣній просто утомляла Бобрина. А все, что говорили Сергѣй и Муся, хотя Петръ Михайловичъ совершенно раздѣлялъ ихъ взгляды, было такъ давно имъ передумано, что проходило мимо его вниманія, почти не задѣвая его. Ходя взадъ и впередъ по гостиной, онъ увидѣлъ, что Мюнстеръ сидитъ одинъ: Марью Петровну зачѣмъ-то позвали въ столовую.

Петръ Михайловичъ давно замѣтилъ, что между Мюнстеромъ и Мусей что-то есть, но насколько это было серьезно, онъ не зналъ. (Это было первый разъ, что Муся сама ничего ему не говорила—и онъ ее не хотѣлъ спрашивать). Павла Васильевича онъ тоже совсѣмъ не зналъ, такъ какъ ему рѣдко или почти никогда не приходилось говорить съ нимъ: молодежь почти всегда проводила время въ комнатахъ Муси. Но такъ какъ Бобринъ зналъ свою умницу Мусю и былъ убѣжденъ, что чѣмъ-нибудь ничтожнымъ и пустымъ она не могла интересоваться, то совершенно безсознательно привыкъ считать Мюнстера человѣкомъ неординарнымъ и хорошимъ.

— Правду вѣдь мы говоримъ?—сказалъ Петръ Михайловичъ, взявъ Павла Васильевича подъ руку и идя съ нимъ въ столовую вслѣдъ за Мусей, которой Тимоѳей только-что доложилъ, что кушать подано.

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ Мюнстеръ, смущаясь и

точно пугаясь чего-то. Хотя съ Мюнстеромъ Бобрину ни разу не пришлось говорить о чемъ-нибудь мало-мальски серьезномъ, но онъ замѣтилъ въ немъ эту странную манеру, при всей его самоувѣренности, пугаться всякаго прямо къ нему обращеннаго вопроса. Эта манера была ужасно непріятна Петру Михайловичу и въ свою очередь заставляла его бояться чего-то въ будущемъ. И эта боязнь была такъ невыносима, что Петръ Михайловичъ тотчасъ начиналъ передъ кѣмъ-то оправдывать Мюнстера и успокоивать самого себя: „это мнѣ такъ показалось, это такъ, нервность, можетъ быть, или что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ *все-таки* хорошій человѣкъ навѣрное".

— Совершенно вѣрно,—смѣлѣе подтвердилъ Мюнстеръ.—Я всегда думаю, что теперь художники ударились въ крайній реализмъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ... если не будетъ идеаловъ, если мы... если они намъ не будутъ давать чего-нибудь успокаивающаго, пріятнаго, то, то...—Мюнстеръ сталъ путаться въ словахъ, не встрѣчая никакой поддержки со стороны Бобрина. А Петръ Михайловичъ, глубоко вздохнувъ, точно перенеся что-нибудь очень непріятное, сказалъ немножко сухо:

— Это вы уже говорите о другомъ: вы касаетесь вѣчно спорнаго вопроса о реальномъ и идеальномъ въ искусствѣ. Мы же говорили...

— Собственно я хотѣлъ сказать, что я страшный поклонникъ реализма...—Я полагаю, что... Напримѣръ, я очень люблю Ефимова... его картины...

Петръ Михайловичъ не далъ ему договорить.—Не угодно ли закусить? Марья Петровна, вѣдь это домашніе?—обратился онъ къ ней, указывая на рыжички.—Попробуйте, Павелъ Васильевичъ, всѣ хвалятъ. Я, признаться, не охотникъ до нихъ. А вотъ икра, „foie gras"... Не угодно ли?—И Петръ Михайловичъ подошелъ къ вновь спорившимъ о чемъ-то Глуховскому и Рубцову, оставивъ на полу-словѣ Мюнстера.

— „Ай, ай, батенька, да ты совсѣмъ плохъ!"—думалъ Петръ Михайловичъ. „Путаешься въ словахъ, боишься сказать свое мнѣніе, точно лебезишь... Ахъ, что-то неладно". — И опять Петръ Михайловичъ испугался своихъ мыслей и поспѣшилъ заговорить съ Сергѣемъ и Рубцовымъ о новомъ, только-что прошедшемъ въ государственномъ совѣтѣ, законѣ.

Муся, хотя и разсердилась въ гостиной на Мюнстера, теперь, увидѣвъ его смущеніе и тѣнь неудовольствія на лицѣ дяди, какъ-то сразу схватила смыслъ этой сцены, неслышаннаго ею разговора и даже точно поняла, что думалъ Петръ Михайловичъ.

— „И зачѣмъ, зачѣмъ эти вѣчные споры, и разговоры и мнѣнія?!“—подумала она, тоже вдругъ испытывая непріятное чувство недовольства и униженія за кого-то, тоже стараясь что-то оправдать и что-то отгоняя изъ своихъ мыслей.—„Точно нельзя, чтобы прямо *такъ* было хорошо, безъ всякихъ мыслей и убѣжденій, безъ всего этого!“—капризно говорила она себѣ.—„Я его люблю, и онъ меня тоже, ну и не все ли равно, что̀ онъ тамъ думаетъ и говоритъ. Вонъ Дмитрій Неридовъ не докапывается же до того, подходитъ ему Ольга или нѣтъ, и все-таки они счастливы, и все хорошо. А дядя вѣчно на все такъ серьезно смотритъ. Да и я тоже хороша: отчего это я такъ не люблю и боюсь, когда они начинаютъ говорить, точно Павелъ долженъ держать экзаменъ и даже точно онъ провалится. И онъ этого тоже боится. Ахъ, какъ это все странно и глупо и какъ непріятно! Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, чтобы мнѣ все портили!“

И уже безсознательно оканчивая свою мысль рѣшеніемъ во что бы то ни было помѣшать вновь говорить дядѣ съ Мюнстеромъ, Муся тотчасъ стала приводить въ исполненіе эту мысль,—и съ веселымъ и рѣшительнымъ видомъ, которымъ она точно хотѣла сказать: „ничего, молъ, я за Павла не боюсь, и мнѣ все равно, что̀ вы тамъ находите“,—она перешла черезъ столовую и попросила Мюнстера положить ей на тарелку икры.—Сами мнѣ и принесите, я васъ посажу подлѣ себя!—добавила она небрежно и смѣло.

Въ ту минуту, когда всѣ уже садились за столъ, раздался звонокъ, и въ столовую вошли Саша Муранскій и Нина Бергъ со своей младшей сестрой Любочкой, прехорошенькой черненькой дѣвочкой, такой миніатюрной и граціозной, что она казалась маленькой куколкой-женщиной и вовсе не производила впечатлѣнія подростка. А ей было едва тринадцать лѣтъ—cet âge malheureux, какъ говорила Марья Петровна. Любочка была почти влюблена въ Мусю, восхищалась ею въ глаза и за глаза и постоянно упрашивала сестру взять ее съ собою, когда та ѣхала къ Муранскимъ.

— Муся!—прокричалъ Саша еще изъ дверей.—Это ты меня благодари, что Нина Михайловна и m-lle Люба пріѣхали. Это я уговорилъ ихъ.

Барышни расцѣловались. Муся усадила Любочку подлѣ себя, а Нину подлѣ Глуховского: они всегда съ особенной симпатіей отзывались другъ о другѣ, на дѣлѣ подтверждая французскую пословицу. Муся встрѣтила своихъ подругъ любезно и радостно. Но какъ она ихъ ни любила, а ихъ пріѣздъ прибавилъ еще без-

покойства и досады Мусѣ; съ самаго ея возвращенія изъ гимназіи все сегодня точно сговорилось огорчать ее. Ей непремѣнно, непремѣнно надо было поговорить съ Мюнстеромъ, и она разсчитывала на шумъ обѣденнаго разговора, а теперь нельзя было и думать объ этомъ. Муся съ веселой улыбкой слушала болтовню Любочки о ея поступленіи въ ту же гимназію, гдѣ училась ея „милая, прелестная Мишенька", а сама въ то же время въ двадцатый разъ съ мучительною болью спрашивала себя: „Отчего Мюнстеръ послѣ того разговора въ оперѣ, въ среду, во время котораго они въ первый разъ окончательно и серьезно поговорили о своей любви и о его намѣреніи сдѣлать формальное предложеніе Петру Михайловичу,—отчего Мюнстеръ не былъ у Гирѣевыхъ въ субботу, гдѣ зналъ, что будетъ она? (Въ эту субботу онъ какъ разъ хотѣлъ говорить съ ней о чемъ-то особенно серьезномъ, о чемъ не рѣшился говорить въ театрѣ, и не пріѣхалъ). Отчего не пришелъ онъ и къ нимъ цѣлую недѣлю почти съ того счастливаго дня? И какъ могъ онъ сегодня такъ странно, такими неважными причинами объяснять свое отсутствіе? „Точно 156 разъ онъ не умѣлъ придумывать разные предлоги и причины бывать тамъ, гдѣ бывала она, встрѣчать ее вездѣ и постоянно, вѣчно говорить съ ней и говорить о своей любви, пока въ среду и она ему не отвѣтила тѣмъ же. А тутъ вдругъ какія-то правила помѣшали?!

Но Петръ Михайловичъ съ дѣтства пріучилъ Мусю „не навязывать своей душевной жизни другимъ"—и Муся, перемогая свою боль и безпокойство, любезно хозяйничала вмѣстѣ съ Марьей Петровной, болтая съ барышнями.

Послѣ обѣда всѣ старшіе перешли пить кофе въ гостиную, а молодежь, къ которой вскорѣ присоединились вновь пришедшіе Юрочка Бергъ и Острожскій, остались въ столовой. Открыли настежъ окна и усѣлись пить кофе, глядя на свѣтлое небо и на высыпавшій на улицу, обрадовавшійся теплу, людъ.

Муся теперь была спокойнѣе. „Вѣдь вотъ я подчиняюсь же правиламъ, разыгрываю роль милой хозяйки; такъ чѣмъ же онъ виноватъ, что и ему пришлось подчиниться хоть глупымъ, но держащимся у насъ правиламъ?"—утѣшала она себя.

Юрочка, на перебой съ Сашей, разсказывалъ о вечерѣ, на которомъ вчера дирижировалъ, и они оба взапуски представляли танцовавшихъ тамъ молодыхъ людей и дамъ.

— Нѣтъ, особенно одна тамъ была хороша! Муся, вообрази нашу m-lle Rosalie, но еще въ десять разъ худѣе, и, представь, ей пришлось дѣлать „figure papillon". Ну, не papillon", а паукъ

да и только! Или—еще вѣрнѣе—„наѣздникъ", который лапами „косить", знаешь?

— Ахъ, mesdames, кстати о насѣкомыхъ: mademoiselle Гирѣева (она тамъ была) мнѣ разсказывала, что когда она была маленькой, то постоянно сажала мухъ и жуковъ на булавки, и—„это такъ смѣшно, какъ они вертятся!"—докончилъ Бергъ съ гримасой.—Это божественная-то, небесная красавица! Ужъ молчала бы!

— Она, можетъ быть, любила естественныя науки и дѣлала эти прелестные опыты съ научной цѣлью?—со смѣхомъ спросилъ Сергѣй, сидѣвшій на окнѣ. Онъ ушелъ изъ гостиной, такъ какъ ему хотѣлось поглядѣть поближе на новый кружокъ Муси, а также и потому, что къ Петру Михайловичу собрались гости, многіе совсѣмъ Сергѣю незнакомые, а изъ прежнихъ была только m-me Вешнина, но ее онъ терпѣть не могъ.

— Какая тамъ любовь къ наукѣ!—перебилъ Саша.—Да не въ томъ дѣло. Можетъ быть, и всѣ мы это дѣлали по глупости и грубости, когда были мальчуганами. А только говорить объ этомъ такъ весело, да еще барышнѣ, да еще такой красавицѣ!?!

— А развѣ красавицы обязательно должны говорить только все прекрасныя, умныя вещи?—спросила Нина. Она была ни хороша, ни дурна, поэтому ее нельзя было заподозрить ни въ пристрастіи, ни въ строгости къ красавицамъ, но тонъ ея вопроса заставилъ всѣхъ обернуться. Саша смутился.

— Ниночка Михайловна, не придирайтесь! не губите бѣднаго офицера въ конецъ!—дѣлая плаксивую физіономію, возразилъ онъ.—Вотъ что я вамъ лучше скажу: мы вчера возвращались съ Юркой часовъ въ пять, и это была такая прелесть! такая прелесть! Тихо, тепло, свѣтло, и ни души. Я пожалѣлъ-съ, что вы не были съ нами!

— Ну, ну, не замазывайте!—прервала его Нина.—А вотъ что, Муся, не пойти ли намъ всѣмъ гулять сегодня? Хочешь?

Всѣ нашли это отличной идеей. Муся слабо вспыхнула.

— Вы, конечно, тоже пойдете, Павелъ Васильевичъ?—сказала она почти утвердительно, заранѣе радуясь услышать восторженный отвѣтъ.

— Долженъ лишить себя этого удовольствія, Марья Николаевна, и сейчасъ буду просить позволенія откланяться. Я сегодня приглашенъ еще къ однимъ знакомымъ.

— Да-а?—протянула Муся. Она страшно поблѣднѣла.—Что-жъ, очень жаль за васъ,—добавила она холодно.—La soirée est si belle, а вамъ придется сидѣть въ запертыхъ комнатахъ.

Въ ту же минуту она рѣшила, что теперь или никогда она поговоритъ съ нимъ и пойметъ *все это*, и она вдругъ храбро сказала:—Только мнѣ надо сказать вамъ два слова, знаете, по тому порученію Неридова. Дайте вашу руку и пойдемте въ залу!

— Съ особеннымъ удовольствіемъ,—сказалъ Мюнстеръ, ничѣмъ, однако, не показывая этого удовольствія. Онъ тоже поблѣднѣлъ, и его рука, когда онъ положилъ на мѣсто разрѣзной ножикъ, которымъ игралъ, сильно дрожала. Они ушли въ залу.

— Павелъ Васильевичъ! что же это такое, что̀ съ вами дѣлается?—горячо начала Муся, едва они вышли въ дверь. Муся повернулась къ нему и взяла его за руки. Но онъ тотчасъ отодвинулся немного и тихонько отстранилъ ея руку.

— Ради Бога, осторожнѣе, Марья Николаевна, насъ могутъ замѣтить!

— Ну такъ что же?! Пусть замѣчаютъ. Господь съ ними!

— Il faut toujours sauver les apparences!

— Ахъ, Богъ мой, какъ вы объ этомъ заботитесь теперь?! Вы мнѣ скажите,—скажите лучше, отчего вы не были въ субботу, отчего не были у насъ все это время, и какъ вы можете сегодня куда-то ѣхать? Я бы все бросила и осталась бы!

— Вы, Марья Николаевна, слишкомъ увлекаетесь, слишкомъ поспѣшны...

— Что̀-о?!

— Вы слишкомъ мало обдумали этотъ шагъ. Вѣдь мало любить другъ друга, нужно еще имѣть право на это.

Мюнстеръ принялъ очень дѣловой и увѣренный тонъ и началъ пространными, банальными фразами объяснять, что хотя у него и есть состояніе, но недостаточное не то что ужъ для роскошной, а просто—спокойной жизни.—„Вы же такъ привыкли не отказывать себѣ ни въ чемъ“.—По его мнѣнію, нечестно разсчитывать на состояніе жены и вообще дѣлать какіе бы то ни было разсчеты въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ ихъ любовь; онъ долженъ предупредить ее, что имъ предстоитъ тяжелое будущее, что онъ надъ этимъ думалъ всѣ эти дни, и на себя не беретъ рѣшить такой *ужасный* вопросъ.

Мюнстеръ много говорилъ еще на эту и на схожія темы. И чѣмъ дальше онъ говорилъ, тѣмъ тонъ его становился неувѣреннѣе, а фразы запутаннѣе. Муся его не перебивала. Какъ только онъ заговорилъ, она опустилась на стулъ около рояля и неподвижно сидѣла, прислонясь плечомъ къ спинкѣ стула и опустивъ голову. По временамъ она только взглядывала на Павла Васильевича. Наконецъ, Мюнстеръ замолчалъ. Муся тоже молчала.

— Что же, Марья Николаевна, вы мнѣ хотѣли, кажется, что-то сказать?

— Я?—Нѣтъ. Т.-е. я хотѣла васъ спросить... Теперь *я знаю*, что мнѣ нужно было... Ну, и что же вы рѣшили?

— Я ничего не могу рѣшать въ этомъ дѣлѣ.

— Вы *не можете*? Въ *этомъ дѣлѣ*? *Вы*?—Муся долго съ горькой насмѣшкой и злобой смотрѣла ему въ лицо. Вдругъ что-то въ ея лицѣ дрогнуло, въ глазахъ сверкнуло, она быстро отвернулась и, наклонясь надъ фортепьяно, начала что-то тихонько играть. Потомъ громче, смѣлѣе. Послышались рѣзкіе ритмическіе удары марша „Давидсбюндлеровъ".

— Ну-съ, а вы, Марья Николаевна?—спросилъ Мюнстеръ уже опять своимъ обычнымъ самоувѣреннымъ тономъ.

Муся остановилась. Ея лицо было совсѣмъ спокойно, почти весело.—Извините меня, пожалуйста, Павелъ Васильевичъ, что я такъ неосторожно позволила себѣ обращаться съ такою „глубокою и святою вещью, какъ любовь". Вы правду сказали: *любить другъ друга еще мало*,—тутъ многое надо другое. Ну, а такъ какъ вѣкъ нашъ такой практическій и прозаическій (c'est banal, mais tout le monde le dit, et j'estime tant les on-dit,—подчеркнула она иронически), то и я скажу: такая скромная доля меня пугаетъ, и я не хочу заставлять васъ до смерти мучиться угрызеніями совѣсти, что загубили мою жизнь. Поэтому я беру свое слово назадъ.

Мюнстеръ вздрогнулъ. — Марья Николаевна, я не тороплю васъ, вы подумайте хорошенько...

— Нѣтъ, я хорошо это обдумала и не измѣню своего рѣшенія.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что мы останемся друзьями?

— А развѣ мы друзьями были?—Муся вдругъ вспомнила обѣдъ, лицо Петра Михайловича и вслѣдъ затѣмъ Сергѣя, и его всегдашнюю откровенность, и свои споры, и разговоры съ нимъ, постоянное сходство ихъ вкусовъ и мнѣній.—Нѣтъ, извините меня, Павелъ Васильевичъ:—еще любовью или подобіемъ любви можно *это все* назвать, но дружбой?.. О, нѣтъ, нѣтъ! Да и къ чему намъ быть друзьями? Я даже попрошу васъ не бывать у насъ больше.

— Но почему же?

— Это будетъ во всякомъ случаѣ удобнѣе для насъ обоихъ. Однако, вамъ, вѣроятно, пора идти,—добавила Муся, и голосъ ея дрогнулъ.—Будьте счастливы. Прощайте!—Она пожала его руку и тотчасъ опять стала играть.

Мюнстеръ постоялъ.—Мнѣ остается только удалиться, Марья Николаевна!

Муся улыбнулась и наклонила голову въ знакъ согласія. Мюнстеръ еще постоялъ.

— Честь имѣю кланяться!—онъ поклонился совершенно оффиціально и пошелъ въ гостиную, чтобы проститься съ Петромъ Михайловичемъ, но съ полдороги вернулся.

— Марья Николаевна, вините самое себя, если потомъ пожалѣете,—сказалъ онъ съ какой-то угрозой.—Помните: вы сами рѣшили, вы сами это сдѣлали!

— Помню,—сказала, опуская голову, Муся тихо, но твердо и не останавливаясь въ игрѣ.

— Помните, Марья Николаевна, *вы сами!*

— Помню,—сказала Муся гораздо тише, и руки ея упали на колѣни. Она наклонила голову еще ниже. И вдругъ, точно встряхивая что-то, гордымъ движеніемъ подняла ее.

Мюнстеръ прошелъ въ гостиную. Въ дверяхъ противъ рояля стоялъ Сергѣй; онъ слышалъ только послѣднія слова Мюнстера и съ испугомъ смотрѣлъ въ отчаянное, блѣдное лицо Муси.

— Что вы тутъ дѣлаете?

Муся ему не отвѣтила на вопросъ.

— Сергѣй Александровичъ, помните, какъ онъ это игралъ?—спросила она, въ свою очередь, и начала „Warum“. Но съ каждымъ тактомъ черная головка все ниже опускалась, и горячія слезы, какъ свѣтлый дождь, падали на прелестныя маленькія руки. Муся хотѣла второй разъ начать вторую половину, но уже ничего не видѣла отъ слезъ. Въ груди и въ горлѣ что-то билось, и съ подавленнымъ рыданіемъ, зажимая ротъ рукою, Муся прижалась мокрымъ лицомъ къ холоднымъ клавишамъ.

— Голубушка, Миша, что съ вами?—Сергѣй ласково взялъ ее за руку и хотѣлъ приподнять ея голову. Но Муся только все отчаяннѣе рыдала и шептала сквозь слезы: „Отчего, ахъ, отчего, отчего?!“

— Миша, милая, пойдемте скорѣе въ вашу комнату! Сюда всѣ идутъ къ вамъ, пожалуй будутъ васъ просить еще сыграть что-нибудь. (Какъ вы, право, хорошо играть стали!) Пойдемте, птичка моя, успокойтесь, а я скажу, что вы пошли переодѣться или что-нибудь въ этомъ родѣ, — и Сергѣй, бережно продѣвъ Мусину руку подъ свою и стараясь не видѣть дорогое заплаканное лицо своего бѣднаго друга, тихонько провелъ ее до ея комнаты и самъ заперъ дверь.

Теперь онъ вспомнилъ слова Неридова и тѣ немногія слова

Муси о Мюнстерѣ и нынѣшней „чудной зимѣ“, которыя она успѣла ему сказать въ тѣ короткія минуты, что ему удалось поговорить съ нею за всѣ эти дни. Понялъ онъ и только-что слышанное. И когда онъ вернулся въ столовую и, стараясь возможно правдоподобнѣе объяснить отсутствіе Муси, немного черезъ-чуръ оживленно принялся разговаривать,—онъ самъ едва не плакалъ. — „Такъ вотъ оно что! Вотъ въ чемъ дѣло. Ахъ, бѣдная, бѣдная моя, хорошая Мишенька! Милая голубушка, какъ мнѣ тебя жаль!“

Черезъ полчаса пришла Муся въ шляпкѣ и перчаткахъ. Она была блѣдна, но совершенно спокойно сказала, что у нея внезапно разболѣлись зубы, что она приложила хлороформу, все прошло, и ей хочется скорѣе на воздухъ. И всѣ, веселые и оживленные, пошли гулять. Муся была веселѣе и оживленнѣе всѣхъ.

VII.

Кареты за каретами подъѣзжали къ большому дому на Сергіевской, въ которомъ жили Неридовы, и гости, одни за другими, поспѣшно проходили по обитой зеленымъ сукномъ доскѣ и такъ же поспѣшно подымались по ярко-освѣщенной лѣстницѣ, почти на ходу сбрасывая верхнее платье на руки лакеевъ и швейцара. Дамы останавливались на первой площадкѣ и, оправляя платье и прическу передъ трюмо, всѣ неизмѣнно спрашивали: „Что? Еще не пріѣхали?“ —и такъ же неизмѣнно ихъ лица расцвѣтали счастливо-любезной улыбкой, когда онѣ входили въ большую, бѣлую съ золотомъ залу, гдѣ Анна Евграфовна, еще болѣе суетливая и болѣе раздраженная, чѣмъ когда-либо, ожидала пріѣзда молодыхъ изъ церкви, чтобы на порогѣ благословить ихъ. Она то садилась на одинъ изъ золотыхъ, обитыхъ золотистымъ же атласомъ, стульевъ, пододвинутыхъ къ столу, на которомъ стояли иконы, прислоненныя къ караваю хлѣба, то посылала Лену или miss Buttler поглядѣть, всѣмъ ли распорядился Лукичъ.

Этотъ бывшій деньщикъ покойнаго Неридова игралъ въ домѣ Анны Евграфовны роль фактотума. Онъ съ одинаковымъ усердіемъ и умѣніемъ служилъ за столомъ, когда не было другого лакея, покупалъ барышнѣ кисти и краски, исполнялъ всѣ порученія барыни, начиная отъ покупки лошадей и кончая фунтомъ шоколада или даже аршиномъ лентъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда

на кухнѣ шли препирательства, кому бѣжать за забытою любимою булкой барыни къ чаю, Лукичъ своимъ всегда мрачнымъ голосомъ произносилъ: „Ну! Дарья! Давай корзинку, я живо слетаю". Онъ со всѣми вѣчно бранился, постоянно доставлялъ массу безпокойства и разстройства барынѣ, и разъ десять она собиралась разстаться съ нимъ—и всегда онъ оставался, такъ какъ Анна Евграфовна слишкомъ хорошо знала его преданность, всѣ его неоцѣненныя качества для дома, не говоря уже о томъ, что любила его изъ-за памяти мужа. Лукичъ не отказывался никогда ни отъ какого дѣла, точно такъ же, какъ не пропускалъ дня, чтобы не сцѣпиться съ кѣмъ бы то ни было, и всякое торжество въ семействѣ справлялъ грандіозной выпивкой.

Понятно, что Анна Евграфовна особенно безпокоилась о томъ, какъ и чѣмъ распорядился Лукичъ, и каждую минуту вызывала изъ гостиной и посылала къ нему дочь или гувернантку.

Потомъ Неридова подходила къ окну, взглядывала на подъѣзжавшія кареты, опять возвращалась къ столу, нервно одергивая свою кружевную мантилью, заговаривала со спокойно-ожидавшей Прасковьей Львовной, съ сердцемъ отвѣчала на шутки желавшаго развеселить ее Бобрина и ужасно безпокоилась, какъ бы посаженый, крестный отецъ Дмитрія, Иванъ Степановичъ Вешнинъ, не ушелъ изъ комнаты и не прозѣвалъ бы пріѣзда молодыхъ. Это былъ худенькій, средняго роста старичокъ съ чрезвычайно мягкими и любезными манерами и съ Владиміромъ на шеѣ. Онъ неслышными шагами, заложивъ руки за спину, ходилъ по залѣ, заглядывалъ всякій разъ, проходя мимо двери большой гостиной, что дѣлала его величественная супруга Александра Семеновна, рожденная графиня Реверсъ и нѣкогда красавица, а теперь дама, извѣстная своею благотворительностью и нарядами. А поравнявшись съ зеркаломъ, Иванъ Степановичъ всякій разъ оправлялъ свой бѣлый галстухъ и орденъ.

Лена немножко презрительно выслушивала опасенія Анны Евграфовны, что, чего добраго, Лукичъ позабудетъ тотчасъ послѣ шампанскаго подать конфекты, а потомъ уже чай,—шла, однако, не сказавъ ни слова, исполнять приказаніе матери, потомъ возвращалась въ гостиную и съ прежнею холодною любезностью принимала все прибывавшихъ гостей.

Наконецъ, въ дверяхъ залы показались молодые. Дмитрій былъ видимо тронутъ и взволнованъ только-что окончившейся церемоніей. Ольга ослѣпительно-прекрасна въ своемъ бѣломъ нарядѣ и спокойна, какъ всегда.

— Иванъ Степановичъ! Иванъ Степановичъ, скорѣе!—раз-

дался скрипящій, точно сердитый голосъ Неридовой. Она суетливо взяла каравай, своей нервной, быстрой походкой перешла черезъ залу и дрожащими руками подняла хлѣбъ надъ головами ставшихъ на колѣни новобрачныхъ.

— Не такъ, не такъ, Анна Евграфовна! — тихонечко остановилъ ее Вешнинъ. — Прежде я долженъ. — И съ растроганной улыбкой на добромъ, сморщенномъ лицѣ онъ медленно и торжественно три раза благословилъ иконой наклоненныя головы Дмитрія и Ольги. За нимъ Анна Евграфовна поспѣшно и смущенно перекрестила ихъ хлѣбомъ и передала его Ивану Степановичу, взявъ отъ него икону. Потомъ благословили молодыхъ и Прасковья Львовна съ Бобринымъ.

Дмитрій со слезами на прекрасныхъ глазахъ, не говоря ни слова, крѣпко прижалъ къ себѣ Ивана Степановича, мать, Гирѣеву, бросился обнимать сестру и miss Buttler. Ольга почтительно поцѣловала руку матери и Неридовой, подставила свою свѣжую щечку Вешнину, съ улыбкой расцѣловалась съ Леной и протянула длинную, тонкую руку miss Buttler, въ то же время оглядывая складки своего шлейфа.

Со всѣхъ сторонъ, съ бокалами въ рукахъ, подходили родные и гости. Александра Семеновна въ великолѣпномъ платьѣ, полосами переливавшемся, какъ сторублевая бумажка, изъ ярко-оранжеваго въ розоватое, потомъ въ блѣдно-голубое и опять въ розоватое и ярко-оранжевое, вся сіяя безсчисленными брилліантовыми звѣздами, бабочками и каплями — поцѣловала въ темную голову Дмитрія, наклонившагося надъ ея рукой, и со своей покровительственной манерой одобрила его вкусъ: „Elle est vraiment charmante, ta jeune épouse“. Дмитрій счастливо улыбнулся и еще разъ поцѣловалъ перчатку Вешниной. Марья Петровна, сладко улыбаясь, подошла его поздравить. M-me Рыбасова съ дочкой долго и съ чувствомъ желали ему счастья. Дмитрій зналъ, что маменька мечтала выдать за него свою Маничку и, навѣрное, теперь безъ всякаго удовольствія поздравляла его, — но онъ не подумалъ этого, а, напротивъ, почувствовалъ вдругъ искреннее расположеніе къ этой некрасивой и прежде такой несимпатичной ему барынѣ; ему показалось, что никто такъ тепло не отнесся къ его счастью, какъ она. Потомъ подошелъ шаферъ Ольги, Боде, очень изящный и блестящій офицеръ, говорившій всегда необыкновенно закругленными фразами. Мюнстеръ, только-что убѣгавшій съ miss Buttler въ „большую столовую“, чтобы тамъ спрятать какой-то сюрпризъ для невѣсты, заставилъ молодыхъ поцѣловаться и разбилъ свой бокалъ. Саша Муранскій — третій

шаферъ Неридова, едва не задушилъ его, выражая свою радость. Подошли Керны, Петринъ съ женой—родственники Гирѣевыхъ. Высоцкій, бывшій также шафером Ольги,—сказалъ какую-то любезность, напоминавшую нѣмецкіе поздравительные билетики. Юрочка Бергъ такъ стремительно подлетѣлъ къ невѣстѣ, что столкнулся съ Павломъ Мюнстеромъ и опрокинулъ свой бокалъ на шлейфъ голубого платья Лены „Quelle adresse!"—сказала Лена и тотчасъ, безъ тѣни неудовольствія въ лицѣ и голосѣ, улыбаясь, прибавила въ утѣшеніе сконфуженному молодому человѣку:— „Это хорошій знакъ! хорошо было бы даже, еслибы вы совсѣмъ уронили бокалъ и онъ разбился бы нечаянно. Cela porte bonheur".—И не спѣша, она стала помогать Мюнстеру и Дмитрію вытирать залитыя сладкимъ виномъ газовыя и шелковыя складки и оборочки.

Потомъ подходили еще родные, знакомые и незнакомые. Дмитрій чокался, кланялся, цѣловалъ дамамъ ручку, обнимался съ товарищами, представлялъ Ольгу своимъ знакомымъ и раскланивался передъ тѣми изъ ея родныхъ, которымъ она его представляла.

Онъ не могъ бы сказать, радовала или раздражала его эта разряженная, любезно-улыбавшаяся ему толпа. Онъ ничего не думалъ, но не могъ дать себѣ и отчета ни во всемъ окружающемъ, ни въ томъ, что онъ самъ дѣлалъ во весь этотъ вечеръ, отвѣчалъ ли онъ впопадъ, или вовсе молчалъ, или говорилъ что-нибудь несообразное, и всѣ только изъ любезности дѣлали видъ, что не замѣчали этого. Дмитрій ясно видѣлъ и слышалъ отдѣльныя лица и слова; онъ хорошо разглядѣлъ удивительный подвѣнечный нарядъ своей невѣсты и даже туалеты многихъ дамъ; замѣтилъ, что Прасковья Львовна была черезчуръ тщательно причесана; что Павелъ Мюнстеръ былъ какъ будто не въ своей тарелкѣ; что маленькая Кернъ о чемъ-то ужасно хохотала съ Бергомъ и Муранскимъ, и много еще другихъ, совершенно неважныхъ мелочей замѣтилъ Дмитрій. Но все это было какъ-то ужасно далеко отъ него. По временамъ ему казалось, что онъ совсѣмъ одинъ, и что вокругъ него стоитъ какой-то свѣтлый, звенящій, шумящій туманъ; и туманъ этотъ—самъ по себѣ, а онъ—самъ по себѣ. Даже Ольга исчезала какъ-то въ этомъ сіяющемъ облакѣ. Раза два этотъ туманъ прояснился. Дмитрій услыхалъ, что Глуховской просилъ его написать ему, когда онъ съ женой вернется изъ-за границы, и вообще просилъ писать, а про себя сказалъ, что пріѣдетъ въ Петербургъ будущей зимой, когда надѣется получить новое назначеніе, — и Неридовъ не только умомъ понялъ эти

слова, но понялъ и то, что они *для него лично* значили, искренно обрадовался за своего друга и за себя. Потомъ Муся такъ хорошо пожала его руку, и въ голосѣ ея было столько искренняго чувства, когда она сказала: „Желаю вамъ счастья, голубчикъ Дмитрій Алексѣевичъ!“—что Неридовъ еще разъ очнулся отъ тумана и опять сказалъ себѣ: „Какой хорошій человѣкъ эта Муся!“—Но потомъ опять все превратилось въ туманъ и веселый, непонятный, посторонній для Дмитрія шумъ.

Къ десяти часамъ всѣ гости разъѣхались. Остававшіеся Вешнины, Петръ Михайловичъ съ Мусей и шафера пили чай, который за серебрянымъ самоваромъ разливала miss Buttler въ маленькой круглой столовой, увѣшанной по стѣнамъ стариннымъ китайскимъ фарфоромъ—гдѣ Неридовы обѣдали и пили чай, когда у нихъ не было гостей. Ольга ушла переодѣться въ свое дорожное платье. Стоя въ дверяхъ залы, Дмитрій, уже въ сюртукѣ, вполголоса отдавалъ Лукичу послѣднія приказанія относительно передѣлокъ и устройства квартиры, оставляемой сыну Анной Евграфовной; послѣ женитьбы Дмитрія она отдавала ему на руки все его громадное состояніе и хотѣла переѣхать съ дочерью въ болѣе скромную квартиру, какъ и вообще намѣрена была значительно сократить весь свой train. По желанію Дмитрія, всѣми его дѣлами до сихъ поръ управляла она, такъ же какъ и его родовымъ „Неридовымъ“, лежавшимъ въ 12 верстахъ отъ ея личнаго имѣнія „Рябиновки“.

Петръ Михайловичъ внимательно разсматривалъ на стѣнахъ прозрачныя чашечки, исторію которыхъ ему разсказывала Лена. Бобринъ былъ сегодня лишь во второй разъ у Неридовыхъ, но такъ сошелся и съ матерью, и съ дочерью, что говорилъ теперь съ молодой дѣвушкой какъ со старой знакомой. Онъ разспрашивалъ ее о ея занятіяхъ рисованіемъ, о путешествіи, которое она сдѣлала съ матерью по Италіи и въ Каиръ,—и мало-разговорчивая Лена оживилась, разсказывая ему о какой-то старинной мечети, даже пошла въ свою комнату и принесла оттуда альбомъ съ акварельными видами Египта и два-три эскиза масляными красками. Муся попросила у Анны Евграфовны позволенія встать и подошла къ дядѣ.

— Какъ вы хорошо рисуете, Елена Алексѣевна! Я не воображала, что вы такъ много занимаетесь рисованіемъ,—сказала Муся.

— Отчего не воображали?—поднимая на нее свои красивые, холодные глаза, спросила Лена.

— Да такъ!—отвѣтила Муся и смутилась. Ея отвѣтъ былъ крайне неуменъ, но она не могла бы отвѣтить иначе. Не могла же она сказать Ленѣ, что та ей кажется такой спокойно-равнодушной ко всему на свѣтѣ, а все, что она дѣлаетъ и говоритъ, для нее такъ безразлично, что Муся никакъ не могла предположить въ ней страсть или талантъ къ чему бы то ни было.

Лена улыбнулась, а самолюбивая Муся разсердилась на себя за свои слова.—Я только хотѣла сказать, что никакъ не думала, чтобы вы могли чѣмъ-нибудь очень увлекаться,—добавила Муся, смѣло выговаривая свою мысль.

Лена опять улыбнулась.—Оттого что я такая неподвижная, да? Зачѣмъ же непремѣнно показывать свои увлеченія? А впрочемъ, можетъ быть я и не увлекаюсь рисованіемъ, а просто это доставляетъ мнѣ единственное удовольствіе. Чѣмъ же бы я занималась, кромѣ этого?

Муся съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.—„Какъ это она такъ опредѣленно и точно досказываетъ до конца?..—подумала она.—Я бы не могла. И какая она?! Она не такая, какъ Ольга, или Мельникова, которыя *всѣ* и всегда высказываются своими словами, такъ что сразу знаешь, что болѣе того, что онѣ сказали, въ нихъ ничего и нѣтъ. Она и не такая, какъ я, или какъ дядя, и даже не такая, какъ Дмитрій Алексѣевичъ. Мы говоримъ откровеннѣе, прямѣе, а всегда много остается такого, чего мы досказать не можемъ, что-то неясное, неточное. И въ то же время меня, напримѣръ, какъ-то сразу можно узнать. А у нея все такъ просто и опредѣленно, и точно она ни надъ чѣмъ глубоко не задумывается, а живетъ себѣ такъ, какъ живется—и все-таки ее никакъ нельзя узнать сразу. Пожалуй она лучше насъ всѣхъ и правѣе насъ? А можетъ быть, въ ней чего-то недостаетъ, и она вся исчерпывается своими словами? И отчего это я никакъ не могу узнать, какая она именно?“

Муся вернулась къ чайному столу и сѣла на свое мѣсто между Боде и Неридовымъ.

— Ну что же, Марья Николаевна?—сказалъ ей вполголоса Дмитрій, теперь точно очнувшійся отъ волшебнаго сна и со своей всегдашней открытой улыбкой обращаясь къ Мусѣ: — Что же, я надѣюсь, что вы Павлу прочли хорошую Gardinenprädigt за субботу. (Я слышалъ, что онъ былъ у васъ вчера). Вы пожалуйста, милая барышня, поскорѣе возьмите его въ свои бархатныя лапки, — и я надѣюсь, что вы позовете меня вотъ въ такой же день, какъ сегодня.

Муся испуганно посмотрѣла на Дмитрія.—Вы что-нибудь знаете, Дмитрій Алексѣевичъ? Или вы просто шутите?

— А что такое? Нѣтъ, я, право, желалъ бы видѣть васъ поскорѣе en couronne de mariée. И какъ бѣлые цвѣты пойдутъ къ вашимъ чернымъ волосамъ!

Муся внимательно мѣшала ложечкой въ чашкѣ, не поднимая глазъ.—Дмитрій Алексѣевичъ!—сказала она наконецъ, стараясь не быть услышанной другими.—Помните, въ субботу я обѣщала вамъ относиться къ вамъ всегда подружески?

— Какъ же! Какъ же!—отвѣчалъ Неридовъ.—И надѣюсь, вы не хотите отказаться отъ...

— О, нѣтъ! напротивъ! Ну, такъ вотъ видите ли,—продолжала Муся шопотомъ, но съ отчаянною храбростью глядя ему прямо въ глаза:—видите ли, о чемъ я васъ попрошу: никогда не говорите ни со мной о Мюнстерѣ, ни съ нимъ обо мнѣ. Никогда не называйте его даже при мнѣ. Это очень странно, но я васъ очень, очень,—какъ настоящаго друга,—объ этомъ прошу. Вы мнѣ очень поможете этимъ.

— Хорошо, хорошо, хорошо!—съ недоумѣніемъ повторилъ три раза Дмитрій, не рѣшаясь спросить ее о причинѣ такой странной просьбы. Но Муся и не ждала его вопроса—и сама тотчасъ прибавила:

— Можетъ быть, вы съ нимъ дружны; тогда это нехорошо, что я говорю вамъ, но вѣдь, вѣдь... я сама его... любила, такъ значитъ могу сказать смѣло... Знаете, онъ очень нехорошій человѣкъ!.. А можетъ быть, просто онъ не любилъ меня, и не зналъ, какъ выпутаться, такъ нарочно постарался наговорить на себя самого дурное, только чтобы я отказалась отъ него,—докончила Муся наивно, невольно поддаваясь и теперь еще желанію оправдать любимаго человѣка.—Ну, все равно, все равно какъ!—остановила она готовый вопросъ Неридова.—Однимъ словомъ, мы разошлись совершенно; даже онъ у насъ больше не будетъ бывать. И пожалуйста,—говорила Муся, чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе и взволнованнѣе, — если вправду вы расположены ко мнѣ, если это не одни слова, пожалуйста никогда не говорите мнѣ про него! И забудьте, забудьте все, что я вамъ, можетъ быть, нечаянно сказала про него когда-нибудь!

Неридовъ съ участіемъ смотрѣлъ ей въ лицо.—Простите меня, ради Бога, что я своей глупой шуткой задѣлъ больную струну. Даю вамъ слово, что никогда даже не упомяну при васъ о... А что касается моей дружбы съ нимъ и того, что вы *мнѣ* не должны будто бы говорить такъ о немъ, то, повѣрьте, я *его знаю*

его по пальцамъ своимъ дорожнымъ вѣеромъ и назвала все это ужасающею лестью и нестерпимою сантиментальностью. Она допускала, чтобы подобные диѳирамбы пѣлись ей въ глаза и за глаза, но они раздражали или смѣшили ее, когда относились къ другимъ. Поэтому она ничуть не разсердилась, когда Мюнстеръ, не смущаясь, перескочилъ черезъ нѣсколько строкъ и, указывая на ея подшпиленную густую косу, съ тѣмъ же паѳосомъ, не останавливаясь, продолжалъ:

„Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела;
Съ тѣхъ поръ какъ міръ лишился рая,
Клянусь! красавица *такая*...“

—онъ почтительно наклонился передъ Ольгой и остановился немного передъ послѣднимъ стихомъ:

„*Подъ нашимъ солнцемъ* не цвѣла!“

– смѣло докончилъ онъ, во-время найдя, чѣмъ замѣнить слова: „подъ солнцемъ юга“.—Ты ужъ прости меня, Дмитрій! но я не виноватъ. La beauté et la poésie sont inséparables. Такъ оно было еще при царѣ Горохѣ,—и ты не долженъ ревновать.

Дмитрій опять немного поморщился, какъ всегда, при подобныхъ плоскихъ шуткахъ и намекахъ. А Ольга весело улыбалась и жеманно увѣряла, что Тамара, была брюнетка, и поэтому она, Ольга, этихъ стиховъ никакъ не можетъ принять на свой счетъ.

На станціи, куда собралось человѣкъ десять самыхъ близкихъ, послѣ второго звонка Мюнстеръ отъ имени всѣхъ шаферовъ поднесъ Ольгѣ прелестную блѣдно-розовую шкатулочку, въ крышку которой было вдѣлано зеркало, окруженное гирляндой розъ.

— Il n'y a que votre image qui peut parer cette boite simplette.

И оба новобрачные, каждый по своему, были искренно счастливы, когда поѣздъ тронулся, унося ихъ за границу.

В. Каренинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I

ЗАТИШЬЕ.

На всемъ безграничномъ просторѣ—
Затишье, полуденный зной
И море, недвижное море
Синѣетъ вдали предо мной...

Заснули утесовъ громады,
Повсюду зловѣщая тишь,
И рѣзкіе крики цикады
Одни оглашаютъ камышъ.

Томящее чувство безсилья!..
Повисли судовъ паруса,
Какъ чайки подстрѣленной крылья...
Вотъ пѣсни мотивъ раздался—

И замеръ... Подъ зноемъ палящимъ
Морская заснувшая гладь
Объята покоемъ мертвящимъ...
Нѣтъ жизни и нечѣмъ дышать!..

Какъ страстно въ мгновенья такія
Я жду освѣжающихъ грозъ,
Я жажду, чтобъ волны морскія
Грядой обступили утесъ;

Чтобъ грозно на синемъ просторѣ
Пронесся, шумя, ураганъ
И съ ревомъ проснулося море,
Какъ сбросившій цѣпи титанъ.

Чтобъ, долго томимая горемъ,
Вольнѣе и шире дыша, —
Съ могучимъ проснувшимся моремъ
Отъ сна пробудилась душа!

II

НА МОТИВЪ

изъ Сюлли Прюдома.

Въ вечернихъ небесахъ таинственно блистая—
Я видѣлъ—звѣздочка зажглася золотая,
Но этотъ яркій свѣтъ
Не долго могъ борьбу выдерживать со тьмою;
Она скатилася, оставивъ за собою
Короткій, но блестящій слѣдъ.

А плошка жалкая, что тлѣла у забора,
Глумясь надъ участью печальной метеора,
Всю ночь дымилася, кругомъ
Распространяя чадъ удушливый, зловонный,
Пока съ разсвѣтомъ дворникъ полусонный
Не раздавилъ ее тяжелымъ сапогомъ...

О. М.

III

ИЗЪ Ф. КОППЕ.

Въ уборной на столѣ лучи косые свѣта
Скользили змѣйкою по золоту браслета,
По чуднымъ яхонтамъ, алмазамъ, жемчугамъ...
И отъ сіянія всѣхъ этихъ ожерелій,
Камеевъ дорогихъ, изъ золота издѣлій —
Мнѣ больно дѣлалось глазамъ!

А рядомъ на окнѣ, забыта въ вазѣ скромной,
Полускрываяся за драпировкой темной
Высокаго окна, —
Какъ будто этотъ блескъ нахальный презирая, —
Большая лилія склонилась, увядая,
Задумчиво блѣдна...

IV.

ПОЭТУ.

На мотивъ изъ Сырокомли *).

Не плѣняйся ни громкою славой,
Ни дешевымъ изъ лавра вѣнцомъ,
Ни похвалъ лицемѣрныхъ отравой;
Не являйся наемнымъ пѣвцомъ
За блестящимъ разнузданнымъ пиромъ
И, въ угоду трусливымъ друзьямъ,
Не склоняйся предъ ложнымъ кумиромъ,
И чужимъ не молися богамъ!

Ты искусства великое знамя
Высоко и достойно держи,

*) Въ январьской книгѣ, стр. 207, подъ стихотвореніемъ: „На мотивъ изъ Сырокомли", О Михайловой, по ошибкѣ явилась подпись: В. Н.—*Ред.*

Да очиститъ священное пламя
Духъ поэта отъ злобы и лжи.
И, какъ сказочный витязь былины,
Что̀ идетъ за „водою живой“
Черезъ рѣки, лѣса и стремнины
Въ зимній холодъ, въ полуденный зной,
Не внимая ни гадовъ шипѣнью,
Ни рычанію дикихъ звѣрей,
Ни русалокъ опасному пѣнью,
Ни могучему реву морей—
Такъ и ты, словно витязь могучій,
Подвигайся безъ страха впередъ...
Пусть скрывается солнце за тучей,
Пусть разросся кустарникъ колючій —
И во тьмѣ онъ дорогу найдетъ!

О. М.

СИБИРЬ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ

III *).

Аббатъ Шаппъ и императрица Екатерина II.

Въ іюнѣ 1761 года ожидалось прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца. „Наблюденіе этого прохожденія,—говорилъ французскій астрономъ Шаппъ д'Отерошъ, — представляло міру въ первый разъ средство опредѣлить съ точностью параллаксъ солнца. Это явленіе, ожидаемое болѣе столѣтія, приковывало къ себѣ вниманіе всѣхъ астрономовъ: всѣ желали раздѣлить его славу. Знаменитый Галлей, возвѣщая о немъ, первый указалъ возможность этого явленія и унесъ въ могилу сожалѣніе, что не могъ быть его свидѣтелемъ. Вся ученая Европа хотѣла содѣйствовать успѣху этого наблюденія. Государи среди разорительной войны не упустили ничего, чтобы обезпечить его успѣхъ; онъ могъ служить эпохой ихъ славы и стать источникомъ величайшихъ выгодъ для ихъ подданныхъ и для человѣчества".

Это явленіе можно было наблюдать особливо въ Россіи, и однимъ изъ лучшихъ пунктовъ былъ Тобольскъ; сюда и была направлена экспедиція, посланная по приказанію короля французской академіей и порученная аббату Шаппу д'Отерошу. Вы-

*) См. выше: апрѣль, стр. 684.

ѣхавши изъ Парижа въ ноябрѣ 1760 года, аббатъ въ началѣ слѣдующаго года былъ въ Петербургѣ, затѣмъ въ апрѣлѣ прибылъ въ Тобольскъ: здѣсь онъ удачно сдѣлалъ свои наблюденія и, проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ Тобольскѣ, возвратился въ Петербургъ и затѣмъ во Францію. Въ Петербургѣ изданъ былъ въ слѣдующемъ, 1762, году его мемуаръ объ астрономическихъ и иныхъ наблюденіяхъ въ Тобольскѣ; затѣмъ онъ употребилъ нѣсколько лѣтъ на обработку разнаго рода свѣденій, собранныхъ имъ о Россіи и Сибири въ теченіе его путешествія, и въ 1768 г. вышло его сочиненіе, надѣлавшее тогда не мало шуму. Довольно извѣстно, что книга аббата Шаппа возбудила большое негодованіе императрицы Екатерины, которой и приписывается опроверженіе, изданное по-французски подъ заглавіемъ: „Antidote“ и пр.; книга эта, составляющая теперь величайшую рѣдкость, хотя и соединяется съ именемъ имп. Екатерины, была у насъ вообще почти неизвѣстна и только недавно сдѣлалась доступной въ русскомъ переводѣ [1]).

Не больше извѣстна и самая книга Шаппа. Это — великолѣпное, по своему времени, изданіе [2]), гдѣ авторъ, не ограничиваясь своимъ путешествіемъ, хотѣлъ дать не только картину Сибири, но и всей русской имперіи, ея географію, исторію, описаніе ея политическаго устройства и управленія, изобразить народные нравы, обычаи и характеръ; изложеніе сопровождается прекрасно награвированными рисунками, картами, планами и т. п.; книга напечатана въ большомъ форматѣ, крупнымъ шрифтомъ, употребительнымъ въ роскошныхъ изданіяхъ. Во главѣ книги являлось повелѣніе короля, по которому исполнено было путешествіе; имя автора подкрѣплялось авторитетомъ французской академіи; наконецъ, это было первое французское ученое путешествіе

---

[1]) „Осьмнадцатый вѣкъ“, Бартенева, т. IV, Москва, 1869, стр. 225—463: „Антидотъ (Противоядіе), полемическое сочиненіе государыни императрицы Екатерины Второй; переводъ съ французскаго подлинника“.

[2]) Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des Russes, et l'Etat actuel de cette puissance; la description géographique etc., le Nivellement de la route de Paris à Tobolsk; l'histoire naturelle de la même route; des observations astronomiques etc., des Experiences sur l'Eletricité naturelle: enrichi de cartes géographiques, de plans, de profils du terrein; de gravures qui représentent les usages des Russes, leurs moeurs, leurs habillements, les divinités des Calmouks etc., plusieurs morceaux d'histoire naturelle. Par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie royale des Sciences. Paris MDCCLXVIII, т. I-й въ двухъ большихъ книгахъ; т. II, заключающій французскій переводъ описанія Камчатки Крашенинникова; наконецъ томъ плановъ, картъ, таблицъ—всего четыре большихъ книги.

въ далекую страну, и тогдашнее значеніе французской литературы доставляло книгѣ обширную публику. На другой годъ вышло въ Амстердамѣ второе, сокращенное изданіе книги, болѣе доступное для массы публики [1]). Но при ближайшемъ знакомствѣ книга Шаппа производитъ довольно непріятное впечатлѣніе, при которомъ становится понятнымъ появленіе „Антидота“. Это было нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ, напримѣръ, путешествіе Гмелина: послѣдній, конечно, не уступалъ въ учености члену французской академіи, — скорѣе превышалъ его въ этомъ отношеніи, а потому умѣлъ остаться на уровнѣ трезваго наблюденія; Гмелину не меньше случалось встрѣчаться съ картинами грубаго быта, которыя могли поражать образованнаго европейца, но у него тѣмъ не менѣе нашлось множество предметовъ для научнаго любопытства. Не таковъ французскій путешественникъ: это гораздо меньше ученый человѣкъ и гораздо больше свѣтскій болтунъ, желающій придать своему разсказу внѣшнюю занимательность, хотя бы при этомъ сообщаемые факты не отличались точностью; въ Россію онъ ѣдетъ съ заранѣе готовыми взглядами: это — дикая страна, на которую онъ смотритъ съ высоты своего салоннаго просвѣщенія, о которой говоритъ почти неизмѣнно въ тонѣ пренебреженія, доходящаго иной разъ до наглости. Впослѣдствіи авторъ „Антидота“ умѣлъ довольно язвительно ловить его на разнаго рода неловкостяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, иной разъ смѣшно читать, какъ аббатъ, являющійся постоянно въ роли ученаго авторитета, кичится своимъ просвѣщеніемъ предъ русскимъ простолюдиномъ, не умѣющимъ понять термометра или астрономическаго инструмента совершенно также, какъ не понялъ бы этихъ вещей и французскій захолустный простолюдинъ. Разсказывая о своемъ путешествіи, аббатъ не упускаетъ случая намекнуть о важности своей собственной особы, которой приходится имѣть дѣло съ такимъ грубымъ народомъ, какъ русскіе, и рядомъ имѣетъ неловкость разсказывать, какъ провинившаяся передъ нимъ прислуга слетала съ лѣстницы отъ его исправительныхъ внушеній. Въ Россіи онъ успѣлъ добыть кое-какіе матеріалы о русскомъ управленіи, кое-какія историческія свѣденія, кое-что узнать о событіяхъ, современныхъ его пребыванію въ Россіи, какъ, напр., о восшествіи на престолъ Петра III и т. п., разсказываетъ обо всемъ этомъ, не очень гоняясь за точностью, но ссылаясь на

[1]) Voyage en Sibérie fait par ordre du Roi en 1761; contenant les Moeurs, les Usages des Russes etc., l'Etat actuel de cette Puissanse etc. par M. l'Abbé Chappe d'Auteroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdam, MDCCLXIX — MDCCLXX, 2 тома. мал. 8°. Вѣроятно контрафакція.

авторитеты Вольтера и Штраленберга. Онъ наблюдаетъ нравы и обычаи, также не гоняясь за точностью и, такъ сказать, готовясь впередъ описывать нѣчто нелѣпое: желаніе быть занимательнымъ побуждаетъ автора вдаваться въ игривыя подробности и въ одномъ мѣстѣ, въ видѣ комментарія, онъ приводитъ цѣликомъ нѣсколько страницъ изъ Бюффона объ анатомическихъ и физіологическихъ особенностяхъ женскаго организма. Собственно о Сибири онъ разсказываетъ, въ этнографическомъ отношеніи, не много и его свѣденія почерпались изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, такъ какъ онъ, не зная языка, долженъ былъ вѣрить тому, что ему разсказывали (авторъ „Антидота“ утверждаетъ, что иное ему разсказывали на смѣхъ), да и по всѣмъ своимъ привычкамъ не былъ способенъ вникать въ тѣ бытовыя особенности, какія могъ встрѣтить. Нѣкоторыя черты замѣчены, впрочемъ, вѣрно, такъ какъ онѣ подтверждаются и другими путешественниками, напримѣръ то, что онъ говоритъ о грубости и испорченности сибирскихъ нравовъ. Точно также не лишены основанія и нѣкоторыя замѣчанія его объ общемъ политическомъ характерѣ русской жизни, и здѣсь въ его отзывахъ отражается, конечно, общее представленіе объ этомъ предметѣ, давно господствовавшее въ Европѣ: онъ отмѣчаетъ безграничный авторитетъ правительственной власти, которую характеризуетъ какъ деспотизмъ; говоритъ объ отсутствіи какой-нибудь общественной свободы, о полномъ порабощеніи народа; о легкости, съ какою совершались дворцовые перевороты XVIII-го вѣка при полномъ безучастіи народа, и тому подобное. Его историческія свѣденія, какъ мы сказали, довольно ограничены, но онъ высоко цѣнитъ Петра Великаго и, бывши въ Петербургѣ еще въ царствованіе Петра III, отдаетъ большія похвалы уму и дарованіямъ будущей Екатерины II. Весьма возможно, что сочувственные отзывы о ней, напечатанные въ 1768 г., были мнѣніемъ автора и въ 1761, т.-е. были имъ тогда слышаны въ Петербургѣ.

Для образчика приводимъ нѣсколько примѣровъ его ученыхъ наблюденій и его отзывовъ о русской исторіи и русскихъ обычаяхъ.

Путешествіе Шаппа отъ русской границы, пребываніе въ Петербургѣ и путь до Тобольска происходили зимой. Его экипажемъ былъ закрытый возокъ, и самъ онъ разсказываетъ, что всего чаще, почти всегда, онъ ѣхалъ „запертый въ своихъ саняхъ и покрытый шубами“ — положеніе мало удобное для какихъ-нибудь наблюденій, тѣмъ болѣе, что онъ ѣхалъ вообще довольно быстро: обстоятельство, которое послужило автору „Антидота“ поводомъ къ ѣдкимъ насмѣшкамъ надъ точностію наблюденій фран-

цузскаго путешественника, физическихъ и нравоописательныхъ. Дѣйствительно, онъ утверждаетъ нерѣдко вещи мало-вѣроятныя. Онъ говоритъ, напримѣръ, что когда онъ мерзъ подъ шубами въ закрытомъ возкѣ—„онъ былъ изумленъ, увидѣвъ, что въ этотъ сильный холодъ маленькія дѣти *голыя* играли на снѣгу... такимъ образомъ дѣти съ самаго рожденія привыкаютъ къ холоду, который ихъ никогда не безпокоитъ“. На дорогѣ ему приходилось заходить обогрѣться въ курныя избы, и онъ описываетъ какъ избы, такъ и ихъ обитателей. „Всѣ эти жители показались мнѣ привязанными къ греческой религіи до фанатизма... Каждое семейство имѣетъ въ своемъ домѣ маленькую капеллу (?), гдѣ находится патронъ семейства: они смотрятъ на него, какъ на Бога-покровителя ихъ хижины; они никогда не входятъ и не выходятъ оттуда, не крестясь въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, не дѣлая поклоновъ и не произнося какихъ-нибудь молитвъ святому“, и онъ замѣчаетъ, что русскіе имѣютъ вообще большое довѣріе „aux saints de leurs chapelles“. Русскія бани, которыя однажды онъ попробовалъ, привели его въ совершенный ужасъ; онъ описываетъ ихъ какъ нѣчто чудовищное. „Эти бани употребляются во всей Россіи: жители этой обширной страны, начиная съ государя до послѣдняго изъ его подданныхъ, ходятъ въ нихъ два раза въ недѣлю и одинаковымъ образомъ“ — надо сказать, что самому аббату подвернулся экземпляръ бани не совсѣмъ удобный, и онъ былъ увѣренъ, однако, что въ такія точно бани ходятъ два раза въ недѣлю и русскіе цари; по его мнѣнію, выходитъ также, что зимой всѣ обязательно, выбѣгая изъ горячей бани, должны валяться въ снѣгу. Народные обычаи онъ описываетъ какъ рядъ нелѣпостей: несмотря на то, что онъ посвящаетъ однажды цѣлую диссертацію особенностямъ разныхъ народовъ, вліянію климата, учрежденій, воспитанія на народный характеръ, на дѣлѣ онъ очень мало способенъ всмотрѣться въ особенности цѣлаго народа и сличить ихъ, напримѣръ, съ бытомъ своего собственнаго народа. Напримѣръ, религіозныя суевѣрія русскихъ представляются ему только глупостью (sottise),—но онъ могъ бы вспомнить, что такою же глупостью переполнены суевѣрія его католическихъ соотечественниковъ; онъ обвиняетъ русское духовенство въ фанатизмѣ, но ему едва ли бы уступило въ этомъ духовенство католическое. Въ народномъ обычаѣ онъ совсѣмъ не чувствуетъ этнографической особенности, какую умѣли, однако, видѣть путешественники нѣмецкіе, и т. д. Наконецъ, ученый аббатъ любитъ вдаваться въ скабрёзныя подробности при описаніи нравовъ, и т. д.

О Петровской реформѣ онъ выражается, между прочимъ, такъ: Петръ возъимѣлъ планъ просвѣтить свою націю, болѣе семисотъ лѣтъ объятую невѣжествомъ; онъ путешествуетъ по Европѣ, чтобы изучить науки и искусства и все, что можетъ способствовать его планамъ. „Всѣ государи спѣшатъ содѣйствовать намѣреніямъ этого человѣка: колоніи ученыхъ и художниковъ всѣхъ родовъ отправляются въ Россію изъ всѣхъ странъ Европы. Возвратившись въ свое государство, Петръ I основываетъ убѣжища, посвященныя наукамъ и искусствамъ. *Всѣ* учрежденія, образовавшіяся въ Европѣ въ теченіе вѣковъ, появляются разомъ въ Россіи: знать покидаетъ свои противныя бороды и старую одежду; женщины, запертыя прежде въ своихъ домахъ, появляются въ ассамблеяхъ, неизвѣстныхъ въ Россіи до той поры. Дворъ становится блестящимъ". Какъ видимъ, дѣло передается такъ и не такъ; это смѣсь нѣкоторой правды и фантазіи. Далѣе: „Повидимому Петръ I создалъ новую націю, но онъ не сдѣлалъ никакой перемѣны въ устройствѣ правленія; нація остается по прежнему въ рабствѣ и онъ еще закрѣпляетъ его. Онъ заставляетъ все дворянство служить; никто не можетъ освободиться отъ этого обязательства. Изъ народа набираютъ толпу молодыхъ рабовъ (!); они распредѣлены въ академіи и школы, однихъ предназначаютъ къ литературѣ, другихъ къ наукамъ и искусствамъ, не соображаясь ни съ ихъ дарованіями, ни съ ихъ наклонностями (!). Петръ осматриваетъ академіи и мастерскія: онъ часто берется за скобель и рѣзецъ; но онъ вырываетъ кисть изъ рукъ молодого художника, который рисуетъ Армиду въ объятіяхъ Арно, чтобы наказать его батогами (??)", и проч.

Этотъ образчикъ даетъ понятіе объ изложеніи французскаго путешественника; онъ знаетъ долю истины, но изобиліе реторики дѣлаетъ его сужденія поверхностными и, наконецъ, фальшивыми. Свои заключенія о характерѣ русскаго народа онъ желаетъ подкрѣпить аргументами изъ физики, анатоміи, физіологіи, но по собственнымъ словамъ его беретъ эти аргументы готовыми у другихъ; онъ говоритъ объ „электрической матеріи", о „нервномъ сокѣ", о климатѣ и почвѣ, привлекаетъ сюда знаменитую книгу Монтескьё; въ концѣ концовъ происхожденіе русскаго народнаго характера онъ приписываетъ климату, порождающему разные обычаи, которые отзываются на физической природѣ народа; и съ другой стороны — воспитанію и свойству правленія, которое въ Россіи „до такой степени извратило (a dénaturé) человѣка, подчиняя даже способности, наиболѣе независимыя отъ власти, что становится очень трудно опредѣлить отличительныя свойства на-

ціи". У русскихъ рѣдко можно встрѣтить воображеніе и геній, но они имѣютъ особенный талантъ къ подражанію. По природѣ русскіе—народъ веселый и общительный, и если они въ своей общественной жизни являются не тѣмъ, чѣмъ могли бы быть, то причина этому заключается именно въ свойствахъ ихъ воспитанія и правленія. Правильная постановка того и другого предполагаетъ единство интересовъ власти и государства и даетъ самые лучшіе результаты: гражданинъ находитъ счастіе только въ счастіи націи; общественное признаніе порождаетъ и поддерживаетъ любовь къ славѣ, создаетъ великихъ людей и обезпечиваетъ имъ уваженіе потомства. У русскихъ ничего этого нѣтъ: „любовь къ славѣ и къ отечеству неизвѣстны въ Россіи; деспотизмъ разрушаетъ (détruit) здѣсь умъ, дарованіе и всякое чувство. Никто не смѣетъ думать въ Россіи; душа, униженная и загрубѣлая, теряетъ даже способность къ этому. Страхъ есть, такъ сказать, единственная пружина, одушевляющая всю націю".

„Петръ I,—говоритъ дальше аббатъ Шаппъ,—былъ убѣжденъ, и еще до сихъ поръ нація убѣждена въ этомъ, что русскихъ можно образовать только принужденіемъ. Это могло имѣть основаніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, когда Петръ I вступалъ на престолъ; но очень странно, что этотъ отвратительный предразсудокъ (détestable préjugé) еще существуетъ въ Россіи".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, большимъ препятствіемъ въ успѣхамъ наукъ и искусствъ въ Россіи авторъ считаетъ гордость или самонадѣянность русскихъ. „Этотъ порокъ принадлежитъ національному духу; его можно видѣть во всѣхъ сословіяхъ. Едва ученикъ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, онъ уже считаетъ себя равнымъ своему учителю, и даже выше его, и русская публика такъ мало просвѣщена, что можетъ ставить ихъ на одну линію"...

Находя такіе коренные недостатки въ русскомъ народѣ, авторъ думаетъ, однако, что „этотъ народъ, вообще лишенный генія и воображенія, сталъ бы во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ инымъ, еслибы пользовался свободой. Дойдетъ ли онъ далеко? я не знаю. Быть можетъ,—если вѣрить г. Руссо изъ Женевы,—надо бы желать, чтобы этотъ народъ никогда не былъ цивилизованъ (policé). Какъ бы то ни было, царствованіе императрицы Екатерины, повидимому, предвѣщаетъ перемѣну въ общемъ духѣ націи".

Еще раньше аббатъ восхвалялъ личныя свойства и дарованія императрицы, и теперь онъ высказываетъ надежды на ея просвѣщенную дѣятельность. „Она создаетъ новую націю: Петръ Великій возъимѣлъ мысль объ этомъ, составилъ планъ и приго-

товилъ выполненіе; слава довершенія этого дѣла, кажется, предоставлена императрицѣ Екатеринѣ“ [1]). Эти выраженія сочувствія, какъ увидимъ, нимало не умѣрили раздраженія, съ какимъ императрица Екатерина отнеслась къ книгѣ аббата Шаппа.

Доскажемъ объ этой книгѣ еще нѣсколько подробностей. Текстъ ея сопровожденъ нѣсколькими прекрасно исполненными гравюрами. Вначалѣ символическая картинка, изображающая самую идею путешествія ученаго аббата „по повелѣнію короля“: король, въ античной хламидѣ и обуви, на креслѣ, т.-е. на престолѣ; у ногъ его расположены женскія фигуры наукъ и искусствъ, съ мелкими купидонами внизу и вверху въ облакахъ; онъ даетъ повелѣніе также женской фигурѣ, въ античномъ одѣяніи, съ голой ногой,—этой фигурѣ некого изображать, кромѣ ученаго аббата; на второмъ планѣ олицетворенія дикихъ народовъ, которыхъ аббатъ посѣтитъ и опишетъ. Далѣе, картинки, размѣщенныя въ текстѣ, должны были представлять образчики русской жизни: русская изба, баня, бытовыя сцены, и т. д., нарисованы такъ, что найти въ нихъ именно русское довольно мудрено: люди въ классическихъ позахъ, подробности обстановки неузнаваемы; рисовальщикъ такъ заботился о манерной красивости, что даже самоѣдская женщина въ національномъ костюмѣ изображена красивой, и т. п.

„Антидотъ“ вышелъ безъ имени автора и даже безъ указанія мѣста печатанія и только съ указаніемъ года, въ двухъ частяхъ [2]); въ обѣихъ частяхъ на первой страницѣ помѣщена виньетка, которая представляетъ Каина, стоящаго съ палицей надъ убитымъ Авелемъ, возлѣ котораго лежитъ Адамова голова: полагаютъ, что эта символическая картинка могла имѣть въ виду ту ненависть, съ какою написана книга Шаппа о Россіи. Вопросъ объ авторѣ „Антидота“ въ сущности до сихъ поръ остается открытымъ: нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, которыя позволили бы рѣшить его положительно. Были указанія, что въ сочиненіи „Антидота“ принималъ участіе гр. Андрей Шуваловъ. Знаменитый французскій библіографъ Кераръ опровергаетъ это [3]), но безъ фактическихъ доказательствъ. Сохранилось одно письмо этого Шувалова къ императрицѣ, отъ мая 1768, которое можетъ имѣть отно-

---

[1]) Глава: „Du progrés des sciences et des arts en Russie“.

[2]) Antidote ou examen du mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Voyage en Sibérie fait en 1761. Par M. l'abbé Chappe d'Auteroche (выписано все заглавіе книги Шаппа). 2 тома небольшого формата, 1770. Второе изданіе вышло въ Амстердамѣ, 1771—72; англійскій переводъ, Лондонъ, 1772. Указываютъ еще изданіе: L'Antidote ou les Russes tels qu'ils sont et non tels qu'on les croit. Lausanne, 1799.

[3]) Les Supercheries Littéraires dévoilées т. I, 211.

шеніе къ „Антидоту“; далѣе, въ государственномъ архивѣ есть экземпляръ „Антидота“, переписанный рукою Козицкаго, состоявшаго тогда при императрицѣ „въ кабинетѣ“, и эта рукопись могла подразумѣваться въ письмѣ Шувалова, гдѣ говорится о какой-то работѣ, исполняемой по указаніямъ императрицы и въ которой Козицкій и Шуваловъ принимали участіе,—но отсюда трудно вывести какое-либо ясное заключеніе [1]). Еслибы эти лица и дѣйствительно имѣли какое-нибудь отношеніе къ „Антидоту“, ихъ участіе могло ограничиваться исполненіемъ какихъ-либо второстепенныхъ подробностей дѣла,—какъ то случалось и въ другихъ работахъ императрицы. На нашъ взглядъ всего вѣроятнѣе преданіе, которое приписываетъ сочиненіе „Антидота“ самой императрицѣ. Дѣйствительно, кто знакомъ съ писательской манерой императрицы Екатерины, тому бросаются въ глаза сходныя черты и въ содержаніи, и въ изложеніи. Авторъ „Антидота“ прежде всего говоритъ тономъ такого авторитета, видимо привычнаго, что его трудно предположить у кого-либо другого изъ русскихъ писателей того времени; вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ авторъ какъ будто считаетъ себя спеціально обязаннымъ опровергнуть ошибки или намѣренныя „клеветы“ французскаго писателя, бросающія тѣнь на достоинство русскаго народа и русской имперіи; авторъ „Антидота“ обнаруживаетъ очень хорошее знаніе русскаго управленія и русскихъ обычаевъ; когда рѣчь идетъ о русской исторіи, авторъ излагаетъ тѣ самыя представленія объ исторической судьбѣ русскаго народа, какія господствуютъ въ историческихъ сочиненіяхъ императрицы; когда рѣчь идетъ о ближайшихъ временахъ, о событіяхъ царствованія Елизаветы и Петра III, авторъ говоритъ какъ свидѣтель, имѣющій точныя свѣденія очевидца; о настоящихъ видахъ русскаго правительства авторъ говоритъ такимъ тономъ, какъ бы они были для него особенно близкимъ дѣломъ; нерѣдко недоброжелательнымъ отзывамъ французскаго путешественника о нравахъ грубаго русскаго народа онъ противопоставляетъ образчики нравовъ и обычаевъ просвѣщенной французской націи, довольно поучительные, и французская жизнь и исторія оказываются ему хорошо знакомы;—кое-о-чемъ авторъ, вообще весьма находчивый, уклоняется говорить. Наконецъ, отвѣтъ, писанный вообще весьма рѣзко, свидѣтельствуетъ объ особенной впечатлительности и нетерпимости, которыя такимъ же образомъ отзываются въ полемическихъ сочиненіяхъ императрицы, не отличавшихся особымъ благодушіемъ.

[1]) См. Пекарскаго, Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. Спб. 1863, стр. 5—6.

„Антидотъ“ составилъ большую книгу, гдѣ авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за французскимъ путешественникомъ и не упускаетъ ни одного случая его неловкости, ошибки, самонадѣянности, опровергаетъ его и насмѣхается надъ нимъ.

„Обѣщаю вамъ много обличеній, г. аббатъ Шаппъ,—говоритъ авторъ въ самомъ началѣ книги,—и я докажу все то, что̀ намѣренъ я сказать о фактахъ, могущихъ пролить свѣтъ, которые вы смѣете приводить съ болтливою неточностію; ибо, надобно въ томъ сознаться, три четверти вашей книги состоятъ лишь изъ злобной болтовни. Всего лучше въ вашей книгѣ рисунки г. Ле-Пренса. Весьма жаль, что въ наше время всѣ плохія сочиненія украшаются столь великолѣпными эстампами“. И въ теченіе всего разбора авторъ ловитъ аббата на болтливой неточности. Предметы опроверженій чрезвычайно разнообразны: авторъ „Антидота“ опровергаетъ французскаго писателя на каждомъ шагу—и тамъ, гдѣ онъ говоритъ о важнѣйшихъ учрежденіяхъ имперіи, и тамъ, гдѣ онъ не можетъ уразумѣть русскаго обычая или перепутываетъ русскую исторію, но особливо онъ настаиваетъ на объясненіи политическаго характера Россіи. Напримѣръ. „Ненавистное названіе деспота, которое аббатъ смѣетъ постоянно давать русскому государю, вотъ черта, ясно доказывающая его зложелательство“, и авторъ „Антидота“ проводитъ параллель между французскимъ королемъ и русскимъ государемъ: первый издаетъ законы, какъ второй, и если французскіе парламенты отказываются принимать дурные законы, то послѣ нѣкоторыхъ препирательствъ ихъ къ этому принуждаютъ; русскіе государи издаютъ законы только по представленію сената. „Французскій король и даже его министры сажаютъ въ Бастилію и тамъ подвергаютъ судилищу, на это устроенному, или суду какой-нибудь коммиссіи, кого имъ вздумается: у насъ тайная канцелярія дѣлала то же самое, но съ 1762 года она уничтожена, а ваша Бастилія существуетъ. Ваши государи, если они несправедливы, могутъ отнять у васъ и имущество, и жизнь: такъ же и у насъ, г. аббатъ“. Авторъ насмѣхается надъ поспѣшными выводами Шаппа о русскихъ обычаяхъ, которыхъ онъ на половину не понимаетъ, также какъ и надъ иными учеными его наблюденіями, которыя онъ дѣлалъ, лежа въ закрытомъ возкѣ подъ шубами и на всемъ скаку почтовой ѣзды. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ упоминаетъ однажды, что у него разбились въ дорогѣ его барометры и термометры, и устроить ихъ вновь можно было только въ слѣдующемъ большомъ городѣ, и между тѣмъ оказывается, что онъ дѣлаетъ барометрическія наблюденія; въ

приложеніяхъ къ его книгѣ помѣщены громадные чертежи нивеллировки всего пути его по Россіи, надъ которыми много глумится авторъ „Антидота“; дѣйствительно, довольно забавно видѣть въ этихъ чертежахъ рисунокъ громадныхъ мѣстностей, когда самъ авторъ въ текстѣ разсказываетъ, что ему въ его зимнемъ путешествіи часто было вовсе не до того, чтобы заниматься какими-либо учеными изысканіями. Мы упоминали выше о его описаніи русскихъ бань, въ какихъ будто моются всѣ русскіе отъ государя до послѣдняго, подданнаго и которыя у нихъ различаются только по степени чистоты. „Но, аббатъ, возможно ли простирать далѣе ложь и клевету, чѣмъ вы это дѣлаете въ этомъ случаѣ? Развѣ вы въ Европѣ единственное лицо, бывшее въ Россіи? И кто же видалъ, чтобы наши дамы, красота которыхъ признана всѣми, выходя изъ бани, барахтались въ снѣгу въ перемежку съ мужчинами?.. Онъ говоритъ, что въ баняхъ сѣкутъ другъ друга пучками розогъ. Быть можетъ, его, для смѣху, высѣкли въ банѣ; онъ этого заслуживалъ“ [1]). Авторъ „Антидота“ поднимаетъ на смѣхъ аббата, когда онъ величается своей ученостью передъ русскими мужиками; когда аббатъ изумляется, что въ Россіи, въ народномъ быту, отдаютъ дѣвушекъ замужъ, не спрашивая ихъ объ этомъ, авторъ „Антидота“ напоминаетъ, что во Франціи такимъ образомъ поступаютъ въ самомъ аристократическомъ кругу, и т. п. Авторъ смѣется надъ ошибками аббата въ русской исторіи, когда онъ, напримѣръ, разсказываетъ, какъ „царь Романо“ женился на дочери боярина „Стрешне“: „во-первыхъ, что такое царь Романо? Въ рукописи (которою пользовался Шапъ) навѣрное не сказано такъ. Если сказать: король Бурбо или Бурбу, императоръ австрійскій и пр., то читатель не будетъ знать, о комъ и о какомъ королѣ или императорѣ идетъ рѣчь“.

Наконецъ, авторъ „Антидота“ съ великой гордостію говоритъ о новыхъ мудрыхъ началахъ, которыя провозглашены русскимъ правительствомъ въ извѣстномъ Наказѣ. Когда аббатъ Шапъ говоритъ о вредномъ дѣйствіи русскаго правленія и воспитанія на характеръ народа, авторъ „Антидота“ спрашиваетъ: „что хотите вы этимъ сказать, г. аббатъ? Ужъ не ваше ли правительство намѣрены вы восхвалять, говоря это? Такъ, догадываюсь, и унизить наше?“ Но въ какой же странѣ правительство и воспитаніе стремятся направить націю къ чести, славѣ и мужеству, если не въ той, гдѣ государь, тщательно собирая ото-

[1]) Но авторъ „Антидота“ умалчиваетъ, что у насъ, однако, въ баняхъ парятся вѣниками.

всюду начала, способствующія народному счастію, самъ предлагаетъ ихъ своему народу и призываетъ его начертать законы общими силами. Эти начала возбуждаютъ удивленіе Европы, и можетъ ли хвастаться „та нація, которая запрещаетъ ввозъ къ себѣ этого евангелія законности, въ опасеніи, конечно, чтобы у васъ не увидѣли, насколько правительственныя начала разнятся въ обѣихъ странахъ?.. Г. аббатъ, этотъ Наказъ становится у насъ закономъ; онъ преслѣдуется у васъ... Берегитесь, скоро у васъ останется лишь тѣнь, а сущность окажется у насъ“ [1]).

„Антидотъ“ остался самымъ интереснымъ результатомъ путешествія аббата Шаппа: этотъ отвѣтъ на его книгу, по всей вѣроятности принадлежащій императрицѣ Екатеринѣ или, по крайней мѣрѣ, составленный по ея указаніямъ, представляетъ любопытное изложеніе ея взглядовъ на русскую жизнь и исторію, и примѣръ оффиціальныхъ представленій о русскомъ національномъ достоинствѣ. Къ сожалѣнію, „Наказъ“, который служитъ здѣсь однимъ изъ основныхъ аргументовъ, впослѣдствіи, еще въ царствованіе императрицы Екатерины, остался только воспоминаніемъ, для самой власти, быть можетъ, не всегда пріятнымъ, и политическія опроверженія, какъ ни были искусны, не исчерпали вопроса.

Не знаемъ, успѣлъ ли аббатъ Шаппъ прочитать это опроверженіе. Издавъ свою книгу, онъ отправился въ Калифорнію и тамъ умеръ. Ему, во всякомъ случаѣ, не пришлось читать другого обличенія, появившагося, также безъ имени автора, въ 1771 году [2]). Дѣло въ томъ, что Руссо, издатель „Энциклопедическаго Журнала“, котораго неизвѣстный „Скиѳъ“ восхваляетъ за его здравыя сужденія и безпристрастіе, помѣстилъ разборъ книги Шаппа, весьма сочувственный. Это и дало поводъ Скиѳу къ опроверженіямъ, изложеннымъ въ двухъ письмахъ: Sur le danger des préjugés nationaux, и Sur l'histoire de Sybérie, гдѣ онъ довольно удачно указываетъ грубые недостатки книги аббата Шаппа, отказываясь отъ подробнаго разбора ея потому, что такой уже сдѣланъ въ „Антидотѣ“ [3]).

---

[1]) Стр. 259—260, 449—русскаго перевода.

[2]) Lettres d'un Scyte franc et loyal, à monsieur Rousseau, de Bouillon, Auteur du Journal Encyclopédique. Amsterdam et Paris, MDCCLXXI, мал. 8°, 65 стр., съ помѣтой: Петербургъ, январь, 1771.

[3]) Стр. 55: „Lisez, monsieur, un ouvrage qui a pour titre l'Antidote: je viens de le recevoir de *Hollande*“ и проч. Голландія и была вѣроятно мѣстомъ печатанія „Антидота“, не указаннымъ въ его заглавіи.

IV.

Русскія географическія поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка.

Путешествіе аббата Шаппа мало прибавило къ изслѣдованіямъ Сибири; оно не получило авторитета у позднѣйшихъ путешественниковъ и писателей, и „Антидотъ", безъ сомнѣнія, не мало помогъ его дискредитировать.

Въ царствованіе Екатерины II наступилъ новый періодъ изслѣдованій, которыя принесли богатые результаты для изученія Сибири и снова произвели сильное впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ. Это—рядъ экспедицій, исполненныхъ подъ руководствомъ знаменитаго Палласа. Но пока, въ царствованіе Анны и Елизаветы, велись, съ одной стороны, морскія предпріятія, задуманныя одновременно со „второй камчатской экспедиціей", съ другой стороны продолжалась и старая работа практическихъ разысканій, начатыхъ первыми завоевателями Сибири и ихъ преемниками, казаками и промышленниками. Экспедиція Беринга, впослѣдствіи высоко оцѣненная Кукомъ, возбудила, по словамъ г. Венюкова, ревность русскихъ изслѣдователей стараго закала [1]). Въ 1727 году казачій голова въ Якутскѣ, Шестаковъ, предложилъ правительству сдѣлать изслѣдованіе въ землѣ чукчей на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири и даже отыскивать новыя земли на сѣверъ отъ сибирскаго материка. Онъ, дѣйствительно, получилъ средства для исполненія этой чукотской экспедиціи, ему дано было нѣсколько помощниковъ, штурманъ, геодезистъ, рудознатецъ, то-есть горный инженеръ, нѣсколько матросовъ; кромѣ того, присоединился къ нему капитанъ Павлуцкій съ 400 якутскихъ казаковъ [2]). Одно изъ судовъ Шестакова, съ геодезистомъ Гвоздевымъ, объѣхало Камчатку, доходило до береговъ Америки и въ Беринговомъ проливѣ открыло группу острововъ, которые называются теперь архипелагомъ Гвоздева; самъ Шестаковъ былъ убитъ въ сраженіи съ чукчами [3]). Какъ видимъ, въ новыхъ предпріятіяхъ присоединяется уже участіе спеціальныхъ навигаторовъ и геодезистовъ, которые могли уже дать точное опредѣленіе своимъ открытіямъ, и ихъ труды дѣйствительно послужили

---

[1]) Venukoff, Aperçu и пр., стр. 9.

[2]) Впослѣдствіи, въ 1747, этотъ Павлуцкій погибъ въ бою съ чукчами—племенемъ весьма независимымъ.

[3]) „Завоеватели восточной Сибири—якутскіе казаки", Мамыкина-Невструева. „Русск. Вѣстн." 1883, апрѣль.

для географической науки. Въ самомъ Охотскѣ была открыта въ это время „навигацкая“ школа.

Когда въ 1733 г. началась „вторая камчатская экспедиція“ на сухомъ пути, былъ также предположенъ осмотръ сѣвернаго сибирскаго берега. Въ виду невозможности долгаго плаванія въ короткое сѣверное лѣто, этотъ осмотръ рѣшено было сдѣлать по частямъ: одна морская экспедиція должна была осмотрѣть берегъ отъ Бѣлаго моря до устьевъ Оби, другая до Енисея, третья отъ Лены на западъ до Енисея, и четвертая отъ Лены на востокъ до Берингова пролива. Изъ Архангельска вышли въ 1734 лейтенанты Павловъ и Муравьевъ; изъ Тобольска и затѣмъ изъ устьевъ Оби въ море вышелъ лейтенантъ Овцынъ; въ 1735, съ Лены отправился лейтенантъ Прончищевъ на западъ отъ ея устьевъ, а на востокъ Лассеніусъ, вскорѣ съ большей частью команды погибшій отъ цынги и замѣненный лейтенантомъ Лаптевымъ. Въ 1736 г. лейтенанты Малыгинъ и Скуратовъ снова отправились изъ Архангельска для изслѣдованія западнаго берега, а лѣтомъ этого года геодезистъ Селифонтовъ съ сухого пути осмотрѣлъ западный берегъ Обской губы; Прончищевъ съ штурманомъ Челюскинымъ тѣмъ же лѣтомъ вышелъ изъ устья Оленека, но льды задерживали плаваніе, сильные морозы истощили экипажъ, и 30-го августа Прончищевъ умеръ, и черезъ нѣсколько дней умерла сопровождавшая его жена. Въ 1737 г. новыя экспедиціи, и Овцынъ вошелъ, наконецъ, въ устье Енисея, которымъ поднялся до Туруханска. Въ 1738 г. плаванія лейтенанта Скуратова съ Головинымъ отъ устьевъ Оби къ Архангельску, и штурмановъ Минина и Стерлегова изъ устьевъ Енисея на востокъ; оба плаванія были не совсѣмъ успѣшныя. Въ 1739 г., опять плаваніе Скуратова, далѣе Дм. Лаптева изъ устьевъ Лены на востокъ, Харитона Лаптева—оттуда же на западъ. Въ 1740 г., путешествіе Стерлегова, Минина, обоихъ Лаптевыхъ, геодезиста Чекина по разнымъ мѣстамъ сѣвернаго сибирскаго берега. Въ 1741 г., экспедиціи продолжаются, причемъ Челюскинъ сухимъ путемъ добрался до самой сѣверной части азіатскаго материка и описалъ ее, а экспедиція Беринга открыла Алеутскіе острова. Самъ Берингъ умеръ въ этомъ же году, на одномъ изъ открытыхъ имъ острововъ: ему удалось только увидѣть сѣверо-американскій берегъ [1]).

[1]) Свѣденія объ этихъ старыхъ плаваніяхъ были тогда собраны Миллеромъ; впослѣдствіи имъ посвящена была книга Василія Берха: „Первое морское путешествіе Россіянъ, предпринятое для рѣшенія географической задачи: соединяется ли Азія съ Америкою? и совершенное въ 1727, 28 и 29 годахъ, подъ начальствомъ

Эти странствованія стоили исполнителямъ ихъ чрезвычайнаго труда; суровость климата, утомительная борьба съ ледянымъ моремъ—требовали большой энергіи: путешественникамъ, захваченнымъ льдами и страшнымъ морозомъ, приходилось зимовать на крайнемъ сѣверѣ, бросая суда добираться пѣшкомъ до человѣческаго жилья на берегу; многіе поплатились жизнью, какъ Берингъ, Прончищевъ, Лассеніусъ, какъ много людей изъ экипажа. Но трудъ ихъ уже не пропадалъ для науки: въ нѣсколько пріемовъ, усиліями мореходовъ и геодезистовъ, смѣнявшихся на одной работѣ, сѣверный берегъ Азіи былъ изслѣдованъ и положенъ на карту; опредѣлено было пространство между Камчаткой и Японіей (впрочемъ, до конца столѣтія Сахалинъ считали полуостровомъ); на сибирскомъ материкѣ опредѣлено было сухопутной экспедиціей тѣхъ годовъ до нѣсколькихъ сотъ астрономическихъ пунктовъ, хотя на первый разъ весьма несовершенно; словомъ, это были уже пріобрѣтенія для географической науки.

Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія завершила свою дѣятельность вторая камчатская экспедиція, къ которой примыкали указанныя сейчасъ морскія экспедиціи, но изслѣдованія не остановились и—до новыхъ оффиціальныхъ экспедицій—совершались опять предпріимчивостью частныхъ лицъ. Это были въ особенности промышленники, искавшіе новыхъ мѣстъ для своихъ практическихъ предпріятій, но иногда и самоотверженные искатели географическихъ открытій. Въ 1743 году сержантъ камчатской команды Басовъ съ московскимъ купцомъ Серебренниковымъ проплылъ съ промышленными цѣлями до Берингова острова (въ группѣ Командорскихъ, открытыхъ Берингомъ), зимовалъ тамъ и затѣмъ сдѣлалъ еще три подобныхъ плаванія съ иркутскимъ купцомъ Трапезниковымъ. Въ 1745 по слѣдамъ Басова снова отправилось въ тѣ же мѣстности купеческое судно Чупрова, Чебаевскаго и Трапезникова, подъ начальствомъ тобольскаго крестьянина Неводчикова, и хотя плавало неудачно, но вывезло большое количество товара. Этому Неводчикову приписывали настоящее открытіе Алеутскихъ острововъ, по другимъ, сдѣланное Берингомъ. Въ 1747—49, 1753—54, 1756—59 новыя купеческія предпріятія, которыя сопровождались вмѣстѣ дополненіемъ прежнихъ географическихъ открытій въ этихъ моряхъ. Въ 1758—64 годахъ совершенъ былъ цѣлый рядъ промышленныхъ плаваній, причемъ открыты были почти всѣ Лисьи и Андрея-

---

флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга" и пр. Спб. 1823. Ср. C. E. von Baer, Bering und Tschirikow (Petersb. 1849).

новскіе острова. Эти промышленники прежде всего имѣли, однако, въ виду свои торговыя выгоды и прославились своими жестокостями противъ туземцевъ. Въ 1762 году одинъ изъ этихъ плавателей, Дружининъ, съ 34 промышленниками былъ убитъ алеутами за страшныя жестокости, которыми сопровождалось его путешествіе, и съ тѣхъ поръ промышленники безчеловѣчно истребляли туземцевъ. Одинъ изъ нихъ, Соловьевъ, истребилъ, какъ говорятъ, до 3.000, а по другимъ свидѣтельствамъ, даже до 5.000 человѣкъ. Въ 1768—1769 годахъ явилась здѣсь первая послѣ Беринга правительственная экспедиція капитана Креницына и лейтенанта Левашева, которая достигла до американскаго полуострова Аляски [1]); но затѣмъ продолжались опять промышленныя экспедиціи и къ 80-мъ годамъ относятся плаваніе Прибылова, который открылъ островъ, носящій его имя, и еще ранѣе начатыя плаванія знаменитаго нѣкогда Шелехова, о которомъ скажемъ далѣе. Въ 1790—94 г. совершены были новыя правительственныя экспедиціи капитановъ Биллингса и Сарычева, которые, между прочимъ, положили конецъ тѣмъ жестокимъ притѣсненіямъ, которыя производимы были надъ туземцами со стороны русскихъ промышленниковъ на Алеутскихъ островахъ [2]).

Изслѣдованія шли подобнымъ образомъ и на сѣверѣ Сибири. Еще въ 1755 году якутскіе купцы Шалауровъ и Баховъ получили дозволеніе предпринимать путешествія для отысканія по сѣверному морю пути въ Камчатку; въ 1760 г. они предприняли свою экспедицію отъ Лены, но добрались только до устьевъ Яны, здѣсь зазимовали и на слѣдующее лѣто двинулись дальше, доплыли до Медвѣжьихъ острововъ, гдѣ долго были затерты льдами, и затѣмъ снова зазимовали въ устьяхъ Колымы; въ слѣдующемъ, 1762 году, Шалауровъ снова двинулся на востокъ, но дошелъ только до Шелагскаго мыса, осмотрѣлъ Чаунскую губу, гдѣ до него никто еще не былъ, и думалъ продолжать свое плаваніе на востокъ, но долженъ былъ вернуться на Лену, потому что экипажъ его взбунтовался; при томъ и средства самого Шалаурова истощились. Онъ отправился въ Москву, хлопотать о новой экспедиціи, и ему удалось получить средства отъ правительства; въ 1764 году онъ вновь отправился въ плаваніе къ Шелагскому мысу и уже не возвратился: онъ погибъ со всѣмъ

[1]) О ней у Палласа, „Neue Nordische Beiträge“, т. I, стр. 249—272; въ „Account“ Кокса, 1780 (о немъ далѣе), и „Записки Гидрографическаго Департамента“, т. X.

[2]) Свѣденія объ этихъ промышленныхъ плаваніяхъ на Алеутскіе острова и къ берегамъ Америки съ указаніемъ лицъ и стоимости грузовъ, съ 1743 по 1808 г., собраны въ видѣ вѣдомости въ „Восточно-Сибирскомъ Календарѣ“, 1875 г.

своимъ экипажемъ, и только въ 1823 году однимъ изъ участниковъ экспедиціи Врангеля найдены были остатки какого-то судна и избушки и человѣческія кости; по словамъ туземцевъ, все это осталось отъ экспедиціи, бывшей здѣсь лѣтъ за 70 передъ тѣмъ.

Вопросъ о возможномъ пути въ Индію черезъ сѣверный океанъ продолжалъ занимать русскихъ и иностранныхъ ученыхъ. Въ 1763 году Ломоносовъ поднесъ генералъ-адмиралу великому князю Павлу Петровичу свое сочиненіе: „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ [1]). Въ видахъ исполненія этого плана отправлена была въ 1765 году экспедиція Чичагова изъ Колы, но задержанная льдами вернулась въ Архангельскъ; продолжались поиски въ Ледовитомъ океанѣ изъ Сибири, и въ 1770—73 году открыты были купцомъ Ляховымъ Ляховскіе острова къ сѣверо-западу отъ Святого Носа; они получили свое имя отъ плавателя, которому предоставлено было право исключительнаго промысла на этихъ островахъ.

Не останавливаясь на множествѣ мелкихъ предпріятій этого рода упомянемъ объ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ плавателей этого времени Григ. Ив. Шелеховѣ. Это былъ небогатый рыльскій мѣщанинъ, который отправился искать счастья въ Сибирь, и по примѣру сибирскихъ купцовъ, промышлявшихъ на восточномъ океанѣ, онъ съ 1776 года сталъ отправлять свои суда, и въ одну изъ этихъ поѣздокъ названный выше штурманъ Прибыловъ, начальствовавшій надъ судномъ Шелехова, открылъ группу острововъ, названныхъ его именемъ, и вывезъ оттуда громадный грузъ: 2.000 бобровъ, 40.000 котиковъ, 6.000 голубыхъ песцовъ, 1.000 пудовъ моржовыхъ клыковъ и 500 пуд. китоваго уса —были добыты 40 человѣками русскихъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Шелеховъ имѣлъ, однако, болѣе широкіе планы: онъ поставилъ себѣ цѣлью удержать за Россіей новооткрываемые острова, завести тамъ осѣдлость, а вмѣстѣ, конечно, позаботиться и о собственныхъ выгодахъ. Въ 1783 г. онъ самъ отправился на трехъ корабляхъ, построенныхъ на собственной верфи, близъ Охотска; въ слѣдующемъ году онъ прибылъ къ острову Кадьяку, самому большому изъ прилежащихъ къ Америкѣ и населенному воинственнымъ народомъ; Шелеховъ успѣлъ, однако, завести мирныя сношенія съ туземцами, завелъ даже для нихъ русскую школу. Въ слѣдующіе годы онъ продолжалъ посылать туда свои суда,

[1]) Эта статья была издана только въ 1847 году гидрографическимъ департаментомъ.

основалъ селеніе въ Кенайской губѣ, получалъ заложниковъ отъ островитянъ. Онъ ѣздилъ затѣмъ въ Петербургъ и получилъ отъ правительства за свои заслуги похвальную грамоту. Въ 1793 г. по его ходатайству отправлена была на островъ Кадьякъ духовная миссія; для заведенія ремеслъ и земледѣлія послано нѣсколько десятковъ ссыльныхъ ремесленниковъ и хлѣбопашцевъ. По смерти Шелехова (онъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1795 г., на 48-мъ году) было, однако, представлено правительству о неудобствѣ тѣхъ способовъ, какими велись въ Америкѣ промышленныя дѣла, причемъ конкурренція и безпорядокъ губили и промышленниковъ, и туземцевъ и истребляли самый предметъ промысла: къ концу столѣтія нѣкоторыя породы пушныхъ звѣрей были уже истреблены на Алеутскихъ островахъ, и то же грозило прилегающему материку Америки. Слѣдствіемъ представленій было учрежденіе, въ 1799 г., „Россійско-Американской компаніи“, имѣвшей свое правленіе въ Петербургѣ.

Такъ шло постепенное открытіе земель и морей сибирскаго края и водвореніе русскаго промысла въ сибирскихъ сѣверныхъ и восточныхъ окраинахъ, и на островахъ между Камчаткой и Америкой, и, наконецъ, въ сѣверо-западной оконечности Америки. Частію изслѣдованіе велось правительственными, научными и практическими экспедиціями, частію открытіе новыхъ земель было дѣломъ промышленниковъ, искавшихъ новой территоріи для своихъ предпріятій. Были здѣсь люди и побужденія весьма различнаго характера: одни были усердными исполнителями правительственныхъ распоряженій, буквально рискуя при этомъ своею жизнью, и при случаѣ получая помощь отъ мѣстныхъ инородцевъ; другіе, повидимому, сами одушевлялись безкорыстнымъ желаніемъ содѣйствовать описанію края, и полагали на это всѣ свои средства и, наконецъ, самую жизнь, какъ Шалауровъ, который сибирскимъ историкамъ представляется русскимъ Норденшельдомъ; наконецъ, третьи руководились только исканіемъ прибыли, доходившимъ до свирѣпой алчности, какъ тѣ промышленники, которые направлялись на крайній востокъ, на Алеутскіе острова, и позднѣйшую русскую Америку (впослѣдствіи оставленную). Это были, повидимому, прямые продолжатели тѣхъ промышленныхъ людей, которые въ XVII-мъ вѣкѣ открывали и захватывали сибирскій материкъ. Мы мало знаемъ подробностей о томъ, какъ совершалось это занятіе, но знаемъ, что это было занятіе съ оружіемъ въ рукахъ: если туземцы не подчинялись добровольно, ихъ вынуждали силою къ подчиненію, выражавшемуся уплатой дани, ясака; и извѣстно также, что требованія ясака нерѣдко равня-

лись грабежу, такъ что, наконецъ, сама правительственная власть считала нужнымъ брать туземныхъ инородцевъ подъ защиту. Но промышленники второй половины XVIII-го вѣка, повидимому, превзошли своихъ предковъ. Исторія занятія Алеутскихъ острововъ есть исторія ужасныхъ и безсмысленныхъ жестокостей. Алеуты, народъ трудолюбивый и довольно развитой, сначала встрѣтили русскихъ мирно; но, раздраженные насиліями и несправедливостями, въ одну зиму истребили три судна промышленниковъ, и послѣдніе, подъ предлогомъ подчиненія ихъ русской власти, совершали надъ туземцами величайшія варварства. На нѣкоторыхъ островахъ жители были истреблены безъ остатка; алеутовъ убивали тысячами, иногда просто для потѣхи, убивали мирныхъ и безоружныхъ. Въ 1792 году на островахъ Уналашкинскаго отдѣла считалось до двухъ съ половиной тысячъ жителей, но до прихода русскихъ ихъ было вдесятеро больше. Цѣлью этого истребленія, по объясненію одного изъ историковъ Сибири, былъ не одинъ грабежъ, и всего менѣе забота объ интересахъ правительства, а болѣе тонкое соображеніе: промышленникамъ нужно было закабалить туземцевъ совершенно, и такъ какъ это не легко было сдѣлать съ народомъ многочисленнымъ, то надо было просто истребить непокорныхъ. Въ далекомъ Петербургѣ трудно было знать, какъ дѣлалось дѣло, и промышленники получали даже поощренія и награды. Таковъ былъ и упомянутый выше Григорій Шелеховъ. Послѣ нѣсколькихъ своихъ плаваній онъ отправился въ Иркутскъ и представилъ краснорѣчивое описаніе своихъ подвиговъ сибирскому генералъ-губернатору Якоби, упомянувъ въ немъ, что „безъ монаршаго одобренія малъ и недостаточенъ будетъ трудъ мой“. Онъ написалъ о своемъ путешествіи и особую книгу, гдѣ, какъ и въ донесеніи Якоби, не усомнился преувеличить свои подвиги и присвоить себѣ чужія заслуги. Утверждаютъ, напримѣръ, что въ первой стычкѣ съ туземцами на островѣ Кадьякѣ онъ разбилъ 400 человѣкъ, между которыми были женщины и дѣти,—онъ пишетъ, что разбилъ 4.000 человѣкъ и 1.000 взялъ въ плѣнъ; жителей на этомъ островѣ не было тогда и 15 тысячъ, а Шелеховъ увѣрялъ правительство, что покорилъ 50 тысячъ человѣкъ; дальше онъ утверждалъ, что въ одну зиму обратилъ множество ихъ въ христіанство, и пр. Якоби писалъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ, и на запросъ имп. Екатерины о лучшихъ мѣрахъ къ утвержденію русскаго владычества и промысловъ на Восточномъ океанѣ доносилъ, что кампаніи Шелехова надо предоставить промышленную монополію въ открытыхъ имъ мѣстахъ, именно на пространствѣ 49^0—60^0 широты, и 53^0—

63° долготы. Шелеховъ отправился самъ въ Петербургъ, гдѣ онъ и его сотоварищъ были награждены, и изъ коммерцъ-коллегіи было имъ выдано 200.000 рублей. Но до императрицы дошли, наконецъ, свѣденія о настоящемъ способѣ дѣйствій Шелехова, и она грозила ему „оковами", но у него были друзья, участвовавшіе въ его выгодахъ, и гроза миновала. По смерти его до императора Павла опять дошли извѣстія о многихъ варварскихъ поступкахъ русскихъ промышленниковъ въ новыхъ колоніяхъ, и онъ хотѣлъ уничтожить промышленность, не имѣвшую значенія для имперіи, но вліятельные союзники кампаніи съумѣли снова поправить дѣло, и въ іюлѣ 1799 г. учреждена была оффиціально упомянутая „Россійско-Американская компанія", получившая чрезвычайныя привилегіи. Ей предоставлены были всѣ промыслы по берегу Америки, на островахъ Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ, лежащихъ по сѣверо-восточному океану; компаніи предоставлялось все, „что на поверхности земли и въ нѣдрахъ ея доселѣ отыскано, и впредь отыщется"; она получала монополію открывать и занимать новыя земли, заводить поселенія и укрѣпленія, производить торговлю и мореплаваніе, получать вспоможенія отъ правительства, и т. д. Въ результатѣ мѣстные инородцы были обращены въ настоящее рабство, монополія компаніи не отразилась пользою для края, управленіе было дурное; и впослѣдствіи русская колонизація привилась такъ мало, что въ 1867 году государство не усомнилось уступить сѣверо-американскимъ штатамъ свои владѣнія въ бывшей русской Америкѣ [1]).

Въ 1768 году наступилъ новый періодъ ученыхъ экспедицій; онѣ знамениты не менѣе прежнихъ путешествій Миллера, Гмелина, Крашенинникова и пр., и составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ царствованія Екатерины II.

Новая экспедиція была выбрана опять изъ среды академіи наукъ, ея членовъ и студентовъ. Первоначально предположена и начата была только „оренбургская экспедиція"; но когда путешествія уже были начаты, программа предпріятія была расширена и распространена вообще на Россію Европейскую (особливо сѣверъ и востокъ) и Сибирь, гдѣ должны были производиться изслѣдованія природы, племенъ, народнаго быта, промысла, древностей и достопримѣчательностей. Въ 1769 г. ожидалось новое

---

[1]) „Россійско-Американская компанія", въ „Историческихъ Этюдахъ" С. Шашкова. Спб. 1872, т. II, стр. 295 и слѣд. О книгахъ Шелехова скажемъ далѣе.

прохожденіе Венеры черезъ дискъ солнца, и имѣлись въ виду наблюденія астрономическія.

Составъ экспедиціи былъ очень многолюдный. Во главѣ ея поставленъ былъ Петръ-Симонъ Палласъ (1741—1811), вызванный изъ Берлина въ Россію въ 1769 году, тогда еще очень молодой, но уже авторитетный ученый натуралистъ. Съ тѣхъ поръ дѣятельность Палласа вся прошла въ Россіи; путешествія дали обширный матеріалъ для его изслѣдованій, которыя поставили его на ряду съ знаменитѣйшими естествоиспытателями XVIII-го вѣка, какъ Бюффонъ, Кювье, Линней. Нельзя было сдѣлать тогда лучшаго выбора: Палласъ былъ изъ разряда „великихъ ученыхъ“: знаменитый зоологъ по преимуществу, онъ не былъ тѣснымъ спеціалистомъ; напротивъ, его интересы и знанія простирались на многоразличныя отрасли естествознанія, и его мысль, ясная и точная, работала уже надъ основными вопросами біологіи. Труды Палласа надолго, даже до сихъ поръ остались источникомъ важныхъ свѣденій о посѣщенныхъ имъ краяхъ Россіи и Сибири. Путешествіе издавна было его мечтой; онъ задумывалъ странствіе на мысъ Доброй Надежды и въ Индію, и когда отецъ его воспротивился этому намѣренію, онъ охотно принялъ предложеніе, сдѣланное ему изъ Петербурга. Академическая экспедиція начала свою дѣятельность въ 1768 году. Кромѣ Палласа приняло въ ней участіе нѣсколько академиковъ-натуралистовъ и этнографовъ, какъ Гмелинъ-младшій, Георги, Фалькъ, Гильденштетъ, Лепехинъ; астрономъ Эйлеръ, съ его помощниками; студенты Зуевъ, Соколовъ, состоявшіе при Паллассѣ и, между прочимъ, производившіе по его указаніямъ самостоятельныя изслѣдованія; Рычковъ, сынъ извѣстнаго автора „Оренбургской Топографіи“, и др.

О тѣхъ путешествіяхъ этой странствующей академіи, которыя относились къ Европейской Россіи, мы упоминали въ другомъ мѣстѣ [1]); здѣсь упомянемъ лишь о томъ, что въ этой экспедиціи относилось къ Сибири. Путешествіе самого Палласа заняло шесть лѣтъ, съ 1768 по 1774 г.; въ исполненіе академическаго плана, оно было очень разнообразно, какъ мы прежде указывали это относительно путешествія Лепехина: это разнообразіе предметовъ изслѣдованія отвѣчало его собственнымъ широкимъ научнымъ запросамъ. Онъ описываетъ мѣстность, ея геологическое строеніе, свойства почвы, растительность, наличныхъ животныхъ, типъ мѣстныхъ жителей, характеръ народнаго хозяйства, земледѣльческія орудія, остатки старины, и т. д. Изъ Петербурга черезъ Москву,

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1884, май.

Владиміръ, Пензу, Палласъ направился въ Симбирскъ, гдѣ и зимовалъ. Весну слѣдующаго года онъ провелъ въ Заволжскомъ краѣ, гдѣ встрѣтился съ академиками Фалькомъ и Лепехинымъ. Лѣтомъ онъ былъ въ оренбургскомъ краѣ, гдѣ, между прочимъ, подробно изучалъ калмыковъ и ихъ бытъ; въ Гурьевѣ онъ встрѣтилъ академиковъ: Эйлера, наблюдавшаго прохожденіе Венеры, Ловица, Иноходцева, Лепехина; зимовалъ онъ въ Уфѣ, осматривалъ затѣмъ Уралъ и Исетскую провинцію, откуда сдѣлалъ первую экскурсію въ Сибирь, именно въ Тобольскъ. Этимъ окончена была первоначальная задача экспедиціи; Палласъ желалъ расширить ея работы на Сибирь и сѣверную Россію, и академія приняла предложеніе. Лепехинъ коснулся въ своихъ поѣздкахъ только запада Сибири, и направился на сѣверъ казанской и архангельской губерній и на берега Бѣлаго моря; Палласъ—въ сѣверную и восточную Сибирь,—сюда же направлялись Фалькъ и Георги. Въ апрѣлѣ 1770 года Палласъ выѣхалъ изъ Челябинска, черезъ Ишимскую степь, въ Омскъ; своихъ ближайшихъ сотрудниковъ онъ разослалъ для отдѣльныхъ изслѣдованій; такъ, Зуевъ отправился въ Березовъ для изслѣдованія Оби до Ледовитаго океана. Путешествіе сопровождалось постоянными наблюденіями, въ которыхъ Палласъ обращалъ особенное вниманіе на физическую природу страны и на зоологію, по которой впослѣдствіи онъ оставилъ знаменитый классическій трудъ. Путешествіе было не легко въ суровомъ климатѣ, среди мѣстностей болотистыхъ или лишенныхъ прѣсной воды, гдѣ притомъ весной бывали еще сильные морозы и снѣжныя бури, и оно не обошлось для путешественника даромъ: спутники его переболѣли, и одинъ изъ его помощниковъ умеръ. Въ концѣ мая Палласъ прибылъ въ Омскую крѣпость: мѣстное военное начальство приняло его холодно и недовѣрчиво, не давало ему необходимыхъ свѣденій и онъ замѣчалъ, что „богъ войны есть врагъ музъ“. Окружающая природа доставила, однако, богатый матеріалъ для наблюденій, особенно зоологическихъ, и при этомъ встрѣчалось ему не мало предметовъ, еще совсѣмъ неизвѣстныхъ въ наукѣ. Самъ путешественникъ заболѣлъ отъ безпрестанныхъ простудъ, и оправился только въ горныхъ путешествіяхъ по Алтаю. Между прочимъ, Палласъ отмѣчалъ археологическіе остатки; на пути по Енисею онъ находилъ много мѣднаго оружія и разной старинной утвари; въ Алтаѣ изслѣдовалъ рудники и встрѣчалъ остатки древнихъ горныхъ работъ, такъ-называемыя чудскія копи,—ихъ приписываютъ древнему чудскому народу, который, не имѣя хорошихъ орудій, разрабатывалъ рудники только въ поверхностномъ слоѣ горъ; орудія

были мѣдныя, такъ что желѣзо было, повидимому, еще неизвѣстно; вооруженіе, найденное въ гробницахъ, было также мѣдное; молотами служили круглые крѣпкіе камни... Паллассъ зимовалъ въ Красноярскѣ, отсюда онъ отправился въ Иркутскъ, разославши своихъ помощниковъ: одинъ студентъ отправился въ Петербургъ съ коллекціями по естественной исторіи, Соколовъ посланъ былъ еще ранѣе въ Забайкалье, Зуевъ опять на сѣверъ Сибири; одинъ студентъ оставленъ въ Красноярскѣ для собиранія растеній весной. Здѣсь Паллассъ опять встрѣтился съ академикомъ Георги; отсюда черезъ Байкалъ онъ отправился въ Кяхту, изучалъ здѣсь китайцевъ, по Селенгѣ отправился въ Даурію, гдѣ снова поразила его оригинальная природа, невиданныя формы растеній, животныхъ. Эта природа произвела на него сильное впечатлѣніе: „Различныя глыбы горъ,—говоритъ онъ,—приводящія въ удивленіе своей формой и положеніемъ, долины, покрытыя пріятной зеленью, березовыя и осиновыя рощицы, покрывающія въ разныхъ мѣстахъ вершины горъ съ сѣверной стороны, множество оленей и другихъ дикихъ звѣрей, еще большее обиліе различныхъ птицъ въ это весеннее время года—все это дѣлаетъ эту страну такою пріятною, что пріятнѣе и уединеннѣе нельзя и желать, и я никогда въ жизнь мою ничего не видѣлъ лучше. Такая волшебная обстановка, а особенно множество въ полномъ цвѣту растеній, на южной сторонѣ горъ, привели меня въ восхищеніе“... „Начиная съ Урала до самаго Байкала, я не собралъ нигдѣ столько замѣчательныхъ произведеній природы, сколько въ одной Дауріи; нигдѣ эти произведенія не были въ такомъ обиліи и совершенствѣ, какъ въ Дауріи и въ нагорной странѣ за Байкаломъ“. Къ августу онъ вернулся въ Красноярскъ и отсюда отправлялся въ Саянскія горы. Въ 1773 г. Паллассъ предпринялъ обратный путь въ Россію. Изъ Красноярска онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ Георги и направился къ Камѣ черезъ Ишимскій и Исетскій край, сѣверную Башкирію (быть башкирцевъ, въ эту эпоху, онъ описываетъ счастливымъ, по условіямъ природы и промысламъ), къ Уралу и нижнимъ частямъ Волги; Георги долженъ былъ отправиться въ Пермь. На пути Паллассъ, кромѣ башкирь, изучалъ вотяковъ и черемисъ; въ апрѣлѣ онъ былъ на Камѣ, въ маѣ — въ яицкой степи, въ іюнѣ—въ заволжской степи и на Волгѣ.

Результатомъ изслѣдованій Палласа въ восточной Россіи и Сибири было, кромѣ знаменитой „Русско-азіатской Зоографіи“ и другихъ спеціальныхъ трудовъ, не менѣе знаменитое „Путешествіе“, которое цитируется до сихъ поръ какъ авторитетный источникъ по изученію сибирской природы, этнографіи и археологіи.

„Путешествіе“ писалось на пути и первые томы явились въ свѣтъ раньше, чѣмъ окончилась самая экспедиція [1]).

Другой замѣчательный ученый, посвятившій въ этой экспедиціи труды свои изученію Сибири, былъ сотоварищъ и нерѣдко спутникъ Палласа, Іоганнъ-Готтлибъ Георги (ум. 1802). Онъ отправился въ путь въ томъ же 1768 году и изучалъ сначала Оренбургскій край, потомъ Сибирь, и вернулся въ 1774. Онъ проѣхалъ Сибирь до Даурiи, работалъ по геогнозіи и ботаникѣ, а также по этнографіи, и въ этой послѣдней области ему принадлежитъ обширный трудъ, и первый въ своемъ родѣ, въ которомъ между прочимъ собраны цѣнныя свѣденія о сибирскихъ инородцахъ и который до сихъ поръ не потерялъ своего значенія. Книга академика вышла на нѣмецкомъ и одновременно на русскомъ языкѣ [2]), и въ предисловіи (ко второму русскому изданію) перечисленъ длинный рядъ писателей, которыми онъ воспользовался въ своемъ сочиненіи [3]) и которыя вѣроятно исчерпываютъ всю тогдашнюю ли-

---

[1]) Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, три тома. Петерб., 1771—76. Было нѣсколько изданій нѣмецкихъ и французскихъ; одинъ переводъ французскій вышелъ съ примѣчаніями знаменитаго Ламарка. Русское изданіе: „Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства“, переводъ съ нѣм. Ѳедора Томанскаго и Василія Зуева, 5 томовъ. Спб. 1773—88. Далѣе: „Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften“, 2 тома, Петерб. 1776—1801; „Neue nordische Beiträge“, 7 томовъ. Петербургъ и Лейпцигъ 1781—96.

Обстоятельной біографіи Палласа на русскомъ языкѣ еще нѣтъ. Кромѣ краткаго жизнеописанія въ Словарѣ свѣт. писателей, митр. Евгенія, т. II, стр. 110—114, можно назвать сочиненіе В. Маракуева: „Петръ Симонъ Палласъ, его жизнь, ученыя(е) труды и путешествія“, М. 1877: это—популярная книжка по нѣмецкой біографіи Рудольфи, французскому Eloge—Кювье, и нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

[2]) Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 части. Петерб. 1776—80. Русское изданіе въ 1776—77, три части; 2-е изданіе, которое мы имѣли въ рукахъ: „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, упражненій, забавъ, вѣроисповѣданій и другихъ достопамятностей. Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Г'еорги*, въ переводѣ на Россійскій языкъ весьма во многомъ изправленное и въ новь сочиненное; въ четырехъ частяхъ со 100 гравированными изображеніями народовъ и 8 виньетами. Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова, съ позволенія С.-Петербургской цензуры“. Спб. 1799, четыре части.—Другая книга Георги: Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1772, 1773 und 1774. Petersb. 1775, два тома,—на русскомъ языкѣ не появлялась.

[3]) Здѣсь говорится: „Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описаніе народовъ... суть во первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во вторыхъ, и большею частію, описанія частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелиннымъ, Крашенинниковымъ, Штелеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуэлемъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингстедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлетцеромъ,

тературу предмета, и кромѣ этихъ книгъ Георги, безъ сомнѣнія, внесъ и свои собственныя наблюденія. Эти описанія Георги старался расположить въ системѣ, соединяя народы одного племени. Такъ, въ первой части помѣщены описанія племенъ финскихъ, чудскихъ, которыхъ авторъ называетъ и русскими, — такъ какъ по его теоріи новѣйшій русскій народъ, „россіяны", произошелъ изъ смѣшенія руссовъ, т.-е. финновъ, со славянами. Къ этимъ финскимъ или чудскимъ (русскимъ) народамъ Георги причислялъ: лопарей, финновъ, или чухонцевъ, эстовъ, черемисовъ, чувашей, мордву, остяковъ (которыхъ называетъ „отяками") и др., а также и латышей, принадлежащихъ, однако, не къ финскому, а къ литовскому племени. Во второй части описаны народы татарскіе, „родъ посторонній, покоренный или добровольно пришедшій подъ кроткую россійскую державу, послѣ коренныхъ россійскихъ самый многочисленный": здѣсь перечислены всякіе татары—казанскіе и оренбургскіе, ногайскіе, астраханскіе, таврическіе, кавказскіе, башкирцы, мещеряки, киргизы, но тутъ же и осеты, грузинцы и др. [1]), которые—вовсе не татары, т.-е. этнографическое распредѣленіе опять ошибочное. Въ третьей части описаны „народы особенные и до нынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому-либо изъ главныхъ и первоначальныхъ россійскихъ народовъ",— сюда онъ причислилъ самоѣдовъ (называемыхъ имъ семоядскимъ или суома-йотскимъ народомъ), койбаловъ, камачинцевъ, манджурскіе народы, тунгусовъ, камчадаловъ, коряковъ, чукчей, алеутовъ и пр. Наконецъ, въ четвертой части помѣщены „монгольскіе народы", напр., калмыки, буряты, монголы; затѣмъ армяне, опять грузинцы; нѣмцы и другіе европейцы; поляки; обширный трактатъ посвященъ „россіянамъ", производимымъ, какъ сказано, изъ руссовъ (финновъ) и славянъ; далѣе слѣдуютъ разныхъ наименованій казаки, которые представляются автору особенной, смѣшанной племенной разновидностью; наконецъ говорится о Курляндіи и Литвѣ. Къ книгѣ Георги приложено было сто рисунковъ, изображающихъ типы описанныхъ въ ней народовъ: предисловіе объясняетъ, что рисунки изготовлены петербургскими „рѣщиками" частію съ рисунковъ и фигуръ, находящихся при петер-

---

Климаномъ и другими; почерпая, изъ нихъ описаній и извѣстій, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненіи возможной краткости".

[1]) Эти послѣдніе помѣщены, впрочемъ, съ оговоркой—по сосѣдству съ кавказскими татарами. Но на Кавказѣ упомянуты между мелкими кавказскими племенами „чеки или богемцы, говорящіе испорченнымъ и перемѣшаннымъ богемскимъ языкомъ" (?). Часть II, стр. 53, 67.

бургской академіи наукъ въ кунсткамерѣ, частію „съ живыхъ подлинниковъ“.

Такимъ образомъ первый опытъ цѣльнаго этнографическаго описанія разнообразныхъ племенъ населенія русскаго государства сопровождался пока большими неясностями въ племенномъ распредѣленіи народовъ по ихъ происхожденію, но бытовыя описанія обыкновенно довольно точны—насколько XVIII-й вѣкъ понималъ эту точность. Большое мѣсто въ книгѣ Георги занимаютъ сибирскіе народы. Глава „Россіяне“, самая обширная въ книгѣ, заключаетъ не мало любопытнаго для исторіи русскихъ нравовъ и обычаевъ въ XVIII-мъ столѣтіи.

Изъ участниковъ академической экспедиціи, работавшихъ по описанію Сибири, остается назвать Фалька. Іоганнъ-Петръ Фалькъ (1725—74) былъ сынъ шведскаго пастора, учился медицинѣ въ Упсалѣ, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ въ домѣ Линнея, что помогло его занятіямъ по естественной исторіи, особливо по ботаникѣ. Личныя обстоятельства Фалька были очень тяжелы и мѣшали ученымъ его планамъ: защитивъ диссертацію по ботаникѣ, онъ не получилъ степени доктора, потому что нечѣмъ было заплатить соединенныя съ этимъ издержки; не удалось ему принять участіе въ ученомъ путешествіи, въ которое приглашали его, и удрученный всѣмъ этимъ Фалькъ впалъ въ болѣзненную ипохондрію. Наконецъ, по рекомендаціи Линнея онъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался впослѣдствіи преподавателемъ ботаники и смотрителемъ аптекарскаго сада при медицинской коллегіи, и когда предположена была „оренбургская“ (ставшая и сибирской) экспедиція, Фалькъ приглашенъ былъ къ участію въ ней. Болѣзнь и ипохондрія не покидали его во время путешествія, но онъ тѣмъ не менѣе добросовѣстно велъ свою работу. Онъ началъ свое путешествіе въ томъ же 1768 году, въ сопровожденіи трехъ студентовъ существовавшей тогда академической гимназіи (повидимому, не весьма удачныхъ) и нѣсколько другихъ помощниковъ. Въ первые два года онъ путешествовалъ по Окѣ и Волгѣ; въ 1771 былъ въ Оренбургѣ, откуда дѣлалъ поѣздки въ киргизскія степи, и затѣмъ направился въ Сибирь: черезъ Исетскую провинцію, Тобольскъ и Ишимъ въ Омскъ, на Иртышъ, и оттуда по Барабинской степи къ Оби до Барнаула, затѣмъ въ Кузнецкъ и Томскъ. Въ слѣдующемъ году онъ отправился обратно на Тару, Тобольскъ, Тюмень и Екатеринбургъ, осмотрѣлъ уральскіе горные заводы и прибылъ въ Казань. Въ 1773 онъ отправился по Волгѣ въ Астрахань и черезъ „Куманскую“ степь на Терекскія теплицы, и тою же дорогой вернулся въ Казань. Старая болѣзнь такъ му-

чила его, что въ Казани онъ кончилъ жизнь самоубійствомъ. Находившійся въ то время въ Казани другой академикъ, Георги, отправилъ его рукописи, книги и вещи въ Петербургъ и впослѣдствіи издалъ путешествіе Фалька по его замѣткамъ, писаннымъ на языкахъ: нѣмецкомъ шведскомъ и латинскомъ. На русскомъ языкѣ путешествіе Фалька явилось уже гораздо позднѣе [1]).

Путешествіе Фалька представляетъ главнымъ образомъ топографическое описаніе посѣщенныхъ имъ мѣстностей, съ указаніемъ мѣстоположенія, почвы, произведеній природы, населенныхъ мѣстностей—городовъ и селеній, съ историческими замѣчаніями, указаніями числа жителей, взятыми изъ мѣстныхъ документовъ церковныхъ и полицейскихъ, иногда съ выписками изъ старыхъ историческихъ источниковъ, напримѣръ, изъ сибирской лѣтописи Черепанова, и т. п. Изложеніе дѣловое, безъ тѣхъ повѣствовательныхъ эпизодовъ и личныхъ отступленій, какія, напр., дѣлаютъ иногда столь интересными записки Гмелина-старшаго, Лепехина и самого Палласа,—но повидимому изложеніе Фалька отличается большою точностью его свѣденій. Съ тѣхъ поръ какъ дѣланы были замѣтки Фалька и до появленія ихъ на русскомъ языкѣ прошло цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ; въ это время произошли нѣкоторыя перемѣны въ административномъ положеніи описанныхъ мѣстностей, и въ русскомъ изданіи къ примѣчаніямъ перваго издателя записокъ, Георги, добавлены еще примѣчанія академиковъ Севергина и Севастьянова.

Во второй половинѣ XVIII-го вѣка накопляется уже значительная масса свѣденій о Сибири, какъ въ русской, такъ и въ западно-европейской литературѣ. У насъ главное мѣсто въ этой литературѣ занимаютъ сочиненія академическихъ путешественниковъ—какъ Миллеръ, Фишеръ, Крашенинниковъ, Стеллеръ, Гмелинъ-старшій, Палласъ съ его „студентами“ Зуевымъ и Соколовымъ, Георги и Фалькъ. Миллеръ собиралъ уже свѣденія о давнихъ русскихъ путешествіяхъ въ сибирскихъ моряхъ [2]). Извѣстія

[1]) Johann Peter Falck, Beyträge zur topographischen Kenntniss des russischen Reichs. Petersburg, 1785—1786, три тома, 4°. Послѣ вышло извлеченіе изъ этой книги, кажется, не конченное: Reise in Russland, in einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von I. A. Martyni-Laguna. Berlin, 1794, одинъ томъ. Русскій переводъ вышелъ въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемомъ Императорскою Академіею Наукъ“. Спб. 1818—1825, въ семи томахъ, гдѣ путешествіе Фалька занимаетъ два послѣдніе тома.

[2]) Въ „Sammlung Russischer Geschichte“, и въ русскихъ статьяхъ, напр., о морскихъ путешествіяхъ русскихъ по Ледовитому и Восточному морямъ, въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ“, 1758, апрѣль.

о правительственныхъ экспедиціяхъ приходили въ Петербургъ, были извѣстны въ академіи и черезъ книги Гмелина, Палласа и статьи Миллера дѣлались доступны въ иностранной литературѣ. Позднѣе являлись подробныя описанія самихъ плавателей, какъ, напримѣръ, упомянутаго выше Шелехова: онъ самъ описалъ свои путешествія въ двухъ книжкахъ,—онѣ должны были сообщить о его географическихъ открытіяхъ, а главное, кажется, дать ему славу и тѣмъ помочь его практическимъ планамъ въ Петербургѣ [1]). Нѣсколько позднѣе изданы были другія путешествія въ моряхъ Восточной Сибири, Биллингса (бывшаго спутника капитана Кука) и Сарычева [2]).

---

[1]) Первая книжка вышла съ слѣдующимъ длиннымъ заглавіемъ: на первомъ листкѣ—„Странствованіе Шелехова“; на второмъ листкѣ: „Россійскаго купца Григорья Шелехова странствованіе въ 1783 году изъ Охотска по Восточному Океяну къ Американскимъ берегамъ, съ обстоятельными увѣдомленіями объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ Кыктака и Афагнака, и съ пріобщеніемъ описанія образа жизни, нравовъ, обрядовъ, жилищъ и одежды тамошнихъ народовъ, покорившихся подъ Россійскую державу; также климатъ, годовыя перемѣны, звѣри, домашнія животныя, рыбы, птицы, земныя произрастѣнія и многіе другіе любопытные предмѣты тамъ находящіеся, что все вѣрно и точно описано имъ самимъ. Съ чертежемъ и со изображеніемъ самаго мореходца и найденныхъ имъ дикихъ людей. Въ Санктпетербургѣ 1791 года. Иждивеніемъ В. С.“ (вѣроятно Василія Сопикова, въ лавкѣ котораго книга и продавалась). 12°, 76 стр.

Далѣе: „Россійскаго купца Григорья Шелехова продолженіе странствованія по Восточному Океану къ Американскимъ берегамъ въ 1788 году, съ обстоятельнымъ увѣдомленіемъ объ открытіи новообрѣтенныхъ имъ острововъ, до коихъ не достигалъ и славный аглинскій мореходецъ капитанъ Кукъ, и съ пріобщеніемъ“ и пр. Спб. 1792, опять иждивеніемъ В. С., 12°, 95 стр.

Третья книжка: „Россійскаго купца Именитаго рыльскаго гражданина Григорья Шелехова первое странствованіе съ 1783 по 1787 годъ изъ Охотска“ и пр. Спб. 1793, 12°, 172 стр.

Четвертая книжка: „Путешествіе Г. Шелехова съ 1783 до 1790 г. изъ Охотска“ и пр. Спб. 1812, въ двухъ частяхъ, 12°, 171 и 90 стр., есть та же третья книжка, къ которой припечатано только два новыхъ начальныхъ листка и добавлена вторая часть.

[2]) „Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, въ продолженіе осьми лѣтъ, при Географической и Астрономической морской экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса, съ 1785 по 1793 годъ“. 2 части, съ картами и картинами. Спб. 1802; „Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукоцкую землю отъ Берингова пролива до Нижнеколымскаго острога и плаваніе капитана Галла... по Сѣверовосточному океану въ 1791 году, съ приложеніемъ словаря двѣнадцати нарѣчій дикихъ народовъ“ и пр., издано Сарычевымъ. Спб. 1811. Первая изъ этихъ книгъ явилась въ нѣмецкомъ переводѣ Буссе: Achtjährige Reise и пр., Leipz. 1805—15, 3 т.; затѣмъ были изданія французское и голландское.

Путешествіе Биллингса издано было, по его бумагамъ, по-англійски: An account of a geographical and astronomical expedition to the Northern parts of Russia, per-

Въ западной литературѣ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за русскими открытіями. Вопросъ объ азіатскомъ сѣверѣ и востокѣ поставленъ былъ, какъ мы видѣли выше, голландцами и англичанами еще въ XVI-мъ столѣтіи; теперь онъ былъ подновленъ извѣстіями о русскихъ плаваніяхъ, и имъ посвященъ былъ цѣлый рядъ книгъ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ и шведскихъ. Было бы долго исчислять сполна эту литературу, но любопытно составить о ней понятіе.

Одной изъ первыхъ книгъ этого рода было сочиненіе Іосифа-Николая (по-русски звали его Осипомъ Николаевичемъ) Делиля (1688—1768), который долго былъ членомъ академіи наукъ въ Петербургѣ, въ 1740 году самъ ѣздилъ въ Сибирь для астрономическихъ наблюденій въ Березовѣ. Вернувшись во Францію, Делиль напечаталъ сочиненіе, которое было первымъ печатнымъ извѣстіемъ о результатахъ, добытыхъ экспедиціею Беринга въ восточно-азіатскихъ моряхъ [1]). Мы видѣли раньше, въ предисловіи книги Гмелина, съ какою осторожностью онъ касается этихъ открытій—на томъ основаніи, что первая публикація ихъ должна быть сдѣлана тѣмъ правительствомъ, которое потратило на нихъ столь значительныя средства. Но этой оффиціальной публикаціи пока (да и послѣ) не состоялось, и въ Петербургѣ были очень раздражены появленіемъ сочиненія Делиля, которое сочтено было дерзкой нескромностью, и такъ какъ при томъ въ статьѣ Делиля были невѣрности, то начальство академіи наукъ поручило Миллеру написать опроверженіе, чтобы „свѣту показать всѣ *нечестивые* въ семъ дѣлѣ *Делилевы поступки* и главныя его карты изъясненія неисправности“. Миллеръ исполнилъ порученіе, и его статья была напечатана въ 1753 г. подъ названіемъ: „Письма россійскаго морского офицера“ [2]).

formed in the years 1785, to 1794, narrated from the original papers by Mart. Sauer. Lond. 1802; затѣмъ было нѣсколько изданій нѣмецкихъ, французское и итальянское.

[1]) Мы не имѣли въ рукахъ этой книги. Пекарскій, „Ист. Акад. Наукъ“, I, стр. 142, 149, 407—408, называетъ ее: „Explication de la carte des nouvelles découvertes au Nord de la Mer du Sud“, 1752; иначе въ „Russica“ Публ. Библіотеки, т. I, стр. 289: „Nouvelles cartes des découvertes de l'amiral de Fonte et autres navigateurs espagnoles, portugais, anglais, hollandais, français et russes dans les mers septentrionales. Paris, 1753“.

[2]) Lettre d'un officier de la marine russienne à un Seigneur de la Cour concernant la carte des nouvelles découvertes au Nord de la mer du Sud, et le Mémoire qui y sert d'explication publié par M. de l'Isle,—въ „Nouvelle Bibliothèque Germanique“, XIII, 46—87, и отдѣльно, 1753.

Объ упомянутомъ путешествіи Делиля см. Пекарскаго, „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ 1740 года“, Спб. 1865 (изъ „Записокъ Акад. Н.“).

Въ 1761 году Том. Джеффрисъ (Jefferies) издалъ по-англійски сочиненіе Миллера о русскихъ путешествіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ; въ 1764 вышло второе ея изданіе, а въ 1766—французскій переводъ.

Въ 1765 вышла по-французски, и безъ имени автора, книга Самуила Энгеля, которая можетъ служить образчикомъ любопытства, возбужденнаго тогда сибирскими открытіями. Она разбираетъ вопросъ о сѣверѣ Азіи и Америки и снова обращается къ изслѣдованію о возможности сѣвернаго пути въ Индію — предметъ, занимавшій тогда и географовъ, и торговыя компаніи [1]). Авторъ книги взялся за дѣло весьма пунктуально: собиралъ сколько могъ существующія показанія путешественниковъ, сличалъ и опредѣлялъ ихъ вѣроятность; выбиралъ изъ тогдашнихъ газетъ извѣстія о планахъ новыхъ русскихъ изслѣдованій. Ему казалось, что русскіе, и даже Гмелинъ и Миллеръ, изъ которыхъ онъ извлекъ, однако, много свѣденій, „сколько можно скрываютъ путешествія, сдѣланныя отъ Лены въ Камчатку“, но что „у нихъ обоихъ вырываются подробности, которыхъ они не могли скрыть“ (стр. 234). Уклоненіе Гмелина разсказывать впередъ результаты правительственной экспедиціи и вѣроятно исторія съ сочиненіемъ Делиля исполнили Энгеля подозрѣніями, что правительство не позволяетъ по какимъ-то видамъ говорить всей правды объ этомъ предметѣ. Эти виды были очень простые: научное открытіе было канцелярскою собственностью вѣдомства, подъ управленіемъ котораго было сдѣлано, и должно было дождаться оффиціальнаго опубликованія. Между тѣмъ разбирать русскія извѣстія было Энгелю не легко [2]). Его окончательное убѣжденіе было то, что сѣверный путь въ Индію возможенъ. Книга Энгеля свидѣтельствуетъ о томъ, какъ еще неясно было представленіе объ этой

---

[1]) Mémoires et observations géographiques et critiques sur la situation des pays septentrionaux de l'Asie et de l'Amérique, d'après les relations les plus récentes. Aux quelles on a joint un Essai sur la route aux Indes par le Nord, et sur un Commerce très vaste et très riche à établir dans la mer du Sud. Avec deux nouvelles cartes dressées conformément a ce système. Lausanne, MDCCLXV, 4°. Другое французское изданіе тамъ же 1779, и нѣмецкій переводъ съ дополненіями 1772 и 1777.

[2]) Онъ вычитываетъ, напримѣръ, у русскихъ историковъ объ одномъ русскомъ плавателѣ, который былъ начальникомъ *промышленниковъ* (chef parmi les Promyschleni). Это слово привело его въ большое недоумѣніе: „Je me suis informé auprès des plusieurs personnes, que je croyois a même de m'expliquer ce nom de Promyschleni, ce que c'étoit; l'un voulut que c'étoit une Secte; un autre des Rebelles; un troisième des gens qui levoient le tribut“; наконецъ онъ прочелъ у того же Миллера, что „promyschleni“ были промышленники.

части Ледовитаго и Тихаго океана: на его картѣ нарисована Камчатка, кусокъ Америки въ Беринговомъ проливѣ, на мѣстѣ Алеутскихъ острововъ намѣчена предполагаемая твердая земля, но всѣ очертанія и азіатскаго и американскаго материка и Японіи крайне грубы и невѣрны.

Въ русскомъ „мѣсяцесловѣ", какіе стали тогда издаваться при академіи наукъ, на 1774-й годъ помѣщена была статья извѣстнаго академика Штелина: „Краткое извѣстіе о новоизобрѣтенномъ сѣверномъ Архипелагѣ", т.-е. объ открытіи Алеутскихъ острововъ. Въ томъ же году является книжка Штелина на нѣмецкомъ языкѣ въ Германіи [1]), и затѣмъ въ англійскомъ и французскомъ переводахъ. Въ томъ же году выходитъ объ этомъ предметѣ французская книга Вогонди (Vaugondy). Въ 1776, нѣмецкая книга Шульца о вновь открытыхъ островахъ между Азіей и Америкой, изданная, впрочемъ, безъ имени автора и основанная на русскихъ источникахъ—о ней мы скажемъ далѣе. Въ 1778—англійская книга о Камчаткѣ. Въ 1780—англійская книга извѣстнаго путешественника, между прочимъ по Россіи, Вильяма Кокса, одна изъ лучшихъ книгъ въ тогдашней иностранной литературѣ о Сибири. Въ 1787—шведская книга о Камчаткѣ. Въ 1790—самостоятельное французское путешествіе Лессепса отъ Камчатки черезъ Сибирь, и т. д.

Выше названная книга Кокса [2]) представляетъ уже большой успѣхъ западныхъ географическихъ знаній о Сибири, напр., сравнительно съ книгой Энгеля, и большую противоположность этой послѣдней. Для Энгеля сѣверный путь есть еще вопросъ, надъ которымъ онъ дѣлаетъ глубокомысленныя соображенія; Коксъ собралъ весьма обстоятельныя свѣденія о русскихъ путешествіяхъ и сопроводилъ ихъ подробными картами. Въ предисловіи онъ говоритъ, что „новѣйшія русскія открытія между Азіей и Европой привлекли въ послѣднее время вниманіе любознательныхъ людей, особливо съ тѣхъ поръ, какъ въ рукахъ публики была превосходная исторія Америки д-ра Робертсона. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи изящный и остроумный авторъ сообщилъ

[1]) Jac. v. Stählin, Das von den Russen in den Jahren 1765, 66, 67 entdeckte nordliche Insel-Meer, zwischen Kamtschatka und Nordamerika. Stuttgart, 1774. Ср Пекарскаго, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 558.

[2]) Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added „The Conquest of Siberia" and the History of the transactions and commerce between Russia and China. By William Coxe, A. M. Fellow of King's College, Cambridge, and Chaplain to his Grace the Duke of Marlborough. Lond MDCCLXXX, 4°.

міру, съ точностью и умомъ, такъ отличающими всѣ его сочиненія, самыя обстоятельныя свѣденія, какія можно было въ то время получить, относительно этихъ важныхъ открытій". Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Коксъ обратилъ особенное вниманіе на этотъ предметъ, чтобы, если можно, „бросить новый свѣтъ на этотъ отдѣлъ знанія, столь важный для исторіи человѣчества", и именно хотѣлъ собрать извѣстія о русскихъ путешествіяхъ, слѣдовавшихъ за экспедиціей Беринга и Чирикова, въ 1741, которою оканчивался разсказъ Миллера о русскихъ плаваніяхъ. Въ это время ему встрѣтилась упомянутая книга Шульца, 1776, гдѣ находится подробный разсказъ о русскихъ путешествіяхъ въ 1745—1770 годахъ. Такъ какъ книга вышла безъ имени автора, то она могла возбуждать сомнѣнія, но Кокса увѣрили, что она заимствована „изъ подлинныхъ журналовъ"; не довольствуясь этимъ, Коксъ обратился къ Миллеру, „который, по приказанію императрицы, привелъ въ порядокъ эти самые журналы, изъ которыхъ, какъ говорили, безъименный авторъ извлекъ свои матеріалы". Миллеръ уже зналъ эту книжку, сличалъ ее съ „подлинными бумагами", и отвѣтилъ Коксу, что авторъ книжки дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ хорошій матеріалъ и вѣрно имъ пользовался. Поэтому Коксъ перевелъ нѣмецкую книжку, сопровождая ее, гдѣ нужно, своими примѣчаніями, но сдѣлалъ и обширныя собственныя добавленія: во-первыхъ, предварительныя свѣденія о Камчаткѣ и объ открытіяхъ въ восточныхъ сибирскихъ моряхъ; во-вторыхъ, статью объ исторіи завоеванія Сибири, о сношеніяхъ и торговлѣ съ Китаемъ, и наконецъ, въ приложеніяхъ, разные новые географическіе матеріалы, между прочимъ три журнала плаваній, которыя „до сихъ поръ еще не были извѣстны публикѣ". Это были журналы названныхъ нами выше Креницына и Левашева, краткій отчетъ о плаваніи Синда и разсказъ объ экспедиціяхъ Шалаурова. Первый изъ этихъ журналовъ вмѣстѣ съ картой путешествія Креницына и Левашева еще раньше сообщенъ былъ изъ Россіи доктору Робертсону по приказанію императрицы Екатерины, а имъ теперь переданъ былъ Коксу. „Это путешествіе, приносящее великую честь монархинѣ, возымѣвшей планъ его, подтверждаетъ вообще достовѣрность упомянутаго выше сочиненія (т.-е. нѣмецкой книги) и доказываетъ дѣйствительность открытій, сдѣланныхъ частными купцами". Наконецъ Коксъ старался пріобрѣсти лучшія карты, какія можно было достать въ Петербургѣ: онъ ожидалъ, что эти карты можно будетъ сравнить съ тѣми, какія составлены были великимъ мореплавателемъ (тогда уже погибшимъ) капитаномъ

Кукомъ, „когда его журналъ будетъ сообщенъ публикѣ“. Матеріалъ, которымъ пользовался вообще Коксъ въ своей книгѣ, кромѣ нѣмецкаго сочиненія Шульца, состоитъ почти исключительно изъ трудовъ академическихъ путешественниковъ: Миллера, Палласа, Георги, Гмелина и „Сибирской исторіи“ Фишера.

Появляются, наконецъ, западныя путешествія въ сибирскія моря и въ самую Сибирь. Знаменитыя путешествія Кука и Лаперуза коснулись восточныхъ сибирскихъ окраинъ и острововъ. Одинъ изъ молодыхъ спутниковъ Лаперуза, Лессепсъ, написалъ интересный разсказъ о своемъ путешествіи черезъ Сибирь: въ сентябрѣ 1787, Лаперузъ, стоявшій тогда въ Авачинской гавани въ Камчаткѣ, отправилъ Лессепса со своими депешами сухимъ путемъ во Францію, и Лессепсъ, выѣхавъ въ началѣ октября изъ Авачи, въ августѣ слѣдующаго года былъ въ Иркутскѣ, въ сентябрѣ въ Петербургѣ и 17-го октября 1788 г. въ Версали. Въ 1790 вышла его книга [1]), которая опять обратила на себя всеобщее вниманіе, чего и заслуживала; одинъ изъ двухъ нѣмецкихъ переводовъ вышелъ съ примѣчаніями извѣстнаго нѣмецкаго естествоиспытателя Форстера, который былъ спутникомъ Кука и однимъ изъ описателей его путешествія и, между прочимъ, бывалъ въ Россіи. „Страны, посвященныя Лессепсомъ,—говоритъ предисловіе нѣмецкаго перевода, — все еще не такъ извѣстны, чтобы публика не встрѣтила съ удовольствіемъ новыхъ наблюденій, сдѣланныхъ съ другихъ точекъ зрѣнія, и дѣйствительно даже ученый, знакомый со всѣми существующими сочиненіями о Камчаткѣ и восточномъ краѣ Сибири, найдетъ здѣсь много интереснаго. И если авторъ ничѣмъ не расширилъ нашихъ интенсивныхъ знаній, то ему, конечно, нельзя отказать въ заслугѣ, что онъ можетъ увеличить знанія экстенсивныя. Главное достоинство его путешествія есть именно живой, возбуждающій участіе разсказъ и изъ-за него легко можно извинить ему нѣкоторыя преувеличенія и выставленіе своей собственной особы“... Самъ критикъ, впрочемъ, сознается, что эти недостатки Лессепса легко извинимы, и опи-

[1]) Journal historique du voyage de M. de Lesseps, depuis l'instant où il a quitté les frégates françaises au port Saint Pierre et Saint Paul de Kamtschatka. Paris. 1790, двѣ части. Въ томъ же году англійскій переводъ, затѣмъ два нѣмецкихъ перевода: Reise von Kamtschatka nach Frankreich, aus d. Franz. vom Prof. Villaume: Riga und Leipz. 1791, 2 кн. (дурной), и Herrn von Lesseps, Gefährten des Grafen de la Perouse, Reise durch Kamtschatka und Sibirien nach Frankreich. Aus d. Franz' übers. Mit Anmerkungen von Joh. Reinh. Forster, Berlin, 1791; далѣе два голландскихъ перевода, 1791—1792 и 1805, и шведскій, Упсала, 1793; наконецъ, русскій. Лессепсово путешествіе по Камчаткѣ и по южной сторонѣ Сибири; переводъ съ французскаго, три части, М. 1801—1802. Мы пользовались нѣмецкимъ изданіемъ Форстера.

саніе личныхъ приключеній, напримѣръ, когда ему приходилось ѣхать по краю льда или одному странствовать на собакахъ и оленяхъ, даетъ, конечно, понятіе и о самыхъ условіяхъ путешествія.

„Мнѣ всего двадцать-пять лѣтъ,—говоритъ Лессепсъ въ началѣ своей книги,—и однако я нахожусь уже въ замѣчательнѣйшемъ періодѣ моей жизни“,—такимъ періодомъ казалось автору его участіе въ знаменитомъ путешествіи, которое совершали тогда кругомъ свѣта два французскіе фрегата, La Boussole и l'Astrolabe, подъ командою графа Лаперуза и виконта де-Лангля. „Какъ лестно для меня, что я послѣ счастія пробыть два года въ свитѣ графа Лаперуза, обязанъ ему еще честью доставить сухимъ путемъ его депеши во Францію. Я могу приписать оказанное мнѣ преимущество только тому обстоятельству, что для этого путешествія необходимо было выбрать человѣка, который говорилъ по-русски и жилъ уже въ Россіи“. Изъ этого послѣдняго обстоятельства видно, что Лессепсъ больше другихъ иностранцевъ, заѣзжавшихъ въ Сибирь, могъ понимать окружающее и легче пріобрѣтать свѣденія въ прямыхъ бесѣдахъ съ русскими туземцами. Почти вся его книга цѣликомъ посвящена странамъ, наименѣе посѣщавшимся путешественниками, и прежде, и послѣ, именно Камчаткѣ, берегу Охотскаго моря и пути отъ Охотска до Иркутска; дальнѣйшему путешествію отъ Иркутска до Петербурга и Версали дано всего нѣсколько страницъ, какъ и слѣдовало. Отъ Авачинской гавани онъ проѣхалъ всю Камчатку до сѣвернаго пункта Пенжинскаго залива, далѣе берегомъ моря до Охотска, затѣмъ съ Охотска сухимъ путемъ до Якутска, наконецъ, вверхъ по Ленѣ до Иркутска. Эта поѣздка заняла съ остановками, какъ мы видѣли, почти одиннадцать мѣсяцевъ, такъ что путешественникъ могъ дѣлать свои наблюденія не торопясь и могъ присмотрѣться хорошо какъ къ мѣстности, такъ и къ быту и нравамъ тѣхъ инородцевъ, какіе встрѣчались на его пути. Въ своихъ наблюденіяхъ онъ былъ вообще очень внимателенъ: быть можетъ, знаніе русскаго языка легче сближало его съ людьми или участвовалъ здѣсь личный характеръ, но у него совсѣмъ нѣтъ тѣхъ отталкивающихъ свойствъ, какія отличали его соотечественника, аббата Шаппа; онъ относится съ любознательностью и участіемъ къ оригинальному быту полудикихъ инородцевъ, умѣетъ подмѣтить, что̀ бывало симпатичнаго въ ихъ природѣ, и его непритязательный разсказъ очень занимателенъ. Племена, которыя онъ наблюдалъ, были камчадалы, коряки, чукчи, кочевые тунгузы, якуты и буряты. Между прочимъ онъ записы-

ваетъ свѣденія о Беньовскомъ, слышанныя въ Камчаткѣ [1]); въ Якутскѣ онъ встрѣтился и познакомился съ Биллингсомъ. У русскихъ онъ встрѣчалъ вообще большое гостепріимство—и нѣмецкій издатель жалуется, что авторъ благодаритъ ихъ за это слишкомъ большимъ количествомъ комплиментовъ, которое въ нѣмецкомъ изданіи нашли нужнымъ нѣсколько укоротить.

Въ 1796 году вышла не лишенная интереса книга Сиверса [2]). Этотъ ученый аптекарь разсказываетъ, что его собственное желаніе видѣть такую замѣчательную страну, какъ Сибирь, побудило его принять участіе въ экспедиціи, которая послана была по повелѣнію императрицы Екатерины съ цѣлью распространенія и улучшенія сибирскаго ревеня и сродныхъ ему растеній: хотѣли испытать, нельзя ли посредствомъ перемѣны почвы, пересадки и другихъ вспомогательныхъ средствъ, изъ извѣстныхъ родовъ этого растенія добыть хорошаго ревеню, который равнялся бы „красотой“ и силою китайскому или бухарскому. Замѣтимъ, что русское правительство давно уже обратило вниманіе на торговлю этимъ растеніемъ и на разведеніе его, и передъ путешествіемъ Сиверса еще разъ издано было распоряженіе о разведеніи ревеня въ мѣстахъ тому способныхъ и о награжденіи тѣмъ людямъ, которые будутъ этому способствовать [3]). Сиверсъ былъ чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. „Искренность и строжайшая любовь къ истинѣ всегда водили моимъ перомъ“, предупреждаетъ онъ въ предисловіи, и, кромѣ сообщенія научныхъ свѣденій, „я при изданіи своихъ писемъ имѣлъ еще другую цѣль, а именно, искоренить тотъ злой предразсудокъ, который еще многіе, особливо за границей, имѣютъ о Сибири. Сибирь, это такая превосходная страна (vortreffliches Land), какая только можетъ быть на свѣтѣ подъ той же широтой. Вслѣдствіе неутомимаго попеченія и безпримѣрнаго, исполненнаго мудрости правленія нашей могущественнѣйшей монархини Екатерины II, большіе непроходимые лѣса и пустыни почти невѣроятнымъ образомъ превращены здѣсь въ населенныя большія дороги, и пустыя равнины—въ плодороднѣйшія поля. Въ этой громадной по пространству землѣ можно

[1]) Стр. 68—69 нѣмецкаго изданія.

[2]) Johann Sievers, Russisch kayserl. Apothekers, des S.-Petersburgischen Akademie der Wissenschaften und der freyen ökonomischen Gesellschaft Mitgliedes, Briefe aus Sibirien an seine Lehrer, den Königl. Grosbritannischen Hofapotheker Herrn Brande, den Königl. Grosbritannischen Botaniker Herrn Ehrhart, und den Bergcommissarius und Rathsapotheker Herrn Westrumb. S.-Petersburg, bey Zacharias Logan, 1796.

[3]) Полное Собр. Законовъ, т. XXIII, № 16808.

путешествовать теперь съ такою безопасностью, быстротой и удобствомъ, примѣра которыхъ не можетъ представить никакое другое царство въ свѣтѣ на такихъ большихъ пространствахъ. Дороги хороши и безопасны; гдѣ нужно, содержатся мосты; почтовая ѣзда быстрая и дешевая, и вездѣ можно имѣть средства пропитанія. Разбитая посуда бываетъ вездѣ; поэтому несправедливо было бы требовать, чтобы все въ Сибири было совершенно. Такъ, напримѣръ, гостинницы принадлежатъ въ Сибири къ самымъ рѣдкимъ вещамъ; зато, конечно, ни въ какой странѣ на свѣтѣ нѣтъ большаго гостепріимства. Каждый путешественникъ хорошаго поведенія вездѣ, особливо у добраго сельскаго народа, можетъ быть увѣренъ въ самомъ сердечномъ пріемѣ. Однимъ словомъ, Сибирь исполинскими шагами приближается къ самымъ просвѣщеннымъ странамъ Европы". Такіе оптимисты были рѣдки.

Письма Сиверса начинаются съ Иркутска въ январѣ 1790 года и оканчиваются въ Кяхтѣ въ маѣ 1794; закончена книга въ Петербургѣ въ мартѣ 1795 года. Сиверсъ побывалъ во многихъ мѣстахъ Сибири: онъ бывалъ и гораздо дальше Иркутска, не одинъ разъ былъ въ Кяхтѣ и въ горахъ Яблоннаго хребта, въ Алтаѣ, въ Киргизскихъ степяхъ; вездѣ онъ ботанизировалъ и приводитъ въ письмахъ списки имъ собранныхъ растеній, дѣлаетъ замѣчаніе о физическихъ свойствахъ страны и ея жителяхъ, и этотъ послѣдній отдѣлъ его путешествія представляетъ не мало общаго интереса; въ киргизской степи онъ велъ настоящій дневникъ—такъ любопытна казалась ему кочевая жизнь, которую онъ здѣсь наблюдалъ. Въ горахъ Яблоннаго хребта онъ описываетъ село, обитаемое польскими и малорусскими крестьянами, конечно ссыльными, которые поселены были здѣсь лѣтъ за тридцать передъ тѣмъ. Замѣтимъ, что и Палласъ отмѣчаетъ уже въ Сибири польскія деревни. По словамъ Сиверса, жители ихъ рѣзко отличались отъ русскихъ туземцевъ, и черезъ нихъ стало утверждаться здѣсь земледѣліе, садоводство, потому что до ихъ прибытія даже родившіеся здѣсь русскіе жили почти кочевымъ образомъ, съ тою только разницей, что имѣли деревни и постоянные дома. Отъ этихъ новыхъ поселенцевъ стали заимствовать земледѣліе даже настоящіе номады, монголы, среди которыхъ они жили. Русскихъ туземцевъ и крещеныхъ монголовъ Сиверсъ описываетъ какъ людей лѣнивыхъ и коварныхъ, но поляки составляютъ прямую противоположность: „быть можетъ, и они испортятся со временемъ" [1]).

[1]) Стр. 41.

Патріархальный кочевой бытъ, съ которымъ Сиверсъ ознакомился у киргизовъ, приводитъ нашего путешественника въ восхищеніе своею близостью къ природѣ, простотой жизни, потребностей и обычаевъ. Онъ мечтаетъ даже, какъ хорошо было бы удалиться сюда отъ трудной жизни въ средѣ цивилизованнаго міра. Его знакомство съ киргизами было очень благодушное: нѣсколько ничтожныхъ подарковъ расположили къ нему населеніе и мужское, и женское. „Я въ полнѣйшей мѣрѣ наслаждался здѣсь сельскимъ счастіемъ... Оставшись одинъ въ юртѣ, я развалился какъ султанъ на своей софѣ и размышлялъ о крайне блаженномъ состояніи номадовъ. Въ то время, какъ они переживаютъ самые беззаботные, веселые часы, европеецъ мучится тѣмъ, какъ пріобрѣсти славу, почести, богатство, высокія почетныя мѣста и пр.—на коротенькую жизнь. Сто разъ пробѣгала у меня въ головѣ мысль покинуть свою должность и вернуться сюда, къ народамъ, у которыхъ, я могъ бы почти сказать, господствуетъ безгрѣшная жизнь и истинное delizioso far niente итальянцевъ. Но, къ сожалѣнію, я нашелъ, что я еще слишкомъ мало философъ; склонность къ европейцамъ на этотъ разъ еще одержала верхъ. Чего не дѣлаетъ воспитаніе?“ [1])

Было, наконецъ, еще нѣсколько случайныхъ событій и путешествій, которыя такъ или иначе обращали вниманіе на Сибирь и заставляли говорить о ней. Такова была исторія знаменитаго авантюриста, графа Морица-Августа Беньовскаго (1741—1786). Уроженецъ Венгріи, онъ имѣлъ хорошее образованіе, между прочимъ былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ, былъ человѣкъ энергичный и предпріимчивый. Принявши участіе въ польской конфедераціи, онъ былъ захваченъ русскими въ плѣнъ, и въ 1770 сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, какъ извѣстно, онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе и довѣріе начальника края и въ 1771 году, составивши между ссыльными заговоръ, бѣжалъ на кораблѣ, захвативъ значительную сумму денегъ. Впослѣдствіи, въ 1774, по порученію французскаго правительства, онъ основалъ колонію на Мадагаскарѣ, гдѣ туземныя племена, которымъ онъ умѣлъ внушить довѣріе, провозгласили его королемъ; но когда французское правительство отказало въ дальнѣйшей поддержкѣ этому предпріятію, онъ вернулся въ Европу, былъ нѣкоторое время въ австрійской службѣ, а затѣмъ нашедши средства для мадагаскарской колоніи у англичанъ и американцевъ, отправился на Мадагаскаръ, и здѣсь въ сраженіи съ французами былъ тяжело ра-

[1]) Стр. 161—162.

ненъ и умеръ. Его автобіографія издана была по-англійски въ 1790, и въ переводахъ обошла всю Европу. Его романическіе подвиги не разъ служили предметомъ поэтическихъ пересказовъ.

Еще со временъ Петра Великаго въ Сибирь стали высылать множество плѣнныхъ; во время Сѣверной войны это были особливо шведы. Ссылка плѣнныхъ продолжалась и впослѣдствіи, и ко второй половинѣ столѣтія въ Сибири собралось много плѣнныхъ разныхъ племенъ—нѣмцевъ, шведовъ, поляковъ, наконецъ французовъ. Огромное большинство этихъ плѣнныхъ оставалось въ Сибири навсегда; много ихъ погибало отъ трудныхъ работъ и лишеній; другіе обращались въ поселенцевъ и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ сливались съ русскими. Находились между ними люди образованные, ремесленники, трудъ которыхъ не остался безъ пользы для мѣстной культуры. Нѣкоторые, по окончаніи войнъ, освобождались изъ ссылки, и мы называли выше Таббертъ-Штраленберга, который сдѣлался однимъ изъ первыхъ описателей Сибири. Нѣкоторые оставили разсказы о своемъ плѣнѣ.

Таковы, напримѣръ, записки французскаго офицера Бельюра [1]). Въ 1769 году онъ вступилъ на службу польской конфедераціи, но едва успѣлъ явиться на мѣсто служенія, какъ уже долженъ былъ раскаяться въ своемъ рѣшеніи. Дѣло конфедератовъ велось крайне безпорядочно, и въ первой серьезной стычкѣ Бельюръ попался въ плѣнъ русскимъ. Съ декабря того же года начинаются мытарства несчастнаго полковника: въ русскомъ лагерѣ онъ уже испыталъ суровое обращеніе и разсказываетъ объ ужасныхъ, похожихъ на турецкія, жестокостяхъ одного изъ русскихъ начальниковъ (стр. 25, примѣчаніе). Въ январѣ слѣдующаго года, его съ цѣлымъ отрядомъ плѣнныхъ отправили сначала въ Кіевъ, а оттуда черезъ Тулу и Казань въ Тобольскъ, куда они прибыли въ октябрѣ 1770: уже въ Кіевѣ много плѣнныхъ умерло отъ лишеній. Плѣнъ въ Сибири продолжался три года: въ сентябрѣ 1773, вѣроятно вслѣдствіе окончанія перваго раздѣла Польши, плѣннымъ иностранцамъ объявили, что они свободны; въ декабрѣ Бельюръ былъ опять въ Казани, которую нашелъ въ тревогѣ отъ Пугачева, а въ февралѣ 1774 въ Москвѣ, гдѣ былъ также свидѣтелемъ возбужденія, однажды, какъ извѣстно, охватившаго и московское простонародье вслѣдствіе слуховъ о Пугачевѣ. Наконецъ, черезъ Варшаву онъ возвратился въ свое отечество.

---

[1]) Relation ou Journal d'un officier françois au service de la confédération de Pologne, pris par les Russes et relégué en Sibérie. Amsterdam, MDCCLXVI. Книга издана безъ имени, но авторъ названъ въ текстѣ, напр., стр. 64 (colonel de Belcourt), и въ другихъ мѣстахъ книги.

Въ предисловіи издателя замѣчено, что авторъ, котораго „трехлѣтнее пребываніе въ Сибири заставило почти забыть французскій языкъ“ (хотя онъ не овладѣлъ порядочно и русскимъ), просилъ его просмотрѣть и исправить его журналъ и что цѣлью автора при изданіи его книги было довести до свѣденія русской монархини, какъ мало исполняются тѣ повелѣнія, какія внушаются этой государынѣ ея человѣколюбіемъ и благожелательнымъ сердцемъ въ пользу тѣхъ, кто сосланъ въ Сибирь или кого приводятъ туда, какъ военноплѣнныхъ, или, наконецъ, кого поселяютъ тамъ для увеличенія населенія страны; авторъ хотѣлъ дать понятіе о безнаказанномъ самоуправствѣ губернаторовъ и ихъ чиновниковъ, по крайней мѣрѣ большинства изъ нихъ, безнаказанномъ вслѣдствіе дальности ихъ отъ императорскаго двора; о жалкомъ положеніи тѣхъ, кто находится подъ властью ихъ самоуправства или своекорыстія; наконецъ, авторъ хотѣлъ дать понятіе о свойствахъ страны, о жителяхъ, ихъ нравахъ и, наконецъ, исправить ошибочныя свѣденія, сообщаемыя многими авторами и особенно Вольтеромъ, который, по словамъ Белькура, не имѣя понятія о предметѣ, хорошо зналъ только рубли.

Разсказъ дѣйствительно преисполненъ примѣрами всякаго рода притѣсненій, которыя авторъ вмѣстѣ со многими другими плѣнными испытывалъ съ первыхъ минутъ своего плѣна и до объявленія ему свободы, и эти подробности весьма правдоподобны. Еще не доѣзжая до Тобольска и послѣ Белькуръ обращался съ жалобами къ графу Чернышеву на тѣ притѣсненія и несправедливости, какимъ онъ постоянно подвергался; долго не было никакого отвѣта на его просьбы о защитѣ, но когда пришелъ, наконецъ, отвѣтъ съ выговоромъ тобольскому губернатору, этотъ послѣдній крайне раздражился и грозилъ плѣннымъ, что будетъ держать ихъ еще хуже (стр. 91); въ то же время онъ нерѣдко приглашалъ французскихъ офицеровъ къ себѣ, причемъ, однако, весьма сурово отзывался о врагахъ отечества. Занятый прежде всего своимъ положеніемъ, Белькуръ много разсказываетъ о характерѣ сибирскихъ властей, о крайнемъ ихъ самоуправствѣ, о тяжелыхъ поборахъ, т.-е. взяткахъ, какія они берутъ особливо съ купцовъ и со всѣхъ, кто имѣетъ къ нимъ какое-нибудь дѣло; о печальномъ состояніи плѣнныхъ и вообще ссыльныхъ, зависящихъ вполнѣ отъ произвола губернатора, наконецъ о характерѣ народа и внѣшности города, въ которомъ онъ долго прожилъ. Для исторіи старыхъ сибирскихъ нравовъ здѣсь найдутся любопытныя черты. Обыкновенные ссыльные кажутся ему въ большинствѣ чрезвычайно испорченными и всего больше, можетъ быть,

вслѣдствіе ихъ беззащитнаго положенія, между тѣмъ какъ среди ихъ есть люди, которые могли бы быть очень полезны для края своимъ трудомъ и знаніемъ, напр., въ ремеслахъ. Безъ правильнаго устройства ихъ труда они дѣлаются только причиной порчи и самого туземнаго населенія: подъ ихъ вліяніемъ,—говоритъ Белькуръ,—„теперь кажется, что одинъ изъ главныхъ пунктовъ воспитанія у мѣстныхъ жителей, это—научиться самому тонкому плутовству и держать свое слово только тогда, когда это имъ выгодно. Когда они узнаютъ болѣе смѣлаго лжеца и болѣе ловкаго плута, чѣмъ они сами, они считаютъ его великимъ политикомъ и тѣмъ больше его уважаютъ: самъ губернаторъ сдѣлалъ себѣ большую репутацію въ этомъ родѣ“. Белькуръ увѣренъ, однако, что сибирская жизнь могла бы быть совсѣмъ иною. „Еслибы явился въ Сибирь губернаторъ просвѣщенный и который цѣнилъ бы честность, любовь къ общественному благу, согласно съ повелѣніями благонамѣренной власти, онъ могъ бы сдѣлать эту страну одною изъ самыхъ цвѣтущихъ. Все здѣсь достаточно изобильно, чтобы можно было обходиться безъ помощи сосѣдей. Здѣсь много очень богатыхъ и изобильныхъ рудниковъ; мѣха всякаго рода и въ изобиліи; съѣстные припасы очень дешевы [1]); но другія вещи продаются на вѣсъ золота. Причина этого злоупотребленія—недостатокъ хорошаго управленія. Тѣ, кто правитъ дѣлами, слѣдуютъ только законамъ своей прибыли или своего каприза. Они ни въ чемъ не откажутъ тому, кто сдѣлаетъ имъ самый большой подарокъ, даже въ самой вопіющей несправедливости. Вслѣдствіе этого каждый держится на-сторожѣ, подавляетъ въ себѣ соревнованіе въ торговлѣ и въ искусствахъ, и всѣ живутъ, какъ говорится, со дня на день; но всегда внимательные къ случаю одурачить другихъ или остерегаться отъ обмана самимъ, они дошли въ этомъ до такого совершенства, что могли бы давать въ этомъ отношеніи уроки самому утонченному итальянцу“ [2]).

„Житель Сибири есть настоящій рабъ подъ властью тирановъ. Онъ не можетъ разсчитывать, что завтра будетъ имѣть то, чѣмъ владѣетъ сегодня“. Белькуръ разсказываетъ о тобольскомъ плацъ-майорѣ (о губернаторѣ нечего и говорить): „извѣстно всѣмъ, и онъ самъ открыто говоритъ, что хлѣбъ, мясо, дичь, водка, чай, сахаръ, кофе и другая провизія не стоютъ ему ничего“, и т. п.

„Сибирскіе туземцы крайне грубы (de la dernière rusticité),

---

[1]) Онъ приводитъ образчики въ самомъ дѣлѣ удивительныхъ цѣнъ.

[2]) Стр. 81—83, также стр. 104, 108 и др.

выносливы, чрезвычайно трезвы и ведутъ жизнь самую умѣренную", — только въ праздники они предаются необузданному пьянству. „Но у нихъ много охоты и способности усвоивать все, чему ихъ научаютъ. Нельзя лучше владѣть топоромъ. Съ однимъ этимъ орудіемъ они обыкновенно дѣлаютъ себѣ дома, столы, стулья и другія вещи этого рода, необходимыя въ хозяйствѣ. Кромѣ пьянства и храбрости, сибирскій народъ очень похожъ на туземцевъ Канады [1]). Ихъ лодки, весла, топоры, шубы, платье, манера садиться на лошадей и много другихъ вещей почти совершенно одинаковы. Сибиряки отличаются добродушіемъ; они очень услужливы и гостепріимны. Но жестокость управленія ввела пороки, которыхъ они не знали бы, еслибы страхъ не сдѣлалъ ихъ лжецами и плутами, а бѣдность негодяями, какіе только есть". Отзывъ Белькура о сибирскихъ женщинахъ также не весьма благопріятенъ (стр. 108, 111—112).

Но, несмотря на эти отзывы о сибирскомъ народѣ, Белькуръ въ концѣ книги приходитъ къ очень распространенному тогда, если не общему мнѣнію на западѣ, что русскіе такъ грубы или такъ испорчены, что ими можно управлять только страхомъ и палкой (стр. 236—237).

Отмѣтимъ еще разсказъ о завоеваніи Сибири, гдѣ Белькуръ опровергаетъ „ошибки" Вольтера по этому предмету. Завоевателемъ Сибири Белькуръ называетъ не Ермака, а яицкаго казака Нечаева [2]): исторія та же, какъ исторія Ермака, но приправлена сантиментальными подробностями.

Попался въ русскій плѣнъ и одинъ нѣмецкій почтмейстеръ, изъ Пиллау, въ Помераніи, нѣкто Вагнеръ, также оставившій описаніе своего плѣна [3]). Дѣло было во время Семилѣтней войны; сѣверо-восточная часть Пруссіи занята была русскими: въ одно прекрасное утро почтмейстеръ въ Пиллау былъ арестованъ, и началось слѣдствіе по какому-то политическому дѣлу, о которомъ Вагнеръ не даетъ яснаго понятія,—видно, однако, что арестъ не былъ лишенъ основанія, и что почтмейстеръ участвовалъ въ какомъ-то мелкомъ заговорѣ противъ русскихъ. Чрезъ нѣсколько времени ему объявленъ былъ приговоръ—смертная казнь, замѣ-

[1]) Белькуръ зналъ эту страну по своей прежней службѣ.

[2]) „Neïsaieff, Cosaque de la nation de Yéichk", стр. 192—194.

[3]) Johann Ludwig Wagners, gegenwärtig Königl. Preuss. Postdirectors zu Graudenz, Schicksale während seiner unter den Russen erlittenen Staatsgefangenschaft in den Jahren 1759 bis 1768, von ihm selbst beschrieben und mit unterhaltenden Nachrichten und Beobachtungen über Sibirien und das Königreich Casan durchwebt, и проч. Mit 5 Kupfern. Berlin 1789.

ненная ссылкою въ Сибирь. Чрезъ Москву и Казань Вагнеръ и двое другихъ осужденныхъ были увезены въ Тобольскъ, въ закрытыхъ кибиткахъ, подъ строжайшимъ присмотромъ, отъ котораго Вагнеръ откупался по временамъ взятками провожавшему ихъ офицеру. Въ первое время ареста и на пути почтмейстеру пришлось испытать не мало непріятностей, но въ Тобольскѣ жилось ему уже свободнѣе, а другой надзиратель, который потомъ свезъ его дальше въ Мангазею, былъ человѣкъ добрый, какъ и мангазейскій воевода. Вообще ссыльный чувствовалъ себя не такъ дурно; онъ былъ человѣкъ запасливый: еще на выѣздѣ изъ Пруссіи онъ успѣлъ взять съ собой денегъ, такъ что на дорогѣ и Сибири могъ помогать своимъ товарищамъ и самъ не нуждался; деньги были нужны и для взятокъ, безъ которыхъ, по словамъ его, обойтись у русскихъ нельзя. Въ Сибири Вагнеръ прожилъ до 1763 года; въ іюнѣ этого года онъ получилъ свободу и возвратился домой въ началѣ 1764 года, въ тотъ же самый день въ февралѣ, въ который былъ оттуда вывезенъ въ 1759 году. Предусмотрительный почтмейстеръ захватилъ съ собою въ Сибирь скрипку и флейту, на которыхъ имъ съ товарищемъ и случалось играть по дорогѣ и которыми потомъ онъ развлекался въ ссылкѣ. Забавно, что, вернувшись въ Пруссію, онъ желалъ представиться королю, успѣлъ въ этомъ—подалъ королю просьбу и *счетъ* въ 6000 рейхсталеровъ [1]); повидимому, такъ оцѣнилъ онъ свои убытки отъ преданности отечеству. Король, по его словамъ, милостиво принялъ его записку и счетъ, но по счету не заплатилъ: на другой день почтмейстеру-патріоту было объявлено, что Семилѣтняя война обошлась слишкомъ дорого, и ему не могутъ теперь помочь деньгами, но что ему опять дадутъ мѣсто въ почтовомъ вѣдомствѣ. Онъ возвратился въ свой Пиллау, откуда потомъ переведенъ былъ въ Грауденцъ, причемъ онъ жалуется опять, что переселеніе принесло ему убытокъ въ 2000 рейхсталеровъ.

Изъ этого можно видѣть, что Вагнеръ былъ человѣкъ обстоятельный. Къ русскимъ онъ относился съ большимъ пренебреженіемъ, съ высоты своего нѣмецкаго просвѣщенія и аккуратности; но въ Сибири онъ встрѣчалъ, однако, людей столь добродушныхъ, что они, кажется, умиротворили его въ тяжеломъ положеніи ohne Umgang mit gesitteten Menschen. Почти все время своей ссылки онъ прожилъ въ Мангазеѣ и умѣлъ наполнять свое время, чи-

[1]) „Indem Se Majestät nach der Parade zum Schlosse ging, trat ich auf der grünen Brücke vor, und überreichte ein Memorial nebst einer *Rechnung* von 6000 Reichsthalern. Der Monarch äusserte sich gnädig, hiess mich willkommen aus Sibirien“ и пр., стр. 207.

тать три книжки, которыя успѣлъ захватить съ собою и, наконецъ, почти выучилъ наизустъ, игралъ на скрипкѣ и на флейтѣ, училъ своего тюремщика, унтеръ-офицера, танцамъ, а у него учился русской азбукѣ, хотя онъ говоритъ, что еще въ Пруссіи зналъ нѣсколько по-русски.

Разсказъ Вагнера сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на его особѣ, но пришлось при этомъ разсказать и объ окружавшей его обстановкѣ, и нѣсколько замѣчаній о сибирскихъ обычаяхъ, о тогдашнемъ бытѣ инородцевъ (онъ видѣлъ татаръ, самоѣдовъ, тунгусовъ, якутовъ, юраковъ), доставляютъ историческія черты, не лишенныя интереса. Между прочимъ, приглядѣвшись къ русскимъ, онъ, кажется, нѣсколько примирился съ ними и сталъ выше цѣнить и ихъ характеръ, и способности. Напримѣръ, онъ приходитъ въ восторгъ отъ сибирской рѣзьбы изъ дерева и мамонтовой кости, гдѣ простые люди самоучкой достигали большого совершенства: „Русскій остроуменъ и изобрѣтателенъ,—замѣчаетъ онъ по этому поводу, — и сколько я могу судить объ этомъ, ждетъ только образованія его врожденныхъ талантовъ, чтобы стать великимъ художникомъ“ (стр. 106).

Упомянемъ, наконецъ, объ одной книжкѣ, которая нѣсколько обманываетъ своимъ заглавіемъ [1]). Эта книга предназначалась быть исторіей французской эмиграціи, съ описаніемъ тѣхъ странъ, куда эмиграція удалялась. Въ разсказѣ о бѣгствѣ эмигрантовъ, который долженъ былъ служить „страшнымъ урокомъ для всѣхъ націй“, между прочимъ названъ длинный рядъ лицъ старой французской знати, которымъ пришлось совсѣмъ демократизироваться и поселиться въ чужихъ странахъ. Между прочимъ, приведенъ списокъ лицъ, графовъ, маркизовъ и виконтовъ, поселившихся на Волыни, и списокъ женщинъ, графинь и маркизъ, „которыхъ мужья были убиты и которыя послѣдовали за другими эмигрантами въ Камчатку“ (стр. 61). Самыя описанія, кажется, состоятъ только изъ перепечатокъ.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Voyages et aventures des émigrés français depuis le 14 juillet 1829 jusqu'à l'an VII, époque de leur expulsion par différentes puissances de l'Europe, dans la Volhinie, le gouvernement d'Archangel, la Sibérie, la Samojédie, le Kamtchatka, les îles Canaries, l'île de Mayorque, Minorque, le Canada, etc. Avec les noms d'un grand nombre d'émigrés remarquables par les évenements qu'ils ont éprouvés и проч. Par L. M. H. Paris. An VII de la République, 2 небольшихъ тома.

ВЫСТАВКА МАШИНЪ

Когда-то я выставку видѣлъ машинъ:
Всѣ шли онѣ—будто бы въ дѣлѣ;
На нихъ торговцы, фабрикантъ, селянинъ
Съ большимъ интересомъ глядѣли.

Да могъ ли и быть интересъ не великъ?
Крутятся, какъ вихри, колеса;
Огромный порхаетъ, гудя, маховикъ;
Работаетъ поршень насоса.

Какъ легкія ленты, мелькаютъ ремни;
Хлопочутъ всѣ клапаны, краны;
Усердны въ трудѣ—рычаги, шестерни;
Упорны—винты, барабаны.

И вотъ—регуляторы мирной борьбы,
Ведомой вполнѣ машинально,
Сверкаютъ шары, словно мѣдные лбы,
Впередъ выступая нахально.

Машины на сложный разсчитаны трудъ,
Искусной сноровкой владѣютъ,
Но въ этомъ собраньѣ не шьютъ и не ткутъ,
Не жнутъ, не молотятъ, не сѣютъ...

Когда провожу среди дамъ и мужчинъ
Часы въ словопреніяхъ разныхъ,
Случается выставку вспомнить машинъ,
Блестящихъ, шумящихъ—и праздныхъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

В. М. ГАРШИНЪ

и

ЕГО ТВОРЧЕСТВО.

Какъ ни мало, въ послѣднее время, писалъ В. М. Гаршинъ, его неожиданная смерть (24 марта) тяжело поразила всѣхъ тѣхъ, кто принимаетъ къ сердцу судьбы русской литературы. Пока онъ былъ живъ, ничто не мѣшало думать, что его творчество изсякло лишь на время, до наступленія другихъ, болѣе счастливыхъ условій. Душевный недугъ, тяготѣвшій надъ нимъ издавна, не принадлежалъ, повидимому, къ числу неумолимыхъ: начавшись раньше, чѣмъ литературная дѣятельность Гаршина, онъ не помѣшалъ ни ея зарожденію, ни ея расцвѣту. Въ свѣтлыя минуты, перемежающіяся съ періодами апатіи и тоски, дарованіе молодого художника могло подняться еще выше прежняго. Совершенно правъ, поэтому, былъ ораторъ, воскликнувшій надъ могилой Гаршина: „Мы хоронимъ сегодня наши надежды, надежды русской литературы“. Да, отъ Гаршина можно было ожидать еще многаго; но это вовсе не значитъ, чтобы онъ долженъ былъ остаться въ нашей памяти *только* какъ писатель, „подававшій большія надежды“. Его произведенія цѣнны сами по себѣ и занимаютъ выдающееся мѣсто въ современной русской беллетристикѣ. Они не даромъ обратили на себя вниманіе Тургенева, сразу признавшаго въ Гаршинѣ „несомнѣнный, оригинальный талантъ“ [1]).

---

[1]) См. „Первое собраніе писемъ Тургенева“, стр. 490 и 498.

Гаршинъ никогда не заботился о томъ, чтобы сообщить своимъ разсказамъ „крѣпость мрамора и бронзы“; онъ не старался быть—или казаться—хладнокровнымъ и спокойнымъ, не скрывалъ своихъ завѣтныхъ стремленій, своихъ симпатій и антипатій. Напротивъ того, душевная тревога — это обычное, нормальное условіе его творчества; для того, чтобы взяться за перо, ему нужно было, повидимому, быть взволнованнымъ, глубоко потрясеннымъ—а въ такомъ состояніи немыслима систематическая, искусственная сдержанность. Вліяніе новѣйшей французской школы, вліяніе Флобера, Зола, Гонкуровъ—вовсе не коснулось Гаршина. Въ началѣ, какъ и въ концѣ своей дѣятельности, въ семидесятыхъ годахъ, когда еще не потеряли своей силы традиціи предыдущаго десятилѣтія, какъ и въ восьмидесятыхъ, когда измѣнилась мода и появились новыя теченія, онъ былъ и оставался писателемъ по преимуществу тенденціознымъ. Тенденція овладѣвала имъ со всею силою страсти, проникала все его существо; въ ней было, иногда, больше наивности, чѣмъ обдуманности, но она во всякомъ случаѣ была *сознательна* и *намѣренна*, т.-е. соединяла въ себѣ оба признака, при наличности которыхъ произведеніе искусства можетъ быть названо тенденціознымъ. Разсказы Гаршина даютъ богатый матеріалъ для разработки вопроса о тенденціозности, въ связи съ вопросомъ о процессѣ творчества. Посмотримъ, прежде всего, что говоритъ объ этомъ самъ Гаршинъ.

Въ разсказѣ „Художники“ выведенъ на сцену живописецъ Рябининъ, въ которомъ не трудно найти большое сходство съ авторомъ разсказа: та же нервность, та же чуткость къ чужому страданію и горю, та же неспособность отрѣшиться отъ дѣйствительности и замкнуться въ міръ „чистаго художества“. Рябинина занимаетъ, болѣзненно занимаетъ мысль о значеніи и назначеніи искусства. Онъ жаждетъ *дѣла*, очевидно и безспорно полезнаго для другихъ, и сомнѣвается въ томъ, можно ли считать такимъ дѣломъ трудъ художника, можно ли говорить серьезно о художественной *дѣятельности*. „Я не видѣлъ, — замѣчаетъ онъ, — хорошаго вліянія хорошей картины на человѣка; зачѣмъ же мнѣ вѣрить, что оно есть?“ А между тѣмъ ему нужно, ему необходимо этому вѣрить, иначе для него теряетъ всякій смыслъ его излюбленная работа. Пока онъ держитъ кисть, онъ забываетъ все остальное, но въ минуты отдыха передъ нимъ неотвязно встаетъ вѣчный вопросъ: *зачѣмъ*, „не дающій уснуть, заставляющій смотрѣть въ темноту, какъ будто бы гдѣ-нибудь въ ней былъ написанъ отвѣтъ“. И вотъ, у него является рѣшимость написать

„глухаря“ —этого добровольнаго мученика фабричныхъ порядковъ, эту живую наковальню, по которой сотни разъ въ теченіе получаса ударяетъ тяжелый молотъ. Въ основаніи его рѣшимости лежитъ не эффектное, „фантастическое“ освѣщеніе котла, на днѣ котораго сидитъ „глухарь“, не техническая трудность задачи, заманчивая для художника. „Полотно покрыло мольбертъ съ картиной,—говоритъ Рябининъ,—а я все сижу передъ нимъ, думая все о томъ же неопредѣленномъ и страшномъ, что такъ мучаетъ меня. Солнце заходитъ и бросаетъ косую желтую полосу свѣта сквозь пыльныя стекла на мольбертъ, завѣшанный холстомъ. Точно человѣческая фигура, точно Духъ Земли въ „Фаустѣ“... Wer ruft mich? Кто позвалъ тебя? Я, я самъ создалъ тебя здѣсь. Я вызвалъ тебя, только не изъ какой-нибудь *сферы*, а изъ душнаго, темнаго котла, чтобы ты ужаснулъ своимъ видомъ эту чистую, прилизанную, ненавистную толпу. Прійди, силою моей власти прикованный къ полотну, смотри съ него на эти фраки и трэны, крикни имъ: я—язва ростущая! Ударь ихъ въ сердце, лиши ихъ сна, стань передъ ихъ глазами призракомъ! Убей ихъ спокойствіе, какъ ты убилъ мое!“..

Есть ли во всемъ этомъ какая-либо психологическая несообразность или невѣроятность? Возможенъ ли художникъ съ характеромъ, талантомъ и взглядами Рябинина, художникъ, именно *такъ* выбирающій темы для своихъ картинъ и *такъ* относящійся къ нимъ во время самаго процесса работы? Этотъ вопросъ можно формулировать иначе: можно спросить себя, совмѣстимо ли художественное дарованіе со всякимъ душевнымъ строемъ и складомъ, или оно составляетъ исключительную принадлежность натуръ уравновѣшенныхъ, гармоничныхъ, едва чувствительныхъ къ водовороту текущей жизни? Намъ кажется, что двухъ отвѣтовъ на такой вопросъ быть не можетъ. Талантъ не пріуроченъ ни къ извѣстному темпераменту, ни къ извѣстному міросозерцанію; онъ развивается и ростетъ при самыхъ различныхъ, самыхъ противоположныхъ условіяхъ, отчасти, конечно, измѣняясь подъ ихъ вліяніемъ, отчасти налагая на нихъ свою печать, но не уничтожая ихъ и не уничтожаясь передъ ними. Какъ сынъ своего времени и своей страны, художникъ можетъ не оставаться чуждымъ движенію, совершающемуся вокругъ него—и если это участіе, активное или хотя бы только мысленное, достигаетъ извѣстной силы, оно неизбѣжно отражается на профессіональной дѣятельности художника. Владѣя могучимъ орудіемъ, онъ не можетъ не пользоваться имъ, по крайней мѣрѣ иногда, въ интересахъ стремленій, которымъ онъ преданъ. Остается ли онъ при этомъ худож-

никомъ, сохраняетъ ли онъ,- на-ряду съ культомъ идеи, культъ формы, безъ котораго едва ли можетъ быть создано истинно-художественное произведеніе? И на это намъ отвѣтитъ Гаршинъ, устами своего Рябинина. „Вопросы: *куда? зачѣмъ?* во время работы исчезаютъ; въ головѣ одна мысль, одна цѣль, и приведеніе ея въ исполненіе доставляетъ наслажденіе. Картина — міръ, въ которомъ живешь и передъ которымъ отвѣчаешь. Здѣсь исчезаетъ житейская нравственность: ты создаешь себѣ новую въ своемъ новомъ мірѣ и въ немъ чувствуешь свою правоту, достоинство или ничтожество и ложь, по своему, независимо отъ жизни"... „Былъ ли у меня талантъ?"—спрашиваетъ себя, незадолго до смерти, другой живописецъ, герой разсказа: „Надежда Николаевна", меньше, чѣмъ Рябининъ, но все-таки похожій на самого Гаршина.—„Да, у меня былъ талантъ. Я думаю такъ по тому жившему во мнѣ чувству, которое являлось всякій разъ, когда я начиналъ работать. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать тяжелаго и сладкаго волненія, съ какимъ первый разъ приступаешь къ новому холсту, чтобы начертать на немъ свое созданіе. Тотъ, кто не художникъ, не можетъ испытать забвенія всего окружающаго, когда духъ погруженъ въ образы". И здѣсь, и тамъ Гаршинъ говоритъ, очевидно, на основаніи собственнаго опыта. Правда, пріемы работы у живописца не совсѣмъ тѣ же, что у писателя; первому легче уйти всецѣло въ міръ видѣній, носящихся передъ его глазами, легче сосредоточить все свое вниманіе на технической сторонѣ дѣла. Но это различіе не исключаетъ сходства; кое-что общее есть во всѣхъ видахъ творчества. Въ области писаннаго слова, какъ и въ области линій и красокъ, желаніе „ударить по сердцамъ" не исключаетъ усиленнаго —и успѣшнаго—труда надъ внѣшней отдѣлкой произведенія. Скажемъ болѣе: оно не исключаетъ даже нѣкоторой безсознательности творчества. Намѣренно выбранная тема можетъ облечься въ образы, зародившіеся и слившіеся въ одно стройное цѣлое помимо воли художника... Какъ и Рябининъ, какъ и Лопатинъ, Гаршинъ вносилъ въ свою работу предвзятую мысль, и какъ они оставался художникомъ въ ея исполненіи, потому что она была имъ перечувствована и пережита. Приведемъ еще одну цитату, бросающую яркій свѣтъ на мысль Гаршина. Гельфрейхъ (въ „Надеждѣ Николаевнѣ") мечтаетъ о картинѣ, которою возбуждался бы вопросъ о непротивленіи злу. „Ты скажешь,—говоритъ онъ товарищу,—что вопросъ уже поставленъ? Вѣрно! Но этого мало. Нужно задавать его каждый день, каждый часъ, каждое мгновеніе. Нужно, чтобы онъ не давалъ людямъ покоя.

И если я думаю, что мнѣ удастся хоть десятку людей задать этотъ вопросъ картиной, я долженъ написать эту картину... Нужно заставить думать людей, вотъ и все. И кромѣ эстетическаго чувства, которое возбуждаетъ всякая картина и которое одно, само по себѣ, стоитъ не очень-то много, не въ этомъ ли смыслъ того, надъ чѣмъ мы трудимся?"

О чемъ же заставлялъ думать Гаршинъ? Чрезвычайно знаменательнымъ представляется, съ этой точки зрѣнія, стихотвореніе, написанное имъ гораздо раньше всего остального, но напечатанное только послѣ его смерти. Оно внушено первой выставкой картинъ Верещагина (1874 г.), сюжетомъ для которыхъ послужили, большею частью, эпизоды изъ военныхъ дѣйствій въ Туркестанѣ. Молодого автора (ему не было тогда и двадцати лѣтъ) поразила не техника картинъ, которою восхищалось большинство зрителей. „Не то", восклицаетъ онъ,—

„Увидѣлъ я, смотря на эту степь, на эти лица:
Увидѣлъ смерть, услышалъ вопль людей,
Измученныхъ убійствомъ, тьмой лишеній...
Не люди то, а только тѣни...
Ты предала ихъ, мать! Въ глухой степи—одни,
Безъ хлѣба, безъ глотка воды,
Изранены, избиты, всѣ они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до послѣдней крови
За родину, лишенную любови,
Пославшую на смерть своихъ сыновъ...
Плачь и молись, отчизна-мать!
Молись! Стенанія дѣтей,
Погибшихъ за тебя въ глухихъ пескахъ степей,
Вспомянутся чрезъ много лѣтъ
Въ день грозныхъ бѣдъ!"

Въ этихъ стихахъ не видно будущаго мастера формы, но виденъ уже авторъ „Четырехъ дней", „Труса", „Воспоминаній рядового Иванова", страстный противникъ насилія, все равно, единичнаго или коллективнаго. Первый толчокъ къ творчеству не случайно былъ данъ Гаршину именно Верещагинымъ; между ними много общаго, и если развитіе живописца совершилось, отчасти, подъ вліяніемъ литературы (гр. Л. Н. Толстого), то созрѣвшій его талантъ, въ свою очередь, не остался безъ вліянія на литераторовъ (Гаршина, Ив. Щеглова). Понятно, какъ должна была подѣйствовать на Гаршина дѣйствительность, если столь сильно было уже впечатлѣніе, полученное имъ отъ художественной ея передачи. За Дунаемъ юноша во-очію увидѣлъ все то,

что поразило его впервые въ картинахъ Верещагина. Его литературный дебютъ—„Четыре дня“ былъ одной изъ самыхъ блестящихъ его побѣдъ, потому что съ ощущеніями, въ большей или мѣньшей степени испытанными имъ самимъ [1]), переплелась здѣсь глубокая, тяжелая дума, давно уже не дававшая ему покою. Раненый, забытый на полѣ сраженія, герой „Четырехъ дней“ жалѣетъ не только о себѣ самомъ и о своихъ близкихъ; онъ жалѣетъ и объ убитомъ врагѣ, потому что вражда, навѣянная извнѣ, исчезаетъ вмѣстѣ съ шумомъ и громомъ битвы. „Кто онъ? Быть можетъ и у него, какъ у меня, есть старуха мать. Долго она будетъ по вечерамъ сидѣть у дверей своей убогой мазанки, да поглядывать на далекій сѣверъ: не идетъ ли ея ненаглядный сынъ, ея работникъ и кормилецъ... Штыкъ вошелъ ему прямо въ сердце. Это сдѣлалъ—я. Я не хотѣлъ этого. Я не хотѣлъ зла никому, когда шелъ драться. Мысль о томъ, что и мнѣ придется убивать людей, какъ-то уходила отъ меня. Я представлялъ себѣ только, какъ я буду подставлять *свою* грудь подъ пули. И я пошелъ и подставилъ... А этотъ несчастный феллахъ (на немъ египетскій мундиръ)—онъ виноватъ еще меньше. Прежде чѣмъ ихъ посадили, какъ сельдей въ бочку, на пароходъ и повезли въ Константинополь, онъ и не слышалъ ни о Россіи, ни о Болгаріи. Ему велѣли идти—онъ и пошелъ... Чѣмъ же онъ виноватъ? И чѣмъ виноватъ я, хотя я и убилъ его?“ Мысль о страшномъ сосѣдѣ не покидаетъ раненаго даже среди самыхъ ужасныхъ мученій. „Неужели я бросилъ все милое, дорогое, шелъ сюда тысячеверстнымъ походомъ, голодалъ, холодалъ, мучился отъ зноя; неужели, наконецъ, я лежу теперь въ этихъ мукахъ только ради того, чтобы этотъ несчастный пересталъ жить?“..

„Трусъ“—это новый и не менѣе цѣнный вкладъ въ индивидуальную, если можно такъ выразиться, психологію войны, въ изученіе отраженій, отбрасываемыхъ ею на зеркало личнаго сознанія. Герой разсказа съ самаго начала относится къ войнѣ не такъ, какъ большинство его окружающихъ. При чтеніи телеграммы о *незначительности потерь*, понесенныхъ нашими войсками въ такой-то аванпостной схваткѣ („пятьдесятъ убитыхъ, сто раненыхъ“), онъ не радуется, какъ другіе, а приходитъ въ ужасъ. „Пятьдесятъ мертвыхъ, сто изувѣченныхъ — восклицаетъ онъ:— это незначительная вещь?! Отчего же мы такъ возмущаемся, когда газеты приносятъ извѣстія о какомъ-либо убійствѣ, когда

[1]) Хотя Гаршинъ и былъ раненъ, но, какъ мы слышали, ему не пришлось перенести всего того, что описывается въ „Четырехъ дняхъ“.

жертвами являются нѣсколько человѣкъ? Отчего катастрофа на гилигульской насыпи, стоившая жизни нѣсколькимъ десяткамъ человѣкъ, заставила кричать о себѣ всю Россію?" Понятно, что вѣсть о третьей Плевнѣ доводитъ его почти до галлюцинацій. Онъ возмущается горою труповъ, массою пролитой крови; „быкъ, на глазахъ котораго убиваютъ подобныхъ ему быковъ, чувствуетъ, вѣроятно, что-нибудь похожее". Въ книгѣ, вмѣсто буквъ, ему чудятся „валящіеся ряды людей; перо кажется оружіемъ, наносящимъ бѣлой бумагѣ черныя раны". Когда заболѣваетъ его пріятель Кузьма, онъ измѣряетъ этой болѣзнью зло, причиняемое войною. „Сколько муки и тоски здѣсь, въ одной комнатѣ, на одной постели — и все это одна лишь капля въ морѣ горя и мукъ, испытываемыхъ огромною массою людей, которыхъ посылаютъ впередъ, ворочаютъ назадъ и кладутъ на поляхъ грудами мертвыхъ или еще стонущихъ и копошащихся окровавленныхъ тѣлъ". Когда онъ присутствуетъ при операціи, совершаемой надъ Кузьмою, онъ думаетъ о другихъ ранахъ, гораздо болѣе ужасныхъ и „нанесенныхъ не слѣпымъ случаемъ, а сознательными дѣйствіями людей". У умирающаго Кузьмы есть, все-таки, утѣшеніе, есть даже радость; около него хлопочутъ друзья, надъ нимъ плачетъ любимая женщина. „Смерть всегда будетъ смертью, но умереть среди близкихъ и любящихъ, или валяясь въ грязи и собственной крови, ожидая, что вотъ-вотъ пріѣдутъ и добьютъ или наѣдутъ пушки и раздавятъ какъ червяка"...

Таковы ощущенія „труса", испытанныя, конечно, не имъ однимъ. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ они едва ли были бы возможны, по крайней мѣрѣ на нашей почвѣ; ихъ подготовило и вызвало продолжительное умственное движеніе, обострившее впечатлительность, углубившее вдумчивость въ явленія жизни, поднявшее цѣнность человѣческой личности. Господствовавшій еще недавно взглядъ на войну долго принимался на вѣру, подъ давленіемъ преданія и привычки; онъ долженъ былъ поколебаться, какъ только въ область традиціи проникла, и съ этой стороны, критическая работа мысли. Освѣщенныя новымъ свѣтомъ, старыя картины получили совершенно другой видъ и совершенно иначе стали дѣйствовать на душу. А между тѣмъ, измѣнившееся настроеніе зрителей не освобождало нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ необходимости дѣятельнаго участія въ войнѣ. Эта необходимость обусловливалась иногда даже не внѣшнимъ принужденіемъ, а внутренней борьбой, изъ которой не было другого исхода. Не даромъ же всѣ герои военныхъ разсказовъ Гаршина — какъ и самъ Гаршинъ — пошли на войну по доброй волѣ. Они не могли

забыть, что „война есть общее горе, общее страданіе", отъ котораго не должны уклоняться отдѣльныя лица. Не пойдетъ драться одинъ—„возьмутъ другого, и все-таки человѣкъ будетъ изуродованъ или измученъ походомъ". Вотъ это сознаніе обязанности передъ *другимъ* или другими и является источникомъ рѣшеній, бросающихъ раненаго „Четырехъ дней", „труса", рядового Иванова на театръ ненавистной имъ всѣмъ войны. Психологическая подкладка военныхъ разсказовъ оказывается, такимъ образомъ, довольно сложной—и эта сложность служитъ гарантіей ихъ правды. Они открыто и несомнѣнно тенденціозны, какъ выраженіе чувствъ, внушаемыхъ авторомъ войною—но вмѣстѣ съ тѣмъ они вѣрны дѣйствительности, они передаютъ ее цѣликомъ, со всѣми ея контрастами и противорѣчіями. Увлекательная сторона войны—тотъ массовый энтузіазмъ, противъ котораго трудно устоять, въ данную минуту, самому убѣжденному приверженцу мира, едва ли была изображена когда-нибудь съ большей силой, чѣмъ въ „воспоминаніяхъ рядового Иванова". Полкъ, въ которомъ служитъ Ивановъ, готовится пройти передъ Государемъ. Сначала Ивановъ идетъ спокойно, стараясь больше всего не сбиться съ ноги, держать равненіе. „Только взглянувъ на шедшаго рядомъ со мною Житкова, на его лицо, какъ и всегда суровое и мрачное, но взволнованное, я почувствовалъ, что и мнѣ передается часть общаго волненія, что сердце у меня забилось сильнѣе. И мнѣ вдругъ показалось, что отъ того, какъ посмотритъ на насъ Государь, зависитъ для насъ все. Когда мнѣ впослѣдствіи пришлось идти въ первый разъ подъ пули, я испыталъ чувство, близкое къ этому... Не помню улицъ, по которымъ мы шли, не помню, былъ ли народъ на этихъ улицахъ, помню только волненіе, охватившее душу, вмѣстѣ съ сознаніемъ страшной силы массы, къ которой принадлежалъ и которая увлекала тебя. Чувствовалось, что для этой массы нѣтъ ничего невозможнаго, что потокъ, съ которымъ вмѣстѣ я стремился, и котораго часть я составлялъ, не можетъ знать препятствій. И всякій думалъ, что тотъ, передъ которымъ проносился этотъ потокъ, можетъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки измѣнить его направленіе, вернуть назадъ или снова бросить на страшныя преграды, и всякій хотѣлъ найти въ словѣ этого одного и въ движеніи его руки невѣдомое, что вело насъ на смерть. Ты ведешь насъ,—думалъ каждый,—тебѣ мы отдаемъ свою жизнь; смотри на насъ и будь покоенъ: мы готовы умереть... И онъ зналъ, что мы готовы умереть. Онъ видѣлъ страшные, твердые въ своемъ стремленіи ряды людей—людей своей бѣдной страны, бѣдно одѣтыхъ, грубыхъ

солдатъ. Онъ чуялъ, что всѣ они шли на смерть, спокойные и свободные отъ отвѣтственности. Вокругъ была пышная свита; но я не помню никого изъ этого блистательнаго отряда всадниковъ, кромѣ одного человѣка на сѣромъ конѣ, въ простомъ мундирѣ и бѣлой фуражкѣ. Я помню блѣдное, истомленное лицо, истомленное сознаніемъ тяжести взятаго рѣшенія. Я помню, какъ по его лицу градомъ катились слезы, падавшія на темное сукно мундира, свѣтлыми блестящими каплями; помню судорожное движеніе руки, державшей поводъ, и дрожащія губы, говорившія что-то, должно быть привѣтствіе тысячамъ молодыхъ, погибающихъ жизней, о которыхъ онъ плакалъ. Все это явилось и исчезло, какъ освѣщенное на мгновеніе молніей, когда я, задыхаясь не отъ бѣга, а отъ нечеловѣческаго, яростнаго восторга, пробѣжалъ мимо него, поднявъ высоко винтовку одной рукой, а другой махая надъ головой шапкой и крича оглушительное, но отъ общаго вопля неслышное самому мнѣ *ура*!"... Какая оживленная, яркая картина, какъ поразителенъ эффектъ, достигнутый самыми простыми средствами! Какъ вѣрно изображенъ бурный приливъ инстинктивнаго, но именно потому неотразимаго чувства, уничтожающаго, на время, всѣ сомнѣнія, всѣ колебанія, всѣ мучительные вопросы! Интеллигентный добровольцъ перестаетъ отличаться отъ мужика, только-что разставшагося съ сохой; всѣ сливаются въ одно цѣлое, всѣ находятъ успокоеніе и счастье въ сознаніи безотвѣтственности, въ довѣріи къ руководящей высшей силѣ. Такое настроеніе не можетъ быть продолжительнымъ—и всего короче, конечно, оно у тѣхъ, кто привыкъ къ анализу и критикѣ. Имъ скоро, быть можетъ, становится трудно понять, какимъ образомъ они могли присоединиться къ общему потоку; но если они искренни, они не станутъ отрицать совершившагося факта. Искренность была преобладающей чертой въ натурѣ Гаршина, и мы обязаны ей новою, великолѣпною иллюстраціею старой темы: ave, Caesar, morituri te salutant.

Та же искренность заставляетъ автора военныхъ разсказовъ не скрывать глубокаго различія между взглядами на войну, существующими въ средѣ массы и въ средѣ небольшого меньшинства. Насколько сложенъ послѣдній, настолько элементаренъ первый. „Этого самого турку бить слѣдуетъ", говоритъ пьяненькій солдатикъ въ „Трусѣ"; *„онъ бунтуетъ, а намъ огорченіе"*. Того же мнѣнія придерживаются и товарищи „рядового Иванова". „Они знали только, что турку бить идутъ, потому что онъ много крови пролилъ. И хотѣли побить турку, но не столько за эту, неизвѣстно чью, пролитую кровь, сколько за то, что онъ потре-

вожилъ такое множество народа, что изъ-за него пришлось испытывать трудный походъ, идти куда-то подъ пули и ядра. Турка представлялся бунтовщикомъ, зачинщикомъ, котораго нужно усмирить и покорить". А впрочемъ, если подумать хорошенько, не найдется ли что-нибудь общее между воззрѣніями, повидимому столь далекими одно отъ другого? Въ этомъ глубокомъ убѣжденіи массы, что нужно наказать виновника, зачинщика войны, не скрывается ли строгій приговоръ надъ самой войною, въ сущности не менѣе строгій, чѣмъ произносимый во имя иныхъ, высшихъ принциповъ?..

Нарисовать солдата и даже офицера, которые бы вовсе не напоминали военныхъ типовъ Льва Толстого, русскому писателю до крайности трудно, почти невозможно. Неудивительно, что Житковъ и Ѳедоровъ, въ „Воспоминаніяхъ рядового Иванова", немножко похожи на Жданова и Максимова въ „Рубкѣ лѣса", капитанъ Заикинъ—на капитана Хлопова въ „Набѣгѣ"; это не мѣшаетъ имъ быть живыми лицами, безъ сомнѣнія списанными съ натуры. Совершенно оригиналенъ, зато, штабсъ-капитанъ Венцель, весь сотканный изъ контрастовъ, думающій по-новому и дѣйствующій по-старому, жестоко обращающійся съ своими солдатами и неутѣшно оплакивающій потери, понесенныя его ротой въ первой стычкѣ съ турками. „Блѣдный и нервный, съ безпокойными глазами и тонкими губами", декламирующій Альфреда Мюссе, восторгающійся Шиллеромъ, онъ нѣкогда старался „дѣйствовать на солдатъ словомъ, пріобрѣсти нравственное на нихъ вліяніе", но потерпѣлъ неудачу и пришелъ къ заключенію, что „единственный способъ быть понятымъ ими—кулакъ". Сообразно съ этимъ онъ и поступаетъ; но подъ суровостью, возведенною въ систему, скрывается, незамѣтно для него самого, подавленное чувство. Его вызываетъ наружу вмѣстѣ пережитая опасность; передъ лицомъ врага, во главѣ штурмующей колонны, Венцель опять сознаетъ себя солидарнымъ съ тѣми, въ которыхъ онъ долго видѣлъ только „пушечное мясо". У него въ ротѣ и до тѣхъ поръ люди были лучше всѣхъ накормлены, лучше всѣхъ выучены, и штрафованныхъ между ними не было почти вовсе; но они были для него *людьми* только въ спеціально-военномъ смыслѣ этого слова. *Человѣкомъ* каждый изъ нихъ сдѣлался въ его глазахъ только тогда, когда легла въ бою цѣлая половина роты... Фигура Венцеля кажется намъ не только правдивой, но и типичной. Венцели попадаются и внѣ сферы, изображенной Гаршинымъ; она даетъ только больше простора всѣмъ характеристическимъ ихъ свойствамъ, облекая ихъ властью, уменьшая до

минимума силу встрѣчаемаго ими отпора. Венцелемъ можетъ стать, при благопріятныхъ условіяхъ, каждый самодовольный идеалистъ, вѣрящій въ людей, но еще больше вѣрящій въ самого себя и ожидающій немедленныхъ, наглядныхъ результатовъ отъ каждаго своего слова, отъ каждаго своего дѣла. Если это ожиданіе не оправдывается—а какимъ же образомъ оно можетъ оправдаться?—вѣра въ людей быстро уступаетъ мѣсто разочарованію; остается только вѣра въ себя, заставляющая смотрѣть свысока на все и всѣхъ—а отъ высокомѣрія одинъ шагъ до презрѣнія, отъ презрѣнія одинъ шагъ до призыва къ „кулаку". Землевладѣлецъ, пріѣхавшій въ деревню съ намѣреніемъ перевоспитать и облагодѣтельствовать сосѣднихъ крестьянъ, встрѣчается на первыхъ порахъ съ недовѣріемъ, съ пассивнымъ противодѣйствіемъ массы; этого довольно, чтобы разрушить всѣ его мечты и обратить его изъ народолюбца въ приверженца „административной опеки", кричащаго на всѣхъ перекресткахъ о необходимости „властной руки" или „ежовой рукавицы". Педагогъ, вступающій въ школу съ надеждой подчинить ее всецѣло своему нравственному вліянію, терпитъ неудачу, вызванную всего больше собственными его ошибками, но приписываетъ ее упрямству и испорченности учениковъ—и становится защитникомъ „желѣзной" дисциплины. Это все Венцели, болѣе или менѣе прямолинейные—и благо имъ, если въ ихъ жизни произойдетъ кризисъ въ родѣ того, какимъ является у Гаршина первая битва съ турками. Благо имъ, если необыкновенное стеченіе обстоятельствъ разбудитъ въ нихъ прежнія, лучшія стремленія; иначе они не сойдутъ съ пути, прямо противоположнаго ихъ первоначальной цѣли, и сдѣлаются сами—или сдѣлаютъ другихъ—жертвами роковой ошибки.

Тенденціозность Гаршина выразилась не въ однихъ лишь военныхъ его разсказахъ. Въ „Художникахъ", какъ мы уже видѣли, поставленъ ребромъ вопросъ о значеніи искусства, вопросъ, съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ передававшійся по наслѣдству отъ одного молодого поколѣнія къ другому и обострявшійся по мѣрѣ переплетенія его съ вопросомъ о значеніи и назначеніи жизни. Разрѣшеніемъ мучительной загадки небольшой разсказъ Гаршина, безъ сомнѣнія, служить не можетъ, да онъ и не предъявляетъ на то никакихъ претензій. Въ лицѣ Рябинина и Дѣдова авторъ изображаетъ представителей двухъ противоположныхъ отношеній къ искусству; тенденціознымъ является только явное сочувствіе его къ Рябинину, во многомъ, какъ мы уже сказали, похожему на самого Гаршина. Предвзятою мыслью не уменьшается нимало ни правдивость, ни художественность картины. Въ Ря-

бининѣ нѣтъ ничего сочиненнаго: это одинъ изъ многихъ, ищущихъ и ненаходящихъ примиренія между жизнью и искусствомъ —и вмѣстѣ съ тѣмъ, это человѣкъ конца семидесятыхъ годовъ, послѣдовательный, энергичный, неспособный на сдѣлки съ совѣстью. Однажды потерявъ вѣру въ свою профессію, онъ не можетъ продолжать прежнихъ занятій, что бы они ни обѣщали ему въ будущемъ. Различные фазисы процесса, предшествующаго неизбѣжной катастрофѣ, обрисованы Гаршинымъ съ замѣчательною силой. Смутное предчувствіе кризиса владѣетъ Рябининымъ съ самаго начала. „Какъ локомотиву съ открытою паропроводною трубою—читаемъ мы уже въ первой выпискѣ изъ дневника Рябинина — предстоитъ одно изъ двухъ: катиться по рельсамъ до тѣхъ поръ, пока не истощится паръ, или, соскочивъ съ нихъ, превратиться изъ стройнаго желѣзномѣднаго чудовища въ груду обломковъ, такъ и мнѣ... Я на рельсахъ; они плотно обхватываютъ мои колеса, и если я сойду съ нихъ, что тогда? Я долженъ во что бы то ни стало докатиться до станціи, несмотря на то, что она, эта станція, представляется мнѣ какой-то черной дырой, въ которой ничего не разберешь“... Чтобы не соскочить съ рельсовъ, Рябининъ принимается писать „глухаря“; онъ надѣется, хотя и смутно, что „хорошая картина“ произведетъ „хорошее дѣйствіе“. Сомнѣнія берутъ верхъ надъ надеждой еще во время работы. Рябинину начинаетъ казаться, что онъ больше ничего не напишетъ. Онъ доволенъ своимъ „глухаремъ“, но довольство не ласкаетъ, а мучаетъ его. „Это — не написанная картина, это—созрѣвшая болѣзнь. Чѣмъ она разрѣшится, я не знаю, но чувствую, что послѣ этой картины мнѣ нечего уже будетъ писать“... Сойду ли я съ рельсовъ?..—этотъ вопросъ еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, носится передъ воображеніемъ Рябинина... Картина окончена, выставлена, продана—и Рябининъ дѣйствительно сходитъ съ рельсовъ. Онъ тяжело заболѣваетъ, и въ его болѣзненныхъ снахъ его собственная личность какъ-то странно сталкивается съ личностью изображеннаго имъ „глухаря“. „Чудится мнѣ, что я опять на заводѣ, громадномъ и мрачномъ. Со всѣхъ сторонъ гигантскія печи, чудной, невиданной формы. Снопами вылетаетъ изъ нихъ пламя; машины качаются и визжатъ, и я едва прохожу между вертящимися колесами и бѣгущими и дрожащими ремнями. Гдѣ-то стукъ и грохотъ; тамъ-то идетъ работа. Мнѣ страшно идти туда, но меня подхватываетъ и несетъ, и удары все громче, и крики страшнѣе... Вижу: странное, безобразное существо корчится на землѣ отъ ударовъ, сыплющихся на него со всѣхъ сторонъ. Цѣлая толпа бьетъ, кто

чѣмъ попало. Я знаю, что это—*все онъ же*... Я кидаюсь впередъ, хочу крикнуть: перестаньте! за что!—и вдругъ вижу блѣдное, искаженное, необыкновенно страшное лицо—страшное потому, что это—мое собственное лицо. Я вижу, какъ я самъ, другой я самъ, замахивается молотомъ, чтобы нанести неистовый ударъ... Молотъ опустился на мой черепъ"... Оправившись отъ болѣзни, Рябининъ бросаетъ кисть и поступаетъ въ учительскую семинарію. Это—одно изъ средствъ „уйти въ народъ", сдѣлаться непосредственно ему полезнымъ. И на новомъ поприщѣ, однако, Рябининъ „не преуспѣлъ". Жаль, что Гаршинъ не исполнилъ своего обѣщанія и не разсказалъ намъ о дальнѣйшей судьбѣ своего героя; но это не мѣшаетъ Рябинину оставаться одною изъ самыхъ крупныхъ фигуръ современной беллетристики.

Сочувствіе Гаршина къ Рябинину не дѣлаетъ его несправедливымъ къ Дѣдову. Представитель „чистаго искусства" — также живое лицо, а не каррикатура. Онъ находитъ полное удовлетвореніе въ своей художественной дѣятельности, никогда не задумывается надъ ея цѣлесообразностью; онъ глубоко убѣжденъ, что „ничто такъ не возвышаетъ человѣка, какъ творчество". Онъ умѣетъ выгодно продать картину, но пишетъ ее вовсе не для того, чтобы заработать побольше денегъ; по выраженію Рябинина, онъ „страстно влюбленъ въ искусство", существующее „для воспроизведенія изящнаго въ природѣ", „смягчающее душу", „настраивающее человѣка на тихую, кроткую задумчивость". Онъ заботится о заболѣвшемъ Рябининѣ, чистосердечно жалѣетъ о неполученіи имъ золотой медали и заранѣе оплакиваетъ участь, ожидающую его въ глухой деревнѣ. Если Рябининъ—весь огонь, то и въ Дѣдовѣ, по временамъ, вспыхиваетъ и свѣтится небольшое пламя, и разсказъ, переходящій изъ устъ одного въ уста другого, не производитъ впечатлѣнія искусственной односторонности, не кажется написаннымъ на заданную тему... То же самое можно сказать и про „Ночь", потому что заключеніе очерка, выражающее задушевную мысль автора, составляетъ естественный, логичный выводъ изъ всего остальнаго. Въ минуты крайняго душевнаго напряженія картины давнопрошедшаго возстаютъ въ памяти съ такою же ясностью, проносятся одна за другой съ такой же быстротою, какъ и въ тѣ моменты, когда внезапно наступившая опасность ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ грозящей смертью. Положеніе человѣка, рѣшившагося на самоубійство, похоже на положеніе утопающаго или ожидающаго, съ секунды на секунду, разрыва упавшей бомбы (припомнимъ Праскухина и Михайлова въ одномъ изъ севастопольскихъ разсказовъ Льва

Толстого). Онъ можетъ вспомнить о томъ, о чемъ не думалъ цѣлые годы; на него можетъ подѣйствовать то, къ чему онъ въ другое время остался бы совершенно равнодушнымъ. Удары колокола, звукъ которыхъ ворвался въ комнату Алексѣя Петровича, „говорили чужимъ ему языкомъ, но говорили что-то большое, важное и торжественное". Они вызвали въ немъ „неудержимую волну воспоминаній, отрывочныхъ, безсвязныхъ и какъ будто совершенно для него новыхъ". Воскресла память о дѣтствѣ, когда онъ любилъ и былъ любимъ, и вмѣстѣ съ нею воскресъ остатокъ любви, схоронившійся гдѣ-то далеко, въ забытомъ уголкѣ сердца. „Куда, на какое дѣло излить этотъ остатокъ—Алексѣй Петровичъ не зналъ, да въ ту минуту ему и не нужно было знать, куда снести свою повинную голову. Онъ вспомнилъ горе и страданіе, какія довелось ему видѣть въ жизни, и понялъ, что ему нужно идти туда, въ это горе, взять на свою долю часть его—и только тогда въ душѣ его настанетъ миръ. Страшно—думалось ему; *не могу я больше жить за свой собственный счетъ и страхъ*; нужно, непремѣнно нужно связать себя съ общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидѣть и любить не ради своего *я*, всепожирающаго и ничего взамѣнъ не дающаго, а ради общей людямъ правды, которая есть въ мірѣ". Надломанный организмъ не выноситъ восторга, возбуждаемаго этою мыслью; Алексѣй Петровичъ умираетъ, но умираетъ не отъ своей руки, счастливый и примиренный съ жизнью.

Слова о невозможности „жить за собственный счетъ и страхъ" — по справедливому замѣчанію одного изъ ораторовъ, говорившихъ надъ могилой Гаршина—чрезвычайно характеристичны для самого Гаршина. Таково было, очевидно, его личное убѣжденіе, возведенное на степень вѣры. Не случайно оно озаряетъ умирающаго героя „Ночи", не случайно держится и въ больномъ героѣ „Краснаго цвѣтка". Отъ другихъ психіатрическихъ этюдовъ, слишкомъ многочисленныхъ, въ послѣднее время, и въ иностранной, и въ нашей литературѣ, „Красный цвѣтокъ" отличается именно тѣмъ, что на первомъ планѣ разсказа стоитъ не скорбный листъ болѣзни, не клиническое изученіе ея фазисовъ и ея симптомовъ, а исторія идеи, зародившейся въ умственно-здоровомъ человѣкѣ и продолжающей жить въ безумцѣ. Душевное разстройство обнаруживается только въ выборѣ средствъ для осуществленія идеи; беззавѣтная преданность ей, ни передъ чѣмъ не отступающая рѣшимость, готовность пожертвовать собою—все это унаслѣдовано больнымъ отъ прежняго, нормальнаго періода его жизни. Отсюда глубокое впечатлѣніе, производимое разсказомъ;

отсюда трагическій контрастъ между свѣтомъ, къ которому тянется воля больного, и тьмой, въ которую погруженъ его разсудокъ. По свидѣтельству одного изъ нашихъ психіатровъ, отличительныя черты маніакальнаго состоянія изображены Гаршинымъ, въ „Красномъ цвѣткѣ", съ замѣчательною вѣрностью—и это вполнѣ понятно, потому что онѣ были извѣстны автору, къ несчастію, по собственному его опыту; но не въ этомъ заключается, въ нашихъ глазахъ, главное достоинство разсказа. Насъ поражаютъ въ немъ больше всего тѣ смутные отголоски прежнихъ чувствъ и стремленій, которые служатъ соединительнымъ звеномъ между настоящимъ и прошедшимъ больного. „Больной видѣлъ себя въ какомъ-то волшебномъ, заколдованномъ кругѣ, собравшемъ въ себя всю силу земли, и въ горделивомъ изступленіи считалъ себя за центръ этого круга. Всѣ они, его товарищи по больницѣ, собрались сюда за тѣмъ, чтобы исполнить дѣло, смутно представлявшееся ему гигантскимъ предпріятіемъ, направленнымъ къ уничтоженію зла на землѣ. Онъ не зналъ, въ чемъ оно будетъ состоять, но чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для его исполненія". При такомъ настроеніи цѣль дѣятельности больного должна была опредѣлиться первымъ предметомъ, бросившимся ему въ глаза, остановившимъ на себѣ его вниманіе. Такимъ предметомъ былъ макъ, съ необыкновенно яркими алыми цвѣтками—и уничтоженіе этихъ цвѣтковъ, отождествляемыхъ фантазіей больного съ міровымъ зломъ, становится для него задачей, которую нужно исполнить во что бы то ни стало. Ему казалось, что „цвѣтокъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь (оттого онъ и былъ такъ красенъ), всѣ слезы, всю желчь человѣчества. Это было таинственное, странное существо, противоположность Богу, Ариманъ, принявшій скромный и невинный видъ". Больной чувствуетъ величайшее отвращеніе къ цвѣтку, величайшій страхъ передъ нимъ—и все-таки срываетъ его, прячетъ подъ одежду, прижимаетъ къ тѣлу, чтобы „не дать ему при издыханіи излить все зло въ міръ". Пускай „зло перейдетъ въ его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ — тогда самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ какъ честный боецъ и какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра". Онъ срываетъ и второй цвѣтокъ, срываетъ, цѣною отчаянныхъ усилій, третій и послѣдній—и умираетъ, счастливый и довольный. Въ нѣсколько дней разыгралась и закончилась, такимъ образомъ, цѣлая драма; но этой скоротечностью ея, этой сосредоточенностью усилій, обусловливаемою ложнымъ представленіемъ относительно самаго ихъ пред-

мета, не исчерпывается ли различіе между борьбой противъ „Краснаго цвѣтка“ и борьбой противъ дѣйствительнаго зла, никогда не прекращающейся въ реальномъ мірѣ? Не ясно ли, что дѣятельность безумца была послѣдствіемъ и продолженіемъ душевной работы, совершавшейся въ немъ до болѣзни, подобно тому, какъ сновидѣніе бываетъ иногда продолженіемъ видѣннаго и слышаннаго на яву?

Съ мыслью о „невозможности жить за собственный счетъ и страхъ“ мы встрѣчаемся и въ сказкахъ Гаршина. Не отъ того ли погибаетъ Attalea princeps, что она дѣйствуетъ „за собственный счетъ и страхъ“, лично для себя, отрекаясь отъ солидарности съ другими, трусливыми растеніями? Спѣшимъ оговориться: мы вовсе не утверждаемъ, чтобы такова была основная тема „Attalea princeps“. Необыкновенная привлекательность этой сказки зависитъ именно отъ того, что ея мораль не выступаетъ на видъ прямо и открыто. Она допускаетъ нѣсколько различныхъ толкованій, отчасти совмѣстныхъ, отчасти несовмѣстныхъ между собою—и мы только отмѣчаемъ одно изъ нихъ, нисколько не ручаясь за его правильность. „Я и одна найду себѣ дорогу“, говоритъ Attalea princeps; „я хочу видѣть небо и солнце не сквозь эти рѣшетки и стекла — и я увижу!.. И пальма *гордо смотрѣла зеленой вершиной на лѣсъ товарищей, раскинутый подъ нею; никто изъ нихъ не смѣлъ ничего сказать ей*“. И вотъ, она достигла цѣли; ея верхушка пробила крышу оранжереи. „Была глубокая осень; моросилъ мелкій дождикъ пополамъ съ снѣгомъ; вѣтеръ низко гналъ сѣрыя клочковатыя тучи. Пальмѣ казалось, что онѣ охватываютъ ее... И она поняла, что для нея все было кончено. Она застывала. Вернуться подъ крышу она уже не могла. Она должна была стоять на холодномъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ, смотрѣть на грязное небо, на нищую природу, на грязный задній дворъ ботаническаго сада, на скучный огромный городъ, виднѣвшійся въ туманѣ, и ждать, пока люди, тамъ внизу, въ теплицѣ, не рѣшатъ, что дѣлать съ нею“. Люди рѣшили срубить пальму; она погибла, и гибель ея никому не послужила на пользу, никого не освободила, а только увлекла за собою маленькую травку, скромнаго друга пальмы. Другое дѣло—гибель розы, въ „сказкѣ о жабѣ и розѣ“. Спасенная отъ жабы, роза была срѣзана, но срѣзана для того, чтобы скрасить послѣднія минуты умирающаго. „Она сама чувствовала, что ее срѣзали недаромъ“—и когда на нее упала слезинка изъ глазъ сестры умершаго, она нашла, что это лучшее происшествіе въ ея жизни.

Съ большею еще ясностью проповѣдь солидарности, проповѣдь самопожертвованія выступаетъ на видъ въ „Сигналѣ“ — послѣднемъ произведеніи Гаршина.

Самый крупный, по объему, разсказъ Гаршина: „Надежда Николаевна“ тѣсно связанъ съ однимъ изъ раннихъ его очерковъ: „Происшествіе“. Главное дѣйствующее лицо — и тамъ, и тутъ—одно и то же. Въ „Происшествіи“ мы видимъ Надежду Николаевну павшею уже такъ низко, что намъ трудно вѣрить въ возможность перемѣны, совершающейся въ ней, *три года спустя*, подъ вліяніемъ любви къ Лопатину. Это—первое обстоятельство, неблагопріятное для „Надежды Николаевны“; другое невыгодное условіе—выборъ темы, слишкомъ извѣстной и избитой. Реабилитація падшей женщины разрабатывалась и у насъ, и въ западноевропейскихъ литературахъ рѣшительно на всѣ лады; извлечь изъ нея что-нибудь новое до крайности трудно, даже для большого дарованія. И все-таки нельзя сказать, чтобы „Надежда Николаевна“ свидѣтельствовала объ упадкѣ таланта Гаршина. Нѣкоторая блѣдность фигуръ героя и героини выкупается яркостью, съ которою обрисованы остальныя дѣйствующія лица — Гельфрейхъ, „капитанъ“ Грумъ-Скжебицкій и въ особенности Безсоновъ, этотъ гордый, холодный человѣкъ, внезапно подпадающій подъ иго неукротимой страсти. „У него въ головѣ,—говоритъ о немъ Гельфрейхъ,—все ящики и отдѣленьица; выдвинетъ одинъ, достанетъ билетикъ, прочтетъ, что тамъ написано, да такъ и дѣйствуетъ. Видитъ, падшая дѣвушка. Ну, онъ сейчасъ себѣ въ голову (а тамъ у него все по алфавиту); досталъ, прочелъ: *они не возвращаются никогда*“. И вдругъ эта формула оказывается ошибочной: Надежда Николаевна начинаетъ *возвращаться*, только опираясь не на руку Безсонова, а на руку Лопатина. Этого Безсоновъ перенести не можетъ; старая любовь къ Надеждѣ Николаевнѣ, насильственно подавленная эгоизмомъ и резонерствомъ, пробуждается въ немъ съ новой, страшной силой. Отравленная въ самомъ своемъ источникѣ, она не можетъ привести ни къ чему доброму. Нужно прочесть у Гаршина картину опустошеній, производимыхъ ею въ душѣ Безсонова. Прежде преисполненный уваженія къ самому себѣ, нравственно-щепетильный до гадливости, онъ нисходитъ теперь до сплетенъ, до анонимныхъ писемъ. Онъ долго обманываетъ самого себя, стараясь вѣрить, что дѣйствуетъ только въ интересахъ Лопатина, только для его собственнаго блага желаетъ разлучить его съ Надеждой Николаевной. Нужно много времени и много безплодныхъ усилій, чтобы привести его къ сознанію настоящей его цѣли. „Я могъ

спасти ее и не захотѣлъ; теперь я хочу", говоритъ онъ,—и этимъ самымъ сжигаетъ свои корабли; вернуться назадъ ему не позволяютъ ни гордость, ни страсть, раздраженная встрѣченными препятствіями—неожиданной энергіей Лопатина, нескрываемымъ отвращеніемъ Надежды Николаевны. Катастрофа, съ этой минуты, становится неизбѣжной, и мы не думаемъ, чтобы можно было упрекать Гаршина за слишкомъ кровавую развязку разсказа. Однажды выбитые изъ колеи, такіе люди, какъ Безсоновъ, не отступаютъ ни передъ чѣмъ—а Лопатинъ не могъ не броситься на защиту Надежды Николаевны.

Таланту Гаршина не былъ чуждъ и юморъ, то мрачный—какъ въ сказкѣ: „То, чего не было", то добродушный—какъ въ разсказѣ: „Деньщикъ и офицеръ", то слегка меланхоличный—какъ въ „Медвѣдяхъ". Трогательная картина избіенія ни въ чемъ неповинныхъ звѣрей вставлена въ пеструю рамку беззаботной провинціальной жизни; но если вглядѣться въ эту пестроту, то веселаго и въ ней окажется немного... Одинъ изъ разсказовъ Гаршина—„Встрѣча"—рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ. Онъ доказываетъ, что Гаршину было подъ силу и объективное воспроизведеніе дѣйствительности. Въ Кудряшевѣ, благоденствующемъ инженерѣ, нѣтъ ни одной симпатичной черты—но авторъ изобразилъ его безъ употребленія преувеличенно-мрачныхъ красокъ, изобразилъ его вовсе не для того, чтобы возбудить негодованіе или отвращеніе читателей. Кудряшевыхъ вырабатываетъ современная жизнь, и Гаршину просто хотѣлось показать уголокъ этой работы. Откровенный цинизмъ Кудряшева возможенъ только благодаря множеству точекъ опоры, находимыхъ имъ во всемъ окружающемъ; онъ возведенъ въ систему, богато снабженъ оправданіями и не прочь даже, при случаѣ, перейти отъ обороны къ наступленію. „Кричатъ о наукѣ, о цивилизаціи,—говоритъ Кудряшевъ,—а къ чему бы эта цивилизація прилагалась, еслибы не мы, люди со средствами? И кто далъ наукѣ возможность двигаться впередъ, какъ не люди со средствами? А средства нужно откуда-нибудь взять.. Ну, что это за занятіе твое—учительство?—продолжаетъ Кудряшевъ, обращаясь къ своему собесѣднику.—Развѣ ты уплатишь своимъ трудомъ даже тѣ гроши, что тебѣ теперь платятъ? Приготовишь ли ты хоть одного порядочнаго человѣка? Три четверти изъ твоихъ воспитанниковъ выйдутъ такіе же, какъ я, а одна четверть—такими, какъ ты, то-есть благонамѣренною размазнею. Ну, не даромъ ли ты берешь деньги, скажи откровенно? И далеко ли ты ушелъ отъ меня?" Такъ разсуждать могутъ только современные „хищники". Кудряшевъ — родной

братъ герою „Первой борьбы“ (В. Крестовскаго-псевдонима), провозглашающему обязанность общества заботиться о благосостояніи „избранныхъ людей“, баловней цивилизаціи и любимцевъ счастья.

Тонкими художественными штрихами богаты всѣ разсказы Гаршина. Онъ не вдается въ протоколизмъ, не злоупотребляетъ картинами декоративнаго свойства, рѣдко прибѣгаетъ къ описаніямъ, всегда, притомъ, тѣсно связаннымъ съ ходомъ дѣйствія. Дѣтскія встрѣчи съ цыганами возстаютъ въ памяти разсказчика (въ „Медвѣдяхъ“) вмѣстѣ съ обстановкой, при которой онѣ происходили—и передъ нами является поэтическій образъ тихой лѣтней ночи. Мирное утро, изображенное въ „Четырехъ дняхъ“, еще ярче оттѣняетъ весь ужасъ положенія, освѣщаемаго первыми проблесками зари... Немного у Гаршина и сравненій, но нѣкоторыя изъ нихъ ничего не теряютъ рядомъ съ лучшими образцами этого рода. „Смерть—читаемъ мы въ Тургеневскомъ „Дневникѣ лишняго человѣка“—уже не приближается съ возростающимъ громомъ, какъ карета ночью по мостовой; она здѣсь, она порхаетъ вокругъ меня“... Многимъ ли уступаетъ этимъ строкамъ слѣдующее мѣсто въ „Надеждѣ Николаевнѣ“: „Смерть уже не подкрадывается ко мнѣ, а подходитъ твердыми шагами, шумъ которыхъ я ясно слышу въ безсонныя ночи“..? Умирающій Кузьма (въ „Трусѣ“) узнаетъ, что Марья Петровна, которую онъ любилъ безъ отвѣта и безъ надежды, чувствуетъ къ нему теперь состраданіе, граничащее съ любовью. „Все лицо его точно освѣтило солнцемъ, какъ освѣщается мокрый и печальный лугъ, когда раздвинутся тучи, нависшія надъ нимъ, и дадутъ выглянуть солнышку“... Не вдаваясь въ подробный анализъ психической жизни своихъ героевъ, Гаршинъ умѣетъ выхватить изъ нея отдѣльныя черты, бросающія свѣтъ на цѣлое настроеніе. Таково, напримѣръ, воспоминаніе о раздавленной собачкѣ, преслѣдующее раненаго въ „Четырехъ дняхъ“, или восклицаніе, вырывающееся у него при видѣ восходящей луны: „Какъ хорошо теперь дома!“ Таковъ вопросъ Надежды Николаевны (въ „Происшествіи“), когда она готова броситься въ прорубь: „Интересно знать, просвѣчиваетъ ли туда дневной свѣтъ?..“ Формы повѣствованія у Гаршина довольно однообразны; это, большею частью, или чередующіеся дневники дѣйствующихъ лицъ („Происшествіе“, „Художники“, „Надежда Николаевна“), или разсказъ въ первомъ лицѣ („Четыре дня“, „Трусъ“, „Воспоминанія рядового Иванова“). Весьма возможно, что Гаршинъ не былъ мастеромъ архитектоники, не умѣлъ возводить сложныхъ, симметрически-правильныхъ построекъ;

этимъ объясняется, можетъ быть, и то, что онъ не написалъ ни одного романа—но объемъ произведенія и способъ веденія разсказа имѣютъ, во всякомъ случаѣ, весьма второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе, въ нашихъ глазахъ, полная свобода Гаршина отъ погони за „рѣдкими эпитетами", за оборотами рѣчи, поражающими неожиданностью и новизною. На эту черту его таланта мы указали еще въ статьѣ, посвященной очеркамъ и разсказамъ г. Короленко. „Для насъ, русскихъ,—замѣтили мы тогда, — художественная простота имѣетъ особенную притягательную силу, потому что насъ пріучили къ ней великіе образцы, завѣщанные намъ нашимъ недавнимъ прошлымъ. Она сослужила большую службу сначала г. Гаршину, потомъ г. Короленко. Во многомъ другомъ они далеки другъ отъ друга, но простота, въ лучшемъ смыслѣ слова—свойство, общее имъ обоимъ. Читая одного изъ нихъ, мы словно выходимъ на свѣжій, вольный воздухъ; многіе другіе писатели того же поколѣнія часто вызываютъ въ насъ ощущеніе душной атмосферы, въ которой горитъ слишкомъ много свѣчей и курится слишкомъ много благовоній"... „Ничего вычурнаго, натянутаго, претенціознаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ изящество рѣчи, не бросающееся въ глаза, не напрашивающееся на вниманіе"—эти слова, сказанныя нами о г. Короленко, вполнѣ примѣнимы и къ Гаршину.

Былъ ли Гаршинъ скептикомъ или пессимистомъ, какимъ его иногда выставляли? Намъ кажется, что нѣтъ. На произведеніяхъ его лежитъ отпечатокъ глубокой грусти, зависящій отчасти отъ обстоятельствъ времени, въ которое онъ жилъ, отчасти отъ болѣзненности его натуры; но онъ никогда не терялъ вѣру въ человѣка, такъ ясно выразившуюся въ послѣднихъ его произведеніяхъ — въ „Надеждѣ Николаевнѣ", въ „Сигналѣ". Подобно Надсону, съ которымъ у него много общаго, Гаршинъ часто сомнѣвался, иногда, можетъ быть, даже былъ близокъ къ отчаянію—но это были только преходящія настроенія, а не міросозерцаніе, овладѣвшее всею жизнью. Гаршинъ слишкомъ много и горячо любилъ, чтобы потерять всякую надежду на лучшее будущее. Онъ зналъ, конечно, что никому не дано вырвать сразу „красный цвѣтокъ"—но едва ли думалъ, что господству его не будетъ конца.

К. Арсеньевъ.

НАКАНУНѢ
ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

VI.

Городокъ Астрарденте былъ расположенъ въ довольно живописной и открытой мѣстности, на крутой горѣ, вздымавшейся посреди плодородной долины; однимъ концомъ гора упиралась въ римскую Кампанью, а другимъ—въ ущелья нижнихъ Абруццъ. Нижняя часть городка окружена была виноградниками и оливковыми рощами, а верхняя увѣнчивалась феодальнымъ дворцомъ-крѣпостью—громаднымъ зданіемъ изъ твердаго камня, въ стилѣ пятнадцатаго вѣка.

Внутри дворца было множество самыхъ разнообразныхъ покоевъ. Былъ рядъ комнатъ со сводами подъ низкимъ потолкомъ и съ фресками въ хорошемъ стилѣ пятнадцатаго вѣка; надъ ними шелъ рядъ другихъ, обвѣшанныхъ старинными вышитыми коврами, съ старомодными мраморными столиками и зеркалами въ тяжелыхъ позолоченныхъ рамахъ. А одинъ флигель былъ весь отдѣланъ въ современномъ вкусѣ. Въ этой-то части дома Корона и

*) См. выше: апрѣль, стр. 689.

поселилась вмѣстѣ съ сестрой Габріелью, монахиней, и повела жизнь правильную, занятую и уединенную, которая казалась какъ бы продолженіемъ ея дѣвической жизни въ монастырѣ, гдѣ она воспитывалась. Каждое утро обѣ женщины, въ глубокомъ траурѣ, слушали обѣдню, служившуюся въ дворцовой капеллѣ. Затѣмъ Корона гуляла съ часъ времени вмѣстѣ съ своей подругой по террасѣ, или же, если былъ дождь, въ закрытыхъ балконахъ, выходившихъ на южную сторону. Утренніе часы она проводила въ уединеніи, читая набожныя книги того серьезнаго содержанія, какое наиболѣе подходило къ ея грустному настроенію. Ровно въ полдень она съ сестрой Габріелью завтракала съ довольно пышнымъ церемоніаломъ. Въ три часа пополудни къ подъѣзду подавалось ландо, запряженное воронными лошадьми съ кучеромъ и лакеемъ въ траурныхъ ливреяхъ. Обѣ дамы появлялись ровно пять минутъ спустя, и Корона жестомъ указывала, куда она хочетъ, чтобы ее везли, вверхъ или внизъ по долинѣ. Великолѣпный экипажъ спускался вдоль покатой дороги, которая вилась вокругъ города, неизмѣнно возвращался спустя два часа, и, поднявшись по извилистой дорогѣ, скрывался въ зеленыхъ воротахъ. Въ шесть часовъ подавали обѣдъ съ тою же самой пышной церемоніей, какъ и завтракъ; послѣ того, Корона и сестра Габріель проводили время вдвоемъ до десяти часовъ,—и тѣмъ день и кончался. Въ рутинѣ ихъ жизни не было никакого разнообразія; она шла по разъ заведенному порядку, какъ и большіе часы на дворцовой башнѣ, которые били часы и четверти день и ночь, а съ ними сообразовался весь городокъ.

Но, несмотря на неизмѣнное однообразіе, время пріятно проходило для Короны. Она устала отъ свѣтской пятилѣтней жизни, устала отъ шума, праздной болтовни, безцѣльной суеты. И ее утомили непрерывныя усилія исполнять обязанности по отношенію къ мужу, а пуще всего мученія подавленной любви къ Джіованни Сарачинеска. Все это она припоминала въ уединеніи астрарденгскаго замка и научилась любить его безмолвіе и безлюдье, по сравненію съ безполезной свѣтской дѣятельностью, покинутой ею на время. Корона не надѣялась найти въ сестрѣ Габріели ничего, кромѣ пассивной компаньонки; но по мѣрѣ того, какъ дни протекали, она открыла въ ней такую утонченность чувствъ и понятій, такую глубину взглядовъ и симпатіи, такую широкую опытность, что была удивлена и устыдилась даже узкости своего кругозора. Сестра была набожна и строга въ исполненіи всѣхъ правилъ своего монашескаго ордена, насколько они не мѣшали ей исполнять ея обязанности, какъ компаньонки, но въ разговорѣ

Габріель высказывала такое глубокое знаніе человѣческаго характера, что это одно служило постояннымъ источникомъ наслажденія для Короны, и та разсказывала ей длинныя исторіи о людяхъ, которыхъ знавала, для того только, чтобы услышать ея удивительные комментаріи общественныхъ вопросовъ.

Кромѣ чтенія, долгихъ часовъ размышленія и бесѣды съ сестрой Габріелью Корона находила себѣ занятія въ городкѣ, окружавшемъ ея резиденцію. Она пыталась раза два посѣщать бѣдныхъ въ мѣстечкѣ, въ надеждѣ помочь имъ, но увидѣла, что присутствіе ея повергаетъ ихъ въ какой-то священный трепетъ и такое нервное состояніе, что трудно даже добиться отъ нихъ толковыхъ отвѣтовъ на вопросы.

Итальянскій поселянинъ вовсе не одинъ и тотъ же въ разныхъ частяхъ страны, какъ это обыкновенно думаютъ, и хотя тосканецъ, находящійся въ постоянномъ общеніи съ своимъ землевладѣльцемъ, чувствуетъ нѣкоторое къ нему довѣріе и охотно болтаетъ съ нимъ о своихъ нуждахъ, но не таково отношеніе грубѣйшихъ расъ, обитающихъ въ Сабинскихъ и Самнитскихъ горахъ. Поселянинъ въ Agro Romano способенъ къ цивилизаціи и понимаетъ людей высшихъ классовъ, если онъ привыкъ постепенно ихъ видѣть: къ несчастію, послѣднее бываетъ рѣдко. Многіе изъ крупныхъ римскихъ землевладѣльцевъ проводятъ ежегодно мѣсяцъ или два въ своихъ помѣстьяхъ; старикъ Астрарденте въ послѣдніе годы вошелъ даже въ значительныя издержки по исправленію и реставраціи замка, но онъ ничего не дѣлалъ для своихъ поселянъ. Корона, при первыхъ своихъ попыткахъ вникнуть въ ихъ положеніе, наталкивалась на мертвое молчаніе, за которымъ, какъ она подозрѣвала, скрывалось не мало тревоги. Она рѣшительно ничего не понимала въ ихъ дѣлахъ; плохо сознавала, въ какомъ они стоятъ отношеніи другъ къ другу, насколько велика ея власть надъ ними и ихъ власть надъ нею. Тайны различныхъ контрактовъ все еще были для нея сокрыты, хотя ея управляющій и толковалъ о нихъ съ поразительной болтливостью. Она усиленно старалась понять систему, въ силу которой ея арендаторы держали ея землю, и прошло нѣкоторое время прежде, чѣмъ ей это удалось. Легче сразу объяснить, въ чемъ дѣло, нежели слѣдить за Короной въ ея попыткахъ просвѣтить себя.

Судя по терминологіи, система аренды земли, общая въ папскихъ владѣніяхъ, передавалась безъ перерыва отъ древнихъ римлянъ по сіе время: какъ и въ древнемъ римскомъ законѣ emphyteusis обозначаетъ обладаніе правами надъ чужой землей,

могущими передаваться по наслѣдству—и въ наше время, какъ и при римлянахъ; владѣлецъ такихъ правъ называется emphyteuta или emfiteula. Какимъ образомъ римляне стали употреблять греческія слова въ своемъ помѣстномъ правѣ, къ дѣлу не относится; но эти слова употребляются и понынѣ въ этой части Италіи и точь-въ-точь такъ, какъ и въ древнѣйшія времена.

Арендаторъ можетъ пріобрѣсти права emphyteusis прямо отъ землевладѣльца, подобно обычной арендѣ, или же онъ можетъ получить ихъ „помѣстнымъ“ способомъ. Гдѣ пустуетъ земля, тамъ каждый можетъ поселиться и начать ее обрабатывать подъ условіемъ уплаты владѣльцу извѣстной части—большею частію одной четверти продуктовъ натурою или соотвѣтственной суммы денегъ. Землевладѣлецъ, конечно, можетъ отказать въ помѣстномъ правѣ первому поселенцу, что, впрочемъ, случается очень рѣдко, такъ какъ лица, владѣющія пустырями, очень рады всякой попыткѣ къ культурѣ. Но разъ землевладѣлецъ допустилъ помѣстное право, оно уже не можетъ быть отнято, и поселянинъ можетъ располагать имъ по своему усмотрѣнію, даже продать его, если захочетъ, другому. Законъ опредѣляетъ только, что, въ случаѣ продажи, землевладѣлецъ получаетъ годовую ренту натурой или деньгами въ придачу къ обычной рентѣ, и это вознагражденіе уплачивается сообща продавцомъ и покупателемъ, по уговору. Такія аренды переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну въ продолженіе многихъ поколѣній и считаются непрерывными арендами. Землевладѣлецъ не можетъ прогнать арендатора иначе, какъ за неплатежъ ренты въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ. На дѣлѣ право emphyteuta на почву гораздо важнѣе права землевладѣльца, потому что арендаторъ можетъ сколько угодно обманывать землевладѣльца, между тѣмъ какъ законъ смотритъ за тѣмъ, чтобы землевладѣлецъ ни при какихъ условіяхъ не обманулъ арендатора. На дѣлѣ, слѣдовательно, почти вездѣ рента уплачивается натурою, а остальное проѣдается крестьянами, такъ что денегъ почти не водится въ странѣ.

Корона открыла, что доходы, получаемые ею съ земель Астрарденте, собираются четвериками муки и ведрами вина съ двухсотъ арендованныхъ хозяйствъ въ размѣрѣ одной четверти производимаго ими зерна и винограда. Крестьяне всѣ въ одно и то же время обмолачивали и мололи зерно и выдавливали виноградъ. Если управляющій не присутствовалъ на мѣстѣ во время этихъ операцій, то крестьяне могли скрыть какое угодно количество своихъ произведеній. Такъ какъ рента никогда не устанавливалась впередъ, но зависѣла отъ годичнаго урожая, то яв-

ное дѣло, что для арендатора было очень выгодно водить за носъ землевладѣльца, гдѣ и когда только можно. Землевладѣлецъ находилъ скучнымъ и непроизводительнымъ надзоръ за арендаторами, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было худшее изъ аграрныхъ золъ—промежуточная инстанція между владѣльцемъ и арендаторомъ—управляющій, которому поручалось собирать ренту. Послѣдній часто соглашался уплачивать опредѣленную сумму дохода землевладѣльцу, и хотя она обыкновенно бывала гораздо ниже настоящаго размѣра ренты, зато обезпечивала, по крайней мѣрѣ, землевладѣльцу извѣстный опредѣленный доходъ, который онъ получалъ безъ всякихъ хлопотъ. Но тогда управляющій превращался самъ въ піявку и высасывалъ все, что могъ, изъ арендаторовъ, чтобы набить себѣ потуже карманъ. Результатомъ этого было то, что въ то время, какъ арендаторъ умиралъ съ голоду, а землевладѣлецъ получалъ минимумъ дохода, управляющій постепенно богатѣлъ.

На этой системѣ держались девять-десятыхъ земель въ бывшихъ папскихъ владѣніяхъ, и держатся до сихъ поръ, несмотря на новѣйшій арендный законъ, по причинамъ, которыя выяснятся въ другой части этой исторіи.

Корона видѣла и понимала, что зло велико. Она обсуждала вопросъ съ своимъ управляющимъ или ministro, какъ его называли, и который былъ какъ разъ вышеописаннымъ посредникомъ, и чѣмъ болѣе обсуждала она вопросъ, тѣмъ онъ казался ей безнадежнѣе. Управляющій дѣйствовалъ въ силу контракта, заключеннаго ея покойнымъ мужемъ на нѣсколько лѣтъ. Онъ регулярно платилъ ежегодный условленный доходъ, и его нельзя было устранить въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Онъ, само собой разумѣется, былъ противъ всякихъ перемѣнъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобы представиться ангеломъ милосердія и справедливости, парящимъ надъ счастливой семьей веселыхъ пейзанъ въ нѣдрахъ земного рая. Къ несчастію для него, онъ не понялъ сначала мотивовъ, о которыхъ шли разспросы Короны. Онъ предположилъ-было, что она не довольна размѣромъ уплачиваемой имъ ренты, и намѣревается увеличить сумму, по истеченіи срока контракта. Поэтому въ первый же разъ, какъ она пригласила его для переговоровъ, онъ начерталъ передъ нею картину бѣдственнаго положенія крестьянъ и краснорѣчиво распространялся объ ихъ бѣдности и о крайней трудности вообще взимать съ нихъ ренту. Только тогда, когда онъ открылъ, что главной заботой Короны было благосостояніе арендаторовъ, онъ перемѣнилъ

тактику и пытался доказать, что все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ возможныхъ помѣстій.

Тогда, къ его великому удивленію, Корона увѣдомила его, что контрактъ съ нимъ не будетъ возобновленъ по истеченіи срока, и что она сама будетъ собирать ренту. Она долго не могла уразумѣть своего положенія, но, разъ уразумѣвъ его, рѣшила, что слѣдуетъ попытаться измѣнить дѣло. Еслибы ея состояніе зависѣло только отъ дохода, получаемаго съ земель Астрарденте, она охотнѣе дошла бы до нищеты, чѣмъ позволить хозяйству идти такъ, какъ оно шло. Къ счастію, она была богата, и если не имѣла никакой опытности въ этого рода дѣлахъ, зато была полна добрыхъ намѣреній, великодушія и не нуждалась въ деньгахъ. По ея простой аграрной теоріи, наилучшій способъ улучшить помѣстье—будетъ тратить на его улучшеніе доходъ, получаемый съ него, до тѣхъ поръ, пока все управленіе не перейдетъ въ ея руки. Вся бѣда въ томъ, думалось ей, что у крестьянъ слишкомъ мало денегъ; лучшій способъ помочь имъ—это дать имъ денегъ. Единственный вопросъ—какъ же это сдѣлать, не деморализируя ихъ и не увеличивая ихъ обязательства относительно ministro или посредника?

Тогда она послала за патеромъ. Отъ него она узнала, что лѣтомъ поселяне сводятъ концы съ концами, но зимой имъ всегда тяжко приходится. Она спросила—почему. Онъ отвѣчалъ—потому, что они беззаботны, потому что земельная система плоха, и потому, что еслибы они и сдѣлали сбереженія, ministro отобралъ бы ихъ.—Но находитъ ли онъ возможнымъ сдѣлать ихъ практичнѣе и сообразительнѣе?—Онъ отвѣчалъ, что это возможно, но потребуетъ не меньше десятка лѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала Корона,—единственный способъ улучшить ихъ положеніе—это доставать имъ работу зимой. Я буду проводить дороги въ помѣстьѣ и строить большіе дома съ квартирами въ городѣ. Дѣла будетъ для всѣхъ достаточно.

Хотя это былъ простой планъ, но ему суждено было быть приведеннымъ въ исполненіе и измѣнить въ нѣсколько лѣтъ общій видъ помѣстья Астрарденте. Корона послала въ Римъ за инженеромъ, который былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошимъ архитекторомъ, и принялась сама изучать мѣстныя условія, настаивая на томъ, чтобы и трудъ, и матеріалъ, непремѣнно и исключительно были мѣстные. Это доставило ей такъ много занятій, что время быстро летѣло.

Истекъ великій постъ, прошла и святая. Ранніе фруктовые деревья покрылись бѣлымъ цвѣтомъ, который затѣмъ опалъ на

землю и смѣнился вишнями, миндальными орѣхами и персиками. Бурыя изгороди позеленѣли и оживились присутствіемъ мелкихъ пташекъ. Большія зеленыя ящерицы забѣгали по лѣсистымъ тропинкамъ на скатахъ холмовъ и ловили мухъ, съ жужжаніемъ крутившихся въ весеннихъ лучахъ солнца. Сухія виноградныя лозы покрылись листьями, а маисъ внезапно выставилъ на солнце какъ бы міріады блестящихъ зеленыхъ кинжаловъ, пробившихъ темную кору земли. По краямъ дорогъ высоко росла трава, а широкіе овраги превратились въ быстрыя рѣчки.

Жизнь Короны текла изо дня въ день обычнымъ чередомъ, но, по мѣрѣ того, какъ проходило время, въ нее чаще и чаще закрадывалась одна мысль, сначала робкая, какъ бы боявшаяся быть прогнанной, сначала безмолвная, какъ сонное видѣніе, но мало-по-малу принимавшая опредѣленный смыслъ и высказывавшаяся, явственно въ словахъ:

— „Сдержитъ ли онъ свое обѣщаніе? Пріѣдетъ ли?“

Но онъ не пріѣзжалъ, хотя свѣжія краски весны сгустились въ зрѣлые цвѣта лѣта, и Корона, глядя внизъ въ долину, видѣла, какая перемѣна происходила надъ землей, и сознавала, что такая же перемѣна совершалась и въ ней. Она инстинктивно искала уединенія, но не знала, что оно принесетъ ей. Она желала почтить покойнаго мужа, удалившись отъ свѣта на нѣкоторое время, думая и вспоминая о немъ. Она такъ и сдѣлала, но молодость брала свое, и жизнь предъявляла свои требованія.

Мысль о Джіованни была теперь сладка такъ же, какъ прежде была горька. Теперь ничто не могло мѣшать ей о немъ думать. Что за бѣда, если она будетъ теперь о немъ думать... пока самого его еще нѣтъ съ нею. Современемъ онъ пріѣдетъ; она ломала голову надъ тѣмъ, когда-то это будетъ, и какъ скоро онъ сдержитъ свое обѣщаніе. Но пока она не была несчастна и занималась обычнымъ дѣломъ; только иногда долгое время простаивала по вечерамъ одна на балконѣ, съ котораго видъ открывался на дальнія горы, и спрашивала себя, тамъ ли онъ, или, какъ дошли до нея слухи, уѣхалъ на дальній сѣверъ? Онъ говорилъ, что отсюда до его замка всего полъ-дня пути черезъ горы. Но сколько бы она ни напрягала зрѣнія, а ничего не было видно сквозь массивныя твердыни. Онъ говорилъ, что проведетъ лѣто въ своемъ имѣніи. Неужели онъ передумалъ?

Нѣтъ, она не была несчастлива. Но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ дни проходили, счастливое настроеніе стало отуманиваться глухимъ опасеніемъ. Что если она черезъ-чуръ строго запретила ему себя видѣть? Что если онъ уѣхалъ обезнадеженный

и дѣйствительно находится теперь въ дальней Скандинавіи, какъ утверждаютъ газеты, рискуя своей жизнью въ безумныхъ приключеніяхъ?

Но, по правдѣ говоря, боялась она не этого. Онъ былъ силенъ, молодъ, смѣлъ; онъ пережилъ тысячу опасностей, переживетъ и эти. Но въ ея воображеніи вставала злая тѣнь, образъ женщины, и такъ отчетливо, такъ живо воплощался въ лицѣ донны Тулліи, что она какъ бы видѣла ея красныя улыбающіяся губы и слышала громкій смѣхъ. Она сердилась на себя за эту мысль, но эта мысль постоянно оживала въ ней и причиняла боль, а послѣдняя превращалась въ нестерпимый страхъ. Она вдругъ почувствовала, что должна во что бы то ни стало узнать, гдѣ онъ находится,—въ противномъ случаѣ, лишится всякаго спокойствія. Она и безъ того стала нервна и безпокойна и въ разговорахъ съ сестрой Габріелью выказывала странную разсѣянность. Добрая женщина замѣтила это и присовѣтовала перемѣну мѣста, какую-нибудь экскурсію.—Корона,—говорила она, слишкомъ молода, чтобы вести такую жизнь.

Корона вздрогнула отъ радости при этой мысли. Онъ говорилъ, что до его замка всего полъ-дня пути. Она переѣдетъ черезъ горы и взглянетъ на мѣстечко Сарачинеска, всего только одинъ разъ. Быть можетъ, ей попадется на встрѣчу крестьянинъ, и въ беззаботномъ разговорѣ она узнаетъ, тамъ ли онъ, или пріѣдетъ лѣтомъ? Никто объ этомъ не узнаетъ, и, кромѣ того, сестра Габріель сказала, что экскурсія принесетъ ей пользу. Сестра, по всей вѣроятности, вовсе не слыхала, что Сарачинеска такъ близко и, конечно, не подозрѣвала, что герцогиня интересуется его владѣльцемъ. Она объявила ей о своемъ намѣреніи, и сестра одобрила его; сама она слишкомъ слаба, заявила она, чтобы участвовать въ поѣздкѣ.

На слѣдующее утро Корона сѣла въ экипажъ и проѣхала нѣсколько миль на югъ въ горы до того пункта, гдѣ на дорогѣ ее встрѣтилъ конный отрядъ ея собственныхъ guardiani, или лѣсныхъ сторожей, какъ ихъ называютъ, въ темносинихъ мундирахъ изъ грубаго сукна и въ кожаныхъ штиблетахъ. У каждаго изъ сторожей висѣла на груди круглая пластинка изъ серебра съ гербомъ Астрарденте; у каждаго за спиной было длинное ружье, а къ сѣдламъ коней привязаны были чехлы съ пистолетами. Человѣка два загорѣлыхъ крестьянъ держали подъ устцы мула, тяжело осѣдланнаго, по старинной модѣ, подъ большимъ краснымъ бархатнымъ сѣдломъ испанскаго образца. Кучка крестьянъ и

оборванныхъ ребятишекъ стояли вокругъ, съ интересомъ слѣдя за приготовленіями и вслухъ разсуждая о красотѣ знатной дамы.

Корона сѣла на мула, и его повели подъ уздцы двое молодыхъ крестьянъ. Она улыбалась про себя, такъ какъ впервые въ жизни ей приходилось ѣхать такимъ образомъ, но нисколько не смущалась своего простодушнаго конвоя. Она знала, что такъ же безопасна среди него, какъ и у себя дома.

По мѣрѣ того, какъ тропинка уходила въ горы, мѣстность становилась пустыннѣе, растительность рѣже, а камни обильнѣе. Кругомъ царила скалистая пустыня; насколько глазъ могъ обнять окрестность, не видно было ни души человѣческой, ни одного живого существа не показывалось на обнаженныхъ утесахъ, вздымавшихъ къ небу свои острыя верхушки. Корона заговорила съ главнымъ стражемъ, ѣхавшимъ рядомъ съ нею на маленькой горной лошадкѣ. Онъ объяснилъ ей, что рѣдко кто ѣздитъ по этой тропинкѣ—это кратчайшій путь въ Сарачинеска.

Князья иногда ѣздятъ по ней верхомъ, отсылая экипажи въ объѣздъ. Да еще въ пору сбора винограда крестьяне возятъ по этой тропинкѣ виноградъ на продажу на большіе заводы. Эта дорожка не опасна именно потому, что такъ безлюдна. Герцогиня сказала, что хочетъ только поглядѣть на долину, разстилающуюся по ту сторону горъ, и затѣмъ вернется назадъ. Послѣ полудня партія достигла высшаго пункта площадки, между двумя скалами, на которой могъ умѣститься только одинъ мулъ. Конвойный сказалъ, что въ концѣ узенькой тропинки, съ которой начинается спускъ, она увидитъ Сарачинеска. Корона вскрикнула отъ удивленія, достигнувъ этого мѣста.

Въ какой-нибудь четверти мили направо, въ концѣ широкой горной дороги, она увидѣла массивныя башни Сарачинеска, раскрашенныя и мрачныя, высившіяся среди густой рощи. Все промежуточное пространство, да и вся долина, насколько могъ окинуть ее глазъ, была однимъ непрерывнымъ лѣсомъ каштановъ. Тамъ-и-сямъ, пониже за́мка, сверкали черепицы крышъ домовъ городка, но сами строенія были скрыты отъ глазъ. Корона не имѣла понятія о томъ, какъ близко находится она отъ за́мка, и ей вдругъ стало страшно, что Джіованни появится на длинной, прямой дорогѣ, которая вела въ рощу. Она отъѣхала къ конвою.

— Что князья здѣсь теперь?—спросила она одного изъ конвойныхъ.

Тотъ не зналъ этого, но минуту спустя появился сбоку на широкой дорогѣ около тропинки крестьянинъ съ мѣшкомъ хлѣбнаго зерна, на ослѣ. Конвойный окликнулъ его и спросилъ

про князей. Увидя Корону на мулѣ, окруженную вооруженными людьми въ ливреѣ, человѣкъ остановился и снялъ мягкую войлочную шляпу.

— Оба князя находятся въ Сарачинеска, сказалъ онъ. — Молодой князь пріѣхалъ еще на святой. Они строятъ акведукъ, который долженъ доставить воду городу; онъ пройдетъ внизу по рощѣ. Князья почти ежедневно бываютъ на работахъ. Ея сіятельство найдетъ ихъ тамъ, если пожелаетъ, или же въ замкѣ.

Но герцогиня вовсе не желала встрѣтить ихъ. Она дала монету человѣку и поспѣшно удалилась. Конвойные были молчаливый народъ, привыкшій повиноваться; они послѣдовали за ней внизъ по крутой тропинкѣ, даже не обмѣнявшись другъ съ другомъ словомъ. Въ тѣни нависшей скалы она сдѣлала привалъ и, сойдя съ мула, стала завтракать. Она мало ѣла и сидѣла, задумчиво глядя на голый камень, въ то время, какъ ея свита торопливо поѣдала остатки ея трапезы. Она испытала сильное волненіе, узнавъ, что находится такъ близко отъ Джіованни; она точно увидѣла его самого, и сердце ея сильно билось, а кровь то-и-дѣло приливала къ смуглымъ щекамъ. Вѣдь возможно было бы ему проѣхать какъ разъ по тому пути, гдѣ она остановилась. И какъ ужасно было бы, еслибы онъ отгадалъ, что она пріѣхала высматривать его жилище послѣ того, какъ строго запретила ему показываться ей на глаза! Краска стыда горѣла у нея на щекахъ; она поступила такъ неделикатно, такъ недостойно ея чувства собственнаго достоинства. Но, несмотря на все это, она радовалась, что онъ отъ нея теперь близко, и хотя онъ сдержалъ данное слово — избѣгать ее, тѣмъ не менѣе онъ выполнилъ свое намѣреніе провести лѣто въ Сарачинеска.

Люди уложили всѣ вещи въ корзину и помогли Коронѣ сѣсть на мула. Медленно стала партія спускаться съ крутой тропинки, становившейся все шире и удобнѣе, по мѣрѣ того, какъ они съѣзжали съ горы. У подошвы ее ждала коляска; она сѣла въ нее и уѣхала, оставя позади себя конвой крестьянъ и мула съ его тихимъ, размѣреннымъ шагомъ. Солнце низко стояло, когда коляска проѣхала въ ворота замка Астрарденте. Сестра Габріель нашла, что Корона стала на видъ свѣжѣе отъ поѣздки, и прибавила, что, должно быть, она очень сильна, если выдержала такое путешествіе безъ усталости. И весь слѣдующій день — да и много дней подъ-рядъ — сестра замѣчала перемѣну въ настроеніи хозяйки и дала себѣ слово, если герцогиня снова заскучаетъ, посовѣтовать ей съѣздить еще разъ въ горы для развлеченія.

Въ этотъ вечеръ старикъ Сарачинеска и его сынъ сидѣли за

обѣдомъ въ большой залѣ своего за́мка. Вѣрный Пасквале служилъ такъ же церемонно, какъ и въ Римѣ. Въ этотъ вечеръ онъ снова заговорилъ. Этого не бывало еще ни разу послѣ того, какъ онъ извѣстилъ господь о смерти герцога Астрарденте.

— Прошу прощенія, ваше сіятельство,—началъ онъ обычной формулой.

— Въ чемъ дѣло, Пасквале?—спросилъ старикъ Сарачинеска.

— Не знаю, извѣстно ли вашему сіятельству, что герцогиня д'Астрарденте пріѣзжала сюда сегодня?

— Что такое?—спросилъ старикъ.

— Ты, должно быть, помѣшался, Пасквале! —замѣтилъ Джіованни.

— Прошу прощенія, ваше сіятельство, если я ошибаюсь, но вотъ, что я слышалъ. Гиги Секки, крестьянинъ изъ Аквавива въ нижнемъ лѣсу, привозилъ сегодня мѣшокъ съ зерномъ на мельницу и разсказывалъ мельнику, а мельникъ разсказалъ Эттоpe, а Эттоpe разсказалъ Нино, а Нино разсказалъ...

— Да что же онъ разсказалъ-то?—перебилъ старикъ-князь.

— Нино разсказалъ повареику,—продолжалъ Пасквале, нимало не смущаясь,—а повареикъ разсказалъ мнѣ, ваше сіятельство, что когда Гиги проѣзжалъ по дорогѣ изъ Сервети сюда, то его остановилъ отрядъ guardiani, сопровождавшихъ красавицу, смуглую даму въ черномъ, которая ѣхала на мулѣ, и одинъ изъ guardiani спросилъ его, находятся ли ваши сіятельства въ Сарачинеска; а когда онъ отвѣтилъ, что да—дама дала ему денегъ и тотчасъ же повернула назадъ и уѣхала по дорогѣ въ Астрарденте; онъ говоритъ, что guardiani—изъ Астрарденте, потому что онъ помнитъ, какъ видѣлъ одного изъ нихъ, съ бѣльмомъ на глазу, на большой ярмаркѣ въ Геннанцано въ прошломъ году. И вотъ такимъ образомъ я объ этомъ услыхалъ.

— Твоя новѣсть удивительна, Пасквале,—отвѣчалъ князь, громко смѣясь,—но довольно правдоподобна. Ступай и приведи ко мнѣ Гиги Секки, если онъ все еще въ околоткѣ. Я хочу услышать эту исторію отъ него самого.

Когда они остались вдвоемъ, отецъ и сынъ нѣсколько секундъ молча смотрѣли другъ на друга, а затѣмъ старикъ Сарачинеска снова разсмѣялся. Но Джіованни былъ серьезенъ, а лицо его блѣдно. Отецъ пересталъ смѣяться.

— Если этотъ разсказъ вѣренъ,—сказалъ онъ,—то я бы совѣтовалъ тебѣ, Джіованни, побывать по ту сторону горъ. Пора.

Джіованни помолчалъ съ минуту. Онъ былъ сильно заинтересованъ, но не могъ сказать отцу, что обѣщалъ Корнѣ не

видѣться съ нею, и еще не объяснилъ себѣ ея внезапнаго появленія такъ близко отъ Сарачинеска.

— Мнѣ кажется, лучше было бы вамъ съѣздить первому,— сказалъ онъ отцу.—Но я вовсе не увѣренъ, что разсказъ этотъ вѣренъ.

— Мнѣ съѣздить? О, какъ хочешь!—отвѣчалъ старикъ, опять смѣясь. Онъ всегда готовъ былъ дѣйствовать.

Но Гиги Секки не нашли. Онъ уже вернулся въ Аквавиву. Два дня спустя, Джіованни самъ поѣхалъ и разыскалъ его. Онъ не особенно удивился, когда Гиги подтвердилъ разсказъ Пасквале отъ слова до слова. Корона пріѣзжала въ Сарачинеска узнать, тутъ ли Джіованни, или нѣтъ, и, услыхавъ, что онъ въ замкѣ, поспѣшно уѣхала. Джіованни былъ по природѣ серьезнаго и меланхолическаго нрава; но въ послѣдніе мѣсяцы сдѣлался совсѣмъ молчаливъ, съ упрямой настойчивостью занимался проведеніемъ аквадука, смотрѣлъ день за работами, а вечера просиживалъ надъ планами. Онъ ждалъ. Онъ вѣрилъ, что Корона любила его, и зналъ, что онъ любитъ ее, но считалъ, что долженъ терпѣливо ждать, какъ потому, что обѣщалъ, такъ и изъ уваженія къ ея недавнему вдовству. Чтобы облегчить себѣ ожиданіе, онъ долженъ былъ найти себѣ непрерывныя занятія, и съ энергіей помогалъ отцу, мечтавшему превратить Сарачинеска въ рай земной.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—если вы поѣдете туда въ концѣ недѣли, то это будетъ очень хорошо. Я не хочу пока навязывать ей свою персону, а вамъ легко будетъ узнать, хочетъ ли она меня видѣть. Въ сущности, она могла поѣхать просто прокатиться и случайно забрела къ намъ. Я часто замѣчалъ, какъ неожиданно натыкаешься на видъ замка на той горной тропинкѣ.

— Съ другой стороны,—отвѣтилъ старикъ съ улыбкой,— каждый могъ сказать ей, что эта тропинка ведетъ въ Сарачинеска и болѣе никуда. Но я поѣду завтра,—прибавилъ онъ.— Я мигомъ разрѣшу всѣ твои сомнѣнія.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Джіованни.

VII.

Старикъ Сарачинеска сдержалъ слово, и на слѣдующее утро, недѣлю спустя послѣ экскурсіи Короны въ горахъ, отправился въ Астрарденте, куда и прибылъ около полудня. Онъ послалъ свою карточку, а самъ стоялъ подъ воротами и обивалъ пыль съ са-

погъ тяжелымъ хлыстомъ. Лицо его было смуглѣе, чѣмъ когда-либо, отъ постояннаго пребыванія на солнцѣ, а коротко остриженные волосы и борода еще посѣдѣли, но его сильный станъ держался такъ же прямо, какъ и прежде, а походка была твердая и гибкая. Онъ былъ замѣчательный старикъ; не одинъ двадцатилѣтній юноша позавидовалъ бы его силѣ и энергіи.

Корона сидѣла за завтракомъ съ сестрой Габріелью, когда ей подали карточку старика-князя. Она вздрогнула, прочитавъ его имя, и хотя на карточкѣ ясно было обозначено: „князь Сарачинеска", она колебалась и спросила буфетчика, точно ли это самъ князь. Тотъ отвѣчалъ утвердительно.

— Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я его приняла?—спросила она сестру Габріель.—Это старикъ-сосѣдъ,—пояснила она,—мой ближайшій сосѣдъ здѣсь въ горахъ.

Сестра не протестовала. Она нашла даже, что герцогинѣ полезно видѣть людей.

— Просите князя и поставьте приборъ на столѣ,—приказала Корона.

Секунду спустя, вошелъ старикъ, и Корона поднялась ему на встрѣчу. Было что-то живительное въ звукахъ его низкаго голоса и въ стукѣ шпоръ о мраморный полъ.

— Герцогиня, вы очень добры, что приняли меня. Я не зналъ, что вы въ этотъ часъ завтракаете. Здравствуйте, сестра! —прибавилъ онъ, увидѣвъ монахиню, которая тоже встала изъ-за стола.

— Сестра Габріель,—представила Корона,—была такъ добра, что согласилась раздѣлять мое одиночество.

Говоря правду, Коронѣ было не по себѣ, но это ощущеніе было не безъ пріятности, хотя она и догадывалась, что, можетъ быть, князь слышалъ про ея экскурсію и пріѣхалъ узнать, въ чемъ дѣло. Она смѣло пошла на встрѣчу объясненію.

— Я недавно совсѣмъ нечаянно очутилась въ вашемъ сосѣдствѣ, — улыбнулась она. — Мнѣ захотѣлось взглянуть на вашу долину, но когда я достигла вершины горы, то увидѣла себя почти въ вашемъ домѣ.

— Я бы желалъ видѣть васъ въ нашемъ домѣ,—отвѣчалъ князь.—Конечно, я слышалъ про то, что вы были около насъ, и мы догадались, что вы случайно попали въ наше сосѣдство. Мой сынъ ѣздилъ въ Аквавиву, чтобы разспросить человѣка, видѣвшаго васъ.

Сарачинеска говорилъ совсѣмъ просто, беря кушанье съ блюда,

которое ему подалъ слуга, но, поднявъ голову, увидѣлъ, что смуглыя щеки Короны покраснѣли.

— Это было такъ неожиданно,—нервно пояснила она,—что я просто испугалась.

— Жалѣю, что вашъ испугъ помѣшалъ вамъ проѣхать дальше. Сарачинеска рѣдко удостоивался посѣщеній герцогини д'Астрарденте. Но послѣ вашего визита, то-есть, вѣрнѣе, послѣ вашего неосуществившагося визита, я долженъ пояснить мой пріѣздъ. Во-первыхъ, вы должны знать, что я пріѣхалъ сюда не случайно, но намѣренно, съ заранѣе обдуманной цѣлью. Я пріѣхалъ не затѣмъ, чтобы поглядѣть на вашу долину, но чтобы видѣть васъ, васъ самихъ. Поэтому гостепріимство, оказанное вами мнѣ, увѣнчало мое желаніе васъ видѣть.

Корона засмѣялась.

— Вотъ любезныя слова!—сказала она.

— Которыхъ вы бы не услышали, еслибы меня не приняли, —весело отвѣтилъ онъ.—Но я еще не кончилъ. У меня много еще любезныхъ словъ въ запасѣ. При видѣ васъ человѣкъ дѣлается краснорѣчивъ, подобно тому, какъ при появленіи солнца распускаются цвѣты.

— Очень мило, — засмѣялась Корона. — Вы, должно быть, изучаете поэтовъ, сидя въ Сарачинеска? Что, донъ Джіованни изучаетъ ихъ вмѣстѣ съ вами?

— Джіованни—фактъ, а я—басня. Старики всегда баснословны, потому что представляютъ въ безобидной формѣ безумства всего человѣческаго рода; но конецъ ихъ всегда бываетъ, самъ по себѣ, нравоученіемъ, и молодые люди могутъ многому научиться, изучая ихъ.

— Ваше сравненіе очень остроумно,—отвѣтила Корона, которую занималъ разговоръ Сарачинеска.—И я сомнѣваюсь, чтобы вы были такъ безобидны, какъ говорите. Вы, конечно, не безумны, и я не увѣрена въ томъ, чтобы, изучая васъ, молодые люди...

Она запнулась и засмѣялась.

— Съумѣли понять добродѣтель, скрытую отъ глазъ... или, какъ говорили остроумные древніе римляне, то, что изображеніе Кассія и Брута замѣчательнѣе всѣхъ другихъ по той самой причинѣ, что ихъ нигдѣ не видать... какъ и мои добродѣтели? Джіованни, напримѣръ, совершенная противоположность мнѣ въ этомъ отношеніи, хотя и похожъ лицомъ какъ двѣ капли воды, что, конечно, для него не особенно лестно.

— Добродѣтели не слѣдуетъ скрывать,—замѣтила мягко сестра Габріель.—Это все равно, что скрывать свѣтъ.

— Сестра,—отвѣтилъ опять князь, и черные глаза его весело засвѣтились:—еслибы въ моемъ распоряженіи было хоть столько свѣта, чтобы вы могли при немъ прочитать нѣсколько словъ въ вашемъ молитвенникѣ, я бы предоставилъ его въ ваше распоряженіе; я бы поставилъ его посреди площади Колонны и назвалъ бы иллюминаціей. Къ несчастью, мой свѣтъ, какъ лампа одинокаго рудокопа, свѣтитъ только мнѣ, да и то еле-еле.

— Зачѣмъ вы такъ унижаете себя?—сказала Корона.

— Вы правы; этого не слѣдуетъ. Вы или повѣрите, что я говорю правду, или подумаете, что я лгу. А я не знаю, что̀ хуже: то или другое? Перемѣнимъ разговоръ. Мой сынъ Джіованни, герцогиня, просилъ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе.

— Благодарю. Какъ его здоровье?

— Онъ здоровъ, но нравъ у него слишкомъ меланхолическій. Онъ строитъ водопроводъ, и я ему помогаю. Дѣло подвигается, причемъ онъ постоянно работаетъ, а я курю папиросы и читаю романы.

— Раздѣленіе труда въ вашу пользу,—замѣтила Корона.

— О, конечно. Онъ развиваетъ естественную производительность моихъ земель, а я поощряю торговлю табакомъ и книгами. Онъ работаетъ съ утра до ночи, онъ собственно инженеръ, подрядчикъ, надсмотрщикъ и главный каменьщикъ. Онъ все дѣлаетъ, и хорошо дѣлаетъ. Еслибы мы были не такими варварами и злополучными холостяками, я бы попросилъ васъ пріѣхать и поглядѣть на насъ — на этотъ разъ взаправду — и на нашу постройку. Стоитъ того, увѣряю васъ. Можетъ быть, вы согласитесь. Мы очистимъ для васъ замокъ, а сами будемъ всю ночь стоять на часахъ у воротъ.

Корона опять вспыхнула. Ей бы очень хотѣлось поѣхать, но она чувствовала, что это невозможно.

— Я бы съ удовольствіемъ побывала у васъ, еслибы можно было вернуться въ тотъ же день домой.

— Вѣдь вы же въ тотъ разъ успѣли вернуться?

— Но я пріѣхала домой очень поздно, и вовсе не останавливалась у васъ.

— Знаю, знаю,—засмѣялся старикъ.—Вы дали Гиги денегъ и поспѣшно бѣжали.

— Дѣйствительно, я боялась, что вы внезапно выростите передо мной, и бѣжала, — отвѣтила Корона тоже со смѣхомъ и покраснѣвъ.

— Какъ мои милые предки на этомъ же самомъ мѣстѣ, когда кто проѣзжалъ съ туго набитымъ кошелькомъ. Но мы исправились съ тѣхъ поръ. Мы пригласили бы васъ завтракать. Пріѣзжайте!

— Я не могу пріѣхать къ вамъ одна, согласитесь сами, а сестрѣ Габріели ни за что не подняться въ гору на мулѣ.

— Есть другая дорога для экипажей. Позвольте предложить вамъ такой компромиссъ: я привезу съ собой Джіованни и своихъ горныхъ лошадей. Ваши большіе кони не годятся въ горахъ. Мы довеземъ васъ и сестру Габріель почти въ такой же короткій срокъ, какъ и по тропинкѣ.

— И доставите назадъ въ тотъ же день?

— Нѣтъ, но на слѣдующій—непремѣнно.

— Я не вижу, въ такомъ случаѣ, въ чемъ же компромиссъ...

— Сестра Габріель—вмѣстѣ и компромиссъ, и причина, по которой вы себя нисколько не скомпрометтируете. Прошу прощенія...

Обѣ дамы засмѣялись.

— Я съ удовольствіемъ поѣду,—сказала сестра.—Я не вижу ничего необыкновеннаго въ предложеніи князя.

— Сестра,—отвѣчалъ Сарачинеска,—вы на порогѣ святости; вы уже наслаждаетесь райской мудростью и проницательностью.

— Когда же вы пріѣдете?

— Завтра вечеромъ, если угодно. Не слѣдуетъ откладывать добраго дѣла, чтобы не отложить въ долгій ящикъ и его повторенія.

— А вы думаете, что я повторю свой визитъ?

Сарачинеска устремилъ черные глаза въ лицо Короны и глядѣлъ на нее молча, въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, прежде нежели отвѣтить.

— Герцогиня,—проговорилъ онъ, наконецъ, очень серьезно: —я надѣюсь, что вы пріѣдете еще разъ и пробудете гораздо долѣе.

— Вы очень добры; во всякомъ случаѣ, я поѣду завтра.

— Мы постараемся доказать вамъ нашу благодарность, озаботившись о вашихъ удобствахъ,—сказалъ князь, возвращаясь къ прежнему тону.—Вы будете слушать обѣдню поутру и вечерню послѣ обѣда. Мы хотя и безбожники, но при насъ есть патеръ.

— Какъ бы то ни было, это очень любезно съ вашей стороны,—возразила Корона.

— А я вижу самое очаровательное доказательство набожности съ вашей стороны, — отвѣтилъ онъ.—Сестра Габріель подтвер-

ждаетъ не только ваше благочестіе, но и сама служитъ свидѣтельствомъ благодѣяній религіи. Впрочемъ, не безпокойтесь, будутъ и другія развлеченія, кромѣ обѣдни и вечерни.

По окончаніи завтрака сестра Габріель вышла изъ комнаты и оставила ихъ вдвоемъ. Они пошли изъ столовой въ большую залу со сводами. Тамъ было прохладно; вдоль стѣнъ стояли большія, старинныя кресла. Закрытыя ставни пропускали мягкій зеленый свѣтъ жаркаго полдня. Сарачинеска задумчиво прохаживался нѣкоторое время рядомъ съ Короной.

— Герцогиня,—сказалъ онъ, наконецъ, глядя въ ея красивое лицо:—съ тѣхъ поръ какъ мы съ вами не видѣлись, произошли большія перемѣны. Вы тогда на меня разсердились. Не знаю, справедливъ ли былъ вашъ гнѣвъ, но знаю только, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ вы очень гнѣвались. А между тѣмъ я хочу возвратиться къ этому предмету, и надѣюсь, что вы на меня не вознегодуете.

Корона вздрогнула, но не проронила ни слова. Она бы охотно не дала ему говорить дальше,—только никакъ не могла найти словъ, а прежде чѣмъ она ихъ придумала, онъ успѣлъ все высказать.

— Многое и самое важное совершенно измѣнилось. Естественно, что вы современемъ снова выйдете замужъ. Мой сынъ, герцогиня, искренно любитъ васъ. Простите, теперь уже вы не можете принять за неуваженіе къ себѣ то, что онъ мнѣ сообщилъ объ этомъ.

Корона стояла посреди большой залы и глядѣла на старика-князя. Она поблѣднѣла какъ смерть, пока онъ это говорилъ, но продолжала молчать.

— Мнѣ больше сказать нечего. Я все сказалъ, — добавилъ князь, глядя ей прямо въ глаза.

— Что это, новое предостереженіе съ вашей стороны? вы опять хотите предупредить меня о томъ, что вашъ сынъ подвергается опасности?

— Да, онъ подвергается очень большой опасности, если только вы не захотите ее предотвратить.

— Какимъ образомъ?—тихо спросила она.

— Выйдите за него замужъ.

Корона отвернулась въ сильномъ волненіи. Сарачинеска остался на мѣстѣ, а она отошла отъ него на нѣсколько шаговъ. Она не могла говорить.

— Я могъ бы еще многое прибавить, герцогиня. Я могъ бы сказать, что бракъ этотъ не только приличенъ во всѣхъ отноше-

ніяхъ, но и выгоденъ съ свѣтской точки зрѣнія. Вы—единственная владѣлица Астрарденте; мой сынъ—единственный владѣлецъ Сарачинеска. Наши помѣстья близко лежатъ одно отъ другого—это большое удобство, и богатство тоже не послѣднее дѣло. Опять-таки скажу, что такая особа, какъ вы, не можетъ выйти замужъ за человѣка, ниже ея стоящаго въ обществѣ. Сарачинески — одни изъ знатнѣйшихъ представителей общества—говорю это безъ всякой спѣси—и между князьями нѣтъ храбрѣе, честнѣе дворянина, какъ мой сынъ Джіованни. Это я говорю откровенно и безъ ложнаго стыда, и готовъ защищать мое утвержденіе передъ кѣмъ угодно. Я оставляю въ сторонѣ всѣ вопросы о выгодахъ этого брака и ссылаюсь только на одно условіе: онъ прекраснѣйшій человѣкъ и преданно любитъ васъ.

— Знаетъ ли онъ, зачѣмъ вы сюда пріѣхали?—вдругъ спросила Корона.

Она говорила съ большимъ усиліемъ.

— Нѣтъ; онъ знаетъ, что я къ вамъ поѣхалъ, и очень былъ этому радъ. Онъ желалъ, чтобы я узналъ, желаете ли вы его видѣть. И, конечно, самъ и не подумалъ бы говорить съ вами объ этомъ теперь. Но я старый человѣкъ и могу не медлить. Вотъ въ чемъ мое оправданіе.

Корона опять замолчала. Она была слишкомъ пряма, чтобы отвѣчать уклончиво, но не рѣшалась отвѣчать и прямо. Положеніе было затруднительное. Ее захватили врасплохъ, и она ужасалась собственнаго волненія. Ей никогда и въ голову не приходило, что старикъ-князь можетъ явиться повѣреннымъ сына, и она не знала, какъ ей быть.

— Я, быть можетъ, былъ слишкомъ торопливъ, — сказалъ князь. — Я крѣпко люблю сына, и его счастіе дороже мнѣ собственнаго. Если вы считаете прямо невозможнымъ выйти за него замужъ, то я, по крайней мѣрѣ, спасу его отъ униженія выслушать отказъ, хотя, къ несчастію, не могу спасти его отъ страданія, которое, быть можетъ, сведетъ его съума. По этой причинѣ я умоляю васъ, если можете, дать мнѣ какой-нибудь отвѣтъ, не затѣмъ, чтобы сообщить ему о немъ, но для моего личнаго руководства. Онъ не можетъ забыть васъ, хотя не видѣлъ шесть мѣсяцевъ. Снова увидѣться съ вами—значило бы только оживить рану.

Онъ умолкъ, пока Корона медленно прохаживалась около него.

— Я не вижу причины скрывать отъ васъ правду,—сказала она, наконецъ.—Я ее не могу скрыть и отъ себя. Я не ребе-

нокъ, чтобы стыдиться ея. Въ ней нѣтъ ничего дурного, и нѣтъ никакого основанія мнѣ скрывать ее отъ васъ. Вы также честный человѣкъ... зачѣмъ же намъ обманывать другъ друга. Я довѣряюсь вашей чести и признаюсь, что также люблю вашего сына.

Корона отвернула лицо, которое залила яркая краска. Отвѣтъ былъ въ ея духѣ: прямъ и честенъ. Она не стыдилась его, и, однако, слова были такъ новы, такъ странно звучали въ ушахъ, такъ много значили, что она покраснѣла, проговоривъ ихъ.

Сарачинеска былъ очень удивленъ, потому что ожидалъ уклончиваго отвѣта. Но радости его не было предѣловъ.

— Герцогиня, — сказалъ онъ,—вотъ счастливѣйшій день въ моей жизни, послѣ того, когда я привезъ жену въ Сарачинеска. Самымъ же торжественнымъ днемъ будетъ тотъ, когда мой сынъ въѣдетъ въ тѣ же ворота вмѣстѣ съ вами.

Онъ взялъ ея руку и почтительно поднесъ къ губамъ.

— Это будетъ не скоро,—отвѣтила Корона.

— Когда вамъ угодно, лишь бы только было. А пока вы пріѣдете къ намъ завтра и поглядите на наше житье-бытье. Понимаете вы теперь, почему я сказалъ, что надѣюсь, что вы пріѣдете еще разъ и проживете долѣе? Я надѣюсь, что вы не перемѣнили мнѣнія насчетъ завтрашней экскурсіи?

— Нѣтъ. Мы будемъ васъ ждать завтра къ вечеру. Помните, что я была честна съ вами и что вы съумѣете молчать.

— Будьте спокойны. А теперь, съ вашего позволенія, я отправлюсь назадъ въ Сарачинеска. Повѣрьте, что одного извѣстія, что вы насъ ждете, будетъ уже довольно для Джіованни.

— Поклонитесь ему отъ меня. Но вы совсѣмъ не отдохнули. Вы, должно быть, устали?

— Не безпокойтесь. Вы вдохнули въ меня новыя силы.

И старикъ простился съ нею, сѣлъ на коня и уѣхалъ. Корона же осталась въ залѣ и продолжала ходить взадъ и впередъ. Счастіе пришло слишкомъ рано... да! слишкомъ рано. И, однако, какъ она ждала его! и какъ ей трудно было представить себѣ, какъ это будетъ.

Сестра Габріель увидѣла удивительную перемѣну въ лицѣ Короны въ этотъ день, когда онѣ ѣздили вмѣстѣ, и, кажется, замѣтила, какое удивительное дѣйствіе производитъ небольшое разнообразіе на расположеніе духа ея подруги, — она не могла сказать на ея здоровье, потому что Корона казалась отлитой изъ стали, до того она была крѣпка и сильна.

На другой день вечеромъ онѣ опять поѣхали по дорогѣ, ве-

дущей въ долину. Но вскорѣ увидѣли вдали облако пыли, изъ котораго черезъ нѣсколько минутъ выдѣлился экипажъ, запряженный тремя сильными конями, которыми правилъ самъ Джіованни Сарачинеска. Отецъ его сидѣлъ съ нимъ рядомъ на переднемъ мѣстѣ, а на заднемъ виднѣлся человѣкъ въ ливреѣ, съ длиннымъ ружьемъ между ногъ. Экипажъ былъ нѣчто въ родѣ шарабана, въ которомъ могли помѣститься четыре человѣка, да сзади еще двое слугъ.

Въ тотъ моментъ, какъ экипажи съѣхались, они остановились. Джіованни соскочилъ съ мѣста, передавъ возжи отцу, сидѣвшему со шляпой въ рукахъ и раскланившемуся съ своего мѣста. Корона протянула руку Джіованни, остановившемуся передъ нею на дорогѣ съ обнаженной головой. Одинъ долгій взглядъ сказалъ все, что̀ нужно; словъ не могло быть при монахинѣ и старикѣ-князѣ, но глаза все имъ сказали: и про мученья прошлой разлуки, и про радость свиданія двухъ любящихъ сердецъ, встрѣчающихся, наконецъ, безъ помѣхи.

— Прикажите вашему слугѣ править лошадьми и пересаживайтесь къ намъ,—сказала Корона, съ трудомъ выговаривая слова отъ волненія. И тутъ слегка вздрогнула и улыбнулась съ смущеніемъ. Она все еще держала за руку Джіованни, безсознательно не отнимая своихъ пальцевъ.

Княжескій грумъ пересѣлъ на козлы, а старикъ-князь сѣлъ въ ландо и, по обыкновенію, первый заговорилъ.

— Вы ожидали насъ встрѣтить, герцогиня, а мы ожидали, что встрѣтимъ васъ. Исполненное ожиданіе лучше, нежели неожиданность. Въ Сарачинеска все готово къ вашему пріему. Донъ Анджело, нашъ патеръ, предупрежденъ о вашемъ пріѣздѣ, и мальчику, исполняющему должность причетника, приказано вымыться. Вы можете себѣ представить, какое, значитъ, будетъ торжество. Джіованни перевернулъ замокъ вверхъ дномъ и велѣлъ увѣшать вашу комнату коврами, вышитыми собственноручно моею прабабушкой. Онъ говоритъ, что такъ какъ замокъ старъ, то пусть же и украшается стариной.

Корона весело засмѣялась. Она готова была смѣяться сегодня безъ всякой причины, а тонъ старика-князя былъ и безъ того забавенъ.

— Для вашего пріема въ Астрарденте тоже сдѣланы приготовленія,—отвѣчала герцогиня.—Выборъ былъ затруднителенъ, потому что въ замкѣ сто пустыхъ комнатъ, по крайней мѣрѣ. Буфетчикъ хотѣлъ отвести для васъ цѣлыхъ шестнадцать покоевъ, чтобы переночевать, но я выбрала веселый уголокъ въ одномъ

изъ флигелей, гдѣ вамъ придется пройти только десять комнатъ, чтобы дойти до спальни.

— Нѣтъ ничего лучше простора,—сказалъ князь:—это расширяетъ идеи.

— Не могу себѣ представить, что̀ отецъ будетъ дѣлать, если его идеи еще расширятся,—замѣтилъ Джіованни.—Все, что онъ ни придумаетъ, теперь уже колоссально. Онъ говоритъ про туннели въ горахъ для моего водопровода такъ, какъ еслибы прорыть ихъ было такъ же легко, какъ пробить палкой листъ бумаги.

— Твой водопроводъ, скажите!—воскликнулъ отецъ.—Желалъ бы я знать, чья эта идея?

— Я слышала, что вы сами работаете какъ инженеръ, донъ Джіованни, — сказала Корона. — У меня тоже въ Астрарденте приглашенъ спеціалистъ для проведенія дорогъ. Быть можетъ, современемъ вы поможете намъ своимъ совѣтомъ.

Современемъ! какъ сладко звучали эти слова въ ушахъ Джіованни, когда онъ сидѣлъ напротивъ любимой женщины и ихъ везли быстрые кони мимо роскошныхъ виноградниковъ, прохладнымъ лѣтнимъ вечеромъ.

VIII.

Случай, котораго искалъ Джіованни, чтобы побыть наединѣ съ Короной, наступилъ не скоро. Сестра Габріель уходила къ себѣ только послѣ обѣда, и тогда герцогиня осталась одна съ своими гостями.

Старикъ Сарачинеска охотно оставилъ бы ее вдвоемъ съ сыномъ, но это было невозможно. Обычаи того времени не допускали того, и въ результатѣ было то, что князь весь вечеръ занималъ разговоромъ двухъ невнимательныхъ слушателей. Онъ пытался-было завести дружескую ссору съ Джіованни, но послѣдній былъ слишкомъ разсѣянъ и не поддавался ни на какія придирки. Онъ пытался расшевелить герцогиню, но та только улыбалась кротко и время отъ времени дѣлала замѣчаніе, доказывавшее одно, что умъ ея отсутствовалъ при разговорѣ. Но старикъ Сарачинеска мужественно переносилъ неудачи до тѣхъ самыхъ поръ, пока въ десять часовъ вечера Корона не распростилась съ ними совсѣмъ. На завтра предстоитъ рано встать, и она должна хорошенько выспаться,—объяснила она.

Когда гости остались одни, князь накинулся на сына съ полу-

комическимъ гнѣвомъ и упрекомъ за его упорную неразговорчивость во весь вечеръ. Но Джіованни спокойно улыбался и пожималъ плечами. Больше отъ него ничего нельзя было добиться.

На слѣдующее утро, въ седьмомъ часу, Джіованни досталось неизреченное счастье усадить Корону около себя на переднемъ мѣстѣ шарабана, между тѣмъ какъ его отецъ сѣлъ на задней скамейкѣ съ сестрой Габріелью. Солнце еще не взошло надъ горами, и воздухъ былъ свѣжъ и прохладенъ; стукъ лошадиныхъ копытъ раздавался звонко и гулко, а колокольчики, привѣшанные къ ихъ хомутамъ, весело звенѣли, когда онѣ трясли головой и настороживали уши, прислушиваясь къ голосу Джіованни.

— Вы ничего не забыли, герцогиня?—спросилъ Джіованни, подбирая возжи въ руки.

— Ничего, благодарю васъ; я послала весь багажъ впередъ на мулахъ по горной тропинкѣ.

Она невольно улыбнулась, припомнивъ свою первую поѣздку, и чуть-чуть отвернулась.

— Ахъ, да, по тропинкѣ!—повторилъ Джіованни, кивая груму, чтобы тотъ отпустилъ возжи. Черезъ минуту они быстро спускались по извилистой дорогѣ городка Астрарденте; на улицѣ было пусто и прохладно, потому что всѣ крестьяне разошлись на работы два часа тому назадъ, а дѣтей еще не выпускали на улицу.

— Я никакъ не надѣялся на то, что мнѣ достанется честь везти васъ въ Сарачинеска,—сказалъ Джіованни.—Это очень живописное въ своемъ родѣ мѣсто. Вы можете воображать себя въ Швейцаріи.

— Я лучше хочу быть въ Италіи. Я не гонюсь за Альпами. Наши горы такъ же прекрасны и не наводнены туристами.

— Сегодня вы сами туристка, и небу угодно было дать меня вамъ въ проводники.

— Я съ интересомъ выслушаю всѣ ваши объясненія.

— Мы теперь помѣнялись ролями, не правда ли? Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, вы руководили меня, а я смиренно слѣдовалъ вашимъ инструкціямъ. Я поступилъ точно такъ, какъ вы мнѣ приказали.

— Еслибы я сомнѣвалась въ вашемъ послушаніи, то не просила бы васъ.

— Но только одинъ изъ вашихъ совѣтовъ я даже не пытался привести въ исполненіе.

— Какой именно?

— Вы совѣтовали мнѣ забыть васъ. Я прожилъ полгода не-

прерывно помня васъ и нетерпѣливо ожидая минуты, когда я васъ снова увижу. Развѣ я дурно поступилъ?

— Разумѣется,—засмѣялась герцогиня.—Теперь вы бы давно забыли уже о моемъ существованіи. Говорили, что вы поѣхали на сѣверъ. Почему вы перемѣнили свое намѣреніе.

— Я слѣдовалъ за своей путеводной звѣздой. Она привела меня изъ Рима въ Сарачинеска черезъ Парижъ. Я бы не покинулъ Сарачинеска, но вы тоже перемѣнили свое намѣреніе. Я думалъ уже, что вы этого никогда не сдѣлаете.

— Долго ли вы думаете здѣсь пробыть?—попыталась Корона свернуть разговоръ на другое.

— Такъ долго, какъ вы останетесь въ Астрарденте. Вы не запретите мнѣ послѣдовать за вами въ Римъ?

— Какъ могу я запретить вамъ это?

— Однимъ словомъ, какъ и раньше.

— Неужели вы думаете, что я скажу это слово?

— Не думаю. Зачѣмъ стали бы вы причинять мнѣ безполезныя боль и страданія? Если прежде это было необходимо, то теперь необходимости въ томъ нѣтъ больше никакой. Кромѣ того, вы меня слишкомъ хорошо знаете, чтобы думать, что я буду надоѣдать вамъ или навязывать вамъ свое общество. Но я сдѣлаю такъ, какъ вы прикажете.

— Благодарю васъ,—спокойно отвѣтила она.

И повернувъ къ нему смуглое лицо, мягко, почти любовно взглянула на него. Къ чему было долѣе скрывать то, что должно было рано или поздно обнаружиться!..

Корона была удивлена колоссальными размѣрами старинной крѣпости. Она казалась одной нескончаемой и неправильной громадой башенъ и стѣнъ изъ сѣраго грубаго камня, окруженныхъ валомъ. Она могла бы и теперь служить военной крѣпостью, и было несомнѣнно, что традиціи повиновенія и дисциплины до такой степени сохранялись въ ея стѣнахъ, что сдѣлали бы честь любымъ казармамъ. Властолюбивый нравъ хозяина выказывался во всѣхъ мелочахъ, и слуги двигались молча и быстро, выполняя свои обязанности. Для Короны было что-то невыразимо притягательное въ сильномъ духѣ, царившемъ въ этомъ мѣстѣ, и никогда Джіованни не казался ей до такой степени на своемъ мѣстѣ и въ своей сферѣ, какъ въ сѣрыхъ стѣнахъ его наслѣдственной отчины. Съ этимъ мѣстомъ были связаны притомъ многія историческія событія, и когда двое послѣднихъ представителей рода, Леонъ и Джіованни, предстали передъ нею тамъ, гдѣ ихъ предки обитали около тысячи лѣтъ, и притомъ нося

на своихъ мужественныхъ, смуглыхъ лицахъ тѣ самыя характерныя черты, которыя отличали ихъ расу,—черты знакомыя римлянамъ по безчисленнымъ статуямъ и картинамъ, то Коронѣ могло показаться, еслибы только не современные костюмы, что ее перенесли назадъ въ тринадцатое столѣтіе. Идея эта ослѣпляла ее. Оба они повели ее по широкой каменной лѣстницѣ и ввели вмѣстѣ съ сестрой Габріелью въ великолѣпные, приготовленные для нихъ, покои.

— Мы сдѣлали все, что могли,—сказалъ старикъ князь;—но давно уже намъ не приходилось принимать дамъ въ Сарачинеска.

— Какое великолѣпіе!—воскликнула Корона, входя въ переднюю.

Всѣ стѣны были увѣшаны драгоцѣнными вышивками, а каменный полъ устланъ коврами. Корона остановилась.

— Вы должны показать мнѣ весь замокъ,—сказала она.

— Джіованни все вамъ покажетъ,—отвѣтилъ князь.—Если вамъ угодно, то мы будемъ завтракать черезъ полчаса.

Онъ ушелъ съ сыномъ и предоставилъ дамамъ оправиться послѣ дороги.

Джіованни сдержалъ слово и такъ усердно водилъ дамъ по своему обширному дому, что бѣдная сестра Габріель пришла, наконецъ, въ полное изнеможеніе. Джіованни предвидѣлъ, что она устанетъ, и съ жестокосердіемъ влюбленнаго ждалъ момента, когда, наконецъ, она не въ силахъ будетъ двигаться.

— Вы еще не видѣли вида изъ большой башни,—сказалъ онъ.—Видъ великолѣпный, и теперь самое лучшее время. Вы устали, герцогиня?

— Нѣтъ, я никогда не устаю.

— Почему бы вамъ не пойти съ Джіованни поглядѣть видъ? — предложилъ князь. — Я останусь съ сестрой Габріелью; она не можетъ больше смотрѣть никакихъ видовъ.

Корона колебалась. Но въ сущности отказъ ея былъ бы просто аффектаціей. Здѣсь не Римъ, гдѣ каждое движеніе сторожится сотнями глазъ. Наконецъ, она была не только замужняя женщина, но и вдова, и много лѣтъ знакома съ Сарачинеска. Отказаться было бы смѣшно.

— Хорошо,—сказала она,—пойдемъ, пока не стемнѣло.

Сестра Габріель и старикъ Сарачинеска усѣлись на каменной лавкѣ у крѣпостной стѣны, а герцогиня прошла съ Джіованни въ низенькую дверь, которая вела въ большую башню.

— Что вы за удивительная женщина!—воскликнулъ Джіо-

ванни, когда они достигли верхней площадки винтовой лѣстницы, которая была, однако, шире лѣстницы во многихъ большихъ домахъ Рима.—Вы, кажется, никогда не устаете.

— Нѣтъ, никогда,—отвѣчала Корона съ улыбкой.

Она даже не запыхалась.

— Какой чудесный видъ!—воскликнула она, когда они дошли до платформы каменной башни. Джіованни молчалъ съ минуту.

— Странно — проговорилъ онъ, наконецъ — складываются вещи на свѣтѣ, и какъ мало знаемъ мы всегда о томъ, что насъ ждетъ впереди. Ну, могъ ли я представить себѣ на прошлой недѣлѣ, что увижу васъ у себя въ замкѣ! Какъ это странно!

— Да,—отвѣтила тихо Корона.

— Вчера насъ отдѣляла непреодолимая преграда, а сегодня... О! еслибы сегодня длилось всегда!—внезапно оборвалъ онъ свою рѣчь.

Корона молча глядѣла на горы, окрашенныя въ пурпуръ лучами заходящаго солнца, и на лицѣ ея какъ будто отразилось ихъ сіяніе, а черные глаза тоже ярко свѣтились.

— Да и почему нѣтъ?—мягко продолжалъ Джіованни.—Почему такъ не можетъ быть всегда, до нашего послѣдняго вздоха?

Она все еще молчала, но слезы медленно навернулись у нея на глазахъ и скатились по щекамъ, точно капли росы по лепесткамъ бархатнаго тюльпана. Джіованни увидѣлъ ихъ и догадался: онѣ означаютъ то, что вѣнецъ его желаній достигнутъ.

— Вы согласны,—сказалъ онъ нѣжно, беря ея пальчики въ свою большую смуглую руку.—Да, я знаю, что вы согласны.

Она ничего не отвѣчала и хотя робко и неловко попыталась было отнять руку, но не съумѣла. Онъ крѣпко обнялъ ее и привлекъ къ себѣ.

— Моя милая, моя... наконецъ-то!—прошепталъ онъ, когда голова ея опустилась ему на плечо.

Что за чудесная сцена, когда два существа, которыя любятъ другъ друга, получаютъ другъ къ другу полное довѣріе, то довѣріе, какое только любовь можетъ создать! Нѣсколько минутъ спустя Джіованни и Корона медленно прохаживались по платформѣ, и одна рука его все еще обвивалась вокругъ ея таліи, а другою онъ держалъ ее за руку

— Джіованни,—проговорила она, наконецъ, неловко произнося его имя,—Джіованни, мы должны сейчасъ же сказать объ этомъ вашему отцу.

— Разумѣется.

— Конечно, онъ долженъ это узнать, и сестра Габріель

также. Но больше пока никто. Пусть не говорятъ объ этомъ въ Римѣ... до будущаго года.

— Мы пробудемъ до тѣхъ поръ въ деревнѣ, не правда ли? Мнѣ кажется, такъ будетъ лучше. Здѣсь мы можемъ видѣться, и никто не будетъ объ этомъ сплетничать. Я буду проживать въ городкѣ Астрарденте, въ роли инженера, и буду проводить вамъ дороги.

— Право, не знаю, какъ это будетъ. Я думаю, что разъ въ недѣлю вамъ можно будетъ пріѣзжать туда.

— Ну, мы это устроимъ, — отвѣчалъ Джіованни, смѣясь. — Если вы думаете, что я могу жить, видясь съ вами только разъ въ недѣлю, то вы меня не знаете.

— Увидимъ,—отвѣчала Корона, тоже смѣясь.—Кстати, какъ долго мы здѣсь пробыли?

— Не знаю,—отвѣчалъ Джіованни,—но видъ великолѣпный, не правда ли?

— Восхитительный. Но теперь пора идти. Становится поздно.

Когда они сошли съ башни,—князь одиноко расхаживалъ у ея подошвы. Сестра Габріель побоялась вечерняго воздуха и ушла въ домъ.

— Отецъ,—сказалъ Джіованни: — герцогиня д'Астрарденте согласилась быть моей женой. Благословите насъ.

Старикъ вздрогнулъ и остановился. Сынъ озадачилъ его: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы помолвка состоялась раньше трехъ или четырехъ мѣсяцевъ. Но затѣмъ подошелъ къ Коронѣ и, взявъ ея руку, поцѣловалъ.

— Герцогиня,— сказалъ онъ,—вы оказали моему сыну честь, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мнѣ и всѣмъ Сарачинеска, прошлымъ и будущимъ.

Онъ вложилъ руку Короны въ руку Джіованни и осѣнилъ ихъ обоихъ крестомъ.

— Боже, благослови ихъ!—торжественно произнесъ онъ, и въ то время какъ Корона наклонила голову—дотронулся губами до ея лба. Послѣ того обнялъ Джіованни и вдругъ предался безумной радости.

Джіованни стоило большого труда умѣрить его восторги и напомнить, что обстоятельства требуютъ, чтобы пока все сохранялось въ тайнѣ. Наконецъ, старикъ угомонился.

— Ну, идемъ обѣдать,— сказалъ, наконецъ, отецъ.—Пока мы бесѣдовали, успѣло уже стемнѣть, и мы упадемъ за парапетъ, если заглядимся.

— Я пойду и сообщу обо всемъ сестрѣ Габріели еще до обѣда, — сказала Корона.

Отецъ и сынъ проводили ее до дверей ея аппартаментовъ. Она нашла монахиню съ молитвенникомъ въ рукахъ.

— Помолитесь за меня, сестра,—спокойно сказала она.—Я приняла великое рѣшеніе. Я готовлюсь снова выйти замужъ.

Сестра Габріель взглянула на нее, и тихая улыбка освѣтила ея худощавое лицо.

— Слишкомъ рано, дружокъ мой, слишкомъ рано думать объ этомъ. Но, можетъ быть, вы и правы. Вы выходите за молодого князя?

— Да. Я знаю, что слишкомъ рано. Но я такъ долго... Я такъ крѣпко боролась... Я люблю его такъ сильно, о! такъ сильно, вы не знаете!

Монахиня тихо вздохнула, подошла къ герцогинѣ и взяла ее за руку.

— Вы хорошо дѣлаете, что выходите замужъ,—мягко сказала она.—Вы слишкомъ молоды, слишкомъ хороши собой, слишкомъ богаты, чтобы вести ту жизнь, какую вели въ Астрарденте послѣдніе нѣсколько мѣсяцевъ.

— Это все не то, — отвѣчала Корона, и выраженіе удивительной красоты освѣтило ея прекрасное лицо.—Не оттого, что я молода, хороша—если только, какъ вы говорите, я хороша собой—и богата, выхожу я замужъ. Эти причины ничтожны. Но внутреннее чувство говоритъ мнѣ, что когда такъ любишь, какъ я люблю, то имѣешь право выйти замужъ.

— А когда свадьба?

— О! не раньше будущаго лѣта. Все это случилось такъ неожиданно. Я знала, что, въ концѣ концовъ, выйду за него замужъ, но никогда не ожидала, что такъ скоро дамъ свое согласіе. О! сестра Габріель, какъ трудно пересказать то, что чувствуешь!

— Въ такомъ случаѣ, лучше и не пересказывать,—отвѣтила съ кроткой улыбкой монахиня.

IX.

Лѣто смѣнилось осенью, а за осенью наступила зима, и Римъ снова ожилъ. Общество много толковало про вѣроятность брака между герцогиней д'Астрарденте и Джіованни Сарачинеска, и когда за три недѣли до поста объявлено было о ихъ помолвкѣ,

всѣ встрѣтили это извѣстіе съ одобреніемъ. Общество, узнавъ, что Корона обвѣнчается съ Джіованни послѣ святой, нашло, что оно такъ и слѣдуетъ. Ни одного враждебнаго голоса не раздалось. Никому эта новость не была непріятна, за исключеніемъ донны Тулліи.

Хотя m-me Майеръ провела лѣто и осень, мало и рѣдко вспоминая про Корону, но старинная ненависть только заснула въ ней. Она путешествовала со старухой графиней и нѣсколько разъ встрѣчалась съ Уго дель-Фериче на различныхъ модныхъ водахъ. Онъ сообщалъ ей новости объ ея знакомыхъ, исполняя всѣ ея желанія, и мало-по-малу съумѣлъ сдѣлаться для нея необходимымъ человѣкомъ.

Но когда донна Туллія снова встрѣтила Джіованни въ свѣтѣ, то воспоминаніе объ обидѣ оживило ея гнѣвъ, а извѣстіе объ его помолвкѣ на герцогинѣ д'Астрарденте только подлило масла въ огонь. Вмѣстѣ съ гнѣвомъ проснулась жажда мести. Она знала или думала что знаетъ, будто Джіованни уже женатъ. У нея не было доказательствъ, что крестьянская женщина, о которой упоминалось въ брачномъ свидѣтельствѣ, находится въ живыхъ, но вѣдь ничто не доказывало и того, чтобы она умерла. Даже еслибы оно было и такъ, то все же постыдно, что онъ собирается вторично жениться, не увѣдомивъ Корону объ обстоятельствахъ своей прошлой жизни, а донна Туллія была глубоко убѣждена, что онъ ничего не сказалъ объ этомъ герцогинѣ. Послѣдняя была такъ горда, что ужаснулась бы при мысли соединиться бракомъ съ человѣкомъ, который былъ женатъ на крестьянкѣ.

M-me Майеръ помнила торжественное обѣщаніе, данное ею дель-Фериче, и не смѣла дѣйствовать безъ его согласія. Часъ спустя послѣ того, какъ она прослышала о помолвкѣ, она послала къ нему, прося немедленно побывать у нея. Но, къ удивленію и досадѣ, ея посланный воротился съ извѣстіемъ, что онъ внезапно уѣхалъ по дѣлу въ Неаполь. Это извѣстіе ее огорчило. Но пока слуга ходилъ къ дель-Фериче, донна Туллія уже успѣла представить себѣ въ умѣ сцену, которая произойдетъ между нею и Короной, когда послѣдняя узнаетъ тайну. Донна Туллія была очень увлекающаяся женщина, и мысль, что она можетъ, наконецъ, отомстить за всѣ свои обиды, такъ овладѣла ею, что она утратила всякую осторожность и осмотрительность. Дель-Фериче зналъ ея темпераментъ и холодно разсчитывалъ, что она не воздержится и выдастъ тайну. И это какъ разъ и случилось. Когда ей сказали, что онъ уѣхалъ изъ города, она уже не могла дольше сдерживать себя и съ внезапной рѣшимостью поставить скорѣе

на карту свою жизнь, чѣмъ лишить себя удовольствія и наслажденія, какія она предвкушала, приказала подать карету и поѣхала въ палаццо Астрарденте.

Корона была удивлена неожиданнымъ визитомъ. Она сама готовилась выѣхать и стояла въ будуарѣ, надѣвая черныя перчатки передъ каминомъ, между тѣмъ какъ шубка лежала около нея на креслѣ. Она ломала голову, зачѣмъ пріѣхала донна Туллія, и отчасти изъ любопытства приняла ее. Донна Туллія, вооруженная съ головы до пятокъ страшными вѣстями, которыя она готовилась сообщить, вошла въ комнату торопливо и остановилась передъ герцогиней въ полу-трагической позѣ, очень удивившей Корону.

— Какъ поживаете, донна Туллія? — спросила она, подавая ей руку.

— Я пришла переговорить объ очень важномъ дѣлѣ,—отвѣчала гостья, не беря протянутой руки.

Корона поглядѣла на нее съ минуту, но такъ какъ ее не легко было смутить, то спокойно попросила донну Туллію садиться, и сама сѣла въ кресло напротивъ.

— Я только-что услышала новость, что вы выходите замужъ за дона Джіованни Сарачинеска,—сказала m-me Майеръ. — Вы знаете участіе, какое я принимаю въ васъ; правда ли это?

— Правда.

— Я и пріѣхала говорить съ вами именно о вашемъ бракѣ, герцогиня, и умоляю васъ остановиться, подумать...

— А почему, позвольте узнать?

И Корона подняла черныя брови, надменно взглянувъ въ глаза гостьѣ.

— Я могла бы сказать вамъ причину, но умоляю васъ не спрашивать меня о томъ; пожалуйста, не выходите замужъ. Увѣряю васъ, что только сильное участіе, какое я въ васъ принимаю, и убѣжденіе...

— Донна Туллія, ваше поведеніе такъ необыкновенно,— перебила Корона, съ любопытствомъ глядя на гостью,—что, мнѣ кажется, вы съума сошли. Прошу васъ, объясните, что̀ все это значитъ.

— Ахъ, нѣтъ, вы ко мнѣ несправедливы! Я не сошла съума, но хочу спасти васъ отъ страшной опасности.

— Я опять повторяю: что̀ вы хотите этимъ сказать? Я не позволю шутить съ собой такимъ образомъ,—сказала герцогиня, которая разсердилась бы еще сильнѣе, еслибы не была такъ удивлена.

— Я не шучу съ вами. Я умоляю васъ подумать прежде, чѣмъ рѣшиться выйти замужъ за дона Джіованни. Не можете же вы предполагать, что я бы рѣшилась ворваться къ вамъ безъ основательной причины. Я совсѣмъ не шучу.

— Если такъ, то выскажитесь, наконецъ, яснѣе! - почти закричала Корона, потерявъ всякое терпѣніе. — Я полагаю, что если это предостереженіе, то у васъ есть какія-нибудь основанія, какія-нибудь обвиненія противъ дона Джіованни. Будьте такъ добры, скажите, въ чемъ дѣло, и покороче.

— Хорошо, — вся вспыхнула отъ злости донна Туллія, и голубые глаза ея злобно засверкали.—Вы не можете выйти замужъ за дона Джіованни, потому что тутъ встрѣчается непреодолимое препятствіе.

— Какое? — подавила въ себѣ гнѣвъ Корона.

— Онъ уже женатъ! — прошипѣла донна Туллія.

Корона поблѣднѣла и слегка вздрогнула. Но тотчасъ же оправилась и весело расхохоталась.

— Вы, конечно, не въ своемъ умѣ, — подозрительно взглянула она на m-me Майеръ.

Не легко было поколебать вѣру въ любимаго человѣка. Донна Туллія разочаровалась насчетъ произведеннаго ею эффекта. Она была умная женщина въ своемъ родѣ, но не знала, какъ ей теперь быть. Она видѣла, что возбуждаетъ только любопытство, и что Корона въ самомъ дѣлѣ считаетъ ее помѣшанной. Она смѣшалась и запуталась еще сильнѣе.

— Вы можете называть меня безумной, если хотите,—сердито отвѣчала она.—Но я говорю вамъ правду. Донъ Джіованни женился 10-го іюня 1863 г. въ Аквилѣ, въ Абруццахъ, на женщинѣ, именуемой Феличе Бальди; званія ея не знаю. Метрическая книга существуетъ и копія съ метрическаго свидѣтельства. Я видѣла копію, засвидѣтельствованную нотаріусомъ. Говорю вамъ правду: вы собираетесь выйти замужъ за человѣка, у котораго уже есть жена, какая-то крестьянка въ горахъ.

Корона встала съ мѣста и протянула руку къ колокольчику. Она была блѣдна, но не взволнована.

— Или вы съума сошли, или вы слишкомъ увѣрили себя въ томъ, что говорите. Если вы съума сошли, то выйдете изъ моего дома не иначе какъ въ сопровожденіи врача, а если увѣрены въ томъ, что говорите,—то не уйдете, пока не повторите этого въ присутствіи дона Джіованни Сарачинеска... Нѣтъ, не пытайтесь бѣжать, это безполезно. Я не безсильна и... берегитесь!

Донна Туллія закусила красивыя губы. Она сообразила, что

попала въ бѣду и съ трудомъ выпутается. Но, съ другой стороны, она крѣпко вѣрила, что дѣло ея правое.

— Зовите дона Джіованни, сдѣлайте одолженіе; я сказала правду, и если онъ вздумаетъ отпираться, я представлю доказательства...

Вошелъ слуга въ отвѣтъ на звонокъ, и Корона перебила рѣчь донны Тулліи, приказавъ слугѣ: — Ступайте тотчасъ во дворецъ Сарачинеска и попросите дона Джіованни немедленно пріѣхать вмѣстѣ съ княземъ. Возьмите карету. Она у подъѣзда.

Слуга исчезъ, и Корона спокойно сѣла на свое мѣсто. Донна Туллія молчала нѣкоторое время, пытаясь сдержать гнѣвъ. Но вскорѣ не выдержала и заговорила, выведенная изъ терпѣнія хладнокровіемъ и спокойствіемъ герцогини.

— Не понимаю, зачѣмъ вы подвергаете себя такой сценѣ; я честно хотѣла спасти васъ. Мнѣ кажется, съ васъ достаточно было бы, еслибы я доказала вамъ то, что говорю. Мнѣ кажется, вмѣсто того, чтобы сердиться, вамъ бы слѣдовало быть мнѣ благодарной.

— Я не сержусь. Я только даю вамъ случай доказать свои слова и свое здравомысліе.

— Мое здравомысліе! неужели вы серьезно вѣрите...

— Ни одному вашему слову не вѣрю,—договорила Корона.

М-me Майеръ вскочила съ кресла.

— Вы сейчасъ убѣдитесь, что это правда. Вы увидите, какъ смутится этотъ негодяй, вы увидите...

Корона перебила снова свою гостью, начинавшую уже кричать:

— Молчите. Черезъ четверть часа онъ будетъ здѣсь. Но если вы хоть слово скажете теперь про него, я запру васъ въ этой комнатѣ, а сама уйду. Я, конечно, не стану васъ слушать.

Донна Туллія сообразила, что герцогиня у себя дома, и что она не такая женщина, чтобы позволить шутить съ собой. Поэтому, усѣвшись въ кресло, донна Туллія взяла книгу и сдѣлала видъ, что читаетъ.

Корона сидѣла у камина и время отъ времени поглядывала на нее. Ей хотѣлось смѣяться, до того положеніе казалось ей нелѣпымъ и забавнымъ; ей и въ голову не приходило повѣрить хотя бы одному слову въ обвиненіяхъ донны Тулліи. Тѣмъ не менѣе, ее удивляла увѣренность этой женщины и ея готовность встрѣтиться съ человѣкомъ, на котораго она клеветала.

Съ четверть часа длилось вооруженное молчаніе, и обѣ женщины лишь изрѣдка взглядывали другъ на друга, когда, наконецъ,

послышался стукъ колесъ въ воротахъ дворца, доказывавшій, что посланецъ исполнилъ порученіе.

— Вы все еще намѣрены унизить человѣка, котораго любите? —спросила донна Туллія, отводя глаза отъ книги и насмѣшливо ухмыляясь.

Корона не удостоила ее отвѣтомъ, но взглянула на дверь въ ожиданіи. Послышались шаги. Слуга растворилъ дверь и доложилъ о приходѣ князя Сарачинеска и дона Джіованни. Корона встала. Старикъ вошелъ первый, за нимъ его сынъ.

— Вотъ неожиданное удовольствіе! —весело вскричалъ онъ.— И какая удача! мы оба были дома. Ахъ! донна Туллія! какъ поживаете?

Но, взглянувъ ей въ лицо, прибавилъ:

— Что случилось?

Корона заговорила первая:

— Донна Туллія, —спокойно сказала она,—имѣю честь просить васъ объясниться.

М-me Майеръ сидѣла за столомъ, какъ прежде, съ краснымъ отъ гнѣва лицомъ. Она откинулась на спинку и, полузакрывъ глаза, съ презрительнымъ видомъ, обратилась къ Джіованни.

— Мнѣ жаль, что приходится такъ глубоко унизить васъ, но въ интересахъ герцогини д'Астрарденте я вынуждена говорить. Донъ Джіованни, вы помните мѣстечко Аквилу?

— Безъ сомнѣнія. Я тамъ часто бывалъ. Что же дальше?

Старикъ Сарачинеска широко раскрылъ глаза.

— Что это за комедія? —спросилъ онъ Корону.

Но та дала ему знакъ молчать.

— Значитъ, вы помните также и Феличе Бальди—несчастную Феличе Бальди? —продолжала донна Туллія, презрительно глядя на Джіованни и не вставая съ мѣста.

— Никогда не слыхалъ этого имени,—отвѣчалъ Джіованни, стараясь припомнить, не слыхалъ ли онъ взаправду такого имени. Онъ и не воображалъ, къ чему клонятся эти разспросы, но былъ готовъ отвѣчать на нихъ.

— Вы не помните, что обвѣнчались съ нею въ Аквилѣ 19-го іюня?..

— Я... обвѣнчался!—съ изумленіемъ вскричалъ Джіованни.

— Герцогиня,—нахмурилъ брови старикъ-князь:—что все это означаетъ?

— Я вамъ скажу, что это означаетъ,—перебила шипящимъ голосомъ донна Туллія и, поднявшись съ мѣста, нѣсколько театральнымъ жестомъ указала на Джіованни.—Я вамъ скажу, что

это означаетъ. Это означаетъ, что донъ Джіованни Сарачинеска женился въ церкви Санъ-Бернардино въ Аквилѣ 19-го іюня 1863 г. на женщинѣ по имени Феличе Бальди, и она теперь законная его жена и, быть можетъ, мать его дѣтей, хотя онъ тутъ въ Римѣ и пытается жениться на герцогинѣ д'Астрарденте... Станетъ ли онъ это отрицать? Станетъ ли онъ отрицать, что его собственная подпись въ метрической книгѣ прихода Аквила изобличаетъ его? Станетъ ли...

— Молчите!—закричалъ старикъ-князь.—Молчите, или вы...

Онъ двинулся-было къ ней и въ глазахъ его сверкнулъ дикій огонь. Но Джіованни подбѣжалъ и схватилъ отца за руки.

— Вы не заставите меня молчать!—возразила донна Туллія.—Я на весь Римъ буду кричать, я на весь міръ буду кричать...

— И будете посажены въ сумасшедшій домъ, вотъ и все,—холодно и спокойно проговорилъ Джіованни.—Ясно, что вы сошли съума.

— Такъ и я говорю,—подтвердила Корона, которая была, однако, блѣдна и вся дрожала отъ волненія.

— Позвольте мнѣ объясниться съ нею,—сказалъ Джіованни, который, подобно большинству опасныхъ людей, казалось, становился еще хладнокровнѣе въ такія минуты, когда другіе горячились. Донна Туллія прислонилась къ столу, съ трудомъ переводя духъ сквозь стиснутые зубы и вся красная.

— Донна Туллія,—подошелъ къ ней Джіованни,—вы говорите, что я женатъ и готовлюсь совершить чудовищное преступленіе. На чемъ основываете вы ваше изумительное обвиненіе?

— На метрическомъ свидѣтельствѣ о вашемъ бракѣ и на вашей подписи, засвидѣтельствованной нотаріусомъ. Чего вамъ больше?

— Это чудовищно! — снова выступилъ старикъ-князь.—Это самая гнусная клевета, какую когда-либо я слышалъ. Мой сынъ женатъ безъ моего вѣдома и на крестьянкѣ! Какая нелѣпость!

Но Джіованни опять отвелъ отца и самъ обратился вновь къ доннѣ Тулліи.

— Я предоставляю вамъ одно изъ двухъ: или немедленно представить ваши документы, или же ждать здѣсь, пока авторитетный врачъ не признаетъ, что вы настолько здравомыслящи, что васъ можно безъ вреда отпустить домой.

Донна Туллія колебалась. Она была въ ужасномъ положеніи, такъ какъ дель-Фериче внезапно уѣхалъ изъ Рима, и хотя документы хранились, конечно, у него въ домѣ, но она не знала, гдѣ именно и какъ ихъ найти. Нельзя было придумать болѣе

опаснаго положенія, и она почувствовала это, глядя на блѣдныя, рѣшительныя лица своихъ собесѣдниковъ. Она вѣрила, что Джіованни на все способенъ, но была удивлена его спокойствіемъ. Она колебалась съ минуту.

— Совершенно вѣрно,—сказала Корона.—Если у васъ есть доказательства, вы можете ихъ представить. Если у васъ ихъ нѣтъ, то вы съума сошли.

— У меня они есть, и я ихъ представлю не позже завтрашняго дня,—отвѣтила донна Туллія, сама еще не зная, какъ она добудетъ документы, но зная, что все погибло, если ихъ не достанетъ.

— Почему не сегодня, не сейчасъ? — спросилъ Джіованни съ презрѣніемъ.

— Требуется время, чтобы поддѣлать ихъ,—проворчалъ отецъ.

— Вы не имѣете права такъ грубо оскорблять меня!—закричала донна Туллія.—Но берегитесь—вы въ моей власти. Завтра въ этотъ часъ вы увидите собственными глазами, что я говорю правду. Пустите меня!—закричала она старику-князю, стоявшему между нею и дверью.

— Но позвольте замѣтить вамъ одно: если до того часа, какъ вы представите документы, вы осмѣлитесь хоть слово сказать кому-либо обо всемъ этомъ, то я упрячу васъ, какъ опасную помѣшанную, въ сумасшедшій домъ. Если же бумаги окажутся поддѣльными, то я буду преслѣдовать васъ за поддѣлку. Вы понимаете меня?

Онъ отошелъ отъ двери. Она презрительно засмѣялась ему въ лицо и вышла.

Когда она ушла, всѣ трое поглядѣли другъ на друга, стараясь понять то, что случилось. Въ самомъ дѣлѣ, это было непостижимо. Корона стояла, прислонясь къ камину и съ любовью глядя на Джіованни. Ни тѣни сомнѣнія въ его честности не возникло у нея. Старикъ Сарачинеска переводилъ глаза съ одного на другого, похлопывая ладонями рукъ, и затѣмъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Во-первыхъ,—сказалъ Джіованни,—въ то время, про которое она говоритъ, я охотился въ Канадѣ съ партіей англичанъ. Это легко доказать, такъ какъ всѣ они живы и здоровы, сколько мнѣ извѣстно. Ясно, что донна Туллія сошла съ ума.

— Извѣстіе о твоей помолвкѣ свело ее съ ума, — сказалъ старикъ-князь съ угрюмымъ смѣхомъ.—Какой интересный и романическій случай!

Корона слегка покраснѣла и искала глазами взгляда Джіованни, но лицо ея оставалось серьезно. Страшно было подумать, что

женщина, съ которой она была знакома, сошла съума изъ-за человѣка, котораго она любила.

— Дивлюсь одному, кто это вбилъ ей эту мысль въ голову, — сказалъ Джіованни задумчиво. — Она не сама ее выдумала. И какіе такіе глупые документы представитъ она? Все это, конечно, поддѣлка.

— Она не доставитъ никакихъ документовъ, — замѣтилъ отецъ. — Мы завтра услышимъ, что она въ бреду горячки.

— Бѣдняжка! — воскликнула Корона. — Страшно подумать объ этомъ.

— Страшно подумать, что она причинила вамъ всю эту тревогу и безпокойство, — сказалъ Джіованни съ жаромъ. — У васъ, должно быть, была страшная сцена до нашего пріѣзда. Что она говорила?

— Да то же, что и при васъ. Но, конечно, я почувствовала большое облегченіе, когда вы пріѣхали.

— Вы, конечно, ни на минуту не повѣрили, что она говоритъ правду?

— Еще бы! — засмѣялась Корона и прибавила: — Вы сами знаете, что я не повѣрила.

— Да, знаю. Ни минуты даже не сомнѣвался.

— Кстати, — сказалъ старикъ Сарачинеска, глядя на черную шляпку и черныя перчатки герцогини: — вы собирались ѣхать, когда она явилась... мы не станемъ васъ задерживать. Полагаю, что надо понимать ея слова такъ, что она привезетъ свои документы завтра сюда къ вамъ. Мы, слѣдовательно, пріѣдемъ тоже?

— Конечно. Пріѣзжайте завтракать, въ часъ. Я одна, какъ вамъ извѣстно: сестра Габріель пожелала непремѣнно вернуться въ монастырь... Но что за дѣло теперь!

— Конечно, — подтвердилъ князь. — Вы скоро будете замужемъ. Я думаю, что мы можемъ поступать такъ, какъ намъ угодно. Онъ, впрочемъ, всегда поступалъ такъ, какъ ему было угодно.

Оба, отецъ и сынъ, ушли, и нѣсколько минутъ спустя Корона вышла и сѣла въ экипажъ, какъ будто бы ничего не случилось.

X.

Когда донна Туллія вышла изъ дворца Астрарденте, у нея голова шла кругомъ. Она потерпѣла полнѣйшую неудачу въ томъ, что предприняла, и, вмѣсто обвинительницы, внезапно попала въ подсудимыя; вмѣсто того, чтобы внушить ужасъ Коронѣ и уни-

зить Джіованни, она услышала, какъ ей сказали, что она сумасшедшая, а ея мнимыя доказательства—поддѣлка. Хотя сама она не сомнѣвалась въ подлинности документовъ, но все же большимъ разочарованіемъ для нея было то, что упоминовеніе о нихъ не произвело желаннаго эффекта ни на кого и всего менѣе на самого Джіованни. Человѣкъ этотъ, думала она, самый отъявленный негодяй; но какъ съ нимъ, такъ и со старикомъ Сарачинеска—шутки плохи.

Она должна достать документы, и немедленно; слѣдовало, не теряя времени, показать ихъ Коронѣ и убѣдить ее, что заявленіе ея не басня, не пустая выдумка и клевета. Дель-Фериче уѣхалъ въ Неаполь: остается подкупить его слугу и выкрасть документы. Уго разъ или два упоминалъ при ней про Ѳемистокла, и изъ его немногихъ словъ она заключила, что человѣкъ этотъ мерзавецъ и готовъ продать и собственную душу.

М-me Майеръ поѣхала домой и надѣла единственное темное платье, какое у нея было, набросила густой вуаль на голову, захватила пачку денегъ, засунувъ ихъ между перчаткой и рукой, вышла изъ дому пѣшкомъ и наняла коляску. Ей ничего не оставалось, какъ отправиться самой, такъ какъ она никому не могла довѣрить подобнаго дѣла.

Сердце у нея сильно билось, когда она всходила по узкимъ каменнымъ ступенькамъ, которыя вели въ квартиру дель-Фериче, и остановилась передъ небольшой зеленой дверью, на которой стояло его имя. Она позвонила въ колокольчикъ, и Ѳемистоклъ появился безъ сюртука.

— Здѣсь живетъ графъ дель-Фериче?

— Здѣсь, но уѣхалъ теперь въ Неаполь.

— Скоро ли онъ вернется назадъ?

Ѳемистоклъ поднялъ плечи къ ушамъ и выставилъ ладони рукъ въ знакъ невѣденія.

Донна Туллія колебалась. Ей еще не приходилось кого-либо подкупать, и она не знала, какъ за это взяться. Она подумала, что всего лучше прямо показать деньги. Глаза Ѳемистокла алчно сверкнули.

— Вотъ двадцать-пять скуди,—сказала она.—Если вы поможете мнѣ найти одну бумагу въ квартирѣ вашего барина, то получите ихъ.

Ѳемистоклъ выпрямился съ видомъ оскорбленной гордости. М-me Майеръ поглядѣла на него.

— Невозможно, синьора.

Она вытащила еще бумажку. Глаза Ѳемистокла жадно поглядывали, нѣтъ ли еще и третьей подъ перчаткой.

— Синьора,—повторилъ онъ,—невозможно. Онъ убьетъ меня. Я не могу и помыслить объ этомъ.

Но голосъ былъ уже не столь твердъ. Донна Туллія вытащила еще бумажку: въ рукахъ у нея оказалось семьдесятъ-пять скуди. Ей показалось, что Ѳемистоклъ дрожитъ отъ волненія. Но онъ все еще колебался.

— Синьора, совѣсть...

— Полноте!—нетерпѣливо перебила m-me Майеръ: —вотъ еще бумажка—сто скуди, больше у меня нѣтъ,—прибавила она, стаскивая перчатку.

Вдругъ Ѳемистоклъ протянулъ руку и схватилъ ассигнаціи.

— Ступайте! — хрипло прошепталъ онъ. Но вмѣсто того, чтобы отступить и пропустить ее въ дверь, онъ бросился вонъ изъ дверей, сбѣжалъ по лѣстницѣ и исчезъ. М-me Майеръ простояла съ минуту въ изумленіи, и затѣмъ вошла въ квартиру не безъ робости. Но, не пройдя и двухъ шаговъ по темному корридору, вскрикнула отъ ужаса. Дель-Фериче стоялъ передъ нею въ халатѣ, съ курьезнымъ выраженіемъ на лицѣ, выдѣлявшемся блѣднымъ пятномъ изъ полу-мрака.

Ѳемистоклъ обманулъ ее, солгалъ, что барина нѣтъ дома, завладѣлъ ея деньгами и убѣжалъ. Ему легко потомъ придумать, сообразилъ онъ, какое-нибудь извиненіе въ томъ, что пустилъ ее, и съ чутьемъ испорченнаго лакея онъ догадывался, что она не сознается дель-Фериче въ томъ, что подкупала его. Уго подошелъ ближе и узналъ m-me Майеръ.

— Донна Туллія! что вы дѣлаете? ну, вдругъ васъ кто-нибудь увидитъ!

Менѣе ловкій человѣкъ, чѣмъ Уго, прикинулся бы обрадованнымъ ея приходомъ. Инстинктъ подсказалъ дель-Фериче, по какой причинѣ она явилась къ нему, и онъ не могъ упустить случая подчеркнуть то, что она себя компрометтируетъ такимъ поступкомъ, и онъ за нее боится.

Донна Туллія чуть не упала въ обморокъ отъ страха и прислонилась къ стѣнѣ.

— Я думала... я хотѣла... мнѣ нужно васъ видѣть, сейчасъ, сейчасъ!— пролепетала она.

— Но только не здѣсь,—отвѣтилъ онъ.—Ступайте скорѣй домой; я пріѣду черезъ пять минутъ. Ваша репутація пострадаетъ, если узнаютъ, что вы были у меня.

Его тонъ успокоилъ m-me Майеръ.

— Привезите непремѣнно... эти бумаги! —торопливо сказала она.—Случилось нѣчто ужасное. Обѣщайте мнѣ, что сейчасъ же пріѣдете!

— Я пріѣду немедленно, дорогая синьора,—сказалъ онъ, нѣжно выпроваживая ее за дверь.—Я не могу даже проводить васъ по лѣстницѣ... простите меня. Ваша карета внизу?

— У меня извозчикъ,—отвѣтила чуть слышно донна Туллія.

Онъ схватилъ ея руку и страстно поцѣловалъ. Донна Туллія быстро сбѣжала съ лѣстницы. Уго улыбнулся ей вслѣдъ. Наконецъ-то она у него въ рукахъ. Онъ догадался, что она нарушила тайну, и сдѣлаетъ теперь все на свѣтѣ, чтобы добыть необходимые документы. Планъ его удался вполнѣ. Дель-Фериче былъ человѣкъ умный и ловкій.

Онъ надѣлъ сюртукъ и черезъ пять минутъ уже ѣхалъ на извозчикѣ къ доннѣ Тулліи, съ большимъ пакетомъ въ карманѣ. Онъ засталъ ее въ томъ же костюмѣ, въ какомъ она пріѣзжала къ нему и даже все еще подъ вуалемъ. Она съ волненіемъ ходила взадъ и впередъ по гостиной. Онъ подошелъ, церемонно и вѣжливо поклонился ей, съ серьезнымъ лицомъ и солидной манерой, приличной въ данномъ случаѣ.

— А теперь, дорогая синьора,—мягко сказалъ онъ,—объясните мнѣ, что случилось?

— Сегодня утромъ,—съ трудомъ процѣдила m-me Майеръ,—я услышала про помолвку Астрарденте и дона Джіованни. Это я сочла такой ужасной вещью...

— Ужасная, дѣйствительно,—торжественно произнесъ дель-Фериче.

— Я тотчасъ же послала за вами, чтобы спросить, что дѣлать; мнѣ сказали, что вы уѣхали въ Неаполь. Я подумала, конечно, что вы меня одобрите, такъ какъ я должна была, конечно, помѣшать такому злодѣянію... не правда ли?

Она ждала, чтобы дель-Фериче выразилъ согласіе; но онъ молчалъ, и лицо его выражало только упрекъ.

— Ну, и тогда, не найдя васъ, я подумала, что лучше всего дѣйствовать не медля, и поѣхала къ Астрарденте, чувствуя, что вы меня поддержите. Была страшная сцена. Она послала за обоими Сарачинеска, и я... ждала, пока они пріѣхали, потому что рѣшила, что правосудіе должно совершиться. Я была права... не правда ли?

— Что они сказали? – спросилъ дель-Фериче, спокойно наблюдая за ея лицомъ.

— Повѣрите ли, что это чудовище развращенности, донъ

Джіованни, былъ холоденъ, какъ камень, и заперся во всемъ; но отецъ его очень разсердился. Конечно, они потребовали доказательствъ. Я въ жизни не видывала такой наглости, какъ у дона Джіованни.

— Вы упомянули про меня?

— Нѣтъ; я васъ не думала такъ скоро видѣть и, конечно, не хотѣла припутывать. Я сказала, что покажу имъ документы завтра въ часъ пополудни.

— И затѣмъ поѣхали ко мнѣ? Очень, очень безразсудно. Вы могли серьезно скомпрометтировать себя. Зачѣмъ вы за мной не прислали?

— Но мнѣ сказали, что вы уѣхали въ Неаполь. Вашъ слуга... —и донна Туллія покраснѣла, какъ піонъ, вспомнивъ про сцену съ Ѳемистокломъ:—вашъ слуга самолично увѣрялъ меня, что вы уѣхали въ Неаполь...

— Понимаю,—спокойно отвѣтилъ дель-Фериче.

Онъ не хотѣлъ вынуждать у нея признанія въ томъ, что она собиралась выкрасть бумаги въ его отсутствіе. Въ его цѣляхъ было, напротивъ, успокоить ее.

— Дорогая синьора,—ласково началъ онъ,—вы поступили крайне безразсудно, но я во всѣхъ отношеніяхъ окажу вамъ поддержку и вручу документы. Жаль, что вы такъ поторопились, потому что мы не знаемъ, что случилось съ Феличе Бальди, и не можемъ тотчасъ же разыскать ее. Потребуется нѣсколько недѣль на это. Зачѣмъ вы такъ поторопились? Вы могли бы подождать, пока я вернусь, и мы бы обсудили дѣло и рѣшили бы, разумно ли пользоваться нашими свѣденіями.

— Неужели вы находите, что я дурно сдѣлала?—спросила донна Туллія, поблѣднѣвъ.

— Я думаю, что вы поступили опрометчиво, не посовѣтовавшись со мной. Но, можетъ быть, все къ лучшему. Во-первыхъ, такъ какъ вы не спрашивали моего мнѣнія, то должны понять, что не слѣдуетъ произносить моего имени. Это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ документы говорятъ сами за себя; согласны вы съ этимъ?

— Разумѣется, нѣтъ никакой нужды называть васъ, если только вы не претендуете на долю въ разоблаченіи злодѣянія.

— Я доволенъ своей долей,—улыбнулся дель-Фериче.

— Она не особенно велика,—нервно отвѣтила донна Туллія.

— Моя доля—львиная доля,—отвѣтилъ онъ.—Обожаемая женщина, вы, конечно, не забыли условія нашего договора—

условія, которое такъ для меня дорого, что каждое слово навѣки запечатлѣно въ моемъ сердцѣ.

М-me Майеръ вздрогнула. Она совсѣмъ упустила изъ виду, что ей придется исполнить обѣщаніе выйти замужъ за дель-Фериче... Она не ожидала, что онъ будетъ настаивать; она думала, что онъ хотѣлъ только попугать ее. И, кромѣ того, убѣдила себя, что онъ одобритъ ея поведеніе.

— Вы, конечно, не можете... не станете принуждать меня къ этому; вы должны одобрить по существу то, что я сказала Астрарденте... Я вѣдь все равно, что посовѣтовалась съ вами...

— Извините меня, дорогая синьора, вы со мной не совѣтовались...

— Я пыталась съ вами посовѣтоваться—не все ли это равно?

— Нѣтъ, не все равно... Я категорически предупреждалъ васъ ничего пока объ этомъ не говорить. Вы поступили опрометчиво и поставили себя въ очень затруднительное положеніе... и нарушили данное мнѣ обѣщаніе... торжественную клятву, донна Туллія; вы клялись, вспомните, памятью матери и животворящимъ крестомъ.

— Вы заставили меня поклясться, чтобы попугать меня. Церковь не считаетъ обязательными клятвы, исторгнутыя съ принужденіемъ.

— Извините меня: никакого принужденія не было. Вы хотѣли узнать мою тайну и, ради этого, дали добровольно клятву. Я васъ не принуждалъ. Конечно, я не могу и не хочу принуждать васъ и теперь. Но я преданно люблю васъ, жениться на васъ—единственная цѣль и счастіе моей жизни, и если вы откажетесь исполнить свою клятву...

— Если я... откажусь... то... вы вѣдь все-таки дадите мнѣ бумаги?—спросила донна Туллія, начиная трепетать за исходъ свиданія.

— Нѣтъ, если вы откажетесь... если вы откажетесь,—боюсь, что мнѣ нельзя будетъ вамъ отдать бумагъ. Я васъ слишкомъ люблю, чтобы потерять единственный шансъ соединиться съ вами, хотя бы ради спасенія герцогини Астрарденте... Но почему вы отказываетесь? неужели моя преданность и любовь—ничто въ вашихъ глазахъ?

Онъ сталъ на колѣни передъ нею и страстно сжалъ ея руки въ своихъ рукахъ. Сцена была мастерски задумана и разыграна; голосъ его звучалъ страстью, а руки, сжимавшія руки донны Туллiи, дрожали.

— Будьте великодушны, не отталкивайте меня! — кричалъ

онъ. — Повѣрьте, что ваше счастіе для меня всего дороже! повѣрьте, что я не стану злоупотреблять вашимъ обѣщаніемъ! Скажите, что по собственной охотѣ будете моей женой, и приказывайте мнѣ все что̀ угодно—я все исполню и докажу мою преданность. Туллія, будьте честны! я обожаю васъ и живу только вами! Скажите слово и сдѣлайте меня счастливѣйшимъ изъ людей!

Онъ, право, былъ красивъ, стоя передъ нею на колѣняхъ и сжимая ея руки. Въ сущности, почему бы и не согласиться? Если она раздумаетъ... то вѣдь она можетъ и отказать ему... впослѣдствіи. Онъ сдѣлаетъ ей сцену... и только. А бумаги все-таки попадутъ въ ея руки.

— Право, не знаю, хорошо ли я дѣлаю, но... Право же, я очень къ вамъ расположена, и если вы сдѣлаете все, что̀ я скажу...

— Все, все на свѣтѣ!

— Ну... хорошо, я выйду за васъ замужъ. Только встаньте и сядьте въ кресло, какъ благоразумный человѣкъ... Нѣтъ, будьте благоразумны, а не то я уйду.

Уго безумно цѣловалъ ея руки. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ хорошій актеръ, если это была одна комедія. Она не могла не быть тронутой его блѣднымъ, тонкимъ лицомъ и страстными словами.

Быстрымъ движеніемъ онъ вскочилъ на ноги и сталъ передъ нею, всплеснувъ руками и глядя ей въ лицо.

— О! я счастливѣйшій изъ людей!— воскликнулъ онъ, и сознаніе торжества придало энергію его голосу.

— Сядьте,—весело приказала донна Туллія,—и поговоримъ обо всемъ основательно.—Во-первыхъ, что̀ мнѣ теперь дѣлать?

Дель-Фериче счелъ нужнымъ дать остыть своему увлеченію и прошелся раза два по комнатѣ.

— Трудно мнѣ говорить спокойно,—объявилъ онъ.

Но, тѣмъ не менѣе, сѣлъ и сталъ очень спокойно разговаривать.

— Что̀ мнѣ теперь дѣлать?—повторила донна Туллія.

— Во-первыхъ, вотъ бумаги. Онѣ говорятъ сами за себя. На нихъ стоитъ адресъ нотаріуса, который снималъ съ нихъ копіи въ Аквилѣ. Если Сарачинески хотятъ, то пусть отправляются туда и посмотрятъ на оригиналъ.

— Не могутъ развѣ они уничтожить эти документы?

— Нѣтъ; мы напишемъ священнику санъ-бернардинской церкви и предупредимъ, чтобы онъ былъ на-сторожѣ. Всего лучше вамъ ѣхать завтра къ Астрарденте въ назначенное время и предъ-

явить эти бумаги. Ихъ подлинность не подлежитъ сомнѣнію. Джіованни нельзя дольше запираться, когда онъ ихъ увидитъ. А теперь, когда это дѣло улажено, то скажите, когда наступитъ блаженный для меня день?

— О! время терпитъ,—отвѣтила донна Туллія, покраснѣвъ, что̀ могло было быть принято за скромность, но, въ сущности, происходило отъ досады, что къ ней пристаютъ.

— Нѣтъ, мы должны теперь же объявить о нашей помолвкѣ. Откладывать нѣтъ причины, и сегодня лучше это сдѣлать, чѣмъ завтра.

— Сегодня?—съ тревогой повторила донна Туллія.

— Почему бы и нѣтъ, дорогая синьора? почему бы и нѣтъ, если вы серьезно рѣшились?

— Я думаю, что лучше уладить сперва это дѣло.

— Напротивъ, съ того момента, какъ я буду объявленъ вашимъ женихомъ, я стану естественнымъ вашимъ покровителемъ. Еслибы кто оскорбилъ васъ, я буду имѣть право вступиться за васъ,—право, которое мнѣ дорого. Неужели вы думаете, что я побоюсь вторично драться съ домомъ Джіованни? Если же вы отложите помолвку, то, конечно, я не отступлюсь отъ права защищать васъ, но это поведетъ только къ сплетнямъ и принесетъ вамъ больше вреда, нежели пользы.

— Это правда; вы очень добры и смѣлы. Можете объявить о нашей помолвкѣ, если хотите.

— Благодарю васъ, дорогая синьора. А вотъ вамъ и бумаги изъ рукъ въ руки. Воспользуйтесь ими, какъ считаете всего лучше.

Донна Туллія такъ и вцѣпилась въ конвертъ съ бумагами, за обладаніе которыми она заплатила такой дорогою цѣною.

XI.

— Джіованни, ты—жертва заговора, это ясно,—сказалъ старикъ Сарачинеска, входя въ комнату сына на слѣдующее утро.— Я продумалъ объ этомъ всю ночь и убѣдился въ томъ.

Джіованни лежалъ на диванѣ съ книгой въ рукахъ и сигарой въ зубахъ.

— Я не былъ и не буду жертвой, — отвѣтилъ онъ. — Но ясно, что заговоръ существуетъ. Я его раскрою.

— Что̀ мнѣ больше всего нравится, это оригинальность идеи.

Увѣрять, что у тебя есть жена, и это можно доказать документами—просто умопомраченіе!

Джіованни засмѣялся.

— Кончится все тѣмъ, что мнѣ придется съѣздить въ Аквилу въ поискахъ моей предполагаемой дражайшей половины. Но почему она выбрала Аквилу, а не другое какое мѣсто, почему не Парижъ или хотя бы Флоренцію, почему, ради самой географіи, непремѣнно Аквила?

— Она, вѣроятно, выбрала по алфавитному списку,—засмѣялся князь. —Аквила стояла впереди, она и выбрала ее. Мы все узнаемъ черезъ два часа. Ѣдемъ, пора.

Они нашли Корону въ будуарѣ. Она продолжала утверждать, что m-me Майеръ помѣшана.

— Она не помѣшана, — спокойно сказалъ Джіованни.—Не думаю даже, чтобы документы были поддѣльные.

— Какъ? —закричалъ отецъ.

Корона быстро взглянула на Джіованни,

— Вы сами увѣряли меня полчаса тому назадъ, что я жертва заговора. И будьте увѣрены, что дѣльце чисто сработано. Она нашла хорошаго союзника въ своемъ женихѣ. Дель-Фериче не дуракъ и ненавидитъ меня.

— Дель-Фериче!—вскричала Корона:—неужели она выходитъ замужъ за дель-Фериче?

— Да. Они оба объявили объ этомъ вчера въ обществѣ и принимали поздравленія. Они помолвлены.

Завтракъ только-что кончился, какъ доложили о пріѣздѣ донны Тулліи. Всѣ встали ей на встрѣчу и съ интересомъ глядѣли на нее. Она была спокойнѣе, чѣмъ наканунѣ, и держала въ рукахъ пакетъ съ бумагами. Красныя губы были крѣпко сжаты, а глаза глядѣли вызывающе. Каковы бы ни были ея недостатки, а она не была трусихой, когда приходилось стоять лицомъ-къ-лицу съ опасностью.

— Я пріѣхала сюда по вашему приглашенію, чтобы предъявить вамъ доказательства того, что я утверждала вчера... доказательства чудовищнаго преступленія, въ которомъ я обвиняю этого человѣка.

И она съ презрѣніемъ указала пальцемъ на Джіованни.

— Донна Туллія,—перебилъ старикъ-князь, — потрудитесь тщательнѣе выбирать свои выраженія и эпитеты.—Пожалуйста, будьте кратки и покажите намъ, что вы привезли.

— И покажу, и заставлю васъ трепетать. Когда вы просмотрите эти документы, то можете придумать сами, какъ обо-

звать поступки вашего сына. Вотъ засвидѣтельствованныя копіи съ оригинальныхъ документовъ: первый находится въ рукахъ священника церкви Санъ-Бернардино Сіенскаго въ Аквилѣ, а другой —у мэра того же города. Такъ какъ это только копіи, то безполезно будетъ, если вы ихъ изорвете.

— Воздержитесь, прошу васъ, отъ комментаріевъ того, какъ мы поступимъ! —рѣзко произнесъ старикъ-князь.

Донна Туллія презрительно взглянула на него и вспыхнула какъ зарево. Вслѣдъ затѣмъ она прочитала громко содержаніе документовъ, гласившихъ о бракосочетаніи Джіованни Сарачинеска и Феличе Бальди.

Джіованни не могъ не разсмѣяться—до того это дико звучало. Корона поблѣднѣла, хотя была твердо увѣрена, что все это—выдумки и поддѣлка.

— Довольны вы?—спросила донна Туллія.

— Донна Туллія,—отвѣчалъ Джіованни,—я готовъ вѣрить по вашимъ манерамъ, что, въ самомъ дѣлѣ, вы увѣрены въ томъ, что говорится въ этихъ бумагахъ, но позвольте вамъ замѣтить, что вы стали жертвой недостойной уловки того лица, которое вручило вамъ эти бумаги и научило поступить съ ними—какъ вы поступили.

— Я? я—жертва уловки?—испугалась донна Туллія несокрушимаго спокойствія Джіованни.

— Да. Я знаю Аквилу и Абруццы очень хорошо. Хотя мы, римскіе Сарачинески, немногочисленны, но въ той мѣстности это имя довольно обыкновенное. То же самое можно сказать и обо всѣхъ нашихъ великихъ фамиліяхъ. Существуютъ Колонны, Орсини, Каэтани во всей Италіи. Существуютъ даже Медичи, хотя извѣстно, что эта фамилія вымерла. Вы знаете это такъ же хорошо, какъ и я, или должны знать, потому что, сколько мнѣ извѣстно, ваша мать была двоюродной сестрой моему отцу. Какъ это не пришло вамъ въ голову, что Джіованни Сарачинеска, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, просто-на-просто мой тёзка!

Донна Туллія страшно поблѣднѣла и оперлась о столъ, точно ноги у нея подкашивались. Всѣ остальные притаили дыханіе.

— Я этому не вѣрю, — объявила m-me Майеръ глухимъ и трепещущимъ голосомъ.

— Ну, такъ я скажу вамъ, что я сдѣлаю. Я сейчасъ же отправлюсь въ Аквилу, и отецъ, конечно, поѣдетъ со мной...

— Само собой разумѣется,—перебилъ старикъ-князь.

— Мы съѣздимъ туда и черезъ недѣлю доставимъ всю исторію этого Джіованни Сарачинеска, вмѣстѣ съ его женой и имъ

самимъ, и они убѣдятъ васъ, что вы обмануты и поставлены въ фальшивое положеніе лицомъ, доставившимъ вамъ эти документы. Я удивляюсь, какъ могъ здравомыслящій римлянинъ сразу не понять, въ чемъ дѣло.

— Я не вѣрю этому, — повторила донна Туллія. — Но вы должны согласиться, что я исполнила только свой долгъ...

— Весьма тягостный, конечно, — перебилъ старикъ Сарачинеска.

— И если ваши розыски окажутся безуспѣшными, то я передамъ все дѣло въ руки полиціи. Если вы такъ нахальны, что утверждаете, будто эти документы не имѣютъ значенія, то верните мнѣ ихъ обратно.

— Нѣтъ, сударыня, извините, — объявилъ старикъ-князь.— Я ихъ вамъ не верну. Я намѣренъ сличить ихъ съ оригиналомъ. Если такого не окажется, то они послужатъ къ уликѣ нотаріуса, продавшаго ихъ вамъ, и преданію его подъ судъ, да и васъ также, по обвиненію въ поддѣлкѣ документовъ и клеветѣ—преступленія, наказуемыя пожизненной каторгой. Если же оригиналъ существуетъ, то эти копіи не могутъ имѣть для васъ никакой цѣны, такъ какъ вы каждую минуту можете выписать и получить новыя копіи.

Дѣло принимало непріятный для донны Тулліи оборотъ. До сихъ поръ она считала документы неподдѣльными, но вдругъ въ умѣ ея мелькнуло подозрѣніе, что дель-Фериче могъ вѣдь и составить ихъ самъ. Каждый могъ купить гербовой бумаги, а печать нотаріуса не трудно выгравировать. Она ужаснулась этой мысли, но взять обратно документы у князя, крѣпко державшаго ихъ въ рукахъ, было немыслимо. И ничего не оставалось, какъ скрѣпить сердце и уйти.

— Какъ угодно, — проговорила она. — Естественно, что вы оскорбляете меня, беззащитную женщину, старавшуюся возстановить истину. Это достойно вашей фамиліи и вашей репутаціи. Я оставляю васъ и совѣтую ничего не упустить изъ виду, чтобы доказать невинность вашего сына.

Донна Туллія сердито окинула взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и вышла вонъ изъ комнаты.

А. Э.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

Старая и новая Германія.

IV *).

Вступленіе на престолъ короля Вильгельма въ 1861 г. не вызвало въ Пруссіи того энтузіазма, которымъ встрѣчено было провозглашеніе его регентства. Къ тому существовали двѣ причины. Первая и, разумѣется, самая естественная, состояла въ томъ, что вступленіе на прусскій престолъ принца-регента въ дѣйствительности ничего не измѣняло въ общественной и политической жизни націи. Фактически онъ уже царствовалъ три года, а для народа было безразлично, называется ли онъ принцемъ-регентомъ или королемъ. Вторая была болѣе серьезна, и крылась она въ томъ чувствѣ неудовлетворенности, которое явилось на смѣну самыхъ радужныхъ надеждъ и упованій, возлагавшихся на правленіе Вильгельма. „Черныя точки“ стали показываться на горизонтѣ внутренней политики Пруссіи.

Принципы, провозглашенные королемъ Вильгельмомъ въ его первой рѣчи-программѣ, обращенной къ министрамъ, были прекрасны. Строгое соблюденіе законности, уваженіе къ конституціоннымъ правамъ народа, свобода совѣсти, вѣротерпимость, исключающая политическія гоненія во имя господствующей религіи—таковы были тѣ начала, которыя вызвали всеобщее увлеченіе повсюду, за исключеніемъ притаившейся на время реакціонной партіи, вовсе не думавшей слагать свое оружіе передъ либеральными принципами программы короля.

*) См. выше: апрѣль, стр. 812.

Все населеніе съ дѣтскою вѣрою относилось къ словамъ короля, обѣщавшимъ въ дѣйствительности „новую эру“ для Германіи; всѣ классы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали перехода отъ словъ къ дѣлу. Но тутъ-то именно и показались первыя „черныя точки“. Во главѣ министерства стояли люди, пользовавшіеся общественнымъ довѣріемъ, но недостаточно сильные и энергичные, чтобы настоять на осуществленіи тѣхъ мѣръ и тѣхъ законовъ, которые должны были обновить политическую жизнь Пруссіи. На первыхъ же порахъ они должны были отступить передъ рѣшительнымъ сопротивленіемъ реакціонной партіи. Нѣсколько весьма важныхъ законодательныхъ проектовъ внесено было въ прусскій ландтагъ. Общественное мнѣніе съ радостью привѣтствовало проектъ закона о гражданскомъ бракѣ; еще лучше отнеслось оно къ проекту объ обложеніи налогомъ свободныхъ отъ него дворянскихъ земель, но и та и другая мѣра были отвергнуты палатою господъ. Раздраженіе противъ послѣдней достигло крайней степени; палату господъ обвиняли, и не безъ основанія, что она противодѣйствуетъ благимъ начинаніямъ короля и препятствуетъ, во имя интересовъ ничтожнаго меньшинства, привилегированнаго „юнкерства“, реформаторской дѣятельности либеральнаго министерства. Среди либеральныхъ элементовъ общества стали настойчиво раздаваться голоса, требовавшіе пополненія палаты господъ либеральными членами, ради обузданія ея реакціоннаго направленія. Другіе, болѣе рѣшительные люди, домогались полнаго преобразованія палаты господъ. Но такого рода требованія дѣйствовали непріятно на короля Вильгельма, видѣвшаго въ нихъ проявленія того безпокойнаго демократическаго духа, который можетъ нарушить законное теченіе общественной жизни. Либеральное министерство, не находившее себѣ энергической поддержки со стороны королевской власти, должно было, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать и рѣшительно проводить въ жизнь общую программу короля, постоянно обороняться отъ сыпавшихся на него ударовъ реакціонной партіи. Общественное мнѣніе, возбужденное надеждами, раздражалось при видѣ нерѣшительности, проявлявшейся во всѣхъ отраслахъ государственной дѣятельности, и недостатка энергіи въ людяхъ, облеченныхъ властью, въ той глухой, но упорной борьбѣ, которая завязалась между либеральнымъ министерствомъ и подначальной ему реакціонной бюрократіей. Предшествовавшее министерство, весьма послѣдовательно, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, устранило всѣхъ, отличавшихся сколько-нибудь либеральнымъ образомъ мыслей, и всѣ мѣста въ государствѣ предоставило людямъ реакціоннаго лагеря. Либеральное министерство не было столь же послѣдовательно, и за такую непослѣдовательность было жестоко наказано. Реакціонная бюрократія,

не скрываясь, дѣйствовала въ разрѣзъ съ министерствомъ, и во время выборовъ въ ландтагъ издавала циркуляры и прокламаціи, въ которыхъ прямо осуждались конституціонныя права и доказывалось, что всѣ благомыслящіе люди должны стать подъ знамя „королевской власти Божіей милостью“ во всемъ широкомъ значеніи этихъ словъ.

Министерство „новой эры“ очутилось въ самомъ затруднительномъ положеніи. Съ одной стороны, оно убѣждалось, что не удовлетворяетъ общественнаго мнѣнія, которое не видѣло никакихъ плодовъ либеральной политики, съ другой—оно встрѣчало все бо̀льшее и бо̀льшее противодѣйствіе со стороны короля, на котораго усиленно дѣйствовала реакціонная партія, запугивая и застращивая его ложными увѣреніями, что министерство подготовляетъ „полный разрывъ съ прошедшимъ“. Король Вильгельмъ, заключившій съ конституціей гораздо больше mariage de raison, чѣмъ mariage d'amour, невольно опасался, какъ бы либеральное движеніе не вышло изъ береговъ, и какъ бы въ вызванномъ наводненіи не погибли прерогативы королевской власти. Съ такимъ настроеніемъ короля министерству приходилось считаться,—и вмѣсто того, чтобы точно опредѣлить и условиться съ нимъ относительно возможныхъ и допускаемыхъ имъ реформъ, оно терялось и оставалось въ бездѣйствіи. Благодаря такой нерѣшительности и отсутствію практической программы дѣйствій, у либеральнаго министерства явилось всеобщее разочарованіе. То чувство, преисполненное вѣрованій и надеждъ на общественное настроеніе, которое съ такою силою сказалось въ началѣ регентства, теперь уступило мѣсто чувству безпокойства, нетерпѣнія и недовѣрія даже къ королю, который, однако, не отступался ни отъ одного изъ своихъ обѣщаній. Общественное настроеніе естественно сказывалось и въ настроеніи народнаго представительства, относившагося теперь съ явнымъ недовѣріемъ къ представляемымъ на его рѣшеніе правительственнымъ проектамъ. Послѣднимъ поводомъ къ нарушенію добраго согласія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ, послужилъ жгучій вопросъ о преобразованіи арміи,—вопросъ всегда наиболѣе близко лежавшій къ сердцу Вильгельма. Еще до его вступленія на престолъ, въ послѣдніе мѣсяцы регентства, министерство внесло въ ландтагъ проектъ преобразованія арміи, требуя для его осуществленія увеличенія военнаго бюджета на сравнительно незначительную сумму $9^1/_2$ милліоновъ талеровъ. Проектъ этотъ встрѣтилъ среди народнаго представительства самое рѣшительное противодѣйствіе. Главная причина такого противодѣйствія крылась не столько въ самомъ проектѣ, сколько въ лицѣ новаго военнаго министра, вступившаго въ министерство. Въ назначеніи военнымъ министромъ Роона, принадлежавшаго къ ультра-консерватив-

ной партіи, увидѣли признакъ поворота правительства въ сторону реакціи. Правда, была и другая причина, заставлявшая относиться враждебно къ правительственному проекту преобразованія арміи. Въ такомъ преобразованіи усматривали, хотя и вполнѣ ошибочно, намѣреніе правительства нанести ударъ излюбленному народному учрежденію—ландверу; общественное мнѣніе приписывало правительству замыселъ какъ бы отдѣлить и даже сдѣлать враждебными армію и народъ. Нѣмецкому сердцу, со времени войны за освобожденіе, „народъ въ оружіи", какъ называли ландверъ, былъ особенно дорогъ. Всякое покушеніе на силу этого учрежденія казалось преступленіемъ, и кто не знаетъ, что когда въ общественную массу закрадывается недовѣріе, тогда даже мѣра, задуманная съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ, встрѣчается съ подозрѣніемъ. Такъ было и тутъ. Король Вильгельмъ, преслѣдуя свою завѣтную мечту—могущество Пруссіи и объединеніе Германіи—рѣшился, какъ только власть перешла къ нему въ руки, приступить къ созданію той силы, безъ которой осуществленіе намѣченной цѣли представлялось ему невозможнымъ. Заявить открыто цѣль преобразованія арміи, было, конечно, невозможно; такое заявленіе навлекло бы въ то время на неподготовленную и недостаточно вооруженную Пруссію, неисчислимыя бѣды. Можно было ожидать не только второго Ольмюца, но пожалуй и второй Іены. Еслибы народное представительство было увѣрено въ той цѣли, которую преслѣдовалъ будущій императоръ Вильгельмъ, внося въ ландтагъ проектъ преобразованія арміи, надъ которымъ онъ вмѣстѣ съ Роономъ самъ много трудился, то, безъ всякаго сомнѣнія, проектъ этотъ не встрѣтилъ бы никакой оппозиціи, и въ исторіи царствованія императора Вильгельма не существовало бы мрачныхъ страницъ борьбы между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Будущій императоръ Вильгельмъ не имѣлъ, однако, возможности держаться въ то время откровенной политики. Мудрая осторожность заставляла его скрывать свои планы относительно будущаго. Съ другой стороны, и народное представительство никакъ нельзя винить за его рѣшимость противиться правительству и не изъявлять своего согласія на преобразованіе арміи—безъ того, чтобы передъ нимъ была ясно развернута цѣль такого значительнаго усиленія военныхъ силъ государства. Тяжелый опытъ заставлялъ опасаться новаго водворенія системы милитаризма.

Послѣ цѣлаго ряда бурныхъ засѣданій, посвященныхъ вопросу объ организаціи арміи, народное представительство отвергло правительственный проектъ, но, не желая полнаго разрыва съ правительствомъ, оно предоставило тѣ же 9½ милліоновъ талеровъ, но не на дѣло новой организаціи, а лишь для усиленія „боевой готовности". Въ

этомъ разрѣшеніи кредита крылась капитальная ошибка, послужившая главнымъ поводомъ обострившагося впослѣдствіи конфликта. Ландтагъ не могъ не понимать, что правительство воспользуется этою суммою для начала осуществленія своего широкаго плана, а разъ начало будетъ положено, то возвращаться назадъ, разстраивать новую организацію—для правительства будетъ уже невозможно. Либеральное министерство хорошо это понимало, но тѣмъ не менѣе оно приняло компромиссъ, чреватый послѣдствіями. Ошибка была съ обѣихъ сторонъ, причемъ обѣ стороны остались недовольны другъ другомъ. Правительство упрекало палату представителей въ недостаткѣ патріотизма и довѣрія, а палата представителей упрекала правительство за то, что оно не сдержало ни одного обѣщанія, что хорошія намѣренія такъ и остались только намѣреніями. Разладъ между правительствомъ и либеральнымъ большинствомъ ландтага вызвалъ въ населеніи глубокое разочарованіе. Правительство подозрѣвалось въ намѣреніи вернуться къ старому времени,—либеральное меньшинство обвинялось въ недостаткѣ энергіи. Недовольство обѣими сторонами сказалось на выборахъ новой палаты представителей; населеніе обратило свои симпатіи къ демократической партіи, державшейся въ сторонѣ съ 1858 года, не желая мѣшать спокойному развитію, обѣщанному „новою эрою“. Выборы 1861 года дали значительное большинство партіи, окрестившей себя „прогрессивною“. Реакціонная партія зашипѣла: случилось то, говорила она, что ясно можно было предвидѣть: либералы проложили дорогу демократіи. Она умалчивала лишь о томъ, что это случилось только благодаря тому, что всѣ либеральныя требованія, даже наиболѣе умѣренныя и справедливыя, остались невыполненными, благодаря ея же противодѣйствію. Реакціонная партія надѣялась, что разладъ между правительствомъ и либеральною партіею заставитъ Вильгельма вернуться на излюбленную ею дорогу, но на ея несчастье король оставался глухъ къ ея вожделѣніямъ. Въ отвѣтѣ своемъ на адресъ палаты господъ онъ говорилъ: „Король не хочетъ полнаго разрыва съ прошедшимъ, но онъ желаетъ дальнѣйшаго развитія народныхъ учрежденій, согласно тому, какъ это выражено было его отцомъ въ законодательномъ актѣ 1808 года, какъ это было и въ намѣреніяхъ его брата, а потому онъ съ увѣренностью ожидаетъ отъ палаты господъ, что она послѣдуетъ за нимъ по этому пути“.

Даже болѣе тяжелое событіе, чѣмъ разладъ между правительствомъ и либеральною партіею, не заставило Вильгельма отклониться отъ первоначально-намѣченнаго имъ пути. 14-го іюля 1861 г., во время пребыванія его въ Баденъ-Баденѣ, на его жизнь было сдѣлано покушеніе. Къ счастью, пуля Оскара Бекера пролетѣла мимо, и король

Вильгельмъ остался невредимъ. Реакціонная партія возлагала большія надежды на это покушеніе на жизнь короля, полагая, что выстрѣлъ Бекера послужитъ сигналомъ для цѣлаго ряда притѣснительныхъ мѣръ, что дѣяніе одного безумца тяжело отзовется не только на одной либеральной партіи, но на цѣломъ народѣ. Разсчетъ этой партіи оказался, однако, ошибочнымъ. Король, „преисполненный здраваго смысла", какъ характеризовала его еще королева Луиза, призналъ, что преступное дѣяніе одного фанатика не должно отзываться на нормальномъ теченіи общественной жизни.

Давая отпоръ реакціонной партіи, король Вильгельмъ счелъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ еще разъ торжественно подтвердить, что онъ вовсе не отказывается отъ своей идеи сочетанія неприкосновенности монархической власти съ уваженіемъ къ конституціоннымъ правамъ народа. Къ тому его побуждало не столько даже лихорадочное безпокойство, проявившееся за послѣднее время среди населенія его страны и сказавшееся съ извѣстною силою во время выборовъ, сколько общее политическое настроеніе Европы. Преданный горячо принципу монархической власти, онъ съ горечью видѣлъ, какъ этотъ принципъ попирается въ Италіи, гдѣ одинъ законный государь изгоняется за другимъ; онъ тревожно слѣдилъ за проявленіемъ народнаго духа въ Венгріи, домогавшейся самостоятельнаго существованія, и за первыми симптомами революціоннаго движенія, сказывавшагося въ польскихъ провинціяхъ. Монархическій принципъ въ виду поднятой температуры среди европейскихъ народовъ не только не долженъ склонять своей головы, но жизненность его должна быть, напротивъ, заявлена громко и торжественно, и ради именно такого заявленія король Вильгельмъ рѣшился на актъ, не совершавшійся въ Пруссіи болѣе полутораста лѣтъ со времени перваго прусскаго короля. Вильгельмъ объявилъ, что онъ будетъ короноваться въ Кенигсбергѣ. 18-го октября 1861 г. совершилось коронованіе со всею торжественностью, подобающею такому акту. Король взялъ корону съ алтаря и возложилъ ее на свою голову, какъ бы говоря:—моя власть отъ Бога!

Коронація короля вызвала въ либеральныхъ элементахъ общества опасеніе, чтобы Вильгельмъ съ этой минуты не вступилъ на путь своего брата послѣ потрясенія 1848 года. Но такія опасенія онъ старался разсѣять рескриптомъ на имя министерства, въ которомъ еще разъ подтвердилъ, что онъ видитъ залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ безостановочномъ движеніи впередъ законнаго развитія народа.

Подобныя увѣренія, однако, не производили уже больше того впечатлѣнія, какое вызывали въ странѣ слова его въ началѣ его фактическаго царствованія. Медовый мѣсяцъ правленія Вильгельма за-

тянуло облакомъ. Его твердая рѣшимость охранять неприкосновенность монархической власти заставила подозрительно относиться къ другой части его основной программы: не колебать конституціонныхъ правъ народа. Практика показала, и очень скоро, какъ трудно согласованіе въ дѣйствительной жизни двухъ такихъ принциповъ, какъ неприкосновенность монархической власти и строгое уваженіе къ конституціоннымъ правамъ народа. Ради соблюденія послѣднихъ, монархическая власть, при всемъ сохраненіи своего достоинства, должна все-таки до нѣкоторой степени поступаться самостоятельностью своихъ дѣйствій. А король Вильгельмъ полагалъ, наоборотъ, что, при столкновеніи двухъ началъ, конституціонныя права должны отступить передъ монархическою властью; правильно или нѣтъ было такое возрѣніе, для насъ это не имѣетъ особаго значенія. Для характеристики самого Вильгельма важно только одно—былъ ли онъ искрененъ, высказываясь за строгое соблюденіе конституціонныхъ правъ народа, или въ этихъ словахъ выражалась лишь уступка времени, которую при первой возможности онъ готовъ былъ взять назадъ? Король Вильгельмъ никогда не держался правила, которое не безъ нѣкотораго политическаго цинизма выражалъ Фридрихъ Великій словами: „s'il y a à gagner à être honnête, nous le serons, et s'il faut duper, soyons fourbes". Напротивъ, онъ совершенно искренно желалъ соблюденія тѣхъ конституціонныхъ правъ, которымъ онъ присягалъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, и ничто не проливаетъ такого свѣта на искренность короля Вильгельма, какъ его переписка съ принцемъ Альбертомъ, мужемъ королевы Викторіи, который служилъ для него въ эту эпоху самымъ лучшимъ и вѣрнымъ совѣтникомъ. Въ этой перепискѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ самыя сокровенныя мысли Вильгельма и сказывается полная общность его воззрѣній съ принцемъ Альбертомъ. Послѣдній не переставалъ поддерживать короля Вильгельма въ его довѣріи къ народу и въ уваженіи къ его конституціоннымъ правамъ. „Я не сомнѣваюсь,—писалъ ему принцъ Альбертъ,—что будущая сессія будетъ нелегкая, и какъ можетъ быть иначе, когда послѣ долгаго угнетенія вдругъ предоставленъ просторъ свободному голосу народа. Скорѣе удивляюсь силѣ, которую проявляетъ нація въ ея самообладаніи. Если даже,—говорилъ онъ въ своей проницательности,—кто-либо станетъ заявлять черезъ-чуръ далеко идущія требованія, или даже совсѣмъ невозможныя, то я надѣюсь, что это не заставитъ тебя отшатнуться, или испугаться, или занять враждебное оборонительное положеніе... Не будетъ, конечно, недостатка и въ такихъ,—писалъ принцъ Альбертъ по отношенію къ реакціонной партіи,—которые, усматривая, что государственная жизнь становится слишкомъ

безпокойна, будутъ съ коварною радостью указывать на это безпокойство, какъ на доказательство, что тотъ гнетъ, часто прямо противный закону, который они налагали, не былъ ужъ такъ вреденъ, и что ты лично пожинаешь лишь плоды своей смѣлости. Но это,— прибавилъ онъ,—будетъ не болѣе умно, чѣмъ радоваться прыжкамъ лошади, безпокоящимъ сѣдока; неужели изъ-за этихъ прыжковъ слѣдуетъ подавать совѣтъ оставаться сидѣть на деревянной лошадкѣ вмѣсто того, чтобы мужественно скакать на лошади? [1])

Въ отвѣтъ на одно изъ писемъ короля Вильгельма, принцъ Альбертъ выражаетъ свою радость, что первый остается чуждъ реакціонной политики, олицетворяя собою одинъ изъ самыхъ старинныхъ нѣмецкихъ девизовъ: „Ein Wort, ein Mann", и прибавляетъ въ концѣ: „пусть никому не удастся поколебать твое довѣріе къ твоему народу и къ нѣмецкой націи. Очень много встрѣчается людей, которые ставятъ своею задачею внушать страхъ государю къ своему народу! Изъ этого источника страха проистекаетъ большинство ошибокъ, совершаемыхъ правительствами, и самыя постыдныя жестокости въ исторіи"...

Если эта переписка обрисовываетъ короля Вильгельма, какъ человѣка, искренно рѣшившагося соблюдать конституціонныя права своего народа, то она важна и въ другомъ отношеніи,—она показываетъ, что всѣ его помыслы были направлены къ одной цѣли: къ величію и силѣ Германіи. Съ этой точки зрѣнія смотрѣлъ онъ на всѣ политическія событія въ Европѣ. Мысль о величіи и силѣ Германіи господствовала надъ всѣми остальными соображеніями, она дала ему рѣшимость вступить изъ-за орудія этого величія—арміи— въ упорную борьбу съ народнымъ представительствомъ, повидимому противорѣчивную его обѣщанію не нарушать гарантированной народу конституціи; впослѣдствіи та же мысль дала ему рѣшимость начать братоубійственную войну съ другими нѣмецкими государствами.

Борьба съ народнымъ представительствомъ обострилась тотчасъ послѣ коронаціи. Ландтагъ снова отвергъ нѣсколько смягченный правительствомъ проектъ организаціи арміи. Министерство рѣшилось подать въ отставку, которую король, послѣ долгаго колебанія, вынужденъ былъ принять. Съ выходомъ въ отставку либеральнаго министерства оканчивается та „новая эра" въ государственной жизни Пруссіи, которая породила столько несбывшихся надеждъ на полный расцвѣтъ политической свободы въ Германіи. На смѣну либеральнаго министерства явилось консервативное, съ княземъ Гогенлоэ во

[1]) Aus dem politischen Briefwechsel des Deutschen Kaisers mit Prinz-Gemahl von England. Gotha 1881.

главѣ, рѣшившееся не останавливаться передъ волею народнаго представительства. Новое министерство начало съ распущенія палаты и приступило къ выборамъ, не стѣсняясь никакими средствами для доставленія правительству послушнаго большинства. Все было пущено въ ходъ: оффиціальная печать, перья журналистовъ—добровольцевъ и наемниковъ, циркуляры министровъ и должностныхъ лицъ, мѣры поощренія и суровости, обѣщанія и угрозы, призывы къ лойальности прусскаго народа, но все было напрасно. Старанія министерства вызывали только бо́льшее раздраженіе. На обвиненіе оппозиціи, что она усиливается перемѣстить центръ тяжести правительства въ ущербъ коронѣ и къ выгодѣ народнаго представительства, оппозиція гордо отвѣчала, что правительство забыло свои обѣщанія и попираетъ ногами конституціонныя права народа. На требованіе, обращенное не только къ правительственнымъ лицамъ, къ чиновникамъ, но къ цѣлой судебной корпораціи, къ людямъ науки, профессорамъ, чтобы они, памятуя присягу на вѣрность королю, подавали голоса за правительственныхъ кандидатовъ, заявлялись громкіе протесты со стороны университетовъ, судебнаго сословія, отстаивавшихъ свободу своихъ политическихъ убѣжденій. Результатъ всѣхъ такихъ усилій оказался самымъ плачевнымъ. Оппозиція явилась въ палату, гордясь одержанною ею побѣдой и сильная сознаніемъ, что народныя симпатіи принадлежатъ ей всецѣло. Правительство снова потребовало утвержденія суммъ на приводившуюся уже въ исполненіе реорганизацію арміи, и снова палата, упорно защищая свои конституціонныя права, отвергла предложеніе правительства громаднымъ большинствомъ 308 противъ 11 голосовъ. Министерство еще разъ перемѣнилось, но за то въ послѣдній разъ, въ длинное царствованіе короля Вильгельма. Съ этой минуты, въ продолженіе двадцати-пяти лѣтъ, въ Пруссіи, а затѣмъ и въ Германіи, не было уже министерства, а былъ лишь одинъ всесильный министръ и ближайшій совѣтникъ императора, за которымъ не видно было другихъ министровъ, какъ не видно звѣздъ вокругъ солнца. Съ сентября 1862 года Бисмаркъ сдѣлался первымъ министромъ. „Бисмаркъ, это—государственный переворотъ!“—вотъ что разносила по цѣлой странѣ стоустая молва при первомъ извѣстіи о его назначеніи.

Призваніе Бисмарка означало тогда полный разрывъ между народнымъ представительствомъ и короной; съ его назначеніемъ угасъ послѣдній лучъ прежней популярности короля Вильгельма,—правда, на короткій періодъ четырехъ лѣтъ.

Эти четыре года, съ 1862 по 1866 г., составляютъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ, но вмѣстѣ и мрачныхъ эпизодовъ политической исторіи Пруссіи. Для настоящей характеристики короля Виль-

гельма намъ нѣтъ надобности въ подробности разсказывать исторію этого смертельнаго поединка между народнымъ представительствомъ, конституціонными правами страны, и монархическою властью, но очеркъ его царствованія былъ бы неполонъ, еслибы, хотя въ немногихъ словахъ, мы не очертили личной роли короля Вильгельма въ этомъ четырехлѣтнемъ конфликтѣ. Самый призывъ Бисмарка, смѣнившаго князя Гогенлоэ, обнаруживалъ въ королѣ твердую рѣшимость ни передъ чѣмъ не отступаться для осуществленія глубоко занавшаго въ его душу плана—поставить свою страну на вершину могущества. Въ то время, когда общественное мнѣніе судило Бисмарка 1862 года по Бисмарку 1848 года съ его чисто „юнкерскимъ“ міросозерцаніемъ, съ его колѣнопреклоненіемъ передъ Австріей, съ его узко-прусскимъ патріотизмомъ, король Вильгельмъ уже зналъ, что онъ найдетъ въ немъ министра, вполнѣ сочувствующаго его обширнымъ планамъ,—и не только сочувствующаго, но болѣе всякаго другого способнаго своею рѣшительностью, проницательностью, глубокимъ умомъ, достигнуть осуществленія намѣченной однажды цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, призывая его къ власти, король Вильгельмъ не могъ не сознавать, что со вступленіемъ его въ министерство не можетъ быть болѣе никакого компромисса между народнымъ представительствомъ и короной. Честная натура короля, вѣрность данной имъ присягѣ строго соблюдать конституціонныя права народа, никогда не могли бы помириться съ государственнымъ переворотомъ, съ уничтоженіемъ октроированной—правда. подъ сильнымъ давленіемъ революціоннаго движенія—конституціи. Вотъ почему въ самый разгаръ конфликта, когда въ дѣйствительности конституція превращена была въ клочокъ бумаги, никогда не являлась мысль поставить крестъ надъ конституціонными правами. Бисмаркъ какъ нельзя лучше понималъ натуру своего государя, и, нарушая самымъ безцеремоннымъ образомъ всѣ конституціонныя права, онъ не только увѣрилъ короля, но увѣрилъ и самихъ народныхъ представителей, что правительство остается вѣрно конституціи, и что нарушительницею является оппозиціонная палата. Бисмаркъ рѣшился бороться съ палатой ея же оружіемъ—конституціонными правами, но, безъ сомнѣнія, никто до него, и, конечно, никто послѣ него, не будетъ такъ своеобразно истолковывать конституцію.

Появленіе Бисмарка въ палатѣ могло только способствовать усиленію ея враждебнаго настроенія, а никакъ не ослабить духа энергическаго сопротивленія требованіямъ правительства. Внесенный вновь бюджетъ былъ отвергнутъ подавляющимъ большинствомъ, но правительство болѣе не тревожилось отказомъ палаты утвердить его расходы на усиленіе арміи. Бюджетъ перешелъ въ палату господъ, которая, въ

прямое нарушеніе конституціи, утвердила его въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ правительствомъ. Бисмаркъ не признавалъ въ томъ никакого нарушенія конституціи и доказывалъ, что согласіе палаты представителей вовсе не представляется безусловно необходимымъ. По новой конституціонной теоріи власть въ странѣ распредѣляется между палатой депутатовъ, палатой господъ и королемъ. Для утвержденія бюджета необходимо согласіе трехъ факторовъ власти. На случай несогласія какого-либо одного изъ этихъ трехъ факторовъ, конституція не даетъ опредѣленнаго отвѣта, она не указываетъ, кто изъ трехъ долженъ уступить. Уступить долженъ, очевидно, тотъ, который лишенъ силы, чтобы заставить исполнить свою волю. Сила же на сторонѣ правительства, слѣдовательно палата должна уступить. Онъ энергично приглашалъ палату сдаться на компромиссъ, такъ какъ, когда компромиссы прекращаются, ихъ мѣсто заступаютъ столкновенія, а „жизнь государства не можетъ остановиться, и потому столкновенія переходятъ въ вопросы власти; тотъ, который въ своихъ рукахъ имѣетъ власть, продолжаетъ двигаться своею дорогою, ибо жизнь государства не можетъ остановиться ни на одну минуту". Напрасно бывшій глава либеральнаго министерства, графъ Шверинъ, возражалъ, что такая теорія узаконяетъ безнравственный принципъ: сила подавляетъ право! Но такія сентенціи въ политикѣ никогда не смущали ближайшаго совѣтника короля Вильгельма.

Отказъ въ утвержденіи военныхъ расходовъ заставилъ короля снова распустить палату, въ надеждѣ, что новые выборы дадутъ болѣе покладистое большинство. Населеніе, однако, грудью стояло за своихъ представителей, и правительству снова пришлось встрѣтиться съ тѣми же людьми, почерпнувшими въ новыхъ выборахъ лишь новую силу. Обѣ стороны оказались одинаково упорны въ своихъ домогательствахъ. Палата, не зная затаенныхъ плановъ короля и его совѣтниковъ, отказывалась санкціонировать ложившіяся тяжелымъ бременемъ на населеніе смѣты военныхъ расходовъ: король, не имѣвшій возможности раскрыть передъ цѣлой Европой преслѣдуемую имъ цѣль, не желалъ отказаться отъ задачи всей своей жизни. Палата еще разъ отвергнула весь бюджетъ, но и правительство не смутилось: появился королевскій декретъ, опредѣлявшій расходы по смѣтамъ послѣдняго правильно утвержденнаго палатой бюджета. Какова была личная роль короля Вильгельма въ этомъ тяжеломъ столкновеніи между народнымъ представительствомъ и правительствомъ? Онъ остался вѣренъ себѣ, дѣйствуя прямо и открыто,—принимая на себя всю отвѣтственность за дѣйствія призванныхъ имъ министровъ. Палата представителей обращалась къ королю съ адре-

сами, посылала къ нему депутаціи, убѣждая уволить министерство, нарушавшее самыя основныя права конституціи, но король отклонялъ эти адресы и отказывался даже отъ пріема депутацій. Относительно права утвержденія бюджета онъ усвоилъ себѣ теорію своего министра. Министры,—говорилъ онъ,—исполняютъ лишь его волю, и онъ не признаетъ за палатой права указывать, кто изъ министровъ заслуживаетъ довѣрія, кто нѣтъ. Выборъ министровъ, согласно конституціи, принадлежитъ исключительно королю. Такимъ образомъ, обѣ враждующія стороны защищались конституціей, хотя трудно допустить, чтобы король Вильгельмъ не сознавалъ, что право было не на его сторонѣ. То, что происходило въ палатѣ представителей, живо отзывалось на всемъ населеніи, ставшемъ, какъ одинъ человѣкъ, на сторону своихъ представителей. Разрывъ между страной и королемъ былъ полный, чувство лойальности прусскаго народа было потрясено въ самомъ корнѣ. Если народное возбужденіе не перешло въ открытое революціонное движеніе, то благодаря лишь той же конституціи, успѣвшей вселить въ населеніе чувство законности и сознаніе, что у него не отнято послѣднее законное орудіе борьбы съ правительствомъ—избирательный бюллетень.

Правительство на всѣхъ парусахъ шло теперь по пути реакціи. Въ то время, когда оно увольняло отъ службы либеральныхъ депутатовъ, издавало грозные законы противъ печати, усвоивая себѣ наполеоновскую систему предостереженій и запрещеній, населеніе устраивало восторженныя овація своимъ представителямъ, всѣ большіе города посылали адресы депутатамъ, подписанные тысячами и тысячами подписей, въ честь оппозиціонныхъ депутатовъ устраивались великолѣпныя празднества, и правительство было безсильно помѣшать проявленію народнаго чувства. На увольненіе отъ службы либеральныхъ депутатовъ населеніе отвѣтило образованіемъ значительнаго фонда для вознагражденія депутатовъ, лишившихся жалованья. Чувство преданности къ королевскому дому было настолько потрясено, что во время путешествій короля и наслѣднаго принца, стоявшаго въ сторонѣ отъ происходившей борьбы, города отказывались устраивать имъ обычныя праздничныя встрѣчи.

Но король Вильгельмъ не легко переносилъ этотъ разрывъ съ своимъ народомъ, и въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. „Я не сплю ни одной ночи“, — говорилъ онъ фонъ Бекероту, который рѣшился сдѣлать королю представленіе о необходимости прекращенія ненормальнаго теченія государственной жизни. Вильгельмъ не могъ допустить, чтобы оппозиція не понимала необходимости новой организаціи арміи, безъ которой вѣковая идея нѣмецкаго единства была неосуществима. На карту нѣмецкаго единства онъ поставилъ всю свою

жизнь, славу или позоръ своего царствованія, судьбу Гогенцоллернскаго дома, больше—судьбу своей родины. Карта была дана, фортуна ему благопріятствовала.

V.

Трудно сказать, за кѣмъ осталось бы послѣднее слово въ этой борьбѣ между королевскою властью и народнымъ представительствомъ, еслибы внѣшняя политика короля Вильгельма не увѣнчалась съ самаго начала баснословными успѣхами. Тутъ, въ этой политикѣ, сказалась во всемъ блескѣ глубокая прозорливость, отличавшая Вильгельма и его ближайшихъ совѣтниковъ. Каждый шагъ оказался глубоко обдуманнымъ, каждый шансъ успѣха былъ строго взвѣшенъ, а рискъ былъ доведенъ до своего minimum'а. Что, повидимому, можетъ быть проще и легче въ политикѣ, какъ опредѣленно уяснить себѣ цѣль, къ которой стремишься, и взвѣсить средства для ея достиженія—а между тѣмъ въ дѣйствительности—и не нужно для доказательства того далеко ходить за примѣрами—оказывается, что сознаніе цѣли и средствъ для ея достиженія составляетъ удѣлъ весьма немногихъ государственныхъ людей. А именно въ такомъ сознаніи цѣли и ясномъ отчетѣ въ средствахъ, не только военныхъ, но и культурныхъ, какими можетъ располагать государство, заключается добрая половина успѣха. Король Вильгельмъ сознавалъ свою цѣль, и съ замѣчательною дальновидностью подготовлялъ средства для ея осуществленія. Поставить Пруссію во главѣ Германіи, слить крѣпкою политическою связью весь нѣмецкій народъ — такова была именно цѣль, поставленная себѣ Вильгельмомъ. Для ея осуществленія необходимо было прежде всего доставить могущество Пруссіи и устранить первенствующую роль Австріи, которая въ силу своей разноплеменности не могла быть солидарна съ идеей нѣмецкаго единства. Послѣ внутренней борьбы съ народнымъ представительствомъ, отказывавшимъ въ матеріальныхъ средствахъ для достиженія военнаго могущества, борьба внѣшняя неизбѣжно должна была быть направлена прежде всего противъ Австріи, оспаривавшей у Пруссіи ея мѣсто въ Германіи.

Въ задуманной борьбѣ съ Австріей король Вильгельмъ могъ воспользоваться тѣмъ движеніемъ среди всего нѣмецкаго народа, которое, несмотря на всѣ претерпѣнныя неудачи, не умирало съ 1848 г. Идея единства, требовавшая радикальной реформы германскаго союза, продолжала шевелиться, давая себя чувствовать отъ времени до времени. Подъ давленіемъ національнаго чувства, союзный совѣтъ рѣшительно вмѣшался въ столкновеніе Даніи съ Шлезвигъ-Гольштейномъ, когда

первая пожелала лишить герцогство всякой самостоятельности, связавъ ихъ съ собою однимъ крѣпкимъ узломъ. То же національное чувство вынудило союзный совѣтъ вмѣшаться во внутреннія дѣла курфюршества Гессенъ-Кассельскаго, когда курфюрстъ задумалъ разыграть роль абсолютнаго монарха и уничтожилъ конституцію, октроированную въ 1831-мъ году. Отказъ курфюрста подчиниться требованію союзнаго совѣта и возстановить конституцію вызвалъ рѣшеніе произвести экзекуцію, и два прусскихъ корпуса были уже мобилизованы и готовы были вступить въ Кассель, но курфюрстъ скоро подчинился требованію союзнаго совѣта. Національное движеніе сказывалось и инымъ путемъ. Національный союзъ, возникшій во время движенія 1848 г., продолжалъ вырабатывать планъ реформы; то же дѣлали и либеральные представители различныхъ нѣмецкихъ государствъ, съѣзжавшіеся на собраніе въ Веймаръ. Въ этомъ движеніи правительство короля Вильгельма, несмотря на внутреннюю борьбу, принимало самое живое участіе. Пруссія требовала реформы въ дѣлахъ союза; она настаивала, вначалѣ, чтобы въ случаѣ войны союзныя войска сѣверной Германіи находились подъ начальствомъ Пруссіи, союзныя же войска южной Германіи—подъ главенствомъ Австріи. Предложеніе это было отвергнуто. Противодѣйствіе Австріи было слишкомъ велико. Пруссія на франкфуртскомъ сеймѣ постоянно оставалась въ меньшинствѣ, нѣмецкія дѣла рѣшались наперекоръ ея желанію и даже часто помимо ея вѣдома. Король Вильгельмъ и его ближайшій совѣтникъ рѣшились во что бы то ни стало выйти изъ такого унизительнаго положенія и перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Правительство короля Вильгельма прямо заявило Австріи, что послѣдняя жестоко ошибается, если только она полагаетъ, что, въ случаѣ серьезной войны, Пруссія всегда будетъ стоять на ея сторонѣ, и если Австрія будетъ по прежнему относиться къ Пруссіи, то она не стѣснится при удобномъ случаѣ вступить въ тѣсный союзъ съ ея врагомъ.—Австріи,—говорилъ Бисмаркъ,—предоставляется на волю или продолжать свою враждебную политику по отношенію къ Пруссіи, или вступить въ честное съ нею соглашеніе.

Предвидя вполнѣ возможность со стороны Австріи упорствовать въ своей враждебной политикѣ по отношенію къ Пруссіи, король Вильгельмъ вмѣстѣ съ своимъ совѣтникомъ заблаговременно стали подготовлять почву для свободы дѣйствій Пруссіи. Они старались расположить въ свою пользу тѣ государства, которыя могли имѣть непосредственное вліяніе на исходъ будущаго поединка между двумя нѣмецкими государствами.

Польское возстаніе послужило поводомъ для сближенія между Россіей и Пруссіей. Въ то время, когда западныя державы и даже

Австрія выражали свое сочувствіе Польшѣ и рѣшались обратиться въ Петербургъ съ своими совѣтами, король Вильгельмъ держался прямо противоположной политики. Положимъ, что въ основаніи этой дружественной по отношенію къ Россіи политики лежало эгоистическое чувство самосохраненія, отлично выраженное словами Бисмарка: „онъ предпочитаетъ имѣть своимъ сосѣдомъ скорѣе императора Александра II, чѣмъ пропагандирующую Польшу, которая никогда не забудетъ, что Данцигъ и Торнъ были когда-то польскими городами". Но какой бы мотивъ ни руководилъ поведеніемъ Вильгельма, оно было безупречно по отношенію къ Россіи. Между Пруссіей и Россіей была заключена конвенція, въ силу которой ради преслѣдованія инсургентовъ прусскимъ войскамъ предоставлялось безпрепятственно переходить русскую границу, русскимъ же войскамъ— прусскую.

По отношенію къ Франціи Пруссія была болѣе чѣмъ предупредительна. Король Вильгельмъ не остался въ долгу передъ Наполеономъ III и порѣшилъ отдать ему визитъ въ Компьенѣ. Посѣщеніе это интересовало всю Европу, такъ какъ всѣмъ слишкомъ хорошо было извѣстно, что Наполеонъ стремится изо всѣхъ силъ къ территоріальному расширенію Франціи, къ „округленію" французской границы присоединеніемъ лѣваго берега Рейна. Положеніе Вильгельма, искавшаго добраго расположенія Франціи въ виду предстоявшаго поединка съ Австріей, было до крайности щекотливо; но Наполеонъ избавилъ его отъ необходимости открыто выражаться по этому вопросу, признавая несовмѣстнымъ съ правилами гостепріимства заводить разговоръ на тему, щекотливую для его гостя.

Вильгельмъ, безъ всякаго матеріальнаго для себя ущерба, успѣлъ, однако, привлечь на свою сторону Францію, порѣшивъ признать итальянское королевство со всѣми происшедшими на полуостровѣ перемѣнами. Для личнаго чувства короля такое признаніе итальянскаго королевства было крайне тяжело. Горячій сторонникъ божественнаго происхожденія монархической власти, онъ не мирился, какъ это видно изъ переписки его съ принцемъ Альбертомъ, съ революціоннымъ движеніемъ, лежавшимъ въ самомъ основаніи итальянскаго государства. Сверженіе итальянскихъ герцоговъ, изгнаніе неаполитанскаго короля народнымъ вождемъ Гарибальди, оскорбляли монархическое чувство Вильгельма, но перспектива могущественной Пруссіи, стоящей во главѣ Германіи, отодвинула на второй планъ его приверженность къ монархической идеѣ. Отвлеченной идеѣ вообще не легко бороться съ матеріальными выгодами. Не даромъ еще Генрихъ IV говорилъ: Paris vaut bien une messe. А если можно жертвовать религіозною идеею, то отчего же было не пожертвовать и монархическою. При-

знаніе итальянскаго королевства имѣло для Вильгельма и другую выгоду. Италія была готовой союзницей на случай борьбы съ Австріей.

Въ этой борьбѣ Пруссія могла бы имѣть на своей сторонѣ еще болѣе сильнаго союзника — національное чувство всѣхъ нѣмцевъ, еслибы только не тотъ острый конфликтъ между народнымъ представительствомъ и короной, который вызывалъ во всей остальной Германіи рѣзкое порицаніе поведенію правительства Вильгельма. Самые горячіе приверженцы главенства Пруссіи въ нѣмецкихъ дѣлахъ совершенно упали духомъ. Можно ли—спрашивалось—поручить судьбу всей Германіи государству, представлявшему такую печальную картину внутренняго раздора? Сторонники Австріи не безъ нѣкотораго, по крайней мѣрѣ внѣшняго, основанія указывали, что въ то время, когда правительство Вильгельма топчетъ конституціонныя права народа, правительство Франца-Іосифа, отрѣшившись отъ реакціонной политики Меттерниха, вступило на путь свободныхъ учрежденій.

Австрія воспользовалась этимъ моментомъ внутренней конституціонной неурядицы въ Пруссіи, чтобы предложить свой проектъ преобразованія германскаго союза. Во время пребыванія лѣтомъ 1863 г. короля Вильгельма въ Гастейнѣ къ нему пріѣхалъ на свиданіе Францъ-Іосифъ, чтобы путемъ личныхъ переговоровъ о федеральныхъ дѣлахъ Германіи подвинуть вопросъ о реформѣ германскаго союза. Реформа эта, согласно австрійскому плану, заключалась въ образованіи директоріи и федеральнаго совѣта и въ періодическомъ собраніи делегатовъ отъ всѣхъ нѣмецкихъ ландтаговъ. Предсѣдательство, какъ въ директоріи, такъ и въ союзномъ совѣтѣ, должно было принадлежать Австріи. Дѣйствительная цѣль австрійскаго проекта заключалась въ желаніи Франца-Іосифа включить въ германскій союзъ всѣ земли, входящія въ составъ австрійской имперіи, какъ нѣмецкія, такъ равно и не-нѣмецкія, и такимъ путемъ обезпечить помощь и защиту федеральнаго союза итальянскимъ владѣніямъ Австріи. Такой проектъ совершенно расходился съ замыслами Вильгельма; но какъ осторожный политикъ и умѣвшій пользоваться въ случаяхъ необходимости конституціонными порядками, онъ не отклонилъ прямо предложенія Франца-Іосифа, а настаивалъ лишь на необходимости отсрочить обсужденіе этого проекта, дабы совѣтъ министровъ, безъ котораго онъ не могъ постановить никакого рѣшенія, имѣлъ возможность обсудить этотъ проектъ. Австрійскій императоръ, какъ бы не понявъ скрытаго отказа короля Вильгельма, два дня спустя, черезъ своего флигель-адъютанта, препроводилъ ему письменное приглашеніе на конгрессъ нѣмецкихъ государей для обсужденія австрійскаго проекта. Конгрессъ долженъ былъ собраться 16-го августа. Вильгельмъ снова отклонилъ предложеніе. Несмотря, однако, на отказъ прусскаго ко-

роля принять участіе въ обсужденіи проекта, въ назначенный день, 16-го августа, конгрессъ собрался. Во Франкфуртъ съѣхались всѣ нѣмецкіе государи, съ австрійскимъ императоромъ во главѣ. Все было пущено въ ходъ, чтобы придать необычайный блескъ этому съѣзду нѣмецкихъ королей, герцоговъ, князей. Весь Франкфуртъ какъ бы потонулъ подъ черно-красно-золотыми флагами и знаменами. Золоченные экипажи, покрытые золотомъ мундиры и ливреи, толпа пышныхъ придворныхъ, блестящая свита десятковъ государей, цѣлый день наполняли улицы, привлекая всегда жадную до подобныхъ зрѣлищъ толпу. Вечеромъ гремѣла музыка, всѣ улицы горѣли огнями, процессіи съ пѣніемъ и факелами расхаживали по Франкфурту, напоминавшему теперь далеко улетѣвшіе дни великихъ торжествъ, сопровождавшихъ когда-то избраніе нѣмецкаго императора.

Конгрессъ открылся подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора, но прежде чѣмъ онъ перешелъ къ обсужденію сдѣланныхъ предложеній, одинъ изъ нѣмецкихъ государей, великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, заявилъ, что отсутствіе прусскаго короля можетъ быть вреднымъ для успѣха задуманнаго дѣла, и потому предложилъ послать къ Вильгельму особую депутацію, приглашая его еще разъ отъ имени всего высокаго собранія пріѣхать во Франкфуртъ. На саксонскаго короля Іоанна возложено было порученіе лично передать Вильгельму предложеніе конгресса. Послѣдній остался, однако, непоколебимымъ. Въ собственноручномъ письмѣ къ императору Францу-Іосифу онъ заявилъ, что не можетъ принять участія въ обсужденіи такихъ предложеній, которыя не были предварительно подвергнуты обсужденію конституціонныхъ министровъ, которые должны взвѣсить, насколько эти предложенія отвѣчаютъ высокому положенію Пруссіи, равно какъ и то, насколько они гарантируютъ законные интересы всей нѣмецкой націи. Послѣ цѣлыхъ десяти дней, посвященныхъ обсужденію австрійскаго проекта и различныхъ новыхъ предложеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми изъ нѣмецкихъ государей, австрійскій императоръ предложилъ подписать предложенный имъ актъ реформы и потребовать отъ Пруссіи принятія его. Такое предложеніе встрѣтило, однако, оппозицію нѣсколькихъ нѣмецкихъ князей, во главѣ которыхъ стоялъ великій герцогъ Баденскій. Казалось, что такъ торжественно обставленный конгрессъ потерпитъ полное фіаско, и что собранные десятки нѣмецкихъ государей разъѣдутся, не постановивъ никакого рѣшенія. Однако, послѣ долгихъ усилій, реформенный актъ былъ подписанъ 24 государями, но съ прибавкой одного условія, что онъ получитъ силу лишь въ случаѣ согласія всѣхъ союзныхъ государствъ. Такимъ образомъ, осуществленіе проекта было поставлено въ зависимость отъ согласія Вильгельма. Реформенный актъ препро-

вожденъ былъ въ Берлинъ вмѣстѣ съ посланіемъ къ Вильгельму отъ 24 подписавшихъ его государей. Вильгельмъ снова прикрылся конституціей, и прежде чѣмъ дать отвѣтъ, потребовалъ заключенія конституціоннаго министерства, котораго вся задача въ палатѣ состояла лишь въ томъ, чтобы противодѣйствовать конституціоннымъ правамъ. Отвѣтъ короля Вильгельма, внушенный ему его ближайшимъ совѣтникомъ, былъ даже поразителенъ, какъ исходящій отъ лица, всегда отстаивавшаго неприкосновенность принципа монархической власти, и такъ недавно еще громко заявившаго въ Кенигсбергѣ, что онъ пріемлетъ свою власть отъ Бога. Обезпеченіе потребностей и интересовъ нѣмецкой націи—говорилось въ отвѣтѣ—можетъ быть найдено только „въ истинномъ, вытекшемъ изъ непосредственныхъ выборовъ цѣлой націи, народномъ представительствѣ". Только такое народное представительство, избранное путемъ всеобщей подачи голосовъ, можетъ гарантировать Германію отъ интригъ и игры династическихъ интересовъ, — вотъ какими словами заключилъ свой отвѣтъ король Вильгельмъ.

Этотъ отвѣтъ служитъ самымъ наглядньмъ доказательствомъ, что король Вильгельмъ, будучи однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей принципа монархической власти и, какъ таковой, противникъ демократіи, не признавалъ, однако, возможнымъ, закрывая себѣ глаза на дѣйствительность, идти въ разрѣзъ съ своимъ временемъ и не прислушиваться къ голосу націи. Интересы государства, подавляя въ немъ личныя симпатіи и антипатіи, примирили его съ самымъ могущественнымъ орудіемъ демократіи—всеобщей подачей голосовъ.

Выражая отказъ признать реформу въ томъ видѣ, какъ ее проектировалъ франкфуртскій конгрессъ, король Вильгельмъ въ своемъ отвѣтѣ съ большою рѣзкостью указывалъ на стремленіе Австріи изолировать Пруссію, на ея нежеланіе признать законныя права Пруссіи, несмотря на то, что Пруссія занимаетъ первенствующее мѣсто въ Германіи по численности ея нѣмецкаго населенія. Помимо того, въ этомъ отвѣтѣ весьма внушительно говорилось, что Пруссія не можетъ болѣе предоставлять Австріи предсѣдательствованія въ федеративныхъ учрежденіяхъ союза. Правительство Вильгельма выражало увѣренность, что когда вопросъ о реформѣ учрежденій германскаго союза будетъ внесенъ въ прусскія палаты, то народное представительство выскажется въ томъ же смыслѣ, какъ и правительство.

Отвѣтъ Пруссіи вызвалъ, въ свою очередь, рѣзкія ноты со стороны австрійскаго министра графа Рехберга, въ которыхъ, сурово порицая условія принятія реформы, выставляемыя правительствомъ Вильгельма, говорилось рѣшительнымъ тономъ, что Австрія обойдется и безъ согласія Пруссіи. Само собою разумѣется, что когда два го-

сударства начинаютъ обмѣниваться подобными нотами, то опасность разрыва и разрѣшенія спора путемъ оружія становится очень близка.

Предвидя такую опасность, Вильгельмъ, открывая вновь избранную палату представителей, выражалъ горячее желаніе, чтобы положенъ былъ наконецъ предѣлъ печальному конфликту между оппозиціоннымъ большинствомъ и его правительствомъ. Тронная рѣчь, однако, мало содѣйствовала такому прекращенію конфликта. Король, не отрицая за палатой права утвержденія бюджета, вмѣстѣ съ тѣмъ заявлялъ, что въ палату внесенъ будетъ проектъ закона, предоставляющій право королю, на случай неутвержденія бюджета палатой, утверждать его своею личною властью по смѣтамъ послѣдняго правильно утвержденнаго бюджета. Очевидно, что такое предложеніе проекта закона не могло быть никогда принято палатой, сколько-нибудь дорожащей и своимъ достоинствомъ, и конституціонными правами страны. Ради прекращенія конфликта предлагать палатѣ самоубійство было весьма плохимъ средствомъ для достиженія внутренняго мира. Такой миръ и не былъ достигнутъ. Напрасно король выставлялъ на видъ возможныя внѣшнія осложненія въ ближайшемъ будущемъ, напрасно говорилъ онъ, что онъ настаиваетъ на принятыхъ имъ мѣрахъ реорганизаціи арміи, въ виду внѣшней безопасности страны,—палата оставалась глуха къ словамъ Вильгельма. Она видѣла, что правительство по прежнему настаиваетъ на своемъ полновластіи и на ограниченіи ея конституціонныхъ правъ. Воодушевленная тѣми же чувствами, какъ и ея предшественница, она рѣшилась не поступаться своими правами и быть свидѣтельницей, но не сообщницей насилія надъ конституціонными правами.

Конфликтъ съ палатой, равно какъ и грозившее разразиться военное столкновеніе съ Австріей, были прерваны нежданнымъ событіемъ —смертью короля датскаго Фридриха VII, послужившею поводомъ къ открытію шлезвигъ-голштинскаго вопроса и возникшей изъ-за него датской войнѣ 1864 г., а вмѣстѣ и прологомъ къ рѣшительной для судьбы короля Вильгельма и цѣлой Германіи австрійско-прусско-итальянской войны 1866 года.

VI.

Намъ нѣтъ никакой надобности входить въ подробное изложеніе всѣхъ фазисовъ шлезвигъ-голштинскаго вопроса и столь же насильственной, сколько и безправной войны двухъ великихъ державъ противъ слабосильной Даніи, для того, чтобы опредѣлить то по необходимости двойственное положеніе, которое занялъ въ этомъ дѣлѣ ко-

роль Вильгельмъ, преслѣдуя свою задачу предоставить Пруссіи господствующую роль въ Германіи и этимъ путемъ достигнуть осуществленія идеи нѣмецкаго единства.

Съ одной стороны, Вильгельмъ не могъ игнорировать лондонскаго трактата 1852 года, въ силу котораго право престолонаслѣдія послѣ Фридриха VII было укрѣплено за принцемъ Христіаномъ, вступившимъ теперь на датскій престолъ подъ именемъ Христіана IX. Пруссія была одной изъ державъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ. Съ другой, король Вильгельмъ, преслѣдуя свои широкіе планы, не могъ не считаться съ тѣмъ нѣмецкимъ чувствомъ, пробудившимся съ такою силою, которое въ нѣмецкомъ населеніи Шлезвигъ-Гольштейна видѣло братьевъ по крови, дѣтей единой нѣмецкой родины, и требовало за нихъ энергическаго заступничества германскаго союза. Нѣмецкое чувство требовало отдѣленія Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи, признанія герцога Аугустенбургскаго государемъ этихъ двухъ герцогствъ, и германскій союзъ, никогда не соглашавшійся признавать акты лондонскаго трактата, на этотъ разъ оказался вполнѣ солидарнымъ съ настроеніемъ всего нѣмецкаго народа.

Что было дѣлать королю Вильгельму? Предоставить въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать германскому союзу, стушеваться и отойти на второй планъ —совсѣмъ не входило въ разсчеты короля и не гармонировало съ его политикой, направленной къ принятію на себя руководительства всѣми нѣмецкими дѣлами. Нужно было во что бы то ни стало освободить себя отъ обязательства, принятаго на себя Пруссіей, подписавшей этотъ злополучный для нея трактатъ. Поводы для нарушенія любого трактата, какъ и поводы для начатія желанной войны, всегда найдутся. Стоитъ только рѣшительно захотѣть того или другого. Сама Данія—такъ по крайней мѣрѣ было оффиціально заявлено—подала такой поводъ. Данія нарушила лондонскій договоръ, объединяя, въ противность трактату, Шлезвигъ-Гольштейнъ съ Даніею, путемъ общей для нихъ конституціи. Повода этого показалось вполнѣ достаточно, чтобы развязать руки правительству короля Вильгельма, къ которому, на свою собственную бѣду, необдуманно присоединилась и Австрія, забывъ ихъ неоконченную взаимную распрю.

Почувствовавъ себя свободною отъ обязательства, наложеннаго лондонскимъ трактатомъ, Пруссія, по соглашенію съ Австріей, предложила германскому сейму поручить выполненіе военной экзекуціи въ Гольштиніи—Пруссіи, Австріи, Ганноверу и Саксоніи. Предложеніе это было сдѣлано 7-го декабря 1863 года, а 23-го декабря Гольштинія уже была занята федеральными войсками. Для плановъ, роившихся въ головѣ Вильгельма и его ближайшаго энергичнаго совѣтника, этого было мало. „Датское угнетеніе“, выражаясь словами Бис-

марка,—было одинаково сильно какъ въ Гольштиніи, такъ и въ Шлезвигѣ. Бѣдный Шлезвигъ во что бы то ни стало нужно было спасти отъ такого угнетенія. Пруссія вмѣстѣ съ Австріей дѣлаютъ новое предложеніе: занять герцогство Шлезвигъ, въ обезпеченіе исполненія Даніей ея обязательствъ, т.-е. отмѣны датской конституціи въ герцогствахъ. Сеймъ отвергъ предложеніе двухъ нѣмецкихъ державъ, но послѣднія не задумались осуществить свой планъ. Прусское и австрійское правительства объявили, что они берутъ въ свои собственныя руки защиту нѣмецкихъ интересовъ и немедленно приступятъ къ военному занятію Шлезвига. 1-го февраля 1864 г. австрійско-прусскія войска прошли черезъ Гольштинію, федеральныя войска разступились, и двѣ въ столь близкомъ будущемъ враждебныя арміи побѣдоносно вступили въ Шлезвигъ. Для войны съ Даніей не нужно было даже придумывать повода. „Намъ стоитъ только натянуть струну,—говорилъ Бисмаркъ,—и необходимость войны представится сама собою". Военное занятіе Шлезвига было не чѣмъ инымъ, какъ натянутою струною. Натискъ пруссаковъ былъ неотразимъ. Побѣда при Дюппелѣ была первою пробою новой прусской арміи. Дешевые лавры дюппельскаго боя не могли, само собою разумѣется, преисполнить гордостью нѣмецкое сердце. Побѣдоносное шествіе прусской арміи было пріостановлено собравшейся въ Лондонѣ конференціею, вызвавшей перемиріе между воюющими сторонами.

Но перемиріе не спасло несчастную Данію. Европейскія державы были мало и даже вовсе не расположены протянуть этому маленькому государству руку помощи. Русское правительство признавало себя связаннымъ чувствомъ благодарности за дружественное поведеніе Пруссіи во время польскаго возстанія, хотя такимъ поведеніемъ Пруссія защищала столько же свои собственные интересы, сколько и интересы Россіи. Чувство благодарности, это больное мѣсто въ политикѣ—тогда ли, когда мы платимъ, тогда ли, когда мы требуемъ уплаты — помѣшало Россіи возвысить свой рѣшительный голосъ въ защиту слабаго государства, подвергшагося нападенію двухъ сильныхъ державъ. Франція, въ лицѣ Наполеона III, не желала вмѣшиваться въ это дѣло подъ предлогомъ уваженія къ чувствамъ и стремленіямъ нѣмецкаго народа къ объединенію. Принципъ національности былъ въ то время любимымъ конькомъ недальновиднаго императора французовъ. Въ дѣйствительности, устраняясь отъ вмѣшательства въ столкновеніе Австріи, и главнымъ образомъ Пруссіи съ Даніей, Наполеонъ III разсчитывалъ, что Пруссія поможетъ ему передѣлать, въ интересахъ Франціи, карту Европы. Она и передѣлала ее, только никакъ не въ интересахъ Франціи.

Одна Англія желала оказать дѣйствительную помощь Даніи; но

желаніе Англіи, когда она остается безъ союза съ какою-либо континентальною державою, не можетъ имѣть иного значенія, какъ платоническаго желанія. При такомъ настроеніи европейскихъ державъ Пруссія и Австрія не имѣли болѣе никакого основанія стѣсняться, и потому свободно могли поставить условіемъ прекращенія войны полное отдѣленіе Шлезвигъ-Гольштейна отъ Даніи и соединеніе этихъ двухъ герцогствъ въ одно государство подъ властью герцога Августенбургскаго, пользующагося сочувствіемъ громаднаго большинства нѣмецкаго народа. Разбитая уже Данія не рѣшилась, однако, добровольно подчиниться такому рѣшенію. 25-го іюня конференція была закрыта, а 29-го австро-прусскія войска снова перешли въ наступленіе. Достаточно было нѣсколькихъ дней, чтобы довести Данію до полнаго истощенія и принудить ее къ миру. 1-го августа подписаны были предварительныя условія мира, а 30-го октября 1864 г. заключенъ былъ окончательный миръ, въ силу котораго датскій король уступалъ прусскому королю и австрійскому императору герцогства Шлезвигъ, Гольштинію и Лауэнбургъ. Война была окончена; оставалось лишь разрѣшить вопросъ, что дѣлать съ военной добычей. Вопросъ, повидимому, разрѣшался просто заявленіемъ Пруссіи и Австріи на лондонской конференціи, и герцогъ Фридрихъ Августенбургскій долженъ былъ сдѣлаться владѣтелемъ новаго государства. Не нужно было, однако, много времени, чтобы убѣдиться, что такое разрѣшеніе вопроса вовсе не входило въ намѣреніе императора Вильгельма. Уже въ то время, когда Пруссія на лондонской конференціи выразила готовность признать права герцога Августенбургскаго, находилось не мало скептиковъ, утверждавшихъ, что такое заявленіе правительства Вильгельма лишено искренности. Въ самихъ герцогствахъ замѣчалась какая-то агитація, руководимая опытною рукою и направленная къ тому, чтобы самое населеніе заявило о своемъ желаніи быть присоединеннымъ къ Пруссіи. Въ Берлинъ отправлялись адреса, въ которыхъ выражалась надежда, что герцогства будутъ связаны крѣпкими узами съ большою нѣмецкою державою, и ходатайства предъ королемъ, дабы онъ осуществилъ желаніе населенія. Бисмаркъ не скрывалъ, что присоединеніе герцогствъ къ Пруссіи было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ вопроса. „Присоединеніе, — говорилъ онъ, — не есть для меня высшая цѣль, но это результатъ, который былъ бы для меня наиболѣе пріятенъ“. Въ дѣйствительности, однако, герцогства были весьма далеки отъ желанія быть проглоченными въ то время правительствомъ короля Вильгельма, которое обращеніемъ съ народнымъ представительствомъ у себя дома далеко не привлекало къ себѣ нѣмецкой симпатіи. Населеніе, самымъ рѣшительнымъ образомъ, путемъ печати, собраній,

обращеній къ герцогу Аугустенбургскому, овацій послѣднему, выражало свое желаніе имѣть своимъ государемъ никого другого, какъ только герцога Фридриха.

Но воля населенія, какъ извѣстно, не играетъ никакой роли въ политикѣ XIX вѣка вообще, и потому мы никакъ не можемъ поставить въ личную вину королю Вильгельму, что и онъ не принималъ ея въ соображеніе болѣе, чѣмъ всѣ другіе. Воля населенія служитъ подчасъ лишь картинною декораціею, которая, однако, тотчасъ выбрасывается, какъ только минуетъ въ ней надобность. Надобность эта очень скоро миновала для прусскаго правительства, и почти вслѣдъ за заключеніемъ мира Бисмаркъ уже громко высказалъ въ палатѣ, что „для герцогствъ будетъ гораздо выгоднѣе сдѣлаться членами большой прусской семьи, нежели образовать отдѣльное маленькое государство, обремененное тяжестями, превышающими его силы". Что же могло стѣснять Пруссію въ осуществленіи ея желанія? Обѣщаніе, данное на лондонской конференціи признать герцога Аугустенбургскаго владѣтельнымъ княземъ? Но подобное обѣщаніе имѣетъ значеніе въ политикѣ только до тѣхъ поръ, пока не существуетъ желанія, выгоды или силы его нарушить; у Пруссіи же было и то, и другое, и третье. Самъ герцогъ Аугустенбургскій не могъ, очевидно, стѣснять правительство короля Вильгельма. Достаточно было объявить (что и было сдѣлано), что Пруссія готова была его признать герцогомъ Шлезвигъ-Гольштейнскимъ лишь подъ условіемъ, что права его, по точномъ изслѣдованіи, будутъ признаны несомнѣнными. Изслѣдованіе же это привело прусское правительство къ убѣжденію, что герцогъ Фридрихъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ правъ.

Всѣ другіе претенденты были устранены еще съ большею легкостью. Германскій сеймъ точно также не могъ стать противъ желанія короля Вильгельма присоединить къ Пруссіи злополучныя герцогства. Правда, федеральныя войска Ганновера и Саксоніи занимали еще Гольштинію, но Пруссіи достаточно было съ твердостью заявить, что миссія германскаго союза окончена,—чтобы эти войска были выведены изъ страны, въ которой фактическое господство принадлежало теперь исключительно Пруссіи и Австріи. Вмѣшательство въ дѣло иностранныхъ державъ точно также не пугало болѣе Пруссіи. Послѣ того какъ лондонской конференціи европейскія державы умыли себѣ руки и предоставили Данію на произволъ побѣдителей, развѣ можно было опасаться ихъ военнаго вмѣшательства, а всякое другое было не страшно, и притомъ изъ-за какихъ-то герцогствъ Шлезвига и Гольштиніи.

Оставалась, слѣдовательно, одна Австрія, съ которою приходилось считаться; но Австрія давно уже была для Пруссіи бѣльмомъ

на глазу, которое чѣмъ скорѣе будетъ снято, тѣмъ лучше. Исторія дипломатическаго похода Пруссіи противъ Австріи отъ окончанія датской войны до полнаго разрыва, до войны 1866 года, составляетъ истинный chef d'oeuvre политики короля Вильгельма и его сподвижника Бисмарка. Никогда, кажется, дипломатическое искусство не достигало такой высокой степени. Изученіе постепеннаго перехода отъ вопроса шлезвигъ-гольштейнскаго къ вопросу прусско-австрійскому должно быть вмѣнено въ обязанность каждому, посвятившему себя дипломатической карьерѣ.

Искусно затянувъ Австрію въ войну съ Даніей, наперекоръ желанію другихъ нѣмецкихъ государствъ, Пруссія тѣмъ самымъ достигла давно намѣченной цѣли — нарушить доброе согласіе между Австріей и второстепенными нѣмецкими государствами. Благодаря этой войнѣ Австрія сразу утратила симпатіи германскаго союза, среди котораго она пользовалась до того наибольшимъ вліяніемъ. Когда Австрія догадалась о томъ, — было уже поздно. Сознавая свое неловкое положеніе въ дѣлѣ герцогствъ, Австрія пожелала предоставить разрѣшеніе вопроса о герцогствахъ на усмотрѣніе сейма, но Пруссія рѣшительно объявила, что Шлезвигъ-Гольштейнъ уступленъ въ полную собственность императору австрійскому и королю прусскому, и что поэтому германскому союзу не можетъ быть никакого дѣла до судьбы герцогствъ.

Неудача съ этой стороны заставила австрійскій кабинетъ настаивать на кандидатурѣ герцога Аугустенбургскаго, но правительство Вильгельма поставило такія условія для признанія герцога Фридриха владѣтельнымъ княземъ Шлезвигъ-Гольштейна, что даже этотъ послѣдній долженъ былъ ихъ отклонить. Пруссія требовала, чтобы вся дѣйствительная власть принадлежала, въ интересахъ будто бы цѣлой Германіи, ей одной. Вмѣстѣ съ этимъ прусское правительство внутри герцогствъ стало дѣйствовать въ духѣ, прямо враждебномъ Австріи, причемъ эта послѣдняя въ рѣзкихъ нотахъ обвинялась въ томъ, будто она всяческими интригами противодѣйствуетъ водворенію порядка и спокойствія въ герцогствахъ. Населеніе герцогствъ выражало, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе свое сочувствіе герцогу Аугустенбургскому, проживавшему въ Килѣ. Тогда прусскій кабинетъ рѣшился настоять на изгнаніи герцога изъ предѣловъ Шлезвигъ-Гольштейна, что, въ концѣ-концовъ, и было приведено въ исполненіе.

Во время обмѣна рѣзкихъ нотъ между двумя кабинетами, правительство короля Вильгельма выражало, наконецъ открыто, свои конечныя вожделѣнія. Наилучшее же разрѣшеніе вопроса, по мнѣнію Пруссіи, заключалось въ простомъ присоединеніи этихъ двухъ провинцій къ прусскому королевству. Австрія отвѣтила на такой планъ горя-

чимъ протестомъ. Какое бы предложеніе ни дѣлалось австрійскимъ кабинетомъ, прусское правительство изыскивало средства признавать всѣ такія предложенія неисполнимыми. Оно тотчасъ выставляло контръ-предложеніе, обставляя его такими условіями, въ непринятіи которыхъ само было заранѣе увѣрено.

Благодаря такой политикѣ, отношенія между двумя союзниками каждый день становились все болѣе натянутыми, и враждебность, выразившаяся во взаимныхъ нотахъ, была такова, что къ лѣту 1865 года война между ними висѣла, что называется, на волоскѣ. Во время пребыванія лѣтомъ 1865 года короля Вильгельма въ Карлсбадѣ каждый день собирался совѣтъ, на которомъ присутствовали Бисмаркъ и главные руководители военнаго дѣла Пруссіи. Никто не сомнѣвался въ томъ, что̀ именно обсуждалось на этихъ совѣтахъ. Карлсбадъ и Вѣна продолжали обмѣниваться враждебными нотами. Изъ Карлсбада летѣли приказанія въ Берлинъ относительно военныхъ приготовленій; намѣреніе Пруссіи разрѣшить споръ оружіемъ ни для кого не было тайной. Король Вильгельмъ, однако, колебался. „Кто напрасно вызываетъ,—писалъ онъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ принцу Альберту,—тотъ не легко найдетъ себѣ союзниковъ, это моя постоянная фраза въ разговорахъ съ иностранными дипломатами; но я высказываю это потому, что таково мое глубокое убѣжденіе“. Это убѣжденіе короля Вильгельма сдерживало ближайшихъ его совѣтниковъ, громко заявлявшихъ, что наступилъ моментъ покончить разъ навсегда съ старой соперницей Пруссіи. Король Вильгельмъ какъ нельзя лучше сознавалъ, что, начиная войну съ Австріей, ни одна изъ европейскихъ державъ не признаетъ, чтобы право было на его сторонѣ. Но этотъ вопросъ о правѣ, вѣроятно, не имѣлъ бы рѣшающаго въ дѣлѣ значенія, еслибы Пруссія въ это время запаслась уже союзникомъ и была вполнѣ увѣрена, что Франція не воспользуется случаемъ, чтобы потребовать округленія своихъ границъ со стороны нѣмецкаго Рейна. Пруссія въ это время не могла еще обладать такою увѣренностью, она явилась нѣсколько позже и была результатомъ столько же необычайно искусной политики Бисмарка, сколько и необычайнаго ослѣпленія правителя Франціи. Начинать же войну одной, безъ союзниковъ, окруженной явнымъ недоброжелательствомъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, среди разгара борьбы у себя дома, съ народнымъ представительствомъ, было дѣломъ рискованнымъ, а король Вильгельмъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые бросаются опрометчиво въ какое-либо дѣло, не взвѣсивъ тщательно всѣхъ шансовъ успѣха или неудачи. Вильгельмъ умѣлъ быть настойчивымъ, когда онъ признавалъ то нужнымъ, и онъ

же умѣлъ въ извѣстныхъ случаяхъ противиться даже вліянію такого лица, какъ Бисмаркъ.

Благодаря естественному колебанію короля Вильгельма, въ ту самую минуту, когда вся Европа прислушивалась уже, не раздастся ли первый выстрѣлъ, телеграфъ оповѣстилъ, что между Пруссіей и Австріей заключена конвенція въ Гастейнѣ, гдѣ пребывалъ въ то время король Вильгельмъ. 14-го августа 1865 года заключена была гастейнская конвенція, согласно которой Австрія и Пруссія устанавливали временный modus vivendi въ завоеванныхъ провинціяхъ. До окончательнаго разрѣшенія вопроса о герцогствахъ Пруссія занимала Шлезвигъ, Австрія—Гольштинію, а небольшой клочокъ Лауэнбурга уступался Пруссіи за денежное вознагражденіе въ $2^1/_2$ милліоновъ датскихъ риксъ-далеровъ.

Гастейнская конвенція произвела самое дурное впечатлѣніе въ Европѣ, и въ особенности въ Германіи. Вмѣсто окончательнаго разрѣшенія вопроса являлось какое-то перемиріе между Австріей и Пруссіей, грозившее повлечь за собою самыя серьезныя осложненія въ ближайшемъ будущемъ. Всѣ понимали очень хорошо, что война не устранена, а только отдалена на нѣкоторое, неопредѣленное время; болѣе же дальнозоркіе политики видѣли, что устраненіе войны и не входило вовсе въ планы короля Вильгельма и его совѣтника. И дѣйствительно, гастейнская конвенція послужила лишь сигналомъ для рѣшительнаго приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ.

Но самое удручающее впечатлѣніе заключенный договоръ между Пруссіей и Австріей произвелъ на либеральное общественное мнѣніе Германіи. Вмѣсто признанія права шлезвигъ-голштинскаго народа на самостоятельное существованіе, вмѣсто признанія нераздѣльности двухъ герцогствъ, союзныя державы разорвали эти два герцогства на части, подчинивъ ихъ различнымъ управленіямъ. Гастейнская конвенція служила очевиднымъ доказательствомъ, что война съ Даніей начата была не изъ національныхъ интересовъ, какъ это признавалось оффиціально, а лишь въ видахъ расширенія границъ Пруссіи. Недовѣріе къ послѣдней усилилось на нѣсколько градусовъ, но такое недовѣріе уже весьма мало вѣсило на политическихъ вѣсахъ прусскаго правительства.

При томъ впечатлѣніи, какое произвелъ на общественное мнѣніе Германіи весь образъ дѣйствій короля Вильгельма въ вопросѣ о герцогствахъ, правительство не должно было ожидать, что легкая побѣда надъ Даніей, преисполнивъ гордостью сердца народныхъ представителей, заставитъ ихъ сдаться на капитуляцію. Открывая палаты въ 1865 г., король Вильгельмъ высказывалъ увѣренность, что побѣды, одержанныя прусскимъ оружіемъ, побудятъ народное представитель-

ство признать, что правительство было право, преслѣдуя, наперекоръ палатѣ, военную организацію, которая на дѣлѣ уже доказала всѣмъ важное значеніе. Онъ выражалъ надежду, что побѣды, одержанныя новой арміей, устранятъ навсегда конфликтъ между правительствомъ и палатой. Всѣ такія надежды оказались тщетными. Никогда еще, въ продолженіе трехъ лѣтъ, какъ длился уже конфликтъ, палата и правительство не доходили до такихъ рѣзкихъ самообвиненій. Палата клеймила правительственную систему какъ реакціонную, анти-конституціонную; она бросала въ короля, черезъ голову министровъ, прямое обвиненіе въ нарушеніи всѣхъ своихъ обѣщаній; она отвергла всѣ правительственные проекты, новый военный законъ, расходы на преобразованіе арміи; она даже признала противозаконно израсходованными суммы, потребовавшіяся на веденіе войны съ Даніей. Оппозиція переходила изъ анти-правительственной въ анти-династическую; въ цѣлой странѣ сказывались тревожные симптомы, которыми никогда нельзя долго пренебрегать. Для того, чтобы добиться капитуляціи народнаго представительства, требовались иного рода побѣды, чѣмъ побѣда надъ слабосильною Даніей, не давшая никакого удовлетворенія нѣмецкому чувству; нужны были какія-либо рѣшительныя событія, какой-нибудь ошеломляющій успѣхъ—для того, чтобы заставить позабыть требованія политической свободы и сплотить весь народъ въ одномъ сознаніи своей силы, своего могущества. Къ обезпеченію такого успѣха и обратились теперь всѣ помыслы короля Вильгельма и всѣ удивительныя дипломатическія способности его министра.

VII.

Не успѣло еще высохнуть перо, которымъ была подписана гастейнская конвенція, какъ ближайшій совѣтникъ короля Вильгельма направился въ Біаррицъ для переговоровъ съ Наполеономъ. Никто, конечно, не можетъ знать, въ чемъ состояли эти переговоры, какими сладкими рѣчами усыпилъ Бисмаркъ своего флегматическаго собесѣдника, но самая сущность и цѣль этихъ переговоровъ обнаружились очень скоро. Война съ Австріей была рѣшена въ принципѣ, и рѣшена гораздо ранѣе, чѣмъ была подписана гастейнская конвенція. Для обезпеченія успѣха этой войны необходимы были два условія: союзъ съ какою либо державою, которая раздѣлила бы австрійскія военныя силы, а главное, увѣренность въ нейтралитетѣ Франціи. Италія была готовой союзницей всякаго государства въ борьбѣ противъ Австріи. Венеція находилась еще подъ владычествомъ Австріи; національное же чувство итальянцевъ, разъ пробужденное, не

могло успокоиться до тѣхъ поръ, пока Венеція не вернется въ лоно единой Италіи. Еще до гастейнской конвенціи, когда отношенія между Австріей и Пруссіей начинали обостряться, прусское правительство ощупало уже почву союза съ Италіей. Прусскій посланникъ во Флоренціи имѣлъ уже конфиденціальные разговоры съ первымъ министромъ Ламморморой о заключеніи союза на случай войны съ Австріей. Отвѣтъ былъ благопріятный. Италія охотно готова была вступить въ такой союзъ для возвращенія Венеціи, но подъ однимъ лишь условіемъ: согласія на то Франціи. Бисмаркъ хорошо понималъ, что всѣ переговоры съ Италіей будутъ напрасны, прежде чѣмъ онъ не заручится согласіемъ Наполеона, и онъ спѣшилъ въ Біарриць. Успѣхъ оказался самый полный. Наполеонъ не противился заключенію союза между Пруссіей и Италіей. Согласіе же на этотъ союзъ гарантировало Пруссіи нейтралитетъ Франціи, хотя бы она и не дала никакого письменнаго ручательства. Могла ли Франція вступаться за Австрію, когда, вступаясь за нее, она тѣмъ самымъ разрушила бы дѣло своихъ собственныхъ рукъ—Италію. Такимъ образомъ, союзъ съ Италіей былъ выгоденъ для Пруссіи съ двухъ сторонъ: онъ оттягивалъ значительныя силы Австріи отъ поля сраженія въ Германіи, съ другой—онъ гарантировалъ ей нейтралитетъ государства, наиболѣе для нея опаснаго.

Италія, всегда осторожная и опасавшаяся попасться въ какую-нибудь западню, не довѣряя вполнѣ Пруссіи, требовала формальнаго заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза. Монархическое чувство снова заговорило въ королѣ Вильгельмѣ, но, правда, не надолго. Союзъ между монархическою Пруссіею и революціонною Италіей, союзъ противъ нѣмецкой державы, не могъ не оскорблять сторонниковъ монархіи божественнаго права; но мы уже сказали, что король Вильгельмъ умѣлъ примирять абстрактныя монархическія идеи съ конкретными интересами могущества своего государства. Союзъ былъ рѣшенъ; монархическая Пруссія протянула руку революціонной Италіи и наполеоновской Франціи, и тѣмъ доказала, что разумная политика должна руководиться не формами правленія, существующими въ той или другой странѣ, не общностью династическихъ стремленій, а исключительно государственными интересами въ широкомъ смыслѣ этого слова. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде, чѣмъ союзъ этотъ отлился въ опредѣленную форму. Въ Берлинъ прибылъ уполномоченный итальянскимъ королемъ для заключенія союза, генералъ Говоне, но условія союза вызвали долгіе переговоры. Обѣ стороны продолжали относиться недовѣрчиво другъ къ другу. Король Вильгельмъ желалъ, чтобы въ союзномъ договорѣ было опредѣлено, что Италія возьметъ

на себя объявленіе войны Австріи, и только затѣмъ выступитъ Пруссія; но предложеніе это, достаточно характерное, было отвергнуто итальянскимъ уполномоченнымъ. Послѣ того какъ всѣ многочисленныя препятствія были устранены, и устранены съ большими затрудненіями, 8-го апрѣля 1866 г. подписанъ былъ союзный договоръ, начинавшійся сдѣлавшимися въ настоящее время обычными двусмысленными фразами, въ которыхъ говорилось, что прусскій и итальянскій короли, „воодушевленные одинаковымъ желаніемъ усилить гарантіи всеобщаго мира...", назначили такихъ-то и такихъ уполномоченныхъ. Договоръ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что срокъ его истекалъ черезъ три мѣсяца. Въ теченіе этого времени долженъ былъ быть найденъ поводъ для войны. Поводъ этотъ, впрочемъ, былъ достаточно подготовленъ или, вѣрнѣе, онъ не прекращался со времени окончанія датской войны. Перемиріе, созданное гастейнской конвенціей, было чрезвычайно кратковременно. Враждебность между двумя союзниками не замедлила обнаружиться. Когда же нейтралитетъ Франціи и союзъ съ Италіей были обезпечены, то правительство короля Вильгельма съ необычайной энергіей повело дѣло къ конечной развязкѣ.

Поведеніе Пруссіи въ этотъ подготовительный періодъ къ войнѣ преслѣдовало двоякую цѣль: во-первыхъ, вселить убѣжденіе среди европейскихъ государствъ, что не Пруссія, а Австрія подала поводъ къ войнѣ; и, во-вторыхъ, доказать, что король Вильгельмъ взялся за оружіе, не ради интересовъ одной Пруссіи, а во имя обширной нѣмецкой родины. Герцогства служили первой цѣли, а внезапно потребованная реформа германскаго союза—второй.

Король Вильгельмъ отправилъ для управленія Шлезвигомъ генерала Мантейфеля, который тотчасъ же далъ почувствовать населенію свою желѣзную руку. Онъ обращался съ избавленнымъ отъ „датскаго гнета" герцогствомъ какъ съ покоренною прусскимъ оружіемъ враждебною землею. Поведеніе генерала Мантейфеля вызывало тѣмъ болѣе рѣзкія жалобы и протесты, что въ то же самое время австрійскій уполномоченный генералъ Гобленцъ располагалъ къ себѣ населеніе Гольштиніи своею мягкостью, строгимъ соблюденіемъ законности и справедливости. Эти двѣ противоположныя системы управленія въ оторванныхъ отъ Даніи герцогствахъ тотчасъ же отозвались на отношеніяхъ двухъ кабинетовъ. Пруссія упрекала Австрію, что она потворствуетъ герцогу Аугустенбургскому, которому генералъ Мантейфель грозилъ арестомъ въ случаѣ его появленія въ Шлезвигѣ; Австрія возражала, что Пруссія нарушаетъ гастейнскую конвенцію, поощряя искусственную агитацію въ пользу присоединенія герцогствъ къ Пруссіи. На упреки, обращенные генераломъ Мантей-

фелемъ къ генералу Гобленцу за его излишнюю терпимость, послѣдній отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ порученія управлять герцогствомъ въ духѣ турецкаго паши. Этотъ антагонизмъ между двумя системами управленія вызвалъ опять безконечный обмѣнъ враждебныхъ нотъ. Австрія,—утверждалось въ прусскихъ депешахъ,—выполняетъ гастейнскую конвенцію въ духѣ прямо враждебномъ Пруссіи, чего она не можетъ болѣе терпѣть; Австрія потворствуетъ въ герцогствахъ революціоннымъ стремленіямъ, прикрывающимся именемъ герцога Фридриха Аугустенбургскаго; Австрія не отказывается отъ своей обычной враждебной къ Пруссіи политики, которой долженъ быть положенъ конецъ. Австрія отвѣчала: Пруссія обвиняетъ ее, потому что австрійское правительство противодѣйствуетъ планамъ насильственнаго присоединенія герцогствъ къ Пруссіи; Австрія не допуститъ вмѣшательства Пруссіи въ дѣла Гольштиніи, управленіе которою предоставлено гастейнской конвенціей ей, Австріи; Пруссія дѣлаетъ всевозможное, чтобы вызвать разрывъ между двумя государствами. Такой тонъ депешъ отзывался порохомъ, и оба правительства стали дѣятельно готовиться къ войнѣ. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ держатся „тайные“ военные совѣты, о которыхъ спѣшитъ передать телеграфъ во всѣ концы свѣта. Военныя мѣры, принимаемыя въ Вѣнѣ, вполнѣ тождественныя съ мѣрами, принимаемыми въ Берлинѣ, служатъ поводомъ правительству Вильгельма требовать отъ австрійскаго кабинета объясненій по поводу военныхъ приготовленій Австріи. Пруссія желала убѣдить Европу, что не она вызываетъ войну, что Австрія должна быть признана виновницей готовящагося кровопролитія.

Военныя приготовленія въ Италіи вызвали въ Вѣнѣ крайнее безпокойство. Секретъ союза между Италіей и Пруссіей хранился такъ свято, что Австрія стала о немъ догадываться лишь тогда, когда союзъ этотъ былъ окончательно оформленъ. При дворѣ короля Вильгельма Австрія имѣла еще въ то время много искреннихъ друзей и въ томъ числѣ вдовствующую королеву. Черезъ нее австрійскій кабинетъ старался разузнать правду относительно этого союза, но король Вильгельмъ, охраняя государственные интересы, отвѣчалъ на ея вопросъ, что никакого союза между Пруссіей и Италіей не существуетъ. Австрія было-успокоилась, но передвиженія итальянскихъ войскъ раскрыли ей глаза. Она такъ мало желала войны, что готова была на все, лишь бы устранить кровавую развязку. Предложеніе Австріи отмѣнить мобилизацію было отвергнуто Пруссіей косвеннымъ образомъ, путемъ контръ-предложенія Австріи отмѣнить всѣ ея военныя приготовленія не только на прусской границѣ, но и на итальянской. Такое предложеніе было немыслимо, такъ какъ Австрія не могла оставаться беззащитной со стороны Италіи, дѣятельно го-

товившейся къ войнѣ. Великій историческій моментъ, долженствовавшій разрѣшить вѣковое соперничество между двумя нѣмецкими державами, приближался быстрыми шагами.

На чью сторону въ этомъ послѣднемъ спорѣ станутъ второстепенныя нѣмецкія государства, на чьей сторонѣ окажется нѣмецкое чувство? Австрія первая обратилась къ союзнымъ нѣмецкимъ государствамъ съ конфиденціальною нотою, въ которой, указывая на вызывающее положеніе, занятое Пруссіей, просила германскій союзъ воспользоваться принадлежащими ему правами для предупрежденія войны между двумя союзными государствами, предоставляя вмѣстѣ съ тѣмъ сейму окончательное рѣшеніе вопроса о герцогствахъ. Нѣсколько дней спустя правительство короля Вильгельма обратилось къ тѣмъ же нѣмецкимъ государствамъ съ запросомъ, можетъ ли оно разсчитывать на ихъ помощь въ случаѣ объявленія Пруссіи войны со стороны Австріи или если даже сама Пруссія вынуждена будетъ объявить войну Австріи подъ давленіемъ угрожающаго положенія послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ прусскій кабинетъ взваливалъ на Австрію всю отвѣтственность, обвиняя ее въ воинственныхъ замыслахъ. Обращаясь къ второстепеннымъ нѣмецкимъ государствамъ, Вильгельмъ не желалъ покровительства германскаго союза—напротивъ, онъ указывалъ на порочность федеральной организаціи и заявлялъ, что не замедлитъ внести проектъ реформы союза.

Реформа федеральнаго союза и сопротивленіе таковой со стороны Австріи должны были, согласно союзному договору съ Италіей, служить поводомъ къ объявленію войны. Вотъ почему на другой же день послѣ подписанія союзнаго договора съ Италіей, т.-е. 19-го апрѣля 1866 г., Пруссія предложила союзному совѣту свой проектъ реформы. Согласно этому проекту Пруссія предоставляетъ себѣ первенствующую роль во всѣхъ военныхъ дѣлахъ союза; но главная новизна и оригинальность прусскаго проекта заключались въ требованіи созванія нѣмецкаго парламента, избраннаго посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Само собою разумѣется, что прусское правительство вовсе не предполагало даже возможнымъ серьезное обсужденіе ея проекта въ такое время, когда напряженіе, вызванное скопившимися военными тучами, достигло наивысшей степени. Но ему нужно было, съ одной стороны, заручиться формальнымъ поводомъ къ разрыву съ Австріей, съ другой—доказать Европѣ, что Пруссія обнажаетъ оружіе не ради корыстнаго вопроса о присоединеніи герцогствъ, а ради великаго національнаго вопроса.

Австрія, съ своей стороны, дѣлала все, чтобы доказать эгоистическія цѣли, исключительно преслѣдуемыя Пруссіей. Признавая, что вопросъ о герцогствахъ служитъ источникомъ возростающей враждеб-

ности между двумя государствами, она предложила оффиціально Пруссіи передать этотъ злополучный вопросъ на окончательное разрѣшеніе германскаго сейма. Пруссія отвѣчала гордо, что германскому сейму нечего вмѣшиваться въ дѣла герцогствъ, составляющихъ собственность, согласно вѣнскому договору, короля прусскаго и императора австрійскаго. Несмотря на такое отклоненіе предложенія австрійскаго правительства, послѣднее все-таки рѣшилось внести этотъ вопросъ на рѣшеніе германскаго сейма, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявило, что оно созываетъ народное собраніе въ Гольштиніи, дабы услышать законный голосъ страны. Такой оборотъ дѣла вовсе не входилъ въ разсчеты правительства короля Вильгельма, порѣшившаго объявить, что такая мѣра, какъ противная гастейнской конвенціи, не можетъ быть допущена Пруссіей. Австрія не остановилась передъ подобнымъ заявленіемъ, и 5-го іюня послѣдовало объявленіе о созваніи народнаго собранія въ Гольштиніи. Пруссія рѣшилась тогда на крайнюю мѣру, дѣлавшую невозможнымъ всякое отступленіе назадъ. Генералъ Мантейфель занялъ войсками Гольштинію и объявилъ, что именемъ короля онъ беретъ на себя правительственную власть въ герцогствѣ. Генералъ Гобленцъ съ австрійскими войсками отступилъ въ южную часть Гольштиніи.

Въ то же самое время, ведя дѣло быстро къ развязкѣ, прусское правительство вполнѣ сознавало враждебное къ себѣ настроеніе германскаго союза, а потому разослало второстепеннымъ нѣмецкимъ государствамъ циркулярную ноту въ разъясненіе предложеннаго имъ проекта реформы. Согласно этому разъясненію, Пруссія требовала теперь прямого исключенія Австріи изъ германскаго союза. Какъ бы въ отвѣтъ на это предложеніе, Австрія потребовала отъ союза, въ виду насильственныхъ дѣйствій Пруссіи въ герцогствѣ, мобилизаціи союзныхъ корпусовъ. Несмотря на энергическій протестъ прусскаго представителя, предложеніе Австріи было вотировано и принято большинствомъ голосовъ. Баварія, Саксонія, Вюртембергъ, Ганноверъ, Нассау—словомъ, всѣ главные изъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ оказались на сторонѣ Австріи.

Тогда прусскій посланникъ при сеймѣ, именемъ своего короля, объявилъ, что союзный договоръ нарушенъ, Пруссія не считаетъ себя болѣе связанною имъ, и признаетъ самый германскій союзъ болѣе несуществующимъ. Такъ окончилъ свое историческое поприще германскій союзъ, это худосочное дѣтище вѣнскаго конгресса, всегда слабое, безсильное и служившее только поводомъ для внутренняго раздора въ Германіи. Братоубійственная война не могла быть болѣе предотвращена. „Огонь и желѣзо“ вступили въ свои права. Всѣ попытки предотвратить кровавое столкновеніе нѣмцевъ съ нѣмцами

оказались безплодными. Была, впрочемъ, минута, когда блеснула надежда, что война можетъ быть еще устранена. Въ самый разгаръ военныхъ приготовленій Наполеонъ III, разыгрывавшій въ то время роль вершителя европейскихъ судебъ, предложилъ европейскимъ государствамъ собраться на конгрессъ для разрѣшенія дипломатическимъ путемъ спорныхъ вопросовъ.

Нужно отдать справедливость королю Вильгельму: онъ рѣшился на войну съ Австріей далеко не съ „легкимъ сердцемъ". Несмотря на противодѣйствіе своего перваго министра, король Вильгельмъ изъявилъ свое согласіе участвовать въ конгрессѣ. Препятствіе къ осуществленію мысли о конгрессѣ явилось оттуда, откуда его менѣе всего слѣдовало ожидать. Слѣпота поразила Австрію. Условіемъ своего участія въ конгрессѣ она поставила исключеніе такихъ комбинацій, въ силу которыхъ то или другое изъ участвующихъ на конгрессѣ государствъ могло бы получить территоріальное увеличеніе. При такомъ условіи конгрессъ терялъ всякій смыслъ. Правда, нѣкоторое время спустя Австрія опомнилась и предлагала даже добровольную уступку Венеціи, лишь бы обезпечить себѣ нейтралитетъ Франціи и Италіи, но было уже поздно. Италія признавала себя связанною словомъ и отказалась отъ предложенія Австріи.

Несмотря на союзъ съ Италіей и на бо́льшую или мѐньшую увѣренность въ нейтралитетѣ Франціи, война между Пруссіей и Австріей начиналась при условіяхъ, которыя легко могли смущать душу короля Вильгельма. Кругомъ себя онъ видѣлъ лишь одну злобу и ненависть. Не только всѣ нѣмецкія правительства, но и общественное мнѣніе въ самой Пруссіи громко высказывалось противъ этой братоубійственной войны. Никто не хотѣлъ видѣть въ начинавшемся кровопролитіи войну изъ-за высшихъ интересовъ, изъ-за блага Германіи, изъ-за излюбленной идеи нѣмецкаго единства; въ ней видѣли только войну, предпринимаемую исключительно изъ-за династическихъ интересовъ, изъ-за недостойнаго стремленія увеличить территорію Пруссіи. Во всѣхъ большихъ городахъ, даже въ самомъ Берлинѣ, устраивались многочисленныя собранія, единогласно протестовавшія противъ войны одной части Германіи съ другою; со всѣхъ сторонъ слались королю адресы съ выраженіемъ почти открытаго негодованія въ виду войны, признававшейся и безцѣльною, и безнравственною. Палата представителей не маскировала своихъ чувствъ. Она отнеслась къ поведенію правительства съ самымъ безпощаднымъ порицаніемъ, громко заявляя, что такая война недостойна цивилизованнаго государства. Правительство распустило палату, но съ ея чувствами была солидарна вся страна; проклятія и ненависть напутствовали правительство. Судьба Гогенцоллернской династіи была постав-

лена на карту. Только блестящая побѣда могла спасти ее. Король Вильгельмъ вѣрилъ въ свою звѣзду, но еще болѣе въ силу своей арміи. Отступать было нельзя. Жребій былъ брошенъ. 19-го іюля прусское правительство обратилось съ требованіемъ къ Саксоніи, къ Ганноверу, къ Гессенъ-Касселю, чтобы всѣ эти государства привели свои военныя силы на мирное положеніе и изъявили согласіе на созваніе парламента согласно первоначальному предложенію Пруссіи. Въ противномъ случаѣ Пруссія начнетъ противъ нихъ военныя дѣйствія. Двадцать-четыре часа было предоставлено имъ для принятія того или другого рѣшенія.

На другой день всѣ три государства послали отрицательный отвѣтъ, протестуя противъ насилія прусскаго правительства. Въ тотъ же самый день прусскія войска вошли въ предѣлы Саксоніи, Ганновера и Гессенъ-Касселя. 18-го іюня король Вильгельмъ издалъ два манифеста, одинъ обращенный къ прусскому народу, другой—къ цѣлой нѣмецкой націи. Въ первомъ изъ этихъ двухъ манифестовъ король возлагалъ отвѣтственность войны на Австрію, напоминалъ народу его воодушевленіе 1813 г. и торжественно обѣщалъ, если Богъ благословитъ его оружіе, осуществить идею нѣмецкаго единства.

Въ другомъ манифестѣ король Вильгельмъ объявлялъ, что онъ начинаетъ войну не только ради независимости Пруссіи, но столько же во имя національнаго развитія Германіи, что войско его—не врагъ нѣмецкаго населенія, что Пруссія чтитъ его независимость, и выражалъ надежду, въ близкомъ будущемъ, увидѣть его представителей въ національномъ парламентѣ для совмѣстнаго обсужденія судьбы общей нѣмецкой родины.

Предсказаніе короля Вильгельма сбылось съ поразительною быстротою. Вмѣсто ожидавшейся долгой и упорной борьбы, война была начата и окончена въ нѣсколько дней. 3-го іюля 1866 г. Австрія была разбита на голову. Битва при Садовой рѣшила судьбу не только Пруссіи, но и цѣлой Германіи. Король Вильгельмъ вздохнулъ свободно, онъ становился дѣйствительнымъ властелиномъ Германіи.

Впечатлѣніе, произведенное страшнымъ разгромомъ Австріи, было по истинѣ ошеломляющее. Въ одинъ день Пруссія на глазахъ всей Европы выросла въ великую, могущественную военную державу. Не мудрено, что у побѣдителей закружилась голова. Король Вильгельмъ настаивалъ на вступленіи прусской арміи въ Вѣну; онъ желалъ теперь крупныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. Не только Ганноверъ, Нассау, Гессенъ-Кассель, Франкфуртъ, но вся Саксонія и часть Баваріи должны были служить военною добычею Пруссіи. Ближайшій совѣтникъ короля Вильгельма испугался его честолюбивыхъ замысловъ. „Если мы не будемъ — писалъ въ то время

главный сподвижникъ короля Вильгельма—слишкомъ требовательны въ нашихъ притязаніяхъ, если мы не будемъ воображать, что мы завоевали цѣлый міръ,—мы заключимъ тогда выгодный миръ. Но мы также скоро пьянѣемъ отъ успѣха, какъ и падаемъ духомъ, и на мнѣ лежитъ неблагодарная задача подливать воды въ вино, которое пѣнится, и напоминать, что мы живемъ въ Европѣ не одни, и что у насъ есть три сосѣда".

Къ охлаждающему вліянію Бисмарка присоединилось еще и давленіе Наполеона III, за которое четыре года спустя онъ долженъ былъ заплатить дорогою цѣною. На другой день послѣ битвы при Садовой императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ Наполеону, предлагая уступить ему Венецію, если онъ согласится принять на себя посредничество въ мирныхъ переговорахъ. Венеція была принята, Наполеонъ предложилъ воюющимъ сторонамъ свое посредничество, отъ котораго, безъ риска утратить плоды своей побѣды, король Вильгельмъ отказаться не могъ. 26-го іюля подписаны были въ Никольсбургѣ предварительныя условія мира, выбросившія Австрію изъ германскаго союза и обезпечившія Пруссіи господствующее положеніе въ Германіи. Саксонія была спасена, но только послѣ упорнаго сопротивленія короля Вильгельма, который долженъ былъ удовольствоваться присоединеніемъ къ Пруссіи королевства Ганновера, герцогства Нассау, Гессенъ-Касселя, Франкфурта и герцогствъ Шлезвигъ-Гольштейна.

Мѣсяцъ спустя послѣ Садовой состоялся торжественный въѣздъ короля Вильгельма въ Берлинъ. Отъ враждебнаго настроенія оппозиціи не осталось даже воспоминанія. Короля привѣтствовали теперь шумными криками радости и восторга, въ немъ видѣли спасителя родины, на него смотрѣли какъ на творца нѣмецкаго единства. Съ этой минуты популярность короля Вильгельма уже не знала затмѣній.

Е. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1888 г.

Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю.—Возможно ли введеніе въ этомъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей? — Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами.—Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованіемъ остзейскихъ судебныхъ учрежденій. — Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ. — Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ.

За преобразованіемъ полиціи, о которомъ мы говорили въ предъидущемъ обозрѣніи, должна послѣдовать въ остзейскомъ краѣ судебная реформа, гораздо болѣе радикальная чѣмъ та, которая была проектирована неосуществившимся закономъ 28-го мая 1880 г. Тогда предполагалось ввести въ прибалтійскихъ губерніяхъ только мировыя судебныя установленія; теперь имѣется въ виду примѣнить къ нимъ судебные уставы въ полномъ ихъ объемѣ, но съ существенно-важными измѣненіями. Газетные слухи, повидимому достовѣрные, даютъ намъ возможность судить о характерѣ этихъ измѣненій.

Наиболѣе существенное изъ нихъ—это нераспространеніе на остзейскія губерніи института присяжныхъ засѣдателей. Прибалтійскій край ставится, въ этомъ отношеніи, на одинъ уровень съ царствомъ польскимъ и съ Кавказомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ представляетъ гораздо больше сходства съ губерніями сѣверо-западными и юго-западными, въ которыхъ отправленіе уголовнаго правосудія совершается съ участіемъ присяжныхъ. Намъ неизвѣстны, въ точности, соображенія, въ силу которыхъ остзейская почва признается неудобной для учрежденія, дѣйствующаго уже почти четверть вѣка въ самыхъ различныхъ областяхъ имперіи; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что главную роль играетъ здѣсь разноплеменность и разноязычность населенія. Тѣ же самыя условія существуютъ, однако, въ судебныхъ округахъ кіевскомъ и виленскомъ, ничуть не мѣшая правильной, спокойной дѣятельности института присяжныхъ

засѣдателей. Между литвинами, бѣлоруссами, малоруссами, евреями, поляками знаніе и пониманіе русскаго языка распространено развѣ немногимъ больше, чѣмъ между нѣмцами, эстами и латышами. Скажемъ болѣе: даже въ губерніяхъ великорусскихъ встрѣчаются мѣстности, въ которыхъ значительная часть населенія (татары, мордва, черемисы и т. п.) не понимаетъ или плохо понимаетъ по-русски—а никому не приходило въ голову установлять для этихъ мѣстностей какое-либо особое судоустройство или судопроизводство. Отъ уѣздныхъ коммиссій, составляющихъ списки присяжныхъ, зависитъ включать въ эти списки только людей, достаточно знающихъ русскій языкъ—а такихъ людей въ прибалтійскомъ краѣ и теперь нашлось бы немало, и число ихъ увеличивалось бы съ каждымъ годомъ. Что касается до племенной вражды, то едва ли малороссы Подоліи и Волыни чувствуютъ ее къ полякамъ и евреямъ въ меньшей степени, чѣмъ эсты и латыши—къ нѣмцамъ; однако до сихъ поръ никто еще не находилъ, чтобы отправленіе уголовнаго правосудія въ юго-западной окраинѣ Россіи извращалось національными предразсудками, національными страстями. Замѣтимъ, что общія судебныя мѣста новаго типа открыты въ сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ *позже*, чѣмъ въ царствѣ польскомъ; нельзя утверждать, слѣдовательно, чтобы невозможность существованія суда присяжныхъ въ мѣстностяхъ съ населеніемъ не чисто русскимъ была возведена въ принципъ, отъ котораго въ послѣднее время не допускалось никакихъ отступленій. Мы далеки отъ мысли, чтобы судъ присяжныхъ былъ неумѣстенъ, въ настоящее время, въ царствѣ польскомъ; мы убѣждены, наоборотъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, немедленное его открытіе не могло бы принести ничего, кромѣ пользы—но все же мы должны признать, что противъ распространенія его на эту область можно привести больше возраженій, чѣмъ противъ примѣненія его къ остзейскому краю. Царство польское выдержало цѣлый рядъ потрясеній, какихъ никогда не переживали Эстляндія, Лифляндія и Курляндія; со времени присоединенія его къ Россіи не прошло и трехъ четвертей вѣка, уничтоженіе его политической обособленности закончилось еще гораздо позже. Въ 1876 г., когда состоялась въ привислянскомъ краѣ судебная реформа, воспоминанія о послѣднемъ возстаніи были еще совершенно свѣжи; призвать населеніе къ какой бы то ни было самостоятельной дѣятельности казалось безусловно немыслимымъ. Объ остзейскихъ губерніяхъ нельзя сказать ничего подобнаго. Каково бы ни было настроеніе высшихъ слоевъ остзейскаго общества, объ открытомъ противодѣйствіи власти и закону они никогда не помышляли; нѣтъ основанія подозрѣвать ихъ въ томъ, что новая общественная функція была бы обращена ими въ орудіе

политической агитаціи. Напротивъ того, очутившись на однѣхъ скамьяхъ съ представителями презираемой ими до сихъ поръ эстолатышской массы, они пріучились бы мало-по-малу видѣть въ крестьянахъ полноправныхъ гражданъ и прониклись бы сознаніемъ равенства всѣхъ передъ закономъ. Въ составѣ присутствія присяжныхъ нѣмецкій элементъ, всегда или почти всегда, притомъ находился бы въ меньшинствѣ — и уже поэтому одному нельзя было бы опасаться постановленія рѣшеній подъ его диктовку. Что касается до массы населенія, то она готова идти на встрѣчу всему русскому, лишь бы только оно было безспорно и очевидно лучше туземнаго; она готова поддерживать преобразовательныя стремленія правительства—и лучшимъ средствомъ упрочить эту поддержку было бы именно *довѣріе* къ благоразумію и здравому смыслу латышей и эстовъ. По отзыву людей, близко знакомыхъ съ краемъ, привычка заниматься общественными дѣлами распространена между крестьянами, особенно въ Лифляндіи, довольно широко, и отправленіе обязанностей присяжнаго не оказалось бы непосильнымъ для „лучшихъ людей“ изъ среды остзейскаго крестьянства. Но, можетъ быть, крестьянское большинство въ составѣ присутствія присяжныхъ стало бы относиться слишкомъ строго къ подсудимымъ изъ числа землевладѣльцевъ, осуждая ихъ не столько за преступленіе, составляющее предметъ дѣла, сколько за прежнія прегрѣшенія цѣлаго сословія? Не говоря уже о томъ, что противъ увлеченій этого рода существуетъ противовѣсъ, въ видѣ права коронныхъ судей передать неправильно разрѣшенное дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, — самая возможность увлеченій кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Одно дѣло —выражать нерасположеніе къ извѣстному общественному классу, осуждать его дѣятельность въ прошедшемъ, бороться противъ нея въ настоящемъ; другое дѣло—обрушиваться на одно лицо изъ среды этого класса и вымѣщать на немъ дѣйствительную или предполагаемую вину его собратій. Заключать отъ наличности перваго къ неминуемости второго было бы большой ошибкой. Торжественность судебной обстановки, присяга, сознаніе громадной нравственной отвѣтственности—все это располагаетъ присяжныхъ къ безпристрастію, заставляетъ ихъ отрѣшаться отъ своихъ симпатій и антипатій. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они основываютъ свой вердиктъ на обстоятельствахъ дѣла, а не на постороннихъ соображеніяхъ, не на предубѣжденіи противъ среды, къ которой принадлежитъ обвиняемый. Нѣтъ никакого повода думать, что въ остзейскомъ краѣ присяжные стали бы поступать иначе... А между тѣмъ нераспространеніе на этотъ край общерусскаго института присяжныхъ было бы явнымъ и весьма серьезнымъ отступленіемъ отъ главной цѣли всѣхъ

задуманныхъ преобразованій: объединенія прибалтійской окраины съ центральными губерніями Россіи.

Не предполагается ли, впрочемъ, достигнуть единства другимъ путемъ—*повсемѣстнымъ упраздненіемъ суда присяжныхъ*? Весьма можетъ быть, что такова, дѣйствительно, задача наиболѣе прямолинейныхъ газетныхъ „преобразователей наоборотъ"; но она, во всякомъ случаѣ, не поставлена еще на очередь и рисуется лишь вдали, въ качествѣ завѣтнаго идеала. Нельзя, слѣдовательно, оправдывать ею невведеніе суда присяжныхъ въ остзейскомъ краѣ. Остзейское населеніе будетъ знать, что рядомъ съ нимъ и при условіяхъ иногда совершенно однородныхъ дѣйствуетъ другая форма суда—дѣйствуетъ не только между русскими псковского уѣзда, но и между ямбургскими финнами, между динабургскими бѣлоруссами, между шавельскою жмудью (мы нарочно называемъ уѣзды, смежные съ прибалтійскими губерніями). Это неизбѣжно приведетъ къ сравненіямъ, которыя не могутъ быть выгодны для короннаго суда. Не касаясь общаго вопроса о достоинствахъ и недостаткахъ обѣихъ главныхъ системъ судоустройства, мы укажемъ только на одно обстоятельство, чрезвычайно важное съ занимающей насъ точки зрѣнія. Слабыми сторонами уголовнаго процесса, дѣйствующаго теперь въ прибалтійскихъ губерніяхъ, представляются, между прочимъ, многочисленность инстанцій и преобладаніе письменности. Понятно, что новая форма суда тѣмъ скорѣе заслужитъ довѣріе и расположеніе населенія, чѣмъ больше она будетъ свободна отъ этихъ слабыхъ сторонъ. Между тѣмъ отсутствіе суда присяжныхъ влечетъ за собою необходимость апелляціоннаго производства, которое, въ свою очередь, увеличиваетъ число инстанцій и даетъ мертвой буквѣ перевѣсъ надъ живымъ словомъ. Судебная палата рѣдко можетъ воспроизвести судебное слѣдствіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно происходило въ первой инстанціи; въ большинствѣ случаевъ она вынуждена руководствоваться слѣдственными актами и протоколами окружнаго суда и постановлять рѣшеніе, не выслушавъ свидѣтелей и даже не видавъ подсудимаго. Въ самыхъ важныхъ чертахъ новая система уголовнаго процесса, проектируемая для остзейскаго края, слишкомъ мало, такимъ образомъ, будетъ отличаться отъ нынѣшней. Это еще не все. Трудно допустить, чтобы въ практикѣ преобразованныхъ судебныхъ учрежденій не встрѣтилось, въ скоромъ времени, такихъ дѣлъ, которыя обратятъ на себя вниманіе всего края и сдѣлаются пробнымъ камнемъ для новыхъ порядковъ. При существованіи суда присяжныхъ главная отвѣтственность за рѣшеніе этихъ дѣлъ пала бы на мѣстное населеніе; ошибки, увлеченія не могли бы быть поставлены на счетъ центральной власти—а въ рѣшеніяхъ судей, ею назначенныхъ и отъ нея зависимыхъ, обще-

ственное мнѣніе будетъ расположено видѣть именно ея вліяніе, ея волю. Какъ учрежденіе исключительно правительственное, новый судъ сдѣлается предметомъ систематически-враждебнаго вниманія; каждый шагъ его будетъ подвергаться комментаріямъ, для него неблагопріятнымъ, каждый приговоръ по спорному дѣлу будетъ заносимъ въ лѣтопись судебныхъ ошибокъ. Въ уголовномъ судѣ, составленномъ изъ чиновниковъ-юристовъ, развиваются, сплошь и рядомъ, недостатки sui generis—пренебреженіе къ бытовой сторонѣ дѣла, пристрастіе къ письменности, высокомѣрное отношеніе къ подсудимымъ, въ особенности обостряющіяся тамъ, гдѣ къ задачамъ чисто-судебнымъ примѣшивается политическая „миссія". Судъ, сознающій себя носителемъ государственнаго начала и орудіемъ національнаго объединенія, рѣдко остается судомъ въ высшемъ, лучшемъ смыслѣ этого слова. Въ нашу ежедневную печать проникли недавно, изъ отдаленной окраины государства, свѣденія объ одномъ дѣлѣ, по которому рѣшеніе судебной палаты, постановленное безъ участія присяжныхъ, было кассировано, между прочимъ, вслѣдствіе помѣщенія въ немъ выраженій, оскорбительныхъ для подсудимаго. Представимъ себѣ, что аналогичный случай повторится въ одной изъ палатъ, на которыя предполагается возложить разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ по апелляціямъ на окружные суды прибалтійскихъ губерній; ударъ новому суду это нанесетъ почти непоправимый. Въ остзейскомъ краѣ есть общественное мнѣніе,—и оно не преминетъ воспользоваться желаннымъ поводомъ, чтобы возвѣстить urbi et orbi беззаконіе *русскаго* суда.

Мы только-что сказали, что прибалтійскіе окружные суды имѣется въ виду подчинить двумъ судебнымъ палатамъ, т.-е. распредѣлить между двумя судебными округами (петербургскимъ и виленскимъ). Это значительно увеличитъ, для бо́льшей части остзейскаго края, разстояніе между обѣими судебными инстанціями, и слѣдовательно еще сильнѣе затруднитъ личную явку въ палату, еще больше ограничитъ роль устнаго разбирательства. Не менѣе существенны и другія неудобства, сопряженныя съ проектируемою системой. Въ остзейскомъ краѣ дѣйствуетъ мѣстное гражданское право, очень мало сходное съ общерусскимъ; каждая губернія имѣетъ, сверхъ того, свои особенности, также требующія изученія. Сосредоточеніе всѣхъ гражданскихъ дѣлъ, поступающихъ изъ прибалтійскихъ окружныхъ судовъ, въ одной судебной палатѣ (подобно тому, какъ они сосредоточены теперь въ одномъ департаментѣ стараго сената) позволило бы дать этой палатѣ такой личный составъ, для котораго были бы вполнѣ доступны самые сложные и трудные юридическіе вопросы, возникающіе на почвѣ мѣстнаго законодательства. По отношенію къ двумъ

палатамъ достигнуть этой цѣли будетъ гораздо труднѣе. Безусловно несогласнымъ съ экономіей силъ, у насъ болѣе необходимой, чѣмъ гдѣ бы то ни было, было бы раздѣленіе лифляндской губерніи между двумя судебными округами, такъ чтобы сѣверная ея половина — съ окружнымъ судомъ въ Дерптѣ или Феллинѣ—была подвѣдомственна петербургской, а южная половина, съ окружнымъ судомъ въ Ригѣ — виленской судебной палатѣ. Въ обѣ палаты пришлось бы назначать членовъ, знакомыхъ съ лифляндскими мѣстными законами — и эти члены были бы лишены возможности помогать другъ другу своими знаніями.

Изъ-за чего же проектируется подчиненіе остзейскихъ губерній не одной, а двумъ различнымъ судебнымъ палатамъ? Быть можетъ, изъ-за того, что ни по пространству, ни по населенности прибалтійскія губерніи не соотвѣтствуютъ обыкновеннымъ размѣрамъ судебнаго округа? Но въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало бы прибавить къ нимъ одну или двѣ изъ числа сосѣднихъ губерній (напримѣръ, витебскую или ковенскую). Важно не то, чтобы прибалтійскій край имѣлъ свою особенную судебную палату, вѣдающую *единственно* его судебныя дѣла—важно то, чтобы всѣ эти дѣла были сосредоточены въ одной судебной палатѣ, хотя бы ея кругъ дѣйствій и простирался за предѣлы остзейскихъ губерній. Если предметомъ опасеній является учрежденіе судебной палаты въ такомъ городѣ, какъ Рига, т.-е. въ центрѣ специфическаго остзейскаго „сепаратизма“, то нельзя не спросить себя, почему же не было признано опаснымъ открыть судебную палату въ Варшавѣ — городѣ, безъ сомнѣнія, еще гораздо менѣе расположенномъ ко всему русскому, чѣмъ Рига? Варшавская судебная палата существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ—а между тѣмъ никто еще не утверждалъ, чтобы она подпала подъ власть польскихъ вліяній. Судя по примѣру привислянскихъ губерній, можно предполагать, что къ участію въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ остзейскаго края—какъ въ первой степени суда, такъ и во второй—будутъ призваны отчасти мѣстные юристы, отчасти судьи русскаго происхожденія. Первые останутся вѣрными своимъ традиціямъ, все равно, будутъ ли они жить въ Ригѣ, въ Вильнѣ или въ Петербургѣ; послѣднихъ Рига, конечно, не онѣмечитъ, какъ не ополячила Варшава русскихъ членовъ варшавской судебной палаты. Остается еще одинъ возможный мотивъ раздробленія остзейскихъ губерній между двумя судебными округами: это—предположеніе, что при отсутствіи одного судебнаго центра скорѣе и легче исчезнетъ теперешняя обособленность прибалтійскаго края. Трудно допустить, однако, чтобы успѣшный ходъ объединенія зависѣлъ отъ того или другого устройства второй судебной инстанціи. При распространеніи судебной ре-

формы на царство польское никто, сколько намъ извѣстно, не предлагалъ раздѣлить его между двумя судебными округами, подчинивъ сѣверную половину царства, напримѣръ, виленской или петербургской, южную—кіевской или одесской судебной палатѣ; никто не выражалъ опасенія, чтобы соединеніе *всѣхъ* привислянскихъ губерній—и *только* этихъ губерній—въ одинъ самостоятельный судебный округъ повредило сближенію царства польскаго съ имперіей. Мы не видимъ причины, по которой возможное и удобное для привислянскихъ губерній представлялось бы невозможнымъ или неудобнымъ для прибалтійскихъ. Раздробленіе остзейскаго края между двумя судебными округами не устранитъ дѣйствія мѣстныхъ гражданскихъ законовъ, не ограничитъ ни въ чемъ ихъ значенія и силы. Какимъ и сколькимъ бы судебнымъ палатамъ ни пришлось примѣнять остзейское законодательство, во всякомъ случаѣ онѣ должны будутъ примѣнять его согласно съ его внутреннимъ духомъ и смысломъ, не стараясь сглаживать его особенности, не стремясь къ искусственному сближенію его съ общерусскимъ правомъ. Дѣятельность суда меньше всего должна быть тенденціозной; не его дѣло заботиться объ уничтоженіи или смягченіи различій, существующихъ между окраиной и центромъ. Отмѣна мѣстныхъ законовъ, общая или частная, можетъ исходить лишь отъ законодательной власти; судъ можетъ только слѣдовать за нею по этому пути, а отнюдь не предрѣшать ея задачу, не забѣгать впередъ, не подкапываться подъ правила, сохраняющія, до поры до времени, свою обязательную силу. Большой ошибкой, слѣдовательно, было бы ожидать отъ суда, чтобы онъ, оставаясь на почвѣ *мѣстныхъ* законовъ, проводилъ въ жизнь воззрѣнія и принципы, согласные съ духомъ *русскаго* законодательства. Скажемъ болѣе: такая роль кажется намъ рѣшительно несовмѣстной съ призваніемъ и назначеніемъ суда. Мы не думаемъ, чтобы суду подобало быть проводникомъ государственныхъ началъ въ народное сознаніе; онъ существуетъ вовсе не для этого, подобно тому, какъ не для этого существуютъ церковь и школа. Законность и справедливость — вотъ единственные идеалы, достойные суда; ихъ осуществленіемъ исчерпывается его призваніе, подобно тому какъ призваніе церкви ограничивается утвержденіемъ вѣры, призваніе школы—распространеніемъ знаній и нравственнаго развитія. Конечно, служа законности и справедливости, судъ всегда служитъ, этимъ самымъ, и государству или государственнымъ началамъ; но далеко не столь вѣрнымъ было бы обратное положеніе. Государственныя начала—или, лучше сказать, то, что въ данную минуту ошибочно признается государственнымъ началомъ —требуютъ многда нарушенія законности и справедливости. Посвящая себя систематическому, намѣренному проведенію государственныхъ

началъ, судъ рискуетъ упустить изъ виду свою настоящую цѣль, сбиться съ своей прямой дороги...

Мы видѣли уже, что однимъ изъ препятствій къ введенію въ остзейскомъ краѣ суда присяжныхъ признается разноязычность мѣстнаго населенія. Это заставляетъ насъ коснуться другой существенной черты проектируемаго преобразованія. Законъ 28-го мая 1880 г. установлялъ для мировыхъ учрежденій остзейскаго края почти полное равенство четырехъ языковъ—русскаго, нѣмецкаго, эстонскаго и латышскаго. На любомъ изъ этихъ языковъ могли быть подаваемы прошенія и жалобы, на любомъ изъ нихъ могли объясняться стороны, свидѣтели, эксперты; резолюціи предполагалось объявлять на языкѣ, понятномъ сторонамъ. Только для протоколовъ и рѣшеній обязательно было употребленіе либо русскаго, либо нѣмецкаго языка; сторонамъ предоставлялось, однако, просить о выдачѣ копій съ протоколовъ и рѣшеній въ переводѣ на эстонское или латышское нарѣчіе. Переводчиковъ при мировыхъ судьяхъ совсѣмъ не полагалось. Отъ всѣхъ этихъ правилъ, вовсе, къ сожалѣнію, не осуществившихся на практикѣ, теперь предполагается отступить, признавъ употребленіе русскаго языка безусловно обязательнымъ какъ въ бумагахъ, подаваемыхъ въ судъ и судомъ составляемыхъ, такъ и въ словесныхъ объясненіяхъ на судѣ, — и притомъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ наравнѣ съ общими. Исключеніе допускается только для прошеній, подаваемыхъ содержащимися подъ стражей или касающихся возбужденія уголовнаго преслѣдованія; ихъ разрѣшается писать на языкахъ нѣмецкомъ, эстонскомъ и латышскомъ. До извѣстной степени русскій языкъ вводится даже въ крестьянскіе суды, съ проектируемой реорганизаціей которыхъ мы познакомимъ нашихъ читателей въ одномъ изъ ближайшихъ обозрѣній. На русскомъ языкѣ должны быть написаны рѣшенія и приговоры верхнихъ крестьянскихъ судовъ, а также приносимыя на нихъ кассаціонныя и частныя жалобы. Въ волостномъ судѣ вся переписка и дѣлопроизводство должны происходить на русскомъ языкѣ, если половина населенія волостного судебнаго участка говоритъ по-русски.

Въ нашихъ глазахъ порядокъ, предначертанный закономъ 28-го мая 1880 г., имѣлъ громадныя преимущества передъ порядкомъ, проектируемымъ въ настоящее время. Онъ гарантировалъ, прежде всего, назначеніе въ мировые судьи такихъ только лицъ, которымъ хорошо знакомы три языка: русскій, нѣмецкій и эстонскій или латышскій (смотря по тому, на какомъ изъ двухъ послѣднихъ говорятъ въ данной мѣстности). Это знакомство необходимо для того, чтобы мировой судья былъ дѣйствительно близокъ къ населенію, чтобы оно могло видѣть въ немъ не чужака, не пришельца, а своего человѣка,

способнаго понять его положеніе и принять къ сердцу его интересы. Мировой судъ долженъ быть вполнѣ доступенъ для населенія—а доступность обусловливается, между прочимъ, возможностью обращаться къ суду на родномъ языкѣ и на томъ же языкѣ получать отъ него отвѣты. Нетрудно себѣ представить, съ какими неудобствами будетъ сопряжено для массы населенія, особенно въ первое время, написаніе прошеній и жалобъ на русскомъ языкѣ, въ какой степени это подниметъ издержки процесса и нарушитъ равенство между сторонами, знающими и незнающими по-русски. Не слѣдуетъ утѣшать себя мыслью, что въ мировомъ судѣ письменность необязательна, что эстъ или латышъ можетъ объяснить свою просьбу или жалобу на словахъ, послѣ чего она, съ помощью переводчика, состоящаго при каждомъ мировомъ судѣ, будетъ записана въ протоколъ на русскомъ языкѣ. Отъ вольнонаемныхъ переводчиковъ, особенно въ захолустныхъ мѣстностяхъ, трудно ожидать такого основательнаго знакомства съ русскимъ языкомъ, чтобы ихъ содѣйствіе могло служить ручательствомъ въ правильномъ изложеніи просьбы—а поправить допущенную при этомъ ошибку будетъ не легко и даже не всегда возможно. Кромѣ того, переводу на русскій языкъ будутъ подлежать не только жалобы и просьбы, но и бумаги, представляемыя въ видѣ доказательствъ—а переводъ этихъ бумагъ не будетъ лежать на обязанности переводчика, состоящаго при мировомъ судѣ; о немъ долженъ будетъ позаботиться самъ тяжущійся, и необходимая услуга, конечно, будетъ оказана ему не безвозмездно. При судоговореніи участіе переводчика также не будетъ гарантировать вѣрной передачи объясненій. Нуженъ большой навыкъ, нужно отличное знаніе обоихъ языковъ, чтобы тотчасъ же, безъ приготовленія и обдумыванья, представить устный переводъ сказаннаго, ничего не измѣняя и не пропуская. Затрудненіе, въ данномъ случаѣ, увеличивается еще тѣмъ, что переводить придется съ двухъ языковъ—нѣмецкаго и эстонскаго или латышскаго, а переводчикъ будетъ только одинъ. Не говоримъ уже о томъ, до какой степени необходимость переводить каждое слово замедляетъ, усложняетъ судебное разбирательство, лишаетъ его живыхъ красокъ, притупляетъ вниманіе судьи. Одно изъ двухъ: или судья понимаетъ языкъ, на которомъ говорятъ участвующіе въ дѣлѣ, или не понимаетъ. Въ первомъ случаѣ переводъ обращается въ пустую формальность, тягостную для судьи, безполезную для сторонъ, иногда рѣшительно несовмѣстную съ достоинствомъ правосудія. Представимъ себѣ, что переводчикъ невѣрно передаетъ подсудимому вопросъ судьи. Судья замѣчаетъ ошибку, останавливаетъ переводчика, повторяетъ вопросъ еще разъ, подчеркивая неправильно переведенныя слова; но переводчику опять не удается понять и съ точностью

воспроизвести сказанное судьею. Что̀ дѣлать, затѣмъ, судьѣ? Оставить ошибку безъ исправленія онъ не въ правѣ, потому что это можетъ повліять на рѣшеніе дѣла; достать другого переводчика негдѣ, откладывать дѣло неудобно и напрасно, потому что и при слѣдующемъ разборѣ можетъ повториться та же самая исторія. Очевидно, что въ концѣ концовъ судьѣ придется самому заговорить на чужомъ языкѣ и, доказавъ, такимъ образомъ, что этотъ языкъ ему хорошо извѣстенъ, опять замкнуться въ формальное игнорированіе его, опять выслушивать безтолковаго и непонятливаго переводчика. Не думаемъ, чтобы это могло возвысить авторитетъ судьи и расположить населеніе къ новымъ судебнымъ порядкамъ. Еще болѣе серьезны неудобства, сопряженныя съ дѣйствительнымъ незнаніемъ судьею нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій. Не имѣя возможности контролировать точность перевода, онъ будетъ принимать его на вѣру и руководствоваться, въ сущности, не тѣмъ, что̀ объясняютъ участвующіе въ дѣлѣ, а тѣмъ, что̀ благоволитъ сообщить переводчикъ. Понятно, что со стороны послѣдняго будетъ возможно не только невольное, но и намѣренное искаженіе истины. Между присутствующими въ засѣданіи могутъ оказаться люди, хорошо понимающіе и русскій языкъ, и тотъ, на которомъ говорятъ участвующіе въ дѣлѣ. Они могутъ замѣтить ошибки переводчика, но не будутъ имѣть права указать на нихъ судьѣ—и по всему краю вскорѣ пройдетъ слухъ, что русскіе судьи рѣшаютъ дѣла, не зная настоящаго ихъ содержанія. Насколько желательна такая молва — это не требуетъ объясненій.

Намъ могутъ возразить, что порядокъ, цѣлесообразность котораго мы отрицаемъ, существуетъ на всѣхъ окраинахъ имперіи, и что нѣтъ основанія дѣлать изъ него исключеніе для однѣхъ остзейскихъ губерній, тѣмъ болѣе, что именно здѣсь прилагаются теперь особыя усилія къ возможно бо̀льшему распространенію русскаго языка. Съ нашей точки зрѣнія нѣтъ, конечно, никакой разницы между мѣстными нарѣчіями, и мы далеки отъ мысли, чтобы одни изъ нихъ заслуживали охраны въ бо̀льшей степени, чѣмъ другія; но если невозможно равенство правъ, то отсюда еще не вытекаетъ неизбѣжно равенство безправія. Если въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи мѣстныя нарѣчія безусловно и безповоротно вытѣснены изъ суда, управленія и школы, то это еще не значитъ, чтобы та же самая участь должна была постигнуть ихъ рѣшительно вездѣ. Мы не видимъ причины, по которой порядокъ, установленный, въ этомъ отношеніи, для привислянскихъ губерній, непремѣнно слѣдовало бы примѣнить и къ прибалтійскимъ. Формальное единство желательно, въ нашихъ глазахъ, только тогда, когда оно достигается шагомъ впередъ, а не

шагомъ назадъ. Не прошло еще и десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ населенію остзейскаго края обѣщана была возможность объясняться, въ мировомъ судѣ, на родномъ языкѣ. Законъ 28-го мая 1880 г. не былъ введенъ въ дѣйствіе, указанія опыта не могли, слѣдовательно, обнаружить его непрактичность; чѣмъ же оправдать перемѣну, вносимую въ главнѣйшія его основы? Мировой судъ отнюдь не можетъ быть поставленъ на одинъ уровень съ другими присутственными мѣстами; его близость къ населенію представляется, сама по себѣ, достаточнымъ поводомъ къ сохраненію всего того, чѣмъ обусловливается его доступность. Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ преобладаніе государственнаго языка соединено съ меньшими неудобствами; и здѣсь, однако, правильнѣе было бы допустить употребленіе нѣмецкаго языка и мѣстныхъ нарѣчій въ показаніяхъ сторонъ, свидѣтелей и экспертовъ. Положимъ, что при дѣйствіи такого правила по-нѣмецки, по-эстонски или по-латышски стали бы показывать на судѣ и такія лица, которыя умѣютъ говорить по-русски; но этого не предупредитъ и противоположный порядокъ, потому что нельзя же предоставить суду право удостовѣряться въ справедливости объясненія даннаго лица о незнаніи имъ русскаго языка. *Требовать* русской рѣчи можно только отъ адвокатовъ и отъ должностныхъ лицъ. Объявить русскій языкъ безусловно господствующимъ на судѣ—не значитъ еще, слѣдовательно, уменьшить число показаній и объясненій, представляемыхъ по-нѣмецки или на одномъ изъ мѣстныхъ нарѣчій; единственнымъ послѣдствіемъ этой мѣры весьма легко можетъ оказаться размноженіе переводовъ, слабую сторону которыхъ мы уже указали.

Выкупаются ли затрудненія, сопряженныя съ судебнымъ единодержавіемъ государственнаго языка, полезными послѣдствіями такого порядка? Едва ли. Напрасно было бы ожидать, что онъ принудитъ или побудитъ населеніе къ изученію русскаго языка. Каждый мирный гражданинъ надѣется прожить всю жизнь, не имѣя надобности обращаться къ суду; онъ не станетъ, поэтому, заниматься чуждымъ ему языкомъ только изъ-за маловѣроятныхъ шансовъ возможнаго въ будущемъ процесса. Онъ знаетъ, что въ случаѣ надобности за него будетъ говорить адвокатъ—а если ему придется лично давать показаніе на судѣ, то никто не запретитъ ему употребленіе роднаго языка... Параллельно съ ограниченіемъ правъ, принадлежащихъ мѣстному нарѣчію, ростетъ, сплошь и рядомъ, страстное расположеніе къ нему, какъ къ чему-то преслѣдуемому и угнетаемому—и это расположеніе отнюдь не уменьшается въ такой же мѣрѣ, въ какой распространяется знаніе государственнаго языка. Доказательства этому не трудно найти въ Познани и въ Эльзасѣ. Познанскіе поляки—почти

всѣ, а эльзасцы—рѣшительно всѣ знаютъ по-нѣмецки; но это нисколько не ослабляетъ пристрастія первыхъ ко всему польскому, послѣднихъ —ко всему французскому, нисколько не подвигаетъ впередъ сближеніе ихъ съ Германіей. Судебное разбирательство на русскомъ языкѣ введено въ привислянскомъ краѣ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ; сгладило ли оно хоть сколько-нибудь различіе между этимъ краемъ и имперіей?..

Не менѣе серьезны отступленія отъ закона 28 мая 1880 г., проектируемыя по отношенію къ организаціи мировыхъ судебныхъ установленій; но о нихъ мы поговоримъ въ другой разъ, въ связи съ общимъ вопросомъ объ избраніи или назначеніи мировыхъ судей, все чаще и чаще, съ нѣкоторыхъ поръ, поднимаемымъ нашею періодическою печатью.

Два мѣсяца тому назадъ мы говорили о „компромиссѣ", предложенномъ, по вопросу о земскихъ начальникахъ, однимъ изъ губернскихъ предводителей дворянства. Въ обществѣ полагаютъ, будто бы нѣчто весьма похожее на этотъ компромиссъ весьма возможно и на дѣлѣ; говорятъ, что положеніе о земскихъ начальникахъ, отсроченное, судя по газетнымъ извѣстіямъ, до слѣдующей законодательной сессіи, т.-е. до осени нынѣшняго года, будетъ разсматриваться не въ первоначальномъ его видѣ, а въ новомъ, значительно измѣненномъ. Земскаго начальника предполагается, будто бы, придвинуть какъ можно ближе къ типу мирового посредника. Его вѣденію проектируется предоставить тѣ же самыя судебныя—или *судебно-полицейскія* дѣла, которыя, на основаніи Положеній 19 февраля 1861 г., были подсудны мировому посреднику, а именно дѣла по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хозяйственныя должности, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ полей, луговъ и другихъ угодій и по порубкамъ въ владѣльческихъ лѣсахъ. Къ этому проектируется присоединить вновь еще три категоріи дѣлъ: дѣла по арендованію сельско-хозяйственныхъ оброчныхъ статей, дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (если со времени нарушенія прошло не болѣе шести мѣсяцевъ) и дѣла о проступкахъ, предусмотрѣнныхъ новымъ закономъ (12 іюня 1886 г.) о личномъ наймѣ. Лѣсныя порубки предполагается признать подсудными земскому начальнику независимо отъ общественнаго положенія лѣсовладѣльца, и на одинъ уровень съ ними ставятся нѣкоторые другіе однородные проступки (напр. порча ростущихъ деревьевъ, расчищеніе чужихъ лѣсныхъ угодій и т. п.). Не должны подлежать вѣденію земскихъ начальниковъ тѣ изъ числа вышеупомянутыхъ гражданскихъ дѣлъ, которыя возникаютъ изъ крѣпостныхъ или нотаріальныхъ актовъ, а также тѣ, цѣна ко-

торыхъ превышаетъ 500 рублей. Къ первоначальному проекту положенія о земскихъ начальникахъ были приложены подробныя правила о порядкѣ разбирательства земскими начальниками судебныхъ дѣлъ [1]); теперь эти правила предполагается, будто бы, замѣнить простою ссылкою на тѣ статьи Положенія 19 февраля (о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ), которыми регулировалось производство „судебно-полицейскихъ“ дѣлъ у мировыхъ посредниковъ и въ мировыхъ съѣздахъ. Весьма значительно расширяется, судя по тѣмъ же слухамъ, „административно-карательная“ власть земскихъ начальниковъ, т.-е. право подвергать, безъ суда, аресту и денежному штрафу. По первоначальному проекту эта власть обнимала собою только случаи неисполненія (мѣщанами и крестьянами) законныхъ требованій земскаго начальника и неповиновенія (крестьянъ) должностнымъ лицамъ волостного и сельскаго управленія; теперь въ сферу дѣйствій ея вводится цѣлый рядъ разнообразныхъ проступковъ—противъ правилъ, охраняющихъ благочиніе, благоустройство, личную безопасность и общественное здоровье, противъ уставовъ строительнаго, пожарнаго, путей сообщенія и т. п. За всѣ эти проступки земскому начальнику предоставляется карать (мѣщанъ и крестьянъ) арестомъ до семи дней или штрафомъ до 15 рублей (вмѣсто прежнихъ пяти), съ тѣмъ, что если онъ найдетъ такое наказаніе недостаточно строгимъ, то можетъ направить дѣло къ обыкновенному судебному разбирательству. Мѣры, принятыя земскимъ начальникомъ въ силу предоставляемой ему административно-карательной власти, отмѣнѣ ни въ какомъ случаѣ подлежать не должны; онѣ могутъ быть обжалованы только въ порядкѣ надзора, такъ что даже признаніе ихъ неправильными не освобождаетъ жалобщика отъ обязанности уплатить штрафъ или подвергнуться аресту... По отношенію къ крестьянамъ непосредственное примѣненіе административно-карательной власти могло быть замѣняемо, на основаніи первоначальнаго проекта, передачею виновнаго на распоряженіе волостного суда, равносильною, de facto, присужденію его къ тѣлесному наказанію; теперь эта замѣна распространяется, будто бы, и на живущихъ въ деревнѣ мѣщанъ, для которыхъ вводится обязательная приписка къ волости, съ подчиненіемъ ихъ, на все время пребыванія въ уѣздѣ, крестьянской полиціи и крестьянскому суду... Въ составъ съѣзда земскихъ начальниковъ первоначальный проектъ включалъ лицо прокурорскаго надзора; теперь, говорятъ, это признается излишнимъ. Измѣняется, наконецъ, порядокъ принесенія жалобъ на постановленія гу-

[1]) Изложенію и оцѣнкѣ этихъ правилъ посвящено въ текущемъ году почти всецѣло Внутреннее Обозрѣніе въ февральской книжкѣ нашего журнала.

бернскаго по сельскимъ дѣламъ присутствія. Прежде предполагалось, что *всп.* жалобы этого рода будутъ разсматриваться и разрѣшаться министромъ внутреннихъ дѣлъ; теперь онѣ раздѣляются на два разряда, смотря по свойству обжалованнаго постановленія. Въ вѣденіи министра внутреннихъ дѣлъ оставляются только жалобы на постановленія по дѣламъ административнымъ, а разборъ жалобъ на постановленія по дѣламъ хозяйственнымъ и судебно-полицейскимъ возлагается на второй департаментъ сената.

Если бы дошедшіе до насъ слухи оказались соотвѣтствующими дѣйствительности, то это могло бы послужить доказательствомъ неустойчивости началъ, положенныхъ въ основаніе административной реформы. Исторія законодательныхъ работъ, у насъ и за границей, едва ли представляетъ много примѣровъ замѣны однихъ предположеній, еще не разсмотрѣнныхъ въ законодательномъ порядкѣ, другими, исходящими изъ того же источника. Законопроектъ, выработанный тѣмъ или другимъ органомъ административной власти, является обыкновенно плодомъ продолжительнаго изученія даннаго вопроса, выраженіемъ твердыхъ убѣжденій, одинаково обдуманныхъ и со стороны теоріи, и со стороны практическаго удобства. Перемѣны, сколько-нибудь значительныя, вносятся, поэтому, въ законопроектъ не самими авторами его, а тѣми лицами, которыя призваны къ его повѣркѣ. Само собою разумѣется, что замѣчанія, сдѣланныя этими лицами, могутъ повліять на авторовъ проекта и склонить ихъ къ отступленіямъ, болѣе или менѣе существеннымъ, отъ первоначальнаго ихъ взгляда; но въ настоящемъ случаѣ отступленія предшествовали бы замѣчаніямъ. Проектъ положенія о земскихъ начальникахъ еще не разсмотрѣнъ государственнымъ совѣтомъ—а содержаніе его подверглось бы передѣлкамъ, далеко не маловажнымъ. Удобны ли неоднократныя перемѣны въ основаніяхъ законопроекта, совмѣстны ли онѣ съ тѣмъ внутреннимъ единствомъ, которымъ долженъ отличаться законъ—въ особенности законъ, регулирующій цѣлую отрасль управленія? Удобно ли предлагать на обсужденіе высшаго законодательнаго учрежденія не ту, въ сущности, реформу, которая составляла предметъ первоначальнаго законопроекта? Земскій начальникъ, какъ онъ былъ задуманъ сначала, долженъ былъ замѣнить мирового судью почти по всѣмъ дѣламъ, подсуднымъ, въ настоящее время, мировымъ учрежденіямъ; онъ долженъ былъ оттѣснить мировой судъ на задній планъ, до крайности уменьшить его значеніе и его личный составъ, подготовить совершенную его отмѣну. Теперь, если вѣрить слухамъ, вопросъ ставится иначе: предѣлы вѣдомства мирового суда сокращаются не въ такой мѣрѣ, чтобы можно было значительно ограничить число мировыхъ судей, и вмѣсто одного судьи, бывшаго до сихъ поръ, являются двое

—настоящій и не-настоящій. Прежде предполагалось создать для земскаго начальника такое положеніе, которое позволяло бы ему разрѣшать судебныя дѣла на какихъ-то особыхъ, не-судебныхъ началахъ; съ этою цѣлью составлены были обширныя правила, имѣвшія въ виду устранить недостатки—дѣйствительные или мнимые—судебныхъ уставовъ. Теперь эти правила отлагаются въ сторону, и къ производству дѣлъ у земскаго начальника примѣняется порядокъ, установленный двадцать-семь лѣтъ тому назадъ и отличающійся отъ судебныхъ уставовъ только бо́льшей элементарностью, меньшей опредѣленностью и разработанностью. Прежде административно-карательная власть предоставлялась земскому начальнику именно какъ администратору, съ исключительною цѣлью обезпечить немедленное и точное исполненіе его распоряженій; теперь она вторгается въ сферу вѣдомства судебной власти, въ область дѣлъ чисто-судебныхъ. Прежде кругъ дѣйствій новыхъ судебно-административныхъ учрежденій соединялся хоть однимъ звеномъ съ судебнымъ міромъ, съ о́рганами, спеціально призванными къ охранѣ законности и закона; теперь и это звено (присутствіе въ съѣздѣ земскихъ начальниковъ лица прокурорскаго надзора) признается излишнимъ. Не въ правѣ ли мы были сказать, что законопроектъ, настолько измѣненный, представился бы чѣмъ-то существенно отличнымъ отъ прежняго?

Присмотримся поближе къ отдѣльнымъ перемѣнамъ, перечисленнымъ нами выше. Какъ бы близко сфера дѣйствій земскаго начальника ни подходила къ сферѣ дѣйствій мирового посредника, желанное сходство между тѣмъ и другимъ все-таки достигнуто не будетъ. Обстоятельства, въ 1861 г., были совершенно иныя, чѣмъ въ настоящее время. Уѣздный судъ, лишенный всякаго нравственнаго авторитета, былъ только одинъ на цѣлый уѣздъ и, слѣдовательно, слишкомъ далекъ отъ населенія; полиція не пользовалась ни довѣріемъ общества, ни довѣріемъ власти—а между тѣмъ нужно было замѣнить чѣмъ-нибудь упраздняемую власть помѣщика, нужно было создать учрежденіе, способное къ быстрому и безпристрастному разбору столкновеній между крестьянами и бывшими ихъ владѣльцами. Отсюда подчиненіе мировому посреднику всѣхъ судебно-полицейскихъ дѣлъ, возникавшихъ изъ аграрныхъ отношеній. Никому, въ то время, не могло придти на мысль, чтобы выдѣленіе этихъ дѣлъ изъ вѣдомства полиціи и суда имѣло тенденціозный характеръ, чтобы оно было направлено къ огражденію одного класса въ ущербъ другому, къ спеціальной и исключительной защитѣ земледѣльческихъ интересовъ. Совсѣмъ другой смыслъ имѣло бы обособленіе аграрныхъ дѣлъ теперь, послѣ того какъ они болѣе двадцати лѣтъ находились, на общемъ основаніи, въ вѣденіи судебной

власти. Когда, при равномъ или почти равномъ числѣ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, при равной или почти равной близости ихъ къ населенію, крестьянинъ долженъ будетъ судиться то у одного, то у другого, онъ невольно спроситъ себя: на чемъ основана эта различная подсудность? Если для отвѣта по иску, вытекающему изъ домашней долговой росписки, онъ долженъ отправляться къ мировому судьѣ, то почему же для отвѣта по иску о потравѣ, оцѣненному въ такую же точно сумму, онъ вызывается къ земскому начальнику? Привычка размышлять и разсуждать, пріобрѣтенная въ теченіе четверти вѣка, поможетъ ему разрѣшить эту загадку. Онъ скоро замѣтитъ, что къ земскому начальнику приходится идти тогда, когда въ дѣло замѣшанъ бывшій баринъ или его преемникъ, когда рѣчь идетъ о полѣ, лугѣ, лѣсѣ, о работѣ на землевладѣльца. Если онъ убѣдится при этомъ, что у земскаго начальника дѣло разбирается совсѣмъ не такъ, какъ у мирового судьи, если онъ узнаетъ, что земскіе начальники выбираются изъ числа дворянъ, по указанію предводителей дворянства, то не трудно угадать, къ какому выводу онъ придетъ относительно призванія и цѣли новаго учрежденія, и еще легче понять, какое чувство возбудитъ въ немъ этотъ выводъ... Дѣла о потравахъ, о личномъ наймѣ, о лѣсныхъ порубкахъ имѣютъ такой же точно характеръ, какъ и дѣла, оставляемыя въ вѣденіи мирового судьи; внутренняго различія между тѣми и другими нѣтъ никакого, и если для первыхъ установляется особая подсудность, то это можетъ быть объяснено не чѣмъ инымъ, какъ желаніемъ предрѣшить ихъ исходъ, направить ихъ къ заранѣе намѣченному результату. Земскій начальникъ ставится на мѣсто мирового судьи, очевидно, не для того, чтобы дѣйствовать какъ судья, съ соблюденіемъ обычныхъ судебныхъ пріемовъ. Если для судьи обязательно безпристрастіе, обязательно одинаковое отношеніе ко всѣмъ тяжущимся, независимо отъ ихъ сословныхъ правъ и общественнаго положенія, то для земскаго начальника обязательно нѣчто прямо противоположное. Спеціальное его назначеніе обнаруживается еще яснѣе, если обратить вниманіе на то, въ какомъ направленіи предполагается расширить его судебныя функціи, сравнительно съ функціями мирового посредника и сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ положенія о земскихъ начальникахъ. Ему предоставляется разборъ дѣлъ о сельско-хозяйственныхъ оброчныхъ статьяхъ, о разныхъ лѣсныхъ нарушеніяхъ, о проступкахъ противъ правилъ о личномъ наймѣ. Это все дѣла аграрнаго свойства, и включеніе ихъ въ сферу дѣйствій земскаго начальника равносильно увеличенію охраны землевладѣльческихъ интересовъ. Въ большинствѣ случаевъ то же самое можно сказать и объ искахъ, имѣющихъ предметомъ возстановленіе нару-

шеннаго владѣнія; крестьяне, въ дѣлахъ этого рода, гораздо чаще являются отвѣтчиками, чѣмъ истцами. Отъ первоначальнаго проекта новыя правила о судебной власти земскаго начальника отличались бы тѣмъ, что предѣльной цифрой подсудности по цѣнѣ иска явилась бы сумма почти вдвое высшая противъ прежней—пятьсотъ рублей вмѣсто трехсотъ. И это, очевидно, было бы направлено къ тому, чтобы сдѣлать земскаго начальника рѣшителемъ возможно бо́льшаго числа аграрныхъ споровъ.

Нѣтъ ли, однако, другой черты, общей, болѣе или менѣе, всѣмъ дѣламъ, предоставляемымъ въ вѣденіе земскаго начальника, и объясняющей изъятіе ихъ изъ круга дѣйствій мировыхъ учрежденій? Не отличаются ли они всѣ—и только они—особенною несложностью и ясностью, до крайности облегчающею задачу суда? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Болѣе простого дѣла, чѣмъ взысканіе по безспорному долговому обязательству, нельзя себѣ и представить—а между тѣмъ взысканія этого рода остаются подсудными мировому суду. Наоборотъ, дѣла о лѣсныхъ порубкахъ принадлежатъ къ числу самыхъ трудныхъ, вслѣдствіе шаткости уликъ, на которыхъ, бо́льшею частью, основывается обвиненіе. Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ кассаціонной практикой, тотъ знаетъ, какую массу юридическихъ вопросовъ возбуждаютъ дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія... Или, можетъ быть, дѣла, подсудныя земскимъ начальникамъ, требуютъ особенно быстраго разрѣшенія, особенно энергичныхъ мѣропріятій? И на этотъ вопросъ можно отвѣчать только отрицательно. Мы отказываемся понять, почему въ дѣлѣ о лѣсной порубкѣ нужно дѣйствовать рѣшительнѣе и скорѣе, чѣмъ въ дѣлѣ о конокрадствѣ, почему искъ объ арендныхъ деньгахъ долженъ быть разрѣшенъ съ бо́льшею стремительностью, чѣмъ искъ о взысканіи денегъ по долговому документу. Да и доказано ли еще, что производство дѣлъ у земскихъ начальниковъ будетъ идти, вообще говоря, скорѣе, чѣмъ у мировыхъ судей? Ближе къ населенію земскіе начальники стоять не будутъ, потому что ихъ будетъ почти столько же, сколько теперь мировыхъ судей. Способъ разбора дѣлъ будетъ у нихъ, съ точки зрѣнія быстроты, почти такой же, какъ и въ мировомъ судѣ. Кромѣ судебныхъ дѣлъ, они будутъ обременены множествомъ другихъ занятій, часто совершенно неотложныхъ; имъ придется много разъѣзжать по участку, отлагая иногда, изъ-за этого, уже назначенное судебное разбирательство. Что касается до энергіи, то весь вопросъ въ томъ, что́ разумѣть подъ этимъ словомъ. Если оно означаетъ твердость, не отступающую ни передъ какими препятствіями и затрудненіями, то это качество одинаково необходимо для земскаго начальника и для мирового судьи—и возможно, хотя и далеко не одинаково, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Отъ

энергіи иного рода, заключающейся въ разрубаніи гордіевыхъ узловъ, въ стремленіи на проломъ къ заранѣе опредѣленной цѣли, судья, какъ бы онъ ни назывался и какою бы властью онъ ни былъ облеченъ, долженъ быть совершенно свободенъ...

Разбирая проектъ правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ земскому начальнику [1]), мы нашли въ немъ постановленія двухъ категорій. Одни представляли собою явное и ничѣмъ не оправдываемое отступленіе отъ основныхъ началъ правильнаго судопроизводства; другимъ нельзя было отказать въ практичности и цѣлесообразности. Возставая противъ первыхъ, мы указывали на то, что послѣднія не должны быть пріурочиваемы исключительно къ дѣламъ, подсуднымъ земскому начальнику, что гораздо лучше дать имъ мѣсто въ судебныхъ уставахъ. Какъ бы то ни было, слѣдовало ожидать, что составители правилъ будутъ стоять за нихъ особенно твердо, потому что главной ихъ цѣлью выставлялось достиженіе процессуальныхъ упрощеній и облегченій, благодѣтельныхъ для массы населенія. Трудно повѣрить, чтобы случилось нѣчто совершенно противоположное, чтобы такъ легко могли быть устранены всѣ правила, на составленіе которыхъ потрачено было прежде столько времени и труда, и на мѣсто ихъ были бы поставлены готовыя статьи изъ стараго закона. Это было бы возможно въ такомъ лишь случаѣ, еслибы процессуальнымъ нововведеніямъ не придавалось, въ сущности, никакой цѣны, еслибы польза, которую они должны были принести населенію, играла весьма второстепенную роль между побужденіями составителей проекта. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить нѣкоторыя постановленія „Правилъ“ съ соотвѣтствующими постановленіями Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ. „Правила“ *требовали* періодическаго выѣзда земскихъ начальниковъ въ каждую волость, входящую въ составъ участка, для разбора на мѣстѣ судебныхъ дѣлъ; по смыслу Положенія (ст. 36 и прим. къ ней) разборъ на мѣстѣ *обязателенъ* только тогда, когда предстоитъ допросить въ одномъ селеніи значительное число людей. „Правила“ разрѣшали разборъ дѣла безъ бытности истца; Положеніе (ст. 46 и 47) этого не допускаетъ. Жалоба на рѣшеніе земскаго начальника, за силою „правилъ“, могла быть принесена устно; Положеніе (ст. 75) требуетъ принесенія жалобы на письмѣ. „Правиламъ“ не была извѣстна замѣна устнаго свидѣтельскаго показанія письменнымъ отзывомъ; Положеніе (ст. 45) дозволяетъ такую замѣну. „Правиламъ“ была чужда присяга сторонъ; Положеніе (ст. 64) признаетъ ее судебнымъ доказательствомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 2-мъ „Вѣстн. Европы“ за 1888 г.

лучшее безъ всякой борьбы уступило бы мѣсто худшему. Это представляется немыслимымъ, если одною изъ задачъ реформы является приспособленіе процесса къ потребностямъ народа.

Къ вопросу о расширеніи административно-карательной власти земскаго начальника мы возвратимся въ ближайшемъ обозрѣніи.

Въ концѣ марта, въ органѣ министерства финансовъ, „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли", появилась вѣдомость о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1887 годъ. До этого года министерство финансовъ постоянно публиковало свѣденія о поступившихъ государственныхъ доходахъ и произведенныхъ расходахъ, но лишь помѣсячно, кончая 11 мѣсяцами; за 12 мѣсяцевъ такихъ свѣденій ни разу не было, и съ результатами оборотовъ государственнаго хозяйства за полный годъ печать и общество знакомились лишь изъ отчета государственнаго контроля по исполненію государственной росписи, появляющагося въ концѣ года, слѣдующаго за отчетнымъ. Не публиковало же въ прежнее время вѣдомостей, подобныхъ нынѣ напечатанной въ „Вѣстникѣ", министерство финансовъ, по его объясненію, потому, что казенныя палаты, за недосугомъ, могли сообщать нужныя для этого данныя лишь незадолго до появленія отчета государственнаго контроля; „только въ нынѣшнемъ году—говорится въ „Вѣстникѣ"—признано было возможнымъ потребовать отъ казенныхъ палатъ нѣкотораго ускоренія въ доставленіи краткихъ свѣденій о доходахъ и расходахъ за весь 1887 годъ, съ цѣлью скорѣйшаго опубликованія относящихся къ доходамъ и расходамъ 1887 года данныхъ".

Хотя финансовые результаты истекшаго года могутъ считаться относительно благопріятными, но нельзя не замѣтить, что напечатанная нынѣ министерствомъ финансовъ вѣдомость, несмотря на сопровождающіе ее комментаріи, не можетъ быть удобно понята, безъ тщательныхъ всесторонникъ справокъ, даже лицами, хорошо знакомыми съ порядками составленія росписи и ея исполненія. Самое заглавіе статьи: „Государственные доходы и расходы за 1887 годъ", наводитъ на мысль, будто цифры таблицы представляютъ полный или, по крайней мѣрѣ, приблизительный результатъ оборотовъ по финансовой росписи на 1887 годъ, между тѣмъ онѣ не болѣе, какъ итогъ свѣденій о кассовыхъ оборотахъ казны за 12 мѣсяцевъ, которыми далеко не исчерпывается смѣтный годъ, особенно по расходамъ. Вѣдомость даетъ въ итогѣ слѣдующія цифры: въ 1886 году поступило доходовъ 754.353.000 рублей и произведено расходовъ 820.086.000 р.; въ 1887 году доходовъ 830.868.000 рублей, расходовъ 832.225.000 р.

Изъ этихъ цифръ можно бы заключить: а) что разница въ бюджетныхъ балансахъ 1886 и 1887 годовъ составляетъ въ пользу послѣдняго около 64 мил. рублей; б) что расходы 1887 года всего лишь на $1^1/_2$ мил. рублей превысили доходы, и в) что расходы 1887 года не болѣе, какъ на 12 мил. рублей превышаютъ расходы 1886 года. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи данныхъ, относящихся къ росписямъ указанныхъ лѣтъ, ни для одного изъ упомянутыхъ выводовъ основанія не представится; изъ нихъ нельзя вывести ни понятія, хотя бы приблизительнаго, объ отношеніи бюджетнаго баланса 1887 года къ балансу 1886 года, ни объ отношеніи цифръ расхода за эти года. Несомнѣнное единственно лишь то, что государственныхъ доходовъ въ 1887 поступило значительно больше, нежели въ предшествовавшемъ году. Само по себѣ обстоятельство это весьма утѣшительное, подающее надежду на болѣе удачное, нежели въ 1886 году, заключеніе государственной росписи, но пока нисколько за это не ручающееся, потому что показанная въ вѣдомости цифра расходовъ „за 1887 годъ“ не имѣетъ, какъ это мы объяснимъ ниже, значенія. Между тѣмъ, изъ вѣдомости, сопоставляя цифру дохода, 830 мил. руб., съ цифрой расхода, 832 мил. р., многіе выводили заключеніе о полномъ почти равновѣсіи въ бюджетѣ 1887 года.

Остановимся сперва на доходахъ. Почти всѣ государственные доходы по росписи того или другого года цѣликомъ поступаютъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ этого года; лишь по немногимъ рубрикамъ (подати, выкупные платежи, возвратъ ссудъ, пособія) бываютъ дополнительные взносы въ теченіе такъ-называемаго льготнаго срока, 3—4 первыхъ мѣсяцевъ слѣдующаго за отчетнымъ года. Суммы, поступающія въ льготный срокъ, изъ года въ годъ, приблизительно одинаковы: около 20 мил. рублей. Такъ какъ въ составъ 830 мил. рублей, показанныхъ доходомъ за 1887 годъ, вошло 21 мил. рублей доходовъ льготнаго срока по росписи 1886 года, то можно принять, что 830.868.000 р. дѣйствительно опредѣляютъ весь доходъ по росписи 1887 года, за исключеніемъ лишь суммъ, поступившихъ къ иностраннымъ банкирамъ, не особенно, однако, значительныхъ. Но такъ какъ въ 830 мил. рублей, по всему вѣроятію, вошли отчасти поступленія чрезвычайныя, то опредѣлить степень успѣшности поступленія обыкновенныхъ доходовъ 1887 г. сравненіемъ этой цифры съ цифрами доходовъ предшествовавшихъ лѣтъ нѣтъ возможности. Впрочемъ, это было бы затруднительно еще и потому, что въ составѣ доходныхъ росписей послѣднихъ лѣтъ происходили постоянныя измѣненія. Вслѣдствіе сего, для точной оцѣнки поступленій 1887 года правильнѣе остановиться отдѣльно на главныхъ доходныхъ статьяхъ.

Какъ извѣстно, въ нашей доходной государственной росписи пре-

обладающее значеніе всегда имѣли три статьи: подати, питейный доходъ и таможенный, по которымъ всегда поступало около двухъ третей всѣхъ государственныхъ доходовъ. Наибольшая цифра дохода доставлялась питейнымъ сборомъ, котораго въ 1882 и 1883 годахъ поступило по 253 мил. рублей въ годъ. Но затѣмъ этотъ доходъ, несмотря на возвышеніе въ 1885 году акциза съ 8 на 9 коп. съ градуса, все падалъ и падалъ и доставилъ въ 1886 году всего лишь 236 мил. рублей. Въ 1887 году онъ разомъ поднялся до 257 мил. р., т.-е. увеличился, сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, на 20 мил. рублей. Но изъ этихъ 20 мил. р., по объясненію министерства финансовъ, слѣдуетъ вычесть 7 мил. рублей, относящихся къ доходу 1888 г., такъ какъ, вслѣдствіе увеличеннаго съ 1888 года акциза съ 9 на $9^1/_4$ коп. съ градуса, въ концѣ года, во избѣжаніе приплаты $^1/_4$ к. лишнихъ, происходила усиленная, въ счетъ будущаго, оплата спиртомъ акциза. Если это такъ, то окажется, что питейный доходъ 1887 года на 4 мил. р. ниже дохода 1883 года, несмотря на то, что акцизъ въ 1883 году былъ въ 8 коп. съ градуса. Въ виду этого остается или радоваться уменьшенію спиртныхъ напитковъ въ народѣ, или—вѣрнѣе—признать, что, рядомъ съ увеличеніемъ акциза на спиртъ, но нѣсколько ускореннымъ шагомъ, прогрессировали тайное винокуреніе и контрабандный ввозъ спирта изъ-за границы въ наши предѣлы.

Таможеннаго дохода получено 106 мил. р., болѣе противъ 1886 г. на 1 мил. рублей; но еслибы золотая валюта, въ которой получается таможенная пошлина, при переложеніи въ кредитные рубли, за оба года считалась въ одинаковомъ курсѣ [1]), то въ 1887 г. оказалось бы не увеличеніе, а уменьшеніе на 10 мил. рублей. Что касается до податныхъ сборовъ, то въ 1886 года еще взималась подушная подать съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ суммѣ до 19 м. р., взиманіе которой прекращено въ 1887 году. Впрочемъ, почти на равную сумму съ нихъ увеличены выкупные платежи, въ которые обращена бывшая оброчная подать. Въ 1886 году податей поступило около $77^1/_2$ м. р., а въ 1887 году податей $37^1/_2$ мил. р. и выкупныхъ платежей съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ $41^1/_2$, вмѣсто 79 мил. рублей, болѣе на $1^1/_2$ мил. рублей, но выкупныхъ платежей съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ поступило противъ 1886 года ($44^1/_2$ м. р.) на 4 мил. р. менѣе.

Такимъ образомъ, по главнымъ доходнымъ статьямъ нашего бюджета и въ 1887 году проявилась та же косность, которая замѣчалась

[1]) Въ 1886 г. поступило таможеннаго дохода около 70 мил. р. зол., что́ на кредитные по курсу 1 р. 50 коп. за зол. рубль составило 105 м. р.; въ 1887 году $63^1/_2$ мил. р. зол. по курсу 1 р. 67 коп. составили 106 мил. рублей кред.

и въ предшествующіе года. Увеличеніе питейнаго дохода противъ 1886 года, при уменьшеніи его сравнительно съ тѣми годами, когда акцизъ былъ ниже, едва ли можетъ приниматься въ разсчетъ.

Несравненно удачнѣе, повидимому, было поступленіе другихъ косвенныхъ, болѣе мелкихъ налоговъ, напр. табачнаго, по которому въ 1887 году оказалось превышеніе противъ 1886 года на 20%—получено 24 мил. р. вмѣсто 20 м. р., поступившихъ въ 1886 году. Сахарнаго дохода поступило 24 м. р., болѣе предшествовавшаго года на 8 слишкомъ мил. рублей; впрочемъ, изъ нихъ, по соображеніямъ министерства финансовъ, до 5 мил. рублей принадлежатъ къ доходу не 1887, а 1886 года. Наиболѣе крупное увеличеніе, 22 мил. р., показано по рубрикѣ „поступленія разнаго рода". Въ этой рубрикѣ заключается, слѣдуетъ думать, слишкомъ 14 мил. р. прибылей государственнаго банка, до 1887 года имѣвшихъ особое назначеніе и лишь въ этомъ году впервые занесенныхъ въ общую государственную роспись. По какимъ поступленіямъ произошло увеличеніе на остальные 8 м. р.—догадаться нельзя, точно также какъ и относительно увеличенія на 4 мил. р. поступленій „пособій изъ посторонннихъ источниковъ". Дѣйствительнымъ приращеніемъ доходовъ можетъ считаться увеличеніе почти на 2 мил. р. поступленія 5%-го сбора отъ денежныхъ капиталовъ и на 1 мил. рублей почтоваго и телеграфнаго сбора. Увеличеніе на $2^1/_2$ м. р. дохода отъ казенныхъ имуществъ оказалось, по всей вѣроятности, вслѣдствіе открытія новыхъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и уравновѣшивается новыми эксплоатаціонными расходами на эти дороги.

Изъ сказаннаго видно, что, несмотря на увеличеніе, сравнительно съ предшествовавшими годами, доходовъ по росписи 1887 года, въ исполненіи этой росписи не видно пока задатковъ, позволяющихъ разсчитывать, что, путемъ приращенія доходовъ, можетъ быть достигнуто равновѣсіе между государственными расходами и доходами.

Наибольшій поводъ къ недоразумѣніямъ о значеніи вѣдомости подаетъ, какъ сказано выше, цифра расходовъ, показанная въ вѣдомости за 12 мѣсяцевъ 1887 года въ 832 мил. р., на $1^1/_2$ мил. р. болѣе цифры доходовъ. Но послѣдняя дѣйствительно представляетъ почти цѣликомъ доходы росписью 1887 года; цифра же расходовъ должна еще значительно измѣниться, такъ какъ, во-первыхъ, дѣйствіе смѣты простирается еще на льготный срокъ, т.-е. еще на 3 мѣсяца, а по нѣкоторымъ смѣтамъ и на 4; во-вторыхъ, сверхъ льготнаго срока, расходы по какой-нибудь росписи могутъ производиться еще въ теченіе двухъ лѣтъ по уплатѣ кредиторамъ, занесеннымъ въ именной списокъ, вслѣдствіе неокончennыхъ съ ними разсчетовъ и по строительнымъ кредитамъ. Тѣ и другіе расходы вносятся въ от-

четъ и, дѣйствительно, въ теченіе двухлѣтняго періода производятся почти цѣликомъ.

Насколько сумма двѣнадцатимѣсячнаго расхода можетъ измѣниться вслѣдствіе указанныхъ дополнительныхъ расходовъ—легко увидѣть изъ примѣра послѣднихъ трехъ отчетныхъ лѣтъ:

	Въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ [1]).	Въ теченіе льготнаго срока.	Подлежитъ выдачѣ.	Всего.
Въ отчетахъ обыкновенныхъ расходовъ показано:				
Въ 1884 г.	637	27	64	728
„ 1885 г.	708	27	72	807
„ 1886 г.	736	26	70	832
Чрезвычайныхъ расходовъ:				
Въ 1884 г.	71	4	12	87
„ 1885 г.	81	12	13	106
„ 1886 г.	89½	7	16	112½

Изъ этого видно, что дополнительные расходы, къ тѣмъ, которые произведены въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ, составляютъ по обыкновенному бюджету среднимъ числомъ около 95 мил. рублей, и по чрезвычайному около 20 мил. рублей. Мы просмотрѣли отчеты государственнаго контроля за время послѣ окончанія войны, т.-е. съ 1879 года, и за всѣ эти годы дополнительныхъ обыкновенныхъ расходовъ показано отъ 85 до 100 мил. рублей [2]). Едва ли поэтому можно ожидать, чтобы 1887 годъ составилъ исключеніе изъ такого непрерывно повторяющагося явленія. Все, на что можно разсчитывать—это уменьшеніе дополнительныхъ расходовъ до минимума, который за 8 лѣтъ представляется въ суммѣ 85 мил. р. по обыкновеннымъ расходамъ, и въ 16 м. р. по чрезвычайнымъ, итого 100 м. р., которые, съ расходомъ за 12 мѣсяцевъ 832 м. р., составятъ 932 м. р., менѣе расхода 1886 года на 12 мил. р.

Роспись на 1887 годъ была сведена съ дефицитомъ по обыкновенному бюджету въ 35½ м. р. (829½ м. р. расхода и 793 м. р. дохода), и по чрезвычайному въ 43½ мил. р. (48½ м. р. расхода и 5 м. р. поступленій, не считая займовъ и наличныхъ остатковъ), всего до 80 мил. р. По нами сдѣланному разсчету: 932 мил. расхода, при доходѣ въ 830 м. р.,—дефицитъ простирается до 100 м. р.; но такъ какъ въ число поступившихъ въ теченіе 12-ти мѣсяцевъ доходовъ не вошли заграничныя поступленія, а можетъ быть и нѣкоторыя внутреннія, внесенныя уже въ теченіе льготнаго срока, то можно

[1]) Въ эту графу внесены также расходы, произведенные въ счетъ смѣтъ указанныхъ лѣтъ въ предыдущемъ году, въ размѣрѣ 10—16 мил. рублей.

[2]) За 1877 годъ расходовъ льготнаго срока показано 135 мил. р., и подлежащихъ отпуску 102 мил. рублей.

ожидать, что дефицитъ не выйдетъ изъ предѣловъ, отведенныхъ ему росписью; при болѣе же удачномъ сравнительно поступленіи доходовъ, онъ можетъ оказаться даже еще нѣсколько меньше. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что чрезвычайныя издержки вообще и назначенныя на 1887 годъ въ особенности, какъ издержки производительныя (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ), должны быть исключены изъ суммы дефицита. Въ нашъ счетъ они попали только потому, что данныя вѣдомости, напечатанной министерствомъ финансовъ, не даютъ возможности опредѣлить, какую часть въ издержанныхъ 832 мил. р. составляютъ расходы на чрезвычайныя надобности.

У насъ есть „патріоты“, которые всякаго, кто рѣшается прямо посмотрѣть въ глаза положенію нашихъ финансовъ, обвиняютъ въ недостаткѣ патріотизма, въ подрывѣ нашего кредита и т. п. Имъ часто, по неразумію, вторятъ даже люди иного порядка, забывая, что тотъ, кто заинтересуется серьезно въ нашемъ экономическомъ положеніи, не хуже любого чиновника министерства финансовъ съумѣетъ читать и понимать наши отчеты и росписи; для людей же, дѣйствительно желающихъ подорвать нашъ кредитъ, всякая неясность и неточность въ этихъ отчетахъ и росписяхъ служитъ прекраснымъ средствомъ представить финансовое положеніе въ худшемъ видѣ, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ. Некрасивая правда—лучше и безопаснѣе самой красивой неправды.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1888.

Канцлерскій кризисъ въ Германіи. — „Буланжисты“ во Франціи. — Министерство Флоке и его программа. — Личные успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе. — Увлеченія оппортунистовъ.

Внутренняя политика Германіи зависѣла въ послѣднее время больше отъ врачей, чѣмъ отъ министровъ; всѣ соображенія публицистовъ являлись тѣсно связанными съ вопросомъ о состояніи здоровья императора Фридриха III, и Шарлоттенбургъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ барометра для политическихъ предсказаній и ожиданій. Пока врачи спорятъ о жизни правителя, никогда не можетъ быть и рѣчи о серьезныхъ перемѣнахъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ. Составъ высшей администраціи,—за исключеніемъ придворной,—остался почти тотъ же, какъ и при Вильгельмѣ I. Даже непопулярный министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Путткамеръ, не получилъ себѣ преемника. Тѣмъ не менѣе, полагали, что духъ управленія измѣнился; принципіальныя разногласія между императоромъ и княземъ Бисмаркомъ могли быть скрыты или смягчены на время, а потому родились слухи о канцлерскомъ кризисѣ почти вслѣдъ за торжественнымъ погребеніемъ скончавшагося монарха. Внѣшнимъ поводомъ къ кризису послужило обстоятельство, которое, въ сущности, не должно было бы имѣть никакого отношенія къ политикѣ. Дѣло шло о старомъ проектѣ брака дочери императора, принцессы Викторіи, съ принцемъ Александромъ Баттенбергскимъ, а потому къ этой чисто-семейной исторіи примѣшался вопросъ болгарскій. Политическія соображенія столкнулись съ личными чувствами самой принцессы и съ волею ея матери, императрицы Викторіи; предполагавшійся бракъ по склонности противорѣчилъ, будто бы, политикѣ имперскаго канцлера и возбудилъ съ его стороны рѣшительную оппозицію. Бывшій князь болгарскій, навлекшій на себя неудовольствіе нашего правительства и удаленный изъ княжества при памятныхъ всѣмъ обстоятельствахъ, считался неудобнымъ зятемъ для германскаго императора, уже по одному тому, что берлинская дипломатія въ свое время высказывалась энергически противъ принца Баттенбергскаго. Связи этого принца съ Болгаріею, порванныя оффиціально, сохранили дѣйствительно еще нѣкоторую силу, и имя его не утратило своей популярности въ рядахъ болгар-

ской арміи. Всякій разъ, когда ожидаются въ княжествѣ какія-либо серьезныя событія, неизбѣжно выдвигается кандидатура принца Александра въ той или другой формѣ; и потому можно было опасаться, что значеніе его въ глазахъ болгаръ возростетъ въ громадной степени, если онъ будетъ принятъ въ семью Гогенцоллерновъ. Конечно, принцъ Баттенбергъ могъ бы торжественно отказаться отъ какихъ бы то ни было притязаній на Болгарію, и бракъ его тѣмъ самымъ лишился бы отчасти того сомнительнаго оттѣнка, на который указывалось въ послѣднее время. Но, во всякомъ случаѣ, странно предполагать, что заключеніе какого-либо брачнаго союза способно повліять на взаимныя отношенія двухъ великихъ имперій, если нѣтъ къ тому болѣе серьезныхъ поводовъ. Съ другой же стороны, подобный мотивъ канцлерскаго кризиса и сочувственные комментаріи, вызванные имъ въ значительной части нѣмецкой печати, показываютъ наглядно, въ какой мѣрѣ все еще цѣнится въ Германіи расположеніе къ ней Россіи. Мысль о русско-германскомъ союзѣ, очевидно, не оставлена еще окончательно берлинскими дипломатами и нѣмецкимъ общественнымъ мнѣніемъ; отвергнутая въ настоящемъ, она, какъ будто, сберегается для неизвѣстнаго будущаго, и этотъ остатокъ надежды отражается и во всей новѣйшей политикѣ князя Бисмарка.

Либеральная оппозиція въ Германіи ничего не имѣла противъ осуществленія угрозы канцлера — выйти въ отставку; она полагала, что внутреннее положеніе даже облегчилось бы съ уходомъ политическаго дѣятеля, привыкшаго гнуть все окружающее подъ свою желѣзную волю. Но большинство консерваторовъ и національ-либераловъ смотритъ на удаленіе канцлера какъ на великую опасность для государства; они до сихъ поръ не могутъ представить себѣ Германіи безъ Бисмарка. Организовались даже общественныя петиціи къ императору объ оставленіи канцлера въ его должности до конца его жизни; но если канцлеръ можетъ остаться только въ случаѣ принятія всѣхъ его совѣтовъ и указаній, то, значитъ, въ Германіи большинство желаетъ, въ сущности, чтобы политика новаго царствованія ни въ чемъ не уклонялась отъ традицій Вильгельма I. При этомъ, конечно, забывается то, что нельзя основывать неизмѣнность политики великой державы на личности одного министра; преклонный возрастъ, достигнутый канцлеромъ, имѣетъ также свой предѣлъ.

Исторія Франціи за послѣднее время превратилась вся въ исторію генерала Буланже,—и въ этомъ одномъ заключается и весь печальный смыслъ этой исторіи, и вся опасность для близкаго будущаго цѣлой страны. Газетная полемика, предшествовавшая всей этой

исторіи, представляла удивительныя особенности. Умѣренная печать серьезно обнаруживала боязнь диктатуры; она видѣла опасность для республики въ смѣлыхъ дѣйствіяхъ и заявленіяхъ генерала, въ его близкихъ связяхъ съ нѣкоторыми радикальными дѣятелями, въ его наклонности къ уличнымъ манифестаціямъ и въ очевидномъ сочувствіи къ нему значительной уличной толпы. Можно сказать, что противники Буланже, разсуждая постоянно о военной диктатурѣ и цезаризмѣ, сами же служили ему и раздували его значеніе до нелѣпости, поставивъ весь вопросъ на крайне сомнительную почву. Если существующій государственный строй во Франціи можетъ поколебаться, вслѣдствіе неумѣренной популярности какой-нибудь отдѣльной личности или подъ вліяніемъ увлеченія толпы какимъ-нибудь модным „эффектнымъ генераломъ", то нельзя было бы тѣмъ же газетамъ серьезно толковать о прочномъ водвореніи республики во Франціи. Если кому-нибудь серьезно опасно дуновеніе вѣтра, то это говоритъ только о состояніи здоровья паціента. Между тѣмъ тѣ самыя газеты, которыя ежедневно заявляютъ свою твердую вѣру въ спасительную силу и прочность республиканскаго режима, допускаютъ возможность паденія республики при первой встрѣчѣ съ популярнымъ и ищущимъ популярности человѣкомъ. Развѣ мало законныхъ средствъ находилось въ распоряженіи правительства для своевременнаго пресѣченія всякихъ незаконныхъ попытокъ? Гамбетта былъ величиною, безъ всякаго сравненія, болѣе крупною, чѣмъ Буланже, и популярность его была гораздо шире и крѣпче, и, однако, никто не считалъ тогда его опаснымъ для республики, хотя его также называли диктаторомъ. Въ дѣйствительности, не могло быть и рѣчи ни о генеральской диктатурѣ, ни о цезаризмѣ; опасность могла заключаться совсѣмъ въ другомъ—въ возбужденіи политическихъ разногласій въ составѣ арміи, которая прежде всего нуждается въ единствѣ и дисциплинѣ. Играя роль передового радикала и оказывая скрытую оппозицію правительству, генералъ Буланже перенесъ политику въ такую область, которая должна оставаться въ сторонѣ отъ борьбы парламентскихъ партій. Между французскими генералами есть не мало монархистовъ, — какъ Мирабель, Галиффé и другіе, — которые исполняютъ свой долгъ при республикѣ и старательно устраняются отъ всякаго участія въ политическихъ злобахъ дня. Что́ было бы съ французскою арміею, еслибы всѣ начальники ея занимались политикою, подобно генералу Буланже? Въ арміи оказался бы элементъ раздора; высшіе чины ея распались бы на различные лагери — бонапартистовъ, орлеанистовъ и республиканцевъ, и военное положеніе страны было бы окончательно скомпрометтировано. Въ этомъ была серьезная вина генерала Буланже, а не въ простыхъ нарушеніяхъ дисциплины. Бывшій воен-

ный министръ, командующій корпусомъ, подавалъ невозможный примѣръ своими политическими тенденціями, связями и дѣйствіями; онъ вышелъ изъ круга своей спеціальности, пріобрѣталъ приверженцевъ въ журналистикѣ и въ публикѣ, не отвергалъ содѣйствія своихъ шумныхъ друзей и велъ себя скорѣе какъ агитаторъ, чѣмъ какъ военный. Необходимо было устранить этотъ соблазнъ въ самомъ зародышѣ, и для принятія законныхъ мѣръ не было надобности поднимать посторонній вопросъ объ угрожающей, будто бы, диктатурѣ. Любопытнѣе всего, что поведеніе генерала Буланже, которое подлежало бы строгой репрессіи повсюду, гдѣ существуетъ понятіе о военной дисциплинѣ, нашло особенно ревностныхъ защитниковъ въ извѣстной части нашей печати, которая и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, выступаетъ радикальною для Франціи, будучи реакціонною у себя дома.

Оппортунисты и болѣе умѣренные изъ радикаловъ поняли „буланжистское" движеніе въ смыслѣ призыва къ личной власти и протеста противъ парламентаризма. Что многіе могли увлечься мыслью объ „интересномъ генералѣ", заслужившемъ спеціальную ненависть нѣмецкой прессы,—это совершенно понятно. Но чѣмъ и почему увлеклись крайніе радикалы, въ родѣ Рошфора, Лагерра, Франсиса Лора и другихъ—объяснить трудно. Избирательные манифесты, въ которыхъ эти мнимые прогрессисты рекомендовали народу вездѣ подавать голоса за Буланже, написаны были въ духѣ наполеоновскихъ прокламацій: въ нихъ личность генерала противопоставлялась республикѣ и парламенту, какъ будто дѣло шло о замѣнѣ конституціонныхъ учрежденій господствомъ одного человѣка, имя котораго принято было за знамя и программу. Приверженцы этой оригинальной замѣны нападали на безсиліе нынѣшней палаты и указывали на необходимость довѣрить власть лицу, отвѣтственному передъ народомъ и пользующемуся сочувствіемъ населенія,—лицу, призванному командовать арміею и вести ее къ побѣдамъ. Какъ могла явиться подобная идея у людей, причисляющихъ себя къ передовой соціалистической группѣ палаты, — это тайна французскаго радикализма. Газета „Cocarde" основана спеціально для того, чтобы ежедневно и подробно развивать на разные лады эту поразительную программу, скопированную съ бонапартовскихъ формулъ. Но имя Наполеона связано съ эпохою блестящихъ военныхъ и политическихъ дѣлъ; оно имѣетъ за собою прошлое и ярко говоритъ воображенію народному, напоминая о реальной силѣ и славѣ, тогда какъ Буланже есть искусственный продуктъ уличной рекламы, и имя его—пустой звукъ, ничего не означающій, сдѣлавшійся громкимъ отъ частаго повторенія, но не имѣющій никакой политической основы ни въ прошедшемъ, ни въ

настоящемъ. Ни одинъ изъ выдающихся французскихъ генераловъ не признаетъ надъ собою превосходства Буланже, который въ военномъ отношеніи не выдвинулся изъ ряда посредственностей. Онъ понравился уличной толпѣ Парижа и привлекъ къ себѣ симпатіи нѣкоторыхъ журналистовъ и депутатовъ; но что общаго имѣетъ онъ —ординарный генералъ — съ великимъ Бонапартомъ? Многіе французскіе патріоты почему-то смотрятъ на него какъ на обязательнаго вождя французскихъ армій въ случаѣ войны; но гдѣ и когда доказалъ онъ свою способность къ роли полководца — этого не скажутъ ни Рошфоръ, ни другіе его сторонники. Вся эта „буланжистская“ исторія составляетъ печальный симптомъ настроенія, охватывающаго по временамъ извѣстную часть французскаго общества. Оказывается, что каковы бы ни были новыя учрежденія и порядки,—политическія понятія и привычки людей долго остаются все тѣ же.

Генералъ Буланже принялъ кандидатуру въ „сѣверномъ“ департаментѣ, и напечаталъ 30-го марта воззваніе къ избирателямъ, въ которомъ требовалъ распущенія палаты и пересмотра конституціи; а вечеромъ того же дня палата, какъ упомянуто было уже въ прошломъ обозрѣніи, свергла министерство Тирара за то, что оно не раздѣляло мнѣнія единомышленниковъ Буланже о настоятельности новой конституціонной реформы. Выходитъ какъ будто, что большинство депутатовъ поспѣшило присоединиться къ желанію оппозиціоннаго генерала, противъ котораго оно недавно же высказалось единодушно по поводу запроса Кассаньяка. Въ дѣйствительности, палата имѣла только въ виду замѣнить непопулярное министерство Тирара другимъ, болѣе авторитетнымъ и энергическимъ. Правительство не ожидало столь скорой развязки и не приготовилось какъ слѣдуетъ къ засѣданію 30-го марта; глава кабинета занятъ былъ въ сенатѣ защитою послѣднихъ статей бюджета, разсмотрѣніе котораго должно было закончиться въ тотъ же день, такъ какъ льготный трехмѣсячный срокъ истекалъ къ 1-му апрѣля. Въ палатѣ былъ только министръ земледѣлія, Віеттъ; другіе министры появились уже позднѣе, а Тираръ прибылъ почти къ самому концу преній. Депутатъ Лагерръ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ „буланжистовъ“, предложилъ поставить во главѣ очередныхъ занятій проектъ пересмотра конституціи, внесенный въ прошломъ году депутатомъ Мишлэномъ съ товарищами. По этому поводу ораторъ произнесъ горячую рѣчь въ защиту генерала Буланже. Депутатъ Пелльтанъ, отъ имени крайней лѣвой, счелъ нужнымъ заявить, что его партія внесла самостоятельное предложеніе о пересмотрѣ конституціи, подписанное Пишономъ и другими. Представители бонапартистовъ и роялистовъ, депутаты Жолибуа и герцогъ Ла-Рошфуко, выразили также желаніе добиться

конституціонной „ревизіи“. Обычное присоединеніе правой стороны къ требованіямъ крайней лѣвой предвѣщало опасность, которую тщетно пытались предупредить вожди оппортунизма. Противъ несвоевременнаго предложенія о пересмотрѣ конституціи краснорѣчиво возражали Бриссонъ и Рувье; подоспѣвшій изъ сената Тираръ поставилъ вопросъ о довѣріи къ кабинету. Клемансò, по обыкновенію, отстаивалъ то, чтò должно было привести къ паденію министерства. Результатъ извѣстенъ: большинствомъ 268 голосовъ противъ 237 признана была неотложность предложенія Лагерра и Пелльтана. Министерство Тирара имѣло задачею довести до конца разсмотрѣніе бюджета на оставшіеся девять мѣсяцевъ текущаго года, и въ тотъ самый день, когда эта задача была исполнена, палата устранила кабинетъ, какъ уже ненужный. Черезъ три дня образовалось окончательно министерство Флокé, имѣющее въ своемъ составѣ двухъ бывшихъ премьеровъ— Фрейсинэ и Гобле́.

Декларація новаго министерства, прочитанная 3-го апрѣля въ обѣихъ палатахъ, обѣщаетъ нѣкоторыя финансовыя и политическія реформы въ радикальномъ духѣ: между прочимъ, затронуты два важные пункта — вопросы объ отдѣленіи церкви отъ государства и о подготовленіи пересмотра конституціи, причемъ для послѣдней реформы правительство предоставляетъ себѣ выбрать болѣе удобное время. Эти уступки радикаламъ возбудили крайне рѣзкую полемику со стороны умѣренно-либеральной печати; оппортунисты съ яростью напали на Флоке, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ осуществленію своей программы. Между тѣмъ декларація 3-го апрѣля была только логическимъ выводомъ изъ категорическаго рѣшенія палаты. Правда, большинство 30-го марта составилось изъ монархическихъ партій, въ союзѣ съ одною изъ республиканскихъ группъ; главныя силы республиканцевъ стояли за отклоненіе конституціонныхъ проектовъ. Но побѣду несомнѣнно одержали радикалы, и каковы бы ни были разнородные мотивы палатской резолюціи, нельзя было уклониться отъ прямого ея смысла. Послѣ голосованія, приведшаго къ министерскому кризису, невозможно было избѣгнуть постановки вопроса и пересмотра конституціи; обязательно было также коснуться и другихъ главнѣйшихъ требованій радикальной партіи. Декларація кабинета была составлена сравнительно въ весьма умѣренномъ тонѣ, и страстныя нападки такихъ серьезныхъ газетъ, какъ „Temps“ и „Journal des Débats“, казались совершенно необъяснимыми. Новымъ министрамъ приписывались самыя пагубныя намѣренія; Флокé желалъ, будто бы, оказать поддержку проектамъ болѣе широкаго городского самоуправленія Парижа; онъ, будто бы, готовъ внести смуту въ умы отдѣленіемъ церкви отъ государства и предоставленіемъ религіозныхъ по-

требностей народа на произволъ судьбы. Оппортунистскія газеты возставали также противъ назначенія Гобле министромъ иностранныхъ дѣлъ, на томъ основаніи, что онъ не обладаетъ спокойнымъ темпераментомъ и можетъ легко впутать Францію въ серьезныя внѣшнія замѣшательства. Эти и подобные имъ доводы производили впечатлѣніе какихъ-то искусственныхъ и совершенно невѣроятныхъ натяжекъ. Странно говорить объ опасныхъ увлеченіяхъ Гобле, который былъ главою кабинета во время тяжелаго кризиса, пережитаго Франціею весною 1887 года, когда разыгрался инцидентъ Шнебеле: малѣйшая неосторожность французскаго правительства могла тогда вызвать войну, и кризисъ прошелъ благополучно, единственно благодаря замѣчательному такту и самообладанію министерства и особенно главы его, Гобле. Если тогда никто не находилъ этого министра слишкомъ горячимъ или неопытнымъ, то тѣмъ менѣе позволительно опасаться его увлеченій теперь, когда онъ имѣетъ около себя такихъ испытанныхъ дѣятелей, какъ Фрейсинэ и Флоке. Стремленіе умѣренной республиканской печати заранѣе подорвать общественное довѣріе къ новому министерству свидѣтельствовало о существованіи серьезнаго раскола въ республиканской партіи, и этотъ расколъ усиливался и съ небывалою рѣзкостью выступалъ наружу именно въ тотъ моментъ, когда народные протесты противъ безплодной борьбы партій нашли своего популярнаго выразителя въ лицѣ генерала Буланже. Мнимыя опасенія оппортунистовъ по поводу радикальныхъ тенденцій кабинета не имѣли и тѣни оправданія уже потому, что въ составѣ министерства фигурируютъ люди, не разъ уже управлявшіе дѣлами страны и успѣвшіе упрочить за собою репутацію искусныхъ и талантливыхъ министровъ. Это замѣчаніе относится особенно къ Фрейсинэ, который давно уже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду государственныхъ дѣятелей современной Франціи. Замѣщеніе поста военнаго министра лицомъ не-военнымъ, какъ Фрейсинэ, имѣетъ цѣлью устраненіе начальниковъ арміи отъ всякаго участія въ политикѣ,—участія, которое становилось обязательнымъ для генераловъ, назначаемыхъ или имѣющихъ въ виду назначеніе на министерскую должность.

Министерство Флоке считалось въ послѣдніе годы самой лучшею комбинаціею, какую можетъ выдвинуть передовая республиканская партія во Франціи при нынѣшнемъ составѣ своихъ парламентскихъ силъ. Личный авторитетъ, пріобрѣтенный бывшимъ президентомъ палаты депутатовъ даже въ глазахъ принципіальныхъ противниковъ республики, указывалъ на него, какъ на естественнаго кандидата въ руководители парламентскаго большинства и парламентскаго министерства. Долго ожидали появленія этого министерства; общее нетерпѣ-

ніе отражалось и на судьбѣ кабинета Тирара, къ которому относились какъ къ неизбѣжному временному замѣстителю Флоке. Рѣшено было, что Тирару дано будетъ только окончить бюджетъ, и что вслѣдъ затѣмъ предпринята будетъ обычная аттака, въ видѣ запроса объ общей политикѣ правительства. Все было придумано и условлено заранѣе. Членъ радикальной лѣвой, Ривé, долженъ былъ открыть кампанію, въ исходѣ которой никто не сомнѣвался. Въ газетахъ передавались свѣденія о времени предъявленія интерпелляціи, которая откладывалась по разнымъ причинамъ. Наконецъ, запросъ назначенъ былъ на 30-е марта; но пренія завязались изъ-за пересмотра конституціи и получили неожиданный оборотъ, который сдѣлалъ излишнимъ вмѣшательство депутата Риве. Путь къ министерству очистился для Флоке; цѣль была достигнута, но общаго удовлетворенія и успокоенія не послѣдовало. Пока республиканцы спорили между собою въ палатѣ, политическою сценою завладѣли шумные приверженцы генерала Буланже, противники и обличители парламентаризма. Смѣлый генералъ, сдѣлавшійся народнымъ любимцемъ и героемъ, сосредоточилъ на себѣ общее вниманіе; всѣ заговорили о новомъ искателѣ власти, и публика вполнѣ забыла о Флоке. Никто не интересуется новымъ министерствомъ; оно остается какъ бы незамѣченнымъ, среди шумнаго возбужденія, вызваннаго успѣхами Буланже. Нельзя было придумать болѣе неудачнаго сцѣпленія обстоятельствъ для министерства, которое въ другое время было бы предметомъ общаго интереса и общихъ толковъ европейской печати.

Партія генерала Буланже, состоящая изъ смѣси радикаловъ съ реакціонерами, дѣятельно занималась пропагандою его кандидатуры въ трехъ департаментахъ, гдѣ предстояли выборы 6 апрѣля, хотя настоящимъ кандидатомъ онъ былъ только на сѣверѣ, гдѣ выборы должны были происходить немного позже—15 апрѣля. Буланже оказался выбраннымъ въ департаментѣ Дордонь; всего за него подано было около 80.000 голосовъ въ трехъ департаментахъ. На сѣверѣ успѣхъ его былъ несравненно болѣе блестящій; онъ получилъ около 172.000 голосовъ—на цѣлую сотню тысячъ больше, чѣмъ ближайшій республиканскій соперникъ его, Фукаръ. Ослѣпленный своею популярностью и неумѣренными восторгами своихъ друзей, генералъ Буланже серьезно счелъ себя призваннымъ къ великой роли повелителя Франціи. Онъ откровенно объяснилъ газетнымъ репортерамъ, что у него есть виды на должность президента республики, и что эта перспектива не должна пугать сторонниковъ мира, ибо „Boulanger—c'est la paix". Въ благодарственномъ воззваніи къ избирателямъ департамента Дордонь онъ отказывается отъ чести быть ихъ представителемъ въ палатѣ, въ виду принятыхъ имъ обязательствъ на сѣ-

вернѣ; при этомъ онъ говоритъ уже отъ имени всей французской націи: по его словамъ, стоять за него, Буланже, значитъ охранять достоинство и честь Франціи. Въ прокламаціи къ сѣвернымъ избирателямъ онъ утверждаетъ буквально, что правительство „упраздняетъ военную оборону страны“ для избѣжанія войны, и что слѣдовательно государство находится въ опасности, со времени удаленія его изъ военнаго министерства. Требуя пересмотра конституціи, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился насчетъ того, въ какомъ направленіи желательно бы ему передѣлать политическій строй республики, и этою сдержанностью онъ пріобрѣлъ единодушное содѣйствіе бонапартистовъ, которые видятъ въ немъ сторонника плебисцитовъ, ведущихъ обыкновенно къ диктатурѣ и къ имперіи. Разумѣется, само собою, что реакціонеры не ждутъ отъ Буланже непосредственнаго исполненія ихъ спеціальныхъ желаній; онъ дорогъ имъ исключительно какъ врагъ республиканскаго большинства и парламента, какъ полезный союзникъ въ борьбѣ противъ нынѣшней республики. Дальнѣйшія цѣли его пока не имѣютъ значенія; результаты его усилій могутъ легко достаться другимъ, и бонапартисты надѣются, что этими другими окажутся именно они.

Нужно замѣтить впрочемъ, что республиканская печать, враждебная генералу Буланже, дѣлаетъ все возможное для поощренія его честолюбія и для поддержанія идеи объ его историческомъ призваніи. При первомъ выступленіи Буланже на политическое поприще, въ качествѣ кандидата въ члены парламента, умѣренныя газеты подняли сильнѣйшую агитацію противъ мнимыхъ плановъ его относительно диктатуры. Оппортунисты сразу рѣшили, что онъ идетъ по стопамъ принца Луи-Наполеона, ставшаго императоромъ, и что онъ употребляетъ тѣ же пріемы и средства для достиженія верховной власти. Но какъ бы популяренъ ни былъ Буланже и какъ бы безпричинна ни была эта популярность, всякіе толки объ его диктатурѣ были неумѣстны и непонятны съ точки зрѣнія республиканской. Гамбетта былъ фактически гораздо ближе къ положенію диктатора, чѣмъ Буланже; онъ дѣйствительно заправлялъ судьбами Франціи, и имя его было для народа синонимомъ патріотизма въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Во время парламентскихъ выборовъ кандидатура его выставлялась одновременно въ различныхъ департаментахъ, гдѣ его выбирали громаднымъ количествомъ голосовъ. Тогда республиканцы не замѣчали въ этомъ ничего неудобнаго или опаснаго для республики, и если Гамбетту называли иногда диктаторомъ, то только въ шутливомъ или сочувственномъ тонѣ. Буланже имѣетъ за собою народныя симпатіи, хотя въ гораздо меньшей и болѣе поверхностной степени, чѣмъ Гамбетта; онъ теперь—частное лицо, отставной

генералъ, не располагающій ни одною ротою солдатъ; онъ желалъ быть выбраннымъ въ депутаты и употребляетъ для этого обычные способы, которыми пользуются всѣ желающіе добиться успѣха во что бы то ни стало; онъ можетъ даже имѣть какія угодно честолюбивыя мечтанія, и во всемъ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго фактическаго элемента для достиженія диктатуры. Предположимъ, что онъ выбранъ въ нѣсколькихъ департаментахъ, и что въ палатѣ онъ стоитъ во главѣ не десятка, а цѣлой сотни преданныхъ ему депутатовъ;—онъ будетъ тогда равенъ Клемансо по вліянію и положенію въ парламентѣ. Буланже сдѣлается главою партіи; онъ можетъ современемъ выработать изъ себя подходящаго кандидата въ президенты совѣта министровъ или даже въ президенты республики; но диктаторомъ онъ могъ бы сдѣлаться только въ двухъ одинаково невѣроятныхъ случаяхъ: или при помощи уличнаго возстанія, или въ силу рѣшенія палаты депутатовъ и сената, собравшихся на конгрессъ. Полагаться на народныя волненія, которыя всегда будутъ имѣть противъ себя организованную военную силу, было бы безуміемъ, и даже полный успѣхъ революціи могъ бы доставить только временное, непрочное торжество. Газеты постоянно напоминаютъ теперь о переворотахъ 18 брюмера и 2 декабря; но первый Бонапартъ, какъ и третій, оба обладали правительственною властью и имѣли въ своемъ распоряженіи армію, прежде чѣмъ совершили свои перевороты. Кто же отдастъ армію въ руки Буланже и какой республиканскій конгрессъ выберетъ его въ президенты республики? Напротивъ того, весь его образъ дѣйствій, его отношеніе къ военной дисциплинѣ, его слабость къ уличнымъ демонстраціямъ и рекламамъ—совершенно закрываютъ ему доступъ къ отвѣтственнымъ высшимъ должностямъ и особенно къ посту президента, ибо значительное большинство въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ будетъ всегда состоять изъ людей серьезныхъ. Принцъ Луи-Бонапартъ былъ избранъ президентомъ, только благодаря тогдашней системѣ плебисцита; въ палатѣ онъ не имѣлъ никакой точки опоры. Чтобы передѣлать конституцію, согласно желаніямъ „буланжистовъ“, было бы необходимо предварительное образованіе буланжистскаго большинства въ обѣихъ палатахъ, а подобная фантазія едва ли входитъ въ голову самому Буланже или его вѣрнѣйшимъ поклонникамъ. Итакъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, всѣ эти возгласы о диктатурѣ генерала оказываются фантазіею, могущею только порождать безплодное общественное волненіе, съ одной стороны, и фантастическую манію величія—съ другой.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая, 1888.

— *П. А. Матвѣевъ.* Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Историческій очеркъ. Спб. 1887.

Въ нашей литературѣ нѣтъ, какъ извѣстно, ни одной обстоятельной книги о современной Болгаріи, объ исторіи того многозначительнаго переворота, который совершился въ судьбѣ этой страны послѣ освободительной войны, и о томъ положеніи, въ какомъ находится народъ въ настоящую минуту, когда господствуетъ натянутое политическое недоразумѣніе, грозящее сдѣлаться острымъ. Самая война вызвала множество описаній; но именно результатъ ея, для котораго потрачены такія громадныя средства и принесены такія жертвы, не вызвалъ до сихъ поръ ни одной серьезной—фактической, многосторонней и безпристрастной—работы. Правда, о Болгаріи каждодневно пишется въ газетахъ, иногда являются журнальные этюды, изрѣдка любопытныя разоблаченія въ родѣ повѣствованія г. Соболева; но русскій читатель не имѣетъ книги—какихъ есть цѣлая масса въ литературѣ западной,—гдѣ онъ нашелъ бы послѣдовательный разсказъ событій и объясненіе цѣлаго положенія, хотя бы съ исключительныхъ точекъ зрѣнія. Поэтому нельзя не встрѣтить съ удовольствіемъ книги г. Матвѣева, который предпринимаетъ именно подобную задачу. Авторъ самъ прослужилъ нѣкоторое время въ южной Болгаріи, по словамъ его, знаетъ лично „какъ политическихъ дѣятелей Болгаріи, такъ и положеніе вещей“, и можетъ, въ извѣстной степени, „обнаружить тенденціозную ложь“ разныхъ повѣствованій, диктованныхъ разсчетами партій. Настоящій очеркъ, начавъ изложеніе съ положенія, созданнаго для Болгаріи берлинскимъ конгрессомъ, и съ русскаго гражданскаго управленія въ Болгаріи, доводитъ ея исторію до переворота 6-го сентября 1885 года, съ котораго начинается идущій

до-нынѣ бурный политическій кризисъ. Дальнѣйшія событія авторъ намѣревается изложить въ продолженіи своего „очерка".

Книга г. Матвѣева заключаетъ много любопытныхъ данныхъ для будущаго историка Болгаріи и русско-болгарскихъ отношеній. Было бы долго входить въ подробности его разсказа, и мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями. Общая точка зрѣнія автора—та самая, какая распространена всего больше въ нашей газетной печати: берлинскій конгрессъ насъ обидѣлъ, не оцѣнивши нашихъ жертвъ и безкорыстныхъ намѣреній; въ томъ урѣзанномъ болгарскомъ княжествѣ, какое было устроено конгрессомъ, начались тотчасъ коварныя интриги, которыя всячески стремятся возстановить болгаръ противъ Россіи и втянуть Болгарію въ сѣти Австріи или Англіи; болгарскіе политическіе люди, особенно относящіеся къ Россіи враждебно, суть только политическіе себялюбцы и интриганы, другіе—ограниченные люди, и т. д. Все это говорилось множество разъ, кромѣ г. Матвѣева, въ статьяхъ нашихъ газетъ; но въ спеціальномъ сочиненіи надо бы желать болѣе доказательнаго изложенія событій. Упомянутые толки, напр., о берлинскомъ конгрессѣ, вызывали уже и въ нашей печати возраженія, на которыя слѣдовало обратить вниманіе. Въ самомъ дѣлѣ, не было ли съ русской стороны сдѣлано крупныхъ ошибокъ не только на берлинскомъ конгрессѣ, но и гораздо раньше, при первой постановкѣ балканскаго вопроса, еще наканунѣ войны? Ошибки были несомнѣнны, и весьма естественно, что онѣ отразились послѣ если не въ сознаніи „народа" Болгаріи, и даже вообще балканскаго славянства, то въ понятіяхъ и чувствахъ того слоя, который интересуется политическими дѣлами. Далѣе, мы нимало не отрицаемъ наилучшихъ намѣреній у руководителей дѣла,—но не было ли сдѣлано крупныхъ и мелкихъ ошибокъ въ періодъ русскаго гражданскаго управленія, даже при кн. Черкасскомъ, которому г. Матвѣевъ пишетъ панегирикъ, и послѣ, когда много русскихъ чиновниковъ и военныхъ дѣйствовали въ Болгаріи? Опять, ошибки бывали несомнѣнно, и давали поводъ къ враждебному настроенію, котораго не пропускали разработывать политическіе враги Россіи. Авторъ негодуетъ на этихъ враговъ,—но оказывается, что враги такъ дѣятельны, что съ нашей стороны имъ очевидно нѣтъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, равносильнаго противовѣса: почему это такъ, авторъ не объясняетъ, да въ сущности и не ставитъ себѣ этого вопроса,—между тѣмъ здѣсь одно изъ объясненій настоящаго положенія вещей. Наконецъ, каковы бы ни были заблужденія и неблагодарность и пр. болгарскихъ политическихъ дѣятелей относительно Россіи въ настоящую минуту, историкъ не можетъ объяснять событій одними аттестатами нравственности, какъ, съ другой стороны, не можетъ забыть, что въ бол-

гарскихъ дѣлахъ (гдѣ противъ Россіи тайно и явно дѣйствуетъ политика разныхъ западныхъ государствъ) сталкиваются не одни чисто практическіе интересы, но сказывается культурное и политическое различіе европейскихъ державъ, а у самихъ болгаръ—опасенія за автономію своего народа, опасенія, которыя почерпаются изъ политической исторіи русской имперіи...

Къ сожалѣнію, авторъ обыкновенно упускаетъ изъ виду эти общія соображенія, а съ другой стороны не оцѣниваетъ правильно отношенія русскаго общества къ балканскимъ дѣламъ, и отсюда являются различныя недоразумѣнія. Беремъ два-три примѣра. Авторъ скорбитъ, что въ нашей литературѣ нѣтъ книгъ о новѣйшей исторіи Болгаріи и что вслѣдствіе этого публика мало о ней знаетъ—между тѣмъ какъ на западѣ является множество книгъ о Болгаріи. Откуда происходитъ это отсутствіе книгъ? Дѣло, повидимому, просто: во-первыхъ, отсутствіе подобныхъ книгъ у насъ объясняется слабымъ запросомъ со стороны общества; во-вторыхъ, отсутствіемъ людей, которые, кромѣ знанія дѣла, имѣли бы въ немъ сами живой интересъ,—когда въ западно-европейскомъ обществѣ, напротивъ, политическій интересъ сильнѣе и сознательнѣе. Г. Матвѣевъ находитъ причину совсѣмъ постороннюю: въ недостаткѣ книгъ у насъ виновато „наше дипломатическое вѣдомство", т.-е. министерство иностранныхъ дѣлъ. Со временъ Аксакова у насъ вошли въ моду въ славянофильскомъ лагерѣ эти нареканія на „дипломатическое вѣдомство": можно бы думать, что это вѣдомство распоряжается дѣлами, какъ хочетъ, по собственному произволу, ни отъ кого не завися. Въ „Вѣстникѣ Европы" не однажды указывалось на фальшивость этихъ нападеній на „вѣдомство", которыя могли иной разъ послужить полемическимъ пріемомъ, но настаивать на которыхъ странно и наконецъ смѣшно. „Дипломатическое вѣдомство", по мнѣнію г. Матвѣева, виновато тѣмъ, что „въ силу издавна установившагося взгляда" скупо на опубликованіе документовъ и „держитъ ихъ подъ ключемъ" отъ изслѣдователей: политическіе документы „безусловно изъяты отъ всякой гласности и закрыты для русскаго общества". Поэтому „понятно полное отсутствіе въ нашей литературѣ" книгъ о Болгаріи. „*Русскому человѣку*, желающему заняться этимъ предметомъ, остается пробавляться, стало быть (?), заграничными матеріалами и пособіями, правда, весьма обильными и доступными, но до того тенденціозными и враждебными русской политикѣ, что въ нихъ трудно разобраться; пользуясь такими мутными источниками, весьма затруднительно представить правдивое описаніе хода событій, въ которыхъ намъ приходилось бороться съ политикой западныхъ державъ".

Но если относительно недостатка гласности, по словамъ самого

автора, существуетъ „давно установившійся взглядъ", то этотъ взглядъ принадлежитъ не одному вѣдомству, о которомъ идетъ рѣчь, а всему правительственному обычаю, напр., министерству внутреннихъ дѣлъ не меньше, чѣмъ министерству дѣлъ иностранныхъ,—и нечего нападать на „вѣдомство", отличающееся отъ другихъ развѣ тѣмъ только, что оно не принимаетъ мѣръ противъ подобныхъ нападеній. Иностранныя „вѣдомства" этого рода дѣлаютъ публикацію дипломатическихъ документовъ вслѣдствіе требованій ихъ политическаго строя, а не изъ любезности къ историкамъ; и тамъ печатаются въ „синихъ" и другого цвѣта книгахъ далеко не всѣ документы; какъ съ другой стороны и наше правительство также сообщаетъ нѣкоторые основные документы въ общее свѣденіе. Далѣе, въ западной Европѣ обиліе книгъ по современной исторіи является, какъ мы сказали, вслѣдствіе интереса къ политическимъ дѣламъ, другими словами, вслѣдствіе сильнаго развитія политической жизни, котораго у насъ нѣтъ. Въ западной литературѣ постоянно являются книги лицъ, или особо изучавшихъ данную страну, или близко стоявшихъ къ дѣламъ,—что могло бы быть и у насъ, и чего, однако, мы почти не встрѣчаемъ,—и западные публицисты не думаютъ дожидаться „синихъ" книгъ, чтобы искать въ нихъ матеріала для своихъ сочиненій: они отправляются сами на мѣста и разсказываютъ о дѣлахъ по личнымъ наблюденіямъ и изысканіямъ, какъ, напр., Лавеле, для котораго Балканскій полуостровъ—не какъ для насъ съ г. Матвѣевымъ—составляетъ только общій, отвлеченный интересъ. Какъ дѣйствуютъ иностранные публицисты въ изученіи дѣлъ, это очень хорошо знаетъ самъ г. Матвѣевъ; онъ такъ разсказываетъ объ извѣстномъ и въ Петербургѣ Мэкензи Валласѣ, который есть не болѣе какъ корреспондентъ „Таймса", съумѣвшій ничѣмъ инымъ, кромѣ знанія дѣла, пріобрѣсти особый авторитетъ.

„Мэкензи Валласъ имѣлъ въ Константинополѣ совсѣмъ исключительное положеніе, такъ сказать, рангомъ выше обыкновенныхъ корреспондентовъ „Times", хотя таковые, какъ извѣстно, вообще снабжены весьма широко денежными средствами. Г. Валласъ имѣлъ въ разныхъ частяхъ полуострова своихъ собственныхъ корреспондентовъ и даже особыхъ курьеровъ, и скорѣе походилъ на сверхштатнаго дипломатическаго агента великой державы, чѣмъ на обыкновеннаго корреспондента. При немъ состоялъ особый секретарь, изъ турецкихъ армянъ, г. Поладъ, своего рода волшебникъ и магъ, проникавшій, въ силу своего пронырства и благодаря англійскому золоту, въ самые потаенные ящики и наисекретнѣйшіе пакеты Высокой Порты, добывая копіи съ самыхъ секретныхъ документовъ, интересовавшихъ г. Валласа. Припомню для примѣра исторію, случившуюся съ тай-

ными инструкціями чрезвычайнаго посла, отправленнаго султаномъ въ Берлинъ. Эти инструкціи были напечатаны въ „Times“ какъ разъ передъ представленіемъ посла Бисмарку. Абдулъ-Гамидъ, приведенный въ бѣшенство опубликованіемъ этой инструкціи, приказалъ выслать Валласа изъ Константинополя, но корреспондентъ „Times“ былъ силенъ, и несмотря на все желаніе султана выдворить изъ своей столицы всюду проникающаго корреспондента, г. Валласъ преспокойно прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ. Замѣчу кстати, что этотъ самый г. Полядъ былъ вхожъ и въ наше посольство, въ которомъ онъ бывалъ, давая уроки турецкаго языка одному высокопоставленному лицу“ (стр. 80).

М. Валласъ очевидно не нуждался въ синихъ книгахъ, чтобы составить себѣ весьма опредѣленное понятіе о положеніи вещей, и если прибавить къ этому, что, кромѣ Турціи и болгарскихъ дѣлъ, онъ обстоятельно изучилъ также Россію и русское общество, то онъ, съ англійской точки зрѣнія, былъ очень хорошо подготовленъ къ пониманію вопроса. Неужели непонятно было г. Матвѣеву, что значеніе М. Валласа создано вовсе не „вѣдомствомъ“, а силой англійскаго общественнаго мнѣнія, котораго онъ былъ органомъ, и что „англійское золото“, имъ употребляемое, было только золотомъ хорошо устроенной газетной редакціи? Отъ М. Валласа немыслимо было бы встрѣтить такихъ, напримѣръ, строкъ:

„Мы, *русскіе люди*, по винѣ нашей дипломатіи (!!), страдающей неизлечимой печатобоязнью(нью) и охраняющей аки (?) зе(ѣ)ницу ока канцелярскую тайну нашихъ внѣшнихъ сношеній и все касающееся нашей иностранной политики, хотя бы и въ явный ущербъ нашимъ политическимъ интересамъ, конечно, ровно ничего не сдѣлали, чтобы разсѣять злостную клевету“ (противъ Россіи по поводу переворота 27-го апрѣля 1881, т.-е. упраздненія конституціи).

Трудъ г. Матвѣева очень бы выигралъ и авторъ пришелъ бы къ болѣе точному представленію о болгарскихъ дѣлахъ, еслибы онъ обратилъ больше вниманія на общія условія политическихъ отношеній: эти общія условія господствуютъ надъ мелочными подробностями, и сколько бы „интригъ“ ни разоблачилъ авторъ, это не объяснитъ хода исторіи, въ которомъ дѣйствуютъ болѣе глубокія силы, чѣмъ какая бы то ни было хитрая интрига.

— *В. Мочульскій.* Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава, 1887.

Разработка нашей старой письменности и народной поэзіи обратилась въ послѣднее время почти исключительно на детали. Это было необходимо, потому что детальныя изслѣдованія только и могутъ дать отчетливое представленіе о дѣйствительномъ значеніи памятниковъ и источникахъ ихъ содержанія. Иначе, остается обширное поле для произвольныхъ теорій; такъ это и было въ самомъ дѣлѣ нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, когда изложеніе нашей народно-поэтической старины наполнено было произвольными, иногда совсѣмъ фантастическими толкованіями: довольно вспомнить Надеждина, К. Аксакова, Безсонова. Въ числѣ народно-поэтическихъ произведеній нашей старины, которыя особенно давали поводъ къ подобнымъ некритическимъ выводамъ, былъ стихъ о „Голубиной книгѣ", — перлъ русской библейско-миѳологической былины, по выраженію Ягича. Этотъ знаменитый стихъ представляетъ народно-поэтическій сводъ космогоническихъ преданій и апокрифическихъ легендъ изъ библейской исторіи и т. п.: здѣсь собранъ цѣлый кругъ фантастическихъ представленій о созданіи міра и человѣка, о первенствѣ разныхъ предметовъ въ мірѣ — кто первый царь на землѣ, какой первый городъ, церковь, которая первая гора, море, рыба, птица, звѣрь, дерево и пр.; наконецъ, о борьбѣ правды и кривды, и т. п. Основные предметы, на которыхъ остановилась здѣсь народная фантазія, принадлежали очевидно къ кругу христіанской легенды; но стихъ, въ устахъ перваго составителя, или вслѣдствіе долгаго обращенія въ средѣ народа, принялъ до такой степени народно-поэтическій складъ и окраску, что первымъ его изслѣдователямъ казалось, что и въ самомъ содержаніи стиха, именно въ преданіяхъ о твореніи міра и перваго человѣка, сохраняются отголоски древнѣйшаго, чисто-народнаго дохристіанскаго преданія: этотъ взглядъ еще укрѣпился, когда въ космогоническихъ преданіяхъ стиха нашлись параллели съ германскими и скандинавскими миѳами того же рода.

Но детальная разработка предмета здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ нашей народно-поэтической старины, приводитъ къ иному результату. Авторъ настоящей книги, идя по слѣдамъ Веселовскаго и Ягича, предпринялъ подробное изслѣдованіе тѣхъ мотивовъ, которые составляютъ содержаніе стиха о Голубиной книгѣ, и нашелъ первообразъ и источникъ ихъ именно и только въ христіанскихъ апокрифическихъ сказаніяхъ, которыя начали распространяться у насъ съ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Такимъ образомъ основа стиха лежитъ въ книжномъ легендарномъ источникѣ, или

источникахъ, потому что въ стихѣ объединено нѣсколько различныхъ памятниковъ апокрифической легенды, — и слѣдовательно, прежнее толкованіе его, видѣвшее въ нѣкоторыхъ мотивахъ стиха первобытный до-христіанскій миѳъ и самобытное легендарное творчество, должно быть устранено. Остается только оригинальная комбинація и поэтизированіе готовыхъ подробностей,

Изслѣдованіе г. Мочульскаго ведено съ внимательнымъ изученіемъ сложной литературы предмета, русской и средневѣковой западной; именно въ этой области много сдѣлано было г. Веселовскимъ: авторъ хорошо изучилъ его разысканія, но умѣлъ отнестись къ нимъ съ болѣе или менѣе независимой критикой и дать новыя любопытныя объясненія. Къ извѣстнымъ письменнымъ текстамъ онъ прибавилъ, въ приложеніи, нѣсколько новыхъ. Относительно выводовъ мы сдѣлали бы замѣчаніе, на которое нерѣдко наводятъ новѣйшіе историко-литературные труды подобнаго рода. Критика г. Мочульскаго вся поглощена чисто детальнымъ анализомъ: онъ разлагаетъ стихъ на отдѣльныя темы, по каждому отдѣлу даетъ свои выводы, — но не сводитъ анализа въ цѣлое. Мы узнаемъ, изъ *какого матеріала* составился стихъ о Голубиной книгѣ, но изслѣдованіе ничего не говоритъ о томъ, *какъ* онъ составился и къ какой приблизительно *эпохѣ* можетъ относиться его происхожденіе. Этотъ послѣдній вопросъ, правда, бываетъ очень труденъ, когда идетъ рѣчь о народно-поэтическомъ творчествѣ, но приблизительное рѣшеніе возможно, когда извѣстны источники сказанія, когда въ немъ могутъ быть замѣчены историческія пріуроченія; вмѣстѣ съ этимъ представляется вопросъ о поэтической формѣ и томъ цѣломъ міросозерцаніи, которое выражалось въ духовныхъ стихахъ, особливо космогоническаго содержанія, какъ стихъ о Голубиной книгѣ.

— *Докторъ Францискъ Скорина*, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе *П. В. Владимірова*. Спб. 1888. (Изданіе Импер. Общества Любителей Древней Письменности).

Авторъ весьма удачно выбралъ предметъ для своего изслѣдованія. Дѣятельность доктора Франциска Скорины (это былъ одинъ изъ первыхъ, если не первый русскій *докторъ* — ученый человѣкъ и медикъ) принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ пунктовъ въ исторіи старой русской литературы, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ. Докторъ Скорина былъ въ началѣ XVI-го вѣка первымъ издателемъ русской Библіи, притомъ не въ старомъ славянскомъ текстѣ, а въ переводѣ на „посполитый“ языкъ той части Руси, которая была его родиной, именно, западной Руси. Библія Скорины

была первой русской печатной Библіей, надолго предварившей знаменитую Библію Острожскую и слѣдовавшія потомъ московскія изданія. Кто былъ этотъ докторъ Скорина; что побудило его предпринять подобный трудъ; какъ онъ совершалъ его—эти вопросы давно представлялись историкамъ нашей литературы, но до сихъ поръ на нихъ не было удовлетворительнаго отвѣта. О Скоринѣ не осталось почти никакихъ извѣстій, кромѣ того немногаго, что можно было извлечь изъ его предисловій къ своимъ изданіямъ; несмотря на всю важность факта, представляемаго его чрезвычайно замѣчательнымъ для своего времени трудомъ, о немъ не сохранилось почти никакихъ преданій, никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ; его дѣятельность пришлась въ такую пору, когда въ западной Руси подъ вліяніемъ Польши, подъ вліяніемъ непосредственныхъ связей западной Руси съ европейскимъ Западомъ, особливо съ Германіей, возникало религіозное броженіе, кончавшееся нерѣдко обращеніями русскихъ въ католицизмъ или протестантство; ученое званіе Скорины указывало на его образованіе въ какомъ-то чужомъ тогдашнемъ университетѣ, всего ближе краковскомъ, католическомъ; латинское имя Скорины (Францискъ) позволяло предполагать, что онъ былъ католикомъ, если не протестантомъ; изданія Скорины были такъ рѣдки, что библіографы очень долго не въ состояніи были опредѣлить ихъ дѣйствительнаго состава и годовъ ихъ изданія—всѣ эти обстоятельства дѣлали вопросъ о дѣятельности Скорины чрезвычайно смутнымъ, до такой степени, что историки (большею частью не имѣя возможности познакомиться близко со всѣми фактами этой дѣятельности) приходили относительно Скорины къ весьма различнымъ, даже противоположнымъ заключеніямъ. Одни,—полагая, что имѣютъ въ рукахъ доказательства, которыхъ на самомъ дѣлѣ у нихъ не было,—утверждали, что дѣятельность Скорины была вызвана стремленіемъ къ католической пропагандѣ, и считали нужнымъ (какъ напр. Головацкій) осыпать его обличеніями; другіе настаивали на томъ, что его цѣлью была пропаганда, но протестантская, т.-е. утверждались вещи, прямо противоположныя; истина заключалась въ томъ, что пропаганда Скорины была православная.

Между тѣмъ вопросъ былъ очень крупный: Скорина первый возъимѣлъ мысль объ изданіи Библіи на русскомъ языкѣ, именно такомъ, который сдѣлалъ бы книгу доступной для простыхъ людей, въ то время затруднявшихся (въ западномъ краѣ) пониманіемъ стараго славянскаго текста. Въ ту пору крайняго религіознаго возбужденія переводъ Библіи получалъ большое, не только церковное, но національное значеніе—таковъ онъ и былъ въ западной Руси. Въ нашей исторической наукѣ относительно этого предмета господствовала однако,

какъ мы сейчасъ указывали, чрезвычайная путаница, и онъ требовалъ наконецъ спеціальнаго изслѣдованія. Г. Владиміровъ, имя котораго извѣстно уже по нѣсколькимъ добросовѣстнымъ трудамъ въ области старо-русской литературы, отнесся къ своей задачѣ весьма внимательно, и его трактатъ о Скоринѣ является изслѣдованіемъ цѣлаго эпизода въ исторіи западной Руси. Чтобы объяснить Скорину, надо было выяснить характеръ тогдашняго положенія западно-русскаго общества, его внутреннее состояніе, политическое, церковное, образовательное; нужно было окончательно установить объемъ трудовъ Скорины, изслѣдовать изъ нихъ самихъ церковное ихъ направленіе и положить конецъ тѣмъ недоразумѣніямъ, какія окружали до сихъ поръ его дѣятельность и не дозволяли достойнымъ образомъ оцѣнить ее.

Г. Владиміровъ дѣлаетъ прежде всего обзоръ литературы предмета, представляющей ту путаницу мнѣній, о которой мы упоминали и причиною которой былъ недостатокъ изученія самого источника—трудовъ Скорины. Авторъ открываетъ затѣмъ свое изслѣдованіе очеркомъ церковной жизни въ западной Руси въ XV—XVI столѣтіи: она была въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; высшее духовенство, которому принадлежало руководящее вліяніе въ церковной жизни народа, было, за рѣдкими исключеніями, очень необразовано и заботилось всего больше о своихъ личныхъ выгодахъ и прибыткахъ, и въ то время, когда сосѣдство и затѣмъ тѣсныя политическія связи съ Польшей требовали защиты народа и его церкви, духовенство мало думало объ этомъ и впослѣдствіи легко поддалось призывамъ въ унію. Рядомъ съ этимъ были, однако, общественные элементы, болѣе жизненные и дѣятельные, которымъ и выпала тогда историческая роль: это были извѣстныя церковныя братства, въ которыхъ защиту церковнаго интереса принимали на себя міряне, сама церковная паства. Возникновеніе братствъ новѣйшіе изслѣдователи относятъ еще къ первой половинѣ XV-го вѣка, и къ концу этого вѣка и въ XVI-мъ столѣтіи братства развились въ настоящую общественную силу, пріобрѣтая такой авторитетъ, что, напр., самостоятельно сносились съ патріархами, отъ которыхъ получали и свое утвержденіе. Основой этого авторитета было то, что народная масса была предана своей православной вѣрѣ, и городскіе члены братствъ чувствовали себѣ опору въ народѣ. Отсюда то любопытное въ нашей старой исторіи явленіе, что дѣло церковнаго учительства и потомъ вѣроисповѣдной борьбы ведется не церковными пастырями, а мірянами, и въ церковной литературѣ дѣйствуютъ докторъ Скорина, князь Острожскій, выѣзжій князь Курбскій, книжныя церковныя предпріятія совершаются мірянами - типографщиками. Въ началѣ

XVI-го столѣтія православіе находило защиту въ самихъ литовскихъ князьяхъ, и терпимость исповѣданій въ самомъ обществѣ была такова, что, напримѣръ, въ бесѣды и пиры братствъ бывали приглашаемы католики, даже католическіе духовные. Такимъ образомъ, естественно было самое образованіе Скорины въ католическомъ университетѣ и отраженіе у него католической литературы.

Г. Владиміровъ выясняетъ эти отношенія весьма обстоятельно, собираетъ затѣмъ немногія біографическія данныя о Скоринѣ, излагаетъ исторію его изданій, дѣланныхъ въ Прагѣ и Краковѣ, опредѣляетъ тѣ источники, какими руководился Скорина въ переводѣ библейскихъ книгъ, отношеніе его текста къ старому тексту славянской Библіи, степень вліянія Библіи чешской, которою Скорина также воспользовался, и т. д. Все это изслѣдованіе совершенно ново въ нашей исторической литературѣ и въ первый разъ опредѣляетъ вопросъ о дѣятельности Скорины съ должною точностью; при этомъ авторъ внимательно разсмотрѣлъ эпизодическія обстоятельства, съ которыми связана дѣятельность Скорины, даетъ понятіе о положеніи краковскаго университета, о типографскомъ дѣлѣ нѣмецкомъ и чешскомъ и т. д. Далѣе, авторъ указываетъ какъ литературные антецеденты, объясняющіе появленіе Скорины, такъ и отраженіе его дѣятельности въ послѣдующей литературѣ. Наконецъ онъ останавливается на языкѣ Библіи и другихъ изданій Скорины и даетъ матеріалъ для характеристики тогдашняго состоянія бѣлорусскаго нарѣчія. Все это дѣлаетъ книгу г. Владимірова важнымъ пріобрѣтеніемъ для исторіи нашей литературы XV—XVI вѣка.—А. П.

— *К. Ярошъ.* Вопросы современной морали. Харьковъ, 1888.

Книга г. Ярошъ (профессора харьковскаго университета) начинается сѣтованіями о томъ, что въ нашихъ школахъ стремятся только къ наполненію или даже „переполненію“ ума, пренебрегая „культурой души“, что на учениковъ дѣйствуютъ преимущественно или исключительно соревнованіемъ и страхомъ. Въ этихъ сѣтованіяхъ нѣтъ ничего новаго, ихъ можно встрѣтить, въ послѣднее время, даже въ „Гражданинѣ“; за ними могутъ скрываться самые различные взгляды на задачи и цѣли воспитанія. У г. Ярошъ они звучатъ фальшивой нотой. Чтобы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, ему слѣдовало бы признать, что въ нашей школѣ все обстоитъ или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ будетъ обстоять благополучно. Авторъ принадлежитъ къ числу людей, вѣрящихъ въ силу приказа. Восхваляя, въ заключительной главѣ своей книги, все сдѣланное и задуманное

у насъ—въ оффиціальныхъ сферахъ—въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, онъ цитируетъ, между прочимъ, циркуляръ министра народнаго просвѣщенія (5 мая 1881 г.), въ которомъ сказано: „не одна только сумма извѣстныхъ знаній требуется отъ будущаго гражданина; ему не менѣе нужна крѣпость нравственной природы и духа". Чего же больше? Начальство приказало воспитывать „нравственную природу" учениковъ; если это приказаніе не исполняется, нужно только построже подтвердить его. Циркуляры и другіе акты той же категоріи служатъ, въ глазахъ г. Ярошa, вѣрнымъ зеркаломъ жизни; онъ выводитъ изъ нихъ наличность „настойчиваго стремленія вдохнуть чистую душу въ наше общественное тѣло" (стр. 235). Какой же смыслъ имѣютъ, въ виду этого вывода, жалобы г. Ярошa на нашу школу? Или, можетъ быть, циркуляръ и дѣйствительность, оффиціальная бумага и реальный міръ—не всегда одно и то же? Заключительная глава книги г. Ярошa оказывается, въ такомъ случаѣ, подорванной въ одномъ изъ главныхъ своихъ основаній... Другая отличительная черта автора—это безусловный оптимизмъ во всемъ томъ, что касается современной нашей политики. Одобреніе его распространяется въ равной мѣрѣ на явленія самаго различнаго характера, лишь бы только они исходили изъ оффиціальнаго источника. Прекрасны, по его мнѣнію, всѣ законы послѣдняго времени, внушенные заботливостью о крестьянахъ—но прекрасны и законы, направленные къ огражденію интересовъ дворянства, хотя бы и въ ущербъ сельскихъ обывателей (напр. законъ 12-го іюня 1886 г. о наймѣ рабочихъ). „Въ своей законодательной дѣятельности,—восклицаетъ восторженный эклектикъ,—государственная власть съ полнымъ правомъ могла бы поставить девизомъ извѣстныя слова Солона: народу я далъ надлежащую мѣру чести, выдающимся элементамъ государства воздалъ должное, и, покрывъ всѣ классы населенія огромнымъ щитомъ, я старался изгнать несправедливость". Противниковъ „сословности" г. Ярошъ заподозрѣваетъ въ томъ, что имъ хотѣлось бы видѣть страну „обращенною въ аггрегатъ совершенно одинаковыхъ и равныхъ *нумеровъ*". Итакъ, не сочувствовать сословнымъ привилегіямъ—все равно что быть крайнимъ коммунистомъ, эгализаторомъ и нивеллёромъ?... Восхищеніе автора возбуждается, далѣе, и тѣми правительственными мѣрами, которыя касаются иноплеменныхъ элементовъ населенія. Онъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что онѣ стремятся „направить обособленность этихъ элементовъ по точно обозначенному руслу, очерчивая послѣднее достаточно прочной линіей берега". Конечно, этому опредѣленію недостаетъ ясности—но зато оно свидѣтельствуетъ о высокой степени экстаза, овладѣвшаго авторомъ. Г. Ярошъ воздаетъ хвалу и новому университетскому

уставу, и „правиламъ испытаній по юридическому факультету“—грѣшащимъ только „нѣкоторою спѣшностью редакціи“,—и положенію о церковно-приходскихъ школахъ. Онъ защищаетъ, наконецъ, всѣ дѣйствующія у насъ стѣсненія личной свободы и свободы печати, вступая при этомъ въ борьбу съ вѣтряными мельницами—съ „защитниками *безграничной* свободы слова“, никогда, сколько намъ извѣстно, не возвышавшими голосъ въ нашей литературѣ. „Печать—говоритъ г. Ярошъ—несомнѣнно есть вліятельное орудіе; имъ можно приносить пользу, но можно и оказывать вредъ“—и этотъ афоризмъ, подкрѣпленный смѣлою ссылкою на Спиноэу, кажется ему достаточнымъ оправданіемъ даже для „временныхъ“ правилъ 1882 года. „Солидная, свободная и спокойная критика — продолжаетъ авторъ—не частое явленіе въ нашей легкой, быстро пишущей повременной литературѣ. Чаще приходилось (кому?) имѣть дѣло съ задорными вылазками и инсинуирующими намеками, въ которыхъ выступали непродуманныя тенденціи неопредѣленной свободы, малосознательный лепетъ о безформенномъ равенствѣ и пр. А все это, вольно или невольно, обращалось въ орудіе зависти низшихъ къ высшимъ и аппетита менѣе состоятельныхъ къ достоянію болѣе состоятельныхъ“. И эта характеристика примѣнима ко всей нашей періодической печати, испытывающей на себѣ дѣйствіе „временныхъ“ правилъ 1882 г.?... Говоря о цензурѣ, г. Ярошу слѣдовало бы вспомнить, по крайней мѣрѣ, о Львѣ Толстомъ, котораго онъ самъ ставитъ очень высоко, и спросить себя, объясняется ли запрещеніе послѣднихъ сочиненій Толстого „малосознательнымъ лепетомъ“, „задорными вылазками“, „инсинуирующими намеками“—или чѣмъ-либо инымъ? Но нѣтъ, это нарушило бы невозмутимое благодушіе автора, довольнаго всѣмъ тѣмъ, что носитъ оффиціальный штемпель; это заставило бы его признать, что tout n'est pas pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles. Въ апологіи и панегирикѣ нѣтъ и не должно быть мѣста даже для самой умѣренной дозы критики. Г. Ярошъ остается послѣдовательнымъ до конца, соприкасаясь въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, съ профессорами-писателями того же типа: гг. Владиславлевымъ, Сергѣевскимъ, Романовичемъ-Словатинскимъ... Прибавимъ, для полноты изложенія, что въ остальныхъ главахъ книги г. Яроша проводится старая мысль о безсиліи науки „создать положительную систему морали и права“; но это—только пьедесталъ, на которомъ воздвигается статуя политическаго оптимизма. Между пьедесталомъ и статуей мало внутренней гармоніи; совершенно непонятнымъ, напримѣръ, остается для насъ возможность одновременнаго преклоненія передъ текущей политикой — и передъ теоріями графа Льва Толстого.

— *И. И. Георгіевскій*, Экономическая отвѣтственность, г. Яроцкаго. Спб., 1888.

Эта небольшая брошюра производитъ тяжелое впечатлѣніе. Она принадлежитъ къ тому отдѣлу полемической литературы, отличительная черта котораго—враждебное отношеніе къ личности противника. Цѣль нападенія заключается не столько въ томъ, чтобы опровергнуть мнѣнія, признаваемыя неправильными, сколько въ томъ, чтобы подорвать авторитетъ писателя, высказавшаго эти мнѣнія. Отсюда неразборчивость въ выборѣ средствъ—подчеркиванье стилистическихъ ошибокъ, выискиванье мелкихъ противорѣчій, вычисленіе страницъ, заимствованныхъ изъ другихъ авторовъ. Всѣ эти пріемы пущены въ ходъ г. Георгіевскимъ; онъ хочетъ доказать не ошибочность тѣхъ или другихъ взглядовъ г. Яроцкаго, а совершенную негодность его книги. Она провозглашается „плодомъ недоразумѣнія", потому что въ ней, вопреки ея заглавію, почти ничего не говорится объ „экономической отвѣтственности предпринимателей"; но при этомъ упускается изъ виду, что разбираемая книга составляетъ только первую часть обширнаго сочиненія, вторая часть котораго, какъ видно изъ отрывка, обсуждавшагося нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ и напечатаннаго въ „Журналѣ Гражданскаго и Уголовнаго Права", прямо посвящена вопросу объ обязанности вознагражденія, лежащей на предпринимателяхъ по отношенію къ рабочимъ. Что же удивительнаго въ томъ, что спеціальному изслѣдованію избранной темы г. Яроцкій счелъ нужнымъ предпослать нѣсколько общихъ положеній?.. По этому образцу можно судить о характерѣ брошюры г. Георгіевскаго. Каковы бы ни были недостатки книги г. Яроцкаго [1]), это во всякомъ случаѣ сочиненіе серьезное, заслуживавшее серьезнаго разбора. Враги прежнихъ университетскихъ порядковъ охотно приписывали имъ всѣ распри, всѣ личныя пререканія, возникавшія въ средѣ ученыхъ корпорацій. Брошюра г. Георгіевскаго ясно доказываетъ несправедливость этого мнѣнія; появленію ея отнюдь не помѣшало существованіе новаго университетскаго устава. — К. К.

---

[1]) См. замѣтку о ней въ Литературномъ Обозрѣніи № 7 „Вѣстника Европы" за 1887 г.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Андерсонъ, Ѳ. Нѣмецкая хрестоматія для средн. и высш. класс. средн. уч. завед., съ 14 портрет. писат. Спб. 1888. Стр. 275 и 90. Ц. 1 р.

Апраксинъ, А. Д. Дѣло чести. Повѣсть. Спб. 1888. Стр. 39. Ц. 50 к.

——— Въ тиши ночной. Разсказы, этюды и наброски. Спб. 1888. Стр. 117. Ц. 80 коп.

Борзовъ, И. Методы изслѣдованія экономическихъ задачъ желѣзнодорожныхъ предпріятій. Спб. 1887. Стр. 368.

Боткинъ, С. С. Вліяніе солей рубидія и цезія на сердце и кровообращеніе. Спб. 1888. Стр. 41 (докторск. диссерт.).

Бржескій, Н. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII стол. Спб. 1888. Стр. 194. Ц. 2 р.

Веберъ, Г. Всеобщая исторія. Т. IX. Перев. Андреевъ. М. 1888. Стр. 129. Ц. 4 руб. 50 коп.

Венгеровъ, С. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 10. Спб. 1888. Стр. 419—462 (окончаніе первой серіи).

Воропоновъ, Ѳ. Отчетъ объ исполненіи лѣтомъ 1887 г. командировки въ губ. бессарабскую, кіевскую и таврическую, члена совѣта крестьянскаго поземельнаго банка. Спб. 1888. Стр. 65.

Габбе, В. Приключенія капитана Гатраса, по Ж. Верну. Спб. 1888. Стр. 79. Ц. 20 коп.

Каменскій, пр. И. Православно-христіанское нравственное богословіе. Ч. I. Казань. 1888. Стр. 112. Ц. 80 к.

Карѣевъ, Н. Историческая философія гр. Л. Н. Толстого, въ „Войнѣ и мирѣ". Спб. 1888. Стр. 64.

Клоссовскій, А. Осадки юго-запада Россіи, ихъ распредѣленіе и предсказанія. Одесса. 1888. Стр. 111.

——— Предсказанія погоды и метеорологическія наблюденія на югѣ Россіи. Одесса. 1888. Стр. 21.

Коляю, К. Къ патологической анатоміи гортани при брюшномъ тифѣ. Спб. 1888. Стр. 89 (доктор. диссерт.).

Мизиновъ, П. Дантъ и его Божественная Комедія. Ярославль. 1888. Стр. 38.

Незеленовъ, А. Островскій въ его произведеніяхъ. Первый періодъ дѣятельности, до историч. хроникъ. Спб. 1888. Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинъ, С. Заволжье въ области 92-го листа общей геологической карты Россіи. Спб. 1888. Стр. 40. Ц. 50 к.

Павловъ, Т. Сѣрнокислый спартеинъ, какъ средство сердечное и мочегонное. Спб. 1888. Стр. 69 (доктор. диссерт.).

Панаевъ, И. И. Полное собраніе сочиненій, въ 6 томахъ. Т. I. Спб. 1888. Стр. 400. Ц. 3 р.

Петровъ, М. Н. Лекціи по всемірной исторіи. Т. II: Исторія среднихъ вѣковъ, обработ. и дополн. В. Надлеромъ. Харьковъ. 1888. Стр. 296. Ц. 2 р. 50 к.

Пиллеръ, О. Итоги женскаго образованія въ Россіи и его задачи. Спб. 1888. Стр. 239. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, Е. Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей. Москва. 1888. Стр. 261. Ц. 1 р.

Поповъ, Л. Мореходныя школы. Москва. 1888. Стр. 107. Ц. 50 к.

Пругавинъ, В. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Москва. 1888. Стр. 297.

Расснеръ, Д. Институціи имп. Юстиніана. Латинскій текстъ параллельно съ русскимъ. Вып. I. Спб. 1888. Стр. 66. Ц. всѣхъ 6-ти вып. 2 р. 40 к.

Синцовъ, И. Общая геологическая карта Россіи, л. 92-й. Саратовъ—Пенза. Спб. 1888. Стр. 132. Ц. 2 р. 50 к.

Сторожевскій, Б. Н. Черная страничка записной книги. Нравы Песчаной улицы. Спб. 1888. Стр. 82. Ц. 50 к.

Тарасовъ, И. Краткій очеркъ науки административнаго права, въ 2 томахъ. Т. I. Ярославль. 1888. Стр. 386. Ц. 3 р.

Федоровичъ, Л. Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія. Одесса. 1888. Стр. 627. Ц. 4 р. 50 к.

Щербачевъ, Г. Земледѣльческій кризисъ и средства для борьбы съ нимъ. Спб. 1888. Стр. 23.

— Адресный списокъ врачей, лечебныхъ заведеній и аптекъ въ С.-Петербургѣ. Изд. Невской аптеки. Спб. 1888. Стр. 38.

— Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при имп. Казанскомъ университетѣ. Т. VI. Вып. 2. Казань. 1888.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ Общества вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ Андреевскаго собора за 1887 г. Спб. 1888.

— Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, тт. 59, 60, 61, 63, 65. Спб. 1887 и 1888. Ц. по 3 р.

— Труды собраній преподавателей языковъ русскаго и иностранныхъ. 1886—1887 учебный годъ. Спб. 1888. Стр. 88.

Boucher, Maurice. Les Symboles. Poèmes. Paris. 1888. Стр. 311. Ц. 3 фр. 50 сантим.

Brinn' Gaubast, de L. P. Fils adoptif. Paris. 1888. Стр. 302. Ц. 3 фр. 50 сант.

De Gubernatis, A. Dictionnaire international des écrivains du jour. 1-re livraison: A—Bab. Florence. 1888. Стр. 1—112.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА СТАТЬЮ Е. С. НЕКРАСОВОЙ

о графинѣ Е. П. Ростопчиной.

Въ мартовской книжкѣ 1885 года „Вѣстника Европы“ была помѣщена статья за подписью Е. С. Некрасовой, подъ заглавіемъ: „Графиня Е. П. Ростопчина. Очеркъ“. Графиня Евдокія Петровна Ростопчина—родная моя сестра. Не получая „Вѣстника Европы“, я позже узналъ случайно о появленіи этой статьи, на которую обратили мое вниманіе какъ на литературное произведеніе, оскорбительное для памяти моей покойной сестры. Еслибы г-жа Некрасова ограничилась критикою сочиненій графини Ростопчиной, хотя бы самою враждебною и несправедливою, то для меня не было бы надобности заниматься опроверженіемъ ея мнѣнія; но она перенесла тенденціозный критическій разборъ *произведеній* на критику *личности автора*, при изображеніи жизни и характеристики моей сестры въ совершенно ложномъ, неблаговидномъ свѣтѣ, доказывая, что ея натура была *„испорченная, эгоистическая, пустая, безнравственная, безпринципная, безсердечная, гордая, злая, мстительная, демоническая (!), что цѣлью своего существованія сдѣлала пьянящее веселье, а послѣдній годъ жизни провела въ злобномъ раздраженіи и шипѣньѣ“!!*...

Сестра моя, графиня Е. П. Ростопчина, вопреки описанію и вымысламъ г-жи Некрасовой, была женщина самая добродушная и простосердечная, никому въ своей жизни не сдѣлавшая зла; не только не злопамятная и не мстительная, но даже совсѣмъ неспособная—по своей живой, впечатлительной, поэтическо-увлекающейся, восторженной и нѣсколько вѣтренной натурѣ—долго хранить въ сердцѣ чувство негодованія противъ кого-нибудь; напротивъ того, она слишкомъ снисходительно прощала и легко забывала причиняемыя ей огорченія или обиды; въ родственныхъ и свѣтскихъ отношеніяхъ она была пріятною, прямодушною, довѣрчивою, и потому имѣла много друзей. По чувству братской любви къ ней и долгу справедливости я призналъ своею обязанностью не оставить безъ обличенія и опроверженія ни на чемъ неосновательныхъ и враждебныхъ нареканій со стороны г-жи Некрасовой, но не могъ раньше исполнить этого намѣренія по разнымъ причинамъ, главная изъ которыхъ заключалась въ слѣдующемъ обстоятельствѣ: г-жа Некрасова въ своемъ „Очеркѣ“ много разъ ссылалась на указанія, заимствованныя ею изъ бумагъ моего покойнаго дяди, Николая Васильевича Сушкова, хранящихся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, куда послѣ его смерти онѣ были переданы его вдовою; я имѣлъ полное убѣжденіе, что въ запискахъ моего дяди никакъ не могли заключаться тѣ невѣрныя свѣденія, которыя будто бы могла почерпнуть изъ нихъ г-жа Некрасова, а потому прежде всего было для меня необходимо ознакомиться съ содержаніемъ этихъ бумагъ; снятіе съ нихъ копій затянулось

весьма долго, и только въ прошедшемъ году успѣлъ я получить ихъ. Теперь я вполнѣ вооруженъ для защиты дорогой мнѣ памяти покойной сестры.

Задавшись желаніемъ написать очеркъ жизни и характера графини Е. П. Ростопчиной, г-жа Некрасова сама сознается, что она не имѣла необходимаго матеріала для выполненія своего намѣренія и что не существуетъ ни одного обстоятельнаго некролога послѣ смерти графини; но ей удалось найти нѣкоторыя указанія въ запискахъ Николая Васильевича Сушкова. Между тѣмъ, несмотря на такой недостатокъ біографическихъ свѣденій, г-жа Некрасова рѣшилась сказать: „только въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за іюнь 1881 г.) помѣщена небольшая біографическая замѣтка о ней ея брата Д. Сушкова, гдѣ *невѣрно* сообщены какъ хронологія литературной дѣятельности графини, такъ и *многія другія подробности*“. Нельзя не подивиться самоувѣренной смѣлости этого заявленія. Постороннее лицо, никогда не знавшее графиню и ея родственниковъ, не имѣвшее съ ними никакихъ отношеній, не принадлежащее къ ихъ кругу общества, и въ довершеніе, чрезъ четверть вѣка послѣ смерти графини, хочетъ знать, не имѣя въ рукахъ никакихъ документальныхъ основаній, подробности о ея дѣтствѣ и жизни—*вѣрнѣе,* нежели ея родной братъ! Одно это вступленіе г-жи Некрасовой уже даетъ достаточное понятіе о степени основательности и правдивости содержанія *ею самою сочиненнаго* „Очерка“.

Подъ вліяніемъ предвзятой мысли—изобразить личность графини Ростопчиной, во что бы то ни стало, въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ, г-жа Некрасова, за неимѣніемъ для этого фактическихъ данныхъ, прибѣгла къ помощи вымысловъ, и весь ея разсказъ, *отъ перваго до послѣдняго слова*, составляетъ плодъ одной ея фантазіи. Не стану утомлять терпѣнія читателя перебираніемъ всѣхъ извращеній истины и безчисленныхъ вымысловъ, заключающихся въ этомъ очеркѣ, а ограничусь разоблаченіемъ только наиболѣе изъ нихъ существенныхъ и преимущественно тѣхъ, которые относятся до описанія жизни и характеристики графини Ростопчиной; даже и въ такой сжатой рамкѣ мое возраженіе выйдетъ довольно обширнымъ.

Въ упомянутой замѣткѣ моего брата, Дмитрія Петровича Сушкова, помѣщенной въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, подъ заглавіемъ: „Къ біографіи графини Е. П. Ростопчиной“,—онъ объяснилъ, что написалъ эти свѣденія для князя П. А. Вяземскаго, который хотѣлъ писать статью о литературной дѣятельности графини, но скончался, не успѣвъ исполнить своего намѣренія; а такъ какъ въ нѣкоторыхъ журналахъ были помѣщены о ней невѣрныя біографическія замѣтки, то онъ счелъ небезполезнымъ напечатать точныя свѣденія, составленныя имъ для покойнаго князя Вяземскаго. Въ своей замѣткѣ братъ мой разсказалъ, что Евдокія Петровна родилась 23-го декабря 1811 г. въ Москвѣ, въ домѣ ея родного дѣда, по матери, Ивана Александровича Пашкова, гдѣ жили ея родители со времени ихъ вступленія въ бракъ, въ январѣ того же года; что послѣ кончины матери, въ 1817 г., наша сестра продолжала жить у дѣда и бабушки Пашковыхъ, *до самаго выхода замужъ* за графа А. Ѳ. Ростопчина въ 1833 г., и что это ея пребываніе въ домѣ Пашковыхъ произошло

вслѣдствіе постоянныхъ отлучекъ нашего отца изъ Москвы, сначала въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ по дѣламъ своего тестя, И. А. Пашкова, а позднѣе по обязанностямъ своей службы: въ 1833 г. онъ пріѣзжалъ въ Москву на свадьбу дочери изъ Оренбурга, гдѣ занималъ должность начальника таможеннаго округа. Эти факты, доказывающіе, что моя сестра не покидала дома Пашковыхъ до самаго дня своего замужества и *никогда не жила при своемъ отцѣ*, были такъ просты, что мой братъ Дмитрій никакъ не могъ забыть ихъ или перепутать въ своихъ воспоминаніяхъ.

Показанія моего брата *„не вѣрны“*! А почему?—да просто потому, что по составленному ею предвзятому плану „Очерка“ требовалось представить описаніе юности и воспитанія Е. П. Сушковой въ иныхъ условіяхъ, соотвѣтственныхъ тѣмъ тенденціознымъ выводамъ, которые желала изъ нихъ сдѣлать г-жа Некрасова. Приведу теперь послѣдовательный рядъ выписокъ изъ фантастическаго разсказа г-жи Некрасовой, подчеркивая въ нихъ тѣ выраженія и мѣста, на которыя слѣдуетъ обращать преимущественное вниманіе.

„Со смерти матери (Евдокіи Петровны) *въ домъ Петра Васильевича Сушкова* поселилась его родная сестра, Прасковья Васильевна. На ней собственно и лежали всѣ хлопоты по хозяйству и *по воспитанію маленькой Евдокіи* и ея братьевъ Сергѣя и Дмитрія. *Отецъ не отличался качествами хорошаго семьянина:* онъ *не любилъ тишины*, рѣдкій вечеръ просиживалъ дома, и то если ждалъ гостей; обыкновенно же *шелъ* или въ клубъ, или *въ ресторанъ*, или къ кому-нибудь *изъ товарищей*. Вотъ что говоритъ Ростопчина (замѣчу мимоходомъ и разъ навсегда, что такъ не принято выражаться, и слѣдовало бы сказать: *графиня* Ростопчина) объ отцѣ въ одномъ изъ своихъ романовъ: „Счастливая женщина“. *Она подъ видомъ героини романа изобразила себя:* „Утромъ отецъ приходитъ пить чай къ дочери, ласкаетъ ее, много разспрашиваетъ о *вечернихъ выѣздахъ* и занятіяхъ, о томъ, что, можетъ быть, нужно или пріятно исполнить ея требованія, даже прихоти, крестилъ, цѣловалъ и уѣзжалъ на весь день“.—И *дѣвочка* знала, что у нея есть отецъ, который ее любитъ, но котораго она почти совсѣмъ не видитъ. Онъ ей ни въ чемъ не отказывалъ, охотно исполнялъ даже *ея капризы. И въ Евдокіи понемногу зарождались настойчивость и эгоизмъ*“.

Вотъ, слѣдовательно, та причина, по которой г-жа Некрасова назвала *невѣрнымъ* показаніе моего брата о воспитаніи нашей сестры у Пашковыхъ, а не въ домѣ нашего отца. Г-жа Некрасова почему-то предположила, что въ лицѣ героини романа графиня Ростопчина изобразила себя, и что въ такомъ случаѣ описаніе всей обстановки жизни героини романа непремѣнно должно быть точнымъ изображеніемъ собственной юности графини. Хотя это заключеніе не логично, но оно требовалось для цѣли г-жи Некрасовой, пожелавшей изобразить воспитаніе Евдокіи Петровны при одинокомъ отцѣ, который ею не занимался, предоставленнымъ безъ надзора на произволъ ея собственной избалованной воли, т.-е. въ такихъ именно условіяхъ, которыя должны были прямо способствовать развитію съ юныхъ лѣтъ

въ „*дѣвочкѣ*“ *понемногу* дрянныхъ качествъ *каприза, настойчивости, эгоизма* (и какая же она была „*дѣвочка*“, если отецъ могъ разспрашивать ее, „*о вечернихъ выѣздахъ*“?). Посмотримъ, однако, имѣла ли г-жа Некрасова какое-нибудь основаніе такъ поступить? Упомянувъ въ началѣ „Очерка“, что Евдокія Петровна родилась въ 1811 г. и потеряла мать въ 1817 (слѣдовательно, на 7-мъ году своего дѣтства), имѣла двухъ младшихъ братьевъ, и что будто бы послѣ смерти ихъ матери поселилась въ домѣ П. В. Сушкова родная его сестра, Прасковья Васильевна, которая занялась воспитаніемъ дѣтей,—г-жа Некрасова *прямо посль этихъ словъ* вдругъ *измѣняетъ* этотъ разсказъ о дѣтствѣ Евдокіи Петровны и примѣняетъ къ ней описаніе юности Марины, героини романа: „Счастливая женщина“, которая лишилась матери на 18-мъ году, не имѣла братьевъ и осталась жить вдвоемъ съ своимъ отцомъ, въ компаніи только одной гувернантки. Такое странное совмѣщеніе и смѣшеніе двухъ совершенно разнородныхъ повѣствованій производитъ полнѣйшую путаницу, въ которой никакъ нельзя разобраться. Описаніе въ романѣ образа жизни отца героини Марины и его обращеніе съ *взрослою* дочерью, выѣзжавшею по вечерамъ въ свѣтъ, совершенно непримѣнимо къ дѣтству Евдокіи Петровны въ томъ случаѣ, если она осталась сиротою *семи лѣтъ*, и съ нею въ домѣ отца жили еще два брата и тетка, занимавшаяся ихъ воспитаніемъ. Мы уже знаемъ, что эти оба разсказа одинаково невѣрны, такъ какъ Евдокія Петровна не покидала дома Пашковыхъ до своего замужества; но г-жѣ Некрасовой нѣтъ до этого дѣла, и для нея единственно было нужно установить, такъ или иначе, что Евдокія Петровна *съ дѣтства заразилась дурными инстинктами и качествами*. Однако, интересно узнать, откуда г-жа Некрасова могла почерпнуть данныя для сочиненія первой части той сказки, которую она выдаетъ за правдивый очеркъ дѣтства графини Ростопчиной? Въ запискахъ Н. В. Сушкова сказано: „Старшая всѣмъ намъ сестра, Прасковья Васильевна, по кончинѣ нашей матери, замѣнила намъ мать. Позже, ея любовь и заботливость перенеслись на племянницъ и племянниковъ. Всю жизнь свою она посвятила воспитанію разныхъ сиротъ“,—и только! *ни одного слова больше* не сказалъ Николай Васильевичъ. Его показаніе вѣрно, такъ какъ Прасковья Васильевна, послѣ смерти своего отца, осталась жить со своимъ братомъ *Андреемъ* Васильевичемъ и для его дочери дѣйствительно замѣнила мать, умершую при ея рожденіи; заботы же Прасковьи Васильевны о нѣкоторыхъ другихъ юныхъ ея племянницахъ и племянникахъ бывали временныя, когда по разнымъ случаямъ они жили въ домѣ Андрея Васильевича. Имена моего отца *Петра* Васильевича и моей сестры даже не были упомянуты въ разсказѣ Н. В. Сушкова. Изъ моихъ разъясненій видно, что г-жа Некрасова пишетъ тенденціозно, сама себѣ противорѣчитъ, путается и произвольно измѣняетъ на свой ладъ содержаніе записокъ Н. В. Сушкова. Итакъ, съ самаго начала „Очерка“, описаніе дѣтства Е. П. Сушковой оказалось собственнымъ сочиненіемъ г-жи Некрасовой, а приписанныя ею дурныя нравственныя качества „дѣвочкѣ“—*явнымъ вымысломъ*.

Г-жа Некрасова набросила невыгодную тѣнь и на нашего отца, сказавъ, что „*онъ не отличался качествами хорошаго семьянина*“.

На чемъ же было основано такого рода заключеніе? Вотъ какъ графиня Ростопчина описываетъ въ своемъ романѣ образъ жизни отца героини, человѣка *солиднаго лѣтъ*, занимавшаго *высокое* служебное положеніе, *очень богатаго* и принадлежавшаго къ *высшему* кругу общества: „Утромъ онъ приходилъ пить чай къ дочери, ласкалъ ее, много разспрашивалъ о вечернихъ выѣздахъ... и уѣзжалъ на весь день. Обѣдывалъ онъ съ нею вообще всегда, когда былъ дома и не имѣлъ гостей; но, правда, что разъ пять въ недѣлю онъ или *былъ отозванъ*, или самъ долженъ былъ принимать *друзей и сослуживцевъ своихъ*, а потому нельзя было ему и не пообѣдать въ клубѣ или въ ресторанахъ, *прославленныхъ гастрономическимъ искусствомъ*". Это совершенно приличное описаніе образа жизни знатнаго, богатаго и солиднаго сановника окрасилось подъ перомъ г-жи Некрасовой въ колоритъ слѣдующей тривіальной картинки: „отецъ ея не отличался качествами хорошаго семьянина; онъ *не любилъ тишины*, рѣдко *вечеръ просиживалъ дома*, и то если ждалъ гостей; обыкновенно же *шелъ* или въ клубъ, или *въ ресторанъ*, или къ кому-нибудь *изъ товарищей*". Въ этой пародіи на разсказъ графини Ростопчиной прямо представляется воображенію читателя обстановка жизни мелкаго человѣчка, пустого, любящаго шумную компанію, бѣгающаго пѣшечкомъ по разношерстнымъ клубамъ, кафе-ресторанамъ и на вечеринки къ товарищамъ. Въ романѣ сказано, что отецъ героини бывалъ отозванъ на обѣды или принималъ у себя друзей и сослуживцевъ, очевидно, такихъ же солидныхъ и высокопоставленныхъ, какъ онъ самъ; а здѣсь эти званые обѣды превратились въ ежедневное рысканье по вечеринкамъ, а важные сослуживцы—въ нелюбящихъ тишины товарищей, обычныхъ посѣтителей всякихъ ресторановъ, гдѣ можно провести время въ веселой компаніи; указаніе на *гастрономическіе* обѣды въ англійскомъ клубѣ и въ ресторанахъ, *прославившихся кулинарнымъ искусствомъ*, выражаетъ понятіе совсѣмъ иное, нежели бѣганіе покушать въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ и ресторанчикахъ мелкаго разряда.

Продолжаю выписку. „Любовь Сушковой къ поэзіи *воспитывалась и поддерживалась окружающей средой*. Всѣ ея дяди, тетки и даже бабушки по отцу (рожденная Храповицкая) были страстные любители литературы; почти всѣ писали, если не для печати, то для себя. *Литературная атмосфера стояла надъ ея колыбелью, окружала ея дѣтство*. Всякая литературная новость, всякое выдающееся произведеніе было предметомъ разговора, обѣгáло гостиныя и залы ея богатыхъ родственниковъ, нерѣдко переполненныя картежными столами и съѣхавшимися изъ отдаленныхъ губерній игроками—помѣщиками. Случалось, карточный интересъ заглушалъ въ юномъ членѣ семьи (?) только-что начавшуюся зарождаться (?) любовь къ литературѣ. И молодой человѣкъ, вчера увлекавшійся стихами (?), сегодня весь уходилъ въ интересъ зеленаго поля и уходилъ безвозвратно (?). *Многіе изъ Сушковыхъ* сдѣлали себѣ впослѣдствіи изъ картежной игры *спеціальность* и достигали на этомъ поприщѣ *артистическаго совершенства*, разъѣзжали по Россіи, устраивали *карточные турниры, публичныя состязанія*. Другіе же, съ неменьшей страстностью—которая составляетъ фамильную наслѣдственную черту Сушковыхъ

(любопытно мнѣ знать, изъ какого источника добыла г-жа Некрасова это біографическое свѣденіе?)—уходили въ интересъ литературы; Ник. Вас. Сушковъ, родной дядя графини Ростопчиной, былъ въ свое время извѣстный литераторъ. Онъ былъ близкимъ совѣтникомъ племянницы въ литературныхъ занятіяхъ".

Увы!— вся эта краснорѣчивая тирада г-жи Некрасовой есть только продуктъ ея воображенія. Одно вѣрно, что наша бабушка, Марія Васильевна, рожденная Храповицкая (сестра Александра Васильевича, извѣстнаго статсъ-секретаря императрицы Екатерины II), пользовалась въ свѣтскомъ обществѣ большою извѣстностью по своему уму и отличному образованію, составлявшему въ концѣ прошедшаго столѣтія удѣлъ немногихъ русскихъ женщинъ; она много занималась литературными трудами, перевела прозой и стихами нѣсколько иностранныхъ произведеній съ языковъ французскаго, итальянскаго и англійскаго, писала пьесы для театра. Въ собраніи литографированныхъ портретовъ русскихъ писателей, изданномъ въ началѣ текущаго столѣтія Бекетовымъ (въ 32-ю долю листа), находится также и портретъ Маріи Васильевны Сушковой, съ подписью: „писательница". Справедливо, что ея любовь къ литературѣ перешла наслѣдственно ко многимъ ея потомкамъ, какъ о томъ упомянули Н. В. Сушковъ въ своихъ запискахъ и мой братъ Д. П. въ біографической замѣткѣ о сестрѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что Марія Васильевна скончалась 23-го декабря 1803 г., ровно изо дня въ день за восемь лѣтъ до рожденія, 23-го декабря 1811 г., ея внучки Евдокіи Петровны; а затѣмъ также могу удостовѣрить, что надъ колыбелью моей сестры не витали музы, и благоуханія литературной атмосферы не окружали ея юности, такъ какъ въ прозаическо-житейскомъ семействѣ Пашковыхъ, гдѣ она воспитывалась, никто не занимался литературою. Изъ семейства же Сушковыхъ проживала въ Москвѣ единственно Прасковья Васильевна, никогда не писавшая никакихъ сочиненій, и Андрей Васильевичъ—отъявленный врагъ пера, даже не любившій писать простыхъ писемъ. Что же касается до Николая Васильевича, то послѣ кончины въ 1819 году его отца онъ покинулъ Москву 22-хъ лѣтъ отъ роду, когда еще не думалъ заниматься литературою, а моей сестрѣ было въ то время только восемь лѣтъ; они сошлись и сблизились гораздо позднѣе, лишь въ концѣ 1847 г., когда моя сестра поселилась въ Москвѣ; обмѣнъ мыслей съ дядею по нѣкоторымъ изъ ея позднѣйшихъ произведеній не даетъ повода къ заключенію, что вообще онъ былъ близкимъ совѣтникомъ въ ея литературныхъ занятіяхъ. Изъ приведенныхъ мною фактовъ ясно обнаруживается, вопреки описанію г-жи Некрасовой, что *любовь Сушковой къ поэзіи никогда не воспитывалась и не поддерживалась окружающей средой*. Эта часть ея разсказа изложена ею завѣдомо невѣрно, такъ какъ изъ свидѣтельства моего брата Дмитрія въ его вышеупомянутой біографической замѣткѣ, которую г-жѣ Некрасовой вздумалось аттестовать *„невѣрною"*, она знала, что Евдокія Петровна начала писать стихи скрытно отъ старшихъ родныхъ въ семействѣ Пашковыхъ, а когда князь П. А. Вяземскій, безъ ея вѣдома, напечаталъ стихотвореніе: „Талисманъ"—въ одномъ изъ петербургскихъ альманаховъ, то всѣ родные набросились на нее, упрекая въ неприличномъ поступкѣ.

Вторая часть краснорѣчія г-жи Некрасовой о картежной игрѣ *въ томъ домѣ, гдѣ воспитывалась Евдокія Петровна,* не менѣе ложна и, сверхъ того, *неприлична*, а потому я поговорю объ этомъ предметѣ подробно. Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. В. Сушковъ разсказываетъ, что послѣ кончины въ 1803 г. его матери въ Москвѣ отецъ его чрезъ нѣкоторое время перебрался въ свою деревню Ельшанку, симбирской губерніи, гдѣ зажилъ на широкую ногу, принимая множество гостей, которыхъ онъ угощалъ хлѣбосольствомъ, плаваніемъ на шлюпкахъ, охотою, музыкою и пляскою домашнихъ сильфидъ, причемъ не были забыты и карты, составлявшія въ то время общее увлеченіе; азартная игра возросла до крупныхъ размѣровъ, и картежники съѣзжались не только изъ Симбирска, но даже изъ другихъ ближайшихъ губернскихъ городовъ. Многіе изъ игроковъ, люди заслуженные и знатные, плутовали въ игрѣ (въ то время шулерство было въ модѣ и не считалось особенно постыднымъ порокомъ), а честные игроки постоянно проигрывали, „какъ и мой отецъ", замѣчаетъ Николай Васильевичъ. Братъ его, Александръ, юноша 17—18-ти лѣтъ, присматривался къ игрѣ и вскорѣ успѣлъ замѣтить и постигнуть тонкости карточнаго плутовства; онъ на дѣлѣ поймалъ и уличилъ въ немъ нѣкоторыхъ изъ знатныхъ игроковъ, произведя этимъ страшный скандалъ, вслѣдствіе котораго отецъ выслалъ его изъ деревни. Александръ Васильевичъ сдѣлался послѣ того страстнымъ и отличнымъ игрокомъ во всякія игры, коммерческія и азартныя, ѣздилъ по разнымъ городамъ, вездѣ „играя и выигрывая *честно*". (Поясню отъ себя, что это странствованіе не составляло съ его стороны объѣзда всякихъ городовъ собственно для игры, но что въ нѣсколькихъ городахъ А. В. имѣлъ близкихъ родственниковъ, между прочимъ, и въ Пензѣ, гдѣ 20-ти лѣтъ онъ уже женился на княжнѣ А. П. Долгоруковой.) Когда онъ бывалъ въ Москвѣ, гораздо позднѣе, то крупные игроки „въ англійскомъ клубѣ" дѣлали складчины, чтобы потягаться съ нимъ въ пикетъ по высокой цѣнѣ. Случалось, А. В. выигрывалъ большія суммы, „да вотъ бѣда, друзья и пріятели, всякій разъ какъ ихъ другъ разбогатѣетъ, заманятъ его на пирушку и, употчивавъ шампанскимъ, оберутъ. Такъ онъ прожилъ всю жизнь: то разбогатѣетъ, то останется безъ копѣйки. И не одинъ Александръ въ нашей семьѣ *поплатился* за картежную игру на своемъ вѣку. И отецъ нашъ отсталъ отъ банка *послѣ многихъ уроковъ*, уже въ старости; и братъ Василій *поразстроилъ* свое состояніе, и брата Петра *пощипали* его задушевные друзья". Изъ содержанія этого разсказа мы видимъ, что описываемая въ немъ картежная игра происходила *не въ Москвѣ у Пашковыхъ, гдѣ жила Евдокія Петровна*, но въ селѣ Ельшанкѣ, симбирской губерніи, у другого ея дѣда, по отцу, Василія Михайловича Сушкова, и притомъ *за нѣсколько лѣтъ до ея рожденія!*... Г-жа Некрасова никакимъ образомъ не могла ошибиться въ хронологіи этихъ происшествій, такъ какъ въ запискахъ Н. В. Сушкова ясно сказано, что самъ онъ родился въ 1796 г., мать его скончалась въ 1803 г., отецъ перебрался въ Ельшанку вскорѣ послѣ ея смерти, когда Николаю Васильевичу могло быть не болѣе 8—9 лѣтъ, потому что только не задолго передъ ихъ отъѣздомъ въ деревню онъ перешелъ изъ женскихъ рукъ подъ надзоръ гувернера—фран-

цуза; слѣдовательно, описываемая игра въ Ельшанкѣ происходила въ періодъ 1805—1808 годовъ. Такимъ образомъ, обнаруживается, что въ повѣствованіи г-жи Некрасовой *нѣтъ ни одного слова правды.* Все картинное описаніе богатыхъ гостиныхъ и залъ въ томъ домѣ, *гдѣ протекла юность Евдокіи Петровны*, въ которыхъ совмѣстно царили литература и картежъ, гдѣ какіе-то молодые люди сегодня увлекались стихами, а завтра уходили въ интересъ зеленаго поля,— все это г-жа Некрасова могла видѣть только во снѣ, но никакъ не въ запискахъ Н. В. Сушкова.

Считаю себя въ полномъ правѣ, даже обязаннымъ поставить на видъ, что тонъ и выраженія въ отзывѣ г-жи Некрасовой о „*многихъ* Сушковыхъ, сдѣлавшихъ себѣ *спеціальность* изъ картежной игры, разъѣзжавшихъ по Россіи, *устраивавшихъ карточные турниры и публичныя состязанія*",—болѣе чѣмъ неприличны, набрасывая неблаговидную тѣнь на моихъ близкихъ родныхъ. Сказанное Николаемъ Васильевичемъ объ *одномъ* Александрѣ Васильевичѣ не можетъ быть распространяемо на другихъ Сушковыхъ, а игра одного крупнаго игрока противъ нѣсколькихъ складчиковъ „въ англійскомъ клубѣ" не представляетъ ничего необыкновеннаго, всегда это такъ водилось, и теперь постоянно продолжается во всѣхъ клубахъ; такую игру нельзя называть „устроеніемъ по городамъ Россіи карточныхъ турнировъ и публичныхъ состязаній". Если г-жа Некрасова этого не знаетъ и не понимаетъ значенія употребляемыхъ ею выраженій, то было бы для нея приличнѣе молчать.

Послушаемъ далѣе г-жу Некрасову. „*Матеріальное довольство, условія помѣщичьей жизни*, дѣлали *въ то время* (т.-е. въ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ) изъ литературы *родъ забавы*, утонченное наслажденіе".—Нельзя не остановиться на этомъ диковинномъ и высоко-комическомъ воззрѣніи на литературную дѣятельность! Неужели условія обезпеченнаго матеріальнаго положенія *помѣщиковъ*, въ видѣ присутствія въ ихъ домахъ многочисленной крѣпостной дворни и полученія изъ своихъ деревень запасовъ сѣна, овса, крупы, масла, откормленныхъ индѣекъ, каплуновъ, гусей, и проч., могли имѣть какое-нибудь вліяніе на отношеніе *помѣщиковъ* къ литературѣ? Развѣ Вяземскіе, Жуковскіе. Пушкины и многіе, многіе другіе, имѣвшіе свои помѣстья и обезпеченныя средства жизни, писали только *для забавы*?!

„*Такой взглядъ* на литературу *усвоила* и Евдокія Петровна *еще съ дѣтства*".—Никакого *взгляда* на литературу *съ дѣтства* не могла она себѣ усвоить. какъ вообще и всѣ дѣти, по весьма простой причинѣ, что это еще не по ихъ разуму и возрасту. Начала Евдокія Петровна писать стихи въ отроческомъ возрастѣ, лѣтъ 14 — 15, и не для пустой забавы, а просто потому, что безотчетно и неудержимо ее влекло къ поэзіи природное призваніе.

„Дѣвочкой она пробуетъ писать. Стихи читаются родственниками и подругами и заслуживаютъ одобреніе (откуда это узнала г-жа Некрасова?). Первая удача была рѣшительнымъ толчкомъ на писательскую дорогу (опять невѣрно: природное призваніе не нуждается въ толчкахъ). О своей „Одѣ на Шарлотту Корде", которую впослѣдствіи Ростопчина сожгла, она упоминаетъ какъ объ одномъ изъ раннихъ

своихъ произведеній, когда ей было 14 лѣтъ („Очеркъ о Лермонтовѣ", Ростопчиной)".—И это не такъ. Въ „Очеркѣ о Лермонтовѣ" („Русская Старина", сентябрь 1882 г.), написанномъ графинею Ростопчиной на французскомъ языкѣ для Александра Дюма (отца), во время посѣщенія ею Москвы лѣтомъ 1858 г., Евдокія Петровна дѣйствительно сказала, что еще въ юномъ возрастѣ, *„подъ впечатлѣніемъ восторга* отъ Шиллера, Жуковскаго, Байрона, Пушкина" (а не подъ вліяніемъ *„матеріальнаго довольства помѣщичьей жизни"*), она пробовала заняться поэзіею и написала оду на Шарлотту Корде, которую впослѣдствіи сожгла; при этомъ она замѣтила *не о себѣ*, а *о Лермонтовѣ*, что „въ *четырнадцать* лѣтъ *онъ* уже сталъ писать стихи".

„Привлекательныя черты *дѣвочки*, будущей *красавицы*, *рано* стали останавливать на себѣ любопытные взгляды. Уже въ 14 лѣтъ ей *намекаютъ* объ *ея силѣ въ будущемъ*, ей говорятъ *о вѣчныхъ минутахъ*". (Мнѣ помнится,—говоритъ Ростопчина въ романѣ: „Счастливая женщина",—что когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, одинъ изъ моихъ друзей, Александръ Ивановичъ Тургеневъ, написалъ въ моемъ дѣтскомъ альбомѣ: *„Es giebt im Menschenleben ewige Minuten"*. Мнѣ тогда неизвѣстно было, что̀ такое вѣчныя минуты). *И понемногу пробуждаются* въ дѣвочкѣ женскія мысли, *забѣгаютъ въ голову* неясныя, смутныя *мечты о женскомъ счастьѣ*. Будь Ростопчина некрасива, при ея страсти къ поэзіи она *всецѣло ушла бы въ литературный интересъ* и, можетъ быть, настолько, чтобы *не замѣчать окружающей среды* (?). Евдокія Петровна была красавица, и потому жизнь не могла не напомнить ей о себѣ, и Сушкова всецѣло приковалась къ чарамъ жизни, *къ пьянящему веселью* (какой изящный слогъ!) *и сдѣлала его цѣлью своего существованія*".

Подобно тому, какъ г-жа Некрасова несправедливо сказала, будто бы мнимое баловство со стороны отца послужило *„къ зарожденію* въ Евдокіи *понемногу* капризовъ, эгоизма, настойчивости", — здѣсь ею повторяется тотъ же самый пріемъ и даже та самая форма фразы какъ *„понемногу пробуждаются* въ дѣвочкѣ женскія мысли и *забѣгаютъ въ голову* смутныя мечты о женскомъ счастьѣ". Это тенденціозное описаніе, послужившее подходомъ къ грубому заявленію, что *„пьянящее веселье сдѣлалось цѣлью всего существованія"* графини Ростопчиной, основываетъ г-жа Некрасова на произвольномъ съ ея стороны преувеличеніи значенія одного пустого нѣмецкаго изреченія, написаннаго А. И. Тургеневымъ въ дѣтскомъ альбомѣ Е. П. Сушковой. Дѣйствительно, въ романѣ: „Счастливая женщина", графинѣ Ростопчиной вдругъ вздумалось прервать разсказъ и въ отдѣльномъ отрывкѣ передать этотъ эпизодъ изъ своей собственной юности, съ объясненіемъ, что „въ то время *ей никакъ не удалось понять*, что̀ такое вѣчныя минуты". Но г-жа Некрасова сочла полезнымъ отбросить именно этотъ конецъ фразы, который прямо доказывалъ, что слова, *оставшіяся непонятными* для разума дѣвочки, по этому самому и *не могли пробудить* въ ея головѣ *никакой мечты* о совершенно для нея невѣдомомъ *женскомъ счастьѣ*. Слѣдовательно, г-жа Некрасова позволила себѣ, безъ всякаго основанія, пятнать нравственную чистоту воображенія 14-ти-лѣтней дѣвочки. *Нехорошо!*

Если къ тому же принять во вниманіе, что А. И. Тургеневъ, сверстникъ и другъ В. А. Жуковскаго, могъ по своимъ лѣтамъ быть отцомъ 14-лѣтней дѣвочки, и притомъ былъ человѣкъ умный, благовоспитанный, пользовавшійся уваженіемъ въ обществѣ,—то представляется немыслимымъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ онъ могъ сдѣлать неприличный *„намекъ дѣвочкѣ, привлекательной наружности, о ея силѣ въ будущемъ и вѣчныхъ минутахъ“*. Такія циническія предположенія прямо безнравственны.

Мысль, что при отреченіи отъ развлеченій свѣтской жизни, Евдокія Петровна могла бы *„всецѣло уйти въ литературный интересъ и не замѣчать окружающей среды“*, не болѣе, какъ одно забавное пустословіе. Всѣ поэты и литераторы, вездѣ и всегда, жили общественною и свѣтскою жизнью, каждый въ кругу своей среды; пользовались всѣми ея пріятными развлеченіями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимались всякими частными дѣлами или служебными обязанностями —и все это, однако, нисколько не препятствовало ихъ литературной дѣятельности. Жить—и *„не замѣчать окружающей жизни“* могутъ только, до извѣстной степени, одни схимники, обитающіе въ пещерахъ.

Далѣе: „Теперь, когда Сушковой минуло *17 лѣтъ*, было бы *самое время* поучиться, *понаблюдать (?) жизнь*, развить умъ, дать ему *опредѣленное направленіе (?), серьезное содержаніе (?), выработать идеалъ (?!!)*, безъ котораго и большой талантъ можетъ оказаться только *красивой мишурой*“.—Этотъ „идеально“ высокопарный, но— увы! — чисто „мишурный“ наборъ словъ, по истинѣ прелестенъ, неподражаемъ!.. Комично слышать о направленіи, по такой глубокомысленной программѣ, воспитанія 17-лѣтней дѣвушки, едва выходящей изъ отроческаго возраста; развитіе серьезнаго направленія ума и опредѣленнаго взгляда на жизнь, не только въ женщинахъ, но и въ мужчинахъ, совершается не въ первоначальную пору ихъ юности, а позднѣе, когда въ нихъ нѣсколько созрѣетъ разсудокъ и остепенится первый пылъ молодости. Въ дѣвушкѣ же 17 лѣтъ возможно развивать только одни нравственныя начала и религіозныя чувства; но заставить ее *„понаблюдать жизнь“* (какъ? гдѣ? въ какихъ отношеніяхъ?) выходитъ нѣчто уже слишкомъ мудреное, совсѣмъ непонятное, колоссально нелѣпое! Оберегая въ 17-лѣтней благовоспитанной дѣвушкѣ ея нравственную чистоту, скромность и невинность, нужно. напротивъ того, даже до ея слуха не допускать знанія о многомъ дурномъ, совершающемся въ обществѣ людей; а между тѣмъ *„понаблюденіе жизни“* неизбѣжно было бы сопряжено съ близкимъ ознакомленіемъ со всѣми хорошими и дурными сторонами семейной и общественной жизни. Благоразумные и честные родители никогда не согласятся на такую рискованную программу воспитанія.

„Но почти небывалое торжество на первомъ балу (кто это сказалъ г-жѣ Некрасовой?) увлекаетъ ее въ другую сторону (т.-е. отъ „понаблюденія жизни и отъ ея серьезнаго направленія“, такъ какъ по этому послѣднему рецепту не слѣдовало бы вывозить молоденькихъ свѣтскихъ дѣвушекъ на балъ, а было бы лучше посылать ихъ слушать только женскіе курсы педагогическіе, врачебные, акушерскіе

и др.). Балъ слѣдуетъ за баломъ. Всюду носятся похвалы ея красотѣ (кто это сказалъ?), а названіе поэтессы, словно вѣнокъ изъ рѣдкихъ цвѣтовъ, обвиваетъ изящную головку и еще болѣе увеличиваетъ красоту. Голова кружится отъ опьяненія похвалъ и словъ обожанія (кто это сказалъ?). Она — олицетворенное женское счастье! Послѣ этого естественно, что красавица Сушкова оцѣниваетъ прежде всего въ себѣ женщину. Отсюда опредѣляется и *все содержаніе* ея поэзіи". — На это я замѣчу, во-первыхъ, что заключеніе г-жи Некрасовой невѣрно, такъ какъ большая часть произведеній графини Ростопчиной, въ стихахъ и прозѣ, по своему содержанію не имѣетъ указываемаго здѣсь характера. Во-вторыхъ, спрошу: что́ есть особенно дурного въ томъ, что свѣтская женщина выражаетъ въ своей поэзіи преимущественно тѣ впечатлѣнія, которыя наиболѣе сродны женской натурѣ и возбуждаются въ ней средою, въ которой она живетъ? Неужели женщина должна непремѣнно тянуться за мужчинами и писать сочиненія серьезнаго содержанія, вопреки естественному складу своего ума, чувствительности сердца, склонностямъ, воспитанію, образу свѣтской жизни, положенію семейному и общественному? Такое странное требованіе является въ особенности неприложимымъ къ женской лирической поэзіи.

Считаю нужнымъ сдѣлать здѣсь одно необходимое замѣчаніе. Домогаясь всякихъ предлоговъ для извращенія, какъ можно больше, характеристики графини Ростопчиной, между прочимъ, г-жа Некрасова усиленно упираетъ, кстати и некстати, на *необыкновенную красоту* моей сестры: но и это невѣрно. Евдокія Петровна далеко не была *красавицею* въ общепринятомъ значеніи этого выраженія. Она имѣла черты правильныя и тонкія, смугловатый цвѣтъ лица, прекрасные и выразительные каріе глаза, волосы черные, тонкіе и не густые, выраженіе лица чрезвычайно оживленное, подвижное, часто поэтически-вдохновенное, добродушное и пріятное; ростъ ея былъ средній, станъ не отличался стройностью формъ; она никогда не поражала своею красотою, но была привлекательна, симпатична и нравилась не столько своею наружностью, сколько пріятностью умственныхъ качествъ. Одаренная щедро отъ природы поэтическимъ воображеніемъ, веселымъ остроуміемъ, необыкновенною памятью, при обширной начитанности на пяти языкахъ, любовью къ изящнымъ искусствамъ, замѣчательнымъ даромъ блестящаго разговора и простосердечною прямотою характера, при полномъ отсутствіи хитрости и притворства, она естественно нравилась всѣмъ людямъ интеллигентнымъ, способнымъ оцѣнить въ женщинѣ эти качества.

Продолжаю выписку. „Въ первыхъ стихотвореніяхъ Сушкова описываетъ молодой мѣсяцъ, балъ, цыганскій таборъ, встрѣчу съ другомъ, пріемы вѣтренной кокетки и т. п. Стихи поражаютъ музыкальностью, изяществомъ отдѣлки. *Тонъ разочарованія, пересаженный въ нашу литературу Лермонтовымъ, въ то время* такой обаятельный, новый, придавалъ исключительную прелесть стихотвореніямъ *красавицы*. Она *не шла рабски по стопамъ Лермонтова;* она *вначалѣ брала одновременно съ нимъ* однѣ и тѣ же ноты. Подражаніемъ Лер-

монтову отзываются стихотворенія, писанныя много позднѣй, когда знаменитый современникъ недосягаемо обогналъ ее. Мотивъ разочарованія у Ростопчиной былъ чисто женскій".

И эта часть разсказа опять не вѣрна. Ни въ одномъ изъ названныхъ г-жею Некрасовой первоначальныхъ стихотвореній Е. П. Сушковой не выражается ни малѣйшаго чувства разочарованія, а равно и въ тѣхъ трехъ стихотвореніяхъ, написанныхъ въ 1831 году, изъ которыхъ г-жа Некрасова привела выдержки, въ размѣрѣ не болѣе какъ по двѣ и по четыре строки, для указыванія въ нихъ мнимаго тона разочарованія; такой способъ толкованія этихъ юныхъ поэтическихъ изліяній, высказавшихся подъ мимолетными впечатлѣніями минутнаго настроенія чувствъ и мыслей, составляетъ прямую натяжку. При второмъ изданіи своихъ стихотвореній въ 1856 году, Евдокія Петровна отнесла всѣ эти стихи къ отдѣлу „Дѣтскихъ стихотвореній". Всѣ первоначальныя стихотворенія Е. П. Сушковой были ею написаны въ то время, когда Лермонтовъ *еще сидѣлъ на учебной скамьѣ и не начиналъ печатать стиховъ*. Первое его стихотвореніе „Хаджи Абрекъ" напечатано въ 1835 г. въ „Библіотекѣ для Чтенія"; въ 1837 г. помѣщено въ „Современникѣ" стихотвореніе „Бородино", и въ 1838 г., тамъ же—„Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова"; слѣдовательно, въ теченіе четырехъ лѣтъ (1835—1838 г.) появились въ печати только первыя три стихотворенія Лермонтова, въ которыхъ не заключалось никакого тона разочарованія. Такимъ образомъ, доказывается хронологически и фактически, что Е. П. Сушкова не могла *„вначалѣ"* своихъ поэтическихъ вдохновеній „брать *одновременно* съ Лермонтовымъ однѣ и тѣ же ноты", не могла *подражать ему* — ни „рабски", ни не-рабски. Только въ 1839 и 1840 годахъ появился рядъ стихотвореній Лермонтова въ „Отечественныхъ Запискахъ" и былъ напечатанъ его знаменитый романъ: „Герой нашего времени". Между тѣмъ въ „Собраніи стихотвореній графини Е. П. Ростопчиной", вышедшемъ въ началѣ 1841 года, первые въ немъ стихи помѣчены апрѣлемъ 1829 г., а послѣдніе—октябремъ 1839 г., слѣдовательно всѣ они были написаны раньше появленія въ печати сочиненій Лермонтова. Точно также и позднѣе, послѣ 1840 г., графиня Ростопчина никогда не думала подражать тону разочарованія Лермонтова, но всегда писала подъ вліяніемъ своихъ собственныхъ чувствъ и впечатлѣній. Распространяться по этому предмету — не стоитъ.

„Послѣ выхода замужъ она *много (?)* говоритъ на тему запоздалаго счастья, поздней встрѣчи, сожалѣнія, разрыва. Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній полны искренняго чувства и недурны въ музыкальномъ отношеніи. Таково „Прощанье", гдѣ авторъ обращается къ запоздавшему своимъ появленіемъ другу въ слѣдующихъ словахъ:

Межъ нами такъ много созвучій!
Сочувствій насъ цѣпь обвила,
И та же мечта насъ въ міръ лучшій,
Въ міръ грезъ и чудесъ увлекла.

* * *

Въ поэзіи, въ музыкѣ оба
Мы ищемъ отрады живой.
Душой близнецы мы... Ахъ! что бы
Намъ встрѣтиться раньше съ тобой?

„Но Ростопчина *не расплывается* (опять, какое изящное выраженіе!) въ напрасныхъ безплодныхъ сожалѣніяхъ; она *полна гордости*, которой отличаются сильныя, *демоническія натуры*. Страданіе и сожалѣніе со стороны толпы можетъ только оскорбить ее. Потому въ минуту тяжкой тоски она говоритъ:

Бушуй и волнуйся, глубокое море,
И ревомъ сердитымъ грозу оглушай!
О, бѣдное сердце, тебя гложетъ горе,
Но гордой улыбкой судьбѣ отвѣчай!"

Итакъ, вотъ тѣ невинныя четыре строки, которыя доставили г-жѣ Некрасовой предлогъ обличить въ графинѣ Ростопчиной *„демоническую натуру"!*... Мое возраженіе будетъ просто. Первое изъ этихъ стихотвореній: „На прощанье"—помѣчено январемъ 1835 г., а второе, поставленное г-жею Некрасовой какъ бы въ послѣдовательную связь съ нимъ, написано цѣлымъ годомъ раньше, въ январѣ 1834 г., и по ихъ разнородному содержанію не существуетъ ничего общаго между ними. Послѣдніе стихи озаглавлены: „Море и сердце, *романсъ на голосъ Бетовена вальса*". Ясно, что *романсъ* на весьма извѣстный мотивъ прелестнаго *вальса* никакъ не могъ служить приличною поэтическою формою для выраженія бурныхъ душевныхъ волненій и демонической гордости. Романсъ этотъ состоитъ изъ трехъ куплетовъ, въ которыхъ, соотвѣтственно нѣжной мелодіи музыки, выражается *тихая грусть* сердца, желающаго *затаить въ себѣ свои страданія* отъ постороннихъ взоровъ, а вовсе не какіе-то яростные демоническіе порывы. Привожу въ доказательство заключительный куплетъ:

Не вытерпитъ море ничье созерцанье;
Лишь Богу знакомо въ немъ тайное дно:
Высокому сердцу позоръ состраданье, —
Загадкою вѣчной да будетъ оно!

Нѣтъ, не въ стихахъ графини Ростопчиной высказывается *демоническая натура*, а въ критикѣ г-жи Некрасовой.

Замѣчу вообще, что при писаніи стиховъ приходится весьма часто, для соблюденія правильности размѣра и риѳмы, употреблять выраженія сильнѣе или слабѣе, чѣмъ желалось бы.

„Несмотря на расточаемыя похвалы, несмотря на торжество въ обществѣ, Сушкова *робко относится* къ титулу поэтессы. Въ лѣта юности, когда такъ вѣрится во все высокое и прекрасное, идеальный ореолъ *окружаетъ треножникъ литературы и стоящихъ вокругъ жрецовъ; страхъ суда охватываетъ душу*. И Сушкова пишетъ только для друзей, *не рѣшаясь печатать*. Д. Сушковъ говоритъ, что стихотвореніе: „Талисманъ", было ея первою печатною вещью; князь Вяземскій напечаталъ его самовольно. Стихи расходятся далеко за

предѣлы знакомыхъ; случается, попадаютъ въ кружокъ Герцена. Друзья, знакомые, университетская молодежь—всѣ остаются довольны свѣжестью и прелестью таланта. Стихи разучиваются наизусть. Герценъ пользуется ими въ своихъ письмахъ: такъ удачно выражаютъ они извѣстное состояніе молодой души".

И этотъ разсказъ не вѣренъ. *Не рѣшалась и не могла печатать* своихъ стиховъ юная 16—20-ти-лѣтняя Евдокія Петровна вовсе не изъ *чувства робости* и мнимаго *страха суда* какихъ-то грозныхъ *жрецовъ литературы*, будто бы затруднявшихъ начинающимъ молодымъ писателямъ доступъ къ *ея треножнику* (со многими изъ нихъ она уже успѣла познакомиться и сблизиться въ домѣ Пашковыхъ, какъ, напримѣръ, съ княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, А. Тургеневымъ и другими), — а просто только потому, что она была еще слишкомъ молода и лишь недавно стала писать; но къ этому присоединялась еще и другая причина, гораздо болѣе существенная, которую ея братъ Дмитрій указалъ въ своей замѣткѣ, а именно, что когда ея стихи: „Талисманъ", появились въ печати, съ ошибочною подписью Д. С. (сестру нашу называли въ семействѣ „Додо" и князь Вяземскій полагалъ, что ея имя Дарья), и впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ настоящее имя сочинительницы стиховъ, то въ семействѣ Пашковыхъ набросились на Евдокію Петровну съ упреками въ неприличномъ поступкѣ, послѣ чего ея стихотворенія уже не могли болѣе появляться въ печати до самаго ея замужества въ 1833 году. Ларчикъ просто открывался. Но г-жа Некрасова не захотѣла принять во вниманіе это простое и понятное объясненіе брата Евдокіи Петровны, подобно тому, какъ раньше она отвергнула его показаніе, что наша сестра воспитывалась въ домѣ Пашковыхъ, а не у своего отца; г-жа Некрасова замѣнила это объясненіе измышленіемъ *чувства робости* въ Евдокіи Петровнѣ; а для чего?—это сейчасъ мы узнаемъ.

„Со времени выхода замужъ (въ 1833 г.) за графа А. Ѳ. Ростопчина, сына извѣстнаго главнокомандующаго Москвы, для Евдокіи Петровны открылись двери высшаго свѣта, она стала выѣзжать на придворные балы и маскарады; *еще шире открылась арена побѣдъ, получилась бо́льшая увѣренность* въ свою красоту, а рядомъ съ этимъ и *въ силу таланта*".

Здѣсь опять нѣтъ *ни одного слова правды*. Эта тирада потребовалась только для того, чтобы сказать, что въ графинѣ Ростопчиной юное *чувство робости* перешло *въ увѣренность силы своего таланта*. Вотъ для чего было нужно г-жѣ Некрасовой придумать дѣйствіе *чувства робости*. Евдокія Петровна принадлежала къ высшему обществу по своему рожденію, и домъ Пашковыхъ былъ изъ числа аристократическихъ въ Москвѣ; не только здѣсь, но и въ Петербургѣ у нея насчитывалось въ кругу высшаго свѣта даже болѣе многочисленное родство, чѣмъ у графа А. Ѳ. Ростопчина. Этотъ послѣдній былъ въ 1833 году отставнымъ поручикомъ, а потому ни онъ самъ, ни его жена не имѣли права на пріѣздъ ко Двору, и *никогда они не бывали на придворныхъ балахъ*. Правда, въ 1841 г. предполагалось устроить въ Царскомъ-Селѣ большой придворный маскарадъ, въ ко-

торомъ должны были участвовать двѣ-три дамы, не имѣвшія права на пріѣздъ ко Двору, въ томъ числѣ и графиня Ростопчина, — но этотъ маскарадъ не состоялся [1]). Оказывается, что и эти слабыя подпорки къ усердно созидаемому г-жею Некрасовой многоэтажному зданію вымысловъ—также подломились.

„И она, наконецъ, рѣшается печатать свои стихотворенія. Но страхъ суда (какой же могъ быть страхъ, когда сказано выше, что всѣ восхищались ея стихами, переписывали ихъ, заучивали наизусть?), а можетъ быть и боязнь *мало уважаемаго тогда* (!!) *въ извѣстномъ кругу* (!!) названія *„писателя“*, еще долго заставляютъ Ростопчину прикрываться то буквою „а“, то начальными буквами своей фамиліи, наконецъ псевдонимомъ „Ясновидящей“. Тѣмъ не менѣе, въ литературѣ ее быстро узнали и подъ покрываломъ, сорвали псевдонимъ и осыпали похвалами. Ее удостоили похвалъ и одобренія *такія величины*, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ и др. Какъ было *не закружиться головѣ* отъ такого *тріумфа*? И отнынѣ въ ея голову уже не закрадываются *прежнее сомнѣніе*, *прежняя скромность* (сирѣчь, вышеупомянутое мнимое *чувство робости*), которыя такъ трогательны въ настоящемъ талантѣ. Съ этихъ поръ Ростопчина *какъ бы влюбляется въ себя*:—

Въ слезахъ ли, въ радости-ль собою занята,
Я знаю лишь себя,—

безъ смущенія уже признается она и пишетъ обо всемъ, что́ *взбредетъ* (деликатное выраженіе!) въ ея *исполненную самообожаніемъ* голову. Она *полна смѣлости* (?!) и въ 1841 г. *издаетъ первое собраніе своихъ стихотвореній“*.

Въ этой тирадѣ не знаешь, чему болѣе дивиться: странности ли содержанія, или же неприличности тона? Начать съ того, что еще съ 1834 г., чрезъ годъ послѣ выхода замужъ, уже были напечатаны одни стихи графини Ростопчиной за ея подписью (въ какомъ-то альманахѣ), а вскорѣ послѣ того она стала подписывать полнымъ именемъ всѣ свои стихотворенія въ наиболѣе извѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ; подъ псевдонимомъ же „Ясновидящей“ были напечатаны позднѣе только двѣ ея повѣсти въ прозѣ, не обратившія на себя особеннаго вниманія. Затѣмъ, первое „Собраніе стихотвореній графини Е. П. Ростопчиной“, изданное въ 1841 году, состояло изъ ея стиховъ, уже *прежде напечатанныхъ* въ разныхъ журналахъ и давно *успѣвшихъ* заслужить лестную извѣстность ея поэтическому таланту, а *слѣдовательно* съ ея стороны *не было* никакой *особенной смѣлости*, никакого *признака самообожанія*—въ *рѣшимости* издать эти самыя и всѣмъ извѣстныя стихотворенія собранными въ одной книжкѣ. Вѣдь почти всѣ писатели, даже самые посредственные, издавали собранія своихъ сочиненій; почему же—спрашивается—только *одна* графиня Ростопчина не должна была позволить себѣ этого права? Ясно, что въ своей враждебности къ графинѣ г-жа Некрасова зашла слишкомъ далеко!

---

[1]) Программа этого предполагавшагося маскарада была напечатана года три-четыре тому назадъ въ „Русской Старинѣ“.

Но здѣсь главнымъ образомъ поражаетъ диковинное заявленіе г-жи Некрасовой, будто бы въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, когда начала писать Евдокія Петровна, *„мало уважалось въ извѣстномъ кругу* (т.-е. въ томъ кругу высшаго общества, къ которому принадлежала Е. П. Сушкова) *названіе: „писатель“*. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что всѣ наши лучшіе писатели этого періода времени принадлежали къ образованному и просвѣщенному кругу высшаго русскаго общества, среди котораго они вполнѣ пользовались заслуженною славою и почетомъ въ качествѣ талантливыхъ *писателей*. Припомню имена извѣстнѣйшихъ изъ нихъ: Карамзинъ, И. И. Дмитріевъ, Измайловъ, В. Панаевъ, Жуковскій, Батюшковъ, Воейковъ, Козловъ, Д. Давыдовъ, князь Вяземскій, Ѳ. Глинка, М. А. Дмитріевъ, Рылѣевъ, князь Шаховской, Хмельницкій, Бестужевъ, Загоскинъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Гречъ, Лажечниковъ, Плетневъ, Тепляковъ, Веневитиновъ, Мятлевъ, Тютчевъ, Подолинскій, Ознобишинъ, Вельтманъ, Гоголь, Хомяковъ, Шевыревъ, князь Одоевскій, Кукольникъ, Даль и др. Спрашиваю г-жу Некрасову: *къ какому* кругу общества принадлежала эта плеяда лучшихъ представителей русской литературы? Пользовались ли они за свои литературные труды справедливою данью уваженія *въ своемъ кругу общества*?

Теперь также окончательно уже выяснилось, для чего вздумала г-жа Некрасова приписывать *нерѣшимость* юной Е. П. Сушковой печатать свои стихотворенія—*чувству робости*; это было сдѣлано съ тою цѣлью, чтобы получить предлогъ къ обвиненію ея въ утратѣ *„прежней трогательной скромности“*, которая будто бы замѣнилась въ ней тщеславнымъ „самообожаніемъ“ и *„полною смѣлостью“*.

Что у графини Ростопчиной *„закружилась голова отъ тріумфа“*, вслѣдствіе похвалъ и одобренія *„такихъ величинъ“*, какъ Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ и др.,—такая иронія не удивляетъ меня въ устахъ г-жи Некрасовой, которая, быть можетъ, не получила правильнаго понятія объ отношеніяхъ между лицами ей незнакомаго круга общества. Замѣчу, во-первыхъ, что русскимъ писателямъ даже *„такой величины“* невозможно было не оцѣнить по достоинству многихъ дѣйствительно прекрасныхъ, изящныхъ, талантливыхъ поэтическихъ произведеній графини Ростопчиной, которыми восхищалось все тогдашнее русское общество. Во-вторыхъ, необходимо принять во вниманіе, что, въ качествѣ женщины-поэта, притомъ же молодой, принадлежавшей къ высшему свѣту, богатой и принимавшей у себя въ домѣ цвѣтъ петербургскихъ представителей русской литературы, Евдокія Петровна находилась въ самыхъ пріязненныхъ и короткихъ отношеніяхъ съ ними. Во мнѣ сохранились неизгладимыя воспоминанія о происходившихъ зимою съ 1836 на 1837 годъ у Ростопчиныхъ обѣдахъ, на которые собирались Жуковскій, Пушкинъ, князь Вяземскій, А. И. Тургеневъ, князь Одоевскій, Плетневъ, графъ Віельгорскій, И. П. Мятлевъ, С. А. Соболевскій, графъ В. Соллогубъ и еще нѣкоторыя другія лица, принадлежавшія по своимъ близкимъ связямъ къ этому высоко-интеллигентному и даровитому кружку (между ними бывалъ Данзасъ, товарищъ Ростопчина по пажескому корпусу и пріятель, а вскорѣ и секундантъ Пушкина); не трудно себѣ представить высокій

интересъ и увлекательную прелесть этихъ пріятельскихъ и задушевныхъ собраній; я былъ тогда весьма молодымъ офицеромъ и всегда спѣшилъ на эти обворожительные обѣды, какъ на величайшій для меня праздникъ. Весьма естественно, что всѣ *„такія величины“* относились съ искреннимъ, теплымъ сочувствіемъ къ юной талантливой писательницѣ; для Евдокіи Петровны было въ высшей степени почетно, лестно и драгоцѣнно общее одобреніе этихъ столь страшныхъ, въ глазахъ г-жи Некрасовой, *„жрецовъ треножника литературы“*, но отъ ихъ ободрительныхъ похвалъ нисколько не *„закружилась у нея голова“*, потому что среди нихъ и съ ними она себя чувствовала совершенно въ своей сферѣ и съ своей стороны платила должною данью уваженія ихъ высокимъ дарованіямъ.

Если Евдокія Петровна сказала о Пушкинѣ:

. . . . . О, не забуду я,
Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Былъ награжденъ мой простодушный стихъ.
. . . . . .
. . . . . .
Онъ, нашъ кумиръ... Онъ, слава русской славы,
Благословлялъ на дальній путь меня...

—а въ другомъ стихотвореніи „Двѣ встрѣчи“:

Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался,
Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ;
. . . . . .
Стихи безъ искусства ему я шептала,
И взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала...

—если она называетъ Жуковскаго: *„мой сердца духовникъ“*,—то въ этихъ *скромныхъ* выраженіяхъ чувства сердечной *благодарности* и *благоговѣнія* къ этимъ знаменитымъ лицамъ—никакимъ образомъ невозможно усмотрѣть *признаковъ* мнимаго зарожденія въ головѣ графини Ростопчиной пошлаго чувства *самообожанія*; но именно такое заключеніе сдѣлала г-жа Некрасова, которая къ этому еще присовокупила, что послѣ написанія Лермонтовымъ извѣстныхъ его стиховъ къ графинѣ: „Я вѣрю: подъ одной звѣздою мы съ вами были рождены“, — „Ростопчина *какъ бы влюбляется въ себя* и *безъ смущенія* признается:

Въ слезахъ ли, въ радости-ль... собою занята,
Я знаю лишь себя.

Посредствомъ выхватки этихъ двухъ строкъ изъ стихотворенія: „Она все думаетъ!“—г-жа Некрасова дѣйствительно, можно сказать, *„безъ всякаго смущенія“* намѣренно извращаетъ ихъ истинный смыслъ. Вотъ сущность этого стихотворенія:

„Она все думаетъ!“—Такъ говорятъ о мнѣ,
И важной мудрости, приличной сѣдинѣ,
Хотятъ отъ головы черноволосой.
„Она все думаетъ!“—Неправда!—Разумъ мой

Не увлекается мышленія тщетой,
Не углубляется въ всемірные вопросы.
Нѣтъ, я не думаю,—мечтаю!.. Жизнь моя
Для безпристрастныхъ думъ досуга не имѣетъ,
Въ слезахъ ли, въ радости-ль... собою занята
Я знаю лишь себя,—и вѣрная мечта
Лишь сердцу милое ласкаетъ и лелѣетъ.
Нѣтъ, я не думаю! Я грежу на яву,
Воспоминаньями, догадками живу...
. . . . . .
Придетъ для думъ пора . . . .

Спрашиваю: есть ли въ этомъ очень миломъ и полу-шутливомъ стихотвореніи, написанномъ, очевидно, на какое-то сдѣланное графинѣ замѣчаніе о ея задумчивости, хотя слабая тѣнь указываемаго въ немъ г-жею Некрасовой доказательства тому, что „*Ростопчина влюбляется въ себя*“?

Замѣчу вообще по поводу цѣлаго содержанія опровергаемой мною статьи, что изображеніе личной характеристики писателя на основаніи произвольнаго толкованія отрывочно взятыхъ небольшихъ выдержекъ изъ его сочиненій, безъ всякой связи съ содержаніемъ контекста, — составляетъ совершенно ложный и ошибочный пріемъ, а тѣмъ болѣе при его примѣненіи къ поэтическимъ произведеніямъ. А г-жа Некрасова придерживается именно такого пріема для представленія въ невыгодной окраскѣ личной характеристики графини Ростопчиной на основаніи ея сочиненій. Пріемъ простой и удобный! — но *добросовѣстный ли*? Оставляю безъ возраженія не мало еще другихъ такого же рода выходокъ въ разбираемомъ мною „Очеркѣ“.

Въ упомянутомъ тамъ стихотвореніи: „Двѣ встрѣчи“, Евдокія Петровна описываетъ свои впечатлѣнія при ея двухъ первыхъ встрѣчахъ съ Пушкинымъ въ Москвѣ; въ первый разъ, когда она была еще дѣвочкою, ей указали поэта въ толпѣ гуляющихъ подъ Новинскимъ, на Святой недѣлѣ, а вторая встрѣча, зимою 1828 года, когда ей исполнилось 17 лѣтъ, произошла на балѣ, гдѣ она имѣла великое счастье познакомиться съ Пушкинымъ, танцовать съ нимъ и долго разговаривать. Къ моей неожиданной и чрезвычайной радости, перечитывая эти стихи, я вдругъ замѣтилъ на нихъ эпиграфъ: „*Es giebt im Menschenleben ewige Minuten*“ — такъ вотъ въ какомъ чистомъ и возвышенномъ смыслѣ примѣнила Евдокія Петровна, даже когда ей было уже 27 лѣтъ (стихи помѣчены декабремъ 1838 г.), то пресловутое изреченіе „*вѣчныя минуты*“, которое подъ перомъ г-жи Некрасовой получило циническое и неблагопристойное толкованіе по отношенію къ дѣвочкѣ 14-ти лѣтъ!..

Графиня Ростопчина и Лермонтовъ познакомились весьма поздно, только зимою 1840 – 1841 г. въ Петербургѣ (гдѣ раньше этого они одновременно не живали) и лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до роковой смерти послѣдняго, но скоро сблизились между собою; это было вполнѣ естественно: они были почти однихъ лѣтъ (Лермонтовъ немного моложе), оба очень умны, оба поэты, принадлежали къ одному кругу общества, имѣли общихъ друзей и въ теченіе цѣлой зимы встрѣчались по вечерамъ почти ежедневно въ семействѣ Екатерины

Андреевны Карамзиной (вдовы нашего знаменитаго исторіографа Николая Михайловича и родной сестры князя Петра Андреевича Вяземскаго); оба успѣли испытать въ жизни невзгоды и разочарованія, каждый въ своемъ родѣ. Послѣ этого понятно, что Лермонтовъ совершенно искренно написалъ въ альбомѣ, который на прощанье онъ подарилъ графинѣ, всѣмъ извѣстное его стихотвореніе:

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы были съ вами рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.

Понятны также и слова Евдокіи Петровны, которая въ одномъ изъ своихъ сочиненій высказала, что она братски полюбила Лермонтова. Но г-жа Некрасова даже и здѣсь пытается придать этому чисто интеллигентно-духовному сближенію двухъ поэтовъ, имѣвшихъ между собою такъ много общаго и сочувственнаго, какой-то особый оттѣнокъ, сказавъ, что Лермонтовъ оцѣнилъ въ графинѣ *„красивую женщину* и поэтессу". Это—неправда.

„До сихъ поръ стихи Ростопчиной были пріятнымъ десертомъ. Маленькая граціозная вещица, прочтенная въ гостиной, оставляла поэтическое впечатлѣніе, давала мотивы къ литературнымъ разговорамъ (нѣтъ, и это опять несправедливо: стихи Евдокіи Петровны были не просто „десертныя мелкія вещицы", о которыхъ въ гостиной поговорятъ и позабудутъ, но изящныя поэтическія произведенія, которыя получили общую извѣстность, переписывались изъ журналовъ и заучивались наизусть). Теперь, съ выходомъ въ свѣтъ *полнаго собранія ея стихотвореній, должна была обрисоваться и ея литературная физіономія*".—Остановлюсь, чтобы сдѣлать одно нужное замѣчаніе. Это *„полное* собраніе стихотвореній" составляло въ дѣйствительности небольшую книжку въ 190 страницъ крупной печати, въ которой заключалось девяносто мелкихъ стихотвореній, написанныхъ въ десятилѣтній періодъ времени, отъ апрѣля 1829 до октября 1839 г., которыя всѣ уже раньше были напечатаны въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и хорошо извѣстны образованной публикѣ; слѣдовательно громкая фраза: „теперь должна была обрисоваться *ея литературная физіономія*" — не имѣетъ того важнаго значенія, которое желаетъ ей придать г-жа Некрасова.

„Давно уже *всѣ* толстые журналы на-расхватъ брали и печатали ея стихи. „Современникъ", издававшійся тогда Плетневымъ, приходилъ въ восторгъ *отъ одного предвкушенія*, что скоро увидитъ собраніе ея стихотвореній. Можно представить послѣ этого, какими похвалами *разразился онъ*, когда вышла ожидаемая книжка. Восторженныя похвалы обѣжали библіографическій отдѣлъ *всѣхъ журналовъ* (стало быть, замѣчу мимоходомъ, хвалили не напрасно эти *„десертные стишки"*,—не могли же поголовно ошибиться *всѣ* журнальные критики и рецензенты). Ободреніемъ встрѣтилъ выходъ книжки и нашъ первый критикъ, всегда (?) поражавшій вѣрностью, какъ и на этотъ разъ, своего сужденія и поэтическаго чутья. Бѣлинскій призналъ въ гр. Ростопчиной „поэтическую прелесть" и „высокій талантъ", но не одобрялъ за пустоту содержанія и за „служеніе

богу салоновъ": „наши салоны—слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи",—говоритъ онъ. Это, кажется, была *первая поправка*, первое указаніе со стороны критики *на пустоту, безсодержательность музы Ростопчиной*,—поправка *мягкая, деликатная*. Понять смыслъ и глубину замѣчанія—ей, утонувшей въ похвалахъ и самообожаніи, погруженной въ пустоту свѣтской жизни, бальнаго успѣха, разумѣется, было немыслимо. Она только небрежно отмахнулась отъ сдѣланнаго замѣчанія, какъ отъ внезапно прожужжавшаго надъ ухомъ докучливаго комара, и продолжала писать въ томъ же направленіи".

Утѣшаюсь надеждою, что, по крайней мѣрѣ, меня никакъ нельзя будетъ упрекнуть въ томъ, что я оставляю безъ вниманія и „небрежно отмахиваюсь отъ жужжанія" г-жи Некрасовой надъ могилой моей покойной сестры.

На сердцѣ г-жи Некрасовой немножко полегчало и отлегло отъ этой *„поправки"* Бѣлинскаго, хотя она и находитъ ее слишкомъ *„мягкою и деликатною"*. Но что́ же могъ онъ сказать еще болѣе?—вѣдь нельзя же было ему говорить въ невѣжливомъ тонѣ о стихотвореніяхъ графини Ростопчиной, да и не было для этого никакого повода. Въ статьѣ Бѣлинскаго вовсе не встрѣчается выраженій о *„пустотѣ и безсодержательности"* произведеній графини,—эта аттестація принадлежитъ самой г-жѣ Некрасовой. Его рецензія, напротивъ того, заключаетъ много лестнаго для автора книжки, и даже сдѣланныя имъ легкія замѣчанія значительно смягчаются сопровождающими ихъ оговорками и общими похвалами поэтическому таланту графини Ростопчиной. Считаю нужнымъ привести вкратцѣ существенную часть этого критическаго разбора.

„Съ 1835 г. почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться стихотворенія, отмѣченныя таинственною подписью гр-ня Р—на... но поэтическое „инкогнито" не долго оставалось тайною... Главная причина, что литературное инкогнито графини Ростопчиной скоро было разгадано, заключалась въ поэтической прелести и высокомъ талантѣ, которыми запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія. Намъ тѣмъ легче отдать въ нихъ отчетъ публикѣ, что всѣ они извѣстны каждому образованному читателю русскихъ періодическихъ изданій... Отличительныя черты музы графини Ростопчиной—наклонность къ разсужденіямъ и свѣтскость... Несмотря на все уваженіе къ таланту графини Ростопчиной, нельзя не замѣтить, что разсужденіе охлаждаетъ даже мужскую и мужественную поэзію и придаетъ ей какой-то однообразный, прозаическій колоритъ. Правда, этого нельзя безусловно отнести къ прекраснымъ *медитаціямъ* разсматриваемаго нами автора, но все-таки нельзя не сказать, что стихотворенія выиграли бы гораздо больше въ поэзіи, еслибы захотѣли оставаться поэтическими откровеніями міра женственной души, мелодіями мистики женскаго сердца... Исключительное служеніе „богу салоновъ" также не совсѣмъ выгодно. Наши салоны—слишкомъ сухая и безплодная почва для поэзіи... Балъ, составляющій источникъ вдохновенія нашего автора, конечно образуетъ собою обаятельный міръ; но балъ у насъ заморское растеніе, много пострадавшее при перевозкѣ, помятое, вялое, блѣдное (?). Между тѣмъ поэзія графини

Ростопчиной, такъ-сказать, прикована къ балу".—Далѣе Бѣлинскій говоритъ, что муза графини Ростопчиной не чужда поэтическихъ вдохновеній, дышущихъ не однимъ умомъ, но и глубокимъ чувствомъ; что даже въ ея разсужденіяхъ встрѣчаются мѣста, ознаменованныя думою и чувствомъ, которыя доказываютъ, что талантъ графини Ростопчиной можетъ найти болѣе обширную и достойную себя сферу, чѣмъ салонъ („Отечеств. Записки", № 18).

Изъ этой выписки легко убѣдиться, что въ статьѣ Бѣлинскаго высказано много похвалъ поэтическому таланту графини Ростопчиной и вовсе не указывается на общую *„пустоту и безсодержательность"* ея поэзіи. Что же касается до его замѣчаній относительно будто бы *„исключительнаго служенія богу салоновъ"*, и что *„балъ* составляетъ *источникъ вдохновенія* графини", которой „поэзія, такъ сказать, *прикована къ балу*",—то выраженное мнѣніе въ этихъ замѣчаніяхъ ошибочно и, вѣроятно, явилось отъ слишкомъ поспѣшнаго и поверхностнаго отношенія къ общему содержанію стиховъ графини. Я занялся внимательнымъ просмотромъ 90 стихотвореній, заключавшихся въ книжкѣ, отдѣлилъ изъ нихъ рѣшительно всѣ, имѣвшія по своему содержанію хотя малѣйшій оттѣнокъ *„салонныхъ"* стиховъ, присоединивъ къ нимъ даже и такія, которыя относились къ лицамъ, принадлежавшимъ къ свѣтскому обществу (какъ, напримѣръ: „Невѣрный", „Первому другу", „Когда-бъ онъ зналъ", „Разочарованной", „Страдальцу", „Полузнакомой", „Отъѣзжающей", „Дуэтъ", „Отринутый поэтъ", „Зачѣмъ", „Бѣлой дамѣ", „На память" и т. д.), но и послѣ столь *строгаго* отбора все же осталось 62 стихотворенія, которыя по ихъ разнообразному содержанію не имѣютъ никакого прикосновенія къ жизни свѣтскихъ салоновъ. О *балахъ* же *упоминалось* не болѣе, какъ только въ *трехъ* стихотвореніяхъ. Въ первомъ изъ нихъ: „Двѣ встрѣчи", описано первое знакомство Е. П. Сушковой съ Пушкинымъ—*на балѣ*, но здѣсь, очевидно, выборъ мѣста знакомства не зависѣлъ отъ ея воли, и притомъ все содержаніе стиховъ относится исключительно къ Пушкину; во второмъ, подъ заглавіемъ: *„Балъ"* (1831 г.), разсказывается, что она присутствовала на этомъ вечерѣ грустная и безучастная общему веселью; наконецъ, въ послѣднемъ—„Три поры жизни" (1835 г.) графиня говоритъ, что была пора, когда она жила мечтами и сердцемъ; потомъ была другая пора, въ которую ее околдовалъ блескъ свѣта и прельщалъ чарующій *балъ*—она жила тщеславьемъ женскимъ; наконецъ, наступила третья пора, когда въ ней ожило вдохновенье и свѣтлыя мечты поэзіи—теперь она живетъ мыслію. Очевидно, что эти три стихотворенія не даютъ повода къ заключенію, что поэзія графини Ростопчиной *„прикована къ балу"*, такъ какъ въ первомъ изъ нихъ балъ является обстоятельствомъ случайнымъ, во второмъ—она относится къ балу безучастно, а въ третьемъ—даже отрекается отъ бала (хотя впослѣдствіи еще много танцовала, такъ какъ ей было тогда не болѣе 23 лѣтъ; вотъ лучшее и наглядное доказательство, что по содержанію мелкихъ стихотвореній, написанныхъ, большею частью, подъ случайнымъ впечатлѣніемъ чувства и мыслей въ данную минуту, никакъ нельзя судить объ истинномъ характерѣ ихъ автора).

Послѣ этого г-жа Некрасова разсказываетъ о напечатанной въ

„Сѣверной Пчелѣ“ (1846 г. № 284), безъ подписи автора, извѣстной аллегорической балладѣ: „*Насильный* бракъ“, или, какъ ее еще называли, „Старый баронъ“, написанной моею сестрою во время ея пребыванія въ Римѣ. Г-жа Некрасова даже и тутъ исказила истину, назвавъ балладу: „*Неравный* бракъ“, что́ совершенно не соотвѣтствуетъ ея содержанію; при этомъ она присовокупила: „впослѣдствіи сложились разсказы, что Ростопчиной сильно пришлось приплатиться по возвращеніи въ Россію“. Дѣйствительно, между праздными болтунами ходили одно время какіе-то вздорные слухи, оставшіеся безъ опроверженія, а потому пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы сообщить по этому предмету вѣрныя свѣденія. Е. П. Сушкова имѣла счастіе въ первый разъ представиться императору и императрицѣ во время высочайшаго посѣщенія Москвы въ 1832 году, и ихъ величества изволили удостоить особеннымъ милостивымъ вниманіемъ молодую поэтессу. Когда моя сестра, послѣ своего замужества, пріѣхала осенью 1836 г. на жительство въ Петербургъ, не имѣя права пріѣзда ко двору, по чину отставного поручика ея мужа, то императрица Александра Ѳедоровна иногда удостоивала ее высокой милости приглашать къ себѣ по утрамъ, а государь при всѣхъ встрѣчахъ съ нею на частныхъ великосвѣтскихъ балахъ и раутахъ всегда изволилъ съ нею разговаривать и оказывать ей свою благосклонность. Императоръ Николай Павловичъ любилъ разговоры съ умными, любезными женщинами, и по этой причинѣ часто посѣщалъ маскарады въ дворянскомъ собраніи и большомъ театрѣ, которые въ то время были чрезвычайно блестящи, многолюдны и посѣщались лучшимъ петербургскимъ обществомъ; такъ какъ моя сестра отличалась остроумною, живою и пріятною бесѣдою, то, по желанію государя, она ѣзжала въ маскарады, и мнѣ случалось иногда ее сопровождать. Вслѣдствіе столь милостиваго благорасположенія его величества къ моей сестрѣ, появленіе въ печати ея безразсудной баллады: „Насильный бракъ“, заключавшей съ ложной точки взгляда аллегорію на политическія отношенія Россіи къ Польшѣ, осмѣливаюсь полагать, должно было не только удивить Николая Павловича, но и опечалить, какъ поступокъ неблагодарный въ отношеніи къ нему. Но всегда вѣрный своимъ чувствамъ великодушія и высокаго рыцарскаго благородства, особенно въ отношеніи къ женщинамъ, государь, при всеподданнѣйшемъ докладѣ о заподозрѣнномъ аллегорическомъ смыслѣ въ балладѣ, повелѣлъ оставить это дѣло безъ послѣдствій. Осенью 1847 г. моя сестра вернулась съ семействомъ изъ-за границы чрезъ Петербургъ, гдѣ прожила два мѣсяца совершенно спокойно: никто и ничто не напомнило ей о злополучной балладѣ; а затѣмъ Ростопчины переселились на жительство въ Москву, въ домъ восмидесятилѣтней и дряхлой матери графа, жившей въ одиночествѣ. Но когда, въ первый послѣ того пріѣздъ ихъ величествъ въ Москву, графиня Ростопчина, ободренная полною безотвѣтственностью за свое легкомысленное поэтическое увлеченіе и ошибочно предполагая, что по всей вѣроятности государь не изволилъ признать аллегорическаго смысла въ этомъ стихотвореніи, отважилась пожелать чести представиться ихъ величествамъ въ числѣ прочихъ московскихъ дамъ, то Николай Павловичъ повелѣлъ не пускать ее

во дворецъ. Это наказаніе было горько и тяжело для моей сестры, но вполнѣ ею заслужено. Въ нашихъ съ нею задушевныхъ разговорахъ она искренно сознавала свою вину и глубоко раскаивалась въ написаніи этого стихотворенія, которое вырвалось изъ-подъ ея пера случайно и необдуманно, въ минуту поэтическаго увлеченія, подъ впечатлѣніемъ слышанныхъ ею за границею вздорныхъ толковъ о положеніи Польши, судьбою которой она прежде вовсе не интересовалась и ничего по этому предмету не знала, какъ и большинство русской публики. Для смягченія этого единственнаго въ жизни моей сестры проступка предъ ея родиной, желаю напомнить, что она всегда была пламенною русскою патріоткою, какъ это фактически доказывается многими ея стихотвореніями, написанными раньше и послѣ этой злополучной баллады [1]); въ ея сердцѣ глубоко и неизмѣнно хранилось къ великой личности Николая Павловича чувство горячей любви и преданности, которое краснорѣчиво высказалось въ ея прекрасныхъ стихахъ: „На кончину Императора Николая I“, излившихся изъ глубины душевной скорби, по ея возвращеніи 21-го февраля 1855 г. отъ панихиды въ Чудовомъ монастырѣ. Это стихотвореніе начиналось словами:

Народъ! Россія!.. На колѣни!
Молись и плачь въ сей страшный часъ!

Въ своихъ запискахъ Н. В. Сушковъ отрицаетъ аллегорическій характеръ баллады: „Старый баронъ“, выражая предположеніе, что въ ней просто могло быть воспроизведено какое-нибудь старинное германское преданіе; однако приводимые имъ доводы въ пользу такого объясненія—слабы и неубѣдительны. Но его предположеніе какъ разъ пришлось на руку г-жѣ Некрасовой, которая радостно ухватилась за него, чтобы лишній разъ уязвить память графини Ростопчиной: „Откуда возьмутся,—говоритъ она,—у Ростопчиной опредѣленныя политическія убѣжденія (вотъ какъ!)! Она именно открещивается отъ нихъ, какъ отъ чего-то нарушающаго ея женскую прелесть (?), и гордится тѣмъ, что никогда *„не думала“*, а только *„мечтала“*. (Истинный смыслъ этихъ выраженій въ стихахъ: „Она все думаетъ“—уже былъ выше мною объясненъ.)

Интересно и необходимо принять во вниманіе, что въ то же время баллада: „Насильный бракъ“, нравится г-жѣ Некрасовой болѣе всѣхъ прочихъ стихотвореній моей сестры. Она сказала: „Еслибы гр. Ростопчина больше ничего не написала, кромѣ этихъ *полныхъ жизни, силы и энергіи* стиховъ, вылитыхъ въ такую прекрасную *гармонію формы съ содержаніемъ*, то было бы достаточно, чтобы признать въ ней дѣйствительно высокій поэтическій талантъ“. Хотя, выражая такое мнѣніе, г-жа Некрасова упорно отрицаетъ аллегорическій характеръ баллады,

[1]) Напримѣръ: „На памятникъ, сооруженный Сусанину“; „Посѣщая московскую оружейную палату“; Годовщина 19-го марта“; „Отвѣтъ нѣкоторымъ безымяннымъ стихотвореніямъ“; „Пѣсня русскимъ воинамъ, раненнымъ въ Севастополѣ“; „Молитва объ ополченныхъ; Алексѣю Петровичу Ермолову“; „Молитва за Святую Русь“; „Русскому народу“; „Черноморскимъ морякамъ“; „Русскій ратникъ своему штыку“, и другія.

ради мелкаго удовольствія воскликнуть: „откуда возьмутся у Ростопчиной опредѣленныя политическія убѣжденія?“ — но этому ея заявленію вѣрить нельзя, по двумъ слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, тому рѣшительно препятствуетъ *слишкомъ явственно* выраженная политическая аллегорія въ цѣломъ содержаніи этой баллады (она цѣликомъ напечатана въ книгѣ Н. Гербеля: „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, изданіе 1880 года), вслѣдствіе чего г-жа Некрасова и передаетъ ея содержаніе въ смягченныхъ выраженіяхъ, съ прямою цѣлью ослабить въ ней политическій аллегорическій смыслъ; для этого она даже придумала *измѣнить* самое названіе „*Насильный* бракъ“—въ *Неравный* бракъ“, что̀ совершенно лишаетъ смысла все это стихотвореніе, которое даже оканчивается словами: „*Насильно взятая* жена“; выраженіе: „*мятежная* жена“, она замѣнила словомъ: „*сварливая* жена“ и т. д., всячески стараясь, по возможности, превратить изображеніе въ балладѣ политическаго *спора* въ мнимое описаніе простой супружеской *ссоры*. Эта тактика вполнѣ изобличаетъ, что г-жа Некрасова хорошо понимала аллегорію баллады. Во-вторыхъ, неискренность г-жи Некрасовой сама изобличаетъ себя *значеніемъ* тѣхъ похвалъ, которыя она расточаетъ этимъ стихамъ: въ томъ случаѣ, еслибы въ нихъ просто описывалась обыденная, прозаическая ссора между старымъ мужемъ и молодою женою, то въ подобномъ пустомъ и малосодержательномъ стихотвореніи не было бы никакой возможности находить и восхвалять „*силу, энергію и гармонію формы съ содержаніемъ*“... Итакъ, мнѣ остается только констатировать, что по своей *формѣ* и по своему *содержанію* эта баллада пришлась вполнѣ на вкусъ г-жѣ Некрасовой.

Послѣ этого г-жа Некрасова беретъ новыя кисти, новыя краски для изображенія характеристики графини Ростопчиной съ новой стороны, а именно въ отношеніи ея философско-политическихъ воззрѣній.

„Тѣмъ временемъ *въ литературѣ созрѣвало сильное умственное движеніе*, которое въ сороковыхъ годахъ стало *близко соприкасаться къ серьезнымъ вопросамъ нашей общественной дѣйствительности*. Ростопчина, въ качествѣ дамы-писательницы, не хотѣла знать *этой пробивающейся струи*. Въ своей *наивности* она думала укрыться отъ нея *подъ шумную музыку своего аристократическаго бала*. Не проникнуть сюда *адептамъ новаго направленія*. На ея *балахъ*, говоритъ Н. В. Сушковъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „и шумно, и прилично, и весело, и чинно, и суетливо, и чопорно, и радушно, и холодно. Балъ, однимъ словомъ, для выборныхъ и знати; балъ, на которомъ не встрѣтите ни длинно-густо-шаршаво-волосыхъ, ни козлинобрадатыхъ, ни окладисто-бородыхъ писателей. Сюда не могли проникнуть *проповѣди новаторовъ*, сюда достигаютъ только *отголоски ихъ идей*,—перепутанные, искаженные, заносились они *въ салонъ* на языкѣ какого-нибудь Загорѣцкаго“.

Чтеніе этихъ строкъ приводитъ въ страшное недоумѣніе; непонятно, на какое это созрѣваніе въ литературѣ умственнаго движенія *намекаетъ* г-жа Некрасова? Очевидно, что тутъ идетъ рѣчь не просто о литературѣ бельлетристической и лирической, но имѣется въ виду какое-то *новое направленіе идей, касавшихся общественныхъ вопро-*

совъ соціально-политическаго характера, которыя распространялись въ обществѣ посредствомъ *проповѣди новаторовъ* и успѣвали пріобрѣтать себѣ *адептовъ*. Очень жаль, что г-жа Некрасова не рѣшилась говорить яснѣе, но, повидимому, это представлялось для нея *рискованнымъ*. Вполнѣ естественно, что графиня Ростопчина *„не хотѣла знать этой пробивающейся струи“*, не имѣвшей никакого отношенія къ лирической поэзіи и въ особенности къ *дамской* поэзіи.

Но меня здѣсь особенно удивила иронія: графиня Ростопчина *„въ своей наивности“* думала будто укрыться отъ струи новыхъ идей въ литературѣ „подъ шумную музыку своихъ *аристократическихъ баловъ*“, а ссылка по этому обстоятельству на свидѣтельство Н. В. Сушкова поставила меня въ совершенный тупикъ. Я зналъ достовѣрно, что, со времени переѣзда Ростопчиныхъ на жительство въ Москву, не было у нихъ *ни одного бала*; съ другой стороны, я имѣлъ полную увѣренность, что мой дядя Сушковъ никакъ не могъ разсказывать о томъ, чего никогда не было. Что́ за притча такая?—ничего не могу понять. Наконецъ, загадка для меня разрѣшилась чрезъ полтора года, когда я прочиталъ доставленныя мнѣ копіи съ записокъ Н. В. Сушкова. Разъясненіе получилось самое непредвидѣнное, поразительное, невыразимо комичное!

Н. В. Сушковъ, разбирая въ своихъ запискахъ стихотворенія К. К. Павловой, похвалилъ въ одномъ изъ нихъ описаніе „бала“, а вслѣдъ затѣмъ онъ перешелъ къ стихотвореніямъ графини Ростопчиной и сказалъ: „Вотъ я опять на балѣ. Хорошъ московскій „балъ“ Павловой, хорошъ и *петербургскій* „балъ“ Ростопчиной. Балъ блистательный, щеголеватый, аристократическій, и т. д.“... Оказалось, что онъ говорилъ не о какомъ-то балѣ. бывшемъ *въ Москвѣ* у Ростопчиныхъ, но *о стихотвореніи*: *„Бальная сцена“*, написанномъ еще въ 1843 году, за четыре года до пріѣзда графини въ Москву. Не было никакой возможности ошибиться въ этомъ случаѣ и не понять, что Н. В. Сушковъ говорилъ здѣсь *о стихотвореніи* графини, которое даже онъ назвалъ по имени: *„Бальная сцена“*, и сталъ *разбирать его содержаніе*,.. Что́ же это такое?—было ли тутъ со стороны г-жи Некрасовой неумѣнье читать и понимать ею читаемое, или же намѣренное извращеніе истины, въ разсчетѣ, что никто не станетъ провѣрять ея показаній? Въ обоихъ случаяхъ роль г-жи Некрасовой —некрасива! Замѣчу также, что Н. В. Сушковъ говорилъ объ *одномъ балѣ*, а не о *„балахъ“*, какъ выразилась г-жа Некрасова для усиленія эффекта и по своей привычкѣ никогда не стѣсняться соблюденіемъ должной правдивости въ своихъ писаніяхъ. Кто же вышелъ *„наивною“* въ этой потѣшной путаницѣ—графиня ли Ростопчина, которой напрасно приписана глупая мысль о возможности укрыться отъ струи новаторскихъ идей подъ шумной музыкою бала, или же г-жа Некрасова, сочинившая возможность такой мысли?

Но здѣсь проявился пассажъ еще болѣе курьезный. Я никакъ не могъ понять изъ повѣствованія г-жи Некрасовой, съ какой стати Н. В. Сушковъ вздумалъ въ настоящемъ случаѣ заводить въ шутливомъ тонѣ рѣчь, ни къ селу ни къ городу, о какихъ-то волосатыхъ и бородатыхъ писателяхъ? Г-жа Некрасова придала этимъ явно ироническимъ словамъ *серьезное значеніе* въ прямомъ ихъ смыслѣ, т.-е.

что на аристократическіе балы графини Ростопчиной былъ преграждень доступъ для проповѣдниковъ новыхъ идей, и въ защиту этихъ послѣднихъ, въ ея глазахъ—великихъ людей, она позволила себѣ презабавную выходку противъ вообще всего высшаго свѣтскаго общества, сказавъ тономъ пренебреженія пылкой „адептки проповѣди новаторовъ", что въ аристократическіе салоны могли заноситься только искаженные отголоски новаторскихъ идей на языкѣ какого-нибудь пустого болтуна Загорѣцкаго! Заглянемъ, однако, въ лежащую предъ моими глазами копію съ записокъ Н. В. Сушкова и посмотримъ, въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью онъ упомянулъ здѣсь объ этихъ смѣшныхъ субъектахъ. Вотъ что онъ сказалъ о нихъ: „Балъ, на которомъ не встрѣтите ни длинно-густо-шаршаво-волосыхъ, ни козлино-бородыхъ писателей (на этихъ словахъ *недожженной фразы* г-жа Некрасова *оборвала* продолженіе выписки), *такою смѣлою кистью рисующихъ съ плеча* и аристократическіе балы, и жизнь общества (до котораго имъ, „какъ до звѣзды небесной, далеко"), и нравы, и страсти, и всѣ мелочи до подноготной, относительно обитателей не ихъ полосы. И все это живописуется и повѣствуется по умозрительнымъ созерцаніямъ. Слава ихъ головоломнымъ догадкамъ, внутреннему слуху, пытливому зрѣнію! Слава журналамъ, ихъ питающимъ!" —На повѣрку что́ же оказывается?—замѣчаніе Н. В. Сушкова о недопущеніи на аристократическій балъ волосато-бородатыхъ писателей составляло насмѣшку надъ тѣми изъ нихъ, которые въ журналахъ извѣстнаго направленія пускались описывать въ непріязненномъ духѣ среду высшаго общества, для нихъ недоступную, и толковать вкривь и вкось о предметахъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ. Надобно думать, что Н. В. Сушковъ имѣлъ причины для этой выходки, и что изображеніе косматыхъ борзописцевъ было взято съ натуры, съ извѣстныхъ ему личностей. Иронія была здѣсь очевидна, — но г-жа Некрасова показала видъ, будто бы не поняла ея: однако, фактъ урѣзки ею конца фразы несомнѣнно доказываетъ противное. Не такъ же ли и г-жа Некрасова *„такою смѣлою кистью рисуетъ съ плеча и живописуетъ"* совершенно ей незнакомую сферу свѣтскаго общества?

Послѣ своего иронически-презрительнаго замѣчанія о распространеніи Загорѣцкими въ свѣтскихъ салонахъ лишь искаженныхъ осколковъ новаторскихъ идей, г-жа Некрасова сказала: „Эти изуродованные осколки *новыхъ мыслей* не замирали, не пропадали безслѣдно; но *бо́льшая часть* (?) *свѣтскаго женскаго общества* оказалась несравненно воспріимчивѣй къ ложно понятой проповѣди Жоржъ-Зандъ, и выказала пробужденіе съ этой стороны въ рѣзко-комическихъ формахъ. Свѣтская женщина, напримѣръ, садилась и ѣхала на бѣговыхъ дрожкахъ безъ кучера, или стоя правила лихой тройкой, или брала на себя роль вакханки и смѣло переступала порогъ ресторановъ. Этимъ она отрицала сковывавшія ея свободу условныя приличія. Такъ проявлялись *въ женской свѣтской средѣ первые протесты за свободу, веселье, любовь*".

По истинѣ изумительна смѣлость этого огульнаго обвиненія *„большей части"* свѣтскихъ женщинъ. Начать съ того, что не существуетъ ничего общаго между идеями Жоржъ-Зандъ о *женской эмансипаціи* и проповѣдью идей пресловутыхъ новаторовъ, облюбленныхъ

г-жею Некрасовой. Затѣмъ, въ кругу свѣтскаго общества сороковыхъ годовъ дѣйствительно были извѣстны два-три разсказа о глупостяхъ, надѣланныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ пятью-шестью дамами, которыхъ имена я хорошо помню; но распространять за нихъ общее обвинепіе въ легкомысленномъ поведеніи на *„большую часть“* свѣтскихъ женщинъ — непозволительно. Къ тому же нужно замѣтить, что если ѣздить на бѣговыхъ дрожкахъ или править тройками неприлично для свѣтскихъ дамъ, то это было сдѣлано не болѣе какъ въ двухъ случаяхъ, изъ одной шалости, и притомъ не публично, на городскихъ улицахъ, а за городомъ, и въ присутствіи немногихъ свидѣтелей. Наконецъ, если нѣкоторыя вѣтренныя дамы поужинали съ своими короткими пріятелями въ кабинетахъ модныхъ ресторановъ, то это еще не даетъ повода обзывать ихъ *„вакханками“*. Опять она беретъ на себя право *„рисовать такою смѣлою кистью, живописать и повѣствовать“* о томъ, что́ происходило 40 лѣтъ назадъ, а до нея могло дойти лишь по преданію, по слухамъ, изъ десятыхъ рукъ, и всенепремѣнно въ окраскѣ преувеличенной, невѣрной.

Отъ огульнаго осужденія всѣхъ свѣтскихъ дамъ *„въ проявленіи протеста за свободу, веселье, любовь“* г-жа Некрасова переходитъ къ новому обвиненію лично графини Ростопчиной, о которой она сказала: „Въ этомъ смыслѣ проявила протестующій элементъ и Ростопчина. Она *открыто* востэргалась *разгульнымъ удальствомъ* цыганской пѣсни, *одурманивалась* (изящное выраженіе!) *благоуханіемъ рома, жженки,* изступленнымъ хоромъ цыганъ. И въ своей *наивности* думала и теперь *попрежнему* (когда?) остаться при *томъ же протестѣ* (при какомъ?), когда *литература* (какая?) *направлялась* уже *на болѣе серьезныя темы“* (т.-е. „новаторскія“?).

Для мотивированія подобныхъ обвиненій г-жа Некрасова сослалась на стихи графини: „Цыганскій вечеръ“. Что́ же оказывается? Это стихотвореніе, написанное 4-го декабря 1847 г., вскорѣ послѣ возвращенія графини Ростопчиной изъ-за границы въ Москву, имѣетъ надпись: „Посвящается сестрѣ и брату, княгинѣ Голицыной и графу Апраксину“. Эти близкіе пріятели графини, знавшіе, что она очень любила цыганское пѣніе (извѣстны ея прекрасные стихи: „Цыганскій таборъ“, написанные еще въ 1831 г., когда въ первый разъ она слышала цыганскій хоръ въ Петровскомъ паркѣ, гдѣ семейство Пашковыхъ въ тотъ годъ провело лѣто), устроили для нея сюрпризомъ у княгини Л. П. Голицыной, въ маленькомъ кружкѣ короткихъ знакомыхъ, цыганскій вечеръ, на которомъ для полноты обстановки явилась и освященная обычаемъ пылающая жженка. Стихи, описывающіе этотъ вечеръ, относятся по своему содержанію гораздо болѣе къ воспоминаніямъ о былomъ, нежели къ веселымъ впечатлѣніямъ настоящихъ минутъ; на нихъ даже лежитъ оттѣнокъ грусти, при совершенномъ отсутствіи какого-то *разгульнаго увлеченія,* которое имъ навязываетъ г-жа Некрасова. Я вынужденъ привести въ отрывкахъ содержаніе этого стихотворенія для опроверженія вымысловъ г-жи Некрасовой:

Полно́чь звучитъ... Сюда несите чашу,
Благоуханный дайте ромъ,

Всѣ свѣчи вонъ! — Пусть женка прихоть нашу
Потѣшитъ радужнымъ огнемъ.
Зовите таборъ къ намъ!..
. . . . . .
Оно исполнилось, тоскливое желанье, —
Поютъ мнѣ пѣсни старины!
. . . . . .
Въ восторженной душѣ очнулося былое
Съ минувшей радостью, тоской.
. . . . . .
Для чувства робкаго, для тайныхъ упованій
Поетъ онъ сладкій гимнъ любви;
Для сердца грустнаго въ немъ откликъ есть страданья.
. . . . . .
И насъ немного здѣсь, — но каждый понимаетъ
По-своему отвѣтный гласъ:
И вѣрно, углубясь въ мечту, припоминаетъ
Какой-нибудь завѣтный часъ.
Предаться можемъ мы свободно увлеченью
Очаровательныхъ минутъ:
Ни взоръ завистливый, *ни злость, ни осужденье*
Въ нашъ тѣсный кругъ не попадутъ...

Какъ жестоко ошиблась графиня Ростопчина! Чрезъ четверть вѣка послѣ ея кончины и смерти почти всѣхъ прочихъ участниковъ этого пріятельскаго вечера, неожиданно вторгаются въ мирныя могилы давно почившихъ *„злость и осужденье“*, тревожатъ ихъ прахъ, позорятъ ихъ память!..

Далѣе г-жа Некрасова повѣствуетъ, что по возвращеніи въ концѣ 1847 г. изъ-за границы въ Петербургъ графиня Ростопчина „встрѣтила холодный пріемъ, и не раздается болѣе похвалъ въ литературѣ“; это заключеніе она основываетъ на ошибочномъ толкованіи нѣсколькихъ словъ, отрывочно ею взятыхъ изъ стихотворенія графини: „Пѣснь возврата“. Но дѣло въ томъ, во-первыхъ, что эти стихи, помѣченные сентябремъ 1847 г., были написаны *чрезъ нѣсколько дней* по пріѣздѣ графини въ Петербургъ, когда она ничего новаго еще не успѣла написать и, слѣдовательно, никакъ не могла вызвать ни похвалы, ни порицанія *въ литературѣ;* во-вторыхъ, эти стихи относились не къ литературной дѣятельности графини, а имѣли въ виду перемѣны, происшедшія въ ея связяхъ съ прежними друзьями и близкими, которыхъ кружокъ во время ея отсутствія измѣнился и разсѣялся. Все содержаніе стихотворенія ясно на это указываетъ.

Произведенія Ростопчиной,—продолжаетъ г-жа Некрасова,—встрѣчаются оскорбительнымъ молчаніемъ, слышатся похвалы только „изъ своего прихода“ — въ „Москвитянинѣ“ и „Библіотекѣ для Чтенія“, гдѣ постоянно печатались ея произведенія (прибавлю отъ себя: также еще въ „Пантеонѣ“ и „Московскомъ Наблюдателѣ“). „Равнодушное *молчаніе* журналовъ *молодой литературы* скоро замѣнилось *иронической улыбкой* въ сторону нѣкогда боготворимой писательницы. Ростопчина *поражена!*“—Сказано ѣдко!—но не мѣтко. „Равнодушное *молчаніе*“ и столь же *молчаливыя* „ироническія *улыбки*“ въ какихъ-

то журнальныхъ редакціяхъ въ Петербургѣ, за 600 верстъ отъ Москвы, не могли доходить ни до слуха, ни до зрѣнія графини Ростопчиной, слѣдовательно и не могли ее *поразить*. Да и какіе это были журналы *„молодой литературы“*, на которые *намекаетъ* г-жа Некрасова? Не могу не замѣтить, что она усвоила себѣ странную манеру никогда не высказываться ясно и открыто, но постоянно отдѣлываться *замалчиваніемъ* своихъ мыслей: то она толкуетъ о какихъ-то проповѣдникахъ новыхъ идей, которыхъ назвать не желаетъ, то говоритъ о какихъ-то журналахъ, которыхъ указать *избѣгаетъ*. Подъ названіемъ журналовъ *молодой литературы* того времени возможно подразумѣвать исключительно только два петербургскіе большіе литературные журнала: „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“, который въ 1847 г. перешелъ отъ Плетнева въ руки Панаева и Некрасова.

Считаю нужнымъ сдѣлать одно предварительное разъясненіе, имѣющее существенное отношеніе къ дальнѣйшему повѣствованію г-жи Некрасовой. Въ „Отечественныхъ Запискахъ“ никогда не появлялось никакихъ неблагопріятныхъ отзывовъ о произведеніяхъ графини Ростопчиной, такъ что г-жа Некрасова даже упрекнула редакцію журнала за дружелюбное критическое отношеніе въ 1850 г. къ драмѣ графини: „Нелюдимка“. Но совсѣмъ другое дѣло „Современникъ“: здѣсь, въ отдѣлѣ литературной критики, подъ предлогомъ разбора произведеній графини, были помѣщены—въ 1852 г. одна шутовская замѣтка, а позднѣе, въ 1856 и 1857 годахъ, двѣ рецензіи которыя по ихъ содержанію, формѣ и тону были въ высшей степени оскорбительны для *личности* графини Ростопчиной. Такого рода неприличныя статьи, составляющія явленіе безпримѣрное въ литературной критикѣ, прямо возбуждаютъ предположеніе, что въ этомъ случаѣ дѣйствовали какіе-нибудь особенные и посторонніе мотивы, чуждые литературѣ.

„Въ литературѣ,—говоритъ далѣе г-жа Некрасова,—*между тѣмъ едва отмѣчаютъ* выходъ того или другого изъ ея произведеній, а если входятъ въ подробный разборъ, то Ростопчиной *всегда достается сильно*, какъ за несообразности въ слогѣ, такъ и въ содержаніи. Еслибы *нѣкоторые* изъ толстыхъ журналовъ *не продолжали* помѣщать произведеній Ростопчиной (вотъ какъ!—даже не смѣй ихъ печатать); еслибы редакторы и критики *этихъ* журналовъ (т.-е. *всѣхъ*, кромѣ *одного* „Современника“) *не продолжали расхваливать ее*, какъ звѣзду въ прошломъ и настоящемъ, то, можетъ быть, *новая литература* (т.-е. *единственный* „Современникъ“) не остановила бы на ней вниманія, *вѣроятнѣе*, она оставила бы ее *въ забвеніи* (сомнительно, чтобы „новаторы“ въ „Современникѣ“ оставили въ покоѣ графиню, не раздѣлявшую ихъ образа мыслей). Но при томъ положеніи, которое Ростопчина *продолжала занимать* въ нѣкоторыхъ органахъ печати, о ней нельзя было не говорить“.

Въ своемъ упорномъ стремленіи всячески вредить графинѣ Ростопчиной, г-жа Некрасова теряетъ нить логическаго разсужденія и не замѣчаетъ, что сама себѣ противорѣчитъ: съ одной стороны, съ видимою досадою сознается она, что многіе журналисты и критики продолжали хвалить произведенія графини, а съ другой стороны, она

заявляетъ, что графинѣ „всегда“ сильно доставалось, когда входили въ подробный разборъ ея сочиненій. Обозначенный г-жею Некрасовой періодъ времени подъ неопредѣленнымъ и уклончивымъ выраженіемъ: „*между тѣмъ*“, въ дѣйствительности обнимаетъ цѣлые восемь лѣтъ, съ конца 1847 до начала 1856 г.,—періодъ довольно длинный для авторской дѣятельности, но въ продолженіе котораго, несмотря на самые старательные свои розыски, удалось г-жѣ Некрасовой отыскать только *единственный* случай непріязненнаго отзыва о сочиненіяхъ графини Ростопчиной, именно, въ апрѣлѣ 1852 года. Вотъ какъ о немъ повѣствуетъ г-жа Некрасова:

„За романъ: „Счастливая женщина“ („Москвитянинъ“, декабрь 1851 и февраль, мартъ 1852 г.), гдѣ *симпатично* изображалась любовь замужней женщины къ запоздалому своимъ появленіемъ герою (ахъ! скажите пожалуйста, какой ужасъ!), *Ростопчиной сильно досталось*. Рецензенты видѣли въ романѣ *развращающую проповѣдь* и не жалѣли ѣдкихъ порицаній въ сторону героини романа Марины, *а также и самого автора*. Для *образчика* приводимъ маленькую замѣтку „Современника“ (1852 г. № 4)“.

Эта замѣтка состояла изъ нѣсколькихъ строкъ шутовского глумленія надъ героинею романа Мариною, которую сравнивали съ „Еленою Прекрасною“; но о „*самомъ авторѣ*“ романа *не упоминалось въ замѣткѣ ни однимъ словомъ* [1]). Въ романѣ „Счастливая Женщина“ не заключалось ничего особенно безнравственнаго и „развращающаго“, а, напротивъ того, онъ былъ написанъ въ самомъ благопристойномъ тонѣ, и въ немъ не находилось ни сценъ нескромныхъ, ни безнравственныхъ разсужденій; его содержаніе совершенно просто: молодая женщина Марина, которою ея старый мужъ совсѣмъ не занимался и даже уѣхалъ отъ нея надолго по какимъ-то дѣламъ, полюбила молодого человѣка и, какъ можно догадываться, вступила съ нимъ въ связь, но объ этомъ ясно не говорится въ романѣ; чрезъ нѣкоторое время удалось семейству этого послѣдняго женить его на знатной и богатой дѣвушкѣ; Марина съ горя заболѣла, поѣхала за

---

[1]) Считаю любопытнымъ привести *дословно* и *цѣликомъ* эту тривіальную замѣтку, имѣющую въ глазахъ г-жи Некрасовой значеніе серьезной критики:

„О „Счастливой Женщинѣ“ можно еще будетъ современемъ поговорить не безъ удовольствія. Я увѣренъ, что читатели „Современника“ очень интересуются участью этой очаровательной и многодумной Марины, передъ умомъ и красотой которой не устоялъ бы даже самъ Фаустъ г-на Овчинникова, распоряжавшійся во дворцѣ Менелая, какъ въ собственномъ домѣ, и пользовавшійся благосклонностью много-ославленной и много-осрамленной красавицы, возбудившей троянскую войну. Марина не уступаетъ ни въ чемъ Еленѣ и можетъ смѣло сказать, подобно ей:

„Какой повсюду злоковарный рокъ
Меня преслѣдуетъ? Вездѣ мужчинъ
Сердца бѣснуетъ, не пощадятъ
Себя, ниже достойности они!
Герои пучеглазы, глазопуча,
Бунтуютъ за меня...
Собою я смутила цѣлый свѣтъ
И нанесла вдвойнѣ, втрикратѣ бѣдъ“!

границу и вскорѣ тамъ умерла. Романъ „Счастливая женщина“ *не подвергся критическому порицанію рѣшительно ни въ одномъ изъ повременныхъ изданій* кромѣ только единственнаго „Современника“. Слѣдуетъ еще отмѣтить въ опроверженіе повѣствованія г-жи Некрасовой, что имя автора романа не было упомянуто въ замѣткѣ „Современника“, въ которой поэтому и не заключалось никакихъ порицаній *„въ сторону также и самого автора“*. Опять—неправда.

Теперь посмотримъ, что произошло дальше въ *„новой литературѣ“* относительно отзывовъ о произведеніяхъ графини Ростопчиной. Г-жа Некрасова указываетъ на двѣ критическія рецензіи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1856 года и на двѣ статьи „Современника“ въ 1856 и 1857 годахъ. Хотя „С.-Петербургскія Вѣдомости“ ни по времени своего существованія, ни по своему содержанію не принадлежатъ къ новой литературѣ, но пускай будетъ такъ—это все равно. Займемся сначала разсмотрѣніемъ сущности двухъ рецензій, помѣщенныхъ въ этой газетѣ.

Въ первой изъ нихъ, въ № 17 газеты 1856 г., по случаю выхода перваго тома второго изданія стихотвореній графини Ростопчиной было сказано: „Прочитывая стихотворенія гр. Ростопчиной, мы нашли *легкій, изящный стихъ*, нашли чувство, доходящее иногда до страстнаго увлеченія, но вѣдь эта находка не новость. *Эти достоинства* публика давно уже знала въ стихотвореніяхъ графини Ростопчиной, *за эти-то достоинства* она и читала эти стихотворенія, а то обстоятельство, что *русскимъ стихомъ въ такой степени владѣетъ женщина*, увеличиваетъ интересъ чтенія“. Относительно преобладающей черты въ содержаніи стихотвореній рецензентъ говоритъ: „Всѣ женщины писательницы крайне субъективны—это дѣло рѣшенное. Свой внутренній міръ онѣ олицетворяютъ во всемъ, о чемъ пишутъ, но никогда намъ не случалось видѣть субъективности въ такой сильной степени, какъ въ произведеніяхъ графини Ростопчиной. Ея вдохновеніе постоянно витаетъ около ея собственной личности. *Я* страдаю, *я* скорблю, *я* мечтаю, *я* встрѣчаюсь, *я* разстаюсь, *я* пріѣзжаю, *я* уѣзжаю—вотъ темы вдохновеній этой писательницы. Увидимъ, что дадутъ намъ другіе томы“. Этотъ отзывъ нельзя назвать иначе, какъ похвальнымъ, даже весьма похвальнымъ, а замѣчаніе рецензента о крайней субъективности стихотвореній графини не составляетъ опроверженія высказанныхъ имъ общихъ похвалъ ея поэзіи. Не удивительно ли послѣ этого, что г-жа Некрасова рѣшилась назвать эту рецензію *„насмѣшкою“* надъ стихотвореніями графини?—но, конечно, не приведя ни одного слова изъ этой статьи, для подтвержденія своего заключенія о ней, она поступила такимъ образомъ, разсчитывая, что никто не станетъ провѣрять правдивости ея разсказа и всѣ повѣрятъ ей на слово,—но она крѣпко ошиблась: нашелся братъ покойной графини Ростопчиной, который счелъ долгомъ ознакомиться собственными глазами съ написанными тридцать лѣтъ назадъ отзывами о литературныхъ произведеніяхъ его сестры—и теперь онъ уличаетъ г-жу Некрасову на каждомъ ея словѣ въ безчисленныхъ неправдахъ.

Но въ фельетонѣ № 30 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ г. В. Зотовъ дѣйствительно выразился въ ироническомъ тонѣ о стихотвореніи графини Ростопчиной: „*Угасшая звѣзда*“. „Это не *автобіографія*, какъ можно было судить *по заглавію*,—сказалъ г. Зотовъ,—а драматическая фантазія... Считаемъ безполезнымъ говорить о слогѣ, которымъ она написана: изысканностей и неправильностей и тутъ довольно. Стихи графини Ростопчиной очень часто похожи на прозу, а проза на стихи“.

Ироническая *игра словами*: „Угасшая звѣзда“—не болѣе какъ легкая *острота*, которая поэтому и не имѣетъ значенія серьезной критики; что же касается замѣчанія о довольно частыхъ неправильностяхъ въ слогѣ, то и это неважно. Мы сейчасъ видѣли, что недалѣе, какъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ, въ № 17 этой самой газеты, другой рецензентъ нашелъ, что графиня отлично владѣетъ русскимъ стихомъ; вотъ, слѣдовательно, два личныя мнѣнія, между собою несогласныя, изъ которыхъ ни одно не имѣетъ права на преимущественный авторитетъ—и каждое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ извѣстную долю правды. Однако, мнѣніе перваго рецензента слѣдуетъ признать болѣе справедливымъ, потому что множество стихотвореній графини Ростопчиной написаны дѣйствительно прекраснымъ, даже изящнымъ языкомъ, а если иногда встрѣчаются въ ея слогѣ неправильности, по недосмотру или небрежности, то этихъ случаевъ немного относительно значительной массы написанныхъ ею сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Съ другой стороны, нельзя не согласиться отчасти и съ г. Зотовымъ въ томъ, что стихи графини Ростопчиной были часто похожи на прозу, потому что во второй половинѣ ея литературной дѣятельности, къ сожалѣнію, она много писала *бѣлыми* стихами, которые въ сущности не составляютъ ни стиховъ, ни прозы,—и дѣйствительно эти послѣднія произведенія были неизмѣримо слабѣе прежнихъ ея прекрасныхъ стихотвореній.

Почему же г-жа Некрасова не только скрыла отъ читателя похвальное содержаніе перваго изъ этихъ двухъ отзывовъ, но даже превратно сообщила о немъ, назвавъ его „*насмѣшкою*“, и, напротивъ, представила выписку изъ отзыва г. Зотова, невыгоднаго для графини? Какой это поступокъ: добросовѣстный или недобросовѣстный? Итакъ, легкая иронія по поводу названія: „Угасшая звѣзда“, и мимоходное замѣчаніе о нѣкоторыхъ неправильностяхъ въ слогѣ, вотъ что на языкѣ г-жи Некрасовой называется: „*Досталось же Ростопчиной* за „Угасшую звѣзду“ въ 1856 году“.

Перехожу къ содержанію тѣхъ двухъ статей „Современника“, которыя, по заявленію г-жи Некрасовой, „*нанесли окончательный ударъ Ростопчиной*“. Первая изъ нихъ (№ 3, 1856 г.), никѣмъ не подписанная, но очевидно написанная по указанію и заказу редакціи журнала, занималась критическимъ разборомъ вышедшаго перваго тома второго изданія стихотвореній графини; вторая статья (№ 10, 1857 г.) заключала критику ея романа въ прозѣ: „У пристани“, написанную Добролюбовымъ.

О первой изъ этихъ статей г-жа Некрасова говоритъ: „Авторъ

чрезвычайно ясно характеризуетъ пустоту, безсердечіе, безпринципность того „*я*“, какое выглядываетъ изъ стихотвореній Ростопчиной. „Кто можетъ сочувствовать этому „*я*“, въ томъ нѣтъ ни капли поэзіи. Ростопчина же *велика тѣмъ*, что *осмѣиваетъ* это „*я*“,—иронизируетъ авторъ,—*возбуждаетъ къ нему полнѣйшее презрѣніе*. Высокъ подвигъ поэта, рѣшающагося избрать паѳосомъ своихъ стихотвореній *изобличеніе ничтожества и порока* на благое предостереженіе людямъ! *Этимъ, безъ сомнѣнія, надобно объяснить то уваженіе, которымъ почтили талантъ и произведенія графини Ростопчиной три величайшіе поэта трехъ поколѣній—Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ*“. Болѣе рѣшительному осужденію (провозглашаетъ ликующая г-жа Некрасова) еще ни разу до сихъ поръ не подвергались произведенія Ростопчиной“.

Да, совершенно вѣрно, — не только произведенія графини Ростопчиной, но вообще ничьи сочиненія еще ни разу—ни раньше ни позднѣе—не подвергались подобнаго рода критикѣ!.. Эта необычайная рецензія заключала не критическій разборъ литературныхъ качествъ стихотвореній графини Ростопчиной, но самыя грубыя нападки на ея собственную личность и самыя неприличныя надъ нею глумленія чрезъ извращеніе истиннаго смысла ея поэтическихъ произведеній, приписаніе имъ характера пошлаго, безнравственнаго и перенесеніе этихъ оскорбительныхъ качествъ на характеристику самого автора. Жуковскій, Пушкинъ, Лермонтовъ —всѣ трое личные друзья графини,— выставлены *единомышленниками рецензента*!.. Достаточно уже одного этого, чтобы оцѣнить по достоинству его диковинную статью.

Разборъ, въ послѣдующемъ 1857 году, романа графини Ростопчиной: „У пристани“, былъ написанъ въ томъ же духѣ, тонѣ и направленіи; видимо, одна и та же рука въ „Современникѣ“ направляла авторовъ обѣихъ статей. Я не считаю нужнымъ входить въ разборъ подобнаго рода произведеній, заслуживающихъ полнаго осужденія каждаго порядочнаго и благовоспитаннаго человѣка.

Г-жа Некрасова написала свой „Очеркъ“ о графинѣ Ростопчиной совершенно по образцу этихъ двухъ рецензій, съ употребленіемъ тѣхъ же самыхъ пріемовъ для отнесенія къ личности автора позорной критики его произведеній.

„Ростопчина,—дальше говоритъ г-жа Некрасова,—*съ своимъ идеаломъ мичнаго счастья* (т.-е., замѣчу, не соприкасавшагося съ новаторскими идеями), казалась теперь какой-то ветошью рядомъ съ *молодой литературой, стремленіе которой* она—въ силу привычекъ своего, очевидно, наивнаго незнанія—не могла понять. Сиуститься до положенія вопрошающаго (!) не дозволяло до гигантскихъ размѣровъ развившееся самолюбіе; сама же уразумѣла только одно: *молодая литература* и *ея враги*—это одно и то же. *Между ними и ею существуетъ цѣлая пропасть*“.

Опять г-жа Некрасова не называетъ по имени никого изъ тѣхъ писателей, которыхъ она подразумѣваетъ здѣсь подъ загадочнымъ обозначеніемъ „*молодой литературы*“. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ общепризнанными представителями молодой литературы могли почитаться наиболѣе выдававшіеся беллетристы и поэты, начавшіе свою литературную дѣятельность въ началѣ соро-

ковыхъ годовъ; эти *молодыя*, даровитыя и свѣжія силы были: Тургеневъ, И. А. Гончаровъ, братья Аксаковы, Островскій, А. М. Жемчужниковъ, Я. П. Полонскій, А. Н. Майковъ, Шеншинъ (Фетъ), Щербина, графъ А. Толстой, Д. В. Григоровичъ, Дружининъ, Писемскій и еще нѣкоторые другіе; только единственно о нихъ и можетъ быть рѣчь, когда говорится о *представителяхъ молодой литературы той эпохи*. Но *между ними не имѣла враговъ* графиня Ростопчина. Поэтому очевидно, что не ихъ имѣетъ въ виду и г-жа Некрасова, а какихъ-то иныхъ писателей, враждебныхъ графинѣ Ростопчиной и отъ стремленій которыхъ ее отдѣляла *„цѣлая пропасть"*.

„Въ чемъ состоитъ *эта пропасть*,—продолжаетъ г-жа Некрасова,—вопросъ рѣшается съ личной точки зрѣнія: ее отрицаютъ, ее, преемницу Пушкина, хранительницу чистаго искусства! А отсюда неожиданный выводъ: *молодая литература* ведетъ къ гибели. И ради спасенія Ростопчина рѣшается на рѣзкій шагъ: *открыто вступить въ борьбу съ пагубнымъ направленіемъ*! И въ 1851 году, въ „Письмѣ къ Ѳ. Глинкѣ", которое было напечатано въ „Москвитянинѣ" (№ 11), она открыто выступаетъ противъ научнаго (?) движенія, желаетъ предохранить молодежь отъ „гибельнаго чтенія жалкихъ и вредныхъ теорій". Она усматриваетъ въ литературѣ „навожденіе реализма и скудости духовной, прикрытой нынѣшнимъ именемъ *разума* и *разсудка*". Въ 1852 году она печатаетъ „Оду поэзіи", въ которой говоритъ... (слѣдуетъ выписка нѣсколькихъ отрывочныхъ строкъ изъ этого стихотворенія, къ которому дальше я возвращусь").

Эти послѣднія заявленія заключаютъ въ себѣ весьма существенныя и важныя указанія, въ которыхъ г-жа Некрасова выдала, наконецъ, свой секретъ и дала мнѣ возможность отдернуть таинственную завѣсу, за которою до сихъ поръ столь тщательно скрывались тѣ загадочныя личности, которыхъ она называетъ литературными врагами графини Ростопчиной. Теперь ясно открылось, какого именно направленія писателей подразумѣваетъ г-жа Некрасова подъ общимъ наименованіемъ *„молодой литературы* и *проповѣдниковъ новаго направленія"*.

Указанное г-жею Некрасовой письмо графини Ростопчиной къ Ѳ. Н. Глинкѣ составляетъ одно изъ тѣхъ ея произведеній,—первое по времени,—которыми она возбудила противъ себя негодованіе и ненависть редакціи „Современника"; чрезъ три мѣсяца послѣ напечатанія въ „Москвитянинѣ" этого письма, при первомъ же удобномъ случаѣ, появилось въ замѣткѣ „Современника" то курьезное глумленіе надъ романомъ графини: „Счастливая Женщина", которое выше мною приведено.

Не могу оставить безъ опроверженія ироническаго и несправедливаго обвиненія графини Ростопчиной въ безразсудномъ тщеславіи считать себя *„преемницею Пушкина"* въ русской литературѣ. Василію Андреевичу Жуковскому заблагоразсудилось передать графинѣ Ростопчиной „черновую книгу" Пушкина, приготовленную имъ, незадолго передъ своею кончиною, для записыванія въ ней своихъ новыхъ стихотвореній. По случаю полученія этого драгоцѣннаго дара, графиня написала Василію Андреевичу стихи, доказывающіе, что не съ чувствомъ глупаго самомнѣнія, а, напротивъ того, съ самымъ скром-

нымъ и глубокимъ благоговѣніемъ къ высокому таланту Пушкина приняла она этотъ даръ, признавая себя *недостойною* имъ обладать. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этихъ стиховъ моей сестры:

Смотрю съ волненіемъ, съ тоскою умиленной
На книгу-сироту, на бѣлые листы,
Куда усопшій нашъ рукою вдохновенной
Сбирался вписывать и пѣсни и мечты.
. . . . . .
Какой удѣлъ благой, возвышенный и славный
Страницамъ симъ пустымъ назначенъ прежде былъ!
. . . . . .
И мнѣ, и мнѣ сей даръ! мнѣ, слабой, недостойной,
Мой *сердца духовникъ* пришелъ его вручить;
Мнѣ пѣснью робкою, неопытной, нестройной
Стихъ чудный Пушкина велѣлъ онъ замѣнить!
Но не исполнить мнѣ такого назначенья,
Но не достигнуть мнѣ желанной вышины!

Считаю нужнымъ привести и письмо В. А. Жуковскаго, сопровождавшаго этотъ даръ:

„Посылаю вамъ, графиня, на память книгу, которая можетъ имѣть для васъ нѣкоторую цѣну. Она принадлежала *Пушкину*; онъ приготовилъ ее для новыхъ своихъ стиховъ, и не успѣлъ написать ни одного; мнѣ она досталась изъ рукъ смерти, я началъ ее; то, что въ ней найдете, не напечатано нигдѣ. Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящаго своего назначенія. Все это въ старые годы я написалъ бы стихами, и стихи были бы хороши, потому что дѣло бы шло о васъ и о вашей поэзіи; но стихи уже не такъ льются, какъ бывало, кончу просто: не забудьте моихъ наставленій; пускай этотъ годъ уединенія будетъ истинно поэтическимъ годомъ вашей жизни.

„Вашъ—Жуковскій".

„25 апрѣля 1838 г.

Спрашиваю: на основаніи какого логическаго процесса могла г-жа Некрасова вывести изъ того вполнѣ скромнаго и приличнаго стихотворенія графини Ростопчиной—присутствіе въ ней безразсуднаго тщеславія почитать себя *„преемницею Пушкина"*?

Письмо В. А. Жуковскаго свидѣтельствовало объ его *истинныхъ отношеніяхъ* къ графинѣ Ростопчиной и ея поэзіи. Г-жа Некрасова читала это письмо, знала его содержаніе, однако отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ вышеупомянутому отзыву „Современника" по этому предмету и даже пришла отъ него въ ликованіе...

Послѣ всего этого, какое можно составить себѣ понятіе объ образѣ мыслей и правдивости г-жи Некрасовой?

Теперь обращаюсь къ письму графини Ростопчиной къ Ѳ. Н. Глинкѣ. До настоящаго времени я не зналъ этого письма, которое такъ кстати для меня и такъ неудачно для себя указала г-жа Не-

красова моему вниманію; привожу существенную часть его содержанія. Это письмо было вызвано восторженнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на графиню Ростопчину чтеніемъ Ѳ. Н. Глинкою какой-то имъ написанной поэмы высоко-религіознаго содержанія, о которой графиня писала ему слѣдующее: „Слушая эту чудную библейскую эпопею, столь близкую всякой душѣ христіанской, всякому сердцу, ублаженному даромъ умиленія и молитвы,—я была изъята изъ нашего міра и вѣка, перенесена въ какое-то другое, лучшее время, время простоты, теплоты жизни и вѣры,—время не похожее на эту тяжкую пору безвѣрія, нелюбія и лжеученій мнимой истины философіи...

„Вся эта поэма любви, вѣры, богознанія, все это казалось мнѣ такимъ нежданнымъ, но желаннымъ явленіемъ въ теперешнее навожденіе прозы, реализма и скудости духовной, прикрытой нынѣшнимъ именемъ *разума* и *разсудка*, что я предавалась восторженно и сладко обаянію, увлекавшему и душу мою, и мечту, и слухъ, и сердце".

Здѣсь заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что въ своемъ письмѣ графиня Ростопчина говорила о современномъ обществѣ *вообще*, ни на кого въ частности не указывая и даже не упоминая о „молодой литературѣ"; почему же г-жа Некрасова нашла это письмо открытымъ вступленіемъ въ борьбу съ направленіемъ молодой литературы? Въ настоящемъ случаѣ невозможно усмотрѣть никакого вызова, никакого *выступленія на борьбу* со стороны графини Ростопчиной, которая просто высказала свои мысли и убѣжденія, не обличая и не затрогивая никого; слѣдовательно, не она начала борьбу, а противъ нея поднялись борьбою тѣ, которые приняли это осужденіе на свой счетъ.

Совершенно вѣрно, что появленіе этого письма возбудило въ „Современникѣ" противъ графини Ростопчиной общее раздраженіе, которое позднѣе еще болѣе усилилось и даже превратилось въ чувство *личной вражды* за ея стихотвореніе: „Ода поэзіи". Но не вѣрно заявленіе г-жи Некрасовой, будто бы и сама графиня также воспылала противъ возставшихъ на нее неожиданныхъ „*личныхъ враговъ*" чувствомъ взаимной вражды. Конечно, графиня Ростопчина не могла оставаться равнодушною къ злобнымъ выходкамъ противъ нея, но низойти до чувства личной вражды къ направителямъ „Современника"—она также не могла, потому что на грубое оскорбленіе можно было отвѣчать только спокойнымъ пренебреженіемъ. Такъ именно и поступила она: статья „Современника" была напечатана въ мартѣ 1856 года, а въ ноябрѣ графиня Ростопчина написала слѣдующіе стихи:

МОИМЪ КРИТИКАМЪ.

Я не дивлюсь и, право, не сержусь я,
Что на меня такъ злобно возстаютъ:
Журнальною хулой скорѣй горжусь я,
И клевета мнѣ сердце не кольнетъ.
Я разошлася съ новымъ поколѣньемъ,
Прочь отъ него идетъ стезя моя;
Понятьями, душой и убѣжденьемъ
Принадлежу другому міру я.

Иныхъ боговъ я чту и призываю,
И говорю инымъ я языкомъ;
Я имъ чужда, смѣшна,—я это знаю,
Но не смущаюсь передъ ихъ судомъ.
Я не ищу коварнымъ наущеньемъ
Сословье на сословье подстрекнуть;
Я не хочу мистическимъ любленьемъ
И ханжествомъ предъ свѣтомъ прихвастнуть;
Къ разбойникамъ я не стремлюсь съ объятьемъ,
Разврату въ дань хвалы не приношу;
Я прахъ отца не шевелю проклятьемъ
И пасквилей на мертвыхъ не пишу! [1])
Безъ горечи, безъ ропота, безъ гнѣва
Смотрю на жизнь, на міръ и на людей...
Зато и справа слышатся и слѣва
Анаѳемы надъ головой моей!
Сонмъ братьевъ и друзей моихъ далеко—
Онъ опочилъ, окончивъ пѣснь свою.
Не мудрено, что жрицей одинокой
У алтаря пустого я стою.

Москва, 25 ноября 1856.

Г-жа Некрасова не обмолвилась ни единымъ словомъ объ этомъ знаменательномъ въ настоящемъ случаѣ стихотвореніи, исполненномъ благороднаго самодостоинства и твердаго спокойствія духа. Особенное значеніе пріобрѣли теперь слова: „*И пасквилей на мертвыхъ не пишу*!“ Это какъ бы голосъ изъ гроба моей сестры, присоединяющійся къ моему настоящему протесту противъ незаслуженнаго поношенія ея памяти.

На стихотвореніе: „Моимъ критикамъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще и на другіе подобнаго рода стихи, отъ іюля 1857 года, подъ названіемъ: „Простой обзоръ“, — „Современникъ“, при первомъ же представившемся случаѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, отвѣтилъ вышеупомянутою критическою статьею романа графини Ростопчиной: „У пристани“.

Такимъ образомъ, намъ вполнѣ выясняется весь ходъ постепеннаго раздраженія и враждебныхъ дѣйствій „Современника“ противъ графини Ростопчиной, хотя она въ своихъ стихотвореніяхъ даже ни разу не упомянула имени этого журнала. Письмо графини къ Ѳ. Н. Глинкѣ вызвало первое неудовольствіе „Современника“, которое выразилось въ началѣ 1852 г. въ глумительной замѣткѣ о ея романѣ: „Счастливая женщина“; послѣ ея стихотворенія: „Ода поэзіи“—появился въ 1856 г. поносительный критическій разборъ второго изданія стихотвореній графини; наконецъ, въ отвѣтъ на ея два позднѣйшія стихотворенія: „Моимъ критикамъ“ (ноябрь, 1856) и „*Простой обзоръ*“ (іюль, 1857), была написана въ октябрѣ 1857 г. оскорбительная рецензія ея романа: „У пристани“. На этомъ остановилось дальнѣйшее продолженіе этихъ столкновеній, такъ какъ съ 1858 г. графиня опасно занемогла, ничего болѣе не печатала и въ декабрѣ мѣсяцѣ скончалась.

[1]) Курсивъ поставленъ мною.

Возвращаюсь къ повѣствованію г-жи Некрасовой: „Послѣдній моментъ борьбы гр. Ростопчиной *съ ея литературными врагами*, когда ея сердце *питалось только злобою*, выражается въ ея сатирѣ: „Домъ сумасшедшихъ"...

„Проникавшая сатиру ѣдкая иронія прекрасно совпадала съ тѣмъ *душевнымъ озлобленіемъ, которое переживала въ послѣдніе годы Ростопчина.* Тонъ Воейкова пришелся графинѣ какъ нельзя по вкусу. Невольно мелькнула мысль: „не посмѣяться ли и мнѣ? только надъ кѣмъ? кто собственно смѣшонъ — славянофилы или западники?" И тѣ, и другіе — рѣшаетъ графиня; у тѣхъ и другихъ идетъ полный разладъ теоріи съ собственною жизнью (считаю нужнымъ замѣтить, что эти разсужденія составляютъ плодъ собственной фантазіи г-жи Некрасовой). Въ бумагахъ Н. В. Сушкова сохранился списокъ стихотворенія: „Домъ сумасшедшихъ" со всѣми комментаріями, поясненіями, сдѣланными на поляхъ рукою самого автора, и многими его письмами".

Въ письмѣ, при которомъ графиня препроводила это стихотвореніе къ дядѣ Н. В. Сушкову, нашла будто бы г-жа Некрасова указаніе повода, вызвавшаго „Строеніе дома", а также и объясненіе, „чѣмъ за это время была занята мысль Ростопчиной". Мы уже имѣли возможность достаточно ознакомиться съ плодовитостью воображенія и развязною смѣлостью г-жи Некрасовой для превращенія бѣлаго въ черное, или мухи въ слона, а потому считаю безполезнымъ тратить время на опроверженіе натяжекъ и вымысловъ, къ которымъ она прибѣгаетъ для произвольной окраски содержанія этого письма. Ограничусь разборомъ только однихъ ея заключительныхъ словъ:

„Уязвленное сердце искало лекарства, злоба бушевала въ душѣ, хотѣлось чѣмъ-нибудь отмстить врагамъ, отъ которыхъ уже „десять лѣтъ приходится горько"—какъ признается она сама. До сихъ поръ она выливала злобу въ случайныхъ разговорахъ, въ лирическихъ отступленіяхъ романовъ и, случалось, въ политическаго характера стихахъ („Ода поэзіи"). Сатира въ видѣ „Дома сумасшедшихъ" давала возможность ѣдко отплатить всѣмъ личнымъ врагамъ, посадить въ желтый домъ всѣхъ насолившихъ литераторовъ. „Пора показать, что и я могу отвѣчать эпиграммами на эпиграммы и правдою на ложь и сплетни ихъ". Вотъ тотъ источникъ, который породилъ ея сатиру. Ростопчина раздраженно выступаетъ противъ своихъ многочисленныхъ враговъ изъ западниковъ и славянофиловъ. Отъ западниковъ—герценистовъ, соціалистовъ", какъ она ихъ называетъ, исходили эпиграммы на ея произведенія, отсюда нанесенъ былъ и послѣдній ударъ".

Для меня, хорошо знавшаго мою сестру, просто *смѣшно* слышать обвиненіе ее въ качествахъ злобы и мстительности; но для посторонніхъ читателей, не знавшихъ графини Ростопчиной, притомъ же чрезъ тридцать лѣтъ послѣ ея кончины, когда память о ней въ обществѣ забылась, эти вымыслы г-жи Некрасовой могутъ быть приняты за правду, и потому я обязанъ войти въ обстоятельное ихъ опроверженіе. Переписка между графинею Ростопчиной и Н. В. Сушковымъ по поводу сатиры „Домъ сумасшедшихъ въ Москвѣ", имѣла характеръ интимный и дружескій, при которомъ обмѣнъ мыслей происхо-

дилъ совершенно свободно и говорилось съ плеча прямо что́ приходило на умъ, не обращая никакого вниманія на форму фразъ и выборъ выраженій, а потому, при живости характера ихъ обоихъ, вырывались иногда у нихъ во время спора фразы отрывистыя и выраженія рѣзкія, особенно въ возраженіяхъ графини на замѣчанія дяди, когда она не соглашалась съ ними; *очевидно*, что при такихъ условіяхъ обмѣна мнѣній невозможно придавать каждому слову графини значенія буквальнаго, въ строгой точности выражающаго ея мысли и чувства. Такъ, на замѣчаніе дяди: „а *горько* достанется тебѣ отъ запѣпленныхъ тобою",—графиня порывисто и съ досадою написала на поляхъ письма противъ этихъ словъ: „*горько* мнѣ отъ нихъ уже десять лѣтъ"; точно также и противъ другого замѣчанія она съ горячностью написала: „*не я начала—вы это знаете*. Пора показать, что и я могу отвѣчать эпиграммами на эпиграммы". Г-жа Некрасова воспользовалась этими отписками графини, сдѣланными ею спѣшно, отрывисто и нетерпѣливо, въ увлеченіи препирательства съ дядей, придала имъ *буквальное толкованіе* и на такомъ шаткомъ основаніи опредѣлила, что *въ душѣ графини бушевала злоба и желаніе отмстить врагамъ*. Но это враждебное и слишкомъ преувеличенное заключеніе г-жи Некрасовой улетучивается предъ простымъ замѣчаніемъ, что еслибы дѣйствительно въ душѣ графини „*бушевали*" чувства озлобленія и мести, то не было для нея никакой причины мучительно подавлять ихъ въ себѣ такъ долго—*цѣлыя десять лѣтъ*, когда ничто не препятствовало ей удовлетворить своему желанію мести гораздо раньше. Вѣдь возможно отвѣтить эпиграммою на эпиграмму, не будучи нисколько злымъ и мстительнымъ человѣкомъ,—какъ тому есть не мало примѣровъ въ литературѣ; такого рода чернильныя дуэли вовсе не обусловливаются существованіемъ непримиримой вражды между противниками. Выраженіе: „*десять лѣтъ*", было здѣсь сказано не на судебномъ допросѣ подъ присягою, а подобно тому, какъ зачастую говорится: „я *сто разъ* это уже слышалъ"; „*тысячу разъ* я говорилъ вамъ"; „мы *сто лѣтъ* съ нимъ знакомы" и т. п.; совершенно такое же значеніе имѣли здѣсь слова графини; это подтверждается даже фактически тѣмъ, что *первое нападеніе въ печати* на графиню явилось въ замѣткѣ „Современника" о ея романѣ: „Счастливая женщина", *въ 1852 году*, а письмо Н. В. Сушкову написано графинею въ 1858 г., и, слѣдовательно, только чрезъ *шесть* лѣтъ послѣ того, а не чрезъ *десять*. Употребленное здѣсь графинею слово: „*горько*", вовсе не служило выраженіемъ истиннаго въ ней чувства горечи, а попало подъ ея перо случайно и только потому, что первый Н. В. Сушковъ употребилъ это выраженіе; онъ сказалъ: „тебѣ будетъ *горько*",—она повторила за нимъ, съ видимымъ нетерпѣніемъ: „мнѣ давно *горько*"; это было не болѣе, какъ простое эхо, а не вопль сердца, пораженнаго тяжкою горечью и пылающаго непримиримымъ чувствомъ мщенія. Не помню, кто именно изъ французскихъ политическихъ дѣятелей когда-то сказалъ, что достаточно имѣть въ рукахъ двѣ строки человѣка, чтобы приговорить его къ смертной казни; — г-жа Некрасова прилагаетъ эту милую теорію на практикѣ.

Бо́льшую часть времени отъ 1848 до 1855 года проживалъ я въ Москвѣ, находясь почти въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ моею сестрою,

а въ послѣдній разъ предъ ея кончиною видѣлся я съ нею лѣтомъ 1856 года; мы были дружны и откровенно-сообщительны между собою, но никогда не слышалъ я отъ нея жалобъ на какихъ-то ея личныхъ враговъ и не замѣчалъ никакой перемѣны въ обычномъ ей спокойномъ настроеніи духа и веселомъ нравѣ. О замѣткѣ 1852 г. въ „Современникѣ“ она ничего не говорила мнѣ, изъ чего я заключаю, что если эта брань и была ей извѣстна, то она отнеслась къ ней съ должнымъ пренебреженіемъ; впрочемъ, въ этомъ случаѣ даже не было для нея прямой причины оскорбляться, такъ какъ ея имя въ этой замѣткѣ не упоминалось и глумленіе происходило надъ личностью героини романа. Равномѣрно во время нашего короткаго послѣдняго свиданія лѣтомъ 1856 г. она ни слова не сказала мнѣ объ оскорбительной статьѣ противъ нея въ мартовской книжкѣ этого года въ „Современникѣ“; я твердо убѣжденъ, что она такъ поступила не по недостатку откровенности со мною, а по чувству братской любви, не желая подвергать меня серьезнымъ непріятностямъ, такъ какъ она могла имѣть увѣренность, что я не оставилъ бы такого оскорбленія безъ послѣдствій для редакторовъ журнала. На основаніи вышеизложенныхъ объясненій, я свидѣтельствую и утверждаю, *по совѣсти и чести*, что въ душѣ моей сестры никогда не *„бушевали злоба и месть“*. Краснорѣчивымъ доказательствомъ тому служитъ также самое содержаніе вышеприведеннаго ея стихотворенія: „Моимъ критикамъ“, отъ ноября 1856 г. Она была нрава пылкаго, и въ ней могли вспыхивать кратковременные порывы негодованія и досады по поводу наносимыхъ ей оскорбленій, но только такія чувства весьма скоро въ ней успокоивались, и обиды забывались ею даже слишкомъ легко. Не могли же скверныя качества злости и мстительности, несвойственныя ея природѣ, проявиться въ ней внезапно въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ ея жизни, уже послѣ моей разлуки съ нею. Сверхъ того объясняю, что относительно дѣйствительнаго ея душевнаго настроенія въ послѣдній годъ жизни имѣются фактическія свидѣтельства, которыя будутъ дальше мною представлены *на судъ читателей.*

Заявляю также, что мнѣ ничего не извѣстно о существованіи какихъ-то эпиграммъ на мою покойную сестру; послѣ прочтенія статьи г-жи Некрасовой, я обращался съ разспросами по этому предмету къ ея мужу и дочерямъ, къ моему брату и къ нѣкоторымъ мнѣ знакомымъ московскимъ старожиламъ, но ничего отъ нихъ не узналъ. Поэтому мнѣ остается предположить, что этихъ эпиграммъ могло быть не болѣе одной или двухъ и повидимому весьма плохенькихъ, такъ какъ онѣ остались неизвѣстными въ кругу свѣтскаго общества; впрочемъ, о характерѣ ихъ содержанія есть отчасти указаніе въ вышеприведенныхъ словахъ самой графини Ростопчиной, назвавшей ихъ „ложью и сплетнями“. Г-жа Некрасова еще раньше сказала въ своей статьѣ: „по рукамъ ходили направленныя противъ Ростопчиной стихотворенія, эпиграммы“; но очевидно, что она ничего вѣрнаго и положительнаго о нихъ не знала и никогда своими глазами ихъ не видѣла, а провѣдала о нихъ единственно изъ словъ самой же графини въ ея перепискѣ съ дядей; но, какъ намъ уже извѣстно, для г-жи Некрасовой достаточно схватить на-лету какое-нибудь одно

слово, чтобы на его основаніи сочинить цѣлый обвинительный актъ. Еслибы въ ея руки попалась какая-нибудь эпиграмма, то, *безъ малѣйшаго сомнѣнія*, она съ поспѣшностью воспользовалась бы такою счастливою находкой, чтобы лишній разъ уязвить графиню Ростопчину.

„До сихъ поръ, — говоритъ г-жа Некрасова, — Ростопчина *выливала злобу* въ случайныхъ разговорахъ, въ лирическихъ отступленіяхъ романовъ и, случалось, въ *политическаго характера* стихахъ („Ода поэзіи“)“. — Благодарю г-жу Некрасову за это указаніе на „Оду поэзіи“, открывающее для меня возможность представить читателямъ изложенный въ этомъ прекрасномъ стихотвореніи здравый и вѣрный взглядъ графини Ростопчиной на все то *„новое въ литературѣ“* тогдашняго времени, что̀ такъ дорого и мило г-жѣ Некрасовой.

ОДА ПОЭЗІИ.

АНАХРОНИЗМЪ.

Тебѣ,—развѣнчанной богинѣ,—
Тебѣ—поклонъ мой и привѣтъ,
Поэзія, ... кому ужъ нынѣ
Презрительно смѣется свѣтъ!..
Пусть храмъ твой смертными покинутъ,
Пусть твой треножникъ опрокинутъ,
Но, старовѣркой прежнихъ дней,
Тебя, въ восторгѣ убѣжденій,
О, мать высокихъ пѣснопѣній,
Я пѣснью чествую своей!

Тебя—кормилицу родную
Своихъ младенческихъ годовъ —
Отринулъ, какъ игру пустую,
Вѣкъ положительныхъ умовъ.
Ты отжила, ты устарѣла,
Свои ты пѣсни всѣ отпѣла,—
Твердятъ они, махнувъ рукой.
И молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной...

Зачѣмъ имъ прелесть идеала,
Блистательныхъ примѣровъ власть,
Все то, что̀ душу возвышало,
Зачѣмъ имъ пѣснь, зачѣмъ имъ страсть?
Зачѣмъ Ромео, Ивангое?
Не имутъ вѣры ужъ въ героя!..
Герой—бродяга иль бобыль!
Давайте кисть имъ съ мрачной краской—
И отвратительныя сказки
Они намъ выдадутъ за быль!

Любовь, восторги, доблесть, геній—
Насмѣшникамъ ихъ обреченъ;
Языкъ и слогъ для ихъ твореній
Самоуправныхъ—не нужны!
Тщету искусства возглашая
И парадоксы облекая
Въ наборъ нескладныхъ чуждихъ словъ,
Они, потѣшники народа,
Изъ грязи вылѣпя урода,
Его включаютъ въ сонмъ боговъ!

Ихъ проза вялая вступаетъ
Съ тобой надменно въ дерзкій бой,
И самохвально прославляетъ
Свою побѣду надъ тобой.
Поднявши знамя пользы мнимой,
Она съ гордынней нестерпимой
Тебя за суетность коритъ;
И въ честь естественности жалкой,
О, вѣчнаго огня весталка! —
Тебя за ложь стыдомъ клеймитъ!

Отвергнувъ блескъ именъ великихъ,
Прочь Данте, Байронъ и Омиръ!..
Умамъ зоиловъ полудикихъ
Чужда дивнай строй безсмертныхъ лиръ!
Ты хочешь ли быть признанъ ими?—
Карикатурами смѣшными,
Поэтъ, усѣй свой честный трудъ!
Терситомъ выставь человѣка
И, угождая вкусу вѣка,
Шутовъ ему представь на судъ!

Но минетъ срокъ ихъ ослѣпленья,
Пройдутъ для нихъ раскола дни,
Краснѣя за свои сужденья,
Прозрѣвъ,—опомнятся они!
Тогда къ святилищамъ забытымъ
Придутъ они, прося боговъ...
А ты отверзи имъ объятья,
Не помяни слѣпцовъ проклятья,
Прости смутившихся сыновъ!

Іюль, 1852.

Это совершенно незлобное стихотвореніе, въ концѣ котораго, напротивъ того, выражается *благодушное* воззваніе къ богинѣ Поэзіи о *прощеніи* заблудшихся слѣпцовъ, когда они опомнятся и раскаются,— г-жа Некрасова выставляетъ „*вымываніемъ злобы политическаго характера*“ со стороны графини Ростопчиной!.. Однако, 35 лѣтъ тому назадъ эти стихи составляли фотографически-вѣрное изображеніе

извѣстной части тогдашняго общества и литературы, заслуживавшей полнаго осужденія со стороны многочисленнаго большинства благонамѣренной и разумной русской публики.

Г-жа Некрасова сказала: „Сатира въ видѣ „Дома сумасшедшихъ“ давала Ростопчиной возможность ѣдко отплатить всѣмъ *личнымъ врагамъ, посадить въ желтый домъ* всѣхъ *насомившихъ литераторовъ*. Вотъ тотъ *источникъ*, который *породилъ* ея сатиру. Ростопчина раздраженно выступаетъ противъ своихъ *многочисленныхъ враговъ* изъ западниковъ и славянофиловъ“.

И эти разсужденія—одни вымыслы г-жи Некрасовой. Просмотрѣвъ съ большимъ вниманіемъ списокъ лицъ, изображенныхъ въ этомъ стихотвореніи, я нашелъ, что всѣ они принадлежали къ числу знакомыхъ графини, многіе находились въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ нею, а нѣкоторые были даже ея короткими пріятелями; только относительно пяти лицъ я не имѣю точныхъ свѣденій, однако же знаю, что между ними и графиней никогда не существовало открытой *вражды*, а могли таиться не болѣе, какъ только чувства взаимнаго нерасположенія и заглазной непріязни, никогда гласно не высказывавшихся. *Утверждаю положительно*, что въ общемъ числѣ лицъ, помѣщенныхъ въ „Домѣ сумасшедшихъ“, не находилось *ни одного литератора, „насомившаго графинѣ въ печати“*. Г-жа Некрасова говоритъ объ этомъ совершенно *голословно*; почему она не назвала по имени ни одного изъ таковыхъ литераторовъ, не указала ни одной изъ ихъ непріязненныхъ статей въ печати противъ графини? Въ литературѣ поусердствовалъ отзываться грубо о графинѣ Ростопчиной только одинъ „Современникъ“—но *никою* изъ его редакціи она *не „посадила въ желтый домъ“*, не признавая заслуживающими ея вниманія; слѣдовательно, и это сказано невѣрно, голословно. Такимъ образомъ, изъ моихъ разъясненій теперь видно, что г-жа Некрасова указала произвольно и невѣрно на *„источникъ, породившій сатиру“*. Зная характеръ и привычки моей сестры, я увѣренъ, что мысль объ этомъ стихотвореніи, въ подражаніе Воейкову, возникла въ ея головѣ внезапно и случайно, во время одной изъ литературныхъ бесѣдъ въ домѣ дяди, Н. В. Сушкова, гдѣ послѣ того возобновлялись часто разговоры объ этомъ предметѣ и происходили чтенія отрывковъ изъ „Дома сумасшедшихъ въ Москвѣ“, по мѣрѣ ихъ написанія, въ присутствіи короткихъ знакомыхъ, между которыми бывали даже и лица, помѣщенныя сами въ число *сумасшедшихъ*. Эти подробности видны изъ той самой переписки, на которую ссылается г-жа Некрасова, возникшей по поводу препровожденія отъ графини оконченнаго вчернѣ стихотворенія: „Домъ сумасшедшихъ“, на предварительный просмотръ дяди. Н. В. Сушковъ справедливо нашелъ въ этой шуткѣ-сатирѣ нѣкоторыя мнѣнія неправильными, а другія даже обидными относительно нѣсколькихъ имъ указанныхъ лицъ, а потому въ заключеніе сказалъ: „еслибы ты сама не огласила, что строишь домъ, то лучше бы срыть его; но теперь уже надо перестроить его на славу“; на это графиня отвѣтила: „вы возстаете на меня за самую мысль этой шутки (это замѣчаніе моей

сестры было несправедливо, такъ какъ дядя этого не говорилъ), когда сами подстрекали меня ее докончить"; Н. В. Сушковъ возразилъ: „ты клевещешь на меня, будто я уговаривалъ тебя писать въ такомъ духѣ, какъ написалось" (а здѣсь Николай Васильевичъ неправъ: о *духѣ* стиховъ не упоминала графиня). Всѣ эти фактическія подробности ясно доказываютъ, что мысль о написаніи этой сатиры (или, по выраженію г-жи Некрасовой, „источникъ, породившій сатиру") возникла случайно и несомнѣнно на одной изъ частныхъ литературныхъ бесѣдъ въ домѣ Н. В. Сушкова, причемъ даже остается неизвѣстнымъ, какимъ ходомъ разговоръ дошелъ до этой мысли, и кто первый на нее навелъ—сама ли графиня, Николай Васильевичъ или кто-либо изъ прочихъ собесѣдниковъ? Но послѣ того эта мысль развивалась постепенно, обсуждалась и приводилась въ исполненіе гласно, даже открыто для многихъ изъ лицъ, помѣщенныхъ въ „Домъ сумасшедшихъ". Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, по всей справедливости, что это стихотвореніе вовсе не имѣло того *злобнаго и мстительнаго* характера противъ какихъ-то *литературныхъ враговъ* (да еще вдобавокъ *многочисленныхъ*!), который усиливается ему навязать г-жа Некрасова. Сатиры съ злобною цѣлью пишутъ втайнѣ, не разглашая о нихъ заранѣе и старательно скрывая имя ихъ автора.

Наконецъ, эффектное провозглашеніе г-жи Некрасовой: „Отъ западниковъ—„герценистовъ, соціалистовъ", какъ Ростопчина ихъ называетъ,—исходили эпиграммы на ея произведенія, отсюда *нанесенъ былъ и послѣдній ударъ*",—показалось мнѣ чрезвычайно комичнымъ! Посмотримъ, какой былъ этотъ роковой ударъ?

Но сначала я спрошу: откуда узнала г-жа Некрасова, что эпиграммы на графиню „*исходили отъ западниковъ*"?—вѣдь ни одной изъ нихъ она своими глазами никогда не видала и никакихъ указаній о нихъ нигдѣ не нашла,—слѣдовательно, вотъ уже съ первыхъ словъ этой громкой фразы прямо обнаруживается полная ея безосновательность. Свѣденіе же о „*послѣднемъ ударѣ*" г-жа Некрасова почерпнула изъ письма Н. В. Сушкова къ графинѣ Ростопчиной, въ которомъ онъ сообщалъ ей, что по поводу достигшаго до Лондона свѣденія о сатирѣ „Домъ сумасшедшихъ",—„Герценъ ужъ тиснулъ на тебя стихи Огарева. Ходятъ по Москвѣ". Изъ письма Н. В. не видно, послалъ ли онъ копію графинѣ съ этихъ стиховъ озаглавленныхъ: „*Отступница*", но они были записаны въ его „Воспоминаніяхъ", гдѣ съ ними познакомилась г-жа Некрасова. Для объясненія причины появленія и содержанія этихъ стиховъ, считаю нужнымъ сказать, что въ юномъ возрастѣ Огаревъ часто посѣщалъ въ домѣ Пашковыхъ гувернантку нашихъ двоюродныхъ сестеръ, почтеннѣйшую англичанку Анну Егоровну Горсистеръ, которая прежде занимала такую же должность въ семействѣ Огарева; у нея познакомился и сошелся онъ съ молоденькою Евдокіею Петровною Сушковой, которая подарила ему *тетрадь* со своими стихами, а не „*альбомъ*", какъ выразилась г-жа Некрасова; не вѣрно также ея показаніе, что Огаревъ состоялъ тогда въ родствѣ съ семействомъ Пашковыхъ; лишь впослѣдствіи, гораздо позднѣе, уже послѣ своей ссылки въ Пензу, женился Огаревъ на дѣвицѣ Рославлевой, приходившейся родствен-

ницею одной изъ невѣстокъ старика И. А. Пашкова. Г-жа Некрасова краснорѣчиво описываетъ, что въ своихъ стихахъ „Огаревъ припоминаетъ Ростопчиной времена юности, ея юныя, *искреннія слезы* (т.-е. слезы—на языкѣ поэзіи, а не дѣйствительно пролитыя, которыхъ г-жа Некрасова не могла видѣть, потому что въ то время она еще не родилась), какими она оплакивала *декабристовъ*—и призываетъ къ покаянію".

Привожу существенную часть этого курьезнаго стихотворенія, столь хорошо характеризующаго образъ мыслей Огарева:

ОТСТУПНИЦА.

. . . . . .

Вы мнѣ вручили благосклонно
Тетрадь завѣтную стиховъ.
Не помню,—слогъ стихотвореній
Хорошъ ли, не хорошъ онъ былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ напѣвомъ освятилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья

. . . . . .

Промчалась, полная невзгоды,
Отъ васъ далеко жизнь моя.

. . . . . .

И какъ-то случай свелъ насъ снова, [1])
Въ порѣ печальныхъ зрѣлыхъ лѣтъ...
Уже хотѣлъ я молвить слово,
Сказать вамъ дружескій привѣтъ;
Но вы какому-то французу
Свободу поносили вслухъ
И русскую хвалили музу
За подлый складъ, за рабскій духъ.
Меня тогда вы не узнали —
И я былъ радъ; я увидалъ,
Какъ низко вы душою пали —
И васъ глубоко презиралъ.

. . . . . .

Мнѣ жалко васъ. Съ иною дамой
Я расквитался-бъ эпиграммой;
Но передъ вами смѣхъ молчитъ,
И грозно рѣчь моя звучитъ:
Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло.
Просите доблестно прощенья
Въ измѣнѣ вѣтренной своей —

[1]) Въ бытность графини въ Парижѣ, въ 1847 г.

У молодого поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей!
. . . . . .
И нѣтъ стыда просить прощенья,
И сердцу сладостно прощать...
И даже я на примиренье
Готовъ по правдѣ вамъ сказать —
И словъ моихъ тѣмъ не ослабю:
Я-бъ и Клейнмихеля простилъ,
Когда-бъ онъ дѣвственную сабю,
За безкорыстность обнажилъ.

Нельзя придумать ничего нелѣпѣе и смѣшнѣе этого набора пустозвонныхъ фразъ. Въ декабрѣ 1825 года минуло Евдокіи Петровнѣ только 14 лѣтъ,—какія же политическія убѣжденія о свободѣ и вольности могла имѣть она въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ?.. Графинѣ Ростопчиной не въ чѣмъ было *каяться*, и никакой *измѣны* не было за нею; если въ своемъ отрочествѣ она оплакала сострадательными стихами горькую судьбу несчастныхъ, но честныхъ людей (какъ они это доказали во время долголѣтней ссылки въ Сибири), сдѣлавшихся искупительною жертвою злополучнаго стеченія обстоятельствъ того времени, то она оплакала ихъ участь вмѣстѣ съ цѣлымъ русскимъ обществомъ. Но ничего не было общаго и не можетъ быть никакого сравненія между *декабристами* и тѣми безумными соціалистами позднѣйшаго времени, которыхъ Огаревъ величаетъ названіемъ „*молодого поколѣнія и порядочныхъ людей*“!.. И у нихъ-то онъ призываетъ графиню Ростопчину „*просить прощенія*“! Приплетеніе сюда, ни къ селу ни къ городу, имени Клейнмихеля—верхъ комизма!

И что же мы видимъ?—г-жа Некрасова проникается, увлекается ораторствомъ Огарева и въ порывѣ смѣшного негодованія противъ графини Ростопчиной восклицаетъ: „*Но какой же могъ быть возвратъ для Ростопчиной*? Куда могла она вернуться? *Послѣ этого* она *еще рѣзче*, какъ бы на зло, негодуетъ на всѣ оттѣнки непріязненнаго ей *краснаго духа* ея враговъ“.

Радуюсь, что сама г-жа Некрасова охарактеризовала духъ враговъ графини Ростопчиной названіемъ „*краснаго духа*“,—противъ этой аттестаціи, конечно, я не стану прекословить. Но заявленіе г-жи Некрасовой, будто бы „*послѣ этого*“ стала графиня Ростопчина „*еще рѣзче негодовать*“ на своихъ красныхъ враговъ,—есть уже полнѣйшая неправда, которая изобличается весьма просто. Н. В. Сушковъ сообщилъ графинѣ о стихахъ Огарева въ своемъ письмѣ отъ 1-го іюля 1858 г., но въ это время она уже лежала на одрѣ мучительной болѣзни въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, ничего болѣе не писала, за исключеніемъ только упомянутаго выше „Очерка о Лермонтовѣ“, набросаннаго ею по-французски, съ большимъ трудомъ, для Александра Дюма (отца), посѣтившаго въ тотъ годъ Москву и навѣщавшаго въ Вороновѣ графиню, съ которою онъ хорошо сошелся въ 1847 г. въ Парижѣ; а по переѣздѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Москву, графиня Ростопчина уже окончательно слегла въ постель и 3 декабря скончалась. Слѣдовательно, фактически и хронологически выясняется, что „*послѣ этого*“, т.-е. послѣ ознакомленія съ стихами Огарева, гра-

финя болѣе не могла имѣть никакихъ отношеній къ своимъ недоброжелателямъ, ни *рѣзкихъ*, ни мягкихъ; она перестала думать о житейскихъ дрязгахъ и, чувствуя приближеніе смерти, готовилась къ ней,—какъ о томъ будетъ дальше засвидѣтельствовано.

Для подтвержденія мнимой справедливости своихъ словъ о *„еще болѣе рѣзкомъ* негодованіи графини Ростопчиной на красный духъ ея враговъ", *послѣ полученія ею стиховъ Огарева*, г-жа Некрасова сослалась на свидѣтельство Н. В. Сушкова.

„И перомъ, и словомъ,—говоритъ Сушковъ въ „Воспоминаніяхъ",—она неумолимо преслѣдовала свободомыслящихъ и, въ сущности, неопасныхъ, невинныхъ говоруновъ, въ которыхъ видѣла Кромвелей, Робеспьеровъ, Мадзини (слѣдовательно, замѣчу я отъ себя мимоходомъ, она преслѣдовала не какихъ-то своихъ личныхъ литературныхъ враговъ, какъ пытается увѣрить г-жа Некрасова, но вредныхъ для государства политическихъ дѣятелей). Раздраженіе на нихъ Ростопчиной доходило до необузданности. Такъ, напримѣръ, вечеромъ входитъ въ нашу гостиную гость, пріѣзжій изъ Петербурга, съ однимъ изъ ея пріятелей. Едва послѣдній успѣлъ его назвать, едва успѣли мы обмѣняться обычными при первомъ знакомствѣ привѣтствіями, какъ она накинулась на него потокомъ укоризнъ, обличеній, усовѣщеваній—такъ что я вынужденъ былъ вступиться за него".

Прежде всего отмѣчу, что этотъ эпизодъ относился не ко времени *послѣ полученія* стиховъ Огарева, а къ одному изъ предшествовавшихъ годовъ, такъ какъ этотъ разсказъ Н. В. Сушкова начинался словами: „Въ *послѣдніе годы* своей (графини) жизни", и какъ это видно еще яснѣе изъ хронологіи переписки Н. В. Сушкова съ графинею: она уже съ мая мѣсяца 1858 г. жила въ селѣ Вороновѣ, а онъ сообщилъ ей о стихахъ Огарева 1-го іюля. Слѣдовательно, ссылка г-жи Некрасовой на свидѣтельство Н. В. Сушкова прямо оказывается невѣрною въ отношеніи времени этого происшествія.

Затѣмъ перехожу къ содержанію этого разсказа. Я искренно любилъ и уважалъ дядю Николая Васильевича, съ которымъ находился въ сердечной дружбѣ; но эти чувства къ нему не закрывали въ моихъ глазахъ нѣкоторыя весьма извинительныя его слабости и легкіе недостатки (у него было такъ много прекрасныхъ качествъ!). Такъ, между прочимъ, по своей живой и пылкой натурѣ, иногда онъ выражался съ горячностью и преувеличеніемъ о причиненной ему какой-нибудь мелкой досадѣ или непріятности. Здѣсь онъ описываетъ именно такого рода случай. Главное удовольствіе дяди заключалось въ томъ, чтобы принимать у себя по вечерамъ общество пріятныхъ собесѣдниковъ изъ литераторовъ и вообще интеллигентныхъ людей, не разбирая, къ какимъ партіямъ и кружкамъ они принадлежали по ихъ образу мыслей, убѣжденіямъ, направленію и связямъ. Онъ самъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи, придерживался умѣренныхъ убѣжденій, ладилъ со всѣми, и *„его гостиная"* составляла нейтральную почву, на которой мирно и охотно сходились люди самыхъ противоположныхъ мнѣній, оставляя на время свое взаимное несогласіе за порогомъ дверей. И вдругъ, на этой-то дорогой, такъ сказать, священной для Николая Васильевича почвѣ, въ *его гостиной*, имѣла неосторожность племянница, графиня Ростопчина,

обратиться съ рѣзкою рѣчью къ *его гостю*—обида вышла кровная для Николая Васильевича! И въ пылу досады онъ заноситъ на страницы своихъ „Воспоминаній" обвиненіе графини, въ слишкомъ усиленныхъ краскахъ. Достаточно спросить: когда и гдѣ „неумолимо преслѣдовала графиня своимъ перомъ" свободомыслящихъ или „невинныхъ говоруновъ", по мягкому выраженію Николая Васильевича? Такого рода произведеній графини Ростопчиной—*я не знаю, они не существуютъ*. Въ упомянутыхъ же выше—ея письмѣ къ Ѳ. Н. Глинкѣ, въ стихахъ: „Ода поэзіи", „Моимъ критикамъ" и „Простой обзоръ", а также въ нѣкоторыхъ отрывочныхъ разсужденіяхъ, встрѣчающихся въ другихъ ея сочиненіяхъ, она осуждала не пустую болтовню „невинныхъ говоруновъ", но положительно вредную дѣятельность писателей изъ лагеря матеріалистовъ и соціалистовъ.

Изъ словъ Н. В. Сушкова можно подумать, будто бы графиня Ростопчина накинулась на петербургскаго его *гостя* безъ всякаго повода и причины; однако въ концѣ его разсказа находится *ключъ* къ объясненію странности описанной имъ сцены: послѣ словъ: „вступиться за гостя", было еще прибавлено: *„къ сожалѣнію, этотъ гость былъ погибшій впослѣдствіи Михайловъ"*... Такъ вотъ въ чемъ дѣло! Теперь я понимаю. Михайловъ былъ однимъ изъ сотрудниковъ „Современника". Я не могу, однако, допустить, чтобы графиня могла съ перваго слова накинуться на г. Михайлова безъ всякой причины,—въ этомъ также есть видимое преувеличеніе со стороны Николая Васильевича; но болѣе чѣмъ вѣроятно, что какимъ-нибудь неловкимъ и необдуманнымъ словомъ г. Михайловъ прямо подалъ графинѣ поводъ обратиться къ нему съ укоризнами, потому что его положеніе вышло чрезвычайно затруднительное, неловкое и конфузное, когда, вступая въ гостиную Н. В. Сушкова, онъ вдругъ неожиданно наткнулся на графиню Ростопчину, предъ которою совѣсть у него была крѣпко нечиста за статьи въ „Современникѣ", гдѣ такъ грубо и неприлично была оскорбляема графиня! Совершенно понятно, что съ своей стороны и графиня Ростопчина, — также захваченная врасплохъ этою неожиданною и въ высшей степени непріятною для нея встрѣчею,—не успѣла совладать съ собою.

Г-жа Некрасова ухватилась за этотъ обвинительный актъ противъ графини Ростопчиной, но при этомъ умышленно сдѣлала въ немъ два весьма важныя измѣненія; во-первыхъ, она перенесла на 1858 годъ описаніе эпизода, случившагося раньше за годъ или два; во-вторыхъ, она откинула заключительныя слова разсказа: „этотъ гость былъ погибшій впослѣдствіи Михайловъ"; обѣ эти передѣлки имѣли въ настоящемъ случаѣ самое существенное значеніе.

Послѣднія, заключительныя строки разобраннаго мною „Очерка" г-жи Некрасовой вполнѣ достойны цѣлаго его содержанія.

„Въ *такомъ шипѣньѣ* провела Ростопчина 1858-й—послѣдній годъ своей жизни. Въ этомъ году у нея открылся внутренній ракъ. Мучительная болѣзнь *еще болѣе усилила и безъ того скопившееся раздраженіе*, которое въ послѣдніе мѣсяцы смѣнилось мистицизмомъ, доходившимъ до галлюцинацій".

Г-жа Некрасова позволила себѣ основать подобнаго рода заявленіе *единственно* на вышеприведенныхъ словахъ Н. В. Сушкова, вырвавшихся у него въ минуту неудовольствія на графиню и притомъ относившихся вовсе *не къ послѣднему году ея жизни*, а къ предшествовавшему времени. Между тѣмъ въ „Воспоминаніяхъ“ Н. В. Сушкова находилось *свидѣтельство прямое и положительное* не только о душевномъ настроеніи графини въ послѣдніе полгода ея жизни, но вообще о нѣкоторыхъ прекрасныхъ качествахъ ея характера. Это свидѣтельство высказалось въ Николаѣ Васильевичѣ изъ глубины его души и въ минуту торжественную—у гроба графини Ростопчиной, въ такую минуту, когда только одна *правда* можетъ исходить изъ ума и сердца человѣка религіознаго и честнаго. Вотъ (въ нѣкоторомъ сокращеніи) что̀ читается въ „Воспоминаніяхъ“ Н. В. Сушкова:

„Лѣтомъ 1858 года, въ одинъ изъ наѣздовъ въ Москву, изъ подмосковнаго ихъ села Воронова, она прислала мнѣ записочку, чтобы я пріѣхалъ къ ней какъ можно скорѣе. Пріѣзжаю.—Что случилось? — Я умираю. Вотъ скоро переѣду въ городъ изъ деревни, стану говѣть, готовиться“.—При этомъ Евдокія Петровна просила дядю, имѣвшаго счастье находиться въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ преосвященнымъ митрополитомъ Филаретомъ, попросить у него наперсный образокъ для нея.—„По возвращеніи осенью въ Москву, болѣзнь ея быстро развилась; упадавшія силы свои она подкрѣпляла молитвою, говѣла, поднимала св. икону Иверскую“.—Николай Васильевичъ привезъ ей „благословеніе отъ сердолюбиваго архипастыря, при слѣдующихъ утѣшительныхъ словахъ: „Огнемъ страданій душа искушенная просіяетъ, а наконецъ и блаженствомъ“. И отозвалися эти слова въ ея духовномъ настроеніи передъ смертію; и часто повторяла ихъ она, прижимая къ сердцу образокъ... Приведу *въ память покойницы* нѣсколько словъ, сказавшихся въ моей душѣ при ея гробѣ:... *Надъ гробомъ забываются всѣ недоразумѣнія и досады, всѣ предубѣжденія и пересуды*... Три мѣсяца неукротимая болѣзнь снѣдала обреченную на смерть врачами и наукою. Три мѣсяца въ смиреніи и молитвѣ терпѣла она почти безпрерывно страданія. Плоть истаевала, духъ свѣтлѣлъ и укрѣплялся... Наканунѣ 3-го декабря (день ея кончины) она глубоко-смиренно говорила про себя: „люди добрые, простите меня!“—И много добрыхъ людей окружаетъ гробъ покойницы, съ молитвою въ сердцѣ и слезами на глазахъ, напутствуютъ душу усопшей скорбью и любовью. Въ ней не было лукавства; откровенна и довѣрчива, какъ дитя, она *не только прощала, но совершенно забывала обиды*, которыя въ первую минуту сильно волновали женщину-поэта. Помолитесь о ней, люди добрые!“ (4 декабря, 1858).

Г-жа Некрасова *читала* и *знала* это трогательное описаніе глубоко-христіанскаго, спокойнаго и смиреннаго состоянія духа графини Ростопчиной въ послѣднее время ея жизни, а равно и этотъ искренній отзывъ Николая Васильевича Сушкова о характеристическихъ чертахъ покойницы, именно—о ея *незлопамятности, незлобіи, немстительности*, сказавшійся въ немъ при ея гробѣ, когда, по его собственному выраженію, забываются всѣ недоразумѣнія и

досады, всѣ предубѣжденія и пересуды". И что же?—г-жа Некрасова не только умолчала объ этомъ свидѣтельствѣ, имѣющемъ первостепенное, рѣшающее значеніе для *правдиваго* очерка характеристики графини Ростопчиной, не только скрыла его отъ читателей, но даже поступила еще хуже,—это *торжественное свидѣтельство* Н. В. Сушкова она намѣренно замѣнила другими его словами, вырвавшимися у него въ минуту досады и задолго предъ кончиною графини, отъ которыхъ теперь онъ самъ отрекся, сказавъ, что при гробѣ усопшаго *„забываются всѣ недоразумѣнія и досады"*. Дай, Боже, каждому доброму христіанину и мнѣ, грѣшному, умереть въ такомъ душевномъ *„раздраженіи"* и такомъ злобномъ *„шипѣніи"*, какъ скончалась графиня Евдокія Петровна Ростопчина!

Таковы фактическія доказательства, свидѣтельствующія объ *истинномъ значеніи* написаннаго г-жею Некрасовой „Очерка" о графинѣ Ростопчиной.

Если принять во вниманіе, что г-жа Некрасова совсѣмъ не знала графиню Ростопчину, не имѣла никакихъ отношеній къ ней и была еще очень молодою дѣвушкой, когда графиня скончалась,—то представится удивительнымъ и непонятнымъ духъ враждебности къ графинѣ, которымъ проникнута ея статья. Не стану входить въ разъясненіе причины и побужденій этого необыкновеннаго явленія, но ограничусь однимъ простымъ указаніемъ, изъ котораго уже не трудно вывести надлежащее заключеніе: очеркъ г-жи Некрасовой написанъ во всѣхъ отношеніяхъ по образцу статей „Современника" о графинѣ Ростопчиной, въ одномъ съ ними духѣ и направленіи, причемъ эта солидарность выступаетъ яркою чертою въ цѣломъ содержаніи „Очерка" г-жи Некрасовой...

Я окончилъ мое возраженіе. На мнѣ лежалъ священный долгъ возстановленія въ истинномъ свѣтѣ памяти моей покойной сестры, ея добраго имени, достоинства, чести—и я исполнилъ эту обязанность по совѣсти и правдѣ.

Послѣ графини Е. П. Ростопчиной остаются двѣ дочери и вдова ея сына съ малолѣтными дѣтьми: они могли бы предъявить противъ г-жи Некрасовой даже судебное преслѣдованіе за публичное оскорбленіе въ печати посмертной памяти ихъ матери; но я всегда думалъ, что въ подобномъ случаѣ достаточно ограничиться напечатаніемъ фактическаго опроверженія вымысловъ г-жи Некрасовой.

Сергѣй Сушковъ.

Февраль 1888 года.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1888.

Заключеніе А. Ѳ. Кони по дѣлу Кетхудова.—Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятыхъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической коммиссіи государственныхъ экзаменовъ.—Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина.

Въ переживаемую нами минуту, когда съ самыхъ различныхъ сторонъ ведутся подкопы подъ судебные уставы, когда все громче и смѣлѣе шипятъ и клевещутъ враги судебной гласности, свободной защиты, суда присяжныхъ, чрезвычайно отрадно услышать живое, искреннее слово сочувствія къ гонимымъ учрежденіямъ, особенно когда оно раздается въ оффиціальныхъ сферахъ. Такое слово было сказано недавно оберъ-прокуроромъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, въ заключеніи по дѣлу Кетхудова, Махровскаго и Панова. Съ узко-формальной точки зрѣнія, обстоятельства дѣла представлялись совершенно ясными и простыми. Защитникъ одного изъ подсудимыхъ, очевидно, вышелъ за предѣлы, въ которыхъ должна держаться защита, и не былъ своевременно остановленъ предсѣдателемъ. Достаточно было, повидимому, констатировать этотъ фактъ, сослаться на кассаціонныя рѣшенія, признающія явное нарушеніе обязанностей защиты поводомъ къ отмѣнѣ приговора—и предложить сенату поступить по прежде бывшимъ примѣрамъ. Предложеніе это, безъ сомнѣнія, было бы принято сенатомъ, дѣло, возбудившее столько толковъ, было бы обращено къ новому производству, но выиграно этимъ было бы еще весьма немного; проигрышъ, можетъ быть, оказался бы даже больше выигрыша. Получивъ новое напоминаніе о необходимости строгаго отношенія къ защитѣ, предсѣдательствующіе на судѣ стали бы, можетъ быть, пользоваться слишкомъ усердно своей дискреціонной властью, защита перестала бы быть свободной—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поколебалась бы одна изъ главныхъ основъ правильнаго уголовнаго процесса. Чтобы предупредить эту опасность, оберъ-прокуроръ счелъ нужнымъ предпослать указанію ошибокъ, допущенныхъ въ дѣлѣ Кетхудова, общее опредѣленіе задачъ и границъ защиты. Исходя изъ текста ст. 744 уст. угол. судопр., уполно-

мочивающей защитника объяснять всѣ обстоятельства и доводы, которыми *опровергается* или *ослабляется* обвиненіе, А. Ѳ. Кони признаетъ, что во всемъ, направленномъ къ этой двоякой цѣли, защитѣ долженъ быть предоставленъ просторъ самый широкій. „*Опровергая*,—говоритъ онъ,—защитникъ можетъ быть слишкомъ одностороненъ, можетъ невѣрно обозначать удѣльный вѣсъ доказательствъ, освѣщать ихъ ненадлежащимъ свѣтомъ, разбирать ихъ пристрастно и неравномѣрно. *Ослабляя* доводы обвиненія, защитникъ можетъ или возбуждать сомнѣніе въ виновности, или говорить о снисхожденіи. Сомнѣніе можетъ быть построено на произвольныхъ и шаткихъ предположеніяхъ, на оставленіи нѣкоторыхъ сторонъ дѣла въ тѣни или вовсе безъ обсужденія. Говоря о снисхожденіи по обстоятельствамъ дѣла, изъ коихъ, конечно, одно изъ главнѣйшихъ—самъ подсудимый, защитникъ, ссылаясь на личныя его свойства, на его житейскую обстановку и прошлое, можетъ рисовать ихъ сгущенными красками, преувеличивать страданія и достоинства подсудимаго и говорить о безвыходности положенія тамъ, гдѣ была лишь простая затруднительность. Въ его словахъ о снисхожденіи можетъ слышаться призывъ къ полному прощенію. Говоря о снисхожденіи, защитникъ исполняетъ свою обязанность, свою завидную обязанность—вызывать, наряду со строгимъ голосомъ правосудія, карающаго преступленіе, кроткіе звуки милости къ человѣку, иногда глубоко несчастному". Итакъ, въ опроверженіи и ослабленіи обвиненія защитникъ долженъ быть вполнѣ свободенъ; допущенныя имъ преувеличенія и ошибки могутъ быть указаны предсѣдателемъ впослѣдствіи, при резюмированіи преній, но не должны служить поводомъ къ остановкѣ защитника, прямо признаваемой, въ подобныхъ случаяхъ, „нежелательною" и „неумѣстною". „Вторженіе" въ рѣчь защитника, не оправдываемое крайней необходимостью, „вноситъ напрасное смущеніе, развлекаетъ вниманіе присяжныхъ, дѣлая ихъ молчаливыми судьями между предсѣдателемъ и стороною, и, наконецъ, съуживаетъ область дѣйствій прокурора, который, въ дѣлѣ оцѣнки доказательствъ, долженъ самъ умѣть и защищаться, и возражать". Оградивъ, такимъ образомъ, свободу защиты, оберъ-прокуроръ настаиваетъ на немедленномъ и рѣшительномъ примѣненіи предсѣдательской власти, если защитникъ, „въ суетныхъ цѣляхъ временного успѣха, направляетъ свое слово на колебаніе тѣхъ началъ, которыя, связывая и поддерживая общество, мѣшаютъ развиться между людьми тому, что́ вѣрно названо bellum omnium contra omnes". Неисполненіе предсѣдателемъ своего долга составляетъ, въ подобныхъ случаяхъ, поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія присяжныхъ.

Таковъ взглядъ оберъ-прокурора, усвоенный, повидимому, и сенатомъ. Мы знаемъ, что существуютъ сомнѣнія въ его правильности. Какъ доказать,—спрашиваютъ себя нѣкоторые изъ числа искреннихъ приверженцевъ судебныхъ уставовъ,—что та или другая неумѣстная выходка защитника повліяла на присяжныхъ и отразилась на ихъ рѣшеніи? Справедливо ли возлагать на подсудимаго отвѣтственность за ошибку, допущенную защитникомъ и не поправленную предсѣдателемъ? Можно ли регулировать пользованіе властью, дискреціонный характеръ которой устраняетъ всякую мысль о повѣркѣ и контролѣ? Почему, наконецъ, такъ часто отмѣняются рѣшенія изъ-за неправильностей защиты, и такъ рѣдко или даже никогда—изъ-за неправильностей обвинительной рѣчи? Намъ кажется, что всѣ эти недоумѣнія разрѣшаются довольно просто. Серьезность процессуальнаго нарушенія не зависитъ отъ его дѣйствительныхъ, реальныхъ результатовъ. Нельзя же производить изслѣдованіе о послѣдствіяхъ каждаго нарушенія—послѣдствіяхъ часто неосязаемыхъ и неуловимыхъ. Положимъ, что поводъ къ кассаціи, приводимый защитой, заключается въ прочтеніи такой бумаги, которая не подлежала оглашенію на судѣ; неужели кассаторъ обязанъ доказать, что знакомство съ ея содержаніемъ подѣйствовало извѣстнымъ образомъ на присяжныхъ, способствовало произнесенію обвинительнаго приговора? Вѣдь для этого нужно было бы допустить допросъ присяжныхъ, раскрыть мотивы, руководившіе каждымъ изъ нихъ, нарушить тайну совѣщаній—и все-таки, быть можетъ, не добиться истины, потому что степень убѣдительности каждаго отдѣльнаго доказательства не всегда ясна для самихъ присяжныхъ. Весь вопросъ, поэтому, сводится къ *возможности* вліянія, приписываемаго нарушенію—а по отношенію къ неправильностямъ защиты (или обвиненія) эта возможность едва ли подлежитъ сомнѣнію и спору. Представивъ дѣло въ извѣстномъ свѣтѣ, настроивъ мысль и чувство присяжныхъ на извѣстный ладъ, защитникъ (или обвинитель), конечно, можетъ сбить ихъ съ прямого пути, отдать ихъ подъ власть соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ правосудіемъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, напримѣръ, что оправданіе Кетхудова и др. было вызвано именно игрой на патріотической струнѣ въ душѣ присяжныхъ, проповѣдью репрессалій противъ иностранцевъ, эксплуатирующихъ и грабящихъ Россію. Неужели подобная проповѣдь—нарушеніе менѣе серьезное, чѣмъ прочтеніе показанія свидѣтеля, не явившагося на судъ безъ законной причины, или другое, однородное отступленіе отъ формъ судопроизводства?.. Если условіемъ кассаціи нельзя считать *доказанность вредныхъ послѣдствій,* происшедшихъ отъ нарушенія, то еще съ бо́льшимъ правомъ

можно сказать то же самое о *винѣ* подсудимаго. Оправдательный приговоръ отмѣняется, сплошь и рядомъ, вслѣдствіе обстоятельствъ, вовсе не зависѣвшихъ отъ воли подсудимаго, подобно тому, какъ отмѣна обвинительнаго приговора вовсе не предполагаетъ *вину* со стороны обвинителя. Представимъ себѣ такой случай: прокуроръ (или защитникъ) просилъ о прочтеніи свидѣтельскаго показанія или бумаги, имѣющейся въ дѣлѣ. Противная сторона выражаетъ на это свое согласіе, но судъ отказываетъ въ просьбѣ; отказъ суда выставляется и признается поводомъ къ кассаціи. Сторона, во вредъ которой отмѣняется рѣшеніе, очевидно неповинна въ допущенномъ нарушеніи,—но это не можетъ служить основаніемъ къ отклоненію кассаціонной жалобы. Ничего несправедливаго, точно также, нѣтъ и въ томъ, что рѣшеніе отмѣняется вслѣдствіе неправильныхъ дѣйствій защитника, въ которыхъ не принималъ никакого участія самъ подсудимый... Понятіе о дискреціонной власти нисколько не исключаетъ возможности контроля, разъ что примѣненіе этой власти является не только правомъ, но и обязанностью,—а именно таково, на основаніи ст. 611 уст. угол. суд., значеніе дисциплинарной власти предсѣдателя. Она можетъ быть названа дискреціонною только въ томъ смыслѣ, что она предоставлена лично самому предсѣдателю, а не суду, и что случаи обращенія къ ней не перечислены съ точностью въ законѣ; но она отнюдь не стоитъ внѣ всякой повѣрки, и предсѣдателю можетъ быть поставлено въ вину какъ пользованіе, такъ и непользованіе ею, если онъ уклонился, въ томъ или другомъ направленіи, отъ требованій и указаній закона. Что касается до равенства между обвиненіемъ и защитой, то мы не видимъ причины думать, чтобы сенатъ допускалъ, по отношенію къ нимъ, употребленіе двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ. Разрѣшая дѣло Кетхудова, онъ обратилъ одинаковое вниманіе на упущенія обѣихъ сторонъ; о дѣйствіяхъ товарища прокурора постановлено довести до свѣденія министра юстиціи, а дѣйствія защитника переданы на разсмотрѣніе московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Итакъ, въ кассаціи рѣшенія, основанной на нарушеніи предѣловъ защиты, нѣтъ ничего противорѣчащаго, въ принципѣ, призванію кассаціоннаго суда и значенію кассаціоннаго производства. Не противорѣчитъ она, какъ намъ кажется, и законной свободѣ судебныхъ преній. Въ тѣхъ границахъ, которыя очерчены оберъ-прокуроромъ, защита является достаточно обезпеченной противъ произвола предсѣдателя. Ей нечего бояться остановокъ, вызванныхъ разногласіемъ въ оцѣнкѣ доказательствъ, въ способѣ разрѣшенія того или другого спорнаго вопроса. Предсѣдатель, усвоившій себѣ точку зрѣнія А. Ѳ.

Кони, не можетъ прервать защитника подъ предлогомъ невѣрной передачи или невѣрнаго освѣщенія обстоятельствъ дѣла; онъ не въ правѣ устранить изъ защиты доводы, основанные на прежней жизни обвиняемаго, или соображенія, направленныя къ оправданію сознавшагося подсудимаго. Само собою разумѣется, что злоупотребленія дискреціонной властью возможны и въ той сферѣ, къ которой пріурочиваетъ ее оберъ-прокуроръ; но они здѣсь не такъ опасны уже потому, что поводовъ къ нимъ гораздо меньше. Опроверженіе или ослабленіе обвиненія,—т.-е. именно то, что́ охраняется отъ вмѣшательства со стороны предсѣдателя, — составляетъ существенную часть *всякой* защиты; на путь болѣе скользкій и грозящій недоразумѣніями защитѣ приходится вступать далеко не всегда. Заключеніе по дѣлу Кетхудова не преграждаетъ доступа къ этому пути; оно требуетъ отъ защитника не отступленія передъ щекотливыми вопросами, а только обдуманности и сдержанности въ ихъ обсужденіи. Пожалѣть можно лишь объ одномъ,—что пришлось предъявить такое требованіе (это сожалѣніе примѣнимо, впрочемъ, и къ обвиненію, въ дѣлѣ Кетхудова, напримѣръ, развѣ немногимъ отличавшемуся отъ защиты)... По справедливому замѣчанію А. Ѳ. Кони, удерживать защитника (и обвинителя) отъ „суетной“ погони за внѣшнимъ, временнымъ успѣхомъ должно было бы, прежде всего, уваженіе къ истинной задачѣ суда, любовь къ судебнымъ учрежденіямъ и судебнымъ уставамъ. „Эти чувства — восклицаетъ оберъ-прокуроръ — были сильны и проявлялись благотворно въ незабвенные первые годы судебной реформы; имъ нѣтъ основанія изсякнуть и теперь“. Да, настоящая перемѣна къ лучшему можетъ быть достигнута не усиленіемъ дисциплины, а возвращеніемъ къ традиціямъ и завѣтамъ первыхъ временъ дѣйствія судебныхъ уставовъ. Отъ одной ли защиты зависитъ, однако, такое возвращеніе? Скажемъ болѣе—достижимо ли оно даже для совокупныхъ усилій защиты, обвиненія и суда, пока нѣтъ на-лицо нѣкоторыхъ условій, благопріятствовавшихъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, процвѣтанію новыхъ судебныхъ порядковъ? Никто не угрожалъ тогда самостоятельности и независимости суда, никто не кричалъ о „судебной республикѣ“ и „судебной анархіи“; тѣ самые органы печати, которые возстаютъ теперь противъ господства „улицы“ въ судѣ, принадлежали тогда къ самымъ ревностнымъ защитникамъ суда присяжныхъ. Никто не стремился къ „обузданію“ защиты, никто не говорилъ о необходимости опеки надъ присяжной адвокатурой. Вездѣ господствовали бодрость, надежда; не было поводовъ къ безпокойству о ближайшемъ будущемъ. Теперь отъ всего этого остались одни воспоминанія, достаточныя, можетъ быть, для поддержанія энергіи въ

дѣятеляхъ прежняго времени, но не властныя надъ представителями позднѣйшихъ поколѣній. Пускай окончится — и окончится благополучно—кризисъ, переживаемый судебными учрежденіями и судебными порядками; тогда опять настанетъ подъемъ духа, ознаменовавшій собою, въ судебномъ мірѣ, вторую половину шестидесятыхъ годовъ.

Какъ бы трудна ни была борьба противъ теченія, она, во всякомъ случаѣ, возможна; какъ бы тяжело ни было положеніе адвокатуры, она должна быть требовательна сама къ себѣ. Чѣмъ больше ей приходится переносить незаслуженныхъ нападеній, тѣмъ тщательнѣе она должна избѣгать всякихъ поводовъ къ справедливымъ упрекамъ. Общими усиліями всѣхъ тѣхъ, кому дорога судебная защита, должны вырабатываться для нея нравственно-обязательныя нормы, намѣчаться идеалы, прокладываться и очищаться пути, ведущіе къ ея высокой цѣли. Мы привѣтствуемъ рѣчь А. Ѳ. Кони, какъ одинъ изъ призывовъ къ такой работѣ. Въ темпераментѣ и натурѣ русскаго человѣка, въ настроеніи русскаго общества есть много данныхъ, способствующихъ развитію правильныхъ пріемовъ защиты; необходимо только выяснять все больше и больше сущность этихъ пріемовъ, порицая каждое уклоненіе въ противоположную сторону, преслѣдуя фразерство, страсть къ эффектамъ, неразборчивость въ выборѣ средствъ, сознательное восхваленіе зла, потворство предразсудкамъ и порокамъ. Мы говоримъ, конечно, не о преслѣдованіи оффиціальномъ, даже не о товарищескомъ судѣ, хотя и признаемъ за послѣднимъ весьма важное значеніе; мы имѣемъ въ виду голосъ общества и печати, направленный исключительно противъ того, что въ самомъ дѣлѣ достойно осужденія. У насъ, къ сожалѣнію, слишкомъ распространена страсть къ огульнымъ обвиненіямъ, и жертвой ихъ особенно часто становилась адвокатура; пора замѣнить ихъ критикой отдѣльныхъ достовѣрныхъ фактовъ. Изъ единичныхъ явленій не будутъ выводиться тогда общія заключенія, прямо идущія въ разрѣзъ съ истиной. Присоединяя къ дѣлу Кетхудова еще два или три другихъ, аналогичныхъ, реакціонная пресса старается доказать, что по этимъ образцамъ можно и должно судить о дѣятельности всей вообще адвокатуры. Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ нашими судебными нравами, тотъ не усомнится признать, что въ этихъ увѣреніяхъ нѣтъ ничего похожаго на правду. Скромный, незамѣтный трудъ присяжныхъ повѣренныхъ, защищающихъ по назначенію отъ суда, является, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, простымъ, честнымъ исполненіемъ долга, иногда весьма тяжелаго,—да и защиты по соглашенію рѣдко принимаютъ ту окраску, которая, по недобросовѣстности или по недоразумѣнію, ставится въ вину цѣлому сословію. Мы имѣемъ

здѣсь дѣло съ такимъ же тенденціознымъ обобщеніемъ, какъ и въ нападеніяхъ на судъ присяжныхъ. Тысячи справедливыхъ, разумныхъ вердиктовъ забываются изъ-за одного неправильнаго или кажущагося неправильнымъ; тысячи безукоризненныхъ защитительныхъ рѣчей не перевѣшиваютъ одной, бьющей на эффектъ дурного сорта. Для реакціонной аптеки достаточно одной капли яда, чтобы пытаться отравить цѣлую массу безвредныхъ или полезныхъ лекарственныхъ веществъ.

Въ будущемъ 1889 году предстоятъ первыя испытанія въ правительственныхъ коммиссіяхъ, установленныя въ замѣнъ прежнихъ университетскихъ экзаменовъ. Правила о порядкѣ производства испытаній распубликованы осенью прошедшаго года и были разобраны нами въ свое время; теперь начинаютъ появляться въ свѣтъ программы испытаній. Остановимся, на первый разъ, на программѣ юридической коммиссіи. Она обращаетъ на себя вниманіе своею краткостью и неопредѣленностью. Такимъ предметамъ, какъ уголовное или гражданское право, посвящено по три, по четыре небольшихъ страницы. Возьмемъ, для примѣра, ту часть программы по гражданскому праву, которая относится къ ученію объ обязательствахъ. Общія понятія объ обязательствахъ и договорахъ обозначены здѣсь въ самыхъ немногихъ словахъ и притомъ далеко не полно; ничего не упомянуто о толкованіи договоровъ, причины недѣйствительности ихъ названы не всѣ. Затѣмъ слѣдуетъ простое перечисленіе отдѣльныхъ договоровъ, безъ объясненія, въ такихъ предѣлахъ и съ какихъ сторонъ долженъ быть изучаемъ каждый изъ нихъ. Прочитавъ въ программѣ: „договоры поклажи, личнаго найма и подряда“ (почему эти три договора, существенно различные между собою, соединены въ одну рубрику — понять довольно трудно), готовящійся къ экзамену останется въ совершенномъ недоумѣніи насчетъ того, что̀ именно онъ долженъ знать объ этихъ договорахъ. Такое же впечатлѣніе произведетъ на него программа по уголовному праву. Онъ найдетъ въ ней, напримѣръ, слѣдующія слова: „система наказаній въ ея историческомъ развитіи и современномъ состояніи“—и спроситъ себя: требуютъ ли они, и въ какой мѣрѣ, знакомства съ различными теоріями наказанія? Нужно ли ему знать, какъ опредѣлялась задача наказанія Ансельмомъ Фейербахомъ и его преемниками, какъ она опредѣляется современными нѣмецкими криминалистами и извѣстнѣйшими изъ русскихъ профессоровъ уголовнаго права? Никакихъ матеріаловъ для отвѣта на этотъ вопросъ и на множество другихъ, аналогичныхъ,

программа не даетъ. Въ программѣ по уголовному судопроизводству встрѣчаются слова: *судебное слѣдствіе*, не сопровождаемыя никакими разъясненіями. Между тѣмъ они съ одинаковымъ основаніемъ могутъ быть поняты въ смыслѣ поверхностнаго обзора главнѣйшихъ процессуальныхъ дѣйствій—или въ смыслѣ детальнаго ихъ изображенія, съ ссылками на судебную практику и на кассаціонныя рѣшенія. Число такихъ примѣровъ легко было бы увеличить до безконечности — но сказаннаго нами достаточно, чтобы доказать недостатокъ практичности и цѣлесообразности программъ юридической коммиссіи. Онѣ были бы слишкомъ сжаты даже для университетскаго экзамена, хотя студентамъ извѣстенъ курсъ профессора, извѣстенъ, слѣдовательно, и объемъ экзамена. Условія испытанія въ коммиссіи, никогда прежде у насъ не существовавшей, представляются, наоборотъ, громаднымъ *иксомъ* — и остаются имъ и послѣ обнародованія программъ. Пополнить пробѣлы программъ можно было бы посредствомъ поименованія лекцій, курсовъ, руководствъ и другихъ книгъ, примѣнительно къ которымъ будетъ происходить испытаніе. Мы нарочно употребляемъ здѣсь множественное число, чтобы устранить возраженіе, основанное на нежелательности пріуроченія занятій къ одному, заранѣе установленному шаблону. Измѣрять знанія экзаменующихся одною лишь степенью знакомства съ тѣмъ или другимъ учебникомъ мы вовсе не предлагаемъ; мы думаемъ только, что готовящимся къ экзамену необходимо указать, въ главныхъ чертахъ, размѣры и рамки требованій, которыя будутъ имъ предъявлены. Это — единственное средство ограничить произволъ экзаменаціонныхъ коммиссій и оградить ихъ отъ упрека въ неодинаковомъ отношеніи къ различнымъ категоріямъ и группамъ экзаменующихся.

Въ концѣ прошедшаго года дѣятельность столичнаго городского общественнаго управленія, по народному образованію, ознаменовалась весьма отраднымъ фактомъ—основаніемъ двухъ городскихъ безплатныхъ читаленъ въ память Пушкина—на Обводномъ каналѣ, по Рузовской улицѣ, близъ церкви св. Миронія, и на Выборгской Сторонѣ, по Б. Сампсоніевскому проспекту. Дѣлая опытъ, вполнѣ, впрочемъ, уже удавшійся въ Москвѣ и многихъ другихъ городахъ, здѣшняя городская Дума ограничилась пока скромными размѣрами: на содержаніе каждой читальни ассигновано на 1888 г. по 2.400 рублей. Объ читальни существуютъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, менѣе полугода, и уже успѣхъ ихъ превысилъ всякія ожиданія и сдѣлался вполнѣ очевиднымъ: съ одной стороны, многочисленныя посѣщенія читаленъ не

только доказали то, что отсутствіе подобныхъ учрежденій было до сихъ поръ весьма существеннымъ пробѣломъ въ дѣятельности городского общественнаго управленія, а съ другой—щедрыя пожертвованія въ ихъ пользу книгами засвидѣтельствовали о томъ сочувствіи, какое встрѣтили себѣ читальни въ средѣ публики, поспѣшившей на помощь недостаточному классу обывателей города, умственный цензъ которыхъ, какъ извѣстно, не всегда бываетъ въ соотвѣтствіи съ денежнымъ цензомъ и часто стоитъ выше послѣдняго.

Изъ перваго опубликованнаго отчета о дѣйствіи двухъ безплатныхъ городскихъ читаленъ въ память Пушкина, со дня ихъ открытія по 1-ое января 1888 г., видно, что одна изъ нихъ, первая, просуществовала въ 1887 г. всего 36 дней, а вторая—не болѣе 14 дней. За это короткое время записалось на чтеніе: въ 1-й читальнѣ—1215 лицъ, а во 2-й—440 лицъ; эти лица сдѣлали посѣщеній: въ 1-й читальнѣ—3.891, а во 2-й—1.184. Благодаря тѣмъ пожертвованіямъ, какія успѣли поступить за то же короткое время, въ 1-й читальнѣ уже находилось до 4.000 томовъ (пожертвовано около 2.200), а во 2-й—до 3.000 томовъ (пожертвовано было 1000). Книгъ было выдано: въ 1-й—6.234 т., а во 2-й—1787 т.

Интересны—для соображеній о значеніи читаленъ и важной услугѣ, оказываемой ими—тѣ данныя, которыя помѣщены въ упомянутомъ отчетѣ, какъ о числѣ посѣщеній, распредѣленномъ по общественному положенію читателей, такъ и о классификаціи истребованныхъ книгъ по отдѣламъ наукъ. Ограничимся свѣденіями о первой читальнѣ, на Обводномъ каналѣ:

	Взросл. обоего пола:	Малолѣтн. пола:
1) Духовенство.	—	—
2) Офицерскіе чины военн. вѣд.	4	—
3) Юнкера и вольноопредѣляющ.	1	—
4) Нижніе воинскіе чины	14	—
5) Писатели, художн. и лица друг. свобод. проф. .	30	—
6) Служащіе въ правит., обществ. и частн. учрежд.	239	—
7) Начальники и учащіе въ учебн. завед.	21	—
8) Купцы и фабриканты	1	—
9) Медики и аптекаря	—	—
10) Фельдш., акушерки и сестры милосердія. . . .	23	—
11) Учащіеся въ высш. учебн. завед.	112	—
12) „ „ средн. „ „	—	554 [1])

[1]) Съ нынѣшняго года, по распоряженію начальства, въ читальни не допускаются воспитанники гимназій, какъ о томъ говорится въ отчетѣ.

13) Учащіеся въ низшихъ „ „	—	1287
14) Лица, живущія своимъ капиталомъ	110	—
15) Лица, живущія на средства семьи	286	345
16) Мелкіе промышленники	420	—
17) Рабочіе на фабрикахъ и пр.	274	117
18) Прислуга и пр.	24	7
19) Временно-заѣзжіе въ столицу	22	—
	1.581	2.310
	3.891	

Выданныя для чтенія книги распредѣлялись по научнымъ отдѣламъ слѣдующимъ образомъ:

Богословіе	199
Исторія	222
Біографія	107
Исторія литер. и критики	27
Языкознаніе.	23
Искусство.	23
Географія.	38
Путешествіе	373
Философія и психологія.	24
Педагогика	14
Юридич. и общ. науки.	10
Геологія, минерал., ботаника и зоологія	34
Анатомія и физіологія.	8
Медицина и гигіена	18
Физика и химія	30
Математика и механика	1
Промышленность	13
Сельское хозяйство	5
Рыболовство и охота.	—
Беллетристика оригинальная	2133
„ переводная	796
„ дѣтская	1059
Смѣсь	4
Справочныя книги	1
Атласы	—
Журналы ежемѣсяч. и еженед.	945
Газеты	127
	6.234 тома.

Цифры этого отчета, при самомъ бѣгломъ ихъ просмотрѣ, даютъ возможность каждому легко составить себѣ понятіе о той суммѣ

добра, какую могутъ приносить читальни въ будущемъ. Но у насъ, въ Петербургѣ, онѣ имѣютъ еще и особенное значеніе, въ виду слѣдующаго обстоятельства.

Какъ ни важны начальныя народныя училища, но при отсутствіи городскихъ двухъ-классныхъ и трехъ-классныхъ училищъ (мы не говоримъ о 5 или 6 подобныхъ министерскихъ училищахъ: они когда-то соотвѣтствовали имѣвшимся на-лицо 10 лѣтъ тому назадъ 16-ти начальнымъ училищамъ, но теперь, при 240 городскихъ училищахъ, число ихъ слишкомъ ничтожно, чтобы принимать его въ разсчетъ)—читальни до нѣкоторой степени могли бы считаться подспорьемъ для тѣхъ многочисленныхъ, какъ то видно изъ представленной выше таблицы посѣщеній, и вмѣстѣ мало-достаточныхъ обывателей, которые, послѣ начальнаго обученія, не зная и не имѣя, гдѣ пріобрѣсть какія-нибудь научныя свѣденія, захотѣли бы добиться того путемъ самообразованія. Вотъ потому тамъ, гдѣ, какъ у насъ, въ Петербургѣ, городъ былъ до сихъ поръ затрудненъ въ открытіи двухъ-классныхъ и трехъ-классныхъ училищъ, безплатныя читальни получаютъ исключительное и особенно важное значеніе, а потому и заслуживаютъ полнаго покровительства и поддержки. Самый книжный составъ такихъ читаленъ долженъ, вслѣдствіе того, имѣть въ виду, что эти читальни, между прочимъ, должны служить, въ ожиданіи 2-хъ и 3-хъ классныхъ школъ, средствомъ для самообразованія въ такомъ городѣ, гдѣ населеніе получаетъ въ настоящее время довольно широкую возможность обучиться искусству читать, писать и считать, но—безъ читаленъ и безъ двухъ-классныхъ и трехъ-классныхъ училищъ—оно обучалось бы этому искусству только для искусства, а вскорѣ, за недостаткомъ практики, утратило бы и самое искусство, впадая такимъ образомъ въ возвратное невѣжество.

До настоящаго времени, въ основаніи городскихъ читаленъ лежалъ законъ 1884 г. о публичныхъ библіотекахъ, открываемыхъ частными лицами, а потому книжный составъ этихъ читаленъ могъ быть одинаковый со всѣми частными читальнями, и петербургскія городскія читальни не имѣли для себя другого ограниченія, кромѣ общаго всѣмъ, а именно въ эти читальни не допускались книги, хотя и разрѣшенныя правительственною цензурою для обращенія въ публикѣ вообще, но тѣмъ не менѣе запрещенныя для читаленъ, по особому распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, оповѣщавшаго, какія именно книги не могутъ быть допускаемы въ читальняхъ. Многіе, правда, полагаютъ, что такой порядокъ можетъ достигать прямо обратной цѣли, какую можно было бы предположить въ составителяхъ подобнаго index librorum prohibitorum: а именно, благодаря такому ката-

логу въ большемъ количествѣ расходятся въ продажѣ какъ разъ тѣ книги, которыя занесены въ него, и каталогъ служитъ такимъ образомъ какъ бы даровымъ указателемъ такихъ книгъ, которыя, вслѣдствіе запрещенія, пріобрѣтаютъ иногда преувеличенный интересъ; но все же, тѣмъ не менѣе, при той системѣ, которой слѣдовало министерство внутреннихъ дѣлъ, не только существованіе читаленъ было возможно, но и нельзя было никакъ отказать имъ въ серьезной пользѣ, какую онѣ могли, несмотря на то, приносить населенію для его самообразованія.

Въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года надзоръ за книжнымъ составомъ читаленъ перешелъ изъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, — въ то именно вѣдомство, которое уже непосредственно заинтересовано въ преуспѣяніи народнаго просвѣщенія путемъ читаленъ, замѣняющихъ до нѣкоторой степени, какъ мы замѣтили, недостатокъ въ Петербургѣ, да и не въ одномъ Петербургѣ, — школъ, которыя могли бы дать начатки научныхъ свѣденій обучившимся уже грамотѣ, письму и счисленію въ одноклассныхъ городскихъ училищахъ. „Въ послѣднее время, — говорится въ циркулярѣ гг. губернаторамъ и градоначальникамъ, — въ Петербургѣ, въ Москвѣ открыты безплатныя читальни, посѣщаемыя преимущественно ремесленниками, мастеровыми и учениками среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній. Вслѣдствіе сего и принимая во вниманіе возможность учрежденія подобныхъ же читаленъ въ другихъ городахъ, представляется необходимымъ установить тщательный надзоръ за выборомъ произведеній печати, которыя могутъ быть допущены въ обозначенныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе сего министромъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ народнаго просвѣщенія, признано цѣлесообразнымъ, *чтобы въ безплатныя читальни допускались только книги и періодическія изданія, одобренныя Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета мин. нар. пр. для низшихъ учебныхъ заведеній и для народнаго чтенія*“. Каталогъ книгъ, одобренныхъ упомянутымъ Особымъ отдѣломъ для низшихъ учебныхъ заведеній, уже существуетъ, и такое обстоятельство породило въ обществѣ нѣкоторое недоразумѣніе: этотъ каталогъ состоитъ изъ самаго ограниченнаго числа книгъ, пріуроченныхъ для спеціальныхъ читателей низшихъ учебныхъ заведеній: тамъ нѣтъ, напримѣръ, ни одного русскаго классика, Жуковскаго, Карамзина, Пушкина, Гоголя и т. д. и т. д. въ полномъ изданіи, а включены изъ нихъ по два, по три отрывка въ дешевыхъ изданіяхъ; многіе, извѣстнѣйшіе писатели вполнѣ отсутствуютъ: мы не нашли тамъ, напримѣръ, такого отечественнаго историка, какъ Косто-

маровъ, хотя бы въ какомъ-нибудь извлеченіи. По буквальному смыслу циркуляра, впредь и въ безплатныя читальни будутъ „допускаться *только* книги и періодическія изданія, одобренныя Особымъ отдѣломъ Ученаго Комитета мин. нар. просв. для низшихъ учебныхъ заведеній и для народнаго чтенія", а слѣдовательно двѣ уже открытыя безплатныя читальни въ Петербургѣ будутъ ограничены въ своемъ литературномъ составѣ „только" книгами и періодическими изданіями, включенными въ упомянутый каталогъ; при пересмотрѣ каталоговъ этихъ читаленъ, можно думать, что будетъ изъято все то, что не упомянуто въ каталогѣ Особаго отдѣла Ученаго Комитета. Такъ многіе и поняли циркуляръ, и отсюда послѣдовательно заключили, что низведеніе общественныхъ читаленъ на степень библіотеки низшихъ училищъ будетъ равносильно ихъ закрытію. Въ эти читальни, дѣйствительно, при такомъ условіи, не пойдетъ никто изъ обучавшихся въ низшихъ школахъ, такъ какъ онъ въ читальняхъ встрѣтитъ тѣ же самыя книги, какія онъ имѣлъ случай прочесть еще на школьной скамьѣ; въ такой читальнѣ, гдѣ нѣтъ, напримѣръ, даже полнаго собранія сочиненій Пушкина, нельзя искать средствъ къ дальнѣйшему самообразованію; нельзя взрослому читателю удовлетворить свой интересъ и на текущей періодической прессѣ, такъ какъ онъ не встрѣтитъ въ читальнѣ газетъ, которыя могутъ, однако, свободно обращаться въ ресторанахъ, трактирахъ и погребкахъ, а потому ремесленникъ, мастеровой или бывшій ученикъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вынужденъ будетъ обратиться въ послѣднія „заведенія", гдѣ онъ найдетъ то, чего нельзя ему же получить въ безплатной читальнѣ. Кромѣ того, платныя читальни, сравнительно говоря, такъ дешевы, что едва ли можно достигнуть какихъ-нибудь цѣлей, если дозволить что-нибудь такое, чего не слѣдовало бы допускать—обладателю нѣсколькихъ копѣекъ, и то же самое запретить читать даромъ. Наконецъ, и что̀ самое главное, безплатныя читальни вовсе не предназначены спеціально для мастеровыхъ и ремесленниковъ, и дѣйствительно, въ 1-ой городской читальнѣ, напримѣръ, за 4 мѣсяца ея существованія (по 1-ое апрѣля) только 16%, изъ общей массы взявшихъ билеты, составляли ремесленники и мастеровые, а изъ всѣхъ посѣтителей—ихъ было не болѣе 11%. При превращеніи общественныхъ читаленъ въ библіотеки низшихъ училищъ окончатся и богатыя пожертвованія, какими, можно сказать, были буквально осыпаны городскія читальни; книгъ же, упомянутыхъ въ каталогѣ Особаго отдѣла Ученаго Комитета, никто и не пожертвуетъ по той простой причинѣ, что эти книги составляютъ весьма специфическую литературу и вовсе не пріобрѣтаются въ томъ обществѣ,

отъ котораго ожидаются пожертвованія. Общественныя читальни, въ настоящемъ ихъ видѣ, слѣдуетъ разсматривать скорѣе какъ филіальныя учрежденія центральной Публичной Библіотеки, притомъ ничего не стоющія казнѣ, а потому онѣ могутъ разсчитывать имѣть очень часто тѣхъ же читателей, какія допускаются въ Публичную Библіотеку, съ тѣмъ единственнымъ отличіемъ, какое было до сихъ поръ установлено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, т.-е. съ указаніемъ тѣхъ, конечно, не особенно многихъ книгъ, которыя не должны находиться въ читальняхъ, хотя бы онѣ и были разрѣшены правительственною цензурою для обращенія въ публикѣ вообще. Если Особый отдѣлъ Ученаго Комитета будетъ продолжать цѣль надзора въ томъ же смыслѣ, какъ онъ былъ установленъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, то при этомъ ничего не оставалось бы, какъ выразить только надежду, что министерство народнаго просвѣщенія, быть можетъ, найдетъ возможнымъ сократить число и тѣхъ книгъ, которыя въ прежнее время были изъяты изъ читаленъ; если же пересмотръ каталога городскихъ читаленъ, по буквальному смыслу циркуляра, приведетъ къ допущенію въ читальняхъ „только“ книгъ, упомянутыхъ въ каталогѣ низшихъ училищъ, то, конечно, и эти двѣ, только-что основанныя городскія читальни закроются сами собою, такъ какъ онѣ de facto перестанутъ быть общественными. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ жалуются на трудность „надзора“; но, въ настоящемъ дѣлѣ, могутъ оказаться двоякаго рода затрудненія: одни — встрѣчаемыя практикою надзора, а другія—при отсутствіи читаленъ,— затрудненія для развитія народнаго образованія; намъ кажется, что перваго рода затрудненія никакъ нельзя назвать непреодолимыми, и въ крайнемъ случаѣ они повлекутъ за собою нѣкоторое увеличеніе расхода на „тщательный надзоръ“; что же касается до второго рода затрудненій къ распространенію народнаго образованія, то убытокъ, нанесенный ими, не поддается даже и вычисленію—такъ онъ великъ. Помимо вышеуказаннаго значенія читаленъ для самообразованія, читальни вездѣ, гдѣ онѣ учреждаются, служатъ опасными конкуррентами для различныхъ такъ-называемыхъ „заведеній“, и уже съ этой одной точки зрѣнія поддержать дѣло читаленъ—значило бы оказать содѣйствіе къ возвышенію умственнаго и нравственнаго уровня народныхъ массъ, и потому нельзя не пожелать, чтобы выраженная въ циркулярѣ мысль о „возможности учрежденія подобныхъ (петербургскимъ и московскимъ) читаленъ и въ другихъ городахъ“ осуществилась какъ можно болѣе широко и не встрѣтила бы себѣ никакихъ къ тому препятствій и затрудненій.

Друзья и товарищи Всеволода Михайловича Гаршина просили насъ заявить, что они, желая почтить его память добрымъ дѣломъ, которое было бы связано съ именемъ покойнаго, предприняли изданіе литературнаго сборника, доходъ отъ котораго будетъ употребленъ съ указанною цѣлью. Въ составъ сборника войдутъ беллетристическія произведенія и стихотворенія извѣстныхъ писателей; особый отдѣлъ составится изъ біографическаго очерка и личныхъ воспоминаній о покойномъ В. М., его переписки, критическихъ статей о его сочиненіяхъ и ихъ библіографіи. Къ книгѣ будутъ приложены портреты В. М. и иллюстраціи къ его произведеніямъ. Желая придать біографическому отдѣлу возможно бо́льшую полноту, принявшіе на себя ближайшее завѣдываніе этимъ изданіемъ обращаются къ лицамъ, имѣющимъ письма покойнаго В. М. или желающимъ сообщить о немъ воспоминанія, съ просьбою доставлять эти матеріалы въ редакцію „Сѣвернаго Вѣстника“ (Спб., Васковъ пер., 15). Подлинныя письма, по снятіи копій, будутъ немедленно возвращаемы ихъ владѣльцамъ.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ имп. русскаго историческаго общества. Томы 61, 63 и 65. Спб. 1888. Ц. по 3 руб.

Изъ новыхъ выпусковъ „Сборника", 61-й содержитъ донесенія англійскихъ пословъ и резидентовъ при русскомъ дворѣ съ 1711 по 1719 г.; 63-й продолжаетъ изданіе протоколовъ, журналовъ и указовъ тайнаго совѣта съ 1726 по 1730 г.; и, наконецъ, 65-й заключаетъ въ себѣ дипломатическіе акты изъ архива князя Рѣпнина, относящіеся къ тешенскому конгрессу 1779 г., изданные Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ. Послѣдній томъ воскрешаетъ предъ нами любопытную, въ извѣстномъ смыслѣ, эпоху, когда сто лѣтъ тому назадъ завязалась рѣшительная борьба между Австріею и Пруссіею за главенство въ Свящ. Римской имперіи, т.-е. Германіи, окончившаяся въ 1866 г. битвою при Кениггсрецѣ. Задачею нашей политики въ то время было, не допуская перевѣса ни той, ни другой стороны, сплотить Австрію и Пруссію вмѣстѣ съ Россіею въ одинъ тройственный союзъ, который, по выраженію проф. Мартенса, „диктовалъ бы свою волю всѣмъ остальнымъ европейскимъ державамъ". Эта цѣль была только однажды вполнѣ достигнута, а именно, въ 1815 г. на вѣнскомъ конгрессѣ, но какъ бы для того только, чтобы на практикѣ доказать вообще несостоятельность политики, стремящейся къ тому, чтобы „диктовать свою волю" сосѣдямъ: событія 1830 г., а потомъ 1848 г. скоро ослабили первоначальную силу священнаго союза; крымская война и парижскій миръ 1856 г. окончательно подорвали священный союзъ, а событія самаго послѣдняго времени хотя и привели къ тройственному союзу, но уже не въ томъ составѣ, въ какомъ предполагалось устроить его сто лѣтъ тому назадъ. Австрія и Пруссія, не раздѣленныя теперь, какъ прежде, соперничествомъ, а, напротивъ, связанныя общими цѣлями, соединились съ Италіей, не географическимъ названіемъ, какъ то было за сто лѣтъ, а новою державою, тогда еще не существовавшею.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. А. Венгерова. Вып. 10. Спб. 1888. Стр. 419—462. Ц. 35 к.

Изъ предполагаемыхъ издателемъ 200 выпусковъ, въ настоящее время мы имѣемъ первые 10, которые и составляютъ первую серію, еще не вышедшую изъ буквы А. По проекту недоставать 7 выпусковъ, чтобы закончился первый томъ, который обниметъ собою первую букву алфавита, — приблизительно въ 50 печатныхъ листовъ. На изданіе первыхъ 10 выпусковъ потребовалось 1½ года; но издатель надѣется вторую серію, т.-е. 10 послѣдующихъ выпусковъ, выполнить въ 10 мѣсяцевъ, и затѣмъ еще болѣе ускорить ходъ изданія. Мы не разъ уже желали полнаго успѣха этому полезному изданію, и не можемъ не порадоваться, что оконченная теперь первая серія можетъ быть разсматриваема, по крайней мѣрѣ, какъ начало конца.

Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева. Т. I. Спб. 1888. Стр. 400. Ц. 3 р.

Четверть вѣка исполнилась въ прошедшемъ году со смерти И. И. Панаева, и въ этотъ промежутокъ времени не мало отошло въ вѣчность его современниковъ и литературныхъ сподвижниковъ, — „людей сороковыхъ годовъ", — такъ что для массы читателей настоящей эпохи сборникъ его произведеній, разсѣянныхъ по „Современнику", издававшемуся Некрасовымъ вмѣстѣ съ Панаевымъ (1847 — 1862), представитъ много не только новаго, но и интереснаго. Вышедшій нынѣ первый изъ проектируемыхъ шести томовъ, вмѣстѣ съ послѣдующими тремя, составитъ первый отдѣлъ, куда войдутъ всѣ романы, повѣсти и разсказы; статьи, очерки и стихотворенія „Новаго поэта" — образуютъ пятый томъ, а шестой и послѣдній будетъ занятъ литературными воспоминаніями и перепиской. Все изданіе предполагается окончить въ текущемъ году.

Искра Божья. Повѣсть гр. Е. А. Салиаса. XXV. 1863—1888. Второе, юбилейное изданіе, съ портретомъ автора. М. 1888. Стр. 196. Ц. 2 р.

Къ нынѣшнему изданію юношеской повѣсти извѣстнаго впослѣдствіи писателя историческихъ романовъ гр. Е. А. Салиаса — послужило поводомъ исполнившееся двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности, начавшейся именно этою повѣстью; сюжетъ ея составляетъ первая любовь юноши, со всѣми ея перипетіями, къ весьма оригинальной дѣвушкѣ, случайно встрѣтившейся ему въ Крыму. Для литературной біографіи автора настоящее изданіе можетъ послужить хорошимъ матеріаломъ, и, безъ сомнѣнія, въ этой повѣсти окажутся первые слѣды того литературнаго таланта и признака тѣхъ его особенностей, которыя въ дальнѣйшей дѣятельности автора нашли себѣ новое развитіе, несмотря на измѣнившееся впослѣдствіи направленіе въ сторону понятія воспроизвести отжившія эпохи въ художественной формѣ историческаго романа.

Сатиръ и Нимфа, или похожденія Трафона Ивановича и Акулины Степановны. Романъ Н. А. Лейкина. Спб. 1888. Стр. 453. Ц. 2 р.

Н. А. Лейкинъ давно извѣстенъ, какъ спеціалистъ, интересный разсказчикъ и опытный наблюдатель обычаевъ и „правовъ", не терпящихъ „препятствій", — среди особой, у однихъ насъ существующей, общественной группы или касты средняго и мелкаго купечества; развиваясь уединенно, эта каста отличается не только своими нравами и міровоззрѣніемъ, но даже имѣетъ свой языкъ, изученный авторомъ въ совершенствѣ, — своего рода argot. Добродушный юморъ, а иногда весьма ѣдкая сатира придаютъ трудамъ г. Лейкина также и общественное значеніе, выставляя на показъ нравы этой касты, изображающей собою своего рода внутренній Китай, отдѣленный отъ прочаго міра невидимою, но прочною и высокою стѣною невѣжества и самодурства отъ всего человѣческаго и разумнаго; все это, правда, принимается извѣстными „патріотами" за особенности и отличительныя черты нашей, будто бы, народности, которая и нашла въ настоящемъ романѣ г. Лейкина вѣрное себѣ отраженіе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1888 Г.

(Двадцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 60 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

NB.—Съ перваго марта открыта подписка на 2-ую четверть года.—**NB.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Мелье, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20, и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика.—2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

JUN 28 1888

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1888.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1888.

Стр.

I.—ЖИТЬ, КАКЪ ЛЮДИ ЖИВУТЪ.—Заброшенный дневникъ.—Окончаніе.—**В. Крестовскій** (Псевдонимъ) 453

II.—ДОНЕЦКІЕ УГЛЕКОПЫ.—По мѣстнымъ даннымъ.—**С. Русовъ**. 493

III.—МУСЯ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—VIII-XV. **В. Д. Каренина**. 516

IV.—ПЬЯНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО.—I.—**И. И. Янжула**. 614

V.—НАКАНУНѢ ПЕРЕВОРОТА.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго.—Часть вторая: XII-XVII.—Окончаніе.—**А. Э.** . 649

VI.—СИБИРЬ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ.—V. Время Александровское и Николаевское до сороковыхъ годовъ.—VI. Сороковые года; основаніе Географическаго Общества и его дѣятельность по изученію Сибири; новѣйшія изысканія.—**А. Н. Пыпина**. 709

VII.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Я пѣлъ, а на меня украдкой.—**М. С—въ**. 735

VIII.—НОВОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Мишле, Ренанъ и Сорель.—**К. К. Арсеньева**. 736

IX.—ХРОНИКА.—ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.—Старая и новая Германія.—**Е. И. Утина**. 754

X.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей.—Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній.—Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ.—Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ?—Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей“ на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправленія 805

XI.—ОТВѢТЪ автору статьи: „Нѣчто о финансахъ Вѣстника Европы“.—**О.** 830

XII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ по поводу статей г. Татищева.—Внѣшняя политика Германіи и Австро-Венгріи.—Двѣ политическія желѣзныя дороги.—Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи 838

XIII.—ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.—Генералъ Буланже и Дерулэдъ.—**Л. С.** 851

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Судебные ораторы во Франціи, перев. А. Шмакова.—О Германіи, В. И. Модестова.—Pouschkine: Poltava, trad. par. W. Mikhailow.—Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго город. общ. управленія за 16 лѣтъ.—Максъ Кохъ, Шекспиръ, пер. А. Гуляева.—**К. К.**—Новыя изданія книгъ и брошюръ. 861

XV.—ЗАМѢТКА.—Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи-Посполитой.—**И. Карѣева**. 871

XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новыя нападенія на адвокатуру.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.—Лѣтопись „грѣховъ“ самоуправленія.—Рѣчь саратовскаго губернатора.—Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публицистами.—Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ. 876

XVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Влад. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи.—Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, Д. Эварницкаго.—Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе, И. И. Кауфмана.—Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря.—О вдахъ въ организмѣ животныхъ и человѣка, и о борьбѣ съ ними, И. Р. Тарханова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

☛ **Съ перваго іюля открывается подписка на 2-ую половину и 3-ью четверть года.** ☚

(См. Объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

HARVARD COLLEGE
JUN 28 1888
LIBRARY.

ЖИТЬ, КАКЪ ЛЮДИ ЖИВУТЪ...

Заброшенный дневникъ *).

Окончаніе.

Не могу подумать хладнокровно: обмануть! Обманутый смѣшонъ; меня надували, надо мною смѣялись. Или, можетъ быть, это творилось въ простотѣ сердца? что за важность—потихоньку взять книжку? Точно ли только книжку?

Все равно! Но тѣмъ болѣе, для собственной провѣрки, для собственнаго успокоенія я хочу досказать свою исторію. Я до конца былъ великодушенъ. Выносить томящую пошлость, не упрекать виноватаго, не лишать его своей ласки—точно великодушіе. Даже до излишества. Я былъ такъ слабъ, что щадилъ Пашу, съ удовольствіемъ видѣлъ, что она поправляется, повелъ ее въ театръ, безпрестанно приносилъ ей конфекты. Мой образъ жизни былъ прежній, но Паша уже привыкла къ моимъ частымъ выѣздамъ. Я познакомился тогда съ m-me Орѣцкой и имѣлъ мужество скрыть отъ Паши такое потрясающее впечатлѣніе, не поминалъ имени Мари, ничѣмъ не выдалъ первыхъ порывовъ начинавшейся страсти, не хотѣлъ пугать необразованную дѣвушку. Я даже умѣлъ сдерживать неудовольствіе, нетерпѣніе въ домашнихъ мелочахъ... Закрывая глаза, мечтая, воображая предъ собою Мари, я былъ нѣженъ съ Пашей, я былъ краснорѣчивъ. Разъ, она глупо прервала:

— Вы говорите, точно будто романъ читаете...

Я простилъ даже это!

Минутами, являлось какое-то томленіе, какой-то возвратъ привычки; думалось, что, пожалуй, будетъ скучно безъ *ея* тихаго мурлыканья въ тактъ ея машины, шелеста листовъ ея поспѣшно

*) См. выше: май, 52 стр.

спрятанной книжки... Теперь я узналъ, почему она ихъ прятала: я обманутъ,—но ужъ лучше, легче безъ сантиментальностей.

Послѣ моего возвращенія, мы такъ недѣли три протянули. Я не говорилъ ни слова о тетушкѣ и о своихъ намѣреніяхъ: не хотѣлось тревожить Пашу, покуда она была нездорова; а когда поправилась, и все вошло въ прежнюю колею, я не зналъ, какъ начать. Дома я проводилъ едва нѣсколько часовъ: то не время, то неловко, и, день за день, объясненіе откладывалось. Все рѣшилось разомъ, утромъ 3-го октября.

Тетушка, сберегая расходы, при вѣрной оказіи прислала мои рубашки. Развязывая посылку, я позвалъ Пашу.

— Посмотри московскую работу.

Она похвалила и въ первый разъ спросила, хорошо ли мнѣ было въ Москвѣ,—не весело ли, а именно, хорошо ли. Я разсказалъ, какъ Елена Платоновна меня приняла, угощала, на рукахъ носила.

— Должно быть, добрая, любитъ васъ.

— Очень любитъ.

— Хорошо, когда есть родные и когда любятъ.

Она наклонилась, разсматривая рубашки, пряча лицо и голосъ. Это меня смущало и раздражало.

— Шитье все-таки не ручное, а машинное.

Я чуть не расхохотался.

— Къ завтрему я вамъ одну приготовлю, накрахмалю,— продолжала она: — вы на балъ собираетесь, обновка. А тотъ ящикъ тоже отъ тетеньки?

— Да. Варенье.

— Пуда два? На что же столько?

— Это не мнѣ, а ей, гостей угощать. Она сама пріѣдетъ сюда на всю зиму.

Я, положительно, затруднялся!

— Такъ ящикъ надо къ ней въ квартиру отправить. Гдѣ она наняла?

— Нигдѣ... Она остановится у меня.

— У васъ?

— Она будетъ жить у меня, — повторилъ я, и испугался: такъ она страшно поблѣднѣла. Ея крошечные пальцы ухватились за уголъ стола и замерли, но она стояла прямо, будто еще выпрямилась, и не выговорила ни слова. Я тронулъ ее, она не шевельнулась.

— Паша, голубчикъ, что-жъ ты такъ...—сказалъ я, и взялъ ее къ себѣ на колѣни.

Она упала головой мнѣ на плечо, вдругъ опять выпрямилась и хотѣла встать.

— Пустите.

— Нѣтъ, что́ же ты? что съ тобой?

— Ничего. Пустите. Прощайте.

— Другъ мой, ты не понимаешь...

— Нѣтъ, понимаю. Мнѣ надо отъ васъ уйти. Пріѣдетъ ваша тетушка, какъ же вамъ... И мнѣ нельзя; я не могу...

— Другъ мой, это на время. При ней, точно, ты оставаться не должна, но это только покуда, на это время...

Она вспылила и вырвалась.

— Спрятать меня? Только собакъ отъ поповъ запираютъ!

Вульгарная выходка меня взбѣсила.

— Ты и безъ того отъ всѣхъ пряталась!

— Не вы меня прятали, я сама пряталась отъ безстыжихъ глазъ!—вскричала она. — Глупая, хоть бы когда подумала, что придетъ конецъ...

— Что-жъ, разсчитывали на законный бракъ?

— Господи! во снѣ не воображала!

Она перекрестилась.

— Думала, вѣкъ при васъ, любить васъ, служить вамъ... А вы... позвали тетушку, на время... Это на полгода! а тамъ что̀ еще? Звали, стало быть, не подумали, каково это мнѣ? Значитъ, такъ и рѣшили меня прогнать? И не пожалѣли?.. Я, стало быть, ужъ давно вамъ не мила?.. Господи, Господи,—давно не мила, давно!.. Ну, и не надо меня! Богъ свидѣтель... Ужасъ какой!— я давно не мила... Что̀-жъ я такое?

Она зарыдала.

— Ангелъ мой, жизнь моя, голубчикъ, будь только счастливъ! Ну, не надо меня! Богъ съ тобою, будь только счастливъ!

Она бросилась мнѣ въ ноги. Это, въ самомъ дѣлѣ, было ужасно. Я рѣшился ужъ все однимъ разомъ кончить, и сцены, и разговоры, и счеты, чтобы больше ни къ чему не возвращаться. Я былъ твердъ; но не знаю, до чего могло бы довести меня утомленіе и раздраженіе. Къ счастью, и она была довольно упряма, нравъ выказался.—Я прилегъ на полчаса, чтобы успокоиться, и ушелъ изъ дома, чтобъ избѣжать обѣда. Одумавшись хладнокровнѣе, я убѣдился, что иначе и не могло произойти, что сцена была неизбѣжна, а что повториться я ее не допущу. Благоразуміе поддерживало во мнѣ силу и не допускало поддаваться какой-то болѣзненной жалости, которая минутами поднималась. Нервное разстройство. Его слѣдовало разсѣять. Я отобѣдалъ въ

веселой компаніи, побывалъ въ двухъ театрахъ, не знаю—гдѣ не былъ. Весь слѣдующій день я не видалъ Паши; она, кажется, тоже не была дома. Вечеромъ я сбирался на балъ къ m-me Орѣцкой. Паша промелькнула въ моей комнатѣ, принесла новую приготовленную рубашку и уходила молча. Это меня окончательно привело въ бѣшенство: хочетъ задобрить, великодушничаетъ, нѣжничаетъ! Я бросилъ подъ ноги эту рубашку и истопталъ. Паша не показывалась; вѣроятно, сбиралась; можетъ быть, сидѣла въ кухнѣ съ Анисьей.

На другой день, 5-го, она уѣхала...

Я перечиталъ свою „исторію“ и доволенъ, что имѣлъ терпѣніе записать ее.

Наконецъ-то здоровъ, вырвался какъ школьникъ и былъ *тамъ, тамъ*...

Ничего не разскажешь. И что сказать? Для досады можно найти слова, для блаженства — ихъ нѣтъ.

Мое блаженство—видѣть *ее*, мечтать... Мечты осуществятся.

Моя пальма прелестна; замѣтно, что ее берегутъ; въ гостиной она эффектна. Я неосторожно оглянулся — Мари замѣтила, еще поблагодарила меня и спросила, какъ она мнѣ досталась. Мари забыла, что я тогда наговорилъ; я и самъ забылъ, повторилъ что-то о знакомомъ, о старикѣ, который куда-то уѣхалъ... опять не помню, что. Все равно.

Я нахожу предлогъ, случай, отвагу—бывать тамъ часто... Счастье свѣтитъ мнѣ своими огнями; я стою у порога и любуюсь... Терпѣніе! Въ ожиданіи есть свое мучительное наслажденіе.

Зачѣмъ я пишу? Нѣтъ ни дѣлъ, ни необходимости, ни скучной обязанности; писать—значитъ, терять время... Лучше закрыть глаза и мечтать...

Вчера она сказала... Я проговорился, что веду свой дневникъ. Она улыбнулась и спросила:

— Дневникъ событій?

— Ихъ не много!

— Стало быть, дневникъ вашихъ чувствъ?

Мнѣ хотѣлось закричать: я чувствую только *одно*, чего выговорить еще не смѣю, но осмѣлюсь, и тогда... тогда будетъ что записать! я не смотрѣлъ на нее: мой взглядъ меня бы выдалъ. Я отвѣтилъ только:

— Записываю мои мечтанія.

— Стало быть, ихъ много?

— Да... Но всегда одно, въ разныхъ образахъ. Сонъ, которымъ я живу.

— Жить снами не годится.

И ни слова больше. Вѣчно не договоритъ, разсѣянна, вѣчно чѣмъ-нибудь развлечется, обратится къ другимъ.

„Жить снами не годится“... Что это—нравоученіе, кокетливый вызовъ, страсть?.. Запишу.

У нея назначены дни, танцуютъ рѣдко; танцы ее утомляютъ, къ тому же—только ноябрь; еще успѣемъ. Но и кромѣ назначенныхъ вечеровъ, у нея всегда найдешь кого-нибудь. Разъ, при мнѣ, она сказала одной пріятельницѣ:

— Я люблю, когда у меня сбираются неоффиціально, неожиданно; значитъ, въ самомъ дѣлѣ, хотятъ меня видѣть.

Я принялъ это къ свѣденію; я—посѣтитель неоффиціальный.

Вчера такъ и собрались—немногіе, все больше дамы, даже работали что-то въ пользу благотворительности, но больше смотрѣли альбомы и обходили цвѣты. Отъ пальмы ахали. Одна пріятельница безтактно замѣтила, что это вещь дорогая. Мари какъ-то вскользь на меня взглянула.

Я глупъ, я хотѣлъ бѣжать, я хотѣлъ вызвать ее и броситься передъ ней на колѣни. Это было бы еще глупѣе... А можетъ быть и нѣтъ...

Подъ пальмой она завела въ клѣткѣ какую-то пурпуровую птичку. Всѣ подходили, любовались, будили.

— Вы ее замучите, — сказала Мари, и подозвала меня:— дайте, вонъ, тамъ, газета, помогите ее накрыть.

Ея бѣломраморныя руки на темной зелени, легкій звонъ ея браслетовъ о золоченые прутья... Она мою душу засадила въ клѣтку, и лелѣетъ, и мучитъ!..

„Жить снами не годится“... Афоризмъ. Вотъ это я записалъ и наизусть вытвердилъ, а остальное... Всего не запишешь!

Приходилъ жилецъ, не подозрѣвая, что я золъ на него. Я, впрочемъ, передумалъ, и больше не злюсь: не за что. Все въ

порядкѣ вещей—и „милое созданье“, желающее развитія, и „труженикъ“—развиватель съ чердака. Можно только посмѣяться... кстати и тому, что труженикъ, имѣя жену красавицу, все-таки пользуется удобнымъ случаемъ, благо нѣтъ запрета: „не развивай подруги ближняго твоего“... Приходилъ проститься, уѣзжаетъ съ долгимъ пассажирскимъ и весь сіяетъ: обѣщали перевести его на службу куда-то въ губернію. Такъ доволенъ, что даже смѣялся *аѳоризму*, когда я ему прочелъ, но все-таки не утерпѣлъ, пофилософствовалъ.

— Мудреные свѣтскіе люди: живутъ, ни о чемъ не задумываясь, хоть имъ трава не расти, а любятъ всякія изреченія, и подчасъ чѣмъ безсмысленнѣе, тѣмъ кажется имъ глубокомысленнѣе.

Я на свой счетъ не принялъ и не обидѣлся, а ему было некогда карать свѣтскихъ людей—снѣшилъ на поѣздъ.

Интимные „нежданные“ вечера пріятны, но мнѣ больше нравятся тѣ, условленные. Я испытываю новое, увлекательное ощущеніе. Охватываетъ какой-то чадъ, что-то фантастическое, упоительное. Тепло, свѣтъ, роскошь и уютность—все вмѣстѣ, тихая рѣчь, сдержанный смѣхъ, остроты, непонятныя для другого круга, хладнокровно-спокойная веселость... Разговоръ не застаивается на одномъ предметѣ, новости не договариваются, не разсказываются: онѣ *здѣсь* уже всѣмъ извѣстны, онѣ *здѣсь* общія, *свои*, ихъ не повторяютъ, а только обсуждаютъ... Все вмѣстѣ — такая гармоничная обстановка волшебницы; изъ всего сбирается такой ореолъ лучей надъ ея головою... Быть ея избраннымъ...

Далась имъ эта пальма. Весельскій спросилъ:

— Гдѣ ты ее взялъ?

Я отвѣчалъ ему, что въ Петербургѣ — искать цвѣтовъ все равно, что искать воды въ рѣкѣ. Смѣялись. Мы съ нимъ недавно на *ты*. Но надоѣлъ онъ мнѣ: который разъ приноситъ читать кузинѣ свои поэмы: сиди и слушай!

Она любитъ слушать чтеніе; я предложилъ прочесть новый романъ. Поблагодарила и отказалась.

— Вы не любите автора? Не интересуетесь?

— Не знаю... Прочту когда-нибудь.

Она не принимаетъ отъ меня никакихъ маленькихъ услугъ и никогда ничего не поручаетъ. Съ другими она это дѣлаетъ. Правда, я видѣлъ, это случилось всего одинъ разъ; было холодно, она не

выѣхала сама и приказала Весельскому перемѣнить ноты ея абонемента. Почему не мнѣ? Я предлагалъ доставать, привозить, исполнять все, что ей угодно; очень серьезно благодарила и отказывалась. А то—промолчить, что равно отказу. Завидно, обидно...

Какъ я глупъ, только сейчасъ додумался! Она не хочетъ допустить между нами фамильярности, подчиненности, этого *чего-то* разочаровывающаго, сводящаго *молодого человѣка* на степень *услужника*. Она составляетъ мнѣ равенство... превосходство...

Письмо отъ Елены Платоновны.—„У васъ, говорятъ, санная ѣзда, и я къ тебѣ, какъ снѣгъ на голову". — Перебираюсь наверхъ, въ квартиру жильца. Настоящее жилье человѣко-ненавистника.

Къ чему я все это затѣялъ? На что мнѣ тетушка, обстановка женатаго и прочее?.. Натурально, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, когда не было средствъ, мнѣ бывало скучно. Отправляться, напримѣръ, на вечеръ по конкѣ, а оттуда—соображать, чего станетъ извозчикъ! Не будешь въ обществѣ ни находчивъ, ни уменъ, когда обѣдалъ дурно и прячешь руки, потому что перчатки чищенныя...

Прибирая къ пріему тетушки, Анисья подобрала брошенную пару.

— Совсѣмъ новенькія. Мастерица чистить была Прасковья Алексѣевна.

Прасковья Алексѣевна!.. Вотъ оно, несчастье, источникъ всѣхъ золъ! Полтора года вязался съ полуграмотной дѣвчонкой, погубилъ энергію, притупилъ сообразительность... обрадовался: въ домѣ гости будутъ, хозяйка будетъ,—ну, и попался. Важность какая великая! Свободенъ, богатъ, знакомыхъ сколько угодно, дѣлай вечера, пригласи любую почтенную даму въ „хозяйки"... не откажется сдѣлать честь, особенно если есть дочки невѣсты, и всѣ не откажутся, пожалуютъ. Въ старые годы такъ не дѣлалось, а нынче все дѣлается. И сбираю къ себѣ когда вздумаю, какъ хочу, кого хочу. А теперь — чепуха. Самъ себя отдалъ подъ надзоръ, подъ начало. На всю зиму. Зима нынче длинная. Когда начинается великій постъ?.. Потѣха—посты считаю! Какъ же иначе: предстоитъ торчать на глазахъ у старой „прюды"...

Впрочемъ, позвольте, милая тетенька. Я еще не настолько оглупѣлъ въ полтора года, а если и оглупѣлъ, то быстро исправлюсь; вотъ, въ послѣдній мѣсяцъ я исправился и научился многому, для васъ неожиданному. Мрачный духъ, обитавшій на

сей вершинѣ, не даромъ говорилъ, что меня заря вгонитъ, заря выгонитъ. Я устроюсь удобно; у меня будутъ два общества: одно —исключительно мое, другое—съ тетушкой. Въ обществѣ тетушки можетъ найтись тоже что-нибудь занимательное, чтобы убить лишнее свободное время. Увидимъ.

1-е декабря.

— Содомъ-Гоморръ!

Мнѣ очень понравилось это слово; сейчасъ, выходя на лѣстницу, я услышалъ его отъ Анисьи, которая стремглавъ летѣла внизъ изъ моей большой квартиры. Восклицаніе такъ пріятно, звучно раздалось подъ высокими сводами. Много гласныхъ,— оттого.

Это у меня-то въ домѣ „содомъ-гоморръ", другая недѣля. Я такъ согласенъ съ мнѣніемъ Анисьи, что не возразилъ, не сдѣлалъ ей выговора, и даже едва удержался выразить сочувствіе. Никакъ не ожидалъ я, что буду находить отраду въ тишинѣ моего чердака, въ тѣ часы, когда изъ дома бѣжать некуда.

Сказано: „присутствіе женщины водворяетъ въ домѣ порядочность"... Можетъ быть, но „порядочность" и „порядокъ" — двѣ вещи разныя, и...—я начинаю недоумѣвать! кажется—несовмѣстимыя. Никогда бы я не повѣрилъ, что присутствіе женщины можетъ производить такую кутерьму, еслибы она не совершалась во-очію, еслибы я не отвѣчалъ за нее—по-русски сказать—своими боками. Что-жъ изъ того, что я богатъ, тысячъ восемь дохода, какъ вчера считала тетушка...

Скоро двѣ недѣли, какъ тетушка здѣсь. Въ темнѣйшее, сквернѣйшее раннее утро, Анисья, буквально, меня растолкала. Съ-просонка, едва одѣтый, я сбѣжалъ въ свою квартиру—и сразу ничего не взвидѣлъ въ прихожей. Говоръ, толпа, чемоданы, дворники, мѣховые сапоги на мокромъ полу, въ воздухѣ вѣютъ мокрые шарфы, въ углу распаковываютъ тетушку... И женщинъ, женщинъ!..

— Ну, другъ мой, лѣстница у тебя!

— Всего только семьдесятъ ступень, сударыня, — отозвался привѣтливо почтительный голосъ швейцара.

— Только!!..

Эти первыя слова я разслышалъ. Швейцаръ тихо и почтительно доложилъ мнѣ, что тамъ, внизу, извозчики обижаются: слишкомъ долго ихъ держатъ; сани и карета; надо отпустить. Я отпустилъ.

— Здравствуй, наконецъ, мой милый.

Я поцѣловалъ ручку; затѣмъ, по-родственному, обнялись.

— Давайте же васъ знакомить. Вотъ тебѣ Дора, Доллинька, какъ хочешь.

Передо мною присѣдала дѣвица. Можетъ быть, отъ темноты, отъ безцвѣтнаго дорожнаго платья, мнѣ мелькнуло только что-то длинное и сѣрое. Вглядѣвшись, я убѣдился, что дѣвица высока, сильно стянута, блондинка—châtaine, и цвѣта лица—никакого. Можетъ быть, устала съ дороги. Узенькія руки,—я пожалъ ихъ, —узенькія плечи, узенькіе глаза, узенькія губы. Она мнѣ улыбнулась.

— Прошу быть друзьями,—сказала тетушка.

Совсѣмъ напрасно она это сказала. Съ-просонка я озябъ, былъ не въ духѣ, и вообще я нечувствителенъ къ предупрежденіямъ. Дѣвица Долли, Дора, Додо (необыкновенно все это выходитъ у Анисьи)—Дарья Борисовна Шелчинская—десятиюродная племянница Елены Платоновны, которую поэтому тоже называетъ тетушкой. Но называться „Дарьей“ — impossible, не взирая на современное повѣтріе народности. Остановились на „Дорѣ“ —къ полнѣйшему изумленію Анисьи. „Дѣвочка“ (ей вѣрныхъ — двадцать-пять; говорятъ — восемнадцать), какъ кончила свою московскую гимназію, жила въ глуши, ничего не видала. Елена Платоновна по дѣламъ ѣздила къ ея родителямъ и вздумала увезти ее съ собою. Что-жъ, пусть дѣвочка хоть Петербургъ посмотритъ!

„Хоть Петербургъ!“ Excusez du peu.

Навезли нарядовъ, но все губернскіе, московскіе. Швеи то-и-дѣло бѣгаютъ; швейцаръ ужъ сталъ гонять ихъ по черной лѣстницѣ. Горничная привезена своя; ей въ помощь принанята приходящая прачка, une repasseuse, отъ чего въ кухнѣ вражда и содомъ-гоморръ.

— Будто предчувствовали вы, наняли себѣ особенныя комнаты,—сказала мнѣ Анисья.

Я ловлю себя на чувствѣ страха. Анисья давно относится ко мнѣ враждебно; меня, конечно, не интересуетъ состояніе ея сердца, но что если, недовольная новыми порядками, она попроситъ разсчета? Замѣнить ее—еще хлопоты; ея обѣдами довольны. Правда, мнѣ они обходятся не дешево; въ петербургской кухнѣ нашлись какія-то особенности, которыя „дѣвочкѣ“ надо попробовать...

Вѣдь это ужасъ,—это совершается со мною, со мною! Ужъ не изъ любопытства, не ради шутки, но по необходимости, я

считаю кухонные расходы. Нѣтъ, я начинаю злиться, я становлюсь скупъ, я усвоиваю образъ мыслей Анисьи!

— Глаза бы мои не глядѣли...—ворчитъ она.

Я, тоже, чтобы глаза мои не глядѣли, вчера пропалъ съ утра, пообѣдалъ à la fortune du pot у премиленькой барыньки, вечеромъ сидѣлъ въ ея ложѣ и—*мѣшалъ*, что̀ выходило очень оригинально, а сегодня намѣренъ съ утра...

Зовутъ: „пожалуйте къ тетенькѣ“.

Было совѣщаніе. Приготовленія кончены, туалеты готовы. Надо дѣлать визиты. До сихъ поръ Елена Платоновна посѣтила только короткихъ знакомыхъ, теперь должна начаться настоящая жизнь. Погода — отвращеніе, безпрестанно оттепель. Петербургскія дрожки—это можно назвать только въ шутку! но хоть бы сани,—вечеромъ, безъ „человѣка“, съ молоденькой дѣвушкой!.. Всякій разъ брать карету неудобно. Надо нанять помѣсячно; и покойнѣе: всегда она готова,—и выбрать можно получше, не ковчегъ какой-нибудь. При каретѣ долженъ быть свой „человѣкъ“. Елена Платоновна ужъ писала въ Москву, и завтра пріѣдетъ Петръ Никитичъ.

— Выѣздной. Ты его знаешь, мой другъ, видѣлъ въ подмосковной. Человѣкъ почтенный, пожилой, представь, изъ крѣпостныхъ. Съ нимъ, ужъ ничего... Петербургъ онъ мало знаетъ; ну, узнаетъ! А помѣстить его...

Я былъ готовъ закричать, что не уступлю ни шага, ни гвоздя моего чердака для помѣщенія „почтеннаго“ человѣка и его пожитковъ, но тетушка все предусмотрѣла: день и ночь онъ будетъ проводить въ прихожей,—тамъ диванъ,—а пожитки, ужъ условлено, сохранятся у швейцара.

— Прекрасно, чего-жъ ему еще,—заключила тетушка:—но я не могу безъ „человѣка“; такъ ужъ выросла, что̀ съ собой дѣлать!.. Но онъ долженъ служить и тебѣ: платье и прочее. Пора тебѣ съ женскихъ рукъ долой.

Она смѣялась; конечно, шутила насчетъ моей бонны — Анисьи, но—кто знаетъ. Мнѣ померещился намекъ, и я на все согласился. Въ двѣ недѣли меня затормошили. Одинъ веселый припѣвъ: „ты богатъ и молодъ“. Не отвѣчать же, что могъ бы я тратить пріятнѣе, не отвѣчать грубостью на привѣтливость, на участіе—совершенно искреннее. Что̀-жъ дѣлать,—самъ влетѣлъ въ западню, самъ ее захлопнулъ.

Пришлось много кружить по городу, представляться роднымъ, знакомымъ тетушки; нашлись и общіе, особенно между мужчинами, всѣхъ наберется до полусотни. Тетушка дѣлала и принимала визиты. Дни такъ полны, что ихъ не видишь, хотя, когда станешь ихъ считать, оказывается даже немного. Тѣмъ лучше: впереди больше жизни...

Моя жизнь — какъ была. Но зимній сезонъ начался, и мнѣ рѣже достается *ее* видѣть; „интимныхъ" вечеровъ уже нѣтъ. Блаженство—быть у *нея*—хоть только разъ въ недѣлю, или—счастливая случайность — торопливо, на полчаса, украдкой, то-есть безъ вѣдома тетушки. Тетушкѣ я, разумѣется, сказалъ, что знакомъ у Орѣцкихъ, но что это такой важный домъ... Смѣшно, —тетушка немножко злобно сконфузилась.

— Я, другъ мой, знаю важные дома.

Въ началѣ знакомства, въ сентябрѣ, Орѣцкій прислалъ мнѣ свою карточку; надѣюсь, не забудетъ прислать и въ новый годъ. До тѣхъ поръ еще далеко...

Нѣтъ времени записать что-нибудь толкомъ. Я очень устаю; засыпаю—едва добираюсь до постели. Хлопотъ было множество; оглянулся на свою мебель и—просто, капризъ!—вдругъ надоѣлъ ея цвѣтъ. Возился съ обойщиками; на другое утро гостиная была уже другая—волшебствомъ. Тетушка удивилась, посмѣялась и пожурила. По ея порученіямъ, я скачу въ магазины, достаю ложи.

— Не умѣю сидѣть въ партерѣ, не привыкла; въ мое время это было непринято. Теперь, пожалуй, ѣздятъ, но, знаешь, съ молоденькой дѣвушкой...

Всякій день бываетъ кто-нибудь, дамы молодыя, старыя, дочки; женщинамъ всегда досугъ разъѣзжать. Тетушка настоятельно хочетъ, чтобы я не избѣгалъ этого общества, и часто, даже задумавъ провести время иначе, я остаюсь дома. Отказывать тетушкѣ было бы непростительно неучтиво.

— Мнѣ неловко, мой милый, вѣдь хозяинъ—ты. Что-жъ за гостиная безъ хозяина!

Совершенно вѣрно. Я остаюсь, принимаю, занимаю, устраиваю карточныя партіи. Иногда мужчины обѣдаютъ у насъ, тоже à la fortune du pot... Я написалъ: *у насъ*!!. Впрочемъ, выходить нескучно. Послѣ обѣда, въ столовой, mademoiselle Дора разливаетъ чай, и недурно, по-московски. Столовая преобразилась, просторная; глупый буфетный шкафъ вынесенъ. Со стѣнъ

сняты пожелтѣлыя фотографіи; Анисья унесла ихъ къ себѣ, въ потемки.

— Та, бывало, все этихъ ангелочковъ цѣлуетъ.

Куда же въ столовую — ангелочки! Въ гостиной два длинныхъ зеркала, купленныя баснословно дешево. Умѣютъ люди находить и, главное, торговаться. Я бы далъ что̀ запросили, а главное, я бы не сунулся туда, гдѣ ихъ открыла Елена Платоновна.

— Aptitude et patience de femme, mon cher... А тебѣ — только дать волю разориться!

То-есть, я разорился на обивку мебели, а она... привычка къ толкучкамъ, къ „дешевымъ товарамъ“. Я, впрочемъ, доволенъ; безъ зеркаловъ — домъ глядитъ нежилымъ, казенщиной, больницей. И всякія украшенія, этажерочки, чашечки, крошечные столики съ какими-то бархатными тряпочками. Смѣшно, но — ничего; пестро, много. У Мари я не видалъ подобныхъ вещей. Я, разумѣется, не сказалъ этого. Рояль дорогой и хорошъ.

Но какъ же все это дорого стоитъ!..

Скоро святки. И не оглянешься! дни бѣгутъ, деньги плывутъ. Не жалуюсь; мнѣ не скучно. Въ толкотнѣ, между людьми, легче дѣлается, выше цѣнится собственное достоинство, живѣе работаетъ воображеніе, человѣкъ *не распускается*, не киснетъ старымъ холостякомъ. Конечно, при этомъ нужны деньги и участіе женщины, — пожалуй, подчасъ, и стѣснительное.

Я никогда не былъ домосѣдъ, но, кажется, въ жизнь мою столько не плясалъ, не пересмотрѣлъ спектаклей, не поѣлъ конфектъ, не говорилъ комплиментовъ, сколько въ этотъ мѣсяцъ. Утромъ, иногда, часа два службы, что̀ предъ концомъ года необходимо,—а тамъ и начинается! Тетушкѣ хотѣлось имѣть свои jours-fixes, но всѣ они оказывались разобраны, кромѣ одного, среды. Это, именно, день Мари... Неужели я долженъ его лишиться: неужели, въ качествѣ хозяина, я долженъ оставаться дома и состоять при мамзель Дорѣ?.. Нѣтъ, я заплатилъ вдвое, но на среду перекупилъ у знакомыхъ половину абонированной ложи „на итальянцевъ“. Отъ такой роскоши, понятно, тетушка не отказалась: итальянцамъ, говорятъ, скоро конецъ, „дѣвочкѣ“ надо послушать... Ну, и слава Богу, среда—моя! И не одна среда. О, тетушка, сколько разъ, подъ всякимъ предлогомъ, я исчезалъ изъ-подъ вашего надзора и летѣлъ взглянуть на свое блаженство въ другіе дома, гдѣ зналъ, что *ее* встрѣчу, къ *ней* самой, хотя на минуту...

Но разъ убѣжать было нельзя (къ счастью, не въ среду!). Не устроивъ jours-fixes, тетушка сбираетъ „такъ“. Встрѣтитъ одного, другого, — вопросъ: „свободны ли“, и затѣмъ: „милости просимъ“. Въ этотъ разъ вышло очень нескучно, оживленно, удачно. Составилась музыка: одна госпожа (она въ концертахъ участвуетъ), мой пріятель, провинціалъ, артистъ великій и лѣнивецъ еще бо́льшій; уговорили еще пріятеля, пѣвца, и были у насъ и „Mondschein“, и „Mia letizia“, и прочее, часу до третьяго. Ужинали, какъ слѣдуетъ, порядочно. Тетушка расчувствовалась подъ музыку и шептала:

— Видишь, видишь? вотъ жизнь! У тебя—гостиная!

Былъ маленькій эпизодъ, пустой, но онъ меня занялъ; безъ него, пожалуй, и вечеръ былъ бы неполонъ. Такъ, будто эффектный отблескъ на картинкѣ, была Людмилочка Лугорская; маменька отпустила ее одну, въ знакъ уваженія и довѣрія къ Еленѣ Платоновнѣ.

— Не принимаю на свой счетъ!—сказала она мнѣ.—Нѣтъ, это ради тебя! ты—женихъ!

Сообразительность старой дѣвы и таковая же недогадливость: Людмилочка влюблена въ одного моего знакомаго юношу. Я это давно подмѣтилъ. Они, видимо, условились встрѣтиться у меня. Какое счастье—безъ маменьки! Оживлена, развернулась, къ лицу одѣта—узнать нельзя Людмилочку. Я показалъ столикъ съ альбомами, за трельяжемъ, предъ диванчикомъ, гдѣ мѣста ровно на двухъ... Вся вспыхнула, даже не выдержала:

— Ахъ, какъ у васъ хорошо!..

Я дружески-заботливо не оставлялъ влюбленныхъ постоянно однихъ, на виду у всего общества, подходилъ, немножко дразнилъ, прерывая ихъ бесѣду. Меня они забавляли. Когда у рояля распѣлись и разыгрались, я попросилъ пѣть и Людмилочку. Она не отговаривалась — любовь, истинно, творитъ чудеса!—спѣла два романса, все веселые, такъ живо, славно, совсѣмъ непохоже на то, какъ она пищитъ при маменькѣ, голосъ будто не тотъ. Всѣ искренно, съ увлеченіемъ благодарили; она раскраснѣлась, премиленькая. Я тоже благодарю, жму ручку, и вдругъ — приходится увѣровать въ силу взгляда!—вдругъ чувствую что-то пронзительное: на меня смотритъ мамзель Дора. Обняла за талію толстую мадамъ Грушевцову, прячетъ за ея плечомъ свое узкое лицо, только торчитъ пучокъ косы на маковкѣ да узенькіе глазки свѣтятся. Мнѣ стало почти неловко и вдругъ смѣшно. Я разлюбезничался съ Людмилочкой, потомъ, изъ жалости, какъ вѣрный другъ, возвратилъ ее обожателю и посадилъ ихъ рядомъ ужинать.

На другой день, иду къ тетушкѣ и еще съ лѣстницы слышу „звукъ унылый фортепіана“. Тетушки ужъ нѣтъ дома. Мамзель Дора разыгрываетъ „Лунный свѣтъ“, увидала меня и отбросила тетрадь.

— Вчера вы не хотѣли даже близко подойти къ роялю,— сказалъ я,—а сегодня повторяете удовольствіе только для одной себя.

— Моя игра никому не можетъ доставить удовольствія.

— Помилуйте...

— Я не напрашиваюсь на комплименты.

— Я и не говорю комплиментовъ. Конечно, вы не артистка, но...

— И ничего больше. Что-жъ выставляться.

Она грохнула крышкой несчастнаго рояля.

— Я не самонадѣянна, — договорила она, мнѣ показалось, сквозь слезы, пошла изъ комнаты и воротилась. Тутъ она меня совсѣмъ удивила; остановилась и очень спокойно спрашиваетъ:

— Зачѣмъ вы вездѣ непремѣнно танцуете со мною?

Признаюсь, я затруднился, началъ объ удовольствіи...

— Полноте. Не отвѣтили сразу — и довольно. Ваше „удовольствіе“ —оффиціальность, а я этого не хочу.

— Не хотите танцовать со мною?

— Да.

— Можетъ быть, запретите и подходить къ вамъ?

— Какъ вамъ угодно.

Такой свободный тонъ! Меня зло взяло.

— Ну, хорошо,—сказалъ я и пошелъ.

— Такъ лучше,—сказала она вслѣдъ.

Странная дѣвица. У нея, говорятъ, замѣчательные глазки. Я присматриваюсь: точно, есть огонекъ, страстишка... У дѣвушекъ всяко на умѣ; можетъ быть, въ кого-нибудь влюбилась. Это надо подсмотрѣть; все-таки разнообразіе. Наша размолвка тѣмъ же днемъ и кончилась; глупо—жить въ одномъ домѣ и дуться. Я, ужъ не помню, наговорилъ любезностей. Она, въ самомъ дѣлѣ, еще молода, и для гимназистки, деревенской барышни, держится порядочно, одѣвается недурно, причесывается по модѣ —*прокезцемъ*, — но ужъ къ этому безобразію какъ-то приглядѣлись. Хорошо вальсируетъ; не мудрено — длинная. Впрочемъ, въ нарядѣ, особенно въ бальномъ, она не кажется ужъ слишкомъ высока, да и надоѣли женщины маленькія ростомъ. Дора пополнѣла, цвѣтъ лица поправился.

— Зайчики зимою бѣлѣютъ, — замѣтила тетушка, любуясь, какъ та пріятно сконфузилась.

Въ обращеніи тетушки есть своеобразная мягкость, ласковость, не старческая, а какая-то старинная; въ другихъ пожилыхъ особахъ я этого не вижу. У нея плавный голосъ, — тоже нынче рѣдкость,—и всѣмъ нравится. — „Оригинально, вкусно, какъ домашнее печенье“,—сказалъ о ней кто-то изъ знакомыхъ. Но тетушка и горда,—впрочемъ, съ тактомъ,—и немножко завистлива, по-женски, тонко. Она (почему-то „антипатія!“) не любитъ m-me Орѣцкую, съ которой незнакома, которую всего одинъ разъ видѣла въ особенно блестящемъ концертѣ дворянскаго собранія...

Мари была такъ окружена, такъ далеко, что я не могъ даже къ ней подойти, поклониться! И тетушка висѣла у меня на рукѣ!.. Тетушка ахала отъ ея наряда, осуждала, ужасалась дороговизнѣ.

— Что-жъ особеннаго, — возразилъ я: — простая прическа, бѣлое платье...

— А кружева? Опаловый гребень? Кто такъ носитъ?...

— Она сама можетъ создавать моды,—прервалъ я:—*прежестемъ*, точно, я никогда ее не видалъ!

Я былъ не въ силахъ выдержать...

Поѣхалъ къ *ней* вечеромъ, не въ среду, на счастье. Дома. Человѣкъ пять-шесть гостей; потомъ я узналъ—всѣ приглашенные. Пожилой господинъ, изъ литераторовъ, читалъ свой переводъ, не знаю, какой-то старинной драмы. Я вошелъ; Мари какъ-будто затруднилась. Ее, конечно, сконфузилъ супругъ, который извинился предъ литераторомъ и почтительнѣйше поблагодарилъ (вслухъ!!), что тотъ снисходительно согласился продолжать при незнакомомъ, неожиданномъ слушателѣ. Послѣ этого уйти было уже невозможно. Я поискалъ себѣ мѣста около стола; сидѣли тѣсно; я поставилъ себѣ кресло сзади Мари. Въ перерывахъ чтецъ сталъ дѣлать объясненія, просилъ выражать мнѣнія. Я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ устарѣлости всѣхъ подобныхъ вещей. Драма, кажется, Кальдерона. Читалъ этотъ господинъ до часу. Я почти дремалъ, но вынесъ, и когда позвали ужинать, хотѣлъ шепнуть Мари о своемъ мужествѣ. Она, вѣроятно, этого ждала, и будто спряталась отъ меня, любезничая съ литераторомъ.

Дора опять не въ духѣ. Это глупо, но—здраво разсудить—жалко. Я бываю виноватъ предъ нею, разумѣется, не дѣломъ, а помышленіемъ, даже и не помышленіемъ, потому что вовсе о

ней не думаю, но это-то и всего хуже: она это угадываетъ. Мнѣ вздумалось объясниться, извиниться, просто поговорить. Утро вышло незанятое; никто не пріѣзжалъ, дѣла тоже никакого. На счастье, у Доры нѣтъ ни работъ, ни страсти къ книжкамъ; наши отношенія къ этимъ предметамъ совершенно сходны. Я приступилъ:

— Вы себѣ выбрали travestissement для маскарада?

— Что такое?

— У m-me Грушевцовой будетъ костюмированный балъ.

— Такъ что же?

— Вы хотѣли ѣхать.

— Поѣду просто, по вечернему.

— Но костюмъ, кажется, обязательно?

— Такъ не поѣду совсѣмъ.

— Почему?

— Я думала, что вы это лучше всѣхъ поймете.

— Вы точно такъ думали? Очень радъ... Но, извините, я попрошу объяснить, почему...

— Потому что смѣшно мнѣ, моей особѣ, выбирать себѣ... travestissement.

Она даже меня передразнила!

— Съ моимъ лицомъ, съ моей фигурой... Нарядиться верстой, а на голову посадить галку—кстати, птицы въ модѣ!

Она была очаровательно сердита. Я расхохотался и схватилъ ея ручку; она не отняла, прищуренные глазки сверкнули. Остроумна, и есть характеръ. Вошла тетушка, Дора бѣжала.

— Что тутъ у васъ такое?

Я, смѣясь, разсказалъ. Тетушка, напротивъ, задумалась.

— Ты не понимаешь, мой милый... вы, мужчины, всѣ легкомысленны, всѣ эгоисты! Dora n'a pas de fortune, ses parents sont parfois dans la gêne, не могутъ дать ей много. Костюмъ... Это не твоя m-me Орецкая, чтобъ бросать тысячи: не къ лицу одно, давай другое!.. Костюмъ самый простенькій, напримѣръ рыбачки, цвѣточницы, и того нынче не сдѣлаешь изъ шерсти: фай, бархатъ... А ты ее спрашиваешь! Ты ее огорчилъ, а она отшучивается, il faut du courage pour cela.

— Тетушка, я, право, не воображалъ...

— Еще бы ты съ намѣреніемъ! ты для этого слишкомъ деликатенъ... Она благоразумна, мы съ нею экономничаемъ; я дѣлаю для нея, что могу. Вотъ, въ новый годъ, поищу, чѣмъ ее подарить.

— Мнѣ бы хотѣлось подарить ей тоже; я могу какую-нибудь вещь...

— Можешь, мой другъ, но не смѣешь. Вы не короткіе друзья, вы посторонніе. Женщинамъ не дарятъ вещей; позволяется иногда подносить цвѣты—натурально, не искусственные, а живые, и не цѣлый садъ...

Старинныя тонкости. Могу, но не смѣю. А вотъ, посмотрю, какъ могу осмѣлиться... Не для Доры, милая тетушка, не безпокойтесь; въ отношеніи Доры будутъ соблюдены всѣ ваши ветхозавѣтныя приличія. Вы навели меня на другую мысль...

Не знаю, какъ я не прибилъ Анисью. Зашла ко мнѣ. Я приготовилъ эмалевый брелокъ для Доры; тетушка согласилась, что это не вещь, а игрушка.

— Позвольте посмотрѣть. Это—„съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ“... Хоть бы вы *ту*-то вспомнили!

Я едва удержался.

— Много ли вы наябедничали тетушкиной прислугѣ?

— И говорить я съ ними не говорю,—возразила она:—не стоютъ они, ни прислуга, ни барыни, чтобы я имъ когда-нибудь милую мою помянула.

И расплакалась. Поистинѣ, преданность безкорыстная: Паша ничѣмъ ее не дарила; все, бывало, спрашивается, все не смѣетъ. Рабство!—Я, однако, спросилъ:

— Развѣ Прасковья Алексѣевна нуждается?

— Ничего ей не нужно,—отвѣчала та и дверью хлопнула.

Тетушка выучила толкаться по распродажамъ. Нашелъ великолѣпную фарфоровую группу; старина; говорятъ, изъ Версаля, перешла черезъ десятки владѣльцевъ. Купилъ и отвезъ прямо *туда*... Смѣялся: не завезти ли показать тетушкѣ, похвастаться покупкой, чтобы оцѣнила, подала совѣтъ, могу ли поднесть... Съ толкучки—прямо къ завѣтному подъѣзду, велѣлъ передать и только спросилъ, не собираются ли куда вечеромъ. Нѣтъ, не совсѣмъ здорова.

Она будетъ одна...

Долго ждать не было силъ; я поѣхалъ рано вечеромъ. Гостиныя слабо освѣщены. Мари въ своемъ кабинетѣ. Люблю я этотъ кабинетъ; въ дверяхъ мраморная нимфа одной рукой подхватываетъ драпировку, другой держитъ канделябръ.

Глупыя церемоніи: обо мнѣ шли докладывать, но я шелъ слѣдомъ и—не отвѣчаю за себя!—вошелъ бы, еслибы и отказали. Она тамъ, она одна...

Она сидѣла въ креслахъ, съ книгой. На столѣ передъ нею—моя группа.

— Благодарю васъ,—и подала руку.

— За что?—спросилъ я, будто удивясь.

Она показала на статуэтку.

— Такъ вы отгадали, что это я...

— Мнѣ сказали, что это вы привезли,—отвѣчала она такъ просто, что меня обдало холодомъ.—Прелестная вещь.

— Стало быть, мнѣ удалось угодить...

— Гдѣ вы это нашли?

— О, не спрашивайте! Въ преисподней! Въ закоулкѣ, о которомъ вы не можете имѣть понятія. Только намъ можно открывать такія драгоцѣнности. Нужно, конечно, нѣкоторое мужество...

— Тѣмъ болѣе я вамъ благодарна. Сколько это стоитъ?

— Бездѣлицу. Эти люди не имѣютъ понятія...

— Стало быть, вы заплатили не дорого?

— Бездѣлицу...

Я во-время спохватился: она можетъ подумать, что я угощаю ее грошевымъ старьемъ, что только далъ себѣ бока помять въ трущобѣ, что я... Конечно, мое состояніе не велико, въ сравненіи съ ея милліоннымъ, но все же я не нищій, не голь; я могу... Тетушка читай-себѣ о приличіяхъ—нынче вѣкъ не тотъ, нынче и важныя дамы... Все это въ одинъ мигъ пролетѣло у меня въ головѣ. Спросила цѣну... Нынче, вотъ, онѣ прямо спрашиваютъ цѣну. Ну, я и скажу, и дороже скажу, чтобы не сочли меня...

— Бездѣлицу!—еще разъ повторилъ я и засмѣялся:—только сто... знаете, для круглаго счета. Главное—торгъ; торгаши начинаютъ тоже нѣсколько разумѣть; настоящая старина, версальская...

— Какъ воспоминанію, ей и цѣны нѣтъ,—прервала она, глядя на группу, и замолчала.

— Вамъ, стало быть, нравится?

— Я рада это имѣть.

Я чуть не вскрикнулъ.

— Полезное воспоминаніе; заставляетъ думать. Такъ давно, такъ далеко! Въ чьихъ рукахъ это было, какой блескъ это видѣло... какіе ужасы!.. И этимъ любовались, какъ мы теперь любуемся, не думая о завтрашнемъ днѣ...

— Вообще, о завтрашнемъ днѣ думать не стоитъ,—возразилъ я:—также будутъ разбираться и въ нашей старинѣ, если отъ насъ что-нибудь уцѣлѣетъ. Живемъ мы такъ скоро...

— Да, но какъ кому живется. Вотъ, даже моя птичка,—ужъ нѣтъ ея!

Я оглянулся.

— Какъ, неужели?

— Нѣтъ ея, умерла. Вѣдь у птички тоже душа; стосковалась въ холодѣ и въ неволѣ.

„Въ неволѣ"... Она пожаловалась на неволю... Мы одни...

Но ея печальный тонъ мнѣ не нравился. Женщины имъ злоупотребляютъ; онъ не всегда кстати.

— Вы сегодня не въ духѣ,—сказалъ я, помолчавъ и немного настоятельно.—Если такое впечатлѣніе произвела на васъ эта игрушка, то жалѣю, что ее выбралъ. Привезъ бы вамъ старину, по крайней мѣрѣ, веселую. Хотите? Тамъ есть вѣеръ съ такими пастушками, съ купидончиками...

— Для чего мнѣ вѣеръ?

— Посмѣяться, поиграть.

Она помолчала, потомъ сказала очень серьезно:

— Я ничѣмъ не играю.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы не замѣтили?—спросила она будто вскользь и также серьезно.—Играть могутъ дѣти, а вертѣть что-нибудь въ рукахъ, ломать... привычка дурного воспитанія,—договорила она и разсмѣялась.

— Какъ вы умѣете сказать!—вырвалось у меня.

— Я прочла мораль; надо извиниться,—отвѣчала она.

— Но выслушать мораль отъ васъ!—вскричалъ я.

Я былъ готовъ уничтожиться! Она смотрѣла въ сторону, она *не замѣтила* моихъ словъ. Совершенство спокойствія, самообладанія... но не безстрастія, нѣтъ, не безстрастія! Она не смотрѣла, но ея глаза вспыхнули подъ пышными рѣсницами; она дѣлала видъ, будто не слышитъ, но она чувствовала, что тутъ близко человѣкъ, готовый упасть къ ея ногамъ, что отвергнуть такую любовь она будетъ уже не въ силахъ... она должна была это чувствовать; самообладаніе ей было необходимо. Я протянулъ руку, она будто не видѣла. Въ самомъ дѣлѣ, не видѣла, или притворилась?

Вошелъ ея мужъ.

— Ты никуда не уѣзжаешь?—спросила она, пока мы здоровались.

Удивительное созданіе: даже голосъ не дрогнулъ!

— Никуда? очень рада. Посмотри, какъ это хорошо. Могу я получить это на новый годъ?

— Если тебѣ нравится,—отвѣчалъ онъ.

Что я чувствовалъ—невыразимо! Противный человѣкъ раз-

сматривалъ мой подарокъ, выбиралъ мѣсто, гдѣ его поставить. Толковали между собою что-то свое, домашнее, ждали родныхъ какихъ-то провинціалокъ. Я не опомнился, какъ эти барыни вплыли въ гостиную; я взялъ шляпу. Мари поспѣшила имъ на встрѣчу и, говоря съ ними, обратилась ко мнѣ:

— Вы уходите? я хотѣла... Мы васъ не скоро увидимъ?

Мнѣ хотѣлось сказать дерзость.

— Не знаю. Въ среду, можетъ быть, если успѣю.

— Я пришлю...

И не договорила; ее прервали.

Раба! Женщина—вѣчная раба. Даже *она* попросила у своего господина позволенія принять подарокъ человѣка, котораго... котораго она любитъ! Любитъ, еще сама не сознавая!..

Но нѣтъ, это не рабство. Она только притворилась рабой, чтобы скрыть свое истинное чувство, и ея притворство—не униженіе: оно—сила. Сила воли, сила лукавства...

О, даже болѣе, лучше, возвышеннѣе! Ея притворство—жертва тому, ради кого совершенъ обманъ! Этимъ притворствомъ она сказала любимому человѣку: смотри, я смиряюсь, я унижаюсь, чтобы доставить тебѣ минуту счастья!.

Я счастливъ. Я не спалъ до свѣта...

Но, сумасшедшій, зачѣмъ, изъ какого каприза, не разобравъ, не подумавъ, я отложилъ на цѣлые четыре дня счастье услышать отъ нея подтвержденіе?... Любитъ!.. „Я пришлю“... Что такое? И ее томитъ нетерпѣніе... Задумывалась, смутилась, что-то соображала... Умѣютъ владѣть собою эти свѣтскія женщины!

Самъ назначилъ—раньше среды ѣхать къ ней нельзя.

Этому году конца нѣтъ. Послѣдній день; костюмированный réveillon у m-lle Грушевцовой. Тетушка и Дора были у всенощной, теперь одѣваются. Дора будетъ вся въ бѣломъ, даже безъ цвѣтовъ.

— Сама такъ рѣшила,—объясняла мнѣ по секрету тетушка.— Говоритъ: — „новый годъ—праздникъ семейный; въ немъ что-то особенное, таинственное“... Говоритъ:—„перерядиться, замаскироваться — неискренность, притворство, не хочу начинать годъ такимъ предзнаменованіемъ“... Она меня растрогала: убѣждена! Такъ разсуждаетъ, а еще дѣвочка! Вы нынче не знаю какъ живете, ужъ вовсе безъ идеаловъ, да и мы, старшее поколѣніе, съ толку сбились, а посмотришь—дѣти насъ учатъ!—„Хочу, говоритъ, быть искренней“. Изволь это придумать. А ты, тогда, вообразилъ у нея капризы. Анъ—и совѣстно!

Оригинально. Я, впрочемъ, не растрогался, а замѣтилъ, что mademoiselle Дора все-таки почти костюмировалась—невѣстой,—только вуаль накинуть, и можно тоже счесть это за предзнаменованіе.

— На все судьба,—покорно сказала тетушка.

Дора вошла одѣтая такъ просто, какъ я никогда не видалъ ни ее, ни большинство нашихъ дѣвицъ: къ лицу, ничего лишняго, нѣсколько въ родѣ туалетовъ Мари. Я потребовалъ, чтобъ она не забыла три раза танцовать со мною.

— Разрѣшаю, душечка, забудь, если позоветъ кто позанимательнѣе,—сказала тетушка.—*Они* всѣ такіе самоувѣренные...

Ночь на 1-е января 1886.

Среда.

Я усталъ, но заснуть не могу; въ головѣ шумитъ глупый réveillon. Часы сейчасъ пробили четыре. Сегодня!..

Сегодня еще ничего не будетъ. Развѣ услышу одно слово, но оно одно мнѣ и нужно. Добьюсь его... нѣтъ, оно само вырвется, неудержимое!—Гдѣ мы будемъ видаться?

Сейчасъ, на балѣ, многіе на меня странно смотрѣли. Можетъ быть, у меня, въ самомъ дѣлѣ, было странное лицо: на умѣ все одно. Я иногда смѣялся, и моему смѣху удивлялись, а мнѣ думалось: какъ бы повѣсили носы маменьки, какъ бы мгновенно отуманились дочки, растерялись любезныя особы, имѣющія неосторожность воображать, будто мнѣ нравятся, еслибы прочли, что у меня на умѣ!.. А тѣ юные и не юные господа, не смѣющіе поднять бинокля на ея ложу, благоговѣйно проходящіе мимо ея подъѣзда, тѣ, что за ея поклонъ, при случайной встрѣчѣ, готовы были бы отдать... Но что они могутъ отдать?..

Я возьму у нея тотъ ея большой портретъ, что въ черной рамѣ; онъ мнѣ нравится.

Наконецъ, дожилъ до вечера, проспавъ половину дня. Тетушка поглядываетъ недовольно. Какъ же, совсѣмъ виноватъ, къ гостямъ не выходилъ, съ визитами не ѣздилъ. Ну, какъ-нибудь поправимся. Сейчасъ ѣду...

7-го января.

Самоубійцы всегда сумасшедшіе: у всѣхъ оказывается мозгъ не въ порядкѣ. Когда онъ тамъ успѣлъ повредиться,—въ минуту, какъ кончалъ человѣкъ, или задолго раньше,—все равно. Но кто

застрѣливается изъ-за женщины,—тотъ не сумасшедшій, а прирожденный дуракъ...

. . . . . .

Выругался и вымаралъ нѣсколько строкъ. Ругаться—„признакъ дурного воспитанія". Какъ же! мнѣ мораль читали, меня учили... Нога моя тамъ не будетъ, я не на вѣтеръ говорю. *Ей* же хуже, соскучится. И еще какъ-то отговорится свѣтская особа, когда ее спросятъ, почему я не бываю. Вѣдь моего отсутствія не могутъ не замѣтить...

Нѣсколько лѣтъ назадъ я началъ эту тетрадь, принимался за нее, оставлялъ и совсѣмъ забросилъ въ несчастную пору, когда погрязалъ, тупѣлъ безсмысленно, безнадежно. Но судьба, наконецъ, послала мнѣ должное. Чтобы освободиться, была нужна энергія. Энергія нашлась. Нашлось больше: терпѣніе припомнить и записать прошлую глупость. Я былъ мальчишка и получилъ урокъ, котораго стоилъ, который теперь мнѣ больше не нуженъ... Теперь я ступилъ впередъ; силы воскресли, я взрослый и получилъ ударъ: я оскорбленъ! Тогда я самъ отбросилъ что-то такое, что смѣшно назвать даже иллюзіей; теперь смято и страдаетъ мое достоинство...

Но одни безсильные безумцы жаждутъ забвенія. Я сказалъ себѣ, что запишу все. Отворачиваться отъ собственной жизни—недостатокъ характера... *Афоризмъ*!

Но неужели все кончено?..

Вотъ какъ это было.

Я отправился тогда, въ среду. Я помнилъ только, что день—среда, и, по непостижимой разсѣянности, только у подъѣзда вспомнилъ, что—новый годъ, стало-быть вечеръ болѣе парадный. Въ самомъ дѣлѣ, дамы по бальному, гостей больше, ярче освѣщено; нѣтъ танцевъ, какъ всегда, но такъ много дѣвицъ, молодежи, что, можетъ быть, будутъ и танцовать. *Она* была особенно занята. Въ первый разъ пожаловала какая-то контесса изъ иностранныхъ и даже сидѣла во второй гостиной, въ кружкѣ избранныхъ. Я люблю и привыкъ прислушиваться къ общему говору салоновъ, ловя больше звуки, чѣмъ слова. Этотъ говоръ, переливы огней на нарядахъ, на драгоцѣнныхъ каменьяхъ, какое-то особенное душистое тепло охватываютъ, опьяняютъ сильнѣе, чѣмъ хваленый лѣсной шумъ и сантиментальное „дыханіе весны"; въ воздухѣ салона можно замечтаться, забыться, еслибы что-то раздражающее, страстное, разлитое въ немъ самомъ,—не тревожило

каждую минуту... Но со мной сдѣлалось что-то странное: мнѣ вдругъ стало скучно. Первая неудача, первая досада—я не могъ близко подойти къ Мари... (я еще назвалъ ее „Мари"!), почти не видалъ ея послѣ того, какъ, здороваясь, поклонился, не успѣлъ пожать ея руки, и она, торопясь, не подала ея! Я не успѣлъ сказать ей ни слова, но ей было некогда слушать... Я такъ ждалъ этого дня... Но еслибы еще мое чувство было жарко, отчаянно; нѣтъ, хуже: мнѣ стало досадно, тупо скучно, а едва является одна подобная секунда—все погибло. Вечеръ для меня погибъ. Знакомыхъ было много, но ни съ кѣмъ говорить не хотѣлось. Женщины казались противны. Къ свѣтской молодежи всегда надо какъ-нибудь стараться примкнуть, найти предлогъ, предметъ разговора, остроту, шутку. Я былъ не въ ударѣ, трудиться не хотѣлось; минутами во мнѣ шевелилась насмѣшка, не то презрительная, не то завистливая... Я отдалялся, оставался одинъ, бродилъ, можетъ быть незамѣчаемый, въ толпѣ, подходилъ къ группамъ, не вступая въ разговоръ, усталъ и остановился отдохнуть между зеленью, подъ драпировкой окна. Тутъ вся эта блестящая толпа видна была будто на сценѣ. Мнѣ стало тяжело, безпокойно; ушелъ бы сейчасъ, но тупо уходить не хотѣлось. Въ головѣ носилось что-то безсвязное. Вдругъ подумалось, какъ все это дорого стоитъ,—какъ будто мнѣ дѣло до того, чего это стоитъ. Вдругъ вспомнилось, какъ я проводилъ вечеръ прошлаго новаго года... Денегъ не было, пришлось сидѣть дома; Паша достала въ лавочкѣ фунтъ чернаго винограда, смѣшила меня и развеселила. Она представилась мнѣ будто живая; можетъ быть, тоже въ эту минуту меня вспомнила... Стало жаль себя, самого себя, страшно жаль своей свѣжести, своей минувшей способности увлеченій. Вотъ, предо мною веселье; я могу, я въ правѣ взять изъ него свою долю, лучшую долю, а я прячусь, я резонирую...

Я будто очнулся и, уже ничего не думая, прошелъ вторую гостиную съ ея избранными и направился въ ея пустой кабинетъ, освѣщенный только канделябромъ мраморной нимфы; мнѣ хотѣлось ожить, отдохнуть, хотѣлось броситься на низенькій диванъ; я еще медлилъ у порога...

Вдругъ меня освѣтило серебристо-палевое платье: вошла Мари.

— Вы здѣсь!..

— Гдѣ же я могу быть?... Вы вспомнили обо мнѣ?

— Я увидѣла, что вы сюда вошли...

Она говорила скоро, какъ-то странно.

— Но ужъ все равно, кстати, чтобъ кончить. Я хотѣла

послать, но не знаю вашего адреса. Еще разъ благодарю за хлопоты. Вотъ мой долгъ.

Она отдвигала ящикъ письменнаго стола и подавала мнѣ незапечатанный пакетикъ... деньги!

— Что это?—вскричалъ я.

— Мой долгъ, — спокойно повторила она. — Извините, я спѣшу, мнѣ некогда. Тутъ тоже и за пальму. Извините, что я заставила васъ ждать, но вы тогда не сказали, и я только на дняхъ узнала, гдѣ и за сколько вы ее купили; я разсѣянна; такъ чтобъ не забывать...

Она все протягивала пакетикъ. Я похолодѣлъ.

— Долгъ?... Пощадите!.. Повѣрьте, я думалъ, я хотѣлъ... Что вы думали?

— Такую бездѣлицу... я надѣялся, вы меня понимаете... вы не отвергнете...

Я возвысилъ голосъ. Она прервала очень тихо:

— Пальму вы получите завтра, а эту вещь потрудитесь взять сейчасъ.

— Вы хотите, чтобъ я сбросилъ ее съ вашей лѣстницы?

— Какъ вамъ угодно.

— Но тогда я больше никогда не взойду на эту лѣстницу!

Она пожала плечами... Я схватилъ деньги и не помню какъ очутился на улицѣ.

Три дня не выѣзжаю, и, чтобы ко мнѣ не приставали, сказываюсь больнымъ. Никого не видалъ, ничего не знаю, что тамъ дѣлается. Общіе знакомые не заглядываютъ; праздники,—всѣ закружились. Но что у нихъ разспросишь?

Хороша была бы штука, еслибы я не взялъ денегъ и ко мнѣ явился обозъ моихъ приношеній. Великосвѣтская дама способна это сдѣлать. Теперь—что-жъ? Купила и взяла: ея собственность. Красивыя вещи возвращать жалко. Не компрометтирована; супружеская совѣсть не мучитъ... да и никакая совѣсть не мучитъ.

И я не въ убыткѣ: лишнія деньги въ карманѣ. Годъ назадъ, за такой кушъ, я бы отдалъ „душу мою одинокую“... Какое это слово отчаянное. И съ чего мнѣ все лѣзутъ въ голову отчаянныя слова! Это, бывало, мурлыкала Паша.

За обѣдомъ тетушка замѣтила, что съ новаго года мое оживленіе пропало. Глупо, если это замѣтно. Мнѣ пришла идея, кстати, куда-нибудь размотать деньги изъ проклятаго пакетика. Я исчезъ, будто къ себѣ, съѣздилъ, купилъ пудъ конфектъ, воро-

тился, а черезъ часъ этотъ пудъ принесли m-lle Дорѣ. Она ахнула; я удивляюсь тоже и подшучиваю: отъ кого? Тетушка отгадываетъ вмигъ, умиленно меня обнимаетъ, деретъ за уши и указываетъ:

— Смотри, смотри, глазки разгорѣлись!

Скушать все это въ разъ невозможно. Придумали: сегодня у насъ обѣщали собраться; m-lle Дора намѣрена дарить дѣвицамъ. Я—„доставилъ большое удовольствіе“. Ну, и слава Богу.

Двѣ недѣли не показываться—безтактно; я хорошо обдумалъ. Поклонники *ея* прекрасныхъ глазъ, конечно, очень рады, что нѣтъ меня, но доставлять имъ это удовольствіе—совершенно излишне. Въ послѣдній разъ могли замѣтить, что я былъ не въ духѣ, говорилъ съ Мари, ушелъ поспѣшно. Неловко: супругъ можетъ заподозрить. Наконецъ, она сама можетъ вообразить, будто ужъ я такъ и уничтоженъ... И, еще вѣроятнѣе, свѣтская женщина не придаетъ никакого значенія пустому обстоятельству; можетъ быть, ужъ и забыла... Отправляюсь сегодня.

Безпощадная лѣтопись моихъ заблужденій и страданій...
Писать я не въ силахъ.

Гостей опять было много. Противъ моего обыкновенія, я запоздалъ нарочно; мнѣ хотѣлось, чтобъ *она* это замѣтила, чтобъ другіе обратили вниманіе на запоздавшаго. Запоздалъ, значитъ не стремился, не особенно цѣнилъ честь... словомъ, все!.. Сознаюсь въ непростительной слабости: мнѣ еще хотѣлось ее видѣть. Мнѣ была дорога гостиная, которую, двѣ недѣли назадъ, я считалъ своею; дорога женщина, которая должна была дорожить моимъ чувствомъ. Сознаюсь и не вычеркиваю своихъ словъ. Когда я входилъ, шла музыка, что-то классическое, безконечное. Чтобъ не прерывать,—о, эти тонкости я изучилъ! — я остановился у входа. Madame была у рояля со всѣми знатоками-любителями и обожательницами виртуоза. Я видѣлъ ее, она видѣла меня, наши взгляды встрѣтились. Тутъ я вспомнилъ: она умѣетъ смотрѣть и не видѣть—великосвѣтскій талантъ. Въ эти минуты я испыталъ его на себѣ, и во мнѣ закипѣло. Пьеса кончилась; я подошелъ поклониться, подошелъ близко, мнѣ давали дорогу, и... еще минута слабости!.. мелькнуло ожиданіе, что спросятъ,

почему я давно не былъ, что подадутъ руку. Она не шевельнулась, взглянула какъ-то удивленно, и молча, медленно, нерѣшительно, едва наклонила голову. Я никогда не видалъ такого поклона. Я не потерялся. Не дождавшись слова, я заговорилъ самъ. Объяснять свое долгое отсутствіе нездоровьемъ—на вечерѣ, вообще, неумѣстно, а въ моемъ положеніи—и вовсе пошло... что она, конечно, понимала! Я сказалъ, что не замѣтилъ, какъ прошло это время, что попадалъ съ бала на балъ, что сбирались у меня, говорилъ долго, называлъ имена. Она слушала, и все сборище кругомъ слушало. Она стояла невозмутимая, прямая, неподвижная, дала мнѣ кончить и, все молча, опустила глаза на рояль. На меня всѣ оглянулись, оглянулся и виртуозъ, тряхнулъ своей гривой и звонко стукнулъ по клавишамъ. Четыре отрывистыя сухія ноты грянули и оборвались, какъ ударъ разбитаго колокола, какъ свистъ падающей сѣкиры. Всѣ, трепеща, отвернулись къ роялю. Когда стучитъ этотъ господинъ,— не считается неучтивостью не только отвертываться, даже толкаться.

Оттолкнули—меня...

Я отошелъ. Въ груди моей сказалось, что я погибъ. Зеркала повторяли огни, толпу, движеніе, пестрый туманъ, самодовольныя фигуры, подкрашенныя лица, все ликующее, безпощадное... Я всѣхъ возненавидѣлъ...

— Милый мой, ты дурачишься.

Удивясь ея появленію, я ужъ не удивился словамъ. Пришла, стало быть, не даромъ потрудилась, на двадцать ступенекъ. Дверь не была заперта. Я вставалъ съ дивана, тетушка удержала меня и сама сѣла.

— Лежи, лежи, отдыхай. Петръ Никитичъ тутъ убиралъ у тебя, сказалъ, что ты глазъ не осушаешь, плачешь. Мы тебя цѣлыя сутки не видали. Нервы. Нехорошо. Ты дурачишься.

Возражать, отшучиваться, прервать было невозможно. Сцена выходила неизбѣжна. Тетушка поразила сразу, объявивъ, что „все“ знаетъ.

— Не въ очарованномъ замкѣ ты живешь, мой милый; швейцаръ, дворники, жильцы. Всякая порядочная прислуга умѣетъ и прислушаться, и поразспросить... почему-жъ я и привезла съ собой своихъ людей? Утромъ пріѣхали, а вечеромъ все знали, что тутъ у тебя было до насъ. Натурально, ты, какъ всякій молодой человѣкъ... Я очень тебѣ благодарна, что ты изгладилъ всѣ

слѣды, деликатно, умно... какъ отъ нынѣшней молодежи и ожидать невозможно. Молодежь нынче воображаетъ, что мы, женщины, покоряемся, довольствуемся... о, далеко не всѣ! И для меня пріятно было еще, что ты понялъ и принялъ мои совѣты... потолковали мы съ тобой тогда въ подмосковной. Но, какъ видно, ты и самъ себя отъ этого хуже не почувствовалъ? Что? вѣдь такъ? правда?.. Разсмѣйся! Молодой человѣкъ, а не умѣетъ до-чиста выполоскать своего „сердца“! И что я говорю „сердца“? Какое тамъ „сердце“! даже говорить неловко... Былъ вздоръ и кончилось вздоромъ.

Совершенно справедливо: теперь вспоминать Пашу—нелѣпо. Но у меня пробѣжала мысль: не въ этомъ же разрывѣ пришла утѣшать меня тетушка. Что-жъ мнѣ дѣлать? Принять ли на себя смѣшную тоску по горничной въ желтыхъ бантикахъ, или сознаться въ отчаяніи, что рушилось все, всѣ стремленія, надежды, честолюбіе, значеніе... все, все, что свѣтило въ жизни... Я терялся.

— Вы не знаете...

Тетушка расхохоталась.

— Не знаю? Милый мой, чего я не знаю! Квартира эта— не очарованный замокъ, а Петербургъ твой — не очарованный лѣсъ; все извѣстно, что въ немъ творится. И мнѣ все извѣстно. Приходится мнѣ тебя въ другой разъ вразумлять... Обжегъ крылышки?

— Что?

— Ну, что? Теперь, конечно, незабавно. Есть о чемъ призадуматься и пожалѣть. Пожалѣть, впрочемъ, не о потерѣ, а о томъ, что надѣлалъ глупостей. Надо постараться какъ можно скорѣе поправить.

— Я васъ не понимаю...

Она разсмѣялась еще громче; я вспылилъ.

— Не все же, тетушка, узнается чрезъ прислугу...

Она разсердилась тоже.

— Я тебѣ, батюшка, по пальцамъ разскажу твою исторію; не чрезъ прислугу я ее знаю, она всему городу извѣстна... лови ее,— по салонамъ бѣгаетъ! То-то! Фрондируете вы всѣ, господа, а всѣ рады попасть въ „большой свѣтъ“... Да какой-такой „большой“? просто, гдѣ побогаче, гдѣ на васъ свысока смотрятъ, а все-таки и пересуждаютъ, и осмѣиваютъ...

Точно, она все знала! Какъ Весельскій поступилъ на службу въ наше управленіе, какъ на благотворительномъ базарѣ онъ

представилъ меня своей кузинѣ, богачкѣ Орѣцкой, и привезъ къ ней на вечеръ...

— Кавалеры были нужны, танцовать. Самъ-то Весельскій этотъ до сихъ поръ у тебя не былъ... Натурально, съ тобой были учтивы, а тебѣ понравилось, и зачастилъ...

На толкучкѣ, торгашъ, старый знакомый, разсказалъ тетушкѣ, что я купилъ группу. Жирная Грушевцова—та во всѣхъ кругахъ!—слышала отъ тѣхъ родственницъ-провинціалокъ, которыя застали, какъ я привезъ группу, что толковали: „недавно получилъ наслѣдство, небогатый малый...“

— Вотъ они какъ. Ты воображалъ удивить, а они у тебя въ карманѣ считаютъ. Мнѣ тебя очень жаль. Неудивительно, что тебя туда потянуло: годъ цѣлый кухонной любви... pardon, mais, vraiment, des amours de cuisine!.. натурально, бросился въ крайность,—но хоть бы броду спросилъ, а то, такъ, прямо, головою... Гостиныя эти со статуями, съ картинами, съ музыкантами, съ свѣтлостями, конечно, не другой міръ какой-нибудь, и ничего тамъ особеннаго нѣтъ, и люди все тѣ же человѣки... найдутся и дрянные!.. И держатся они... Знала я прежній, настоящій „большой свѣтъ“... О, далеко не то, далеко!.. А все-таки и нынѣшнее богатство, отвага — не про насъ. *За-граница* это какая-то; предѣлъ, его же не прейдеши. Даже настоящіе, прежніе были доступнѣе!.. Ну, пусть *они* и сидятъ-себѣ за своей *за-границей!* И безъ нихъ можетъ быть и весело, и пріятно.

Какъ, напримѣръ, тетушка? Чиновничьи вечеринки, завыванье вольно-практикующихъ артистовъ, торты, которымъ цѣна на лбу написана, лѣстница, гдѣ швейцара не докличешься... вонъ, я на свой счетъ завелъ двѣ лампы! Тоска! узко, мелко...

— То-то тебѣ и надоѣли чиновницы, какъ только понюхалъ „большого свѣта“,—замѣтила она, выслушавъ терпѣливо.

И это провѣдала!..

— Что-жъ, холостыя сборища, можетъ быть, больше по вкусу? тѣ, гдѣ вы ухлопываете состоянія? тройки, попойки, карты? Какъ же! чудо какъ хорошо: въ столовой пируютъ друзья, хозяничаетъ эманципированная дама, а въ отдаленномъ покоѣ, подъ замкомъ, сидитъ домашняя Эвридика... Я, мой другъ, тоже эманципирована: „Орфея“ видѣла. Дору съ собой не брала... Что-жъ, тамъ пошире, пріятнѣе? Ты, вѣдь, всего на своемъ вѣку попробовалъ, въ волю попробовалъ, не въ упрекъ сказать!.. Ну, пора и остепениться.

Она замолчала, и недовольная, и въ раздумьѣ, проговорила почти про себя:

— Прежде люди жить умѣли.

— *„Въ старину живали дѣды“*,— запѣлъ я и засмѣялся.

Она не улыбнулась.

— Да. И теперь, слава Богу, есть. Живутъ при новыхъ условіяхъ, при большомъ комфортѣ, не разоряясь, не зарываясь и не прорываясь.

— Буржуазно? По маленьку? „Знай, сверчокъ“...

— Охъ, тепло сверчку за печкой! Лучше, нежели когда заберется въ салонъ, а его щеткой выметутъ!

— Тетушка...

Я вскочилъ, внѣ себя.

— Тебя вымели,—произнесла она невозмутимо. — Я и это знаю; въ подробности. Ты выдумалъ подносить подарки... Какъ духу хватило, дерзости!.. Поднесъ, а у тебя ихъ купили. Пойми: значитъ—возвратили! Грубо купили, неловко: на своемъ же вечерѣ, великосвѣтская дама! Нашла время, видите ли, адреса твоего не знала! Просто—не стоитъ для тебя безпокоиться, некогда съ тобой толковать, скорѣе съ тобою развязаться: бери самъ въ руки свои деньги и отходи...

— Тетушка...

— А ты въ декларацiи пустился... Въ кабинетъ къ *ней* забрался! ты бы ужъ прямо въ уборную!.. Одно тебѣ оставалось: хладнокровно взять, не придавая никакого значенiя. А ты раскричался! Чего ты ни наговорилъ! Тебѣ, какъ и слѣдовало, тутъ же и показали порогъ!

— Кто могъ вамъ сказать? кто слышалъ?

— Батюшка мой, ты тамъ былъ не одинъ! Гостиная рядомъ полна, портьеры подняты; кто близко былъ, тотъ и слышалъ. Людмилочкинъ обожатель слышалъ, вотъ кто. Можетъ быть... да навѣрное и не онъ одинъ; вѣдь ты не стѣснялся, во весь голосъ. Тебя прогнали, а ты.. какъ этого не понять! ты третьяго-дня опять туда полетѣлъ! Чего ты еще ждалъ? какъ ты осмѣлился? А ужъ что третьяго-дня было, какъ тебя приняли и попотчивали... точно, есть отъ чего сутки ревѣть! При всемъ обществѣ! всѣ толкуютъ! Сейчасъ была Людмилочка. Людмилочкѣ сказалъ женихъ...

— Женихъ...

Я былъ какъ въ бреду.

— Тебя и это не интересуетъ? Какъ же, другъ твой; ты въ немъ такое участiе принималъ. Сейчасъ она была, объявляла, съ такой радостью, о помолвкѣ своей, разумѣется, не о твоей исторiи. Но кто ее знаетъ; здѣсь, у насъ, ей неловко, а въ другихъ домахъ, конечно, хохочетъ. Перепугала Дору. Та бѣжитъ

ко мнѣ, разсказываетъ... Скандалъ! Куда тебѣ послѣ этого показаться...

Куда показаться?! А въ собственномъ домѣ—униженіе! Даже эта Дора будетъ смѣяться... Я зарыдалъ.

Тетушка положила мнѣ руку на плечо.

— Полно, скажи мнѣ спасибо. Я вмигъ сообразила и стала увѣрять, что давно все знаю, что этотъ дуракъ женихъ все перевралъ, изъ зависти на тебя сплетничаетъ... Дѣвочка огорчена... необыкновенный характеръ! молода, жила далеко отъ свѣтскихъ гадостей, и, знаешь, нынѣшнее поколѣніе!—все это горячо, къ сердцу... негодуетъ, кричитъ: „какъ осмѣлились на него, на него“... Нынѣшняя—ругается. Я даже ее остановила: что это ты, сударыня, набралась петербургскихъ рѣзкостей... Поѣхала теперь въ магазинъ, затѣяла что-то, хлопочетъ... Полно. Будь мужчиной. Что такое всѣ людскіе толки, когда есть свой домъ, семья...

— А общество? я членъ общества! я гражданинъ!

— Надо заставить общество замолчать.

— Найдите средство!—вскричалъ я, захохотавъ отъ злости, и сбросилъ на земь что попалось.

Оказалась пепельница и засыпала золой платье тетушки. Тетушка подобрала обгорѣлыя спички и встряхнулась, не развлекаясь.

— Я знаю средство,—отвѣчала она и продолжала будто сдержанно, съ чувствомъ.—Нужно только съ твоей стороны благоразуміе и, такъ, хоть немножко, доброты сердца. Недовѣрчивъ ты... нехорошо! то слишкомъ самонадѣянъ, а то... замѣчать не хочешь... Покуда я одного попрошу, даже слово съ тебя возьму: не изволь затворяться, прятаться, вотъ, такъ, лакеямъ на удивленіе. Выѣзжалъ вездѣ—и продолжай, выѣзжай...

— Вы сказали, что некуда показаться!

Она не слушала.

— Надо мигомъ разрѣшать, не давать времени болтать. Третьяго-дня это съ тобою случилось? Да?

— Тетушка...

— Надо доказать всему свѣту, что ты никогда и не воображалъ вздыхать по госпожѣ Орѣцкой...

— Тетушка! но вы же сами сейчасъ говорили...

— Говорила? Ну, да, да! „Не воображалъ“! „Никогда“! Скажутъ: „видѣли“. Ничего не видали! „Подарки“—исполнялъ порученія! Слышали, какъ объяснялся... Да, Богъ ты мой, мало ли что говорится женщинамъ; вольно же имъ принимать за любовь!

Орѣцкая ваша—кокетка... И не спорь, не противорѣчь! такъ быть должно, такъ, по совѣсти, всякая женщина разсудитъ!.. Она—кокетка и рада, что есть кого обвинить и вмѣстѣ похвастаться; все не замѣчала въ тебѣ, не замѣчала и вдругъ—откровеніе, превыспренняя добродѣтель...

— Она такъ окружена...

— Я и не говорю, чтобы ты для нея что-нибудь значилъ! Ты для нея ровно ничего, мелочь,—а все-таки, къ счету, пристегнуть къ своей побѣдной колесницѣ, посмѣяться... Ну, да, сто разъ да!.. А вотъ, доказать, что ты никогда о ней не помышлялъ, что ты самъ ее дурачилъ, доказать блистательно, отплатить ей, всѣмъ рты заткнуть... Да тебѣ и нѣтъ другого выхода, нѣтъ спасенія...

Несмотря на желаніе тетушки, я остался у себя и писалъ. Меня позвали. Дора стояла въ шляпкѣ, только-что воротилась, румяная съ холода, смущенная.

— Душа моя!—вскричала тетушка, увидя меня:—но сегодня твое рожденіе?

— Да, точно. Я забылъ.

— А вотъ она помнитъ. Охъ, ты!

Тетушка погрозила Дорѣ.

— Одинъ разъ слышала и запомнила. Ну, конфузься ужъ до конца, подноси свой подарокъ.

Дора подала мнѣ кружочекъ изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, вышитыхъ бисеромъ и скрѣпленныхъ посрединѣ вызолоченной фигуркой.

— Сама мастерила; даже для меня сюрпризъ. Это—essuie-plume,—объясняла тетушка.—Ты все пишешь, перья тебѣ вытирать. Сукно тутъ есть ли? Кому ты отдавала отдѣлывать? Какого ей льва посадили, даже страшно! А это... mademoiselle, это вы ваши гранаты изволили употребить? Ну, вотъ и дѣло! Ему на одинъ разъ, все чернилами своими вымажетъ, а у нея только и было...

— Такъ что же...—выговорила Дора, пока я цѣловалъ ея ручку, но вдругъ отдернула ее и хотѣла бѣжать; тетушка удержала.

— Куда? Что съ тобой?

Дора была въ слезахъ.

— Что же... Гранаты... Что-жъ, хоть чѣмъ-нибудь доставить ему удовольствіе...

Она вырвалась и убѣжала.

— Успокойся и приходи обѣдать!—закричала ей вслѣдъ тетушка.—Такъ и не распорядились; новорожденный безъ пирога.

— Пирогъ будетъ,—отозвалась Дора изъ своей комнаты:— я приказала... Виновата!

— Прощенія проситъ, что похозяйничала,—шепнула мнѣ тетушка.

Совершенно ясно, логично, какъ „здравствуй“ просто: кто можетъ утверждать, что я былъ влюбленъ въ Орѣцкую, когда я помолвленъ съ дѣвушкой, которая, вотъ два мѣсяца, какъ пріѣхала съ моей теткой и гоститъ у меня въ домѣ? Два мѣсяца— это вся зима. Какъ разъ все время какъ меня видали *тамъ* и строили предположенія. На такое доказательство и въ судѣ обратили бы вниманіе. Необыкновенно ловка и находчива тетушка. Вообще, женить—страсть, если не талантъ старыхъ дѣвицъ, кстати и подвигъ милосердія: не удалось самой, такъ хоть помочь ближнему.

Дурная привычка: подшучиваю надъ тетушкой. Впрочемъ, единственно за то, что мнѣ надоѣло, какъ она твердитъ свое: „слава Богу, теперь всѣмъ рты зажали“... Удалось—и прекрасно; толковать нечего.

Удалось, точно, блистательно. Будто громъ грянулъ и всѣ тучи разсѣялись; на меня смотрятъ иначе. Знакомые говорятъ, что „пора бы имъ давно догадаться, такъ было замѣтно“... О, родъ людской!.. Толстая Грушевцова... Тетушка съ ней особенно интимна; дома, въ интимности со мною, зоветъ ее „вѣчевой колоколъ“, и потому именно ей первой, какъ другу, сообщила о радостномъ событіи:

— Моя дѣвочка!.. вотъ ужъ точно, какъ помните:

Сила глазъ, плѣнительная сила,—
Пришла, взглянула, побѣдила!

Грушевцова кричитъ, что давно, давно подозрѣвала.

— Особенно, когда эта плутовка явилась ко мнѣ на балъ Ламмермурской... нѣтъ, Абидосской невѣстой... все равно!

Истинно, уморительныя—и я потѣшаюсь.

Но мнѣ опять дышется легко. Въ мою жизнь опять влилась струя веселья, бодрости; опять кругомъ меня люди, опять что-то общее съ ними... чувство, которое было готово замереть. Увѣренность, торжество... Я *ей* отмстилъ!

Дорого бы далъ, чтобы встрѣтить Орѣцкую. Кузенъ Весельскій ужъ, конечно, ей повѣстилъ. У Грушевцовой тетушка мнѣ шепнула:

— Позови его въ шафера.

Я позвалъ его и Людмилочкина жениха; тотъ, первый вѣстовщикъ моего пораженія, переконфуженъ и смѣшонъ до невѣроятія; я—будто не замѣчаю и только слегка улыбаюсь. На помолвкѣ, мое шампанское пришлось имъ по вкусу, особенно вотъ тутъ, на „чердачкѣ“, когда я позвалъ курить.

О, встрѣтить бы Орѣцкую! Къ ней, натурально, ни ногой. Кто знаетъ, пожалуй, и при случайной встрѣчѣ... Нѣтъ, заговоритъ! Женщина, слѣдовательно, не выдержитъ.—„Vous vous mariez?“—Oui, madame.—И только. Поздравленія ждать не стану, отойду. А если поздравитъ, выслушаю молча и отойду, кивнувъ слегка...

— Vous vous mariez?

— Oui, madame.

Только, только, ни слова больше. По-русски вышло бы еще лучше:

— Да!

Какъ отрѣзалъ...

Ужасно все это скоро. Недѣля какъ я женихъ, а черезъ двѣ—буду женатъ. Телеграфировали отцу и матери: согласны. Они совсѣмъ поручили Дору тетушкѣ; тетушка имъ должна. Родители эти—ой-ой! „Дѣвочка нашла себѣ счастье“...

И смѣшная: призналась, что влюбилась съ первой минуты.

— Какъ пріѣхала. Въ прихожей съ меня шубку снимали, я на тебя взглянула: ты былъ такой заспанный, растрепанный...

Всякій день больше узнаешь людей и находишь въ нихъ неожиданно хорошее. Такъ я узнаю Елену Платоновну. Какъ она внимательна, деликатна. „Родители“ оказываются вовсе не такъ бѣдны, но давать ничего не хотятъ „даже ни тряпки“, какъ говорятъ женщины. Отговорка: кромѣ Доры, есть еще три дочери. Дора плакала потихоньку, но тетушка не скрываетъ.

— Съ безсердечными людьми ничего не подѣлаешь; теперь ужъ поздно, невозможно назадъ. Такъ и быть, милый мой, бери жену въ одномъ платьицѣ.

— Помилуйте, тетушка, развѣ только одно!—пошутилъ я.

— Конечно, я, что могла...—начала она и растрогалась:—очень ужъ она мнѣ мила. Охъ, другъ мой, что ни говори, а такія привязанности въ наши года... Да ты не смѣй, шалунъ, въ мои сѣдые волосы всматриваться!.. Что я могла, то дѣлала, но

туалетъ дамы—не то, что простенькій, для дѣвушки Теперь ты имѣешь право ей дарить.

И рано утромъ сегодня тетушка принесла кусокъ красно-лиловаго бархата.

— Вотъ, модный, royal cardinal, поднеси ей. Это еще не дамское; это для прогулки невѣстѣ, съ тобой подъ-ручку.

Цѣлая исторія, толки, возня, бѣготня; присутствовалъ весь женскій персоналъ моего дома. Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ: я цѣлый мой вѣкъ среди женской суеты; неужели это судьба общая? Случилось затрудненіе: надо скорѣе сшить, скорѣе гулять, покуда стоитъ погода,—и ни одной швеи! всѣ заняты. Дора премило топала ножками и кричала, чтобы ей сейчасъ, сію минуту привели швею.

— У васъ есть знакомая швея,—обратилась она къ Анисьѣ, которая выглянула тоже:—мастерица, закройщица, сама модница, подавайте ее!

— Никакой у меня знакомой нѣтъ,—отвѣтила Анисья.

— Какъ нѣтъ?—накинулась на нее горничная:—ее здѣсь всѣ знаютъ, въ домѣ жила...

Анисья отвернулась и ушла. Дора была огорчена, но тетушка взялась все справить и сама поѣхала искать модистку. Оставшись одни, безъ тетушки, мы бѣгали, шалили, хохотали. Въ человѣкѣ вѣчно есть что-то ребяческое. Вѣдь тетушка—не помѣха; отчего же безъ тетушки свободнѣе? Отчего и что такъ, вдругъ, сблизило меня съ Дорой? Она преигривое, превеселое созданіе...

Говорятъ, будто женщины одолѣваютъ мелочами. Каковы мелочи! Иныя очаровательны и, просто, полезны: отвлекаютъ отъ черныхъ заботъ нивѣсть о чемъ. А есть охотники придумывать себѣ такія „высокія“ заботы! даже люди обезпеченные; сидятъ-сидятъ и волнуются на досугѣ. Большое благополучіе, что нѣтъ у меня этой наклонности, хоть и бывали ей поводы явиться... Резонирую!..

Впрочемъ, резонированью есть причина. Жилецъ, жалкій и премудрый жилецъ, воротился сегодня и ужасно переконфузился, увидя, что я все еще занимаю его комнаты и уходить не намѣренъ. Онъ пріѣхалъ всего на два дня и опять уѣзжаетъ, уже на-вѣки. Я сказалъ, что онъ можетъ провести у меня эти два дня; диванъ къ его услугамъ; онъ на такомъ отъ роду не лежалъ. Онъ еще больше переконфузился.

— Мнѣ только окончить здѣсь кое-какія дѣла, формальности, —повторялъ онъ.—Только на два дня.

Блаженствуетъ: мѣсто ему дали въ Твери; жена ужъ тамъ и

„ребятки". Не выдержалъ, снялъ съ нихъ карточки; дѣти ростутъ, случается—дурнѣютъ, такъ на память. Узналъ, что я женюсь, и поникъ головою.

— Что? Вы будто недовольны?

— Нѣтъ... Такъ.

Онъ сталъ собираться по своимъ хлопотамъ. Анисья провѣдала и пришла съ нимъ поздороваться. Ко мнѣ она давно не ходитъ. Жилецъ ушелъ; она хотѣла за нимъ слѣдомъ.

— Постойте,—сказалъ я:—какъ же вы смѣли такъ грубо отвѣчать Дорѣ Борисовнѣ?

— Про знакомую-то швею? А чего ко мнѣ пристаетъ ваша Дора Борисовна? Ужъ не въ первый разъ: „приведи", да „приведи". Прекрасная барышня, воспитанная, любопытно ей, кто у васъ жилъ; съ фрейлиной своей все шепчутся... Приведи, значитъ, я на нее посмотрю, я въ этихъ самыхъ комнатахъ, у *него* на глазахъ, заставлю ее на меня работать... Безсовѣстная!..

Неужели такая мысль можетъ придти? Неужели...

Сердце женщины непостижимо. Анисья не сплетничаетъ.

Доры не было дома. Тетушка разговорилась.

— Поѣхала пріискать себѣ ленточки для matinée, знаешь, чтобы прилично. Слава Богу, удалось мнѣ ее утѣшить, нашла ей модистку; дорого, но ужъ такъ и быть... Знаешь, но по секрету! не выдай меня!.. Знаешь, ей ужасно хотѣлось видѣть ту... Ну, какъ ее?.. твою бывшую.—„Хочу!" говоритъ. До слезъ. Ревность—чувство ужасное; не дай Богъ тебѣ испытать. И еще знаешь, еще другое, тоже совершенно натуральное чувство побѣды, торжества: „*онъ*—мой!!" Гордость нѣкоторая. Попробуй уничтожить это чувство! оно въ самой-самой глубинѣ женскаго сердца. Скрыть его какъ-нибудь еще можно, но укротить, вырвать... Сердце женщины непостижимо.

Зачѣмъ мнѣ о ней напомнили?!...

Жилецъ не приходилъ ночевать—должно быть, стѣснялся; жаль. Онъ мнѣ нуженъ, именно онъ; мы бы съ нимъ потолковали. Мнѣ хочется что-то разсказать, кого-нибудь спросить... О чемъ? конечно, не о свѣтскихъ вопросахъ; они всѣ для меня благополучно рѣшены. Моя жизнь входитъ въ порядочную, устроенную, благополучную колею, можетъ-быть не довольно простор-

ную, но пора перебѣситься, пора жить самостоятельно, какъ люди живутъ. Покуда веселимся, сбираемся, пляшемъ, скачемъ по театрамъ. Говорятъ, у меня будетъ пріятный домъ, ловкая хозяйка. Это тетушка слышала.

Онъ пришелъ съ вечера, но вскочилъ чѣмъ свѣтъ и заупрямился, хотѣлъ въ ту же минуту ѣхать. Я — пришла фантазія — расшалился, вскочилъ тоже, схватилъ его дорожный мѣшокъ и заперъ въ свой шкафъ.

— Попробуйте, сломайте замокъ, а я васъ къ суду!

Молитъ: жена ждетъ.

— Подождетъ; нечего женъ баловать.

— А сами женитєсь.

— Вашей женѣ я пошлю телеграмму, а васъ не выпущу. Заляжемъ опять, погрѣемся, напьемся чайку, пойдемъ вмѣстѣ гулять. Опять я васъ вездѣ вывожу; вмѣстѣ опять покутимъ, вспомнимъ старое.

— Немного стараго найдется вспоминать, — возразилъ онъ: — познакомились недавно.

— Вольно же вамъ. Вотъ и теперь, съ чего вы бросаете Петербургъ? Оба мы женатые люди, и жены наши...

— Ваша будущая супруга, конечно, любезная дама... Нѣтъ, отдайте мой мѣшокъ, я опоздаю. Дай вамъ Богъ счастья, желаю искренно.

— А какъ не дастъ?—вырвалось у меня.

Онъ досталъ свои вещи.

— Что-жъ дѣлать... Тогда скажете: *было*! — Прощайте.

Я потерялся. Онъ еще пріостановился на порогѣ.

— Извините меня... Было вамъ счастье. Вы его видѣть не хотѣли, мимо прошли.

Не мимо прошелъ, а откинулъ...

Раньше бы съ нимъ познакомиться; сколько времени жили дверь о дверь. Странный бѣднякъ; онъ бы меня понялъ.

Ее онъ понималъ вѣрно. Мечтательница, стремилась. Ничего не знала, хотѣла знать. Еслибы увезти ее куда-нибудь, или, даже оставаясь здѣсь, назвать родственницей, дать ей образованіе. Она была граціозна. Даже удивительно: постоянное общество — кухарка, а вульгарностей у нея не вырывалось. Наивна, искренна... Она всегда была искренна.

Что-жъ это такое? Лихорадочно записываю мои послѣдніе дни. Скоро не будетъ свободной минуты. Я удержалъ за собою, по крайней мѣрѣ, этотъ уголъ, этотъ пріютъ. Когда-то я надъ нимъ смѣялся... когда-то! Мои короткіе, немногіе свѣтлые дни, безуміе, упоеніе, дурачества... молодость, — нѣтъ ея! Хоть бы сказалось это раньше, какимъ-нибудь предчувствіемъ; говорятъ, бываютъ предчувствія...

Они одолѣвали меня цѣлыми днями. Тѣсно вдругъ стало.

— Ничего! — ласково говоритъ старая дѣва. — Въ тѣснотѣ люди ближе. Пташка твоя вспорхнетъ къ тебѣ на чердачокъ, въ гнѣздышко.

Пташка не пожелала. Она не сказала „нѣтъ", даже ничего не сказала, только отвернулась и въ плѣнительныхъ глазкахъ сверкнули слезки. Тетушка постаралась поправиться.

— А, постой, погоди, придумала! Я переселюсь на твою вышку, а вы—тутъ. Что-жъ, двадцать ступенекъ лишнихъ, такъ и быть. Вотъ, только на ночь, я трусиха, одной мнѣ... Ну, кого-нибудь къ себѣ позову, кухарку, что ли...

Тутъ ужъ изъ простой учтивости слѣдовало протестовать. Я былъ глупъ, какъ несчастнѣйшій изъ людей, и предложилъ перемѣнить квартиру. Возраженія, аханье, разговоры, и вдругъ — все устроено. Вѣрный слуга Петръ Никитичъ слышалъ, сообразилъ, разузналъ (плутъ, видимо, все раньше зналъ! ему было приказано знать!) и ужъ побывалъ у хозяина: изъ моей столовой есть задѣланная дверь въ пустую квартиру. Тетушка явилась ко мнѣ съ извѣстіемъ, что она ужъ осмотрѣла.

— Прелестно! И никакихъ хлопотъ! Только вынуть перегородку,—два часа работы. Будуаръ. За нимъ, кабинетецъ, или, если угодно, уборная для молоденькой дамы... Уступи, пусть будетъ уборная, она это любитъ, и ей необходимо имѣть уголочекъ... Затѣмъ комната для васъ. Туда ужъ все готово, сегодня принесутъ, а мебель для будуара — минута, и куплено! я съ своего мѣста не тронусь, никого не потревожу, буду на концѣ дома. И обойдется все не особенно дороже, такъ какъ твоей свѣтелки ужъ не нужно...

Нѣтъ, я сказалъ, что нужно; мнѣ надо уголъ, куда дѣваться. Въ столовой стѣна ужъ выломана; вѣшаютъ драпировки, зеркала, таскаютъ, ставятъ, колотятъ. Тетушка распоряжается какъ на полѣ битвы.

Битва жизни. И я лежу на ея полѣ, разбитый. Что я дѣлаю? Что я сдѣлалъ? Куда все ушло? Начиная съ денегъ. Я ужъ и не считаю.

— „Великодушный!!“ — Глубоко признателенъ за титулъ.

Бѣленькая моя Паша, какъ же это ты изъ одного гроша дѣлала два, какъ же ты работала, ночей не спала?.. Вотъ, спаянная цѣпочка. Тогда я оборвалъ, теперь припадаю къ ней... Паша!..

Я ее видѣлъ.

Моя невѣста пожелала гулять, обновить бархатное платье; я велъ ее подъ-ручку по набережной. Подходимъ къ углу, къ мосту. Несутъ хоронить генерала; колесница, вѣнки, подушки съ орденами, войско, музыка, кареты и, разумѣется, толпа, толкотня. Я предлагаю повернуть назадъ, что̀ очень легко, но Дора не слушаетъ, въ восторгѣ, не выпускаетъ меня, тоже толкаетъ встрѣчныхъ и мчится впередъ, подъ навѣсъ какого-то подъѣзда, кажется, аптеки. Я не успѣлъ оглянуться — она ужъ любезничаетъ съ кѣмъ-то изъ прислуги, и ей выносятъ скамейку. Она вскочила, опираясь на мое плечо, веселая, оглядывается, вертится, спрашиваетъ стоящихъ кругомъ.

— Пойдемте,—повторилъ я.

— Уходите, если хотите.

И приняла свою руку. Слѣдовало бы мнѣ уйти, но—послѣзавтра она будетъ моей женою. Я старался скрыться даже отъ незнакомой толпы, но между провожавшими военными были и знакомые. Меня, кажется, видѣли; слишкомъ замѣтна была надъ всѣми головами красная фигура въ высокой шляпѣ. Я отвертывался.

Вдругъ я *почувствовалъ* взглядъ. У стѣны, прижавшись, прячась, стояла Паша; въ рукахъ у нея былъ большой узелъ; должно быть, несла куда-нибудь, и ей загородили дорогу. Она смотрѣла на меня, смотрѣла, не отводя глазъ. Окутана все тѣмъ же бѣлымъ платкомъ, то же старенькое пальто. Невольно я выговорилъ:

— Паша...

Слышать никто не могъ. Она видѣла, что я сказалъ, и угадала свое имя. Ея ясные глаза раскрылись шире, личико вздрогнуло. Она исхудала, губки блѣдны. Вдругъ она вся озарилась какой-то отчаянной радостью. Я будто почувствовалъ на своемъ лицѣ ея кругленькія руки, ея свѣжіе поцѣлуи, я смотрѣлъ, смотрѣлъ... Вдругъ Дора хлопнула меня по плечу. Не знаю, что̀ она спрашивала, не знаю, что̀ она говорила. Когда я оглянулся опять, Паши ужъ не было.

Сегодня, чрезъ нѣсколько часовъ...

Еще прощаніе. По какому-то обычаю, я не долженъ сегодня видѣть своей нареченной. Тетушка предполагала, что я буду пировать въ послѣдній разъ, „хоронить мою свободу“, и любезно остроумничала. Я залегъ на диванъ и спалъ до обѣда. Обѣдъ принесла Анисья.

— Въ послѣдній разъ вамъ, баринъ.

И безъ того тошно, а она еще сантиментальничаетъ.

— Почему-жъ, въ послѣдній? я не умирать собираюсь.

— Дай вамъ Господь пожить съ супругой, съ вашею. А я вамъ служу въ послѣдній разъ. Отхожу я, изволите знать?

— Ничего не знаю.

Она обидно усмѣхнулась.

— Я думала, вы знаете. Какъ вы *имъ* все препоручили, то я ужъ вамъ особенно и не докладывала. Еще когда ту квартиру взяли, отдѣлывали, я вашей тетушкѣ сказала, что жить у васъ не хочу. Недѣлю я оставалась, покуда *ихъ* Петръ Никитичъ кухмистера *имъ* привелъ, а сегодня ухожу. Прощайте, баринъ. За все ваше добро буду васъ помнить. Всякое мы съ вами вмѣстѣ видали.

— Вы себѣ лучше мѣсто нашли?

— Какое мнѣ еще лучше? Я и не искала.

Любопытно было бы знать подробнѣе, но разспрашивать этихъ особъ — не въ моемъ характерѣ. Еще, пожалуй, могутъ выйти сплетни, ужъ вовсе не во-время; женщины—наказаніе Божіе. Но она продолжала и безъ разспросовъ.

— Меня, баринъ, тоска взяла. Не могу я ничего этого видѣть. Какъ только представится мнѣ *она*, наша-то... Да ужъ и не ваша! Моя она теперь, совсѣмъ моя, дочь родная! Голубочка моя бѣлая, одна сидитъ... Вы тутъ тысячи разсыпаете, ручки цѣлуете... Господи, прости, чѣмъ *эта* лучше? „Барышня“! Развѣ такія-то бываютъ барышни? Слова человѣку не скажетъ — срываетъ! Послушать — гости уѣзжаютъ, съ лѣстницы идутъ, надъ ней хохочутъ; не умѣетъ она ничего по вашему, по настоящему. Дурная, набѣленная... — Э, Господь съ вами! видѣть этого не хочу. Пойду къ *ней*, къ ангелу моему, проживемъ вмѣстѣ сколько Господь дастъ. Я — старуха, она — заморилась, и ея вѣкъ не дологъ...

Нашлись силы записать это!..

. . . . . .

Паша, я люблю тебя, одну тебя, только тебя во всемъ мірѣ!

Поздно! *Заморилась*... Ну, умерла бы на моихъ рукахъ, вѣчно живая для моей любви... Поздно!

Чрезъ два часа...

Резонеръ, обличитель „большого свѣта“, громовержецъ чиновникъ, безсердечный злодѣй! ты кричалъ, что низость — позднія сожалѣнія, что исправленій не бываетъ, что мы—люди двойные, добра не дѣлаемъ и не сдѣлаемъ; что у насъ—или уступки, или отчаяніе, плачъ надъ самими собою, нѣга собственными горестями... Хорошо вамъ, счастливцы, довольные среди вашего ничтожества, а когда въ груди кипятъ страсти, стремленія...

Поздно! Заморилась, умретъ...

Я положу фарфоровый вѣнокъ на ея могилу...

В. Крестовскій
Псевдонимъ.

Ноябрь, 1887. Спб.

ДОНЕЦКІЕ УГЛЕКОПЫ

По мѣстнымъ даннымъ.

Въ нашей литературѣ найдется не много работъ, посвященныхъ русской каменноугольной промышленности вообще, но еще менѣе можно найти такихъ, предметомъ которыхъ было бы изученіе быта горнорабочихъ, условій ихъ труда и проч. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ нѣкоторыя земско-статистическія изданія, по временамъ приподнимающія ту завѣсу, за которой скрыто отъ глазъ публики все, что происходитъ въ этой области. Но эти изданія, какъ спеціальныя, несмотря на заключающійся въ нихъ богатѣйшій матеріалъ, имѣютъ крайне ограниченный кругъ читателей и большинству публики почти недоступны.

Желая хоть отчасти ознакомить читателей съ условіями жизни русскихъ углекоповъ, мы воспользуемся недавно вышедшимъ въ свѣтъ статистическимъ сборникомъ по славяносербскому уѣзду екатеринославской губ. и попытаемся, главнымъ образомъ, на основаніи имѣющагося въ немъ матеріала, обрисовать положеніе углекоповъ въ одномъ изъ уголковъ Россіи, что дастъ намъ возможность судить и о болѣе обширномъ районѣ, именно о всемъ донецкомъ бассейнѣ, ибо „общія условія на славяносербскихъ и маріупольскихъ шахтахъ одинаковы съ условіями на бахмутскихъ рудникахъ“, какъ свидѣтельствуетъ II-й томъ „Сборника статистическихъ свѣденій по екатеринославской губерніи“, причемъ придется, хотя бы и бѣгло, коснуться также общаго положенія каменноугольной промышленности въ названномъ районѣ.

Возникнувъ въ концѣ прошлаго столѣтія, каменноугольная промышленность медленно, но непрерывно развивалась въ славяносербскомъ уѣздѣ, южная часть котораго представляетъ обширныя залежи минеральнаго топлива. Въ настоящее время [1]) разработка угля производится въ этомъ уѣздѣ въ двадцати волостяхъ изъ тридцати-двухъ.

Наибольшимъ оживленіемъ отличаются послѣдніе годы. Изъ 24-хъ нынѣ дѣйствующихъ предпринимательскихъ рудниковъ, о времени возникновенія которыхъ составителямъ Сборника удалось собрать точныя свѣденія, въ двѣнадцати разработка угля началась въ 80-хъ годахъ, а 10 рудниковъ открыто уже въ 70-хъ;—вообще эта промышленность получила болѣе серьезные размѣры именно въ послѣднее время.

Частныхъ рудниковъ въ 1885 г. насчитывалось 26, и въ нихъ 56 дѣйствующихъ шахтъ. Сверхъ того, въ 17 волостяхъ имѣется болѣе сотни крестьянскихъ, въ которыхъ добываніе угля производится кустарнымъ способомъ. Общая производительность занимающей насъ промышленности въ славяносербскомъ уѣздѣ въ томъ же году достигала почти двадцати-пяти милліоновъ пудовъ различныхъ сортовъ угля, начиная съ антрацитовъ, не уступающихъ своими качествами, по опредѣленію экспертовъ, лучшимъ сортамъ привознаго англійскаго угля, до такъ-называемаго „курнаго“, на сумму 1.245.000 рублей.

Славяносербская каменноугольная промышленность, какъ по внѣшнимъ формамъ, такъ еще болѣе по своему внутреннему характеру, распадается на два рѣзко обособленные типа: рудники частновладѣльческіе, принадлежащіе акціонернымъ компаніямъ, помѣщикамъ, купцамъ,—и копи крестьянскія, собственниками которыхъ являются артели мѣстныхъ крестьянъ. Въ первыхъ разработка залежей производится трудомъ наемныхъ рабочихъ; во вторыхъ—уголь добывается почти исключительно самостоятельными артелями углекоповъ. Тамъ трудъ и капиталъ вполнѣ разъединены между собой, и рабочему нѣтъ никакого дѣла до дальнѣйшей судьбы добытаго имъ продукта; здѣсь—прямо обратное: капиталъ (шахты и нехитрыя крестьянскія орудія) соединены въ одномъ лицѣ—артели, живо заинтересованной качествомъ добытаго угля, мѣстомъ сбыта, рыночными цѣнами и проч. Различіе полное и совершенное.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на внутренней организаціи и характерныхъ особенностяхъ того и другого типа.

---

[1]) Свѣденія Сборника относятся къ лѣту 1885 года.

Изъ 26 предпринимательскихъ рудниковъ только пять находятся на собственной землѣ владѣльцевъ; всѣ же остальные—на участкахъ, арендуемыхъ у помѣщиковъ и крестьянскихъ обществъ; послѣднимъ принадлежитъ болѣе 42% земель, на которыхъ производится упомянутая разработка угля.

Крестьянами уголь разработывается также частью на своихъ общественныхъ дачахъ, отведенныхъ имъ въ надѣлъ (въ 19 селеніяхъ изъ 30); частью же помѣщичьи экономіи предоставляютъ имъ право разработки на владѣльческихъ земляхъ, на различныхъ условіяхъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Общественными землями крестьяне пользуются не вездѣ на однихъ и тѣхъ же началахъ. Такъ, общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ предоставляютъ каждому своему члену право разработки нѣдръ земли, исходя изъ того взгляда, что всякій членъ общества имѣетъ право на пользованіе общинными землями, а слѣдовательно и ихъ нѣдрами, почему каждый можетъ заложить шахту. Нерѣдко даже шахта, открытая однимъ лицомъ—говорятъ составители Сборника—становится общественнымъ достояніемъ: каждый можетъ накопать въ ней угля для своихъ хозяйственныхъ цѣлей и домашняго употребленія [1]). Вообще же преимущественное право первой разработки предоставляется производившимъ развѣдки и открывшимъ мѣсторожденіе минеральнаго топлива.

Общины государственныхъ крестьянъ также позволяютъ своимъ членамъ разработывать нѣдра. Шахта, заложенная кѣмъ-либо изъ общинниковъ, „считается нѣкоторымъ образомъ его собственностью“; добывать въ ней уголь можетъ только одинъ онъ, всякій другой долженъ испросить разрѣшеніе хозяина, который „имѣетъ даже право продать шахту другому лицу“ [2]). Такое отношеніе крестьянъ къ праву на разработку нѣдръ общинной земли, очевидно, вытекаетъ изъ усвоеннаго ими взгляда на землю и, въ частности, на трудъ, какъ источникъ всякой собственности.

Въ нѣкоторыхъ общинахъ міръ беретъ извѣстную плату съ однообщественниковъ, добывающихъ каменный уголь. Плата взимается обыкновенно продуктомъ, т.-е. собственникъ шахты—артель горнорабочихъ—обязывается доставлять обществу извѣстное количество угля на мірскія нужды—отопленіе общественныхъ зданій. О размѣрахъ этого обложенія крестьянскихъ шахтъ можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: одно общество беретъ съ каждой

---

[1]) „Сборникъ стат. свѣд. по екатеринославской губ.“. Выпускъ III, Славяносербскій уѣздъ. Стр. 408.

[2]) Тамъ же, стр. 408.

артели по 25 пуд. угля; въ другомъ—каждая изъ 10 существующихъ артелей вноситъ въ волость по 200 пудовъ.

На частновладѣльческихъ земляхъ крестьяне пріобрѣтаютъ право разработки шахтъ или на условіяхъ уступки извѣстной доли, иногда половины добытаго продукта, въ пользу собственника копей, или на условіяхъ сдачи владѣльцу всего добываемаго угля по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, обыкновенно отъ 2 до 5 коп. съ пуда. Въ одномъ случаѣ (въ экономіи баронессы Икскуль-Гильдебрандъ) четыре артели крестьянъ пользуются правомъ разработки шахтъ въ теченіе шести дней за 400 пуд. угля; въ дер. Богодаровкѣ одинъ крестьянинъ покупаетъ у владѣльца право добычи за 3.000 п. угля въ годъ, и уже отъ себя передаетъ это право артелямъ изъ половинной доли. Наиболѣе любопытный случай въ с. Георгіевскомъ, гдѣ общество, арендуя у землевладѣлицы участокъ земли за 5.000 р., отъ себя отдаетъ право разработки нѣдръ восьми артелямъ углекоповъ по цѣнѣ отъ 340 до 30 р. за шахту.

Частновладѣльческія и крестьянскія копи значительно разнятся между собой въ отношеніи размѣровъ производства, глубины рудниковъ, самаго способа добыванія угля и проч. Глубина частновладѣльческихъ шахтъ колеблется между 12 и 45 саж., а въ одномъ рудникѣ достигаетъ даже 60 саж.; длина подземныхъ ходовъ и галерей простирается до 400 — 500 и болѣе саженъ. Въ крестьянскихъ—все это миніатюрнѣе: глубина не превышаетъ 20 саж.; попадаются же и такія шахты, гдѣ она не превосходитъ $2^1/_2$ саж., галереи не бываютъ длиннѣе 30 саж. Вслѣдствіе ничтожныхъ размѣровъ, крестьянскія шахты у мѣстнаго населенія носятъ характерное названіе „ямъ“ и „дудокъ“.

Что касается стоимости тѣхъ и другихъ шахтъ, то здѣсь разница еще замѣтнѣе. Вотъ нѣсколько относящихся сюда цифръ изъ Сборника. Въ шахтѣ при д. Орѣховкѣ крестьяне употребили около мѣсяца на развѣдки. Напавши на слѣдъ угля, артель заложила шахту съ поверхности въ 11 четвертей длины и 7 ширины, въ глубину же 10 саж. Для „выкопки“ нанимали со стороны грабарей. Считая и свой трудъ, артель цѣнитъ проходку шахты по 40 р. съ сажени или 400 р. за всю работу. Устройство коннаго привода обошлось въ 50 р.; столько же было заплачено за канатъ. Вотъ и всѣ предварительные расходы артели. При ручномъ способѣ подъема угля на поверхность затраты еще значительно сокращаются—ручной воротъ стоитъ всего 5 р., канатъ къ нему также 5 р. [1]).

[1]) Сборникъ, стр. 412.

Иная картина на частныхъ промыслахъ. Марьевскій рудникъ, напр., затратилъ: на каменное надшахтное зданіе 80 т. руб., углеподъемную машину—60 тыс., камеронъ блока—30 т., и т. д. Каменскій рудникъ на устройство нѣсколькихъ шахтъ расходуетъ 38 тысячъ; Голубевскій на тотъ же предметъ—30 тыс. Въ 17 владѣльческихъ шахтахъ работаетъ паръ; во многихъ по подземнымъ галереямъ проложены рельсы, по которымъ ходятъ вагончики съ углемъ, и т. д. [1]).

Излишне, конечно, говорить о паровыхъ двигателяхъ и другихъ техническихъ усовершенствованіяхъ въ крестьянскихъ копяхъ—здѣсь часто артель не въ силахъ пріобрѣсти коннаго привода и принуждена на собственныхъ мускулахъ извлекать уголь изъ глубины шахты. Мизерные размѣры крестьянскихъ копей и нищенская обстановка работъ легко объясняются, съ одной стороны, значительной стоимостью шахтныхъ работъ, а съ другой, невозможностью для крестьянской артели затрачивать на устройство ихъ большія суммы.

Обратимся теперь отъ этой бѣглой характеристики каменноугольной промышленности въ славяносербскомъ уѣздѣ къ изученію положенія труда, т.-е. къ главному предмету настоящей статьи.

Въ моментъ мѣстнаго статистическаго изслѣдованія населеніе 26 частновладѣльческихъ рудниковъ состояло изъ 2.862 душъ об. пола—мужч. 2.264 и женщ. 598.

Сборникъ различаетъ три отдѣльныхъ группы населенія рудниковъ: 1) лицъ, принадлежащихъ къ *администраціи*, т.-е. управляющихъ, инженеровъ и пр., на долю которыхъ приходилось 463 м. и 292 ж., что составитъ 26% общаго количества населенія; 2) *рабочихъ*—въ тѣсномъ смыслѣ слова, лицъ, непосредственно добывающихъ уголь — 1.727 м. и 221 ж. или 68%; наконецъ, 3) *постороннихъ*, т.-е. не участвующихъ ни прямо, ни косвенно въ добычѣ угля; сюда относится прислуга, лавочники и т. п., которыхъ всего 74 м. и 85 ж., или 6%. Кромѣ того, каждая группа раздѣляется еще на лицъ *трудящихся*, т.-е. добывающихъ трудомъ средства къ существованію себѣ и своимъ семьямъ; ихъ на рудникахъ 2.075 ч., и *нетрудящихся*, къ каковымъ относятся семьи служащихъ и рабочихъ. Трудящаяся администрація составляетъ 16,3% всѣхъ трудящихся; трудящихся рабочихъ 1.620 м. и 3 ж., или 77,7%; постороннихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 340.

57 м. и столько же женщинъ, или 6%. Степень экономической обезпеченности каждой изъ этихъ группъ различна, а потому мы будемъ разсматривать отдѣльно жалованье администраціи и заработную плату углекоповъ; заработковъ „постороннихъ“ касаться не будемъ, такъ какъ эти заработки не играютъ видной роли въ данной промышленности, и ихъ экономическое положеніе не можетъ характеризовать ее, какъ положеніе двухъ первыхъ группъ.

Общая сумма жалованья по всѣмъ рудникамъ, получаемаго администраціей, не превышаетъ 10.613 р. въ мѣсяцъ; изъ этой суммы 4.913 р. приходится на долю одиночекъ и 5.700 на семейныхъ. Изъ числа всѣхъ лицъ этой категоріи трудящіеся составляютъ лишь 44%, большая половина которыхъ (181 чел.) относится къ одиночкамъ. Дѣля сумму мѣсячнаго жалованья на число получающихъ его, мы узнаемъ, что, *въ среднемъ*, каждый безсемейный заработываетъ 27 рублей; имѣющіе же семьи—по 37 р. въ мѣсяцъ, или около 10 р. на ѣдока. Но не слѣдуетъ забывать, что въ это *среднее* входятъ и трехтысячные оклады управляющихъ и инженеровъ. „Вообще, можно придти къ заключенію,—читаемъ мы по этому поводу въ Сборникѣ,—что изъ рудничной администраціи *семейные* служащіе, въ среднемъ при 4 душ. на семью, только получающіе высокіе оклады содержанія могутъ удовлетворить вполнѣ своимъ необходимымъ потребностямъ; при 37 руб. средняго мѣсячнаго заработка, считая въ томъ числѣ тысячныя содержанія управляющихъ и инженеровъ, семьи едва ли могутъ покрыть даже минимальныя потребности дневныхъ средствъ существованія, необходимыхъ для поддержанія рабочей энергіи трудящагося“ [1]).

Выше была приведена цифра рабочихъ на частновладѣльческихъ рудникахъ. По этому поводу мы должны замѣтить слѣдующее: изслѣдованіе каменноугольной промышленности и опросъ рабочихъ производился въ лѣтніе мѣсяцы, т.-е. въ такое время, когда размѣры работъ сокращаются, и извѣстная, довольно значительная часть горнорабочихъ оставляетъ рудники, отправляясь домой на полевыя работы. Въ зимніе же мѣсяцы, когда работы въ полномъ ходу, рабочее населеніе рудниковъ значительно выше приведенной въ „Сборникѣ“ цифры.

Разнообразіе условій, на которыхъ производится наемка рабочихъ на предпринимательскихъ рудникахъ славяносербскаго уѣзда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неодинаковая обезпеченность углекоповъ заставляютъ насъ разсмотрѣть отдѣльно всѣ существующія формы

[1]) Тамъ же, стр. 364.

покупки рабочей силы и опредѣлить сравнительную выгодность каждой изъ нихъ для хозяевъ и рабочихъ.

Всѣхъ видовъ найма въ рудникахъ наблюдается четыре: 1) когда углепромышленникъ вступаетъ въ договоръ съ цѣлой организованной группой рабочихъ—артелью; 2) когда онъ нанимаетъ отдѣльныхъ лицъ, никакой организаціей между собой не связанныхъ; въ двухъ остальныхъ видахъ найма между хозяиномъ и углекопами становится посредствующее лицо—подрядчикъ. Здѣсь хозяинъ не имѣетъ уже прямыхъ сношеній со своими рабочими, онъ знаетъ одного лишь подрядчика, поставляющаго ему углекоповъ организованными артелями—3-й видъ найма, или же отдѣльными единицами—видъ 4-й.

Въ Сборникѣ имѣются подробныя свѣденія о наймѣ и размѣрахъ заработка относительно 1.568 углекоповъ, занятыхъ на различныхъ частновладѣльческихъ рудникахъ. Изъ нихъ 1.035 человѣкъ соединены въ небольшія артели: 798 чел. нанято непосредственно конторами и 237 чел. подрядчиками. Одиночекъ конторами нанято 271 чел., подрядчиками—262.

При анализѣ этихъ цифръ прежде всего обращаетъ вниманіе тотъ фактъ, что болѣе 66% горнорабочихъ являются въ рудники, уже заранѣе съорганизовавшись въ артели, и только около 34% приходятъ отдѣльными единицами, не связанными между собой. Иначе говоря, съ перваго же взгляда становится очевиднымъ, что преобладающая форма найма рабочихъ на славяносербскихъ рудникахъ есть именно та, при которой контора или подрядчикъ входятъ въ договоръ съ артелями, а не съ отдѣльными рабочими.

Далѣе, изъ 46 артелей, о которыхъ собраны данныя, нанято конторой 31, или 66% слишкомъ; процентъ же рабочихъ въ этихъ артеляхъ, по отношенію къ общему числу рабочихъ артельщиковъ, равняется 55,9%. Отсюда можно уже сдѣлать нѣкоторый выводъ: во-1-хъ, что горнопромышленники стремятся имѣть дѣло съ артелями, а не съ отдѣльными рабочими, а во-2-хъ, что обѣ стороны, хозяинъ и артель, предпочитаютъ вести непосредственныя сношенія другъ съ другомъ, безъ помощи подрядчика; иными словами, для горнопромышленниковъ выгоднѣе имѣть дѣло именно съ данной организаціей рабочихъ, безъ чего у нихъ, конечно, не было бы основанія предпочитать эту форму найма всѣмъ другимъ.

Въ высшей степени интересно опредѣлить, какой изъ четырехъ видовъ найма представляетъ болѣе выгодъ для той и другой договаривающейся стороны—для предпринимателя и углекопа,

а также, въ чемъ именно заключается преимущество той или иной формы найма. Но, къ сожалѣнію, за неимѣніемъ опредѣленныхъ отзывовъ и показаній на этотъ счетъ со стороны владѣльцевъ копей, мы не можемъ сдѣлать прямого вывода изъ Сборника, и лишь косвеннымъ путемъ, да и то по отношенію только нанимаемыхъ конторою, можно сдѣлать нѣкоторыя заключенія.

Мѣсячный заработокъ нанимаемыхъ конторою артелей, о которыхъ уже упоминалось (31 артель въ составѣ 798 чел. рабочихъ), равняется 17.562 р., или на каждаго артельщика приходится въ среднемъ по 22 рубля. 15 артелей, поставляемыхъ подрядчиками, получаютъ въ мѣсяцъ 8.976 р., или по 37 р. на брата, такъ какъ онѣ состоятъ изъ 237 углекоповъ. Заработокъ отдѣльныхъ рабочихъ, нанимаемыхъ конторою въ количествѣ 271,— 5.779 р., или по 21 р. на каждаго. Наконецъ, 262 рабочихъ-одиночекъ отъ подрядчика заработываютъ 5.985 р., что составитъ по 23 р. на человѣка.

Изъ числа стоящихъ въ прямыхъ отношеніяхъ къ предпринимателямъ, трудъ тѣхъ углекоповъ оплачивается выше, которые соединены между собой въ артели: они получаютъ въ среднемъ по 22 р. на человѣка, одиночки же — по 21 р. Несмотря на это, какъ мы уже видѣли, артельная форма покупки труда преобладаетъ, что, на первый взглядъ, можетъ показаться непонятнымъ: углепромышленникъ, безъ сомнѣнія, не станетъ нанимать рабочихъ артелями, если наемка одиночекъ доставляетъ ему по лишнему рублю на человѣка; продуктивность же работы тѣхъ и другихъ одинакова—простой практическій разсчетъ покажетъ ему, что имѣть дѣло съ одиночками гораздо выгоднѣе. Но это кажущееся противорѣчіе легко разъясняется нѣкоторыми условіями производства и внутренней организаціи рудничныхъ работъ. Секретъ лежитъ въ расходахъ на администрацію при томъ и другомъ видѣ найма рабочихъ: при артельной наемкѣ они меньше, въ противномъ случаѣ — больше. По разсчетамъ Сборника, при артельномъ трудѣ одно лицо администраціи приходится на 19 углекоповъ, и расходъ на администрацію, вычисленный на каждаго рабочаго, выражается въ полутора рубляхъ; при второмъ же способѣ найма на одно лицо администраціи приходится лишь три рабочихъ, или 8 р. расхода на каждаго изъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, выгода первой формы найма для предпринимателя очевидна.

Гораздо труднѣе опредѣлить относительную выгодность этихъ формъ найма при посредствѣ подрядчика, за отсутствіемъ поло-

жительныхъ свѣденій о размѣрахъ заработной платы углекоповъ, артельщиковъ и одиночекъ. Правда, мы имѣемъ такія цифры, какъ 37 р. на артельщика и 23 р. на одиночку мѣсячнаго жалованья, но по нимъ нельзя судить о дѣйствительныхъ размѣрахъ заработной платы углекоповъ, ибо сюда входятъ и заработки самого подрядчика, и нѣкоторые другіе расходы: иногда подрядчикъ, сверхъ опредѣленнаго числа рабочихъ, обязуется поставить и лошадей у вдрота; въ другихъ случаяхъ,—содержать отъ себя администрацію для наблюденія за рабочими, и т. п. На Голубовскомъ рудникѣ, напримѣръ, подрядчикъ обязанъ держать отъ себя штейгера и надсмотрщиковъ. Иногда на него же возлагаются нѣкоторыя работы, какъ, напр., прокладка на свой счетъ рельсоваго пути въ шахтахъ и проч. Всѣ эти и подобные расходы подрядчикъ покрываетъ изъ суммъ, получаемыхъ имъ на рабочихъ, а поэтому нѣтъ и возможности опредѣлить дѣйствительный заработокъ послѣднихъ на основаніи вышеприведенныхъ цифръ.

Какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, наемка черезъ подрядчика обходится предпринимателю дороже, чѣмъ два предъидущіе вида найма. Удобна же она тѣмъ, что подрядчики принимаютъ на себя вышеперечисленныя обязательства, что̀ избавляетъ хозяевъ отъ многихъ хлопотъ, а также, можетъ быть, еще въ большей степени, и тѣмъ обстоятельствомъ, что договоръ съ подрядчикомъ обезпечиваетъ владѣльцу копей поставку въ опредѣленный срокъ нужнаго количества рабочихъ, что̀ при всякомъ другомъ видѣ найма не всегда, пожалуй, возможно. „Понятно,—читаемъ по этому поводу въ „Сборникѣ“,—что при такихъ условіяхъ подрядчикъ старается взять съ шахтовладѣльца бо̀льшую цѣну на каждаго рабочаго, чтобы имѣть возможность покрыть свои расходы и получить, сверхъ того, извѣстную долю за свои хлопоты по найму“ (стр. 368).

Число артелей углекоповъ нѣсколько выше числа шахтъ; говоря иначе, каждая артель принимаетъ на себя, лично или черезъ подрядчика, разработку одной шахты, и лишь въ немногихъ рудникахъ, гдѣ примѣняется паровая сила, на одну шахту приходится иногда двѣ артели. Обращаясь къ цѣнамъ, по которымъ сдается разработка угля, мы должны прежде всего повторить, что самостоятельная артель получаетъ меньше, нежели подрядчикъ на свою артель. Напр., въ Михайловскомъ рудникѣ подрядчикъ береть за выработку кубической сажени угля на поверхности, т.-е. сложеннаго уже внѣ шахты, отъ 11 р. до 14 р. 50 к., самостоятельная же артель за ту же работу получаетъ

отъ 7 до 12 р. 50 к. То же наблюдается и при сдачѣ разработки шахтъ съ пуда добытаго угля: артель получаетъ отъ 2 до $2^1/_2$ коп., подрядчикъ—$2^1/_2$—3 к. за пудъ. Колебаніе цѣнъ на трудъ въ обоихъ случаяхъ зависитъ отъ разнообразныхъ причинъ—толщины угольныхъ пластовъ, особыхъ условій при договорѣ и т. д.

Взявъ отъ конторы работу по-пудно или отъ сажени угля, подрядчикъ сдаетъ ее артели „по-упряжечно“, т.-е. каждый артельный видъ работъ сдается отдѣльно, и каждый артельщикъ получаетъ отъ него по числу отбытыхъ въ мѣсяцъ „упряжекъ“. Рабочихъ дней въ мѣсяцѣ 24. Штрафы за прогулы подрядчикъ беретъ себѣ. Такое переложеніе работъ приноситъ немалыя выгоды подрядчику и большіе убытки рабочему. „Вообще подрядчикамъ за ихъ предпринимательскую способность перепадаютъ значительныя суммы отъ торговли трудомъ. Такъ, напр., въ рудникѣ г. Малкина, при с. Павловскѣ, подрядчикъ, получая по 11 руб. за куб. сажень добытаго угля, стоитъ конторѣ до 1.000 руб., а самъ платитъ артелямъ не болѣе 710 р., такъ что въ мѣсяцъ ему остается 290 руб. Заработокъ довольно солидный даже для того случая, если въ условіяхъ отношеній къ конторѣ онъ принялъ на себя какія-либо исключительныя обязательства“ [1]).

Бываютъ случаи, когда наличныхъ силъ артели не хватаетъ для выполненія принятыхъ ею на себя обязательствъ, и тогда она нанимаетъ отъ себя постороннихъ рабочихъ по-мѣсячно, съ платою отъ 3 до 13 рублей, на артельныхъ харчахъ, сообразно роду работы. Такъ, „забойщику“, отбивающему въ шахтѣ уголь отъ пласта, даютъ самую высокую плату отъ 10 до 13 руб.; „саночнику“, доставляющему уголь ко входу шахты, „стволу“ ея, „стволовому“, принимающему его и передающему на поверхность, и, наконецъ, „верховымъ“, оперирующимъ надъ углемъ на поверхности, плата колеблется отъ 7 до 10 р. Погонщики у ворота получаютъ 4—6 р. и т. д. Нанимаютъ также и отъ сажени добытаго угля, съ платою 1 р. 20 к.—2 р. 25 к. Въ „Сборникѣ“ упоминается объ одномъ случаѣ, когда артель нанимала 7 ч. годовыхъ рабочихъ съ платою отъ 80 до 100 р. каждому.

Трудъ углекоповъ-одиночекъ, нанимаемыхъ конторой, обыкновенно оплачивается по упряжкамъ, причемъ, сообразно тяжести и опасности работъ, измѣняется и рабочая плата. Забойщикъ, какъ исполняющій самыя тяжелыя и опасныя работы, и здѣсь получаетъ наибольшую плату—1 р.—1 р. 50 к.; саночники и вагонщики отъ 50 к. до 1 р. За трудъ стволовыхъ и верховыхъ

[1]) „Сборникъ“, стр. 372.

дороже 1 р. 20 к. и дешевле 60 к. не платятъ. Грабари-проходчики разныхъ минеральныхъ породъ при прокладкѣ шахты, получаютъ по 1 р. 15 к.; каменщики и плотники, закрѣпляющіе ходы въ шахтахъ и ставящіе подпорки, отъ 1—2 р., сортировщики угля (женщины и дѣти) 20—30 к. въ день. Колебанія цѣнъ на рабочія руки зависятъ отъ времени года, въ которое производится работа, отъ спроса на трудъ и его предложенія въ данный моментъ и т. п. Нѣкоторые хозяева сдаютъ отдѣльнымъ рабочимъ разработку отъ сажени добытаго угля. Въ нѣкоторыхъ рудникахъ, рядомъ съ артелью, работаютъ одиночки и проч. Всего этого разсматривать мы не будемъ, ибо и сказаннаго, думаемъ, достаточно, чтобы сдѣлать соотвѣтствующее заключеніе о формахъ найма и размѣрахъ заработной платы въ славяносербской каменноугольной промышленности.

Какъ уже сказано нами, общія условія работы углекоповъ одинаковы съ вышеописанными и въ другихъ уѣздахъ. Въ подтвержденіе возьмемъ нѣсколько цифръ, относящихся къ міусскому округу, приводимыхъ во II-мъ томѣ „Сборника стат. свѣд. по екатеринославской губ.“ [1]):

Помѣсячно получаютъ отъ подрядчика на рудникѣ г. Измайлова:

	на хоз. харчахъ:	на своихъ харчахъ:
Забойщики	12—15 р.	17—20 р.
Саночники	8—10 „	13—15 „
Вагонщики	10—12 „	15—17 „

Колебанія заработка происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, что и въ славяносербскомъ уѣздѣ. У г-жи Нестеровой уголь добываетъ подрядчикъ-англичанинъ, за что беретъ съ нея $1^3/_4$ к. съ пуда. Ежедневно добывается 3.186 п., что стоитъ 55 р. 76 к.; расходуетъ же подрядчикъ 48 р. 13 к., слѣдовательно ежедневный барышъ его равняется 7 р. 63 к. Рабочій (не-спеціалистъ) получаетъ у него въ среднемъ 58 к. въ день; сама же г-жа Нестерова продаетъ уголь на заводъ г. Юза по $4^1/_2$ к. пудъ, что даетъ ей въ день 87 р. 61 к. „Слѣдовательно, изъ 12 раб. часовъ рабочій работаетъ на себя немного болѣе 4 часовъ, а остальные 8 часовъ онъ работаетъ на предпринимателя“. Ясно, что разницы, по крайней мѣрѣ, серьезной нѣтъ между заработками славяносербскаго и міусскаго углекопа.

Голыя цифры заработной платы, всѣ эти рубли и копѣйки, съ которыми мы только-что имѣли дѣло, не могутъ, однако, дать

[1]) Не имѣя подъ рукой этого тома, цитируемъ по статьѣ А. Тверитинова въ „Р. М.“ 1887 г., № 7 стр. 91.

яснаго представленія объ общихъ условіяхъ жизни углекоповъ, о степени обезпеченности ихъ самихъ и ихъ семействъ. Для этого необходимо ознакомиться съ семейнымъ положеніемъ рабочихъ, порядками расплаты съ ними, способомъ продовольствія, сравнительными цѣнами на продукты первой необходимости и т. д. Только ознакомившись со всѣмъ этимъ и сопоставивъ одно съ другимъ, мы можемъ достаточно ярко и опредѣленно обрисовать дѣйствительное положеніе рабочихъ въ данной отрасли промышленности.

Обращаясь къ тому же III-му выпуску „Сборника", мы находимъ въ немъ разнообразнѣйшія данныя, съ различныхъ сторонъ уясняющія жизнь славяносербскаго углекопа. Только изучая эти данныя, начинаешь понимать, что кажущійся сравнительно высокимъ средній заработокъ артельщика, въ дѣйствительности, является далеко не такимъ, по крайней мѣрѣ, не всегда такимъ.

Рабочее рудничное населеніе состоитъ изъ семейныхъ лицъ и одиночекъ. Процентное отношеніе этихъ группъ къ общему числу населенія и средній размѣръ заработной платы тѣхъ и другихъ неодинаковы. Трудящихся въ рудникахъ 1.620 м. и 3 ж., что составляетъ 80,4% общаго населенія, котораго считается 1.727 м. и 221 ж. Изъ числа трудящихся:

Семейныхъ . . . . 116 ч. м.
Одиночекъ. . . . . 1.504 м. и 3 ж.

Въ семьяхъ, такимъ образомъ, остается нетрудящихся 223 м. и 218 ж., или на каждую семью приходится 3,8 души. Заработки между семейными и одиночками распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

		Въ нихъ ѣдоковъ:	Сумма мѣс. зар.	На семью:	На ѣдока:
Семей . .	116	441 р.	2.703 р.	24 р.	6 р.
Одиночекъ.	1.507	1.507 „	33.207 „	22 „	22 „

Положеніе семейнаго шахтера въ нѣсколько разъ хуже, нежели его собрата—одиночки. Покрыть даже самыя минимальныя потребности ѣдока 6 рублями въ мѣсяцъ совершенно невозможно—„на такую сумму можно поддерживать себя только отъ голодной смерти", — говорятъ составители „Сборника", на мѣстѣ изучавшіе положеніе углекоповъ [1]).

На всѣхъ рудникахъ рабочіе всѣхъ категорій, какъ нанятые конторой, такъ и чрезъ подрядчика, по существующимъ условіямъ, должны получать разсчетъ ежемѣсячно. Въ дѣйствитель-

[1]) „Сборникъ", вып. III. стр. 392.

ности же, всѣ эти „условія“ остаются на бумагѣ и на практикѣ почти никогда не примѣняются. Администрація рудниковъ, въ интересахъ производства и капитала, постоянно старается задерживать уплату заработныхъ денегъ углекопамъ, отчего, понятно, послѣдніе терпятъ многія неудобства и лишенія. Чтобы читатель могъ составить приблизительное представленіе о размѣрахъ, которыхъ достигаютъ эти задержки жалованья рабочихъ, приведемъ здѣсь изъ „Сборника“ небольшой рядъ цифръ.

На Голубовскомъ рудникѣ г-на У. расплата, по условію, ежемѣсячная; конторѣ предоставляется только, въ обезпеченіе находящагося на рукахъ рабочихъ инструмента, удерживать мѣсячное или полумѣсячное жалованье. Таковы условія; на практикѣ же получается слѣдующее. Контора должна своимъ рабочимъ:

Артелямъ:	Числ. арт.	Долгъ за конт.	За сколько мѣс.	На одного раб.
Павла Николаева	12 ч.	1.500 р.	5	125 р.
Ѳедора Ладохина	Неизвѣстно		4	
Алексѣя Дранова	19 „	4.000 „	5	210 „
Ник. Фандѣева.	32 „	1.900 „	4	60 „
Ив. Лазарева	20 „	3.000 „	5	150 „
Ив. Макушина.	25 „	2.580 „	6	103 „
Гав. Дранова	23 „	4.000 „	5	174 „
Шаранъ	23 „	Неизвѣстно	2	
Мар. Мартынова	25 „	1.400 „	2	56 „
Андр. Колосова	30 „	1.800 „	4	60 „ [1]).

И т. д.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя артели по 5—6 мѣсяцевъ не получали отъ хозяевъ ни гроша; у многихъ рабочихъ долгъ на хозяинѣ достигъ чудовищныхъ размѣровъ—210 р. Трудно себѣ представить, чтобы въ какой-либо другой отрасли промышленности, за исключеніемъ развѣ сибирскихъ золотыхъ пріисковъ, гдѣ не признаются никакіе законы и обязательства, задолженность хозяевъ своимъ рабочимъ достигала такихъ маловѣроятныхъ размѣровъ. А между тѣмъ Голубовскій рудникъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ.

Однако, не получая по нѣскольку мѣсяцевъ жалованья, рабочіе не могутъ же существовать однимъ сознаніемъ, что за хозяевами числится столько-то ихъ трудовыхъ денегъ; они все-таки и сами, и ихъ семьи, хотятъ ѣсть, нужно же имъ и прикрывать чѣмъ-нибудь свое грѣшное тѣло. Вотъ тутъ-то хозяева и подрядчики приходятъ къ нимъ на помощь... На всѣхъ руд-

[1]) Тамъ же, стр. 375.

никахъ имѣются особыя кладовыя, гдѣ рабочіе, въ счетъ заработка, могутъ брать въ долгъ необходимые предметы. Такая предупредительность гг. шахтовладѣльцевъ обходится рабочимъ не особенно дешево, ибо на всѣ товары, отпускаемые изъ хозяйскихъ лавокъ, цѣны поставлены значительно выше базарныхъ цѣнъ. Пользуясь безпроцентно десятками тысячъ заработанныхъ рабочими денегъ, хозяева получаютъ еще доходъ на торговлѣ съѣстными припасами и прочими товарами, потребляемыми тѣми же рабочими.

То же самое наблюдается и въ отношеніяхъ подрядчиковъ къ нанимаемымъ ими рабочимъ. Подрядчики также имѣютъ свои лавки съ различными товарами и продуктами, необходимыми углекопу; также здѣсь цѣны повышены; также по нѣскольку мѣсяцевъ задерживается заработокъ. Впрочемъ, относительно разсчета у подрядчиковъ замѣчается нѣкоторое отступленіе отъ образцовъ шахтовладѣльцевъ: разсчетъ производится разъ въ три мѣсяца, причемъ жалованье выдается только за одинъ мѣсяцъ, за другіе же два переносится на счетъ будущей расплаты, тамъ опять только за мѣсяцъ и т. д.

Такая система практикуется на всѣхъ рудникахъ. Вездѣ рабочій крѣпко опутывается ею и попадаетъ въ полную зависимость къ хозяину или его приказчику, что, въ сущности, одно и то же. Отношенія предпринимателей къ здѣшнимъ рабочимъ,—говоритъ „Сборникъ“,—построены на томъ, чтобы какъ-нибудь удержать рабочихъ въ предѣлахъ этого тяжелаго труда. Являясь въ рудники, рабочій, будь онъ въ артели или одинъ, приноситъ только трудъ съ полнымъ отсутствіемъ возможности дневного пропитанія, а потому принимаетъ всѣ предлагаемыя ему обязательства (стр. 377). Результатомъ такого положенія приходящаго на рудники рабочаго является сначала задержка заработка, заборъ въ лавкѣ въ долгъ, а потомъ полнѣйшая кабала, изъ которой вырваться уже трудно. Благодаря такой, не особенно, впрочемъ, хитрой системѣ, углекопы живутъ въ рудникахъ болѣе года, чего при иныхъ порядкахъ, разумѣется, не было бы. По словамъ рабочихъ, только въ двухъ рудникахъ заработки не задерживаются очень ужъ подолгу.

Насколько при такихъ порядкахъ удовлетворяются вообще нужды рабочаго углекопа, мы увидимъ ниже; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о жилищахъ, въ которыхъ они помѣщаются на частно-владѣльческихъ рудникахъ.

Не говоря уже о квартирахъ для рабочихъ, хозяева не находятъ возможнымъ помѣщать ихъ хотя бы въ простыхъ, но теплыхъ и свѣтлыхъ казармахъ. Здѣсь рабочіе живутъ въ перво-

бытныхъ землянкахъ, ими же самими и вырытыхъ. Съ поверхности этихъ „жилищъ“ не видно, такъ какъ они прикрыты землей же. Вотъ въ какихъ словахъ описываются они въ „Сборникѣ“: „Размѣры, воздухъ, нечистота такихъ помѣщеній, по истинѣ, ужасны даже лѣтомъ. На Голубовскомъ рудникѣ, въ землянкѣ въ 10 саж. длиной и 9 арш. шириной, лѣтомъ помѣщаются 18 человѣкъ; въ той же землянкѣ, по словамъ рабочихъ, зимой бываетъ до 60 ч.“ Есть землянки гораздо меньше описанной. „Оконъ или совсѣмъ не полагается, или если они и имѣются, то не болѣе $1^1/_2$ четвертей величиной. Въ самый жаркій лѣтній день въ этихъ помѣщеніяхъ царитъ полумракъ; въ нихъ едва можно писать, да и то лишь при самомъ окнѣ. Во время дождей внутреннія стѣны протекаютъ, воздухъ постоянно сырой съ запахомъ гнили. Просидѣвши въ такомъ помѣщеніи одинъ часъ, выходишь изъ него точно одурѣлый, съ головными болями“ (стр. 381—382).

Почти въ тѣхъ же словахъ обрисовываются жилища углекоповъ въ другихъ уѣздахъ губерніи во II томѣ „Сборника“. „Жилища здѣшнихъ рабочихъ — землянки, два-три „балагана“ для помѣщенія артелей, вводятъ въ заблужденіе подъѣзжающихъ къ шахтамъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь работы производятся въ ничтожныхъ размѣрахъ, потому что жилищъ для рабочихъ виднѣется очень мало; но заблужденіе скоро обнаруживается: оказывается, что въ шахтахъ постоянно работаетъ 100—150 ч. рабочихъ. Едва замѣтныя возвышенія надъ поверхностью земли вокругъ шахты указываютъ на жилища рабочихъ; возвышенія эти — „шеи“ землянокъ, торчащія изъ подземелій въ видѣ „конька“ избъ. Шеи изображаютъ входы въ подземелья, закрываемые дверью; дверь низка, пройти въ нее можно только согнувшись. Тотчасъ за дверью начинаются земляныя ступени, ведущія къ другой двери; по бокамъ ихъ, до стѣнокъ шеи, остаются небольшія пространства, гдѣ на голой землѣ устроиваются постели въ лѣтнее время или ставится посуда. Во время дождя вода проникаетъ въ дверныя скважины и сквозь покровъ и стѣнки шеи. Другая дверь ведетъ прямо въ жилище узкое, продолговатое или квадратное, сажени по $1^1/_2$ по стѣнѣ; стѣны кое-какъ забраны досками или слегка выложены камнемъ, и иногда побѣлены; полъ земляной, потолка нѣтъ, его замѣняетъ крыша подземелья на стропилахъ; внутри подтопокъ съ плитой, столъ и скамейка для сидѣнья; кровати попадаются какъ исключеніе. Внутренность подземелья грязна и неопрятна; содержать жилище въ чистотѣ оказывается весьма затруднительнымъ въ

виду того, что грязь заносится туда на ногахъ непосредственно съ „шеи“. Сквозь крышу и стѣны проникаютъ въ подземелье сырость и влага, и отъ всего этого въ жилищѣ постоянно, даже лѣтомъ, воздухъ затхлый и гнилой. Крошечныя окошечки съ нечисто содержимыми стеклами пропускаютъ внутрь жилища тусклый полусвѣтъ. Такимъ образомъ, рабочіе, задыхаясь въ спертой и тяжелой атмосферѣ подземныхъ галерей во время своихъ дневныхъ и ночныхъ работъ (когда, надо не забывать, легкія рабочихъ, особенно забойщиковъ, функціонируютъ необыкновенно интенсивно) и портя зрѣніе при тускломъ мерцаніи чадящей масляной лампы, лишены возможности пользоваться достаточнымъ свѣтомъ и чистымъ свѣжимъ воздухомъ даже во время своего отдыха“ [1]).

Не лучше обставленъ и самый трудъ горнорабочихъ. „Если представить себѣ положеніе углекопа во время работъ въ нѣдрахъ, то отъ одного представленія дѣлается страшно и жутко“, — говорятъ составители „Сборника“. — „Работа производится на большой глубинѣ — отъ 16 до 60 саженъ, куда дневной свѣтъ не проникаетъ; шахты освѣщаются дымящими и чадящими масляными лампочками, имѣющимися у каждаго углекопа при себѣ. Рабочій день чрезмѣрно длиненъ — отъ 14 до 20 часовъ; все это время углекопы находятся въ согбенномъ положеніи, забойщику приходится отбивать уголь стоя на корточкахъ, а когда пласть тонокъ, то и лежа на боку; саночникъ отвозитъ уголь ползкомъ на колѣняхъ, и т. д.

„Воздухъ въ шахтахъ сырой, такъ какъ большинство ихъ съ большимъ притокомъ воды; рабочимъ нерѣдко приходится совершать работы и передвиженія по водѣ, въ костюмѣ Адама. Дышать приходится угольной пылью въ смѣси съ различными тяжелыми для дыханія газами, которые до такой степени вредно дѣйствуютъ на организмъ, что работа дѣлается невозможной, особенно въ лѣтнее время. Свѣтъ не горитъ, и рабочіе вынуждены по нѣскольку дней не работать. Несмотря на высшую оплату труда лѣтомъ, артели не могутъ вырабатывать того, что вырабатываютъ зимою. Нужно привыкнуть къ мысли о смерти и не дорожить совсѣмъ жизнью, чтобы рѣшиться на рудничный трудъ, гдѣ малѣйшая оплошность рабочаго, недосмотръ администраціи и тому подобное могутъ окончиться смертью или погребеніемъ за-

[1]) Цитированная уже статья Ал. Тверитинова въ „Русск. Мысли“ за 1887 г., № 8, стр. 89-90. Рѣчь идетъ о Семеновскихъ и Александровскихъ шахтахъ Новороссійскаго общества.

живо“ [1]). За 1885 годъ, по оффиціальнымъ свѣденіямъ, взятымъ въ „Сборникѣ“ изъ отчетовъ съѣзда углепромышленниковъ, было 19 несчастныхъ случаевъ, изъ которыхъ 16 окончились смертью. Въ 1886 году у г. Ч. въ шахтѣ придавило землей на смерть забойщика, и т. д. Нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ составителя „Сборника“, что „трудъ углекопа—каторжно-тяжелый трудъ!“

Что же удивительнаго, если при подобныхъ условіяхъ и обстановкѣ мѣста труда углекопа, онъ „представляетъ собой изможденную малосильную фигуру, съ болѣзненно-блѣднымъ цвѣтомъ лица и плохимъ зрѣніемъ“, какъ его рисуетъ II т. „Сборника“! Можно ли удивляться или негодовать, что углекопъ, исполняя каторжную работу при вышеупомянутой обстановкѣ, ежеминутно рискуя обрѣсти себѣ живую могилу, живя въ смрадныхъ, холодныхъ и сырыхъ землянкахъ, страшно пьянствуетъ, какъ свидѣтельствуетъ тотъ же II томъ? А домашняя, такъ сказать, внутренняя обстановка жизни углекопа, по истинѣ, отвратительна и ужасна. „Здѣсь пьянство бываетъ страшное. Начиная съ субботы, лишь только получатъ деньги, и до половины вторника, рабочіе пьютъ поголовно.—*Пропились совсѣмъ, только жены*, у кого онѣ есть, и *поддерживаютъ мало-мальски*,—заявлялось статистикамъ при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ. Здѣсь праздничный день — пьяный день; трезвые рабочіе попадаются тогда рѣдко. Нѣкоторые рабочіе допились до состоянія, близкаго къ delirium tremens; отъ многихъ постоянно и нестерпимо разитъ перегорѣвшей сивухой“.

А вотъ внутренняя обстановка жизни рабочихъ. „Посѣщая для опросовъ уже извѣстныя землянки, мы въ большинствѣ случаевъ не могли пробыть въ нихъ болѣе 2—3 минутъ — до того непріятенъ и тяжелъ въ нихъ воздухъ даже при открытыхъ дверяхъ; но въ этой смрадной обстановкѣ живутъ не только взрослые, но и дѣти. Нерѣдко приходилось въ землянкахъ заставать бѣдныхъ женщинъ, кое-какъ прикрытыхъ грязными лохмотьями, сидящихъ на голомъ земляномъ полу со штопаньемъ въ рукахъ, съ грудянымъ ребенкомъ, валяющимся около, на кучѣ нечистаго и вонючаго рванья, и окруженныхъ другими дѣтьми, чумазыми, корявыми и полунагими малютками, высохшими какъ спички, съ сине-блѣдными, до-нельзя болѣзненными личиками... Въ одной такой землянкѣ, въ углу, лежалъ больной мальчикъ, едва было оправившійся отъ оспы, но снова заболѣвшій горячкой“ (стр. 90).

[1]) „Сборникъ“, стр. 382-383.

Нечего и говорить, что здѣсь „ни школъ, ни больницъ, ни учителей, ни врачей, ни фельдшеровъ совсѣмъ нѣтъ“, несмотря на то, что у семейныхъ рабочихъ достаточное количество дѣтей, несмотря на серьезную потребность въ медицинской помощи, хотя бы уже въ виду частыхъ „обваловъ“ и другихъ несчастныхъ случаевъ въ шахтахъ.

Какъ мы уже видѣли, артельная форма труда преобладаетъ въ каменноугольныхъ рудникахъ. Внутренняя организація этихъ артелей заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Организаторомъ артелей горнорабочихъ является или кто-нибудь изъ самихъ углекоповъ, или контора рудника, или, наконецъ, подрядчикъ. Первыя артели, составляясь на родинѣ рабочихъ, гдѣ-нибудь въ орловской губ., вступаютъ въ рудникъ уже вполнѣ сложившимися. При формированіи артелей конторою дѣло происходитъ такъ: контора поручаетъ кому-нибудь изъ старыхъ и опытныхъ рабочихъ, много лѣтъ работавшихъ въ рудникахъ, и потому знакомыхъ со всѣми тонкостями каменноугольнаго дѣла, составить нужной величины артель для разработки старой или вновь открываемой шахты. Довѣренный отъ себя уже „сбиваетъ“ артель, ѣздитъ по окрестнымъ селамъ, пишетъ на родину, съ цѣлью выписать земляковъ и знакомыхъ на работу, и т. п., вообще, такъ или иначе, „присоглашаетъ“ себѣ нужное количество товарищей-артельщиковъ. Наконецъ, подрядчики пріискиваютъ для себя рабочихъ тутъ же изъ мѣстныхъ крестьянъ, или отправляются въ болѣе сѣверныя губерніи, доставляющія главный контингентъ рудничныхъ рабочихъ, и тамъ уже нанимаютъ послѣднихъ, иногда при помощи не особенно благовидныхъ пріемовъ, въ родѣ, напр., подкупа сельскаго и волостного начальства, чтобы то „поприжало“ неплательщиковъ, и чтобы, такимъ образомъ, получить возможность внести за нихъ недоимки въ счетъ задатка, и тѣмъ закабалить ихъ себѣ. Все это, впрочемъ, пріемы, слишкомъ обычные при наймѣ рабочихъ. Провозъ рабочихъ подрядчикъ обыкновенно принимаетъ на свой счетъ.

Всего чаще горнорабочіе группируются въ артели по знакомству и личнымъ связямъ—въ большинствѣ случаевъ, артельщики принадлежатъ къ одной волости и даже обществу. Мѣстныхъ артелей въ рудникахъ не много, все больше работаетъ пришлый народъ, о чемъ, впрочемъ, придется еще говорить ниже.

Внутренняя организація артелей вездѣ одинакова и отличается своей простотой и несложностью. Всякая артель имѣетъ

своего такъ-называемаго „артельщика“ — лицо выборное, на котораго возлагаются распорядительныя обязанности и заботы. Онъ ведетъ счетъ „упряжкамъ“ каждаго члена или количеству выработаннаго угля, если работа производится отъ пуда, распредѣляетъ работу между членами; онъ же, отъ лица всей артели, ведетъ сношенія съ конторой или подрядчикомъ. За все это онъ освобождается отъ работъ въ шахтѣ. Артельщикъ всегда—лицо опытное, знатокъ углекопнаго дѣла. Распредѣленіе работъ производится или такъ, что каждый исполняетъ постоянно одну какую-либо работу, или какъ случится, на какую работу поставитъ артельщикъ, какая ему по силамъ. Малолѣтнихъ въ артеляхъ не встрѣчается—моложе 18 лѣтъ не принимаютъ. Только одни погонщики, работающіе на поверхности у барабана, моложе этихъ лѣтъ, но они не члены артели, а нанимаются ею изъ мѣстныхъ крестьянскихъ семействъ. Инструменты чаще всего принадлежатъ конторѣ, иногда подрядчику, и выдаются артели за круговой ея отвѣтственностью.

Производительная артель углекоповъ въ то же время и потребительная. Всѣ члены артели должны употреблять одну и ту же пищу, въ одно и то же время. На общій счетъ забираются продукты, изъ которыхъ артельная кухарка изготовляетъ общій обѣдъ. Хозяйственная часть лежитъ на кухаркѣ, нанимаемой на общій счетъ, съ платою отъ 5 до 10 р. въ мѣсяцъ. Гдѣ артель велика, тамъ двѣ и три кухарки. Кухарка всегда жена артельщика или кого-нибудь изъ членовъ артели, нарочно для этого выписанная изъ дому. Посуда пріобрѣтается на общій счетъ. Обѣдаетъ артель за общимъ столомъ, кромѣ членовъ, находящихся въ это время на работѣ въ шахтахъ, куда имъ и относится обѣдъ. Всѣмъ общимъ расходамъ въ концѣ мѣсяца сводится счетъ, и они высчитываются изъ общаго заработка; остатокъ дѣлится между всѣми членами по числу упряжекъ, отработанныхъ каждымъ изъ нихъ въ теченіе мѣсяца, считая въ томъ числѣ и трудъ самого артельщика.

Углекопы, работающіе въ одиночку, съ продовольственными цѣлями также образуютъ потребительныя артели. Такихъ артелей очень много на всѣхъ рудникахъ—на одномъ Каменскомъ число ихъ достигаетъ 21. Численность ихъ разнообразна—отъ 2 до 20 душъ въ каждой. Здѣсь также нанимается на общій счетъ кухарка съ платой по 3 рубля въ мѣсяцъ, если посуда артельная, и по 6 р. съ ея посудой. Иногда кухарка получаетъ по 1 р. 50 съ человѣка. Продукты забираются въ хозяйскихъ лавкахъ отъ лица всей артели.

Въ подрядчиковыхъ артеляхъ рабочіе продовольствуются также, или же подрядчикъ беретъ ихъ къ себѣ на харчи за опредѣленную мѣсячную плату.

О доброкачественности продуктовъ въ лавкахъ хозяевъ и ихъ подрядчиковъ въ „Сборникѣ", къ сожалѣнію, говорится лишь въ одномъ мѣстѣ, но фактъ, приводимый имъ, очень характеренъ: на рудникѣ г. К., вмѣсто баранины или говядины, для рабочихъ было засолено собачье мясо... Къ этому факту, пожалуй, излишне прибавлять еще что-либо.

Помимо перечисленныхъ выше артелей собственно углекоповъ, та же форма соединенія силъ встрѣчается и между рабочими, трудъ которыхъ направленъ не прямо на разработку угля, а связанъ съ нею лишь косвенно. Сюда прежде всего слѣдуетъ отнести грабарей, работающихъ надъ прокладкой шахтъ; ихъ артели работаютъ также отъ конторы и отъ подрядчика; работу берутъ по 1 р.—1 р. 25 к. отъ кубической сажени прорытой земли. Въ рудникахъ Каменскомъ и Семеновскомъ двѣ артели, одна въ 11, другая въ 17 чел., работаютъ надъ выпилкой кокса. На рудникѣ Петромарьевскаго общества артель изъ 6 чел. изготовляетъ кирпичъ, заработывая до 40 р. въ мѣсяцъ, кромѣ харчей. На ст. Голубовкѣ воздушной желѣзной дороги Голубовскаго рудника артель изъ 19 человѣкъ грузчиковъ получаетъ по 35 к. съ нагрузки вагона, въ среднемъ нагружая до 60 вагоновъ въ день; артель работаетъ отъ подрядчика, получающаго съ хозяина по 45 к. съ вагона, и т. д., и т. д. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что артельная форма прилагается здѣсь почти ко всѣмъ видамъ труда, встрѣчающимся въ каменноугольной промышленности, чему, конечно, имѣются свои причины, подробнаго изложенія которыхъ, къ сожалѣнію, мы не находимъ въ „Сборникѣ".

Таковы, въ общихъ чертахъ, условія и формы труда на частновладѣльческихъ каменноугольныхъ рудникахъ. Копи крестьянъ-кустарей во многихъ отношеніяхъ представляютъ иную картину. Къ нимъ мы и перейдемъ теперь.

Вотъ небольшая табличка размѣровъ крестьянскаго производства угля:

Въ крестьянскихъ копяхъ:	Шахтъ.	Артелей.	Въ нихъ трудящ.	Нанятыхъ.
Бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. .	27	27	139 чел.	—
Государственныхъ крестьянъ. . . .	65	65	294	27
На дачахъ 5 экономій частн. владѣльц. крестьян. копей	15	15	108	—

Изъ этихъ данныхъ видно, во-первыхъ, что число крестьянскихъ шахтъ соотвѣтствуетъ числу артелей, или что каждая артель разработываетъ отдѣльную шахту, а во-вторыхъ, что въ шахтахъ, расположенныхъ на общественной землѣ, средняя артель нѣсколько меньше таковой же въ шахтахъ на частныхъ земляхъ, и это, нужно думать, объясняется тѣмъ, что разработка угля на земляхъ послѣдней категоріи влечетъ за собою бо́льшія обязательства въ пользу собственника земли, сравнительно съ крестьянскими землями, гдѣ часто артель ничего не платитъ обществу за разработку нѣдръ земли.

Средняя численность артели кустарей 5—6 чел.; она рѣдко состоитъ изъ 7—8 душъ, и только одна артель на весь славянскій уѣздъ имѣетъ 10 членовъ. Формируются артели углекоповъ почти исключительно изъ мѣстной крестьянской молодежи—старики рѣдко принимаютъ участіе въ этомъ промыслѣ.

Къ разработкѣ угля кустари приступаютъ сейчасъ по окончаніи полевыхъ работъ. Въ это время составляются артели, производятся развѣдки, закладываются новыя шахты. Всѣ участвующіе въ устройствѣ шахты пользуются равнымъ правомъ на долю въ будущемъ продуктѣ. По числу первоначальныхъ участниковъ устанавливается число паевъ, на каждаго по паю. Членъ артели имѣетъ право разбивать свой пай на части и продавать или уступать ихъ другимъ, на какихъ ему угодно условіяхъ,—артель въ это не вмѣшивается. Бываютъ случаи продажи полнаго пая, а также покупки артелью права на весь уголь шахты; послѣднее цѣнится относительно дорого.

Артель кустарей, приступая къ дѣлу, прежде всего сообща изготовляетъ себѣ землянку, гдѣ можно было бы отдохнуть и приготозить пищу. Самая разработка производится слѣдующимъ образомъ. Изъ артели въ 5 чел., 2 работаютъ въ глубинѣ шахты въ качествѣ забойщиковъ, одинъ—какъ саночникъ, двое остальныхъ извлекаютъ уголь изъ шахты и принимаютъ его на поверхности, причемъ обязанности членовъ постоянно мѣняются, такъ что каждому приходится работать два дня въ нѣдрахъ—день забойщикомъ и день саночникомъ, и черезъ сутки на поверхности. То же самое и для большихъ артелей—принципъ равномѣрности въ распредѣленіи работъ остается въ силѣ. Освѣщеніе шахтъ, починка инструмента, продовольствіе артели—все производится на общій счетъ. Продуктъ дѣлится по степени добычи. Работаютъ кустари отъ 6 ч. утра до 8 вечера.

Въ крестьянскихъ копяхъ добываютъ уголь осенью и зимою, т.-е. въ свободное отъ земледѣльческихъ работъ время, что́ нахо-

дится въ прямой связи съ главной цѣлью крестьянскаго промысла—добыть уголь для собственныхъ потребностей, для отопленія своихъ хатъ; въ продажу на сторону идетъ только излишекъ угля. Этимъ же объясняется какъ незначительность крестьянской разработки угля, такъ и то, что многія артели не работаютъ непрерывно въ теченіе всего зимняго сезона, а лишь по временамъ: набьютъ пудовъ 150 угля, да потомъ недѣли двѣ и не работаютъ, пока не потребуется новаго запаса угля, или же въ недѣлю работаютъ три дня. Такой порядокъ, впрочемъ, ведется лишь въ южной части уѣзда, вдали отъ владѣльческихъ рудниковъ; въ центрѣ же предпринимательскаго производства и крестьянскія работы носятъ болѣе постоянный характеръ: тамъ работаютъ съ сентября по 1-е марта, или съ 1-го декабря по май.

Добыча угля кустарями, непосредственно участвующими въ дѣлѣ и потому не тратящими денегъ на наемъ рабочихъ и администраціи и не платящими большихъ денегъ за землю, обходится значительно дешевле предпринимательскаго способа производства, тѣмъ болѣе, что устройство самыхъ шахтъ въ крестьянскихъ копяхъ несравненно проще и дешевле, нежели въ частно-владѣльческихъ рудникахъ, какъ мы уже говорили выше. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что крестьянскій уголь, несмотря на ничтожные размѣры кустарной промышленности, не только является на мѣстные рынки, но и успѣшно конкуррируетъ съ угломъ частныхъ владѣльцевъ, къ большому неудовольствію послѣднихъ: крестьяне продаютъ свой уголь отъ 1 до 3 к. за пудъ, тогда какъ частнымъ владѣльцамъ самимъ производство угля въ среднемъ стоитъ около 5 к. на пудъ—разница серьезная.

Скупщики, какъ это часто бываетъ, пользуются нуждою кустарей въ деньгахъ, скупаютъ у нихъ уголь коп. по 2 за пудъ и потомъ перепродаютъ его въ розницу по 4 к. Покупается уголь и мелкими, и крупными частновладѣльческими конторами и потомъ сбывается ими на дальніе рынки „въ качествѣ угля извѣстныхъ фирмъ“. Нѣкоторыя артели имѣютъ и постоянныя мѣста сбыта на Луганскій заводъ, на суконовальни, окрестнымъ помѣщикамъ и т. п., по цѣнѣ отъ 2 до 6 к. съ пуда.

Мы видѣли, что въ настоящее время кустарное производство угля очень незначительно; тѣмъ не менѣе, его громадное значеніе въ будущемъ для мѣстнаго крестьянства не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію уже въ виду того, что славяносербскіе крестьяне не имѣютъ лѣса въ своемъ надѣлѣ, почему для нихъ вопросъ о топливѣ особенно важенъ. Отопленіе угломъ входитъ все въ большее и большее употребленіе у крестьянъ на-

званнаго уѣзда и съ дальнѣйшимъ развитіемъ промысла, несомнѣнно, будетъ прогрессировать. На ряду съ этимъ, развитіе кустарной разработки минеральнаго топлива имѣетъ для крестьянства серьезное значеніе и съ той стороны, что современемъ можетъ стать важнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, источникомъ увеличенія тощаго крестьянскаго бюджета. Все это заставляетъ отнестись къ кустарной промышленности съ особеннымъ вниманіемъ.

Намъ остается отмѣтить то значеніе, какое имѣетъ для мѣстнаго населенія каменноугольная промышленность вообще; на этотъ счетъ мы находимъ въ „Сборникѣ“ слѣдующія свѣденія:

Мѣстныхъ рабочихъ на славяносербскихъ частныхъ рудникахъ	446 ч. 28%
Двухъ смежныхъ уѣздовъ бахмутскаго и маріупольскаго	260 — 16%
20 другихъ губерній 73 уѣздовъ.	717 — 56%

Ясно, что крупная каменноугольная промышленность имѣетъ несравненно большее значеніе для другихъ губерній и уѣздовъ, нежели для славяносербскаго. Положеніе это пріобрѣтаетъ еще большую силу, если мы припомнимъ, что добываемый на частныхъ рудникахъ уголь цѣликомъ вывозится изъ уѣздовъ и идетъ на дальніе рынки. Иначе говоря, мѣстному населенію отъ крупнаго производства нѣтъ никакого дохода, если не считать тѣхъ четырехсотъ крестьянъ-бѣдняковъ, которые находятъ себѣ заработокъ около него. Но ихъ матеріальное положеніе и обстановку жизни мы уже видѣли, а потому нельзя сказать, чтобы и они имѣли какую-нибудь выгоду отъ крупной каменноугольной промышленности.

С. Русовъ.

МУСЯ

Романъ въ двухъ частяхъ.

„Warum?“ — *Rob. Schumann.*

Warum bin ich selbst so krank
und so trüb!
Mein liebes Liebchen, sprich?
O, sprich, mein herzallerliebstes Lieb,
Warum verliessest du mich?—*H. Heine.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VIII *).

— Бергъ, голубушка! спроси меня пятый билетъ!—говоритъ Мельникова, положивъ передъ Ниной книгу, съ заложенной въ нее тетрадкой.—Я совсѣмъ не помню.

Бергъ сидитъ въ большой залѣ у стола; зажавъ уши обѣими руками и неподвижно уставившись глазами на печку, она твердитъ уже десятый разъ:

„Подибрадъ воспротивился папскимъ повелѣніямъ, тогда папа Павелъ II... Подибрадъ воспротивился папскимъ повелѣніямъ, тогда папа...“

Нина поднимаетъ голову и съ минуту безсмысленно смотритъ на Мельникову.—Что, что? Уже пріѣхалъ?—спрашиваетъ она, наконецъ, съ испугомъ замѣтивъ печальное лицо Мельниковой.

— Нѣтъ, нѣтъ еще, слава Богу! Только спроси меня, голубушка, пятый билетъ. Я его совсѣмъ не помню.

---

*) См. выше: май, 121 стр.

— Что въ пятомъ? Скандинавія, Пруссія и Польша?—Бергъ справляется въ лежащемъ передъ ней маленькомъ „повторительномъ курсѣ“, съ отмѣченными краснымъ карандашомъ нумерами билетовъ.—Да! Ну, начинай: „Послѣ кольмарской уніи соединеніе трехъ королевствъ было непрочно“...

...— „Шведы съ неудовольствіемъ переносили господство датскихъ королей“,—тотчасъ подхватываетъ Мельникова и скороговоркой, едва переводя дыханіе на запятыхъ, почти слово въ слово по книгѣ, продолжаетъ отвѣчать пятый билетъ. Бергъ отъ времени до времени говоритъ съ нею въ унисонъ: „извѣстна въ исторіи подъ именемъ стокгольмской кровавой бани“... „онъ долго укрывался“... „своимъ королемъ“. Когда Мельникова начинаетъ говорить уже слишкомъ скоро, Бергъ останавливаетъ ее: —„Ну да, ну да, тутъ про ея странности и про ученыхъ, это ты знаешь. А вотъ скажи мнѣ дальше, отъ котораго года до котораго Карлъ X?

— Карлъ X?.. Карлъ X отъ... 1654 до... 166... 3-го.

— 1660! 1660!—настаиваетъ Бергъ.—Смотри, не ошибись! Ну, такъ скажи про него.

— „Карлъ X былъ очень воинственный“...—Такимъ образомъ Бергъ заставляетъ Мельникову отвѣтить весь пятый билетъ.

— Знаешь! — съ убѣжденіемъ говоритъ она и закрываетъ книгу.

— Ахъ, нѣтъ! совсѣмъ плохо. Сколько ты мнѣ помогала, ужасть!

Въ сосѣднемъ пустомъ классѣ гулко раздаются быстрые шаги.

— Уже пришелъ изъ нашихъ кто-нибудь?—кричитъ въ дверяхъ Сергѣева.—А! Бергъ, Мельникова! Ну что?—она подходитъ къ нимъ.—Голубушки, ничего не знаю, т.-е. рѣшительно все изъ головы вонъ! Вчера до третьяго часа сидѣла, сегодня въ половинѣ седьмого встала, а теперь чувствую, что ничего не знаю.

— Все прошла?—спрашиваетъ Мельникова.

— Все.

— А я 13-го и 14-го и не читала.

Приходятъ еще двѣ ученицы. Одна изъ нихъ маленькая, худенькая, смотритъ совсѣмъ больной: лицо блѣдное, лихорадочно-горящіе глаза окружены синей тѣнью.—Я такъ и не ложилась! —говоритъ она.

— Ты себя совсѣмъ уморишь,—замѣчаетъ ей Мельникова. —Вѣдь подумай, еще цѣлыхъ пять экзаменовъ впереди!

— Э! Все равно!—отвѣчаетъ худенькая дѣвушка съ отчая-

ніемъ.—Провалюсь сегодня, вотъ тебѣ и конецъ всѣмъ экзаменамъ! Она закрываетъ лицо руками и кладетъ голову на столъ.

— Ну, полно, полно, Огаркова!—утѣшаетъ ее Бергъ.—Не приходи только въ отчаяніе. Ты всегда такъ говоришь передъ экзаменомъ, а потомъ отвѣчаешь чуть ли не лучше всѣхъ.

— Да, хорошо тебѣ такъ храбриться,—вмѣшивается только-что подошедшая съ тремя другими ученицами Луковникова.—Ты, Бергъ, сама небось все наизусть выдолбила. Читала разъ десять вдоль и поперекъ!

— Чтожъ, я не спорю! Я прошла четыре раза.

— Четыре раза!—почти съ ужасомъ восклицаютъ всѣ въ одинъ голосъ.

Съ улицы доносится стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Душенька Сергѣева, сбѣгай, взгляни изъ 3-го класса, кто пріѣхалъ: Лерманъ или инспекторъ? Когда я вчера приходила за программой нѣмецкаго, Парина сказала мнѣ, что инспекторъ просилъ его не ждать. Онъ, можетъ быть, только въ 9-мъ часу пріѣдетъ. А можетъ быть это уже онъ.

— Господи! Кабы меня до него спросили!!—уже на бѣгу восклицаетъ Сергѣева и стремглавъ летитъ черезъ анфиладу пустыхъ, настежъ открытыхъ классныхъ, залитыхъ косыми лучами майскаго вечерняго солнца. Ея коричневое платье то словно загорается красноватымъ огонькомъ, пролетая сквозь падающій отъ окна столбъ золотой пыли, то вновь погасаетъ. Добѣжавъ до 3-го класса, Сергѣева такъ же стремительно вскакиваетъ на стоящій у окна плетеный стулъ, открываетъ форточку и высовываетъ голову. Черезъ секунду она уже со стукомъ захлопываетъ форточку, тяжело прыгаетъ на полъ и съ такой же быстротой летитъ назадъ, крича во весь голосъ:—Это Муранская, Муранская пріѣхала! Свои лошади!

— Тсс!.. шш!—шикаютъ и машутъ на нее всѣ руками.—Ты точно съ ума сошла! Попадетъ тебѣ, того-и-гляди, отъ Рыбки.

— А развѣ она уже въ учительской?—спрашиваетъ Сергѣева, запыхавшись, и усаживается подлѣ Луковниковой.

Въ сосѣднемъ классѣ опять слышны легкіе, быстрые шаги по звонкому паркету, и въ залу вбѣгаетъ Муранская.

— Добрый вечеръ, медамочки! Ну, какъ вы?—Она цѣлуетъ Бергъ и жметъ руку другимъ.

— Что это ты такъ налегкѣ?—спрашиваетъ ее насмѣшливо Луковникова.

— А что? Т.-е. что я безъ книгъ? Да вѣдь все равно теперь ничего повторить не успѣю, а только тащить даромъ по

жарѣ. Какая жара, бѣда! Я уже сегодня въ лѣтней шляпкѣ. Ахъ, Нина, какую чудную я купила у Бертранъ. Да вотъ увидишь. Поѣдемъ отсюда ко мнѣ! Я обѣщала Любочкѣ послѣ чая зайти за ней, взять Саню, Юрочку, Петю, и всѣмъ идти вечеромъ гулять, какъ тогда. Вечеръ-то, вечеръ какой сегодня! Прелесть! Какъ гадко здѣсь: ни одно окно не выставлено, пыль, духота! А на улицѣ какъ хорошо! На островахъ, воображаю, просто съ ума сойти можно!

— „Рано пташечка запѣла, какъ бы кошечка не съѣла!“ — сентенціозно замѣтила Луковникова.

— Ты хочешь сказать, что я, можетъ быть, провалюсь, такъ тогда я уже не пойду, будто бы, гулять, и все мнѣ не покажется такимъ хорошимъ?

— Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!—поднявъ брови и дѣлая невинное лицо, опять отрѣзала Луковникова.

— Не каркай, не каркай, Луковникова!—съ ужасомъ сказала Огаркова, вздрагивая.—Я ужъ и то мѣста себѣ не нахожу. Мусинька, ты ее не слушай!—говоритъ она вслѣдъ затѣмъ, вставая и положивъ голову Мусѣ на плечо.—Тебѣ-то, впрочемъ, нечего бояться, а мнѣ!!..—и изъ подъ ея опущенныхъ рѣсницъ выкатились двѣ крупныя слезы.

— Ну, Ольга, полно, полно!—Мельникова съ участіемъ гладитъ ее по рукѣ, которою она обхватила Муранскую за шею.—Вотъ что значитъ не спать: нервы и развинтились!

— Ну, а мы ихъ сейчасъ и подвинтимъ, Олечка!—Муся цѣлуетъ Огаркову и бѣжитъ съ нею къ другому окну, наливаетъ изъ стоящаго на окнѣ графина воды въ плоскую рюмочку, вынутую изъ кармана, и каплетъ какихъ-то капель изъ баночки, привезенной также въ карманѣ.—Я, mesdames, нынче вмѣсто книгъ привезла разныхъ разностей: для Ольги и для Серебриной капли, для Луковниковой—„царскую карамель“ (я ее уже упрятала Катѣ въ столъ, а то меня чуть Рыбка не накрыла). Для Нины—„delectable losanges“, чтобы горло не пересыхало. А Мельниковой—портретъ Котоньи; какъ начнетъ въ унынiе впадать, а я ей тутъ какъ тутъ! изъ подъ передника и покажу!

— Ну, вотъ вздоръ!—говоритъ Мельникова, вся вспыхнувъ, но очень довольная.

— Mesdames! — зоветъ m-lle Парина.—Господинъ Лерманъ проситъ не задерживать его слишкомъ, а потому мы начнемъ безъ четверти въ семь. Всѣ здѣсь?

— Всѣ! —Дѣвушки направляются въ свой классъ. Сергѣева крестится, продѣвъ руку подъ нагрудникъ передника. Огаркова,

еще блѣднѣе прежняго, громко шепчетъ:—Господи помилуй, Господи помилуй!

— Ну, чувствую, что мнѣ выйдетъ этотъ проклятый 13-й билетъ!—говоритъ Мельникова, косясь на ходу въ полуоткрытую книжку.

Всѣ, взволнованныя, однѣ разомъ разгорѣвшіяся, другія разомъ же поблѣднѣвшія, съ шумомъ и нервными, быстрыми движеніями прячутъ книги и тетради въ столы и усаживаются на свои мѣста. Одна Луковникова спокойно полувыдвигаетъ свой ящикъ, выбираетъ, заглядывая въ мѣшочекъ, двѣ карамельки и, развернувъ ихъ, осторожно скусываетъ съ бумажекъ одну за другою.

Проходитъ минуты двѣ-три томительнаго ожиданія. Входитъ дѣвушка и ставитъ на окно подносъ съ графиномъ и стаканами. Парина запираетъ дверь въ залу, оставивъ открытою дверь въ сосѣдній классъ. Потомъ уходитъ и черезъ минуту приноситъ переплетенный въ лиловато-коричневую обложку классный журналъ, который кладетъ на столъ передъ учительскимъ мѣстомъ, и опять уходитъ.

Проходятъ еще нѣсколько минутъ. Всѣмъ не по себѣ. Огаркова зябнетъ и закутываетъ руки въ передникъ. Серебрина, красная какъ піонъ, точно задыхается отъ жары и опахивается листомъ бумаги, лежащимъ передъ ней.

— Серебрина! спрячь бумагу! спрячь бумагу, чтобъ Лерманъ не придрался какъ-нибудь!

Муся, повидимому, очень весело разсказываетъ Мельниковой о томъ, какъ она сегодня покупала шляпку, и что потому уже съ двухъ часовъ ничего не дѣлала. Но опытный глазъ Нины видитъ, что Муся слишкомъ уже весела и точно храбрится.

— Муся, ты трусишь?—вполголоса спрашиваетъ Бергъ.

— Нѣтъ, ни чуточки! Съ чего ты это взяла?

— Да такъ, ты точно нервничаешь.

Муся подвигается къ Нинѣ. — Знаешь, Нина, вѣдь мнѣ, вообще, экзамены не страшны и даже пріятны, потому что я люблю этакъ дня въ 3-4 пройти весь предметъ цѣликомъ, а отвѣчать не боюсь. А ужъ сегодняшняго экзамена вовсе не боюсь! —Она даже рукой махнула. — Во-первыхъ, я исторію хорошо знаю. (Знаешь, вѣдь я „новой“ и „средней“ вовсе не повторяла. Только ты имъ этого не говори.—И Муся еще понизила голосъ. —Скажутъ опять, что я рисуюсь. Но я хорошо все помнила.) А во-вторыхъ, я эти дни не могла совсѣмъ заниматься... Уже цѣлую недѣлю я не сплю... Я сама себѣ такой экзаменъ сдѣ-

лала, что этихъ десять отдать можно! Ну, и выдержала! Теперь я собой довольна и мнѣ все трынъ-трава!

Нина съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Муранскую.—О чемъ ты говоришь?

— Такъ... А впрочемъ, ты знала начало, такъ знай ужъ и конецъ: я съ Мюнстеромъ покончила.

— *Ты* покончила?

— Да, я сама.

Нина знала весь короткій и наивный романъ своего друга, совершенно похожій на всѣ подобные романы очень молодыхъ дѣвушекъ: представленіе на какомъ-нибудь вечерѣ, ничего незначащая болтовня за кадрилью, два-три лишнихъ ордена въ qualités; другой вечеръ, третій, пикникъ на тройкахъ, приглашеніе бывать „запросто“; разговоры о самыхъ пустыхъ вещахъ, но оставляющіе какое-то таинственно-радующее впечатлѣніе. Потомъ постоянныя, якобы, случайности, приводящія въ одни и тѣ же дни въ театръ, на выставку, на благотворительный базаръ; потомъ дѣйствительно-нечаянныя, но ожидаемыя обоими, встрѣчи на Набережной и на Большой Морской. Потомъ мазурка, о которой просятъ чуть не за мѣсяцъ до бала. Пустыя слова принимаютъ все болѣе волнующій тонъ и смыслъ. Потомъ разговоръ начинаетъ не клеиться. Молчаніе. И все сказано.—До сихъ поръ Нина знала романъ Муси, какъ знала много подобныхъ же романовъ разныхъ своихъ свѣтскихъ подругъ. Нина ожидала со дня на день и эпилога его, въ томъ же родѣ, какъ эпилоги романовъ Лизы Кернъ, Сашеньки Радищевой: сказала мамашѣ или папашѣ; мамаша позволила пріѣхать на другой день, и былъ торжественный или задушевный разговоръ — смотря по отношеніямъ молодого человѣка къ семейству. Были и другіе эпилоги. Папаша Жени Марьевской, какъ только заикнулись при немъ о князѣ Уральскомъ, пришелъ въ такой гнѣвъ и сказалъ что-то такое мамашѣ, что князю немедленно отказали отъ дому, а Женя захворала, проболѣла цѣлый годъ, никуда не выѣзжаетъ, похожа на тѣнь и только все твердитъ: „Suis-je plus heureuse de ne pas être trahie par un homme que je ne puis cesser d'aimer!“ — Но Мусинъ эпилогъ совершенно не похожъ на всѣ эти. „Сама покончила“,— сказала Муся.

— Что-жъ, ты его разлюбила, что ли?

Мусѣ хочется солгать, но ложь не идетъ у нея съ языка.

— Нѣтъ, не разлюбила!— рѣзко говоритъ она и отвертывается.

Къ счастью, въ эту самую минуту двери изъ корридора растворяются настежъ, и входитъ цѣлая процессія: впереди идетъ Лер-

манъ, маленькій толстенькій человѣчекъ въ вицмундирѣ и въ очкахъ, за нимъ два ассистента: Петровскій и еще какой-то, необычайнаго роста и съ необычайно-маленькой головой, рыжій господинъ, тоже въ вицмундирѣ. Потомъ Софья Игнатьевна и, наконецъ, m-lle Парина. Всѣ усаживаются у стола. Съ минуту оба лагеря, нападающій и приготовившійся къ оборонѣ, разсматриваютъ другъ друга.

— Ну, что же, Густавъ Ивановичъ, можно и начинать!— говоритъ Рыбкина со своей сухой ужимкой.

Лерманъ какъ бы взглядомъ испрашиваетъ одобренія и разрѣшенія ассистентовъ, сидящихъ по правую и по лѣвую руку, открываетъ журналъ и, вынувъ изъ него пачку билетовъ, методично и красиво расправляетъ ихъ вѣеромъ на столѣ.

— Прошу васъ, барышни! — говоритъ онъ съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, показываетъ что-то въ журналѣ ассистенту съ маленькой головой, шепчется съ нимъ минуты двѣ и прокашливается.—Госпожа... госпожа...—произноситъ онъ наконецъ, все еще не рѣшивъ, какъ спрашивать: по алфавиту, по балламъ или просто какъ придется.

Всѣ затаили дыханіе. Рука Луковниковой замерла въ мѣшкѣ съ леденцами. Пухленькая ручка Сергѣевой еще быстрѣе дѣлаетъ кресты подъ нагрудникомъ передника. „Господи, Господи, неужто мнѣ 13-й?“—почти задыхаясь отъ волненія, думаетъ Мельникова, и сердце ея такъ стучитъ и бьется, что она ясно слышитъ его удары о корсетъ. У Огарковой сбѣжала послѣдняя краска съ лица.—„Скорѣе бы, скорѣе! Ужъ одинъ бы конецъ!“ — думаетъ бѣдная дѣвушка, и глаза ея съ такимъ отчаяніемъ смотрятъ на учителей, что Петровскому, который внимательно и ласково разсматриваетъ лица своего любимаго класса (онѣ уже сдали его экзаменъ, и сдали почти всѣ отлично), Петровскому становится жаль ее. Онъ знаетъ ея нервность и отсутствіе всякой увѣренности, и ему хочется скорѣе успокоить эту блѣдную, взволнованную дѣвочку.

— Да вотъ хоть госпожа Огаркова! — подсказываетъ онъ Лерману.

— Да, да, пожалуйте, госпожа Огаркова!

Огаркова встаетъ со своего мѣста, едва держась на ногахъ, подходитъ къ столу и береть билетъ.—Ше-стой!—шепчетъ она чуть слышно. Въ горлѣ у нея пересохло. Руки дрожатъ.

— Какой?

— Шестой,—повторяетъ она съ усиліемъ.

— Что же, можете вы отвѣчать? Не хотите ли, мы кого-

нибудь попросимъ еще взять билетъ, а вы тѣмъ временемъ приготовитесь,—говоритъ Петровскій съ отеческою заботливостью.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Я сейчасъ могу,—шепчетъ Огаркова.

Муся, Мельникова и Бергъ радостно переглядываются. — Слава Богу!

— Ну-съ!—Лерманъ постукиваетъ карандашомъ по журналу и смотритъ на потолокъ, гдѣ играетъ яркій „зайчикъ“. Петровскій все такъ же ласково смотритъ на Огаркову. Высокій ассистентъ вздыхаетъ и смущенно вертится на стулѣ.

— Карлъ VIII... Карлъ VIII царствовалъ съ 1483 по 1498 г., —начинаетъ Огаркова совершенно осипшимъ голосомъ.—Онъ... — она силится откашляться.—Онъ получилъ очень.. онъ былъ очень мало образованъ и едва умѣлъ писать... Людовикъ XI...

— Совершенно вѣрно: Людовикъ держалъ его въ черномъ тѣлѣ,—внезапно подсказываетъ высокій ассистентъ.

— А съ другой стороны онъ начитался рыцарскихъ романовъ,—говоритъ Огаркова уже громче,—и его воображеніе развилось въ ущербъ разсудительности.—Огаркова говоритъ уже совсѣмъ громко и безъ запинки, ловко подбирая слова и обороты, толково и просто отвѣчаетъ о походахъ Карла въ Италію, о положеніи итальянскихъ земель, о папахъ, и т. д. и т. д.

Лерманъ при каждой фразѣ одобрительно киваетъ головой:— Такъ, такъ; хорошо, госпожа Огаркова!—А сѣрые, свѣтящіеся глаза Петровскаго радостно улыбаются.

Огаркова отвѣчаетъ не долго.

— Очень хорошо!—первымъ говоритъ Петровскій, вынимаетъ изъ кармана маленькую записную книжечку и ставитъ баллъ. Ассистентъ и m-lle Парина дѣлаютъ то же. Лерманъ ставитъ баллъ въ журналъ.—Садитесь!—говоритъ Софья Игнатьевна. Огаркова, пылая румянцемъ, съ разгорѣвшимися глазами, шатаясь, возвращается на свое мѣсто и почти падаетъ на скамейку. Тотчасъ, изъ рукъ въ руки, передаютъ молодой дѣвушкѣ стаканъ воды съ окна.

— Барышни, прошу васъ!—опять приговариваетъ Лерманъ и поправляетъ вѣеръ билетовъ.—Двѣ заразъ, прошу васъ. Госпожа Миронова и госпожа Луковникова, прошу васъ.

Луковникова начинаетъ отвѣчать тотчасъ. Она трещитъ безъ запинки, путается, ее поправляютъ, она говоритъ: — Ну, да, это я и хотѣла сказать,—и, не смущаясь, продолжаетъ далѣе. Петровскій съ унылымъ видомъ разсматриваетъ стеклянную чернильницу на столѣ.

— Довольно, госпожа Луковникова.—Лерманъ кланяется.— Госпожа Миронова.—И онъ опять поднимаетъ голову.

Миронова, хорошенькая румяная дѣвушка, отвѣчаетъ еще хуже; каждую минуту останавливается, ждетъ, чтобы ей учителя подсказали, и глупо улыбается, когда ей указываютъ ея ошибку. Всѣмъ какъ-то неловко.—И чего она смѣется? чего она смѣется?! —шепчетъ Муся почти съ отчаяніемъ.

— Можете садиться, госпожа Миронова,— со вздохомъ говоритъ Лерманъ.

Потомъ вызываютъ Сергѣеву. Всѣ точно отдыхаютъ, когда она своимъ звонкимъ голосомъ, почти улыбаясь, гладко и хорошо разсказываетъ о мессинскихъ войнахъ, малоазійскихъ греческихъ колоніяхъ, а потомъ о борьбѣ императоровъ съ папами и о Генрихѣ IV германскомъ.

Нина пользуется этимъ временемъ, чтобы спросить Мусю:— Отчего же ты покончила, если ты его еще?..

— Оттого, что я увидѣла, что онъ совсѣмъ не то, что мнѣ нужно. Онъ, можетъ быть, меня и любилъ и любитъ, только это такая маленькая, ничтожная, бальная какая-то любовь была, а можетъ быть и игра. Онъ просто хочетъ жениться, да притомъ еще выгодно. А я недостаточно „богатая невѣста".

Муся горько усмѣхнулась. — Ну, и сталъ отъѣзжать. Да и отъѣзжать-то какъ гадко, несмѣло. „Я, молъ, за васъ боюсь".

— А можетъ быть и вправду...—начала Нина.

— Эхъ, полно, Нина! Еслибъ онъ любилъ горячо и глубоко, онъ сказалъ бы мнѣ:— „У меня ни гроша нѣтъ, но я тебя люблю, и если ты меня любишь, то мы вдвоемъ не побоимся никакой нужды и работы". Можетъ быть, это было бы и неразумно съ точки зрѣнія тети Мари, но я бы съ такимъ человѣкомъ не побоялась на край свѣта пойти. А вѣрнѣе даже, что такой человѣкъ и не сказалъ бы ничего объ этихъ всѣхъ деньгахъ, разсчетахъ... А этотъ:—„Вы, молъ, избалованы". Да-съ, Павелъ Васильевичъ, — говорила Муся, волнуясь и ломая грифель на мелкіе куски.—Да-съ, избалована, только не тѣмъ, чѣмъ вы думаете: избалована я людьми, хорошими людьми, которыхъ вижу кругомъ себя съ дѣтства; такъ мнѣ такого, какъ вы, мелкаго человѣка, не жалко оттолкнуть, хоть бы я сама отъ этого умерла. О, Боже мой, Боже мой!—чуть не громко воскликнула Муся и заломила руки.

— Ты его все-таки любишь, Муся!

— Не то, не то! Мнѣ себя жаль. Страшно жаль. И этой зимы жаль. Даромъ, даромъ все пропало. И *прежняя я* тоже

пропала. Я вѣрила всѣмъ на слово, всему вѣрила и жила, не разбирая, не взвѣшивая. Такъ было хорошо, такъ ясно все! А теперь!!.

— Mesdames! — строго сказала m-lle Парина, подходя къ нимъ.—Что это за разговоры? Софья Игнатьевна крайне удивляется вашей манерѣ сидѣть на экзаменѣ.

Рыбкина дѣйствительно свирѣпо смотрѣла въ сторону двухъ разговорившихся подругъ. Еще двѣ ученицы подошли отвѣчать. Потомъ отвѣчала Мельникова. Ея предчувствіе сбылось: ей вышелъ 13-й билетъ, и бѣдная дѣвушка не столько отъ дѣйствительнаго незнанія, сколько отъ страха незнанія, отказалась отъ билета, взяла другой, сбилась съ первыхъ же словъ, расплакалась и хотѣла совсѣмъ уйти изъ класса. Бергъ и Парина дали ей воды, попросили за нее экзаменаторовъ дать ей еще одинъ билетъ или снова позволить взять 13-й, и заставили усѣсться на ея мѣсто, пока отвѣтятъ другія...

Въ концѣ десятаго часа экзаменаторы ушли. Ученицы всѣ высыпали въ залу. Большинство оживленно толковало о только-что пережитыхъ страхахъ, внезапныхъ забвеніяхъ или наитіяхъ, о томъ, какъ „я тутъ такъ ловко переѣхала, что онъ не успѣлъ и прицѣпиться, а то бы пропала моя головушка“. Почти всѣ смѣялись сами надъ собой, надъ Лерманомъ, надъ придирками Рыбкиной, почти всѣ придавали яркій колоритъ своимъ разсказамъ. Три-четыре тихонько плакали въ уголкахъ. Въ залѣ царилъ бѣлесоватый сумракъ, лишь изъ двери класса падала на блестящій паркетъ яркая красноватая полоса ламповаго свѣта.

На порогѣ появилась m-lle Парина съ журналомъ въ рукахъ. Моментально всѣ обсыпали ее со всѣхъ сторонъ.

— „Бакина—9, въ годовомъ 8,—Безвольская—9 и 9, Бергъ—12 и 12, Гербертъ—10 и 8“,—читаетъ Парина торжественно. И по мѣрѣ того, какъ она читаетъ, однѣ съ повеселѣвшими, другія съ осунувшимися лицами ученицы отходятъ отъ нея, вновь разсыпаются по залѣ, и опять раздаются оживленные толки: теперь о „справедливыхъ“ и „несправедливыхъ“ баллахъ.

Огаркова съ Бергъ и Муранской вышли вмѣстѣ на улицу. Первая была почти въ лихорадкѣ отъ радости: она получила 12.

— Милочки мои! Голубчики! — говорила она. — Еслибъ вы знали, какъ я счастлива! Теперь у меня точно крылья выросли.

Вѣдь этого экзамена я хуже всего боялась. А мама, мама-то какъ будетъ рада!—А ты, Муся, что же не радуешься? Впрочемъ, ты вѣрно уже привыкла. У тебя, я думаю, такъ отродясь ничего и не стояло, кромѣ 12?

— Какое! И единицы были, когда спорила съ Петровскимъ. А батюшка разъ мнѣ *0* поставилъ за то, что я ему доказывала, что безъ зла и дьявола мы бы добра не цѣнили, и еще хуже того въ этомъ родѣ. А вѣдь онъ меня любитъ очень, батюшка-то!

Огаркова подумала, что все-таки вѣрно самолюбивая Муся чѣмъ-нибудь недовольна въ своемъ отвѣтѣ. А Муся и не помнила, что и какъ она отвѣчала.

Она все думала свои горькія думы, которыя думала уже цѣлыхъ десять дней. Думала о своемъ улетѣвшемъ, безоблачномъ дѣтскомъ счастьи, о своей сознательной борьбѣ съ собою, о томъ, какъ все гадко, мелко и просто, ужасно просто на свѣтѣ. И любовь, и счастье, какъ это все просто, ничтожно! Два слова—и ничего не осталось, все разлетѣлось какъ дымъ. Что же остается въ жизни хорошаго впереди? Все то же, что было: дружба съ дядей, съ Ниной, съ Сергѣемъ. Но кто поручится, что Сергѣй не можетъ такъ же, въ концѣ концовъ, полюбить кого-нибудь, какъ она полюбила Мюнстера. И Нина тоже.—И Муся съ болью и стыдомъ вспомнила, какъ она за эту зиму охладѣла и къ Нинѣ, и къ Сергѣю, „ушла“ отъ нихъ... И они могутъ отъ нея уйти.

Музыка? Но музыкой одной, какъ Муся ни отдавалась ей цѣлыми часами со всѣмъ самозабвеніемъ настоящей страсти, она не могла быть вполнѣ счастлива, она это знала.

Какъ же она будетъ теперь жить? Что будетъ ей теперь связывать красною нитью всѣ отдѣльные дни, думы, дѣла и чувства? Мусѣ необходимо было постоянно чуять въ своей жизни эту нить, это единство во всемъ, какъ прежде было необходимо приводить постоянно въ единство свои знанія, учиться „для себя“.

— Помните, Serge! — говорила Муся часъ спустя, идя съ нимъ подъ-руку вдоль набережной (Нина съ Петей и Любочка съ Юріемъ и Сашей шли передъ ними).—Помните, Serge, разъ вы мнѣ писали: „цѣль жизни—счастье“? Тогда я только умомъ это разбирала и понимала. А вотъ теперь я думаю объ этомъ не умомъ, а, знаете, такъ вообще... какъ бы это сказать? ну, что ли: переживаю эту мысль. Такъ теперь я думаю, что это невѣрно...

— Отчего же?

— Ну, вотъ, положимъ, сегодня я счастлива, очень счастлива,—продолжала Муся дрожащимъ голосомъ,—счастлива чьей-нибудь любовью. А завтра это прошло, я несчастлива,—и что же? опять искать этого счастья? И опять оно пройдетъ, и опять все то же?! Ахъ, какъ это все мелко, гадко!

— Зачѣмъ же непремѣнно только такое счастье?—отвѣтилъ Сергѣй, глядя на сѣро-свинцовую, заснувшую рѣку и прозрачныя очертанія домовъ и деревьевъ на томъ берегу.—Зачѣмъ только *это* счастье? Берите его въ широкомъ смыслѣ слова и стремитесь къ нему. Мало ли въ васъ жизни! Вы музыкантша. У васъ громадныя способности. Вы добрая и умная дѣвушка, вы можете массу добра дѣлать. Вы можете жить самою полною жизнью и быть счастливы этою жизнью.

— Да это все слова, слова, Сергѣй Александровичъ! А вы мнѣ скажите прямо: для чего я живу? Понимаете, den Zweck meines Lebens, а не das Ziel. А то вотъ Вешнина живетъ благотворительностью, Рубцовъ—своей статистикой, а всѣ-то, всѣ какъ должны жить? Вотъ до сихъ поръ я жила какъ въ волшебномъ снѣ, жила такъ просто, не спрашивая; все полагала въ томъ—увижу я *его* сегодня или не увижу,—сказала Муся съ усиліемъ, впервые заговаривая съ Глуховскимъ о своемъ горѣ.—Я ни о будущемъ, ни о чемъ не раздумывала. У меня было только настоящее, и такое чудное, такое свѣтлое! А теперь это прошло, и я знаю, уже такого никогда не будетъ.

— Полно, другъ мой, лучше будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, все-таки не то. Мнѣ ужъ слишкомъ тяжело пришлось теперь, а вмѣстѣ съ тѣмъ это все какъ-то мелко, частно. Я хочу все съ другой стороны какой-нибудь видѣть. Понимаете?

— Понимать-то понимаю, но не знаю, что и сказать вамъ.

— Какъ же вы сами живете?

— Да вотъ: дѣлаю свое дѣло и кромѣ него все, что могу, дѣлаю для людей.

— Этого мало. Это вы мнѣ опять не про Zweck и даже не про Ziel говорите, а про средства къ какому-нибудь Ziel.

— Т.-е. вы хотите абсолютнаго рѣшенія вопроса, а это невозможно.

— Отчего невозможно?!

— Послушайте, Муся: ни абсолютной истины, ни абсолютнаго знанія мы достичь не можемъ. Мы достигаемъ ихъ лишь относительно. Я не знаю, какъ и для чего созданъ міръ и я

самъ, какая абсолютная цѣль моего существованія; но я знаю, что, живя на свѣтѣ, я долженъ по возможности прожить хорошо для себя и другихъ, а потому вотъ и дѣлаю свое муравьиное дѣло по мѣрѣ силъ.

— Ахъ, это все не то, не то! Вы все вѣрно говорите, но это все лишь „средство“!

— А знаете, *вы*, Муся, даже и за средства еще не принялись! Вы вотъ теперь скоро будете свободны, такъ не угодно ли хоть какимъ-нибудь такимъ „средствомъ“ заняться, пока сама цѣль не ясна!

— Это что-же? Дѣтей учить? На курсы идти? Концерты давать? Въ общество какое-нибудь благотворительное поступить? Или замужъ выйти?—Муся съ презрѣніемъ отвернулась.

— Подождите, подождите! Къ чему такое пренебреженіе? Ну, да: учите дѣтей, учитесь сами, читайте какъ можно больше, стремитесь хоть къ относительной истинѣ. И искусства не бросайте. И, если полюбите, замужъ выходите. И въ „общество“ поступайте. Наполняйте вашу жизнь чѣмъ можете—и вамъ будетъ хорошо! Въ васъ огонекъ теплится, надо ему дровъ давать, а то онъ васъ сожжетъ даромъ, безъ пользы для васъ и для другихъ.

— Это все не то!

— Ну, наконецъ, скажемъ такъ: запасайтесь знаніемъ, и способности развивайте, и жизнь узнавайте, а современемъ, можетъ быть, вы и рѣшите лично для себя вашъ вопросъ. А для всѣхъ онъ, конечно, такъ и останется загадкой и тайной. Да и слава Богу; въ этомъ, можетъ быть, вся прелесть жизни.

— Да-а!—протянула Муся задумчиво.—Знаете: это правда! Пока я не старалась разгадать ее—мнѣ было страшно хорошо на свѣтѣ жить. Стала докапываться—хуже! А нельзя же, помня, что „горе отъ ума“, нельзя не думать обо всемъ этомъ или думать, такъ сказать, съ мѣрочкой и вѣсомъ, какъ одинъ нашъ знакомый нѣмецъ, которому, видите ли, всю недѣлю было некогда думать, такъ онъ, по его словамъ, думалъ только по воскресеньямъ.

— А я вамъ вотъ что скажу: слава Богу, что даже изъ-за печальнаго для васъ факта вы начали такъ обо всемъ этомъ думать, Мишенька. А думать теперь вы начали уже не подѣтски. И такъ будете мыслить непрестанно и впредь. И я очень радъ. А что вамъ тяжелѣе теперь будетъ жить на свѣтѣ — это тоже вѣрно. Но я за васъ не боюсь и не жалѣю васъ: „тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“. Изъ васъ долженъ, по моему

мнѣнію, выйти не только выкованный, но и закаленный человѣкъ. Только не размышляйте *слишкомъ* много, а живите себѣ, какъ жили до сихъ поръ: куда васъ влечетъ ваша живая натура, туда и идите! Не обманетесь! Да и голова у васъ на плечахъ не дюжинная,—всегда во-время разсудитъ.

Муся ничего не отвѣтила. Они шли молча. На улицѣ царила полнѣйшая тишина. Теплый вѣтерокъ приносилъ, по временамъ, ароматъ распускающихся почекъ. Въ сѣроватомъ, прозрачномъ сумракѣ спали дворцы и дома. Съ середины Невы доносился плескъ веселъ едва видной лодки. Набережная была почти безлюдна и беззвучна, лишь изрѣдка слышался тихій говоръ сидѣвшихъ тамъ и сямъ въ гранитныхъ выступахъ на скамейкахъ солдата съ мужикомъ или двухъ бабъ, усѣвшихся тутъ подышать вечерней прохладой. И лѣниво, чуть слышно шелестя о темный гранитъ, катилась сѣрая рѣка, уходила въ таинственную мглу подъ мостъ, катилась дальше и сливалась далеко-далеко впереди съ сѣрой дымкой на горизонтѣ.

— Ахъ,—воскликнула Муся:—что бы ни было, а какъ хорошо жить на свѣтѣ!

IX.

4-го іюня вечеромъ Сергѣй возвращался отъ т—скаго предводителя, Митрофана Ивановича Сурмина, у котораго обѣдалъ по случаю его именинъ. Было много гостей. Былъ начальникъ дивизіи и жена начальника инженеровъ, въ привезенномъ изъ Парижа платьѣ, которому втайнѣ завидовали всѣ т—скія дамы, хотя оно ей совсѣмъ не шло. Были: толстенькій прокуроръ и высокій, худой командиръ полка, не терпѣвшіе другъ друга и разсказывавшіе другъ о другѣ самыя обидныя исторіи, но при встрѣчахъ осыпавшіе другъ друга любезностями. Былъ Николай Павловичъ Тихменевъ, вновь пріѣхавшій изъ Петербурга членъ суда, съ которымъ Глуховской сразу сошелся. Была жена инспектора гимназіи, красавица m-me Кипчакова, съ невзрачнымъ, упорно-молчаливымъ супругомъ и цѣлой свитой поклонниковъ, къ которой принадлежалъ и сѣдовласый бригадный генералъ, баронъ Котценъ, и подпоручикъ Куличковъ—едва вышедшій изъ корпуса, безусый мальчикъ съ розовымъ личикомъ. Былъ и представитель губернской умственной аристократіи—Евгеній Андреевичъ Рубцовъ (братъ Александра), господинъ мрачный и желчный, который всѣмъ возмущался, все бранилъ, видѣлъ во всемъ

дурную сторону и ничего хорошаго впереди, а потому былъ *на ты* со всѣми офицерами —скаго полка, пилъ и игралъ съ ними на-пролетъ цѣлыя ночи и, подъ видомъ осужденія пустоты и безнравственности губернскихъ дамъ и ратованія во имя разныхъ высшихъ требованій, сплетничалъ лучше самой опытной кумушки. Было нѣсколько барышенъ и нѣсколько офицеровъ.

Ѣли, пили, начиная съ 3-хъ часовъ все, что̀ полагается по именинному церемоніалу, т.-е.: въ 3 часа шоколадъ, въ $4^1/_2$— закуску, въ $5^1/_2$—обѣдъ, потомъ кофе и ликеры, потомъ фрукты и конфекты; поздравляли хозяина со днемъ ангела и хозяйку— съ мастеромъ своего дѣла — поваромъ. Хозяинъ едва успѣвалъ самъ проглотить кусокъ, все время усаживая и потчуя гостей, обнимался, жалъ руки и благодарилъ. Хозяйка, раздраженная хлопотами еще съ кануна и замиравшая при мысли, что „вдругъ все не выйдетъ *какъ слѣдуетъ*“, любезно и скромно улыбалась и тоже благодарила.

Послѣ обѣда молодежь принялась монотонно бродить по едва просохшимъ, послѣ лившаго цѣлый день дождя, дорожкамъ небольшого садика, огороженнаго желѣзной рѣшеткой и обсаженнаго акаціями. На балконѣ разставили столы, и началось систематическое и азартное убиваніе времени, называемое „винтомъ“. Сергѣй сыгралъ три робера съ никогда не выходившимъ изъ себя Тихменевымъ, съ поминутно кипятившимся бригаднымъ и съ „начальницей инженеровъ“, которая все время путала и охотно невзначай заглядывала въ карты своего сосѣда. И только-что разсчитался и помогъ объяснить генеральшѣ, что она должна также заплатить 2 р. 65 к., чего разряженная дама никакъ признать не хотѣла, какъ тотчасъ, оттоворившись срочными дѣлами, откланялся передъ хозяйкой, уже хлопотавшей о какомъ-то слѣдующемъ по церемоніалу угощеніи гостей, и пошелъ домой.

Былъ тихій сѣренькій вечеръ. Мягкія тучи, высоко поднявшіяся, заволакивали весь небосклонъ; сквозь нихъ едва виднѣлся блѣдно-желтый кругъ солнца, уже близко надъ зеленымъ холмомъ за рѣкой. Слабые лучи позолачивали омытыя деревья бульвара и крышу собора. Вездѣ сверкали лужи; около домовъ бѣжали еще мутные потоки, уносившіе попавшіяся на пути щепки, пучки сѣна, брошенную коробку. Вѣялъ влажный, теплый вѣтеръ. Бульваръ былъ пустыненъ; пока Сергѣй дошелъ до дому, ему попались на-встрѣчу лишь двое нищихъ, почтальонъ и дѣвушка съ пустой бутылкой въ рукахъ, шмыгнувшая въ какую-то подворотню, прежде чѣмъ Глуховской съ ней поровнялся.

Сергѣй шелъ не спѣша, по временамъ ударяя палкой по

мокрымъ вѣтвямъ и подставляя лицо подъ импровизированный душъ, лившійся съ листьевъ. Глупо и скучно проведенный день раздражилъ Сергѣя; а этотъ нѣжный вечеръ мало-по-малу нагналъ на него грусть, тоску по чему-то далекому и милому.

— „Все это мило и радушно,—говорилъ себѣ Сергѣй,—и ужился я здѣсь превосходно цѣлые 4 года, но пора и въ Петербургъ. Пора, пора! Характеръ я выдержалъ, отъ провинціи не отвернулся, поработалъ здѣсь, не лѣнясь, теперь могу и о себѣ подумать. Да, да, скорѣе въ Петербургъ. Если тамъ не все счастье, то хоть что-то похожее на него, хоть тѣ люди, съ которыми я могу, *могъ бы* быть счастливымъ"...

Подъ этими людьми, съ которыми онъ „могъ бы быть счастливымъ", Сергѣй подразумѣвалъ Бобрина, Неридова, а прежде всего Мусю. Глуховской уже давно сознался себѣ, что любитъ ее гораздо сильнѣе и горячѣе, чѣмъ любятъ друзей, но это открытіе не испугало и не обрадовало его. Онъ не подумалъ, что что-нибудь испортится въ его отношеніяхъ къ ней, но не подумалъ и того, чтобы эта любовь могла измѣнить ихъ дружбу въ обоюдное счастье. Сергѣю только больше прежняго захотѣлось быть тамъ, гдѣ *она*, и жить ея жизнью.—„Да, да, пора и въ Петербургъ".

— А вамъ, баринъ, три письма пришло!—объявила своимъ визгливымъ голосомъ бойкая горничная Аннушка, открывая дверь Сергѣю.

Сергѣй, не снимая мокраго пальто, прошелъ къ письменному столу и взялъ въ руки конверты. Два письма были съ заграничными штемпелями, третье изъ Петербурга. Сергѣй сбросилъ пальто, присѣлъ къ окну, изъ котораго падалъ еще слабый свѣтъ, и съ нѣкоторымъ трудомъ принялся читать. Съ удивленіемъ узналъ Сергѣй руку Павла Мюнстера на одномъ изъ заграничныхъ писемъ.

„Милѣйшій Сергѣй Александровичъ!—писалъ Мюнстеръ изъ Vevay.—Ты еще въ училищѣ составилъ себѣ репутацію любезнаго и до крайности услужливаго для своихъ друзей товарища. Не откажи твоему старому амикусу и въ сегодняшней его просьбѣ. Въ десяти-пятнадцати верстахъ отъ Т. лежитъ имѣніе нѣкой m-me N.—Кузьминка. Ты премного обяжешь меня, если заглянешь туда и, какъ по собственнымъ наблюденіямъ, такъ и по разспросамъ мужиковъ и бывшаго приказчика, узнаешь въ точности обо всемъ, касающемся доходности имѣнія. Vide: полей (ихъ состоянія, обработки), сбыта хлѣба, сѣнокоса, рубки лѣса, и много ли такового; есть ли мельница, какой-нибудь заводъ,

однимъ словомъ, все въ точности, и, наконецъ, вообще en chiffres nets et honnêtes, что̀ cie имѣніе приноситъ въ годъ, и какихъ требуетъ расходовъ. Ты, конечно, не мало удивишься моему внезапному интересу къ сельскому хозяйству, но, cher ami, я полагаю, ты самъ заинтересовался бы „запашкой“, „молотилками“ и т. п. мало-понятными и мало-заманчивыми для меня по сей день предметами, еслибы ты познакомился съ очаровательной собственницей Кузьминки. Эта вдовушка—такая прелесть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, такъ мало понимаетъ въ хозяйствѣ, а ея управляющій видимо такъ ее обираетъ, что мнѣ вдвойнѣ хотѣлось бы помочь ей и освободить ее отъ его лапъ.

„Ты также отлично сдѣлаешь, если узнаешь, кому именно принадлежитъ Кузьминка: моей восхитительной Дульцинеѣ или ея десятилѣтней дочкѣ, самой отвратительной, капризной дѣвчонкѣ, какую только можно себѣ вообразить. А я, несчастный, обреченъ каждый день съ нею гулять, качать ее на качеляхъ, чуть не въ куклы съ нею играть, бѣгать ей за конфектами, да еще находить ее „прелестнымъ ребенкомъ“! Ну, да это все мы „будемъ посмотрѣть“; можетъ быть, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, и нѣтъ такой дѣвчонки, на которую не нашлось бы институтскихъ классныхъ дамъ, могущихъ въ самое короткое время обратить ее „въ христіанскую вѣру“.

„Мнѣ нечего говорить тебѣ, что мое порученіе требуетъ самаго строгаго секрета. Я пишу тебѣ изъ Vevay, но отвѣтъ прошу мнѣ прислать уже въ Парижъ, poste-restante, такъ какъ черезъ три дня я (чуть было не сказалъ: „мы“, такъ какъ, не связавъ себя еще никакими нѣжными словами, я, тѣмъ не менѣе, изображаю изъ себя формальнаго адъютанта и долженъ сдавать багажъ, нанимать квартиры и коляски и т. д., и т. д.) я уѣзжаю въ Парижъ. гдѣ m-me N., конечно, пробудетъ не менѣе 2—3 недѣль, „le temps de se faire-faire une demi-douzaine de toilettes“, какъ говоритъ она. Въ этомъ у нея нѣтъ соперницъ —это большое достоинство, спору нѣтъ, хотя и это мы „будемъ посмотрѣть“. По моему мнѣнію, она заходитъ далеко—можно одѣваться гораздо скромнѣе. Ну, да Богъ съ нею пока. Ты мнѣ узнай о Кузьминкѣ — это главное. Засимъ, желаю тебѣ всяческаго благополучія и успѣховъ, жму тебѣ руку, заранѣе благодарю и прошу не забывать твоего—Пабло.

„P. S. Забылъ тебѣ сообщить, что незадолго передъ моимъ отъѣздомъ за границу получилъ очень хорошее новое назначеніе въ министерствѣ. И это мнѣ удалось устроить удивительно легко и просто. Сообщилъ бы тебѣ мою лазейку, но это удобнѣе

сдѣлать устно. Еще разъ желаю тебѣ всякихъ успѣховъ — и до свиданія".

Второе письмо отъ Неридова было также изъ Vevay:

„Голубчикъ Сережа! Ты, я надѣюсь, нисколько не претендовалъ на меня и по своей всегдашней добротѣ хорошо понялъ, почему я тебѣ не писалъ до сихъ поръ, несмотря на всѣ обѣщанія. Не писалось, да и все тутъ! Слишкомъ я счастливъ. Скоро уже мы возвращаемся въ Россію, а я бы охотно здѣсь прожилъ еще хоть годъ. Совсѣмъ одни, среди чудной природы и чужихъ людей—что̀ можетъ быть лучше?! Но Оля (ты не можешь себѣ даже представить, до чего она еще похорошѣла), Оля хочетъ поскорѣе вернуться, да и мой отпускъ къ первому іюля кончается. Итакъ, если ты будешь около этого времени въ Петербургѣ, я буду страшно радъ тебя видѣть. Жить мы будемъ на Дудергофѣ. Напиши мнѣ, другъ Сережа, что̀ твои дѣла и какъ вообще у васъ тамъ все идетъ. Мнѣ, какъ ни хорошо здѣсь, а очень бы хотѣлось знать о всѣхъ васъ, близкихъ и дорогихъ. Я изъ Байрейта, куда мы сподобились попасть и лицезрѣть *самою* Негг Вагнера, написалъ — вообрази кому?—Марьѣ Николаевнѣ! И получилъ отъ нея чудесное и оригинальное письмо въ отвѣтъ. Да еще раза два писала Лена. Но ты знаешь, какъ она лаконична: „мы живы и здоровы, чего и тебѣ желаемъ", точно деревенское родительское посланіе, какое мнѣ не разъ приходилось читать нашимъ солдатикамъ. А хотѣлось бы побольше и обо всѣхъ услышать. Здѣсь я встрѣтилъ Павла Мюнстера и могъ бы разговориться съ нимъ, но онъ мнѣ такъ антипатиченъ послѣ весенней исторіи, о которой мы съ тобой, помнишь, перекинулись словечкомъ на станціи передъ моимъ отъѣздомъ, и онъ, притомъ, такъ занятъ ухаживаньемъ за какой-то барынькой, мало похожей на порядочную женщину нашего круга, что я немного сторонюсь отъ него, а ужъ особенно желалъ бы избѣгать его ради Ольги. Она такой ребенокъ, что еще совершенно не понимаетъ. „Что̀ же онъ сдѣлалъ такого дурного; всѣ такъ поступаютъ",— говоритъ она, милая моя наивная дѣвочка, не понимая, какой она приговоръ всѣмъ произноситъ.

„Итакъ, пиши и пиши мнѣ и не забывай твоего сумасшедшесчастливаго—Митьку Безпутнаго".

„Представьте, любезнѣйшій Сергѣй Александровичъ, — такъ начиналось письмо Бобрина,—какой чести („напасти", было бы болѣе вѣрное выраженіе) я удостоился: мнѣ устроили юбилей. Вы можете себѣ представить, батенька мой, какъ я этимъ былъ доволенъ! Т.-е., вѣрите ли, когда мнѣ, въ былые годы, надо было

сдавать экзаменъ на магистра, то я провелъ наканунѣ болѣе спокойную и пріятную ночь, чѣмъ послѣ того вечера, когда ко мнѣ пріѣхали какіе-то господа и предупредили, чтобы на другой день, между 11 и 2-мя, я никуда не выходилъ, такъ какъ, молъ, завтра исполнится 25 лѣтъ моей ученой и литературной дѣятельности, и тѣ-то, и тѣ-то—хотятъ по этому поводу выразить мнѣ нѣчто. Я, конечно, тотчасъ на дыбы: „нельзя ли, молъ, многоуважаемые господа, избѣгнуть этой великой чести, я молъ“... И наговорилъ имъ разныхъ скромностей, а самого чуть не злость разбираетъ, какъ подумаю, что я всю жизнь свою и устно, и письменно, ратовалъ противъ разныхъ обрядовъ, фальшивыхъ церемоній, и вдругъ, чтобы увѣнчать мою дѣятельность, ничего лучшаго не нашли, какъ этакой обрядъ мнѣ же устроить! Просто бѣда!

„Говорилъ, говорилъ... ничего не помогло! Уѣхали. А я, батенька мой, чуть на стѣну не лѣзу, ни читать, ни работать не могу... Наконецъ, говорю Михайлѣ Николаевичу: „Мишка, я завтра сбѣгу, я не могу дома сидѣть, это чортъ знаетъ что!“ А она такъ и заливается хохотомъ: „попался, молъ, дядинька“.—„Да ты только подумай, говорю, какая это фальшь-то будетъ; вѣдь когда я и про постороннихъ людей въ газетахъ читаю, такъ и то мнѣ какъ-то совѣстно за нихъ, неловко становится. А тутъ вдругъ, неугодно ли, самому въ шкуру этакого „растроганнаго почтеннаго юбиляра“ влѣзть, слушать разныя выученныя рѣчи, лобзаться, отвѣчать „нѣсколькими прочувствованными словами“, „тепло пожимать руки“, получать пергаменты, на которыхъ разные наши „маститые“, „извѣстные“ или только „многообѣщающіе“ напишутъ и нарисуютъ разныя сладости. Да вѣдь это хуже каторги!“

„А тутъ еще Марья Петровна ходитъ вокругъ меня и наставляетъ: „Il faut recevoir avec gratitude et bonheur les hommages des gens qui veulent fêter votre digne et laborieuse existence“. Да вѣдь это „фетированье“ для меня чистое оскорбленіе! Это на старости-то лѣтъ получать конфекты за „добронравіе и успѣхи въ наукахъ“! Ну-съ, любезнѣйшій Сергѣй Александровичъ, — и пришлось мнѣ все сіе вынести на другой день. Всего тутъ было: и рѣчи, и слезы, и улыбки, и пергаменты, и даже букеты (точно балетной танцовщицѣ!), и какія-то вышитыя подушки, и образъ, и блюда, и фальшь, фальшь болѣе всего! Стояніе въ продолженіе трехъ добрыхъ часовъ какъ на горячихъ угольяхъ, и по окончаніи всего—чувство, которое я, вѣроятно, испытывалъ бы, еслибъ меня заставили прогуляться въ дамскомъ платьѣ по Невскому.

„Одно меня утѣшило: убрались всѣ эти „талантливые“, „маститые“, барыни и сановники, поэты, студенты, офицеры, ученые, а моя Мишка мнѣ говоритъ: „Знаешь, дядя, я ужасно рада, что всѣ такъ хорошо цѣнятъ и понимаютъ твои труды и твою личность, а только еслибъ всего этого представленія не было — было бы лучше! Мнѣ,—говоритъ,—такъ было стыдно, такъ стыдно все время и за нихъ, и за тебя, точно когда въ прежнія времена у тети Муранской за именинными обѣдами Сашинъ гувернеръ держалъ „eine Rede“, а я разъ отъ стыда чуть подъ столъ не спряталась“.

„Да-съ, милѣйшій Сергѣй Александровичъ, вотъ эти слова были для меня настоящимъ юбилеемъ, правда, не 25-лѣтнимъ, а шестилѣтнимъ: Мишка у меня всего шесть лѣтъ на рукахъ. Въ этихъ словахъ я увидѣлъ результатъ многаго, многаго... А подобное сознаніе только и можетъ быть юбилеемъ для развитого человѣка. Что вы скажете? Хотѣлъ бы и на сей разъ услышать ваше, какъ всегда, опредѣленное и ясное мнѣніе.

„Сейчасъ прибѣжала Муся съ послѣдняго экзамена: скачетъ и прыгаетъ по комнатѣ, распѣваетъ во все горло. Она проситъ меня уступить ей мѣсто, чтобы написать вамъ два слова“.

Дѣйствительно внизу страницы и сбоку Сергѣю бросились въ глаза строчки, написанныя твердымъ и крупнымъ почеркомъ Муси:

„Кончила, кончила, душенька Сергѣй Александровичъ! кончила! Ура, ура, ура! Какую намъ рѣчь прощальную сказалъ Петровскій, просто чудо! Говорилъ, что мы теперь выучились только, такъ сказать, грамотѣ, подготовились лишь къ настоящему ученію, что теперь намъ надо каждой приняться за такое настоящее ученіе. Буду, буду учиться. Только какъ я рада, что кончила. Ахъ, страшно рада. Ура, ура!—ваша—Муся Муранская“.

А сбоку было приписано: „Совсѣмъ забыла самое лучшее: Нина получила первую золотую медаль. Ура, ура, ура!!“

X.

Раннимъ іюльскимъ утромъ на балконѣ одной изъ дудергофскихъ дачъ Дмитрій Неридовъ, стоя, пилъ чай; деньщикъ заранѣе налилъ два стакана. Кругомъ еще все спало. Со стороны Краснаго-Села изъ проснувшагося уже лагеря доносились рѣзкіе звуки трубы, сухая трескотня барабановъ, и въ перемежку—свистки сосѣдней бумажной фабрики.

Неридовъ, обжигаясь, глоталъ чай, въ то время какъ деньщикъ, Гаврила Демкинъ, рослый, бѣлокурый малый, съ бережностью няньки и мѣрными ухватками недавно взятаго изъ строя солдата, застегивалъ пряжки портупеи, шарфъ и надѣвалъ на Неридова скатку и шнуръ. Потомъ Гаврила все съ тою же бережностью и быстротою положилъ въ карманы Неридова портсигаръ, платокъ, портмонэ, убѣжалъ въ комнаты, вернулся съ фуражкой и перчатками, потомъ, вытянувшись, замеръ въ трехъ шагахъ отъ Неридова, и лицо его тотчасъ приняло то глуповато-бодрое, оффиціальное выраженіе, съ какимъ солдаты всегда глядятъ въ лицо начальству, что на военномъ жаргонѣ называется: „весело смотрѣть".

Неридовъ, не успѣвъ еще сдѣлать послѣдняго глотка, схватилъ фуражку и перчатки и бѣгомъ пустился къ калиткѣ, гдѣ его уже ждалъ извозчикъ.

Въ это время изъ комнаты выскочила горничная Ольги Павловны, Дуняша.

— Баринъ! Дмитрій Алексѣевичъ! Барыня просятъ васъ не забыть заѣхать на вокзалъ къ двѣнадцати-часовому поѣзду! — кричала дѣвушка, догоняя Неридова. — Просятъ приказать, чтобъ изъ „столовой" прислали еще шампанскаго, да еще просятъ не забыть передать, что онѣ велѣли, поручику Высоцкому!

— Хорошо! Скажи, что хорошо! — прокричалъ Дмитрій уже съ дрожекъ. — Смотри, во-время поспѣй! — довольно сурово сказалъ Дмитрій извозчику. И дрожки, треща и гремя, вскачь понеслись по пыльному шоссе.

Молодые Неридовы, противъ всѣхъ ожиданій Анны Евграфовны, вернулись изъ-за границы еще въ началѣ іюня и тотчасъ переѣхали на нанятую Лукичемъ и устроенную къ ихъ пріѣзду дачу на Дудергофѣ. Ольга объяснила свое скорое возвращеніе тоской по родинѣ. „Я никогда не выѣзжала изъ Россіи и чуть не захворала, не слыша русской рѣчи цѣлыхъ шесть недѣль", — говорила она Аннѣ Евграфовнѣ. Въ сущности, Ольга просто соскучилась безъ общества, цѣлые дни проводя вдвоемъ съ мужемъ, любуясь на красоты швейцарской природы, которыхъ не понимала, или бродя по итальянскимъ музеямъ, которые „столько же ей интересны, какъ математика". Это она сказала Высоцкому. — „Нѣтъ, это было ужасно, ужасно! Я ужъ не захотѣла ѣхать и въ Парижъ, какъ бы и тамъ ни попасть опять въ какой-нибудь музей".

Ольга вернулась изъ-за-границы съ болѣе спокойными манерами, нѣсколькими великолѣпными туалетами отъ лучшаго вѣн-

скаго портного, и вмѣсто своихъ любимыхъ выраженій: „Ахъ, скандалъ!“ или: „Ахъ, какой нахалъ!“ „Не было печали!“—постоянно восклицала: „Bon Dieu!“, „Ah! Dieu de Dieu!“ и т. п. Эту манеру она переняла отъ жившей съ Неридовыми въ одномъ отелѣ удивительно-элегантной француженки, m-me Cramont, которая сидѣла за табль-д'отомъ, опустивъ свои подрисованные глазки, но тѣмъ смѣлѣе ихъ поднимала и щурила, встрѣчаясь на лѣстницѣ съ Дмитріемъ или съ молодымъ, страшно-богатымъ и страшно-рыжимъ mister Riding'омъ, и даже со старикомъ Mercier, отцомъ двухъ барышенъ уже не первой молодости. И не только эти восклицанія, но и умѣнье чернить свои и безъ того черныя и густыя рѣсницы и пудрить свои и безъ того пепельные волосы переняла Ольга отъ той же очаровательной m-me Cramont, и, вѣроятно, научилась бы отъ нея и многому другому, полезному для себя, но, къ несчастью, Дмитрій и въ Интерлакенѣ остался такъ же недолго, какъ вездѣ. Ольга досадовала на эти вѣчные переѣзды, раннія вставанія, муловъ, проводниковъ и пр. Только-что, бывало, познакомится она за табль-д'отомъ съ какими-нибудь, гораздо болѣе всякихъ „пиковъ“ и „горновъ“ интересными для нея, двумя веселыми французами, только-что они, въ отвѣтъ на ея улыбки и смѣлые взоры, начнутъ, сначала робко оглядываясь на мужа, а потомъ, видя его веселое лицо, все храбрѣе распространяться о „beauté originale des dames russes“ и о ихъ „accent indisible qui leur donne cet attrait presque exotique“,—какъ уже приходилось покидать отель и отправляться къ которому-нибудь изъ водопадовъ, которые Ольгѣ всѣ такъ надоѣли и, по ея мнѣнію, походили другъ на друга „какъ двѣ капли ихъ воды“. Французы тоже были страшно огорчены, такъ какъ „ma foi, cette adorable m-me Néridoff a quelque chose... quelque chose de tout-à-fait parisien“, а при обмѣнѣ карточками съ Дмитріемъ они оказывались m-r Raoul'емъ изъ „Magasins du Louvre“ и m-r Berty, fabricant de parapluies à Nîmes. И даже выразить досаду на такія постоянныя неудачи Ольга не могла!

Зато теперь Ольга была чрезвычайно довольна своею жизнью. Лѣто было теплое, немного дождливое. Гулять пѣшкомъ часто нельзя было, тѣмъ чаще Ольга каталась верхомъ, въ коляскѣ или въ какомъ-то необычайномъ догъ-карѣ, поразительно походившемъ на выкрашенный въ желтую краску и поставленный на громадныя колеса сигарный ящикъ. Ольга правила сама; она съ дѣтства любила лошадей, и въ деревнѣ у нея была своя тройка, съ которой она справлялась лучше всякаго ямщика. И лучшаго удовольствія у нея не было этимъ лѣтомъ, какъ, несмотря

на строгое запрещеніе, пролетѣть по „передней линейкѣ“ лагеря, возбуждая недоумѣніе солдатъ и незнакомыхъ офицеровъ, восторженные поклоны знакомыхъ, а подчасъ тревогу и вызовъ „на линію“: у одной высокопоставленной особы былъ точно такой экипажъ, и раза два близорукій дежурный какого-то полка принялъ Ольгу за такую особу; выбѣжали солдаты подъ ружьемъ, готовы были уже отвѣчать крикомъ на привѣтствіе, а скрывшаяся за столбомъ пыли Ольга отъ души хохотала надъ своей продѣлкой. Дмитрій напрасно упрашивалъ ее не повторять этихъ путешествій, говорилъ ей не разъ о формальномъ запрещеніи постороннимъ лицамъ появляться на „передней линейкѣ“. Ольга то отговаривалась тѣмъ, что она должна была подъѣхать къ бараку генерала, чтобы самой позвать его на партію винта вечеромъ, и будто она, Ольга, нечаянно ошиблась дорогой и взяла слишкомъ влѣво, а потомъ уже не хотѣла возвращаться. То она прямо признавалась, что нарочно поѣхала такъ, чтобы всѣхъ перепугать и удивить, и говорила это такъ очаровательно-капризно, что Дмитрію оставалось только лишній разъ расцѣловать ее.

Одни они почти никогда не были. Уѣзжая второпяхъ, чтобы не опоздать къ утреннему ученью, и догоняя свою роту, по большей части, уже по дорогѣ на „участокъ“, Неридовъ увозилъ съ собой устныя и письменныя приглашенія отъ жены къ Высоцкому, Рудольфу Мюнстеру или кому-нибудь изъ другихъ офицеровъ ихъ полка, порознь или чуть не всѣмъ заразъ, иногда и къ генералу: Ольга познакомилась со всѣми. Рѣдкій день Дмитрій не долженъ былъ встрѣчать кого-нибудь изъ ея не-военныхъ знакомыхъ на красносельской или дудергофской платформѣ. Возвращаясь, Дмитрій всегда заставалъ у себя полонъ домъ гостей; смѣхъ ихъ и громкій говоръ слышны были еще съ шоссе. Всякій дѣлалъ, что хотѣлъ: играли въ карты и на балконѣ, и въ саду; кто-нибудь бренчалъ на фортепіано или даже на гитарѣ, раздавались цыганскія пѣсни или мотивы модной оперетки, устроивались живыя картины, шарады, катанья на лодкахъ, на тройкахъ въ Таицы или въ Лигово. Ольга, одѣтая какъ куколка, была одинаково любезна, весела и бойка, называла всѣхъ по фамиліямъ, отлично играла въ винтъ, но предпочитала всѣмъ играмъ „vingt-et-un“, которую ей показалъ изящный Боде. Дамъ у Ольги почти не бывало. Пріѣхали было разъ двѣ дамы — жены офицеровъ, у которыхъ Неридова была съ визитомъ, какъ и вообще у всѣхъ полковыхъ дамъ,—но Ольга, встрѣтившая ихъ весело и радушно, черезъ четверть часа предоставила

ихъ самимъ себѣ и съ такою наивностью забыла ихъ на весь остальной вечеръ, что барыни эти болѣе къ ней и не заглядывали. Другой разъ пріѣхала къ Неридовымъ сестра одного изъ офицеровъ, маленькая хохотушка, лѣтъ 17-ти, хорошо знавшая всю семью Дмитрія, но Ольга почему-то не взлюбила ея, и на прощанье обошлась съ нею такъ холодно, что барышня тоже болѣе не возвращалась. Правда, у Ольги жила какая-то ея молоденькая родственница и подруга, игравшая роль оперной наперсницы и въ глаза восхищавшаяся своимъ блестящимъ другомъ; но бѣдная дѣвушка была до того безлична и неинтересна, что лишь самые добродушные или дѣйствительно добрые люди заговаривали съ ней, большинство же совершенно игнорировало ее, а наиболѣе юные знакомые Ольги безжалостно избирали эту Сонечку предметомъ постоянныхъ шутокъ и приставаній, если только не были поглощены болтовней съ самой хозяйкой.

До Ольги уже дошли двѣ-три полковыя сплетни о томъ, что она боится соперничества, что дамамъ у нея просто неловко бывать, и т. п. Да и самой Ольгѣ стало надоѣдать постоянно занимать всѣхъ разомъ — это ее связывало и мѣшало ея любимымъ разговорамъ en tête-à-tête, съ упреками, разъясненіями, доказательствами, приправленными самыми разнообразными комплиментами. Правда, всѣ и хоромъ, и квинтетами, и секстетами пѣли ей диѳирамбы, но скоро это ей показалось уже trop fade. И Ольга стала подумывать, какъ бы хорошо было привлечь въ свой кружокъ какую-нибудь молодую даму или барышню, которая сама не скучала бы безъ хозяйки, и съ которой, въ то же время, не скучали бы и другіе, такъ чтобы всѣ, кто были „не нужны“, были заняты, и сама Ольга могла бы тѣмъ веселѣе болтать съ остальными.—Недолго раздумывая, Ольга остановилась на Мусѣ Муранской. „Прекрасно! отлично!“—похвалила себя Неридова, какъ только эта мысль пришла ей въ голову. И дѣйствительно, Муся была въ высшей степени подходящимъ человѣкомъ, какъ умница, признанная всѣми, красавица, веселая и свѣтская дѣвушка; она привлекала къ себѣ съ перваго взгляда, притомъ у нея было много знакомыхъ между бывавшими у Ольги. Чего же лучше? Отъ присутствія этой прелестной барышни будетъ только веселѣе; полковыя кумушки останутся съ носомъ, такъ какъ этимъ Ольга имъ ясно покажетъ, что она ничьего соперничества не боится, и наконецъ, дѣйствительно, Ольга не боялась Муси; она инстинктивно понимала какъ-то, что тѣ, кто за нею ухаживаютъ, мало или вовсе не цѣнятъ Муранскую, и наоборотъ. Да и Дмитрію это будетъ пріятно и займетъ его, а Ольгѣ отнюдь

не хотѣлось, чтобы онъ скучалъ дома. Напротивъ, она съ нимъ кокетничала такъ же, какъ и до замужества, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ со всѣми остальными, выбирала его въ разныхъ играхъ, во время кавалькадъ не отпускала отъ себя ни на шагъ, однимъ словомъ, если и причисляла его какъ бы наряду съ прочими къ своей „королевской“ свитѣ, то явно показывала, что изъ всей этой свиты онъ единственный пользуется ея вниманіемъ.

Дмитрій, нѣкогда мечтавшій пересоздать свою и устроить жизнь Ольги по-своему, ожидавшій впереди чего-то необычайно-серьезнаго и, при всей своей любви, видѣвшій прежде ясно, что его невѣста ребенокъ, неразвитой, но избалованный ребенокъ, — теперь совершенно втянулся въ очень странную роль, не возмущался нисколько отсутствіемъ чего-либо похожаго на семейную жизнь, не думалъ ни о какихъ перевоспитаніяхъ, а, напротивъ, самъ подпалъ совершенно вліянію жены. Онъ былъ постоянно веселъ и лишь раза два поймалъ себя на томъ, что совсѣмъ позабылъ, что женатъ, и держался у себя дома совершенно такъ, какъ прежде, до своего сватовства, на разныхъ веселыхъ пикникахъ и ужинахъ „съ дамами“. Только теперь этотъ пикникъ длился вотъ уже седьмую недѣлю безъ перерыва, съ самаго того дня, какъ Дмитрій съ женой переѣхалъ на Дудергофъ.

Итакъ, Ольга рѣшила непремѣнно уговорить Мусю пріѣхать къ ней денька на два, на три, разсчитывала задержать ее и долѣе, и бомбардировала ее любезными, почти нѣжными письмами. Наконецъ, Муся, которая никогда не видала Краснаго-Села и его окрестностей, согласилась и написала Неридовой, что пріѣдетъ съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ въ среду и проситъ только — встрѣтить ее. Ольга такъ обрадовалась этому отвѣту, въ такихъ восторженныхъ словахъ стала распространяться о Мусѣ, что бывшіе у нея въ гостяхъ въ эту минуту Боде и Косточковъ — молодой человѣкъ въ необычайно пестромъ коротенькомъ пиджачкѣ и вычурной модной шляпѣ—подумали, что, пожалуй, Ольга и дѣйствительно любитъ Муранскую, а такой способности въ Неридовой они не предполагали; хотя они были самые завзятые поклонники ея, но это нисколько не мѣшало имъ прехладнокровно судить о ней, къ тому же оба они судили о людяхъ по себѣ.

Неридовъ отпросился у батальоннаго командира раньше кончить утреннія занятія, чтобы поспѣть къ поѣзду.—Счастье ваше, —сказалъ ему батальонный,—что вы осенью отъ насъ уходите, а то бы я васъ за ваши постоянные побѣги на лишній часъ на участокъ нарядилъ.—Неридовъ нисколько не смутился этими

словами, а прежде, несмотря на всѣ свои кутежи и продѣлки, онъ считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ полка. Но ему и теперь, и прежде было рѣшительно все равно, что думаетъ и говоритъ о немъ начальство.

Едва отпустивъ солдатъ, Неридовъ уже летѣлъ, слюня голову, на привыкшемъ къ такой ѣздѣ красносельскомъ извозчикѣ и безъ пяти двѣнадцать подъѣхалъ къ вокзалу, въ ту самую минуту, какъ и поѣздъ, визжа тормазами, сталъ у платформы. Дмитрій, минуя вокзалъ, поднялся, звеня саблей, по ступенямъ на деревянный помостъ и прямо подошелъ къ вагону перваго класса. Изъ окна выглянуло розовое веселое личико съ черными глазами, казавшимися еще темнѣе отъ тѣни, падавшей изъ-подъ маленькой бѣлой шляпки-кибиточки. Неридовъ шагнулъ на платформу вагона и въ дверяхъ встрѣтился съ Мусей.

— Здравствуйте, Дмитрій Алексѣевичъ, какъ мило съ вашей стороны, что вы сами за мной пріѣхали! Но я вѣрно спутала: мнѣ Ольга писала, чтобы я взяла билетъ до дудергофской платформы, а это—Красное-Село.

— Совершенно вѣрно, Марья Николаевна,—отвѣтилъ Дмитрій, входя за Мусей въ вагонъ, куда она вернулась, чтобъ взять свой сакъ-вояжъ и маленькій porte-manteau.—И я васъ попрошу опять присѣсть, такъ какъ выйти намъ надо будетъ лишь на дудергофской. Я позволилъ себѣ встрѣтить васъ здѣсь, такъ какъ прямо попалъ сюда съ занятій.

— Это уже окончательно любезно!—сказала Муся, протягивая ему еще разъ руку и садясь у окна.

— А вы такъ-таки совсѣмъ одна рѣшились на это путешествіе?—спросилъ Дмитрій, заплативъ кондуктору за оторванный послѣднимъ изъ книжечки билетикъ и садясь противъ Муси.

Раздался свистокъ оберъ-кондуктора, и вагонъ, почти не дрогнувъ, пришелъ въ движеніе.

— О, еще бы! Я уже не маленькая, я думаю! И потомъ, вы знаете, я воспитана по-англійски, какъ ваша сестра, и, за исключеніемъ баловъ и театра, всюду ѣзжу одна, т.-е. могу вездѣ бывать одна, хотя, конечно, чаще всего выѣзжаю съ дядей или съ petite tante. Кстати, о вашей сестрѣ: гдѣ проводитъ лѣто mademoiselle Hélène?

— Какъ всегда, въ Неридовѣ съ мамашей. Я еще у нихъ тамъ не былъ и, вѣроятно, попаду лишь послѣ маневровъ. А какъ вы довольны вашимъ лѣтомъ?

— Страшно довольна! У насъ въ Левашевѣ прелестная дача нынче, большой садъ, никого знакомыхъ, кромѣ тѣхъ, что

пріѣзжаютъ по вторникамъ изъ Петербурга. Прогулки отличныя и по совершенно нецивилизованнымъ мѣстамъ. Я катаюсь верхомъ на чухонскихъ лошадкахъ, много читаю съ дядей, еще больше играю и пою. Нина Бергъ прогостила у меня двѣ недѣли передъ отъѣздомъ въ Гапсаль, и мы съ нею чудно провели время. Цѣлыми днями бродили по полямъ, катались на лодкѣ. Она меня выучила грести. Знаете, это совсѣмъ не такъ трудно, какъ я думала, только ужасно руки портитъ...—быстро говорила Муся и при послѣднихъ словахъ вдругъ потупилась.

Дмитрій улыбнулся, вспомнивъ, что еще Глуховской говорилъ ему, что у Муси очень хорошенькія руки. Самъ онъ видѣлъ Мусю всегда въ перчаткахъ. Улыбнулся же онъ потому, что въ первый разъ замѣтилъ въ ней искру жеманства и кокетства, которыхъ не предполагалъ въ ней.

— Такъ вы много читали, вы говорите? Это не то, что мы съ Ольгой; я съ самой женитьбы не то что книги, а и газеты-то, кажется, въ руки не взялъ... И что же вы читали?

— Ахъ, какъ бы это вамъ сказать: я и читала, и играла все „чертовское“, если можно такъ выразиться. Вы знаете... Нѣтъ, вы этого вовсе не можете знать! Ну, однимъ словомъ, я всегда любила лермонтовскаго „Демона“, а нынче мнѣ пришлось прочесть одну отличную статью о немъ; вотъ я его и перечла, потомъ перечла „Каина“, „Heaven and Earth“, „Манфреда“, „Фауста“, потомъ въ первый разъ прочла Мильтона „Paradise lost“, а съ дядей прочла „Divina Comedia“. Ну, и переиграла одна, и въ четыре руки, и на двухъ фортепіано съ однимъ хорошимъ музыкантомъ, всѣ вещи, написанныя разными композиторами на эти произведенія. Это вышло очень хорошо все вмѣстѣ.

— Еще бы! А я и не думалъ, что вы такая виртуозка.

— Нѣтъ, нѣтъ! я вовсе не виртуозка и не хочу быть виртуозкой! Я просто люблю играть для себя и для дяди.

— Однако, если вы въ состояніи исполнить „Mephisto-valse“—вѣдь вы это вѣрно играете?—или „Divina Comedia“ Листа, то это значитъ, что вы отлично играете. Этакъ, можетъ быть, мы васъ когда-нибудь и въ концертѣ услышимъ.

— Ой, нѣтъ! Избави Богъ!

— Отчего вы такъ пугаетесь? Мнѣ кажется, ничего нѣтъ завиднѣе карьеры музыканта, художника?

— Да, это правда. Но быть виртуозомъ, который долженъ играть для массы публики, получать за это деньги, часто быть непонятымъ, слышать послѣ такой вещи, которая его совсѣмъ

захватила, рукоплесканія или, еще хуже этого, гробовое молчаніе—о! этого я не вынесла бы!

Дмитрій внимательно и пристально смотрѣлъ въ лицо Мусѣ, пока она говорила.

— Но зато, Марія Николаевна, сколько такой виртуозъ доставляетъ наслажденія намъ всѣмъ, и какое наслажденіе ему самому сознавать, что онъ будитъ въ насъ искру Божію, уноситъ насъ на ту высоту, на которую мы поднимаемся лишь въ немногія избранныя минуты, а безъ этихъ минутъ всякая человѣческая жизнь не отличалась бы отъ жизни всей природы.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ, и Дмитрій тоже сталъ говорить тише и рѣже, словно прислушиваясь къ своимъ словамъ. Ему показалось, что это говоритъ не онъ, а кто-то другой, и въ то же время ему почему-то припомнились прежніе годы въ училищѣ, его товарищи, хорошіе и серьезные споры съ ними...

— Эхъ! хорошее было время!—вдругъ сказалъ Дмитрій вслухъ, вставая и взявъ въ руки вещи Муранской. Въ эту минуту вагонъ разомъ остановился. Неридовъ покачнулся и едва удержался на ногахъ, схватясь за выступъ дивана.

Муся засмѣялась.—О какомъ это времени вы вспоминаете? О томъ времени, когда вы играли на скрипкѣ и всѣхъ увлекали своей игрою, уносили всѣхъ далеко отъ „скучныхъ пѣсенъ земли“, —помните, какъ у Лермонтова въ „Ангелѣ“? Какое это стало избитое стихотвореніе, а какая глубокая мысль! Правда?

— Да, да... Но я совсѣмъ не о такомъ времени думалъ. Никогда моя игра не отличалась отъ такихъ „пѣсенъ земли“. У меня то, что̀ называется: un petit talent de société... А я вспомнилъ о томъ времени, когда часто раздумывалъ и говорилъ о вещахъ, о которыхъ мы сейчасъ съ вами заговорили. Это было давно, но я вспоминаю объ этомъ времени всегда съ любовью. А теперь я почти никогда не думаю и еще рѣже говорю такъ. Вы и не сожалѣйте, что вы не виртуозка: словами вашими вы почти то же сдѣлали, что̀ дѣлаютъ съ нами художники, музыканты. Вы меня разомъ перенесли въ другой міръ. А развѣ это не талантъ, Марья Николаевна? Cela vaut bien les autres,—говорилъ Дмитрій, выходя за Мусей изъ вагона.

— Ну, вотъ еще!—наивно отвѣтила Муся и, дѣлая большой шагъ, спрыгнула на деревянную платформу.

Маленькій грумъ Джемми, котораго на кухнѣ у Неридовыхъ звали по его настоящему имени—Петькой, держалъ подъ-устцы пару маленькихъ мышекъ-пони, запряженныхъ въ легкую пле-

тёную колясочку. Муся и Дмитрій сѣли въ нее, хотя до дачи было два шага.

Едва Муся открыла калитку цвѣтника Неридовыхъ, какъ Ольга, въ богатѣйшемъ малороссійскомъ костюмѣ, звеня бусами, сбѣжала съ балкона и бросилась обнимать свою гостью.—Милочка, голубчикъ! какъ я счастлива, что вы, наконецъ, пріѣхали! Я совсѣмъ стосковалась, что васъ такъ давно не видала. А ужъ здѣшніе всѣ, Саша, Высоцкій, ну просто ждутъ-не-дождутся этого дня... Ахъ, какая она прелестная! Какъ еще похорошѣла!—И Ольга еще и еще цѣловала Мусю.—Ну, пойдемте, пойдемте! Снимите шляпку! Позавтракаемъ, напьемся чаю; пусть жара немного спадетъ. Я только и дамъ вамъ отдыху до трехъ часовъ, а потомъ ужъ я ни минуты не позволю вамъ сидѣть спокойно. О! мы будемъ веселиться!

Муся прошла за Неридовой въ приготовленную ей комнату и была удивлена, замѣтивъ, до какой степени любезно и предупредительно Ольга подумала о всевозможныхъ мелочахъ; даже свѣжіе букеты стояли на розовомъ туалетѣ и на кругломъ столѣ передъ диванчикомъ. Да и слова Ольги удивили Мусю. Ольга держала себя гораздо любезнѣе и свободнѣе прежняго — это Муся увидѣла съ первой минуты; и кромѣ того, въ тонѣ Неридовой звучала та покровительственная нѣжность, съ которой къ Мусѣ въ началѣ ея выѣздовъ относились нѣкоторыя милыя свѣтскія, очень блестящія женщины. Впечатлительная дѣвушка тотчасъ подумала, что она была неправа прежде, думая, что Ольга—натура, неспособная ни къ какому совершенствованію и отдѣлкѣ. Если теперь, въ какихъ-нибудь два съ половиной мѣсяца, Ольга такъ измѣнилась къ лучшему во внѣшней манерѣ и даже въ томъ, что могла относиться къ людямъ такъ, какъ прежде ей и въ голову не пришло бы—отчего же не допустить, что она и вообще развилась, рафинировалась, подъ вліяніемъ мужа?—„Вѣрно она его вправду любитъ, и это была гадость съ моей стороны, что я приписывала ей разные разсчеты, и выходъ ея замужъ считала un mariage de fortune“.—И Муся про себя просила прощенія у радушной и веселой хозяйки, не знавшей, какъ получше усадить и что повкуснѣе предложить своей гостьѣ,—прощенія въ томъ, что прежде такъ дурно думала о ней.

Тотчасъ послѣ завтрака Дмитрій опять уѣхалъ на занятія, а дамы остались сидѣть на балконѣ, уставленномъ растеніями въ кадкахъ, жардиньерками и корзинками съ цвѣтами и легкою дачною мебелью. Боковыя стеклянныя стѣнки были раздвинуты, маркизы спущены и не пропускали ни одного солнечнаго луча въ

этотъ хорошенькій, уютный, напоенный ароматомъ цвѣтовъ, уголокъ. Только съ тѣневой стороны было настежъ отворено и не завѣшано одно окно; въ него врывался теплый вѣтерокъ и виднѣлась необозримая холмистая равнина, подернутая не то синеватымъ туманомъ, не то дымкомъ. Вдали на возвышеніи пестрѣлъ лагерь. Ближе къ Дудергофской горѣ мѣстами что-то шевелилось и блестѣло на солнцѣ: должно быть, войска, шедшія или возвращавшіяся съ ученія. Откуда-то очень издалека, въ ровные промежутки, слышались гулкіе удары пушекъ, а за горою, очень близко—рѣзкіе и сухіе ружейные выстрѣлы. Музыка гудѣла, все приближаясь. По временамъ, благодаря прозрачному воздуху, доносилось изъ Богъ-вѣсть какой дали перекатывающееся, слабое „аааа“: это солдаты учились отвѣчать начальству. И опять слышалась музыка. Потомъ только одна труба, должно быть, за озеромъ, назойливо повторяла одинъ и тотъ же сигналъ.

Муся нѣсколько разъ вставала, подходила къ окну, вглядывалась въ далекое поле, вдыхала теплый воздухъ съ легкимъ запахомъ дымка, прислушивалась къ отдаленной музыкѣ и съ улыбкой возвращалась на свое мѣсто. Муся была радостно возбуждена и какъ будто безпричинно весела. Этотъ странный, незнакомый міръ, точно отдѣленный отъ остального, движеніе и звуки повсюду, музыка, какой-то своеобразный колоритъ самой мѣстности, который Муся замѣтила еще въ то время, когда ѣхала по желѣзной дорогѣ,—все это, такое непохожее на то, что дѣвушка видѣла до сихъ поръ, привлекало и почти опьяняло ее.

А Ольга безъ умолку болтала; разсказывала о разныхъ поѣздкахъ, веселыхъ играхъ; дѣлала характеристики и портреты почти всѣхъ бывавшихъ у нея, заранѣе упрашивала Мусю подразнить Боде какой-то тетрадочкой, а капитану Малинину—сказать только многозначительно: „и вдругъ идетъ корова“, и посмотрѣть, какой эффектъ это произведетъ на всѣхъ. Если можно, пусть даже Муся разскажетъ цѣлую какую-нибудь исторію и вставитъ эти слова какъ бы невзначай. Вотъ-то будетъ хохотъ! Муся мало-по-малу познакомилась со всѣми интересами и новостями Краснаго и Дудергофа и такъ же незамѣтно для себя заинтересовалась всѣмъ этимъ.

Въ половинѣ четвертаго подлетѣла къ калиткѣ тройка, и съ веселымъ смѣхомъ и цѣлымъ запасомъ разсказовъ и новостей дня на балконъ вбѣжали Мюнстеръ, Высоцкій и еще какой-то офицеръ изъ полка, котораго Ольга тотчасъ представила Мусѣ какъ отличнаго музыканта. Это и былъ Малининъ. Не успѣла Ольга распорядиться, чтобы имъ подали чаю, какъ пріѣхалъ и Неридовъ

съ Сашей и его товарищемъ Мириневскимъ, потомъ Боде, адъютантъ того генерала, къ которому на службу Неридовъ переходилъ осенью.

— Ну, что же мы сегодня дѣлаемъ?—спросилъ Саша, ловко бросая свою фуражку черезъ открытую дверь прямо въ залу на диванъ.

— Вы, я надѣюсь, не устали! — сказала Ольга тономъ, не допускающимъ возраженій.

— То-есть...—началъ было непокорный Дмитрій, но Боде его перебилъ:

— Разумѣется, разумѣется, Ольга Павловна, мы готовы тотчасъ идти хоть на край свѣта, и только ждемъ вашихъ приказаній.

— Ну, такъ мы прежде всего покажемъ нашей дорогой гостьѣ паркъ, всѣ виды, дворецъ, ферму... Обѣдать будемъ сегодня здѣсь. Вечеромъ—на лодкахъ. Завтра пріѣдемъ обѣдать къ Дмитрію въ полкъ и васъ всѣхъ просимъ туда же, а вечеромъ танцовать, или что хотите...—такъ распредѣлила Ольга все время.

— Согласны?—спросила она.

— Конечно, конечно!

— Пейте скорѣе чай и идемъ!

Муся пріѣхала къ Неридовымъ, главнымъ образомъ, потому, что самъ Петръ Михайловичъ настаивалъ на этой поѣздкѣ, находя ихъ лѣтнюю жизнь слишкомъ монотонной для Муси. Муся сама очень рада была увидѣть Дмитрія; обѣщаніе не забывать его за лѣто она сдержала безъ всякаго труда для себя, такъ какъ еще весною расположилась къ тому и вообще привыкла думать о немъ самомъ, какъ объ одномъ изъ самыхъ подходящихъ и близкихъ ей по складу людей. Поэтому Муся поѣхала на Дудергофъ охотно. Но она никакъ не думала встрѣтить у Ольги такое большое и исключительно военное общество, а особенно почему-то никакъ не ожидала увидѣть Рудольфа Мюнстера. Въ первую минуту все это было ей непріятно.

Со времени разрыва съ Павломъ Мюнстеромъ Муся отгоняла и устраняла изъ своей жизни все, что могло ей напомнить о прошедшей зимѣ. Экзамены помогли ей весною отказываться отъ всякихъ „заключительныхъ вечеровъ“, отъ театра, выѣздовъ, даже отъ дневныхъ свѣтскихъ визитовъ. Еще болѣе была она довольна своею жизнью въ Левашевѣ. Почти все лѣто Муся была въ томъ особенномъ бодро-дѣятельномъ настроеніи, которое на нее находило по временамъ, и которое Петръ Михайловичъ называлъ „пуританскимъ“. Вставала она рано и заставляла себя вскакивать

съ постели тотчасъ, какъ только открывала глаза. Когда пила чай, давала себѣ заранѣе слово не брать третьяго куска сахару, такъ какъ, во-первыхъ, это портитъ зубы, во-вторыхъ—это потаканіе своимъ привычкамъ и слабостямъ — а вѣдь „не должно быть рабой какихъ бы то ни было привычекъ". И Муся была всегда очень огорчена, когда забывала свой зарокъ и съѣдала сахаръ отдѣльно отъ чаю—что очень любила. Тотчасъ послѣ чаю Муся, не тратя ни минуты на „пустое валанданье" (одно изъ выраженій, перенятыхъ ею отъ Луковниковой), садилась играть экзерсисы, потомъ пѣла гаммы, потомъ разучивала трудные фортепіанные пассажи изъ пьесъ, которыя наканунѣ играла à livre ouvert, и не позволяла себѣ увлекаться чтеніемъ нотъ съ листа. До завтрака же Муся рисовала или занималась какой-нибудь изъ мелкихъ, требовавшихъ большого терпѣнія и аккуратности, а потому нелюбимыхъ ею работъ, пока Петръ Михайловичъ читалъ ей что-нибудь серьезное. Послѣ завтрака слушала газеты или что-нибудь изъ беллетристики, потомъ опять играла до обѣда. А вечеромъ почти всегда гуляла, ѣздила одна верхомъ на своей золотистой лошадкѣ, писала письма; послѣ чаю пѣла. Такъ шли дни, одинъ почти какъ другой. Ни жара, ни лѣнь не могли заставить Мусю отступить отъ своего строгаго расписанія времени. Когда Муся была въ своемъ „пуританскомъ настроеніи", она сидѣла за обѣдомъ особенно прямо, любила надѣвать гладкія платья, безъ всякихъ fichus и лентъ, убирала свою постель сама, къ удивленію горничной, заводила часы аккуратно безъ четверти въ 9 ч. утра, заставляла себя брать второй разъ тѣ кушанья, которыхъ не любила, и отказывалась отъ любимыхъ. Во всѣхъ ея ящикахъ царствовалъ образцовый порядокъ, а саму себя она находила умной и если не вполнѣ хорошей, то дѣятельной, дѣятельной—а это главное. И дѣйствительно, обыкновенно Муся за такія времена успѣвала много прочесть, дѣлала большіе успѣхи въ игрѣ и еще большіе — въ умѣньѣ заставлять себя поступать лишь такъ, какъ находила хорошимъ и должнымъ.

Разговоры съ Петромъ Михайловичемъ, чтеніе съ нимъ, музыка, всѣ интересы дяди—были и прежде счастьемъ для Муси, но теперь она особенно отдыхала душою въ этой серьезной, наполненной жизни; все это было такъ далеко и такъ высоко сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ жила Муся всю эту зиму, что она въ такомъ образѣ жизни находила отраду, спасеніе отъ всѣхъ своихъ „гадкихъ и мелкихъ мыслей" (какъ она говорила себѣ), отъ всего, что ее такъ оскорбило на первыхъ же шагахъ, сдѣланныхъ ею самостоятельно среди живыхъ людей. Ей было легче

среди безъискусственной природы чухонскихъ деревень, вѣчно со своими книгами, кистями, нотами и разными художественными работами, изъ которыхъ многимъ Мусю научили весною Лена Неридова и miss Buttler: Муся очень сошлась со всею семьею Неридовыхъ.

И вотъ теперь, очутившись среди всей этой хохочущей молодежи, слушая ихъ шутки, постоянныя остроты, обрывки романсовъ и арій, приставанья другъ къ другу, видя всю ту веселую возню, которая неизбѣжно царитъ тамъ, гдѣ постоянно бываютъ вмѣстѣ очень дружные между собою и очень молодые люди,— Мусѣ сдѣлалось очень неловко и не по себѣ. Особенно не по себѣ потому, что Рудольфъ Мюнстеръ шелъ въ двухъ шагахъ отъ нея и, какъ она думала, навѣрное ненавидѣлъ ее за брата. Она не знала, что Рудольфъ принадлежалъ къ числу тѣхъ великолѣпно-равнодушныхъ ко всему на свѣтѣ людей, которые сегодня будутъ какъ будто отъ души сожалѣть васъ, если васъ кто-нибудь оскорбилъ, а завтра съ такою же спокойной совѣстью будутъ обѣдать у вашего врага, и на его разсказъ, почему именно онъ васъ ненавидитъ—одобрительно и сочувственно качать головой и приговаривать: „Да, да, я это всегда говорилъ“. Что касается Рудольфа Мюнстера, то онъ уже давно забылъ, что ему братъ сказалъ о своемъ разрывѣ съ Муранской—и теперь очень обрадовался, увидя эту хорошенькую дѣвушку; въ его головѣ уже начали возникать грандіозные планы завтрака champêtre въ Таицахъ и поднесенія двухъ корзинокъ съ цвѣтами завтра за обѣдомъ въ полку: одной—изъ однѣхъ красныхъ розъ—Ольгѣ, и другой—изъ однѣхъ бѣлыхъ—Мусѣ. И Мюнстеръ даже вспомнилъ что-то подобное въ какомъ-то романѣ Майна-Рида или Террайля и даже тотчасъ сказалъ Ольгѣ вслухъ, что она и Муся другъ друга оттѣняютъ: le jour et la nuit. И тѣмъ же любезно-добродушнымъ тономъ Мюнстеръ повторилъ это вслѣдъ затѣмъ и Мусѣ.

Но вскорѣ Муся и безъ этого успокоилась, забыла о своемъ непріятномъ чувствѣ; было слишкомъ весело, а Муся была слишкомъ жива и отзывчива. И когда съ шоссе, гдѣ проѣзжающія коляски и тройки обдавали столбами бѣлой пыли, а солнце пекло невыносимо, всѣ вошли въ тѣнь дудергофскихъ аллей, Муся успѣла даже разсказать какую-то, небывавшую никогда въ дѣйствительности, встрѣчу съ коровой въ Левашевскомъ паркѣ, вставила тѣ слова, о которыхъ просила Ольга, и среди всеобщаго радостнаго хохота Малининъ представилъ „l'homme qui rit et l'homme qui pleure“; поднося остроумной разсказчицѣ вѣнокъ изъ дубовыхъ

листьевъ, онъ произнесъ напыщенную академическую рѣчь съ восхваленіемъ авторскаго таланта „молодой иностранки“; потомъ, мгновенно перемѣняя тонъ и дѣлая самую плаксивую дѣтскую гримасу, на которую только было способно его невѣроятно подвижное лицо, жаловался, что всѣ его обижаютъ, и просилъ, становясь на колѣни среди аллеи, чтобы хоть Муся его защитила, за что̀ обѣщалъ прославить ея доброту въ стихахъ и прозѣ. Дѣйствительно, онъ тотчасъ же сложилъ глупѣйшій акростихъ, оканчивавшійся словами:

„А убѣжавъ отъ злой коровы;
Я вновь попалъ въ любви оковы“.

И опять всѣ хохотали до упаду.

Еще не было семи часовъ, когда Муся проснулась въ пятницу. Ее разбудила, какъ и вчера, какая-то, показавшаяся ей сквозь сонъ прелестною, музыка. Муся тотчасъ вскочила съ постели и открыла окно. Въ воздухѣ еще чувствовалась легкая ночная сырость, но было уже почти жарко. Тамъ и сямъ, прорѣзываемый золотыми лучами низкаго еще солнца, поднимался туманъ, нѣсколько секундъ, какъ кисейное покрывало, несся горизонтально надъ освѣженной землей, потомъ разомъ взлеталъ высоко и безслѣдно таялъ среди яркаго неба. А музыка то приближалась, то вновь удалялась, совсѣмъ смолкала и опять раздавалась вдали; тяжело и мѣрно гудѣли низкіе мѣдные въ тактъ съ литаврами: „умба-умба“, „умба-умба“. И опять слышалось, точно взятое подъ сурдиной, „аааа“ здоровавшихся съ начальствомъ солдатъ.

— Уже сегодня уѣзжать!—сказала себѣ Муся со вздохомъ. —А какъ тутъ хорошо, весело...

Она перебрала всѣ впечатлѣнія этихъ двухъ дней: зеленые своды и крутыя дорожки Дудергофа, ужинъ на фермѣ и катанье на живописномъ дудергофскомъ озерѣ съ его темнымъ нагорнымъ берегомъ, мельницами, вырѣзавшимися на прозрачномъ, озаренномъ луною небѣ, и со звенящимъ шумомъ ручья, впадающаго въ озеро среди густого камыша. Потомъ обѣдъ въ полку у Дмитрія, оставившій въ воспоминаніи Муси впечатлѣніе непрерывнаго смѣха; бѣшено-скорая ѣзда на тройкахъ въ Таицы; поэтическій таицкій паркъ, импровизированный вечеръ у Ольги по случаю пріѣзда еще двухъ подругъ изъ Петербурга. И какъ постоянная, движущаяся декорація и аккомпаниментъ ко

всему этому — вся та блестящая, показная сторона лагернаго быта, такъ надоѣвшая и кажущаяся невозможной всѣмъ, кто близко къ этимъ декораціямъ стоитъ и знаетъ всѣ пружины и веревки, всѣ репетиціи и лѣвую сторону этихъ кулисъ, но которая невольно бросается въ глаза и увлекаетъ своею живописностью и жизненностью всякаго свѣжаго, посторонняго человѣка. И, конечно, художественная струнка Муси отозвалась на все это особенно живо.

Ко всему этому—очаровательная любезность и явно видимое расположеніе Ольги, которая уже не казалась Мусѣ ни грубой, ни далекой отъ нея, какъ прежде; напротивъ, Муся была готова искренно полюбить эту веселую, милую женщину. Потомъ дружескіе, задушевные разговоры съ Дмитріемъ и всеобщее поклоненіе, тотъ успѣхъ, который вездѣ и всюду привыкла встрѣчать Муся за эту зиму. Муся невольно опять впала въ то настроеніе восхищенія самой собой, которое такъ часто овладѣвало ею въ свѣтѣ. И въ этой атмосферѣ успѣха и радости этимъ успѣхомъ, послѣ строгой и серьезной жизни въ Левашевѣ, Муся вдругъ почувствовала себя легко и привольно, какъ человѣкъ, послѣ новаго, нравящагося, но немного стѣсняющаго его, платья, одѣвшій дома свое старое—удобное и просторное.

XI.

Сѣялъ холодный, мелкій дождь, изморозь, вѣтеръ рѣзалъ лицо и такъ закрутилъ Нину Бергъ, когда она послѣ послѣдней лекціи вышла на подъѣздъ, что молодая дѣвушка на минуту остановилась и подумала, не отказаться ли ей отъ намѣренія ѣхать къ Мусѣ въ Галерную, и не лучше ли идти прямо домой. Берги, ради Нины, поступившей осенью на курсы, переѣхали на Сергіевскую и поселились черезъ пять-шесть домовъ отъ помѣщенія курсовъ. Однако, эта нерѣшительность продолжалась лишь минуту; Нина знала, что Муся будетъ ее ждать, съ цѣлью подѣлиться впечатлѣніями вчерашняго вечера у Вешниныхъ, гдѣ онѣ вмѣстѣ танцовали, и хотя Нина и не очень-то любила эту безконечную болтовню на другой день какого-нибудь бала, однако воспоминаніе о словѣ, данномъ Мусѣ, тотчасъ пересилило ея колебанія, и Нина окликнула спрятавшагося отъ непогоды подъ сосѣдній подъѣздъ извозчика; лошаденка его, напряженно поднявъ спину и разставивъ переднія ноги, ѣла овесъ изъ холщевой торбы. И прежде чѣмъ продрогшій извозчикъ, тяжело ступая обутыми въ валенки

ногами, успѣлъ подбѣжать къ своей взъерошенной лошаденкѣ и началъ застывшими пальцами отвязывать торбу, Нина уже натянула платокъ побольше на лицо и взобралась на шаткія, вылинявшія и ржавыя дрожки.

Старичокъ-извозчикъ еще повозился немного, пряча торбу подъ сидѣнье, кряхтя, влѣзъ на облучокъ, подправилъ подъ ногу свой зеленоватый, съ ярко-синими заплатами на спинѣ, армякъ, пошепталъ: „Господи Іисусе Христе, Микола угодникъ“, зачмокалъ, задергалъ возжами; лошаденка, пригибая голову и какъ-то бокомъ поворачиваясь къ вѣтру, засѣменила своими лохматыми ногами, и дрожки, дребезжа и раскатываясь по обледенѣлой мостовой, медленно-медленно потащились въ Галерную.

Бобринъ и Муранскіе только недавно переѣхали въ домъ, купленный Петромъ Михайловичемъ весною, и потому квартира ихъ была еще не вся отдѣлана; въ залѣ, черезъ которую Нина прошла въ маленькую гостиную Муси, на полу стояли ящики съ разными художественными вещами, столики, обвязанные бумагой и перевитые соломой, шкафчики и картины, прислоненныя къ стѣнамъ въ ожиданіи того дня, когда ихъ будутъ развѣшивать и разставлять въ присутствіи самого Бобрина. А Петръ Михайловичъ нынче, какъ нарочно, былъ занятъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и въ сенатѣ, и своимъ новымъ сочиненіемъ по исторіи права, и вновь возникшимъ вопросомъ о волостныхъ судахъ.

Муся сидѣла въ уголку дивана, завернувшись въ большой красный платокъ, хотя въ каминѣ ярко горѣли уголья и въ комнатѣ было почти жарко; на колѣняхъ Муранской лежала книга, но Муся не читала, да и лампа подъ краснымъ абажуромъ стояла далеко отъ нея, у противоположной стѣны. Муся встала на встрѣчу Нины и, усадивъ ее противъ себя, опять вернулась на свое мѣсто, поджала ноги и свернулась какъ котенокъ. —Petite tante ne me voit pas,—сказала она, показывая на дверь комнаты Марьи Петровны въ оправданіе своей непринужденной позы.

Муся очень много выѣзжала эту зиму, такъ много, что Петръ Михайловичъ, вспоминая свою сестру, началъ было въ глубинѣ души сильно безпокоиться этимъ, но только въ глубинѣ души— Мусѣ онъ ничего не говорилъ. Онъ видѣлъ, съ одной стороны, что Муся серьезно занимается музыкой, пѣніемъ, живописью, аккуратно беретъ уроки литературы у Петровскаго и охотно и толково пишетъ для самого Петра Михайловича разборы сочиненій по исторіи и праву, которыми онъ занимался съ нею. Поэтому

Бобринъ не считалъ справедливымъ мѣшать своей вѣчно-розовой и здоровой и такой всегда бодрой Мусѣ веселиться, какъ ей того хотѣлось. Очевидно, ни на занятія, ни на здоровье ея эти выѣзды не имѣли дурного вліянія. Во-вторыхъ, Петръ Михайловичъ не могъ высказать своего глухого безпокойства уже потому, что считалъ необходимымъ для всякаго молодого человѣка, дѣвушки или юноши, хорошенько узнать свѣтъ, отшлифоваться въ немъ окончательно, наконецъ просто какъ можно болѣе повеселиться, пока весело. Самъ Петръ Михайловичъ въ молодости былъ очень свѣтскимъ человѣкомъ, то, что называется „un jeune homme recherché“, но, несмотря на то, успѣлъ въ тѣ же молодые годы заставить говорить о себѣ, какъ объ одномъ изъ подающихъ самыя блестящія надежды молодыхъ ученыхъ. И это онъ хорошо помнилъ. Но главная причина, почему онъ не препятствовалъ Мусѣ выѣзжать такъ много, была его доброта, тотъ оттѣнокъ ея, что нѣмцы зовутъ Leutseligkeit. Какъ всѣ много пережившіе и передумавшіе люди, рѣдко отдающіеся радостнымъ цѣльнымъ впечатлѣніямъ,—онъ это особенно цѣнилъ въ другихъ. Становясь съ годами все строже и требовательнѣе относительно своихъ личныхъ знакомыхъ, расходясь или скучая со многими изъ нихъ, онъ тѣмъ охотнѣе знакомился съ разной молодежью для Муси, устроивалъ для нея вечера, ѣздилъ съ нею на тройкахъ, когда Марья Петровна отказывалась. А когда, въ 4 — 5 часовъ утра, Муся, раскраснѣвшаяся и оживленная послѣ бала, едва успѣвъ сбросить шубу, стремительно влетала въ кабинетъ, гдѣ Бобринъ, въ противность своимъ аккуратнымъ привычкамъ, часто писалъ до утра, и принималась быстро-быстро, чуть не на всѣхъ четырехъ языкахъ, разсказывать ему обо всемъ видѣнномъ и пережитомъ въ этотъ вечеръ и никакъ не хотѣла понять, что ей пора спать,— Петръ Михайловичъ наконецъ прогонялъ ее, притворившись сердитымъ. Но вдругъ, черезъ три минуты, Муся, уже отколовъ цвѣты, безъ перчатокъ и браслетовъ и накинувъ большой платокъ сверхъ разстегнутаго уже корсажа, опять прибѣгала и со словами: „Нѣтъ, знаешь, дядя, ужъ это я должна тебѣ сейчасъ же разсказать!“ Она примащивалась на ручку тяжелаго дубоваго кресла и, держась за плечо дяди, чтобъ не потерять равновѣсія,—вновь принималась болтать и хохотать. Тогда Петръ Михайловичъ дѣлался искренно счастливъ за нее, и почти такъ же радостно, какъ ея, звучалъ его голосъ, когда онъ повторялъ за нею: „Въ четвергъ опять вечеръ у графини Реверсъ!“

Но тѣмъ не менѣе это не мѣшало Петру Михайловичу часто безпокоиться и задумываться надъ тѣмъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ,

предоставляя Мусѣ по прежнему полную свободу дѣйствій, — и онъ все чаще и чаще, выпроводивъ Мусю окончательно спать, еще долго ходилъ по кабинету своими быстрыми, мелкими шажками, заложивъ руки за спину и сердито хмурясь подъ золотыми очками.

А Муся и не воображала, что она именно нынче, когда ей такъ хорошо жилось, доставляетъ такія тяжелыя минуты своему дядѣ. Жизнь ея была очень разнообразна и очень однообразна въ то же время. Даже не считая случайныхъ „приглашеній", Муся рѣдкій вечеръ была дома: въ понедѣльникъ итальянская опера, въ субботу симфоническіе концерты или Михайловскій театръ, гдѣ она бывала съ Ольгой (со времени поѣздки въ Красное Муся почти подружилась съ нею). Онѣ постоянно танцовали вмѣстѣ, вмѣстѣ ѣздили верхомъ, бывали вмѣстѣ въ театрѣ; рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы съ Галерной на Сергіевскую и обратно не приносили записочекъ или даже длинныхъ писемъ, наполненныхъ тою искренней и безсодержательной болтовней, которая неизбѣжна во всякой такой дружбѣ очень свѣтскихъ, очень молодыхъ и постоянно бывающихъ вмѣстѣ женщинъ. Каждый четвергъ—танцовальные jours fixes у Жужелицыныхъ; въ пятницу—у молодыхъ Неридовыхъ; воскресные вечера Муся проводила у Анны Евграфовны, а по вторникамъ по прежнему дома собиралось человѣкъ десять-пятнадцать. Время летѣло ужасно быстро, и Муся даже удивилась, когда въ одномъ изъ писемъ Глуховского прочла слова: „Богъ знаетъ, какъ тянется эта зима. О назначеніи моемъ ни слуху, ни духу, а такъ бы хотѣлось поскорѣе видѣть васъ всѣхъ. Вѣдь подумайте, уже цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, что я съ вами говорилъ въ послѣдній разъ".—„Да, восемь мѣсяцевъ!"—сказала себѣ задумчиво Муся, опуская письмо,—и невольно она оглянулась мысленно на это время. — „Но только совсѣмъ зима не „тянется". Какое „тянется"?! Напротивъ, это было такъ недавно, я такъ хорошо все помню: нашъ разговоръ, и все, и какъ Люба тогда громко хохотала, а Нина ей нотацію прочла, и все, все"...—сказала себѣ Муся; и вслѣдъ затѣмъ ей вдругъ показалось, что дѣйствительно это было давно, очень, очень давно, гораздо ранѣе прошлой весны. Муся опять провѣрила себя и свои воспоминанія, и какъ только она начинала перебирать все, что она видѣла и слышала за это время, и всѣхъ людей, которыхъ встрѣчала,—у нея являлась такая масса воспоминаній и все такихъ яркихъ, живыхъ, что эти восемь мѣсяцевъ растягивались, растягивались,—прошлая весна уходила куда-то ужасно

далеко. Муся могла представить себя (самой себѣ) такой, какою она была *тогда*, очень смутно, и воспоминаніе было какое-то сухое. Наоборотъ, какъ только Муся начинала думать о самой себѣ, о томъ, что за это время перемѣнилось или прибавилось въ ея жизни или въ ней самой,—она не могла остановиться ни на какомъ яркомъ событіи, ни на чемъ выдающемся, ея память дѣлала легко и быстро скачокъ къ прошлой веснѣ,—а Мусѣ казалось, что это было вчера. Она даже засмѣялась вслухъ —такъ поразили ее эти два противорѣчивыя представленія объ одномъ и томъ же времени. Да, это было очень недавно и очень давно.

О Мусѣ много говорили эту зиму, говорили и въ чопорныхъ салонахъ, и въ нечопорныхъ маленькихъ гостиныхъ, и за холостыми ужинами, и вездѣ не иначе, какъ объ „очаровательной", „обаятельной". Графиня Гейерштейнъ, зазывая на одинъ изъ своихъ музыкальныхъ вторниковъ, бывавшихъ у нея tous les quinze jours, извѣстнаго знатока и любителя музыки, Псковского — когда-то хорошаго скрипача, увѣрявшаго, что онъ уже званъ въ этотъ вечеръ, прибавила, какъ послѣдній и непобѣдимый доводъ: „У меня будетъ эта обаятельная маленькая Муранская, и она обѣщала сыграть что-нибудь". Съ тѣхъ поръ этотъ эпитетъ получилъ окончательную санкцію, и всѣ, старые и молодые люди, истинно свѣтскіе или только старавшіеся подражать имъ, обязательно произносили его всякій разъ при имени „маленькой Муранской", говорили ли о ней какъ о красавицѣ только, или какъ о красавицѣ-музыкантшѣ. Восхищаться ею было болѣе чѣмъ принято. И Косточковъ, подходя къ знакомымъ барышнямъ въ антрактѣ симфоническаго концерта, прежде всего цѣдилъ сквозь зубы: „Вы не были прошлую субботу на бенефисѣ Андріе? Какъ жаль. Было очень мило. Муранская была просто обаятельна. Elle avait une toilette ravissante et simple comme tout; imaginez-vous..." и слѣдовало подробнѣйшее описаніе покроя, цвѣта платья, вѣера, перчатокъ; не опускался ни оттѣнокъ цвѣтовъ въ волосахъ, ни того, какъ была приколота брошка. Косточковъ счелъ бы субботній вечеръ потеряннымъ, еслибъ не замѣтилъ въ точности костюма madame Неридовой и mademoiselle Муранской, и еслибъ не могъ разсказать этого потомъ барышнямъ или другу своему, лицеисту послѣдняго курса, Коркову, прибавляя и небрежно растягивая слова сквозь зубы: „А-а, знаешь, я у нихъ буду, вѣроятно, въ среду, очень звали меня". И Корковъ до тѣхъ поръ не былъ покоенъ, пока, встрѣтившись съ Косточковымъ на Набережной, не могъ, тоже сквозь зубы и тоже растягивая слоги,

сказать: „А-а, па-аслушай, Вася, знаешь я вчера былъ у Кернъ; отчего ты не былъ? Была эта очаровательная Муранская; она была вся въ голубомъ; брюнетка, а какъ шло ей!“—и онъ поцѣловалъ кончикъ своихъ перчатокъ.—„Я у нихъ завтра“.—Онъ тоже хорошо понималъ все значеніе этихъ небрежныхъ словъ для молодого человѣка, желающаго быть au courant de la saison.

Какъ же было Петру Михайловичу не безпокоиться и не хмуриться?!

Муся проснулась сегодня почти въ двѣнадцать часовъ и не сразу встала. Ей хотѣлось остаться еще въ постели и помечтать о вчерашнемъ вечерѣ и о видѣнномъ снѣ—продолженіи этого вечера. Но Петръ Михайловичъ постучалъ въ дверь изъ столовой и прокричалъ весело:

— Михаилъ Николаевичъ! мы завтракать сейчасъ будемъ, не худо бы встать!

Муся поспѣшно одѣлась, постаралась покрѣпче заплести непослушные, еще волнистые отъ вчерашней прически, волосы и вышла въ столовую, завернувшись въ свой красный платокъ, прозванный Петромъ Михайловичемъ и Сашей „знаменемъ меланхоліи“, такъ какъ Муся всегда въ него куталась, когда была простужена или огорчена чѣмъ-нибудь. На столѣ былъ накрытъ завтракъ, и въ то же время стоялъ чайный приборъ съ самоваромъ и серебрянымъ проволочнымъ таганчикомъ, на которомъ подавали горячіе сухари Марьѣ Петровнѣ. Муся очень любила видѣть столъ въ такомъ необычномъ видѣ; это ей напоминало и разныя подобныя же утра послѣ баловъ, и страстную субботу—день, когда она всегда причащалась вмѣстѣ съ Бергами, — и когда, пріѣзжая отъ обѣдни, видѣла на столѣ и самоваръ, и завтракъ вмѣстѣ. Да и самые такіе завтраки послѣ вечеровъ Муся особенно любила, и всѣ въ домѣ ихъ любили. Петръ Михайловичъ, противъ своего обыкновенія, долго засиживался за столомъ, и если не Марья Петровна наканунѣ сопровождала Мусю, то на перебивку съ племянницей разсказывалъ о вечерѣ. Онъ отличался наблюдательностью и юморомъ, замѣчалъ и пересказывалъ на другой день самые мелкіе бальные эпизоды, подробности костюмовъ и т. п., чѣмъ всегда несказанно удивлялъ Мусю.

— Дядя, какъ это ты могъ видѣть?

— А вотъ видѣлъ же!

Марья Петровна, почти всегда вздыхавшая, когда за обѣдомъ или за завтракомъ заходилъ какой-нибудь серьезный разговоръ, и даже уходившая раньше всѣхъ въ гостиную,—за этими завтра-

ками оживлялась и, слушая разсказы Муси, сама разсказывала о тѣхъ временахъ, когда она выѣзжала со своими безчисленными сестрами. Изъ всей жизни Муси она принимала близко къ сердцу только ея выѣзды, балы и спектакли—это подходило къ ея міровоззрѣнію. „On n'est jeune qu'une fois", —повторяла она постоянно. Жизнь, особенно жизнь женщины, по мнѣнію Марьи Петровны, должна была дѣлиться на двѣ половины: первая—chanter, danser; вторая—успокаиваться и prier (именно „prier", а не „молиться"). Всѣ люди, которые такъ проводили жизнь, были ей симпатичны, другіе удивляли или сердили ее. Она была въ восторгѣ, что Муся эту зиму много выѣзжаетъ, танцуетъ, окружена молодежью, и особенно наслаждалась тѣмъ, что Муся часто бываетъ въ томъ кругу, къ которому не принадлежала, въ сущности, ни по рожденію, ни по воспитанію. Марья Петровна не выносила серьезнаго выраженія на лицѣ Муси и ссорилась съ нею постоянно изъ-за ея сужденій о людяхъ, или даже не о людяхъ, а только о бальныхъ кавалерахъ. „Ты все хочешь чего-то особеннаго отъ людей. Et c'est tout bonnement ridicule dans une jeune fille... It is vulgar... Точно нынѣшніе писатели... Въ мое время иначе было. О, въ насъ было гораздо болѣе дѣтскаго, болѣе поэзіи. Какъ теперь помню, у меня было розовое платье"... — и слѣдовалъ разсказъ о встрѣчѣ съ Петромъ Михайловичемъ...

Кромѣ дяди и тетки, Муся въ столовой застала и Сашу. Онъ прибѣжалъ узнать о томъ, „какъ Муся отдохнула", — въ сущности же, чтобы поболтать о вечерѣ. Такіе разговоры послѣ вечеровъ слыли у нихъ подъ именемъ „вечернихъ" или „утреннихъ засѣданій". Говорили о томъ, какъ Муся „отъѣхала" отъ кадрили со скучнымъ полковникомъ Ручевскимъ, въ какомъ удивительномъ платьѣ была Александра Семеновна, о томъ, какъ Лахиревъ хорошо танцуетъ мазурку, а, напротивъ, Ожогинъ скачетъ какъ воробей (что Саша тотчасъ и представилъ, причемъ досталось и дамѣ Ожогина, громадной и неуклюжей княжнѣ Мышкиной, которая обязательно дѣлала „pas de basque", что такъ уморительно выходило при ея ростѣ), о томъ, что Муся была „лучше всѣхъ". Саша дразнилъ ее какимъ-то букетикомъ, а его самого Петръ Михайловичъ подразнилъ, напомнивъ, какъ онъ трогательно провожалъ какихъ-то барышенъ, за что и получилъ въ награду перчатки,—и Саша, красный какъ ракъ, тотчасъ долженъ былъ сознаться въ этомъ.

Но какъ ни пріятно было перебирать всѣ эти бальныя воспоминанія, банальныя и не имѣвшія для другихъ никакого смысла, но прелестныя и многозначительныя для участвовавшихъ въ нихъ

— все-таки Петру Михайловичу надобно было идти въ сенатъ, а Сашѣ — въ бригаду. Муся осталась одна, такъ какъ Марья Петровна уѣхала на „messe de deux heures“ и раздавать билеты на духовный концертъ въ пользу католическаго пріюта.

Муся побродила по залѣ, подобрала одной рукой мотивъ новой кадрили, посмотрѣла въ окно:.. Ее не то поламывала лихорадка, не то спать хотѣлось. Муся опять принялась бродить по залѣ, все плотнѣе кутаясь въ свой платокъ и стараясь наступать только на свѣтлые квадратики паркета. Вдругъ она вспомнила, что ей еще надо прочитать цѣлую статью Бѣлинскаго къ завтрашнему уроку литературы. Муся поспѣшно пошла въ свою комнату и хотѣла прямо подойти къ книжному шкафу и взять книгу, но, проходя мимо туалета, она невольно взглянула въ зеркало на свою волнистую и пушистую головку, чему-то улыбнулась и подошла вмѣсто шкафа къ письменному столу. Въ трехъ вазочкахъ на немъ стояли букеты и буветики, и рядомъ съ вѣеромъ и перчатками пестрѣли золотомъ и всѣми цвѣтами радуги всевозможные бантики, розетки, бумажки и колокольчики. Муся присѣла къ столу. — „Это Мириневскій, это графъ Миша Реверсъ, это Лахиревъ, — приговаривала она, перебирая всѣ эти бездѣлушки. Потомъ она небрежно загребла всѣ ихъ и бросила въ ящикъ шифоньерки. — Да, что мнѣ нужно было? Перчатки убрать? — Нѣтъ. Зачѣмъ же я сюда пришла? Перечесать волосы?.. Мнѣ вчера Неридовъ сказалъ, что мнѣ нехорошо, когда волосы не гладко причесаны; надо будетъ сказать m-lle Ernest... Только нѣтъ, мнѣ не это надо было сдѣлать. Цвѣты полить на окнахъ? Нѣтъ, не то... А какая хорошая идея пришла Лахиреву, чтобъ ѣхать всѣмъ на тройкахъ смотрѣть на Victoria Regia и вообще Ботаническій посмотрѣть... Зачѣмъ же я сюда пришла?“

Муся хмурила брови, прижимала руки ко лбу, но обрывки всевозможныхъ мыслей съ непостижимою быстротою пролетали въ ея головѣ, а вспомнить она никакъ не могла. Она вернулась въ залу, пресерьезно стала на то мѣсто у окна, отъ котораго пошла къ себѣ, окинула глазами всѣ углы и стала опять припоминать: — „Я увидѣла въ окнѣ извозчика, потомъ мальчика, который везъ въ корзинкѣ какіе-то свертки, потомъ дѣвочку въ бѣломъ съ няней и съ лакеемъ. Да, и подумала, что надо послать Тимоѳея на почту отослать книги къ Сергѣю Александровичу. Книги... Ахъ да, да, вспомнила! Мнѣ нужно Бѣлинскаго!“

Муся побѣжала въ свою комнату, достала книгу, усѣлась въ уголокъ дивана и стала читать статью: „Гамлетъ Шекспира и Мочаловъ въ роли Гамлета“. Первыя двѣ-три страницы Муся

прочла легко и скоро, слѣдя за идеей Бѣлинскаго. Потомъ она стала понимать только смыслъ каждаго отдѣльнаго предложенія, и наряду съ этими мыслями автора, которыя она произносила про себя, въ ея сознаніи сталъ возникать другой рядъ идей, относившихся до вчерашняго дня. Нѣкоторое время эти два теченія мыслей самостоятельно и параллельно шли рядомъ въ ея головѣ. Потомъ Муся читала уже только одни слова, составлявшія предложенія, и хоть понимала каждое слово въ отдѣльности, но никакъ не могла схватить, что они всѣ вмѣстѣ значили, тщетно старалась понять, и начинала машинально повторять: „объективностью генія, которая сдѣлала его драматургомъ по преимуществу, и которая состоитъ въ этой способности понимать предметы какъ они есть, отдѣльно отъ своей личности, переселиться въ нихъ, жить ихъ жизнью“... „отдѣльно отъ своей личности, переселиться въ нихъ, жить ихъ жизнью“... „жить ихъ жизнью“...—Но теперь второй рядъ мыслей окончательно побѣдилъ и выгналъ первый. Муся безсознательно опустила книгу на колѣни и, неподвижно смотря на уголъ шкафа, съ улыбкой, относившейся къ разговору съ Малининымъ, который она въ эту минуту вспоминала, рѣшила, что непремѣнно надо достать „Suite algérienne“ Сенъ-Санса для двухъ фортепіанъ и его же „Phaéton“, только-что появившіеся въ продажѣ, по словамъ Малинина; думала, какой Малининъ талантливый и интересующійся многимъ человѣкъ, но какой онъ въ то же время непріятно-самонадѣянный и заносчивый. И тотчасъ невольно сравнила его съ Неридовымъ и вспомнила слова дяди: „Dans toutes ses brusqueries mêmes on voit un homme de bonne naissance—онъ мнѣ подтверждаетъ на дѣлѣ идею Жоржъ-Зандъ о преемствѣ аристократической крови въ хорошемъ смыслѣ этого слова; видно, что его предки уже сотню-другую лѣтъ были люди культуры, des gens polissées“.

Потомъ мысли Муси стали уже совсѣмъ неопредѣленныя; онѣ скользили въ ея головѣ, какъ прозрачныя, разорванныя облачка на іюльскомъ яркомъ небѣ, только заставляя Мусю улыбаться все болѣе нѣжною и лѣнивою улыбкою. Потомъ голова ея свѣсилась на плечо, глаза закрылись, и Муся совсѣмъ задремала...

Ррр... затрещали уголья въ каминѣ и со слабымъ звенящимъ звукомъ провалились сквозь рѣшетку внизъ. Муся встряхнула головой и открыла глаза.—Что же это я? Заснула, кажется? — Она потянулась, и дрожь пробѣжала у нея по спинѣ. Она еще болѣе скорчилась въ углу дивана и опять принялась читать. И

опять чтеніе не пошло на ладъ. Наконецъ, Муся такъ задремала — это было почти передъ самымъ приходомъ Нины,—что даже не слыхала, какъ Даша принесла лампу и, оглянувшись на барышню, осторожными шагами вышла, тихонько притворивъ за собой дверь.

— Petite tante ne me voit pas,—сказала Муся.—А ты была на курсахъ сегодня, Нина? Ты совсѣмъ не отдохнула, я думаю.

— Нѣтъ, напротивъ; я себя чувствую совсѣмъ бодрой, и голова свѣжа, и спать не хочется. Это именно и хорошо, что я съ утра вышла на воздухъ.

— Это правда. Я очень худо сдѣлала, что не гуляла. Въ прошломъ году, если я не шла въ гимназію послѣ бала, я всегда гуляла, а сегодня вотъ сижу дома: и мнѣ спать хочется, и зябну я, и ломаетъ... А правда, вечеръ былъ удачный?

— Да, очень! Только, пока Юра не началъ дирижировать, что-то не шло: этотъ гусаръ—какъ его зовутъ?—чуть на всѣхъ тоску не нагналъ. А потомъ было очень хорошо.

— Еще бы! Знаешь, Нина, знаешь,—начала Муся, оживляясь: —когда Юрочка выбѣжитъ такими маленькими, маленькими шажками впередъ, одну минуту точно подумаетъ и вдругъ негромко, и въ то же время весело и какъ-то таинственно проговоритъ (а не прокричитъ): „Au galop, s'il vous plait“, вмѣсто: „premiѐre figure“, и потомъ вдругъ быстро побѣжитъ назадъ къ своей дамѣ, и фалдочки его такъ смѣшно разлетаются—какъ я это увижу и услышу, ну, тогда я спокойна за весь вечеръ! А вчера ужъ Юра былъ особенно въ ударѣ.

— Ну, это потому...

— Потому что Солина была?.. Нина, неужели онъ женится на ней?!

— Нѣ-ѣтъ! Это просто такъ, бальная пассія его. Вѣдь и хороша! правда? Но тебѣ-то что?

— Такъ! Не хочу, чтобъ онъ за нею ухаживалъ, не хочу!— сказала Муся капризно.—И не будетъ этого!..

— Муся!?! Что за фантазія?

— Да, вотъ именно фантазія... Знаешь, Нина, что я тебѣ скажу... — Муся спустила ноги съ дивана и придвинулась къ Нинѣ.—Вообрази, мнѣ страшно надоѣло, что все дѣлается какъ-то *по моему*, какъ я хочу. Захотѣла я, чтобъ у насъ сталъ бывать Лахиревъ—ну и сталъ, и...—Муся лукаво потупилась.

— И влюбился въ тебя—это ты хочешь сказать?

— Ну, да! А всѣ увѣряли, что онъ кромѣ своихъ лошадей

не видитъ и не замѣчаетъ ничего. А я сказала себѣ: „Посмотримъ“. Ну, и вышло. Захотѣла брать уроки пѣнія у В.,—всѣ говорили, что не станетъ давать, а сталъ...

— Что-жъ, это тоже изъ-за твоей красоты?—спросила Нина довольно зло.

— Вовсе нѣтъ! Я только говорю, что все мнѣ удается и ужасно легко удается. И это-то мнѣ и скучно... Ну, возьми даже то: прошлый вторникъ я рѣшила заставить старую Неридову сначала похрипѣть: „Нѣ-ѣ-ѣтъ“, а потомъ остаться ужинать. И что же? Похрипѣла и осталась. Я ее очень люблю, и это очень худо, что я такъ говорю, я сама знаю. Но меня забавляетъ дѣлать то, чего другіе боятся или не могутъ. Вотъ я не могла никакъ писать лѣвой рукой, ненавидѣла всякія работы безполезныя, а выучилась и broderie anglaise, и писать лѣвой рукой могу, а для чего? А вотъ теперь хочу, непремѣнно хочу Юрочку къ „одному знаменателю привести“ и приведу! А оттого хочу, что это очень трудно, почти невозможно.

— Да вѣдь это же гадость! Это верхъ пустоты! Муся, я тебя не узнаю. Ты Богъ знаетъ до чего дошла! И главное, я не могу даже сказать, чтобъ это было отъ нечего-дѣлать: вѣдь, слава Богу, весь день ты занята. Отъ Марьи Петровны я только и слышу однѣ жалобы на то, что ты будешь „синимъ чулкомъ“. Цѣлый день—то тотъ, то другой профессоръ, пѣніе, музыка, съ Петромъ Михайловичемъ занимаешься, сама что-то переводишь, и ширмы эти рисуешь для нашей лоттереи, и читаешь не мало... Ну, какъ тебѣ придетъ въ голову такая глупая и нехорошая мысль?! И что же ты потомъ будешь дѣлать, если Юра, на несчастье, полюбитъ тебя?! Вѣдь ты его не любишь и замужъ не пойдешь за него? Вѣдь это безбожно такія вещи задумывать! Это гадко, мелко! Фи, Муся, я не думала, что ты когда-нибудь унизишься до кокетства. Точно Ольга Неридова!

Нина встала и въ волненіи прошлась раза два по комнатѣ.

— Я сама знаю, что это худо, и кокетства я сама не люблю. Но что же мнѣ дѣлать съ собой? — начала Муся вкрадчиво. — Мнѣ мало чтенія, даже музыки—и той мнѣ мало. Мнѣ надо что-нибудь такое, что́ требовало бы всѣхъ моихъ силъ, всей меня, и характера, и всего! — продолжала она страстно. — Ну, вотъ я и принимаюсь то за то, то за другое, добиваюсь чего-нибудь. Пока я добиваюсь — это мнѣ одно и занимательно. А неужели ты думаешь, что меня интересуютъ всѣ эти... Ахъ, какіе они всѣ кисели! Поманишь пальцемъ—и ужъ влюбился, и раскисъ, и сейчасъ на сцену меланхолія, „ахи“ и „охи“, и

ничего не остается отъ него, точно только и помѣщается во всей душѣ, что это обожаніе „чудной Марьи Николаевны“! Точно это всего человѣка исчерпываетъ! ничего на днѣ души у него нѣтъ! — Муся говорила раздраженно и тоже встала со своего мѣста.

— Да о комъ ты?

— Обо всѣхъ, обо всѣхъ! Все одно и то же. И Мюнстеръ тогда, и Лахиревъ, и Малининъ, и Высоцкій, и Саша!..—Муся почти съ отчаяніемъ махнула рукой и стала быстро ходить по комнатѣ, все еще кутаясь въ свой платокъ.

— И Саша?

— Ахъ, онъ хуже всѣхъ! „Я молъ только и живу тобой, у меня никакого интереса нѣтъ въ жизни, кромѣ тебя“. А я ему на это: „Ну, и очень худо, что нѣту; это тебя очень мало рекомендуетъ“. Ну, и поссорились съ нимъ, мы даже „на вы“ теперь... И всѣ, всѣ они такіе! Какіе-то мальчишки, несчастненькіе, инвалидики, куклы! Я только и дѣлаю, что тормошу ихъ всѣхъ: „Вы выставку видѣли?“ — „Нѣтъ“.— „Такъ пойдите посмотрите“.— „Слушаю-съ“.— „Были въ *Нищихъ духомъ*?“ — „Нѣтъ“.— „Непремѣнно пойдите“.— „Пойду“.— „Читали новую статью Щедрина?“ — „Нѣтъ“.— „Прочтите“.— „Слушаю-съ“. (Это „слушаю-съ“ меня убиваетъ!)—И пойдутъ, поѣдутъ, прочтутъ. И ты думаешь, Нина, пойдутъ, напримѣръ, для того, чтобъ видѣть Савину? — Вовсе нѣтъ! — потому только, чтобъ быть въ театрѣ въ одинъ день съ „очаровательной Марьей Николаевной!“ И все, все такъ. Что они читаютъ? Что говорятъ? Чѣмъ интересуются? — Читаютъ, что попадется — или вовсе ничего... А говорятъ? — Вотъ поступилъ Малининъ въ академію, и что́ же онъ разсказываетъ? — „Спалъ на лекціи“, „извелъ профессора“, „отъѣхалъ отъ чертежа“. Это взрослый человѣкъ! Луковникова сказала бы: „это ваше свѣтское общество все такое“. Ну, возьмемъ несвѣтскихъ, брата Огаркова — медицинскій студентъ и безъ признака свѣтскости, — что онъ говоритъ? — „Я къ четвергу приготовилъ „ногу“. Отвѣчалъ. NN поставилъ мнѣ „non sufficit“. Черезъ двѣ недѣли пойду, уже не готовясь—опять NN поставитъ „non sufficit“. Еще черезъ двѣ недѣли опять такъ же пойду — ну, *ему* надоѣстъ, *онъ* и поставитъ „sufficit“.“ — Это будущій докторъ! „Учащаяся молодежь“, лучшіе люди, по мнѣнію Луковниковой. Ну, вотъ я и тормошу, тормошу ихъ. А иногда надоѣстъ, я возьму и сижу молча. И что же? Или всѣ молчатъ, или переливаютъ изъ пустого въ порожнее, разный, надоѣвшій мнѣ давно, вздоръ: о томъ, какъ Саша въ корпусѣ батюшку изводилъ, да какъ Ла-

хиревъ съ дежурства удралъ, какъ Огарковъ на десяти лекціяхъ не былъ, а на одиннадцатую пришелъ и все передъ начальствомъ вертѣлся. Ахъ, это все мнѣ по горло надоѣло! Куклы, инвалидки, мертвыя души!—почти кричала Муся.

— Такъ и Господь съ ними! Охота тебѣ съ ними возиться!— сказала Нина.—Видайся съ ними рѣже. Познакомься съ другими. Ну, просто сиди одна, наконецъ. А то сама съ ними скучаешь и въ то же время только и дѣлаешь, что то одного, то другого „приводишь къ одному знаменателю“ — какъ ты выражаешься. Добро бы, говорю, отъ нечего-дѣлать, а то...

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что дѣлаю я много, а все это не то, что́ мнѣ надо. Я все учусь, читаю, играю, но, понимаешь, это все *въ меня* идетъ, все это я принимаю, а мнѣ надо какое-нибудь такое дѣло, чтобъ шло *отъ меня*, чтобъ я выдавала. Ну, вотъ я и бьюсь какъ рыба объ ледъ — и ничего не нахожу, и людей не вижу. Только и занимаетъ меня одно: въ чемъ бы то ни было своего добиваться!

— Такъ неужто добиваться своего кокетствомъ? Неужто это такое дѣло, которому ты вся отдаешься, какъ ты сказала?

— Ахъ, Нина, не говори такъ à la Луковникова! Не порти мнѣ всего. А только все же въ этомъ есть хоть призракъ чего-то живого, а книгами однѣми не проживешь!

— Тебѣ надо приняться за какое-нибудь настоящее дѣло, отдаться чему-нибудь одному! — заговорила Нина, подойдя къ Мусѣ и взявъ ее за руки.—Ты просто пропадешь такъ даромъ...

— Кушать пожалуйте!—сказалъ въ дверяхъ Тимоѳей.

Дѣвушки прошли въ столовую. Тамъ уже была Марья Петровна, Вешнины, баронъ Кернъ и Рубцовъ.

— Pourquoi si sombre?—спросила Марья Петровна Мусю.— Ah! je sais: „triste lendemain laisse le bal folâtre“.

— На этотъ разъ вы не ошиблись, petite tante. Мы съ Ниной пришли въ минорное настроеніе духа именно изъ-за вчерашняго бала.

— А развѣ вамъ было невесело? — спросилъ Нину Петръ Михайловичъ, быстро входя и такъ же быстро усаживаясь за столъ. Всѣ тоже сѣли.

— О, нѣтъ! Наоборотъ. Только мы по поводу бала разговорились и...— отвѣтила Нина.

— Трефина была прелестна, я думаю? — перебила Марья Петровна.

— Конечно.

— А барышни Норины? Интересны?

— Вчера какъ-то не особенно. Онѣ были слишкомъ разряжены и много чего-то напутано было на нихъ,—сказала Муся.

— Ну, я тебя знаю, Муся; на тебя трудно угодить. Прелестныя дѣвушки, не правда ли, m-lle Nina? Простыя, милыя...

— Да я ничего не говорю, тетя. Я только нахожу, что онѣ были вчера нехорошо одѣты.

Марья Петровна съ ужимкой отвернулась и потомъ не безъ ядовитости замѣтила:

— Et je suis sûre, qu'elles ne sont pas tristes aujourd'hui et se sont souverainement amusées hier.

— А мы скучали, petite tante?—спросила Муся весело.

— Я этого не говорю!—отрѣзала тетка.

— Ну что, были сегодня опять à la messe?—спросилъ ее Рубцовъ.

— Конечно, это мое единственное утѣшеніе. On a divinement chanté le „Credo" — une musique céleste. Dimanche prochain tous les italiens doivent prendre part au concert.

— Да, да,—сказала Вешнина.—Они мнѣ обѣщали, если все будетъ хорошо, повторить потомъ концертъ въ пользу нашего пріюта, только прибавятъ нѣсколько свѣтскихъ нумеровъ къ программѣ. Наша публика еще такъ мало развита музыкально, что скучаетъ, если программа слишкомъ серьезна. Отъ Генделя засыпаютъ, честное слово; у насъ въ прошломъ году два генерала заснули на концертѣ. Вообразите! И это во всемъ такъ. Всѣ кричатъ о классическихъ произведеніяхъ, а никто ихъ не читаетъ, не играетъ, не знаетъ. Я (Вешнина всѣ свои рѣчи кончала ссылкой на себя)—я только и отдыхаю душой, что читая древнихъ. Платонъ, Эсхилъ—это моя отрада.

— Вы знаете,—шепнулъ Петръ Михайловичъ Нинѣ, — что въ ея блѣдно-сиреневомъ атласномъ будуарѣ по угламъ стоятъ бюсты Сократа, Платона и еще кого-то, не помню кого. Вотъ оно какъ! Не шутите съ нами!—И вслухъ онъ продолжалъ:

— Вы ужъ не говорите объ отдохновеніи за чтеніемъ, Александра Семеновна, c'est de l'eau au moulin Марьи Петровны!

— Конечно!— томно проговорила Марья Петровна.—La lecture doit être un baûme. Я теперь читаю одинъ романъ, такой прелестный...

Но Петръ Михайловичъ напустился на нее по поводу прелестнаго романа изъ „Revue des deux Mondes", которымъ она восхищалась, и принялся разбирать его по косточкамъ. Однако, доводы Бобрина пропали втунѣ для Марьи Петровны, и она никакъ не могла согласиться и понять, почему Петръ Михайло-

вичъ такъ бранитъ этотъ прелестный романъ. „Я люблю, чтобъ чтеніе меня успокаивало“,—было первымъ и послѣднимъ доводомъ и исходной точкой въ ея литературныхъ сужденіяхъ, и потому она только и читала, кромѣ англійскихъ и французскихъ проповѣдей, романы „Tauchnitz edition“ и повѣсти въ „Revue des deux Mondes“.

— Читайте „Четьи-Минеи“: вы не только успокоитесь, но и заснете надъ книгой. И что за безпокойства такія, отъ которыхъ намъ надо излечиваться?!

— Ah, comment donc, Pierre! Но вашихъ „Миней“ я и въ руки не возьму. C'est si grossier—всѣ эти русскіе святцы!

— Да-съ! ужъ грубости намъ не занимать стать,—заговорилъ Рубцовъ, молчавшій до сихъ поръ и все время только иронически усмѣхавшійся чему-то: — изволили вы читать, — и онъ вопросительно поглядывалъ то на Кернa, то на Бобрина, — изволили вы читать дѣло о колдовствѣ въ какой-то губерніи? Нѣтъ? Видите-ли-съ... — и онъ сталъ разсказывать одно изъ возникающихъ постоянно дѣлъ о жестокостяхъ крестьянъ къ заподозрѣнной въ колдовствѣ несчастной, одинокой женщинѣ. Еще онъ не кончилъ разсказа, какъ всѣ заспорили. Кернъ доказывалъ спокойно и изящно, что такіе прискорбные случаи будутъ до тѣхъ поръ часты, пока народъ будетъ безграмотенъ, теменъ, и что матеріальное благосостояніе его тутъ ни-при-чемъ; Бобринъ горячился и развивалъ свою любимую теорію о томъ, что благосостояніе и образованіе народа неразрывны, и что наука до сихъ поръ не согласна въ вопросѣ, что чему должно предшествовать и предшествовало на самомъ дѣлѣ. Рубцовъ, по своей всегдашней манерѣ, не спорилъ по существу, а какъ бы дѣлалъ постоянныя вылазки то противъ того, то противъ другого изъ спорившихъ, такъ что никакъ нельзя было понять, какое же его собственное мнѣніе. То онъ съ видимымъ удовольствіемъ разсказывалъ, что въ ихъ деревнѣ особенно озабочены образованіемъ своихъ сыновей два кулака, и что сынки, дѣйствительно, съ помощью „этой самой грамоты“ обираютъ мужичковъ „еще получше папенекъ“; что „Архипкѣ не нужно грамоты для того, чтобы знать, что его девяти кулей овса ему не хватитъ до весны и придется идти въ кабалу къ этому самому кулаку, чтобъ не подохнуть съ голоду вмѣстѣ со старухой и съ дѣтворой“, и что некогда Архипкинымъ ребятамъ и времени тратить „на глубокомысленное изученіе того, что у кошки четыре лапы, а у человѣка двѣ руки“—чему будто бы исключительно обучаютъ теперь во всѣхъ народныхъ школахъ и книжкахъ. То, черезъ минуту, съ такимъ же видимымъ злорад-

ствомъ и негодованіемъ Рубцовъ сообщалъ, что когда они, еще съ новобйной женой его, путешествовали по Швеціи, то видѣли ободраннаго пастушенка, который, сидя подъ деревомъ, читалъ книжку — и это оказались стихотворенія Бьернштрны; что въ Швеціи если не постоянная школа въ каждой деревушкѣ, то уже въ каждой обязательно мѣсяца два-три въ году прогоститъ путешествующій по странѣ учитель, и неграмотнаго восьмилѣтняго мальчишки не встрѣтишь; зато не встрѣтишь и грязной посуды или немытыхъ стеколъ въ окнахъ. „А у насъ, изволите видѣть, грѣхомъ считается и таракановъ изводить, не говоря уже о прочей обязательной нечисти (бѣдная Марья Петровна при этихъ словахъ закрыла глаза и завертѣлась на стулѣ отъ смущенія и негодованія), а у грамотныхъ чуть не звѣзда во лбу вдѣлана: смотрите, молъ, какое чудо—грамотный! Ужъ это все одно къ одному-съ“.

— „Все не слава Богу“, какъ говоритъ Петя,—замѣтила тихонько Нина Мусѣ.

— Да, знаешь,—отвѣтила Муся:—онъ настоящая фамусовская московская барышня (мы его такъ съ дядей и прозвали): ни словечка не молвитъ въ простотѣ, все съ ужимкой. Недавно какъ-то у насъ зашелъ разговоръ о водопадахъ, такъ—вообрази!—онъ объявилъ, что самый чудесный—это нарвскій, и почему?—потому что построена на немъ фабрика, т.-е. видно дѣло рукъ человѣческихъ, а красоту онъ признаетъ лишь въ этомъ: „безъ человѣка нѣтъ красоты въ природѣ“. А черезъ полъ-минуты съ гордостью онъ же объявилъ намъ, что на Риги-Кульмъ не поднимался и не поднимется никогда, такъ какъ „позоръ и смѣхъ всѣ эти швейцарскія горы, гдѣ природа, такъ сказать, au service des étrangers“, и что сама геніальная ригійская желѣзная дорога—это просто игрушка, „une espèce de joujou méchanique de Génève“, „которою тѣшатъ англичанъ и скучающихъ рассейскихъ дворянъ“. Ну, развѣ это не ужимка?—закончила Муся...

Всѣ уже отпили кофе, но еще сидѣли за столомъ, когда раздался громкій звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ въ столовую вбѣжала Ольга, вся въ голубомъ, отъ бирюзовой бабочки въ сильно-напудренныхъ волосахъ и до маленькихъ башмачковъ на неимовѣрныхъ каблукахъ. Ольга тотчасъ увлекла Мусю въ гостиную и радостно сообщила ей, что ихъ планъ удался: Дмитрія Ольга уговорила подъ какимъ-то предлогомъ отказаться отъ театра, попросить Юрочку (который и ждетъ теперь внизу) сопровождать жену въ театръ, и такимъ образомъ Юрочка, всегда сидящій во второмъ ряду, а въ антрактахъ въ ложѣ Солиндй,—войдетъ съ

съ ними, а на антракты, конечно, пойдетъ *туда* лишь на минуту,—и Солина будетъ бѣситься. Ольга обняла Мусю за талію и протанцовала съ нею туръ вальса, а Муся, вся вспыхнувъ и оживившись, полетѣла одѣваться, совершенно позабывъ о Нинѣ. А когда Нина пришла къ ней въ комнату, гдѣ Ольга, среди раскрытыхъ ящиковъ, картонокъ, разбросанныхъ по всѣмъ стульямъ лентъ и накидокъ, выбирала вмѣстѣ съ Мусей, что ей надѣть, Муся даже не потрудилась скрыть своего торжества отъ Нины и имѣла жестокость сказать ей:—Что я тебѣ говорила?!!

Нина тотчасъ стала собираться домой, несмотря на всѣ просьбы остаться—Петра Михайловича и Марьи Петровны, и на предложеніе Ольги подвезти ее на своихъ лошадяхъ, еслибъ только она согласилась доѣхать до театра вмѣстѣ съ ними,—и ушла, сказавъ, что у нея сегодня будетъ Огаркова.

Нина пришла домой сердитая. Петя выскочилъ въ переднюю встрѣчать сестру и принялся было тормошить ее и вертѣться вокругъ нея, разспрашивая о томъ, какъ она провела день, но Нина сурово сказала ему, чтобы онъ лучше шелъ учить свои уроки, чѣмъ приставать къ ней; бросила на столъ подъ зеркаломъ шапочку, муфту и платокъ, даже не сложивъ его аккуратно, какъ всегда дѣлала, и пошла въ свою комнату. Огаркова уже ждала ее.

— Что ты будто не въ своей тарелкѣ?—спросила Огаркова, вставая съ мѣста, гдѣ читала въ ожиданіи Нины, и, закрывъ книгу, положила ее на полку въ шкафчикъ.

— Такъ! Ничего!—отрѣзала Нина, но тотчасъ овладѣла собой и уже ласково улыбнулась подругѣ. — А ты уже давно меня ждешь?

— Нѣтъ, я только-что пришла. Мама не совсѣмъ здорова, такъ я дождалась, чтобъ Соня вернулась домой... Ну, что Муранская дѣлаетъ?

— Да что! все танцуетъ, веселится... Я думаю, она рѣдкій вечеръ дома сидитъ, да и то развѣ только когда у нихъ гости,—сказала Нина немного презрительно, но спокойно. Но вдругъ опять вспомнила что-то непріятное и, открывъ дверь въ комнату сестры, раздраженно закричала:—Люба! поди сюда! Люба, скорѣе!

— Что? Что?—спросила Любочка, вбѣгая. Она едва успѣла захлопнуть учебникъ и держала его, заложивъ пальцемъ.—Здравствуй, Нина! Что случилось?

— Кто тебѣ говоритъ, что что-нибудь случилось? Случилось, что ты глупая дѣвчонка! Гдѣ Юра?

Люба и Огаркова изумленно посмотрѣли на Нину, которую онѣ никогда не видали такой безпричинно, какъ имъ казалось, раздраженной.

— Что ты бранишься!—обидчиво отвѣтила Люба.—А Юра? почемъ я знаю, гдѣ онъ! Въ театрѣ, или танцуетъ гдѣ-нибудь опять?—вспоминала дѣвочка.—Ну да, конечно, въ театрѣ! Я слышала, онъ Петѣ говорилъ, что его madame Неридова пригласила. Онъ и не обѣдалъ дома. Только не моя вина, что ты его дома не застаешь. Возвращалась бы домой раньше, такъ и заставала бы его!..

— Такъ и есть!—проворчала Нина себѣ подъ носъ.—Ну, иди себѣ, занимайся, да не дуйся на меня!

Люба дѣйствительно медлила у двери, ея личико было надуто, и она видимо придумывала, что бы сказать еще особенно колкаго и обиднаго. Нина подошла къ ней и поцѣловала ее.—Ну, ну, полно!

— Вы побранились, что-ли, съ Мусей?—спросила Огаркова, когда успокоенная Люба ушла въ себѣ.

— Браниться не бранились, только я ее не понимаю и удивляюсь ей,—начала Нина, садясь къ столу.—Вѣдь умница, кажется, и добрая, хорошая дѣвушка, а поступаетъ хуже самой отвратительной, самой пустой барышни-кокетки. Фи, какъ вспомню, просто зло меня разбираетъ!.. И вѣдь добро бы не понимала этого, была бы ни къ чему неспособна, со скуки дурила бы!! Нѣтъ, это чистое несчастье! Просто она такъ даромъ пропадетъ. Этого такъ оставить нельзя,—говорила Нина, комкая и теребя свой платокъ, что всегда служило у нея признакомъ сильнаго волненія.

— Да въ чемъ же дѣло?

Нина разсказала Огарковой весь свой разговоръ съ Муранской. Огаркова положила голову на руки и, смотря прямо на лампу, тихо улыбалась.

— Знаешь, Нина, можетъ быть, Луковникова и права, что ваше общество портитъ въ извѣстномъ отношеніи: слишкомъ много соблазновъ, удовольствій, а ужъ особенно для такой красавицы, какъ Муся. А можетъ-быть Муся и правду говоритъ, что однѣми книгами, какъ мы съ тобой, жить не можетъ. Можетъ быть, ей и вправду надо на что-нибудь положить всѣ свои силы, всю себя. Она не находитъ подходящаго дѣла, ну и глупитъ,—примирительно сказала Огаркова.

— Отчего ты говоришь, что мы однѣми книгами интере-

суемся. Это неправда!—перебила ее Нина запальчиво.—Ну, я еще куда ни шло! Зубрю и больше ничего. Но ты—ты уроки даешь этому мальчику, и на курсахъ учишься, и дома помогаешь Сонѣ въ ея школѣ, и у Штиглица рисовать поспѣваешь. Развѣ это называется „жить однѣми книгами"?

— Да вѣдь такихъ занятій Муся могла бы и больше моего насчитать, не говоря уже о ея музыкѣ. Значитъ, ей этого не довольно. Ужъ сознайся, она намъ не чета! Она вотъ и читаетъ, и учится, и искусствами занимается, и все-таки у нея много силъ остается незанятыми. А мы съ тобой, особенно я, тихонькія, маленькія, живемъ себѣ такъ себѣ и никакихъ лишнихъ силъ не чувствуемъ. Ну, вотъ, ей все чего-то недостаетъ, а мы спокойны. Да развѣ можно насъ и ее ставить на одну доску!? Она всегда была недосягаемо выше насъ всѣхъ и всего класса, она для меня —идеалъ ума, способностей, необыкновенная натура!—говорила Огаркова съ восторженной улыбкой, относившейся къ отсутствовавшей Муси.

Нина опять ее перебила:—Это все прекрасно, да только я понять не могу, какъ вмѣсто какого-то грандіознаго дѣла заниматься систематическимъ кружеміемъ головъ разнымъ несчастнымъ мальчишкамъ! И это меня возмущаетъ, возмущаетъ! И я не могу повѣрить, чтобы этимъ занималась наша умная, чуткая Муся. Elle cherche midi à quatorze heures, и въ то же время всѣ свои таланты, и умъ, и знаніе, все погребаетъ въ этой исключительно свѣтской жизни, въ глупостяхъ... И я удивляюсь, чего смотритъ Петръ Михайловичъ? Этакой рѣдкій, выдающійся человѣкъ, ученый!—и допускаетъ ее такъ размѣниваться на мелочи!

— Мнѣ Муся говорила, что онъ очень доволенъ ея выѣздами; вѣдь онъ прежде самъ много веселился... И все-таки, право, Нина, не слишкомъ ли ты строга къ Мусѣ? Она такая прелестная, такая...

Нина невнимательно слушала Огаркову. — Слушай, Оля,— вдругъ сказала Нина:—я Мусю какъ-нибудь къ вамъ притащу. Вотъ что!

— Это зачѣмъ?!

— А очень просто: пусть она посмотритъ, какъ вы всѣ живете; каждый дѣлаетъ свое небольшое дѣло, и всѣ довольны, и счастливы, и глупости въ голову не лѣзутъ!

Огаркова засмѣялась и замахала руками.—Да полно! что мы за примѣры такіе! Да Мусѣ у насъ будетъ скучно. Мы такіе простые, обыденные люди, а она съ дѣтства окружена худож-

никами, учеными. У нихъ, когда я ни бывала, все такіе интересные и люди, и разговоры. Ей у насъ будетъ скучно.

Но Нина стала настаивать на своей мысли. И онѣ рѣшили, что въ первый же разъ, какъ Нина соберется къ Огарковымъ, она захватитъ съ собой и Мусю.

XII.

Это удалось Нинѣ только въ половинѣ февраля. Какъ Муся ни желала сама собраться къ Огарковымъ—ихъ семья и кружокъ очень заинтересовали ее по разсказамъ Нины, а Ольгу Огаркову Муся всегда любила,—но всѣ вечера Муси были заранѣе разобраны, и эта веселая суматоха окончилась для нея только въ послѣднее воскресенье передъ постомъ.

Никогда прежде первая недѣля не казалась Мусѣ такой тихой. Въ прошломъ году и профессора, и ученицы принялись тотчасъ послѣ масляницы усиленно заниматься, чтобы успѣть кончить курсъ до Пасхи. Всѣ вечера Муся проводила надъ тетрадями. Нынче занятій было меньше, да она къ тому же привыкла за зиму кончать всѣ свои уроки до обѣда, чтобъ вечеръ былъ свободный. И теперь ей было какъ-то странно оставаться цѣлыми вечерами одной и такой свободной; она читала въ своей комнатѣ или играла въ большой пустой залѣ: дядя писалъ, запершись въ кабинетѣ, а Марья Петровна говѣла и потому, когда была не въ русской церкви, то ѣхала въ католическую или читала „livre de prières“ у себя въ комнатѣ.

Мусѣ и странно было какъ-то среди этой тишины, и хорошо ей было. Она отдыхала и тѣломъ, и душой. Она даже вновь впала въ свое „пуританское настроеніе“, и со вторника (въ понедѣльникъ она проспала послѣ бала и была еще слишкомъ подъ вліяніемъ недавнихъ шумныхъ и веселыхъ впечатлѣній), со вторника опять принялась вставать рано и вскакивать съ постели, надѣвать каждый день одно и то же темное платье, каждый день задавать себѣ уроки: прочесть 49 или 53 страницъ такой-то книги и непремѣнно до $7^1/_2$ ч. вечера, а потомъ играть и непремѣнно выучить такую-то страницу полонеза Шопена. Говорила со всѣми Муся опять особенно сдержаннымъ и мягкимъ тономъ. Она запрятала въ самую глубь шифоньерки всѣ свои вѣера, выбросила половину котильонныхъ значковъ, аккуратно уставила коробки съ цвѣтами и, заперевъ шифоньерку на ключъ, спрятала его въ столъ.

Но Муся уже не могла, какъ лѣтомъ, не отрываясь, читать

свои книги по цѣлымъ часамъ. То та, то другая мысль напоминали ей что-нибудь изъ ея собственныхъ, очень важныхъ и серьезныхъ для нея думъ, и Муся цѣлыми часами сидѣла, не заглядывая въ книгу и думая эти свои думы. И вдругъ било восемь часовъ, а изъ 49 страницъ ей надо было еще прочесть 37, и уже полчаса назадъ надо было начать играть!.. Все „расписаніе времени“ оказывалось нарушеннымъ. Но Мусю это нынче даже не сердило; она чувствовала инстинктивно, что думы ея важнѣе точнаго исполненія „расписанія времени“, и радовалась тишинѣ и свободѣ этихъ вечеровъ.

Муся уже нѣсколько разъ за эту зиму поймала себя на томъ, что она точно ждетъ чего-то, что она относится ко всей своей теперешней жизни какъ къ чему-то, существующему только „пока“. Мусѣ все казалось, что вотъ все должно перемѣниться, и сама она должна перемѣниться. Впереди—она была твердо увѣрена въ этомъ—ее ждетъ что-то „особенное“, непохожее на теперешнее и независимое отъ нея. И Мусѣ думалось, что она должна начать что-нибудь дѣлать для того, чтобъ это „особенное“ наступило скорѣе. Она спрашивала себя: „Что же? Что же это будетъ? И какъ это я все узнаю?“ Или Муся начинала думать, что она сама сдѣлаетъ что-то громадное, хорошее, чему всѣ будутъ удивляться и радоваться; она была твердо увѣрена, что изъ нея выйдетъ какой-нибудь замѣчательный человѣкъ, и она только не могла рѣшить, на какомъ именно поприщѣ она проявитъ свою „замѣчательность“, но готова была сейчасъ же, сейчасъ же приняться за какой угодно трудъ и дѣло, чтобъ только сдѣлаться такимъ человѣкомъ. А на другой день ей опять казалось, что этого никогда не будетъ; она откладывала въ сторону всѣ мечтанія о приготовленіи себя къ „замѣчательности“, увѣряла себя, что она самая простая, самая обыкновенная дѣвушка, но хорошенькая, удивительно хорошенькая, очаровательная дѣвушка, и ей хотѣлось только веселиться и веселиться вновь, блистать, видѣть кругомъ только шумъ, только блескъ, все полное кипучей и красивой жизни. И жизнь сама, неизвѣстная, страшная и прекрасная, манила ее, заставляла, точно широко раскрывая глаза на будущее, спрашивать: „Ну что? Что же?“

За такими мыслями застала ее въ концѣ первой недѣли Нина и, не давая Мусѣ времени на размышленія, стала звать къ Огарковымъ.

— Да нельзя на первой недѣлѣ, они говѣютъ, пожалуй, а я въ первый разъ?!—протестовала Муранская.—Petite tante меня съѣстъ за такое полное нарушеніе всякихъ приличій.

— Ну, вотъ еще! Господь съ ней, пусть думаетъ что хочетъ. А Огарковы всѣ говѣютъ на четвертой. И я имъ даже сказала уже, что ты пріѣдешь. Ну, поѣдемъ!

Черезъ полчаса подруги уже звонили въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома на Надеждинской. Имъ отворила дверь пожилая женщина со строгимъ и степеннымъ лицомъ; нельзя было сразу опредѣлить, няня это, или горничная, или экономка. Она, видимо, обрадовалась, увидѣвъ Нину, и съ улыбкой помогла ей снять пальто, но тотчасъ вновь нахмурилась и почти сурово сказала Мусѣ: „Позвольте, я вамъ сниму галоши, барышня“. Въ передней не было стула, и Муся дѣйствительно съ недоумѣніемъ оглядывалась по сторонамъ, не зная въ первую минуту, какъ снять свои теплыя галоши. Съ такимъ же, чуть мелькнувшимъ на ея лицѣ замѣшательствомъ, не найдя нигдѣ зеркала, Муся пригладила гребеночкой волосы и положила свою шапочку на цѣлую груду лежавшихъ въ безпорядкѣ другъ на другѣ шапочекъ, шапокъ и платковъ. На вѣшалкѣ въ углу топорщились, тоже одни надъ другими, пальто и шубы, а подъ столомъ лежала масса галошъ.

— Est-ce qu'ils ont un jour-fixe?—спросила Муся тихонько, по привычкѣ по-французски.

— Какой тамъ журъ-фиксъ!—съ умышленно-русскимъ произношеніемъ громко отвѣтила Нина:—просто такъ себѣ собираются старые знакомые Екатерины Павловны, подруги Сони, товарищи Володи!

Нина произнесла послѣднія слова, уже открывая дверь въ комнату, откуда слышались оживленные голоса; особенно ясно выдѣлялся одинъ молодой голосъ съ легкимъ малорусскимъ акцентомъ:

— Когда онъ мнѣ показалъ, какъ закрывать верхнія ноты, такъ я и понялъ всю его систему сразу. Это легко и просто (говорилъ голосъ, отчетливо договаривая окончанія словъ).—А то пока я учился у вашей Ѳедоровой, такъ и бродилъ, какъ въ потемкахъ, регистры у меня были не выравнены.

Говорившій, молодой человѣкъ съ красивыми сѣрыми глазами и темной бородкой, замолкъ, оглянувшись на отворенную дверь. Почти всѣ сидѣвшіе у круглаго стола подъ висячей лампой съ большимъ зеленымъ абажуромъ тоже обернулись на дверь, всматриваясь во входившихъ. Только на другомъ концѣ комнаты, у фортепіано, горячо продолжали спорить бѣлокурый господинъ въ коротенькомъ сѣромъ пиджачкѣ и очень юный медицинскій студентъ. Но какъ только студентъ узналъ вошедшую Нину, онъ

тоже бросилъ споръ на полусловѣ и пошелъ ей на встрѣчу. Съ другой стороны къ Нинѣ уже подбѣжала Ольга Огаркова.

— А! Нина! Муся! Вотъ отлично! Милости просимъ! Мама!— обратилась она къ маленькой сморщенной женщинѣ, сидѣвшей съ работой на диванѣ, и подвела къ ней Мусю за руку:—вотъ Муся Муранская — Марья Николаевна, о которой я тебѣ такъ много говорила. Съ Володей вѣдь ты, Муся, знакома уже?

— Какъ же, какъ же!—сказала Муся, поспѣшно протягивая руку студенту и невольно радуясь хоть одному знакомому лицу среди всѣхъ этихъ незнакомыхъ, съ любопытствомъ и недружелюбно, какъ ей казалось, смотрѣвшихъ на нее.

Какъ всегда, когда среди очень оживленнаго и уже давно загорѣвшагося разговора нѣсколькихъ, очень хорошо знакомыхъ между собой лицъ въ комнату входитъ новый, мало знакомый человѣкъ, и теперь на нѣсколько секундъ настало какое-то молчаливое замѣшательство. Два-три молодые человѣка встали и отошли, давая мѣсто у стола вновь прибывшимъ; спорившіе, недовольные перерывомъ, видимо желая казаться совершенно равнодушными къ вопросу, кто вошелъ и помѣшалъ, послѣ молчаливаго поклона вновь усаживались на свои мѣста и начали перелистывать альбомы и книги на столѣ. Старушка Огаркова, видимо робѣя и путаясь, часто называла сначала Мусю, а потомъ представляемыхъ ей молодыхъ людей, и старалась всѣхъ познакомить съ Мусей. Мусѣ вдругъ стало не по себѣ, она разсердилась тотчасъ на себя и на другихъ, и хотя заранѣе рѣшила мысленно, что у Огарковыхъ надо держаться какъ можно проще и свободнѣе—вдругъ теперь сразу напустила на себя, совершенно ей несвойственную, тонную и холодную „комильфотность“, и стала здороваться тѣмъ пріемомъ, который въ ту зиму почему-то усвоили себѣ нѣсколько барышенъ ея круга: руку подавала какъ-то бокомъ, отводя немного локоть и энергично встряхивая кистью, и сама въ то же время тоже разомъ подавалась и сгибалась всѣмъ станомъ направо, строя какую-то ироническую гримаску. Это было очень оригинально, но вовсе не просто. Наконецъ, Муся усѣлась очень чопорно и сразу почувствовала, что обоюдное впечатлѣніе—самое недружелюбное. И всѣ это чувствовали тоже. Нина замѣтила нѣсколько любопытныхъ и насмѣшливыхъ взглядовъ, нахмурилась и вполголоса стала разспрашивать Соню Огаркову о ея домашней школѣ. А сидѣвшая на диванѣ подлѣ старушки, бѣлокурая, очень худая, съ выдающимися зубами дѣвушка, непріятно-смѣлымъ тономъ, съ видимо-дѣланною небрежностью къ произошедшему перерыву, вновь обратилась къ господину съ бородкой:

— Такъ вы теперь, значитъ, всѣ корабли сожгли, отрясли прахъ отъ ногъ своихъ и стали ярымъ эдгардистомъ?

Муся ясно услышала въ ея тонѣ: „Мнѣ-молъ, голубушка, все равно, что ты пришла намъ мѣшать, и какая бы ты тамъ ни была, мнѣ до тебя дѣла нѣтъ". И Муся еще болѣе сжалась, ушла въ себя и стала съ внѣшнимъ спокойствіемъ и внутреннимъ предубѣжденіемъ и озлобленіемъ разглядывать всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ. Почти всѣ послѣдовали примѣру зубастой дѣвушки и возобновили прерванные разговоры, не заботясь нисколько о Мусѣ и предоставляя ей сколько угодно разсматривать ихъ.

— Эдгардистомъ я не сталъ и не нахожу нужнымъ преклоняться передъ личностью учителя, какъ это вы дѣлаете относительно вашей Антониды Степановны; я только нахожу, что пока я былъ у нея, я ничего не понималъ въ регистрахъ, а поступилъ къ Edgardo—понялъ, и голосъ совсѣмъ другой сталъ.

— „Голосъ", „голосъ",—передразнилъ его сидѣвшій рядомъ съ Мусей очень маленькій человѣчекъ съ очень длинными руками и очень длинными, въ слипшихся прядяхъ, волосами, которые падали ему на лицо при всякомъ движеніи.—Я вижу, что изъ васъ никогда толку не выйдетъ; будете вы распѣвать арійки итальянскія, а до музыки вамъ дѣла нѣтъ!—Человѣчекъ махнулъ рукой.

— Но почему же? Почему? Какъ мнѣ можетъ постановка голоса помѣшать заниматься и понимать музыку?—спросилъ господинъ съ бородкой.

— А такъ-съ! Потому что вы все будете носиться съ разными закрытыми да открытыми нотами, да гоняться за разными „эффектными для голоса" банальностями, а до музыки вамъ дѣла не будетъ!

— Но какъ же?—началъ своимъ мягкимъ голосомъ защитникъ Edgardo.

— Какъ же, да какъ же!—уже окончательно вспылилъ человѣчекъ, энергично забрасывая волосы назадъ (Муся по одному этому жесту рѣшила, что это должно быть піанистъ и одинъ изъ безчисленныхъ внѣшнихъ подражателей Рубинштейна).—А такъ же, что всѣ эти консерваторіи, академіи, школы только губятъ таланты, губятъ оригинальность, губятъ самобытность, а искусство губятъ больше всего!

— Ахъ, какой вы свирѣпый, Александръ Николаевичъ!—съ улыбкой сказала старушка Огаркова:—ну, а еслибъ ихъ всѣхъ не было: академій, консерваторій, школъ, гдѣ бы вотъ вы всѣ учились?—она указала жестомъ на господина съ бородкой, его сосѣдку—румяную, пухленькую брюнетку, и на самого человѣчка.

— Учились бы кто у кого хотѣлъ, а кто учился бы только у самого себя и у природы, и было бы лучше. Вотъ Надежда Кондратьевна учится у Ѳедоровой, и толкъ навѣрное будетъ, потому что Ѳедорова не изсушитъ ее рутиной, не загубитъ ея музыкальность итальянскими кантиленами, сольфеджами, этюдами, вокализами, экзерсисами, гаммами, трелями!!.—Человѣчекъ чуть не задохся, перечисляя, чѣмъ не будетъ губить Ѳедорова Надежду Кондратьевну.

Румяная дѣвушка только-что открыла ротъ, чтобы возразить что-нибудь, но длиннорукій человѣчекъ такъ на нее и накинулся.

— А васъ загубятъ, васъ непремѣнно загубятъ въ консерваторіи и Захара Мироновича загубятъ. Кто у насъ профессора? Чему они учатъ? Кто кончаетъ консерваторію изъ талантовъ? Да и не у насъ только! Вездѣ, вездѣ! Это рутина! Это казенщина, это мертвечина!

— Да какъ же вы-то сами въ консерваторіи остаетесь?— спросила его Соня Огаркова, прерывая свой разговоръ съ Ниной.

— Я?.. Я-съ...—переспросилъ человѣчекъ съ замѣшательствомъ.—Видите, меня отдали мальчишкой въ консерваторію, не спрашивая моего согласія; потомъ, у меня нѣтъ другихъ средствъ, чтобы заниматься музыкой; наконецъ, я просто потому долженъ кончить курсъ, чтобы меня не забрали въ солдаты. Но я борюсь, я не хочу подчиняться рутинѣ, я хочу имъ показать, что я могу идти самостоятельно! Да-съ! Вотъ что!

Человѣчекъ, явно довольный своей profession de foi, всталъ и, потирая руки, заходилъ по комнатѣ. Но онъ все-таки захотѣлъ окончательно доконать своихъ противниковъ и, возвратясь къ столу, съ видомъ пророка, обличающаго грѣхи своихъ соотечественниковъ, опять заговорилъ:—Укажите мнѣ, пожалуйста, съ кого я долженъ примѣры брать? Хоринъ?—Да онъ на послѣднемъ концертѣ такъ смазалъ конецъ сонаты Шопена, вотъ этотъ пассажъ, я его особенно хорошо знаю, такъ какъ теперь учу какъ разъ (человѣчекъ подбѣжалъ къ фортепіано и показалъ, какой пассажъ смазалъ Хоринъ) — такъ смазалъ, что всякому ученику стыдно было бы такъ играть. Зуровъ?—Деревяшка! Ильинъ?—Кита хоронить! Нѣтъ! не съ нихъ примѣръ брать. Да и что это за примѣры? И для чего вообще примѣры!? Свобода и правда—вотъ что надо написать на лбу у всякаго художника. И подальше отъ всякихъ консерваторій и академій!

— Да учиться-то все-таки у кого-нибудь надо?

— Ну, и учитесь. Я не мѣшаю. Только не стадно, не рутинно, а какъ кто и сколько хочетъ. И чѣмъ меньше, тѣмъ лучше.

А то все нивеллировка, все общая мѣрка—ну, и выходятъ все нивеллированныя посредственности!

Муся вдругъ вспомнила свои задушевныя убѣжденія, что надо учиться не всѣмъ огульно на курсахъ, а каждому по своему усмотрѣнію, и ей стало ужасно непріятно, хотя она и не могла дать себѣ яснаго отчета, что именно ей непріятно въ такомъ сходствѣ мыслей. Чтобы отвлечь себя отъ этого ощущенія, она тихонько спросила Нину, кто такой этотъ курьезный человѣчекъ?

— Александръ Николаевичъ Мальчевскій, ученикъ извѣстнаго профессора,—отвѣтила Нина.

Въ это время къ столу подошелъ споривший съ Володей господинъ въ пиджачкѣ, очень пухлый и розовый, съ крошечнымъ ротикомъ, быстро бѣгавшими по сторонамъ глазками-мышками и сильно вьющимися, точно крепированными, бѣлокурыми волосами.

— Нѣтъ, это совсѣмъ не вѣрная мысль,—сказалъ онъ, сильно картавя.—Напротивъ, Александръ Николаевичъ, намъ нужны примѣры. Я такъ—всюду ищу и требую примѣровъ. Мы были бы лучше, еслибъ намъ давали побольше хорошихъ примѣровъ, а у насъ литература ими-то и бѣдна. Разъ-два—и обчелся. Какіе „герои“ у нашихъ писателей? Все мерзавцы, негодяи; самое меньшее, если только бездѣльники!

— Что вы говорите, Венедиктъ Осиповичъ!? Откуда вы это взяли?!—закричали на него всѣ, а Муся, едва удерживаясь отъ смѣха, во всѣ глаза глядѣла на бѣлокураго господина.

— А какъ же? Чацкій—баринъ, который, съ позволенія сказать, съ жиру бѣсится. Онѣгинъ—какой-то Донъ-Жуанъ, жирующій на крестьянскія денежки. Печоринъ—прямо-таки подлецъ. Рудинъ—кисель, а не человѣкъ. Базаровъ—помилуйте! что это за клевета на лучшихъ людей! А Райскій, Райскій! Да я негодовалъ все время, пока читалъ романъ. Что онъ дѣлаетъ все время? Ровно ничего! Ни школы не открылъ, ни больницы. Я читаю романъ, чтобы мнѣ поучиться, научиться чему-нибудь. А чему всѣ эти герои меня научатъ? Бездѣлью, обману, волокитству!

Старушка Огаркова замахала на него руками:—Венедиктъ Осиповичъ, языкъ вашъ—врагъ вашъ!—Но Соня не дала ей договорить.

— Ну, Венедиктъ Осиповичъ, если вы будете судить о литературныхъ произведеніяхъ съ такой точки зрѣнія, такъ вамъ и въ руки-то ихъ брать не нужно. Читайте прописи; тамъ вы найдете однѣ поучительныя и полезныя мысли. Это ужъ я не знаю, что и за взглядъ на литературу! Она для васъ является въ родѣ указки какой-то!

— Очевидно. Такъ и быть должно. Искусство должно насъ учить; это одно изъ вспомогательныхъ средствъ науки. Пока оно держится этой роли—оно имѣетъ право существовать; иначе это ненужная, вредная даже роскошь.

„Да это чисто „спектакль домашній", представленіе „Петрушекъ"!—подумала Муся и уже не удерживалась отъ смѣха. Но она еще не успѣла и подумать, какъ опять раздался голосъ маленькаго человѣчка; онъ ударилъ кулакомъ по столу и почти закричалъ на Венедикта Осиповича:

— Что это вы за вздоръ говорите! Ничему насъ учить искусство не должно. И тѣ писатели, которые думаютъ насъ учить—жалкіе, несчастные писатели. Только тѣ и хороши, которые правду рубятъ, безъ всякихъ прикрасъ и заднихъ мыслей. А какъ пустятся въ разсужденія—не приведи Богъ! Я такъ просто пропускаю тѣ страницы, гдѣ начинаются какія-нибудь философскія разсужденія. Второй части „Фауста" я и въ руки не возьму! Или, напр., у нашего Толстого, хоть бы всѣ эти Пьеры да Левины и не существовали вмѣстѣ съ ихъ философіей. А вотъ охота Ростовыхъ или сцена скачекъ—вотъ это искусство!

— Что мнѣ отъ сцены скачекъ?!—тоже закричалъ Венедиктъ Осиповичъ.— Ни тепло, ни холодно! Да пропади они пропадомъ всѣ эти скачки, амуры и балы! Ужъ если что хорошо въ этой самой „Madame Карениной", такъ именно тѣ сцены, гдѣ этотъ баринъ Левинъ сознаетъ всю пустоту своей жизни и идетъ сѣно косить съ мужиками. Это читать полезно. А то великосвѣтскіе романчики читать, романсики распѣвать, Діанъ разныхъ рисовать —это мы любимъ, а это—роскошь, это—дессертъ, и нельзя одобрять тѣхъ, кто этимъ занимается, или кто такимъ людямъ платитъ, поддерживаетъ ихъ. У другого человѣка корки хлѣба нѣтъ, а вонъ Захаръ Мироновичъ своему Edgardo платитъ 25 рублей въ мѣсяцъ, чтобы верхнія ноты закрывать. А безъ нихъ прожить можно и еще какъ можно-то!

— Кому можно, а кому и нельзя!—тоже уже раздраженно сказалъ малороссъ, до сихъ поръ говорившій спокойно.—Не единымъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ. Конечно, есть люди, которые считаютъ, что живутъ, когда ѣдятъ да пьютъ, такъ для тѣхъ, конечно, музыка—лишняя роскошь!

— А другіе считаютъ себя высшими натурами и полагаютъ, что они въ правѣ тунеядничать,—уже совсѣмъ огрызнулся Венедиктъ Осиповичъ.

— А чай всѣ пьютъ, я полагаю, и живущіе музыкой, и живущіе хлѣбомъ, — сказала старушка Огаркова, направляясь въ

столовую заваривать чай, и послѣднія слова спора слушала уже стоя въ дверяхъ.

Малороссъ засмѣялся, а бѣлокурый господинъ нахмурился, но оба замолчали, и потихоньку всѣ потянулись за хозяйкой въ столовую.

Еще не успѣла Екатерина Павловна налить всѣмъ чаю, какъ разговоръ, поколебавшись немного между отрывочными вопросами и отвѣтами, кто былъ, кто не былъ въ концертѣ Сарасате и на выставкѣ въ академіи, опять перешелъ въ общій споръ.

— Вотъ вы говорите, Александръ Николаевичъ, — начала зубастая дѣвушка, очевидно принимавшая сторону Венедикта Осиповича,—вотъ вы говорите: „насъ учить не надо“. А кто же будетъ распространять въ нашемъ обществѣ здравыя понятія, если не литература? Вотъ я вамъ разскажу такой случай. Есть у меня знакомая одна дама, у нея дочь съ дѣтства страдаетъ какими-то припадками, одна нога у нея короче другой, и притомъ еще дѣвушка эта косноязычная какая-то. Въ дѣтствѣ ее лечили, много разъ возили и за границу, и къ знаменитостямъ,—ничто не помогло. И мать, и дочь уже бросили и думать объ исцѣленіи. Вдругъ, въ одинъ прекрасный день, прилетаетъ къ нимъ другая наша общая знакомая, которую я до сихъ поръ не считала за идіотку, и вдругъ она начинаетъ уговаривать старушку, чтобъ она везла дочь къ какому-то, не знаю, дьячку или пономарю, что онъ дѣлаетъ просто чудеса, даетъ какія-то капли, читаетъ при этомъ какіе-то заговоры и молитвы и исцѣляетъ отъ всѣхъ болѣзней. Ну, старушка моя сначала не повѣрила. А та ее принялась уговаривать, уговаривать, и что же вы думаете?—уговорила!

— Ну, и что же?—спросило нѣсколько голосовъ разомъ.

— Ну, и возятъ теперь бѣдняжку къ пономарю; онъ надъ ней шепчетъ и бумажки ей какія-то въ ладанку велѣлъ зашить и на груди носить. И все бы это ничего, да вѣрятъ онѣ объ, бѣдняжки, и надѣются опять!

— Такъ что же тутъ дурного?—спросила Соня Огаркова спокойно.

— Какъ что дурного? Во-первыхъ, онѣ только напрасно время и деньги тратятъ и только разочаруются, а тогда имъ еще тяжелѣе будетъ. А во-вторыхъ...

— А почему ты думаешь, что разочаруются?

Но тутъ уже не одна зубастая дѣвушка, но и Володя Огарковъ, и Венедиктъ Осиповичъ, и Мальчевскій, напустились на Соню.

— Да что вы говорите?! Да развѣ можетъ такой шарлатанъ

вылечить?! Да я вижу, что у васъ у самой чортъ-знаетъ какія идеи!—съ ужасомъ восклицала Надежда Кондратьевна.

Но Соня не смутилась и такъ же спокойно спросила:—А почему же ему бы и не вылечить? Вотъ вы говорите, что у этой барышни припадки какіе-то, и что она косноязычная, слѣдовательно болѣзнь нервная по преимуществу. Такъ очень возможно, что тутъ именно нашептыванья и молитвы, и таинственныя капли, и вѣра въ нихъ помогутъ лучше всѣхъ аптечныхъ лекарствъ, хотя бы ихъ прописалъ самъ Боткинъ. И, мнѣ кажется, не надо смущать эту дѣвушку недовѣріемъ къ леченію этого пономаря. Пусть себѣ лечится!

— Соня! Что ты говоришь! — съ ужасомъ заговорилъ ея братъ.—Такъ вѣдь тогда надо сказать: „пусть лечатся и у разныхъ знахарокъ, и у деревенскихъ колдуновъ“—вѣдь отъ этого одинъ шагъ до якутскихъ шамановъ съ ихъ пляской вокругъ больного. Что жъ, и у нихъ лечиться?

— Я думаю, иногда и шаманы могутъ помочь.

— Да тутъ совсѣмъ не въ томъ дѣло, господа, — вмѣшался Венедиктъ Осиповичъ:—тутъ дѣло не въ томъ, кто можетъ помочь, кто нѣтъ. А тутъ, такъ сказать, леченіе обманомъ, не по наукѣ, вотъ въ чемъ зло. И Надежда Кондратьевна совершенно права, что противъ подобныхъ ложныхъ понятій должна ратовать литература.

— Ну, и у васъ тоже дикія идеи,—отвѣтила Соня уже горячѣе.—Если даже мои мнѣнія касательно леченія ложны, какъ вы говорите, то опровергать ихъ, вводить здравыя понятія—это дѣло чисто научной литературы, разныхъ Wochen-и Monatsschriften, брошюръ, наконецъ популярныхъ лекцій, если хотите, а ужъ вовсе не художественной литературы. А потомъ...

— И къ чему эти раздѣленія?—опять закипятился Венедиктъ Осиповичъ:—наука и искусство должны слиться, и романъ долженъ...

— Но мы отвлеклись!

— Вовсе не отвлеклись!

— Нѣтъ, позвольте, господа!..

— Послушайте,—сказала вдругъ Муся Огаркову:—вѣдь цѣль медицины есть помощь человѣчеству противъ болѣзней и возможное отдаленіе смерти?

— Ко-нечно,—отвѣтилъ Огарковъ съ разстановкой, недоумѣвая, куда приведетъ такой вопросъ. Ольга Огаркова, всегда ожидавшая отъ Муси необычайно-умныхъ мыслей и глубокихъ мнѣній, насторожила уши. Нина невольно обрадовалась, что Муся такъ просто заговорила; Нина все время боялась, какъ бы Муся,

поддавшись первому враждебному впечатлѣнію, не замкнулась окончательно въ себя, а тогда всякая мысль о сближеніи ея съ Огарковыми была бы невозможна, такъ какъ Нина знала манеру Муси: вѣрить въ первое впечатлѣніе и избѣгать людей, сразу не пришедшихся ей по душѣ.

Всѣ тоже замолкли, прислушиваясь къ тому, что скажетъ эта барышня, не принимавшая до сихъ поръ участія въ спорѣ.

— Конечно!—повторилъ Огарковъ Мусѣ.

— Т.-е., вѣрнѣе говоря, — продолжала Муся:—цѣль есть помощь человѣчеству, а медицина—средство. Да?

— То-есть...—началъ Огарковъ еще нерѣшительнѣе, какъ бы чувствуя, куда клонитъ Муся.

— Такъ, по-моему, и судить возможно только по результатамъ, а не по средствамъ. Если человѣкъ вылечивается—слава Богу, чѣмъ бы этого ни достигали: хиной, молебномъ, нашептываньемъ. Можетъ быть, это будетъ и не „по наукѣ", да не все ли равно? А можетъ быть, черезъ пять или десять лѣтъ, и окажется, что это нашептыванье имѣло научное основаніе,—конечно, несознаваемое ни пономаремъ, ни шаманомъ...

— Какой вздоръ!—рѣзко сказалъ Венедиктъ Осиповичъ.

Муся расхохоталась.—Благодарю за откровенность, но это совсѣмъ не такой вздоръ, какъ вы думаете. Моего дядю...

— Вы, конечно, хотите,—иронически прервалъ ее опять Венедиктъ Осиповичъ,—хотите разсказать намъ случай какого-нибудь излеченія деревенской знахаркой? Но, по моему...—докторальнымъ тономъ началъ онъ.

— Пожалуйста, разскажите намъ, Марья Николаевна, что вы хотѣли сказать!—обратилась къ Мусѣ старушка Огаркова, почувствовавъ, что тонъ молодого человѣка не могъ не покоробить ихъ новую гостью. Старушка сразу расположилась къ этой граціозной дѣвушкѣ и инстинктивно хотѣла пригрѣть ее, сдѣлать, чтобы ей было по себѣ у нихъ, а на это Екатерина Павловна была великая мастерица! У Огарковыхъ очень охотно бывали и товарищи Володи, и подруги Сони и Ольги, именно вслѣдствіе того необыкновенно-сердечнаго радушія и умѣнья заинтересоваться интересами всякаго, и все это дѣлало Огаркову другомъ молодежи и стариковъ, бывавшихъ у нихъ. — Разскажите, голубушка!—сказала Екатерина Павловна Мусѣ, ласково ей улыбаясь и въ то же время придвигая къ ней сухарницу съ „альбертами".

Венедиктъ Осиповичъ съ негодованіемъ отодвинулъ свой стаканъ и всталъ, проворчавъ сквозь зубы:—Я пойду курить къ Володѣ.

Но Муся остановила его:—Вы не пугайтесь!—сказала она, весело и насмѣшливо улыбаясь ему.—Я не стану въ яркихъ краскахъ изображать какое-нибудь чудесное исцѣленіе. Я только вотъ что скажу: послѣ смерти жены, мой дядя, Петръ Михайловичъ Бобринъ (я думаю, это имя достаточно гарантируетъ васъ отъ возможности встрѣтить въ моемъ разсказѣ суевѣрія или знахарокъ)—мой дядя былъ страшно потрясенъ. Его нервное разстройство доходило до галлюцинацій, припадковъ; я уже не говорю о томъ, что постоянная судорога горла лишала его возможности проглотить хотя бы ложку воды въ продолженіе цѣлой недѣли; глаза у него останавливались и т. д., и т. д. Всѣ доктора ничего не могли подѣлать, пока не пригласили извѣстнаго тогда господина. Онъ въ десять дней совершенно вылечилъ дядю и вылечилъ какими-то магнетическими пассами и надѣваніемъ своего кольца дядѣ на руку. Это было въ 49-мъ году. Теперь слушайте: когда дядя говорилъ объ этомъ лѣтъ пятнадцать, десять, даже пять лѣтъ тому назадъ, ему никто не вѣрилъ, а особенно нашъ докторъ Карлъ Антоновичъ смѣялся надъ дядей. А теперь этотъ самый Карлъ Антоновичъ недавно опять навелъ разговоръ на эту тему, выспрашивалъ дядю очень подробно и серьезно, и въ концѣ концовъ объявилъ намъ, что тотъ господинъ, ощупью или сознательно, попалъ на совершенно „научный“ способъ, который недавно окончательно „разработанъ“ въ одной новой книгѣ (онъ называлъ ее). И въ этой же книгѣ говорится о разныхъ чудесахъ древнихъ и среднихъ вѣковъ, признававшихся прежде всѣми свѣтилами науки за „выдумки жрецовъ“. Такъ вотъ видите, иногда наука и запаздываетъ освятить своей санкціей то, что на практикѣ уже даетъ блестящіе результаты.

Венедиктъ Осиповичъ съ нетерпѣніемъ постукивалъ рукой по спинкѣ стула.—Видите-съ, барышня,—сказалъ онъ, подчеркивая слово: „барышня“.—Это, конечно, очень понятно въ такой молодой особѣ, какъ вы, и притомъ въ особѣ, простите за откровенность, должно-быть живущей вдали отъ всѣхъ строгихъ знаній, а, такъ сказать, подчиняющейся лишь своимъ (весьма похвальнымъ, впрочемъ) добрымъ чувствамъ: „Чѣмъ бы, молъ, ни помочь бѣдному мужичку (Венедиктъ Осиповичъ опять подчеркнулъ эти слова, хотя неизвѣстно, откуда онъ взялъ этого „мужичка“, о которомъ и рѣчи не было),—чѣмъ бы ни помочь, лишь бы помочь“. А я скажу: я самъ согласенъ сейчасъ умереть, лишь бы меня лечили научно и...

— И уморили бы „научно“. Такъ?—съ мягкой насмѣшкой спросила Соня.

— Совершенно вѣрно, и смѣшки ваши тутъ совсѣмъ неумѣстны. И не только меня, но и всѣхъ, всѣхъ!

— О, Боже мой!—воскликнула Муся, всплеснувъ руками:— да вѣдь это выходитъ: человѣкъ для науки, а не наука для него. „Что важнѣе, сказано: человѣкъ или суббота“?

— Суббота-съ важнѣе, очевидно. Я всегда протестую противъ этого изреченія. Суббота важнѣе человѣка, только тогда и будетъ толкъ для *че-ло-въ-чества*, когда отдѣльные человѣки будутъ приносимы въ жертву субботѣ и т. п.,—побѣдоносно заключилъ Венедиктъ Осиповичъ.

— Ну, это, братъ, софизмы; это у васъ, юристовъ, тамъ хорошо разбираютъ, а мы, точные медики, это плохо понимаемъ что-то. Пойдемъ-ка, лучше, покуримъ!

Володя, Венедиктъ Осиповичъ и другіе молодые люди пошли курить. Остальные, вслѣдъ за хозяйкой, опять перешли въ гостиную. Сестры Огарковы упросили Мусю сыграть что-нибудь. Она сѣла неохотно („только чтобы не кривляться“, какъ она потомъ созналась Нинѣ), но потомъ разыгралась. Мальчевскій прибѣжалъ изъ другой комнаты, заслышавъ въ ея игрѣ что-то такое, чего онъ никакъ не ожидалъ отъ этой „барышни“. Да и всѣ съ изумленіемъ слушали. Малороссъ-эдгардистъ совсѣмъ растаялъ. Потомъ его заставили пѣть, потомъ пѣла румяная брюнеточка, у которой оказался прекрасный, хотя и не совсѣмъ обработанный контральтъ, и Муся аккомпанировала имъ. Потомъ Муся играла въ четыре руки съ Мальчевскимъ, причемъ этотъ послѣдній, какъ замѣтила Муся, несмотря на всѣ свои строгія сужденія о другихъ, самъ очень плохо читалъ ноты. Потомъ она опять играла одна.

— Я и не воображалъ, что вы такая!..—пробурчалъ Венедиктъ Осиповичъ, до того выбитый изъ своей колеи, что даже помогъ Мусѣ надѣть галоши, чѣмъ его не мало дразнили потомъ Соня и Володя, которыхъ онъ прежде увѣрялъ, что ему никогда не придетъ въ голову попросить какую-нибудь барышню надѣть галоши на его „сапожищи“, а потому, конечно, и онъ не позволитъ себѣ предложить свои услуги барышнѣ.

— Какая такая?—спросила Муся.

— Да музыкантша настоящая.

— Да что, у музыкантовъ вывѣска, что-ли, на лбу?—спросила старушка Огаркова.

— Вывѣска, не вывѣска, а только Марья Николаевна ужъ очень того... Ну просто,—прибавилъ онъ, разсердившись,—просто

я не думалъ, что *она* такъ играетъ. (Муся не могла удержаться отъ улыбки при этомъ: „она“.)

— Да, да, удивительно хорошо!—подхватила Ольга Огаркова, радуясь, что можетъ похвалить Мусю.

Нина была довольна болѣе всѣхъ, что вечеръ кончился такъ дружно, но какъ она, на возвратномъ пути, ни разспрашивала Мусю, отвозившую ее въ своей каретѣ, та не сказала ей своего мнѣнія обо всѣхъ бывшихъ у Огарковыхъ. Только нацла Венедикта Осиповича „потѣшнымъ“ и очень тепло отозвалась о Екатеринѣ Павловнѣ.

— Удастся!—подумала Нина.

XIII.

Придя домой, Муся, какъ всегда, прошла прежде всего въ кабинетъ Петра Михайловича, чтобы разсказать ему о томъ, какъ провела вечеръ. Она очень удивилась, увидавъ, что свѣчи стоятъ не на письменномъ столѣ, а на поднимающейся доскѣ, придѣланной къ дивану, а на диванѣ лежитъ самъ Петръ Михайловичъ, покрытый халатомъ, и читаетъ.

— Дядя, ты боленъ?

— Да, что-то лихорадитъ и голова болитъ. Простудился вѣрно. Да и не мудрено съ этой прелестной погодой.

— Ты принялъ хины?

— Нѣтъ.

— Прими непремѣнно. Обѣщай мнѣ.

— Ну, ну, хорошо, приму!

— Да нѣтъ! ты обѣщай!

— Ну, хорошо, не приставай!— сказалъ Петръ Михайловичъ рѣзко. Муся еще болѣе удивилась его раздраженію и тихонько попробовала голову дяди. У него былъ сильный жаръ. Муся помолчала.

— Нѣтъ, ужъ ты какъ хочешь, а я принесу тебѣ хины отъ тети Мари, а ты ложись скорѣе въ постель!—сказала Муся рѣшительно, видя, что дядя съ усталымъ видомъ положилъ книгу подлѣ себя и закрылъ глаза. Было всего 12 часовъ, а Петръ Михайловичъ не ложился обыкновенно ранѣе часа ночи.

— Пожалуй и вправду лучше лечь въ постель. „Сномъ всякая боль проходитъ“, говаривала твоя нянюшка.—Петръ Михайловичъ повернулся на диванѣ, и Муся ясно увидѣла, что у дяди сильная лихорадка: лицо его горѣло, и глаза были совсѣмъ мут-

ные; цвѣтъ лица сдѣлался даже странно яркимъ, а особенно красна была лысина. Петръ Михайловичъ приподнялся на локоть, сталъ спускать ноги съ дивана, только-что хотѣлъ совсѣмъ встать, но вдругъ поблѣднѣлъ и неловко, бокомъ, опять упалъ, головой на кожаную подушку. Муся бросилась къ нему, уложила его вновь, принесла воды, одеколону, натерла дядѣ виски, сбѣгала къ Марьѣ Петровнѣ за хиной, заставила его принять, потомъ тотчасъ приказала Тимоѳею постлать постель на другомъ диванѣ.

— Вотъ-съ я говорилъ давеча, что надо за Карломъ Антоновичемъ послать!—укоризненно проворчалъ старикъ, доставая изъ диваннаго ящика и встряхивая простыни и взбивая подушки.

— Этакой испугъ—легкое ли дѣло!

Петръ Михайловичъ замахалъ-было руками, но Муся уже подскочила къ Тимоѳею:—Что такое? Какой испугъ?!

— Я говорилъ тебѣ, чтобы ты молчалъ!

— Ну ужъ, какъ вамъ угодно, Петръ Михайловичъ, а барышнѣ сказать надо; не дай Богъ, потомъ чтобы хуже не было. Ужъ вы тамъ какъ хотите, а я скажу,—еще рѣшительнѣе и мрачнѣе заворчалъ старикъ.

— Что? что?

— Да вотъ что: ихъ даве лошади было разбили. Вотъ что!—укоризненно и побѣдоносно проговорилъ Тимоѳей и тотчасъ скороговоркой и жестикулируя продолжалъ:—Микита говоритъ: „я, говоритъ, съ утра замѣтилъ, что у *ей* (это у Красавицы-то), что у ей что-то глаза, того, неладны, да мнѣ, говоритъ, *ни къ чему*, такъ, думаю“. Ну поѣхали это они, значитъ, къ Бергамъ. Какъ только выѣхали на площадь, какъ конка-то съ Дворцоваго моста зазвонитъ, какъ Красавица въ сторону бросится, да ну бить Воронка, да бросаться туды-сюды! Дышло сломали и понесли, и понесли! Объ тумбу-то коляску бацъ! тутъ тебѣ и колесо прочь! Микита говоритъ: „у меня, говоритъ, ужъ и держать больше мочи нѣтъ, я, говоритъ, возжи бросилъ и читаю, говоритъ, молитву, сейчасъ, молъ, смерть наша тутъ и есть!“ И такъ это ихъ несли лошади почитай-что до Ольденбургскаго до дворца, тутъ ужъ солдаты, что-ли, шли, да ружьями поперекъ!—и остановили. Микита говоритъ: „тутъ, говоритъ, и я ужъ за возжи опять схватился, такъ и то, говоритъ, Красавица хотѣла было въ бокъ броситься, чуть въ Неву не заскочила“. А Петръ Михайловичъ все держались за край-то, а тутъ и вылетѣли, да о мостовую! Головку дюже зашибли, а шляпку потеряли еще у той у тумбы-то. Такъ Микита говоритъ, офицеръ этотъ самый, что съ солдатами шелъ, что-то ундеру приказалъ, а самъ *ихъ* на дрожки поса-

дилъ и съ *ними* сѣлъ, башлыкомъ имъ головку завязалъ и *ихъ* къ намъ привезъ. Такъ это они входятъ въ переднюю и мнѣ этакъ шуткой, шуткой говорятъ: „Вотъ,—молъ, говорятъ,—Тимоѳей, чуть было на Новодѣвичье къ барынѣ нашей въ сосѣдство не собрался, ужъ близко было дѣло". А сами, гляжу, ажно трясутся. Офицеръ, тотъ только сказалъ мнѣ: „Пошли, голубчикъ, за вашимъ докторомъ"—да и прочь. Баринъ швейцара послали за нимъ, да куды тутъ! на того же извозчика вскочилъ и былъ таковъ. А баринъ, значитъ, дорогой были какъ въ забытьѣ, даже имени его не спросили. Микита-то ужъ черезъ часъ слишкомъ чуть живъ вернулся, руки-то у него ровно бы какъ отнялись, а Красавицу, какъ въ стойло привели, такъ она какъ легла на бокъ, такъ...

— Докторъ-то былъ?—нетерпѣливо прервала Муся старика и невольно вспомнила въ то же время, что за ней пріѣзжалъ не Никита, а молодой кучеръ Егоръ.

— Никакого доктора не надо, ничего не надо,—сердито заговорилъ Петръ Михайловичъ.—Я голову немного застудилъ и зашибъ, вотъ и все; теперь хины принялъ и все пройдетъ, завтра я буду здоровъ.

— Это вы не говорите, что пройдетъ!—опять наставительно началъ Тимоѳей.—Вотъ какъ я еще у графа у Котцена жилъ, такъ...

— Ну, ну, ступай, ступай, и безъ тебя знаю, что дѣлать. Иди спать, да не забудь Никитѣ компрессы приложить, какъ я тебѣ сказалъ. Ступай.

— Чтожъ, я пойду!—заворчалъ старикъ.—Я только говорю...—И онъ вышелъ.

— Дядя, послушай, вѣдь надо же въ самомъ дѣлѣ...

— Ахъ, сдѣлай одолженіе, оставь меня въ покоѣ! Разскажи лучше, какъ тамъ все было.

— Да, знаешь, дядя,—начала Муся, тотчасъ оживляясь:—вѣдь это была хитрость со стороны Нины, что она меня туда потащила. Она думала, что покажетъ мнѣ удивительныхъ, серьезныхъ людей, чтобы меня отъ пустоты и кокетства исправить—о, я это отлично поняла: И что же? тамъ были нѣкоторые неглупые люди; одинъ напоминалъ очень Александра Андреевича по взглядамъ и манерамъ. Только, знаешь, всѣ они тамъ были, какъ няня говорила, „мелкомѣстные" какіе-то, даже сравнительно съ Рубцовымъ.

— А что?—Петръ Михайловичъ перевернулся опять къ Мусѣ лицомъ и съ интересомъ слушалъ ее.

— Да всѣ они какіе-то недоучившіеся точно, недодумавшіеся, ужъ я не говорю о внѣшнихъ манерахъ! Похватали понемногу того-сего, верхушекъ, и говорятъ прехрабро. Одинъ мнѣ язвительно сказалъ: „Вы, должно быть, на насъ въ негодованіи". А мнѣ было ужасно смѣшно. Они мнѣ напоминали очень, какъ мы прежде съ Сашей играли въ куклы и представляли разговоры „большихъ"; я хорошо помню, что разъ моя кукла-папаша разсказывала куклѣ-мамашѣ что-то о государственномъ совѣтѣ... Только то хорошо въ кружкѣ Огарковыхъ, что они, по крайней мѣрѣ, всѣ очень живые люди, интересуются чѣмъ-нибудь. А то, напр., прошлый четвергъ у графини Реверсъ поговорили о Сарасате и о двадцатипятилѣтіи государя, о новомъ законѣ, и о выставкѣ, и все такъ себѣ слегка. Видно было, что въ серединѣ разговора о Сарасате можно перейти къ платью великой княгини на послѣднемъ балу, а потомъ о выставкѣ сказать два слова. Они всѣ очень рады, что былъ и Сарасате, и выставка, и чума въ прошломъ году, а то пришлось бы за чаемъ молчать,—а о чемъ говорить—все равно... А этимъ—не все равно. Но ужасно, ужасно они „мелкомѣстные"; апломбу много, а знанія и передумки мало. И этихъ-то людей Нина считаетъ серьезнѣе меня! Нѣтъ, нѣтъ, это все не то, что мнѣ надо. И гдѣ мнѣ искать такихъ, какъ надо? Вотъ тетя Мари все твердитъ: „De notre temps tout était mieux", и я думаю, что это справедливо относительно всѣхъ васъ, какъ въ книжкахъ говорятъ—людей сороковыхъ годовъ. Вы всѣ какъ-то знали и узнавали много, и интересовались многимъ, вы были европейски образованы и остались такими. Я часто сравниваю, какъ, напримѣръ, ты, или Степанъ Ѳедоровичъ, или Николай Александровичъ, знаете европейскую литературу, философію, естественныя науки и искусство, и какъ вы говорите и спорите объ этомъ—и, съ другой стороны, какъ говоритъ Рубцовъ, который моложе тебя на шестнадцать лѣтъ,—или эти сегодняшніе. И сравненіе не въ ихъ пользу. И знаешь, такъ это мнѣ непріятно, я тебѣ и сказать не могу! Я ужасно не люблю сознаваться, что теперь что-нибудь хуже.

— Да оно и не хуже. Я увѣренъ, что и въ наше время такихъ верхохватовъ было много; можетъ быть, теперь немного ихъ болѣе, но и тогда были. А теперешніе хорошіе люди навѣрное лучше насъ, хорошихъ людей. Только ты ихъ не видишь теперь, во-первыхъ, потому, что бываешь исключительно въ свѣтскихъ кружкахъ, да и въ нихъ-то только на свѣтскихъ собраніяхъ, а во-вторыхъ, потому, что ты ихъ современница. А вотъ твои дѣти, или даже внуки, ихъ оцѣнятъ.

— Но какая же ихъ характеристическая черта? Вотъ вы отличались разностороннимъ знаніемъ съ гуманитарнымъ оттѣнкомъ, жаждою знанія, а они—чѣмъ?

— А я не знаю, я тоже современникъ. Думаю, что и у нихъ будетъ то же, но безъ нашихъ ошибокъ и безъ нашего рефлекса и безсилія.

— У васъ безсиліе? У тебя? Нѣтъ, я такихъ людей, какъ ты, и не вижу, и не увижу.

— А я надѣюсь, что увижу и лучшихъ. Да что далеко ходить, ты сама должна быть такимъ человѣкомъ.

Муся руками замахала.—Да что же я могу? Что я такое, милый дядя?!

— Ну, объ этомъ мы другой разъ поговоримъ, а теперь иди спать, да позови мнѣ Тимоѳея: я одинъ врядъ ли уложусь.

— Я напишу Карлу Антоновичу!

Петръ Михайловичъ опять разсердился и запротестовалъ, но Муся сдѣлала по-своему. На другой день попросилъ доктора и самъ Бобринъ. У него сильно ломило голову, особенно около уха; лихорадка тоже не проходила. Пріѣхавшій Карлъ Антоновичъ покачалъ головой и ничего не сказалъ опредѣленнаго.

Въ понедѣльникъ Петру Михайловичу стало хуже. Температура съ утра была очень высокая, и Бобринъ жаловался на все болѣе и болѣе усиливавшуюся, невыносимую, дергающую боль въ затылкѣ и за ухомъ. Докторъ, осмотрѣвъ это мѣсто, опять сомнительно покачалъ головой.

— Что? — широко раскрывая испуганные глаза, спросила Муся, выйдя за докторомъ въ столовую.

— Да что? скверно!—сказалъ докторъ и съ фамиліярностью домашняго человѣка, не спроси позволенія, закурилъ сигару.— Похоже на воспаленіе въ ухѣ, или даже не нарывъ ли у него внутренній. Мѣсто-то такое нехорошее. Вотъ приложите мазь, я сейчасъ прописалъ, посмотримъ что-то будетъ.

— А это... очень опасно?—спросила опять Муся дрогнувшимъ голосомъ.

— Ну, ну, не пугайтесь заранѣе!—сказалъ докторъ, ободрительно похлопывая Мусю по плечу.—Сдѣлаемъ все что можно. А конечно, это скверная штука, особенно въ его годы и при его полнокровіи... Такъ, пожалуйста: мазь, хину, какъ я сказалъ, теперь и на ночь, а микстуру черезъ два часа. И спокойствіе полное. Главное же, смотрите, чтобы не дуло ни откуда.

Докторъ уѣхалъ. Муся тихонько вернулась въ кабинетъ и сѣла у окна съ книгой. Петръ Михайловичъ опять перевернулся на правый бокъ, какъ и до доктора, и лежалъ лицомъ внизъ. Онъ тяжело дышалъ, но не стоналъ.

Муся не могла ни читать, ни думать о чемъ-нибудь. Ея душу захватило щемящее чувство страха и сознаніе своей полной безпомощности, безсилія сдѣлать что бы то ни было для того, чтобы ужъ не только спасти отъ опасности, но даже облегчить страданія больного. Это было такъ невыносимо, что Мусѣ легче было обвинять себя въ чемъ-нибудь, и она стала упрекать себя, зачѣмъ не спросила доктора, не созвать ли сегодня же вечеромъ или завтра утромъ консиліумъ. Мусѣ захотѣлось написать сейчасъ объ этомъ доктору—ей такъ было необходимо хоть что-нибудь предпринять, что-нибудь сдѣлать, только не сидѣть такъ, пассивно ожидая, что вотъ-вотъ наступитъ облегченіе или ухудшеніе.

Ухудшеніе, т.-е. что же? Прорвется нарывъ, зараженіе крови?.. Или операція?.. А хватитъ ли силъ? (Муся еще вчера съ ужасомъ замѣтила, какъ упали силы больного, когда онъ не могъ самъ держать ложку съ микстурой.) Не хватитъ силъ... А дальше?.. Муся испугалась своихъ мыслей, и хотя за послѣднее время стала совсѣмъ равнодушна къ религіи—теперь начала молиться такъ горячо, что не находила словъ. „Господи, помилуй! Господи, помилуй! Дай, Господи, чтобы онъ выздоровѣлъ! Помоги, помоги, Господи!“ — шептала Муся въ отчаяніи. Слезы потекли у нея по щекамъ; Муся боялась пошевелиться, чтобъ не потревожить дядю, и тихонько вытирала ихъ рукой.

Петръ Михайловичъ все такъ же тяжело дышалъ и лежалъ неподвижно... И вдругъ Муся вспомнила всѣ свои разговоры съ нимъ, постоянное общеніе, всю свою жизнь, вспомнила, какъ у нея не было ни горя, ни радости, ни серьезной мысли, ни мелочного огорченія, о которыхъ бы она не говорила и не переговорила съ дядей; вѣчно чувствовала она за собой, вокругъ себя эту отеческую любовь и дружбу въ то же время; мало того, это былъ единственный человѣкъ изо всѣхъ, изо всѣхъ, съ которымъ ей не надо было ни недоговаривать, ни скрывать что-нибудь, ни спорить, ни объяснять—она говорила ему все такъ же просто, какъ самой себѣ, не думая, какъ скажется... А теперь? Теперь вотъ лежитъ онъ, ему худо, онъ страдаетъ, можетъ быть, его не станетъ... И никому, никому она не можетъ даже сказать всего, что она чувствуетъ теперь, что она теряетъ! Только онъ самъ могъ бы понять это. Другіе?.. Одни скажутъ: „C'est

votre second père", другіе—еще того хуже—какую-нибудь банальность, ничего незначащія слова. Развѣ кто-нибудь знаетъ, какой это человѣкъ, какъ она это знаетъ?! И какъ это будетъ, если его не будетъ?! Муся не могла себѣ и представить такой жизни.

Ну да, и теперь вотъ тяжело бываетъ отъ того, что кругомъ такъ много мелкихъ людей: одни нечестны, другіе ничего не дѣлаютъ, третьи не понимаютъ ни ее, ни всего того, что ей понятно; и тѣмъ сильнѣе бываютъ огорченія—вотъ напр., исторія съ Мюнстеромъ тогда — но все это выкупалось, позади всего этого стояла мысль: „зато дядя не такой"; „зато дядя понимаетъ", или просто: „я это скажу дядѣ". Какъ же *теперь*-то будетъ? И Муся вспомнила слова Мармеладова: „А знаете ли вы, милостивый государь, такое положеніе, что человѣку *некуда* пойти?" Некуда? Да, тогда будетъ некуда! Она будетъ одна... И опять ей на память пришли разные случаи споровъ, когда она доходила почти до отчаянія, слыша, какъ почти всѣ, одинъ—съ одной, другой—съ другой точки зрѣнія, разбивали всѣ ея дорогія мысли, убѣжденія, — и вдругъ заговаривалъ дядя, и въ ея душѣ опять воскресала вѣра въ собственныя убѣжденія, она слышала подтвержденіе даже тѣхъ мнѣній, которыя не рѣшалась высказывать вслухъ, боясь оскорбить святыню ихъ. И какъ тепло становилось Мусѣ въ такія минуты! И всего этого больше не будетъ? И *его* самого не будетъ?

Вотъ теперь,—думала Муся,—когда она доказываетъ Сашѣ, что нельзя такъ жить, какъ онъ живетъ изо дня въ день, убивая время, ничѣмъ не задаваясь, ни къ чему не стремясь, — она можетъ сказать ему: „Да погляди на дядю, вотъ это *человѣкъ*: онъ живетъ настоящей жизнью, онъ не даромъ живетъ, онъ вѣчно работаетъ, добивается чего-нибудь, онъ минуты безъ дѣла не сидитъ, а отдыхъ находитъ въ чтеніи, въ занятіяхъ искусствомъ". А *теперь* на кого она укажетъ? Гдѣ такіе люди? Сама она, наконецъ, такъ ли живетъ, какъ дядя?..

Петръ Михайловичъ простоналъ. Муся вся похолодѣла. Ему хуже! Бѣдный, голубчикъ, чѣмъ бы ему помочь? Она тихонько вышла въ столовую узнать, не принесли ли мазь. Человѣкъ еще не вернулся изъ аптеки. И вдругъ Муся такъ живо представила себѣ, какъ одинока она будетъ, такъ ясно увидѣла, какъ не останется ничего изо всего того, что ей всего дороже, всего важнѣе въ жизни, она вдругъ такъ пережила весь холодъ одиночества, ожидавшаго ее, что схватилась руками за голову и бросилась назадъ въ кабинетъ.

Петръ Михайловичъ смотрѣлъ на нее. Она подошла. – Что, милый дядя? Не надо ли тебѣ чего-нибудь?

— Нѣтъ. А ты что дѣлала?

— Я? Я такъ, ничего... думала...

— О чемъ же ты думала?

Муся смутилась. Она не могла солгать ему, но не рѣшалась и сказать правду.

— Ну, о чемъ же?

– О тебѣ... — отвѣтила она чуть слышно. И вдругъ она припала головой къ его рукѣ, задыхаясь отъ рыданій.

— Ну, ну!—успокоительно и вопросительно произнесъ Петръ Михайловичъ, поднимая ея лицо за подбородокъ.—Еще что выдумала — обо мнѣ! Да еще и плакать-то нечего. Всегда была молодцомъ, а тутъ вдругъ такая мнительность.

— Не мнительность, а просто я представила себѣ, я представила... — Муся вспомнила слова доктора: „ему нужно полное спокойствіе“, и испуганно замолчала.

— Ну, что же?

— Ну, а потомъ,—продолжала Муся, избѣгая отвѣта,—потомъ подумала, что я очень гадкая, совсѣмъ не такая, какъ ты хотѣлъ бы, ничего не дѣлаю путнаго, живу для себя, и мнѣ стало больно, и я хочу, непремѣнно хочу сдѣлаться хорошей, похожей на тебя.

Петръ Михайловичъ понялъ, чего не досказала Муся, но ничего не сказалъ, а только, съ трудомъ приподнявъ руку, погладилъ Мусю еще разъ по головѣ. Потомъ видно было, что опять боль усилилась, и Петръ Михайловичъ сказалъ равнодушно:—Ну, ступай!

И этотъ равнодушный тонъ холодомъ отозвался у Муси на сердцѣ: онъ показалъ ей яснѣе всякихъ стоновъ и мнѣній докторовъ, насколько плохо было дядѣ.

Къ вечеру жаръ и боль усилились. Петръ Михайловичъ поминутно впадалъ въ забытье и бредилъ, или начиналъ громко стонать въ полуснѣ. Муся больше не плакала, а, вся какъ-то сосредоточившись въ себѣ, неподвижно сидѣла у окна, напряженно всматриваясь по временамъ въ слабо-освѣщенное свѣчей за зеленымъ щиткомъ лицо больного и прислушиваясь къ его тяжелому дыханію и стонамъ. Минуты ползли одна за другой,—и все приходилось ждать, ждать чего-то, Богъ вѣсть—хорошаго или худого. Докторъ прислалъ сказать, что сегодня вечеромъ и даже завтра

утромъ консиліумъ былъ бы совершенно безполезенъ, что надо подождать дѣйствія мази и, во всякомъ случаѣ, того, чтобы болѣзнь высказалась въ ту или другую сторону. Въ первую минуту по прочтеніи записки Муся будто свободнѣе вздохнула. Точно хоть на время съ ея совѣсти снимался тяжелый упрекъ въ безсиліи и безпомощности, точно эти неровныя строчки, съ недописанными словами, небрежными буквами и каракулькой вмѣсто подписи (привычка постоянно писать рецепты съ разными сокращеніями: tinct., lig., extr., сказывалась въ этой запискѣ)— точно онѣ давали оправданіе вынужденной бездѣятельности Муси.

Но потомъ опять потянулись долгіе часы, минуты. Петръ Михайловичъ стоналъ, метался въ забытьѣ, то просилъ пить, то упрашивалъ не назначать первоприсутствующимъ кого-то и прерывистыми словами доказывалъ, какой это отсталый, сухой человѣкъ, мало того, даже плохой юристъ, и быстро-быстро Петръ Михайловичъ начиналъ приводить примѣры его ошибокъ и безтактностей. И вдругъ, въ серединѣ разсказа, перескакивалъ и говорилъ, что картина Петрова никуда не годится, а зато удивительно похожъ на лампу композиторъ Солнцевъ на портретѣ Воробьевскаго. И, къ ужасу Муси, Петръ Михайловичъ вдругъ какимъ-то жалобнымъ, слабымъ голосомъ запѣлъ тему изъ извѣстной симфонической поэмы Солнцева, потомъ замолчалъ и съ тяжелымъ стономъ открылъ глаза. Муся, болѣзненно напрягая зрѣніе, старалась прочесть въ его взглядѣ, не надо ли ему чего-нибудь. И она опять была въ совершенномъ отчаяніи передъ своимъ безсиліемъ, опять безъ словъ молилась, и лишь въ тѣ минуты не мучилась, когда наставалъ срокъ давать лекарство или перемѣнять компрессы...

Потянулись дни, одинъ мрачнѣе другого. Докторъ не ошибся: дѣйствительно, обнаружился нарывъ внутри уха. Приглашенный знаменитый хирургъ и другой, не менѣе знаменитый, докторъ-спеціалистъ сказали, что необходимо будетъ сдѣлать разрѣзъ, но и этого надо было ждать. Марья Петровна два раза ѣздила заказывать „une messe“, но входить въ комнату больного избѣгала. Муся три дня уже не спала, но не чувствовала никакого утомленія. На четвертыя сутки Тимоѳей пожаловался доктору, что „барышня себя не берегутъ“, и пріѣхавшій съ какого-то ужина во фракѣ, съ гирляндой маленькихъ ленточекъ, Карлъ Антоновичъ строго-на-строго приказалъ Мусѣ убираться въ свою комнату и лечь спать, пока онъ тутъ. Онъ теперь пріѣзжалъ раза четыре въ день и даже не пускался въ свои обычныя шуточки и безконечные разсказы объ итальянской оперѣ, гдѣ былъ або-

нированъ два раза въ недѣлю (какъ всѣ хорошіе доктора изъ нѣмцевъ, Карлъ Антоновичъ былъ ярый меломанъ).

Муся ушла къ себѣ и, лишь скинувъ платье и башмаки, легла на постель, но дверь въ столовую не закрыла.—Ахъ, скорѣе бы заснуть!—сказала она себѣ, поглядѣвъ на часы, и приказала себѣ же черезъ полтора часа, т.-е. ровно въ половинѣ четвертаго, проснуться—эту манеру, всегда удававшуюся ей, она переняла тоже отъ дяди, — а затѣмъ закрыла глаза. Но вдругъ ей послышалось, что Петръ Михайловичъ стонетъ. Муся, какъ отъ удара гальваническаго тока, разомъ сѣла на постели; сердце ея на секунду точно замерло и, широко раскрывая глаза въ темнотѣ, Муся стала прислушиваться. Все тихо. Только тикаютъ часы на столикѣ, да другіе—въ столовой на стѣнѣ, и еще стоитъ въ воздухѣ тотъ не то шипящій, не то гудящій звукъ, какъ всегда въ полной ночной тишинѣ, словно ухо слышитъ, какъ тащится время... Но Муся не повѣрила себѣ и въ однихъ чулкахъ на цыпочкахъ выбѣжала въ столовую и замерла на мѣстѣ, прислушиваясь. Нѣтъ, ничего не слышно, кромѣ нѣсколько прерывистаго, соннаго дыханія больного. Муся постояла минуты полторы и вернулась къ себѣ. Едва она легла, больной, на самомъ дѣлѣ, громко простоналъ, а Муся, набросивъ платье и сунувъ ноги въ старые, стоптанные башмаки, стоявшіе у ея постели, опять побѣжала неслышными шагами въ кабинетъ. Отъ двери она умѣрила свой бѣгъ и тихонько подошла къ креслу, на которомъ сидѣлъ докторъ. Тотъ удивленно посмотрѣлъ на нее. Муся глазами спросила его: „что?“ Но онъ только пожалъ плечами, показывая, что Петръ Михайловичъ спитъ и ничего не случилось. Потомъ прогналъ Мусю, строго нахмурившись и погрозивъ ей пальцемъ. Пробило половину третьяго. Потомъ три. Прошло еще минутъ двадцать. Муся все лежала съ открытыми въ темнотѣ глазами, потомъ закрыла ихъ, подумавъ, что сейчасъ надо идти смѣнить доктора... Ей показалось, что она подремала минуты три, но когда она открыла глаза, яркое солнце ударило ей въ лицо, а въ столовой звенѣли чашками. Муся вскочила въ испугѣ.—Боже мой! какая я глупая! проспала! — Она открыла дверь въ столовую. Марья Петровна наливала чай въ стаканъ въ серебряномъ подстаканникѣ; Тимоѳей дожидался съ подносомъ, на которомъ уже стояла вазочка съ нарѣзаннымъ лимономъ.

— Что Петръ Михайловичъ? — спросила Муся Тимоѳея. — Давно ли докторъ уѣхалъ?

— Баринъ теперь спали съ шести часовъ, вотъ посейчасъ. А ночью имъ нехорошо очень было, очень метались, а потомъ и

вовсе спать не могли: очень стрѣляло и дергало,—они сказали. Докторъ сказалъ, что сегодня рѣзать будутъ. — Тимоѳей подошелъ близко къ барышнѣ и говорилъ вполголоса, чтобъ его не слышно было въ кабинетѣ. Въ его тонѣ ясно слышалось порицаніе, недовѣріе и озлобленіе простыхъ людей противъ всевозможныхъ операцій, прижиганій и т. п. энергическихъ средствъ леченья.—Докторъ уѣхалъ почти въ шесть часовъ, какъ баринъ заснули; рецепты прописалъ, вотъ Даша сейчасъ принесла.—Тимоѳей указалъ на три завернутыя банки, стоявшія на столѣ.—Теперь они не стонутъ, да жаръ ужъ очень сильный,—то пить все просятъ, то бредятъ.

— Зачѣмъ, Тимоѳей, вы меня не разбудили, когда дядѣ было худо?

— Да меня самого-то позвали ужъ въ пять часовъ, а потомъ Карлъ Антоновичъ не приказалъ будить. Да вы не извольте безпокоиться, я отъ нихъ не отходилъ.

Едва Муся успѣла одѣться, какъ пріѣхалъ Неридовъ.

— Что же вы мнѣ ничего не дали знать до сихъ поръ?! — обратился онъ съ упрекомъ къ Марьѣ Петровнѣ. — Вѣдь я вчера совершенно случайно узналъ отъ Беллерта (это и былъ Карлъ Антоновичъ), что Петръ Михайловичъ боленъ, и такъ давно, и такъ серьезно. А я былъ все время занятъ, нигдѣ не бывалъ и васъ всѣхъ также давно не видѣлъ. Ну, какъ не грѣхъ было не написать мнѣ!

— Ахъ, Боже мой!—съ досадой отвѣтила Марья Петровна: —вы знаете, я тутъ ни-при-чемъ. *Они* меня всегда укоряютъ, что я слишкомъ суечусь; болтаю, я даже пожалѣть ихъ не смѣю, какъ хотѣла бы! Сейчасъ на меня разсердятся, точно я сдѣлала что-нибудь такое qui ne va pas.

Неридовъ повторилъ свой упрекъ и пришедшей Мусѣ, и попросилъ ее располагать имъ и его временемъ, какъ только ей будетъ угодно и нужно.—Я, вы знаете, за Балканами не мало походилъ за своими больными товарищами, на это я годенъ.

Муся изумленно выслушала его, не вѣря своимъ ушамъ. Она всѣ послѣдніе дни чувствовала себя такой одинокой въ своихъ заботахъ о больномъ; всѣ записки и устные вопросы о Петрѣ Михайловичѣ, на которые ей приходилось отвѣчать, казались ей такой фальшивой, безучастной формальностью, только отрывавшей ее отъ постели дяди; Муся такъ привыкла ежеминутно сознавать свою полную отчужденность отъ всего остального, равнодушнаго къ ея отчаянной тревогѣ, міра, — что это просто высказанное, искреннее участіе потрясло ее до слезъ.—Ахъ, да, да!

—дрожащимъ голосомъ отвѣтила она, протягивая Неридову обѣ руки. — Да, пожалуйста, помогите ему, побудьте съ нимъ. Можетъ быть, вы лучше съумѣете ходить за нимъ, чѣмъ я!.. Вы знаете, вѣдь сегодня рѣшается все...

Муся прошла къ дядѣ. Онъ былъ очень возбужденъ; горячечный, блестящій взглядъ его встрѣтилъ Мусю еще въ дверяхъ.

— Очень нужно, нечего сказать! — злобно заговорилъ онъ, прежде чѣмъ Муся подошла къ постели. — Для нихъ только и удовольствія, что рѣзать. Видно, ни до чего еще не додумались, мясники противные! — И Петръ Михайловичъ съ досадой отвернулся къ стѣнѣ.

— Что же дѣлать, дядя, коли другого средства не придумали. Нельзя же рисковать...

— Чѣмъ рисковать-то!—еще раздраженнѣе прервалъ дядя.— Оглохнуть ужъ я почти оглохъ, а порѣжутъ, не порѣжутъ, все одинъ конецъ...

— Ну, ну, Петръ Михайловичъ! — успокоительно проговорилъ вошедшій безъ позволенія Неридовъ:—es ist nicht so arg! Во-первыхъ, и перепонка еще можетъ зарости. А касательно сегодняшняго, чего вы безпокоитесь? Мы дадимъ вамъ понюхать такихъ снадобьевъ, что вы и не почувствуете ничего. Я спрашивалъ Беллерта, такъ онъ говоритъ, что это не болѣе 2 — 3 минутъ будетъ продолжаться, это пустячная операція...

— Хорошо вамъ говорить! Это они всегда такъ: „пустячная“! Небось не сидѣли въ моей шкурѣ!—Петръ Михайловичъ сердито дернулъ головой и тотчасъ замычалъ отъ боли.

— Ужъ сдѣлаемъ все, чтобъ скорѣе помочь вамъ, повѣрьте!

— Ахъ, все равно! Рѣжьте сколько хотите! — отвѣтилъ Бобринъ, но такъ жалобно, и въ голосѣ его была такая надежда, что это самое „рѣзанье“, о которомъ онъ говорилъ съ такимъ озлобленіемъ, облегчитъ его ужасныя страданія, что Муся, едва удерживая слезы, выбѣжала опять въ столовую. Въ дверяхъ она почти столкнулась съ Тимоѳеемъ.

— Докторъ пріѣхали!—какъ-то таинственно и строго доложилъ Тимоѳей.

И докторъ тоже имѣлъ многозначительный и озабоченно торжественный видъ. Онъ какъ бы мимоходомъ, но съ оттѣнкомъ сочувствія и грусти поздоровался съ Мусей и Неридовымъ и тотчасъ принялся отдавать разныя распоряженія къ предстоящей операціи: въ залу перенести какую-нибудь кровать повыше; обтереть весь паркетъ мокрой тряпкой; затопить печь, но отнюдь не открывать окна; вотъ изъ этой баночки опрыскать сейчасъ же

стѣны, полъ и всю мебель. Потомъ Карлъ Антоновичъ потребовалъ чашку и, наливъ въ нее раствора карболовой кислоты, опустилъ туда новокупленный ланцетъ и еще какую-то металлическую палочку.—Распорядитесь, чтобъ была горячая вода; можетъ быть, понадобятся кувшины къ ногамъ. Распорядитесь, чтобъ былъ кофе крѣпкій. Есть у васъ крѣпкое вино? Распорядитесь заранѣе раскупорить. А шампанское? Распорядитесь послать. Да за-одно пошлите за гигроскопической ватой, я забылъ привезти, — приказанія за приказаніями отдавалъ Карлъ Антоновичъ.

И Муся бѣгала туда и сюда и послала Тимоѳея за виномъ, выдала кофе Дашѣ, приносила большія, маленькія ножницы и помогала доктору отрѣзáть кусочки какой-то невозможно пахнущей полупрозрачной мягкой матеріи, потомъ какой-то другой накрахмаленной марли; подавала рюмки, чашки, глубокія тарелки. Вскорѣ ими уставился цѣлый раскрытый ломберный столъ въ залѣ. Тутъ же Муся увидѣла какіе-то инструменты, резиновыя трубочки, банки съ резиновыми шариками и безъ нихъ, много какихъ-то стальныхъ, латунныхъ и стеклянныхъ вещей, назначенія которыхъ Муся не знала, боялась даже догадываться, и видъ которыхъ заставлялъ ее пожиматься отъ внутренняго холода. То, что̀ предстояло, было такъ ужасно, должно было рѣшить такой страшный вопросъ въ ту или другую сторону, что Мусѣ казалось почти святотатствомъ думать о томъ, какъ именно, кто и чѣмъ это сдѣлаетъ. И она старалась обходить взглядомъ ломберный столъ. И чѣмъ ей становилось страшнѣе и холоднѣе, тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ, почти набожно, выслушивала она малѣйшія замѣчанія Карла Антоновича, этого Карла Антоновича, надъ которымъ она столько разъ трунила, когда онъ, бывало, лечилъ ее отъ лихорадки или озабоченно прописывалъ мазь отъ насморка; за послѣдніе дни онъ поднялся на недостигаемую высоту, пріобрѣлъ громадное значеніе въ глазахъ Муси, былъ даже единственнымъ человѣкомъ, который существовалъ для нея въ мірѣ. Карлъ Антоновичъ шутливо сказалъ: — Ну, а теперь вы дадите мнѣ кусочекъ хлѣба съ икоркой и рюмочку портвейна! — И хотя Муся заказала три кушанья для завтрака докторовъ, хотя на столѣ стояло четыре различныя соленья, и Тимоѳей откупорилъ уже марсалу, бордо, рейнвейнъ и крымское, которое всегда любилъ Беллертъ, но теперь Муся была убѣждена, что дать Карлу Антоновичу именно „икорки“ и именно „портвейну“ совершенно такъ же необходимо, какъ и все, что̀ она дѣлала до сихъ поръ по его приказу; Муся поспѣшила сказать, чтобъ подали и то, и другое. Еслибъ Карлъ Антоновичъ приказалъ

Мусѣ сію минуту идти на кухню, самой жарить ему весь завтракъ, или мыть полы, или выставлять окна—Муся не задумалась бы исполнить все это, и была бы твердо убѣждена, что, приказывая это, Карлъ Антоновичъ, очевидно, твердо знаетъ все, что̀ нужно, и что все это необходимо. И не только Мусѣ не приходило въ голову не сдѣлать самой чего-нибудь такъ, какъ онъ велѣлъ, но она и не могла бы не сдѣлать всего этого. Съ той самой минуты, какъ она услыхала жалкій, покорный тонъ дяди, говорившаго: „Ахъ, все равно, рѣжьте!“—съ той самой минуты Муся сознательно и безсознательно отгоняла отъ себя что-то, и это *„что-то“* было ужасно; сердце Муси разрывалось при одномъ невольномъ воспоминаніи той минуты. Муся инстинктивно чувствовала, что стоитъ только этому ужасу заглянуть ей яснѣе въ душу — и она не выдержитъ, она потеряется, поникнетъ подъ гнетомъ жгучаго состраданія. Муся точно заперла это *„что-то“* на замокъ, за какую-то тонкую, хрупкую дверь, и напрягала всѣ силы, чтобы оно не ворвалось, не помѣшало ей обдуманно и энергично дѣйствовать. И чѣмъ дѣятельнѣе она хлопотала, тѣмъ прочнѣе становилась эта дверь. Муся даже точно забывала, ради кого она исполняетъ всѣ приказанія Карла Антоновича—она помнила одного Карла Антоновича. И стоило ей хоть на одну минуту не думать о кипяткѣ, ватѣ, шампанскомъ, бинтахъ—та дверь начинала становиться все тоньше, прозрачнѣе, Муся чувствовала, что она сейчасъ что-то *увидитъ*, и, ужасаясь этого момента, она поспѣшно заваливала и баррикадировала дверь: спрашивала Карла Антоновича, надо ли на кровать подушку, и какую? бѣжала за наколотымъ льдомъ для резиноваго мѣшка...

Часы въ залѣ били два, когда пріѣхали хирургъ, докторъ-спеціалистъ и его помощникъ для хлороформированья. И по одному тому, какъ Карлъ Антоновичъ пошелъ ихъ встрѣчать, Муся вдругъ поняла, что, за минуту передъ тѣмъ такой важный для нея, Карлъ Антоновичъ—ничто! а что вся надежда, все знаніе, сила, все будущее—въ рукахъ этихъ трехъ человѣкъ. То, что̀ Карлъ Антоновичъ за минуту передъ тѣмъ держалъ себя какъ великій жрецъ, а теперь сразу обратился въ какого-то причетника—ей показалось совершенно естественнымъ. Еслибы само божество снизошло въ домъ, Муся врядъ ли встрѣтила бы его съ большею вѣрою, чѣмъ этихъ трехъ земныхъ боговъ.

Доктора, какъ заговорщики, поговорили минуты двѣ въ уголку по-нѣмецки, потомъ всѣ гуськомъ торжественно направились въ комнату больного.

Петръ Михайловичъ постарался встрѣтить ихъ бодро, даже

шуткой отвѣтилъ на какую-то шутку хирурга, но Муся видѣла, какъ онъ минутами отвертывался, и губы его сжимались отъ затаеннаго раздраженія и озлобленія.

— Ну, что же, Herr Senator, ужъ позвольте сдѣлать вамъ маленькую царапинку, этакъ въ родѣ оспопрививанія,—сказалъ хирургъ съ такимъ любезнымъ видомъ, точно предлагалъ сигару или рюмку вина.—Это совершенно необходимо. А мы постараемся такъ устроить, чтобы вамъ не было ни малѣйшей непріятности. Вотъ мой коллега, Петръ Осиповичъ Баницкій—позвольте кстати и представить его вамъ—спеціально пріѣхалъ, чтобы избавить васъ, такъ сказать, отъ всякой непріятности, сопряженной съ этимъ дѣломъ. — Bitte schaffen Sie Alles zurecht, wir sind schon darüber einig mit dem Herrn Doktor,—тотчасъ вполголоса обратился хирургъ къ ассистенту, дѣлая при упоминаніи именъ Herr'a Doktor'a презрительную гримаску губами, точно такой знаменитости было какъ-то странно, что кто-нибудь кромѣ него носитъ титулъ Herr'a Doktor'a.

— Das gnädige Fräulein wird Ihnen Alles zeigen,—закончилъ хирургъ, чуть-чуть кланяясь по адресу Муси.

Муся и ассистентъ вышли въ залу. Изъ другихъ дверей на встрѣчу Мусѣ спѣшила Марья Петровна.

— Non, Marie!—заговорила она взволнованно: Non, c'est au dessus de mes forces, я не могу оставаться тутъ; я чувствую, что заболѣю сама, и тебѣ будутъ только лишнія хлопоты. Я сейчасъ поѣду à la Kasanskaya et je prierai pour son salut!—Она заплакала.

— Ахъ, поѣзжайте, куда хотите! — рѣзко отвѣтила Муся и пошла звать людей, чтобъ перенести больного.

Марья Петровна постояла минуту въ нерѣшительности, потомъ пошла къ себѣ, надѣла шляпку, повздыхала немножко въ передней и уѣхала.

Муся хотѣла оставаться въ залѣ во время операціи, но хирургъ сказалъ, что ему необходимо полное спокойствіе вокругъ него, а „дамы, даже самыя смѣлыя, слишкомъ чувствительны, чтобы быть безучастными зрительницами", и что онъ требуетъ, чтобъ барышня вышла изъ залы. Муся ни за что не хотѣла соглашаться, и вышла лишь по убѣдительной просьбѣ Неридова и послѣ того, что онъ ей честнымъ словомъ обѣщалъ не спускать глазъ съ дяди. Выходя, Муся слышала, какъ спеціалистъ, точно ребенка, уговаривалъ Петра Михайловича:—Ну, вотъ такъ, вотъ такъ! Положите головку такъ, а ротъ не открывайте и дышите черезъ носъ. Хорошенько! И еще и еще, ну, вотъ такъ! Ну, отлично!

Очень хорошо!.. Halten Sie es ein bisschen höher, — отрывисто приказалъ онъ ассистенту, державшему передъ лицомъ Бобрина хлороформъ.—So!

— Господи, помилуй! Господи, помоги и помилуй!—почти вслухъ молилась Муся, не зная, куда ей идти, сѣсть ли ей, стать ли ей за дверью, не надо ли что-нибудь приготовить, что-нибудь сдѣлать. Она стала ходить по столовой, каждую минуту останавливаясь и прислушиваясь къ тому, что дѣлалось въ залѣ.

Кто-то прошелъ, должно быть къ окну: половицы заскрипѣли; потомъ чѣмъ-то звякнули, кто-то что-то приказалъ вполголоса. И ничего не слышно болѣе. Вдругъ дядя громко сказалъ что-то какимъ-то веселымъ точно здоровымъ голосомъ. И тотчасъ сердито заговорилъ спеціалистъ:—Aber es geht ja nicht, Herr Senator, dass Sie es entfernen, sonst... — дальше Муся не разслышала. Опять все тихо. Муся не знала, сколько прошло времени,—минута, часъ или цѣлый день, какъ вдругъ ужасный, жалобный стонъ раздался изъ залы. Не помня себя отъ ужаса, Муся побѣжала въ залу. Но дверь держали изнутри, и голосъ Неридова проговорилъ въ щелку: „Нельзя! нельзя, Марья Николаевна. Да вы не пугайтесь; еще ничего не начинали; это пока еще только дѣйствіе хлороформа". — Въ эту минуту опять застоналъ и заговорилъ что-то Петръ Михайловичъ, и такъ странно и страшно, что Муся, схватившись за голову, упала на стулъ подлѣ двери.—Боже мой, Боже мой, что же это? Зачѣмъ, зачѣмъ они его мучаютъ? Господи, помоги и помилуй! Господи! Господи!

А Петръ Михайловичъ глухо и протяжно не то стоналъ, не то кричалъ что-то въ залѣ. Потомъ все тише, тише, чуть слышно. Вдругъ наступила мертвая тишина. Напряженный слухъ Муси различалъ, какъ черезъ двѣ комнаты, въ передней испуганно шептались Даша и Тимоѳей. Въ залѣ все такъ же тихо. Это продолжалось часъ, два, три подъ-рядъ, навѣрное! Мусѣ стало такъ страшно, что она бросилась на колѣни и громко стала молиться.

— Полноте, полноте, Миша, милая! — сказалъ подлѣ нея голосъ Глуховского.—Не мучьтесь такъ! Все сойдетъ съ рукъ, Богъ дастъ, благополучно. У Петра Михайловича такая здоровая натура, а докторъ—мастеръ своего дѣла. Полноте, голубушка!..

— Ахъ, Сережа, какъ это ужасно, какъ это ужасно!—вдругъ съ прорвавшимися рыданіями заговорила Муся, обѣими руками пригибая къ себѣ голову Сергѣя Александровича и прижимая свое мокрое лицо къ его плечу. — Какъ это ужасно! И

ничѣмъ-то помочь я не могу. Неужели онъ не вынесетъ?! Ну, что мы будемъ дѣлать безъ него!

— Да зачѣмъ же такъ отчаяваться!—говорилъ Сергѣй, нѣжно проводя рукой по ея волосамъ. — Я убѣжденъ, что теперь его выздоровленіе пойдетъ быстрыми шагами. Ужъ не стали бы они дѣлать операцію, еслибъ не ожидали всего лучшаго отъ нея...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не говори, не говори! Я знаю, что онъ не вынесетъ. Вѣдь ты не знаешь, какъ я его люблю. Вѣдь все пропало!—и она еще отчаяннѣе заплакала.

Муся не удивилась и даже не замѣтила неожиданнаго пріѣзда Глуховского, ни того, какъ онъ очутился подлѣ нея; она совсѣмъ забыла, что онъ не жилъ здѣсь, и что она сама писала ему объ опасной болѣзни и операціи дяди. Все это не имѣло теперь никакого значенія для нея. Онъ былъ подлѣ нея, а она, даже не отдавая себѣ отчета въ томъ, такъ ли она встрѣтилась съ нимъ, какъ прежде, невольно обратилась къ нему, какъ всегда въ душѣ къ нему относилась—и съ мучительнымъ наслажденіемъ плакала у него на плечѣ, точно инстинктомъ понимала, что у этого сильнаго и спокойнаго человѣка она лучше, чѣмъ у кого бы то ни было, найдетъ и поддержку, и сочувствіе, и нужныя ей силы и спокойствіе.

Муся еще не успѣла отереть слезы, какъ въ залѣ послышались прерывистыя слова, торопливые шаги, звукъ отодвигаемаго стула. Муся бросилась къ двери. На встрѣчу ей изъ залы выходили спеціалистъ и Карлъ Антоновичъ. Оба были блѣдны; пальцы знаменитаго доктора дрожали и никакъ не могли вынуть толстую папиросу изъ раскрытаго портъ-сигара. Муся не поспѣла и спросить докторовъ, такъ она была увѣрена, что все погибло, и вошла въ залу. Въ лицо ей пахнулъ какой-то сильный и сладкій запахъ. У столика налѣво съ чѣмъ-то возился ассистентъ, и съ страннымъ, ей самой непонятнымъ, вниманіемъ ко всѣмъ мелочамъ, Муся замѣтила, что онъ, въ противоположность своему патрону, былъ очень красенъ, но руки его тоже не слушались и дрожали

— „Да, да, все погибло!“—подумала еще разъ Муся и подошла къ кровати, такъ оскорбительно на виду стоявшей по срединѣ залы. Хирургъ, нахмуренный, но спокойный, методически поводя рукой, державшей марлевый сырой бинтъ, что-то дѣлалъ надъ головой дяди, заслоняя его отъ Муси. Она обошла съ другой стороны, но въ первую минуту не увидѣла дяди. Вмѣсто головы его на поддерживавшихъ ее рукахъ Неридова лежало что-то странно-круглое, бѣлое и видимо неповоротливо-твердое,

точно только-что оболваненная голова начатой статуи. И только на томъ мѣстѣ, гдѣ у статуи должно было бы быть лицо, въ маленькомъ отверстіи, оставленномъ бинтами, видиѣлись закрытые глаза, носъ, ротъ и часть щекъ.

Хирургъ кончилъ бинтовать, примазалъ кончикъ мокраго бинта подъ подбородкомъ и, видимо довольный собой, выпрямился и потянулся.—So!—сказалъ онъ:—sehr gut gelungen!

Неридовъ тихонько опустилъ эту странную круглую голову на подушку и быстро вышелъ, почти выбѣжалъ изъ залы. Это еще болѣе увѣрило Мусю въ томъ, что все пропало; она взглянула на хирурга, какъ на жалкаго маніака, которому дѣла нѣтъ до страшныхъ жизни и смерти, лишь бы тѣшить свою idée fixe, и продолжала все тѣми же сухими, неподвижными глазами смотрѣть на то, что прежде было лицо дяди.

— Ну, теперь надо его поскорѣе перенести въ его комнату, а тутъ открыть окна,—сказалъ хирургъ, умѣряя голосъ.—И оставьте его въ покоѣ, пусть самъ проснется. И до завтра перевязки отнюдь не трогать.

— Какъ же... развѣ... развѣ онъ живъ? — послышался какимъ-то дикимъ шопотомъ произнесенный вопросъ.

Тутъ хирургъ, въ свою очередь, взглянулъ на Мусю какъ на помѣшанную.—Ну, а то что же вы думаете? И не только живъ, но ему гораздо лучше, навѣрное. А завтра будетъ и *очень гораздо лучше*!—сказалъ онъ почти съ негодованіемъ, заставлявшимъ сильнѣе звучать его нѣмецкій акцентъ, и повернулся, чтобы что-то приказать ассистенту, но не успѣлъ онъ кончить, какъ вдругъ почувствовалъ, что его обнимаютъ, цѣлуютъ, душатъ, что и руки его кто-то осыпаетъ поцѣлуями и слезами, и такой же сумасшедше-счастливый, какъ недавно отчаянный, голосъ повторяетъ подлѣ него: — Голубчикъ, дорогой, милый!.. Господи, помилуй, Господи, помилуй!.. Голубчикъ докторъ, какъ я васъ люблю! Спасибо! Благодарю васъ!.. Господи, Господи! Ахъ, благодарю васъ! Какой вы, ахъ, какой вы!..—и опять его кто-то цѣловалъ, и слезы такъ и текли по его пальцамъ.

— Aber um Gotteswillen, mein Fräulein!..—началъ было онъ испуганно, но вдругъ взялъ ея голову въ руки, поцѣловалъ ее въ лобъ и совсѣмъ другимъ, нѣжнымъ и отеческимъ голосомъ сказалъ:—Ну, будьте покойны, мое дитя, все хорошо! Все, все хорошо!—Петръ Осиповичъ, geben Sie uns zehn Tropfen Valerian.—А вы не плачьте, liebes Kind! Лучше позаботьтесь скорѣе дядю устроить въ кабинетѣ; пусть онъ поспитъ спокойно. Позовите людей.

— Я... не сплю!—раздался вдругъ подлѣ нихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точно откуда-то издалека, глухой и сонный голосъ Петра Михайловича.—Что же... не начинаютъ... операцію?

Хирургъ съ торжествомъ улыбнулся Мусѣ.—Видите, какъ хорошо все удалось! Онъ и не почувствовалъ. Ну, позаботьтесь позвать людей!

— Сейчасъ, сейчасъ!—едва удерживаясь, чтобы не закричать и не запѣть отъ радости, восторга, счастья, отвѣтила Муся и полетѣла по́ корридору звать людей.

Къ вечеру ея радость уменьшилась, когда дядя проснулся и опять сталъ жаловаться на невыносимую боль отъ раны и повязки; ночью даже пришлось посылать за хирургомъ и Карломъ Антоновичемъ, чтобы разрѣзать крахмальную повязку, которая мучила больного, и наложить новую. И еще много ночей не уходила Муся къ себѣ, а если и уходила, то спала, что называется, „однимъ глазкомъ“, даже сквозь сонъ напряженно прислушиваясь къ тому, что́ дѣлается въ кабинетѣ, но уже надежда не покидала ея сердца. Теперь ни пріѣзжавшія каждый день узнавать Неридовы, Ольга, Вешнина, ни записки, на которыя приходилось отвѣчать, ни Марья Петровна со своими „ахами“ и „grièresʼaʼми“ не раздражали Мусю. Напротивъ, она видѣла въ нихъ столько участія, доброты, любезности, что невольно слова теплой благодарности приходили ей на языкъ въ отвѣтъ. И Муся бодро и спокойно ходила за больнымъ и выходила его вмѣстѣ съ Неридовымъ, почти совсѣмъ переселившимся къ нимъ, и съ Сергѣемъ.

XIV.

Въ половинѣ марта Петръ Михайловичъ, еще мертвенно-блѣдный и со странно-измѣнявшимъ его бѣлымъ шелковымъ колпакомъ на обритой головѣ, могъ, однако, уже сидѣть въ креслѣ и, съ кроткой улыбкой выздоравливающаго, тихонько и медленно разговаривать съ Рубцовымъ. И всѣ бывшіе въ комнатѣ: и Рубцовъ, и Сергѣй, и Марья Петровна, и Муся, тоже говорили съ нимъ невольно тихо и вполголоса, въ родѣ того, какъ говорятъ въ церкви.

— Ты бы пошла немножко погулять, Муся!—сказалъ Бобринъ.—Шутка сказать, ты почти мѣсяцъ сидишь безъ воздуху.

— Хорошо, я пойду. Тѣмъ болѣе, что я должна, наконецъ, отнести Дмитрію Алексѣевичу его скрипичныя сонаты.

— Возьмите меня съ собой!—попросилъ Глуховской.

Сергѣй ѣхалъ въ Петербургъ, совсѣмъ не думая о своемъ чувствѣ къ Мусѣ—такъ онъ былъ поглощенъ мыслью о Петрѣ Михайловичѣ. Когда, уже пріѣхавъ къ Муранскимъ и еще въ передней разспросивъ обо всемъ Тимоѳея, Сергѣй вошелъ въ столовую и увидѣлъ на полу у кресла плачущую и молящуюся Мусю, его сердце сжалось отъ любви и состраданія къ ней, но объ этой любви, о себѣ онъ думалъ еще менѣе, ему хотѣлось только утѣшить, поддержать, помочь Мусѣ. Она бросилась ему на шею, плакала у него на плечѣ, но Сергѣй такъ хорошо ее понялъ сердцемъ въ эту минуту, что и самъ не замѣтилъ ни необычайности такого обращенія, ни того, что они вдругъ заговорили тогда „на ты", ни того, что весь этотъ и слѣдующій день взволнованная и поглощенная своими заботами о дядѣ Муся продолжала обращаться съ нимъ, Сергѣемъ, какъ съ самымъ близкимъ себѣ человѣкомъ, болѣе того—какъ съ любимымъ человѣкомъ. Какъ въ первую минуту она, подчиняясь какому-то безсознательному чувству, бросилась къ нему, точно подъ его защиту отдавая себя, моля его о поддержкѣ,—такъ и въ продолженіе этихъ двухъ дней въ каждомъ ея словѣ, вопросѣ, слышалось одно признаніе его власти, защиты надъ нею. Но и тутъ Сергѣй не думалъ, что что-нибудь измѣнилось для него въ жизни. Теперь опасность прошла и уже не чувствовалась всѣми та душевная напряженность, которой не выдерживаютъ мелкія или не вполнѣ чистыя чувства, разсыпаясь какъ песокъ; въ страшныя, великія минуты жизни человѣкъ поднимается на такую высоту, гдѣ пропадаютъ всѣ внѣшнія, привитыя, условныя черты и остается лишь все самое важное, искреннее, гдѣ человѣкъ уже не хочетъ и не можетъ скрывать самаго дна своей души. Прежняя напряженность стала ослабѣвать, и жизнь возвратилась въ свои обыденныя рамки,—и тогда-то Сергѣй почувствовалъ, что онъ не можетъ вернуться ни къ своей прежней жизни, ни къ своимъ прежнимъ отношеніямъ къ Мусѣ. Съ каждымъ днемъ это сознаніе невозможности продолжать жить такъ становилось все сильнѣе и незамѣтно перешло въ потребность, въ страстное желаніе поговорить съ Мусей. Сергѣй не думалъ, не могъ повѣрить, что она его любитъ, но не могъ вѣрить и тому, чтобы между ними оставалась одна прежняя дружба; было что-то мучительное и радостное, что̀ нужно было скорѣе разъяснить, и Сергѣй, не зная и не ожидая даже ничего впереди, чувствовалъ только, что

ему необходимо говорить съ нею и какъ можно скорѣе, и безсознательно искалъ всякаго случая остаться съ Мусей съ глазу на глазъ.

— Дайте ноты!—сказалъ Сергѣй, отбирая отъ Муси папку. —Знаете, я очень радъ...—началъ онъ, открывая входную дверь передъ Мусей, но прежде, чѣмъ Муся успѣла сдѣлать шагъ, въ дверяхъ показалась элегантная, красивая фигура Ольги Неридовой.

— Муся! куда ты?.. Ко мнѣ! Вотъ отлично! Поѣдемъ вмѣстѣ, я заѣхала только на минутку, чтобъ узнать о здоровьѣ Петра Михайловича. Ну, какъ онъ?

— Мегсі. Сегодня уже кушалъ куриную котлетку,—отвѣтила Муся веселымъ голосомъ, но хмуря брови. — Да вѣдь я къ тебѣ тоже на минутку, вотъ ноты отвезти Дмитрію Алексѣевичу. Меня посылаютъ гулять.

— Ну, что же! Проѣдешься до Сергіевской, а оттуда пѣшкомъ. Да это громадная прогулка! А воздухомъ и теперь подышешь, я въ колескѣ. Грязь ужасная... Такъ Петру Михайловичу лучше? Ну, слава Богу? Et j'ai tant à te parler, chérie, une histoire. Ахъ, можно умереть отъ смѣха!.. Сергѣй Александровичъ, я васъ тоже съ собой возьму!

Ольга уже увлекала за собой къ колескѣ Мусю, усадила, укрыла ей ноги плюшевымъ одѣяломъ и весело, заранѣе предвкушая удовольствіе поболтать по душѣ, крикнула кучеру:— Домой. Поѣдешь по Невскому.

Лошади съ мѣста подняли рысью, разбрызгивая напоенный водою, талый снѣгъ, колеса зашуршали по грязи и застучали по оголившимся уже тамъ и сямъ камнямъ, а Ольга тотчасъ же принялась разсказывать:

— Ты послушай, что я устроила. Уже цѣлый мѣсяцъ тому назадъ я подъучила Мириневскаго при случаѣ завести обо мнѣ разговоръ съ Солиндй, и когда она, какъ водится, начнетъ приставать къ нему, что онъ за мной ухаживаетъ, то увѣритъ ее, что онъ совсѣмъ мало съ нами знакомъ, и что даже никогда не бываетъ у меня безъ зова.

— „Какъ это можно вѣчно заниматься этими ухаживаніями?“ —подумала Муся, опять хмурясь на Ольгу за то, что та своимъ пріѣздомъ и болтовней мѣшаетъ додумать что-то важное и нужное, что начала думать Муся, еще спускаясь по лѣстницѣ.

— ... Ну, и я нарочно поѣхала къ ней съ визитомъ третьягодня... — слышала Муся дальше, совершенно не понимая, что именно значили тѣ слова, которыя раздавались подлѣ нея. Сыроватый вечерній воздухъ, шумъ экипажа, движеніе отуманили

Мусю въ первую минуту: она успѣла отвыкнуть отъ улицы, такъ что Муся плохо слышала начало разсказа; потомъ она стала вслушиваться, но слова Ольги продолжали раздаваться гдѣ-то далеко, точно доносились изъ какого-то другого міра, то скользя мимо ушей и вниманія, то зацѣпляя въ глубинѣ души за что-то непріятное, неясно сознаваемое, — разсказъ не произвелъ никакого цѣльнаго впечатлѣнія на Мусю. Надо было додумать что-то о дядѣ, и о Сережѣ, и еще что-то о зимѣ. „Нѣтъ, не о зимѣ дѣло,—старалась Муся поймать нить своихъ мыслей,—а обо мнѣ самой и моей жизни вообще".

— ...Она мнѣ, конечно, на другой же день отдаетъ визитъ. И вообрази! швейцаръ говоритъ ей: „барина дома нѣтъ", а на вѣшалкѣ его пальто, она видитъ, и даже бѣлая фуражка осталась на столѣ — значитъ, онъ у насъ уже совсѣмъ какъ свой человѣкъ (ты понимаешь, что я его обо всемъ этомъ заранѣе попросила). Нѣтъ, ты представь: это—tableau. Elle est donc folle amoureuse de lui! Я такъ хохотала, такъ хохотала! А Лена,— она у меня была въ эту минуту,—та, конечно...

— „Господи! отчего это Ольга сегодня такая грубая? И какъ ей не стыдно? Чѣмъ она рискуетъ?! Осенью Ольга, вѣрно, *не такая* была... Нѣтъ, не то, а осенью"... (Мусѣ не хотѣлось договорить себѣ, *что* было осенью.)—И что думаетъ объ этомъ Дмитрій? Или тоже не понимаетъ? А вотъ Сережа навѣрно это понимаетъ. Что онъ теперь думаетъ? Да! вотъ что! Я о немъ думала, отчего мнѣ съ нимъ всегда легко: и когда мнѣ грустно, и когда мнѣ весело, а съ Ольгой—только когда мнѣ весело, и то не всегда? Отчего это?"...

— Ну, что же? Что ты скажешь?—опять прервала нить ея мыслей Ольга, кончивъ свой разсказъ и очень разочарованная тѣмъ, что онъ не произвелъ ожидаемаго ею эффекта: взрыва смѣха, возгласовъ...

— Что же? Она, вѣроятно, сердилась,—отвѣтила Муся безучастно.

Недовольная Ольга обратилась къ Сергѣю.

— Нѣтъ, знаете, эта противная sainte nitouche, la très-charmante m-lle Hélène, меня просто изъ себя выводитъ! Маменька ея вотъ всегда, по ея же наущенію, мнѣ мораль прочтетъ, а она только свои губки поджимаетъ брезгливо. Ужъ я и не говорю, что я положительно засыпаю, когда онѣ у насъ сидятъ. Только и слышишь: „развитіе", „стремленіе", „интеллигенція". Да и Дмитрія онѣ мнѣ съ толку сбиваютъ. Вы знаете его: всегда былъ простой, милый, а теперь его отъ книги не оторвешь, или же

онъ со своей скрипкой носится. Правда, онъ по прежнему устраиваетъ пикники, ужины, всюду со мной выѣзжаетъ—но этого бы еще не хватало!? Дома онъ десяти минутъ у меня не просидитъ, когда у меня гости. И это все ихъ рукъ дѣло. „Интеллигенція"! Мнѣ никакихъ „интеллигентныхъ" людей не нужно, я съ ними съ тоски умру!—заключила Ольга, думая, что она сказала что-то непобѣдимо-остроумное.—Но подождите! Je les arrangerai joliment! Что вы скажете, Сергѣй Александровичъ? Вѣдь слѣдуетъ?

Но Ольга попала изъ огня да въ полымя. — Конечно, конечно!—отвѣтилъ Сергѣй, не слыхавшій ни одного слова изъ всего ея разговора. Онъ ни о чемъ не думалъ, но былъ занятъ весьма важнымъ, и имѣвшимъ громадное значеніе для него, дѣломъ: все время онъ отмѣчалъ про себя улицы и дома, мимо которыхъ они ѣхали.

— „Вотъ повернули на Невскій. Вотъ Малая Морская... Кнопъ; какія-то новыя статуэтки, кажется, выставлены. Вотъ англійскій магазинъ. Елисѣевъ... Сейчасъ повернемъ на Конюшенную. Половину проѣхали, пожалуй? Или нѣтъ! Половина будетъ у Конюшенной церкви... Марсеру. Церковь какая-то. Какая она: швейцарская? чухонская? Да, да, это чухонская, но и швейцарская какая-то тутъ *была прежде*. Ахъ, нѣтъ, та—на другой сторонѣ; еще рядомъ жилъ Острожскій у замужней сестры. Какая она была хорошенькая въ день свадьбы!" И вдругъ Сергѣй почти громко засмѣялся отъ какого-то личнаго радостнаго чувства, мгновенно связавшагося у него съ этимъ представленіемъ, но не позволилъ себѣ подумать о немъ словами.

Всю дорогу Сергѣй былъ занятъ этими опредѣленіями мѣста и не позволялъ себѣ думать, что же будетъ, когда, наконецъ, всѣ улицы проѣдутъ и будетъ эта, казалось, все убѣгавшая вдаль, Сергіевская. Но чѣмъ ближе подъѣзжали они къ Сергіевской, тѣмъ его все болѣе и болѣе охватывало волненіе, страхъ. Были минуты, что Сергѣй хотѣлъ бы выскочить изъ экипажа и убѣжать, куда глаза глядятъ, чтобы никогда не наступила та ужасная минута, когда они останутся съ Мусей вдвоемъ. А вслѣдъ затѣмъ опять начиналъ съ нетерпѣніемъ отмѣчать:

— „Мостъ. Царицынъ Лугъ. Вотъ домъ Принца, какъ освѣщенъ... Отчего онъ такъ тихо ѣдетъ? дорога дурная? Да... Фонтанка. Вотъ училище... Переулокъ. Зачѣмъ онъ не поѣхалъ переулкомъ? тутъ ближе! Ахъ, вотъ Сергіевская! Скоро, скоро"...

Коляска остановилась у подъѣзда, и Ольга заставила Мусю и Сергѣя хоть на минутку зайти къ ней. Изъ кабинета доносились веселые, громкіе голоса, смѣхъ. Въ переднюю съ какими-то

возгласами выбѣжали Мириневскій и Бергъ, и замялись, увидѣвъ, что Ольга не одна.

— Ну что, умерли съ тоски безъ меня?—тотчасъ весело и дерзко воскликнула Ольга.

— Напротивъ, напротивъ, мы тутъ изображали „Jolie Parfumeuse“ и даже не замѣтили, какъ и время пролетѣло. А потомъ винтили. Мы и не замѣтили, что васъ нѣтъ! — довольно смѣло отвѣтилъ Ольгѣ Мириневскій, и, тотчасъ перемѣняя манеру и тонъ, почтительно раскланялся передъ Мусей, спросилъ ее о здоровьѣ Петра Михайловича и, не смущаясь присутствіемъ Ольги, съ спокойной увѣренностью свѣтскаго человѣка, разсказалъ, что четверги безъ нея, Муси, много потеряли и имѣли даже совсѣмъ другой характеръ: было шумнѣе, но скучнѣе.

Изъ кабинета пришли Боде, Дмитрій и Тихменевъ. Всѣ заговорили разомъ; Ольга со смѣхомъ, перекрикивая всѣхъ, что-то разсказывала, упрекая въ чемъ-то мужа; всѣ стали на него въ шутку нападать; Дмитрій такъ же шутливо защищался. Мусѣ вдругъ стало неловко и не по себѣ отъ этого смѣха и шутокъ, стыдно тѣмъ стыдомъ и досадой за другихъ, которые она испытывала на вялыхъ, неудачныхъ домашнихъ спектакляхъ, когда всѣ играютъ плохо, скучно, и надо находить смѣшнымъ то, что вовсе не смѣшно. Муся не сняла шапочки и, просидѣвъ двѣ минуты у Ольги, стала торопить Сергѣя домой. Ей сдѣлалось даже какъ-то непріятно, когда она, объясняя причину своей поспѣшности, назвала имя дяди среди этой веселой обстановки. Точно она оскорбила этимъ свое глубокое чувство.

Сергѣй и Муся вышли на улицу. Яркія, звѣздныя очи, еще за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ глядѣвшія въ темныя окошки между облаковъ, задернулись теперь густымъ сплошнымъ покрываломъ тумана, который мало-по-малу опускался и на землю. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Все таяло кругомъ. Шлепали звонкія капли съ крышъ домовъ, съ подъѣздовъ, съ фонарей; по тротуарамъ отъ переполненныхъ кадокъ бѣжали ручьи и расходились цѣлыми озерами на буромъ снѣгѣ дороги. Паръ шелъ отъ извозчичьихъ лошаденокъ, булькавшихъ ногами въ глубокихъ полыньяхъ и обдававшихъ прохожихъ цѣлыми каскадами грязной воды. Снѣгъ все усиливался, весь воздухъ точно состоялъ изъ этихъ мягкихъ, мокрыхъ хлопьевъ, но, долетая до земли, они таяли мгновенно, и только все чаще шлепались капли съ крышъ, звонче шумѣла вода въ трубахъ и шире расходились темныя озера на дорогѣ. Сергѣй предложилъ ѣхать, но Муся отказалась.

— Ахъ, нѣтъ! Если можно, пожалуйста, пройдемтесь. Дайте

только вашу руку, чтобы мнѣ не поскользнуться. Это такая прелесть—начало весны! мнѣ такъ весело становится, такъ весело! Я помню, когда я была маленькая, я въ такую погоду не могла спокойно идти, а всегда старалась черезъ одну лужу перескочить, а въ другой потоптаться, „помѣсить грязь", какъ сказалъ разъ про меня Кернъ. И снѣгъ этотъ мокрый—такая прелесть! Я страшно люблю его!—Муся сняла вуаль и открыла свое румяное, мокрое уже личико на встрѣчу новымъ холоднымъ пушинкамъ.—Я даже не знаю,—продолжала она,—что я въ этомъ такъ люблю, но для меня ничего не можетъ быть веселѣе звука лопатъ и кирокъ дворниковъ; я смотрю, какъ вонъ тѣ три дворника копошатся надъ круглой дырой посреди улицы, слышу лязгъ желѣза о камень, и сейчасъ выплываютъ какія-то смутныя, но радостныя воспоминанія самаго ранняго дѣтства, еще когда мама была жива... Идетъ мокрый снѣгъ, вотъ какъ теперь, и кирки звучатъ о камень, скребутъ лопаты, а я сижу съ m-lle Rosalie у окна, вышиваю ковликъ мамѣ къ Пасхѣ и повторяю за m-lle Rosalie интонацію нѣкоторыхъ фразъ изъ „Le nid de fauvette" для папы. А сама въ то же время думаю: „Куда это мама поѣхала? Вѣрно, въ Гостиный Дворъ?!" и стараюсь отгадать, что мнѣ купятъ къ празднику? Такъ хорошо помню, что мнѣ ужасно хотѣлось получить корзиночку-несессеръ для куклы; тамъ все было: и гребенки, и щеточки, и діадемы для куклы. У самой у меня не было столько денегъ, а просить маму я не хотѣла, и я все молилась Богу, чтобы она догадалась... И представьте! мнѣ вправду подарили эту корзиночку! Вотъ-то была радость! (Потомъ я узнала, что это дядя, которому я ужъ и тогда все говорила, мамѣ по секрету разсказалъ.) Или помню, какъ наступаетъ вербная недѣля, и меня вотъ въ такую погоду не пускаютъ выходить, а я ужасно хлопочу, чтобы мнѣ няня какъ можно ранѣе купила вербу. И какъ мнѣ и самыя красноватыя свѣжія вѣтки съ сѣрыми „барашками" и съ надувшимся херувимчикомъ казались удивительно прекрасными, таинственными. Я даже убѣждена, что тогда другіе херувимчики были, не такіе уроды, какъ теперь!.. Потомъ страстная: тишина, торжественность, и домашняя суета, и яйца красить такъ весело!.. И знаете, какъ всегда въ воспоминаніяхъ очень ранняго дѣтства, не можешь даже опредѣлить, что именно самое хорошее, пріятное въ такомъ воспоминаніи: корзиночка, вербы, мокрый снѣгъ и дворники съ кирками на улицѣ, или еще что-нибудь, можетъ быть именно *то*, чего не припомнишь, но что связано и съ лопатами, и со снѣгомъ, и съ вербами. Правда?

— Не знаю, право!—отвѣчалъ Сергѣй, смѣясь.—Но я то же всегда думаю, что самое счастливое время, это когда мы не сознаемъ своего счастья и не можемъ даже потомъ опредѣлить, отчего мы были счастливы тогда.—И вдругъ, опять по какой-то связи идей, Сергѣй сказалъ, почти строго и рѣзко выговаривая слова, какъ всегда, когда онъ былъ очень взволнованъ: — А знаете, Марья Николаевна, мнѣ надо поговорить съ вами...

— Ахъ, нѣтъ, не надо! Ну, право, не надо!—поспѣшно заговорила Муся, не то шутливо, не то смущенно, пошла быстрѣе и даже перескочила черезъ лужу. — И знаете, — видимо желая перемѣнить разговоръ, начала Муся:—я вотъ такъ перескочу, а m-lle Rosalie мнѣ всегда скажетъ: „Ce sont seulement les moineaux, qui sautent de cette manière“,—и я всегда подумаю: „зачѣмъ это она такія глупости говоритъ?“

— Нѣтъ, нѣтъ, Муся, подождите! Не говорите ничего пока... Я долженъ васъ спросить непремѣнно...—взволнованно, но еще тверже произнося слова, заговорилъ Сергѣй, едва поспѣвая за Мусей и стараясь удержать ее за руку, которую она было-выдернула отъ него. Они теперь шли еще быстрѣе, почти бѣжали по пустынной, скользкой гранитной набережной, мимо скрытой въ бѣломъ туманѣ рѣки.—Я долженъ васъ спросить...

— А развѣ... надо?—опять прервала его Муся, разомъ останавливаясь и низко опуская голову, точно сдувая снѣжинки съ муфты. И уже ни тѣни шутливости не было въ ея измѣнившемся голосѣ; онъ былъ такъ мягокъ, такое въ немъ слышалось безсиліе, страхъ и покорность передъ захватившимъ ее счастьемъ, что, дѣйствительно, Сергѣю больше *не надо* было ее спрашивать.

XV.

Черезъ два дня уже всѣ родные и знакомые знали о томъ, что Муся—невѣста Глуховского. Быстрому распространенію этого извѣстія не мало способствовалъ Рубцовъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ его было: съ неизмѣннымъ негодованіемъ и какимъ-то пророческимъ злорадствомъ встрѣчать всякое жизненно-серьезное явленіе въ существованіи своихъ близкихъ и неблизкихъ знакомыхъ. Было это явленіе радостное—въ родѣ свадьбы, рожденія ребенка, а въ раздраженномъ тонѣ Рубцова, когда онъ говорилъ объ этомъ событіи, ясно слышалось: „Есть чему радоваться! Еще дураки нашлись, чтобъ вновь сдѣлать глупость, называемую бракомъ“; или: „Есть чему радоваться! Однимъ

дуракомъ на свѣтѣ больше". Иногда онъ даже прямо этими словами и говорилъ. А когда рѣчь шла о чемъ-нибудь печальномъ, въ родѣ серьезныхъ семейныхъ недоразумѣній, развода и т. п.,— тогда Рубцовъ ужъ и не скрывалъ своего злорадства. „Ага! Видите? Что я вамъ говорилъ?!" такъ и сыпалъ онъ направо и налѣво. Но и въ тѣхъ, и въ другихъ случаяхъ Рубцовъ, казалось, считалъ своею обязанностью какъ можно скорѣе раззвонить о событіи. Такъ было и нынче.

Не успѣли еще Муся и Сергѣй очнуться отъ перваго потрясенія счастья, не успѣли еще окончательно понять, какимъ образомъ одно мгновенье разомъ измѣнило ихъ отношенія и ко всему міру, и другъ къ другу: они до того были „ничѣмъ" другъ другу, теперь же стали „всѣмъ",—а уже однѣ за другими начали пріѣзжать тетушки и кузины съ подарками и возгласами: „Ахъ! я давно знала, что это будетъ!", и молодые люди—съ поздравленіями и букетами; сами Муся и Сергѣй должны были ѣхать къ разнымъ родственникамъ, отвѣчать на поздравительныя письма и телеграммы, однимъ словомъ, по всѣмъ правиламъ исполнять роль „жениха" и „невѣсты".

И какъ всѣ искренно счастливые женихъ съ невѣстой, ни Муся, ни Сергѣй не замѣчали, что ихъ помолвка, какъ и всякая помолвка, возбудила цѣлую массу толковъ „за" и „противъ", и, какъ всегда, больше „противъ", чѣмъ „за". Рубцовъ чуть не въ глаза Мусѣ кричалъ: „И что она нашла въ немъ?! Развѣ это такой человѣкъ, какого ей нужно?! Спору нѣтъ, онъ честный и умный малый, но развѣ этого достаточно? Нѣтъ, больше отъ нея толку ждать нечего! Она пропала!" — Марья Петровна съ притворнымъ умиленіемъ поздравляла, но часто закатываемые къ небу глаза и вздохи ея ясно говорили, что она мечтала для Муси о болѣе блестящей партіи. Но ни Муся, ни Сергѣй не замѣтили и не слыхали ни всего этого, ни скрытой зависти и утрированной нѣжности кузинъ, ни полунасмѣшливыхъ, полуобиженныхъ взглядовъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, ни того, что Неридовъ какъ-то болѣзненно-порывисто и неестественно восторженно бросился обнимать и поздравлять Сергѣя, а Нина, наоборотъ, черезъ-чуръ сдержанно поздравила свою подругу (она почему-то думала, что Муся болѣе дружна съ Сергѣемъ, чѣмъ влюблена въ него, и потому Нина не слишкомъ обрадовалась и увѣровала въ ея счастье).

Но Муся и Сергѣй были такъ счастливы, что, напротивъ, ясно видѣли, будто всѣ радовались ихъ радостью, всѣ „страшно" ихъ любили, всѣ были удивительно милы, нѣжны и любезны съ ними—

они видѣли одно хорошее въ родныхъ, въ знакомыхъ, во всемъ мірѣ. Впослѣдствіи Муся узнала и что думала Нина, узнала и затаенныя мысли тетокъ, кузинъ, Рубцова, всю ту бурю мелкихъ, завистливыхъ къ чужому счастью, чувствъ, которую всегда возбуждаетъ всякая свадьба,—но и впослѣдствіи Муся не повѣрила, что это было дѣйствительно такъ. Она склонна была принять всѣ эти слова и мнѣнія за позднѣйшія выдумки, то, что называлось: „разсказы заднимъ числомъ". Она никакъ не могла связать что-либо несочувствующее, неликующее съ этимъ блаженнымъ временемъ, безоблачнымъ и свѣтлымъ, какъ тогдашняя ранняя и жаркая весна.

Наконецъ, и сама Александра Семеновна, уѣзжавшая на всю весну въ Москву, узнала великую новость и тотчасъ пріѣхала, захвативъ съ собой Ивана Степановича и громадный, несвязанный пучокъ свѣже-срѣзанныхъ розъ отъ Эйлерса. Она не велѣла докладывать о себѣ и прямо пошла на звукъ веселыхъ голосовъ, доносившихся изъ комнаты Муси. Бобринъ, Сергѣй и Муся сидѣли у открытаго окна. Теплый вѣтерокъ, врываясь въ окно, трепалъ и парусомъ надувалъ опущенную штору, на золотисто-бѣломъ фонѣ которой, какъ на транспарантѣ волшебнаго фонаря, то вырисовывались, то вновь пропадали яркія тѣни трубъ и завитого спиралью дымка съ противоположнаго дома. Сильный, сладкій ароматъ наполнялъ комнату, всю заставленную корзинками и вазами съ свѣжими оранжерейными и первыми полевыми и садовыми цвѣтами: ландышами, черемухой, нарциссами, сиренью. Муся, въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ, съ полуоткрытыми руками и шеей, стоя на колѣняхъ у кресла дяди, осторожно ловила и старалась соединить все разрывавшуюся цѣпочку изъ сирени, которой она оцѣпила плечи себѣ, дядѣ и Сергѣю, и, смѣясь, приговаривала: „Во вѣки вѣковъ, аминь! Во вѣки вѣковъ, аминь!" Завидя Вешнину, Муся вспрыгнула, бросила на столъ цвѣты, поздоровалась съ Александрой Семеновной и чинно усѣлась подлѣ Сергѣя, но она видимо продолжала думать свое, что-то веселое, радостное, и плохо слушала, что говорила Вешнина, а Вешнина еще въ дверяхъ начала громко выражать свое неудовольствіе.

— Муся! Я тобой недовольна. На что это похоже?! Чуть не два мѣсяца невѣста—и хоть бы слово мнѣ написала! Это первое. А во-вторыхъ: куда ты торопишься?! Восемнадцать лѣтъ и замужъ выходить — этого ужъ я отъ тебя не ожидала! Я думала, ты прежде чѣмъ-нибудь о себѣ заявишь, какъ о неординарной дѣвушкѣ, а потомъ ужъ пойдешь по этой проторенной дорожкѣ всѣхъ насъ грѣшныхъ. Помилуй! Къ чему всѣ твои

таланты, знанія, если ты поступаешь такъ же банально, какъ любая кисейная барышня?!

— А чего же бы вы хотѣли, Александра Семеновна?—немножко иронически спросилъ Бобринъ.—Что бы вы назвали поступить не банально?

— Ахъ, Боже мой, ну какъ-нибудь не такъ пошло! А то и цвѣты эти, и свѣтлое платье, все это. Ну, напримѣръ, хоть меня возьмите: мы жили въ другое время, тогда этой свободы, этой разумности въ отношеніяхъ еще не было, а развѣ я держала себя такъ пошло, какъ всѣ?! Иванъ Степановичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, а я что ему отвѣтила?—Я сказала: „узнаемте другъ друга, провѣримте другъ друга, поработаемте вмѣстѣ". И пригласила его къ намъ въ деревню, а тамъ...

— А тамъ,—съ своей тонкой, добродушной усмѣшкой подхватилъ Вешнинъ,—тамъ мы дѣйствительно соловьевъ слушали и по парку гуляли, особенно по тѣнистымъ аллеямъ (вы, барышня, не слушайте и никогда этого не дѣлайте: ce n'est pas comme ilfaut), и грибы сбирали, и на лодкѣ катались—это правда. А вотъ „работы" что-то не помню. И „повѣрокъ" тоже что-то не помню. А свадьба наша была всего только на мѣсяцъ позже вашей—вѣдь ваша будетъ въ іюлѣ, я слышалъ—въ августѣ наша была, 24-го числа августа. Ужъ не знаю, а по мнѣ—все какъ у всѣхъ спокон вѣку было, такъ и у насъ.

— Ахъ, полно, Иванъ Степановичъ, это ты всегда такъ, вѣчно критикуешь!—съ досадой заговорила Александра Семеновна, раздраженная такимъ недовѣріемъ къ ея „разумному и необыденному" способу быть невѣстой. — Что-жъ, что въ августѣ, а все-таки...

— Ну, ужъ коли „все-таки" на сцену, то я, конечно, умолкаю, тутъ ужъ нашъ братъ спасуетъ!—смѣясь, сказалъ Вешнинъ, усаживаясь на окно подлѣ Сергѣя. — А я такъ скажу: „слава Богу, дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь". Я всегда свадьбѣ радуюсь, а особенно такой, какъ ваша. Былъ бы я царемъ, такъ я, знаете, какъ у Островскаго царь Берендей, всѣхъ бы жениховъ и невѣстъ самъ бы благословлялъ и всѣмъ бы еще приданое выдавалъ—будьте, молъ, только счастливы и довольны, да чтобъ все это, какъ вотъ Тимоѳей вашъ говоритъ, „по честному да по благородному".

Всѣ засмѣялись, но Александра Семеновна не успокоилась:

— Нѣтъ, Сергѣй Александровичъ, вы такъ и знайте, что я на васъ зла, страшно, страшно зла, и никогда вамъ этого не прощу! Вы всѣ мои планы разстроили.

— Что же, Александра Семеновна, если прикажете, я сейчасъ возьму свое слово назадъ, — сказалъ Сергѣй, отъ души смѣясь. — Вотъ какъ она согласится, а я вовсе не желаю вамъ всѣ планы портить. Избави Богъ!

— Да нѣтъ! Я не шучу. Я ожидала, что Муся выступитъ на общественную дѣятельность, какъ я говорю: заявитъ чѣмъ-нибудь о себѣ, а она обрекаетъ себя на нашу куриную, жалкую женскую жизнь. О, я это все знаю заранѣе: des marmots, кухарки, няньки, тряпки! Это погибель всякой индивидуальности!

Муся все время не могла сидѣть спокойно: то втыкала Сергѣю въ петличку цвѣты, то расщипывала ихъ, вертѣла все, что попадалось ей подъ руку. Ея глаза смѣялись; ярко-пылавшее личико, сдѣлавшееся за это время еще красивѣе, ни минуты не оставалось спокойнымъ: Муся то хмурилась, то улыбалась, то строила исподтишка гримаски Сергѣю и тотчасъ принимала комически-смиренный видъ, когда дядя оглядывался на нее. При послѣднихъ словахъ Вешниной Муся, наконецъ, не выдержала, засмѣялась, спрыгнула съ окошка, на которое было-усѣлась, и убѣжала въ столовую.

— Serge! позвала она черезъ минуту. — Придите мнѣ помочь хлѣбъ и сыръ нарѣзать: petite tante сегодня дома нѣтъ.

Едва Сергѣй вошелъ въ столовую, Муся быстро подошла къ нему и потянула за руку къ окну. — Сережа, голубчикъ! — горячо заговорила она, заглядывая ему въ глаза. — Вѣдь это все неправда, фальшь, что она говоритъ? И какое дѣло ей до насъ? Еслибъ она меня вправду любила, такъ она бы порадовалась за меня и больше ничего, а она вѣчно что-нибудь высокопарное выдумаетъ. А знаешь, Сережа, я, напротивъ, знаю, я твердо знаю, (и совершенно независимо отъ того, что мы счастливы съ тобой) — вѣдь вообще очень хорошо, что именно мы съ тобой женимся.

— Ну, разумѣется, очень хорошо! — со смѣхомъ отвѣтилъ Сергѣй и началъ цѣловать ея руку, поворачивая ея ладонь то вверхъ, то внизъ: — разумѣется, очень хорошо!

— Ахъ, нѣтъ, Сережа, ты не смѣйся! Я серьезно тебѣ говорю. Я часто думаю теперь, что хорошо, что я именно за тебя выйду замужъ. Знаешь, я совсѣмъ, совсѣмъ другая стала, съ тѣхъ поръ... ну, съ тѣхъ поръ, что это все такъ случилось. И, право, я гораздо лучше, чѣмъ прежде была. Это потому, что ты такой... Знаешь, точно я все обѣдала за „маленькимъ столомъ“ въ именинный день, и у насъ тамъ все были *такіе* разговоры, танцовальные, а вдругъ ты посадилъ меня рядомъ съ собой къ

„большимъ“—и у васъ совсѣмъ другіе разговоры, настоящіе, и я тоже стала „большая“.

— Глупая ты дѣвочка, милочка, вотъ кто ты!—сказалъ Сергѣй и опять сталъ цѣловать ея руки, но Муся уже совершенно серьезно отстранила его и положила руки ему на плечи.

— Послушай, Сержъ, вотъ Александра Семеновна говоритъ, что, молъ, „погибель“ тамъ чего-то; „ты, молъ, должна заявить чѣмъ-нибудь о себѣ“,—передразнила Муся дѣланно-оживленный тонъ Вешниной.—Она, знаешь, тѣмъ права, что мы не должны жить только другъ для друга, только своимъ счастьемъ. Это правда. Только не могу же я взять и выдумать себѣ какое-нибудь дѣло, какъ она сама, и начать его дѣлать. Это Нина Бергъ можетъ, а я—нѣтъ. Но я совсѣмъ другое хочу и много объ этомъ думала. Помнишь, разъ мы съ дядей говорили, къ чему каждый человѣкъ долженъ стремиться, и еще дядя тогда сказалъ, что для него симпатичнѣе и важнѣе даже самыхъ талантливыхъ и выдающихся людей, но одностороннихъ—тѣ люди, которые въ себѣ развили всѣ человѣческія черты и способности и знанія до возможно высокой степени. Помнишь? Такъ вотъ я думаю, что мы съ тобой должны не только стараться объ этомъ, но должны заставлять и другихъ такъ думать, будить, толкать ихъ на все хорошее, заставлять разныхъ совсѣмъ спящихъ людей просыпаться, чтобъ мы были такими свѣтильниками, шпорами, спичками, отъ которыхъ зажигались бы другіе и становились бы, можетъ быть, болѣе яркими свѣчами, чѣмъ мы сами... Знаешь, я думаю, что каждый долженъ сдѣлать что-нибудь важное для всѣхъ, для всѣхъ людей. И я вѣрю, что когда-нибудь будетъ время, что всѣ будутъ *понимать*, какъ мы съ тобой, и тогда все должно устроиться,—только тогда всѣмъ и будетъ хорошо, а не отъ революцій, и не отъ благотворительныхъ обществъ, и ни отъ чего такого... А для того, чтобъ хоть каплю помочь, мы, такіе люди, какъ мы съ тобой, должны стараться какъ можно больше людей дѣлать людьми, свѣтить имъ. Помнишь, въ Евангеліи сказано: „не ставьте свѣтильника вашего подъ спудомъ“. И еще дядино любимое выраженіе: Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo... Или вотъ еще, когда дядя былъ боленъ, я думала, что онъ для многихъ, многихъ людей свѣтитъ самой своей жизнью, показываетъ, какъ должно жить, что значитъ „быть человѣкомъ“. А еслибъ онъ умеръ...—Муся и теперь содрогнулась при этихъ словахъ.—Развѣ мы не должны хоть въ половину, хоть въ десятую часть жить такъ же, какъ онъ, чтобы при нашемъ имени, какъ

при его, всѣмъ бы сразу представлялось что-то свѣтлое, высокое, хорошее. Да, Сережа?

— Да, моя свѣтлая, да, моя хорошая. Я одинъ объ этомъ никогда не думалъ, а съ тобой во все вѣрю. Но не ожидай успѣховъ, ни видимыхъ результатовъ, Мусинька моя! И съумѣешь ли ты довольствоваться сознаніемъ, что сѣешь добро и свѣтъ, что сама свой свѣтъ сохраняешь, когда всѣ люди кругомъ, повидимому, будутъ все тѣ же и тѣ же? Ты у меня такая горячка,—по тебѣ ли эта роль?

— О, да, да, Сережа! Я оттого такъ и счастлива, что мы не только другъ друга любимъ, не только *такъ просто* счастливы, но у насъ съ тобой все общее, все вмѣстѣ: и мысли, и желанія, все... Когда я буду горячиться, нетерпѣлива, ты меня поддержишь, поможешь.

Муся прислонилась къ открытой рамѣ, задумчиво глядя вдаль на нѣжное майское небо, по которому разсыпались маленькія румяныя облачка.

— А помнишь, Миша, ты въ прошломъ году вотъ въ такой же вечеръ говорила,—началъ Сергѣй.

— Не поминай, не поминай!—быстро прервала его Муся.— Мало ли что я тогда говорила, я глупая тогда была. А теперь такъ, такъ все хорошо! Я тогда въ жизни ничего впереди не видѣла. А теперь у меня голова кружится, когда я подумаю, какая громадная, чудная жизнь у меня впереди. И я ничего не знаю, боюсь даже заглянуть впередъ; мнѣ ни о будущемъ, ни о лѣтѣ, ни о завтрашнемъ днѣ даже думать не хочется, мнѣ такъ хорошо съ тобой, такъ хорошо теперь... И точно крылья выростаютъ, и улетѣть куда-то хочется далеко, далеко впередъ. Но я не вѣрю, чтобъ и впереди было лучшее счастье, чѣмъ теперь!..

Муся потянула Сергѣя за руки и усадила на окно подлѣ себя. Когда, слишкомъ черезъ часъ, всѣ пришли пить чай въ столовую, Александра Семеновна должна была убѣдиться окончательно въ пошлости и обыденности этой свадьбы: Муся и Сергѣй все такъ же сидѣли на окнѣ, держась за руки, и, улыбаясь, смотрѣли другъ другу въ глаза. А въ окно глядѣла томительно-теплая, серебристо-прозрачная майская ночь, и золотая заря не хотѣла уходить со свѣтлаго неба.

В. Каренинъ.

ПЬЯНСТВО

и

БОРЬБА ПРОТИВЪ НЕГО

„Vires inital agunt".

Наряду съ трудно разрѣшимыми соціальными проблемами, съ незапамятныхъ временъ занимающихъ все человѣчество и привлекающихъ вниманіе въ одинаковой степени—законодателей, моралистовъ, соціологовъ и врачей, видное мѣсто всегда занималъ, по своей важности, вопросъ о неумѣренномъ употребленіи хмельныхъ напитковъ и вытекающихъ отсюда разнообразныхъ послѣдствіяхъ какъ для отдѣльнаго лица, такъ и для цѣлаго общества. Въ глазахъ врача пьянство есть болѣзнь, вредно дѣйствующая на организмъ человѣка, порождающая въ немъ извѣстныя патологическія явленія, которыя весьма нерѣдко приводятъ къ смерти или, по крайней мѣрѣ, ускоряютъ ее; въ психическомъ же отношеніи пьянство является болѣзнью воли и часто приводитъ за собой коллизію сознанія человѣка съ его поступками. Моралистъ въ пьянствѣ видитъ порокъ, подтачивающій и искажающій нравственныя силы человѣка, и источникъ значительнаго и разнообразнаго зла. Соціологамъ и экономистамъ пьянство представляется вредной народной привычкой, приводящей за собою безполезную многомилліонную растрату богатства и важную нерѣдко задержку для производительности народнаго труда. Наконецъ, каждый знаетъ, что для государственныхъ финансовъ пьянство или, точнѣе, потребленіе хмельныхъ напитковъ служитъ хотя, можетъ быть, и весьма нежелательнымъ, но очень прибыльнымъ, а иногда трудно замѣнимымъ и

удобнымъ способомъ взиманія налоговъ—и вѣрнымъ источникомъ государственнаго дохода. Само собою разумѣется, что послѣднее обстоятельство не можетъ не приниматься въ разсчетъ законодательствомъ, и поэтому всѣ вопросы, связанные съ пьянствомъ, всегда привлекали къ себѣ вниманіе государственныхъ людей.

Такимъ образомъ, при разныхъ точкахъ воззрѣнія на пьянство всѣ сходятся, однако, на одномъ—на его вредѣ какъ въ индивидуальномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи. Даже противники всякихъ репрессивныхъ мѣръ противъ этого соціальнаго недуга, а равно и защитники питейныхъ налоговъ, какъ источника государственнаго дохода, одинаково признаютъ, въ большей или мѣньшей степени, пагубность его результатовъ и стараются потребленіе хмельныхъ напитковъ отдѣлить отъ злоупотребленія ими или обставить, наконецъ, извлеченіе государственныхъ доходовъ отъ напитковъ такими условіями, которыя дѣлали бы ихъ наименѣе вредными для блага народа.

При всемъ этомъ сходствѣ воззрѣній на результаты пьянства мнѣнія о его причинахъ и также о способахъ его уменьшенія, обратно, крайне разнообразны и часто діаметрально противоположны. Дѣло въ томъ, что всѣ сужденія о пьянствѣ совершенно субъективны и въ большей степени, нежели по какому-либо иному соціальному вопросу, зависятъ отъ личныхъ взглядовъ, вкусовъ и пріемовъ наблюденія. Прежде всего никакой общей и сколько-нибудь точной мѣрки для сужденія здѣсь не существуетъ. Объяснимъ нашу мысль примѣромъ. Если мы судимъ, положимъ, о санитарномъ состояніи двухъ какихъ-либо мѣстностей или объ образованіи ихъ жителей, мы имѣемъ для сужденія общепринятые масштабы, которые при ихъ наличности дадутъ намъ возможность сдѣлать съ значительной вѣроятностью наши умозаключенія по трактуемому вопросу. Такъ, данныя о заболѣваемости или смертности могутъ доставить необходимый матеріалъ для рѣшенія вопроса, которая изъ сравниваемыхъ мѣстностей въ санитарномъ отношеніи благопріятнѣе; данныя относительно грамотности жителей, распространенія книгъ, журналовъ и т. п., даютъ право судить часто съ большой достовѣрностью о превосходствѣ образованія одной мѣстности передъ другой. Ни одной подобной мѣрки той же степени достовѣрности для правильнаго сужденія о вопросахъ пьянства не существуетъ, и самый фактъ пьянства не поддается регистраціи. Во-первыхъ, статистики пьянства не существуетъ, да и по самому свойству явленія не можетъ существовать: лишь въ немногихъ странахъ, какъ во Франціи, Норвегіи, Голландіи (по закону 1881 года) и Галиціи (Австрія) появленіе

пьянаго въ публичномъ мѣстѣ можетъ повести къ его задержанію полиціей на улицѣ, и, слѣдовательно, пьяный попадетъ въ статистику; но и въ этихъ странахъ масса охмелѣвшихъ лицъ, согласно изслѣдователямъ, ускользаетъ изъ-подъ контроля полиціи; въ огромномъ же большинствѣ государствъ и случаевъ, пьяный задерживается и, слѣдовательно, региструется въ томъ только случаѣ, если производитъ скандалъ или поднятъ полиціей въ безпомощномъ видѣ на улицѣ. Наконецъ, пьянство въ четырехъ стѣнахъ дома совсѣмъ не обнаруживается и ускользаетъ изъ-подъ наблюденія. Итакъ, самый естественный и прямой масштабъ для сужденія о размѣрахъ пьянства—число пьяныхъ—оказывается неосуществимымъ и немыслимымъ, а потому взамѣнъ того приходится изслѣдователю прибѣгать къ косвеннымъ способамъ для удостовѣренія факта пьянства, къ сожалѣнію, въ одинаковой степени неточнымъ и несовершеннымъ. Таковымъ, напр., является для сужденія о размѣрахъ пьянства количество арестованныхъ, что, какъ было объяснено, даетъ крайне неполную картину пьянства и находится, притомъ, въ зависимости отъ большей строгости или слабости полиціи, ея численности и пр.; другой мѣркой иногда служитъ число т.-н. опившихся, или умершихъ отъ алкоолизма или delirium tremens; но даже при совершенной полнотѣ данныхъ этого рода они не могутъ быть солиднымъ основаніемъ для сужденія о размѣрахъ пьянства уже потому, что, какъ доказано нынѣ наукой, разные виды алкооля производятъ въ разной степени сильное проявленіе означенной болѣзни, и слѣдовательно, напримѣръ, при *равной* степени пьянства въ двухъ странахъ, но при различныхъ національныхъ напиткахъ, смертность отъ алкоолизма можетъ быть весьма различна. Третьей любимой мѣркой степени распространенія пьянства является обыкновенно размѣръ потребленія напитковъ; но и эта мѣрка, въ сущности, имѣетъ весьма условное значеніе, требуетъ осторожности и основывается на смѣшеніи двухъ различныхъ понятій — *потребленіе* и *злоупотребленіе*, которыя, конечно, отождествлять не слѣдуетъ. Народъ можетъ потреблять значительное количество хмельныхъ напитковъ и въ то же время не злоупотреблять ими—и наоборотъ. Англія, напр., потребляетъ большее количество напитковъ, чѣмъ Ирландія, а между тѣмъ, согласно всѣмъ свидѣтельствамъ, въ послѣдней пьянство гораздо сильнѣе, нежели въ первой. Такое же, вѣроятно, отношеніе существуетъ между Германіей и Англіей: еслибы перевести на градусы алкооля количество пива, потребляемаго первой страной, то она, вѣроятно, превзошла бы вторую; пьянство же, въ смыслѣ *злоупотребленія* напиткомъ, нѣтъ сомнѣнія, больше въ

Англіи, чѣмъ въ Германіи [1]). Даже въ одной и той же странѣ, какъ это лучше всего доказывается примѣрами той же Англіи, жалобы на пьянство иногда усиливаются въ то самое время, какъ общій размѣръ потребленія напитковъ падаетъ—и обратно. Здѣсь нельзя не считаться даже съ личнымъ отношеніемъ изслѣдователя къ явленію: напр., teatotaller, защитникъ полнаго воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, какъ ихъ называютъ въ Англіи, естественно стремится всякое зло въ странѣ объяснить пьянствомъ, преувеличивая его значеніе и удивляя часто своимъ легковѣріемъ [2]). Къ тому же во главѣ всей умственной жизни народа всегда и вездѣ стоитъ т.-н. образованный классъ, который держитъ въ своихъ рукахъ всю прессу и, большею частію, власть. Чѣмъ болѣе привычки умѣренности и воздержности въ потребленіи хмельныхъ напитковъ развиваются въ этомъ классѣ, тѣмъ болѣе поднимаются нравственныя требованія въ обществѣ относительно трезвости, и образованный классъ начинаетъ строже относиться къ пьянству въ народѣ, хотя, въ сущности, оно, можетъ быть, нисколько не увеличилось, сравнительно съ прежнимъ, или даже уменьшилось. Этотъ фактъ легко даже исторически прослѣдить во многихъ странахъ и за разное время.

Итакъ, слѣдовательно, всѣ мнѣнія о причинахъ пьянства и мѣрахъ борьбы съ нимъ разнообразны и часто противорѣчивы, благодаря прежде всего тому, что никакого твердаго фундамента для сужденія по этому вопросу не имѣется, а отсюда и происходитъ чисто личный и произвольный характеръ толкованія о его причинахъ, а еще болѣе того—о мѣрахъ для его уменьшенія. Кромѣ того, замѣчено, что зло пьянства повторяется, какъ мы увидимъ далѣе, въ разные періоды исторіи при самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры, а это, въ свою очередь, указываетъ, что пьянство представляетъ собою сложное явленіе, причины коего должны быть необходимо разнообразны. Какъ во всѣхъ соціальныхъ сложныхъ явленіяхъ, одинъ факторъ часто перевѣшиваетъ вліяніе другого, почему и средства борьбы, испытанныя

[1]) См. объ этомъ въ моей книгѣ: „Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ. Акцизъ". Москва, 1874 г., стр. 239 и далѣе.

[2]) Доказательствомъ можетъ служить даже авторъ такой классической книги о пьянствѣ, какъ Baer (Der Alkoholismus, etc. Berlin, 1878), который, при всей своей серьезности, поражаетъ, благодаря предубѣжденію, неразборчивымъ пользованіемъ источниками часто весьма сомнительнаго качества. Популярныя изданія различныхъ обществъ воздержанія, имѣющія естественно цѣлую пропаганду своихъ воззрѣній во что бы то ни стало, а рядомъ съ ними личныя наблюденія или труды первостепенныхъ ученыхъ—всѣмъ этимъ Беръ пользуется въ одинаковой степени и придаетъ, повидимому, одинаковое значеніе.

въ одномъ случаѣ, оказываются невѣрными и непригодными въ другомъ. Существованіе пьянства у извѣстнаго народа объясняется различными писателями цѣлой массой разнородныхъ условій: такъ, пьянство нерѣдко связываютъ съ чисто физическими вліяніями страны и климата, дурнымъ экономическимъ положеніемъ массы народа, его низкимъ умственнымъ развитіемъ; наоборотъ, другіе придаютъ гораздо большее значеніе совершенно инымъ факторамъ, игнорируя или умаляя значеніе предыдущихъ; напримѣръ, развитіе пьянства ставится въ зависимость отъ качества и рода распространенныхъ въ странѣ напитковъ, способовъ или обычаевъ ихъ потребленія, т.-е., пьется ли какой-нибудь напитокъ, по народному обыкновенію, въ малыхъ дозахъ періодически и регулярно, или, наоборотъ, изрѣдка, но зато большими дозами, какъ, напримѣръ, пьютъ вино у насъ; даже такіе мелкіе факты потребленія, по мнѣнію многихъ писателей, какъ форма или время питья, могутъ въ значительной мѣрѣ вліять на степень пьянства: въ Англіи, напримѣръ, пьютъ водку обыкновенно на сытый желудокъ, послѣ ѣды, и, большею частью, разбавляя водою; въ Россіи и Швеціи, наоборотъ,—преимущественно передъ ѣдой и безъ всякой примѣси и т. д. Нѣтъ, однимъ словомъ, такого мелкаго явленія, которое не могло бы такъ или иначе имѣть значеніе въ рѣшеніи вопроса о пьянствѣ.

Наконецъ, объясненія причинъ этого зла и борьбы противъ него такъ противорѣчивы, а мѣры зачастую такъ неудачны еще потому, что до послѣдняго времени ни одна сторона этого сложнаго вопроса не была научно и съ должнымъ безпристрастіемъ разработана. Можно было оспаривать всѣ даже наиболѣе установившіяся стороны даннаго вопроса и притомъ съ значительной правдоподобностью, какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, французскій экономистъ Fournier de Flaix въ своемъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ извѣстномъ „Revue Scientifique“ 1887 г.; онъ не только старался, противно господствующему мнѣнію, опровергнуть связь алкоолизма со смертностью, количествомъ самоубійствъ, преступленія и пр., но пытался даже большое потребленіе алкоголя связать съ экономическимъ преуспѣяніемъ народа и доказать, что алкоголь есть полезный пищевой продуктъ [1]). Лишь успѣхи токсикологіи, науки о ядахъ, за послѣднее время, и особенно работы Dujardin-Beaumetz, Audigé Rabuteau, Cros и др., внесли нѣкоторый свѣтъ въ этотъ вопросъ, и хотя лишь касаются

[1]) Статья Fournier de Flaix извѣстна намъ по англійскому переводу съ значительнымъ дополненіемъ и примѣчаніями, помѣщенному въ журналѣ „The Scottish Review“. October 1887. Vol. X. № XX, стр. 322.

части его,—именно дѣйствія разныхъ алкоолей, а поэтому и напитковъ, на животный организмъ,—тѣмъ не менѣе сразу выяснили и указали на направленіе законодательныхъ мѣръ и, какъ мы увидимъ дальше, въ значительной степени, по моему мнѣнію, дали также указанія на средства если не всецѣлаго устраненія зла, то, по крайней мѣрѣ, смягченія его послѣдствій [1]).

Изо всего сказаннаго нами до сихъ поръ слѣдуетъ заключить, что вопросъ о пьянствѣ или злоупотребленіи хмельными напитками представляется настолько сложнымъ и труднымъ, что всѣ сужденія въ его области имѣютъ шансы лишь вѣроятности, но не достовѣрности, и что, за отсутствіемъ необходимаго, сколько-либо точнаго, масштаба, приходится брать въ основаніе сужденія—напримѣръ, о размѣрахъ пьянства—совокупность всевозможныхъ признаковъ и указаній, а также и мнѣній, совершенно личныхъ, отдѣльныхъ изслѣдователей и путешественниковъ. Только этою многочисленностью факторовъ изслѣдованія можно въ нѣкоторой степени возмѣстить ихъ неточность и отсутствіе надлежащей мѣрки.

Цѣль настоящаго очерка заключается именно въ томъ, чтобы нѣсколько, такъ сказать, разобраться въ данномъ вопросѣ, дать посильный отвѣтъ хотя на нѣкоторыя наиважнѣйшія стороны этого загадочнаго стремленія человѣчества во всѣ времена къ возбуждающимъ и одурманивающимъ веществамъ. Въ послѣднемъ смыслѣ вопросъ о пьянствѣ является вѣчно старымъ и вѣчно юнымъ и породилъ собой такую обширную литературу, съ которой по богатству и въ то же время противорѣчіямъ едва ли сравняется какая-либо другая. Познакомившись нѣсколько, конечно, лишь съ частью этой обширной литературы, я имѣлъ въ виду обсудить главныя стороны вопроса и показать немногіе общіе выводы, претендующіе на нѣкоторую вѣроятность. Сужденія эти, вслѣдствіе многосложности вопроса, будутъ касаться лишь одной общественной стороны его, а по объясненнымъ выше причинамъ непремѣнно должны носить на себѣ до извѣстной степени печать субъективности...

Сначала я буду имѣть въ виду исторію вопроса о пьянствѣ и постараюсь извлечь изъ нея полезныя для его рѣшенія указанія, а затѣмъ перейду къ описанію главнѣйшихъ рекомендуемыхъ, а частью и испытанныхъ, средствъ борьбы противъ зла.

---

[1]) См. „Recherches expérimentales sur les alcools par fermentation", par le docteur Dujardin-Beaumetz et le docteur Audigé. Paris, 1875.—„Die Verunreinigungen des Trinkbranntweins etc." von Sanitätsrath D. A. Baer. Bonn, 1885 (въ изданіи „Wissenschaftliche Beitrage z. Kampf gegen d. Alkoholismus").

I.

Пьянство такъ же старо, какъ и само человѣчество. Не существуетъ почти народа на земномъ шарѣ, начиная съ находящагося на самой низкой степени умственнаго развитія, у котораго бы не было въ употребленіи возбуждающаго или опьяняющаго напитка. Несмотря на противныя утвержденія д-ра Ричардсона [1]), у человѣка несомнѣнно существуетъ инстинктивное стремленіе къ алкоолю или инымъ искусственнымъ стимулянтамъ. Такъ, негръ пьетъ пальмовое вино, житель Нубіи—бузу, киргизъ и татаринъ—кумысъ, а вотякъ варитъ кумышку; индѣецъ Южной Америки особымъ, отвратительнымъ способомъ приготовляетъ себѣ одуряющее зелье, такъ-называемое „каву", изъ корня растенія macgoripeг methysticum; камчадалъ пьетъ отваръ изъ мухоморовъ и, наконецъ, европеецъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя сотни хмельныхъ напитковъ всякаго рода, не говоря о такихъ, сравнительно невинныхъ, стимулянтахъ, какъ чай, кофе, шоколадъ или табакъ. Кромѣ того, на земномъ шарѣ насчитываютъ до *ста* милліоновъ людей, которые жуютъ, съ тою же цѣлью одуренія, такъ-называемую бетель; *триста* милліоновъ ѣдятъ или курятъ гашишъ, приготовленный изъ индѣйской конопли, и *четыреста* милліоновъ наслаждаются страшнымъ опіумомъ. Многимъ извѣстно, какое пристрастіе къ хмельнымъ напиткамъ выказываютъ нѣкоторыя изъ прирученныхъ человѣкомъ животныхъ; но это обстоятельство моралисты еще могутъ объяснить дурнымъ сосѣдствомъ человѣка; между тѣмъ многіе изъ извѣстнѣйшихъ нынѣ натуралистовъ сообщаютъ, что даже дикія животныя, какъ обезьяны, обнаруживаютъ несомнѣнное пристрастіе къ тому же, едва познакомятся съ чаемъ, кофе, спиртными напитками и куреньемъ табаку (Ч. Дарвинъ). По словамъ же Брэма, туземцы сѣверо-восточной Африки ловятъ дикихъ обезьянъ, выставляя въ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ водятся, сосуды съ крѣпкимъ пивомъ, которымъ тѣ и напиваются, послѣ чего ихъ уже легко захватить. Хотя, правда, европейцы первые распространили и распространяютъ до-нынѣ между дикарями спиртъ или „огненную воду", какъ послѣдніе ее часто называютъ, но самый фактъ этого легкаго распространенія вина указываетъ уже наклонность дикарей къ опьяненію, а многія свидѣтельства доказываютъ, что у нихъ существовали свои опья-

[1]) Richardson: „On the Action of Alcohol on the Mind". Стр. 11, 12.

няющіе напитки еще до перваго прибытія европейцевъ [1]). Есть даже основаніе думать, что до-историческія поселенія такъ-называемыхъ свайныхъ построекъ знакомы были съ опьяняющими напитками.

Изъ обширной исторіи человѣчества мы коснемся въ нашемъ очеркѣ по данному вопросу лишь немногихъ, преимущественно великихъ націй, игравшихъ крупную роль въ исторіи, причемъ опишемъ бѣгло ихъ отношеніе къ потребленію хмельныхъ напитковъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи, а затѣмъ уже посмотримъ положеніе вопроса о пьянствѣ у тѣхъ же народовъ въ настоящее время.

Китайцы считаютъ себя древнѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ, и, во всякомъ случаѣ, у нихъ сохранились историческіе документы, доказывающіе весьма раннюю цивилизацію, и лѣтописи за много вѣковъ до счисленія нашей эры. Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ по интересующему насъ вопросу—т.-наз. „Извѣщеніе о Пьянствѣ“ (Announcement about Drunkenness)—появился въ формѣ императорскаго эдикта или указа еще въ 1116 году до Р. Х.; онъ содержитъ въ себѣ описаніе пагубныхъ послѣдствій пьянства изъ опыта сосѣднихъ народовъ, обличеніе этого порока въ разныхъ классахъ народа и угрозы неповинующимся и погрязшимъ въ пьянствѣ строгими наказаніями, включая смертную казнь. Любопытно въ такомъ древнемъ документѣ—болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова—указаніе такого рода: „нашъ народъ въ высшей степени распущенъ и потерялъ свою добродѣтель, что̀ нужно приписать невоздержности въ хмельныхъ напиткахъ. Между тѣмъ *разрушеніе государствъ, большихъ и малыхъ*,—продолжаетъ указъ—*неизмѣнно слѣдуетъ приписать той же самой причинѣ* — употребленію напитковъ“. Вообще, „Извѣщеніе о Пьянствѣ“ обнаруживаетъ большое распространеніе у китайцевъ во всѣхъ классахъ, начиная съ высшихъ чиновъ государства и до простого народа, этого порока, угрожаетъ смертью невоздержнымъ и рекомендуетъ ограничиться употребленіемъ хмельныхъ напитковъ лишь при совершеніи религіозныхъ церемоній. Другой старинный памятникъ китайцевъ, такъ-называемый „She-King“ (Книга Поэзіи), описывающій соціальную и религіозную жизнь того же періода, подтверждаетъ большое распространеніе между древними китайцами питья хмельныхъ напитковъ, и, по словамъ этихъ памятниковъ, пьянство было такъ сильно, что угрожало даже паденіемъ самой имперіи. Въ древнемъ Китаѣ всѣ классы

[1]) См. James Gamnelson: „The History of Drink“. A Review Social, Scientiphic and Political.

обществъ, отъ императора до крестьянина, предавались питью хмельныхъ напитковъ, приготовляемыхъ изъ злаковъ. Нужно думать, что спиртъ и водка были изобрѣтены китайцами за много вѣковъ ранѣше ихъ появленія въ Европѣ. Употребленіе этихъ напитковъ было допускаемо въ древнемъ Китаѣ при религіозныхъ церемоніяхъ и входило также, какъ и нынѣ, въ обязанность гостепріимства. Большія усилія дѣлались законодателями, издавались самыя строгія предписанія, чтобы подавить этотъ порокъ, который угрожалъ одно время разрушить самую имперію. Утверждаютъ, что не одна господствующая династія пала вслѣдствіе крайняго пьянства и сопровождавшихъ его пороковъ, которые приводили, наконецъ, къ народнымъ возмущеніямъ. У обоихъ знаменитыхъ мудрецовъ и законодателей Китая, Конфуція и Менція, жившихъ позднѣе (Конфуцій—въ V вѣкѣ, Менцій—въ III вѣкѣ до Р. Х.), неоднократно встрѣчаются указанія на тотъ же порокъ, рисуется идеалъ совершеннаго человѣка какъ такого, который непремѣнно умѣренъ въ питьѣ, какъ и въ ѣдѣ, не говоря о другихъ необходимыхъ добродѣтеляхъ. Второй философъ въ числѣ недостатковъ въ современномъ обществѣ благочестія указываетъ, между прочимъ, на двѣ страсти: игру въ шахматы, которая въ Китаѣ имѣетъ часто до сихъ поръ азартный характеръ, и питье хмельныхъ напитковъ [1]).

Другой народъ, обладающій также древней литературой, были индійцы или арійцы, предки нынѣшнихъ европейцевъ. Религіозное или моральное состояніе этихъ народовъ выражено въ священныхъ книгахъ древнихъ браминовъ, къ которымъ и нужно обратиться, чтобы получить отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. По словамъ Макса Мюллера, эти священныя книги, т.-н. Rig-Veda, обнимаютъ періодъ времени двѣнадцати столѣтій до Рождества Христова и записаны отъ 600 до 200 г. до Р. Х., т.-е. примѣрно въ то же время, какъ и сочиненія китайскихъ мудрецовъ, Конфуція и Менція. Обращаясь къ Rig-Veda, главное содержаніе которой состоитъ въ гимнахъ, мы находимъ въ ней полную апологетику и апоѳеозу пьянства. Въ своихъ обращеніяхъ и молитвахъ къ богамъ арійцы постоянно упоминаютъ о винѣ, какъ о любимомъ ими, особенно веселымъ богомъ Индрой, напиткѣ, и объ опьяненіи, какъ о самомъ блаженномъ для него состояніи. Очевидно, натура божества является здѣсь отраженіемъ характера его поклонниковъ. Главная священная церемонія древнихъ браминовъ называлась „сома“ и состояла въ изліяніи на

[1]) James Gamnelson: „The History of Drink“, стр. 15—34.

жертвенникъ напитка этого имени, приготовленнаго изъ наркотическаго сока растенія asclepias, смѣшаннаго съ молокомъ и подвергнутаго броженію. „Сома“ изливалась на жертвенникъ какъ бы для угощенія боговъ (вѣроятно, мéньшая часть приготовленнаго запаса), остальное выпивалось жрецами и жертвоприносителями. Вся Rig-Veda отъ начала до конца изобилуетъ указаніями на предполагаемую страсть боговъ, особенно же Индры, къ этому напитку. Пища и питье одинаково необходимы богамъ, какъ и людямъ: ихъ-то и стараются имъ доставить усердные поклонники, мѣряя вкусы боговъ по своему. Всѣ обращенія къ богамъ вращаются, главнымъ образомъ, около питья и опьяненія: „приди, о, Индра, на нашу жертву, выпей сомы, о, ты, любитель сомы, приди, о, Индра, и напейся съ нами!..“ Самую силу и величіе свое Индра пріобрѣтаетъ, по мнѣнію его поклонниковъ, благодаря питью „сомы“; но онъ не чуждъ также и всѣхъ тѣхъ послѣдствій, которыя испытываетъ обыкновенный смертный отъ излишняго питья. Проф. Миллеръ приводитъ точный переводъ одного гимна (гимнъ X, 119), обращеннаго къ этому арійскому божеству. Гимнъ изображаетъ состояніе, въ которомъ поклонникъ представляетъ себѣ бога, напившагося жертвенной „сомы“. Какъ опьяненный человѣкъ, богъ храбрится, превозноситъ себя, хвастаетъ, словомъ, думаетъ, что ему „море по колѣно“. Находя по личному опыту такое состояніе блаженнымъ, чтитель Индры считалъ самой пріятной жертвой опьяняющій напитокъ, старался вдоволь напоить своего бога и за это испрашивалъ себѣ великія и богатыя милости [1]).

Этихъ выдержекъ достаточно, чтобы придти къ убѣжденію, что ведійскій народъ одинаково, какъ жрецы, такъ и міряне, были страшными пьяницами и долго не только не считали пьянство порокомъ, но даже возводили его въ культъ. Нѣсколько позднѣе, однако, вѣроятно печальныя послѣдствія пьянства настолько сдѣлались для всѣхъ ясны, что законодательство вступаетъ съ нимъ въ борьбу. Такъ, законы Ману (около VI в. до Р. Х.) содержатъ цѣлый рядъ запрещеній и наказаній за разные виды пьянства, и особенно воспрещаются нѣкоторые вредные напитки. Рядомъ съ „сомой“ встрѣчается уже болѣе популярный напитокъ „сура“, приготовляемый изъ сока одного растенія изъ рода panicum вмѣстѣ съ водой, медомъ и ячменемъ. Сура скоро вошла во всеобщее употребленіе, но въ то же время часто на-

[1]) См. *Всев. Миллер*: „Очерки арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой“. Москва, 1876, стр. 81 и 96. а также Gamnelson, loco citato, стр. 3—4 и далѣе.

зывается ядомъ и считается причиною преступленій. Нѣкоторые ученые подъ этой „сурой“ прямо даже разумѣютъ хлѣбное вино [1]). Несмотря, однако, на всѣ воспрещенія Ману и угрозы наказанія, невоздержность въ питьѣ, повидимому, существовала между арійцами еще весьма продолжительное время. Паластія, одинъ изъ позднѣйшихъ санскритскихъ мудрецовъ, перечисляетъ уже не менѣе двѣнадцати различныхъ напитковъ, кромѣ „сомы“, бывшихъ въ употребленіи у арійскаго народа и приготовляемыхъ изъ винограда, меда, сахара, финиковъ, пальмъ, риса, перца и пр.; но кромѣ многихъ своихъ туземныхъ напитковъ, Индія уже 2000 лѣтъ ввозила большія количества иностранныхъ винъ, сирійскихъ, арабскихъ, итальянскихъ и пр.

Не менѣе были подвержены описанному пороку и ближайшіе родичи арійцевъ, древніе персы, поклонники религіи Зороастра. У нихъ мы видимъ даже тѣ самые напитки—„сома“ и „сура“—лишь подъ нѣсколько измѣненными названіями; но кромѣ того встрѣчается еще напитокъ, приготовляемый изъ конопли (cannabis sativa), т.-н. „banga“, очевидный предшественникъ нынѣшняго гашиша. Хотя религія у персовъ и не такъ благосклонно относилась къ пьянству, какъ у индійцевъ, но тѣмъ не менѣе древніе персы славились своимъ пристрастіемъ къ возбуждающимъ напиткамъ. Геродотъ разсказываетъ про нихъ, что обсужденіе всѣхъ важнѣйшихъ общественныхъ дѣлъ непремѣнно сопровождалось выпивкой, и что рѣшеніе, постановленное при этомъ, обязательно пересматривалось на другой день въ трезвомъ состояніи—и наоборотъ, и только при такомъ двойномъ разсмотрѣніи дѣла полагалась окончательная резолюція.

Если мы перейдемъ къ болѣе культурнымъ народамъ древности, каковы греки и римляне, то мы встрѣтимъ у нихъ ту же картину невоздержанія въ отношеніи къ вину, и еще вдобавокъ часто опоэтизированную. Разсказываютъ, что древніе греки долго ставили рядомъ статуи Бахуса съ Минервой—богиней мудрости, желая выразить этимъ, что вино изощряетъ разумъ, и только позднѣе, когда убѣдились въ опасности для послѣдняго (т.-е. разума) крѣпкихъ возліяній Бахусу, стали помѣщать между ними водяную богиню Нимфу, намекая этимъ, что для достиженія сказаннаго результата слѣдуетъ вино мѣшать съ водой. Происхожденіе культуры винограда и выдѣлки вина въ Греціи принадлежитъ къ миѳической эпохѣ и приписывается Діонисію, или Бахусу, сыну Юпитера и Семелы, который будто бы путешествовалъ въ Египтѣ,

[1]) Миллеръ, loco citato, стр. 81.

Сиріи, вездѣ распространяя мануфактуру вина, и послѣ своей смерти былъ произведенъ въ боги этого напитка. Праздники въ его честь, извѣстные подъ именемъ сатурналій, выродились въ древней Греціи и Римѣ въ дни сплошного и безобразнаго пьянства, сопровождаемаго всякими излишествами. Уже въ произведеніяхъ Гомера вино играетъ чрезвычайно важную роль, и въ Одиссеѣ, напр., пьянство, какъ видно изъ многихъ эпизодовъ, составляетъ постоянную тему, проходящую черезъ всю книгу. Послѣднія раскопки д-ра Шлимана на мѣстѣ старой Трои косвенно подтверждаютъ эти показанія слѣпого поэта, такъ какъ въ раскопкахъ найдено множество всевозможныхъ видовъ и родовъ сосудовъ для питья вина—изъ глины, золота, серебра, разной величины, формы, цвѣта. Во всей Греціи, повидимому, и то не долгое время, отличались воздержностью лакедемоняне, которые, согласно нѣкоторымъ писателямъ, выставляли пьяныхъ илотовъ или рабовъ на показъ своимъ юношамъ для внушенія имъ отвращенія къ пьянству. Но позднѣе Спарта, какъ и остальныя части древней Греціи, впала въ полнѣйшую распущенность и невоздержаніе: вино, наряду съ любовью, становится любимой темой для греческихъ поэтовъ, и греки, вмѣстѣ съ своей культурой, пересаживаютъ пьянство въ Римъ, гдѣ оно и находитъ себѣ весьма благодарную почву.

Первый писатель, который сообщилъ интересныя подробности относительно напитковъ и пьянства въ древнемъ Римѣ, былъ Плиній Старшій, въ его „Естественной Исторіи“. По его словамъ, вино было извѣстно жителямъ Рима съ самаго основанія города, причемъ разсказываютъ любопытный анекдотъ, что жена Эгнатія Меценія была убита своимъ мужемъ за то, что пила вино, и что убійца былъ прощенъ Ромуломъ, такъ какъ женщинамъ сначала въ Римѣ совершенно воспрещалось пить вино. Это запрещеніе оставалось въ силѣ въ гораздо позднѣйшій періодъ, и Катонъ по этому поводу наивно сообщаетъ, что древніе римляне цѣловали женщинъ своего семейства съ цѣлью удостовѣриться, не пили ли онѣ вина (temetum, какъ называли тогда римляне вино: „отсюда,—добавляетъ Плиній,—происходитъ наше слово temulentia, обозначающее пьянство“. Какъ исключеніе, женщинамъ позволялось употребленіе вина лишь какъ лекарства, и судья Домицій, по словамъ Плинія, однажды развелъ даже жену съ ея мужемъ за то, что она выпила больше, нежели ей это было нужно для ея здоровья, и притомъ безъ согласія супруга. Нѣтъ сомнѣнія, что у римлянъ вино первоначально было весьма дорого, привозилось частью изъ Греціи и употреблялось лишь въ религіозныхъ цере-

моніяхъ и какъ лекарство; но это касается лишь ранняго періода римской исторіи. Весьма скоро они научились винодѣлію, и питье вина быстро распространилось во всемъ народѣ и въ обоихъ полахъ. Тотъ же писатель Плиній насчитываетъ въ свои дни 91 сортъ винограда, разводимаго около Рима, и 160 различныхъ родовъ вина, изъ которыхъ 60 называетъ „благородными“. Значительное количество вина продолжаетъ привозиться съ острововъ греческаго архипелага, особенно Хеоса и Лесбоса, и погреба богатыхъ людей переполнены запасами вина. Гортензій, напр. (50 *л.* до Р. Х.), оставилъ своимъ наслѣдникамъ погребъ съ 10.000 бочекъ. Но кромѣ вина у римлянъ мы видимъ множество другихъ болѣе или менѣе хмельныхъ напитковъ изъ меда (hydromeli), плодовъ и растеній различнаго рода. Всѣ эти напитки, первоначально употреблявшіеся, частью, какъ лекарство, быстро распространяются въ народѣ, и пьянство становится національнымъ порокомъ римлянъ, осмѣиваемымъ въ сатирахъ и обличаемымъ философами и ораторами. Извѣстно, до какихъ геркулесовыхъ столбовъ дошла распущенность въ Римѣ въ императорскій періодъ и особенно наканунѣ вторженія варваровъ. Римскіе пиры того времени, изъ которыхъ „лукулловскіе“ сдѣлались синонимомъ пьянства и обжорства, далеко превосходятъ по своимъ излишествамъ все, повидимому, чѣмъ человѣчество когда-либо грѣшило въ смыслѣ невоздержанія. Петроній и другіе писатели оставили довольно подробное описаніе этихъ оргій, останавливаться на которыхъ—значило бы претить естественному нравственному чувству современнаго читателя. Достаточно напомнить лишь, что необузданное стремленіе человѣка къ ѣдѣ и питью на римскихъ пирахъ не ограничивалось даже крайнимъ пресыщеніемъ, какъ свидѣтельствуютъ тѣ же писатели: многіе изъ пирующихъ принимали горячія ванны и прибѣгали къ рвотному, чтобы вновь принять участіе въ пиршествѣ; мало того, Плиній сообщаетъ совсѣмъ маловѣроятный фактъ, повторяемый, впрочемъ, и другими, что такъ какъ виноградное вино считалось въ то время лучшимъ противоядіемъ, если принято въ большомъ количествѣ, ядовитому дѣйствію цикуты, то нѣкоторые пьяницы въ началѣ пиршества дѣлали пріемъ настоя этого ядовитаго растенія, чтобы потомъ вдвойнѣ, изъ страха смерти, отпиваться виномъ! [1]) Таково было состояніе римскаго общества въ послѣдніе его дни, съ гордыми и развратными патриціями, съ голодными и распущенными плебеями, незадолго передъ тѣмъ, какъ сѣверные варвары вторг-

[1]) Gamnelson, „History of Drink“, стр. 98.

нулись въ Италію и, сокрушая все на своемъ пути, подобно лавинѣ, докончили паденіе римской имперіи, и вмѣстѣ съ другими пороками пьянство, нѣтъ сомнѣнія, содѣйствовало такому концу.

Впрочемъ, германцы, покорившіе Римъ и, въ смыслѣ нравственности, далеко превосходившіе римлянъ, не могли, однако, похвастаться трезвостью. Тацитъ, какъ извѣстно, восхвалявшій многія добродѣтели предковъ современныхъ нѣмцевъ, тѣмъ не менѣе не скрываетъ ихъ слабости къ напиткамъ и утверждаетъ, что они не считали за стыдъ дни и ночи проводить въ бутежахъ, и часто римляне были обязаны своими побѣдами надъ германцами не столько успѣху своего оружія, сколько опьяненію своихъ противниковъ. Національнымъ напиткомъ нѣмцевъ всегда было пиво, но римскіе легіоны принесли съ собой виноградную лозу, и, вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства, винодѣліе быстро распространилось въ Германіи въ доступныхъ для того мѣстахъ, особенно по Рейну.

Какъ всѣ первобытные народы, германцы отличались гостепріимствомъ, и эта похвальная черта вела къ нескончаемымъ угощеніямъ, пиршествамъ, поддерживая общую страсть къ питью. Нужно думать, что излишества эти были слишкомъ велики, если уже въ срединѣ VIII вѣка начинаютъ появляться систематическія попытки законодательства въ Германіи обуздать пьянство. Самая наивность принимаемыхъ въ то время мѣръ по этому поводу указываетъ на размѣръ зла и безсиліе правительства съ нимъ бороться. Такъ, при Карлѣ Великомъ воспрещается тяжущимся и свидѣтелямъ являться на судъ пьяными, судьямъ приказывается засѣдать не иначе, какъ совершенно трезвыми, а священникамъ при совершеніи таинства покаянія отнюдь не предлагать вина кающимся (т.-е. не угощать ихъ). Всѣ подобныя предписанія оставались безсильны, вызывали рядъ новыхъ законодательныхъ мѣръ подобнаго же рода и съ такимъ же малымъ успѣхомъ. „Между всѣми пороками,—говорилъ одинъ проповѣдникъ въ Германіи въ IX вѣкѣ,—любовь къ пиршествамъ и пьянство царятъ у насъ надъ всѣми: имъ предается не только грубый и необразованный народъ, но одинаково благородные и могущественные люди. Невоздержность у лицъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ вошла въ обычай".

Пьянству сильно способствовала дешевизна и разнообразіе хмельныхъ напитковъ: кромѣ популярнаго пива и меда, въ большомъ ходу были многочисленные сорта винъ изъ винограда, яблокъ, грушъ и другихъ фруктовъ. Въ XIII вѣкѣ въ Европѣ

начинаетъ распространяться и водка, время и мѣсто изобрѣтенія которой приписывается различными писателями разнымъ эпохамъ и лицамъ. Во всякомъ случаѣ водка, какъ и всѣ спиртные напитки, долго была аптекарскимъ продуктомъ и лекарствомъ (откуда, за предполагаемое цѣлебное свойство, и ея названіе — aqua vitae) и только съ XIV вѣка начинаетъ мало-по-малу попадать въ торговый оборотъ и въ разныхъ странахъ распространяться съ различной быстротой. Въ Германіи она распространилась сравнительно поздно, въ значительныхъ размѣрахъ лишь въ XVI вѣкѣ, благодаря, главнымъ образомъ, упомянутой дешевизнѣ всѣхъ остальныхъ напитковъ, что̀ нашло даже себѣ выраженіе въ народной нѣмецкой поговоркѣ того времени:

Tausend fünfhundert dreissig und neun
Galten die Fässer mehr als der Wein [1]).

Какъ говоритъ Бэръ по этому поводу, ссылаясь на лѣтописцевъ, иногда виноградарямъ не хватало достаточно бочекъ, при ихъ сравнительной дороговизнѣ, и вино выливалось прямо на полъ; цѣна же его въ Германіи была такъ низка, что нужно было нѣсколько разъ зайти въ питейный домъ, чтобы расплатиться самой мелкой монетой, ходившей въ странѣ въ то время. Можетъ быть, этой же причинѣ слѣдуетъ приписать устройство въ Германіи, въ тѣ вѣка, бочекъ громадныхъ размѣровъ, подобныхъ знаменитой гейдельбергской бочкѣ, вмѣщавшей многія сотни обыкновенныхъ, и въ которой легко могъ утонуть человѣкъ.

Кромѣ правительственныхъ попытокъ, въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы упоминали, частныя лица устроивали „ордены воздержанія“ съ цѣлью возвращенія народа къ трезвости, но, увы! безъ всякихъ послѣдствій, и рядомъ съ ними существовали своеобразные „ордены невоздержанія“, „Sauforden“, съ формальнымъ кодексомъ правилъ, лучше всего характеризующихъ нравы средневѣкового германскаго общества. Этотъ курьезный сборникъ законовъ Бахуса, Jus Potandi, XVII вѣка, недавно переизданный, содержитъ въ себѣ полу-шутя, полу-серьезно изложенныя правила всѣхъ обычаевъ, принятыхъ при кутежахъ, и особенно между тогдашними спеціалистами этого дѣла, студентами. Наставленіе, какъ при этомъ нужно себя вести въ затруднительныхъ случаяхъ, и формы обращенія къ участвующимъ здѣсь подробно и до мелочей изложены: представители всѣхъ сословій, какъ видно изъ

[1]) Т.-е.: въ 1539 году бочки стоили дороже, нежели самое вино.

этого сборника, и даже дамы не чуждались подобныхъ собраній, посвященныхъ исключительно выпивкѣ, причемъ, впрочемъ, для чести молодыхъ дамъ имъ рекомендовалось пить болѣе платонически и давалось предостереженіе противъ „псевдо-пророковъ, волковъ въ овечьей шкурѣ", какъ называетъ этотъ курьезный кодексъ тогдашнихъ волокитъ, съ которыми онъ не совѣтуетъ дамамъ пить на Bruderschaft [1])...

Другой средневѣковой сборникъ того же рода стихотворнаго содержанія—Carmina Clericorum содержитъ въ себѣ застольную поэзію средневѣковыхъ студентовъ и на незатѣйливомъ латинскомъ языкѣ рисуетъ картину тогдашняго всеобщаго пьянства, исключеніе изъ котораго не представляетъ ни полъ, ни возрастъ, ни званіе, ни положеніе:

Bibit pauper et aegrotus,
Bibit exul et ignotus,
Bibit puer, bibit canus,
Bibit praesul et decanus,
Bibit soror, bibit frater,
Bibit anus, bibit mater,
Bibit iste, bibit ille,
Bibunt centum, bibunt mille [2]).

Однимъ словомъ, во всѣхъ классахъ средневѣковаго общества отъ высшихъ и до низшихъ кутежъ и пьянство сдѣлались обыкновеннымъ времяпрепровожденіемъ, и въ XV и XVI вв. эта всенародная страсть къ пьянству достигла высшаго своего пункта: князья подавали плохой примѣръ своимъ подданнымъ, а потому всѣ предписанія и наказы закона по этому предмету становились безсмысленны и безполезны. Католическое духовенство, черное и бѣлое, ничѣмъ въ этомъ случаѣ, по своей невоздержности, не отличалось отъ мірянъ. Лучшіе виноградники и пивные заводы, а равно наиболѣе посѣщаемые погребки и пивныя принадлежали въ то время монастырямъ [3]); сами разсадники просвѣщенія, германскіе университеты того времени, ревниво держались за привилегіи имѣть собственные погреба съ напитками, виномъ и пивомъ, безданно и безпошлинно, и профессора подавали студентамъ при-

[1]) Jus Potandi. Deutsches Zech-Recht. Commentbuch des Mittelalters. Nach dem Original von 1616 mit Einleitung neu herausgegeben von D-r Max. *Oberbreyer*.—Samuelson, l. c., стр. 106 и далѣе, и Baer, „Alcoholismus", стр. 217 и далѣе.

[2]) Carmina Clericorum. Studenten-Lieder des Mittelalters. Edidit Domus Quidam Vetus. 1877.

[3]) Baer, l. c., стр 221.

мѣръ невоздержанія [1]). Пьянство, какъ черта нѣмецкаго народнаго характера среднихъ вѣковъ вошла въ пословицу, какъ выразился объ этомъ и въ указѣ императоръ Карлъ IV, во всей Европѣ. Антоній Компаніусъ, папскій посолъ при дворѣ Фридриха III, доносилъ своему господину: „Nil hic est aliud vivere quam bibere“ („Здѣсь житье—лишь питье“). Понятно, эти продолжительныя, въ теченіе многихъ столѣтій, излишества не могли, конечно, не отразиться вредно на характерѣ нѣмцевъ и особенно въ XVI вѣкѣ; въ немъ заключается что-то,—говоритъ нѣмецкій же писатель,—необузданное, бурное и дикое (furor impetus teutonicus). Реформація, разумѣется, не могла измѣнить скоро народные вкусы и привычки. Мартинъ Лютеръ въ 1541 году, напримѣръ, пишетъ: „къ прискорбію, вся Германія зачумлена пьянствомъ; мы проповѣдуемъ и кричимъ противъ него, но это не помогаетъ... Каждая страна должна имѣть своего дьявола: нашъ нѣмецкій дьяволъ—добрая бочка вина, а имя ему—пьянство“ [2]). „Мы, нѣмцы, пропиваемъ наше имущество, наше здоровье и самое царство небесное“,—восклицаетъ съ горемъ другой реформаторъ—Меланхтонъ [3]).

XVI-е столѣтіе нѣмцы называютъ въ отношеніи своей родины по преимуществу „столѣтіемъ пьянства“ (Zechjahrhundert), и вся Германія, по потребленію напитковъ, довольно рѣзко была раздѣлена на двѣ половины: сѣверную, гдѣ потреблялось пиво, и южную—преимущественно виноградное вино. Но слѣдующій вѣкъ, вмѣстѣ съ тридцатилѣтней войной, принесъ въ этомъ отношеніи большія перемѣны: извѣстно, какъ опустошена была Германія въ эту продолжительную эпоху борьбы: многія мѣстности были обращены въ пустыни, а города разорены, но что̀ важнѣе для нашего вопроса—виноградная культура сильно упала. Въ одномъ Виртембергѣ, какъ сообщаютъ историки, было истреблено во время тридцатилѣтней войны болѣе 400 морговъ. Солдаты любили и предпочитали водку, и любовь къ ней разносили по всей странѣ. Быстро составилась привязанность къ новому напитку и новый опасный стимулъ для пьянства; но съ середины XVII вѣка, вмѣстѣ съ концомъ кровопролитной войны, картина начинаетъ

---

[1]) До сихъ поръ двѣ лучшія пивныя въ Мюнхенѣ носятъ названія, указывающія на ихъ старыхъ хозяевъ-монаховъ (Zur Dominicaner и Zur Franciscaner). Лучшій винный погребокъ въ Зальцбургѣ до настоящаго времени—монастырскій, и находится во владѣніи духовенства; наконецъ, многіе сорта нѣмецкихъ винъ прямо носятъ названіе бывшихъ или настоящихъ монастырей, гдѣ они выдѣлывались.

[2]) См. Jus Potandi, etc., стр. IX.

[3]) Baer, стр. 222.

понемногу измѣняться; мало-по-малу Германія возвращается къ старымъ напиткамъ—пиву и виноградному вину; развитіе благосостоянія, забота нѣмецкихъ правителей о народномъ образованіи въ XVIII столѣтіи, нѣсколько отрезвляютъ нѣмецкую націю, и пьянство постепенно, приближаясь къ нашимъ днямъ, уменьшается и идетъ на ущербъ.

Исторія другого великаго народа германскаго происхожденія —Англіи, въ отношеніи пристрастія къ хмельнымъ напиткамъ, мало чѣмъ отличается, въ средніе вѣка, отъ родственной Германіи, и описывать, въ этомъ отношеніи, исторію англійскаго народа—значило бы повторять уже сказанное нами о Германіи. Всѣ средніе вѣка въ Англіи представляютъ картину сплошного пьянства: „old merry England“ (старая веселая Англія), какъ любятъ англичане называть свою старину, уже достаточно указываетъ на національную слабость англичанъ. Но съ конца XVII вѣка исторія двухъ вышеупомянутыхъ странъ начинаетъ уже сильно различаться: если въ Германіи главнымъ вѣкомъ пьянства можно назвать XVI-ый вѣкъ, то въ Англіи—преимущественно XVIII-ый вѣкъ. Извѣстно, какой распущенностью нравовъ и невоздержностью отличался дворъ Стюартовъ, при которомъ, если вѣрить историкамъ, даже придворныя дамы были великими поклонницами Бахуса [1]). Короткое господство суровыхъ пуританъ составило нѣкоторый перерывъ въ этой исторіи невоздержанія; затѣмъ, при реставраціи и впослѣдствіи, при Оранской династіи, пьянство въ Англіи быстро ростетъ и крѣпнетъ во всѣхъ слояхъ общества, что обусловливается цѣлымъ рядомъ сложныхъ причинъ. Этому способствуютъ бѣдность и невѣжество массы тогдашняго англійскаго народа, обремененіе его множествомъ тяжелыхъ налоговъ при постоянныхъ войнахъ и частью, можетъ быть, неудачный выборъ самыхъ налоговъ. Такъ, при Вильгельмѣ Оранскомъ, ввозъ легкихъ французскихъ винъ былъ воспрещенъ, по политическимъ мотивамъ, и замѣненъ крѣпкими португальскими винами; домашнее пивовареніе давно было уничтожено, и налогъ на этотъ любимый напитокъ постоянно возросталъ, и т. д. „Я не знаю предмета необходимости жизни,—говорилъ одинъ англійскій писатель въ 1737 году,—на который бы мы не имѣли того или иного налога, исключая развѣ воды. Впрочемъ, мы не можемъ присоединить къ ней какого-либо ингредіента, чтобы сдѣлать ее пріятной и вкусной безъ того, чтобы заплатить налогъ. Мы платимъ за воздухъ, за дневной свѣтъ и солнечное тепло посредствомъ

[1]) Samuelson, стр. 149.

налоговъ на окна, а за ночной свѣтъ и тепло—посредствомъ налоговъ на уголь и свѣчи; мы платимъ налогъ на хлѣбъ, мясо, коренья и травы всякаго рода посредствомъ налога на соль; мы платимъ налогъ на полъ-пиво посредствомъ налога на солодъ, и тяжелую добавочную подать на пиво—путемъ акциза. Мы не можемъ ни одѣться, ни даже вымыться, не платя налоговъ на шерсть, ленъ, мыло и т. д.“ [1]).

Въ результатѣ, пьянство въ Англіи въ началѣ XVIII вѣка развивается въ ужасающихъ размѣрахъ и притомъ во всѣхъ классахъ общества. Беззаконіе и насиліе составляютъ господствующую черту этого времени; грубость нравовъ дѣлаетъ кулачные бои и драки любимой забавой англичанъ; разбои и грабежи составляли обыденное явленіе на лондонскихъ улицахъ XVIII вѣка, и тогдашнія газеты переполнены подобными извѣстіями, характеризующими нравы. Первый нумеръ нынѣ знаменитаго, а въ прошломъ вѣкѣ только-что появившагося „Таймса“ помѣщаетъ двѣ передовыя статьи противъ двухъ любимыхъ забавъ тогдашней англійской аристократіи, включая принца Уэльскаго:—наемныхъ дуэлей на призы, кончавшихся убійствомъ или изувѣченіемъ, и кулачныхъ боевъ [2]). Другая газета, „London Magazine“, въ слѣдующихъ краскахъ описываетъ крайнее пьянство того времени: „На дверяхъ кабаковъ были нарисованы вывѣски, приглашавшія выпить на самую малую сумму — одинъ пенни, съ увѣреніемъ, что за двѣ пенни посѣтители будутъ мертвецки пьяны и получатъ солому, на которой могутъ выспаться“. Согласно этому, кабатчикъ имѣлъ подвалъ и коморки, куда провожалъ своихъ опьянѣвшихъ гостей. Нравы тогдашняго высшаго общества по привязанности къ спиртнымъ напиткамъ ничѣмъ не отличались отъ простонародныхъ посѣтителей кабаковъ: разсказываютъ про знаменитаго министра Роберта Вальполя, напр., что, когда онъ еще былъ юношей, то его отецъ, „изъ уваженія къ приличію“, какъ выражались, наливалъ за обѣдомъ стаканъ своего сына два раза за свой разъ, чтобы Робертъ сдѣлался скорѣе пьянъ и этимъ избѣжалъ возможности видѣть своего отца въ томъ же безобразномъ положеніи!.. [3]).

Съ цѣлью противодѣйствія этому, обуявшему все общество, злу, англійское правительство дѣлало нѣсколько слабыхъ попытокъ и одну даже весьма серьезную, но, тѣмъ не менѣе, безу-

[1]) Torbuck's Debates, v. XV; взято у Синклера, т. II, стр. 72.

[2]) The Times or Daily Universal Register. January the 1-st 1788. См. The Centennuary of „The Times“, The Times Weekly Edition. № 575. January 6, 1888.

[3]) См. Financial Reform Tracts. 1851, № 34, стр. 16.

спѣшную. Въ 1736 году именно въ парламентъ поступила петиція отъ мировыхъ судей миддльсэкскаго графства противъ чрезмѣрнаго потребленія спиртуозныхъ напитковъ. Петиція выставляла на видъ, что питье водки въ послѣдніе годы значительно распространилось, что постоянное чрезмѣрное потребленіе ея погубило тысячи людей и сдѣлало ихъ неспособными къ работѣ и службѣ, развративъ въ то же время ихъ нравственность и втянувъ въ разные пороки и нечестіе... Податели петиціи опасаются, что общественное благосостояніе, безопасность, наконецъ торговля, потерпятъ большой ущербъ отъ такого злоупотребленія спиртными напитками. На этихъ основаніяхъ, видя весь вредъ для здоровья, силъ, спокойствія и нравовъ народа, судьи просили палату общинъ обратить серьезное вниманіе на зло и принять строгія мѣры противъ него. Въ результатѣ явился знаменитый Gin-Act лорда Джэилля: имъ постановлено было 20 милліоновъ акциза на галлонъ и 50 ф. ст. лиценціи на продажу напитковъ. Этотъ законъ по высотѣ, до которой онъ довелъ цѣну водки, считается прямо запретительнымъ, и бутылка водки обходилась до 7 шиллинговъ. Парламентъ прямо шелъ на крупное уменьшеніе государственнаго дохода, и сторонники новаго закона хотѣли не только уменьшить, но искоренить порокъ пьянства, и обставили его нарушеніе штрафомъ и даже тѣлеснымъ наказаніемъ, щедро награждая въ то же время доносчиковъ. Тѣмъ не менѣе, англійское правительство оказалось слабо, чтобы побѣдить народную страсть, и результаты получились противоположные ожидаемымъ. Болѣе порядочные торговцы отступили отъ занятія, которое правительство видимо желало уничтожить; ихъ замѣнили, наоборотъ, лица, которымъ нечего было терять, и они повели торговлю безъ всякихъ налоговъ тайнымъ образомъ. Вся страна наполнилась корчемствомъ, никакія усилія правительства и полиціи не могли остановить обмана въ его всевозможныхъ видахъ: аптекаря, напр., которымъ нельзя было не дозволить держать спиртъ для медицинскихъ цѣлей, оставили приготовленіе лекарствъ и занялись болѣе выгоднымъ приготовленіемъ водокъ. Подъ видомъ различныхъ цѣлительныхъ пособій и средствъ водка свободно продавалась желающимъ въ любомъ количествѣ. Чернь въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, принимала сторону харчевниковъ и незаконныхъ торговцевъ. Чиновники акциза были открыто осаждаемы на улицахъ Лондона и другихъ городовъ; за доносчиками охотились какъ за дикими звѣрями; пьянство, безпорядочность, преступленія увеличивались съ страшной силой. Около семи лѣтъ Gin-Act находился въ дѣйствіи; тысячи лицъ

были посажены въ тюрьму и сосланы въ ссылку за его нарушеніе; пьянство, однако, какъ было сказано, нисколько не ослабло, а потребленіе вина даже увеличилось. Наконецъ, неуспѣшность всѣхъ мѣръ и голосъ общественнаго мнѣнія вынудили правительство отмѣнить ненавистный законъ и перейти къ умѣренному обложенію.

Такова была первая и послѣдняя серьезная попытка со стороны англійскаго правительства къ уменьшенію въ странѣ пьянства. Всѣ мѣры, которыя въ этомъ направленіи впослѣдствіи принимались, далеко не отличались такимъ рѣшительнымъ характеромъ, какъ Gin-Act 1736 года, но, большею частью, сопровождались одинаковыми неудачами. Народное пьянство въ Великобританіи держалось примѣрно въ тѣхъ же размѣрахъ до второй половины текущаго столѣтія, и если, можетъ быть, уменьшилось въ послѣднее время, то благодаря не прямымъ правительственнымъ мѣропріятіямъ, а совокупности финансовыхъ и экономическихъ реформъ, улучшенію народнаго образованія и нравственности, вліянію въ смыслѣ воздержанія обществъ трезвости.

Мы ограничимся сказаннымъ по исторіи пьянства у иностранныхъ народовъ, взявши для примѣра лишь тѣ государства, которыя издавна славились своею невоздержностью, и прямо перейдемъ къ Россіи.

„Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти“ — такъ, по словамъ древняго русскаго лѣтописца, Владиміръ отвѣчалъ мусульманскимъ посламъ, указывая тѣмъ откровенно на слабость русскаго народа. „Русскіе, — говоритъ нашъ историкъ, — придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностью перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина: радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: бывали случаи, что знатный человѣкъ, ради забавы, поилъ простого, и тотъ, не смѣя отказываться, пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до безсознательности съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, ѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью [1])“. До XVI в. русскіе, какъ и германцы, пили преимущественно пиво, медъ и,

[1]) См. *Костомаровъ Н. И.*: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіи“. 1860. Взято у *Олеарія*: см. подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ пер. Барсова. 1870, стр. 180 и д.

частью, привозное вино. Но въ XVI вѣкѣ у насъ быстро распространяется проникшая съ Запада водка: старая корчма замѣняется „царевымъ кабакомъ“, принадлежащимъ казнѣ, и пьянство, повидимому, еще болѣе усиливается. Уже Иванъ III производство питей старался монополизировать, а Борису приписываютъ устройство казенныхъ кабаковъ. О нашей „народной слабости“ иностранцы упоминаютъ еще въ началѣ XV вѣка, а также и о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ правительство было вынуждено по этому поводу прибѣгать [1]). До того времени, впрочемъ, когда, со введеніемъ кабаковъ, пьянство сдѣлалось важной статьей государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впослѣдствіи. Простой народъ пилъ прежде рѣдко: ему дозволялось варить пиво, медъ и брагу и погулять только въ праздники; но когда водка стала вытѣснять прежніе напитки и свободу ихъ приготовленія начали ограничивать, а вино продавать отъ казны, пьянство стало всеобщимъ качествомъ; его распространенію въ народѣ сильно способствовали кабачные головы и цѣловальники, которые прибѣгали къ всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобы избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобы воротить уплаченное въ казну, если брали вино на отпускъ [2]). Всѣ иностранцы въ XVII вѣкѣ описываютъ невоздержность русскаго народа въ одинаково печальныхъ краскахъ. Вотъ, напр., что писалъ извѣстный сербъ Юрій Крижаничъ изъ Сибири (1660—1668): „объ пьянствѣ нашемъ что треба говорить! да ты бы весь широкій свѣтъ обошелъ, нигдѣ бы не нашелъ такого мерзскаго, груснаго и страшнаго пьянства яко здѣсь на Руси“.

Извѣстный нѣмецкій путешественникъ, Адамъ Олеарій, посѣтившій Москву въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, описывая распущенность нравовъ, господствовавшую тогда въ нашей столицѣ, къ этому добавляетъ, что „въ особенности русскихъ побуждаетъ къ тому пьянство, *которому они преданы болѣе всякаго другого народа въ мірѣ*“. Порокъ пьянства, объясняетъ онъ далѣе, распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ состояніяхъ, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Попадетъ извозчикъ на

---

[1]) См. *Прыжовъ*: „Исторія кабаковъ въ Россіи“. 1868 г., стр. 37.

[2]) *Костомаровъ*, l. c., стр. 136, 137.

такого пьянаго, валяющагося на улицѣ и ему знакомаго,—взвалитъ его на телѣгу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить или опохмелиться чѣмъ бы то ни было, но большею частію простою водкою [1]). Такимъ удобнымъ случаемъ выпить, между прочимъ, было хожденіе въ гости, столь развитое до-нынѣ, при нашей праздности и гостепріимствѣ. Вотъ какъ описываетъ, напр., Костомаровъ русскій старый пиръ былого времени: „Отличительная черта русскаго пиршества была — чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру — „гостьба толсто-трапезна“! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобы ихъ отвезти безъ памяти во-свояси, а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. „Онъ не пьетъ, не ѣстъ— говорили о такихъ—онъ не хочетъ насъ одолжать!“ Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлаютъ куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ то же время пировавшія съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьѣ гостьи.—Благодарю за угощеніе,—отвѣчала въ такомъ случаѣ гостья:—мнѣ вчера было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой добрела!“ Но, съ другой стороны, считалось постыднымъ скоро сдѣлаться пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину, притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобы ихъ болѣе не принуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями“ [2])...

Послѣ этого описанія понятны становятся въ старинной „Повѣсти о Горѣ-Злосчастіи“ тѣ предостереженія, которыя даются неопытному сыну благоразумными родителями:

„Милое ты наше чадо,
Послушай ученія родительскаго.
. . . . . .

[1]) Подробное описаніе путешествія голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Составленное секретаремъ посольства Ад. Олеаріемъ. Пер. Н. П. Барсова. Москва 1870, стр. 180.

[2]) *Костомаровъ*: „Очеркъ домашней жизни и нравовъ“, и пр., стр. 132, 133.

Не ходи, чадо, въ пиръ братчины;
Не садися ты на мѣсто большее,
Не пей, чадо, двухъ чаръ за едину“ [1])...

Это широкое разливанное море народнаго пьянства въ Россіи XVII в. встрѣчало иногда на своемъ пути стремленіе правительства и высшихъ чиновъ церкви—положить ему предѣлъ, но всѣ попытки въ этомъ отношеніи были крайне робки, непослѣдовательны и невыдержаны. Одна изъ важныхъ причинъ ихъ неуспѣшности заключается, между прочимъ, въ той выдающейся роли, которую сыздавна доходы отъ питей играли въ системѣ русскихъ финансовъ. Такъ, еще въ 1620 г. царь Михаилъ Ѳедоровичъ и патріархъ, собравши московскихъ гостей для переговоровъ о торговлѣ съ Джономъ Меркомъ, объявили откровенно, что нѣтъ другихъ доходовъ, какъ отъ таможни и кабака: „вѣдомо вамъ всѣмъ, что по грѣхамъ въ московскомъ государствѣ отъ войны во всемъ скудость и государской казны нѣтъ нисколько; кромѣ таможенныхъ пошлинъ и кабацкихъ денегъ государевымъ деньгамъ сбору нѣтъ“ [2]). Въ слѣдующее царствованіе Алексѣя Михайловича кабаки были переименованы въ „кружечные дворы“, рѣшено было прекратить отдачу продажи питей на откупъ и ограничить число питейныхъ заведеній. Мало того, на бывшемъ въ 1652 году *соборѣ о кабакахъ*, по совѣту патріарха Никона, правительство постановило ограничить и самый размѣръ продаваемой водки: „продавать *по одной чаркѣ человѣку*, а больше той указной чарки одному человѣку не продавать, и на кружечныхъ дворахъ и близко двора питухамъ сидѣть и питье давать (имъ) не велѣно“... Но прошло немного лѣтъ, и, вѣроятно, подъ вліяніемъ упадка дохода, опять пришлось вернуться къ старому: уже въ 1659 году, въ царской грамотѣ на Двину, снова предписывалось головамъ и цѣловальникамъ стараться, чтобы „великаго государя казнѣ учинить прибыль и *питуховъ съ кружечнаго двора не отгонять*“ [3])... Такимъ образомъ, всѣ подобныя правительственныя попытки очень скоро кончались ничѣмъ и нисколько не уменьшали общаго пьянства. Народъ все болѣе и болѣе отвыкалъ отъ домашняго пива (браги) и меда и пристращивался къ водкѣ; объ этомъ можно, между прочимъ, судить косвенно и по строгости наказаній, налагаемыхъ законами XVII в. за тайное винокуреніе („сѣчь руки и ссылать въ Сибирь“).

---

[1]) „Памятники старинной русской литературы“, изд. Кушелева-Безбородки подъ ред. Костомарова. „Горе-Злосчастіе“, найденное А. Н. Пыпинымъ.

[2]) *Прыжовъ*, „Исторія кабаковъ въ Россіи“, стр. 127.

[3]) *Прыжовъ*, l. c., стр. 127, 132 и др.

XVIII-ый вѣкъ не принесъ ничего новаго для отрезвленія русскаго народа: извѣстно всѣмъ, какія грандіозныя попойки происходили еще при самомъ дворѣ Петра I; если во второй половинѣ столѣтія французское вліяніе нѣсколько сгладило въ этомъ отношеніи нравы высшаго общества, то масса народа пила по прежнему, радость и горе тонила въ зеленомъ винѣ.

Внѣшнія формы отношенія государства къ питейному вопросу мѣнялись нѣсколько разъ: продажа питей—то монополизировалась правительствомъ, то отдавалась на откупъ; то обѣ формы соединялись вмѣстѣ, причемъ мотивомъ часто выставлялось желаніе уменьшить порокъ, но сущность дѣла—финансовая важность питейнаго дохода для казны—оставалась при всѣхъ различныхъ формахъ та же самая, если только не больше [1]), и результаты получались старые, т.-е. русскій народъ пилъ по прежнему, что̀ единогласно подтверждается всѣми свидѣтельствами, какъ русскими, такъ и иностранными [2]). Тѣ же переходы отъ казеннаго завѣдыванія питьями къ частнымъ откупамъ продолжаются, какъ извѣстно, до 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, а вмѣстѣ продолжаются злоупотребленія, вызывавшія необходимость этихъ перемѣнъ и само пьянство; весьма трудно и едва ли даже когда-либо будетъ возможно рѣшить вопросъ, при какой изъ этихъ системъ взиманія у насъ питейнаго дохода злоупотребленія были чаще, а народное пьянство горше [3])...

Этимъ мы окончимъ нашъ примѣрный очеркъ печальной исторіи человѣческаго невоздержанія въ нѣсколькихъ государствахъ. Для этой цѣли мы ограничились немногими, но наиболѣе характерными и извѣстными по своему пьянству народами—это китайцы, древніе арійцы; греки, римляне, англичане и наконецъ русскіе. Мы описали ихъ былое по отношенію къ пристрастію къ хмельнымъ напиткамъ и вездѣ одинаково видѣли его сильное развитіе у этихъ націй и прямой вредъ для общественныхъ и даже государственныхъ интересовъ. Посмотримъ въ такомъ же бѣгломъ и

---

[1]) По словамъ Щербатова, винные сборы въ Москвѣ и Петербургѣ, будто бы, съ 700.000 руб., при Елизаветѣ, возросли въ царствованіе Екатерины II уже до 10 милліоновъ (Прыжовъ, стр. 266).

[2]) См., напр., описаніе у Гмелина нескончаемаго и безобразнаго пьянства въ Сибири, въ статьѣ *А. Н. Пыпина*: „Сибирь“, „Вѣстн. Европы“, 1888, апрѣль, стр. 722, 723. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ картина пьянства въ Сибири не измѣнилась къ лучшему; см. „О пьянствѣ въ Россіи“, *М. П. Заблоцкаго-Десятовскаго* (о числѣ опившихся и проч.).

[3]) См. *Прыжова*, стр. 258, 265 и пр. Особенно характеренъ описанный здѣсь случай борьбы епископа св. Тихона Задонскаго съ пьянствомъ въ Воронежѣ и послѣдствія, для него, столкновенія съ интересами откупщиковъ.

краткомъ обзорѣ, что̀ тѣ же народы представляютъ въ отношеніи невоздержанія въ настоящее время? Пользуясь отчасти тѣми же самыми источниками, познакомимся съ современной репутаціей въ этомъ смыслѣ поименованныхъ народовъ. При этомъ, чтобы не отвлекаться отъ предмета изслѣдованія, мы не будемъ почти касаться причинъ могущихъ произойти за продолжительное время перемѣнъ, а лишь констатируемъ, на основаніи компетентныхъ свидѣтельствъ, самый фактъ трезвости или нетрезвости.

„Китай, — говоритъ Бэръ,—есть страна умѣренности, и въ Небесной Имперіи порокъ пьянства въ высшей степени преслѣдуется: даже за границей рѣдко можно встрѣтить пьянаго китайца [1])". „Многіе, не колеблясь, утверждаютъ, что пьянство есть грѣхъ неизвѣстный въ Китаѣ, въ настоящее время",—говоритъ Самуэльсонъ [2]). Правда, оба классическіе изслѣдователя по нашему вопросу оговариваются, указывая на распространеніе въ Китаѣ еще болѣе, нежели алкоголь, страшнаго яда—опіума, но онъ распространенъ преимущественно въ городскомъ населеніи, въ приморскихъ пунктахъ, и въ цѣломъ вообще нельзя не признать китайцевъ народомъ очень умѣреннымъ и воздержнымъ.

Индійцы, или древне-арійцы, представляютъ не менѣе огромную перемѣну въ этомъ отношеніи. „Всѣ писатели,—говоритъ Самуэльсонъ,—согласны въ отношеніи народовъ Индіи, что они являются сравнительно умѣренной расой, и это мнѣніе преобладаетъ между всѣми европейцами, которые долго жили въ Индіи. Правда, пьянство еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ округахъ, но только между низшими или такъ-называемыми полукастами, средніе же и высшіе классы, какъ и населеніе въ цѣломъ, замѣчательно воздержны [3]). По всѣмъ свидѣтельствамъ дурной примѣръ въ Индіи подается лишь завоевателями-англичанами, частью изъ ихъ стремленія получать государственный доходъ отъ торговли хмельными напитками, а частью ихъ личною невоздержностью.

У обоихъ народовъ, у китайцевъ и индійцевъ, какъ на одну изъ важнѣйшихъ причинъ такого поразительнаго перехода отъ описаннаго пьянства къ трезвости, указываютъ обыкновенно на вліяніе двухъ религій—буддизма и ислама. Воспрещеніе пьянства и борьба противъ него составляютъ характеристическую черту обѣихъ религій, хотя этимъ однимъ далеко нельзя всецѣло объяснить описанную перемѣну нравовъ,—причину которой пришлось

---

[1]) Baer, l. c., стр. 148.

[2]) Samuelson, l. c., стр. 29 и 30.

[3]) Тамъ же, стр. 46 и 47.

бы искать во всей бытовой культурной исторіи азіатскихъ народовъ. Такъ, парсы, современные потомки древнихъ персовъ, какъ и брамины, остались вѣрны религіи своихъ предковъ, и тѣмъ не менѣе славятся на всемъ Востокѣ своею умѣренностью.

Современные греки, насколько ихъ можно считать потомками древнихъ—народъ въ высшей степени трезвый: „Въ Греціи неумѣренность,—приводитъ Бэръ свидѣтельство,—встрѣчается рѣже, нежели въ какой-либо иной странѣ свѣта, за исключеніемъ развѣ Турціи и другихъ мусульманскихъ государствъ". Delirium tremens, напр., въ высшей степени рѣдкая болѣзнь въ Греціи [1]).

Всѣ прямые или побочные потомки древнихъ римлянъ—народы такъ-называемой латинской расы: итальянцы, испанцы, португальцы, французы, славятся своею трезвостью и счастливо выдаются въ этомъ отношеніи передъ всѣми народами, почему и не попали въ наше описаніе средневѣкового пьянства. „Пьянство,—говоритъ Бэръ объ Италіи,—есть тамъ въ высшей степени рѣдкое явленіе и такъ мало имѣетъ соціальнаго значенія, что органы законодательства и общественнаго порядка не имѣютъ надобности о немъ безпокоиться". Въ обѣихъ странахъ—Испаніи и Португаліи—„низшіе классы, по его же словамъ, отличаются невѣроятною умѣренностью, и порокъ пьянства со всѣми его дурными послѣдствіями, особенно въ Испаніи, почти неизвѣстенъ: только иностранцевъ можно встрѣтить пьяными [2])". „Франція,—говоритъ далѣе этотъ нѣмецкій классическій изслѣдователь пьянства,—всегда считалась за необыкновенно умѣренную страну [3])". Лишь послѣдніе годы, съ упадкомъвиноградѣлія, вслѣдствіе филоксеры и др., причинъ, и съ распространеніемъ поэтому, особенно въ сѣверныхъ департаментахъ страны, невоздержность усилилась и начала привлекать вниманіе законодательства и общественнаго мнѣнія.

Англійскій писатель, несмотря на огромное количество напитковъ, поглощаемыхъ нѣмцами, причисляетъ Германію къ умѣреннѣйшимъ странамъ въ Европѣ, и если нѣкогда, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, нѣмецкое пьянство было поговоркой у всѣхъ европейцевъ, и порокъ этотъ чуть-ли не грозилъ имъ судьбою древняго Рима, то нынѣ, по его словамъ, замѣчается поразительно рѣзкая перемѣна къ лучшему. Онъ ее приписываетъ множеству разнородныхъ причинъ—распространенію образованія

---

[1]) Baer, l. c., стр. 158.

[2]) Baer, стр. 156.

[3]) То же, стр. 158.

въ массѣ народа, любви къ музыкѣ и другимъ искусствамъ, усиленному потребленію слабаго пива на счетъ спиртныхъ напитковъ, сдѣлавшихся популярными въ эпоху тридцати-лѣтней войны, распространенію кофе, чая и другихъ невинныхъ подстановокъ за хмельное питье, и многимъ инымъ причинамъ. „Еслибы, — говоритъ въ заключеніе тотъ же англичанинъ,—германскій народъ былъ такъ же успѣшенъ въ своей борьбѣ за политическую свободу, какъ и въ освобожденіи себя отъ застарѣлаго порока ихъ предковъ, то можно было бы не колеблясь предсказать великую и счастливую судьбу ихъ „фатерланду“ [1])“.

Гораздо менѣе замѣтный прогрессъ въ смыслѣ воздержанія обнаруживается въ Англіи, хотя и здѣсь, по словамъ того же безпристрастнаго англійскаго наблюдателя, если взять для сравненія большой періодъ времени, то уменьшеніе пьянства въ этой странѣ, въ связи съ несомнѣннымъ повышеніемъ нравственныхъ требованій въ этомъ отношеніи, не подлежитъ спору. Прежде всего,—какъ говоритъ нашъ авторъ, — „no english gentleman now gets drunk“,—т.-е. ни одинъ, въ англійскомъ смыслѣ, порядочный человѣкъ, принадлежащій къ среднему или высшему классу, не позволитъ себѣ напиться—идея, которая совсѣмъ не могла имѣть хода, какъ мы видѣли выше, даже въ придворныхъ кругахъ, не дальше какъ въ XVIII вѣкѣ. Вообще, увеличеніе привычекъ воздержанія въ этихъ классахъ англійскаго общества весьма замѣтно всякому наблюдателю: многія тысячи англичанъ средняго и высшаго классовъ, и даже въ томъ числѣ принадлежащіе къ военнымъ и морякамъ, которые всегда славились пьянствомъ, и къ университетской молодежи, состоятъ членами обществъ воздержанія, т.-е. не пьютъ никакихъ хмельныхъ напитковъ. Но и въ рабочемъ классѣ Самуэльсонъ замѣчаетъ значительное измѣненіе къ лучшему. Пользуясь преимущественно городской статистикой для нѣкоторыхъ промышленныхъ центровъ, онъ старается подтвердить свое положеніе замѣтнымъ уменьшеніемъ арестованныхъ за пьянство. Противъ этого положенія возражаютъ обыкновенно ссылкой на увеличеніе потребленія хмельныхъ напитковъ, но этотъ аргументъ, во-первыхъ, устраняется извѣстнымъ соображеніемъ, что потребленіе напитковъ отнюдь не совпадаетъ непремѣнно съ невоздержностью, и очень часто практика жизни и исторія доказываютъ противное; во-вторыхъ, потребленіе это увеличивается въ массѣ народа вмѣстѣ съ общимъ поднятіемъ его благосостоянія и ростомъ потребленія другихъ, болѣе невинныхъ

[1]) Samuelson, l. c., стр. 115, 116, 117.

напитковъ, какъ кофе, чай и пр. Какъ бы то ни было, пьянство въ англійскомъ народѣ, и въ томъ числѣ—что особенно прискорбно—между женщинами, еще довольно сильно, вызываетъ значительныя жалобы и потребность въ борьбѣ.

Еще менѣе замѣтна перемѣна къ лучшему въ послѣдней изъ исчисленныхъ странъ—въ нашемъ отечествѣ. Правда, нравы нашего средняго и высшаго класса должны были нѣсколько улучшиться за текущее столѣтіе, и мы, т.-е. лица этихъ двухъ классовъ, не пьемъ такъ безобразно и не относимся въ такой степени снисходительно къ пьянству, какъ это было, напр., еще въ XVIII вѣкѣ; въ большинствѣ случаевъ мы уже не задаемъ такихъ пировъ, которые были такъ обычны нашимъ предкамъ и описаны нами выше; въ нашемъ обществѣ, вѣроятно, рѣже хвастаются количествомъ выпитаго, чѣмъ прежде, и въ Москвѣ меньше валяется пьяныхъ, нежели во времена посѣщенія нашей столицы Олеаріемъ. Нѣкоторый прогрессъ въ этихъ двухъ классахъ общества, что бы ни говорили, несомнѣненъ, но имъ, кажется, все дѣло и ограничивается. Что касается до огромной массы русскаго народа, то пьянство, повидимому, въ немъ нисколько не слабѣетъ: жалобы на него, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, отъ лицъ разныхъ сословій, раздаются со всѣхъ концовъ Россіи. Правительство неоднократно озабочивалось широкимъ развитіемъ этого зла и, какъ извѣстно, даже обращалось недавно по этому поводу за совѣтомъ къ губернскимъ областнымъ коммиссіямъ по питейному дѣлу. Въ то же время голоса представителей прессъ и науки (съѣзды врачей и спеціальные журналы) никогда не слышались такъ часто, какъ нынѣ, съ указаніями на распространеніе гибельныхъ послѣдствій пагубной привычки и настояніями о необходимости принятія неотложныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, обратно съ другими, нѣкогда отличавшимися пьянствомъ, странами Россія никакъ не можетъ похвалиться успѣхомъ въ смыслѣ воздержанія, и вопросъ можетъ заключаться лишь въ томъ, увеличилось ли пьянство, или осталось то же; но мы сами стали болѣе заботливы и чувствительны къ нашей народной слабости, лучше сознавая всѣ ея невыгоды.

Первый общій выводъ, который получается изъ сдѣланнаго нами очерка, состоитъ въ томъ, что, при допущеніи даже инстинктивной наклонности человѣка къ возбуждающимъ напиткамъ, *пьянство не представляетъ, однако, чего-либо неизмѣннаго и постояннаго*: измѣняется культура народа, образованіе, религія и другіе мало изслѣдованные факторы—въ то же время происходитъ перемѣна и въ наклонности человѣка къ вину, и у пьяныхъ

предковъ могутъ получиться трезвые потомки, какъ мы видѣли на большинствѣ приведенныхъ примѣровъ. Пьянство, слѣдовательно, не представляетъ какого-либо слѣпого, непреложнаго закона природы, и *борьба съ нимъ возможна.*

Во-вторыхъ, *пьянство* можетъ развиться и существовать у *народа всякой расы и всякаго климата*, какъ мы это и видѣли на приведенныхъ примѣрахъ. Индіецъ, живущій въ жаркомъ климатѣ, и русскій—въ холодномъ, нѣмецъ—въ умѣренномъ климатѣ, и китаецъ (туранской расы)—въ тепломъ, одинаково считали своимъ національнымъ порокомъ пьянство и желали отъ него избавиться, хотя и съ разными, можетъ быть, результатами. Но если прямого дѣйствія на пьянство климатъ не имѣетъ, то можетъ оказывать вліяніе, какъ мы убѣдимся дальше, на выборъ напитковъ, и тѣмъ, *косвенно*, на силу самого пьянства и трудность борьбы съ нимъ.

Въ-третьихъ, изъ сдѣланнаго очерка намъ выясняется, что *степень культуры* или цивилизаціи различныхъ странъ, для размѣровъ пьянства, *имѣетъ лишь условное значеніе*, которое перевѣшивается часто многими другими вліяніями. Доказательство—цивилизованный, но невоздержный англичанинъ—завоеватель, и его подданный—невѣжественный, но трезвый индіецъ. То же самое можно сказать, напр., о голландцѣ въ сравненіи съ туркомъ, и о русскомъ въ сравненіи съ киргизомъ. Несомнѣнно, однако, что поднятіе общей культуры и распространеніе образованія въ массахъ народа непремѣнно, *для одной и той же страны*, отражается благопріятно въ сокращеніи наклонности къ хмельнымъ напиткамъ. Начало этому перевороту обыкновенно кладется въ высшихъ, болѣе образованныхъ классахъ: въ нихъ раньше всего начинается нравственное перерожденіе, которое постепенно уже распространяется на весь народъ. Воззрѣнія становятся строже: самая мѣрка общественнаго отношенія къ пороку ростетъ и повышается, уже болѣе нѣтъ слѣдовъ старой снисходительности; даже опредѣленіе пьянства измѣняется: предокъ современнаго нѣмца навѣрное не считался пьяницей, если при каждой веселой пирушкѣ, въ кругу товарищей, „падалъ подъ столъ“, какъ поется про старину въ одной нѣмецкой студенческой пѣснѣ; между тѣмъ нѣмецъ-сподвижникъ Бисмарка и Мольтке можетъ счесть для себя унизительнымъ такое положеніе, и, чтобы прослыть пьяницей нынѣ, въ его глазахъ, даже достаточно такого потребленія хмельныхъ напитковъ, которымъ нарушается нормальный ходъ дѣятельности человѣка, хотя бы это не сопровождалось никакимъ рѣзкимъ проявленіемъ.

По тѣмъ же соображеніямъ нѣтъ основанія думать, чтобы пьянство у насъ въ Россіи непремѣнно усилилось. Напротивъ, оно во всякомъ случаѣ не превышаетъ размѣровъ неумѣренности нашихъ предковъ XVIII и XVII вѣка. Не увеличилось оно и за послѣднюю четверть вѣка со времени отмѣны крѣпостного права. Но мы сами, средній классъ, сдѣлались, нѣтъ сомнѣнія, нѣсколько воздержнѣе, а потому и строже къ другимъ: пьянство въ народѣ и безобразія, совершающіяся въ питейныхъ заведеніяхъ и на улицѣ, уже чувствительнѣе и рѣзче поражаютъ насъ. Одинъ изъ нашихъ наиболѣе опытныхъ и свѣдущихъ по этому вопросу публицистовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что прежде пьянство было и считалось какъ бы принадлежностью, единственнымъ правомъ крѣпостного человѣка, лишеннаго даже возможности располагать собою, своимъ семействомъ и своими достатками. „Пусть-де,—говорили помѣщики,—Ванька или Ѳедька напьется, завтра я заставлю его вдвое отработать". И Ванька, и Ѳедька пили и упивались—и хоть на нѣсколько часовъ забывали свою горькую участь. Совсѣмъ не то теперь: мы стали несравненно требовательнѣе къ людямъ, провозглашеннымъ намъ равными; мы огорчаемся и оскорбляемся ихъ неумѣніемъ и какъ бы неспособностью вести себя и свои дѣла; мы забываемъ прошедшее и съ негодованіемъ относимся къ настоящему; и потому пьянство насъ сильнѣе поражаетъ и кажется намъ все болѣе и болѣе усиливающимся [1]).

Но, съ другой стороны, съ нѣкоторыхъ поръ въ нашей печати замѣчается иное, весьма опасное стремленіе—закрывать глаза на народные недостатки; частью, это можетъ происходить изъ похвальнаго, но ложно толкуемаго чувства патріотизма, частью—является какъ противовѣсъ тѣмъ неразборчивымъ публицистамъ, которые чуть не всѣ неурядицы нашей общественной жизни стараются приписать исключительно пьянству и необузданности народа: во всякомъ случаѣ у насъ нерѣдко высказывается сомнѣніе какъ въ размѣрахъ, такъ и въ значеніи, которое приписывается этому злу. Обыкновенно разсуждаютъ такимъ образомъ. Потребленіе спиртныхъ напитковъ въ Россіи не превосходитъ ихъ средняго уровня въ Европѣ, т.-е. меньше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, напримѣръ хотя бы въ Германіи и Англіи, особенно принимая во вниманіе малое потребленіе у насъ другихъ напит-

[1]) *А. Кошелевъ*: „О мѣрахъ къ сокращенію пьянства". Москва, 1881 (изъ газеты „Земство").

ковъ, кромѣ водки [1]). А отсюда дѣлается логически неправильный скачокъ: слѣдовательно, выводятъ, пьянство у насъ не Богъ знаетъ какъ велико, важность и необходимость борьбы противъ него преувеличены, и слѣдовательно нѣтъ надобности, особенно въ виду другихъ назрѣвшихъ вопросовъ, особенно заботиться о немъ. Посмотримъ, такъ ли это.

Прежде чѣмъ утѣшиться легкимъ разсужденіемъ, что у насъ пьютъ не больше, а даже скорѣе меньше, нежели во многихъ странахъ Европы, слѣдовало бы первоначально доказать, что тамъ пьютъ мало или вообще не злоупотребляютъ спиртными напитками; но кто же и когда-либо доказалъ что-нибудь подобное? Напротивъ, мы знаемъ, что сотни публицистовъ и выдающіеся государственные люди въ западной Европѣ (не исключая самого Бисмарка хотя онъ и похвалилъ недавно furor teutonicus) относятъ алкоолизмъ къ величайшимъ бѣдствіямъ современной Европы, предлагаютъ разнороднѣйшія мѣры къ его устраненію и даже въ такихъ искони трезвыхъ странахъ, какъ Франція, проектируютъ разнородныя средства къ его уменьшенію. И такъ, ссылка на Европу въ этомъ случаѣ намъ не примѣръ [2]). Кромѣ того, какъ нами уже было раньше указано, потребленіе напитковъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ злоупотребленіемъ ими. Народъ можетъ потреблять много, но если это потребленіе распредѣляется въ теченіе года равномѣрно и производится въ умѣренныхъ дозахъ, то вредные результаты, или пьянство, будутъ незначительны, и наоборотъ, при незначительномъ, но неравномѣрномъ потребленіи, пьянство можетъ явиться очень крупнымъ зломъ. Здѣсь опять напомнимъ сдѣланное нами опредѣленіе понятія этого порока: подъ пьянствомъ мы разумѣемъ такое потребленіе хмельныхъ напитковъ, которое нарушаетъ обычный нормальный ходъ дѣятельности человѣка; исходя изъ этой точки, лицо, много потребляющее напитковъ, можетъ не злоупотреблять ими и, напротивъ, мало, а слѣдовательно, рѣдко ихъ пьющій — можетъ иногда считаться пьяницей [3]). Для доказательства этой простой истины ограничимся

[1]) Впрочемъ, не нужно забывать сильно развитое у насъ корчемство и контрабанду спирта, которыя значительно увеличиваютъ истинную цифру потребленія. По разсчету и категорическому утвержденію барона Нольде, казна наша теряетъ вслѣдствіе злоупотребленій $151^{7}/_{10}$ милліоновъ рубля ежегодно, а среднее потребленіе вина въ Россіи — 54,1 гр. на каждаго жителя вмѣсто оффиціальнаго 32 гр. См. барона Э. Нольде. Питейное дѣло и акц. сист. Ч. II, 1883, стр. 103.

[2]) См. сообщеніе д-ра Рейнбота. Труды Русскаго Общества Охраненія Народнаго Здравія. Вып. II, С.-Петербургъ, 1884, стр. 5.

[3]) Извѣстный путешественникъ Вамбери говоритъ, что „на Западѣ — большое число пьющихъ и малое—пьяницъ; на Востокѣ—совершенно наоборотъ, т.-е. при ма-

лишь однимъ примѣромъ. Въ новѣйшемъ и солидномъ изслѣдованіи по предмету сюда близкому оказывается, что по оффиціальнымъ даннымъ число опившихся или умершихъ у насъ отъ пьянства (конечно, гораздо ниже дѣйствительнаго) составляетъ для всей Европейской Россіи нѣсколько менѣе двухъ (1,93) pro mille (т.-е. два случая на тысячу умершихъ), причемъ число это спускается для привислянскихъ губерній до 0,69, Финляндіи—0,53 и прибалтійскихъ губерній—0, 19; максимальной величины число умершихъ отъ запоя достигаетъ въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ и частію сѣверо-восточныхъ, вездѣ не менѣе двухъ съ половиною pro mille, а въ вятской доходитъ даже до огромной цифры 11,5 общей смертности, т.-е. каждый девятый покойникъ —умершій отъ пьянства! Если злоупотребленіе напитками тождественно съ потребленіемъ, то слѣдовало бы ждать, что гдѣ больше умираетъ отъ пьянства, тамъ больше и выпивается вина, и наоборотъ. Что же получается въ дѣйствительности? Изъ сопоставленія числа опившихся по губерніямъ съ данными изъ отчета д-та неокл. сборовъ м-ва финансовъ о потребленіи вина по губерніямъ выходитъ, что, при разсчетѣ потребленія на каждаго жителя въ центральныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, не только не выпивается больше напитковъ, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ, но, напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. симбирской, вологодской и особенно вятской, отличающейся своею колоссальною смертностью отъ опоя, *количество выпиваемой водки меньше даже, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ* съ минимальнымъ количествомъ умирающихъ отъ пьянства. Поэтому, очевидно, дѣло не въ томъ, *сколько выпивается* спиртныхъ напитковъ, а въ томъ, *какъ они выпиваются*: умѣренно пьющій человѣкъ, употребляя ежедневно за обѣдомъ и ужиномъ по одной рюмкѣ средняго размѣра, выпиваетъ въ годъ 2,61 ведра водки или съ небольшимъ 1 ведро безводнаго спирта; между тѣмъ на каждаго пьющаго въ Россіи (считая дѣйствительными потребителями лишь треть населенія) приходится въ годъ 0,90 ведра безводнаго спирта или 2,25 обыкновенной водки, т.-е. на 0,36 ведра менѣе того, сколько выпиваетъ умѣренно пьющій человѣкъ. Но тогда какъ

ломъ числѣ пьющихъ—много пьяницъ". Если это замѣчаніе справедливо, о чемъ не беремся судить, то нѣтъ сомнѣнія, что Россія въ данномъ отношеніи стоитъ ближе къ Востоку, нежели къ Западу. Достаточно припомнить извѣстный фактъ, что національные напитки, какъ пиво у нѣмцевъ, вино у итальянцевъ и французовъ (сидръ въ Нормандіи)—пьются рѣшительно почти всѣми лицами обоего пола и чуть не съ младенчества, и какъ, между тѣмъ, сравнительно трудно встрѣтить въ этихъ странахъ—пьянаго...

послѣдній все это количество равномѣрно распредѣляетъ на весь годъ, многіе изъ нашего рабочаго люда употребляютъ свою долю въ 25—30 разъ и, главнымъ образомъ, въ большіе праздники и въ торжественные случаи своей жизни, а этотъ „разъ“ составитъ отъ 21 до 25 рюмокъ, т.-е. такое количество, которое во многихъ случаяхъ совершенно достаточно, чтобы убить человѣка [1]).

Вредное вліяніе обычнаго у насъ способа потребленія напитковъ издавна указывалось всѣми изслѣдователями и чуть ли не связано съ ихъ нерегулярнымъ употребленіемъ. „Мелкіе люди,—говорилъ Крижаничъ въ XVII вѣкѣ,—чуть ли не всегда лишены напитка, и оттого дѣлаются чрезмѣрно жадны на питье, безстыдны и почти бѣшены, такъ что какую ни подать большую посуду съ виномъ, они считаютъ за заповѣдь Божію и государеву выпить ее въ одинъ духъ; и когда они соберутъ нѣсколько деньжонокъ и придутъ въ кабачный адъ, тогда сбѣсятся въ конецъ и пропиваютъ и рухлядь, какая есть дома, и одежду съ плечъ“. То же самое о пьянствѣ великороссовъ говоритъ извѣстный путешественникъ Гакстгаузенъ, благопріятно отличая отъ нихъ въ этомъ отношеніи малороссовъ и поляковъ, что подтверждается, впрочемъ, и новыми вышеприведенными данными. Такой опытный современный наблюдатель, какъ Кошелевъ, высчитываетъ въ Германіи, Швеціи, Даніи и царствѣ польскомъ потребленіе спирта вдвое противъ насъ. „Между тѣмъ,—говоритъ онъ,—тамъ рѣдко увидишь пьянаго, а у насъ, во время храмовыхъ праздниковъ, на свадьбахъ, на масляницѣ, на Свѣтлой недѣлѣ и на базарахъ—пьяные валяются всюду. Слѣдовательно, не вина выпивается у насъ много, а безумно оно пьется“ [2]).

Итакъ, если не питье, то пьянство у насъ несомнѣнно велико: кто бывалъ за границей, тотъ не могъ, конечно, не поражаться тѣмъ, что, несмотря на многочисленность мѣстъ питейной продажи и большее количество выпиваемаго, пьяныхъ или пьяницъ несравненно меньше, чѣмъ у насъ. Пьянство господствуетъ въ Россіи, губитъ нашъ народъ, и съ этимъ грустнымъ фактомъ необходимо считаться, не закрывая глазъ и не умаляя зла. Насколько же зло велико, мы это видимъ изъ ежедневныхъ наблюденій надъ народомъ. Пьянство слишкомъ вкоренилось въ нашу народную жизнь и искажаетъ ее не только въ экономическомъ, но и въ семейномъ и чисто духовномъ отношеніи. Обѣдненіе,

[1]) См. интересное изслѣдованіе д-ра *В. Смидовича* о насильственныхъ и случайныхъ смертяхъ въ „Вѣстникѣ Судебной Медицины и Общественной Гигіены“. Т. I. 1887.

[2]) *Кошелевъ*: „О мѣрахъ къ сокращенію пьянства“. Москва, 1881, стр. 5.

семейный разладъ, дикія кулачныя расправы, часто доходящія даже до суда—все это обычный результатъ страсти къ вину [1]). Продолжительное, многовѣковое пьянство и привычка къ нему отразились замѣтно и на нравственныхъ воззрѣніяхъ народа. Нашъ народъ любитъ выражать свою моральную философію въ пословицахъ и поговоркахъ: что же представляютъ собой эти сентенціи русской народной мудрости по вопросу о пьянствѣ? Мы видимъ у народа цѣлыя сотни пословицъ о пьянствѣ—и, какъ всегда, pro и contra, но съ замѣтнымъ преобладаніемъ первыхъ. Къ пьяному народъ относится не только снисходительно, но любовно, и готовъ, повидимому, не только оправдывать его, но чуть не ставить въ заслугу и поощрять къ дальнѣйшимъ безобразіямъ: „Не пить, такъ на свѣтѣ не жить"; „Пить—горе, а не пить—двое"; „Сегодня пьянъ—не великъ изъянъ"; „не буянъ, такъ и не пьянъ"; „не пьетъ, а съ посудой глотаетъ"; „пьянъ да умный, человѣкъ думный"; „пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ"; пьянъ да глупъ, такъ больше бьютъ"; „пьяница проспится, къ дѣлу годится"; „пей, не робей, вино пей, жену бей, ничего не бойся!"

Впрочемъ, не однѣми пословицами поддерживается и оправдывается зло, слишкомъ очевидное для того, чтобы настойчиво подумать о мѣрахъ противодѣйствія ему въ интересахъ не одного настоящаго, но и всѣхъ грядущихъ поколѣній. Къ обсужденію этихъ мѣръ мы и перейдемъ теперь.

Ив. Янжулъ.

[1]) См. статьи Лудмера: „Бабьи стоны", помѣщенныя въ „Юридическомъ Вѣстникѣ" нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

НАКАНУНѢ
ПЕРЕВОРОТА

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.

Съ англійскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе.

XII *).

Въ то время желѣзная дорога шла не далѣе Терни по направленію къ Аквилѣ, и сорокъ миль разстоянія, отдѣлявшихъ эти два города, приходилось дѣлать въ дилижансѣ.

Было уже довольно поздно, когда на другой день громоздкій экипажъ подкатилъ къ Locanda del Sole въ Аквилѣ и старый князь Сарачинеска прибылъ туда.

Красное вечернее солнце позлащало снѣга на Gran Sasso d'Italia, громадный куполъ горы, возвышающейся надъ старинным городомъ. Самъ городъ давно уже окутался сумерками, и воздухъ былъ рѣзокъ и непріятенъ.

Сарачинеска передалъ свой скромный багажъ толстому хозяину, сказалъ, что вернется къ ужину черезъ полчаса, и спросилъ дорогу въ церковь св. Бернардина Сіенскаго.

Найти ее было не трудно въ концѣ Корсо,—неизбѣжнаго

---

*) См. выше: май, стр. 259.

Корсо, находящагося въ каждомъ итальянскомъ городѣ. Старикъ князь быстрыми шагами прошелъ по широкой, чистой улицѣ и достигъ дверей церкви какъ разъ въ ту минуту, когда причетникъ готовился запереть церковь на ночь.

— Гдѣ я могу найти padre? — спросилъ князь.

Причетникъ взглянулъ на него, но ничего не отвѣтилъ и заботливо заперъ двери. То былъ уже старый человѣкъ въ потертомъ подрясникѣ, съ небритой бородой, нюхавшій, повидимому, табакъ.

— Гдѣ патеръ?—повторилъ князь, дергая его за рукавъ.

Но причетникъ только покачалъ головой и сталъ вынимать громадный ключъ изъ замка. Двое оборванныхъ мальчишекъ забавлялись на церковной паперти, складывая кучи по пяти каштановъ и заразъ разбивая ихъ камнемъ. Одинъ поднялъ голову, оставилъ каштаны и подошелъ къ князю.

— Онъ глухъ,—сказалъ онъ, указывая на причетника.

И, подбѣжавъ къ нему сзади, приподнялся на цыпочкахъ и закричалъ ему въ ухо:—Brutta bestia!

Причетникъ не разслышалъ, но, увидѣвъ ребенка, хотѣлъ схватить его. Тотъ увернулся, а причетникъ чуть не упалъ.

— Вотъ воспитаніе! Che educazione!—проворчалъ старикъ сердито.

Тѣмъ временемъ мальчишка спрятался за спину Сарачинеска и, дернувъ его за пальто, попросилъ soldo.

Причетникъ спокойно вынулъ ключъ изъ замка и ушелъ, даже не взглянувъ на князя.

— Онъ глухъ!—закричалъ другой мальчишка, подбѣжавшій тоже къ князю, и вдвоемъ съ товарищемъ принялся вертѣться около старика.

— Дайте намъ soldo!—кричали они.

— Покажите мнѣ домъ священника, и тогда получите каждый по soldo. Lesti! Живѣе!

Послѣ этого мальчишки прошлись колесомъ съ изумительной ловкостью и быстротой, и затѣмъ, ставъ на ноги, повели къ дому священника, пріютившемуся въ двадцати саженяхъ разстоянія у церкви, въ переулкѣ. Князь дернулъ за колокольчикъ на проволокѣ у входныхъ дверей и далъ мальчишкамъ по обѣщанной мѣдной монетѣ. Но они не отошли отъ него, а остались смотрѣть, что будетъ. Старуха выглянула въ верхнее окно и, оглядѣвъ внимательно князя, спросила:

— Что нужно?

— Дома ли padre?

— Конечно, дома,—отвѣчала старуха.—Въ этотъ-то часъ!—презрительно добавила она.

— Ebbene, могу я его видѣть?

— Что? развѣ дверь заперта?—спросила старая вѣдьма.

— Нѣтъ.

— Такъ чего же вы не входите безъ спроса?

Голова старухи скрылась, и она съ шумомъ захлопнула окно.

— Она женщина безъ всякаго воспитанія,—замѣтилъ одинъ изъ оборванныхъ мальчишекъ, сдѣлавъ гримасу запертому окну.

Князь вошелъ въ дверь и споткнулся на темной лѣстницѣ, но, преодолѣвъ это и нѣкоторыя другія препятствія, добрался наконецъ до квартиры патера. Патеръ сидѣлъ въ комнатѣ, служившей, повидимому, столовой, гостиной и кабинетомъ.

Небольшой столъ былъ накрытъ чистою скатертью; на столѣ стоялъ приборъ, лежали ломоть хлѣба, искривленная вилка, ножикъ и небольшая кружка съ виномъ. Мѣдная лампа съ тремя рожками, изъ которыхъ горѣлъ только одинъ, бросала слабый свѣтъ на бѣдную горницу. Около стѣны стоялъ простой столъ и на немъ—чернильница и три или четыре запленсневѣлыхъ книги. Надъ всѣмъ этимъ висѣлъ небольшой черный крестъ съ мѣднымъ распятіемъ, и надъ нимъ—раскрашенное изображеніе св. Бернардина Сіенскаго. Стѣны были оштукатурены и очень чисты—какъ и все вообще въ комнатѣ—и въ ней носился запахъ цвѣтовъ изъ большого горшка съ гвоздиками, убраннаго на ночь и стоявшаго на запертомъ окнѣ.

Патеръ былъ высокій старикъ, съ удивительно добрымъ лицомъ и кроткими темными глазами, въ худенькомъ подрясникѣ, но очень чисто вычищенномъ, а изъ-подъ трехугольной шляпы жидкіе волосы висѣли прямой сѣрой бахромой. Когда князь вошелъ въ комнату, старуха изъ-за его плеча бросила патеру слѣдующій неопредѣленный докладъ.

Донъ-Паоло, c'è uno,—вотъ пришелъ.

И ушла, громко ворча.

Патеръ снялъ шляпу и, вѣжливо поклонившись, предложилъ одно изъ двухъ креселъ посѣтителю. Затѣмъ, съ извиненіемъ, надѣлъ шляпу на голову и сѣлъ напротивъ князя. Въ его манерахъ было много вѣжливой простоты.

— Чѣмъ могу служить вамъ, синьоръ?

— Эти документы,—князь вынулъ изъ кармана знаменитый пакетъ,—копіи съ документовъ, находящихся въ вашихъ рукахъ и относящихся къ предполагаемому браку нѣкоего Джіованни

Сарачинеска. Съ вашего позволенія, я желалъ бы увидѣть подлинники.

Старикъ патеръ поклонился, какъ бы изъявляя согласіе, и съ минуту пристально глядѣлъ въ лицо посѣтителю, прежде чѣмъ отвѣтилъ:

— Это очень просто, милостивый государь. Но извините меня, если я спрошу ваше имя и съ какой цѣлью вы желаете видѣть эти документы?

— Я Леоне Сарачинеска изъ Рима...

Патеръ какъ-то съёжился.

— Родственникъ Джіованни Сарачинеска?—спросилъ онъ.— И прибавилъ немедленно: — Извините, если я оставлю васъ на минуту.

Князь былъ очень удивленъ, но крѣпко держалъ документы въ рукѣ и не всталъ съ мѣста. Патеръ вернулся черезъ нѣсколько секундъ и принесъ небольшую фарфоровую вазочку, сильно пострадавшую отъ времени, и въ которой лежало нѣсколько визитныхъ карточекъ. Ихъ было не болѣе дюжины, побурѣвшихъ отъ пыли. Патеръ нашелъ одну, болѣе свѣжую, чѣмъ другія, и, старательно осѣдлавъ носъ большими очками, подошелъ къ лампѣ и медленно прочиталъ:

— Графъ дель-Фериче. Вы знакомы съ этимъ господиномъ? — обратился онъ къ князю, зорко глядя на него поверхъ очковъ.

— Разумѣется. Я хорошо его знаю.

— Ахъ, тѣмъ лучше. Онъ былъ здѣсь два года тому назадъ и списалъ нѣкоторые изъ документовъ, касавшихся Джіованни Сарачинеска. По всей вѣроятности... навѣрное даже, бумаги, которыя вы держите въ рукахъ—тѣ самыя, что онъ увезъ съ собой. Когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ по поводу этихъ документовъ, то далъ мнѣ эту карточку.

— Это меня очень удивляетъ,—замѣтилъ Сарачинеска.

— Въ самомъ дѣлѣ, — задумался на минуту патеръ. — Я помню, что онъ пріѣзжалъ на другой день и просилъ меня возвратить ему карточку, но я ея не нашелъ. Въ моемъ карманѣ была дыра, и она туда провалилась. Кармела, моя служанка, нашла ее, день или два спустя, за подкладкой подрясника. Мнѣ показалось страннымъ, что онъ попросилъ ее обратно.

— Это вполнѣ натурально. Онъ хотѣлъ, чтобы вы позабыли про его существованіе.

— Онъ много разспрашивалъ меня про Джіованни, но я не могъ удовлетворить его любопытство въ то время.

— Но можете это сдѣлать теперь? — поспѣшно спросилъ князь.

— Извините меня, въ какомъ вы родствѣ съ Джіованни? Вы говорите, что вы изъ Рима?

— Объяснимся, синьоръ патеръ, — сказалъ Сарачинеска.— Я вижу, что лучше изложить вамъ все дѣло. Я—Леоне Сарачинеска, князь и старѣйшій въ родѣ.

Патеръ почтительно поклонился при этихъ словахъ.

— Мой единственный сынъ живетъ со мной въ Римѣ—онъ теперь пріѣхалъ сюда со мной—и его зовутъ Джіованни Сарачинеска. Онъ собирается жениться. Когда его помолвка была объявлена, одинъ врагъ нашей фамиліи пытался доказать, посредствомъ этихъ документовъ, что онъ уже женатъ на нѣкоей Феличе Бальди. Ну, вотъ, я и желаю узнать, кто этотъ Джіованни Сарачинеска, гдѣ онъ живетъ и почему носитъ имя моего сына. Я желаю какого-нибудь свидѣтельства въ томъ, что онъ не мой сынъ, что онъ живъ или умеръ и похороненъ.

Старикъ патеръ разсмѣялся и потеръ руки, точно все это его забавляло.

— Милостивый государь, то-есть, я хочу сказать—ваше сіятельство, я окрестилъ всего двѣ недѣли тому назадъ второго ребенка Феличе Бальди. Ничего нѣтъ проще...

— Я такъ и полагалъ!—закричалъ князь, вскакивая съ мѣста въ сильномъ волненіи:—я былъ убѣжденъ! Гдѣ этотъ ребенокъ? пошлите за нимъ... за отцомъ, за матерью... всѣхъ сюда!

— Subito! или лучше пойдемте со мной. Я вамъ покажу всю семью. Великолѣпные ребята! Кармела, мой плащъ! поскорѣе!

— Постойте, синьоръ патеръ, постойте. Тише ѣдешь, дальше будешь. Откуда этотъ человѣкъ родомъ, и почему онъ носитъ это имя? Я бы желалъ сначала собрать о немъ кое-какія справки, прежде, нежели увидѣться съ нимъ.

— Вѣрно, — отвѣтилъ патеръ, снова усаживаясь на мѣсто. Я этого не сообразилъ. Чтожъ, исторія не длинная. Джіованни Сарачинеска—изъ Неаполя. Вы знаете, что въ неаполитанскомъ королевствѣ была отрасль вашей фамиліи, по крайней мѣрѣ такъ говоритъ Джіованни, а онъ честный малый. Они носили титулъ маркизовъ ди Сан-Джачинто, и еслибы Джіованни захотѣлъ, то имѣлъ бы право такъ титуловаться.

— Но эти Сарачинески угасли пять лѣтъ тому назадъ, — сказалъ князь, хорошо знавшій исторію своего рода.

— Джіованни говоритъ, что нѣтъ,—хотя всѣ такъ думали. Послѣдній маркизъ ди Сан-Джачинто дрался подъ знаменами На-

полеона. Онъ потерялъ все, чѣмъ владѣлъ — земли, деньги, все рѣшительно было у него конфисковано, когда вернулся Фердинандъ въ 1815 году. Онъ былъ необразованный человѣкъ, бросилъ титулъ, женился на единственной дочери крестьянина и самъ превратился въ крестьянина и умеръ въ темной долѣ въ деревнѣ близъ Салерно. Онъ оставилъ сына, который былъ хлѣбопашцемъ, наслѣдовалъ отъ матери мызу, женился на деревенской, но грамотной женщинѣ и умеръ отъ холеры, оставивъ сына, теперешняго Джіованни Сарачинеска. Этотъ Джіованни получилъ уже лучшее воспитаніе, чѣмъ его отецъ, улучшилъ ферму, сталъ продавать вино и масло для экспорта, доѣхалъ до Аквилы и познакомился съ Феличе Бальди, дочерью довольно зажиточнаго человѣка, открывшаго здѣсь трактиръ. Джіованни полюбилъ ее. Я обвѣнчалъ ихъ. Онъ уѣхалъ назадъ въ Неаполь, продалъ свою ферму въ прошломъ году, взялъ хорошія деньги и вернулся въ Аквилу. Онъ управляетъ трактиромъ тестя, и дѣло процвѣтаетъ, такъ какъ онъ вложилъ въ него и свой капиталъ. У нихъ двое дѣтей, и второй родился всего три недѣли тому назадъ. Они очень счастливы.

Сарачинеска задумчиво глядѣлъ на дона Паоло, старика-патера.

— Есть у этого человѣка документы, чтобы доказать правдивость этой странной исторіи?—спросилъ онъ наконецъ.

— Altro! Это все, что оставилъ ему дѣдъ... цѣлую кипу документовъ. Они, кажется, въ порядкѣ... Онъ мнѣ ихъ показывалъ, когда я его вѣнчалъ.

— Почему же онъ не ищетъ возстановленія правъ своего дѣда?

Патеръ пожалъ плечами.

— Земли,—говоритъ онъ,—попали въ руки патріотовъ. Мало надежды вернуть ихъ обратно. А бѣднымъ маркизомъ быть не стоитъ. Онъ пользуется скромнымъ довольствомъ, даже благосостояніемъ въ своемъ теперешнемъ положеніи. Для дворянина же такое состояніе ничтожно. Кромѣ того онъ полу-крестьянинъ по крови и традиціямъ.

— Онъ не единственный въ своемъ родѣ,—засмѣялся Сарачинеска.—Но вамъ извѣстно...

Онъ умолкъ. Онъ чуть было не сказалъ, что въ случаѣ, еслибы онъ и его сынъ умерли, трактирщикъ Аквилы сталъ бы княземъ Сарачинеска. Мысль эта была ему непріятна, и онъ промолчалъ о ней.

— Какъ бы то ни было, а этотъ человѣкъ одной со мной крови по прямой линіи. Я бы хотѣлъ его видѣть.

— Ничего нѣтъ легче. Если вы пойдете со мной, то я пред-

ставлю его вашему сіятельству. Угодно вамъ поглядѣть на документы?

— Безполезно. Загадка разрѣшена. Пойдемъ и повидаемъ моего неожиданнаго родственника.

Донъ Паоло завернулся въ плащъ и повелъ гостя съ лѣстницы. Онъ несъ восковую спичку, часто останавливаясь и предостерегая князя быть осмотрительнѣе. Ночь уже совсѣмъ сгустилась, когда они вышли на улицу. Воздухъ былъ рѣзкій и холодный, и Сарачинеска застегнулъ пальто на всѣ пуговицы, идя рядомъ съ патеромъ. Оба молча шли минутъ десять вдоль по Корсо Виктора Эммануила. Наконецъ, патеръ остановился передъ чистымъ, новымъ домомъ, изъ оконъ котораго яркій свѣтъ лился на улицу. Донъ Паоло пригласилъ князя войти и послѣдовалъ за нимъ. Человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ, держа въ рукахъ груду тарелокъ и исполнявшій, по всей вѣроятности, роль слуги, буфетчика и фактотума заведенія, вышелъ изъ столовой, расположенной налѣво отъ входа, и гдѣ, судя по шуму, собралось много народа. Онъ взглянулъ на патера и затѣмъ на князя.

— Съ сокрушеніемъ долженъ сказать вамъ, донъ Паоло mio,— сказалъ онъ, предполагая, что священникъ привелъ постояльца:— въ домѣ нѣтъ ни одной свободной кровати, ни одной...

— Не въ томъ дѣло, Джакино,—отвѣчалъ патеръ.—Намъ надо видѣть на минутку синьора Джіованни.

Человѣкъ исчезъ, и черезъ секунду самъ синьоръ Джіованни вышелъ въ корридоръ.

— Favorisca, дорогой донъ Паоло. Войдите.

И, поклонившись князю, раскрылъ дверь въ небольшую пріемную.

Когда они вошли, Сарачинеска поглядѣлъ на тёзку сына. Онъ увидѣлъ человѣка, лицо и фигуру котораго долго потомъ помнилъ съ инстинктивной антипатіей. Джіованни-трактирщикъ былъ богатырски сложенъ. Два поколѣнія крестьянской крови обновили старинную расу. Онъ былъ широкоплечъ, съ массивными руками и ногами; худъ и смуглъ лицомъ и отъ выдающихся скулъ щеки, казалось, у него провалились; но чисто обритъ; волосы прямые, черные и гладко причесанные; зоркіе черные глаза близко сидѣли другъ отъ друга, а брови сходились по срединѣ лба; тонкія, жесткія губы, въ настоящую минуту раздвинувшіяся въ улыбку, открывали два ряда большихъ крѣпкихъ, ровныхъ и бѣлыхъ зубовъ; выдающаяся нижняя челюсть и широкій, большой носъ, неестественно заостренный—все это вмѣстѣ образовало такое лицо, которое нельзя было не замѣтить въ толпѣ,

благодаря выраженію силы, хитрости и нѣкоторой свирѣпости. Годы спустя помнилъ Сарачинеска свою первую встрѣчу съ трактирщикомъ Джіованни и не удивлялся, что первымъ его чувствомъ была антипатія къ нему. Но теперь, во всякомъ случаѣ, онъ глядѣлъ на него съ большимъ любопытствомъ, и если не взлюбилъ съ перваго взгляда, то говорилъ себѣ, что недостойно его—выказывать антипатію трактирщику.

— Синьоръ Джіованни,—сказалъ патеръ:—вотъ господинъ, желающій съ вами познакомиться.

Джіованни, манеры котораго были выше его положенія, вѣжливо поклонился и вопросительно взглянулъ на посѣтителя.

— Синьоръ Сарачинеска,—сказалъ князь:—я Леоне Сарачинеска изъ Рима. Я только-что узналъ о вашемъ существованіи. Мы давно уже думали, что наша фамилія вымерла... Я очень радъ, что остался ея представитель—и такой, что, повидимому, увѣковѣчитъ ее.

Трактирщикъ устремилъ зоркіе глаза въ лицо говорившему и долго глядѣлъ, прежде чѣмъ отвѣтилъ.

— И такъ, вы князь Сарачинеска? — серьезно проговорилъ онъ.

— А вы маркизъ ди Сан-Джачинто?—сказалъ князь тѣмъ же тономъ, протягивая откровенно руку.

— Извините меня... я Джіованни Сарачинеска, трактирщикъ въ Аквилѣ,—отвѣчалъ тотъ.

Но взялъ руку князя. И всѣ разомъ сѣли.

— Какъ вамъ угодно,—замѣтилъ князь.—Титулъ тѣмъ не менѣе принадлежитъ вамъ. Еслибы вы подписались имъ, когда обвѣнчались, то избавили бы меня отъ большихъ хлопотъ, хотя, съ другой стороны, я бы не имѣлъ тогда удовольствія познакомиться съ вами.

— Я васъ не понимаю,—сказалъ Джіованни.

Князь разсказалъ свою исторію возможно короче.

— Удивительно! необыкновенно! вотъ случай!—восклицалъ патеръ, кивая время отъ времени сѣдой головой, пока князь разсказывалъ, точно не слыхалъ этого ранѣе.

Трактирщикъ ничего не говорилъ, пока старикъ Сарачинеска не кончилъ.

— Вижу теперь, какъ это все случилось,—сказалъ онъ, наконецъ.—Когда тотъ господинъ наводилъ справки, я былъ въ отсутствіи. Я увезъ жену въ Салерно, а жена тестя еще не поселилась въ Аквилѣ. Синьоръ дель... какъ его звать?

— Дель-Фериче.

— Дель-Фериче, точно. Онъ подумалъ, что мы исчезли и не вернемся больше. Иначе—онъ глупъ.

— Онъ не глупъ, — сказалъ Сарачинеска.— Онъ думалъ, что его происки не будутъ открыты. Ну-съ, синьоръ маркизъ или синьоръ Сарачинеска, очень радъ, что познакомился съ вами. Вы выяснили очень важный вопросъ тѣмъ, что вернулись въ Аквилу. Буду радъ служить вамъ, чѣмъ могу.

— Тысячу разъ благодарю. Все, что могу сдѣлать для васъ во время пребыванія...

— Благодарю. Я найму лошадей и вернусь сегодня вечеромъ въ Терни. У меня спѣшное дѣло въ Римѣ. Я долженъ какъ можно скорѣе вернуться.

— Но вы не откажетесь выпить рюмку вина до отъѣзда?— спросилъ Джіованни и, не дожидаясь отвѣта, вышелъ изъ комнаты.

— Какъ вамъ понравился родственникъ, ваше сіятельство?— спросилъ патеръ, когда остался вдвоемъ съ княземъ.

— У него такое лицо! Но...

И князь сдѣлалъ жестъ, выражавшій сомнѣніе насчетъ характера трактирщика.

— О! не бойтесь, — отвѣчалъ патеръ. — Онъ честнѣйшій человѣкъ.

— Разумѣется, вы имѣли много случаевъ въ томъ убѣдиться,— вѣжливо согласился князь.

Джіованни-трактирщикъ вернулся съ бутылкой вина и тремя стаканами, которые онъ поставилъ на столъ и налилъ виномъ.

— Кстати,—сказалъ князь:—я и позабылъ спросить про вашу жену. Она здорова, надѣюсь?

— Благодарю васъ, совсѣмъ здорова.

— У васъ мальчикъ родился?

— Великолѣпный мальчикъ,—отвѣтилъ патеръ.— У синьора Джіованни уже есть дочка. Онъ очень счастливый семьянинъ.

— За ваше здоровье,—сказалъ трактирщикъ, поднимая стаканъ на свѣтъ.

— И за ваше также,—отвѣтилъ князь.

— И за всю фамилію Сарачинеска, — прибавилъ патеръ, медленно потягивая вино.

Ему рѣдко доводилось пить старое Lacrima, и онъ вполнѣ наслаждался имъ.

— А теперь,—сказалъ князь,—мнѣ пора. Очень благодаренъ за ваше гостепріимство. Всегда съ удовольствіемъ буду помнить день, когда я встрѣтилъ неизвѣстнаго родственника.

— Albergo di Napoli не позабудетъ, что князь Сарачинеска

былъ въ немъ гостемъ,—отвѣтилъ вѣжливо Джіованни съ улыбкой на тонкихъ губахъ.

Онъ пожалъ руки обоимъ посѣтителямъ и съ вѣжливымъ поклономъ проводилъ до дверей. Пройдя саженъ двадцать по улицѣ, князь оглянулся назадъ и въ послѣдній разъ увидѣлъ высокую фигуру Джіованни, стоявшаго на ступенькахъ. Онъ долго помнилъ это впечатлѣніе.

У дверей гостинницы, гдѣ онъ остановился, князь простился съ патеромъ, сердечно поблагодаривъ его и приглашая во дворецъ Сарачинеска, если когда-либо старикъ пріѣдетъ въ Римъ.

— Я никогда не видѣлъ Рима, ваше сіятельство,—отвѣтилъ патеръ немного печально.—И теперь такъ ужъ старъ, что его больше не увижу.

На этомъ они разстались, и князь одиноко поужиналъ жареными голубями съ салатомъ въ большой пыльной залѣ Locanda del Sole, въ то время, какъ ему закладывали лошадей для его продолжительной ночной поѣздки.

Встрѣча и разъясненіе курьезнаго затрудненія произвели глубокое впечатлѣніе на старика-князя. Онъ ни мало не сомнѣвался, что исторія, переданная патеромъ, вполнѣ вѣрна. Да она была и въ высшей степени правдоподобна. Въ бурныя времена, между 1806 и 1815 гг., послѣдній изъ неаполитанской отрасли Сарачинеска исчезъ, и богатые римскіе князья того же имени охотно повѣрили, что маркизы ди Сан-Джачинто угасли. Они даже не дали себѣ труда искать этого титула: у нихъ своихъ было нѣсколько десятковъ, а получить имѣніе Сан-Джачинто, заложенное и перезаложенное и разоренное конфискаціями, не представлялось ни малѣйшей возможности. Что грубый солдатъ-авантюристъ скрылся послѣ возвращенія законнаго короля Фердинанда, противъ котораго сражался, было вполнѣ естественно. Естественно также, что онъ приспособился къ крестьянской жизни и женился на крестьянской дочери, имѣя въ виду ея виноградники и апельсинныя и оливковыя рощи; крестьяне на югѣ Италіи очень богаты, а ихъ дочери вообще очень красивы—это совсѣмъ иная раса, чѣмъ полуголодные арендаторы римской Кампаньи.

Князь рѣшилъ, что вся эта исторія достовѣрна, и не безъ горечи размышлялъ о томъ, если его сынъ не оставитъ по себѣ наслѣдниковъ, то геркулесъ-трактирщикъ въ Аквилѣ будетъ законнымъ преемникомъ его собственнаго титула и всѣхъ его земель. Онъ рѣшилъ, что бракосочетаніе Джіованни должно совершиться немедленно, не теряя времени, и съ обычною пылкостью спѣшилъ назадъ въ

Римъ, почти не чувствуя, что провелъ всю предыдущую ночь и весь день въ дорогѣ, что ему предстоитъ еще провести цѣлыя сутки въ пути.

На разсвѣтѣ экипажъ остановился въ какомъ-то городкѣ недалеко отъ папской границы. Какъ разъ въ ту самую минуту, высокаго роста человѣкъ, закутанный въ широкій плащъ, изъподъ складокъ котораго торчало длинное, темное дуло ружья, просунулъ голову въ окно. Князь вздрогнулъ и схватился за револьверъ, лежавшій около него.

— Добраго утра, князь,—сказалъ господинъ.—Надѣюсь, что вы хорошо почивали?

— Синьоръ Джіованни!—воскликнулъ старикъ.—Откуда вы взялись?

— Дорога не совсѣмъ безопасна,—отвѣчалъ трактирщикъ:— а потому я счелъ за лучшее конвоировать васъ. Прощайте — buon viaggio!

Прежде нежели князь успѣлъ отвѣтить, карета покатилась, лошади поскакали въ галопъ. Сарачинеска высунулъ голову изъ окна, но его однофамилецъ исчезъ, и онъ поѣхалъ въ Терни, дивясь, чему приписать такую заботливость трактирщика объ его безопасности.

XIII.

Даже желѣзные нервы старика Сарачинеска нуждались въ отдыхѣ, когда, по истеченіи двухъ сутокъ, онъ снова вошелъ въ комнату сына и бросился на большой диванъ.

— Что Корона?—было его первымъ вопросомъ.

— Она очень о васъ тревожится, — отвѣтилъ Джіованни, который и самъ былъ неспокоенъ духомъ.

— Мы сейчасъ же поѣдемъ и успокоимъ ее.

— Значитъ, все благополучно. Вѣроятно, какъ я и говорилъ— сыскался однофамилецъ?

— Именно. Но однофамилецъ оказывается и родственникомъ... послѣднимъ изъ Сан-Джачинто, и содержитъ трактиръ въ Аквилѣ. Я видѣлъ его и пожималъ ему руку.

— Не можетъ быть! они вымерли...

— Но воскресли,—отвѣтилъ старикъ. И разсказалъ то, что узналъ.

— Какая удивительная исторія. Значитъ, если я умру бездѣтнымъ, трактирщикъ станетъ княземъ?—проговорилъ Джіованни.

— Именно. А потому, Джіованни, ты долженъ обвѣнчаться на будущей недѣлѣ.

— Хоть завтра, если вамъ угодно.

— Какъ мы поступимъ съ дель-Фериче?

— Пригласимъ его на свадьбу, — великодушно предложилъ Джіованни.

— Свадьба будетъ очень скромная: годъ только-что истекъ...

— Чѣмъ скромнѣе, тѣмъ лучше, лишь бы только поскорѣе. Конечно, мы должны сейчасъ же переговорить объ этомъ съ Короной.

— Неужели же ты думаешь, что я назначу день свадьбы, не посовѣтовавшись съ нею! Но вели подавать обѣдать, и поскорѣе кончимъ все это.

Князь, очевидно, торопился, и кромѣ того усталъ и очень проголодался. Часомъ позднѣе, когда они оба сидѣли за кофе въ столовой, настроеніе его смягчилось. Домашній обѣдъ удивительно какъ укрощаетъ человѣка, странствовавшаго и плохо питавшагося въ продолженіе двухъ сутокъ.

— Джіованнино, — сказалъ старикъ Сарачинеска: — имѣешь ты понятіе, какъ относится къ твоей женитьбѣ кардиналъ?

— Никакого; да мнѣ это рѣшительно все равно. Онъ когда-то отсовѣтовалъ мнѣ жениться на доннѣ Тулліи. Послѣ того я его рѣдко видѣлъ.

— Я думаю, что онъ будетъ очень доволенъ.

— Я бы женился, еслибы онъ и былъ недоволенъ.

— Ну, конечно. Ты видѣлъ сегодня Корону?

— Разумѣется.

— Къ чему мнѣ ѣхать къ ней сегодня вечеромъ вмѣстѣ съ тобой?—вдругъ сказалъ отецъ.—Я полагаю, что ты управишься съ своими дѣлами и безъ меня.

— Я думалъ, что вы такъ много хлопотали, такъ вамъ пріятно будетъ самому разсказать ей всю эту исторію.

— Развѣ вы, милостивый государь, полагаете, что я очень тщеславенъ и гоняюсь за женской похвалой? Глупости! Ступай одинъ.

— Какъ вамъ угодно.

Джіованни привыкъ къ тому, чтобы отецъ ворчалъ изъ-за пустяковъ, и былъ слишкомъ счастливъ, чтобы обращать на это вниманіе теперь.

— Вы устали,—продолжалъ онъ.—Да и есть съ чего. Вамъ, вѣрно, хочется лечь спать.

— Лечь спать!—передразнилъ старикъ.—Устали! ты думаешь,

кажется, что я ни на что не годенъ; я знаю, что ты это думаешь. Ты считаешь меня старой развалиной. Говорю тебѣ...

— Пожалуйста, padre mio, поступайте какъ вамъ угодно. Я никогда не говорилъ...

— Никогда не говорилъ—чего? зачѣмъ ты вѣчно со мною споришь?—проворчалъ отецъ, который уже два дня не выходилъ изъ себя и скучалъ по любимой привычкѣ.

— Какой же день мы назначимъ?—спросилъ Джіованни, ни мало не смущаясь.

— День? какой день? Какое мнѣ дѣло? О! ну, ужъ если ты объ этомъ заговорилъ, то назначимъ воскресенье, черезъ недѣлю. Сегодня пятница. Но мнѣ вѣдь рѣшительно все равно.

— Очень хорошо... если Корона успѣетъ приготовиться.

— Она будетъ готова, она должна быть готова! — отвѣчалъ старикъ съ убѣжденіемъ.—Желалъ бы я знать, какъ она можетъ не быть готова!

— Хорошо, хорошо.

Джіованни былъ на этотъ разъ сговорчивъ.

— Разумѣется. Ты всегда говоришь глупости.

— Вѣрно, вѣрно.

Джіованни закусилъ губы, чтобы не разсмѣяться.

— Что ты хочешь доказать тѣмъ, что все мнѣ поддакиваешь! Да еще смѣешься!.. Скажите, онъ, право, смѣется! Чортъ возьми!

Джіованни повернулся спиной и закурилъ сигару. Затѣмъ, не оборачиваясь, направился къ дверямъ.

— Джіованни!—позвалъ отецъ.

— Что прикажете?

— Впрочемъ... Я, знаешь, долженъ былъ выругаться. Постой, погоди минутку.

Онъ поспѣшно всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Джіованни сѣлъ и нетерпѣливо курилъ, поглядывая на часы. Минутъ черезъ пять отецъ вернулся, держа въ рукахъ красный сафьянный футляръ.

— Передай ей это отъ меня. Тутъ брилліанты твоей матери. Не всѣ, впрочемъ. Остальные она получитъ въ день свадьбы.

— Благодарю.

И Джіованни пожалъ руку отца.

— Скажи, что я ей кланяюсь и буду у нея завтра въ два часа,—прибавилъ князь, опять пришедшій въ мирное настроеніе.

Съ брилліантами въ рукахъ Джіованни вышелъ изъ дому. Небо было ясное и морозное; звѣзды ярко сіяли высоко въ небѣ, надъ кровлями высокихъ домовъ узкой улицы. Джіованни не ве-

лѣлъ закладывать экипажа, рѣшивъ пѣшкомъ идти къ Коронѣ. Еще не было восьми часовъ, и Корона должна была только-что отобѣдать. Онъ шелъ медленно. Повернувъ на Piazza di Venezia, онъ услышалъ, что кто-то назвалъ его по имени.

— Здравствуйте, князь.

Джіованни повернулся и узналъ Анастасія Гуаша, зуава.

— Ахъ, Гуашъ! какъ поживаете?

— Собираюсь къ вамъ въ гости.

— Очень жаль... я только-что вышелъ изъ дому,—отвѣтилъ Джіованни, немного удивясь.

— Не здѣсь, не въ Римѣ. Моя рота посылается въ горы. Мы завтра выступаемъ въ Субіако, а нѣкоторые изъ насъ будутъ размѣщены въ Сарачинеска.

— Надѣюсь, что вы будете въ томъ числѣ. Я, по всей вѣроятности, женюсь на будущей недѣлѣ, а герцогиня желаетъ тотчасъ же послѣ свадьбы уѣхать въ горы. Мы будемъ очень рады васъ видѣть.

— Благодарю васъ. Не премину воспользоваться этою честью. Мое почтеніе герцогинѣ. Мнѣ здѣсь свернуть надо. Прощайте.

— До свиданья,—отвѣтилъ Джіованни, и пошелъ своей дорогой.

Онъ нашелъ Корону въ будуарѣ; она читала у камина. Въ ея черномъ нарядѣ замѣчались лиловые аксессуары. Годъ траура уже истекъ, и она при первой возможности постаралась смягчить прежній траурный характеръ своей одежды. Невозможно носить траурныя платья наканунѣ второго замужства, а свѣтъ объявилъ, что она и безъ того выказала необыкновенную добродѣтель, проносивъ такъ долго трауръ по покойникѣ, котораго трудно было оплакивать. Корона, однако, полагала иначе. Для нея покойный мужъ и человѣкъ, котораго она любила, принадлежали къ двумъ совершенно различнымъ разрядамъ людей. Ея любовь, ея бракъ съ Джіованни казались ей такимъ естественнымъ послѣдствіемъ ея одиночества, такъ далеко уносили ее отъ прежней жизни, что наканунѣ свадьбы она способна была бы пожелать, чтобы бѣдный старикъ Астрарденте былъ живъ и могъ полюбоваться ея счастьемъ.

Она встрѣтила Джіованни со свѣтлой улыбкой. Она не ожидала его видѣть сегодня вечеромъ, потому что онъ пробылъ съ нею все утро. Она быстро встала съ мѣста, побѣжала ему на-встрѣчу и почти безсознательно взяла изъ рукъ сафьянный футляръ, не глядя и почти не замѣчая, что дѣлаетъ.

— Отецъ вернулся. Все улажено,—сказалъ Джіованни.

— Такъ скоро! онъ, должно быть, летѣлъ, а не ѣздилъ!

И усадила его въ кресло.

— Да, онъ совсѣмъ не отдыхалъ, и все рѣшительно разузналъ. Исторія престранная. Кстати, онъ проситъ васъ принять эти бриллианты. Они принадлежали моей матери,—прибавилъ онъ, и голосъ его зазвучалъ мягче и внушительнѣе.

Корона поняла его и, быть можетъ, впервые сообразила вполнѣ ясно, что скоро должна произойти перемѣна въ ея жизни. Она тщательно раскрыла футляръ.

— Какая прелесть! и ваша мать носила ихъ, Джіованни?

Она съ любовью поглядѣла на него и, нагнувшись, поцѣловала великолѣпную діадему, какъ бы въ знакъ уваженія къ покойной испанкѣ, которая произвела на свѣтъ любимаго ею человѣка. Джіованни подошелъ къ ней и очень нѣжно поцѣловалъ ея черные волосы. Затѣмъ надѣлъ ей на голову діадему, а на шею ожерелье.

Корона улыбнулась счастливой улыбкой.

— Вы не сказали мнѣ ничего про открытіе отца, — внезапно проговорила она.

И, снявъ діадему, уложила ее обратно въ футляръ, а ожерелье оставила у себя вокругъ горла.

Онъ сообщилъ ей все въ подробности. Она слушала съ глубокимъ интересомъ.

— Какъ странно,—сказала она,—и, однако, вполнѣ естественно.

— Вы видите, что всему причиной дель-Фериче. Думаю, что первоначально дѣйствительно случай натолкнулъ его; но онъ съумѣлъ имъ воспользоваться. Конечно, очень забавно найти послѣдняго изъ младшей отрасли трактирщикомъ въ Абруццахъ. Но надѣюсь, что мы больше о немъ не услышимъ. Онъ не расположенъ, повидимому, искать своего титула. —Корона mia, я долженъ сказать вамъ сегодня нѣчто болѣе серьезное.

— Что такое?

И она съ удивленіемъ устремила на него большіе черные глаза.

— Теперь вѣдь нѣтъ больше причины откладывать нашу свадьбу...

— Неужели вы полагаете, что я хотя одну секунду думала, что есть причина?—съ упрекомъ спросила она.

— Нѣтъ... Но только... согласитесь ли вы, чтобы свадьба была очень скоро?

Кровь медленно залила ей щеки, но она отвѣчала безъ колебанія.

— Когда хотите, Джіованни. Пусть только свадьба будетъ очень скромная, и пусть мы немедленно уѣдемъ въ Сарачинеска.

Если вы согласны на эти два условія, то назначьте такъ скоро, какъ хотите.

— На будущей недѣлѣ?

— Хорошо. Я рада покончить скорѣе съ положеніемъ невѣсты. Мнѣ несносно, что всѣ меня поздравляютъ съ утра до вечера.

— Я пошлю завтра людей въ Сарачинеска,—съ восторгомъ объявилъ Джіованни.—Тамъ, впрочемъ, работали всю зиму, чтобы сдѣлать домъ обитаемымъ.

— Надѣюсь, никакихъ особыхъ перемѣнъ не будетъ?—воскликнула Корона, которой полюбились старыя, сѣрыя стѣны.

— Только привели въ порядокъ пріемные покои. Кстати, я встрѣтилъ сегодня вечеромъ Гуаша. Онъ отправляется съ ротой зуавовъ ловить тамъ разбойниковъ, если только они существуютъ.

— Надѣюсь, что онъ къ намъ не пріѣдетъ. Я желаю побыть наединѣ съ вами, Джіованни, въ продолженіе нѣкотораго времени. Вамъ не будетъ скучно со мной наединѣ? Я вамъ не надоѣмъ?

Безполезно передавать отвѣтъ Джіованни.

Сначала Джіованни и Корона строили планы на счетъ весны и лѣта. Они собирались читать, вмѣстѣ работать надъ улучшеніемъ своихъ помѣстьевъ; они проведутъ дорогу между Астрарденте и Сарачинеска, ту самую, о которой было такъ много толковъ послѣдній годъ; они вмѣстѣ посѣтятъ всѣ уголки своихъ владѣній и познакомятся съ положеніемъ каждаго поселянина; а всего болѣе устремятъ они свое вниманіе на расширеніе лѣсныхъ участковъ, въ чемъ Джіованни предвидѣлъ обезпеченіе благосостоянія своихъ дѣтей. Наконецъ, разговоръ коснулся недавнихъ событій и главнымъ образомъ той роли, какую дель-Фериче и донна Туллія играли въ своихъ попыткахъ помѣшать ихъ браку. Корона спросила Джіованни, что онъ намѣренъ теперь дѣлать.

— Я не вижу, чтобы стоило что-либо дѣлать,—отвѣчалъ онъ.—Я поѣду завтра къ доннѣ Тулліи и объясню ей эту курьезную ошибку... и скажу, что я очень благодаренъ ей за то, что она указала моему вниманію существованіе дальняго родственника, но попрошу болѣе не вмѣшиваться въ мои дѣла.

— Какъ вы думаете, выйдетъ она теперь замужъ за дель-Фериче?

— Почему же нѣтъ? Конечно, онъ далъ ей документы. Быть можетъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что они докажутъ, что я уже женатъ. Быть можетъ, она посердится на него за его

ошибку, но онъ станетъ защищаться и заставитъ ее выйти за себя замужъ.

— Я бы желала, чтобы они женились и уѣхали, — сказала Корона, которой самое имя дель-Фериче было ненавистно, и которая ненавидѣла донну Туллію почти такъ же страстно. Корона была очень добрая въ душѣ женщина, но она была далека той святости, которая забываетъ и прощаетъ оскорбленія. Въ ней жили человѣческія и весьма сильныя страсти. Она храбро боролась со своимъ чувствомъ къ Джіованни и научилась владѣть собой. Но сознаніе свободы какъ бы распустило возжи ея долго сдерживаемыхъ чувствъ, и страсти забушевали съ удвоенной силой. Убѣжденіе же, что гнѣвъ ея на двухъ враговъ—гнѣвъ справедливый, только подливало масла въ огонь.

Глаза ея сверкали, когда она говорила о дель-Фериче и его невѣстѣ, и никакое наказаніе не казалось ей достаточно страшнымъ для людей, предательски хотѣвшихъ отнять у нея съ трудомъ завоеванное счастье.

— Я бы желала, чтобы они женились,—повторила Корона,— и чтобы кардиналъ на другой же день выгналъ ихъ изъ Рима.

— Это можетъ, конечно, случиться. Бѣда въ томъ, что кардиналъ презираетъ дель-Фериче и его политическій дилеттантизмъ. Онъ не придаетъ ровно никакого значенія—живетъ онъ въ Римѣ или нѣтъ. Сознаюсь, что было бы очень пріятно свернуть негодяю шею.

— Но вы не будете съ нимъ больше драться, Джіованни, — вдругъ встревожилась Корона.—Вы не должны больше рисковать жизнью... вы знаете, что она мнѣ теперь принадлежитъ.

И она нѣжно положила дрожащую руку на его руку.

— Конечно, не буду. Но мой отецъ очень сердитъ. Я думаю, что мы можемъ предоставить ему наказать дель-Фериче. Отецъ очень вспыльчивъ.

— Я знаю. Онъ великолѣпенъ въ гнѣвѣ. Я не сомнѣваюсь, что онъ отлично справится съ дель-Фериче.

Корона засмѣялась почти злобно.

Джіованни тревожно, но не безъ гордости взглянулъ на нее, узнавая въ ней родственный себѣ духъ.

— Какая вы тоже сердитая!—замѣтилъ онъ съ улыбкой.

— Развѣ я не основательно сержусь? развѣ эти люди не заслуживаютъ кары? Они чуть было не разлучили насъ. Нѣтъ такой кары, которую я бы признала черезъ-чуръ для нихъ строгой. Къ чему притворяться, что не ощущаешь къ нимъ злобы? Вы спокойны, Джіованни. Можетъ быть, вы сильнѣе меня. Мнѣ ка-

жется, вы не отдаете себѣ отчета въ томъ, что они хотѣли сдѣлать—разлучить насъ... *насъ*! Да развѣ есть для нихъ слишкомъ сильная кара!

Джіованни еще не видывалъ ея въ такомъ возбужденномъ состояніи.

— Вы ошибаетесь, Корона. Вы думаете, что я равнодушенъ, потому что спокоенъ. Дель-Фериче будетъ наказанъ—и жестоко.

— Надѣюсь,—проговорила Корона сквозь зубы.

Еслибы Джіованни предвидѣлъ, какую долгую и горькую борьбу ему придется вести прежде, нежели искупленіе будетъ полное, онъ, по всей вѣроятности, отказался бы отъ мести разъ и навсегда, ради спокойствія жены.

Но мы, смертные, видимъ все какъ бы въ зеркалѣ, и когда оно отуманивается силой ненависти, намъ все представляется тускло и невѣрно. Корона и Джіованни, солидарные, дружные, богатые и могущественные, могли казаться страшными для жалкаго негодяя, какъ дель-Фериче, самое пропитаніе котораго зависѣло отъ системы ежедневнаго предательства. Но въ тѣ дни колесо фортуны начинало поворачиваться, и дальновидные люди предсказывали, что скоро наступитъ время, когда именно негодяи будутъ играть роль особъ. Годы пройдутъ прежде, нежели наступитъ такая перемѣна, но перемѣна все-таки наступитъ, наконецъ.

Джіованни былъ очень задумчивъ, возвращаясь домой въ этотъ вечеръ. Онъ былъ счастливъ и имѣлъ всѣ къ тому основанія, такъ какъ давно ожидаемый день былъ близокъ. Онъ почти достигъ цѣли своей жизни, и никакихъ препятствій больше не предстояло преодолѣвать. Облегченіе почувствовалъ онъ послѣ возвращенія отца большое: хотя онъ и зналъ, что помѣха будетъ скоро удалена, но всякая помѣха досаждала его, и онъ не могъ заранѣе предугадать всѣхъ затрудненій, какими грозили дальнѣйшія интриги донны Тулліи и ея нареченнаго жениха. Но теперь, благодаря энергическому вмѣшательству отца, всѣ затрудненія были улажены. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ задумчивъ, и выраженіе его лица было не изъ счастливыхъ въ то время, какъ онъ шагалъ по улицѣ, потому что онъ думалъ о дель-Фериче и доннѣ Тулліи, и гнѣвное лицо Короны все еще стояло у него въ глазахъ. Онъ размышлялъ, что ее оскорбили не менѣе его самого, и что ея ярость законна, что его обязанность—раздѣлять ея чувства. Меланхолическій нравъ его легко поддавался грустному настроенію.

Онъ не взлюбилъ дель-Фериче съ самаго того момента, какъ тотъ перебѣжалъ ему дорогу. Но теперь ненависть его удесятери-

лась, и только полная гибель дель-Фериче могла удовлетворить его; но гибель эта должна была быть достигнута законными средствами.

Джіованни недалеко было ходить за оружіемъ. Онъ давно подозрѣвалъ дель-Фериче въ измѣнническихъ продѣлкахъ; онъ не сомнѣвался, что найдетъ средство изобличить его. Онъ предоставитъ ему жениться на доннѣ Туллiи, и на другой день послѣ свадьбы дель-Фериче будетъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму римской куріи, какъ политическій преступникъ низшаго и опаснѣйшаго свойства—какъ политическій шпіонъ.

Рѣшеніе было имъ скоро составлено. Ему оно не казалось жестокимъ, такъ какъ онъ былъ въ озлобленномъ настроеніи. Дель-Фериче заслуживалъ самаго худшаго.

Итакъ, Джіованни пришелъ домой и скоро заснулъ сномъ человѣка, безповоротно на что-нибудь рѣшившагося. Поутру онъ рано всталъ и сообщилъ о своихъ планахъ отцу. Результатомъ было то, что они рѣшили избѣгать пока свиданій съ доннoй Туллiей и письменно сообщить ей о результатѣ путешествія старика Сарачинеска въ Аквилу.

XIV.

Когда донна Туллія получила записку Сарачинеска, извѣщавшую о существованіи второго Джіованни, его происхожденіи и теперешнихъ обстоятельствахъ, она была внѣ себя отъ разочарованія. Ей сдѣлалось ясно, что она скомпрометтирована передъ свѣтомъ; весь Римъ знаетъ, какую нелѣпую роль разыграла она въ комедіи дель-Фериче, она просто опозорена; ее обманули; ее провели, надъ нею жестоко надсмѣялись. Она заболѣла, какъ это часто бываетъ съ тщеславными людьми, когда они чувствуютъ себя смѣшными.

Бросившись на диванъ въ своемъ будуарѣ, убранномъ со всевозможной роскошью, она то блѣднѣла, то краснѣла, и желала лучше умереть, или уѣхать въ Парижъ,—куда угодно, только бы бѣжать изъ Рима.

Но прежде всего ей нужно послать за дель-Фериче и излить на немъ всю злобу и весь свой гнѣвъ.

Не прошло и трехъ-четвертей часа, какъ Уго появился, улыбающійся, вкрадчивый и нѣжный, какъ всегда. Донна Туллія приняла презрительную позу, заслышавъ его шаги. Она намѣревалась сразу обрушиться на него и уничтожить. Но онъ не обратилъ никакого вниманія на ея грозную мину, подошелъ, какъ

ни въ чемъ не бывало, и хотѣлъ взять ея руку, чтобы поцѣловать. Донна Туллія поглядѣла на него со всѣмъ презрѣніемъ, какое только могли изобразить ея голубые глаза. Комедія была хорошо разыграна. Дель-Фериче, замѣтившій сразу, какъ только вошелъ, что тутъ что-то неладно, и уже догадавшійся, въ чемъ дѣло, притворно отступилъ назадъ и выказалъ настоящій ужасъ оттого, что она не даетъ ему руки. Лицо его выразило смѣсь негодованія и горя за то, какъ съ нимъ обращались. Но донна Туллія продолжала холодно и язвительно глядѣть на него.

— Что это значитъ? Что я сдѣлалъ?—трагически спросилъ дель-Фериче.

— И вы еще спрашиваете? Прочтите это и поймите, что вы сдѣлали.

И донна Туллія швырнула ему въ лицо письмо Сарачинеска.

Дель-Фериче зналъ этотъ почеркъ и зналъ, о чемъ говорится въ письмѣ. Онъ взялъ письмо одной рукой, но не глядя въ него, не спуская глазъ съ разсерженной женщины. Брови его нахмурились и полузакрытые глаза съ угрозой смотрѣли на нее.

— Горе человѣку, который станетъ между вами и мной! — трагически произнесъ онъ.

Донна Туллія грубо засмѣялась и отступила назадъ, не спуская съ него глазъ, чтобы видѣть его смущеніе. Но ей не подъ силу было справиться съ актеромъ, за котораго она обѣщала выйти замужъ. Дель-Фериче сталъ читать письмо, и лобъ его разгладился; улыбка торжества появилась на его губахъ.

— Ага!—закричалъ онъ:—я такъ и зналъ! Я догадывался, я разсчитывалъ на это!.. Такъ оно и есть! Онъ, наконецъ, найденъ! настоящій Сарачинеска! теперь только вопросъ времени...

Донна Туллія глядѣла на него теперь уже съ непритворнымъ удивленіемъ.

— Не угодно ли вамъ объяснить, чему вы такъ радуетесь? — спросила она.

— Объяснить? да развѣ это вамъ не понятно? развѣ вы не видите сами? Развѣ мы не нашли маркиза ди Сан-Джачинто, настоящаго Сарачинеска? развѣ этого не достаточно?

— Я васъ не понимаю.

Въ одну минуту дель-Фериче очутился около нея. Онъ, казалось, не могъ сдержать себя отъ радости. Само собой разумѣется, что онъ игралъ комедію и игралъ отчаянную роль, подстрекаемый страхомъ лишиться этой женщины и ея денегъ, какъ разъ наканунѣ свадьбы.

Онъ схватилъ ея руку и, охвативъ рукой за талію, заходилъ

съ нею взадъ и впередъ по комнатѣ, поспѣшно и серьезно излагая свои соображенія. Колебаться было невозможно; малѣйшее смущеніе—и все пропало.

— Нѣтъ, конечно, вы не понимаете всей важности этого открытія. Я долженъ объяснить. Я долженъ войти въ историческія подробности, а я до того обрадовался своей необыкновенной удачѣ, что съ трудомъ говорю. Бросьте всѣ сомнѣнія!—мы побѣдили. Этотъ трактирщикъ, этотъ Джіованни Сарачинеска, этотъ маркизъ ди Сан-Джачинто—законный и настоящій князь Сарачинеска, глава фамиліи!.. Да, да. Я подозрѣвалъ это, когда впервые увидѣлъ его подпись въ Аквилѣ; но человѣкъ этотъ уѣхалъ съ своей молодой женой, и никто не зналъ—куда. Теперь онъ вернулся и, мало того, какъ явствуетъ изъ этого письма, со всѣми документами, доказывающими его личность. Вотъ въ чемъ дѣло. Выслушайте, Туллія *mia*. Старый Леоне Сарачинеска, который послѣднимъ носилъ титулъ маркиза...

— Тотъ, о которомъ тутъ упоминается?—перебила донна Туллія, внѣ себя.

— Да... тотъ, что служилъ у Мюрата, при Наполеонѣ. Всѣмъ извѣстно, что онъ претендовалъ, и по всей справедливости, на римскій титулъ. За два поколѣнія передъ тѣмъ произошло полюбовное соглашеніе—полюбовное, но вполнѣ незаконное, по которому старшій братъ, неженатый и больной человѣкъ, передалъ римскія помѣстья младшему брату, женатому и имѣвшему дѣтей, а взамѣнъ того взялъ неаполитанскія помѣстья и титулъ, которые и перешли къ старшей отрасли по смерти бездѣтнаго маркиза ди-Сан-Джачинто. Въ концѣ жизни этотъ старикъ, больной и удалившійся отъ свѣта, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, женился — и уже, разумѣется, вопреки собственнымъ предыдущимъ намѣреніямъ. Какъ бы то ни было, а у него родился мальчикъ сынъ. Старикъ увидѣлъ, что добровольно лишилъ сына княжескаго титула и завелъ новые переговоры съ братомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался измѣнить договоръ. Тѣмъ временемъ старикъ умеръ, будучи, по закону, — замѣтьте это—главой фамиліи Сарачинеска. Его сынъ долженъ былъ бы наслѣдовать ему. Но его жена, дочь бѣднаго неаполитанскаго дворянина, имѣла всего восемнадцать лѣтъ отъ роду, а ребенку было всего шесть мѣсяцевъ. Люди женились очень молодыми въ тѣ времена. Она пыталась, однако, протестовать, но безуспѣшно, и мальчикъ выросъ съ титуломъ маркиза ди Сан-Джачинто. Онъ узналъ исторію своего рожденія отъ матери и, въ свою очередь, протестовалъ, но безуспѣшно. Онъ погубилъ себя, пытаясь возстановить

свое право въ неаполитанскихъ судахъ, и, наконецъ, во дни Наполеоновскаго торжества, вступилъ на службу подъ знамена Мюрата, получивъ торжественное обѣщаніе отъ императора, что ему будетъ возвращенъ княжескій титулъ. Но императоръ забылъ о своемъ обѣщаніи или же не нашелъ удобнымъ его сдержать, такъ какъ имѣлъ свои собственныя причины не желать ссоры съ Піемъ VII, протежировавшимъ римскимъ Сарачинескамъ. Затѣмъ наступилъ 1815-ый годъ паденія имперіи, возстановленіе Фердинанда IV въ Неаполѣ, конфискація имущества всѣхъ, кто примкнулъ къ императору, а слѣдовательно, и полное фіаско всѣхъ надеждъ Сан-Джачинто. Предполагаю, что онъ убитъ или бѣжалъ изъ страны. Самъ Сарачинеска признаетъ, что его внукъ живъ и владѣетъ фамильными бумагами. Самъ Сарачинеска нашелъ, видѣлъ и говорилъ съ главой своего дома, который, по милости неба и при содѣйствіи суда, въ непродолжительномъ времени выгонитъ его изъ дому и изъ помѣстій и явится на мѣсто его во всемъ блескѣ въ палаццо Сарачинеска, римскимъ княземъ, грандомъ испанскимъ и все проч. Чему же вы удивляетесь, что я радуюсь, убѣжденный въ томъ, что трактирщикъ наступитъ на главу моего непріятеля? Представьте себѣ униженіе старика Сарачинеска,—Джіованни, которому придется принять титулъ жены,—и униженіе самой Астрарденте, когда она узнаетъ, что вышла замужъ за нищаго сына нищаго претендента!..

Дель-Фериче настолько зналъ фамильную исторію Сарачинеска, чтобы наговорить съ три короба доннѣ Тулліи, въ увѣренности, что она не помнитъ всѣхъ подробностей дѣла. Ненавидя эту семью, онъ усердно собиралъ всѣ свѣденія о ней, какія только могъ достать, не заглядывая въ ихъ семейный архивъ. Благодаря своей находчивости, онъ придумалъ весьма правдоподобную исторію, — настолько правдоподобную, что весь гнѣвъ донны Тулліи разсѣялся, и ей сообщился даже отчасти восторгъ дель-Фериче.

Самъ онъ надѣялся, что съумѣетъ извлечь изъ этой исторіи осязательный вредъ для Сарачинеска; но его ближайшей цѣлью было не потерять донны Тулліи. Она слушала, не переводя дыханія, пока онъ не умолкъ.

— Что вы за человѣкъ, Уго! Вы пораженіе обращаете въ побѣду! Неужели это все правда? Вы думаете, мы можемъ это устроить?

— Я готовъ сейчасъ умереть!

И дель-Фериче торжественно приподнялъ руку:

— Все это истинная правда, Богъ тому свидѣтель!

Онъ даже надѣялся по многимъ причинамъ, что клятва его не ложная.

— Что же намъ теперь дѣлать?—спросила m-me Майеръ.

— Дадимъ имъ сперва обвѣнчаться, а затѣмъ уже съумѣемъ ихъ унизить.

Безсознательно онъ повторилъ то самое рѣшеніе, какое принялъ относительно его Джіованни.

— Тѣмъ временемъ мы съ вами посовѣтуемся съ адвокатами и спросимъ, какъ лучше всего приступить къ дѣлу, чтобы вѣрно и быстро довести его до конца.

— Вамъ надо будетъ послать за трактирщикомъ.

— Я поѣду и повидаюсь съ нимъ. Не трудно будетъ убѣдить его искать своихъ правъ.

Дель-Фериче проговорилъ еще нѣкоторое время съ донной Туллiей. Новая задача такъ заинтересовала ее, что вмѣсто того, чтобы взять обратно слово, какъ она намѣревалась, она еще сильнѣе подпала подъ вліяніе Уго и согласилась назначить день свадьбы; въ понедѣльникъ на святой они рѣшили повѣнчаться. Да и самая мысль прогнать дель-Фериче была результатомъ преходящей вспышки гнѣва. Если она боялась неравнаго брака, выходя замужъ за дель-Фериче, то это опасеніе было устранено тѣмъ, какъ встрѣтилъ свѣтъ извѣстіе объ ея помолвкѣ. Съ дель-Фериче стали обходиться съ бо́льшимъ почтеніемъ; слуги величали его „Eccellenza“—честь, какую ему до сихъ поръ не оказывали, и на какую онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права; но, тѣмъ не менѣе, это нравилось тщеславной доннѣ Туллiи.

Положеніе, какое съумѣлъ дель-Фериче занять въ свѣтѣ личною ловкостью и тщательнымъ соблюденіемъ всѣхъ условій и предразсудковъ этого свѣта, внезапно упрочилось при извѣстіи о его женитьбѣ на доннѣ Туллiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не возбуждалъ ревности: особенности характера донны Туллiи были такого рода, что съ самаго начала служили камнемъ преткновенія для ея замужства. Молодой дѣвушкой, родственницей Сарачинесковъ, которыхъ она теперь такъ жестоко ненавидѣла, она бы считалась подходящей партіей для каждаго римскаго дворянина, начиная съ Вальдерно. Но у нея было небольшое приданое и про нее говорили, что она мотовка—два качества, очень предосудительныя въ невѣстѣ. Къ тому же ее считали кокеткой, и свѣтское жюри рѣшило, что за ней будетъ очень пріятно ухаживать, когда она выйдетъ замужъ, но жениться на ней рискованно. Но прежде, нежели женихи успѣли разобрать ее по ни-

точкѣ, она нашла мужа въ лицѣ богатаго подрядчика, иностраннаго происхожденія, Майера, которому нужна была жена изъ хорошаго римскаго дома и вовсе не нужно было приданаго. Она снисходительно относилась къ нему, но смерть скоро избавила ее отъ него. Послѣ того, изъ всѣхъ ея согражданъ, только одинъ эксцентричный старикъ Сарачинеска вообразилъ, что она годится въ жены для его сына. Но этотъ бракъ не состоялся, вслѣдствіе того, что Джіованни влюбился въ Корону, и m-me Майеръ предстояло или остаться вдовой на всю жизнь, или выйти замужъ за бѣднаго человѣка.

Она выбрала послѣднее, и судьба послала ей умнѣйшаго изъ бѣдныхъ людей въ Римѣ, какъ бы въ вознагражденіе за то, что ей не удалось выйти за лучшаго, въ лицѣ Джіованни.

Хотя Туллія всегда была притягательнымъ центромъ, но никто изъ ея поклонниковъ не хотѣлъ на ней жениться, и потому всѣ одобряли ея выборъ. Одинъ говорилъ, что съ ея стороны очень великодушно выходить за бѣднаго господина; другой замѣчалъ, что она поступала умно, выходя замужъ за человѣка, который навѣрное займетъ хорошее положеніе при итальянскомъ правительствѣ; третій объяснялъ, что радъ удовольствію пользоваться ея обществомъ, не будучи зачисленнымъ въ ряды претендентовъ на ея руку; и всѣ въ одно слово хвалили ее и относились къ дель-Фериче съ тѣмъ почтеніемъ, какого заслуживаетъ человѣкъ, взысканный фортуной.

Донна Туллія назначила день свадьбы, и ея нареченный женихъ ушелъ довольный ею, самимъ собой и своей выдумкой. Онъ чувствовалъ себя немного возбужденнымъ и хотѣлъ побыть одинъ. Онъ еще не обнялъ всей обширности своего плана и долженъ былъ обсудить его; но съ вѣрнымъ инстинктомъ прирожденнаго интригана чувствовалъ, что планъ очень ловокъ и стоитъ того, чтобы имъ хорошенько заняться. Поэтому онъ ушелъ домой и занялся изученіемъ этого дѣла, отправивъ записку къ юному адвокату-пріятелю, человѣку сомнительной репутаціи, но блестящихъ дарованій, котораго онъ избралъ совѣтникомъ въ важномъ дѣлѣ, предпринятомъ имъ.

Въ непродолжительномъ времени онъ услышалъ о томъ, что бракосочетаніе Джіованни Сарачинеска и герцогини Астрарденте должно произойти на будущей недѣлѣ въ домашней церкви князей Сарачинеска,—по крайней мѣрѣ, такіе ходили слухи; а что церемонія совершена будетъ совсѣмъ келейно—явствовало уже изъ того, что никакихъ приглашеній не было разослано. Свѣтъ не преминулъ судить и рядить о такой исключительности, и суж-

денія были неодобрительныя, такъ какъ его лишали давно желаннаго зрѣлища.

Такое положеніе дѣлъ длилось два дня, какъ вдругъ, въ воскресенье утромъ, ровно за недѣлю до свадьбы, весь Римъ былъ удивленъ торжественнымъ приглашеніемъ, извѣщавшимъ, что бракосочетаніе произойдетъ въ Basilica Santi Apostoli, и что за нимъ послѣдуетъ пышный пріемъ въ палаццо Сарачинеска. Скоро узнали, что вѣнчать будетъ кардиналъ-архіерей св. Петра, что соединенные хоры св. Петра и Сикстинской капеллы будутъ пѣть обѣдню, и что вся церемонія обставлена будетъ небывалой торжественностью и великолѣпіемъ. Такую программу напечаталъ „Osservatore Romano", и извѣстіе сопровождалось пространнымъ и краснорѣчивымъ диѳирамбомъ счастливой парѣ.

Римъ былъ просто съ ногъ сбитъ, и хотя нашлись зоилы, утверждавшіе, что неприлично Коронѣ праздновать свою свадьбу съ такой пышностью, когда она такъ еще недавно овдовѣла, но общій голосъ рѣшилъ, что это и прилично, и достойно такого важнаго событія. Но лишь только приглашенія были разосланы, то никому и въ голову не пришло удивиться, что приглашенія такъ запоздали. Никому не было извѣстно, что въ тотъ короткій промежутокъ, какой истекъ между назначеніемъ дня и отправкой приглашеній, произошло нѣсколько свиданій между старикомъ Сарачинеска и кардиналомъ Антонелли; первый сообщилъ о естественномъ желаніи Короны, чтобы вѣнчаніе произошло келейнымъ образомъ, но послѣдній выставилъ нѣсколько причинъ, почему желательно, чтобы такое крупное событіе произошло гласно. Сарачинеска отвѣтилъ, что ему все равно, и онъ только передалъ желаніе невѣсты; кардиналъ же неоднократно повторилъ, что желаетъ устроить дѣло ко всеобщему удовольствію. Корона настаивала на томъ, что торжественное вѣнчаніе не можетъ доставить ей удовольствія, и кардиналъ вынужденъ былъ, наконецъ, убѣдить его святѣйшество папу выразить желаніе, чтобы вѣнчаніе совершилось торжественно и публично, послѣ чего Корона хотя неохотно согласилась, но дѣло было улажено. Кардиналу нужно было доказать солидарность куріи съ римскимъ дворянствомъ: въ его планы входило пользоваться всякимъ обстоятельствомъ, которое могло усилить значеніе римской куріи и произвести то впечатлѣніе на иностранныхъ пословъ, что во всѣхъ дѣлахъ римляне единодушны, и какъ одинъ человѣкъ встанутъ за Ватиканъ. Никто не зналъ лучше его, какъ сильно должно поразить умъ иностранца зрѣлище священной церемоніи, на которой будетъ присутствовать все дворянство in corpore: римскія церемоніи тѣхъ дней пре-

восходили по пышности и великолѣпію все, что можно было видѣть при какомъ-либо другомъ европейскомъ дворѣ.

Бракъ, такимъ образомъ, станетъ цѣлымъ событіемъ, и кардиналъ можетъ воспользоваться имъ для своихъ цѣлей, и, конечно, не упуститъ такого удобнаго случая и тѣхъ выгодъ, какія изъ него можно извлечь: Антонелли лучше другихъ людей понималъ всю важность поддержанія внѣшняго обаянія.

Но для двухъ главныхъ героевъ дня все это было лишь несносно и скучно; и даже ихъ личное великое и истинное счастіе не могло прогнать крайняго утомленія, произведеннаго пышной церемоніей и еще болѣе пышнымъ пріемомъ, какой за нею послѣдовалъ.

Описывать торжество—значило бы составить перечень великолѣпныхъ экипажей, великолѣпныхъ туалетовъ, великолѣпныхъ декорацій. Нѣсколькихъ страницъ не хватило бы для перечисленія кардиналовъ, сановниковъ, посланниковъ и знатныхъ вельможъ, богатые экипажи которыхъ катились длиннымъ рядомъ по площади dei Santi Apostoli, къ дверямъ базилики. Столбцы „Osservatore Romano“ послѣ того цѣлую недѣлю наполнялись описаніемъ всей процессіи. Газета не пропустила ни одной важной особы, ни одного дипломата, ни одного зуава. И свѣтъ читалъ диѳирамбъ самому себѣ и находилъ его гораздо болѣе интереснымъ, нежели диѳирамбъ новобрачнымъ. Только двое или трое лицъ остались недовольны: газета ошиблась въ цвѣтѣ обивки ихъ каретъ. Но въ общемъ статья произвела фуроръ.

Когда, наконецъ, солнце зашло и гости разъѣхались изъ палаццо Сарачинеска, Корона и Джіованни сѣли въ дорожную карету и вздохнули съ облегченіемъ. Старикъ-князь нѣжно обнялъ свою невѣстку, поцѣловалъ ее, и вторично, въ теченіе нашей исторіи, двѣ слезы тихо скатились по его смуглымъ щекамъ на сѣдую бороду. Послѣ того онъ обнялъ Джіованни, лицо котораго было блѣдно и серьезно.

— Мы не на вѣкъ разстаемся съ вами, padre mio, — сказалъ онъ.—Мы будемъ ждать васъ въ скоромъ времени въ Сарачинеска.

— Да, сынъ мой, я пріѣду навѣстить васъ послѣ святой. Но не оставайтесь тамъ долго, если еще холодно, а у меня есть дѣльце въ Римѣ, которое мнѣ надо обдѣлать прежде, нежели ѣхать къ вамъ, — прибавилъ онъ съ доброй улыбкой.

— Знаю,—отвѣтилъ Джіованни, съ злымъ блескомъ въ черныхъ глазахъ.—Если вамъ понадобится что, пришлите за мной или сами пріѣзжайте.

— Не безпокойся, Джіованни, у меня есть сильный помощникъ. Ну, съ Богомъ, конвой теряетъ терпѣніе.

— Прощайте. Боже васъ благослови, padre mio!

— И васъ обоихъ да благословитъ Господь!

И они уѣхали, оставивъ старика безъ шляпы и одного подъ аркой его наслѣдственнаго дворца. Большая карета покатилась въ сопровожденіи конвоя конныхъ жандармовъ, которыхъ кардиналъ непремѣнно захотѣлъ прислать, частью для почета, частью ради безопасности молодой четы.

Джіованни держалъ руку Короны въ своихъ рукахъ, и нѣкоторое время оба молчали. Они проѣхали подъ низкими сводами Porta San Lorenzo и выѣхали, при лучахъ заходящаго солнца, въ Кампанью.

— Слава Богу, что все, наконецъ, благополучно кончилось! —сказалъ Джіованни.

— Да, наконецъ-то!—отвѣтила Корона, сжимая почти конвульсивно его смуглую руку:—и что бы теперь ни случилось, а ты мой, Джіованни, мой до гроба!

Было что-то грозное въ любви этихъ двухъ существъ другъ къ другу, потому что они выдержали долгую и упорную борьбу прежде, нежели соединились, и побѣдили самихъ себя прежде, нежели одолѣли другихъ.

Свѣжія подставы лошадей и свѣжій конвой ожидали ихъ по пути. Поздно ночью добрались они до Сарачинеска, при свѣтѣ множества фонарей и факеловъ; молодые парни отпрягли коней изъ кареты, впряглись въ нее сами и втащили на послѣднюю возвышенность съ гиканьемъ, пѣснями, точно пожарные.

И вотъ такимъ образомъ Джіованни Сарачинеска привезъ наконецъ въ свой домъ молодую жену.

XV.

Старикъ-князь остался одинъ, какъ зачастую бывало и прежде, когда Джіованни отправлялся на край свѣта въ погонѣ за развлеченіями. Въ такихъ случаяхъ Сарачинеска зачастую укладывалъ, бывало, свои пожитки и слѣдовалъ примѣру сына; но онъ рѣдко уѣзжалъ дальше Парижа, гдѣ у него было много знакомыхъ и гдѣ обыкновенно онъ утѣшался въ своемъ одиночествѣ.

Но теперь онъ чувствовалъ себя почему-то болѣе обыкновеннаго одинокимъ. Джіованни, правда, уѣхалъ недалеко; добрые кони въ какихъ-нибудь часовъ восемь съ небольшимъ доставятъ

его въ за́мокъ; но впервые въ жизни старикъ Сарачинеска почувствовалъ, что еслибы онъ вздумалъ послѣдовать за сыномъ, то былъ бы нежеланнымъ гостемъ. Сынъ женился, наконецъ, и надо оставить его въ покоѣ съ женой на нѣкоторое время. Въ силу противорѣчія, свойственнаго его характеру, не успѣлъ старикъ Сарачинеска проводить сына, какъ почувствовалъ страстное желаніе быть съ нимъ вмѣстѣ. Часто бывало, что Джіованни уѣзжалъ изъ дому, предваривъ объ этомъ всего за какія-нибудь сутки, въ одну изъ отдаленныхъ европейскихъ столицъ, но отцу вовсе не хотѣлось слѣдовать за нимъ только потому, что онъ зналъ, что можетъ сдѣлать это когда вздумаетъ; но теперь онъ сознавалъ, что нѣкто другой занялъ его мѣсто, и что на нѣкоторое, по крайней мѣрѣ, время онъ насильственно исключенъ изъ общества Джіованни.

Весьма вѣроятно, не будь у него дѣла, которое удерживало его въ Римѣ, онъ бы удивилъ счастливую чету, нагрянувъ въ за́мокъ на другой же день послѣ вѣнчанія. Но дѣло было спѣшное, секретное, неотлагательное и вполнѣ соотвѣтственное его настоящему настроенію духа.

Онъ всесторонне обсудилъ это обстоятельство съ Джіованни, и они условились въ томъ, какъ дѣйствовать. Предстояло, однако, много хлопотъ, прежде нежели они могли бы добиться того, чего хотѣли. Казалось, было бы просто пойти къ кардиналу Антонелли и попросить арестовать дель-Фериче за его беззаконные поступки; но слѣдовало въ точности опредѣлить эти беззаконные поступки, а пока этого нельзя было сдѣлать.

Кардиналъ рѣдко прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онѣ казались безотлагательными, а Сарачинеска прекрасно зналъ, что трудно будетъ что-либо доказать противъ дель-Фериче, кромѣ того, что онъ участвовалъ въ глупой болтовнѣ Вальдерно и его кружка.

Джіованни прямо заявилъ отцу свою увѣренность въ томъ, что дель-Фериче извлекаетъ свои доходы изъ нечистаго источника, но рѣшительно не могъ указать этого источника. Многіе вѣрили въ то, что дель-Фериче наслѣдовалъ состояніе отъ дальняго родственника; многіе думали, что онъ хитеръ и уменъ, но откровенныя и непринужденныя манеры его настолько вводили въ заблужденіе, что всѣмъ казалось, будто онъ всегда говоритъ то, что̀ думаетъ; большинство людей всегда восхищается, если необыкновенно умный человѣкъ удостоиваетъ съ ними разговаривать, но тщеславіе не позволяетъ имъ думать, что онъ ихъ обманываетъ.

Сарачинеска не сомнѣвался, что простое его мнѣніе будетъ

уже имѣть вѣсъ въ глазахъ кардинала; онъ привыкъ къ извѣстной власти и къ тому, что его сужденію придаютъ значеніе; но онъ зналъ, что кардиналъ—человѣкъ осторожный, ненавидитъ деспотическія мѣры потому, что, прибѣгая къ нимъ, самъ станетъ ненавистнымъ, и неохотно употребляетъ силу тамъ, гдѣ можно пустить въ ходъ искусство: онъ скорѣе попытается привлечь дель-Фериче на сторону реакціонныхъ взглядовъ, нежели издастъ указъ объ его изгнаніи за то, что у него либеральные взгляды. Еслибы даже старикъ Сарачинеска обладалъ болѣе значительнымъ дипломатическимъ инстинктомъ, чѣмъ то было, въ соединеніи съ беззастѣнчивой смѣлостью, онъ бы, конечно, нашелъ затруднительнымъ убѣдить кардинала противъ желанія; но Сарачинеска былъ самъ человѣкъ необузданный и неспособенъ сперва обдумать, а затѣмъ уже дѣйствовать.

Ему и въ голову не приходило сомнѣваться въ томъ, что онъ будетъ отомщенъ за поведеніе дель-Фериче и донны Тулліи и за ту роль, которую они разыграли въ послѣднее время; но когда онъ сталъ думать о томъ, какимъ способомъ убѣдить кардинала помочь ему, то увидѣлъ со всѣхъ сторонъ возникавшія затрудненія. Только на одно онъ могъ разсчитывать, а именно: если Антонелли согласится серьезно разслѣдовать образъ дѣйствій дель-Фериче, то послѣдній окажется не только врагомъ папства, но и злѣйшимъ личнымъ противникомъ самого кардинала.

Чѣмъ болѣе думалъ Сарачинеска объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе убѣждался, что ему слѣдуетъ храбро пойти къ кардиналу и заявить, что дель-Фериче опасный измѣнникъ—и съ нимъ нечего церемониться.

Если кардиналъ станетъ спорить, опять упрется на своемъ, то, по обыкновенію, что-нибудь и изъ этого да выйдетъ. Едва только онъ рѣшилъ, какъ ему поступить, такъ тотчасъ же его сомнѣнія исчезли; это всегда бываетъ съ сильными людьми, когда имъ приходится непосредственно дѣйствовать.

Ему нестерпимо было долѣе ждать. Онъ хотѣлъ дѣйствовать во что бы то ни стало. Джіованни и онъ рѣшили-было предоставить дель-Фериче обвѣнчаться съ донной Тулліей, чтобы вѣрнѣе наказать обоихъ. Теперь ему казалось лучше немедля захватить дель-Фериче. Предположимъ, разсуждалъ онъ, что донна Туллія съ мужемъ уѣдутъ изъ Рима въ Парижъ на другой день свадьбы: половина тріумфа будетъ испорчена, потому что главное торжество заключается въ томъ, чтобы дель-Фериче былъ арестованъ, какъ шпіонъ, въ Римѣ, тогда какъ если онъ переступитъ за его предѣлы, ему, самое большее, воспретятъ возвращаться, а это по-

казалось бы какъ самому Сарачинеска, такъ и его сыну недостаточно сильнымъ наказаніемъ.

Прошла недѣля, и веселье карнавала опять закипѣло; еще прошла недѣля, и наступилъ, наконецъ, постъ. Сарачинеска бывалъ вездѣ и всѣхъ видѣлъ по обыкновенію; на страстной недѣлѣ онъ показывался даже на тѣхъ тихихъ собраніяхъ, которыя такъ ненавидѣлъ его сынъ. Но онъ былъ безпокоенъ и недоволенъ. Ему хотѣлось скорѣе начать войну, и эта мысль лишала его даже сна. Какъ и Джіованни, онъ былъ страстенъ и злопамятенъ; но Джіованни унаслѣдовалъ отъ матери нѣкоторую медлительность темперамента, позволявшую ему сперва обсудить, а затѣмъ дѣйствовать; отецъ же его, разъ онъ былъ взволнованъ—а взволновать его ничего не стоило—любилъ дѣйствовать сразу, не размышляя.

Случилось разъ вечеромъ, въ очень знатномъ домѣ, Сарачинеска увидѣлъ кардинала, одиноко стоявшаго въ комнатѣ. Онъ шелъ въ пріемную, но застоялся въ одномъ изъ проходныхъ покоевъ передъ хрустальнымъ кубкомъ дивной, старинной работы. Кубокъ изъ рѣзного горнаго хрусталя, оправленный серебромъ, былъ работы если не самого Челлини, то кого-нибудь изъ его учениковъ.

Сарачинеска остановился возлѣ кардинала.

— Добраго вечера, ваша свѣтлость.

— Добраго вечера, князь,—отвѣтилъ кардиналъ, не оборачиваясь, но узнавъ его по голосу.—Видѣли вы эту чудную вещь? Я уже съ четверть часа какъ любуюсь ею.

Кардиналъ любилъ художественныя произведенія и зналъ въ нихъ толкъ.

— Очень хорошо, въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчалъ Сарачинеска, которому поскорѣе хотѣлось перейти къ тому, что его интересовало.

— Да, да,—проговорилъ кардиналъ неопредѣленно и сдѣлалъ движеніе, какъ бы собираясь уйти. Онъ увидѣлъ изъ банальной похвалы князя одно, что тотъ ничего въ этомъ дѣлѣ не смыслитъ. А старикъ-князь понялъ, что желанный случай ускользаетъ у него изъ рукъ, и потерялъ голову. Онъ даже не подумалъ о томъ, что можетъ видѣть кардинала наединѣ когда угодно; стоитъ только ему попросить назначить ему аудіенцію. Судьба послала кардинала на его пути, и судьба пусть за все отвѣчаетъ.

— Если ваша свѣтлость позволитъ, то мнѣ надо бы сказать вамъ два слова,—внезапно проговорилъ онъ.

— Сколько вамъ угодно,—отвѣтилъ государственный чело-

вѣкъ любезно. — Сядемъ въ этомъ уголку — намъ никто не помѣшаетъ.

Онъ казался особенно привѣтливымъ сегодня, и, усѣвшись возлѣ Сарачинеска, подобралъ полы пурпуровой мантіи на колѣняхъ и скрестилъ нѣжныя руки въ выжидательной позѣ.

— Вамъ, конечно, знакомъ, ваша свѣтлость, нѣкій дель-Фериче?

— Какъ же... этотъ deus ex machina, который появился, чтобы похитить донну Туллію. Да, я знаю его.

— Именно, и они очень подходятъ другъ къ другу; свѣтъ можетъ только рукоплескать союзу плоти съ діаволомъ.

Кардиналъ улыбнулся.

— Метафора удачная; но въ чемъ дѣло?

— Я вамъ скажу это въ двухъ словахъ. Дель-Фериче—негодяй чистѣйшей воды...

— Перлъ между негодяями,—перебилъ кардиналъ:—потому что безвреденъ, какой-то театральный злодѣй.

— Мнѣ кажется, ваша свѣтлость въ немъ ошибаетесь.

— Очень можетъ быть. Я чаще ошибаюсь, нежели это думаютъ.

Кардиналъ говорилъ очень мягко, но черные глазки его зорко впились въ Сарачинеска.

— Что онъ сдѣлалъ?—спросилъ онъ, послѣ короткой паузы.

— Онъ пытался сдѣлать какъ можно больше зла моему сыну и его женѣ. Я сильно подозрѣваю, что онъ старается вредить и вамъ.

Былъ ли Сарачинеска строго добросовѣстенъ, говоря кардиналу: „вамъ“, когда онъ разумѣлъ государство—вопросъ спорный. Есть латинская пословица, гласящая, что человѣкъ, котораго многіе боятся, долженъ самъ многихъ бояться, и пословица эта говоритъ правду. Кардиналъ лично былъ храбрый человѣкъ, но онъ зналъ, какой опасности подвергается, и память убитаго Росси была свѣжа въ его умѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ мягко улыбнулся и сказалъ:

— Это довольно неопредѣленно, мой другъ. Смѣю спросить, чѣмъ онъ можетъ мнѣ вредить?

— Я разсуждаю такъ,—продолжалъ Сарачинеска, призванный къ категорическому отвѣту. — Человѣкъ этотъ придумалъ весьма хитрый способъ арестовать моего сына... онъ испарилъ всю страну, пока не нашелъ человѣка, котораго зовутъ Джіованни Сарачинеска, который женился нѣкоторое время тому назадъ въ Аквилѣ. Онъ списалъ метрическія свидѣтельства и предста-

вилъ ихъ какъ доказательство, что сынъ мой уже женатъ. Еслибы я самъ не разыскалъ этого человѣка, мы нажили бы не мало хлопотъ. Кромѣ этого, дель-Фериче извѣстенъ какъ либералъ...

— Самаго невиннаго свойства, — перебилъ государственный человѣкъ, хотя сталъ очень серьезенъ.

— Мнѣнія, какія онъ высказываетъ, можетъ быть, и невинны, а потому онъ ихъ не скрываетъ. Но человѣкъ такой хитрый — не дуракъ.

— Понимаю, мой другъ. Вы оскорблены этимъ человѣкомъ, и желали бы, чтобы я отомстилъ ему за васъ, посадивъ его подъ замокъ. Такъ вѣдь?

— Именно,—засмѣялся Сарачинеска надъ собственной наивностью.—Мнѣ бы слѣдовало съ самаго начала сказать вамъ это.

— Да, это было бы лучше... Изъ васъ вышелъ бы плохой дипломатъ, князь. Но, ради всего на свѣтѣ, что я выиграю, мстя этому человѣку за ваши обиды?

— Ничего — если только, изслѣдовавъ его поведеніе, вы не найдете, что онъ дѣйствительно опасенъ. Въ послѣднемъ случаѣ вашей свѣтлости придется подумать о собственной безопасности. Если же вы найдете его невиннымъ, то оставите въ покоѣ.

— А какъ вы поступите въ такомъ случаѣ?—спросилъ кардиналъ съ улыбкой.

— Перерѣжу ему горло,—спокойно объявилъ Сарачинеска.

— Зарѣжете его?

— Нѣтъ... но вызову на дуэль и убью, какъ порядочнаго человѣка, что, въ сущности, слишкомъ много для него.

— Не сомнѣваюсь, что вы это сдѣлаете, — внушительно произнесъ кардиналъ.—Я нахожу ваше предложеніе благоразумнымъ. Если этотъ человѣкъ дѣйствительно опасенъ, я засажу его подъ замокъ. Но покорнѣйше прошу не поступать опрометчиво. Я рѣшилъ положить конецъ дуэлямъ и предупреждаю, что ни вы и никто иной не уйдетъ отъ тюремнаго заключенія, если будетъ замѣшанъ въ поединкѣ.

Сарачинеска подавилъ улыбку, услышавъ угрозу кардинала. Но онъ видѣлъ, что добился своего, и былъ этимъ доволенъ. Онъ заронилъ въ умѣ государственнаго человѣка сѣмя подозрѣнія, которое въ непродолжительномъ времени принесетъ свои плоды.

Въ тѣ дни опасность грозила со всѣхъ сторонъ, и люди не могли смотрѣть на нее сквозь пальцы, откуда бы она ни приходила, тѣмъ менѣе такой человѣкъ, какъ кардиналъ, ведшій

неравную борьбу съ превосходными силами, подкапывавшимися подъ его власть. Онъ давно презиралъ дель-Фериче, какъ пустого болтуна, но это не помѣшало ему понять, что онъ могъ ошибаться,—какъ намекалъ Сарачинеска. Онъ учредилъ, правда, надзоръ за Уго, но самый поверхностный. Небольшая кучка болтуновъ, собиравшаяся въ студіи Гуаша, на Via San Basilio, была вскорѣ открыта, но оказалась довольно безвредной. Послѣ того дель-Фериче предоставленъ былъ самому себѣ. Но тѣ немногія слова, въ какихъ Сарачинеска описалъ попытку Уго помѣшать браку Джіованни, навели кардинала на размышленіе, а кардиналъ попусту не размышлялъ.

На слѣдующій же день онъ отдалъ приказаніе задерживать и читать корреспонденцію дель-Фериче — мѣра самая обыкновенная въ эту эпоху.

Прежде всего открыли, что письма къ нему часто содержатъ деньги, въ видѣ небольшихъ чековъ изъ Лондона, за подписью одного флорентинскаго банкира, и что обыкновенно въ конвертѣ ничего, кромѣ денегъ, не было. Что касается писемъ вообще, то они казались весьма невинными сообщеніями отъ разныхъ лицъ, рѣдко касались политики, да и то въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Еслибы дель-Фериче и ожидалъ, что письма, писанныя ему, будутъ читать, то и тогда не могъ бы получать болѣе невинныхъ.

Оставалось теперь достать письмо, писанное самимъ дель-Фериче, и если можно, то перехватить всѣ его письма. Но человѣкъ, приставленный къ этому дѣлу, послѣ трехъ недѣль зоркаго дозора, вынужденъ былъ убѣдиться, что дель-Фериче не пишетъ никому, по крайней мѣрѣ не посылаетъ своихъ писемъ по почтѣ.

Онъ со страхомъ донесъ объ этомъ кардиналу, ожидая, что его распекутъ за неудачу. Но кардиналъ этого не сдѣлалъ. Онъ понялъ, что избралъ ошибочный путь, и что человѣкъ, никогда не пишущій писемъ, хотя получаетъ ихъ такъ много, долженъ имѣть свою собственную почту. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней за всѣми движеніями дель-Фериче зорко слѣдили, но опять безъ всякаго результата. Тогда кардиналъ послалъ за полицейскимъ регистромъ того округа, въ которомъ жилъ дель-Фериче и куда заносились имя, національность и адресъ каждаго обывателя.

Просматривая регистръ, кардиналъ встрѣтилъ имя: „Ѳемистоклъ Фаторуссо, изъ Неаполя, въ услуженіи у Уго графа дель-Фериче“,—и его поразила одна мысль.

„У него слуга неаполитанецъ“, подумалъ онъ. „Онъ, по всей вѣроятности, посылаетъ свои письма черезъ Неаполь“.

Тогда, вмѣсто того, чтобы слѣдить за господиномъ, стали слѣдить за слугой. Открыли, что онъ посѣщаетъ другихъ неаполитанцевъ и имѣетъ обыкновеніе ходить время отъ времени въ Ripa Grande, портъ Тибро, гдѣ у него, повидимому, масса знакомыхъ между неаполитанскими рыбаками, которые постоянно привозятъ грузы апельсиновъ и лимоновъ на римскій рынокъ въ своихъ тяжелыхъ баркахъ.

Тайна была разоблачена. Однажды, въ самомъ дѣлѣ, увидѣли, какъ Ѳемистоклъ передавалъ письмо въ руки здороваго малаго въ красномъ шерстяномъ колпакѣ.

Sbirro, увидѣвшій это, замѣтилъ рыбака и его барку и не терялъ изъ виду, пока тотъ не отплылъ. Послѣ того онъ сѣлъ на коня и поскакалъ въ Фіумичино, гдѣ дождался барки, подъѣхалъ къ ней на лодкѣ съ двумя жандармами и безъ всякаго затрудненія взялъ письмо у испуганнаго рыбака, который радъ былъ, что его самого отпустили по добру, по здорову.

Въ продолженіе двухъ недѣль нѣсколько писемъ было захвачено такимъ образомъ у различныхъ мореходовъ, и вся эта корреспонденція доставлена была прямо въ руки кардинала. Онъ не часто безпокоилъ себя, принимая обязанности полицейскаго сыщика, но уже если разъ брался за нихъ, то его нельзя было провести. И теперь онъ замѣтилъ, что недѣлю спустя послѣ того, какъ перехвачено было первое письмо, присылка небольшихъ суммъ денегъ на имя дель-Фериче изъ Флоренціи внезапно прекратилась, и это доказывало внѣ всякаго сомнѣнія, что каждое письмо оплачивалось, смотря по важности тѣхъ сообщеній, какія въ немъ заключались.

Что касается содержанія писемъ, то тутъ не было повода для сомнѣній. Дель-Фериче былъ такъ увѣренъ въ вѣрности своего способа переписки, что не прибѣгалъ даже къ шифру, хотя, конечно, не подписывался подъ письмами. Содержаніе же ихъ составляла неизмѣнно самая подробная хроника всего, что говорилось и дѣлалось въ Римѣ, причемъ отчетъ дня до того былъ точенъ и до мелочей обстоятеленъ, что даже кардиналъ удивился. Всякое появленіе кардинала въ обществѣ, имена лицъ, съ которыми онъ разговаривалъ, даже отрывки изъ его разговоровъ сообщались съ досадной вѣрностью. Государственный человѣкъ съ удивленіемъ узналъ, что за нимъ самимъ давно уже учреждена система шпіонства, такая же совершенная, какъ и его собственная. И что всего обиднѣе было для его самолюбія, шпіономъ

былъ человѣкъ, котораго онъ особенно презиралъ, считая его безвреднымъ и ничтожнымъ только потому, что тотъ хитро прикинулся слабымъ.

Откуда и какимъ образомъ дель-Фериче доставалъ свои свѣденія—это было для кардинала безразлично, такъ какъ онъ рѣшилъ, что больше онъ самъ ихъ доставлять не будетъ. Что были и другіе измѣнники въ его лагерѣ, и что они помогали дель-Фериче совѣтами—это болѣе нежели вѣроятно; конечно, продливъ наблюденіе, можно было ихъ выслѣдить, но такая проволочка была бы выгодна для заграничныхъ враговъ. Кромѣ того, если-бы дель-Фериче догадался, что его переписка просматривается въ Ватиканѣ, то не преминулъ бы убѣжать, а при его ловкости онъ, конечно, легко съумѣлъ бы это сдѣлать. Кто знаетъ, какъ онъ переодѣнется, чтобы незамѣтно пробраться черезъ границу.

Кардиналъ не колебался болѣе. Онъ только-что получилъ четвертое письмо, и промедлить еще—дель-Фериче встревожится и ускользнетъ у него изъ рукъ.

Онъ собственноручно написалъ записку начальнику полиціи съ приказомъ немедленно арестовать Уго графа дель-Фериче, съ порученіемъ захватить его негласно на дому и доставить въ Sant'Uffizio въ частной каретѣ въ сопровожденіи полицейскихъ, въ партикулярномъ платьѣ.

Было шесть часовъ вечера, когда онъ написалъ приказъ и отдалъ его собственному слугѣ, чтобы тотъ отнесъ по назначенію. Слуга не терялъ времени, и черезъ двадцать минутъ начальникъ полиціи уже получилъ приказъ и поспѣшилъ исполнить его безотлагательно.

Около семи часовъ вечера два почтенныхъ на видъ господина сѣли въ собственную карету начальника и быстро поѣхали за дель-Фериче. Менѣе нежели черезъ полчаса, человѣкъ, причинившій столько хлопотъ кардиналу, будетъ водворенъ въ тюрьмѣ и судимъ, какъ политическій шпіонъ. А между тѣмъ черезъ двѣ недѣли онъ долженъ былъ обвѣнчаться съ донной Тулліей, и приданое только-что пришло къ ней изъ Парижа.

Образъ дѣйствія кардинала въ этомъ случаѣ былъ объясненъ имъ самимъ въ разговорѣ съ Анастасіемъ Гуашемъ; онъ видѣлъ, что свѣтская власть папы доведена до послѣдней крайности, и потому считалъ необходимымъ прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Дѣйствительно, хотя Европа была въ мирѣ, но на дѣлѣ миръ былъ лишь вооруженнымъ нейтралитетомъ. Большой интересъ возбуждало повсюду положеніе папскихъ владѣній; такой интересъ рѣдко возбуждался даже болѣе крупными событіями, не-

жели занятіе иностранными войсками небольшого государства. Вся Европа вооружалась. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Австріи предстояло выдержать одно изъ самыхъ внезапныхъ и рѣшительныхъ пораженій, какія только занесены на страницы военной исторіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ величайшая военная держава въ мірѣ должна была пережить еще болѣе тяжкія пораженія. И всѣ эти событія, наканунѣ которыхъ стоялъ въ ту пору міръ, должны были нанести смертельный ударъ папской независимости. Папство было поставлено въ самыя критическія обстоятельства, и тѣ, на комъ лежала его послѣдняя оборона, считали нужнымъ обороняться до послѣдней степени. Самъ Римъ былъ переполненъ тогда мелкими и крупными заговорщиками и превратился въ арену для политическихъ шпіоновъ; поддержка, оказываемая ему Луи-Наполеономъ, уже была наполовину отнята, и задача Антонелли была не изъ легкихъ.

Онъ преслѣдовалъ шпіоновъ и изгонялъ ихъ десятками изъ города; въ сущности, городъ находился въ осадномъ положеніи, и малѣйшее ослабленіе желѣзной дисциплины, посредствомъ которой кардиналъ управлялъ въ послѣднія двадцать лѣтъ, оказалось бы для него пагубнымъ. Его ненавидѣли и боялись; не разъ жизнь его подвергалась опасности, но онъ упорно стоялъ на своемъ посту.

Воспоминанія объ убійствѣ графа Росси и кратковременной и безпорядочной республики 1848 г. были свѣжи въ памяти народа, и носились слухи о возстаніи не столько республиканскомъ, по теоріи, сколько анархическомъ по сущности и результатамъ. Джузеппе Мадзини пережилъ своего лютаго врага, великаго Кавура, и его вліяніе грозило неисчислимыми послѣдствіями.

Но не наше дѣло писать исторію тѣхъ бурныхъ временъ.

Послѣдуемъ лучше за той каретой, которая везла двухъ, почтеннаго вида, господъ въ домъ дель-Фериче.

XVI.

Случилось какъ разъ, что дель-Фериче не было дома въ тотъ часъ, когда карета съ сыщиками подъѣхала къ его двери. Да и вообще его трудно было застать въ это время, такъ какъ онъ постоянно обѣдалъ съ донной Тулліей и старухой-графиней, а затѣмъ сопровождалъ ихъ, куда онѣ отправлялись.

Ѳемистокла тоже не было; онъ ужиналъ въ osteria напротивъ квартиры своего господина. Тамъ онъ засѣдалъ въ это время за блю-

домъ бобовъ на оливковомъ маслѣ и обсуждалъ самъ съ собой вопросъ: не выпить ли ему еще mezza foglielta своего любимаго бѣлаго вина. Онъ сидѣлъ на деревянной скамьѣ у стѣны за узкимъ столомъ, накрытымъ грязной скатертью, съ остатками его скромной трапезы. Свѣтъ отъ одиночнаго маслянаго фонаря, спускавшагося съ чернаго потолка, былъ неблестящъ, и онъ хорошо могъ видѣть сквозь стекла двери, что карета, остановившаяся на другой сторонѣ улицы, была не извозчичья. Подозрѣвая, что кто-то пріѣхалъ разыскивать дель-Фериче въ такой необычный часъ, онъ всталъ съ мѣста и вышелъ на улицу.

Тамъ онъ остановился и сталъ разглядывать карету. Она ему не понравилась. Она имѣла тотъ особенный характеръ, который и теперь еще отличаетъ экипажи Ватикана отъ всякихъ другихъ, въ глазахъ природнаго римлянина. Карета была старомодная, лошади вороныя, кучеръ одѣтъ въ простомъ чёрномъ пальто, съ старомодной шляпой на головѣ; общій видъ былъ, однако, приличный и аккуратный, но все-таки онъ не понравился Ѳемистоклу. Надвинувъ шляпу на глаза, онъ прошелъ мимо, и, убѣдившись, что сѣдоки, кто бы они ни были, уже вошли въ домъ, онъ самъ вошелъ туда же.

Узкая лѣстница была освѣщена масляными фонарями. Ѳемистоклъ на цыпочкахъ поднялся по лѣстницѣ и услышалъ, какъ пріѣхавшіе люди позвонили, и затѣмъ стали вполголоса разговаривать. Неаполитанецъ подкрался ближе. Снова и снова зазвенѣлъ колокольчикъ, и люди стали терять терпѣніе.

— Онъ удралъ,—сказалъ одинъ сердито.

— Можетъ быть... а можетъ быть и обѣдаетъ въ гостяхъ; это гораздо даже вѣроятнѣе.

— Намъ лучше уѣхать и вернуться попозже,—предложилъ первый.

— Онъ навѣрное вернется домой. Лучше подождемъ. Приказано забрать его на квартирѣ.

— Мы можемъ пойти въ osteria напротивъ и выпить una foglielta.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ другой, казавшійся начальникомъ:—мы должны дожидаться здѣсь до полуночи. Такъ приказано.

Второй сыщикъ что-то проворчалъ сквозь зубы, и воцарилось молчаніе. Но Ѳемистоклъ слышалъ достаточно. Онъ былъ смышленый малый, болѣе дорожившій личными выгодами, нежели интересами господина, но до сихъ поръ умѣвшій какъ-то совмѣщать и тѣ, и другіе. Но до нѣкоторой степени онъ былъ преданъ дель-Фериче и восхищался имъ, какъ солдатъ восхищается полководцемъ.

Намѣреніе, принятое имъ теперь, дѣлало честь его вѣрности Уго и его воровскимъ инстинктамъ. Онъ рѣшилъ спасти господина, если можно, и затѣмъ на свободѣ обокрасть его. Если дель-Фериче не удастся бѣжать, то онъ, по всей вѣроятности, вознаградитъ Ѳемистокла послѣ за старанія помочь ему; если же, съ другой стороны, онъ бѣжитъ, у Ѳемистокла останется ключъ отъ его квартиры, и онъ поможетъ самому себѣ. Но одно только затрудняло его. Дель-Фериче былъ во фракѣ на обѣдѣ у донны Тулліи. Въ такомъ костюмѣ нельзя выбраться за городскія ворота, въ тѣ дни крѣпко запиравшіяся и оберегаемыя стражей всю ночь. Но дель-Фериче былъ человѣкъ осторожный и, подобно многимъ въ тѣ дни, всегда держалъ у себя на квартирѣ два или три костюма, которые могли бы послужить ему, въ случаѣ крайности, для переодѣванья. Деньги были всегда при немъ, такъ какъ онъ часто ходилъ въ клубъ играть въ экартѐ, игру, въ которой былъ необыкновенно счастливъ. Вопросъ былъ въ томъ теперь, какъ войти въ квартиру, захватить необходимое платье и выйти изъ нея, не возбуждая подозрѣнія сыщиковъ.

Ѳемистоклъ быстро придумалъ, какъ быть. Онъ осторожно спустился съ лѣстницы и затѣмъ уже съ шумомъ поднялся по ней и вынулъ ключъ отъ дверей изъ кармана, дойдя до площадки, гдѣ стояли тѣ двое подъ свѣтомъ маслянаго фонаря.

— Buona sera, signori, — вѣжливо сказалъ онъ, отпирая дверь безъ малѣйшаго колебанія.—Вамъ угодно видѣть графа дель-Фериче?

— Да, — отвѣчалъ старшій изъ двоихъ, съ напускной привѣтливостью.—Дома ли графъ?

— Нѣтъ, кажется. Сейчасъ погляжу. Пожалуйте, господа. Онъ, во всякомъ случаѣ, скоро будетъ—онъ всегда возвращается около этого часа.

— Благодарствуйте. Если позволите,—мы подождемъ...

— Altro... какъ же иначе? Неужто я оставлю друзей padrone на лѣстницѣ. Войдите, господа, садитесь. Темно. Я сейчасъ зажгу лампу.

И, чиркнувъ спичкой, Ѳемистоклъ зажегъ пару свѣчей и поставилъ ихъ на столъ въ маленькой пріемной. Оба гостя сѣли, держа шляпы на колѣняхъ.

— Съ вашего позволенія, — сказалъ Ѳемистоклъ, — я пойду и сварю кофе. Графъ обѣдаетъ въ ресторанѣ и всегда пьетъ кофе дома. Быть можетъ, и вы, господа, выкушаете чашечку? Все равно вѣдь варить на одного или на троихъ.

Но сыщики поблагодарили и отказались, и хорошо сдѣлали,

потому что Ѳемистоклъ и не намѣревался угощать ихъ. Онъ выскользнулъ изъ спальни дель-Фериче и, вытащивъ изъ темнаго угла дрянной черный мѣшокъ, унесъ его съ собой въ кухню. Изъ кухоннаго окна спускалась толстая желѣзная проволока къ колодцу, помѣщавшемуся на дворикѣ, и служила для накачиванія воды изъ колодца. На концѣ ея была привѣшана веревка. Къ этой веревкѣ привязалъ Ѳемистоклъ мѣшокъ и спустилъ его во дворикъ, безъ всякой осторожности и напротивъ съ большимъ шумомъ, точно онъ спускалъ ведро, предназначенное для воды. Послѣ того вышелъ изъ кухни. Дверь пріемной онъ старательно притворилъ, но ту дверь, которая вела на лѣстницу, имѣлъ предосторожность оставить отпертой.

Онъ неслышно выскользнулъ, не затворяя за собой дверей, сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился на дворикъ, отвязалъ мѣшокъ отъ веревки и, взявъ его на руку, выбѣжалъ на улицу. Кучеръ дремалъ на козлахъ кареты, дожидавшейся у дверей; да еслибы и не спалъ, то не обратилъ бы вниманія на Ѳемистокла. Минуту спустя неаполитанецъ былъ внѣ всякой погони. На Piazza di Spagna онъ подозвалъ извозчика и поспѣшилъ въ домъ донны Тулліи, гдѣ расплатился съ извозчикомъ и отпустилъ его. Слуги хорошо его знали, потому что не проходило дня, чтобы графъ не присылалъ его съ какой-нибудь запиской къ m-me Майеръ. Ѳемистоклъ послалъ сказать графу, что хочетъ видѣть его по важному дѣлу. Дель-Фериче поспѣшно вышелъ и не безъ волненія, которое еще усилилось при видѣ хорошо ему знакомаго стараго чернаго мѣшка.

Ѳемистоклъ оглядѣлся, одни ли они въ сѣняхъ.

— Eccellenza,—прошепталъ онъ:—въ домѣ la forza... полиція. Вотъ мѣшокъ. Спасайтесь ради самого неба!

Дель-Фериче поблѣднѣлъ какъ смерть, и лицо его нервно задергалось.

— Но... — началъ онъ и долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Скорѣе... спасайтесь!—настаивалъ Ѳемистоклъ, тряся его безъ церемоніи за руку. —Это Santo-Uffizio... вы успѣете убѣжать. Я сказалъ имъ, что вы сейчасъ вернетесь, и они спокойно ждутъ. Они прождутъ всю ночь. Вотъ ваше пальто,—прибавилъ онъ, почти насильно надѣвая его на графа...—а вотъ ваша шляпа... Скорѣе, нельзя терять ни минуты. Я отвезу васъ въ мѣсто, гдѣ вы можете переодѣться.

Дель-Фериче слѣпо повиновался. По счастію, лакей не возвращался въ переднюю. Донна Туллія и ея гости отобѣдали, и

слуги пошли обѣдать въ свою очередь; лакей даже пенялъ Ѳемистоклу за то, что тотъ оторвалъ его отъ обѣда своимъ приходомъ. Неаполитанецъ почти вытолкнулъ графа на лѣстницу. Выбѣжавъ на улицу, они переговаривались шопотомъ.

— Но какъ же... донна Туллія?.. Я не могу ее такъ оставить... она должна узнать...

— Спасайте свою шкуру отъ Sant-Uffizio, графъ! — отвѣчалъ Ѳемистоклъ, таща его за собой. — Я вернусь назадъ и извѣщу ее, не бойтесь. Она завтра же уѣдетъ изъ Рима. Конечно, вы отправитесь въ Неаполь, и она послѣдуетъ за вами. Она пріѣдетъ туда раньше васъ.

Дель-Фериче пробормоталъ невнятный отвѣтъ. Только когда онъ понялъ всю опасность своего положенія, ужасъ придалъ ему крылья, и онъ почти перещеголялъ Ѳемистокла въ погонѣ за безопасностью. Они достигли, наконецъ, развалившейся части города близъ Porta Maggiore, и въ тѣни глубокой арки, гдѣ дорога развѣтвлялась направо въ направленіи Santa Croce, Ѳемистоклъ остановился.

— Здѣсь, — коротко проговорилъ онъ.

Дель-Фериче не промолвилъ ни слова и сталъ переодѣваться. Ночь была темная и сырая, дороги грязныя, и время отъ времени падали капли дождя, предвѣщая надвигающуюся бурю. Въ нѣсколько минутъ совершилось полное преобразованіе, и дель-Фериче стоялъ передъ своимъ слугой въ потертой темной рясѣ капуцина, подпоясанной веревкой.

— Теперь предстоитъ самое трудное, — сказалъ Ѳемистоклъ, доставая бритву и ножницы со дна мѣшка.

Дель-Фериче слишкомъ часто представлялъ себѣ возможность бѣгства, чтобы упустить такую важную подробность.

— Тебѣ ничего не видно, ты перерѣжешь мнѣ горло, — жалобно пролепеталъ онъ.

Но Ѳемистоклъ былъ искусенъ. Отступя вглубь арки, онъ зажегъ сигару и, держа ее въ зубахъ, сильно раздувалъ, такъ что при слабо вспыхивавшемъ огонькѣ сигары могъ видѣть лицо графа. Онъ привыкъ брить его и безъ труда сбрилъ бѣлокурые усы съ верхней губы. Затѣмъ, нагнувъ его голову, пробрилъ ему тонзуру. Но вся операція взяла не менѣе получаса, и дель-Фериче дрожалъ съ головы до ногъ. Ѳемистоклъ сунулъ его платье въ мѣшокъ.

— Мои часы! — протестовалъ несчастный человѣкъ: — мои жемчужныя запонки... отдай ихъ мнѣ... что такое? ахъ ты мошенникъ! ахъ ты воръ!

— Не тратьте пустыхъ словъ, padrone, — перебилъ Ѳемистоклъ, завязывая мѣшокъ. — Еслибы, паче чаянія, васъ стали обыскивать, то нищему монаху не пристало бы имѣть при себѣ золотые часы и жемчужныя запонки. Я ихъ отдамъ доннѣ Тулліи сегодня же вечеромъ. У васъ есть деньги... вы можете сказать, что несете ихъ въ монастырь.

— Побожись, что отдашь часы доннѣ Тулліи.

Ѳемистоклъ далъ страшную клятву, которую не преминулъ, конечно, нарушить. Но графу пришлось этимъ удовольствоваться, и, когда все было окончено, они разстались.

— Я попрошу донну Туллію взять меня съ собой въ Неаполь, — сказалъ Ѳемистоклъ на прощанье.

Береги мои вещи, Ѳемистоклъ. Сожги всѣ бумаги, если можно, хотя, я думаю, sbirri уже успѣли ими завладѣть. Захвати съ собой мое платье... если ты что-нибудь украдешь, то помни, что въ Римѣ есть ножи, и я умѣю ихъ употреблять.

Тутъ Ѳемистоклъ разсыпался въ увѣреніяхъ. Какъ могъ думать графъ, когда онъ съ такой опасностью спасъ его, что вѣрный слуга его же и ограбитъ?!

— Хорошо, — отвѣтилъ задумчиво дель-Фериче: — ты большой негодяй, я знаю, но ты спасъ меня, какъ говоришь; вотъ тебѣ скудо.

Ѳемистоклъ никогда ни отъ чего не отказывался. Онъ взялъ монету, поцѣловалъ руку графа въ знакъ своего раболѣпства, и они пошли въ разныя стороны. Дель-Фериче дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, надвинувъ на голову тяжелый капюшонъ, пустился къ Porta Maggiore. Тамъ онъ свернулъ на боковую дорогу, вдоль городской стѣны, и по грязи направился къ Porta San Lorenzo. Въ своемъ костюмѣ онъ былъ вполнѣ безопасенъ. Онъ плотно пообѣдалъ, въ карманѣ у него были деньги, и онъ ушелъ изъ когтей Sant-Uffizio. Босоногій монахъ могъ бродить по цѣлымъ недѣлямъ безъ всякаго стѣсненія по римской Кампаньѣ и окружающимъ холмамъ, а до юго-восточной границы было недалеко. Онъ не зналъ дороги дальше Тиволи, но могъ разспросить о ней, не возбуждая подозрѣнія. Мало костюмовъ, болѣе маскирующихъ человѣка, чѣмъ костюмъ капуцинскаго монаха, а дель-Фериче слишкомъ долго готовился играть эту роль, и она слишкомъ подходила къ его характеру, чтобы онъ не сыгралъ ее въ совершенствѣ. Лицо его, гораздо худощавѣе, чѣмъ было прежде, было, однако, естественно круглое, и безъ усовъ легко могло сойти за добродушную клерикальную физіономію. Онъ получилъ превосходное воспитаніе и лучше зналъ латынь, чѣмъ большинство ни-

щенствующихъ монаховъ. Какъ природный римлянинъ, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми монастырями въ городѣ и зналъ имена главныхъ должностныхъ лицъ капуцинскаго ордена. Мальчикомъ онъ часто прислуживалъ за обѣдней и зналъ всѣ подробности монастырской жизни. Худшее, что могло съ нимъ случиться во время его странствій, это что его позовутъ выслушать исповѣдь умирающаго, котораго ткнули кинжаломъ во время ссоры. Вообще же положеніе его было не такъ худо, какъ казалось, принимая во вниманіе злую бѣду, отъ которой онъ убѣжалъ.

У Porta San Lorenzo главный входъ былъ уже запертъ по обыкновенію, но дремлющій стражъ пропустилъ дель-Фериче въ калитку, безъ всякаго замѣчанія. Всякій могъ уходить изъ города, но требовалось предъявить паспортъ, чтобы войти въ него ночью. Окованная желѣзомъ калитка звонко захлопнулась за бѣглецомъ, и онъ вздохнулъ свободнѣе, шагая по дорогѣ въ Тиволи. Черезъ часъ онъ перешелъ черезъ Ponte Mammolo, съ содроганіемъ глядя внизъ на бѣлую пѣну Тевероне, вздутаго отъ осеннихъ дождей. Но страхъ св. инквизиціи гнался за нимъ по пятамъ, и онъ спѣшилъ по пустынной дорогѣ, съ трудомъ ступая въ сандаліяхъ, которыя онъ вынужденъ былъ надѣть, чтобы завершить костюмъ. Порой онъ увязалъ въ грязи, порой оступался о камни, но не обращалъ на это вниманія и, несмотря на боль и усталость, шелъ впередъ, чувствуя, что съ каждой минутой, приближающей его къ пограничнымъ холмамъ, онъ можетъ считать себя все болѣе и болѣе въ безопасности. И такъ трудился онъ до тѣхъ поръ, пока обоняніе его не поразилъ зловонный запахъ сѣрнистыхъ источниковъ, находящихся въ четырнадцати миляхъ отъ Рима. Наконецъ, дорога стала подниматься вверхъ къ виллѣ Адріана, и онъ сѣлъ на камень у дороги, чтобы немного отдохнуть. Онъ шелъ въ продолженіе пяти часовъ въ темнотѣ, видя передъ собой только ближайшія нѣсколько саженъ дороги. Онъ очень усталъ и отбилъ себѣ ноги, а ночь становилась все бурнѣе; вихрь съ дождемъ доносился изъ узкаго ущелья Тиволи и бушевалъ надъ мрачной и пустынной Кампаньей. Но дель-Фериче сознавалъ, что если не умретъ отъ истощенія, то можетъ считать себя въ безопасности, а для человѣка въ его положеніи плохая погода была меньшимъ изъ золъ.

Размышленія его были несладки. Пять часовъ назадъ онъ былъ одѣтъ какъ изящный щеголь, сидѣлъ за роскошнымъ обѣдомъ, въ обществѣ красивой и веселой женщины, которая должна была сдѣлаться его женой. У него, можно сказать, не прошелъ еще

во рту вкусъ chaud froid и шампанскаго; въ ушахъ у него все еще звенѣлъ голосъ донны Туллiи, и вотъ... онъ сидѣлъ теперь на придорожномъ камнѣ, въ жалкомъ одѣяніи нищенствующаго монаха. Онъ бросилъ невѣсту, не предупредивъ ея ни словомъ, предоставилъ все свое имущество Θемистоклу—вору Θемистоклу!—и былъ совсѣмъ, совсѣмъ одинъ.

Но пока онъ отдыхалъ, плотнѣе укутавъ голову капюшономъ и пытаясь отогрѣть закоченѣвшія ноги подоломъ грубой коричневой рясы, онъ подумалъ, что если ему удастся благополучно перебраться черезъ границу, съ нимъ будутъ обращаться какъ съ патріотомъ, пострадавшимъ за доброе дѣло, какъ съ человѣкомъ, заслуживающимъ награды. Онъ подумалъ, что донна Туллія—женщина съ театральными и романическими вкусами, а его настоящее положеніе въ высшей степени романично въ теоріи, хотя и не совсѣмъ удобно на практикѣ. Когда онъ будетъ въ безопасности, исторія его будетъ описана въ газетахъ, и онъ уже постарается о томъ, чтобы она была какъ можно интереснѣе. Донна Туллія прочитаетъ ее, очаруется повѣстью его страданій и послѣдуетъ за нимъ. Бракъ съ нею придастъ ему громадное значеніе. У него будутъ всѣ козыри въ рукахъ, и онъ, съ помощью ея богатства, достигнетъ всѣхъ почестей, какихъ только желаетъ. Жалѣлъ онъ только о томъ, что не могъ выгадать три недѣли, чтобы успѣть обвѣнчаться какъ слѣдуетъ. Но пока не слѣдуетъ падать духомъ, а должно по прежнему стремиться къ своей цѣли. Разъ онъ достигнетъ Субіако, то перейдетъ черезъ границу по истеченіи двѣнадцати часовъ. Изъ Тиволи ходили vetture въ долину—дешевый способъ сообщенія для поселянъ, и босоногій монахъ можетъ воспользоваться имъ, не привлекая вниманія. Онъ зналъ, что ему придется перешагнуть черезъ границу въ Треви и Серра ди Сант-Антоніо. Онъ разспроситъ про дорогу въ Субіако.

Пока дель-Фериче пробирался такимъ образомъ черезъ Кампанью, Θемистоклъ принималъ мѣры для собственной выгоды и безопасности. У него былъ мѣшокъ съ платьемъ графа, дорогими часами и запонками. У него былъ также ключъ отъ квартиры дель-Фериче, куда онъ намѣревался пробраться, какъ только сыщики уйдутъ прочь. Прежде всего онъ рѣшилъ не увѣдомлять донны Туллiи о внезапномъ отъѣздѣ графа. Выиграть было нечего, объявивъ ей эту новость; она навѣрное отправится сама на квартиру графа, какъ уже разъ было, и заберетъ всѣ его вещи къ себѣ, а Θемистоклъ останется ни съ чѣмъ. Возвращаясь торопливымъ шагомъ изъ разореннаго пригорода около главныхъ

воротъ, онъ увидѣлъ впереди огни города, и храбрость окрылила его. Онъ припомнилъ, какъ легко надулъ сыщиковъ полтора часа тому назадъ, и рѣшилъ, что опять надуетъ ихъ.

Но онъ плохо разсчиталъ. Прежде чѣмъ прошло минутъ десять послѣ того какъ онъ ушелъ изъ дому, сыщики заподозрили, что дѣло неладно, по воцарившейся внезапно тишинѣ; обойдя квартиру, они увидѣли, что вѣжливый слуга, предлагавшій имъ кофе, ушелъ, не простясь. Одинъ изъ нихъ немедленно отправился въ домъ начальника полиціи за инструкціями. Ему приказано было арестовать слугу, если онъ снова появится. Вслѣдствіе этого, когда Ѳемистоклъ смѣло растворилъ дверь, съ измышленнымъ оправданіемъ своего отсутствія, онъ былъ внезапно схваченъ четырьмя дюжими руками и втащенъ въ гостиную, съ приказаніемъ молчать во имя закона. Въ продолженіе нѣкотораго времени о Ѳемистоклѣ ничего не было больше слышно. Когда разсвѣло, сыщики убѣдились, что дель-Фериче убѣжалъ отъ нихъ.

За дѣло взялись неумѣло. Кардиналъ былъ хорошій сыщикъ, но плохой полицейскій. Въ своей поспѣшности онъ сдѣлалъ ошибку, приказавъ арестовать дель-Фериче на его квартирѣ. Еслибы онъ приказалъ просто-на-просто начальнику полиціи арестовать дель-Фериче безъ всякаго скандала, не уйти бы послѣднему изъ рукъ полиціи. Но начальникъ понялъ записку кардинала такъ, что дель-Фериче находится въ настоящую минуту у себя дома. Подчиненные считали кардинала всевѣдущимъ, и никому не приходило въ голову не понимать его приказаній буквально. Само собой разумѣется, что кардинала тотчасъ же обо всемъ увѣдомили, и телеграммы и конные сыщики были разосланы во всѣхъ направленіяхъ. Но дель-Фериче хорошо переодѣлся, и когда вскорѣ послѣ разсвѣта жандармъ проскакалъ мимо него въ Тиволи, онъ не подозрѣвалъ, что усталый, грязный монахъ, читавшій молитвы по четкамъ, былъ политическій преступникъ, котораго онъ разыскивалъ.

Донна Туллія провела тревожную ночь. Она послала на квартиру дель-Фериче, какъ и ожидалъ Ѳемистоклъ, но слуга принесъ отвѣтъ, что не видѣлъ неаполитанца, а домъ занятъ чужими людьми, которые не хотѣли его впустить. M-me Майеръ отлично поняла, что случилось, и стала опасаться за самое себя. Она даже подумывала, не уложиться ли ей и не убраться ли самой изъ Рима. Но на слѣдующій вечеръ ее успокоилъ Вальдерно, принеся извѣстіе, что за поимку дель-Фериче полиція предлагала большую награду. Вальдерно объявилъ о своемъ намѣреніи немедленно уѣхать изъ Рима. Его жизнь въ опасности, увѣрялъ

онъ. Негодяй Гуашъ, поступившій въ зуавы, выдалъ ихъ всѣхъ, и они могутъ каждую минуту очутиться въ лапахъ инквизиціи. Само собой разумѣется, что, узнавъ, какъ ловко провелъ его дель-Фериче, кардиналъ сталъ гораздо подозрительнѣе, а его эмиссары были дѣятельнѣе, чѣмъ когда-либо. Но Вальдерно никогда не проявлялъ ни столько ума, ни столько глупости, чтобы внушать опасенія первому министру. Тѣмъ не менѣе онъ оставилъ Римъ и провелъ долгое время въ Парижѣ, прежде нежели убѣдился, что можетъ безопасно вернуться домой.

Римское общество было заинтересовано извѣстіемъ о замышлявшемся арестѣ, и донна Туллія нашла себѣ достаточное вознагражденіе въ томъ, что на нѣкоторое время стала фокусомъ общаго интереса. Впервые въ жизни она почувствовала, что попала въ настоящія героини романа. Общество судило, рядило и сплетничало по обыкновенію. Одинъ старикъ Сарачинеска ничего не говорилъ; онъ пошелъ бы благодарить кардинала, да чувствовалъ, что это будетъ некстати. Еслибы кардиналъ поймалъ дель-Фериче, то самъ бы поблагодарилъ Сарачинеска, но онъ его не поймалъ...

Три дня спустя послѣ того, какъ исчезъ дель-Фериче, старикъ-князь опять сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ Сарачинеска. Слишкомъ мѣсяцъ прошелъ послѣ свадьбы, и онъ рѣшилъ, что повидаетъ сына, хотя бы и помѣшалъ молодымъ. Въ сущности онъ находилъ, что месть не удалась. Дель-Фериче ушелъ отъ инквизиціи—никто не зналъ, какимъ образомъ; донна Туллія вмѣсто того, чтобы быть униженной, стала героинею дня и центромъ общаго интереса и участія, и вся эта исторія, въ концѣ концовъ, привела къ тому только, что удесятерились въ обществѣ ненависть и страхъ къ кардиналу Антонелли.

XVII.

Всѣ удивлялись, почему Джіованни и Корона предпочли провести медовый мѣсяцъ въ помѣстьѣ, вмѣсто того, чтобы ѣхать путешествовать по Франціи, Англіи и Швейцаріи. Въ горахъ было такъ холодно въ это время года, и кромѣ того они тамъ будутъ совсѣмъ одни. Не понимали, почему Корона не воспользуется снятіемъ траура, чтобы повеселиться.

Но другіе хвалили молодую чету за духъ экономіи, который, по ихъ мнѣнію, сказывался въ ихъ образѣ дѣйствія и составлялъ похвальную противоположность мотовству, проявляе-

мому другими молодыми супругами, которымъ слѣдовало бы въ сущности еще больше беречь деньги. Послѣдніе судьи принадлежали къ старинному, патріархальному классу могиканъ—сходящаго со сцены поколѣнія, похвалявшагося хозяйственностью, доброй нравственностью и аскетической жизнью; это были люди, въ брачныхъ контрактахъ которыхъ было поставлено условіемъ, что жена будетъ получать два раза въ день мясо, за исключеніемъ постовъ, ежедневно кататься—crottata, какъ это называется—и по два новыхъ платья ежегодно.

Даже въ наши дни, когда почти все это поколѣніе вымерло, эти условія часто вводятся въ контрактъ; въ первой же половинѣ столѣтія они были въ общемъ употребленіи. Немного позже ставили условіемъ, чтобы мясо не было козлиное, считавшееся годнымъ только для прислуги.

А Джіованни съ женой проводили счастливые дни, не нарушаемые никакими событіями. И такъ длилось нѣсколько недѣль. Но въ одинъ прекрасный день, Гуашъ, папскій зуавъ, явился въ замокъ. Онъ стоялъ съ своей ротой въ Субіако, и не былъ посланъ въ Сарачинеска сразу по прибытіи, какъ ожидалъ. Теперь же его отрядили съ небольшимъ отрядомъ сторожить проходъ. Въ этомъ не было ничего удивительнаго, такъ какъ Сарачинеска находился по близости отъ границы и лежалъ на одной изъ прямыхъ дорогъ въ Серра-ди-Сант-Антоніо, откуда была кратчайшая горная дорога въ неаполитанское королевство.

Гуашъ былъ очень любезно принятъ Джіованни и довольно холодно Короной, знавшей его очень поверхностно.

— Поздравляю васъ,—сказалъ Джіованни, замѣтивъ нашивки на рукавѣ молодого человѣка:—я вижу, что вы повысились въ чинѣ.

— Да. Подъ моей командой шестеро солдатъ. Я провожу бо́льшую часть времени, изучая стратегію Кондѣ и Наполеона. Кстати, я здѣсь съ очень важнымъ порученіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ!

— Должно быть вы разрѣшаете себѣ роскошь не читать газетъ въ вашемъ очаровательномъ убѣжищѣ. Третьяго-дня кардиналъ хотѣлъ-было арестовать нашего пріятеля дель-Фериче,—слышали вы объ этомъ?

— Нѣтъ... развѣ онъ убѣжалъ?—спросили въ одинъ голосъ Джіованни и Корона, но разнымъ тономъ. Джіованни предвидѣлъ это, и былъ недоволенъ, что дель-Фериче спасся. Корона была просто удивлена.

— Да. Богъ его знаетъ, какъ онъ убѣжалъ. Я нахожусь

здѣсь, чтобы отрѣзать ему путь, если онъ вздумаетъ пробраться черезъ Серра ди Сант-Антоніо.

Джіованни засмѣялся.

— Онъ врядъ-ли сунется сюда... къ порогу моего дома, такъ сказать.

— Онъ на все способенъ. Это ловкій господинъ.

И Гуашъ разсказалъ все, что слышалъ объ этомъ дѣлѣ.

— Какъ это странно!—замѣтила Корона задумчиво.

И, помолчавъ, прибавила:

— Мы ѣдемъ смотрѣть нашу дорогу, m-r Гуашъ. Хотите ѣхать съ нами? мужъ дастъ вамъ лошадь.

Гуашъ былъ въ восторгѣ. Онъ предпочиталъ разговаривать съ Джіованни и глядѣть на Корону, чѣмъ вернуться къ своимъ шестерымъ зуавамъ или обшаривать горы въ поискахъ за дель-Фериче.

Черезъ нѣсколько минутъ всѣ трое уже сидѣли на коняхъ и медленно ѣхали вдоль склона по направленію къ проводимой дорогѣ. Выѣхавъ на новую дорогу, Джіованни и Корона безсознательно стали по обыкновенію разговаривать другъ съ другомъ и позабыли о своемъ гостѣ. Гуашъ нѣсколько отсталъ отъ нихъ, наблюдая и любуясь ими, какъ истинный художникъ. Онъ, какъ парижанинъ, любилъ роскошь и изящество, а какъ живописецъ поклонялся красотѣ, и взглядъ его съ искреннимъ удовольствіемъ слѣдилъ за всадникомъ и всадницей съ ихъ лошадьми, не упуская ни малѣйшихъ подробностей ихъ красивой посадки и граціозныхъ движеній.

На одномъ поворотѣ дороги всадники вдругъ исчезли изъ виду, и вниманіе его привлечено было удивительной красотой пейзажа. Онъ пріостановилъ коня и заглядѣлся. И вотъ какъ случайности въ природѣ могутъ приводить къ случайностямъ въ жизни людей!

Джіованни и Корона медленно съѣзжали съ покатаго склона, не замѣчая, что Гуашъ остался позади нихъ. Но при новомъ поворотѣ дороги Корона увидѣла его неподвижную фигуру на терасѣ, съ которой они только-что спустились. Джіованни же глядѣлъ впередъ и увидѣлъ блѣднолицаго капуцинскаго монаха, съ опущенными глазами, еле двигавшагося по дорогѣ и повидимому совсѣмъ выбившагося изъ силъ; монахъ былъ такъ оборванъ и грязенъ, что даже здѣсь въ горахъ обращалъ вниманіе своимъ жалкимъ видомъ.

— Гуашъ изучаетъ топографію,—замѣтила Корона.

— Опять капуцинъ!—воскликнулъ Джіованни, инстинктивно нащупывая въ карманѣ мѣдныя деньги.

Но вдругъ схватилъ за руку жену. Она была отъ него близко, такъ какъ они ѣхали рядомъ.

— Боже мой, Корона! вѣдь это дель-Фериче!

Корона взглянула на монаха. Капюшонъ съѣхалъ у него съ головы, и лицо его было видно.

Дель-Фериче тоже узналъ ихъ и окаменѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса. Онъ сбился съ пути и повернулъ не туда, куда указалъ ему спрошенный крестьянинъ, который предупредилъ его какъ разъ не идти по тропинкѣ для всадниковъ, если хочетъ избѣжать Сарачинеска. Онъ остановился, колебался съ минуту и затѣмъ, надвинувъ капюшонъ на лицо, пошелъ впередъ. Джіованни взглянулъ вверхъ и увидѣлъ, что Гуашъ, все еще поглощенный видомъ, медленно спускался внизъ.

— Пусть его судьба свершится,—пробормоталъ Джіованни. —Какое мнѣ дѣло!

— Нѣтъ, нѣтъ, спаси его, Джіованни! онъ кажется такимъ несчастнымъ!—закричала Корона съ искренней симпатіей. Она была блѣдна отъ волненія.

Джіованни поглядѣлъ на нее съ секунду и колебался, но не могъ устоять передъ ея умоляющимъ взоромъ.

— Если такъ, то скачи назадъ. Скажи Гуашу, что въ долинѣ холодно... что хочешь. Вернись съ нимъ въ замокъ... я спасу его, если ты этого хочешь.

Корона повернула коня, ни слова больше не говоря, и поѣхала на гору. Монахъ же продолжалъ медленно идти и былъ теперь почти около Джіованни.

— Если вы пойдете дальше, то вы пропали,—сказалъ этотъ послѣдній.—Зуавы ждутъ васъ.

И, соскочивъ съ лошади, Джіованни схватилъ дель-Фериче за руку. Тотъ застоналъ:

— Не выдавайте меня... ради Христа! о! сжальтесь надо мной, пропустите меня... я не хотѣлъ вамъ зла...

— Слушайте: мнѣ все равно—выдать васъ сбиррамъ или нѣтъ; но жена просила меня спасти васъ...

— Боже, благослови ее! О! да спасутъ ее святые угодники! —бормоталъ дель-Фериче, отъ страха и упадка силъ близкій къ идіотизму въ эту минуту.

— Молчите!—мрачно произнесъ Джіованни. — Вы поблагодарите ее сами, когда представится случай. Идемъ скорѣе. Я пошлю съ вами одного изъ рабочихъ. Онъ проведетъ васъ въ Треви, а оттуда уже сами добирайтесь до Серры, какъ знаете.

— Вы не выдадите меня? — стоналъ несчастный человѣкъ.

—Ради самого неба, не выдавайте меня!.. Я пришелъ издалека... я такъ усталъ!

— Пусть васъ волки съѣдятъ, мнѣ все равно, — отвѣтилъ Джіованни,—но я васъ не выдамъ.—Даю вамъ слово, что спасу васъ, если вы будете вести себя какъ мужчина.

Черезъ четверть часа они дошли до новой дороги; эта четверть часа показалась дель-Фериче такой продолжительной, что онъ помнилъ о ней всю жизнь! Ни онъ, ни Джіованни, не сказали больше ни слова. Джіованни подозвалъ къ себѣ дюжаго молодца, разбивавшаго камни у дороги.

— Слушай, Карлучіо, вотъ этотъ монахъ заблудился. Проведи его вокругъ горы, новымъ шоссе въ Арчинадо, и покажи дорогу въ Треви. Это дальній путь, да зато дорога хороша и короче, чѣмъ на Сарачинеска... а монахъ торопится.

Карлучіо съ радостью вскочилъ съ мѣста. Ему гораздо пріятнѣе было бродить по горамъ, нежели бить камни, лишь бы ему заплатили за трудъ. Онъ взялъ разорванную куртку, накинулъ ее на одно плечо, и надвинулъ истрепанную шляпу на густыя черныя кудри.

— Благословите, padre mio, и идемъ не мѣшкая—до Треви не близкій путь.

Дель-Фериче колебался. Онъ не зналъ, что дѣлать и что сказать; да еслибы и хотѣлъ говорить, то голосъ ему не повиновался. Джіованни положилъ этому конецъ, повернувшись спиной и сѣвъ на коня. Секунду спустя, онъ ѣхалъ обратно по дорогѣ, къ великому удивленію рабочихъ, привыкшихъ къ тому, что онъ осматриваетъ сдѣланную работу. Но Джіованни не былъ расположенъ заниматься дорогой. Онъ провелъ тяжелую четверть часа, терзаемый желаніемъ наказать дель-Фериче и даннымъ обѣщаніемъ женѣ спасти его. Онъ былъ такъ неувѣренъ въ самомъ себѣ, что даже не оглядывался, боясь поддаться искушенію остановить бѣглеца и выдать его сбиррамъ. Онъ стиснулъ зубы и ѣхалъ, мысленно посылая проклятія бѣглецу. То, что онъ умышленно помогъ негодяю уйти — мало его безпокоило. Инстинктъ подсказывалъ ему, что надо истребить дель-Фериче, и еслибы онъ послушался его, то спасъ бы себя въ будущемъ отъ многихъ непріятностей.

Корона и Гуашъ остановились наверху дороги и поджидали его. Чуть замѣтнымъ кивкомъ Джіованни далъ знать женѣ, что дель-Фериче внѣ опасности.

— Мнѣ жаль, что наша прогулка сократилась,—мимоходомъ сказалъ онъ.—Жена нашла, что въ долинѣ сыро.

Анастасій съ любопытствомъ взглянулъ на блѣдное лицо

Джіованни и подумалъ, что бы такое могло произойти неладнаго. Корона тоже казалась взволнованной.

— Да,— отвѣтилъ Гуашъ, съ мягкой улыбкой:—горный воздухъ все еще холоденъ.

И такъ всѣ трое молча доѣхали до замка; у воротъ Гуашъ слѣзъ съ коня и вѣжливо отклонилъ приглашеніе войти въ домъ, сдѣланное, впрочемъ, очень холодно.

Джіованни и Корона молча взошли по лѣстницѣ въ маленькій покой, который служилъ имъ гостиной въ холодную погоду. Когда они остались одни, Корона положила руки на плечи Джіованни и долго глядѣла въ его разгнѣванные глаза. Затѣмъ обняла за шею и привлекла къ себѣ.

— Милый!—сказалъ она:—ты еще лучше, чѣмъ я думала.

— Не говори этого. Я бы пальцемъ не пошевелилъ, чтобы спасти эту собаку, еслибы не ты.

— Но все же спасъ!

И она поцѣловала его.

На слѣдующій вечеръ, безъ всякаго предувѣдомленія, прибылъ старикъ-князь и былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Послѣ обѣда Джіованни разсказалъ ему исторію про бѣгство дель-Фериче.

Старикъ-князь сначала страшно сердился и бранился, но затѣмъ объявилъ, что ловить шпіоновъ дѣло—шпіоновъ, и что Джіованни поступилъ какъ порядочный человѣкъ, чего и слѣдовало ожидать, такъ какъ онъ—его сынъ.

Тутъ слѣдуетъ опустить занавѣсъ. Джіованни и Корона благополучно сочетались бракомъ. Дель-Фериче благополучно перебрался за границу и находится въ Неаполѣ, среди друзей. Донна Туллія все еще ждетъ отъ него извѣстій въ послѣднихъ числахъ поста 1866 года. Продолжать повѣствованіе—значило бы вступить въ новую серію событій, можетъ быть, болѣе интересныхъ, чѣмъ выше переданныя, и не менѣе важныя для фамиліи Сарачинеска, но по самой сущности своей они могли бы образовать новый разсказъ,—второе дѣйствіе драмы, если можно такъ выразиться.

Если кто-нибудь скажетъ, что мы выставили дель-Фериче какъ типъ итальянской либеральной партіи, и создали негодяя, для того, чтобы разнести его артиллеріей поэтическаго правосудія, то мы отвѣтимъ, что это неправда. Дель-Фериче дѣйствительно типъ, но типъ развращеннаго класса людей, которыхъ неправильно при-

нимали за либеральную партію въ Римѣ до 1870 г., и которые въ глазахъ тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ ихъ дѣяній, покрыли незаслуженнымъ позоромъ великую политическую партію, требовавшую единства Италіи. Честные и прямодушные либералы играли выжидающую роль, начиная съ 1866 г.: это извѣстно, и намъ нѣтъ надобности объяснять, что дель-Фериче такъ же мало похожъ на Массимо д'Азеліо, на великаго Кавура, на великаго врага Кавура — Джузеппе Мадзини, или на Гарибальди, какъ шакалъ на льва. Дель-Фериче представляетъ пѣну, оставшуюся послѣ революціи 1848 г. Онъ — одинъ изъ тѣхъ, которыми пользовались, но которыхъ презирали лучшіе люди,—и, употребляя ихъ какъ орудіе, самъ Кавуръ вынужденъ былъ написать: „Se noi facessimo per noi quel che facciamo per l'Italia, saremmo gran bricconi" — „еслибы мы сдѣлали для *себя* то, что̀ мы дѣлаемъ для *Италіи*, то были бы великими негодяями".

А. Э.

СИБИРЬ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЕЯ

V *).

Время александровское и николаевское, до сороковыхъ годовъ.

Мы говорили до сихъ поръ съ нѣкоторою подробностью о постепенномъ ходѣ изслѣдованій Сибири, которыя всего чаще были открытіями: страна была не изслѣдована; рядъ путешественниковъ и предпріимчивыхъ людей отправлялся, наугадъ, отыскивать новыя земли, извѣстныя только по слухамъ; ученые естествоиспытатели, географы, астрономы, въ первый разъ опредѣляли географическія мѣстности, свойства природы, описывали невиданныя прежде племена. Къ концу XVIII-го вѣка этотъ первоначальный трудъ былъ довершенъ, но оставалось еще громадное поле наблюденій всякаго рода: сѣверныя и восточныя очертанія Сибири еще не были положены на карты съ полною точностью; въ серединѣ материка еще далеко не закончены были изслѣдованія мѣстностей и этнографіи; для натуралистовъ оставалось еще множество недостаточно изученныхъ вопросовъ; большинство старыхъ астрономическихъ опредѣленій оказывались неудовлетворительными. Наконецъ, предстоялъ громадный и высоко-интересный трудъ научныхъ обобщеній.

---

*) См. выше: май, 195 стр.

Все это составило предметъ новыхъ изслѣдованій, исполненныхъ въ теченіе XIX-го вѣка и еще исполняемыхъ до настоящей минуты. Масса этихъ новѣйшихъ изслѣдованій такъ громадна, она обнимаетъ такое множество спеціальныхъ изысканій, что подробное указаніе ихъ становится недоступнымъ для общаго обозрѣнія, какое мы имѣемъ въ виду; эти подробности принадлежатъ спеціальнымъ наукамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имена многихъ изслѣдователей Сибири въ различныхъ областяхъ природы и исторіи пользуются такою широкою славой, что намъ довольно будетъ иногда только назвать тѣ труды, чтобы указать, какое обиліе научнаго знанія было примѣнено къ изслѣдованію этой страны. Какъ ни были велики усилія, потраченныя XVIII-мъ и даже XVII-мъ вѣкомъ на описаніе Сибири, какъ ни были велики основные результаты, достигнутые старинными походами, плаваніями и экспедиціями, все это въ научномъ отношеніи не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣми громадными научными предпріятіями, какія совершены были въ нашемъ вѣкѣ и которыя окончательно ввели изученіе Сибири въ область европейской науки.

Въ царствованіе императора Александра I сибирскія изслѣдованія сравнительно были немногочисленны: политическія событія слишкомъ отвлекали вниманіе правительства, и послѣ большихъ экспедицій XVIII-го вѣка научное преданіе нѣсколько ослабѣло. Тѣмъ не менѣе, первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка принадлежитъ нѣсколько замѣчательныхъ предпріятій, между прочимъ коснувшихся и Сибири. Таково было, напримѣръ, первое русское кругосвѣтное плаваніе знаменитаго Крузенштерна и его сотоварища Лисянскаго [1]).

Первоначальная мысль путешествія принадлежала самому Крузенштерну, который раньше плавалъ на англійскомъ кораблѣ въ Остъ-Индію, оттуда бывалъ въ Кантонѣ, въ 1798—99 годахъ, и заинтересованный русской мѣховой торговлей съ Китаемъ, которая шла изъ Охотска сухимъ путемъ на Кяхту, дѣлалъ пред-

[1]) „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5, 1806 годахъ, по повелѣнію Его Императорскаго Величества Александра Перваго, на корабляхъ „Надежда“ и „Нева“, подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Крузенштерна“. 3 части, съ атласомъ Спб. 1809—1813. Нѣмецкій переводъ, Спб. 1810—14; Берлинъ, 1811—12, и въ тѣ же годы шведскій, голландскій, англійскій, итальянскій (1818), датскій (1818), французскій (1821).

— „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 4, 5 и 1806 годахъ, на кораблѣ „Нева“ подъ начальствомъ флота капитанъ-лейтенанта Юрія Лисянскаго“. 2 части, съ атласомъ. Спб. 1812. Англійскій переводъ, Лондонъ, 1814: Urey Lisianaky, „A voyage round the world, etc.“.

положенія о томъ, что она болѣе выгодно могла идти прямо, моремъ. Въ Петербургѣ онъ дѣлалъ о томъ представленія властямъ, и, наконецъ, рѣшена была кругосвѣтная экспедиція, которая между прочимъ должна была выяснить этотъ предметъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось въ виду установить прямыя сношенія метрополіи съ американскими владѣніями, для болѣе удобной доставки необходимыхъ тамъ вещей, о чемъ хлопотала россійско-американская компанія. Всего больше устройству плаванія содѣйствовали извѣстный Н. П. Мордвиновъ и гр. Н. П. Румянцовъ, тогда министръ коммерціи [1]).

Экспедиція направилась изъ Петербурга черезъ Атлантическій океанъ и обогнула мысъ Горнъ, и затѣмъ, на сѣверѣ Тихаго океана изъ русскихъ и сосѣднихъ земель обратила особенное вниманіе на Камчатку, Курильскіе острова и Сахалинъ [2]). Это было первое русское кругосвѣтное плаваніе: въ запискахъ Крузенштерна ведется любопытный разсказъ о видѣнномъ имъ въ теченіе пути, особливо о бытѣ и о нравахъ посѣщенныхъ экспедиціею дикарей; въ великолѣпномъ по своему времени атласѣ находятся многочисленные карты, планы и рисунки—любопытные, вмѣстѣ съ разсказомъ, для современныхъ антропологовъ. Въ Камчаткѣ и на смежныхъ островахъ Крузенштернъ разсказываетъ особливо объ аинахъ, обитателяхъ Сахалина, чукчахъ и пр., и въ приложеніи помѣстилъ словарь, въ 2000 словъ, аиносскаго языка, составленный лейтенантомъ Давыдовымъ, и небольшой сборникъ чукотскихъ словъ, составленный поручикомъ Д. Кошелевымъ.

Лисянскій командовалъ вторымъ кораблемъ экспедиціи и шелъ иногда врозь съ первымъ; поэтому въ его книгѣ являются новые предметы наблюденій, а по прибытіи на мѣсто Лисянскій направился къ берегу Америки и даетъ подробное описаніе Ситхи (онъ называетъ ее Ситка) и острова Кадьяка; между прочимъ, Лисянскому пришлось принять участіе въ окончательномъ покореніи жителей Ситхи. И здѣсь находятся этнографическія подробности о туземныхъ инородцахъ, описаніе ихъ обычаевъ и четыре сборника словъ изъ языка различныхъ жителей Кенайскаго залива, Кадьяка, Ситхи и Уналашки.

---

[1]) Но экспедиція не была снаряжена на средства послѣдняго, какъ говоритъ Вешняковъ. Арегси, стр. 11.

[2]) Вешняковъ упрекаетъ Крузенштерна въ ошибкѣ, что онъ считалъ Сахалинъ полуостровомъ, и дѣйствительно такъ онъ названъ и (неясно) изображенъ его на картѣ; но въ текстѣ книги, т. II, гл. V, Сахалинъ трактуется какъ островъ и говорится о Татарскомъ „проливѣ“.

Румянцовъ былъ особливо заинтересованъ подобными путешествіями, и въ естественно-историческомъ отдѣлѣ его музея собралось не мало предметовъ, собранныхъ въ этихъ экспедиціяхъ. Нѣсколько лѣтъ спустя имъ снаряжено было плаваніе Геденштрома, въ 1809 г., для изслѣдованія острова Новая Сибирь, на сѣверъ отъ устья Индигирки, открытаго передъ тѣмъ, въ 1806 году, купеческимъ сыномъ Сыроватскимъ [1]).

Въ одно время съ книгами Крузенштерна и Лисянскаго вышло въ свѣтъ описаніе путешествій, сдѣланныхъ ранѣе двумя морскими офицерами, Хвостовымъ и Давыдовымъ, которые дѣлали изысканія въ Охотскомъ морѣ и вообще въ сѣверной части Тихаго океана [2]).

Съ 1807 года начинаются путешествія В. М. Головнина [3]), которымъ сдѣланы были важныя гидрографическія изслѣдованія въ сѣверной части Тихаго океана. Извѣстно, что среди этихъ трудовъ онъ захваченъ былъ японцами и провелъ два года въ плѣну, о которомъ оставилъ любопытныя записки и изъ котораго освобожденъ былъ Рикордомъ.

---

[1]) Его записки изданы были позднѣе: „Отрывки о Сибири М. Геденштрома“ Спб. 1830, и на нѣмецкомъ языкѣ: „Fragmente oder etwas über Ssibirien“, Спб. 1842. Объ его біографіи см. академика Шмидта: Bemerkungen zu Nordenskiöld's Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega, въ „Beiträge zur Kenntniss des russ. Reiches und der angrenzenden Länder Asiens“, 2-te Folge, herausg. von Helmersen und Schrenck. Спб. 1883, т. IV, стр. 357—365; откуда въ Sibirien... von N. Jadrinzew... bearb. von Ed. Petri, Jena 1886, стр. 470—472.

[2]) „Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ: Хвостова и Давыдова“. 2 части, Спб. 1810—1812. О нихъ упоминаетъ Крузенштернъ, II, стр. 122, 128—129; III, стр. II (предисловіе). О похожденіяхъ этихъ двухъ пріятелей ср. Сочиненія Державина, Грота, т. III. Нѣмецкій переводъ путешествія Хвостова и Давыдова, Берлинъ, 1816.

[3]) „Путешествіе Россійскаго Императорскаго шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку, совершенное подъ начальствомъ флота лейтенанта Головнина, въ 1807, 1808 и 1809 годахъ, съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи его для описи Курильскихъ острововъ въ 1811 году“; издано адмиралтейскимъ Департаментомъ. 3 части, Спб. 1819.

— Другая его книга: „Путешествіе вокругъ свѣта, по повелѣнію Государя Императора, совершенное на военномъ шлюпѣ Камчаткѣ, въ 1817, 1818 и 1819 годахъ флота капитаномъ Головнинымъ“. 2 части. Спб. 1822 г.

— Далѣе: „Записки В. Головнина въ плѣну у японцевъ, въ 1811—13 г., и жизнеописаніе автора“. Съ портр. и карт. Спб. 1851 (Сюда же имѣютъ отношеніе „Записки о плаваніи Рикорда“ и пр., Спб. 1851).

Новое изданіе: Сочиненія и переводы В. М. Головнина. 5 томовъ, съ портретомъ, картами и планами. Спб. 1864.

Этотъ Головнинъ былъ отецъ бывшаго министра нар. просвѣщенія, А. В. Головнина.

Въ 1815—1818 годахъ совершалось плаваніе экспедиціи Коцебу на счетъ канцлера Румянцова [1]); въ числѣ натуралистовъ, сопровождавшихъ экспедицію, былъ знаменитый нѣмецкій писатель Адальбертъ Шамиссо. Изъ Кронштадта Коцебу направился въ Камчатку, обогнувши Южную Америку, и въ первомъ томѣ его книги находятся свѣденія о Камчаткѣ и ея жителяхъ, описаніе быта чукчей, и проч.; возвратный путь шелъ черезъ Калифорнію, Сандвичевы острова, Манилу, Мадагаскаръ, Мысъ Доброй Надежды, островъ св. Елены; въ третьемъ томѣ собраны естественно-историческія наблюденія Шамиссо, въ переводѣ Ивана Шульгина.

Далѣе, въ 1821—1824 происходили изысканія Литке (впослѣдствіи адмирала, графа и президента академіи наукъ), труды котораго, по словамъ Венюкова, были особенно замѣчательны, такъ что нынѣшнія карты Камчатки и страны чукчей составляютъ только копію его карты, очень мало исправленной въ подробностяхъ [2]).

Почти въ то же время, въ 1820—1824 годахъ, совершена была одна изъ знаменитѣйшихъ экспедицій, имѣвшихъ цѣлью довершеніе изслѣдованій сѣвернаго берега Сибири. Это была экспедиція Врангеля и его спутниковъ Анжу, Козьмина и Матюшкина. Мы видѣли, сколько трудовъ потрачено было еще съ XVII-го вѣка на изслѣдованіе сѣверной сибирской окраины, въ высшей степени затруднительное по страшной суровости климата: много плавателей поплатились жизнью за рискъ одолѣть эти препятствія; существенное было опредѣлено, но результатамъ недоставало точности; къ запросамъ географическимъ присоединялось желаніе наблюдать жизнь природы и бытъ крайнихъ сѣверныхъ обитателей, и эта задача предстояла экспедиціи Врангеля. Книга Врангеля занимаетъ по справедливости одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ о сѣверѣ Сибири, какъ по важности вопроса, трудно доступнаго для изслѣдованія, такъ и по достоинствамъ изложенія. Къ удивленію, эта замѣчательная книга почти

[1]) „Путешествіе въ южный океанъ и въ Беринговъ проливъ для отысканія сѣверо-восточнаго морскаго прохода, предпринятое въ 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ иждивеніемъ его сіятельства господина госуд. канцлера, графа Ник. Петр. Румянцева на кораблѣ „Рюрикъ“ подъ начальствомъ флота лейтенанта Коцебу“. Спб. 1821 (ч. 1 и 2)—1823 (ч. 3), 4о. Съ атласомъ. Нѣмецкое изданіе: Веймаръ, 1821 (передѣлка для юношества, Ганноверъ, 1821); англійскій переводъ, Лонд. 1821; голландскій, Амстердамъ, 1822.

[2]) Арегçи, стр. 13. Книга Литке называется: „Четырекратное путешествіе въ сѣверный Ледовитый океанъ въ 1821—1824 г.“ 2 т. Спб. 1828. Нѣмецкій переводъ А. Эрмана, Берлинъ, 1835.

двадцать лѣтъ ожидала изданія и въ первый разъ явилась понѣмецки: переведенная съ русской рукописи Е. А. Энгельгардтомъ, она издана была въ Берлинѣ съ предисловіемъ знаменитаго географа Карла Риттера въ 1839, и только черезъ два года вышло ея русское изданіе [1]).

Врангель, лифляндскій баронъ по происхожденію (1794—1870), учился въ морскомъ корпусѣ въ Петербургѣ, еще очень молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи Головнина и показалъ такое дарованіе, что ему поручена была въ 1820 г. трудная экспедиція, которая сдѣлала славнымъ его имя. Экспедиція продолжалась около пяти лѣтъ и состояла въ сухопутномъ изслѣдованіи наименѣе доступныхъ береговъ сѣверной Сибири—отъ устья Колымы на востокъ до Берингова пролива, и въ изслѣдованіи моря на возможно дальнемъ разстояніи отъ берега; Врангель пускался поэтому и въ океанъ—по льду, на собакахъ, и достигъ многихъ важныхъ результатовъ какъ въ изслѣдованіяхъ географическихъ, такъ и въ описаніи сѣверной природы и быта туземцевъ. Разсказъ о его необыкновенныхъ путешествіяхъ исполненъ интереса; его спутники нерѣдко дѣлали отдѣльныя экскурсіи, всегда рискованныя въ снѣжныхъ пустыняхъ и при страшныхъ морозахъ; путешественники оставались иногда надолго безъ всякихъ извѣстій другъ о другѣ и испытывали вообще всѣ тревоги смѣлыхъ предпріятій и приключеній. Спутникъ Врангеля, Анжу, долженъ былъ изслѣдовать морской берегъ по обѣ стороны отъ устья Яны; затѣмъ странствовали отдѣльно штурманы Ильинъ, Козьминъ, мичманъ Матюшкинъ. Этотъ послѣдній былъ извѣстный лицейскій товарищъ Пушкина (1799—1872), рано отдавшійся своей страсти къ морю и вспомянутый Пушкинымъ въ стихотвореніи *„19-е октября“*. Сдѣлавши первые опыты морской службы подъ начальствомъ Головнина, онъ работалъ затѣмъ въ экспедиціи Врангеля, который вообще былъ очень доволенъ дѣя-

[1]) „Baron Ferd. v. Wrangel, Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere in den Jahren 1820 bis 1824“. Nach den handschriftlichen Journalen bearbeitet von G. Engelhardt. Herausgegeben nebst einem Vorwort von C. Ritter; 2 тома, Berlin, 1839. Въ слѣдующемъ же году вышелъ англійскій переводъ, потомъ нѣсколько разъ повторенный. Русское изданіе: „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю, совершенное, въ 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годахъ, экспедиціею, состоявшею подъ начальствомъ флота лейтенанта Фердинанда фонъ-Врангеля“. Спб. 1841. 2 части, изд. Смирдина, и „Прибавленія“ къ путешествію, изд. академіи наукъ. Русскій издатель старается извинить позднее появленіе книги отсутствіемъ Врангеля и т. п., но это не мѣшало же явиться нѣмецкому переводу. По русскому изданію сдѣланъ французскій переводъ кн. Эми. Голицына, Paris, 1843.

тельностью своего молодого сотрудника: въ книгу Врангеля вошли два путевыхъ отчета Матюшкина—объ его поѣздкѣ къ рѣкѣ Анголѣ, притоку Колымы, и по тундрѣ къ востоку до чукотскихъ поселеній, и эти двѣ главы—по словамъ Грота, съ которыми и мы согласимся,—принадлежатъ къ самымъ интереснымъ страницамъ книги Врангеля [1]). Кромѣ фактовъ географическихъ, астрономическихъ наблюденій, картинъ природы крайняго сѣвера, приключеній путешествія, книга Врангеля даетъ еще любопытныя этнографическія данныя объ инородческихъ племенахъ—якутахъ, юкагирахъ, чукчахъ, омокахъ. Мы упоминали выше, что Врангелемъ найдены были остатки экспедиціи Шалаурова [2]). Между прочимъ, Врангель встрѣтился съ англійскимъ туристомъ-пѣшеходомъ Кохрэномъ, который желалъ принять участіе въ экспедиціи, въ чемъ, однако, ему отказали, такъ какъ лишній человѣкъ только усложнялъ трудности пути.

Половина перваго тома книги Врангеля занята исторіей русскихъ открытій и плаваній въ сѣверныхъ моряхъ Сибири; матеріалы для этой исторіи онъ почерпалъ изъ „Сибирскаго Вѣстника“ Спасскаго, и изъ Миллера, книги Кокса и Бёрнея [3]).

Біографія Врангеля сообщена при новомъ нѣмецкомъ изданіи его путешествія [4]).

Названный сейчасъ Кохрэнъ, англійскій морякъ, пріобрѣлъ тогда большую славу своими пѣшеходными странствіями: онъ ходилъ много по Европѣ и, наконецъ, возъимѣлъ идею пройти черезъ всю Россію до Камчатки и Ледовитаго океана. Онъ дѣйствительно отправился изъ Петербурга, запасшись рекомендаціями и предписаніями, и Врангель, съ которымъ онъ встрѣтился на сѣверѣ Сибири, имѣлъ основанія усомниться, чтобы Кохрэнъ добрался туда *пѣшкомъ*. Самъ путешественникъ убѣдился, что планъ его неисполнимъ, и вернулся въ Европу; затѣмъ онъ хотѣлъ

---

[1]) См. I, стр. 252, 272; II, стр. 75—114 и 230—279. О Матюшкинѣ см. книгу Грота: „Пушкинъ его лицейскіе товарищи и наставники“. Спб. 1887, стр. 98—107.

[2]) Т. I, стр. 92; II, стр. 341—342.

[3]) Burney, „Chronological history of North Eastern Voyages of discovery, and of the early Eastern navigations of the Russians“. Lond. 1819.

[4]) „Ferd. von Wrangel und seine Reise längs der Nordküste von Sibirien und auf dem Eismeere“. Von L. (Lisa) von Engelhardt. Mit einem Vorworte von A. E. Freiherrn v. Nordenskiöld, einem Portrait F. v. Wrangel's und einer Karte. Leipz. 1885. Здѣсь сообщена біографія (стр. 3—36) и нѣсколько сокращенный разсказъ путешествія. Въ нѣсколькихъ вводныхъ словахъ (на французскомъ языкѣ) Норденшельдъ называетъ книгу Врангеля „un des chefs-d'oeuvre de la littérature arctique“. Г-жа Энгельгардтъ—урожденная Врангель.

пройти пѣшкомъ Южную Америку, но умеръ въ Колумбіи, въ 1825. Его книга надѣлала въ свое время много шуму [1]).

Къ тридцатымъ годамъ Сибирь привлекаетъ вниманіе ученыхъ съ другой стороны. Морскія плаванія смѣняются изслѣдованіями сибирскаго материка по разнымъ областямъ естествознанія. Страна была уже болѣе или менѣе описана, путешествія становились доступнѣе, и теперь открывается рядъ общихъ изысканій астрономическихъ, географическихъ и физическихъ, и притомъ уже не только путемъ правительственныхъ экспедицій, но и въ частныхъ путешествіяхъ иностранныхъ ученыхъ, которыхъ влекла перспектива широкихъ научныхъ наблюденій въ странахъ раньше едва затронутыхъ. Сюда направляются и знаменитые ученые, какъ Гумбольдтъ, и молодые естествоиспытатели, которые своими трудами въ Сибири начинали свою ученую славу. Всѣ основныя отрасли естествознанія примѣняются къ физическимъ явленіямъ Сибири, и результаты полученныхъ здѣсь наблюденій входятъ важнымъ матеріаломъ для научныхъ построеній. Не исчисляя всѣхъ этихъ путешествій, отмѣтимъ нѣкоторыя, особенно извѣстныя и богатыя результатами.

Въ 1826 нѣмецкій ботаникъ Ледебуръ, въ то время профессоръ въ Дерптѣ, предпринялъ путешествіе въ Алтай, результатомъ котораго было описаніе путешествія [2]) и рядъ спеціальныхъ трудовъ по алтайской флорѣ. Въ 1828—30 годахъ шведскій астрономъ и естествоиспытатель Ганстенъ совершилъ путешествіе въ Сибирь для магнитныхъ наблюденій, и кромѣ спеціальнаго труда, посвященнаго магнитнымъ, астрономическимъ и метеорологическимъ изысканіямъ и исполненнаго имъ вмѣстѣ съ норвежскимъ лейтенантомъ Дуэ (1863), онъ издалъ воспоминанія о своемъ сибирскомъ путешествіи [3]). Кромѣ Дуэ, къ Ганстену присоединился въ этомъ путешествіи другой, впослѣдствіи очень извѣстный ученый, Адольфъ Эрманъ, который вмѣстѣ съ нимъ проѣхалъ до Иркутска, а затѣмъ сдѣлалъ отдѣльное путешествіе по сѣверу Сибири отъ нижней Оби до Охотска, Кам-

[1]) John Dundas Cochrane, „Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen Sea and Kamtchatka, performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823". Lond. 1824. Книга имѣла много англійскихъ и нѣмецкихъ изданій, была также переведена на голландскій и шведскій языки. Въ тѣ годы о Кохрэнѣ не мало говорили и русскіе журналы.

[2]) „Reise durch das Altai-Gebirge und die Kirgisensteppe, etc." Berlin, 1829—30, два тома.

[3]) Christoph Hansteen, „Reise-Erinnerungen aus Sibirien". Deutsch von H. Sebald. Leipzig, 1854. Нѣсколько нѣмецкихъ изданій, голландское, шведское и французское. Ганстенъ род. 1784, ум. 1873.

чатки и русско-американскихъ владѣній, законченное кругосвѣтнымъ плаваніемъ. Цѣлью Эрмана было также изученіе земного магнетизма, и опять, кромѣ спеціальнаго труда объ этомъ предметѣ, онъ издалъ описаніе своего путешествія [1]). Впослѣдствіи онъ издавалъ въ Берлинѣ спеціальный научный сборникъ, посвященный изученію Россіи [2]). Далѣе, на западномъ краѣ Азіи началъ свои первые труды русско-нѣмецкій ученый, недавно умершій Гельмерсенъ, впослѣдствіи много работавшій по геологическому и минералогическому изученію Россіи европейской и азіатской. Кончивъ курсъ въ дерптскомъ университетѣ, Гельмерсенъ (род. 1803) уже въ 1826 году сопровождалъ своего профессора Морица Энгельгардта на Уралъ, затѣмъ въ 1828—29, съ извѣстнымъ впослѣдствіи минералогомъ Гофманомъ (позднѣе профессоромъ петербургскаго университета), совершалъ геогностическія изысканія на Уралѣ, и здѣсь, по возвращеніи Гумбольдта изъ его алтайскаго путешествія (о которомъ далѣе), сопровождалъ его въ осмотрѣ Урала; впослѣдствіи самъ Гельмерсенъ дѣлалъ ученыя изслѣдованія въ горной Сибири и наконецъ въ теченіе многихъ лѣтъ издавалъ съ знаменитымъ академикомъ К. Бэромъ ученый сборникъ, заключающій множество важнаго естественно-историческаго матеріала, между прочимъ для изученія Сибири [3]).

Мы не будемъ исчислять трудовъ по естественно-историческому описанію Азіи, совершенныхъ въ это время и послѣ многими другими учеными (Геблеръ, Щуровскій, Постельсъ, Платонъ Чихачевъ, Вишневскій и др.), и укажемъ труды первостепеннаго руководящаго значенія, которые стали эпохой въ естественно-историческомъ и географическомъ изученіи не только Сибири, но и цѣлой Азіи.

Таково было, во-первыхъ, знаменитое „Землевѣдѣніе“ (Erdkunde) Карла Риттера, громадный трудъ, гдѣ въ первый разъ старательно собранныя географическія данныя объединены были въ цѣльную картину съ той точки зрѣнія, которая была положена въ основаніе географической системы Риттера, гдѣ географія разсматривается вообще какъ подкладка исторіи. Азія была

---

[1]) Adolph Erman, „Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830“. Berlin. 1833—48. Книга явилась и въ англійскомъ переводѣ.

[2]) Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland, 1841—1865.

[3]) „Beiträge zur Kenntniss des russischen Reiches und der angränzenden Länder Asiens“. Herausg. von C. E. v. Baer und Gr. v. Helmersen, съ 1839 года; изданіе продолжалось имъ впослѣдствіи вмѣстѣ съ академ. Шренкомъ, и выходило до послѣднихъ годовъ.

основнымъ, почти единственнымъ предметомъ, наполняющимъ томы „Землевѣдѣнія“ (1832—59, 18 томовъ), и книга стала исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ географическихъ описаній; обширная доля сочиненія посвящена русской Сибири и той средней Азіи, которой предстояло потомъ войти въ составъ русской имперіи. Мы скажемъ дальше о русскомъ переводѣ той части книги Риттера, которая обнимаетъ русскую Азію и сопредѣльныя ей страны.

Въ 1829 году Александръ Гумбольдтъ, вмѣстѣ съ извѣстными учеными, Эренбергомъ и Густавомъ Розе, предпринялъ, по волѣ имп. Николая, экспедицію на Алтай, на Уралъ и Каспійское море. Результатомъ была масса научныхъ наблюденій по разнымъ отраслямъ естествознанія, которыя были изложены въ особенности въ книгѣ самого Гумбольдта, вышедшей позднѣе [1]), и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Розе по геогнозіи и минералогіи названныхъ мѣстностей.

Книга Гумбольдта имѣла столь широкое научное значеніе, что Венюковъ въ не разъ упомянутой книжкѣ считаетъ отъ нея новый періодъ изслѣдованій объ азіатской Россіи. Раздѣляя ходъ сибирскихъ изслѣдованій на періоды, Венюковъ въ первый періодъ относитъ старыя практическія розысканія и захваты земель въ XVII столѣтіи; второй періодъ идетъ съ Петра Великаго, когда начинаются первыя научныя изслѣдованія, и завершается появленіемъ книги Гумбольдта; съ Гумбольдта начинается новѣйшая эпоха сибирскихъ изученій, въ основѣ которыхъ лежатъ его естественно-историческія обобщенія.

Экспедиція производила наблюденія астрономическія, изучала геогностическій характеръ почвы, собирала разныя коллекціи, дѣлала изысканія о климатѣ, земномъ магнетизмѣ, изслѣдовала рудники и залежи золота и платины, изучала строеніе горныхъ хребтовъ и т. п. Сочиненіе Гумбольдта, гдѣ собраны главнѣйшія изслѣдованія и результаты этой экспедиціи, стало классической книгой по изученію средне-азіатской природы. Книга написана съ обычнымъ искусствомъ и громадною ученостью знаменитаго естествоиспытателя. Рѣдкая универсальность знаній давала ему возможность охватывать предметъ во всей сложности его явленій и изображать его съ тою ясностью и точностью, которыя составляли особенность его ума и дарованія: изложеніе, хотя обставленное массою спеціальныхъ подробностей, бываетъ привлекательно

[1]) „Asie Centrale. Recherches sur les chaines de montagnes et la climatologie comparée“; par A. de Humboldt. Paris, 1843, три тома.

даже для обыкновеннаго читателя. Кромѣ естествознанія въ его полномъ распоряженіи была громадная литература древнихъ классическихъ, восточныхъ, средневѣковыхъ и новѣйшихъ писателей въ такомъ обиліи, въ которомъ немногіе могли равняться съ авторомъ „Космоса“.

Въ трудахъ Риттера и Гумбольдта изслѣдованія Сибири окончательно становятся достояніемъ европейской науки. Это были первыя широкія обобщенія, въ которыхъ открывалась прочная опора для дальнѣйшихъ розысканій. И дѣйствительно, въ новомъ наступившемъ теперь періодѣ мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ монументальнымъ трудомъ, который для извѣстной части Сибири достойнымъ образомъ выполняетъ поставленную задачу. Этотъ трудъ есть экспедиція Миддендорфа.

Начатая въ томъ самомъ году, когда вышла книга Гумбольдта, эта экспедиція остается до сихъ поръ самымъ крупнымъ предпріятіемъ, какое было исполнено у насъ по изученію Сибири: потребовалось больше тридцати лѣтъ для того, чтобы обработать должнымъ образомъ матеріалъ, собранный въ путешествіи 40-хъ годовъ [1]). Путешествіе Миддендорфа вышло въ „четырехъ томахъ“, но томы надо разумѣть нѣмецкіе: почти каждый „томъ“ дѣлится на „части“, потомъ на „выпуски“, величиной равняющіеся хорошему обыкновенному тому, такъ что въ цѣломъ получается обширное изданіе. Отдѣльныя части изданія были обработаны, кромѣ самого Миддендорфа, еще многими учеными. Такъ въ обработкѣ отдѣла метеорологіи, магнетическихъ наблюденій, геогнозіи и палеонтологіи приняли участіе Бэръ, Гельмерсенъ, Ленцъ, Петерсъ и др.; въ отдѣлѣ ботаники — Траутфеттеръ, Руprехтъ, Мейеръ; въ отдѣлѣ зоологіи — Брандтъ, Эрихсонъ, Менетріе и др.; матеріалы для изученія языка якутовъ дали поводъ къ цѣлому обширному изслѣдованію Бётлинга . объ якутскомъ языкѣ, занимающему весь третій томъ изданія. На русскомъ языкѣ трудъ Миддендорфа явился въ двухъ „томахъ“ [2]).

Первоначальная идея экспедиціи, исполненной Миддендорфомъ, принадлежала Бэру (1792—1876). Въ 1840 году самъ Бэръ пред-

---

[1]) Dr. A. Th. v. Middendorff, „Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens während der Jahre 1843 und 1844 mit Allerhöchster Genehmigung auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit vielen Gelehrten herausgegeben“; 4 тома, 1848—1875. 4°.

[2]) „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири“. 2 части. Спб. 1860—1869. 4°. Отмѣтимъ еще небольшое изданіе Миддендорфа: „Бараба“, съ лит. картой. Спб. 1871 (изъ XIX тома „Записокъ“ Акад. Наукъ).

принялъ путешествіе въ Лапландію для изученія вопроса о предѣлахъ и условіяхъ органической жизни на крайнемъ сѣверѣ; еще тогда онъ пригласилъ къ участію въ экспедиціи Миддендорфа, который въ то время былъ профессоромъ зоологіи въ кіевскомъ университетѣ. Для дальнѣйшаго опредѣленія вопроса Бэръ находилъ нужнымъ новое путешествіе въ край, еще болѣе сѣверный, и его выборъ останавливался на самой сѣверной оконечности Сибири, именно, на Таймырскомъ полуостровѣ (между устьями Енисея и Хатанги); требовался именно сѣверный континентальный пунктъ, такъ какъ при этомъ только являлась возможность наблюдать постепенность измѣненія климатическихъ условій и вмѣстѣ измѣненіе органической жизни. Бэръ считалъ подобную экспедицію для себя уже невозможной: борьба съ тягостями крайняго сѣвера требовала свѣжихъ, молодыхъ силъ, и такъ какъ ему уже знакома была энергія Миддендорфа, онъ предложилъ послѣднему трудную задачу экспедиціи. Изъ среды членовъ академіи наукъ составлена была коммиссія (кромѣ Бэра были здѣсь Брандтъ, Ленцъ и Мейеръ), которая выработала какъ программу научныхъ вопросовъ, такъ и практическіе совѣты для безопасности путешествія въ необычайныхъ условіяхъ крайняго сѣвера. Впослѣдствіи Бэръ выражалъ свое удивленіе энергіи Миддендорфа [1]).

Экспедиція началась въ 1843 году и распадалась на два путешествія—крайнее сѣверное и юго-восточное, цѣлью которыхъ были Таймыръ и Амуръ. Первый не былъ посѣщаемъ путешественниками съ половины прошлаго столѣтія, когда Прончищевъ и Челюскинъ опредѣлили его очертанія; Миддендорфъ и его спутникъ топографъ Вагановъ (впослѣдствіи убитый китайцами въ географической экспедиціи въ Монголію) прожили здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ подъ 71° широты, производя свои изслѣдованія. Зимой слѣдующаго года, Миддендорфъ отправился черезъ Енисейскъ и Иркутскъ въ Якутскъ и затѣмъ на Шантарскіе острова въ Охотскомъ морѣ; отсюда, выплывъ на байдаркѣ къ устью рѣки Тугура, онъ переправился черезъ дикія пустыни Станового хребта къ пункту соединенія Шилки и Аргуни, т.-е. къ началу Амура. Это было въ январѣ 1845 года. Нечего говорить о томъ, какими трудностями и весьма серьезными опасностями окружены были жизнь и странствія въ далекихъ сѣверныхъ широтахъ, при невыносимыхъ морозахъ и вьюгахъ (однажды Миддендорфу пришлось провести 18 дней подъ снѣгомъ), при недостаткѣ топлива,

[1]) „Mir scheint jetzt,—говоритъ онъ впослѣдствіи,—dass ich Middendorf's Ausdauer und Gewandtheit nicht über, wohl aber seine Dreistigkeit unterschätzt habe". См. введеніе, въ 1-мъ томѣ.

при трудности переѣздовъ. Амуръ въ то время еще не принадлежалъ Россіи, и путешествіе Миддендорфа не осталось безъ вліянія на судьбу этого края. Занятый впервые русскими за 200 лѣтъ передъ тѣмъ, Амуръ въ концѣ XVII-го вѣка былъ оставленъ по договору съ китайцами; мѣстные промышленники и торговцы заходили сюда безъ вѣдома обоихъ правительствъ; до Миддендорфа былъ на Амурѣ офицеръ генеральнаго штаба, Ладыженскій, въ 1834, но Миддендорфъ проникъ гораздо далѣе на Амуръ, и, главное, кромѣ естественно-историческихъ наблюденій, онъ нашелъ истинную тогдашнюю границу русскихъ владѣній по „омбонамъ" (пограничнымъ знакамъ) и удостовѣрился личнымъ наблюденіемъ, что страна къ сѣверу отъ рѣки фактически не занята китайцами. Это была будущая русская Амурская область.

Миддендорфъ, какъ мы упоминали, собралъ огромный естественно-историческій матеріалъ, разработанный послѣ многими спеціалистами: онъ снималъ маршруты на огромныхъ пространствахъ, дѣлалъ наблюденія надъ температурой земли, надъ условіями растительности и измѣненіемъ ея формъ съ приближеніемъ къ сѣверу, надъ допотопными лѣсами и наносными деревьями, надъ морскими теченіями, собиралъ коллекціи, дѣлалъ изысканія этнографическія (особливо свѣденія о самоѣдахъ, остякахъ, тунгузахъ, якутахъ, бурятахъ), изслѣдованія географическія и гидрографическія и т. д. [1]).

VI.

Сороковые года.—Основаніе Географическаго Общества и его дѣятельность по изученію Сибири.—Новѣйшія изысканія.

Путешествіе Миддендорфа (по старому академическому обычаю изданное по-нѣмецки, и только частію по-русски) было началомъ множества розысканій во всѣхъ направленіяхъ; съ него открывается обширная, трудно обозримая литература о Сибири и Средней Азіи, составляющая особую черту нашего научнаго движенія за послѣднія сорокъ лѣтъ. Разныя обстоятельства способствовали развитію этой литературы, — и во-первыхъ обстоя-

[1]) Для не-спеціалистовъ по естествознанію особенно интересны т. I, нѣм. изданія, введеніе; далѣе, т. IV, часть I, вып. 1, введеніе, географія; тамъ же, часть II, вып. 3, сибирскіе туземцы.

Краткія біографическія свѣденія о Миддендорфѣ см. въ „Біогр. Словарѣ" кіевскаго университета. Кіевъ, 1884, стр. 423—427.

тельства внѣшнія, политическія. Съ пятидесятыхъ годовъ чрезвычайно расширилась русская азіатская территорія: съ 1854 года, когда Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи графъ Амурскій, спустился съ флотиліей, снаряженной въ Нерчинскѣ, внизъ по Амуру до его устья, эта рѣка съ Амурскою областью стала русскимъ владѣніемъ, къ которому присоединился вскорѣ Усурійскій край или Приморская область; съ другой стороны громадно раздвинулись русскія границы на сибирскомъ юго-западѣ, сначала пріобрѣтеніемъ Заилійскаго края, потомъ завоеваніемъ Ташкента, Самарканда, наконецъ южнаго Туркестана до занятія Мерва въ 1884 году. Новыя громадныя пространства, ставшія русской территоріей, стали и новымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, которыя велись или правительственными экспедиціями, или частными предпріятіями, захватывая и южную часть собственной Сибири.

Было и другое внутреннее условіе, которое съ конца сороковыхъ годовъ сильно содѣйствовало возростанію научнаго интереса и размноженію изслѣдованій, оффиціальныхъ и частныхъ. Это была организація ученыхъ силъ и предпріятій, выразившаяся основаніемъ Географическаго Общества. Было два главныхъ мотива, которые привели къ мысли о необходимости этого учрежденія: во-первыхъ, усиливалось сознаніе необходимости болѣе внимательнаго и цѣльнаго изслѣдованія русской народной жизни; во-вторыхъ, подъ вліяніемъ послѣднихъ широкихъ предпріятій для изученія Азіи, явилась также мысль о необходимости сосредоточить географическія изысканія, которыя до сихъ поръ велись разъединенно, не имѣли себѣ одного общаго спеціальнаго органа и которыя могли быть еще болѣе успѣшны при содѣйствіи кружка научно заинтересованныхъ лицъ. Въ числѣ учредителей Географическаго Общества мы дѣйствительно находимъ какъ представителей возникавшей тогда русской научной этнографіи (Надеждинъ, Даль), такъ и географовъ, путешественниковъ и натуралистовъ, между прочимъ составившихъ свою славу изслѣдованіями въ разныхъ краяхъ Сибири (здѣсь былъ напримѣръ: Крузенштернъ, Врангель, Бэръ, Гельмерсенъ, Литке, Рикордъ, Чихачевъ [1]).

---

[1]) Въ исторіи перваго двадцати-пятилѣтія Географическаго Общества мы читаемъ (стр. 7):

„Основаніе Общества находится въ ближайшей связи съ достопамятнымъ путешествіемъ академика Миддендорфа въ Таймырскую землю и въ При-амурскій край въ началѣ 40-хъ годовъ. На обѣдѣ, устроенномъ друзьями и почитателями путешественника, по поводу его благополучнаго возвращенія, произошелъ первый обмѣнъ

Въ самомъ дѣлѣ едва новое общество успѣло установиться, какъ оно стало развивать оживленную дѣятельность и большая доля его трудовъ была посвящена именно Сибири и позднѣе Средней Азіи. Дѣятельность шла въ разныхъ направленіяхъ: въ трудахъ общаго характера; въ спеціальныхъ ученыхъ экспедиціяхъ, и наконецъ въ установленіи географическихъ изслѣдованій на мѣстахъ. Въ самомъ дѣлѣ, русская наука и литература нуждались въ обобщеніи и объединеніи того громаднаго географическаго матеріала, который разсѣянъ былъ въ трудахъ старыхъ и новыхъ экспедицій, въ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, заключавшихъ описательный матеріалъ, между прочимъ о Сибири. Въ исполненіе этой потребности совершены были въ особенности два замѣчательные труда, мысль о которыхъ возникла въ Географическомъ Обществѣ уже въ 1850 году. Это былъ, во-первыхъ, русскій переводъ, съ обширными дополненіями, „Землевѣдѣнія Азіи“ Риттера и, во-вторыхъ, „Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи“, два монументальные труда, составляющіе великую научную заслугу нынѣшняго вице-президента Общества, П. П. Семенова. Прибавимъ, что общественный интересъ, вызванный основаніемъ Общества, между прочимъ, привлекъ и довольно значительныя частныя пожертвованія для его предпріятій, и благодаря имъ оказалось возможнымъ и исполненіе этихъ двухъ обширныхъ изданій.

Они оба имѣютъ ближайшее отношеніе къ Сибири, въ особенности первое. „Землевѣдѣніе“ Риттера представляло въ то время, да и до сихъ поръ, наиболѣе полное изложеніе географическихъ данныхъ объ Азіи. Русское изданіе имѣло въ виду (по недостаточности средствъ) передать только тѣ части Риттеровой Азіи, которыя относятся къ Россіи и странамъ, съ нею сопредѣльнымъ, то-есть къ Китаю, Турану и Ирану, оставляя безъ перевода болѣе далекія страны, какъ Аравія, оба полу-

---

мыслей объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества. Недостатокъ въ такомъ обществѣ ощущался, впрочемъ, уже давно и главнымъ образомъ въ виду богатаго географическаго матеріала, быстро накоплявшагося благодаря той дѣятельности по изученію Россіи и ея отдаленныхъ окраинъ, которою были ознаменованы 20-ые и 30-ые года нынѣшняго столѣтія. Академикъ Бэръ и адмиралы Литке и баронъ Врангель, принадлежавшіе къ числу дѣятелей этой географической эпохи, были именно тѣ лица, которыя сдѣлали первые шаги къ осуществленію мысли объ учрежденіи нашего Общества. Съ самаго начала къ нимъ присоединились академики Струве, Гельмерсенъ и Кеппенъ, генералъ-адъютантъ Бергъ (бывшій тогда генералъ-квартирмейстеромъ), Даль и П. А. Чихачевъ“.

острова Индіи и пр. [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжить и дополнить изложеніе Риттера новыми данными, пріобрѣтенными наукой. Въ самомъ дѣлѣ, напр., первый томъ творенія Риттера вышелъ еще въ 1832 году, за четверть вѣка до появленія его въ русскомъ переводѣ, и естественно было, что онъ нуждался въ дополненіяхъ. Понятно, что эти дополненія требовали обширной начитанности въ новѣйшей литературѣ предмета, и они были исполнены въ русскомъ изданіи съ большимъ запасомъ свѣденій и точностью. Трудъ перевода и редакціи былъ сначала раздѣленъ между нѣсколькими лицами, но съ ходомъ изданія главная работа осталась на рукахъ г. Семенова; отдѣлъ о Туркестанѣ и Кабулистанѣ былъ обработанъ В. Григорьевымъ, Иранъ—извѣстнымъ оріенталистомъ Ханыковымъ; все остальное сдѣлано г. Семеновымъ, съ которымъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ, работалъ впослѣдствіи извѣстный путешественникъ Потанинъ [2]). Сначала дополненія помѣщались вслѣдъ за отдѣльными параграфами; но иногда они разростались въ цѣлые томы. Русское изданіе становится само новымъ географическимъ трудомъ высокаго достоинства по массѣ дополненій, собранныхъ изъ новѣйшей литературы предмета.

Столь же важный источникъ свѣденій представляетъ извѣстный „Географическо-статистическій словарь“, составленный г. Семеновымъ съ нѣсколькими сотрудниками (5 томовъ, 1863—85). Онъ распространяется, конечно, и на Сибирь. Кромѣ точныхъ географическихъ описаній, при каждой мѣстности указана лите-

---

[1]) Цѣль этого предпріятія была выражена въ предисловіи русскаго изданія такъ:

„1) Сдѣлать великое твореніе Риттера доступнымъ для всей русской образованной публики и *подвинуть* тѣмъ самымъ *мѣстныя изслѣдованія* Азіи, какъ возбужденіемъ къ нимъ интереса, такъ и доставленіемъ мѣстнымъ изслѣдователямъ лучшаго сборника трудовъ ихъ предшественниковъ.

2) Разработать и упрочить русскую ученую *географическую терминологію* введеніемъ въ нее всѣхъ понятій лучшаго и многообъемлющаго географическаго творенія и упрочить *правописаніе* столь трудныхъ *азіатскихъ* географическихъ *именъ*.

3) Продолжить и дополнить Риттерову Азію всѣмъ быстрымъ успѣхомъ науки въ теченіе послѣдней четверти столѣтія, что̀ составляетъ трудъ *самостоятельный* и тѣмъ болѣе важный, что новѣйшая русская ученая литература сама представляетъ значительное богатство матеріаловъ для такого труда“.

[2]) „Землевѣдѣніе Азіи. Карла Риттера. Географія странъ, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Россіею, т.-е. китайской имперіи, независимой Татаріи, Персіи и Сибири (въ послѣдующихъ томахъ иначе: „...странъ, входящихъ въ составъ Россіи или пограничныхъ съ нею“), переведена по порученію Имп. Р. Геогр. Общества съ дополненіями, служащими продолженіемъ Риттерова труда для матеріаловъ („на основаніи матеріаловъ“), обнародованныхъ съ 1832 года, и составленными П. Семеновымъ, д. чл. Имп. Р. Геогр. Общества“. Спб. 1856—79, до сихъ поръ девять томовъ.

ратура о ней, отъ старыхъ и до новѣйшихъ извѣстій, такъ что въ словарь вошла, отдѣльными подробностями, цѣлая исторія географическихъ открытій на дальнемъ сѣверѣ и востокѣ; въ статьѣ „Сѣверный Океанъ“ передана, въ сжатомъ изложеніи, вся исторія сѣверныхъ плаваній отъ Бѣлаго моря до Тихаго океана, съ половины XVI-го столѣтія до плаванія 1871 года, послѣдняго, которое могло быть занесено во время печатанія даннаго тома словаря.

Со времени своего основанія и донынѣ Географическое Общество принимало живое участіе во всѣхъ почти безъ исключенія географическихъ предпріятіяхъ, какія направлялись на изученіе Сибири и Средней Азіи: оно бывало или само ихъ иниціаторомъ, или присоединялось къ экспедиціямъ, какія задумывались другими учрежденіями и вѣдомствами. Такимъ образомъ изданія Географическаго Общества, въ его журналахъ или въ отдѣльно издаваемыхъ „путешествіяхъ“, „трудахъ экспедицій“ и т. п., являются основнымъ источникомъ географическихъ и естественно-историческихъ свѣденій о Сибири. Его дѣятельность уже вскорѣ расширилась основаніемъ филіальныхъ отдѣловъ: сибирскій отдѣлъ возникъ уже въ 1851, въ Иркутскѣ, раздѣлившись потомъ на восточно-сибирскій, въ Иркутскѣ, и западно-сибирскій, въ Омскѣ; Сибири касается также отдѣлъ оренбургскій.

Такимъ образомъ съ экспедиціи Меддендорфа открывается новый рядъ ученыхъ и развѣдочныхъ предпріятій, о которыхъ мы можемъ разсказать только вкратцѣ.

Первую экспедицію Географическое Общество снарядило уже на второмъ году своего существованія и направило ее по сосѣдству съ западною Сибирью на Уралъ, въ страну посредствующую между Европой и Азіею, на сѣверѣ до береговъ Ледовитаго океана, на югѣ до Чердыни и Богословска. Экспедиція продолжалась нѣсколько лѣтъ съ 1847 года и находилась подъ руководствомъ Э. К. Гофмана, который, какъ мы видѣли раньше, давно уже вмѣстѣ съ Гельмерсеномъ дѣлалъ здѣсь свои первыя ученыя наблюденія. Нѣсколько лѣтъ потребовалось на обработку собраннаго матеріала, въ которой, кромѣ Гофмана и его спутниковъ, инженера Стражевскаго, астронома Ковальскаго и др., приняли участіе извѣстные спеціалисты по разнымъ отраслямъ естествознанія—Густавъ Розе, графъ Кейзерлингъ, русско-нѣмецкіе академики Брандтъ и Рупрехтъ. Въ трудахъ экспедиціи, кромѣ обзора самыхъ путешествій, собраны наблюденія астрономическія, магнитныя, геологическія и палеонтологическія, географическія

опредѣленія мѣстъ, описанія горъ, опредѣленія климата, флора и фауна [1]).

Мы не будемъ останавливаться на изслѣдованіяхъ въ Ледовитомъ океанѣ, на плаваніяхъ въ Новую Землю и Карское море, такъ какъ они не имѣютъ ближайшаго отношенія къ Сибири. Въ тѣ же годы Географическое Общество обратило вниманіе на изслѣдованіе окраинъ Восточной Сибири. Болѣе или менѣе изслѣдованы были въ Сибири только нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримѣръ, полоса вдоль большого сибирскаго тракта, иркутская губернія, Забайкалье, теченіе Лены, Камчатка; изысканія Миддендорфа долго еще не были изданы и опять касались только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Восточной Сибири: поэтому Географическое Общество снарядило обширную экспедицію, работавшую нѣсколько лѣтъ въ Восточной Сибири по разнымъ областямъ естествознанія. Нѣкоторымъ приготовленіемъ къ предпріятію Общества служила такъ-называемая Забайкальская экспедиція, отправленная главнымъ штабомъ и работавшая въ 1849—1853 годахъ подъ начальствомъ полковника Ахте [2]). Въ экспедиціи участвовалъ астрономъ Шварцъ, впослѣдствіи работавшій и въ средѣ Географическаго Общества: сдѣланныя имъ астрономическія опредѣленія послужили потомъ къ подробной картографіи мѣстностей вокругъ Байкала, и затѣмъ его путешествіе въ мѣстности между Байкаломъ и берегомъ Тихаго океана доставило первыя свѣденія о всей области сѣверныхъ притоковъ Амура; другой участникъ этой экспедиціи, горный инженеръ Меглицкій, изслѣдовалъ въ разныхъ направленіяхъ западную часть Амурской области. Въ это же время русскіе подходили къ Амуру съ другой стороны. Въ 1849 году капитанъ Невельской и лейтенантъ Козакевичъ (впослѣдствіи оба адмиралы и оба нынѣ умершіе) открыли Амурскій лиманъ и самое устье Амура: эти открытія, какъ и сдѣланныя раньше указанія Миддендорфа, подняли вопросъ о русской колонизаціи Амура, которая, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны Китая, была окончательно установлена въ 1854 году упомянутымъ плаваніемъ Муравьева до

---

[1]) „Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Изслѣдованія экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географическимъ Обществомъ, въ 1847, 1848 и 1850 годахъ". Два тома, 4° Спб. 1853—1856, съ таблицами видовъ, этнографическихъ типовъ и т. п. Отдѣльно издана была подробная карта съ профилемъ сѣвернаго Урала. Въ тѣ же годы вышло нѣмецкое изданіе: „Der Nördliche Ural und das Küstengebirg Pai-choi". 2 Bde.

[2]) Некрологъ его см. въ „Отчетѣ" Географическаго Общества за 1867 годъ.

устьевъ Амура, а въ 1858 году присоединенъ былъ Усурійскій край за Амуромъ, нынѣшняя Приморская область [1]).

Въ это самое время въ Географическимъ Обществѣ обдумывалось широкое предпріятіе для изслѣдованія Восточной Сибири, которое распространилось потомъ и на новыя пріобрѣтенныя области. Средства для исполненія этихъ плановъ доставлены были пожертвованіями двухъ ревнителей науки, много сдѣлавшихъ для первыхъ успѣховъ Географическаго Общества, именно графа Гуттенъ-Чапскаго и П. А. Голубкова. Программа экспедиціи выработывалась въ отдѣленіяхъ математической и физической географіи, и математическій отдѣлъ экспедиціи, подъ руководствомъ того же астронома Шварца, въ 1854 началъ свои работы, продолжавшіяся до 1859 года. Въ этотъ промежутокъ времени опредѣлено было 110 астрономическихъ пунктовъ, сдѣлано 20.000 верстъ маршрутной съемки, собрана масса данныхъ по географіи, орографіи и гидрографіи обширнаго пространства отъ границъ Томской губерніи до острова Сахалина и отъ верховьевъ Енисея до предгорій, подходящихъ къ долинѣ Лены [2]).

Значеніе трудовъ этой экспедиціи такъ оцѣниваетъ авторитетный историкъ Географическаго Общества: „Благодаря этимъ трудамъ, обширное пространство на востокѣ отъ Байкала представилось въ совершенно иномъ свѣтѣ. Прежнее преувеличенное представленіе о Становомъ хребтѣ утратило свое значеніе; вмѣсто него, можно сказать, открытъ новый хребетъ, коего горы, достигающія до 5.000 ф., отрасли и плоскости, простираются непрерывно отъ Байкала до Охотска.—Не менѣе существенныя измѣненія произошли въ представленіяхъ о Саянѣ и Маломъ Хинганѣ, причемъ только рядъ дальнѣйшихъ изслѣдованій выяснитъ все

---

[1]) Исторія открытія Амура, Усурійскаго края, о-ва Сахалина, колонизаціи Амурской области и пр. составляетъ цѣлую обширную литературу; см. напр. „Указатель литературы объ Амурскомъ краѣ“, Θ. Θ. Буссе, въ „Извѣстіяхъ“ Географ. Общества, т. XVIII, 1882 (въ приложеніяхъ). Часть этой исторіи разсказана была въ запискахъ Н. В. Буссе: „Островъ Сахалинъ и экспедиція 1853 года“, въ „Вѣстн. Европы“, 1871, кн. 10—12, и „Русскіе и Японцы на Сахалинѣ“, тамъ же, кн. 10. Новѣйшій любопытный разсказъ начатъ въ „Воспоминаніяхъ о Сибири“. Б. В. Струве, въ Р. Вѣстн. 1888, апрѣль, май.

[2]) „Труды Сибирской Экспедиціи Императорскаго Географическаго Общества. Математическій отдѣлъ.—Подробный Отчетъ о результатахъ изслѣдованій математическаго отдѣла Сибирской Экспедиціи, составленный главнымъ астрономомъ экспедиціи Лудвигомъ Шварцемъ“. Спб. 1864. 4°. Съ петрографическою картою Минусинскаго округа, составленною К. Гревингкомъ. Кромѣ того, издано было двѣ карты осмотрѣннаго пространства. Въ трудахъ экспедиціи съ Л. Шварцемъ работали еще проф Гревингкъ, мичманъ Пещуровъ и прапорщикъ Шебунинъ.

громадное значеніе обширныхъ плоскогорій, открытыхъ къ югу отъ Саяна сибирскою же экспедиціею. Карта г. Шварца надолго послужитъ основою будущихъ картографическихъ работъ. Но едва ли еще не важнѣе то вліяніе, которое она оказывала, вмѣстѣ съ изданнымъ въ 1856 году томомъ перевода и дополненій Риттеровой Азіи, на изученіе новыхъ еще нетронутыхъ пространствъ Восточной Сибири, Амурской рѣчной области и прилежащихъ странъ; достаточно обратиться къ свидѣтельству путешественниковъ, впервые проникавшихъ въ невѣдомыя части Сибири и пограничныхъ странъ, чтобы оцѣнить значеніе въ этомъ отношеніи обоихъ изданій Общества“ [1]).

По окончаніи работъ математическаго отдѣла, снаряженъ былъ въ 1859 физическій отдѣлъ экспедиціи; но еще раньше натуралистъ Густавъ Радде, присоединенный къ математическому отдѣлу, успѣлъ сдѣлать обширныя изученія по южной границѣ Восточной Сибири [2]). Физическій отдѣлъ, порученный руководству геолога Шмидта, работалъ съ 1859 по 1863 годъ; послѣдній опредѣлилъ въ общихъ чертахъ геологическое строеніе части Забайкалья, Амура и Сахалина, и съ нимъ вмѣстѣ его сотрудники, ботаникъ Гленъ, топографъ Шебунинъ сдѣлали изслѣдованіе по геологіи, флорѣ и этнографіи населенія западной части Сахалина [3]).

Между тѣмъ образовался новый центръ сибирскихъ изслѣдованій. Въ 1851 году въ Иркутскѣ открытъ былъ „Сибирскій отдѣлъ“ Географическаго Общества. Это была первая филіація Общества, которая съ тѣхъ поръ дѣятельно участвовала въ тру-

---

[1]) Двадцати-пятилѣтіе Имп. Р. Геогр. Общества. Спб. 1872, стр. 23—24.

[2]) Труды Сибирской Экспедиціи Имп. Р. Геогр. Общества. Физическій отдѣлъ.— Томъ I. Историческіе отчеты о физико-географическихъ изслѣдованіяхъ магистра Ѳ. Б. Шмидта и П. И. Глена. Спб. 186[illegible]; т. II. Ботаническая часть, Ѳ. Б. Шмидта 1874; т. III. Геогностическая часть. Выпускъ I: Окаменѣлости мѣловой формаціи съ острова Сахалина, Ѳ. Б. Шмидта, 1873.

[3]) Труды Радде, изданные Географическимъ Обществомъ: „Reisen in Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855—1859 incl. im Auftrage der Kaiserlichen Geographischen Gesellschaft ausgeführt von Gustav Radde“. Спб. 1862—1863, 2 тома, 4°, съ прекрасными рисунками и картами (млекопитающія и птицы). Въ первомъ томѣ отмѣтимъ еще: Itinerär, historischer Gang der Reise, стр. I—XL; потомъ Entwurf eines physico-geographischen Gesammtbildes des durchreisten Gebiete, стр. XLI — LV. Отвлеченный другими занятіями и переселившійся на Кавказъ, Радде не издалъ двухъ другихъ обѣщанныхъ имъ томовъ путешествія.

По-русски издано было въ „Запискахъ“ Геогр. Общества, 1861, книга IV: „Путешествіе въ юго-восточную Сибирь, совершенное по порученію Имп. Р. Геогр. Общества въ 1855—1859 Густавомъ Радде“. Часть первая (съ картою).

Предварительныя извѣстія и отчеты о его путешествіи печатались въ „Вѣстникѣ“ Геогр. Общ. съ 1855 года.

дахъ по изученію Сибири, и даже предпринимала важныя самостоятельныя экспедиціи. Сибирскій отдѣлъ составился изъ мѣстныхъ любителей и служащихъ, которые частью уже дѣйствовали въ предпріятіяхъ главнаго Общества. Особенно благопріятнымъ обстоятельствомъ для отдѣла было то, что управленіе Восточной Сибири было тогда въ рукахъ человѣка просвѣщеннаго, Н. Н. Муравьева, впослѣдствіи графа Амурскаго. Въ провинціи, и особливо такой какъ Сибирь, всегда бываетъ чрезвычайно важно то или другое отношеніе къ дѣлу со стороны столь важнаго лица, какъ начальникъ края, и, если не ошибаемся, интересъ Муравьева къ географическимъ предпріятіямъ очень помогъ первымъ шагамъ Сибирскаго отдѣла. Вскорѣ явились и крупныя пожертвованія частныхъ лицъ, давшія возможность серьезныхъ предпріятій. Первымъ предпріятіемъ такого рода была Вилюйская экспедиція, исполненная на средства С. Ѳ. Соловьева. Вилюйскій край былъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ въ Восточной Сибири, и задачей экспедиціи было изслѣдованіе долины Вилюя и въ частности вершинъ этой рѣки, богатыхъ солью и цвѣтными каменьями. Экспедиція поручена была Р. К. Мааку, въ сопровожденіи трехъ сотрудниковъ. Разные другіе труды Маака задержали изданіе результатовъ этой экспедиціи: первый томъ этого описанія вышелъ только черезъ тридцать лѣтъ послѣ начала самой экспедиціи, и окончено было его изданіе уже по смерти автора [1]). Ричардъ Карловичъ Маакъ (1825—1886), получившій образованіе въ петербургскомъ университетѣ, служилъ въ то время учителемъ иркутской гимназіи; по спеціальности своей онъ былъ натуралистъ. Путешествіе продолжалось съ начала 1854 до конца февраля 1855 года. Какъ почти всѣ экспедиціи этого рода, оно представляетъ множество данныхъ по разнымъ отраслямъ физическаго изученія страны: маршрутъ экспедиціи, рядъ отдѣльныхъ изслѣдованій климатическихъ явленій края, подробное описаніе поѣздокъ Маака до крайнихъ сѣверныхъ пунктовъ Вилюйскаго края, обширный матеріалъ для изученія естественно-историческихъ особенностей страны, ея флоры, фауны, геологіи и минералогіи; третій томъ занятъ изслѣдованіями этнографическими, гдѣ говорится о внѣшнемъ бытѣ, промыслахъ, обычаяхъ, преданіяхъ туземнаго населенія, — между прочимъ, ботаническіе словари якутскій и тунгузскій, образчики мѣстныхъ особенностей

[1]) „Вилюйскій округъ Якутской области“. Р. Маакъ. Часть 1. Изданіе второе. Спб. 1883. Часть II и III. Изданіе первое. Спб. 1886—1887, 4°—съ многочисленными рисунками, планами и таблицами. Подробнѣе мы имѣли случай говорить объ этой книгѣ въ Литературномъ Обозрѣніи „В. Европы“ 1887, декабрь, стр. 864—870.

русскаго языка у жителей Якутской области. Описаніе путешествія, читая которое жалѣешь, что оно не было болѣе подробно, даетъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно любопытную картину зимы крайняго сѣвера, которую онъ испыталъ какъ Врангель и Миддендорфъ: Маакъ могъ воспользоваться только двумя-тремя мѣсяцами теплаго времени, и затѣмъ странствовалъ среди лютой зимы, долго оставаясь безъ пристанища, проводя ночи подъ открытымъ небомъ и рискуя замерзнуть. Самымъ тяжкимъ періодомъ экспедиціи былъ обратный путь съ крайней сѣверной точки экспедиціи (68°, 15′ сѣв. широты) до устья рѣки Чоны (гдѣ должны были ждать ихъ высланные на встрѣчу якуты), съ половины сентября до 25-го октября, когда путешественники были предоставлены только самимъ себѣ вдали отъ всякаго человѣческаго жилья и не встрѣчая живой души. Ступая въ глубокомъ снѣгу, путники дѣлали лишь отъ 10 до 15 верстъ въ сутки, дни и ночи проводили подъ открытымъ небомъ и „я увѣренъ, — говоритъ Маакъ,—что каждый изъ насъ, смыкая отъ усталости очи, не надѣялся уже болѣе открыть ихъ“... „Между тѣмъ,—разсказываетъ Маакъ,—морозы становились все сильнѣе и начали уже принимать чудовищные размѣры: отъ холоду разрывались стволы толстыхъ деревъ, земля давала трещины, нѣсколько влажное дерево становилось несравненно тверже желѣза и топоръ не рубилъ его, а самъ при ударѣ разлетался въ дребезги, какъ стекло; ртуть въ термометрахъ давно застыла, и производить какія-либо работы было положительно физически невозможно. Къ тому же какая-то сырость воздуха дѣлала стужу еще болѣе невыносимой: замерзшіе пары наполняли воздухъ, какъ мушкарой, мелкими иглами, что̀ все вмѣстѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ становилось, поистинѣ, убійственно нестерпимымъ“. Чрезмѣрныя усилія, соединенныя съ путешествіемъ, отразились на здоровьѣ спутниковъ Маака. По словамъ его, они сошли въ преждевременную могилу; его собственное здоровье было подорвано.

Тѣмъ не менѣе Маакъ уже вскорѣ принялъ и исполнилъ другое порученіе Сибирскаго отдѣла, а именно экспедицію для изслѣдованія только-что пріобрѣтеннаго Амура: это путешествіе продолжалось съ апрѣля 1855 по январь 1856 года, и въ томъ же году Маакъ отправился въ Петербургъ для изданія своего труда [1]). Въ февралѣ 1859 года Мааку дано было новое пору-

[1]) „Путешествіе на Амуръ, совершонное, по распоряженію Сибирскаго отдѣла въ 1855 году, Р. Маакомъ“. Спб. 1859, 4°, большой томъ съ отдѣльнымъ собраніемъ рисунковъ, картъ и плановъ.

ченіе—изслѣдованіе долины Усури, и онъ снова отправился въ Петербургъ для изданія своего путешествія, гдѣ даны были географическое описаніе края, матеріалы для флоры и фауны и словарь языка мѣстныхъ инородцевъ ходзеновъ, составленный А. Брылкинымъ [1]). Въ Петербургѣ, причисленный на время къ министерству внутреннихъ дѣлъ, Маакъ обработалъ статистическіе матеріалы по Енисейской губерніи для извѣстнаго изданія министерства: „Списки населенныхъ мѣстъ по свѣденіямъ 1859 года". Впослѣдствіи Маакъ былъ главнымъ инспекторомъ училищъ Восточной Сибири и, наконецъ, переселившись въ Петербургъ, былъ членомъ совѣта въ министерствѣ просвѣщенія.

Одновременно съ этимъ другая экспедиція на Амуръ совершена была Леоп. Шренкомъ, по порученію академіи наукъ: Шренкъ путешествовалъ здѣсь въ 1854—1856 г. и издалъ впослѣдствіи обширный трудъ, посвященный исключительно естественно-историческимъ наблюденіямъ [2]). Назовемъ, наконецъ, ботаническія изслѣдованія академика Максимовича (Primitiae и пр., 1859) и др.

Было бы слишкомъ долго перечислять тѣ небольшія частныя изслѣдованія и поѣздки, исполненныя членами Сибирскаго отдѣла или въ связи съ нимъ. Дѣятельность его вообще была весьма оживленная, и отчасти связана была съ административными поѣздками чиновниковъ въ разные края Восточной Сибири; отчасти научныя изслѣдованія совершаются по иниціативѣ частныхъ лицъ, которымъ подобное изслѣдованіе бывало важно для ихъ практическихъ цѣлей. Такъ, напримѣръ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ произведенъ былъ цѣлый рядъ научно-практическихъ экскурсій, между прочимъ принимавшихъ довольно широкіе размѣры. Послѣ экспедиціи Маака, по распоряженію генералъ-губернатора работала въ долинѣ Усури особенная съемочная экспедиція, подъ начальствомъ полковника Будогоскаго, съ которымъ работали Усольцевъ (вообще много потрудившійся въ Сибирскомъ отдѣлѣ и какъ изслѣдователь, и какъ правитель его дѣлъ), переводчикъ Шишмаревъ (нынѣ консулъ въ Ургѣ, въ Монголіи), живописецъ Мейеръ и нѣсколько съемщиковъ. Далѣе, Сибирскій отдѣлъ принялъ участіе въ экспедиціи бр. Бутиныхъ, нерчинскихъ промышлен-

[1]) „Путешествіе по долинѣ рѣки Усури. Совершилъ по порученію Сибирскаго отдѣла Р. Маакъ". Спб. 1861, 2 тома, 4о, съ рисунками и картою края.

[2]) „Reisen und Forschungen im Amur-Lande in den Jahren 1854—1856 im Auftrage der Kais. Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg ausgeführt und in Verbindung mit mehreren Gelehrten herausgegeben von Leop. v. Schrenck". Pet. 1858—1876, томы I, II, IV (млекопитающія, птицы, моллюски, метеорологія и пр.).

никовъ, имѣвшей цѣлью опредѣленіе прямого пути изъ нерчинскаго края въ Пекинъ [1]). Затѣмъ, Отдѣлъ присоединился къ предложеніямъ енисейскихъ и олекминскихъ золотопромышленниковъ дать средства для научнаго изслѣдованія малоизвѣстныхъ мѣстностей, которыя предоставляли особый практическій интересъ для золотопромышленниковъ. Такъ образовались экспедиціи Туруханская и Олекминско-витимская. Въ первой собраны были обширные матеріалы по геологіи, флорѣ и фаунѣ Лопатинымъ, и матеріалы этнографическіе—Щаповымъ, работавшимъ также въ Верхоленскомъ краѣ; къ сожалѣнію, матеріалы, собранные Щаповымъ въ туруханскомъ путешествіи, впослѣдствіи погибли въ пожарѣ, постигшемъ помѣщеніе Сибирскаго отдѣла въ Иркутскѣ. Въ Олекминско-витимской экспедиціи, исполненной на счетъ золотопромышленниковъ, князь Кропоткинъ, отыскивая скотопрогонный путь, собралъ богатыя данныя для картографіи, геогнозіи, ботаники и зоологіи [2]).

Въ тѣхъ же „Запискахъ по общей географіи“ (т. V, Спб. 1875, подъ ред. И. Полякова) находится также богатый матеріалъ по орографіи южной половины Восточной Сибири, Минусинскаго, Красноярскаго, Нарынскаго края, и т. д., въ трудахъ Кропоткина, Пржевальскаго, Ломоносова, Каульбарса, архим. Палладія. Въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ этого изданія (XIV, 1885 г.) напечатанъ обширный трудъ Франца Шперка: „Россія дальняго Востока“, посвященный Амурскому краю. Объяснивъ въ введеніи значеніе занятія Амура и указавъ мнѣнія объ этомъ вопросѣ въ печати русской и иностранной, авторъ дѣлаетъ историческій очеркъ Амура съ его перваго занятія козаками въ XVII столѣтіи и до новѣйшихъ временъ, излагаетъ затѣмъ свѣденія о географіи, климатѣ, природѣ Амурскаго края, наконецъ, этнографическія данныя и экономическое состояніе края.

Съ 1856, Сибирскій отдѣлъ предпринимаетъ изданіе отдѣльныхъ „Записокъ“ (XI книгъ, 1856—1874), которыя выходили сначала въ Петербургѣ, подъ редакціей тогдашняго секретаря Геогр. Общества, Е. И. Ламанскаго, а потомъ въ Иркутскѣ,

---

[1]) Въ этой экспедиціи принималъ участіе г. Ровинскій, путешествіе котораго черезъ Монголію разсказано было въ „Вѣстникѣ Европы“, 1874.

[2]) „Записки по общей географіи (по отдѣленіямъ географіи физической и математической). Томъ третій. Изданъ подъ редакціей П. Кропоткина.—Отчетъ объ Олекминско-витимской экспедиціи для отысканія скотопрогоннаго пути изъ Нерчинскаго округа въ Олекминскій, снаряженной въ 1866 году олекминскими золотопромышленниками при содѣйствіи Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества, П. Кропоткина и И. Полякова“. Спб. 1873.

подъ редакціей правителей дѣлъ и другихъ членовъ Сибирскаго отдѣла (гг. И. Сельскаго, Н. Версилова, А. Сгибнева, М. Загоскина, Н. Кашина, А. Чекановскаго). Потомъ, съ 1870 г. издавались „Извѣстія", каждогодно, подъ редакціей А. Усольцева, Н. Агапитова и др.

Въ 1876 г., Сибирскій отдѣлъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности. Изданная по этому случаю книжка передаетъ, — къ сожалѣнію только слишкомъ кратко и голо, — результаты этой дѣятельности, но изложеніе сопровождено любопытной картой, изображающей пути всѣхъ экспедицій, какія снаряжены были за этотъ промежутокъ времени администраціей, Отдѣломъ и частными лицами при его участіи [1]). На этой картѣ означены маршруты и осмотрѣнныя пространства цѣлаго ряда экспедицій, а именно: подполковника Ахте въ 1849 г. на пространствѣ будущей Амурской области; Вилюйской 1854—55 г. Маака, и его же Амурской, 1855 г.; большой Сибирской экспедиціи самого Географическаго Общества въ 1854—57 г.; Олекминско-витимской экспедиціи Кропоткина и Полякова въ 1866 г.; Чукотской въ 1869 и 1870 годахъ; обширнаго путешествія геолога Чекановскаго и Ферд. Миллера въ 1873—74 гг.; по Нижней Тунгузкѣ и Оленеку; экспедицій по рѣкѣ Сунгари, въ Манджуріи, въ 1864, 1866, 1872 г.; Шишмарева, въ Монголію, въ 1864 г.; Кропоткина въ 1864 и 1865 годахъ; Гельмерсена въ 1863 г.; Турбина, отъ Кяхты до Пекина; Туруханской, Бутиныхъ, архим. Палладія, Падрина, Усурійской; наконецъ, нѣсколько другихъ маршрутовъ, пространства съемокъ и разспросныхъ картъ.

Въ изданіяхъ Сибирскаго отдѣла разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій по естественной исторіи, географіи, этнографіи Сибири и, между прочимъ, много цѣнныхъ изслѣдованій и извѣстій о мало-доступныхъ мѣстностяхъ Сибири. Укажемъ, напр., въ „Запискахъ" географическія изслѣдованія Пермикина; путешествія и описанія крайняго сѣверо-востока Азіи, Чукотской земли, свящ. Аргентова; очерки Туруханскаго края, кн. Кострова; объ инородцахъ Енисейскаго края, М. Кривошапкина [2]); историческій обзоръ геологическихъ изслѣдованій въ Иркутской губерніи. Въ „Извѣстіяхъ": историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи; различныя путешествія П. Ровинскаго; о сибир-

[1]) „Очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества", s. l. et a. 24 стр.; потомъ указатель сочиненій, напечатанныхъ Отдѣломъ особо и помѣщенныхъ въ его изданіяхъ (стр. 1—10), списокъ членовъ (стр. 1—10) и карта.

[2]) О большой его книгѣ объ Енисейской губ. упомянемъ ниже.

скихъ древностяхъ, Н. Попова; работы Кашина, Ломоносова, Кельберга; естественно-историческія изслѣдованія и наблюденія польскихъ натуралистовъ В. Дыбовскаго, Годлевскаго, И. Черскаго, о которыхъ скажемъ далѣе.

Сибирскій отдѣлъ, мѣстопребываніемъ котораго былъ Иркутскъ, предполагалъ, въ 1869 году, въ виду сосредоточенія своей дѣятельности, направить ее главнымъ образомъ на Иркутскую губернію: это болѣе соотвѣтствовало скромнымъ матеріальнымъ средствамъ Отдѣла и обѣщало всестороннее изученіе хотя бы одной мѣстности. На дѣлѣ, предпріятія Отдѣла не ограничивались этой программой, но Западная Сибирь все-таки занимала меньше мѣста въ этихъ предпріятіяхъ, и къ концу семидесятыхъ годовъ Сибирскій отдѣлъ раздвоился, и съ 1878 г. началъ дѣйствовать „Западно-Сибирскій“ отдѣлъ въ Омскѣ. Съ 1879 г. начали выходить „Записки“ этого Отдѣла, наполняющіяся всего болѣе матеріаломъ западно-сибирскимъ и гдѣ, кромѣ множества частныхъ сообщеній, изданы были крупные труды, какъ напр.: „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ“ Н. Ядринцева (1880, 1882), „Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая“ М. Пѣвцова (1883), „Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область“ А. Никольскаго, „Этнологическій очеркъ киргизовъ“ Зеланда (1855)...

Алтай издавна привлекалъ путешественниковъ и красотами горной природы, и изученіемъ минеральныхъ богатствъ, и интересомъ этнографическимъ. Ему посвящали свои изслѣдованія Гумбольдтъ, Чихачевъ, Щуровскій, Гельмерсенъ и др.; теперь его изслѣдовали, кромѣ горныхъ инженеровъ, Шварцъ, Полетика, Мейенъ, Потанинъ, наконецъ знаменитый нѣмецкій геологъ Котта [1]).

Мы говорили выше, какъ расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи повело къ чрезвычайному расширенію географическихъ изслѣдованій. Сибирь была въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими новыми пріобрѣтеніями, и изученіе ихъ отчасти присоединяется къ сибирскимъ экспедиціямъ. Средняя Азія издавна, еще съ XVII-го вѣка, привлекала вниманіе и русскаго правительства, и мѣстнаго сибирскаго сосѣдства; сохранилось не мало записей о русскихъ странствіяхъ въ Хиву, Бухару и пр.; съ XVIII-го вѣка возникаютъ завоевательные планы, которые осуществляются только въ нынѣшнемъ столѣтіи; южный край Западной

[1]) Bernh. v. Cotta, „Der Altai, sein geolog. Bau und seine Erzlagerstätten“, 1871.

Сибири былъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ и торговыхъ связяхъ съ осѣдлыми и кочевыми обитателями Средней Азіи. Въ наше время научная предпріимчивость идетъ параллельно съ политическими планами и военными экспедиціями, и Географическое Общество принимаетъ ближайшее участіе въ ученыхъ поискахъ въ Средней Азіи. Обзоръ ихъ не входитъ въ нашу задачу, и мы только въ общихъ чертахъ укажемъ нѣкоторыя предпріятія и нѣкоторыя имена. Таковы были прежде всего труды извѣстнаго Сѣверцова, для котораго Туркестанъ сдѣлался исключительнымъ предметомъ изслѣдованія; путешествія слѣдовали одно за другимъ, —въ первый разъ въ 1857—58 годахъ на низовья Сыръ-Дарьи; потомъ, въ 1864 г., при походахъ генерала Черняева; затѣмъ— въ 1865—68 годахъ. Разсказъ о путешествіи соединяется съ наблюденіями натуралиста, особливо цѣнными тѣмъ, что дѣлались нерѣдко въ первый разъ, съ общей картиной страны и ея пейзажа, туземнаго быта въ его связи съ мѣстными условіями, и т. д. [1]). Затѣмъ, Географ. Обществомъ изданы были обширные „Труды Аму-Дарьинской экспедиціи“ (5 выпусковъ, 1877—88), заключающіе въ себѣ изслѣдованія метеорологическія и гидрографическія, наблюденія астрономическія и магнитныя; далѣе „Описаніе Арало-Каспійской нивеллировки“ А. Тилло (1877), „Кашгарія“ г. Куропаткина (1879), „Свѣденія о странахъ по верховьямъ Аму-Дарьи“ (по 1877 годъ), составленныя И. П. Минаевымъ (Спб. 1879); Петербургскимъ Обществомъ естествознанія изданы „Труды Арало-Каспійской экспедиціи“ (1876—77), подъ редакціей О. Гримма, съ изслѣдованіями М. Богданова, Кесслера, Аленицына, и между прочимъ съ историческимъ обзоромъ изслѣдованій въ Арало-каспійской области съ 1720 по 1874 годъ. Въ 1874—75 г. издано было обширное „Путешествіе въ Туркестанъ“ ревностнаго и несчастно-погибшаго ученаго А. П. Федченка, посвященное зоогеографическимъ изслѣдованіямъ, матеріалъ которыхъ обработанъ былъ цѣлымъ рядомъ спеціалистовъ. Назовемъ еще труды Шренка, Борщова, Мушкетова, Романовскаго, астрономовъ: Лемма, Бутакова, Струве, наконецъ многочисленныхъ путешественниковъ-описателей и географовъ, какъ Влангали, Макшеевъ, Валихановъ, Мейеръ и самъ вице-президентъ Геогр. Общества Семеновъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ изучавшій Алтайскую и степную страну. Не упоминаемъ теперь уже довольно многочисленной литературы о политическомъ водвореніи

[1]) „Мѣсяцъ плѣна у коканцевъ“, 1860; „Путешествіе по Туркестанскому краю изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня“. Н. Сѣверцова. Т. I. Спб. 1873, и друг.

русскихъ въ Туркестанѣ: о разсказахъ военныхъ событій, изложеніяхъ внѣшняго современнаго состоянія края (труды Костенко, Терентьева, Хорошхина и др.), о литературѣ новѣйшихъ завоеваній въ нынѣшней Закаспійской области, и проч.

Съ другой стороны, изученія сибирскія приводили къ изученію южнаго сосѣдства Восточной Сибири, Монголіи и частью Манджуріи. На эти „мугальскія“ или „мунгальскія“ земли издавна обращало вниманіе московское правительство; для восточныхъ сибиряковъ это были ближайшіе сосѣди, и часть монгольскаго племени вокругъ Байкала (буряты) давно подчинилась русской власти. Всѣ старые путешественники, отъ Гмелина и Миллера, интересовались и этимъ осколкомъ монгольскаго племени, и всѣмъ племенемъ, которому привелось сыграть нѣкогда столь шумную и истребительную роль. Къ прежней, чисто научной любознательности въ новѣйшее время присоединяются другія соображенія: предполагается, что тѣ сношенія, которыя въ извѣстной степени существуютъ въ настоящее время съ глубинами монгольской Азіи, разовьются современемъ въ болѣе тѣсныя связи, важныя и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніи; если русскимъ изслѣдователямъ было внѣшнимъ образомъ удобнѣе, чѣмъ другимъ, обратиться къ изученію монгольской страны и народа, то упомянутыя обстоятельства еще болѣе вызывали къ этому. Здѣсь не мѣсто говорить о тѣхъ изученіяхъ, которыя до сихъ поръ посвящались Монголіи, ея племени, исторіи, языку и литературѣ,—этихъ изученій много сдѣлано было и съ русской стороны, — и мы упомянемъ лишь о новѣйшихъ обширныхъ путешествіяхъ, какія совершены были при посредствѣ Географическаго Общества, въ особенности Пржевальскимъ и Потанинымъ (выше мы упоминали объ отдѣльныхъ поѣздкахъ въ Монголію изъ Сибири).

Г. Пржевальскій (нынѣ генералъ-маіоръ) началъ свои путешествія въ концѣ шестидесятыхъ годовъ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба въ Усурійскомъ краѣ; затѣмъ районъ его путешествій все расширялся и онъ, такъ сказать, сдѣлалъ свою службу въ Монголіи. Способъ исполненія экспедицій знаменитаго путешественника и ихъ результаты достаточно извѣстны: необыкновенная энергія давала возможность г. Пржевальскому странствовать по цѣлымъ годамъ въ далекихъ, часто непривѣтливыхъ, странахъ и дикихъ пустыняхъ, выдерживать встрѣчи и столкновенія съ враждебными туземцами, отрываясь надолго отъ всякихъ сообщеній съ цивилизованнымъ міромъ, и возвращаться благополучно съ огромными зоологическими коллекціями и съ любо-

пытными томами путешествій. Первое трехлѣтнее странствованіе г. Пржевальскаго въ глубины Азіи совершено было въ началѣ семидесятыхъ годовъ [1]): книга заключаетъ разсказъ о путешествіи и матеріалъ по естественной исторіи (климатъ, зоологія), обработанный, кромѣ самого автора, Кесслеромъ и акад. Штраухомъ. Второе путешествіе, 1876—77 года, описано въ краткомъ разсказѣ [2]); но третье путешествіе, 1879—80 г., явилось въ обширномъ описаніи со множествомъ рисунковъ и картами, гдѣ между прочимъ изображена и область, пройденная во второмъ путешествіи [3]).

Менѣе громки, но болѣе разнообразны и богаты были труды другого путешественника, Г. Н. Потанина. Его характеристическая біографія разсказана недавно г. Семеновымъ [4]). Г. Потанинъ (род. 1835), сынъ есаула сибирскаго козацкаго войска на южной окраинѣ Западной Сибири, былъ, такимъ образомъ, потомокъ тѣхъ старыхъ козачьихъ піонеровъ, которые нѣкогда разыскивали и занимали Сибирь. Потанинъ-отецъ, въ 1820—30 годахъ, самъ водилъ развѣдочныя партіи въ Киргизскую степь и составлялъ обстоятельные маршруты и глазомѣрныя съемки [5]). Г. Н. Потанинъ учился въ омскомъ кадетскомъ корпусѣ, и уже въ 1853—54 г., въ качествѣ козачьяго хорунжаго, принималъ участіе въ первомъ русскомъ походѣ въ Заилійскій край, и закладкѣ города Вѣрнаго; въ слѣдующемъ году онъ былъ со ввѣренной ему сотней козаковъ въ цвѣтущихъ долинахъ Алтая, гдѣ жили нѣкогда его предки. Въ 1856, состоя на службѣ въ Омскѣ, онъ занялся въ архивахъ разысканіемъ данныхъ для старой сибирской исторіи и собралъ не мало любопытныхъ документовъ (кото-

---

[1]) „Монголія и страна тангутовъ. Трехлѣтнее путешествіе въ Восточной Нагорной Азіи". Спб. 1875—76. Два тома, 8°, съ рисунками.

[2]) „Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-Норъ. Путешествіе Н. М. Пржевальскаго, полковника генер. шт., въ 1876 и 1877 гг. Изданіе Имп. Р. Геогр. Общества". Спб. 1878, 8°.

[3]) „Третье путешествіе въ центральной Азіи. Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки. Съ 2 картами, 108 рисунками и 10 политипажами въ текстѣ. Изданіе Имп. Р. Геогр. Общества на Высочайше дарованныя средства". Спб. 1883. 4°.

[4]) „Нива", 1888, № 5. Позволимъ себѣ прибавить, что въ этой біографіи не досказано, что участіе г. Семенова не однажды оказывало Потанину серьезную помощь въ трудныхъ обстоятельствахъ его жизни и въ его научныхъ предпріятіяхъ. Статья „Нивы" повторена, съ нѣкоторыми добавленіями, въ „Сибирской Газетѣ", 1888, № 28, 30 (ст. Н. Костина).

[5]) Въ „Вѣстникѣ Геогр. Общества", ч. XVIII, 1856, помѣщены „Записки о Кокандскомъ ханствѣ хорунжаго Потанина" (1830), съ примѣчаніями П. С. Савельева, извѣстнаго оріенталиста.

рые были потомъ напечатаны въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей и изданіяхъ Географическаго Общества). Но надъ нимъ тяготѣла обязательная козачья служба, и только въ 1858 г. Потанинъ добился освобожденія отъ нея и, за неимѣніемъ средствъ, отправился въ Петербургъ съ караваномъ, ежегодно доставляющимъ золото изъ Сибири. Три года, до закрытія петербургскаго университета въ 1861, онъ слушалъ лекціи, употребляя лѣтнія вакаціи на ботаническія и геологическія экскурсіи, между прочимъ, по Уралу до Гурьева; въ 1862 вернулся на родину; въ 1863—64 принималъ участіе въ разграничительной экспедиціи подъ начальствомъ К. В. Струве (нынѣ русскаго посланника въ Соединенныхъ Штатахъ) въ области озера Зайсана. Въ 1866, живя въ Томскѣ, гдѣ онъ состоялъ секретаремъ статистическаго комитета, Потанинъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ близкихъ съ нимъ людей, подвергся обвиненію въ пропагандѣ „сибирскаго сепаратизма“ и, преданный военному суду, провелъ два года въ предварительномъ заключеніи и затѣмъ, осужденный и лишенный всѣхъ правъ состоянія, три года отбывалъ крѣпостныя работы въ Свеаборгѣ, затѣмъ нѣсколько лѣтъ поселенія въ городѣ Никольскѣ, лѣсной трущобѣ Вологодской губерніи. Только въ 1874 году ему возвращены права состоянія; это означало для него въ особенности возможность возвратиться къ правильнымъ научнымъ занятіямъ. Въ томъ же году мы видимъ его въ Петербургѣ, гдѣ онъ, совмѣстно съ г. Семеновымъ, принялъ участіе въ обширной работѣ составленія цѣлаго тома дополненій къ Риттеровой „Азіи“; въ 1875, онъ сдѣлалъ съ проф. Иностранцевымъ геологическую поѣздку въ Крымъ. Въ 1876, Потанинъ предложилъ Географ. Обществу экспедицію въ сѣверо-западную Монголію, еще слишкомъ мало изслѣдованную, и лѣтомъ того же года начата была экспедиція, гдѣ спутниками Потанина были извѣстный теперь путешественникъ и оріенталистъ Позднѣевъ, натуралистъ Березовскій и топографъ Рафаиловъ. Путешествіе окончено было въ декабрѣ слѣдующаго года, и результатомъ были разныя естественно-историческія наблюденія, богатыя коллекціи по зоологіи, ботаникѣ и геологіи, наконецъ важныя этнографическія свѣденія. Въ половинѣ 1879 г. и до конца года Потанинъ съ двумя сотрудниками сдѣлалъ вторую поѣздку въ тѣ мѣстности Монголіи, которыхъ не могъ посѣтить въ первомъ путешествіи, и собралъ новыя коллекціи; затѣмъ, вернувшись въ Петербургъ, занимался до 1883 г. обработкой собраннаго матеріала. Въ 1883 г. Географ. Общество снарядило новую экспедицію на китайскую восточную окраину нагорной центральной

Азіи, мало донынѣ извѣстную и представляющую большой физическій и географическій интересъ. Во главѣ экспедиціи опять былъ г. Потанинъ; его сотрудниками были опытный геодезистъ Скасси и натуралистъ Березовскій. Экспедиція отправилась въ августѣ 1883 г. на военномъ фрегатѣ „Мининъ“ на китайское прибрежье; весной 1884, Потанинъ вышелъ изъ Пекина и углубился въ Китай, потомъ въ самую внутренность Монголіи по новому, доселѣ совершенно неизвѣстному, пути и поздней осенью 1886 достигъ Кяхты. „Научные результаты экспедиціи Потанина,—говоритъ г. Семеновъ,—чрезвычайно обширны и представляютъ высокій научный интересъ: 69 астрономическихъ пунктовъ, болѣе 6.000 верстъ съемки, большею частью мензульной, представляютъ блестящій геодезическій и картографическій результатъ трудовъ превосходнаго геодезиста и астронома Скасси. Не менѣе богаты привезенныя имъ коллекціи геологическія, зоологическія и ботаническія, а также драгоцѣнный этнографическій матеріалъ“ [1]). Въ настоящее время Потанинъ находится въ Иркутскѣ правителемъ дѣлъ Восточно-Сибирскаго отдѣла Географ. Общества и занятъ обработкой матеріала, собраннаго въ его послѣдней экспедиціи.

Литературная дѣятельность Потанина (съ 1859 года) въ этой области азіатскихъ географическихъ изслѣдованій, а также изученій Сибири чрезвычайно обширна. Главная масса его трудовъ нашла мѣсто въ изданіяхъ географ. Общества; много собранныхъ имъ матеріаловъ являлось, какъ замѣчено выше, въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества ист. и др., въ журналахъ; наконецъ, не мало путевыхъ разсказовъ, описаній, работъ публицистическаго характера [2]), о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить. Здѣсь мы укажемъ лишь его главныя географическія работы. Во-первыхъ, его сотрудничество съ г. Семеновымъ въ дополненіи Риттеровой „Азіи“ [3]), гдѣ входили личныя свѣденія г. Потанина. Затѣмъ, результатомъ двухъ экспедицій въ Монголію былъ обшир-

[1]) На возвратномъ пути въ Петербургъ, г. Потанинъ прочелъ о своемъ путешествіи публичную лекцію въ Томскѣ,—изложеніе ея сдѣлано было въ „Сибирской Газетѣ“ 1887, № 5; затѣмъ, подробный докладъ о путешествіи онъ читалъ въ общемъ собраніи Географическаго Общества, въ апрѣлѣ, 1887,—изложеніе его было приведено тогда же въ „Новостяхъ“, 1887, № 95.

[2]) Въ „Р. Словѣ“, „Отеч. Запискахъ“, и „Дѣлѣ“, „Др. Новой Россіи“, „Вѣсти. Европы“, въ провинціальныхъ изданіяхъ.

[3]) „Землевѣдѣніе Азіи. Дополненіе къ тому III. Алтайско-Саянская горная система въ предѣлахъ Россійской имперіи и по китайской границѣ по новѣйшимъ свѣденіямъ 1872—1876 года. Составл. П. П. Семеновымъ и Г. Н. Потаниннымъ“. Спб. 1877. Большой томъ, 8°.

ный трудъ, заключающій множество данныхъ по географіи, естественной исторіи и этнографіи этой страны [1]).

Ревностная любовь къ изслѣдованію и неутомимость въ ученыхъ странствованіяхъ отличали другого истаго сибиряка, заслуженнаго натуралиста Ив. Сем. Полякова, недавно умершаго (въ апрѣлѣ 1887, около 40 лѣтъ отъ роду). Онъ былъ уроженецъ Забайкальской области, изъ бѣдной и простой семьи; онъ уже былъ взрослымъ козакомъ, когда началъ учиться; съ самыми ничтожными средствами онъ странствуетъ за Байкаломъ, собираетъ коллекціи, ведетъ дневники. Еще юношей, любителемъ, имѣвшимъ только первоначальное школьное образованіе, онъ принимаетъ участіе въ упомянутой нами выше Олекминско-витимской экспедиціи 1866 года [2]); познакомившись съ извѣстнымъ геологомъ, княземъ П. А. Кропоткинымъ, Поляковъ приглашенъ былъ имъ присоединиться къ этой экспедиціи въ качествѣ зоолога. Онъ рѣшился, наконецъ, идти въ университетъ; и нашлись добрые люди, которые помогли ему отправиться въ Петербургъ: но до тѣхъ поръ онъ прошелъ всего только низшую школу: съ замѣчательной силой воли онъ одолѣлъ трудную задачу и поступилъ въ университетъ. Онъ жилъ бѣднякомъ, питаясь уроками, но кончилъ блестящимъ образомъ курсъ по естественному факультету, черезъ нѣсколько лѣтъ получилъ степень магистра зоологіи и сдѣлался хранителемъ зоологическаго музея Академіи Наукъ. Съ конца 60-хъ годовъ, когда онъ не кончилъ еще университетскаго курса, начинаются его ученыя сообщенія въ изданіяхъ Географическаго Общества. Это былъ изыскатель неустанный и разносторонній. Въ 1871 году онъ предпринимаетъ поѣздку въ Олонецкую губернію, гдѣ часть путешествія онъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Гильфердингомъ и занимался изслѣдованіями по зоогеографіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ по этнографіи и геологіи—его въ особенности

---

[1]) „Очерки Сѣверо-Западной Монголіи. Результаты путешествія, исполненнаго въ 1876, 1877, 1879 и 1880 годахъ, по порученію Импер. Р. Геогр. Общества, Г. Н. Потаниннымъ".—Выпускъ I. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи, и пр., съ картою и рисунками. Спб. 1881.

Вып. II. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1876—1877 г.), съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1881.

Вып. III. Дневникъ путешествія и матеріалы для физической географіи и топографіи С.-З. Монголіи (собранные въ 1879—1880 г.). Съ картою и рисунками. Спб. 1883.

Вып. IV. Матеріалы этнографическіе (собр. въ 1879 г.). Съ 26 таблицами рисунковъ. Спб. 1883. (Всѣ четыре выпуска составляютъ до 130 печатн. листовъ).

[2]) Отчетъ его напечатанъ въ изданныхъ впослѣдствіи трудахъ этой экспедиціи; см. „Записки по всеобщей географіи", т. III. Спб. 1873.

занимала археологія до-историческая, остатки каменнаго вѣка, который онъ разыскивалъ и въ Сибири, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, въ Олонецкой губерніи, въ долинѣ Оки, въ верховьяхъ Волги, и т. д. Въ 1876 году Поляковъ отправляется въ Березовскій край для изслѣдованія рыбныхъ промысловъ; въ слѣдующемъ году въ Маріинскій округъ, Томской губерніи, и на озеро Балхашъ. Затѣмъ онъ каждое лѣто совершалъ ученыя экскурсіи въ разныхъ краяхъ Россіи съ цѣлью своихъ любимыхъ изслѣдованій по зоогеографіи, этнографіи и каменному вѣку. Въ 1880 г. онъ отправляется въ Сибирь вокругъ свѣта, много работаетъ на Сахалинѣ, на берегахъ Восточнаго океана и на Амурѣ. Обширный матеріалъ, собранный во время этого большого путешествія, онъ еще не успѣлъ обработать, когда смерть прервала его труды. Зоологія и каменный вѣкъ не отвлекали его вниманія и отъ живыхъ людей; столь же сильнымъ интересомъ его была этнографія, наблюденіе современнаго состоянія народнаго быта въ связи съ условіями природы и климата. Въ некрологѣ его мы читаемъ: „не ограничиваясь одними только зоологическими и антропологическими изслѣдованіями Сахалина, Поляковъ тщательно изучилъ бытъ какъ тамошнихъ туземцевъ-аиновъ, такъ и въ особенности ссыльныхъ, и имѣлъ въ виду разработать цѣлый рядъ проектовъ, относящихся до улучшенія этого быта". Въ своихъ сочиненіяхъ Поляковъ—что не часто бываетъ у спеціалистовъ этого рода—умѣлъ расширять рамки своей спеціальности для болѣе широкихъ картинъ наблюдаемой жизни и природы; напримѣръ, изслѣдуя ихтіологію бассейна Оби, онъ изображаетъ вмѣстѣ экономическое устройство рыболовнаго промысла и даетъ картину быта мѣстныхъ инородцевъ, и т. п. Его простой, обходительный характеръ, его ранняя жизнь въ народной средѣ дѣлали его особливо способнымъ къ ея изслѣдованію и пониманію. Люди, его знавшіе, разсказываютъ, что онъ именно умѣлъ сходиться съ мѣстнымъ населеніемъ и для него открывались и объяснялись просто весьма многія стороны мѣстнаго быта, недоступныя для другихъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, его личная жизнь сложилась несчастливо, и крѣпкій организмъ, позволявшій ему безнаказанно выносить странствія по лѣснымъ дебрямъ и физическія лишенія, сломился подъ-конецъ отъ нерѣдкой болѣзни русскихъ даровитыхъ людей [1]).

Называя лицъ, особенно поработавшихъ для географическаго

[1]) Ср. его некрологи въ „Сибирской Газетѣ", 1887, № 16; въ „Новостяхъ" 1887, № 94, 95, 170; въ „Восточномъ Обозрѣніи", 1887, апрѣль. Его біографія предпринята Петербургскимъ Обществомъ естествознанія.

и естественно-историческаго описанія Сибири и Средней Азіи, должно назвать имя г. Венюкова, хорошо знакомое всѣмъ тѣмъ, кто интересовался нашей географической литературой. Съ конца пятидесятыхъ годовъ и до послѣднихъ лѣтъ г. Венюковъ былъ дѣятельнымъ вкладчикомъ въ труды Географическаго Общества и какъ самостоятельный собиратель географическихъ свѣденій, и какъ критикъ и обобщатель. Если не ошибаемся, его научная дѣятельность въ этой области началась съ изученія Амурскаго и Усурійскаго края въ генералъ-губернаторство Н. Н. Муравьева, продолжалась затѣмъ въ Средней Азіи, направлялась на самые разнообразные вопросы отъ картографіи до естествознанія, статистики, этнографіи и военной политики. Съ начала 1861 идетъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ являлись или цѣльныя его сочиненія, или сборники статей по одному предмету [1]). Важнѣйшій изъ этихъ трудовъ г. Венюкова есть „Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи", исполненный съ богатымъ запасомъ научныхъ свѣденій и личнаго знакомства съ территоріями Сибири и Средней Азіи. Указавши въ обширной вводной главѣ постепенное расширеніе русскихъ владѣній въ Азіи съ XVI-го вѣка и общіе вопросы ихъ военной защиты, авторъ располагаетъ дальнѣйшее изложеніе по отдѣламъ громадной азіатско-русской границы: островъ Сахалинъ; Приморская область (береговая граница); Амурскій край вмѣстѣ съ Усурійскимъ; манджурскій отдѣлъ; забайкальскій или халкасскій; алтайско-саянскій; джунгарскій; тяньшаньскій; два отдѣла въ западномъ Туркестанѣ—болорскій (горный) и аральскій или хивинскій (низменный); туркменскій. Въ каждомъ отдѣлѣ даны положеніе и границы края, топографія, указаны климатъ и естественныя произведенія, промыслы и торговля, средства сообщенія, населеніе—съ этнографическими опредѣленіями, главные населенные пункты, военное обозрѣніе, наконецъ приведены источники, т.-е. литература предмета, собранная весьма обстоятельно и доведенная до послѣднихъ (въ 1873 г.) данныхъ. Спеціально военная цѣль автора не мѣшаетъ книгѣ

[1]) „Очерки старыхъ и новыхъ договоровъ Россіи съ Китаемъ". Спб. 1861;—„Путешествія по окраинамъ русской Азіи и записки о нихъ". Спб. 1868;—въ 1869 и 1871, книги о Японіи и японскомъ архипелагѣ;—„Опытъ военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи". Спб. 1873;—„Очерки современнаго Китая". Спб. 1874;—„Россія и Востокъ. Собраніе географическихъ и политическихъ статей". Спб. 1877.

„Опытъ" печатался первоначально въ „Военномъ Сборникѣ", и отсюда частію переведенъ былъ на французскій и англійскій языкъ; по выходѣ цѣлой книги, она вышла тогда же въ нѣмецкомъ переводѣ: „Oberst Wenjukow: Die russisch-asiatische Grenzlande". Aus dem Russ. übertragen von Krahmer, Hauptmann im Königl. Preuss. Grossen Generalstabe. Mit zwei Uebersichtskarten. Leipz. 1874.

имѣть общій интересъ, какъ „прекрасно сдѣланное обобщеніе свѣденій объ описываемыхъ странахъ. Съ теченіемъ времени книга, конечно, должна была запоздать со многими подробностями, и, напр., послѣдній отдѣлъ долженъ совсѣмъ измѣниться, какъ должна быть пополнена и литература предмета,—нужно было бы новое, измѣненное и дополненное изданіе.

Любопытны и „Путешествія по окраинамъ русской Азіи". „Въ теченіе семи лѣтъ, съ 1857 по 1863,—говоритъ авторъ,—мнѣ пришлось посѣтить большую часть окраинъ нашего государства, отъ Балтійскаго моря до Кавказа, Небесныхъ горъ и Восточнаго океана. И хотя безпрерывные разъѣзды, походы, боевая и бивачная жизнь мало способствовали систематическому собиранію и разработкѣ данныхъ объ этихъ странахъ, тѣмъ не менѣе, я былъ настолько счастливъ, что о нѣкоторыхъ изъ нихъ успѣлъ собрать свѣденія, частію вполнѣ неизвѣстныя прежде, частію бывшія достояніемъ немногихъ мѣстныхъ спеціалистовъ". Таково было происхожденіе книги, составляющей сборникъ отдѣльныхъ статей, которыя раньше помѣщены были главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества. Большая часть этихъ статей относится къ Сибири, и, кромѣ предметовъ географическихъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ статьи о нашей азіатской колонизаціи [1]).

А. Пыпинъ.

---

[1]) Изъ трудовъ г. Венюкова отмѣтимъ еще небольшую, но содержательную статью: „Aperçu hist. des découvertes géographiques", etc. (30 стр. и карта), упомянутую выше, и статью: „Объ успѣхахъ естественно-историческаго изученія Азіатской Россіи въ связи съ географическими открытіями въ этой странѣ за послѣднія 25 лѣтъ и о видахъ на дальнѣйшую разработку естественной исторіи Сѣверной Азіи", въ „Трудахъ перваго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ С.-Петербургѣ, происходившаго съ 28 декабря 1867 по 4 января 1868 г." Спб. 1868, 4°. Рѣчи и Протоколы, стр. 49—58.

СТИХОТВОРЕНІЕ

Я пѣлъ, а на меня, украдкой устремленъ,
Свѣтился милый взглядъ, то нѣжный, то игривый,
И наплывали въ грудь, какъ будто бы сквозь сонъ,
Счастливой юности безпечные мотивы.
И возродились вновь надежды и мечты,
И показалось мнѣ, что пѣснь моя не спѣта,
И что въ сіяніи волшебной красоты
Затеплится огонь на алтарѣ поэта.
Такъ поздней осенью бываетъ, что дохнетъ
Отъ юга теплое былое дуновенье —
И вся природа вновь мгновенно оживетъ,
Съ улыбкой счастія, съ надеждой возрожденья.
Такъ, радостно пробивъ гряду свинцовыхъ тучъ,
На памятникъ нѣмой, ужъ преданный забвенью
Украдкою скользнетъ веселый солнца лучъ,
И камень мертвенный согрѣетъ на мгновенье.
Пусть дольше ложь живетъ! пусть правда дольше спитъ!
О, дайте вѣрить мнѣ, что осень не уныла,
О, дайте мнѣ забыть, что на меня глядитъ
Моей любви разверстая могила!

М. С—нъ.

НОВОСТИ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— *Michelet*, Mon journal.
— *Renan*, Histoire du peuple d'Israel.
— *Sorel*, Montesquieu.

Года четыре тому назадъ вдова Мишле издала въ свѣтъ начало его автобіографіи, подъ заглавіемъ: „Ma jeunesse“. Продолженіемъ этой книги служатъ только-что напечатанные отрывки изъ дневника Мишле („Mon Journal“), обнимающіе собою періодъ времени съ 1820 по 1823 г. и столь же богатые интересными подробностями, какъ и воспоминанія о дѣтствѣ и первой молодости умершаго историка. Читателямъ нашего журнала [1]) памятны, быть можетъ, тѣ испытанія, которыя пришлось перенести Мишле-ребенку и Мишле-отроку: разореніе родителей, бѣдность, граничащая съ нищетой, преслѣдованія школьныхъ товарищей, потеря матери, необходимость заработывать свой хлѣбъ тяжелымъ, неблагодарнымъ трудомъ. Къ 1820-му году положеніе Мишле, которому тогда было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, нѣсколько перемѣнилось къ лучшему, но все еще было далеко не завидное. Живя съ отцомъ и нѣсколькими старыми знакомыми, Мишле не терпѣлъ настоящей нужды, но долженъ былъ отдавать большую часть своего времени приватнымъ урокамъ и занятіямъ въ частной школѣ, гдѣ онъ былъ репетиторомъ исторіи и философіи. Въ эту школу онъ отправлялся ежедневно въ шесть часовъ утра, часто въ темнотѣ, всегда пѣшкомъ, какая бы ни была

---

[1]) См. Замѣтку о „Ma jeunesse“ въ № 5 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

погода. Вотъ какъ онъ описываетъ, въ своемъ дневникѣ, одно изъ этихъ утреннихъ путешествій. „Небо было мрачно, земля покрыта снѣгомъ, мѣстами оттаявшимъ, но потомъ опять замерзшимъ и обратившимся въ ледъ. Я шелъ тихо, постоянно рискуя сломать себѣ руку или ногу. Съ величайшимъ трудомъ я добрался, наконецъ, до начала улицы Сенъ-Жилль, идущей въ гору. Подъемъ, весь покрытый льдомъ, блестѣлъ какъ зеркало. Было только одно средство одолѣть его: нужно было снять башмаки. Я такъ и сдѣлалъ, завернувъ одну ногу въ носовой платокъ, другую въ галстухъ. Во время этой процедуры я отморозилъ себѣ лѣвую руку. Никогда я не испытывалъ такой жгучей боли..." Таковы были физическія страданія, которыя переносилъ Мишле; не менѣе тяжелымъ былъ для него недостатокъ свободнаго времени, которое онъ могъ бы посвящать любимому дѣлу. Чтобы поспѣвать съ чтеніемъ, сдѣлавшимся главною его потребностью, онъ не разставался съ книгой ни на пути въ школу или къ ученикамъ, ни во время прогулокъ по окрестностямъ Парижа; онъ пріучился читать ходя — и только благодаря этому могъ справляться съ массой занятій, обязательныхъ и добровольныхъ. Неустанный, непрерывный трудъ былъ дисциплиной, въ которой нуждалась его страстная натура. Къ концу осеннихъ вакацій Мишле начинаетъ иногда тяготиться отдыхомъ и свободой; онъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ минуты, когда ему можно будетъ опять надѣть на себя привычное ярмо—что не мѣшаетъ ему, конечно, чувствовать, по временамъ, всѣ неудобства вынужденной работы. Развлеченіемъ для него служитъ, большею частью, только переходъ отъ одного вида занятій къ другому; онъ читаетъ параллельно нѣсколько разнородныхъ сочиненій, переводитъ, дѣлаетъ экстракты, составляетъ планы обширныхъ сочиненій. „Математика и Евангеліе, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего дневника,—вотъ все, что нужно для души". „Изученіе исторіи—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ—для меня недостаточно. Нужно соединить съ нимъ другую работу, которою питался и укрѣплялся бы умъ, въ то время, когда память наполняется фактами и хронологическими данными". Именно такой работой служитъ для него, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, изученіе математики. Естественными науками онъ занимается мало, но вполнѣ признаетъ ихъ громадное значеніе; замѣчательно, что будущій великій историкъ отдаетъ имъ даже предпочтеніе передъ науками политическими. Переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ кажется ему паденіемъ, настолько же глубокимъ, насколько природа выше человѣка. „Изученіе природы—пишетъ Мишле своему другу Пуансо—отдаляетъ отъ

людей и позволяетъ сохранить вѣру въ ихъ доброту; расширяя мысль, оно поддерживаетъ филантропію. Въ другомъ положеніи находится публицистъ или историкъ; онъ долженъ дѣйствовать на людей, т.-е. на общество, до такой степени испорченное, что въ немъ почти не видно природы. Общество — это нѣчто искусственное, запутанное, сложное, заслоняющее простыя идеи справедливости множествомъ мелкихъ и мелочныхъ законовъ. Сравни изученіе права съ изученіемъ самаго отталкивающаго трупа (Пуансо готовился быть медикомъ)—и ты найдешь, что нравственное уродство гораздо поразительнѣе физическаго. Исторія еще печальнѣе, чѣмъ юриспруденція, потому что дѣйствія людей всегда хуже, чѣмъ ихъ законы".

Начиная съ 1819 г., Мишле ведетъ списокъ прочитанныхъ имъ книгъ и остается вѣрнымъ этой привычкѣ до того времени, когда окончательно опредѣляется его призваніе и выборъ чтенія становится зависимымъ отъ занимающей его, въ данную минуту, исторической темы. Разсматривая этотъ списокъ (напечатанный въ видѣ приложенія къ дневнику), мы замѣчаемъ, что всего прилежнѣе, особенно въ молодые годы, Мишле читаетъ классиковъ, греческихъ и римскихъ. Какую роль они играли въ его воспоминаніи и раннемъ развитіи — объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своей автобіографіи. „Серьезность, величественность латинской рѣчи внушила мнѣ отвращеніе ко всему низкому и пошлому... Нѣжная душа Виргилія овладѣла моею; онъ говорилъ со мною, какъ невидимый другъ, его слова часто звучали во мнѣ какъ мой собственный внутренній голосъ... Величайшимъ наслажденіемъ было для меня, въ воскресенье или праздничный день, прочесть два или три раза сряду элегію Тибулла или отрывокъ изъ Горація". Не что иное, какъ эти любимые писатели, зажгло въ Мишле первую искру вѣры въ самого себя, въ свои силы и свою будущность... Окончивъ ученье и вступивъ въ жизнь, молодой труженикъ не разстается съ классическимъ міромъ; въ теченіе цѣлыхъ девяти лѣтъ (1819—27) не проходитъ, кажется, ни одного мѣсяца, когда между книгами, прочитанными Мишле, не встрѣчалось бы, по меньшей мѣрѣ, одной греческой или латинской. Его интересуетъ вся область классической литературы, не исключая даже второстепенныхъ ея дѣятелей; онъ читаетъ не только историковъ, ораторовъ и философовъ, но и поэтовъ, не только Ѳукидида и Тацита, Демосѳена и Цицерона, Платона и Сенеку, Гомера и Виргилія, но и Лонгина, Лукана, Плинія младшаго, Павзанія. Онъ ищетъ въ классикахъ не только знакомства съ древностью, но и утѣшенія въ горѣ, укрѣпленія

въ минуты усталости и унынія. Овидій помогаетъ ему забыть о встрѣчѣ съ нѣкогда любимой женщиной; греческіе трагики дѣйствуютъ на него такъ же успокоительно, какъ и Библія. Въ мартѣ 1821 г., вслѣдъ за страшной для него потерей — умеръ его единственный другъ, Пуансо—онъ читаетъ Эсхила, Лукреція и Марка Аврелія. Въ 1827 г., когда онъ уже посвятилъ себя исторіи, онъ находитъ еще время углубляться въ Платона, Геродота, Ксенофонта — и только въ самомъ концѣ двадцатыхъ годовъ классики отступаютъ на второй планъ, вѣроятно потому, что Мишле зналъ ихъ уже чуть не наизусть и заимствовалъ изъ нихъ все, что они могли дать ему. Онъ цѣнилъ въ нихъ, очевидно, не одно только содержаніе, но и форму; онъ любилъ переводить ихъ, находя въ этой работѣ наслажденіе особаго рода. „Съ перваго взгляда, — пишетъ онъ въ дневникѣ, — переводъ кажется трудомъ, лишеннымъ всякой самостоятельности, подчиненіемъ чужой мысли. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Переводить автора, богатаго идеями, значитъ приготовлять для себя истинное сокровище въ будущемъ. Проникнуть въ своеобразную природу писателя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ духъ народа, представителемъ котораго онъ служитъ—результатъ немаловажный и нелегко достижимый. Наши ученическіе переводы не имѣютъ, съ этой точки зрѣнія, никакого значенія. Нужно гораздо больше труда, вниманія, разборчивости; нужно углубляться гораздо дальше, чтобы усвоить себѣ настоящую мысль автора. Вмѣстѣ съ буквальнымъ смысломъ фразы, передъ переводчикомъ раскрывается тайна артистической работы, посредствомъ которой создается чистота, выразительность, жизненность формы. Только великіе художники языка: Гомеръ, Софоклъ, Виргилій, могутъ развить въ насъ деликатный тактъ, называемый вкусомъ. Цѣнность всего пріобрѣтаемаго этимъ путемъ становится понятной именно тогда, когда переводчику удается, наконецъ, приблизиться къ подлиннику. Благодаря усиліямъ, потраченнымъ на возможно лучшую передачу автора, становишься самъ, мало-по-малу, хорошимъ писателемъ; переводъ, въ который вложено столько собственнаго, индивидуальнаго, является почти оригинальнымъ произведеніемъ“. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что художественному дарованію Мишле изученіе классиковъ сослужило большую службу. Онъ остался самъ собою, выработалъ языкъ и манеру, свойственные только ему одному; но своеобразная прелесть этой манеры получила свой закалъ и свою законченность именно отъ долговременнаго и тѣснаго общенія съ великими произведеніями древняго міра. Конечно, такое общеніе дается не школой, а жизнью;

школа, *въ лучшемъ случаѣ*, можетъ только снабдить нужнымъ для того матеріаломъ. Твердымъ знаніемъ грамматическихъ правилъ, умѣньемъ поддѣлываться подъ латинскую или греческую рѣчь Мишле никогда не отличался. Его примѣръ говоритъ вовсе не въ пользу господствующихъ пріемовъ школьнаго классическаго обученія; онъ доказываетъ, наоборотъ, что погруженіе въ древность, пониманіе ея духа возможно и безъ умѣнья воспроизвести стилистическія тонкости древнихъ писателей. Не даромъ же знаніе древности, какъ и любовь къ ней, сдѣлало у насъ, въ продолженіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій, такъ мало успѣховъ. Между русскими учеными и русскими образованными людьми, окончившими гимназическій курсъ при дѣйствіи устава 1871 г. и не посвятившими себя спеціально изученію древнихъ языковъ, едва ли найдется хоть одинъ, въ жизни котораго римскіе или греческіе классики занимали бы такое же мѣсто, какъ въ жизни Мишле.

Большую роль въ самообразованіи Мишле играла также отечественная литература. Надъ чѣмъ бы онъ ни работалъ, какъ бы ни былъ заваленъ дѣломъ, онъ находилъ время для чтенія лучшихъ французскихъ авторовъ. Онъ изучаетъ и современниковъ своихъ—Шатобріана, Ламартина, В. Гюго, Мериме, и писателей XVIII-го вѣка—Монтескьё, Ж.-Ж. Руссо, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерра,—и классиковъ временъ Людовика XIV-го, и ихъ предшественниковъ — Рабле, Монтеня. Въ отличіе отъ большинства французовъ, Мишле не пренебрегаетъ и другими западно-европейскими литературами. Чтеніе madame де-Сталь убѣждаетъ его въ необходимости знакомства съ нѣмецкимъ языкомъ; еще раньше онъ беретъ уроки англійскаго языка и читаетъ, повидимому въ подлинникѣ, Байрона, Шекспира, Мильтона, Свифта, Стерна, Фильдинга, Гольдсмита, В. Скотта. Во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ списокъ прочитанныхъ имъ книгъ обогащается именами Гёте, Лессинга, Гердера, Ж.-П. Рихтера. Рядомъ съ ними встрѣчаются Данте и Аріосто, Лопе-де-Вега и Кальдеронъ. Библія долго удерживаетъ за собою выдающееся мѣсто въ занятіяхъ Мишле; онъ прочитываетъ по порядку почти всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, нѣсколько позже—углубляется въ исторію церкви (Неандеръ, Гизелеръ). Въ началѣ двадцатыхъ годовъ его сильно интересуетъ философія; онъ начинаетъ съ забытаго теперь, но въ то время популярнаго Ламенэ—одного изъ первыхъ представителей возрождающагося спиритуализма,—переходитъ къ философамъ XVIII-го вѣка (Кондильякъ), изучаетъ исторію философіи и кончаетъ чтеніемъ Гегеля и Канта. Историческія занятія вы-

ступаютъ, мало-по-малу, на первый планъ, но не исключаютъ экскурсій въ область юриспруденціи (Эйхгорнъ, Миттермайеръ), филологіи (Бюрнуфъ, Сильвестръ де-Саси), политической экономіи (Адамъ Смитъ). Таковъ громадный кругъ, въ которомъ вращалась мысль молодого Мишле; неудивительно, что онъ вынесъ изъ него и ширину взгляда, и художественность формы. Не остались безъ вліянія на него, быть можетъ, и прочитанные имъ поэты и беллетристы. Мы узнаемъ изъ его дневника, что они производили на него чрезвычайно сильное впечатлѣніе. „Я проглотилъ данный мнѣ томъ Байрона,—пишетъ онъ въ 1820 г.;—невозможно было заняться чѣмъ-либо другимъ. Я испытывалъ точно опьяненіе; все, послѣ Байрона, казалось мнѣ безвкуснымъ. Я нетерпѣливо ждалъ наступленія слѣдующаго дня, чтобы найти успокоеніе въ классикахъ—но все-таки не въ силахъ былъ разстаться съ поэтомъ отчаянія и печали". Окончивъ „Манонъ Леско", Мишле задыхается, не можетъ говорить, хотя многое и отталкивало его въ этомъ романѣ. Онъ боится, чтобы чтеніе „Клариссы Гарло" не взволновало его черезъ мѣру, и предпочитаетъ взяться за „Тома Джонса" (Фильдинга); и эта книга, однако, заставляетъ его испытать множество сильныхъ ощущеній. „Въ этомъ, — говоритъ Мишле, — заключается опасная для меня сторона романовъ; я слишкомъ отождествляю себя съ дѣйствующими лицами, они живутъ во мнѣ еще болѣе реальною жизнью, чѣмъ моя собственная". „Чтеніе любимаго романа — читаемъ мы въ дневникѣ 1821 г. — это моя роскошь, мой праздникъ послѣ труда. Кто самъ былъ счастливъ, для того романъ можетъ служить только источникомъ развлеченія; но кто не знаетъ радостей любви, тотъ пожираетъ ихъ изображеніе. Каждый разъ, когда я имѣлъ неосторожность взять въ руки романъ сколько-нибудь замѣчательный, я не могъ остановиться на полъ-дорогѣ. Я читаю, читаю, съ сердцемъ, полнымъ тревоги и страха. Какова будетъ развязка, счастливая или несчастная?.. Добравшись до нея, я чувствую себя изломаннымъ, разбитымъ; я переживалъ, въ полномъ смыслѣ слова, судьбу моихъ героевъ". Не видимъ ли мы здѣсь первыя проявленія того природнаго дара, благодаря которому Мишле, какъ историкъ, проникалъ всей душой въ давно прошедшія времена, возсоздавалъ ихъ жизнь, горячо любилъ или столь же горячо ненавидѣлъ давно умершихъ дѣятелей, расцвѣчивалъ разсказъ всѣми красками личнаго чувства?.. „Неосторожность", въ которой онъ себя упрекаетъ, послужила ему въ пользу; она способствовала пробужденію и развитію тѣхъ сторонъ его таланта, которымъ онъ обязанъ значительною частью своей славы. Само

собою разумѣется, однако, что предостереженіе, звучащее въ его словахъ, сохраняетъ всю свою силу. Не всякой воспріимчивой, нервной натурѣ дана способность оплодотворять свои волненія, расширять и углублять ихъ предметъ, переносить ихъ изъ области вымысла на широкую историческую дорогу, извлекать здоровую пищу изъ сладкаго яда... Если чтеніе романовъ—чтеніе, близко граничащее съ „переживаніемъ"—сдѣлалось для Мишле источникомъ не слабости, а силы, то это зависѣло, между прочимъ, и отъ того, что оно было не болѣе какъ каплей въ морѣ другихъ, болѣе серьезныхъ занятій.

Въ первые годы молодости, Мишле, позже столь производительный и плодовитый, ничего не пишетъ для печати. Голова его полна широкими планами, часто смѣняющимися одинъ другимъ; но онъ откладываетъ ихъ исполненіе, отчасти за недосугомъ, отчасти—и преимущественно—вслѣдствіе убѣжденія, что нужно сначала накопить побольше матеріалу и потомъ уже приступить къ его обработкѣ. Страстный и увлекающійся по природѣ, онъ умѣетъ сдерживать свои порывы, умѣетъ ждать и трудиться не для настоящаго, а для отдаленнаго будущаго. „Было бы большой ошибкой—говоритъ онъ—торопиться примѣненіемъ только-что пріобрѣтенныхъ свѣденій. Молодое вино еще бродитъ; пройдетъ нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ оно сдѣлается годнымъ къ употребленію". Онъ строгъ къ самому себѣ, невысоко цѣнитъ свои дарованія; ему кажется, что у него сухой слогъ, лишенный жара (un style sec, sans chaleur), между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ и въ дневникѣ его, и въ письмахъ слышится уже та жизнь, которою проникнутъ языкъ позднѣйшихъ его сочиненій. Особенно хороши описанія природы, которую онъ чувствуетъ какъ поэтъ и изображаетъ какъ художникъ. Она дорога ему даже въ тѣ минуты, когда, повидимому, исчезаетъ и меркнетъ вся ея прелесть. „Погода была тихая и пасмурная, сѣрое небо точно соприкасалось съ землей; все казалось близкимъ, не было того ощущенія безграничности природы, подъ вліяніемъ котораго чувствуешь себя какъ бы потеряннымъ среди ея простора"... „Сегодня утромъ все было погружено въ темноту; около полудня сквозь туманъ начали пробиваться лучи свѣта, и я увидѣлъ, въ глубинѣ сада, деревья, словно погруженныя въ море паровъ. Мало-по-малу, едва замѣтно, становилось свѣтлѣе, но облака все еще заслоняли солнце, и въ воздухѣ носились подвижныя, блестящія волны, окрашивавшія предметы въ блѣдно-золотистый цвѣтъ, стушевывавшія ихъ углы и контуры, сообщавшія имъ ту смутность очертаній, въ которой все сливается и тонетъ передъ

полу-закрытыми глазами засыпающаго человѣка". Настоящимъ поэтомъ Мишле является и въ другихъ мѣстахъ дневника, каждый разъ, когда онъ даетъ волю своему чувству. Еще гораздо раньше, чѣмъ Мюссе, онъ выразилъ желаніе, чтобы надъ его могилой было посажено дерево; „черезъ нѣсколько времени,— говоритъ онъ,—оно будетъ заключать въ себѣ часть моего *я*, и, обнимая его, мои друзья какъ бы обнимутъ меня самого". „Когда надъ могилой нѣтъ камня,—замѣчаетъ онъ на той же страницѣ дневника, — слезы проникаютъ въ нее свободнѣе и легче". Мысль о смерти ему не страшна; кладбище (отца Лашеза)—одно изъ любимыхъ его мѣстопребываній, особенно послѣ того какъ тамъ похороненъ его другъ, Пуансо. Страницы дневника, внушенныя этой дружбой или воспоминаніями о ней, производятъ глубокое впечатлѣніе; никакой философскій трактатъ не можетъ доказать такъ ясно значеніе чувства, затрогивающаго лучшія сердечныя струны. „Только одному Пуансо—говоритъ Мишле—я показываю себя такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ. Онъ знаетъ мои мысли прежде чѣмъ я успѣлъ ихъ высказать. Мы составляемъ точно одно лицо; Платонъ могъ бы сказать, что Деміургъ создалъ, по ошибкѣ, два экземпляра одной и той же души". Больного, ослабѣвшаго Пуансо Мишле любитъ какъ сына; онъ оплакиваетъ его смерть, какъ отецъ — потерю единственнаго ребенка. Онъ ведетъ съ нимъ длинныя бесѣды надъ его могилой и находитъ утѣшеніе даже въ снахъ, когда они приносятъ ему образъ умершаго друга. „Любовь, по словамъ Библіи, сильна какъ смерть; лучше было бы сказать, что любовь сильнѣе смерти. Она ревниво охраняетъ сокровище, которое хотѣла вырвать у нея смерть". Дружба и трудъ—этими двумя словами исчерпывалась бы вся молодость Мишле, еслибы въ его дневникѣ не было слѣдовъ еще одного теченія, все больше и больше овладѣвавшаго его душою. Политическая злоба дня не играла выдающейся роли въ жизни юноши, хотя начало двадцатыхъ годовъ было одною изъ самыхъ бурныхъ эпохъ новѣйшей французской исторіи. Мишле просто не имѣлъ времени слѣдить за преніями палатъ и за газетной полемикой; но у него образовались уже тогда опредѣленныя политическія убѣжденія, близкія къ тѣмъ, которыя онъ проводилъ, въ послѣдствіи времени, какъ профессоръ, публицистъ и историкъ. Во многихъ отношеніяхъ онъ опередилъ своихъ современниковъ. Его возраженія противъ смертной казни, отмѣченныя въ дневникѣ 1820-го года, составляютъ какъ бы прологъ къ „Послѣднимъ днямъ осужденнаго", написаннымъ В. Гюго десять лѣтъ спустя. Въ томъ же 1820-мъ

году Мишле высказывается за обязательность начальнаго обученія и выражаетъ такой взглядъ на призваніе и предѣлы дѣятельности государства, который близко граничитъ съ умѣреннымъ соціализмомъ. Въ періодъ наибольшаго разгара политическихъ страстей нелегко было понять важность соціальныхъ задачъ — и если она не ускользнула отъ взора Мишле, то это объясняется глубокимъ сочувствіемъ его къ нуждающимся, страждущимъ, угнетеннымъ. Съ трудомъ заработывая хлѣбъ для себя и своихъ, Мишле находилъ возможность удѣлять бѣднымъ часть своихъ скудныхъ средствъ—и это было для него такимъ же утѣшеніемъ въ личномъ горѣ, какъ и усиленная умственная работа.

Издавая автобіографію Мишле, вдова писателя посвятила ее всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ „стать человѣкомъ“ (à ceux qui veulent devenir des hommes). Эпиграфомъ для дневника она избрала слова своего покойнаго мужа: „les passions intellectuelles ont dévoré ma jeunesse“. И посвященіе, и эпиграфъ даютъ точное понятіе о содержаніи книгъ, которымъ они предпосланы. Автобіографія и дневникъ Мишле не только знакомятъ насъ съ исторіей развитія одного изъ самыхъ замѣчательныхъ талантовъ нашего времени; они производятъ ободряющее, освѣжающее впечатлѣніе. Въ молодыхъ умахъ, сколько-нибудь воспріимчивыхъ, они должны возбудить или поддержать рѣшимость борьбы съ обстоятельствами, съ препятствіями всякаго рода. „Интеллектуальныя страсти“, какъ бы велика ни была ихъ сила, имѣютъ одно громадное преимущество передъ другими, слишкомъ часто господствующими въ молодые годы: онѣ закаляютъ человѣка, увеличиваютъ, а не уменьшаютъ запасъ энергіи, съ которымъ онъ вступаетъ въ жизнь. Юность Мишле была бѣдна наслажденіями — зато онъ вышелъ изъ нея *человѣкомъ*, способнымъ воспитывать *людей* и сохранившимъ эту способность даже послѣ смерти.

Едва окончивъ, послѣ многолѣтняго труда, „Исторію происхожденія христіанства“, неутомимый Ренанъ принялся за „Исторію израильскаго народа“, первый томъ которой вышелъ въ свѣтъ въ концѣ прошедшаго года. Познакомить русскую публику съ содержаніемъ новой книги Ренана мы не беремся, вслѣдствіе внѣшнихъ затрудненій, сопряженныхъ съ этой задачей; мы остановимся только на тѣхъ отдѣлахъ предисловія, которые бросаютъ болѣе или менѣе яркій свѣтъ на личность самого автора. Исторію еврейскаго народа слѣдовало бы написать, собственно говоря, прежде, чѣмъ исторію первыхъ вѣковъ христіанства; но Ренана

увлекла наиболѣе интересная сторона избранной имъ темы, и только покончивъ съ нею, онъ нашелъ въ себѣ рѣшимость возвратиться назадъ, къ тому, что должно было составить исходную точку изслѣдованія. Надежда на завершеніе дѣла, наполняющаго всю его жизнь, одушевила его новой силой; работа закипѣла подъ его руками, и исторія евреевъ доведена имъ, въ продолженіе шести лѣтъ, до временъ Эздры. За первымъ томомъ, останавливающимся на воцареніи Давида, скоро послѣдуютъ два другіе, уже готовые вчернѣ. Остается только написать четвертый томъ, который обнималъ бы собою послѣдніе четыре вѣка до Рождества Христова; но это—трудъ сравнительно легкій, потому что исторія евреевъ послѣ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна почти не представляетъ спорныхъ вопросовъ. „Еслибы я не успѣлъ написать четвертаго тома,—говоритъ Ренанъ,—я завѣщалъ бы моимъ издателямъ перевести одно изъ многочисленныхъ нѣмецкихъ сочиненій, относящихся къ этой эпохѣ, и дополнить, такимъ образомъ, сдѣланное мною. Я долженъ признаться, однако, что разсчитываю самъ довести до конца свою работу; меня поддерживаетъ радость, возбуждаемая во мнѣ близостью послѣдняго слова. Написавъ его, я съ счастливымъ чувствомъ повторю пѣснь Симеона: nunc dimittis servum tuum, Domine, secundum verbum tuum, in pace“. У Ренана останется тогда только одно сожалѣніе: что не ему будетъ дано написать исторію Греціи, которая могла бы служить параллелью къ исторіи іудаизма и христіанства. Еслибы въ его распоряженіи была вторая жизнь, онъ посвятилъ бы ее именно этой задачѣ, еще болѣе привлекательной, въ его глазахъ, чѣмъ та, которую ему удалось исполнить. „Въ исторіи цивилизаціи Греція занимаетъ совершенно выдающееся, исключительное мѣсто. Она положила основаніе гуманизму, раціональному и прогрессивному. Наша наука, наше искусство, наша литература, наша философія, наша нравственность, наша политика, наша стратегія, наша дипломатія, наше морское и международное право—все это греческаго происхожденія. Созданная Греціей рамка человѣческой культуры можетъ быть расширяема до безконечности, но прибавлять къ ней нечего, все существенное имѣется въ ней на-лицо. Прогрессъ всегда будетъ заключаться въ развитіи задуманнаго Греціей, въ исполненіи того, чему она, если можно такъ выразиться, представила превосходные образцы. Въ ея умственномъ и нравственномъ творчествѣ есть только одинъ пробѣлъ, но пробѣлъ значительный: она презирала толпу смиренныхъ и малыхъ — и не чувствовала потребности въ справедливомъ Богѣ“...

„Въ послѣднія сорокъ лѣтъ—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ предисловія—произошло много перемѣнъ, существенно-важныхъ. Прекратился споръ о самой сущности религіи; право на существованіе признано за всѣми вѣрованіями. Послѣдствіемъ этого является свобода, какъ ее понимаютъ по ту сторону океана—и я думаю, что къ ней, лѣтъ черезъ сто, придутъ почти всѣ образованныя націи. Ожидать наступленія этой минуты можно безъ нетерпѣнія, потому что уже теперь въ цивилизованныхъ государствахъ, за немногими исключеніями, никто не вынуждается къ дѣйствіямъ, противнымъ его совѣсти; въ заключеніи брака, въ воспитаніи дѣтей, въ выборѣ способа погребенія всякій пользуется полной свободой. Это—пріобрѣтеніе громадной важности. Полемика между приверженцами различныхъ религій сохраняетъ, затѣмъ, интересъ исключительно историческій. Не слѣдуетъ, однако, уменьшать значеніе этого интереса. Знаніе истины, въ области исторіи, въ высшей степени полезно. Еслибы намъ была извѣстна вся правда о прошедшемъ и настоящемъ человѣчества, мы были бы совершенными мудрецами. Въ основаніи всякой ошибки лежитъ незнаніе. Еслибы Людовикъ XIV изучилъ исторію протестантизма по источникамъ болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ сочиненія галликанскихъ его богослововъ, онъ не отмѣнилъ бы нантскій эдиктъ. Еслибы Людовикъ Святой лучше понималъ исторію церкви, онъ не позволилъ бы инквизиціи свирѣпствовать надъ его подданными. Еслибы Маркъ Аврелій былъ ближе знакомъ съ исторіей христіанства, не было бы ужасныхъ сценъ ліонскаго амфитеатра. Еслибы законодателямъ революціи была болѣе понятна сущность католицизма, какимъ его сдѣлалъ тріентскій соборъ, они не стали бы мечтать о французской національной церкви. Еслибы для современныхъ французскихъ радикаловъ существовала церковная исторія, они не упускали бы изъ виду, что церковь ко многому можно склонить, но ни къ чему нельзя принудить". Одною практическою пользой не исчерпывается, впрочемъ, въ глазахъ Ренана значеніе изслѣдованій, которымъ онъ отдалъ большую часть своей жизни. Послѣдняя страница предисловія—это краснорѣчивая исповѣдь той вѣры, въ которой Ренанъ находитъ успокоеніе и счастье. Онъ убѣжденъ, что служилъ, по своему, дѣлу истины и добра—и это убѣжденіе внушаетъ ему „безусловное довѣріе къ божественному милосердію" (une confiance absolue dans la bonté divine).

Сколько свѣжести и силы въ этомъ литературномъ завѣщаніи шестидесятипяти-лѣтняго старика, приближающагося къ концу своей карьеры! Въ жизни Ренана бывали періоды уныній и пессимизма, вызваннаго отчасти личными неудачами, отчасти на-

родными бѣдствіями, отчасти общимъ ходомъ событій. Эти періоды продолжались недолго. Погружаясь въ прошедшее, Ренанъ забывалъ о настоящемъ и опять начиналъ надѣяться на будущее. Во многомъ непохожій на своихъ учителей—великихъ представителей германской науки,—онъ раздѣляетъ съ ними одну способность: способность создавать для себя особый міръ и находить въ немъ удовлетвореніе и утѣшеніе. Задуманное въ молодости исполняется Ренаномъ въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости, съ истинно-нѣмецкою настойчивостью и выдержкой. Онъ уклоняется иногда отъ своей главной дороги, но скоро возвращается къ ней и касается, наконецъ, давно намѣченной цѣли. Радость, наполняющая его душу, принадлежитъ къ числу самыхъ высокихъ и самыхъ чистыхъ наслажденій, какія только доступны человѣку. Съ ощущеніемъ покоя, всегда слѣдующимъ за оконченнымъ трудомъ, соединяется здѣсь сладкая увѣренность, что этотъ трудъ не былъ напраснымъ. Положимъ, что Ренанъ преувеличиваетъ значеніе результатовъ, достигнутыхъ освободительной работой нашего вѣка; положимъ, что торжество терпимости и „американской“ свободы еще не такъ близко, какъ это ему кажется—но во всякомъ случаѣ оно должно наступить, и въ массу усилій, его подготовляющихъ, Ренанъ сдѣлалъ немаловажный вкладъ, немаловажный уже потому, что онъ приспособленъ какъ нельзя лучше къ характеру и духу французскаго народа.

Совершенно стряхнуть съ себя всѣ слѣды разочарованія, вызваннаго событіями семидесятыхъ годовъ, Ренану не удалось, однако, даже въ предисловіи къ „Исторіи израильскаго народа“. Онъ допускаетъ, въ одномъ мѣстѣ—въ явное противорѣчіе оптимизму послѣднихъ страницъ—возможность новаго движенія назадъ, новой побѣды іудаизма; онъ боится, что „періодъ безпристрастнаго изученія прошедшихъ судебъ человѣчества продлится недолго“. „Вкусъ къ исторіи—восклицаетъ онъ—самый аристократическій изъ всѣхъ вкусовъ; ему угрожаетъ большая опасность“. Въ этихъ словахъ слышится отголосокъ недовѣрія къ демократіи, страха передъ „Калибаномъ“—отголосокъ тѣхъ чувствъ, которыми проникнуты „Философскіе діалоги“ и философскія драмы Ренана. Еслибы „вкусъ къ исторіи“ былъ по преимуществу „аристократическимъ“, какимъ образомъ онъ могъ бы достигнуть своего апогея именно въ нашъ вѣкъ, по преимуществу демократическій? Объектомъ историческихъ изслѣдованій становится все больше и больше масса, толпа; какъ же совмѣстить аристократичность вкуса съ демократичностью его предмета? *Безпристрастное* изученіе прошедшаго требуетъ, прежде всего, свободы отъ

предразсудковъ—а мыслима ли такая свобода при господствѣ „аристократизма“? Исторія полна грѣховъ „аристократіи“; чтобы констатировать ихъ и оцѣнить по достоинству, нужно не раздѣлять воззрѣній и чувствъ, изъ которыхъ они проистекали. Показавшись передъ „Калибаномъ“, т.-е. передъ народомъ, Ренанъ призналъ его способнымъ если не къ поощренію науки, то, по меньшей мѣрѣ, къ предоставленію ей полнаго простора; а больше ничего для науки и не нужно—и исторія не составляетъ, въ этомъ отношеніи, исключенія изъ общаго правила. Однажды пробудившись и достигнувъ извѣстной силы, стремленіе *знать* прошедшее, какимъ оно было въ дѣйствительности, едва ли исчезнетъ или ослабѣетъ—развѣ если въ общемъ ходѣ событій произойдетъ такой поворотъ, котораго теперь нельзя ни предвидѣть, ни даже предчувствовать. Въ настоящую минуту менѣе всего опаснымъ для изученія исторіи, какъ и для знанія вообще, представляется именно ослабленіе „аристократизма“.

Раскрывая первый томъ сочиненія Ренана, читатель ищетъ въ немъ, прежде всего, критики источниковъ—и, къ великому удивленію своему, ея не находитъ. Авторъ приступаетъ прямо къ изложенію фактовъ, не опредѣливъ, предварительно, значенія письменныхъ свидѣтельствъ, къ нимъ относящихся. Этотъ пробѣлъ будетъ пополненъ въ слѣдующихъ томахъ, когда разсказъ будетъ доведенъ до эпохи предполагаемаго составленія или появленія тѣхъ или другихъ книгъ Ветхаго Завѣта; но для читателей, очевидно, не одно и то же узнать взглядъ автора на источники въ самомъ началѣ чтенія или въ его срединѣ. Система, выбранная Ренаномъ, слишкомъ долго оставляетъ ихъ въ недоумѣніи насчетъ вопроса первостепенной важности; нельзя судить о вѣроятности выводовъ, пока неизвѣстна степень достовѣрности основаній. Правда, тѣ главы второго и третьяго тома, которыя заключаютъ въ себѣ критику источниковъ, напечатаны Ренаномъ, въ „Revue des deux mondes“, еще въ 1886 г. (№№ 5, 6, 23 и 24), и на нихъ сдѣлана ссылка въ предисловіи къ первому тому; но достать старыя журнальныя книжки не всегда легко, и большинство читателей остается именно въ томъ неудобномъ положеніи, на которое мы только-что указали. Ренанъ поступилъ бы гораздо правильнѣе, еслибы послѣдовалъ примѣру нѣмецкихъ писателей, всегда предпосылающихъ исторіи евреевъ тщательный разборъ историческаго матеріала. Въ отступленіи отъ обычнаго порядка—и не въ немъ одномъ—отразилась давнишняя слабая сторона Ренана: нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ нѣмецкой наукѣ. Обязанный ей безконечно многимъ, онъ все еще не рѣшается отдать ей *полную*

справедливость, признать *всѣ* ея великія заслуги. Въ предисловіи къ „Histoire du peuple d'Israël" онъ упоминаетъ съ большой похвалой о нѣмецкихъ ученыхъ, „замѣчательно глубоко" изучившихъ эту область исторіи; но въ одной изъ главъ, посвященныхъ критикѣ источниковъ, мы встрѣчаемъ отзывы совершенно другого рода. „Работамъ Кюнена, Графа, Велльгаузена, — говоритъ Ренанъ, — недостаетъ вкуса, привычки къ сравнительному изученію литературъ, пониманія древности и Востока. Они несвободны отъ обычнаго грѣха нѣмецкой экзегетики, замыкающейся въ узкія рамки протестантскаго богословія, чуждающейся вольнаго воздуха эпопеи и народной пѣсни. У нихъ мало такта, они слишкомъ торопятся подчеркивать свои открытія, истинныя, иногда, только на половину". Это напоминаетъ намъ упреки, обращенные Ренаномъ (въ „Souvenirs d'enfance et de jeunesse") къ тюбингенской школѣ. Онъ обвинялъ и ее въ отсутствіи „литературнаго такта и чувства мѣры", побѣдоносно противопоставляя ея системѣ свои собственные критическіе пріемы. „Когда наступитъ реакція противъ тюбингенской школы, — восклицалъ Ренанъ, — тогда найдутъ, можетъ быть, что моя критика, происходящая отъ католицизма и эманципировавшаяся лишь постепенно, дала мнѣ возможность многое увидѣть въ надлежащемъ свѣтѣ и предохранила меня отъ многихъ ошибокъ". Такое же, только менѣе откровенное, восхваленіе собственныхъ заслугъ скрывается, какъ намъ кажется, и въ новыхъ нападеніяхъ Ренана на „безтактность" и „безвкусіе" нѣмецкихъ ученыхъ. „Терпѣніе, настойчивость и добросовѣстность" — вотъ, повидимому, единственныя свойства, въ которыхъ Ренанъ не отказываетъ своимъ учителямъ. А между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. Штраусъ, Целлеръ, Гаусратъ) не уступаютъ Ренану даже въ талантѣ изложенія, значительно превосходя его и самостоятельностью, и выработанностью заключеній. Они проложили дорогу — Ренанъ только слѣдуетъ за ними. Въ послѣднемъ счетѣ за французскимъ писателемъ, можетъ быть, будетъ признано лишь одно преимущество передъ нѣмцами — преимущество *литературнаго* такта, понимаемаго въ смыслѣ искусства говорить языкомъ, доступнымъ большинству, и производить впечатлѣніе на всю читающую публику. Это преимущество далеко не маловажное; оно вполнѣ достаточно для того, чтобы упрочить за Ренаномъ высокое мѣсто въ исторіи литературы.

Въ Парижѣ предпринято недавно весьма полезное изданіе, озаглавленное: „les Grands écrivains de la France". Это — рядъ

монографій, посвященныхъ жизни и произведеніямъ великихъ французскихъ писателей. Составители монографій почти всѣ пользуются большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью; назовемъ, для примѣра, Тена („Сентъ-Бёвъ"), Ж. Симона („Викторъ Кузенъ"), Гастона Пари („Виллонъ"), Гастона Буассье („Madame де-Севинье"), бывшаго министра и президента сената Леона Сэ („Тюрго"), критиковъ Брюнетьера („Вольтеръ" и „Буало"), Леметра („Мюссе") и Поля Бурже („Бальзакъ"), хорошо знакомаго русской публикѣ виконта де-Вогюэ („Жозефъ де-Местръ"). Каждая монографія заключаетъ въ себѣ отъ десяти до двѣнадцати листовъ, напечатана весьма изящно, снабжена портретомъ и стоитъ очень дешево—только два франка. Нѣсколько томовъ уже вышло въ свѣтъ, другіе приготовляются къ печати. Чтобы дать нашимъ читателямъ болѣе точное понятіе о характерѣ изданія, остановимся на первомъ выпускѣ его, сразу зарекомендовавшемъ его какъ нельзя лучше. Это—монографія о Монтескьё, составленная Альберомъ Сорелемъ. Автору предстояла трудная задача—исчерпать, въ тѣсной рамкѣ, все существенное въ дѣятельности писателя, занимающаго столь важное мѣсто въ исторіи XVIII-го вѣка. Эта задача исполнена съ большимъ искусствомъ. Личность Монтескьё обрисовывается передъ нами настолько ярко, насколько это возможно въ виду скудости біографическихъ данныхъ. Монтескьё не любилъ говорить о себѣ; крупными событіями и внѣшними перемѣнами его жизнь не была богата; о немъ, какъ о человѣкѣ, приходится судить преимущественно на основаніи его произведеній. Это и дѣлаетъ Сорель, указывая на все личное, индивидуальное въ сочиненіяхъ Монтескьё. Онъ изображаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, внутреннюю ихъ связь съ почвой, на которой они выросли, съ моментомъ, когда они появились; онъ подчеркиваетъ все существенное въ ихъ содержаніи, слѣдитъ за ихъ судьбой, старается опредѣлить ихъ вліяніе въ прошедшемъ, ихъ значеніе въ настоящемъ. Не обходится дѣло и безъ „боковыхъ ударовъ" (Seitenhiebe), ясно свидѣтельствующихъ о симпатіяхъ и антипатіяхъ автора; но это нисколько не вредитъ впечатлѣнію, потому что къ главной своей темѣ—къ самому Монтескьё—Сорель относится совершенно безпристрастно. Вотъ, напримѣръ, небольшой отрывокъ, остріе котораго направлено противъ одного изъ явленій современной жизни, но который, тѣмъ не менѣе, далеко не можетъ быть названъ излишнимъ для характеристики Монтескьё. „Женское общество—замѣтилъ однажды Монтескьё—портитъ нравы, но образуетъ вкусъ. О женщинахъ, которыхъ зналъ Монтескьё, можно было бы скорѣе сказать прямо противо-

положное; его нравственное чувство не притупилось въ ихъ обществѣ, но онѣ сообщили его вкусу нѣкоторую приторность. Чтобы понравиться имъ, онъ написалъ нѣсколько бездѣлушекъ, лежащихъ пятномъ на его творчествѣ, и усѣялъ лучшія свои главы чувственными штрихами, уменьшающими ихъ цѣнность. Тогдашній „свѣтъ“ тѣмъ охотнѣе читалъ его книги—на нынѣшній „свѣтъ“ это дѣйствуетъ совсѣмъ иначе, не потому, чтобы послѣдній былъ нравственнѣе перваго, а потому что измѣнилась мода, самый строгій цензоръ въ подобныхъ вопросахъ. Сладострастіе, аффектированное у Фонтенелля, ироническое и хладнокровно обдуманное у Монтескьё, циничное у Вольтера, распущенное у Дидро, проникнутое нѣгой у Руссо, сдѣлалось напыщеннымъ у Шатобріана, театральнымъ у романтиковъ, педантичнымъ, патологическимъ и мрачнымъ у ихъ преемниковъ. Отъ этой послѣдней школы, отъ ея больничной, истерической галиматьи очень далеко до будуарной болтовни, забавлявшей Монтескьё. Надъ современной порнографической литературой носится словно тяжелый паръ, среди котораго не могли бы дышать, отъ скуки, женщины временъ Монтескьё“. Сорель мѣтитъ здѣсь, очевидно, въ Зола и золаистовъ, — но проведенная имъ параллель бросаетъ яркій свѣтъ на изучаемую имъ эпоху.

„Истинно французская физіономія, съ рѣзко выраженными гасконскими чертами“ —вотъ какъ резюмируетъ Сорель впечатлѣніе, производимое портретами Монтескьё. Тою же двойственностью запечатлѣны и его произведенія. Какъ и его устная бесѣда, они богаты отступленіями, неожиданными переходами, остроумными замѣчаніями, насмѣшливыми, добродушно-злыми выходками. Во всемъ этомъ Монтескьё—истый гасконецъ; не даромъ же онъ такъ любитъ своего соплеменника, Монтеня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ—французъ, французъ изъ породы серьезныхъ и вдумчивыхъ. Мысли Монтеня оставались разсѣянными, мысли Монтескьё стремятся къ соединенію въ одно цѣлое; онъ дорожитъ послѣдовательностью и порядкомъ. Къ любопытству коллекціонера у него присоединяется любознательность ученаго историка. Въ кажущемся хаосѣ фактовъ онъ хочетъ открыть управляющіе ими законы. Первыя причины онъ признаетъ непостижимыми и оставляетъ ихъ въ сторонѣ, сосредоточивая все свое вниманіе на изученіи причинъ ближайшихъ, доступныхъ для нашихъ чувствъ и могущихъ служить предметомъ опыта. Уже въ самомъ раннемъ произведеніи своемъ — въ „Персидскихъ письмахъ“ —Монтескьё является прямымъ потомкомъ тѣхъ французскихъ писателей, которые служатъ хранителями эпикурейскихъ и скептическихъ тра-

дицій, посредниками между временами возрожденія и фронды, фронды и регентства: Ретца, Сенть-Эвремона, Бейля. Монтескьё ненавидитъ Людовика XIV-го, котораго онъ зналъ только въ эпоху упадка, предметомъ лести и лжи, одряхлѣвшимъ и опустившимся султаномъ. Онъ признаетъ за нимъ только *формы* справедливости, политики и набожности, видитъ въ немъ только актера, игравшаго роль великаго короля. Въ Версали ему все кажется маленькимъ, въ Парижѣ ему все кажется большимъ; тамъ—лакейство, здѣсь—упорный трудъ, стремленіе впередъ, къ равенству и свободѣ. И все-таки Монтескьё остается умѣреннымъ въ своихъ сужденіяхъ и требованіяхъ; у него натура законодателя, а не утописта. Въ „Персидскихъ письмахъ“ виднѣется уже, въ зародышѣ, политика и философія „Духа Законовъ“.“

Разборъ этого капитальнаго творенія Монтескьё занимаетъ большую половину книги Сореля. Передача его, хотя бы только въ главныхъ чертахъ, потребовала бы слишкомъ много мѣста; для нашей цѣли достаточно замѣтить, что лучшаго путеводителя въ громадномъ лабиринтѣ, созданномъ Монтескьё, нельзя себѣ и представить. За анализомъ произведенія слѣдуетъ исторія его судьбы, исторія роли, которую оно играло въ эпоху „просвѣщеннаго деспотизма“, во время революціи и въ нашемъ вѣкѣ. По мѣткому опредѣленію Сореля, отъ Монтескьё идутъ два поколѣнія, двѣ школы. Первая по времени, но послѣдняя по важности состояла изъ тѣхъ „свободомыслящихъ“ дворянъ, которые усвоили себѣ наиболѣе консервативные пункты доктрины Монтескьё и пытались ограничить монархическую власть авторитетомъ привилегированныхъ сословій. Представители этой школы скоро вступили въ ряды эмиграціи, разсѣялись по Европѣ и вдохновили Бёрка, знаменитыя „Размышленія“ котораго о французской революціи коренятся, отчасти, именно въ „Духѣ Законовъ“. Вторая школа, раздѣляя поклоненіе Монтескьё передъ англійскими учрежденіями, задалась мыслью перенести ихъ на французскую почву. Разбитая, въ лицѣ Мунье, Малуэ, Лалли-Толандаля, въ учредительномъ собраніи, она воскресла вновь во время реставраціи, въ лицѣ Бенжамена Констана, Ройе-Коллара и такъ-называемыхъ доктринеровъ. Таллейранъ внесъ ея принципы въ дипломатію, Гизо — въ исторію; ими руководился, въ сущности, и великій прусскій реформаторъ, Штейнъ. Эта школа потеряла свое значеніе съ паденіемъ французской конституціонной монархіи; но продолжателемъ ея является Токвиль, старавшійся примирить ея преданія съ новорожденной силой, во многомъ имъ враждебной

— съ демократіей. Сравненіе Токвиля съ Монтескьё—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ страницъ въ книгѣ Сореля.

Мы слышали изъ достовѣрнаго источника, что у насъ, въ Москвѣ, предпринимается изданіе сходное съ тѣмъ, въ составъ котораго входитъ книга Сореля. Во главѣ предпріятія стоятъ лица, имена которыхъ даютъ право разсчитывать на его успѣхъ. Нельзя не пожелать осуществленія этой мысли; у насъ слишкомъ мало распространено знакомство съ нашимъ прошедшимъ, слишкомъ мало сдѣлано для изученія даже величайшихъ нашихъ писателей.

К. Арсеньевъ.

ИМПЕРАТОРЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ I.

Старая и новая Германія.

VIII *).

Война 1866 года пронеслась какимъ-то ураганомъ надъ дрогнувшимъ политическимъ строемъ старой Европы. Какъ падаетъ столѣтній дубъ, подкошенный въ одно мгновеніе стихійною силою, такъ точно съ грохотомъ повалилась старая австрійская имперія, сраженная однимъ мощнымъ ударомъ. Вѣками блестѣвшая звѣзда Габсбурговъ вдругъ померкла передъ загорѣвшеюся яркимъ свѣтомъ звѣздою Гогенцоллерновъ. Правда, давно уже на политическомъ небосклонѣ Европы мелькала эта звѣзда, и даже временами, какъ то было при Фридрихѣ II, она испускала ослѣпительные лучи, но, несмотря на это, въ 1866 году никто изъ политиковъ-астрономовъ не догадывался, чтобы она была въ состояніи такъ высоко подняться и заслонить своимъ блескомъ всѣ другія старыя планеты.

Чѣмъ болѣе было неожиданно, внезапно обнаружившееся, хотя и долго подготовлявшееся могущество Пруссіи, которую одинъ изъ близорукихъ государственныхъ людей того времени презрительно называлъ лишь „эпизодомъ Фридриха II“, тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, вызванное среди всѣхъ европейскихъ государствъ ошеломляющимъ успѣхомъ правительства короля Вильгельма. Заблуждаться было невозможно. Битва при Садовой не только свалила Австрію— она вырыла глубокую могилу, въ которую зарыта была старая Германія. Самая неожиданность такого успѣха сослужила великую службу Пруссіи. Всѣ европейскія государства, слѣдившія безъ осо-

*) См. выше: май, стр. 304.

бой тревоги за распрей между двумя нѣмецкими государствами, оспаривавшими другъ у друга гегемонію въ Германіи, теперь ясно сознали, что 3-го іюня 1866 г. въ самомъ центрѣ Европы народилась новая могущественная держава, и что нарожденіе такой державы въ самомъ корнѣ нарушитъ то политическое равновѣсіе, установленіе котораго составляло главную задачу вѣнскаго конгресса. Континентальная Европа встрепенулась, но, захваченная врасплохъ неожиданно быстрымъ торжествомъ Пруссіи, она безсильна была помѣшать ей всецѣло воспользоваться правомъ побѣдителя и упрочить за собою всѣ выгоды, доставленныя ей оружіемъ.

Австрія, пораженная въ самое сердце, быстро рѣшилась на ампутацію Венеціи, надѣясь, что такой уступкой она отвлечетъ Италію отъ союза съ Пруссіей и тѣмъ получитъ возможность перебросить въ Богемію свою освободившуюся южную армію. На другой же день послѣ битвы при Садовой императоръ Францъ-Іосифъ обратился къ Наполеону, предлагая уступить ему Венецію съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ возвысилъ свой голосъ въ пользу перемирія для обсужденія условій мира. Наполеонъ III принялъ это предложеніе, но голосъ его, послѣ Садовой, не имѣлъ уже рѣшающаго значенія. Король Вильгельмъ отказался отъ перемирія, изъявляя лишь согласіе на пріостановку военныхъ дѣйствій всего на нѣсколько дней для установленія предварительныхъ условій будущаго мира.

Какъ ни рѣшительна была побѣда прусскаго оружія, но успѣхъ побѣдителя могъ быть значительно умѣренъ, еслибы два могущественнѣйшихъ государства въ то время, Россія и Франція, согласовали свою политику. Твердость короля Вильгельма и искусство его главнаго совѣтника устранили грозившую опасность.

Непрошенное посредничество Франціи оскорбляло національную гордость Вильгельма, и, быть можетъ, ослѣпленный блескомъ одержанныхъ побѣдъ, онъ не отвергъ бы это посредничество Наполеона, еслибы только сила его здраваго смысла не заставила его склониться передъ рѣшительными доводами его сподвижника, понимавшаго, что добытые успѣхи не слѣдуетъ подвергать риску новой возможной борьбы. Отвергнутое же посредничество Наполеона неизбѣжно вызвало бы сильное раздраженіе въ цѣлой Франціи, безъ того уже встревоженной нарожденіемъ могущественной Пруссіи, и принудило бы ея правителя послѣдовать совѣту тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люиса, настаивавшаго на болѣе энергической французской политикѣ. Планъ послѣдняго, не остававшійся тайнымъ для искусной прусской дипломатіи, не лишенъ былъ смѣлости и заключалъ въ себѣ въ данную минуту если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, много шансовъ на успѣхъ. Французскій министръ иностран-

ныхъ дѣлъ требовалъ, чтобы посредничество Франціи сопровождалось внушительною военной демонстраціей на ея восточной границѣ. Двѣсти, триста тысячъ войска, выставленнаго на берегахъ Рейна, вынудили бы Пруссію сдѣлаться тѣмъ болѣе податливою на предложенія и домогательства французскаго правительства, что вся страна между Мозелемъ и Берлиномъ оставалась вполнѣ беззащитною.

Король Вильгельмъ съ стѣсненнымъ сердцемъ принялъ платоническое посредничество французскаго императора, а Наполеонъ, излишне довѣрчивый, отклонилъ планъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, убаюканный увѣреніями Бисмарка и прусскаго посланника въ Парижѣ, графа Гольца, что, по заключеніи окончательнаго мира, Франціи будетъ предоставлена возможность получить территоріальное вознагражденіе внѣ предѣловъ Германіи. Наполеонъ III слѣпо увѣровалъ,—и это служитъ лучшимъ доказательствомъ, какъ мало онъ былъ способенъ тягаться съ такими людьми, какъ Вильгельмъ и Бисмаркъ,—что Пруссія не отплатитъ Франціи черною неблагодарностью за предоставленіе ей возможности сдѣлаться полною властительницею въ Германіи и осуществитъ тѣ—справедливость заставляетъ прибавить—весьма неопредѣленныя и двусмысленныя обѣщанія, которыя сулили ему и Бисмаркъ, и графъ Гольцъ. Эта несбывшаяся мечта объ округленіи французской границы побудила Наполеона, съ одной стороны, предоставить королю Вильгельму carte blanche въ передѣлѣ Германіи, съ другой—отклонить предложеніе русскаго кабинета о созывѣ европейскаго конгресса. Русское правительство формально заявило берлинскому кабинету, что оно не признаетъ никакихъ территоріальныхъ и политическихъ измѣненій въ Германіи ранѣе, чѣмъ они будутъ обсуждены международною конференціей. Предложеніе Россіи было тотчасъ же принято Англіей, но Франція, или, вѣрнѣе, Наполеонъ, страдавшій тяжкимъ недугомъ политической слѣпоты, отказался примкнуть къ предложенію Россіи подъ тѣмъ сомнительнымъ предлогомъ, что принятая имъ на себя роль посредника несовмѣстима съ участіемъ Франціи въ международномъ конгрессѣ. Правда, идея конгресса встрѣтила и другое препятствіе—рѣшительное нежеланіе короля Вильгельма, энергично настаивавшаго на своемъ правѣ побѣдителя воспользоваться плодами побѣды по своему собственному усмотрѣнію и не допускавшаго вмѣшательства Европы, въ лицѣ конгресса, въ дѣло, совершонное имъ на свой собственный страхъ и рискъ. Несогласіе, обнаружившееся во взглядахъ нейтральныхъ европейскихъ государствъ, облегчило, безъ сомнѣнія, его задачу, но поселить такое несогласіе, умѣть воспользоваться имъ, составляетъ счастливый удѣлъ только мудрой поли-

тики съ ясно сознанною программою и неуклонно преслѣдующей намѣченную цѣль государственныхъ людей.

Несмотря, однако на то, что посредничество Франціи было чисто платоническое, льстившее развѣ тщеславію Наполеона III, оно, тѣмъ не менѣе, вызывало досадное чувство у побѣдителя при Садовой. Желаніе устранить это посредничество было настолько велико, что со стороны Пруссіи была даже сдѣлана попытка склонить австрійскій кабинетъ вступить въ непосредственные мирные переговоры, устраняя участіе Франціи, причемъ Бисмаркъ выставлялъ на видъ, что мирный договоръ, заключенный непосредственно между двумя воюющими сторонами, будетъ болѣе выгоденъ для Австріи. Пруссія готова была отказаться отъ требованія всякой военной контрибуціи, если только Австрія откажется отъ посредничества Франціи. Францъ-Іосифъ отклонилъ, однако, такое предложеніе, возлагая надежды на моральную помощь Франціи. Платоническое посредничество Франціи, не принеся ей никакихъ матеріальныхъ выгодъ, скорѣе даже причинившее ей ущербъ, усилило среди нѣмцевъ то недоброе къ ней чувство, которое они давно уже таили въ своихъ сердцахъ, и предохранило императора Вильгельма отъ крупной политической ошибки, несомнѣнно повліявшей бы на будущія отношенія между Пруссіею и Австріею. Король Вильгельмъ, побуждаемый къ тому военною партіею, желалъ, во что бы то ни стало, вступить во главѣ своей арміи въ столицу Австріи, и въ самой Вѣнѣ диктовать условія мира раздавленному врагу. Къ славѣ побѣдителя занятіе Вѣны ничего, конечно, не прибавило бы—между тѣмъ національному самолюбію Австріи нанесенъ былъ бы суровый ударъ, который надолго не допустилъ бы сближенія между двумя государствами. Его ближайшій совѣтникъ хорошо это понималъ и потому употребилъ все свое вліяніе, чтобы умѣрить въ королѣ гордое чувство побѣдителя. Если Вильгельмъ долженъ былъ отказаться и отъ другого столь же настойчиваго своего желанія — присоединенія къ Пруссіи королевства Саксоніи,—тѣмъ не менѣе, мирный трактатъ съ Австріей, подписанный въ Прагѣ 28-го августа 1866 года, обезпечивалъ за его царствованіемъ одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ исторіи Пруссіи. Побѣда надъ Австріей сама по себѣ не могла бы имѣть такого важнаго значенія, еслибы правительство короля Вильгельма не съумѣло воспользоваться ея плодами съ такимъ по истинѣ удивительнымъ искусствомъ. Искусство это столько же поражаетъ во внутренней, сколько и во внѣшней политикѣ. Та и другая была направлена къ одной цѣли, къ достиженію еще бо̀льшаго могущества Пруссіи,—и, при посредствѣ этого могущества, къ осуществленію идеи нѣмецкаго единства,

Сравнительно незначительный періодъ времени, отдѣляющій австро-прусскую войну 1866 г. отъ франко-нѣмецкой войны 1870 года, былъ весь посвященъ энергической внутренней работѣ, направленной къ сплоченію Германіи и тому искусному дипломатическому походу, задача котораго состояла въ изолированіи Франціи въ минуту заранѣе предвидѣвшейся борьбы съ этимъ государствомъ. Періодъ этотъ, лишенный блеска 66 и 70 годовъ, представляется, тѣмъ не менѣе, однимъ изъ самыхъ важныхъ въ долгомъ царствованіи императора Вильгельма.

Мы остановимся только на самыхъ выдающихся моментахъ этого періода, съ такою ясностью опредѣлившихъ всю будущую политику правительства императора Вильгельма.

Война 1866 года, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, произвела рѣшительный переворотъ въ отношеніяхъ между народнымъ представительствомъ и короной. Энергія, обнаруженная правительствомъ, ошеломляющіе быстрые успѣхи, одержанные вновь организованною, съ такою настойчивостью, арміею, рѣшительная побѣда 3-го іюля, подняли воинственный духъ всего населенія, относившагося вначалѣ съ явною враждебностью къ разгорѣвшейся войнѣ. Духъ патріотизма заставилъ умолкнуть всѣ другія чувства. Населеніе забыло свою борьбу съ правительствомъ изъ-за конституціонныхъ правъ, свою ненависть къ абсолютическимъ пріемамъ королевской власти въ продолженіе четырехлѣтняго конфликта, свою злобу противъ ближайшихъ совѣтниковъ Вильгельма, и съ гордымъ чувствомъ озиралось на достигнутые результаты. Торжественно встрѣтилъ Берлинъ возвратившагося въ столицу короля; еще торжественнѣе былъ пріемъ тріумфально проходившаго войска, оглушеннаго громкими криками радости и ликованія. Король Вильгельмъ долженъ былъ испытать рѣдкое чувство удовлетворенія, когда муниципальный совѣтъ Берлина, такъ враждебно относившійся къ „затѣянной", какъ говорилось, войнѣ съ Австріей, явился поздравлять его съ одержанными побѣдами, устранившими тѣ преграды къ свободному развитію Германіи, которыя воздвигнуты были „династическими интересами Австріи". Еще бо́льшее чувство удовлетворенія доставлено ему было перемѣной, происшедшей въ народномъ представительствѣ. Въ самый день битвы при Садовой назначены были выборы въ прусскую палату. Вѣсть о рѣшительной побѣдѣ еще не вполнѣ разнеслась по странѣ, но народъ былъ уже воодушевленъ другими чувствами, которыя не могли не отразиться на результатахъ выборовъ. Самое назначеніе выборовъ въ разгаръ войны какъ бы свидѣтельствовало, что правительство, несмотря на свое безцеремонное отношеніе во время конфликта къ народнымъ представителямъ, относится все-таки съ уваженіемъ къ конституціон-

нымъ правамъ народа и вовсе не помышляетъ освободить себя отъ налагаемыхъ конституціей обязанностей.

Упорная четырехлѣтняя борьба народнаго представительства съ королевскою властью, рѣдкое торжество послѣдней на полѣ брани, сознаніе пріобрѣтенной ею силы, все это могло, безъ сомнѣнія, внушить королю Вильгельму мысль вернуться къ „старымъ традиціямъ", когда королевская власть не знала никакихъ стѣсненій. Но „здравый смыслъ и честность" Вильгельма служили порукой, что онъ останется вѣренъ принесенной имъ присягѣ. Моментъ для освобожденія себя отъ конституціонныхъ узъ былъ самый подходящій. Король Вильгельмъ прекрасно сознавалъ, что, отмѣняя конституціонныя права народа на другой день послѣ побѣдоносной войны, онъ нисколько не рискуетъ вызвать революціонное движеніе, способное опрокинуть его тронъ. Если онъ этого не сдѣлалъ, то не потому, чтобы у него не было для того и возможности, и силы. И та, и другая были въ его полномъ распоряженіи. Не предпринимая ничего подобнаго, онъ руководился своею государственною мудростью, внушившею ему убѣжденіе, что благо управляемаго имъ народа, спокойное его развитіе, движеніе государства по пути прогресса, безъ скачковъ, безъ потрясеній, лучше всего охраняется правительствомъ, дѣйствующимъ подъ контролемъ народнаго представительства. Долгій опытъ и его твердый здравый смыслъ привели его къ сознанію, что если конституціонныя права народа подчасъ, какъ это недавно было во время конфликта, и служатъ источникомъ тяжелыхъ осложненій во внутренней жизни государства, — зато тѣ же конституціонныя права служатъ лучшею гарантіею для правильнаго движенія и развитія государственнаго организма. Близкое будущее показало, какъ правъ былъ король Вильгельмъ, оставаясь вѣрнымъ данному имъ обѣщанію — не посягать на конституцію своей страны. Народное представительство явилось лучшимъ оплотомъ во всѣхъ его широкихъ начинаніяхъ, лишь только оно убѣдилось, что императоръ Вильгельмъ преслѣдуетъ осуществленіе дорогой для народа идеи нѣмецкаго единства.

5-го августа въ личномъ присутствіи короля состоялось открытіе прусскихъ палатъ. Король Вильгельмъ уже нѣсколько лѣтъ уклонялся отъ произнесенія тронной рѣчи. Натянутыя, даже болѣе, враждебныя отношенія народнаго представительства къ его правительству, заставляли его избѣгать появляться въ палатахъ. Теперь все измѣнилось. Онъ чувствовалъ, что его появленіе не вызоветъ ничего кромѣ восторга. Въ длинной рѣчи, съ которою онъ обратился къ палатамъ, король Вильгельмъ, воздавъ хвалу арміи, отвратившей отъ страны опасность нападенія стараго врага и обезпечившей Германіи полную свободу развитія, перешелъ къ занимавшему всѣхъ конституціонному

вопросу. „Плоды побѣдъ,—говорилъ онъ,—могутъ созрѣть подъ однимъ условіемъ—полнаго согласія между правительствомъ и народнымъ представительствомъ. Такое согласіе и должно отнынѣ установиться". Король не побоялся сдѣлать рѣдкое въ устахъ правителя признаніе, что правительство нарушало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ основной законъ государства, устанавливая бюджетъ наперекоръ воли народныхъ представителей, но онъ оправдывалъ это отклоненіе отъ правильнаго, нормальнаго пути совершенно исключительными обстоятельствами, поставившими его правительство въ необходимость жертвовать всѣмъ, ради обезпеченія будущности Германіи. Онъ выражалъ твердую увѣренность, что народное правительство вотируетъ всѣ ранѣе произведенные расходы, и тѣмъ положитъ конецъ конфликту, который „никогда болѣе не возобновится".

Къ миру между правительствомъ и народнымъ представительствомъ взывалъ теперь и ближайшій совѣтникъ Вильгельма, и если въ содержаніи его рѣчей не слышалось болѣе негодованія и пренебреженія къ противникамъ, то тонъ его оставался все же такимъ, что палата не могла усомниться въ его готовности и рѣшимости снова дѣйствовать въ разрѣзъ съ ея волею, если только къ тому представилась бы необходимость. „Мы желаемъ мира,—говорилъ онъ,—не потому, чтобы мы были неспособны бороться,—напротивъ, давно уже обстоятельства такъ не клонились въ нашу пользу,—мы желаемъ его потому, что въ эту минуту наша родина нуждается въ немъ больше чѣмъ когда-либо прежде, и потому, что мы надѣемся теперь его обрѣсти. Мы надѣемся найти миръ, потому что вы должны были признать, что правительство не стоитъ такъ далеко, какъ вы это думали раньше, отъ тѣхъ задачъ, которыя преслѣдуетъ большинство палаты, и правительство преслѣдуетъ тѣ же задачи, но всѣ введены были въ заблужденіе умалчиваніемъ правительства о томъ, о чемъ оно должно было умалчивать".

Если правительство съ такою поспѣшностью протягивало народному представительству руку примиренія, то оно руководилось не только желаніемъ вернуться на конституціонный путь,—оно преслѣдовало и другую цѣль, которую Бисмаркъ, со свойственной этому государственному человѣку откровенностью, не скрывалъ ни одной минуты послѣ окончанія австрійско-прусской войны. „Наша задача еще не доведена до конца,—говорилъ онъ въ 1866 г.—Она требуетъ сплоченія цѣлой страны, какъ по своему существу, такъ и по тому впечатлѣнію, которое произведено будетъ въ чужихъ краяхъ. Если часто говорили: что выиграно мечомъ, то проиграно перомъ—то я питаю, по крайней мѣрѣ, вѣру, что мы не услышимъ словъ:

„Что выиграно было мечомъ и перомъ, то уничтожено было съ этой трибуны".

Палата, въ свою очередь, отражавшая въ себѣ народное настроеніе, съ радостью шла на встрѣчу правительству и съ благодарностью хваталась за протянутую руку. „Когда я,—говорилъ одинъ изъ умѣренныхъ вождей оппозиціи, графъ Шверинъ,—выразился, въ 1862 г., противъ требованія кредитовъ, то я ставилъ два условія, которыя должны существовать, чтобы выразить одобреніе правительству: или ясная программа, или довѣріе къ людямъ, руководящимъ политикою. Я не могъ признавать, чтобы въ то время существовали оба эти условія; теперь совсѣмъ иное, и я съ радостью признаю, что я ошибался. Цѣль правительства стоитъ теперь ясною передъ нами, и потому и я, и мои друзья всѣми зависящими отъ насъ средствами будемъ помогать правительству, дабы оно могло укрѣпить единство Германіи и могущество Пруссіи". Мы привели эти слова графа Шверина, такъ какъ они удачно обрисовываютъ господствовавшее, въ данную эпоху, настроеніе громаднаго большинства. Въ палатѣ оставалось теперь лишь незначительное меньшинство, твердое въ своихъ принципахъ, которое требовало устами проф. Вирхова, чтобы правительство, прежде чѣмъ заключенъ будетъ окончательный внутренній миръ, на дѣлѣ доказало свою рѣшимость на будущія времена строго уважать право народныхъ представителей на установленіе бюджета. Группа, послѣдовавшая за Вирховымъ, была ничтожна. Прогрессивная партія осиротѣла; большинство ея членовъ покинуло старое знамя и образовало новую партію, окрещенную именемъ національ-либеральной, столь долго служившей главнымъ оплотомъ внутренней политики перваго министра короля Вильгельма.

Палата вотировала теперь, огромнымъ большинствомъ, всѣ правительственные проекты, всѣ испрашиваемые кредиты; наконецъ, дабы еще больше скрѣпить свое примиреніе съ правительствомъ, она вотировала полтора милліона талеровъ, которые должны были быть распредѣлены между главными сподвижниками Вильгельма: Бисмаркомъ, Роономъ, Мольтке и нѣкоторыми другими.

Время вражды осталось далеко позади. Бисмарку выражалась признательность палаты за его столь успѣшную внѣшнюю политику; военному министру Роону—за его дѣятельность по организаціи арміи, послужившей главнымъ подводнымъ камнемъ, на который наткнулась конституціонная жизнь Пруссіи.

Такъ окончилась длинная борьба правительства съ народнымъ представительствомъ. Король Вильгельмъ, съ истинно государственною мудростью, не желая пользоваться народнымъ опьяненіемъ отъ военныхъ успѣховъ, первый поспѣшилъ признать, что правительство

дѣйствовало противозаконно, попирая право народныхъ представителей на установленіе бюджета, и выразилъ твердое намѣреніе вернуться на строго конституціонную дорогу; народное же представительство, забывая свою упорную вражду, признало, что оно заблуждалось относительно намѣреній правительства, и выказало полную готовность идти отнынѣ рука объ руку съ правительствомъ. Продолжительная сессія прусскаго ландтага началась 9-го февраля 1867 г. среди громкихъ ликованій и среди свѣтлыхъ надеждъ на довершеніе начатаго дѣла объединенія Германіи.

Если примиреніе съ народнымъ представительствомъ Пруссіи было достигнуто безъ всякихъ усилій со стороны правительства, то примиреніе съ завоеванными провинціями составляло несравненно болѣе трудную задачу; несмотря на глубоко коренившуюся идею національнаго единства, каждое отдѣльное государство крѣпко цѣплялось за свое самостоятельное существованіе. Между всѣми нѣмцами существовала идейная связь, всѣ они охотно готовы были распѣвать:

Drei mal dreizehn Einzelstaaten
Sollen gar ein Deutschland heissen!

Но какъ должна была быть осуществлена въ дѣйствительности идея единства, въ какую форму должна была отлиться единая Германія,— это былъ вопросъ темный, оставшійся неразрѣшеннымъ для огромнаго большинства нѣмецкаго народа. О превращеніи Германіи въ единую нѣмецкую республику мало кто среди нѣмцевъ и мечталъ, и даже, вызванный къ жизни революціоннымъ движеніемъ 1848 года, франкфуртскій парламентъ стремился лишь къ возстановленію нѣмецкой имперіи. Идеалъ его былъ бы достигнутъ, еслибы въ то время Фридрихъ-Вильгельмъ IV не отвергнулъ предложенной ему императорской короны. Возстановленіе же нѣмецкой имперіи, безъ коренной реформы во внутреннемъ государственномъ устройствѣ каждаго отдѣльнаго нѣмецкаго государства, повлекло бы лишь замѣну одного заголовка другимъ—названія Германскаго Союза названіемъ Германской Имперіи, причемъ 38 или 39 нѣмецкихъ государей по-прежнему продолжали бы свою внутреннюю междоусобную если не войну, то интригу, поддерживая въ Германіи существованіе удѣльнаго періода. Найти практическій выходъ для осуществленія идеи нѣмецкаго единства—такова была задача, разрѣшеніе которой выпало на долю императора Вильгельма.

Могла ли быть осуществлена эта идея, въ данную минуту и при существованіи современнаго политическаго строя цѣлой Европы, инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, который усвоилъ себѣ императоръ Вильгельмъ —вопросъ этотъ представляется чисто теоретическимъ, весьма трудно

поддающимся разрѣшенію. Спора нѣтъ, свободолюбивый лозунгъ: „Einheit durch Freiheit!"—куда привлекательнѣе другого лозунга: „Огонь и желѣзо!" но увы! свобода является, до сихъ поръ, все тою же прекрасною, но непреклонною богинею, которая не хочетъ покинуть своихъ заоблачныхъ чертоговъ и водворить свое царство на нашей бѣдной землѣ. Нѣмецкому народу, вѣроятно, долго пришлось бы ожидать осуществленія своей вѣковой мечты, еслибы всѣ свои надежды онъ возлагалъ только на эту гордую богиню. Императоръ Вильгельмъ поклонялся другому богу—богу войны, и этотъ суровый богъ принялъ подъ свою защиту излюбленную идею нѣмецкаго народа.

Созданіе могущественной Пруссіи, взявшей въ свои желѣзныя руки дѣло нѣмецкаго народа, не могло обойтись безъ кровопролитій и насилій надъ тѣми слабыми, второстепенными государствами, самостоятельное существованіе которыхъ было признано Пруссіей несогласнымъ съ „благомъ Германіи". Война 1866 года предала въ руки побѣдителя Ганноверъ, Гессенъ-Кассель, герцогство Нассауское и Франкфуртъ; король Вильгельмъ рѣшилъ присоединить всѣ эти земли къ прусской коронѣ. Побѣжденныя провинціи составляли военную добычу, побѣдныя трофеи, безъ которыхъ Вильгельмъ не желалъ возвратиться въ свою столицу. Историки войны 1866 года даже разсказываютъ, что въ рѣшительную минуту, когда посредничество Франціи дѣлало рискованнымъ столь значительное территоріальное увеличеніе Пруссіи, Вильгельмъ, не колеблясь, заявилъ, что онъ предпочтетъ отказаться отъ престола, нежели лишить Пруссію вознагражденія за понесенныя ею жертвы. Присоединеніе этихъ земель казалось Вильгельму недостаточнымъ; онъ страстно желалъ присоединенія къ своему королевству всей Саксоніи, и нужно было рѣшительное заступничество австрійскаго императора и Франціи, чтобы спасти корону саксонскаго короля, такъ или иначе превратившагося все-таки въ скромнаго вассала прусскаго короля.

Присоединеніе къ Пруссіи завоеванныхъ провинцій вызвало среди значительной части населенія послѣднихъ чувство крайняго раздраженія и озлобленія противъ государства, написавшаго на своемъ знамени: единство Германіи! Множество самыхъ разносторонннихъ интересовъ было затронуто низложеніемъ старыхъ династій и водвореніемъ прусскаго владычества. Міръ придворныхъ, мѣстная бюрократія, теряли свое положеніе и соединенныя съ нимъ выгоды, и естественно относились враждебно къ суровому побѣдителю. Но не одна утрата выгодъ вызывала недоброе чувство къ Пруссіи. Часто и армія была глубоко предана вѣковымъ династіямъ и не хотѣла мириться съ фактомъ насильственнаго присоединенія къ монархіи Вильгельма.

Если раздраженіе однихъ вызывалось оскорбленнымъ чувствомъ монархической преданности своему государю, то у другихъ, болѣе свободныхъ отъ подобнаго чувства, оно питалось крайнимъ нерасположеніемъ къ системѣ управленія, господствовавшей въ Пруссіи. Либеральная часть населенія задавалась вопросомъ: что выиграетъ ихъ маленькая родина отъ присоединенія къ Пруссіи?—и отвѣтъ получался самый унылый! Пруссія въ то время рѣшительно не имѣла никакого престижа, несмотря на лавры, покрывшіе ея оружіе. Правительство короля Вильгельма не привлекало къ себѣ населеніе побѣжденныхъ провинцій, несмотря на добродѣтели, отличавшія ея бюрократію, не взирая на испытанную независимость судебнаго персонала и строгую честность всѣхъ органовъ государственнаго управленія. Нѣмцы, не прошедшіе черезъ школу прусской выправки, не чувствовали никакого расположенія къ той суровой дисциплинѣ, которая господствовала во всѣхъ сферахъ государственной жизни Пруссіи. Населеніе побѣжденныхъ провинцій хорошо знало, что ему придется платить больше налоговъ, что военная служба въ прусской арміи мало похожа на ту службу, къ которой оно привыкло, что требовательность и взыскательность прусскаго правительства вошли въ пословицу, что суровость и жестокость составляютъ отличительныя черты прусскаго государственнаго механизма. Конституціонная жизнь Пруссіи представлялась одинаково мало привлекательною. Упорная борьба правительства съ народнымъ представительствомъ, когда право и законность не оказались на сторонѣ перваго, рѣдкая развязность въ толкованіи конституціонныхъ правъ—возстановили противъ правительства короля Вильгельма даже тѣ общественные элементы, которые не усматривали никакого зла въ сокращеніи числа нѣмецкихъ властителей, особенно такихъ, какъ герцогъ Нассаускій или курфюрстъ Гессенскій, навлекшій на себя своими абсолютическими замашками всеобщее негодованіе и презрѣніе.

Одно, что способно было бы примирить населеніе завоеванныхъ Пруссіей провинцій, съ утратою ихъ самостоятельности, это присоединеніе къ великому нѣмецкому отечеству, но присоединеніе къ Пруссіи, особенно въ то время, далеко не было равносильно присоединенію къ Германіи. Король Вильгельмъ не называется еще императоромъ Германіи, и хотя идея нѣмецкаго единства съ раннихъ лѣтъ была близка его сердцу, но все-же его болѣе близкая родина, его возлюбленная Пруссія, стояла для него на первомъ планѣ всѣхъ его помысловъ. И за такую болѣе горячую, болѣе страстную любовь къ родной ему Пруссіи никто, конечно, не могъ упрекнуть покойнаго императора. Вотъ почему въ присоединеніи къ Пруссіи завоеванныхъ провинцій населеніе видѣло не шагъ впередъ по пути

объединенія, а лишь стремленіе усилить могущество Пруссіи на счетъ другихъ нѣмецкихъ государствъ. Устранить самостоятельную жизнь для того только, чтобы сдѣлаться частью не Германіи, а могущественной Пруссіи, съ ея суровымъ государственнымъ механизмомъ, мало для кого представлялось особенно привлекательнымъ. Въ самостоятельномъ политическомъ существованіи второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, при всемъ ничтожествѣ ихъ съ точки зрѣнія общей европейской политики, при всемъ вредѣ даже нѣмецкой раздробленности для политическаго значенія и роли Германіи, были и нѣкоторыя хорошія стороны. Расцвѣтъ нѣмецкой культуры, науки, литературы, философіи, искусства совпадалъ со временемъ самостоятельнаго существованія отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Ни въ чемъ такъ не соперничали между собою второстепенные нѣмецкіе государи, какъ въ покровительствѣ наукѣ, литературѣ, искусству. Лучшій университетъ, выдающійся ученый, наиболѣе замѣчательный по таланту литераторъ, громкое имя художника, все это составляло гордость и славу второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Знаніе, образованіе и талантъ всегда были въ почетѣ при дворѣ самыхъ мелкихъ нѣмецкихъ государей, бравшихъ примѣръ съ Фридриха II, любившаго окружать себя, въ часы досуга отъ военныхъ заботъ, французскими философами и поэтами, и гордившагося дружбою съ своимъ камергеромъ Вольтеромъ, исправлявшимъ плохія вирши своего августѣйшаго покровителя.

Еще въ XIII вѣкѣ величайшій итальянскій поэтъ говорилъ, что нѣтъ большей печали, чѣмъ вспоминать о счастливыхъ дняхъ среди надвинувшагося несчастья. Счастливые дни выступали на память новыхъ подданныхъ короля Вильгельма, устраняя на отдаленный планъ всѣ недобрыя воспоминанія, и поселяли въ умахъ озлобленіе противъ насильственнаго присоединенія къ Пруссіи.

Король Вильгельмъ нисколько не скрывалъ отъ себя, какъ сильно было неудовольствіе довольно значительной части населенія вновь присоединенныхъ провинцій противъ прусской системы управленія. Путешествуя по завоеваннымъ землямъ, онъ убѣждался, какъ непопулярно было его правительство. Лично противъ него населеніе ничего не имѣло. Вильгельмъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ людей своимъ добродушіемъ, прямотой, искренностью и заботливостью о нуждахъ своихъ подданныхъ; онъ спокойно и съ участіемъ выслушивалъ жалобы на суровую систему прусскаго управленія, примѣняемую чисто по военному. Король даже обращается съ упреками къ сопровождавшимъ его министрамъ, но у Бисмарка былъ одинъ отвѣтъ: „у насъ нѣтъ времени, чтобы заставлять себя любить“ [1]).

[1]) „La France et sa politique extérieure en 1867“, par G. Rothan, 2 vol. 1887.

Король Вильгельмъ старался личнымъ своимъ вниманіемъ парализовать злобное чувство, вызываемое его правительствомъ, и, насколько возможно, примирить населеніе съ совершившимся фактомъ насильственнаго присоединенія. Онъ не выставлялъ на видъ права завоевателя, онъ не говорилъ, что рѣшился присоединить завоеванныя провинціи къ Пруссіи, побуждаемый къ тому желаніемъ расширить границы своего государства; нѣтъ—единственный мотивъ присоединенія заключался въ его стремленіи предохранить Германію отъ новыхъ опасностей; онъ не гордился своею личною ролью: не онъ лишилъ самостоятельности завоеванныя государства, не онъ низложилъ съ престола законныхъ государей,—все это было дѣломъ Провидѣнія, неизбѣжнаго историческаго движенія. Вильгельмъ никогда не оскорблялся болѣе чѣмъ сдержаннымъ пріемомъ, который онъ встрѣчалъ среди своихъ новыхъ подданныхъ, не выражалъ досады или негодованія по поводу проявлявшихся чувствъ сожалѣнія о прошломъ; напротивъ, онъ громко заявлялъ въ своихъ рѣчахъ, что онъ признаетъ эти чувства и естественными, и вполнѣ заслуженными, что чувства эти дѣлаютъ честь населенію, сохраняющему вѣрность бывшимъ государямъ, но онъ однако надѣется, что время изгладитъ сожалѣніе о прошломъ, и что населеніе примирится съ совершившимся фактомъ въ виду блага ихъ общей родины — Германіи.

Король Вильгельмъ прекрасно понималъ, какое важное значеніе имѣетъ умиротвореніе присоединенныхъ провинцій для будущей роли Пруссіи въ дѣлѣ объединенія Германіи. Онъ желалъ, чтобы на его сторонѣ была не только сила, но и народная симпатія. Онъ сознавалъ,—и въ этомъ отношеніи онъ былъ даже проницательнѣе своего перваго министра,—что народныя симпатіи имѣютъ вѣсъ не при одной только политикѣ чувства или сердца.

Имѣть на своей сторонѣ народныя симпатіи, ослабить духъ партикуляризма, доказать, что Пруссія печется не только о своихъ собственныхъ интересахъ, но и о благѣ цѣлой Германіи, было особенно важно въ ту минуту, когда преобразованіе старой Германіи въ новую переходило изъ мечты въ дѣйствительность, когда собирался первый парламентъ вновь образованнаго правительствомъ короля Вильгельма сѣвернаго германскаго союза.

Тотчасъ послѣ окончанія прусско-австрійской войны, правительство Вильгельма заключило со всѣми правительствами, приставшими къ проекту федеральной реформы, предложенному Пруссіи наканунѣ разрыва съ Австріей, наступательный и оборонительный союзъ, устанавливавшій между ними федеральную связь, олицетворяемую парламентомъ, избраннымъ при посредствѣ всеобщей подачи голосовъ. Въ

союзъ этотъ должна была вступить и Саксонія, ставшая во время войны на сторону вѣкового врага Пруссіи. Если Саксонія не была присоединена къ Пруссіи, если королю Іоанну удалось сохранить свою призрачную корону, то во всемъ остальномъ Саксонія была предана въ полную власть побѣдителя. Условія мира, продиктованныя Саксоніи берлинскимъ кабинетомъ, были такъ тяжелы, что король Іоаннъ еще разъ рѣшился попытать счастья и попросить заступничества Франціи и Австріи. Такое обращеніе только раздражило короля Вильгельма, давшаго почувствовать и Франціи, и Австріи, что онъ не намѣренъ болѣе допускать вмѣшательства иностранныхъ государствъ во внутреннія дѣла Германіи, что его отношеніе къ Саксоніи касается лишь одной Пруссіи. Король Іоаннъ долженъ былъ смириться и раздѣлить общую судьбу всѣхъ нѣмецкихъ государей, вольно или невольно сдѣлавшихся членами сѣвернаго германскаго союза, т.-е. удовольствоваться ролью номинальнаго государя, безъ права командованія даже собственною арміею. Весьма слабое вліяніе саксонскаго короля, какъ и другихъ федеральныхъ государей, могло теперь сказываться лишь въ союзномъ совѣтѣ сѣвернаго германскаго союза, въ которомъ дѣйствительная власть принадлежала Пруссіи. Созванные въ Берлинъ представители союзныхъ государствъ около двухъ мѣсяцевъ обсуждали проектъ федеральной конституціи, и 9-го февраля 1867 года они покончили свою работу. Во всѣхъ союзныхъ государствахъ были назначены выборы депутатовъ въ рейхстагъ, который и открытъ былъ въ Берлинѣ королемъ Вильгельмомъ 24-го февраля.

Моментъ открытія перваго нѣмецкаго, хотя и ограниченнаго, рейхстага, если не считать злосчастнаго франкфуртскаго парламента, былъ обставленъ всевозможною торжественностью. Король Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой напомнилъ время, когда политическое значеніе Германіи, благодаря ошибкамъ ея управителей и постоянному вмѣшательству иностранныхъ державъ, было доведено до нуля, несмотря на никогда не ослабѣвавшія стремленія націи къ осуществленію идеи нѣмецкаго единства. Онъ не скрывалъ, что нѣмецкимъ государямъ придется пожертвовать нѣкоторыми своими правами на благо союза, и выразилъ весьма прозрачно надежду, что ихъ общая забота увѣнчается объединеніемъ всей Германіи. Свое обращеніе къ депутатамъ онъ закончилъ напоминаніемъ, что вся Германія, даже за предѣлами сѣвернаго союза, будетъ ожидать принятыхъ ими рѣшеній.

Конституція сѣвернаго германскаго союза не отличалась большою сложностью. Союзному совѣту и рейхстагу принадлежитъ законодательная власть. Союзный совѣтъ состоитъ изъ представителей феде-

ральныхъ государствъ. Въ совѣтѣ 43 голоса, изъ коихъ 17 принадлежатъ Пруссіи. Совѣтъ распадается на комитеты, причемъ выборъ представителей въ комитеты военный и морской принадлежитъ генералиссимусу въ лицѣ прусскаго короля. Прусскій же король является наслѣдственнымъ президентомъ сѣвернаго германскаго союза. Другой органъ союза, это—рейхстагъ, избираемый всеобщею подачею голосовъ, причемъ члены его не получаютъ никакого вознагражденія. Таможни, почты, телеграфы объявляются союзными учрежденіями. Къ арміи и флоту примѣняются прусскіе законы. Король прусскій, въ качествѣ генералиссимуса, распоряжается всѣми военными силами союза, и онъ назначаетъ всѣхъ командующихъ корпусами. Согласно федеральной конституціи, король прусскій на каждаго солдата ежегодно получаетъ 225 талеровъ.

Благодаря такой конституціи, всѣ союзныя государства въ дѣйствительности утрачивали всякую тѣнь самостоятельности. Обсужденіе этого проекта конституціи заняло цѣлыхъ два мѣсяца, вызывая самыя горячія пренія двухъ противоположныхъ лагерей, изъ которыхъ одинъ находилъ, что начало единства недостаточно сильно проведено въ конституціи, что духу сепаратизма предоставлено слишкомъ много простора, а другой горько сѣтовалъ, что конституція зашла слишкомъ далеко, что она превращаетъ государства, вступившія въ сѣверный союзъ, въ безгласныхъ вассаловъ Пруссіи. Первый лагерь состоялъ изъ членовъ недавней еще рѣшительной оппозиціи прусской палаты, а второй широко былъ представленъ депутатами и присоединенныхъ, и побѣжденныхъ государствъ. Къ послѣднимъ приступили и депутаты прусской феодальной партіи. Настроеніе этого второго лагеря выражалось словами: „не всѣ нѣмцы желаютъ превратиться въ пруссаковъ, и не всѣ пруссаки хотятъ сдѣлаться нѣмцами“. Правительство короля Вильгельма должно было играть теперь роль примирителя этихъ двухъ противоположныхъ лагерей. Бисмаркъ, несшій на своихъ плечахъ всю тяжесть защиты выработанной конституціи, попеременно обращался съ успокоеніемъ и увѣщаніемъ то къ одному, то къ другому лагерю. Однимъ онъ говорилъ: „умѣрьте ваши порывы, все придетъ въ свое время, будьте благоразумны и не требуйте невозможнаго; союзныя правительства принесли достаточныя жертвы, бо́льшаго мы не имѣемъ правъ отъ нихъ требовать!“ Другимъ, партикуляристамъ и упорнымъ защитникамъ конституціонныхъ правъ, бросавшимъ упрекъ, что выработанная конституція урѣзала самое существенное право ежегодно опредѣлять государственный бюджетъ, Бисмаркъ указывалъ на тысячи нѣмцевъ, павшихъ на полѣ брани, на страшныя жертвы, принесенныя во имя нѣмецкаго единства, и убѣждалъ ихъ не мѣшать вели-

кому дѣлу споромъ объ „отвлеченныхъ“ правахъ и сожалѣніями объ утратѣ нѣкоторой доли самостоятельности. Съ негодованіемъ—искреннимъ или искусственнымъ, это другой вопросъ—возставалъ онъ противъ подозрѣнія, что правительство желаетъ воспользоваться рейхстагомъ для того, чтобы убить парламентаризмъ, возстановляя одинъ парламентъ противъ другого. „Развѣ можетъ быть правительство, помышляющее о своей прочности, которое ставило бы своей систематической задачей попирать или уничтожать право населенія принимать дѣятельное участіе въ рѣшеніи его собственныхъ дѣлъ; развѣ мыслимо прочное правительство,—восклицалъ ближайшій совѣтникъ Вильгельма,—опирающееся на дикую реакцію и находящееся въ постоянной борьбѣ съ собственнымъ населеніемъ!?“

Самыя жгучія пренія возбудилъ тотъ параграфъ проектированной конституціи, который гласилъ, что отношенія Сѣвернаго Германскаго Союза къ южнымъ нѣмецкимъ государствамъ будутъ опредѣлены особенно—договорами, подлежащими санкціи рейхстага. Нѣкоторая неопредѣленность этого параграфа не удовлетворяла людей, принадлежавшихъ къ прежней оппозиціи прусскаго ландтага, теперь превратившихся подъ именемъ національ-либеральной партіи, въ пламенныхъ союзниковъ правительства. Они находили, что правительство слишкомъ медлитъ, они не довольствовались добытыми результатами; не принимая въ соображеніе дипломатическихъ затрудненій, они требовали, чтобы правительство, не стѣсняясь мирнымъ договоромъ 1866 г., спѣшило слить въ одно цѣлое Сѣверную и Южную Германію. Изъ опасныхъ враговъ они превратились теперь въ не менѣе опасныхъ или, во всякомъ случаѣ, компрометтирующихъ друзей, пылъ которыхъ приходилось постоянно сдерживать Бисмарку. „Сѣверная Германія является только переходною стадіею для единаго государства“ [1]), говорили они тотчасъ по окончаніи войны, и эта стадія, казалось имъ, едва начавшись, должна была тотчасъ же и окончиться. По старой памяти, они продолжали увѣрять, что имъ дороги конституціонныя права, неприкосновенность парламентскихъ прерогативъ, но въ дѣйствительности ихъ старые боги были забыты; они всецѣло предавались радостному сознанію своего внезапно проявившагося могущества, преклоняясь передъ смѣлою и блестящею внѣшнею политикою правительства короля Вильгельма. Правительство,—оправдывались они,—не можетъ въ одно и то же время держаться реакціи во внутренней своей политикѣ—и великой революціонной политики во внѣшнихъ дѣлахъ. Идеальныя политическія цѣли недостижимы, когда онѣ не

[1]) „Zehn Jahre deutscher Kämpfe—1865—1874“, von Heinrich von Treitschke. Berlin, 1874.

опираются на мощь идей. Они не только рукоплескали присоединенію къ Пруссіи завоеванныхъ провинцій, но они были недовольны, что правительство сразу не покончило съ самостоятельнымъ существованіемъ всѣхъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ. Они хотѣли немедленно поглотить всѣ южныя государства, несмотря на сознаніе, что среди населенія южной Германіи глубоко коренятся антипатіи къ насильственному, военному объединенію всей нѣмецкой земли. Роли перемѣнились. Оппозиція, которая такъ недавно еще негодовала, что правительство дѣйствуетъ путемъ насилія въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и топчетъ право населенія располагать своею собственною судьбою, теперь упрекало правительство, что оно не дѣйствуетъ достаточно энергично по отношенію къ тѣмъ нѣмецкимъ государствамъ, которыя дорожили своею самостоятельностью. Тщетно правительство защищало проектированный параграфъ, касавшійся южныхъ государствъ; напрасно Бисмаркъ увѣрялъ, что союзъ съ южными государствами обезпеченъ на случай, если сѣверный германскій союзъ подвергнется опасности нападенія на него внѣшняго врага; онъ сказалъ сдѣлавшіяся историческими слова: „посадимъ Германію на сѣдло, она съумѣетъ поскакать“. Рейхстагъ принялъ болѣе рѣшительную редакцію: „вступленіе южныхъ государствъ или одного изъ нихъ въ союзъ можетъ послѣдовать, по предложенію президента, путемъ законодательнаго федеральнаго акта“. Правительство не оказало рѣшительнаго сопротивленія принятію такого параграфа, хотя, въ сущности, онъ является нарушеніемъ пражскаго трактата, установившаго рѣку Майнъ какъ демаркаціонную линію, раздѣляющую Сѣверную и Южную Германію. Правительство короля Вильгельма всегда умѣло пользоваться выгоднымъ для своихъ конечныхъ цѣлей настроеніемъ народнаго представительства. Тѣсное сплоченіе Южной и Сѣверной Германіи, сліяніе ихъ въ одно цѣлое составляло завѣтную мечту короля Вильгельма, и только дипломатическое вмѣшательство Франціи и неувѣренность со стороны Россіи помѣшали ея осуществленію въ 1866 году. Не рискуя добытыми счастливой войною результатами, Пруссія съумѣла поставить южныя нѣмецкія государства въ такое положеніе, которое въ дѣйствительности вполнѣ парализовало силу пражскаго трактата, раздробившаго Германію на двѣ части. Искусная политика достигла того, чего не могло доставить побѣдоносное оружіе. Заключая отдѣльные мирные трактаты съ южными государствами, пораженными раскрывшимся передъ ихъ глазами могуществомъ Пруссіи, правительству короля Вильгельма не трудно было ихъ убѣдить, что ихъ собственная безопасность требуетъ заключенія съ Пруссіею тайнаго сепаратнаго соглашенія, въ силу котораго Пруссія гарантируетъ имъ неприкосновенность ихъ территорій, если только

они согласятся заключить съ нею наступательный и оборонительный союзъ, предоставляя на случай войны королю прусскому главное начальство надъ всѣми ихъ военными силами. Южнымъ государствамъ рисовалась перспектива новой войны между Австріей, Франціей и Пруссіей; имъ указывалось, что какой бы исходъ ни получила такая война, во всякомъ случаѣ, побѣдитъ ли Пруссія, или Франція, южныя государства сдѣлаются неизбѣжною жертвою, добычею побѣдителя. Заключивъ же наступательный и оборонительный союзъ съ Пруссіей, южныя государства могутъ быть увѣрены, что они всегда найдутъ себѣ сильнаго защитника, который не допуститъ ихъ порабощенія. Южнымъ нѣмецкимъ государствамъ, сознававшимъ свое безсиліе, не оставалось ничего другого, какъ принять великодушное предложеніе побѣдителя, и такимъ образомъ, прежде чѣмъ подписанъ былъ окончательный мирный договоръ между Пруссіей и Австріей, линія Майна фактически не существовала. До поры, до времени заключенный между Пруссіей и южными государствами наступательный и оборонительный союзъ хранился въ глубокой тайнѣ.

Еще болѣе тѣсная связь между сѣвернымъ германскимъ союзомъ и южными государствами установлена была созданіемъ, годъ спустя послѣ окончанія войны, общаго обѣимъ частямъ Германіи таможеннаго парламента. Еще до войны между всѣми нѣмецкими государствами существовалъ таможенный союзъ, возстановленный тотчасъ послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій. Преслѣдуя идею объединенія Германіи, Пруссія рѣшилась дать этому союзу иныя основанія, которыя должны были еще болѣе слить въ одно цѣлое разрозненныя части Германіи. Законодательная власть во всемъ, что̀ касалось экономическаго положенія, должна была принадлежать совѣту изъ представителей всѣхъ нѣмецкихъ государствъ и таможенному парламенту, состоящему изъ всѣхъ депутатовъ рейхстага и депутатовъ, избранныхъ южными государствами. Южныя государства, побуждаемыя къ тому значительною частью всего населенія, относившагося враждебно къ прусской политикѣ, попробовали выказать нѣкоторое сопротивленіе намѣреніямъ Пруссіи и отстоять, по крайней мѣрѣ, свою экономическую автономію, но передъ ними была поставлена такая дилемма: или все, или ничего; или вы вступите въ таможенный союзъ на тѣхъ условіяхъ, которыя вамъ предлагаются, или вовсе не вступите въ него, и мы лишимъ васъ нашей помощи и защиты. Южныя государства еще разъ преклонились передъ волею Пруссіи, и таможенный парламентъ соединилъ въ себѣ народныхъ представителей какъ Сѣверной, такъ и Южной Германіи. Что̀ оставалось отъ самостоятельности южныхъ государствъ, которымъ пражскій договоръ предоставлялъ образовать изъ себя отдѣльный союзъ Южной Германіи?

Союзъ между связанными по рукамъ и ногамъ южными государствами не могъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Онъ никогда и не осуществился.

Не всѣ государства однако относились съ одинаковою враждебностью къ Пруссіи. Герцогство Баденское, связанное кровными узами съ Пруссіей, тяготѣло къ новому солнцу и выражало желаніе вступить въ сѣверный союзъ, но правительство Вильгельма признавало невозможнымъ удовлетворить такому желанію, какъ явно противному пражскому договору, допускавшему „національную связь“ двухъ союзовъ, сѣвернаго и южнаго, но не вступленіе въ первый отдѣльнаго южнаго государства. Политика Вильгельма была смѣлая, но вмѣстѣ и осмотрительная. Пражскій трактатъ служилъ лишь этапомъ для дальнѣйшаго объединенія Германіи, и только слѣпые этого не понимали. Но императоръ Вильгельмъ двигался впередъ осторожно; онъ не желалъ открытымъ нарушеніемъ мирнаго договора вызывать новыхъ серьезныхъ европейскихъ осложненій, по крайней мѣрѣ прежде, чѣмъ искуснымъ дипломатическимъ походомъ, поставившимъ цѣлью изолированіе Франціи, не будетъ окончательно подготовлена почва для рѣшительныхъ дѣйствій.

Этотъ дипломатическій походъ противъ Франціи, получившій полную кровавую развязку въ 1870 году, составляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ блестящемъ царствованіи императора Вильгельма.

IX.

Война 1866 года, неожиданный исходъ ея, повлекшій за собою распаденіе стараго германскаго союза, возвышеніе Пруссіи, округлившей свои границы и увеличившей свое населеніе болѣе чѣмъ на четыре милліона жителей, заставили встрепенуться всю Европу, слишкомъ поздно догадавшуюся, что въ самомъ центрѣ ея образовалась нежданно-негаданно могущественная военная держава, до корня поколебавшая систему политическаго равновѣсія. Ни въ одной странѣ, однако, эта внезапная перемѣна европейской декораціи не вызвала такого лихорадочнаго состоянія, такого сильнаго безпокойства, какъ во Франціи, на бѣду свою еще принимавшей непосредственное участіе въ этой перемѣнѣ, оказывая Пруссіи весьма существенныя и увы! оказавшіяся даровыми—дружескія услуги.

Чувствительность Франціи къ этому сказочному превращенію Пруссіи въ первостепенную военную державу была вполнѣ понятна. Ея престижъ былъ поколебленъ, ея голосъ не могъ уже имѣть рѣшаю-

щаго значенія въ европейскомъ концертѣ, между тѣмъ этотъ престижъ, этотъ голосъ составляли ея единственное вознагражденіе за наполеоновскій режимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не было недостатка и въ людяхъ, которые очень хорошо понимали, что въ то время, когда, по сосѣдству съ Франціей, на самой границѣ возникаетъ грозное государство, сама Франція, обманывая только близорукихъ своимъ мишурнымъ блескомъ, въ дѣйствительности вовсе не обладаетъ достаточной силою, дающею ей право спокойно взирать на быстрое усиленіе могущества своего ближайшаго сосѣда. Люди эти будили дремавшую Францію и громко раздавался съ трибуны законодательнаго корпуса старческій голосъ Тьера, не устававшаго твердить: врагъ наступаетъ, Франціи грозитъ опасность, правительство безумно влечетъ ее къ гибели. Не нужно было обладать исключительною проницательностью, полувѣковою государственною опытностью, чтобы съ увѣренностью не ошибиться выступить съ такимъ пророчествомъ, которому суждено было, къ несчастію Франціи, слишкомъ скоро оправдаться. Будущая война между Пруссіей и Франціей ясно обозначилась уже въ 1866 году. Всѣ сознавали не только возможность, но неминуемость рѣшительнаго между ними столкновенія. Болѣе чѣмъ полстолѣтія Пруссія собиралась съ силами въ ожиданіи минуты, когда она, наконецъ, въ состояніи будетъ отомстить за страшный день униженія, за битву при Іенѣ. Не сознавалъ наступавшей для Франціи опасности одинъ лишь ея правитель, опутанный густою паутиною искусной прусской политики.

Быстрый и необыкновенно счастливый для Пруссіи исходъ войны 1866 г. поразилъ и его своею неожиданностью, но не возбудилъ въ немъ никакихъ опасеній. Услуги, оказанныя Пруссіи доброжелательнымъ нейтралитетомъ Франціи, были, по его убѣжденію, такъ велики, свои обязанности призваннаго посредника онъ исполнилъ съ такою по отношенію къ Пруссіи предупредительностью, что онъ считалъ себя въ правѣ предаваться самымъ радужнымъ надеждамъ. Когда его болѣе проницательные совѣтники указывали ему на необходимость энергической политики, которая одна способна была бы обезпечить требуемыя Франціею территоріальныя вознагражденія, сколько-нибудь уравновѣшивающія достигнутые Пруссіей результаты, Наполеонъ отклонилъ эти совѣты. Онъ не желалъ разстаться съ сладкою иллюзіей, что Франція, не обнажая меча, не жертвуя ни однимъ солдатомъ и ни однимъ франкомъ, получитъ такое территоріальное вознагражденіе, которое успокоитъ всѣ встревоженные умы и удовлетворитъ раздраженное самолюбивое чувство французовъ. Развѣ первый прусскій министръ, развѣ посланникъ короля Вильгельма въ Парижѣ не дали обѣщанія предоставить Франціи достойное ея удовлетвореніе

за предоставленную Пруссіи свободу дѣйствій въ Германіи? И до войны, и въ особенности во время войны, и непосредственно послѣ окончанія войны, между парижскимъ и берлинскимъ кабинетами не прекращался оживленный обмѣнъ самыхъ дружескихъ депешъ, вертѣвшихся около вопроса о территоріальномъ вознагражденіи Франціи. Когда Пруссія готовилась къ австрійской войнѣ, то, желая обезпечить за собою благосклонный нейтралитетъ Франціи и наступательный и оборонительный союзъ съ Италіей, она охотно, въ лицѣ Бисмарка и графа Гольца, признавала законность домогательства Франціи обезпечить за собою территоріальное вознагражденіе. Вопросъ шелъ только о томъ, какого рода будетъ это вознагражденіе, какія земли должны быть присоединены къ Франціи. Послѣдняя не скрывала своего желанія видѣть лѣвый берегъ Рейна присоединеннымъ къ французскимъ границамъ Пруссіи. Государственные люди доказывали, въ свою очередь, что отчужденіе нѣмецкихъ земель было бы нарушеніемъ принципа національности, такъ рѣшительно провозглашеннаго самимъ Наполеономъ. Франція поступитъ лучше, говорили они, если она предпочтетъ присоединить къ себѣ Бельгію, Люксембургъ или французскую Швейцарію, словомъ, земли, связанныя съ нею общимъ языкомъ. Во время перемирія, при заключеніи предварительныхъ мирныхъ условій въ Никольсбургѣ, переговоры продолжались все въ томъ же родѣ, т. е. Пруссія признавала въ принципѣ право Франціи на вознагражденіе, уклоняясь систематически отъ рѣшенія вопроса, какія именно земли должна она будетъ получить. Не заручившись никакимъ положительнымъ обязательствомъ Пруссіи, а лишь полагаясь на увѣреніе графа Гольца, что Пруссія придетъ къ соглашенію относительно территоріальнаго вознагражденія Франціи, Наполеонъ порѣшилъ изъявить свое согласіе на присоединеніе къ Пруссіи четырехъ провинцій и даже отвергъ предложеніе нашего кабинета подвергнуть вопросъ о территоріальномъ увеличеніи Пруссіи обсужденію европейской конференціи. Когда такимъ образомъ Пруссія почувствовала себя болѣе свободною, она тотчасъ перемѣнила свой тонъ. Если до начала войны, Пруссія старалась отклонить Францію отъ мысли о лѣвомъ берегѣ Рейна, то послѣ ея блестящихъ побѣдъ возбуждать вопросъ о подобной добровольной уступкѣ было, разумѣется, предѣломъ дипломатической наивности. Тѣмъ не менѣе, французскій посланникъ въ Берлинѣ Бенедетти получилъ отъ своего правительства, для сообщенія берлинскому кабинету, проектъ вознагражденія Франціи всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна, не исключая и Майнца. Бисмаркъ отказался сначала даже сообщить подобное предложеніе королю Вильгельму, который, узнавъ, наконецъ, въ чемъ состоялъ французскій проектъ, отклонилъ его съ негодованіемъ. Бисмаркъ посовѣтовалъ еще разъ,

не отвергая въ принципѣ права Франціи,—поискать себѣ вознагражденія внѣ предѣловъ Германіи.

Предложеніе Франціи объ уступкѣ ей лѣваго берега не осталось тайной. Правительство короля Вильгельма порѣшило имъ воспользоваться для нанесенія моральнаго удара французскому правительству и для обнаруженія честолюбивыхъ замысловъ Наполеона. Вильгельмъ отправилъ въ Петербургъ генерала Мантейфеля съ порученіемъ сообщить нашему кабинету о сдѣланномъ Франціей предложеніи, въ надеждѣ, что такое сообщеніе заставитъ Россію отказаться отъ мысли ея о конгрессѣ и расположитъ относиться съ большею благосклонностью къ перемѣнамъ, происшедшимъ въ Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предложеніе Франціи проникло въ печать и вызвало въ Германіи бурю негодованія, не мало содѣйствовавшую рѣшимости южныхъ нѣмецкихъ государствъ заключить съ Пруссіей тайный наступательный и оборонительный союзъ.

Убѣдившись, что его надежда на присоединеніе лѣваго берега Рейна является несбыточною мечтою, Наполеонъ все-таки не допускалъ мысли, что Пруссія какимъ-либо инымъ путемъ не вознаградитъ Францію за оказанныя ею услуги. Въ Берлинъ полетѣли новыя предложенія. Франція удовлетворится присоединеніемъ крѣпости Ландау, Саарбрюкена съ Люксембургомъ, даже однимъ Люксембургомъ, но съ выраженнымъ впередъ согласіемъ Пруссіи на присоединеніе въ подходящій моментъ Бельгіи. При переговорахъ о новомъ предложеніи Франціи между Бисмаркомъ и Бенедетти, послѣдній, подъ диктовку перваго, набрасывалъ проектъ соглашенія, оставшійся въ рукахъ Бисмарка. До сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ, кому принадлежала мысль о присоединеніи Бельгіи. Французы говорятъ: Бисмарку! нѣмцы: Наполеону! Такъ или иначе, но сохранившійся въ рукахъ Бисмарка черновой проектъ, набросанный рукою Бенедетти, въ свое время оказалъ услугу Пруссіи, имѣвшей возможность въ 1870 году, обнародованіемъ этого документа, вызвать враждебное настроеніе Европы къ честолюбивымъ замысламъ Франціи.

Начатые переговоры о присоединеніи Люксембурга были снова прерваны, но Наполеонъ не желалъ покинуть мысли о вознагражденіи Франціи. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ французскій министръ въ Берлинѣ снова обратился къ Бисмарку для окончательнаго сношенія о присоединеніи этого небольшого клочка земли къ Франціи. Волей-неволей Наполеону пришлось очень ограничить свои требованія. Бисмаркъ, дававшій такъ много обѣщаній, хотя и всегда неопредѣленныхъ, выражалъ полное согласіе окончить этотъ спорный вопросъ, но онъ укрѣпилъ сопротивленіе въ военной партіи и въ самомъ королѣ Вильгельмѣ, не желавшемъ вступать теперь ни въ какія со-

глашенія съ Франціей. Бисмаркъ долженъ былъ ограничиться совѣтомъ Франціи обдѣлать дѣло объ уступкѣ Люксембурга непосредственно съ правительствомъ Голландіи, оставляя въ сторонѣ Пруссію, и, такимъ образомъ, онъ освобождалъ себя отъ всякаго обязательства по отношенію къ Франціи, не съумѣвшей воспользоваться благопріятнымъ моментомъ войны, чтобы вынудить у Пруссіи фактическое себѣ вознагражденіе, а не ничего не стоющія въ политикѣ обѣщанія.

Мало того, что Пруссія отклоняла теперь отъ себя всякое участіе въ предоставленіи Франціи территоріальнаго вознагражденія, она явилась рѣшительною противницею присоединенія къ Франціи Люксембурга, и не много было нужно, чтобы изъ-за этого вопроса разгорѣлась между двумя враждебными націями война, отсроченная лишь на три года усиліями европейской дипломатіи. Какой же поводъ выставила Пруссія, чтобы наложить свое veto на присоединеніе Люксембурга? Нельзя не сказать, что поводъ этотъ былъ самый призрачный. До войны 1866 г. Люксембургъ входилъ въ составъ германскаго союза, распаденіе котораго возвратило ему полную свободу. Населеніе Люксембурга не имѣло никакого стремленія примкнуть къ сѣверному германскому союзу, и сама Пруссія не настаивала на его вступленіи. Такимъ образомъ, люксембургская крѣпость не могла болѣе считаться федеральною, и Пруссія не имѣла болѣе никакого основанія содержать въ ней свой гарнизонъ. Всякая связь, и прежде искусственная, между Люксембургомъ и Германіею была порвана. При такомъ положеніи дѣла, Франція, слѣдуя совѣту самого Бисмарка, вступила въ непосредственныя отношенія съ правительствомъ Голландіи, соглашавшимся уступить ей Люксембургъ за денежное вознагражденіе, но лишь при одномъ условіи—согласія на то Пруссіи. На обращенный къ нему запросъ нидерландскаго короля, Вильгельмъ далъ уклончивый отвѣтъ, предоставляя ему дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, но замѣчалъ при этомъ, что Пруссія не можетъ высказаться по этому вопросу прежде, чѣмъ не выскажутся всѣ державы, подписавшія лондонскій договоръ 1839 г., опредѣлявшій положеніе Люксембурга.

Настойчивость Франціи сломила нерѣшительность нидерландскаго короля, и онъ готовъ былъ подписать желанный Наполеономъ договоръ, когда въ нѣмецкомъ рейхстагѣ одинъ изъ депутатовъ, глава національ-либеральной партіи, Бенигсенъ, обратился съ горячимъ запросомъ къ правительству по поводу распространившихся слуховъ о присоединеніи Люксембурга къ Франціи. Бисмаркъ поспѣшилъ заявить, что правительству ничего оффиціально не извѣстно о переговорахъ между Парижемъ и Гагой, но правительство твердо рѣшилось не допускать ничего, что̀ сколько-нибудь могло бы затронуть

неприкосновенныя права нѣмецкой націи. Пренія въ рейхстагѣ дали достаточный поводъ правительству короля Вильгельма заявить въ Гагѣ, что, въ виду возбужденнаго сознанія общественнаго мнѣнія, Пруссія не можетъ одобрить проекта присоединенія къ Франціи Люксембурга, и что заключеніе такого договора будетъ равносильно объявленію войны.

Зная отношенія въ то время національ-либеральной партіи къ правительству вообще и Бенигсена къ Бисмарку въ частности, невозможно допустить предположенія, чтобы запросъ въ рейхстагѣ былъ сдѣланъ помимо воли, помимо соглашенія съ руководителемъ прусской политики. Никогда мороченіе противника не доходило до такой смѣлости, до такого искусства. Ударъ былъ нанесенъ изъ-за угла, и французское правительство почувствовало всю силу нанесеннаго ей дипломатическаго пораженія. Еслибы для политики былъ обязателенъ какой-либо моральный кодексъ, то, можетъ быть, поведеніе Пруссіи во всемъ этомъ дѣлѣ заслуживало бы порицанія; но такъ какъ европейская политика не знаетъ другого руководящаго начала, какъ успѣхъ, то съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что правительство короля Вильгельма обнаружило и тутъ удивительное мастерство.

Франція выпуталась изъ созданнаго ей затруднительнаго положенія болѣе искусно, чѣмъ можно было предполагать, зная всю ея предшествовавшую политику. Она порѣшила усвоить себѣ точку зрѣнія берлинскаго кабинета. Пруссія протестовала противъ присоединенія Люксембурга во имя лондонскаго договора 1839 года; во имя того же договора Франція заявила требованія, чтобы прусскій гарнизонъ очистилъ люксембургскую крѣпость.

Требованіе Франціи вызвало негодованіе, какъ какая-то неслыханная дерзость. Долго сдерживаемое и приниженное самолюбіе нѣмецкой націи послѣ Кенигсгреца не знало уже болѣе никакихъ предѣловъ. Общественное мнѣніе, настроенное воинственно и не сомнѣвавшееся болѣе въ непобѣдимой силѣ нѣмецкаго оружія, требовало наказанія Франціи. Военная партія признавала данную минуту вполнѣ благопріятною для нападенія на враждебную державу, подъ предлогомъ самозащиты. Самъ король Вильгельмъ противился выводу прусскаго гарнизона изъ люксембургской крѣпости. При такомъ настроеніи война представлялась неизбѣжною, и Пруссія, обвиняя Францію въ желаніи произвести на нее нападеніе, готовилась уже вторгнуться въ ея предѣлы.

Пруссія, однако, въ то время не настолько была еще увѣрена въ своей силѣ, чтобы не прислушиваться къ голосу Европы. Ей не удалось убѣдить европейскія государства, что Франція является зачинщицей кровавой борьбы; къ ея обвиненіямъ относились съ недовѣ-

ріемъ, и всегда осторожное прусское правительство поняло, что не всѣ европейскія государства склонны отнестись безучастно къ ея нападенію на Францію. Этого было достаточно, чтобы Пруссія сдѣлалась болѣе сговорчивою. Англія стала на сторону Франціи. Австрія осталась глуха къ начатымъ Пруссіею переговорамъ о дружескомъ союзѣ. Ея новый министръ иностранныхъ дѣлъ, побѣжденный союзникъ Бисмарка, графъ Бейстъ, сдѣлалъ напротивъ, предложеніе, которое должно было, въ концѣ концовъ, примирить обѣ враждебныя стороны. Онъ предложилъ объявить Люксембургъ нейтральнымъ государствомъ, что̀ само собою влекло за собою очищеніе прусскимъ гарнизономъ люксембургской крѣпости. Одна Россія не высказывалась рѣшительно въ началѣ кризиса и даже вызывала жалобы французскаго посланника въ Берлинѣ на нашего представителя при берлинскомъ дворѣ, но, въ концѣ концовъ, покойный государь призналъ притязанія Пруссіи на содержаніе гарнизона въ Люксембургѣ неосновательными, и въ этомъ смыслѣ написалъ собственноручное письмо королю Вильгельму [1]). Дружное дипломатическое вмѣшательство главныхъ европейскихъ государствъ поколебало рѣшимость короля Вильгельма. Руководимый своимъ здравымъ смысломъ, онъ понялъ, что начатая при такихъ условіяхъ война можетъ не привести къ добру. Прусскому правительству ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ подчиниться рѣшенію собравшейся въ Лондонѣ конференціи, которая въ четыре засѣданія окончила свою работу. Герцогство люксембургское признано было нейтральнымъ за коллективною гарантіею европейскихъ державъ, король прусскій обязывался вывести свой гарнизонъ изъ предѣловъ герцогства, а самыя укрѣпленія обречены были на уничтоженіе. Самолюбіе Пруссіи было уязвлено, такъ какъ недавно еще въ рейхстагѣ громко было заявлено, что прусское правительство не выведетъ своихъ войскъ изъ люксембургскихъ укрѣпленій. Это была первая, но вмѣстѣ и послѣдняя серьезная дипломатическая неудача во все царствованіе императора Вильгельма.

Такъ окончился люксембургскій вопросъ, обнаруживший передъ Европой глухую, непримиримую вражду между двумя сосѣдними государствами. Всѣ хорошо понимали, что кровавый поединокъ между Франціей и Германіей не устраненъ, а только отдаленъ на нѣкоторое время, что достаточно одной новой искры, чтобы накопившійся горючій матеріалъ вспыхнулъ съ страшною силою и освѣтилъ кровавымъ заревомъ всю западную Европу. Лучше и яснѣе другихъ сознавало это правительство Вильгельма и, пользуясь не заключеннымъ миромъ, а лишь короткимъ перемиріемъ, неустанно продол-

[1]) „La France et sa politique extérieur“ en 1867, par G. Rothan.

жало свою работу, напрягая всѣ свои силы, чтобы въ минуту роковой борьбы ничто не помѣшало торжеству нѣмецкаго народа. Франція же, какъ всегда увлекающаяся и легкомысленная, казалось, уже забыла о грозившей опасности и всецѣло предалась не мужественной и суровой работѣ надъ своею національной безопасностью, а пріятнымъ и легкимъ заботамъ объ успѣхѣ великолѣпныхъ празднествъ парижской выставки. Она готовила торжественныя встрѣчи цѣлому сонму коронованныхъ особъ, она принаряжалась, чтобы достойно встрѣтить своего сурового врага—короля Вильгельма.

X.

Появленіе короля Вильгельма въ Парижѣ, вслѣдъ за мирнымъ исходомъ люксембургскаго вопроса, уязвившимъ самолюбіе нѣмецкаго народа, пресполнило Наполеона самыхъ несбыточныхъ надеждъ. Онъ снова предался самымъ сладкимъ иллюзіямъ; ему казалось, что роскошныя празднества въ Тюльери, въ честь короля, заставятъ свернуть послѣдняго съ предначертаннаго пути; онъ былъ увѣренъ, что пребываніе его въ Парижѣ послужитъ отнынѣ залогомъ дружескихъ отношеній между Франціей и Германіей. Парижъ ликовалъ, предаваясь шумнымъ увеселеніямъ; всегда увлекающееся парижское населеніе уже забыло, что война, грозная, истребительная, едва только-что не вспыхнула между двумя націями, что самый ходъ переговоровъ по поводу люксембургскаго вопроса обнаружилъ во всей наготѣ, какая непримиримая ненависть къ Франціи таилась въ груди нѣмцевъ, что достаточно самаго ничтожнаго предлога, чтобы снова грозная туча повисла надъ этою прекрасною, но увы! живущею минутой страною. Все было забыто, и король Вильгельмъ всюду встрѣчалъ самый радушный и восторженный пріемъ. Личное впечатлѣніе, произведенное королемъ, еще болѣе содѣйствовало упроченію пагубныхъ для Франціи иллюзій, поддерживавшихъ вѣру въ незыблемость отнынѣ дружескихъ отношеній къ Германіи. Король Вильгельмъ очаровывалъ всѣхъ, кто только къ нему приближался, своею простотою, любезностью, добродушіемъ. Всѣмъ казалось, что исходъ люксембургскаго вопроса не оставилъ въ немъ по себѣ ни малѣйшей горечи. Кто могъ не относиться съ довѣріемъ къ его словамъ, когда онъ говорилъ, что онъ стремится лишь къ поддержанію мира, что въ Германіи онъ не преслѣдуетъ другой цѣли, какъ только „нравственныя завоеванія и естественное развитіе вліянія Пруссіи“?! Королю Вильгельму не нужно было надѣвать маски, дѣлать надъ собою усилія, чтобы произвести всюду, гдѣ онъ только появлялся, самое свѣтлое впечатлѣніе.

Къ нему никакъ не могло быть примѣнено изреченіе одного австрійскаго дипломата, который говорилъ: „пруссаки такъ нелюбимы, потому что они чужды любезности“. Если такой приговоръ надъ пруссаками вообще не лишенъ основанія, то король Вильгельмъ составлялъ среди своихъ соотечественниковъ блистательное исключеніе. Онъ былъ болѣе чѣмъ любезенъ, онъ обворожалъ своимъ обращеніемъ. Всегда ровный, обходительный, съ мягкою, добродушною улыбкою на лицѣ, онъ никогда не желалъ импонировать, приводить въ смущеніе, тѣмъ менѣе въ трепетъ. Онъ хотѣлъ, чтобы его любили, но не боялись. Простое, но прекрасное воспитаніе, начала котораго были положены его матерью, королевою Луизою, чувствовалось въ его разговорахъ, въ его манерѣ держать себя, манерѣ, чуждой всякой напыщенности, въ его обращеніи съ простыми смертными. Онъ умѣлъ и располагать къ себѣ, и внушать безусловное довѣріе къ тому, что онъ говорилъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это былъ человѣкъ сдержанный, и, по словамъ одного французскаго дипломата, обладавшій драгоцѣннымъ даромъ—избѣгать разговоровъ, которые впослѣдствіи могли бы связать свободу дѣйствій его правительства. Эта послѣдняя черта характера короля Вильгельма дѣлала совершенно несбыточною надежду императора Наполеона, что ему удастся, путемъ личныхъ искреннихъ объясненій, устранить всѣ спорные вопросы между Франціей и Германіей и установить затѣмъ прочныя дружескія отношенія между двумя государствами. Онъ не допускалъ, чтобы прибытіе короля Вильгельма въ Парижъ, его пребываніе въ Тюльери—было актомъ простой вѣжливости, которая въ будущемъ не будетъ имѣть никакого вліянія на устойчивую политику Пруссіи. Эта иллюзія поддерживалась въ немъ оффиціальною нѣмецкою печатью, получившей въ эту минуту mot d'ordre усыплять возбужденное во время люксембургскаго вопроса чувство недовѣрія къ Германіи и опасенія за будущее. „Совмѣстное пребываніе въ Парижѣ,—говорилъ органъ князя Бисмарка,—двухъ монарховъ Пруссіи и Россіи, интимныя дружественныя бесѣды ихъ съ императоромъ французовъ, совѣщанія ихъ министровъ о политическомъ положеніи Европы представляютъ серьезныя гарантіи для прочности мира“. Какъ было не вѣрить въ искренность подобныхъ заявленій, когда такъ хотѣлось имъ вѣрить! Слѣдовавшіе одинъ за другимъ роскошные празднества, балы, банкеты, спектакли—создавали атмосферу, исключавшую всякія тревожныя мысли. Императоръ Наполеонъ считалъ нарушеніемъ правилъ гостепріимства возбуждать какіе-либо жгучіе вопросы, а король Вильгельмъ не имѣлъ основанія идти имъ на встрѣчу.

Нужна была, конечно, большая наивность, чтобы думать, что пребываніе Вильгельма въ Тюльери сколько-нибудь повліяло на направ-

леніе прусской политики, но ослѣпленіе было такъ велико, что французское правительство оставалось глухо къ предостереженіямъ болѣе дальновидныхъ французскихъ дипломатическихъ агентовъ. „Мы не имѣемъ права,—говорили они въ своихъ депешахъ,—предаваться болѣе иллюзіямъ. Пруссія пробудила въ насъ недовѣріе, обязывающее насъ не останавливаться на предпринятыхъ вооруженіяхъ. Позволительно надѣяться, что Пруссія никогда больше не встрѣтитъ Францію безъ союзниковъ, исключительно поглощенную мирными занятіями... Королевскія посѣщенія и увѣренія графа Бисмарка не должны заставить насъ забывать ту постоянную опасность, которая намъ угрожаетъ съ тѣхъ поръ, что король Вильгельмъ можетъ, въ каждую минуту, въ силу своихъ военныхъ преобразованій, съ готовыми всегда огромными запасами и многочисленными средствами передвиженія, бросить на нашу границу, въ девятидневный промежутокъ времени, съ часами въ рукахъ, 250 тысячъ войска, не выжидая даже всѣхъ послѣдствій мобилизаціи, способной прибавить къ этому авангарду еще 600 тысячъ воиновъ“. Ослѣпленіе было такъ велико, что французское правительство не разумѣло даже замѣчаній Бисмарка, не стѣснявшагося даже въ разговорахъ съ иностранными дипломатами въ Парижѣ говорить съ полнымъ пренебреженіемъ о французскихъ нравахъ, политикѣ и арміи. Можно вполнѣ повѣрить историку, передающему, что во время пребыванія своего въ Парижѣ Бисмаркъ, сопровождавшій короля Вильгельма, предсказывалъ близкій погромъ Франціи. Въ Парижѣ, въ самомъ Тюльери, можно было говорить не стѣсняясь; звуки вальса заглушали политическіе разговоры.

Послѣ нѣсколькихъ шумныхъ дней, проведенныхъ въ Парижѣ, король Вильгельмъ возвратился въ Потсдамъ, откуда телеграфировалъ Наполеону и императрицѣ Евгеніи, что онъ „никогда не забудетъ болѣе чѣмъ любезнаго и дружескаго пріема, оказаннаго ему въ Парижѣ во время его пребыванія, которое никогда не изгладится изъ его памяти“. Вслѣдъ за королемъ Вильгельмомъ пріѣхала въ Парижъ и королева Августа, всегда симпатично относившаяся къ Франціи. Авторъ извѣстнаго сочиненія, недавно только появившагося въ свѣтъ: „La France et sa politique extérieure en 1867“,—котораго никто, конечно, не заподозритъ въ пристрастіи къ Германіи, дѣлаетъ такую характеристику королевы Августы: „Королева Августа, — говоритъ онъ,—жила вблизи величайшаго литературнаго генія своего вѣка, и она никогда не забывала того, что она видѣла, читала и слышала. Гёте посвятилъ ее въ поэзію, въ философію; онъ внушилъ ей, что грубая сила не можетъ подавлять нравственной силы. Чуждая предразсудковъ, ея жизнь, отданная умственнымъ интересамъ и служенію милосердію, доказала, что она достойна была своего великаго учи-

теля. Она всегда оставалась вѣрна своимъ привязанностямъ, но не измѣнила своимъ идеямъ. Самолюбивыя стремленія политики, порождаемыя ею соперничества и ненависть, никогда не имѣли власти надъ ея душою; симпатіи, привлекавшія ее, съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, къ Франціи, столь славной тогда блескомъ своей литературы, краснорѣчія, науки и искусства, не исчезли и тогда, когда судьба измѣнила Франціи. Изящество Парижа нравилось королевѣ, она удивлялась необычайному блеску двора, нисколько, однако, ему не завидуя; она не захотѣла бы промѣнять своей спокойной, ровной жизни въ скромномъ дворцѣ Кобленца на всю пышность и суету Тюльери"... „У нея были свои политическіе взгляды, свои политическія убѣжденія; она высказывала въ Парижѣ, что еслибы Наполеонъ измѣнилъ свою внутреннюю политику и искренно обратился къ представительному правленію, которое она считала всегда наиболѣе выгоднымъ и для правительства, и для народовъ, то онъ могъ бы войною, обрисовывавшейся на горизонтѣ, избѣгнуть затрудненій, грозившихъ какъ гроза разразиться надъ Франціей. Она горячо сочувствовала нѣмецкому единству, но она знала, что Пруссія среди всеобщаго мира могла довершить великое начатое ею дѣло. „Я на сторонѣ мира,— говорила она,—мѣдный богъ войны никогда не имѣлъ для меня прелести, даже увѣнчанный лаврами"."

Но богъ войны не любитъ покоя, и онъ позаботился, чтобы пребываніе въ Парижѣ сильныхъ міра не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ и нимало не повліяло на замиреніе между двумя враждебными государствами. Всѣ надежды, возлагавшіяся Наполеономъ на свиданіе съ императоромъ Александромъ II и королемъ Вильгельмомъ, оказались миражемъ. Пруссія болѣе чѣмъ когда-либо продолжала готовиться къ войнѣ, и военная партія, недовольная мирнымъ исходомъ люксембургскаго вопроса, усугубляла свои усилія, чтобы въ данную минуту, когда явится какой-либо новый предлогъ для войны съ Франціей,—а всѣ были увѣрены, что онъ явится неминуемо,— Пруссія была вооружена съ головы до пятъ, и могла безъ промаха нанести смертельный ударъ заклятому врагу въ отплату за старыя, но незабытыя униженія.

Франція не заручилась и дружественнымъ отношеніемъ къ себѣ Россіи. Пребываніе въ Парижѣ не могло оставить по себѣ въ императорѣ Александрѣ добраго воспоминанія. Все радушіе Наполеона, вся самая изысканная предупредительность оффиціальныхъ сферъ не могли, безъ сомнѣнія, изгладить тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на умъ и чувство императора выстрѣломъ въ Булонскомъ лѣсу Березовскаго и негостепріимнымъ возгласомъ въ Palais de Justice: vive la Pologne, monsieur! въ которомъ позже раскаялся

нынѣшній министръ-президентъ Флоке. Выстрѣлъ Березовскаго и возгласъ въ Palais de Justice не остались безъ вліянія на рѣшеніе нашего правительства не подавать Франціи руку помощи въ ту близкую уже минуту, когда она исходила кровью. Этотъ выстрѣлъ и этотъ возгласъ легли новою тяжестью на ту чашу вѣсовъ, на которую брошены были и крымская война, и платоническое заступничество за Польшу. Князь Горчаковъ, сопровождавшій императора, имѣлъ, правда, продолжительныя совѣщанія съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, но совѣщанія эти не привели ни къ какимъ положительнымъ для Франціи результатамъ. Князь Горчаковъ, въ разговорахъ съ французскимъ министромъ, охотно бралъ на себя ручательство за миролюбивыя чувства берлинскаго кабинета; онъ увѣрялъ, что одна Франція держитъ въ своихъ рукахъ войну и миръ, что отъ нея одной зависитъ ходъ будущихъ событій. Когда же собесѣдникъ указывалъ ему, что Франція не можетъ оставаться равнодушною къ стремленіямъ прусскаго правительства, нарушающимъ самымъ кореннымъ образомъ постановленія пражскаго трактата, и къ его рѣшимости расширить сферу своего непосредственнаго вліянія далеко за предѣлы сѣвернаго германскаго союза, — „Вы безпокоитесь совершенно напрасно,—отвѣчалъ князь Горчаковъ:—Пруссія не думаетъ ни о какомъ территоріальномъ расширеніи, она вовсе не думаетъ требовать занятія своими гарнизонами прежнихъ федеральныхъ крѣпостей. Бисмаркъ, я вамъ ручаюсь за то, искренекъ, когда онъ увѣряетъ въ своей вѣрности пражскому договору. Онъ желаетъ избѣгать всего, что могло бы васъ сколько-нибудь задѣть. Его положеніе очень затруднительно. Не компрометтируя своего вліянія въ Германіи, онъ не можетъ публично высказаться противъ единства, но я утверждаю, что онъ далекъ отъ того, чтобы его желать, оно создало бы ему больше хлопотъ, чѣмъ доставило бы выгодъ... Бисмаркъ вамъ дастъ полное удовлетвореніе по датскому вопросу, и я вамъ повторяю, что онъ былъ искренекъ, когда онъ вамъ сказалъ, что онъ не сойдетъ съ почвы пражскаго договора“ [1]).

Но былъ ли искренекъ самъ князь Горчаковъ, расточая такія увѣренія французскому министру иностранныхъ дѣлъ? Если—да, то тѣмъ хуже для него, такъ какъ въ такомъ случаѣ его увѣренія доказывали бы только, какъ мало онъ былъ проницателенъ и какъ мало онъ понималъ политику перваго министра короля Вильгельма.

Событія, послѣдовавшія вслѣдъ за посѣщеніемъ Парижа королемъ Вильгельмомъ, поспѣшили дать полное опроверженіе увѣреніямъ князя Горчакова. Быть можетъ, не полагаясь на слова князя Горчакова, фран-

[1]) G. Rothan, „La France et sa politique extérieure“.

цузское правительство все-таки рѣшилось настаивать на выполненіи пражскаго трактата. Преслѣдуя принципъ національности, Франція, при обсужденіи предварительныхъ мирныхъ условій, выговорила возвращеніе Пруссіей Даніи тѣхъ округовъ Шлезвига, населеніе которыхъ было исключительно датскимъ. Пруссія согласилась на такое возвращеніе, что̀ и составило 9-ый пунктъ мирнаго договора. Правда, Франція не приложила своей подписи къ мирному трактату, но ея участіе, въ качествѣ посредницы, давало ей право настаивать на исполненіи своихъ обязательствъ съ обѣими сторонами. Послѣ исхода люксембургскаго вопроса, всякое вмѣшательство Франціи въ вопросы, касавшіеся Германіи, вызывало громкое негодованіе. Пруссія, вынужденная въ критическую минуту согласиться на посредничество Франціи, сознавала себя теперь настолько сильною, чтобы самой быть судьею своихъ собственныхъ рѣшеній. Давно уже было сказано, что всякіе трактаты до тѣхъ только поръ сохраняютъ свою силу, пока у государства, подписавшаго его и къ чему-либо обязавшагося, существуетъ желаніе его исполнять или нѣтъ силы нарушить его. У Пруссіи не было желанія исполнять пражскій договоръ и была сила нарушить его, что̀ она и порѣшила сдѣлать. Уступать какой-либо округъ Шлезвига, уступать такія мѣста, какъ Дюпель, вовсе не входило теперь въ намѣренія правительства короля Вильгельма, и потому естественно, что напоминаніе о пятомъ пунктѣ пражскаго договора вызвало крайнее раздраженіе какъ среди военной партіи, такъ и въ многочисленныхъ органахъ печати, вдохновляемыхъ правительствомъ.

Французское министерство иностранныхъ дѣлъ было далеко отъ намѣренія ставить вопросъ о выполненіи пражскаго договора ребромъ. Основываясь на увѣреніяхъ и самого Бисмарка, и еще болѣе князя Горчакова, оно въ весьма сдержанной формѣ и притомъ конфиденціально напомнило правительству короля Вильгельма его обязательство. Этого было довольно. На другой же день интимный разговоръ двухъ дипломатическихъ агентовъ принялъ размѣры чуть не брошеннаго Франціей вызова. Печать громко заговорила о чужеземномъ вмѣшательствѣ въ нѣмецкія дѣла, о необходимости обуздать разъ навсегда Францію, желающую диктовать законы, и т. д., и т. д. Положеніе Франціи становилось затруднительно; усыпленныя парижскими празднествами и съѣздомъ чуть не всѣхъ европейскихъ коронованныхъ особъ, опасенія стали опять пробуждаться. Французское правительство, припоминая слова князя Горчакова, обратилось къ нему съ просьбою оказать давленіе на берлинскій кабинетъ и побудить его къ выполненію принятыхъ на себя обязательствъ.

Князь Горчаковъ, вѣрный своему слову, не замедлилъ явиться на помощь Франціи съ длиннымъ и прекрасно написаннымъ пись-

момъ, обращеннымъ къ Бисмарку, котораго въ то время онъ превозносилъ, признавая въ немъ министра, достойнаго Фридриха II, гордясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, его дружбою и уваженіемъ. Воздавая должное справедливости и великодушію чувствъ короля Вильгельма и преклоняясь передъ возвышенностью идей Бисмарка, никогда не смѣшивающаго мелкіе интересы съ крупными, князь Горчаковъ указывалъ, что, среди этихъ крупныхъ интересовъ, нѣтъ ни одного, который, въ глазахъ его государя, имѣлъ бы бо́льшую цѣну, какъ сохраненіе мира. „И нѣтъ сомнѣнія,—писалъ онъ,—такой взглядъ его величества представляется вполнѣ безкорыстнымъ, такъ какъ Россіи нечего опасаться столкновенія между вами и Франціей; напротивъ, многіе думаютъ, что она могла бы извлечь изъ него выгоды... Вамъ извѣстны—кончалъ онъ свое письмо—наши симпатіи къ Даніи; но мы желаемъ оставаться совершенно въ сторонѣ отъ всякаго участія, которое имѣло бы характеръ вмѣшательства въ вопросъ, подлежащій дружественному разрѣшенію заинтересованныхъ сторонъ. Лучше чѣмъ кто-либо вы найдете разрѣшеніе его, способное всѣхъ удовлетворить". Читая это письмо, какъ далеко уже кажется то время, когда голосъ Россіи игралъ рѣшающую роль въ нѣмецкихъ дѣлахъ, когда императоръ Николай диктовалъ свою волю, и Пруссія, исполняя его приказанія, смиренно шла на ольмюцкій позоръ. Старая Германія видимо не существовала: король Вильгельмъ успѣлъ уже создать новую.

Письмо князя Горчакова не имѣло никакого вліянія. Берлинскій кабинетъ увидѣлъ въ немъ лишь красивыя фразы и ясно выговоренное намѣреніе не вмѣшиваться въ нѣмецкія дѣла и держаться въ сторонѣ отъ близившейся распри между Франціей и Германіей. Ни Вильгельму, ни Бисмарку болѣе ничего и не было нужно. Угрозы по адресу Франціи повысились на нѣсколько тоновъ. Оффиціальные нѣмецкіе о́рганы не щадили самыхъ оскорбительныхъ отзывовъ о Франціи и ея правительствѣ. Въ Парижѣ хорошо знали, откуда оффиціальная и оффиціозная печать получаетъ свой mot d'ordre. Рѣшимость Пруссіи не отступать передъ фатальной развязкой была слишкомъ очевидна.

Правительство короля Вильгельма достигло своей цѣли: оно заставило Францію отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ вопросъ,—исполняетъ или не исполняетъ Пруссія свои обязательства по пражскому мирному договору. Французское правительство, встревоженное твердымъ поведеніемъ Пруссіи, вынуждено была сдѣлать amende honorable, и министръ иностранныхъ дѣлъ Мутье, ясно понимавшій неподготовленность Франціи и опасность неравной борьбы, поспѣшилъ успокоить разгнѣваннаго сосѣда. „Мы вовсе не думали требовать отъ Пруссіи объясненій, мы желали только высказать наши мысли. Мы

крайне сожалѣли бы, еслибы графъ Бисмаркъ могъ быть введенъ въ заблужденіе относительно характера нашихъ представленій. Онъ можетъ вполнѣ полагаться на наши чувства и быть вполнѣ увѣреннымъ, что мы никогда не вызовемъ упрека въ желаніи нанести оскорбленіе сосѣдней могущественной державѣ". Пруссія была вполнѣ удовлетворена. Франція унизилась до извиненія за выраженное только желаніе, чтобы берлинскій кабинетъ исполнялъ свои обязательства по пражскому договору. Гроза была предотвращена, и на другой же день оффиціальная печать, не находившая достаточно сильныхъ выраженій для оскорбленія Франціи, съ негодованіемъ стала говорить о слухахъ, пускаемыхъ неизвѣстно кѣмъ, будто доброе согласіе между Франціей и Германіей было непрочно.

Извиненіе, принесенное Франціей, предоставлявшее въ дѣйствительности Пруссіи распоряжаться въ Германіи по ея усмотрѣнію, нисколько не стѣсняясь заключенными договорами, не послужило ни къ чему. Пруссія сдѣлалась чрезвычайно щепетильна; она оскорблялась не только вмѣшательствомъ Франціи въ нѣмецкія дѣла, она приходила въ искусственное, правда, раздраженіе, лишь только замѣчала, что Франція страшится выйти изъ своего изолированнаго положенія и ищетъ союзовъ. Тотчасъ же ставился гнѣвный вопросъ: для чего Франціи союзы? и слѣдовалъ уснащенный угрозами отвѣтъ: Франція приготовляется сдѣлать нападеніе на Германію!

При такой постановкѣ дѣла, при такомъ остромъ характерѣ политическихъ отношеній между двумя государствами, достаточно самыхъ ничтожныхъ предлоговъ, чтобы не давать успокаиваться страстямъ и чтобы грозный призракъ войны не покидалъ политической сцены. Такова была политика правительства короля Вильгельма по отношенію къ Франціи, и напрасно кто-либо сталъ бы ее упрекать въ коварномъ характерѣ. Каждое государство, при современномъ состояніи Европы, преслѣдуетъ политику, наиболѣе выгодную для своихъ собственныхъ интересовъ. Прусскіе государственные люди признавали, что нѣмецкое дѣло не доведено еще до конца, что Германія не сплочена еще въ одно цѣльное государство, что задача эта не можетъ быть выполнена, пока не будутъ устранены всѣ препятствія. Однимъ изъ главныхъ къ тому препятствій представлялась Франція,—отсюда естественное желаніе устранить это препятствіе. Для достиженія такой цѣли было одно средство—война. Что удивительнаго, что Пруссія желала, чтобы война эта вспыхнула при благопріятныхъ для нея условіяхъ, когда Франція не окончила своихъ военныхъ приготовленій, когда она не успѣла или вѣрнѣе не съумѣла еще заручиться союзниками. Нравственныя соображенія въ политикѣ предоставлены лишь въ утѣшеніе слабымъ и побѣжденнымъ.

Не только не страшась войны, но признавая ее неизбѣжною, Пруссія пользовалась каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы заносить мечъ надъ головою Франціи. Не успѣла послѣдняя повиниться за робко поднятый голосъ въ пользу исполненія пражскаго договора, какъ она снова вызвала гнѣвъ своего суроваго врага. Парижъ и Тюльери готовились къ торжественной встрѣчѣ императора Франца-Іосифа и императрицы Елизаветы. Австрія, разбитая и выброшенная Пруссіей изъ Германіи, не могла такъ скоро забыть нанесенной ей обиды. Желаніе отомстить врагу дѣлало ее—по крайней мѣрѣ, такъ казалось—естественной союзницей Франціи въ предстоявшей ей борьбѣ съ Пруссіей. Пріѣздъ въ Парижъ австрійскаго императора связанъ былъ съ политическою цѣлью. Личные переговоры должны были повести къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза между двумя государствами, пострадавшими отъ агрессивной политики Пруссіи. Все уже было готово къ пріему австрійской императорской четы, какъ вдругъ стали доходить до Европы тревожные слухи о постигшей фатальной судьбѣ императора Максимиліана, соблазнившагося предложеннымъ ему Наполеономъ далекимъ мексиканскимъ тропомъ. Зловѣщіе слухи слишкомъ скоро превратились въ трагическую истину. Максимиліанъ былъ разстрѣлянъ. Извѣстіе это, переданное Наполеону австрійскимъ посланникомъ, княземъ Меттернихомъ, среди одного изъ торжествъ, непрерывно сопровождавшихъ парижскую выставку, накинуло густой флёръ на праздничное настроеніе Парижа. Трагическая смерть Максимиліана наносила жестокій ударъ политикѣ Наполеона и его правительства. Она становилась поперекъ мысленно взлелѣянному союзу между Франціей и Австріей. Берлинъ ликовалъ. Сама судьба еще разъ покровительствовала правительству короля Вильгельма. Предполагавшійся союзъ, направленный противъ Пруссіи, исчезъ какъ дымъ. Между Австріей и Франціей, говорила прусская оффиціальная печать, вѣчно будетъ стоять кровавый призракъ Максимиліана.

Разсчетъ этотъ оказался, впрочемъ, не совсѣмъ вѣренъ. Правительство Франца-Іосифа не пожелало возложить на Францію отвѣтственность за разыгравшуюся въ Мексикѣ трагедію. „Будьте увѣрены,—писалъ первый австрійскій министръ,—что какъ бы ни велика была скорбь императорской фамиліи, событіе это не отзовется на дружественныхъ отношеніяхъ двухъ правительствъ“. Слова эти нашли себѣ подтвержденіе въ быстро рѣшенной поѣздкѣ Наполеона въ Австрію для свиданія съ императоромъ Францемъ-Іосифомъ. Наполеонъ пожелалъ лично выразить императору чувство глубокаго соболѣзнованія по поводу роковой судьбы его злополучнаго брата.

Въ свиданіи двухъ императоровъ въ Зальцбургѣ—правительство

Вильгельма не безъ основанія увидѣло нѣчто бо́льшее, чѣмъ простой актъ вѣжливости; оно усматривало въ немъ твердое намѣреніе французскаго правительства заручиться союзомъ съ Австріей, и этого было слишкомъ достаточно, чтобы вызвать припадокъ новаго, еще болѣе сильнаго, чѣмъ раньше, раздраженія противъ Франціи. Раздраженіе въ Пруссіи было тѣмъ значительнѣе, что свиданіе это сопровождалось встрѣчами съ второстепенными южными нѣмецкими государями, служившими какъ бы манифестаціями противъ Пруссіи.

Южно-германскіе нѣмецкіе государи спѣшили привѣтствовать императора французовъ, и все населеніе оказывало ему самый горячій пріемъ. Пруссія не пользовалась любовью южной Германіи, и выраженіе сочувствія Наполеону было не чѣмъ инымъ, какъ косвеннымъ протестомъ противъ политики берлинскаго кабинета. Въ Берлинѣ были слишкомъ умны и проницательны, чтобы не понять значенія громко выражаемыхъ привѣтствій Наполеону, и немудрено, что тріумфальное путешествіе Наполеона по нѣмецкимъ землямъ только усиливало раздраженіе противъ Франціи. Въ Ульмѣ Наполеона встрѣтилъ король вюртембергскій; въ Аугсбургѣ явился привѣтствовать его молодой баварскій король, рѣшившійся покинуть на этотъ разъ свой уединенный замокъ, въ которомъ онъ прятался отъ людей, предаваясь своимъ болѣзненно-фантастическимъ прихотямъ.

Правительство короля Вильгельма нисколько не заблуждалось относительно значенія зальцбургскаго свиданія. Помимо своей интимной цѣли—выразить скорбь о постигшемъ австрійскій императорскій домъ горѣ, въ которомъ Наполеонъ признавалъ себя нравственно виноватымъ,—это свиданіе несомнѣнно преслѣдовало и другую, политическую цѣль—установить общій планъ дѣйствій на случай возникновенія новыхъ тревожныхъ осложненій. Императора Франца-Іосифа сопровождалъ въ Зальцбургъ его первый министръ Бейстъ съ цѣлою канцеляріей; въ Зальцбургъ же съѣхались посланники Франціи и Австріи. Пруссія слѣдила зорко за движеніемъ своихъ противниковъ, и какъ ни велика была тайна, окружавшая дипломатическіе переговоры двухъ императоровъ, берлинскій кабинетъ, отличавшійся необыкновеннымъ чутьемъ, не былъ введенъ въ заблужденіе расточавшимися увѣреніями, что зальцбургское свиданіе не преслѣдовало никакихъ политическихъ цѣлей. Присутствіе Бейста, Андраши, князя Меттерниха и герцога Граммона дѣлало невѣроятными всѣ подобныя увѣренія. Пруссія не ошибалась. Хотя Австрія и Франція и побоялись заключить между собою наступательный и оборонительный союзъ, но почва для такого союза была выработана состоявшимся соглашеніемъ, облеченнымъ въ форму протокола. Ни Францъ-Іосифъ, ни Наполеонъ, не питали въ это время никакихъ воинственныхъ замысловъ; ихъ страхъ

передъ Пруссіей былъ такъ великъ, что они не рѣшились заключить рѣшительнаго союза именно изъ опасенія, что Пруссія, провѣдавъ о немъ, порѣшитъ объявить имъ войну, прежде чѣмъ военныя силы Австріи и Франціи приведены будутъ въ боевую готовность. Они стремились къ одному: къ строгому поддержанію заключенныхъ договоровъ. Соглашеніе не имѣло, повидимому, никакого вызывающаго характера, но, въ дѣйствительности, настаивать на обязательности пражскаго трактата—развѣ не значило противиться созданію единой нѣмецкой имперіи, т.-е. достиженію цѣли, преслѣдовавшейся теперь королемъ Вильгельмомъ?

Зальцбургское свиданіе, встрѣча Наполеона южно-германскими государями, дипломатическія совѣщанія и проектированный союзъ Австріи съ Франціей сразу заволокли европейскій политическій горизонтъ грозовыми тучами. Правительство короля Вильгельма воспользовалось прежде всего своимъ, не разъ уже испытаннымъ, орудіемъ. Съ оффиціальной печати снята была узда, и она съ бѣшенствомъ набросилась на провинившіяся государства. „Въ Германіи,—говорила эта печать, отражая какъ въ зеркалѣ взгляды самого правительства,—существуютъ презрѣнные люди, ожидающіе спасенія родины, или вѣрнѣе собственнаго спасенія, отъ Парижа. Они будутъ раздавлены, какъ только пробьетъ часъ наказанія измѣнниковъ. Въ Тюльери должны были бы подумать объ одномъ: если насъ не могли усыпить лестью, то угрозы еще менѣе могутъ на насъ подѣйствовать... Союзники Зальцбурга порѣшили не допускать разрѣшенія ни одного вопроса иначе какъ они того желаютъ; пусть же они знаютъ, что мы не обратимъ никакого вниманія на ихъ рѣшенія... мы знаемъ, чего мы хотимъ, и наша воля будетъ исполнена“. Громы и молніи нѣмецкой печати еще разъ оказали свое магическое дѣйствіе. И австрійскій, и французскій кабинеты спѣшили успокоить разгнѣванное прусское правительство. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ поспѣшилъ разослать циркуляръ, выставлявшій на видъ миролюбивое значеніе зальцбургскаго свиданія. Свиданіе это, говорилось въ циркулярѣ, не только не должно вызывать никакой тревоги,—напротивъ, оно укрѣпляетъ лишь довѣріе въ прочности мира.

Правительство короля Вильгельма относилось скептически къ подобнымъ увѣреніямъ. Оно знало, по собственному опыту, что никогда такъ настойчиво не говорятъ о мирѣ, какъ тогда, когда готовятся къ войнѣ. Пруссія ея не боялась и гордо подняла перчатку, брошенную ей въ образѣ зальцбургскаго свиданія. Какъ бы въ отвѣтъ на французскія увѣренія, Бисмаркъ разослалъ свой знаменитый циркуляръ, въ которомъ заявилъ, что нѣмецкія дѣла не касаются никого кромѣ Германіи, что послѣдняя имѣетъ право устроиваться по своему

собственному усмотрѣнію, не спрашивая согласія и не справляясь съ желаніями другихъ государствъ, что сѣверо-германскій союзъ настежъ раскроетъ свои двери южнымъ государствамъ, лишь только они заявятъ къ тому желаніе. Циркуляръ 7-го сентября былъ уже явнымъ нарушеніемъ условій, подписанныхъ Пруссіей въ Никольсбургѣ, но Пруссія знала, что́ она дѣлаетъ,—она увѣрена была въ своей силѣ.

Зальцбургское свиданіе тѣмъ болѣе раздражало правительство короля Вильгельма, что оно противодѣйствовало намѣченной уже тотчасъ послѣ окончанія войны 1866 года цѣли сближенія съ Австріей. Послѣ того какъ эта послѣдняя держава была вытѣснена изъ Германіи, Пруссіи уже нечего было больше дѣлать съ Австріей; сближеніе съ нею могло доставить только выгоду, и вотъ почему всѣ усилія берлинскаго кабинета были направлены теперь къ тому, чтобы заставить Австрію забыть горькую обиду, нанесенную ей въ 1866 году. Уже во время люксембургскаго вопроса со стороны Берлина были сдѣланы первыя попытки склонить Австрію къ союзу съ Пруссіей, но попытки эти встрѣтили отпоръ со стороны страстнаго противника Бисмарка,—Бейста. „Союзъ,—отвѣчалъ онъ на сдѣланное ему предложеніе,—предусматриваетъ и пораженіе, и побѣду. Я знаю, что́ меня ждетъ въ случаѣ пораженія; но что́ вы въ состояніи предложить мнѣ въ случаѣ побѣды? Безъ сомнѣнія богато переплетенный экземпляръ пражскаго договора“. Правительство короля Вильгельма всегда отличалось желѣзною настойчивостью въ преслѣдованіи разъ намѣченной задачи, и насмѣшливый, ироническій отвѣтъ Бейста, конечно, былъ неспособенъ заставить берлинскій кабинетъ отказаться отъ своего плана. Правительство Вильгельма умѣло выжидать и случая, и благопріятнаго времени.

Гнѣвъ на Австрію за зальцбургское свиданіе продолжался недолго, и рѣзкій тонъ оффиціальной печати скоро уступилъ мѣсто самому дружескому заигрыванью. Пруссія—говорилось теперь на всѣ лады—не питаетъ никакого враждебнаго чувства къ Австріи; сближеніе было бы желательно въ интересахъ обоихъ государствъ, оно обезпечило бы за Австріей помощь сильнаго союзника, а Пруссіи дало бы возможность чувствовать себя свободнѣе по отношенію къ Россіи. Уже въ то время Россія являлась тѣмъ цементомъ, который долженъ былъ скрѣпить отношенія державъ, заключавшихъ между собою въ 1879 году наступательный и оборонительный союзъ, направленный, главнымъ образомъ, противъ Россіи, оказывавшей Пруссіи въ это время самую серьезную поддержку во всѣхъ ея начинаніяхъ.

Прусская дипломатія имѣла въ своемъ арсеналѣ не только всегда готовый богатый запасъ угрозъ, негодованія и застращиваній,—она

умѣла пользоваться и противоположными орудіями: она умѣла, когда то было нужно, дѣлаться мягкою, ласковою, заискивающею. Всѣми такими средствами пользовалась теперь Пруссія, чтобы не допустить осуществленія союза между Австріей и Франціею. Чаще и чаще стали говорить теперь о высокой миссіи Австріи на Востокѣ, передъ Австріей развертывали соблазнительную картину расширенія ея вліянія на Востокѣ, что съ избыткомъ должно было вознаградить ее за утраченное положеніе въ Германіи. Австрія крѣпилась, не поддавалась соблазну, но искуситель не падалъ духомъ; рано или поздно, Австрія должна была склониться на сладкія рѣчи и броситься въ его объятія. Правительство короля Вильгельма умѣло искусно подготовлять почву для своихъ плановъ, и никогда не упускало случая, дѣлавшаго возможнымъ ихъ осуществленіе. Король Вильгельмъ часто лично являлся на помощь своей дипломатіи, и его вмѣшательство всегда приносило добрые плоды. Сближенію съ Австріей служило преградой личное тяжелое чувство, оставленное въ душѣ императора Франца-Іосифа разгромомъ 1866 года. Онъ зналъ, что только посредничество Франціи спасло Вѣну отъ вступленія прусскихъ войскъ, что король Вильгельмъ въ самомъ Бургѣ, его вѣнскомъ дворцѣ, желалъ диктовать ему условія мира. Мудрено ли, что личныя чувства императора Франца-Іосифа къ королю Вильгельму не могли отличаться особою теплотою. Примиреніе двухъ монарховъ, личное между ними сближеніе, должно было предшествовать сближенію двухъ государствъ. Къ такому примиренію русская дипломатія прилагала всѣ свои старанія, пользуясь родственною связью Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. То, однако, чего не могла добиться дипломатія, осуществилъ король Вильгельмъ при первомъ представившемся случаѣ.

Уже поѣздка въ Парижъ императора Франца-Іосифа была рѣшена. Онъ ѣхалъ отдать визитъ Наполеону и еще болѣе скрѣпить дружественныя отношенія Австріи и Франціи. Рано утромъ, около семи часовъ, императорскій поѣздъ остановился на станціи Оосъ. Едва Францъ-Іосифъ вышелъ изъ вагона, какъ ему сообщили, что король Вильгельмъ пріѣхалъ изъ Бадена, чтобы привѣтствовать его на пути. Встрѣча была неожиданная, несмотря на предшествовавшіе переговоры, имѣвшіе цѣлію подготовить такое свиданіе. Очевидцы этого свиданія разсказываютъ, что въ первую минуту встрѣча была довольно холодная: два такъ недавно враждебныхъ государя ограничились пожатіемъ другъ другу руки, а сопровождавшіе Франца-Іосифа два эрцгерцога старались избѣжать даже подачи руки королю Вильгельму. Слишкомъ живыя еще мрачныя воспоминанія обдали неизбѣжнымъ холодомъ эту внезапную встрѣчу. Но первый шагъ къ

личному примиренію былъ сдѣланъ, острое чувство невольно смягчилось. Время, умная политика и обаятельное добродушіе стараго короля довершили остальное. Какъ ни кратковременно было это свиданіе, но король Вильгельмъ умѣлъ имъ воспользоваться, чтобы увѣрить Франца-Іосифа въ своихъ миролюбивыхъ чувствахъ, въ своемъ горячемъ желаніи примириться съ Австріей и видѣть ее снова цвѣтущею и авторитетною въ рѣшеніи возникающихъ европейскихъ вопросовъ. Онъ старался подѣйствовать на сердце, на самолюбіе своего бывшаго, теперь побѣжденнаго, врага, прося его не отказать въ посредничествѣ для поддержанія добрыхъ отношеній между Пруссіей и Франціей. Въ короткомъ разговорѣ король Вильгельмъ, путемъ прямыхъ, откровенныхъ вопросовъ, узналъ то, что было для него самое главное: онъ получилъ увѣренность, что въ Зальцбургѣ не было подписано никакого союзнаго договора, и надежду, что такой договоръ не будетъ подписанъ и въ Парижѣ.

Пріемъ, оказанный въ Парижѣ австрійскому императору, былъ еще радушнѣе и теплѣе, чѣмъ тотъ, который встрѣтили императоръ Александръ и король Вильгельмъ. Всюду, гдѣ появлялся только Францъ-Іосифъ, ему устроивали шумныя овваціи. Дворъ и публика точно соревновали, кто выкажетъ ему болѣе симпатій. Увлеченіе австрійскимъ императоромъ не было безкорыстно; въ немъ всѣ желали видѣть вѣрнаго союзника, который не покинетъ Франціи въ часъ роковой борьбы, въ часъ испытанія. На празднествѣ, данномъ въ его честь въ городской ратушѣ, Францъ-Іосифъ произнесъ тостъ, вызвавшій всеобщій восторгъ. „Я благодарю городъ Парижъ,—сказалъ онъ, — за оказанный мнѣ пріемъ; въ наши дни отношенія дружбы и добраго согласія между государями имѣютъ двойную цѣну, когда они опираются на симпатія и общія стремленія народовъ". Французамъ уже казалось, что двѣсти, триста тысячъ австрійскаго войска слились съ французскою арміей.

Но пребываніе въ Парижѣ австрійскаго императора не принесло Франціи никакого практическаго результата и вызвало лишь противъ нея новую вспышку раздраженія ея опаснаго врага. Пруссія спѣшила окончить свою объединительную работу; она пользовалась натянутыми отношеніями къ Франціи, чтобы сломить сопротивленіе южныхъ государствъ, указывая имъ на грозящую съ французской границы опасность; она, въ предвидѣніи борьбы, все усиливала свою армію, не встрѣчая болѣе никакого противодѣйствія со стороны народнаго представительства. Правительство короля Вильгельма широко пользовалось перспективой французской войны и въ своей внутренней политикѣ. На каждый робкій протестъ противъ той или другой законодательной мѣры, противъ того или другого кредита, исходившій

изъ обломковъ прогрессивной партіи, правительство, при шумныхъ рукоплесканіяхъ громаднаго и послушнаго теперь большинства, довольствовалось лишь указаніемъ на недоведенное еще до конца нѣмецкое дѣло, на собирающагося съ силами врага, выжидающаго лишь благопріятной минуты для нападенія на мирную Германію.

Правительство короля Вильгельма, обвиняя Францію въ воинственныхъ замыслахъ, было и право, и неправо. Франція металась во всѣ стороны, отыскивая себѣ союзниковъ, но ея внѣшняя политика, лишенная энергичнаго и опытнаго руководителя, была нерѣшительна, неопредѣленна, непослѣдовательна. Она много говорила, но мало дѣлала. Она не успѣла привязать къ себѣ ни одной державы, зато съумѣла оттолкнуть тѣ изъ нихъ, которыя готовы были бы вступить съ нею въ союзъ. Удерживая Римъ, Франція оттолкнула отъ себя Италію; не желая вооружать противъ себя Россію, она вызвала охлажденіе Англіи. Въ угоду Австріи, она преслѣдовала враждебную Россіи восточную политику, чѣмъ обезпечила за Пруссіей благосклонный нейтралитетъ Россіи. Оставалась одна Австрія, на которую Франція возложила всѣ свои надежды; но союзъ требуетъ обезпеченія выгоды, а какую же выгоду могла она обѣщать! Ея военныя приготовленія велись съ тою же непослѣдовательностью, нерѣшительностью и непредусмотрительностью. Деньги тратились большія, но эти деньги частью расхищались, частью расходовались непроизводительно. Въ ея приготовленіяхъ не было ни системы, ни строгаго плана, и главное—не было умѣнья, знанія и таланта.

Пруссія была права, утверждая, что Франція готовилась къ войнѣ, но она была неправа, повторяя на всѣ лады, что Германіи грозитъ нападеніе. Пруссія знала, что безъ прямого или косвеннаго вызова съ ея стороны Франція не объявитъ ей войны. Правда, Франція, точно по наклонной плоскости, катилась къ своей гибели—къ начатію войны, но правда и то, что невидимая рука прусской политики неудержимо толкала ее въ пропасть.

Въ теченіе трехъ лѣтъ непрерывно продолжалась дипломатическая и газетная война между Франціей и Германіей. Бывали часы перемирія, но только часы. Не успѣвалъ затихать одинъ жгучій вопросъ, какъ тотчасъ на его мѣсто выступалъ другой, столь же щекотливый и, однако, грозившій прорвать, наконецъ, ту плотину, которая удерживала отъ кроваваго столкновенія двѣ враждебно настроенныя націи. Дипломатическая и газетная война вовсе не такъ невинна и безвредна, какъ часто думаютъ. Когда она поддерживается упорно обѣими сторонами, то это лучшій признакъ, что близка та минута, когда двѣ націи схватятся за оружіе, чтобы разрѣшить между собою споръ. Малѣйшій поводъ, который при спокойномъ отно-

шеніи между двумя народами, не заставилъ бы пожертвовать жизнью и одного солдата,—вдругъ, нежданно, негаданно, превращается въ источникъ цѣлаго моря человѣческой крови. Долго питаемая злоба и неустанно поддерживаемое раздраженіе—создаютъ, наконецъ, воображаемые поводы, столь же опасные, какъ и дѣйствительные. Такимъ именно поводомъ къ новому припадку раздраженія послужило обвиненіе французскаго правительства въ передвиженіи войскъ и въ скопленіи ихъ на восточной границѣ Франціи. Оффиціальная нѣмецкая печать вдругъ забила тревогу по поводу военныхъ приготовленій Франціи. Французы — говорилось тономъ ожесточенія — реорганизуютъ свою армію, французы закупаютъ лошадей. Франція виновна въ томъ удрученномъ состояніи, въ которомъ находится Европа. Въ газетахъ стали появляться статьи съ подробными указаніями размѣщенія французскихъ полковъ, причемъ указывалось на противорѣчіе между миролюбивыми увѣреніями французскаго министра иностранныхъ дѣлъ и сосредоточеніемъ отъ 60 до 70 тысячъ войска на восточной границѣ. Обвиняя въ воинственныхъ замыслахъ Францію, Пруссія забывала лишь одно, что сама она неустанно увеличивала и совершенствовала свою армію, что сама она чуть не къ самой французской границѣ пододвинула 75 тысячъ войска, и что армія эта, приведенная на военное положеніе, увеличитъ ея численность до 120.000 человѣкъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на такое обвиненіе, Франція рѣшилась взять на себя иниціативу предложенія о всеобщемъ разоруженіи. Предложеніе это сдѣлано было Франціей при посредствѣ Англіи, но правительство короля Вильгельма рѣшительно его отклонило. Вся настойчивость лорда Кларендона, англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, не привела ни къ какимъ результатамъ. Бисмаркъ далъ отвѣтъ, что при настоящемъ состояніи Европы, король никогда не допуститъ уменьшенія численности арміи. Самое посредничество Англіи въ этомъ вопросѣ вызвало неудовольствіе берлинскаго кабинета.

Сознавая неминуемость войны съ Франціей, король Вильгельмъ естественно не желалъ утрачивать то выгодное положеніе, въ которомъ находилась теперь Пруссія. Въ то время, когда военныя силы Франціи были расшатаны неумѣло начатой и далеко еще не доведенной до конца реорганизаціей арміи, Пруссія въ каждую данную минуту готова была выступить въ походъ; въ то время, когда Франція не могла положиться ни на одну державу, Пруссія была увѣрена въ благосклонномъ нейтралитетѣ Россіи, обезпечивавшей ей полную свободу дѣйствій. Король Вильгельмъ въ личной дружбѣ къ нему императора Александра нашелъ твердую увѣренность, не обманувшую его

въ дѣйствительности, что русское правительство будетъ сочувственно относиться къ успѣхамъ нѣмецкаго оружія. Русское правительство не могло ввести Францію въ заблужденіе; оно дѣйствовало открыто и съ полною откровенностью: дружба къ Пруссіи сказывалась весьма осязательно. Свиданіе императора Александра съ королемъ Вильгельмомъ въ Эмсѣ, при которомъ присутствовали и Бисмаркъ, и князь Горчаковъ, имѣло другое значеніе, чѣмъ безплодное свиданіе въ Зальцбургѣ между Наполеономъ и Францемъ-Іосифомъ. Оно должно было заставить Францію серьезно подумать о своемъ положеніи и, во всякомъ случаѣ, внушить ей бо́льшую осторожность. Она видѣла опасность, чуть не гибель, но тамъ, гдѣ ея не было и тѣни. Ничтожный вопросъ о прорытіи сенъ-готардскаго туннеля показалъ уже, до какой степени была доведена раздражительность Франціи. Между Италіей, Швейцаріей и сѣверо-германскимъ союзомъ была заключена конвенція, въ силу которой сѣверо-германскій союзъ обязывался внести на это дѣло десять милліоновъ франковъ. Бисмаркъ, защищая конвенцію, сказалъ, между прочимъ: „намъ необходимо прямое сообщеніе съ дружественной Италіей, дружба съ которой, мы увѣрены, будетъ прочна". Этого было довольно, чтобы поднять тревогу въ Парижѣ, чуть-чуть было не вызвавшую вмѣшательства французскаго правительства въ дѣло, вовсе его не касавшееся. Что такое вмѣшательство вызвало бы войну, въ этомъ никто не сомнѣвался, но, къ счастью, французское правительство порѣшило одуматься, и война была предупреждена, но, правда, не надолго. Гогенцоллернской кандидатурѣ на испанскій престолъ суждено было прорвать давшую уже не одну трещину плотину, и Франція залита была неудержимымъ потокомъ нѣмецкаго нашествія.

XI.

Намъ нѣтъ никакой надобности подробно описывать событія франко-прусской войны 1870 — 1871 годовъ, слишкомъ хорошо памятныя всѣмъ. Не станемъ также заниматься и праздными вопросомъ, кто былъ истиннымъ виновникомъ этого фатальнаго грознаго столкновенія двухъ націй. Если мы подробно остановились на длинномъ фазисѣ, предшествовавшемъ взрыву, то потому, что въ политической исторіи всегда самый интересный вопросъ состоитъ въ томъ, при какихъ условіяхъ складываются событія, и какъ ими пользуются государственные люди, правящіе народами,—а вовсе не вопросъ, на чью отвѣтственность должны быть возложены бѣдствія, вызываемыя смертоносною войною. Мы только припомнимъ, прежде чѣмъ перейти къ

бѣглому очерку событій 1870 г., слова Монтескьё, что „истинный виновникъ войны—не тотъ, кто ее объявляетъ, а тотъ, кто дѣлаетъ ее неизбѣжною".

Не вдаваясь въ подробное историческое изложеніе этой знаменательной для Германіи эпохи,—что далеко вышло бы изъ предѣловъ намѣченныхъ нами рамокъ,—мы, тѣмъ не менѣе, должны постараться освѣтить личную роль короля Вильгельма въ событіяхъ, доставившихъ ему германскую императорскую корону и осуществившихъ мечту всей его политики—видѣть Германію объединенною и Пруссію во главѣ Германіи. Испанская революція 1868 г. опрокинула расшатанный тронъ королевы Изабеллы. Собравшіеся кортесы постановили, что Испанія должна сохранить монархическо-конституціонную, а не республиканскую форму правленія. Оставалось лишь найти подходящаго короля. Трое кандидатовъ имѣлось въ виду, но всѣ эти кандидатуры оказались мертворожденными. Король португальскій, которому прежде всего была предложена испанская корона, не колеблясь отклонилъ предложеніе. Кандидатура Орлеанскаго принца, сына короля Луи-Филиппа, герцога Монпансье, встрѣтила сопротивленіе въ кортесахъ, опасавшихся, между прочимъ, и того, что она можетъ показаться оскорбительною Наполеону III. Наконецъ, кандидатура племянника Виктора-Эммануила, молодого герцога Генуэзскаго, пала передъ рѣшительнымъ отказомъ его матери. Поиски за королемъ оказались не такъ легки. Тогда маршалъ Примъ остановился на принцѣ Леопольдѣ Гогенцоллернѣ, женатомъ на дочери португальскаго короля, и тотчасъ же начаты были съ нимъ переговоры. Принцъ Леопольдъ охотно готовъ былъ принять испанскую корону, но подъ условіемъ полученія на то согласія главы дома Гогенцоллерновъ, короля Вильгельма. Переговоры о кандидатурѣ принца Леопольда не остались тайною. Наполеонъ встревожился и, вызвавъ изъ Берлина французскаго посла Бенедетти, сказалъ ему: „кандидатура герцога Монпансье, являясь только анти-династическою, затрогиваетъ исключительно меня, и потому я могу еще на нее согласиться; но кандидатура принца Гогенцоллерна по существу своему анти-національная; Франція не потерпитъ ея, нужно ее предотвратить". Бенедетти, вернувшись въ Берлинъ, сообщилъ содержаніе своего разговора Бисмарку, и вопросъ о злополучной кандидатурѣ затихъ, но только на время. Испанія все оставалась безъ короля, раздираемая борьбою кортесовъ и республиканцевъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ берлинскій кабинетъ сообщилъ въ Мадридъ, что онъ не считаетъ переговоры о кандидатурѣ Гогенцоллерна окончательно прерванными. Вслѣдствіе такого заявленія переговоры возобновились и привели къ соглашенію. Князь Леопольдъ

принялъ испанскую корону, а король Вильгельмъ изъявилъ на то свое согласіе. Рѣшительное заявленіе французскаго правительства оставлено было такимъ образомъ безъ вниманія. 2-го іюля 1870 г. маршалъ Примъ сообщилъ французскому посланнику непріятную для его правительства новость. Парижъ заволновался; министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Граммонъ, порѣшилъ телеграфировать въ Берлинъ, что французское правительство надѣется, что „берлинскій кабинетъ остался чуждъ этой интригѣ". Завѣдывавшій прусскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, Тиле, на запросъ, обращенный къ нему, заявилъ, что правительство ничего не знаетъ оффиціально объ этомъ дѣлѣ. Въ Парижѣ волненіе усиливалось; улицы наполнялись возбужденною толпою. Парижъ быстро наэлектризовался. Всюду слышался одинъ крикъ: Пруссія оскорбляетъ Францію!—6-го іюля дѣло уже зашло такъ далеко, что французское правительство потеряло голову и съ высоты трибуны законодательнаго корпуса бросило на цѣлую Европу безумную декларацію, смѣлость которой составляла черезъчуръ рѣзкій контрастъ съ военною неподготовленностью Франціи. „Уваженіе къ правамъ сосѣдняго народа не обязываетъ насъ выносить, чтобы иностранная держава, сажая одного изъ своихъ принцевъ на тронъ Карла V, могла нарушить, къ нашей невыгодѣ, политическое равновѣсіе Европы и подвергнуть опасности интересы и честь Франціи. Мы питаемъ твердую надежду, что это не случится. Для предупрежденія такого событія, мы разсчитываемъ на благоразуміе нѣмецкаго народа и на дружбу Испаніи. Еслибы, однако, случилось иначе, то, сильные вашею помощью и всего народа, мы съумѣемъ выполнить нашу обязанность безъ колебанія и безъ слабости". Желая успокоить Парижъ, французское правительство не взвѣшивало уже своихъ словъ. Оно забыло, что не одна Франція обладаетъ самолюбіемъ и щепетильностью въ вопросахъ національной чести, что этими свойствами обладаютъ и другія націи, болѣе готовыя, нежели Франція, защищаться съ оружіемъ въ рукахъ.

Одновременно съ такою воинственною декларацією французскому посланнику въ Берлинѣ поручено было спѣшить въ Эмсъ, гдѣ пребывалъ король Вильгельмъ, и въ личной аудіэнціи настаивать на отказѣ принца Леопольда отъ испанскаго престола.

Личное поведеніе короля Вильгельма во всемъ этомъ роковомъ вопросѣ отличалось необыкновеннымъ достоинствомъ, самообладаніемъ и увѣренностью, лѣлавшими великую честь и уму, и сердцу государя, сознававшаго свою силу, но задумавшагося въ рѣшительную минуту передъ громадностью жертвъ, на которыя война, самая счастливая, обрекаетъ народъ. Положеніе его было чрезвычайно трудно. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые легко отказываются

отъ произнесеннаго слова. Согласіе его было дано принцу Леопольду. Взять назадъ это согласіе, подъ давленіемъ французскаго правительства, онъ признавалъ несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ, но онъ нашелъ выходъ, который могъ предупредить кровавую борьбу двухъ великихъ народовъ. Король Вильгельмъ объявилъ французскому послу, что онъ заявитъ свое одобреніе отказу принца Леопольда отъ испанской короны, если только принцъ пожелаетъ отъ нея отказаться, и въ этомъ смыслѣ онъ выскажется и самому принцу, и его отцу.

Не было сомнѣнія, что совѣтъ короля Вильгельма принцу Леопольду отказаться отъ предложенной ему короны будетъ тотчасъ выполненъ. 12-го іюля отецъ принца Леопольда, принцъ Антонъ Гогенцоллернъ, бывшій министръ короля Вильгельма въ эпоху „новой эры", телеграфировалъ маршалу Приму, что въ виду политическихъ осложненій, вызываемыхъ кандидатурою его сына, онъ отказывается за него отъ предложеннаго испанскаго престола. Франція могла считать себя удовлетворенною, но, на свое собственное несчастіе, она не удовлетворилась достигнутымъ успѣхомъ. Французское правительство полагало, что оно можетъ возстановить свой поколебленный престижъ только болѣе полнымъ удовлетвореніемъ со стороны Пруссіи, и подъ давленіемъ партіи, довѣрявшей военному министру Лебефу, будто онъ готовъ къ войнѣ, стало добиваться отъ короля Вильгельма формальнаго заявленія, что онъ „обязывается и въ будущемъ не допускать кандидатуры принца Гогенцоллерна".

Король Вильгельмъ счелъ несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ сдѣлать подобное заявленіе; онъ признавалъ совершенно достаточнымъ свое слово, что онъ даетъ полное одобреніе отказу принца Леопольда, и разрѣшилъ Бенедетти телеграфировать въ Парижъ въ этомъ смыслѣ его отвѣтъ. Французскій посланникъ сталъ проявлять неумѣренную настойчивость. Король Вильгельмъ не пожелалъ болѣе имѣть никакихъ личныхъ объясненій.

Общественное мнѣніе двухъ государствъ было возбуждено до послѣдней степени. Во Франціи обвиняли Пруссію въ намѣренномъ оскорбленіи французскаго національнаго чувства; въ Пруссіи винили Францію за умышленное оскорбленіе престарѣлаго монарха. Тонъ печати отзывался уже порохомъ; во Франціи и Пруссіи восторжествовали партіи, требовавшія войны. Бисмаркъ, порѣшившій покинуть Варцинъ и прибыть въ Берлинъ, проредактировалъ полное ѣдкости оффиціальное сообщеніе, переданное въ газеты и разосланное всѣмъ дипломатическимъ агентамъ. Смыслъ этого сообщенія былъ таковъ, что французское правительство оскорбило короля и честь и достоинство всей нѣмецкой націи, и что король Вильгельмъ отказался при-

нять французскаго посла. Рѣзкость прусскаго правительственнаго сообщенія окончательно наклонила къ войнѣ чашу политическихъ вѣсовъ французскаго правительства. Отступленіе сдѣлалось невозможнымъ. Франція обрекла себя на неисчислимыя бѣдствія.

Если король Вильгельмъ не только не искалъ войны съ Франціей, но сдѣлалъ многое, чтобы еще разъ отдалить фатально наступавшій часъ борьбы, то его ближайшіе совѣтники сдѣлали все, чтобы на этотъ разъ не выпустить Франціи изъ тисковъ, въ которые она добровольно, такъ опрометчиво, попала. Слабыя попытки, сдѣланныя нѣкоторыми кабинетами, въ томъ числѣ и нашимъ, чтобы миролюбиво уладить возникшую распрю, разбились о слѣпоту французскихъ государственныхъ людей и твердую рѣшимость военной нѣмецкой партіи, на сторонѣ которой стоялъ теперь и Бисмаркъ, умѣвшій убѣдить своего государя разъ навсегда покончить, съ оружіемъ въ рукахъ, съ своимъ самонадѣяннымъ врагомъ.

Насколько умѣренъ былъ король Вильгельмъ до той минуты, когда вопросъ о войнѣ и мирѣ еще окончательно не выяснился, настолько же онъ былъ твердъ и рѣшителенъ, когда жребій былъ уже брошенъ. Его правительство, вѣрное своей системѣ, прежде всего постаралось привлечь на свою сторону европейскія симпатіи, выставляя на видъ, что не Пруссія объявила войну Франціи, а послѣдняя вынудила ее своимъ преступнымъ поведеніемъ. Война эта—говорилось въ прусскомъ циркулярѣ 18-го іюня—вызвана самыми дурными побужденіями ненависти и зависти, желаніемъ французскаго правительства придушить свободу своего народа при помощи внѣшнихъ осложненій. Король Вильгельмъ, въ своей рѣчи при открытіи экстренной сессіи рейхстага, прямо обвинялъ не французскую націю, а правительство Наполеона.

Объявленіе войны, какъ молнія облетѣвшее всю Германію, вызвало всеобщее воодушевленіе. Король Вильгельмъ, возвращаясь изъ Эмса въ Берлинъ, на всемъ пути встрѣчалъ самый восторженный пріемъ. На каждой станціи населеніе стекалось тысячами и громко привѣтствовало своего стараго короля. Подъемъ нѣмецкаго національнаго чувства былъ необычайный. Война съ Франціей была теперь такъ же популярна, какъ четыре года тому назадъ была непопулярна война съ Австріей. Юноши, почти дѣти, бросались впередъ, требуя, чтобы ихъ брали въ качествѣ добровольцевъ. Все взрослое населеніе бодро стало подъ знамя, съ сознаніемъ правоты и святости дѣла, за которое они идутъ проливать свою кровь. Энтузіазмъ, охватившій нѣмецкій народъ, быстро подвинулъ впередъ дѣло нѣмецкаго единства. Прежде чѣмъ началась война, Франція должна была убѣдиться, какъ жестоко она ошибалась, разсчитывая на раздоръ между

сѣверною и южною Германіею. 19-го іюля король Вильгельмъ получилъ уже телеграмму отъ молодого баварскаго короля, извѣщавшую его, что онъ приказалъ мобилизовать всю свою армію. „Мои войска,—говорилъ король Лудвигъ,—съ воодушевленіемъ будутъ драться за нѣмецкое право и нѣмецкую честь наряду съ своими увѣнчанными славою товарищами по оружію". Примѣру баварскаго короля послѣдовали всѣ остальные южно-германскіе государи, понимавшіе, что у нихъ нѣтъ другого выбора, какъ или подвергнуть страну нашествію французовъ, или сплотиться съ сѣверною Германіею и стать подъ защиту могущественной Пруссіи.

Болѣе чѣмъ преклонные годы короля Вильгельма не остановили его передъ исполненіемъ того, что онъ считалъ своимъ долгомъ — встать самому во главѣ всего нѣмецкаго войска. Напутствуемый благословеніями цѣлаго народа, король Вильгельмъ оставилъ Берлинъ, чтобы принять участіе въ побѣдоносномъ наступленіи на Францію.

Одна побѣда слѣдовала за другою, и ровно черезъ мѣсяцъ послѣ начала военныхъ дѣйствій, значительная часть французской арміи, точно желѣзнымъ кольцомъ окруженная нѣмецкими войсками, должна была, послѣ безплодной битвы при Седанѣ, сдаться на капитуляцію. „Не встрѣтивъ смерти среди моихъ войскъ,—писалъ королю Вильгельму Наполеонъ III,—мнѣ остается только вручить мою шпагу вашему величеству".

Король Вильгельмъ, по отношенію къ своему недостойному врагу, былъ полонъ великодушія. Не ожидая въ своемъ лагерѣ плѣннаго императора, не съумѣвшаго умереть, король Вильгельмъ самъ отправился въ замокъ, гдѣ пребывалъ теперь Наполеонъ. Зная добродушіе короля Вильгельма, нельзя удивляться, что встрѣча съ Наполеономъ, при столь исключительныхъ обстоятельствахъ, преисполнила его волненія. „Мы оба,—писалъ онъ королевѣ Августѣ,—были чрезвычайно взволнованы. Я не могу передать, что я перечувствовалъ, припоминая, какъ, три года назадъ, я видѣлъ императора на вершинѣ его могущества".

Седаномъ не окончилась война, какъ желалъ того Бисмаркъ, настаивая передъ Наполеономъ на заключеніи мира. Имперія была свергнута, и республиканская Франція, лишившаяся арміи, крѣпостей, истекая уже кровью, но увлеченная патріотизмомъ Гамбетты, схватилась за оружіе, если не для побѣды, то для спасенія чести страны. Неудержимый и побѣдоносный напоръ нѣмецкихъ армій встрѣтилъ теперь безплодное, правда, но геройское сопротивленіе готоваго на смерть народа. Борьба завязалась снова, съ тѣмъ же неизмѣннымъ счастьемъ для нѣмецкаго оружія. Нѣмецкая армія, не встрѣчая на

своемъ пути почти никакого сопротивленія, быстро подступала къ Парижу.

Французское правительство народной обороны, припоминая нѣмецкія прокламаціи и рѣчь самого короля Вильгельма, въ которыхъ вся отвѣтственность за войну слагалась на императорское правительство, на Наполеона и его совѣтниковъ, выказавшихъ, по выраженію англійскаго министра, лорда Мальмсбюри, во всей этой трагической исторіи „примѣръ, до тѣхъ поръ невиданной дипломатической бездарности", надѣялось, что теперь, когда имперія рушилась, отъ Франціи не потребуется слишкомъ тяжелыхъ жертвъ для заключенія мира. Надежда призрачная. Въ эту минуту вся отвѣтственность возлагалась уже не на Наполеона, а на всю французскую націю, и отторженіе двухъ провинцій, Эльзаса и Лотарингіи, этихъ „двухъ ключей" Германіи, какъ выразился Бисмаркъ въ переговорахъ съ Жюлемъ Фавромъ, было поставлено условіемъ sine qua non для заключенія мира. Франція не могла, безъ утраты чести, прежде наступленія полнаго истощенія, обречь себя на подобную жертву. Мирныя условія были отвергнуты, и германская армія обложила Парижъ. 5-го октября король Вильгельмъ съ своей главной квартирой расположился въ Версалѣ.

Въ то время, когда Парижъ, среди голода, героически выдерживалъ тянувшуюся мѣсяцы осаду, мучительно прислушиваясь, не приближается ли къ нему на помощь армія, преданная Базеномъ, Тьеръ, такъ энергично протестовавшій противъ объявленія войны, объѣзжалъ всѣ европейскіе дворы, прося о помощи погибающей Франціи. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что суровое „vae victis"—не пустое изреченіе, а глубокая и жестокая истина. На крикъ Франціи о помощи отозвалось одно лишь сердце, но это было сердце Гарибальди. Безпримѣрной патріотической энергіи Гамбетты удалось „организовать сопротивленіе", создать новыя арміи, горячимъ словомъ о любви къ родинѣ поднять павшій духъ народа, но всѣ усилія оказались тщетны. Впереди была не настоящая борьба, а лишь мучительная агонія французскаго народа.

Послѣ того какъ Мецъ капитулировалъ и почти двухсотъ-тысячная армія сдана была въ плѣнъ, король Вильгельмъ спокойно уже взиралъ на исходъ борьбы. Его мысли поглощены были теперь мечтою его жизни—осуществленіемъ идеи нѣмецкаго единства. Онъ сознавалъ, что желанный часъ пробилъ, и что ничто уже не воспрепятствуетъ больше достиженію той цѣли, которую онъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ лелѣялъ въ своей душѣ.

Тотчасъ послѣ Седана правительство короля Вильгельма начало переговоры съ южно-германскими государствами объ ихъ вступленіи

въ сѣверный союзъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ переговоры приведены были въ Версалѣ къ желанному концу. Сѣверо-германскій союзъ пересталъ существовать, уступивъ свое мѣсто единому германскому союзу. Судьба улыбалась теперь во всемъ королю Вильгельму. Исполнилось и другое его страстное желаніе. Уже прежде французской войны онъ хотѣлъ, чтобы въ корнѣ измѣнившемуся положенію Германіи было дано осязательное выраженіе возложеніемъ на его главу императорской германской короны. Южно-нѣмецкіе государи оставались, однако, глухи къ такому желанію. Громкія побѣды 1870-го года заставили умолкнуть недоброжелательное отношеніе къ Пруссіи и ея королю. Въ декабрѣ мѣсяцѣ король баварскій обратился съ письмомъ къ королю Вильгельму и ко всѣмъ остальнымъ нѣмецкимъ государямъ, предлагая возстановить нѣмецкую имперію и нѣмецкое императорское достоинство. Предложеніе баварскаго короля было тотчасъ же принято, и рейхстагъ обратился съ адресомъ къ королю, въ которомъ, присоединяясь къ желанію всѣхъ нѣмецкихъ князей, просилъ Вильгельма принять императорскую корону. Депутація изъ тридцати человѣкъ повезла въ Версаль адресъ рейхстага. Сбылись слова Фридриха-Вильгельма IV, что „императорская корона можетъ быть завоевана только на полѣ битвы“—слова, произнесенныя имъ въ отвѣтъ депутаціи революціоннаго франкфуртскаго парламента, предлагавшаго ему титулъ нѣмецкаго императора. Быть можетъ, припоминая ту далекую эпоху и желая подчеркнуть контрастъ между прошлымъ и настоящимъ, король Вильгельмъ, оставаясь убѣжденнымъ монархистомъ, напомнилъ депутатамъ, что безъ предварительнаго согласія всѣхъ нѣмецкихъ государей, онъ не могъ бы принять предлагаемой ему короны. 18-е января 1871 г. было самымъ торжественнымъ днемъ въ жизни короля Вильгельма. Въ зеркальной галереѣ дворца Людовика XIV собрались всѣ нѣмецкіе князья, блестящая свита нѣмецкихъ генераловъ, многочисленная военная депутація съ развернутыми знаменами. Послѣ торжественнаго богослуженія Вильгельмъ громкимъ голосомъ прочелъ декретъ о провозглашеніи имперіи, а графъ Бисмаркъ —прокламацію къ нѣмецкому народу. Зеркальная зала версальскаго дворца огласилась нѣмецкимъ крикомъ: „да здравствуетъ императоръ Вильгельмъ!“

Въ Парижѣ, въ это самое время, раздавался другой крикъ, крикъ женщинъ и дѣтей, этихъ случайныхъ и невинныхъ жертвъ днемъ и ночью продолжавшейся бомбардировки. Не бомбы, однако, а голодъ и отчаяніе въ успѣхѣ вынудили Парижъ капитулировать. Капитуляція Парижа сломила сопротивленіе Франціи, и оружіе выпало изъ ея обезсиленныхъ рукъ. Война была въ дѣйствительности окончена. 21-го февраля начались мирные переговоры между Бисмаркомъ и

Тьеромъ, облеченнымъ національнымъ собраніемъ, созваннымъ въ Бордо, званіемъ главы исполнительной власти.

Императоръ Вильгельмъ, преслѣдуя интересы Германіи, оказался неумолимымъ къ побѣжденной и раздавленной Франціи. Отторженіе Эльзаса и Лотарингіи, уплата пяти милліардовъ контрибуціи и тщеславное вступленіе части нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ—таковы были главныя тяжелыя условія, продиктованныя побѣдителемъ.

Германія хорошо знала, что чувства самой горячей и неизмѣнной привязанности къ униженной и разбитой родинѣ приковываютъ Эльзасъ и Лотарингію къ Франціи, но чувства и стремленія населенія не входили въ планы политики.

2-го марта 1871 г. обезсиленная Франція подписала свой кровавый приговоръ. Суровыя мирныя условія были приняты большинствомъ 546 голосовъ противъ 107, вѣрившихъ еще въ жизненность Франціи и предпочитавшихъ войну до послѣдней капли крови—расчлененію дорогой родины.

Императоръ Вильгельмъ имѣлъ полное право ликовать и громко гордиться поразительными успѣхами, достигнутыми въ его царствованіе. Но глубоко религіозный и всегда отличавшійся рѣдкою скромностью, онъ и теперь приписывалъ результаты, добытые его твердостью, настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и искусною политикою, не себѣ, а провидѣнію, благоволившему его дѣду, и своимъ геніальнымъ сподвижникамъ. Онъ говорилъ: „самъ я, въ концѣ концовъ, немногое могъ сдѣлать".

Дѣйствительно, въ минуту своего торжества онъ не забывалъ и тѣхъ, кто содѣйствовалъ осуществленію его замысловъ. „Пруссія никогда не забудетъ,—телеграфировалъ онъ императору Александру,—что мы обязаны вамъ, если война не приняла болѣе широкихъ размѣровъ. Да благословитъ васъ Богъ". Государь отвѣчалъ ему словами: „Я раздѣляю вашу радость; да поможетъ Богъ установленію прочнаго мира. Я счастливъ, что имѣлъ возможность, какъ вѣрный другъ, дать вамъ доказательства моихъ симпатій. Желаю, чтобы дружба, насъ соединяющая, служила обезпеченіемъ славы и благоденствія нашихъ двухъ государствъ". Быть можетъ, императоръ Вильгельмъ нѣсколько рискованно ручался за вѣчную благодарность Германіи.

7-го марта императоръ покинулъ Версаль. Нужно ли говорить, что возвращеніе императора Вильгельма въ свою столицу сопровождалось такимъ повсемѣстнымъ восторгомъ, такою любовью и благоговѣніемъ, которые рѣдко выпадали на долю какого-либо государя.

Народъ справедливо видѣлъ въ престарѣломъ императорѣ Вильгельмѣ создателя новой Германіи, а самъ онъ по праву могъ ска-

зать:—нынѣ отпущаеши!.. Задача его жизни была выполнена, всѣ его самыя завѣтныя надежды, всѣ мечты далекой юности, представлявшіяся ему какимъ-то сномъ,—все осуществилось. Идея нѣмецкаго единства получила кровь и плоть, олицетворившись въ созданной имъ единой Германіи. Дѣло, совершонное имъ, было такъ велико, заслуги его передъ Германіею были такъ громадны, что исторія, по справедливости, поставитъ имя этого „простого, честнаго и преисполненнаго здраваго смысла человѣка",—какъ пророчила любящая его мать королева Луиза,—на ряду съ именемъ его геніальнаго предшественника, Фридриха II. Слава его послѣ событій 1871 года вознеслась уже такъ высоко, что послѣдующіе годы его жизни были уже безсильны что-либо къ ней прибавить.

По окончаніи трудной работы объединенія, Германіи предстояла теперь совсѣмъ иная, еще болѣе трудная, но не столь блестящая работа надъ своимъ внутреннимъ развитіемъ. Императоръ Вильгельмъ былъ только свидѣтелемъ самаго начала этой работы, вызвавшей на первыхъ же порахъ самую страстную и ожесточенную борьбу. Первые шаги на этомъ пути неизбѣжно вызывали въ покойномъ императорѣ тяжелыя думы и горячія сомнѣнія. Онъ не могъ не видѣть, что благоденствіе народа не обезпечивается еще однѣми побѣдами, однимъ военнымъ могуществомъ.

Е. Утинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1888 г.

Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей.—Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній. — Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ.—Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ?—Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей" на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправленія.

Говоря въ предыдущемъ обозрѣніи о проектѣ преобразованія остзейскихъ судебныхъ учрежденій, мы дошли до предположеній касающихся мирового суда. По закону 28 мая 1880 г., мировые судьи въ прибалтійскомъ краѣ, какъ и въ центральныхъ губерніяхъ имперіи, должны были быть избираемы населеніемъ, а не назначаемы правительственною властью. Выборъ ихъ предполагалось возложить на особыя окружныя избирательныя собранія, въ составъ которыхъ должны были входить депутаты отъ дворянъ-землевладѣльцевъ, избранные землевладѣльческими съѣздами, депутаты отъ городовъ, избранные думами, и депутаты отъ крестьянъ, избранные съѣздами волостныхъ старшинъ. Новый проектъ замѣняетъ избраніе—назначеніемъ, причемъ условія для занятія должности мирового судьи остаются тѣ же, которыя существуютъ въ земскихъ губерніяхъ; отъ мирового судьи не требуется высшаго образованія — ни спеціально-юридическаго, ни даже общаго,—но требуется имущественный цензъ [1]). Безусловно обязательнымъ это требованіе представляется, впрочемъ, только по отношенію къ почетнымъ мировымъ судьямъ; участковыми и добавочными судьями, а также предсѣдателями мировыхъ съѣздовъ, могутъ быть назначаемы, въ случаѣ недостатка подходя-

[1]) Для землевладѣльцевъ остзейскихъ губерній этотъ цензъ опредѣленъ въ 300 десятинъ, между тѣмъ какъ ни въ одной коренной русской губерніи, даже изъ числа черноземныхъ, онъ не спускается ниже 400 десятинъ.

щихъ кандидатовъ, и лица, не имѣющія имущественнаго ценза. Назначеніе и увольненіе мировыхъ судей и предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ предоставляется всецѣло министру юстиціи; почетные мировые судьи назначаются на три года, всѣ остальные — безсрочно... Чѣмъ же объяснить предполагаемое отступленіе и отъ неисполненнаго еще закона, состоявшагося только восемь лѣтъ тому назадъ, и отъ общаго порядка, существующаго въ имперіи? Быть можетъ, неудовлетворительностью правилъ, опредѣлявшихъ способъ избранія мировыхъ судей въ остзейскомъ краѣ? Безъ сомнѣнія, эти правила оставляли желать весьма многаго. Большой ошибкой, напримѣръ, было предоставленіе выбора депутатовъ отъ крестьянъ не волостнымъ сходамъ или ихъ уполномоченнымъ, а съѣздамъ волостныхъ старшинъ, т.-е. должностныхъ лицъ, болѣе или менѣе зависимыхъ отъ высшаго сословія. Несправедливо было также предпочтеніе, оказанное дворянскому землевладѣнію передъ не-дворянскимъ. Ничто не мѣшало, повидимому, устранить всѣ эти частные недостатки и установить такую систему выбора мировыхъ судей, при которой они были бы не по имени только, а на самомъ дѣлѣ избранниками всѣхъ сословій. Способъ примѣненія извѣстнаго принципа никогда не можетъ служить аргументомъ противъ самаго принципа. Или, быть можетъ, выборное начало имѣетъ право на существованіе, въ судебной сферѣ, только тогда, когда нѣтъ на-лицо достаточнаго числа спеціалистовъ, изъ среды которыхъ могли бы быть *назначаемы* судьи? Едва ли это такъ; главнымъ основаніемъ въ пользу избранія мировыхъ судей является *мѣстный* характеръ задачи, къ исполненію которой наиболѣе способны *мѣстные* жители — а мѣстныхъ жителей всего лучше знаетъ *мѣстное* населеніе. Мы видѣли, притомъ, что юридическое образованіе вовсе не признается *необходимымъ* условіемъ назначенія въ мировые судьи остзейскаго края. Еслибы, наконецъ, необходимость его и была возведена на степень правила, не допускающаго исключеній, избраніе мировыхъ судей все-таки осталось бы вполнѣ возможнымъ; достаточно было бы обязать избирателей выбирать въ мировые судьи только *юристовъ*.

Всего вѣроятнѣе, что избраніе мировыхъ судей въ остзейскомъ краѣ считается неудобнымъ по соображеніямъ политическаго свойства— въ виду разноплеменности населенія, національной розни, сословнаго антагонизма, а также во имя государственнаго единства. Мы касались уже, отчасти, всѣхъ этихъ соображеній, когда разбирали вопросъ о примѣнимости или непримѣнимости къ остзейскому краю суда присяжныхъ. Національной розни и сословному антагонизму едва ли можно положить конецъ удержаніемъ населенія вдали отъ общественной жизни, обреченіемъ его на пассивное отношеніе къ

самымъ насущнымъ его интересамъ. Остзейскія губерніи обладаютъ уже теперь городскимъ самоуправленіемъ; нѣтъ причины думать, чтобы имъ долго еще оставалось ждать самоуправленія земскаго. Правильно организованное, оно должно сдѣлаться именно той почвой, на которой произойдетъ сближеніе народностей и сословій. Только земскія учрежденія могутъ стать законными преемниками дворянскихъ; только они могутъ сохранить за населеніемъ участіе въ завѣдываніи собственными дѣлами, расширивъ рамки этого участія, уничтоживъ монопольный, сословный его характеръ. Для того, чтобы жители остзейскаго края сознавали и чувствовали свое единство съ великимъ цѣлымъ, въ составъ котораго они входятъ, необходимо уравненіе правъ, уничтоженіе искусственныхъ различій, а отнюдь не установленіе такихъ порядковъ, которые постоянно напоминали бы обособленность окраины, исключительность и невыгодность положенія, занимаемаго ею въ ряду другихъ частей имперіи. Законъ 28 мая 1880 г. былъ хорошъ именно тѣмъ, что онъ пролагалъ дорогу къ введенію земства, создавалъ всесословное учрежденіе. Этого пути, казалось бы, было бы лучше держаться и теперь, не ожидая того отдаленнаго момента, когда смягченіе контрастовъ и примиреніе враждебныхъ силъ перейдетъ, само собою, въ разрядъ совершившихся фактовъ. Уравновѣсить различные элементы остзейскаго населенія, лишить одинъ изъ нихъ возможности господства надъ другими — задача крайне трудная, но во всякомъ случаѣ исполнимая; а съ разрѣшеніемъ ея падаетъ главное возраженіе противъ избранія мировыхъ судей. Наоборотъ, пока она не разрѣшена и даже не поставлена, трудно разсчитывать на полное безпристрастіе со стороны *назначенныхъ* мировыхъ судей; трудно предположить, чтобы имъ удалось остаться безучастными зрителями борьбы, отголоски которой на каждомъ шагу будутъ вторгаться и въ частную ихъ жизнь, и въ ихъ оффиціальную дѣятельность. Мировые судьи, назначенные изъ числа мѣстныхъ жителей, не перестанутъ же, только въ силу этого назначенія, быть и чувствовать себя членами своего сословія, уроженцами своего племени; мировые судьи, назначенные со стороны— не говоря уже о всѣхъ другихъ неудобствахъ такого назначенія,— неизбѣжно примкнутъ къ одному изъ борющихся между собою теченій. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они явятся, по всей вѣроятности, представителями такъ-называемыхъ „обрусительныхъ“ тенденцій, никогда и нигдѣ еще не приводившихъ къ цѣли и менѣе всего удобныхъ въ дѣлѣ отправленія правосудія... Отвѣтственность за увлеченія и ошибки назначенныхъ мировыхъ судей упадетъ всецѣло на назначившую ихъ центральную власть, между тѣмъ какъ при господствѣ

выборнаго начала мѣстное населеніе могло бы обращаться съ обвиненіями не къ кому иному, какъ только къ самому себѣ

Нѣтъ ли, однако, еще другой, болѣе общей причины, противодѣйствующей введенію въ остзейскомъ краѣ выборнаго мирового суда? Не предстоитъ ли этому институту, въ ближайшемъ будущемъ, исчезнуть вообще? Если такъ, то странно было бы, безъ сомнѣнія, распространять сферу его дѣйствій. Слухи о такой судьбѣ мирового суда—какимъ его создали судебные уставы 1864 г.—носятся уже давно; новымъ и весьма серьезнымъ подтвержденіемъ ихъ служитъ статья г. Обнинскаго, напечатанная въ одной изъ послѣднихъ книжекъ московскаго „Юридическаго Вѣстника“. Мы придаемъ ей значеніе дурного признака не только потому, что она вызвана вѣстью о проектируемомъ упраздненіи выборныхъ мировыхъ судей; не менѣе важно, въ нашихъ глазахъ, и то обстоятельство, что сочувствующимъ этому проекту оказывается одинъ изъ самыхъ искреннихъ приверженцевъ новаго судебнаго строя, не имѣющій ничего общаго съ принципіальными его противниками. Ничто не способствуетъ въ такой степени успѣху нападенія, какъ раздоръ въ средѣ обороняющихся. Онъ увеличиваетъ смѣлость атакующихъ, даетъ имъ желанный предлогъ заподозрить искренность защиты. Неудивительно, что статьей г. Обнинскаго поспѣшили воспользоваться наши газетные реакціонеры; она снабжаетъ „водой“ ихъ „мельницу“, столь скудную собственными средствами. Упрекать г. Обнинскаго за помощь, оказанную имъ общему врагу, мы не станемъ, потому что вполнѣ увѣрены въ его искренности и высоко цѣнимъ въ немъ горячаго защитника рабочихъ—противъ фабрикантовъ, малолѣтнихъ—противъ эксплуататоровъ дѣтскаго труда. Если мы найдемъ, что доводы его противъ выборнаго мирового суда не выдерживаютъ никакой критики, то мы выведемъ отсюда только одно: необходимость стремиться всѣми силами къ опроверженію предубѣжденій, заразительное дѣйствіе которыхъ успѣло уже проникнуть такъ далеко за предѣлы первоначальнаго источника заразы.

Аргументація г. Обнинскаго состоитъ изъ двухъ частей. Онъ доказываетъ сначала быстрое вырожденіе выборнаго мирового суда, весьма недолго оправдывавшаго ожиданія и надежды, съ которыми онъ былъ встрѣченъ. Причины вырожденія—отчасти неудовлетворительный составъ учрежденій, выбирающихъ мировыхъ судей, отчасти недостаточность знаній, которыми вооруженъ выборный мировой судья. Отсюда—такова вторая часть аргументаціи г. Обнинскаго—само собой вытекаетъ и леченье: выборъ долженъ уступить мѣсто назначенію, необходимымъ условіемъ котораго должно быть признано высшее юридическое образованіе. Несостоятельность этой схемы—а

къ ней, если отбросить цвѣты краснорѣчія, на которые черезъ-чуръ щедръ г. Обнинскій, сводится вся разбираемая нами статья—бросается въ глаза съ перваго взгляда. Какъ бы ни былъ далекъ отъ совершенства составъ *выборнаго учрежденія*, доказательствомъ противъ *выборнаго начала* это ни въ какомъ случаѣ служить не можетъ; единственнымъ логическимъ выводомъ изъ такой посылки представляется неизбѣжность новой, лучшей регламентаціи избирательнаго права. По справедливому замѣчанію редакціи „Юридическаго Вѣстника",—помѣстившей статью г. Обнинскаго въ видахъ всесторонняго разъясненія вопроса, но ни въ чемъ съ нею не солидарной,—плохо составленное земское собраніе мало пригодно не только къ избранію мировыхъ судей, но и ко всякой другой дѣятельности; а между тѣмъ самъ г. Обнинскій едва ли рѣшится утверждать, что всѣ функціи земскихъ собраній должны быть переданы административной власти. Недостатки избирательной системы, созданной земскимъ положеніемъ 1864 г., указаны уже давно въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ и газетныхъ статей, земскихъ ходатайствъ, оффиціальныхъ отзывовъ (назовемъ, для примѣра, отчеты сенаторовъ, ревизовавшихъ разныя губерніи въ 1880 — 1881 г.); къ устраненію этихъ недостатковъ, а не къ ограниченію земскихъ уполномочій и должны быть направлены усилія законодателя. Ничто не мѣшало бы, точно также, измѣнить условія выбора мировыхъ судей, уничтожить или понизить имущественный цензъ, увеличить значеніе образовательнаго ценза... Чѣмъ мотивированы, съ другой стороны, розовыя надежды, возлагаемыя г. Обнинскимъ на назначенныхъ мировыхъ судей? Подтверждаются ли онѣ опытомъ западныхъ губерній и другихъ мѣстностей, въ которыхъ должность мирового судьи всегда замѣщалась и до сихъ поръ замѣщается по назначенію? Скажемъ болѣе—вездѣ ли говоритъ въ ихъ пользу даже назначеніе членовъ *общихъ* судебныхъ мѣстъ? Если выборный мировой судъ конца восьмидесятыхъ годовъ значительно уступаетъ выборному мировому суду первыхъ временъ реформы, то не раздѣляетъ ли онъ, въ этомъ отношеніи, судьбу всѣхъ другихъ судебныхъ учрежденій? Нѣтъ ли общихъ причинъ, понижающихъ уровень судебной дѣятельности—причинъ, коренящихся отчасти въ самой судебной сферѣ, отчасти за ея предѣлами?.. Увѣренъ ли г. Обнинскій, что мѣста мировыхъ судей, при замѣщеніи ихъ высшей судебной администраціей, будутъ доставаться именно тѣмъ, для кого онъ о нихъ мечтаетъ—молодымъ людямъ, только-что окончившимъ университетскій курсъ, исполненнымъ горячей любви къ дѣлу и желанія служить народу? Увѣренъ ли онъ въ томъ, что эти качества—если даже и допустить ихъ наличность въ каждомъ назначенномъ мировомъ

судьѣ—устоятъ противъ соприкосновенія съ средой, противъ всей обстановки провинціальной жизни? Если среда дѣйствуетъ неблагопріятно на выборныхъ судей, то гдѣ же гарантіи противъ такого же дѣйствія ея на судей назначенныхъ? Гдѣ основаніе думать, что назначенный мировой судья станетъ ближе къ народу, чѣмъ къ такъ-называемому обществу? Судебные слѣдователи *назначаются* обыкновенно именно изъ числа молодыхъ юристовъ—а многимъ ли отличается, въ большинствѣ случаевъ, ихъ образъ жизни отъ привычекъ и препровожденія времени другихъ должностныхъ лицъ?.. Положимъ, что выборный мировой судья сбивается иногда съ прямой дороги вслѣдствіе опасенія возбудить противъ себя вліятельныхъ избирателей; а для назначеннаго мирового судьи развѣ безразлично мнѣніе мѣстныхъ „тузовъ", облеченныхъ или не облеченныхъ властью? Развѣ оно не можетъ помочь или повредить его дальнѣйшей карьерѣ? Для кого опаснѣе, напримѣръ, нерасположеніе мѣстнаго предводителя дворянства—для выборнаго или для назначеннаго мирового судьи? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ оно опаснѣе для послѣдняго. По отношенію къ выборному судьѣ, предводитель—только глава или вліятельный членъ одной изъ группъ, на которыя обыкновенно раздѣляется земское собраніе; по отношенію къ назначенному судьѣ онъ—нѣчто гораздо бо́льшее, потому что одинъ его отзывъ легко можетъ поколебать или укрѣпить положеніе судьи. „Само собою разумѣется,—говоритъ г. Обнинскій,—что назначаемые мировые судьи должны пользоваться, по независимости отъ администраціи, смѣняемости, преданію суду или отвѣтственности, тѣми же правами, какія узаконены судебными уставами для существующихъ, земствами или думами избираемыхъ судей". Въ томъ-то и дѣло, что при настоящемъ положеніи вещей это вовсе не разумѣется само собою. Мы видѣли уже, что увольненіе мировыхъ судей въ остзейскомъ краѣ предполагается предоставить усмотрѣнію министра юстиціи; ничего другого, безъ сомнѣнія, нельзя было бы ожидать и по отношенію къ мировымъ судьямъ въ остальныхъ частяхъ имперіи, еслибы *теперь* рѣшено было замѣнить для нихъ выборъ—назначеніемъ. Этого одного обстоятельства вполнѣ достаточно для того, чтобы отъ аргументаціи г. Обнинскаго въ пользу назначенія мировыхъ судей не осталось камня на камнѣ.

Университетское образованіе—условіе въ высшей степени желательное для мирового судьи, но не столько какъ источникъ спеціальныхъ знаній, сколько въ качествѣ гарантіи общаго развитія, умственнаго и нравственнаго. Пріобрѣсти сумму техническихъ свѣдѣній, необходимыхъ для мирового судьи—задача не особенно трудная; она сдѣлается еще легче, если мировому судьѣ будетъ предо-

ставленъ большій просторъ въ рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію и упрощены самыя формы мирового дѣлопроизводства. Чтобы поднять уровень мирового суда, достаточно, поэтому, привлечь въ его среду возможно больше образованныхъ людей, преимущественно изъ числа мѣстныхъ жителей. Теперь бывшій студентъ, не располагающій полнымъ имущественнымъ цензомъ, можетъ попасть въ мировые судьи лишь подъ условіемъ *единогласнаго* выбора, на практикѣ почти немыслимаго или, во всякомъ случаѣ, составляющаго крайне рѣдкое исключеніе. Замѣнить единогласіе—при наличности высшаго образовательнаго ценза—простымъ большинствомъ или даже двумя третями, тремя четвертями голосовъ, значило бы сразу увеличить число кандидатовъ въ мировые судьи и открыть доступъ къ этой должности именно тѣмъ, кто наиболѣе къ ней способенъ. Молодежь, теперь наполняющая столицы и напрасно ждущая тамъ „движенія воды", устремилась бы тогда въ провинцію, гдѣ она такъ нужна; преобразованныя земскія собранія скоро съумѣли бы оцѣнить значеніе услугъ, которыхъ можно ожидать отъ нея—и путемъ выбора въ область мирового суда проникло бы по меньшей мѣрѣ столько уже свѣжихъ силъ, сколько могло бы ихъ дать правительственное назначеніе. Намъ могутъ возразить, что при сохраненіи выборной системы многіе изъ старыхъ мировыхъ судей останутся на своихъ мѣстахъ въ силу давности, въ силу косности избирателей. Возможность такого результата мы не отрицаемъ; но вѣдь и при замѣнѣ выбора назначеніемъ перемѣнились бы не сразу всѣ наличные мировые судьи. Многіе изъ нихъ получили бы, безъ сомнѣнія, новую инвеституру отъ правительственной власти, и получили бы ее, притомъ, на такой продолжительный срокъ, на который не могли бы быть выбраны при дѣйствіи прежнихъ порядковъ. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ больше шансовъ ошибки, при какой системѣ вѣроятнѣе устраненіе худшихъ, удержаніе лучшихъ мировыхъ судей. Соображенія, приведенныя нами выше, не позволяютъ намъ разрѣшить этотъ вопросъ въ пользу административнаго назначенія.

Такъ ли велики, наконецъ, недостатки нынѣшняго мирового суда, чтобы оправдать коренную передѣлку началъ, на которыхъ онъ построенъ? Мы далеки отъ мысли, чтобы онъ не оставлялъ желать ничего лучшаго; мы знаемъ, что онъ подвинулся скорѣе назадъ, чѣмъ впередъ—но это еще не значитъ, чтобы въ немъ не оставалось ничего хорошаго. Всѣ нападенія противъ него основываются либо на отдѣльныхъ фактахъ, случайно проникшихъ въ печать и далеко не всегда надлежащимъ образомъ провѣренныхъ, либо на личномъ удостовѣреніи, по необходимости ограничивающемся тѣсной сферой одного или нѣсколькихъ уѣздовъ. Матеріаломъ перваго рода зло-

употребляетъ обыкновенно реакціонная пресса, любимымъ пріемомъ которой являются именно поспѣшныя, произвольныя обобщенія; въ послѣднее время она находитъ союзниковъ и подражателей даже между профессорами, низводящими науку на степень прислужницы торжествующаго регресса [1]). Матеріаломъ второго рода пользуется г. Обнинскій, „ручающійся" передъ читателями, на основаніи „долгихъ и тщательныхъ наблюденій", что положеніе дѣлъ именно таково, какимъ онъ его изображаетъ. Мы готовы вѣрить въ безпристрастіе и точность наблюденій г. Обнинскаго— но не распространялись же они на всю земскую Россію. Губерній не-земскихъ они, очевидно, вовсе не касались — иначе немыслимо было бы оптимистическое отношеніе автора къ правительственному *назначенію* мировыхъ судей. Между тѣмъ правильный выводъ можетъ быть сдѣланъ только изъ массы фактовъ, собранныхъ во всѣхъ концахъ Россіи, взвѣшенныхъ и сопоставленныхъ одни съ другими. Иными словами, рѣшенію вопроса о способѣ назначенія мировыхъ судей должно быть предпослано широкое, всестороннее *изслѣдованіе* — одна изъ тѣхъ enquêtes, которыя составляютъ обычное явленіе на Западѣ и не безпримѣрны и у насъ въ Россіи. Изслѣдованіе это—на необходимости котораго настаиваетъ и редакція „Юридическаго Вѣстника", въ примѣчаніи къ статьѣ г. Обнинскаго —должно быть произведено на мѣстахъ, путемъ разсмотрѣнія актовъ, выслушиванія заявленій, разспроса лицъ изъ среды всѣхъ сословій; его результаты должны быть оглашены и подвергнуты свободному обсужденію. Предметомъ его непремѣнно должна быть дѣятельность какъ выборныхъ, такъ и невыборныхъ мировыхъ судей. Только при соблюденіи всѣхъ этихъ условій можно будетъ придти къ окончательному выводу, согласному съ указаніями и требованіями жизни.

Возвращаемся къ проекту судебной реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ, отъ котораго насъ отвлекъ общій вопросъ о мировомъ судѣ. Намъ остается еще познакомить читателей съ устройствомъ, которое предполагается дать спеціально-крестьянскому суду. Въ настоящее время онъ существуетъ во всѣхъ остзейскихъ губерніяхъ, подъ названіемъ волостного или мірского приходскаго суда; надъ

---

[1]) Таковъ, напримѣръ, г. Ярошъ, о книгѣ котораго: „Вопросы современной морали", шла рѣчь въ предыдущемъ Литературномъ Обозрѣніи нашего журнала. То же можно сказать и о новой его брошюрѣ: „Чувство законности и мировая юстиція", служащей образцомъ тенденціозно-мозаическаго подбора, направленнаго къ дискредитированію ненавистнаго учрежденія; объ этой послѣдней брошюрѣ мы скоро будемъ имѣть случай отозваться подробнѣе.

нимъ стоятъ въ Лифляндіи три инстанціи (приходскій судъ, уѣздный судъ, крестьянское отдѣленіе гофгерихта), причемъ въ составъ второй инстанціи входятъ, между прочимъ, представители крестьянскаго сословія. Уничтожая мѣстныя различія, проектъ установляетъ для всѣхъ трехъ губерній волостные суды, состоящіе, по меньшей мѣрѣ, изъ четырехъ членовъ. Волостные судьи избираются, на три года, волостнымъ сходомъ, изъ числа членовъ волостного общества. Предсѣдатель суда избирается самими судьями, изъ собственной ихъ среды; онъ долженъ быть собственникомъ или арендаторомъ участка крестьянской земли, или же собственникомъ участка мызной земли, соотвѣтствующаго, по своимъ размѣрамъ, наименьшей величинѣ крестьянскаго участка. Въ каждомъ волостномъ судебномъ участкѣ, гдѣ одна четверть жителей принадлежитъ къ православному исповѣданію, изъ числа ихъ должны быть избираемы одинъ членъ волостного суда и одинъ кандидатъ; если же православныхъ цѣлая половина, то изъ ихъ среды должно быть избрано не менѣе половины всего числа судей и кандидатовъ. Православнымъ, въ послѣднемъ случаѣ, долженъ быть и предсѣдатель суда. Предсѣдатель волостного суда и волостные судьи могутъ быть удаляемы отъ должности не иначе, какъ по приговору уголовнаго суда или по опредѣленію мирового съѣзда, въ случаѣ объявленія ихъ несостоятельными или привлеченія къ слѣдствію по обвиненію въ серьезномъ не-служебномъ преступленіи. Второю инстанціей по судебнымъ крестьянскимъ дѣламъ становится верхній крестьянскій судъ, состоящій изъ особаго предсѣдателя и изъ приглашаемыхъ по очереди, въ качествѣ членовъ, предсѣдателей волостныхъ судовъ. Предсѣдатель верхняго крестьянскаго суда назначается министромъ юстиціи изъ числа лицъ, достаточно владѣющихъ русскимъ языкомъ и мѣстнымъ нарѣчіемъ, и обладающихъ образовательнымъ цензомъ, требуемымъ отъ мирового судьи; онъ получаетъ тысячу рублей жалованья и пятьсотъ рублей на канцелярскіе расходы. Высшую инстанцію какъ для надзора за волостными и верхними крестьянскими судами, такъ и для разсмотрѣнія жалобъ на ихъ рѣшенія, составляетъ съѣздъ мировыхъ судей.

Постановленія проекта, въ силу которыхъ извѣстному проценту православныхъ въ средѣ населенія долженъ соотвѣтствовать извѣстный процентъ православныхъ въ средѣ суда, заимствованы изъ закона, дѣйствующаго въ Лифляндіи уже съ 1860 г. Цѣлесообразность ихъ, тѣмъ не менѣе, кажется намъ весьма сомнительной. Тридцать лѣтъ тому назадъ они могли быть оправданы, до извѣстной степени, сосредоточеніемъ всей административной и судебной власти въ рукахъ высшаго сословія, исповѣдующаго лютеранство и нерасположеннаго къ православію; но теперь этимъ порядкамъ наступаетъ

конецъ, высшее сословіе теряетъ свое господствующее положеніе, преемниками его являются на всѣхъ пунктахъ представители центральной власти. Спеціальная охрана православнаго населенія, въ виду всего этого, перестаетъ быть необходимой—а слѣдовательно и справедливой. Нормальныя отношенія между вѣроисповѣданіями возможны только при равенствѣ политическихъ правъ, при отсутствіи привилегій. Усиленное огражденіе одного изъ нихъ заставляетъ думать, что ему грозитъ опасность—а эта мысль, въ свою очередь, противодѣйствуетъ установленію религіознаго мира. Всего менѣе желательнымъ подчеркиванье вѣроисповѣдныхъ различій представляется именно въ судебной сферѣ. Православные члены волостного суда слишкомъ легко могутъ вообразить себѣ, что они призваны отстаивать, во что бы то ни стало, своихъ единовѣрцевъ—а вслѣдъ затѣмъ къ тому же выводу неизбѣжно придутъ и лютеранскіе ихъ сочлены. Волостной судъ обратится въ арену борьбы, безусловно несовмѣстной съ его назначеніемъ. Неужели подчиненіе волостного суда верхнему крестьянскому суду, предсѣдатель котораго назначается министромъ юстиціи, и мировому съѣзду, исключительно составленному изъ лицъ назначенныхъ — недостаточная гарантія противъ систематически-несправедливаго отношенія волостныхъ судей къ православному населенію? Чѣмъ меньше въ данной мѣстности православныхъ, тѣмъ вѣроятнѣе угнетеніе ихъ лютеранскимъ большинствомъ; между тѣмъ избраніе православныхъ въ члены и кандидаты волостного суда становится обязательнымъ только тогда, когда число православныхъ достигаетъ весьма высокой цифры и, сообразно съ этимъ, уменьшается потребность въ искусственной ихъ защитѣ. Обращать вниманіе на вѣроисповѣданіе тяжущагося или подсудимаго и принимать его въ соображеніе при рѣшеніи дѣла волостные судьи перестанутъ только тогда, когда различіе вѣроисповѣданія не будетъ играть никакой роли въ образованіи волостного суда... Замѣтимъ мимоходомъ, что вѣроисповѣдный вопросъ проникаетъ и въ ту часть проекта, которая касается примѣненія къ остзейскому краю устава уголовнаго судопроизводства. Статья 1009 этого устава требуетъ, чтобы въ составъ присяжныхъ засѣдателей, призываемыхъ къ обсужденію преступленія противъ православной вѣры, входили только православные. Проектъ распространяетъ это требованіе и на членовъ общихъ судебныхъ мѣстъ. Намъ кажется, что здѣсь упущено изъ виду существенное различіе между присяжными засѣдателями и коронными судьями. Отъ присяжныхъ, призываемыхъ къ отправленію правосудія лишь на короткое время, скорѣе можно ожидать увлеченія посторонними соображеніями, чѣмъ отъ судей профессіональныхъ, назначенныхъ правительственною властью и мотивирующихъ

свои рѣшенія. Правило статьи 1009 вообще кажется намъ излишнимъ; но ужъ если оно имѣетъ какой-нибудь raison d'être, то развѣ только по отношенію къ присяжнымъ. Коронные судьи не могутъ не понимать, что въ функціяхъ суда нѣтъ мѣста для вѣроисповѣдныхъ симпатій и антипатій; они не могутъ не понимать, что преступленіе противъ православной вѣры должно быть караемо ими не какъ оскорбленіе личныхъ ихъ вѣрованій, а какъ нарушеніе государственнаго закона. Судить о немъ, поэтому, они всѣ одинаково компетентны, къ какому бы вѣроисповѣданію они ни принадлежали—и компетентность эта признается за ними съ самаго введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Если лютеранинъ или католикъ, состоящій членомъ окружного суда или судебной палаты въ одной изъ центральныхъ губерній (или на Кавказѣ, гдѣ вовсе нѣтъ суда присяжныхъ), имѣетъ право участвовать въ рѣшеніи дѣла о преступленіи противъ православной вѣры, то мы не видимъ причины, по которой за нимъ не могло бы быть оставлено это право и въ остзейскомъ краѣ.

Учрежденіе особой должности предсѣдателя верхняго крестьянскаго суда представляется, съ перваго взгляда, не совсѣмъ понятнымъ; трудно объяснить себѣ, почему разсмотрѣніе жалобъ на волостные суды не возлагается на мирового судью, съ такимъ же участіемъ предсѣдателей волостныхъ судовъ, какое проектируется въ верхнемъ крестьянскомъ судѣ. Назначеніе особыхъ предсѣдателей верхнихъ крестьянскихъ судовъ увеличиваетъ, безъ всякой надобности, число должностныхъ лицъ и расходъ на ихъ содержаніе; оно отдаляетъ отъ населенія высшую инстанцію крестьянскаго суда и затрудняетъ предсѣдателей волостныхъ судовъ, заставляя ихъ выѣзжать, для участія въ верхнемъ судѣ, на большое разстояніе отъ мѣста жительства. Всѣхъ участковыхъ мировыхъ судей въ остзейскихъ губерніяхъ предполагается 80, а за вычетомъ большихъ городовъ (Риги, Дерпта, Ревеля, Нарвы, Митавы и Либавы)—64; верхнихъ крестьянскихъ судовъ проектируется почти вдвое меньше—только 34. Чтобы присутствовать при разсмотрѣніи дѣла въ высшей инстанціи, крестьянину придется ѣхать или идти вдвое дальше, чѣмъ еслибы оно разбиралось, въ апелляціонномъ порядкѣ, у мирового судьи. Чему же приписать такую аномалію? По всей вѣроятности, тому, что для разбора спеціально-крестьянскихъ дѣлъ, особенно при участіи предсѣдателей волостныхъ судовъ, необходимо знаніе мѣстнаго нарѣчія, котораго проектъ не требуетъ отъ мирового судьи, но требуетъ отъ предсѣдателя верхняго крестьянскаго суда. Не проще ли было бы, въ такомъ случаѣ, примѣнить это требованіе къ мировымъ судьямъ? Оно имѣло бы и ту хорошую сторону, что

сдѣлало бы ихъ болѣе доступными для мѣстнаго населенія и устранило бы часть неудобствъ, неизбѣжныхъ при непониманіи судьею обычной рѣчи свидѣтелей и сторонъ. Объ этихъ неудобствахъ мы говорили подробно въ предыдущемъ обозрѣніи; не повторяя сказаннаго нами тогда, замѣтимъ только, что одна коренная ошибка всегда влечетъ за собою цѣлый рядъ другихъ. Предсѣдатель верхняго крестьянскаго суда—это лишнее колесо, появляющееся на сцену именно вслѣдствіе неправильнаго разрѣшенія вопроса о судебномъ языкѣ въ мировыхъ учрежденіяхъ остзейскаго края.

Другое неудобство, рѣзко бросающееся въ глаза — это бо́льшая обезпеченность положенія волостныхъ судей, сравнительно съ положеніемъ предсѣдателей верхнихъ крестьянскихъ судовъ и мировыхъ судей. Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, что предсѣдатели и члены волостныхъ судовъ могутъ быть лишены своей должности не иначе, какъ по суду или вслѣдствіе опредѣленной, законной причины (несостоятельность, прикосновенность къ уголовному дѣлу), а высшіе, относительно, чины судебной іерархіи могутъ быть увольняемы отъ должности по усмотрѣнію министра юстиціи? Само собою разумѣется, что указываемая нами странность заключается не въ избыткѣ правъ, данныхъ членамъ волостныхъ судовъ, а въ недостаткѣ гарантій, предоставленныхъ мировымъ судьямъ. Зависимость волостныхъ судей отъ произвола начальства уничтожила бы всякій авторитетъ волостного суда, сдѣлала бы его орудіемъ для исполненія чужихъ приказаній, обратила бы въ пустую формальность самое избраніе его крестьянскимъ населеніемъ. Постановленія проекта, ограждающія самостоятельность волостного суда, заслуживаютъ полнѣйшаго сочувствія; мы желали бы только распространенія ихъ дѣйствія на предсѣдателей верхнихъ крестьянскихъ судовъ и на мировыхъ судей, а также на волостные суды въ центральныхъ губерніяхъ имперіи, отдаваемые, проектомъ положенія о земскихъ начальникахъ, въ полную зависимость отъ этихъ должностныхъ лицъ.

Такъ какъ присутственныя мѣста, составляющія теперь въ остзейскомъ краѣ вторую инстанцію по судебнымъ крестьянскимъ дѣламъ, облечены, вмѣстѣ съ тѣмъ, и административною властью, то съ введеніемъ судебной реформы они также должны подвергнуться преобразованію. Уѣздные и приходскіе суды предполагается замѣнить единоличными уѣздными и приходскими судьями [1]), возложивъ на нихъ административную часть крестьянскаго дѣла, безъ всякой примѣси судебныхъ функцій. Эти должностныя лица должны быть

[1]) Разница между уѣздными и приходскими судьями ограничивается однимъ названіемъ; уѣздными судьями чиновники, завѣдывающіе крестьянскимъ дѣломъ, будутъ именоваться въ Курляндіи, приходскими—въ Лифляндіи и Эстляндіи.

назначаемы министромъ внутреннихъ дѣлъ, по представленію губернаторовъ. Для насъ интересно здѣсь въ особенности безусловное отдѣленіе административной власти отъ судебной, столь мало похожее на сліяніе и смѣшеніе властей, проектируемое для коренныхъ русскихъ губерній. Трудно допустить, чтобы одинъ и тотъ же вопросъ, въ одно и то же время, могъ быть разрѣшенъ различно для различныхъ частей имперіи. Невѣроятность такого исхода еще болѣе увеличивается тѣмъ, что въ остзейскомъ краѣ соединеніе властей—наличный фактъ, а въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ о немъ осталось только одно воспоминаніе. Болѣе чѣмъ странно было бы уничтожить его тамъ, гдѣ оно есть—и въ ту же самую минуту возстановить его тамъ, гдѣ оно болѣе не существуетъ. Очевидно, что изъ двухъ противоположныхъ системъ, въ концѣ концовъ, должна восторжествовать повсемѣстно какая-либо одна. Будемъ надѣяться, что побѣда останется на сторонѣ раздѣленія властей. Помимо всѣхъ внутреннихъ ея преимуществъ, эта система имѣетъ еще ту хорошую сторону, что она дѣйствуетъ уже болѣе четверти вѣка во всей почти Россіи. Сохранять всегда легче, чѣмъ разрушать; въ тысячу разъ проще ввести раздѣленіе властей въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ его не было до сихъ поръ, чѣмъ положить ему конецъ вездѣ, гдѣ населеніе успѣло къ нему привыкнуть и оцѣнить, сознательно или инстинктивно, его достоинства. Отмѣтимъ еще одну существенную разницу между проектомъ положенія о земскихъ начальникахъ и проектомъ учрежденія въ остзейскомъ краѣ приходскихъ и уѣздныхъ судей. Назначеніе послѣднихъ предоставляется всецѣло администраціи и не обусловливается предварительнымъ соглашеніемъ съ предводителями дворянства, какъ это предполагается установить по отношенію къ земскимъ начальникамъ. Само собою разумѣется, что первый изъ этихъ двухъ способовъ назначенія несравненно раціональнѣе второго. Менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, вліяніе высшаго сословія законно и удобно въ дѣлѣ назначенія лицъ, призываемыхъ къ управленію крестьянской массой.

Возвращаемся къ слухамъ о перемѣнахъ, вносимыхъ въ проектъ положенія о земскихъ начальникахъ,—и возвращаемся къ тому изъ нихъ, который касается расширенія административно-карательной власти земскаго начальника. Административно-карательная власть—какъ исключеніе изъ общаго правила, въ силу котораго взысканіе можетъ быть налагаемо только судомъ и только послѣ судебнаго разбирательства—понятна и законна лишь при соблюденіи трехъ условій: при одинаковомъ распространеніи ея на всѣ сословія, при незначительности

ея круга дѣйствій и при возможности судебнаго обжалованія административно-карательной мѣры. Первое изъ этихъ условій представляется необходимымъ не только въ виду общихъ началъ, требующихъ равенства передъ закономъ, но и въ виду особыхъ свойствъ административно-карательной власти. Назначеніе этой власти—быстрое, немедленное пресѣченіе закононарушеній, путемъ взысканія съ нарушителя. Личность нарушителя не играетъ здѣсь, очевидно, никакой роли; все зависитъ отъ характера нарушенія, кѣмъ бы оно ни было совершено. Признать, что извѣстная категорія нарушителей можетъ быть привлечена къ отвѣтственности только въ порядкѣ судебномъ, значитъ уничтожить всякій raison d'être для административно-карательной власти. Если можно обойтись безъ нея въ одномъ случаѣ, то она ненужна и во всѣхъ другихъ, тождественныхъ или однородныхъ. Если дворянинъ, не исполнившій требованія администраціи, отвѣчаетъ за это только передъ судомъ, то логическій выводъ отсюда можетъ быть лишь одинъ: замедленіе взысканія не грозитъ опасностью общественному порядку,—periculum in mora на-лицо нѣтъ—нѣтъ, слѣдовательно, и надобности отступать отъ обычныхъ способовъ преслѣдованія. Намъ могутъ возразить, что дворянъ и вообще лицъ привилегированныхъ сословій въ уѣздѣ очень мало, что виновниками нарушеній, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, являются крестьяне; но для крестьянъ—этого никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду—существуетъ и особый крестьянскій судъ, вслѣдствіе чего между нарушителями закона, подвѣдомственными общему суду, процентъ дворянъ и другихъ лицъ изъ среды привилегированныхъ классовъ вовсе ужъ не такъ ничтоженъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Возьмемъ, для примѣра, одинъ изъ проступковъ, включаемыхъ, если вѣрить слухамъ, въ кругъ дѣйствій административно-карательной власти земскаго начальника: неисправное содержаніе дорогъ, продолжающееся несмотря на сдѣланное напоминаніе (уст. о наказ. налаг. миров. суд. ст. 69). Кто знакомъ съ провинціальной жизнью, тотъ знаетъ, что въ этомъ проступкѣ помѣщики оказываются виновными отнюдь не рѣже, чѣмъ крестьяне или крестьянскія общества. Представимъ себѣ, что два дорожныхъ участка, лежащихъ одинъ подлѣ другого, находятся въ одинаково дурномъ состояніи и не приводятся въ исправность, вопреки требованіямъ полиціи. Одинъ изъ нихъ пролегаетъ по землѣ крестьянина, котораго земскій начальникъ и подвергаетъ штрафу, не выслушивая никакихъ оправданій; другой пролегаетъ по землѣ дворянина, который вызывается къ мировому судьѣ, представляетъ ему доказательства, удостовѣряющія невозможность скорой починки, и признается по суду оправданнымъ. Какое впечатлѣніе это должно произвести не только на оштрафо-

ваннаго крестьянина, но и на все окрестное населеніе? Какое понятіе оно должно получить о порядкѣ, столь явно узаконяющемъ систему двухъ мѣръ и двухъ вѣсовъ?... Не нужно обманывать себя насчетъ степени развитія массы; она теперь уже не такъ инертна и не такъ апатична, какъ четверть вѣка тому назадъ, не такъ чужда понятій о справедливости и законѣ. Испытавъ на опытѣ значеніе равенства передъ судомъ, она очень хорошо поймете или, по меньшей мѣрѣ, очень живо почувствуетъ всякое рѣзкое уклоненіе отъ этого принципа.

Второе условіе, упомянутое нами выше—это ограниченность круга дѣйствій административно-карательной власти. Въ самомъ дѣлѣ, примѣненіе ея оправдывается только несомнѣнностью нарушенія, простотою и ясностью обстоятельствъ, къ нему относящихся, и необходимостью немедленнаго возстановленія нарушеннаго порядка. Должностное лицо дѣлаетъ распоряженіе, на которое оно уполномочено закономъ; распоряженіе это кѣмъ-либо не исполняется вовсе или исполняется не такъ какъ слѣдуетъ. Нужно настоять на его исполненіи—и вотъ, съ этою цѣлью должностное лицо облекается административно-карательною властью. Въ такіе, приблизительно, предѣлы и предполагалось первоначально заключить административно-карательную власть земскаго начальника. Совсѣмъ иначе, судя по слухамъ, она организуется новою редакціею положенія о земскихъ начальникахъ. Подчиняемые ей проступки противъ благочинія, благоустройства и личной безопасности, противъ частной собственности, противъ уставовъ строительнаго, пожарнаго и путей сообщенія—проступки, предусмотрѣнные въ нѣсколькихъ десяткахъ статей устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями,—не подходятъ ни подъ одинъ изъ признаковъ, при которыхъ цѣлесообразно примѣненіе административно-карательной власти. Многіе изъ этихъ проступковъ трудно установить съ точностью, другіе не сразу поддаются юридической оцѣнкѣ; ни одинъ изъ нихъ не требуетъ особенно быстрой репрессіи. Возьмемъ, для примѣра, проступки противъ чужой собственности—самовольное срываніе плодовъ или овощей, проходъ или проѣздъ черезъ чужіе луга, свозъ на чужую землю мусора или камня, убой чужого животнаго и т. п. За исключеніемъ тѣхъ, крайне рѣдкихъ, случаевъ, когда виновный застигнутъ земскимъ начальникомъ при самомъ совершеніи проступка, спорной всегда можетъ оказаться здѣсь и виновность, и степень виновности. Одно изъ двухъ: или земскій начальникъ не войдетъ въ разсмотрѣніе спорныхъ вопросовъ, а разрубитъ ихъ на манеръ гордіева узла, признавъ обвиняемаго виновнымъ не столько на основаніи доказательствъ, сколько по чутью, по догадкѣ; или онъ станетъ разспрашивать свидѣтелей, произведетъ

осмотръ на мѣстѣ, выслушаетъ оправданія обвиняемаго—въ такомъ случаѣ это будетъ уже настоящее судебное разбирательство. Для самого потерпѣвшаго совершенно безразлично будетъ обратиться къ земскому начальнику или къ мировому судьѣ; для обвиняемаго не составитъ никакой разницы присужденіе штрафа нѣсколькими днями раньше или позже. Скажемъ болѣе: обращеніе къ земскому начальнику можетъ даже замедлить окончательное рѣшеніе, въ виду предоставляемаго ему права направить дѣло къ суду, если онъ найдетъ обвиняемаго подлежащимъ наказанію болѣе строгому, чѣмъ maximum административной кары (семь дней ареста или пятнадцать рублей штрафа). Съ этимъ правомъ—неизбѣжнымъ при чрезмѣрномъ расширеніи административно-карательной власти—сопряжено еще другое, существенно-важное, неудобство. Представимъ себѣ, что въ одномъ и томъ же проступкѣ—хотя бы въ убоѣ чужого скота—обвиняются передъ земскимъ начальникомъ два лица. Поверхностное знакомство съ дѣломъ—дальше поверхности административная расправа идти не можетъ—приводитъ земскаго начальника къ заключенію, что одного изъ обвиняемыхъ достаточно оштрафовать десятью рублями, а другой заслуживаетъ ареста на одинъ мѣсяцъ, т.-е. взысканія, выходящаго за предѣлы административно-карательной власти. Покончивъ съ первымъ, онъ отсылаетъ второго къ мировому судьѣ, который, тщательно разобравъ дѣло, признаетъ недоказаннымъ самый фактъ проступка и произноситъ, на этомъ основаніи, оправдательный приговоръ. Нетрудно понять, какой ударъ это должно нанести авторитету земскаго начальника. Соблазнъ будетъ тѣмъ сильнѣе, что добиться отмѣны штрафа неправильно обвиненный не будетъ имѣть никакой возможности; мѣры, принятыя земскимъ начальникомъ въ силу административно-карательной его власти, предполагается признать неподлежащими отмѣнѣ, хотя бы онѣ и были обжалованы въ порядкѣ надзора и найдены неправильными.

Мы касаемся здѣсь послѣдняго изъ числа условій, которымъ должна соотвѣтствовать административно-карательная власть. Нормальной, собственно говоря, она представляется только тогда, когда она нимало не съуживаетъ сферу дѣйствій суда, когда каждый проступокъ можетъ дойти до судебнаго разсмотрѣнія, развѣ если самъ обвиняемый подчинится принятой противъ него, въ административномъ порядкѣ, карательной мѣрѣ. Другими словами, всякое карательное распоряженіе администраціи должно подлежать обжалованію *передъ судомъ*, въ опредѣленный срокъ, до истеченія котораго оно не должно быть обращаемо къ исполненію; въ видѣ исключенія можно допустить, при извѣстныхъ условіяхъ, только немедленное взысканіе штрафа, съ возвращеніемъ его въ случаѣ произнесенія судомъ оправ-

дательнаго приговора. Суррогатомъ судебной повѣрки, далеко не равноцѣннымъ, но все-таки не лишеннымъ нѣкотораго значенія, является пересмотръ дѣла, по жалобѣ подвергшагося административной карѣ, въ высшей административной инстанціи—конечно, съ правомъ отмѣны обжалованнаго распоряженія. Мы видѣли уже, что положеніе о земскихъ начальникахъ, въ измѣненной его формѣ, не допускаетъ даже и этого суррогата, ничѣмъ, такимъ образомъ, не сдерживая произволъ земскаго начальника. Остается, правда, жалоба въ порядкѣ надзора; но для самого жалующагося она реальныхъ послѣдствій имѣть не можетъ, потому что однажды принятая административно-карательная мѣра ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отмѣнѣ. Много ли найдется охотниковъ заниматься платоническимъ, такъ сказать, возстановленіемъ истины, ни къ чему не ведущимъ и не приносящимъ никакой пользы? Многіе ли — въ особенности изъ числа крестьянъ и мѣщанъ, безусловно-зависимыхъ отъ земскаго начальника—рѣшатся жаловаться на административно-карательныя его распоряженія, зная, что лично для себя они этимъ путемъ ничего не добьются, а только навлекутъ на себя опасный гнѣвъ своего властителя?.. Жалобы въ порядкѣ надзора понятны, притомъ, только тогда, когда допущено явное злоупотребленіе власти; этотъ характеръ административно-карательныя распоряженія земскаго начальника будутъ имѣть только въ рѣдкихъ случаяхъ. Главная опасность заключается здѣсь не въ сознательной и намѣренной несправедливости земскаго начальника, а въ легкомысленномъ, торопливомъ, необдуманномъ пользованіи безконтрольнымъ правомъ.

Чтобы понять всю серьезность этой опасности, необходимо имѣть въ виду, что земскій начальникъ—и по первоначальному, и по измѣненному проекту—не только администраторъ, облеченный карательною властью; въ нѣкоторыхъ, и притомъ весьма важныхъ, дѣлахъ (лѣсныя порубки, возстановленіе владѣнія, потравы, споры, вытекающіе изъ личнаго найма) онъ является настоящимъ судьею. Можно ли ожидать, чтобы привычки, пріобрѣтенныя имъ при пользованіи административно-карательной властью, не отразились и на отправленіи правосудія? Можно ли предположить, что безпрестанный переходъ отъ одного образа дѣйствій къ другому, прямо противоположному, останется безъ вліянія на весь складъ, на общій характеръ дѣятельности земскаго начальника? Мы всегда сомнѣвались въ томъ, чтобы хорошій администраторъ могъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, хорошимъ судьею—сомнѣвались въ этомъ именно въ виду глубокаго различія пріемовъ, свойственныхъ столь разнороднымъ функціямъ; теперь наши сомнѣнія пріобрѣтаютъ новую силу. Есть обязанности явно и исключительно административныя; есть обязанности явно и исклю-

чительно судебныя. Какъ ни трудно одному и тому же лицу приспособляться то къ тѣмъ, то къ другимъ, это все-таки возможно, если онѣ отдѣлены другъ отъ друга ясною демаркаціонною чертою; но если онѣ, на нѣкоторыхъ пунктахъ, соприкасаются между собою, то смѣшеніе понятій становится почти неизбѣжнымъ. Примѣняя административно-карательную власть, земскій начальникъ будетъ чувствовать себя чѣмъ-то въ родѣ судьи; онъ будетъ опредѣлять виновность и соотвѣтствующее ей взысканіе, т.-е. дѣлать, въ сущности, то же самое, что̀ и судья. Обращаясь, затѣмъ, къ постановленію чисто-судебнаго рѣшенія, земскій начальникъ весьма легко можетъ перенести и сюда тѣ же замашки, тѣ же элементарные способы изслѣдованія и разбора, ту же готовность довольствоваться догадками и пренебрегать доказательствами. Допустимъ слѣдующее предположеніе: въ десять часовъ утра къ земскому начальнику приходятъ съ жалобой на крестьянина А., изувѣчившаго, будто бы, чужое животное. Земскій начальникъ, считая А. вполнѣ способнымъ на такое дѣяніе, немедленно присуждаетъ его, въ силу административно-карательной власти, къ нѣсколькимъ днямъ ареста. Два часа спустя того же А. обвиняютъ въ лѣсной порубкѣ, т.-е. въ проступкѣ, требующемъ судебнаго разбирательства. Какое усиліе земскій начальникъ долженъ будетъ сдѣлать надъ самимъ собою, чтобы пустить въ ходъ другіе, менѣе упрощенные пріемы, чтобы воздержаться отъ безотлагательнаго произнесенія обвинительнаго приговора! И въ самомъ дѣлѣ, изувѣченіе чужого животнаго — проступокъ противъ чужой собственности, лѣсная порубка — также; какой смыслъ имѣетъ различное къ нимъ отношеніе, различный способъ разбора? „Если я въ правѣ—можетъ сказать себѣ земскій начальникъ—карать одинъ изъ этихъ проступковъ séance tenante, безъ всякаго предварительнаго производства, то къ чему заставлять меня удостовѣряться, по всѣмъ правиламъ судебной техники, въ наличности другого? Если мнѣ довѣряютъ въ первомъ случаѣ, то почему же не оказать мнѣ такого же довѣрія и въ послѣднемъ?“ Понятно, что разсуждая такимъ образомъ земскій начальникъ будетъ не слишкомъ-то расположенъ къ внимательному и безпристрастному разбору дѣла о лѣсной порубкѣ... Есть полное основаніе думать, что въ осуществленіи реформы—если ей суждено осуществиться—будетъ много общаго съ ея приготовленіемъ. Подобно тому, какъ съ каждой перемѣной въ содержаніи проекта все больше и больше расширялась дискреціонная власть земскаго начальника, она будетъ расширяться и на практикѣ, въ ущербъ судебнымъ функціямъ новаго учрежденія. Меньшинство Кахановской коммиссіи, отъ котораго идетъ иниціатива занимающаго насъ нововведенія, мечтало только о мировомъ судьѣ, обле-

ченномъ нѣкоторыми административными обязанностями; въ концѣ концовъ, продуктомъ этихъ мечтаній явится, быть можетъ, администраторъ, карающій и взыскивающій внѣ всякихъ обычныхъ формъ судопроизводства. Остановиться на наклонной плоскости до крайности трудно. Первымъ шагомъ внизъ было допущеніе мысли, что земскій начальникъ долженъ рѣшать судебныя дѣла, не будучи судьею; куда приведетъ послѣдній шагъ—это и теперь довольно ясно.

Мы говорили уже въ прошедшій разъ о проектируемомъ, будто бы, уравненіи живущихъ въ уѣздѣ мѣщанъ съ крестьянами, во всемъ томъ, что̀ касается полиціи и суда. Мы указали, что это было бы, въ сущности, равносильно подчиненію мѣщанъ тѣлесному наказанію, отъ котораго они въ настоящее время изъяты. Не дальше какъ два года тому назадъ такое ограниченіе правъ мѣщанъ еще не признавалось возможнымъ въ законодательныхъ сферахъ. Законъ 9-го іюня 1886 г. о поземельномъ устройствѣ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ, обращая сельскихъ чиншевиковъ-мѣщанъ въ крестьянское сословіе, сохранилъ за ними свободу отъ тѣлеснаго наказанія. Такая же оговорка, очевидно, должна быть сдѣлана и въ новомъ законопроектѣ, если дѣйствительно имѣется въ виду подчинить мѣщанъ, живущихъ въ уѣздѣ, юрисдикціи волостного суда.

Изъ всѣхъ перемѣнъ, проектируемыхъ, судя по слухамъ, въ положеніи о земскихъ начальникахъ, перемѣной къ лучшему можетъ быть названа только одна: предоставленіе нѣкоторыхъ жалобъ на губернскія по сельскимъ дѣламъ присутствія разсмотрѣнію второго департамента сената, между тѣмъ какъ прежде предполагалось всѣ жалобы этого рода подчинить вѣденію министра внутреннихъ дѣлъ. Неудивительно, что именно это раздѣленіе власти встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны реакціонной печати. „Московскія Вѣдомости“ посвятили недавно цѣлую передовую статью генеральной аттакѣ противъ административныхъ департаментовъ сената. Вѣрная своей обычной манерѣ, московская газета переноситъ техническій вопросъ на политическую почву. Надзоръ сената, въ нынѣ существующемъ объемѣ, выставляется источникомъ „двоеначалія“, подчиняющаго мѣстную администрацію съ одной стороны сенату, съ другой — „*черезъ министра, непосредственно* верховной власти“ (что это за посредственная непосредственность?). „Но можетъ ли сенатъ,—продолжаетъ московская газета, — взамѣнъ верховной власти, давать министру руководящее направленіе по земскимъ, городскимъ и крестьянскимъ дѣламъ? По своему коллегіальному составу, по своей формальной задачѣ, по знакомству съ дѣлами не непосредственно, а лишь по перепискѣ, онъ въ дѣлахъ этого рода не можетъ быть высшимъ руководителемъ. Сохраняя свое значеніе по истолкованію силы

дѣйствующихъ законовъ, сенатъ, въ общемъ направленіи земскихъ, городскихъ и крестьянскихъ дѣлъ, долженъ, очевидно, уступить энергіи единоличной министерской власти, руководимой непосредственными указаніями власти верховной". „Со времени судебной реформы,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ той же статьи,—сенаторами назначаются преимущественно судьи и прокуроры; бывшіе же члены администраціи—товарищи министровъ, директоры департаментовъ и губернаторы, болѣе чѣмъ кто-либо знакомые съ мѣстнымъ управленіемъ — попадаютъ теперь въ сенатъ гораздо рѣже, чѣмъ прежде". Безспорно, бывшихъ судебныхъ дѣятелей между сенаторами теперь больше, чѣмъ бывшихъ администраторовъ; но почему? По той простой причинѣ, что значительное большинство сенаторовъ (около пятидесяти въ обоихъ кассаціонныхъ и не менѣе тридцати въ четырехъ старыхъ судебныхъ департаментахъ) занимается судебными дѣлами, и занимается ими, по крайней мѣрѣ въ кассаціонныхъ департаментахъ, не номинально, какъ прежде, а дѣйствительно. Понятно, что для судебныхъ функцій необходимы, при такихъ условіяхъ, спеціалисты по судебной части, и что, сообразно съ этимъ, уменьшилось *общее число* администраторовъ, призываемыхъ къ присутствованію въ сенатѣ. Совсѣмъ не то мы видимъ въ обоихъ административныхъ департаментахъ сената (первомъ и второмъ), противъ которыхъ направлена выходка „Московскихъ Вѣдомостей". И въ томъ, и въ другомъ, рядомъ съ бывшими судьями или прокурорами, засѣдаютъ бывшіе губернаторы и директоры департаментовъ; укажемъ, въ видѣ примѣра, на бывшаго управляющаго земскимъ отдѣломъ (во второмъ департаментѣ) и на бывшаго директора хозяйственнаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ (въ первомъ департаментѣ). Сенаторъ, первоприсутствующій въ первомъ департаментѣ, около десяти лѣтъ сряду былъ губернаторомъ. Въ „непосредственномъ" знакомствѣ всѣхъ этихъ лицъ съ административными дѣлами не можетъ быть никакого сомнѣнія. Далеко не лишены такого знакомства и многіе изъ числа бывшихъ судебныхъ дѣятелей. Прокуроръ судебной палаты имѣетъ постоянныя соприкосновенія съ администраціей; предсѣдатели и члены судебныхъ палатъ засѣдаютъ, вмѣстѣ съ представителями административныхъ вѣдомствъ, въ такъ-называемыхъ соединенныхъ присутствіяхъ, для разбора исковъ, предъявляемыхъ противъ административныхъ должностныхъ лицъ. Помимо этого, уже одно продолжительное пребываніе въ провинціи можетъ дать судебному дѣятелю гораздо болѣе вѣрное и полное представленіе о мѣстномъ управленіи, чѣмъ то, которое имѣетъ администраторъ, никогда не выѣзжавшій изъ Петербурга. Сенаторы, говорятъ намъ, знаютъ рѣшаемыя ими дѣла только изъ переписки; но развѣ не изъ того же источника

черпаетъ значительно бо́льшую часть своихъ свѣденій и заключеній министерство внутреннихъ дѣлъ? Развѣ мы не знаемъ примѣровъ назначенія товарищемъ министра и даже министромъ внутреннихъ дѣлъ такихъ лицъ, которыя никогда не были передъ тѣмъ ни губернаторами, ни даже администраторами, въ настоящемъ смыслѣ этого слова? Если для такихъ лицъ призывъ къ административной дѣятельности могъ предшествовать практическому ея изученію, то почему же нельзя допустить того же самаго для сенаторовъ? Первымъ сразу вручается единоличная власть; послѣдніе, какъ члены коллегіи, могутъ пользоваться совѣтами и руководствомъ болѣе опытныхъ товарищей... Возраженія московской газеты противъ компетентности сената въ дѣлахъ административныхъ падаютъ, такимъ образомъ, сами собою. Безспорно, коллегіальному учрежденію несвойственна роль исполнительнаго органа; но вовсе не этой ролью облечены первый и второй департаменты сената. Ихъ призваніе — контроль, наблюденіе, разъясненіе общихъ вопросовъ, разрѣшеніе отдѣльныхъ дѣлъ административно-судебнаго свойства; а для всѣхъ этихъ функцій коллегіальная власть является болѣе подходящей, чѣмъ единоличная. Что касается до „двоеначалія", то московская газета впадаетъ здѣсь въ явное противорѣчіе сама съ собою. Она не возражаетъ противъ оставленія за сенатомъ „истолкованія силы (т.-е. смысла) дѣйствующихъ законовъ"—а между тѣмъ именно на этой почвѣ и возникаютъ, большею частью, недоразумѣнія и пререканія между администраціей и органами самоуправленія. Двоеначалія не устранить, слѣдовательно, и система, рекомендуемая „Московскими Вѣдомостями"—развѣ если органы самоуправленія обратятся въ органы управленія, и „сила дѣйствующихъ законовъ" будетъ замѣнена всецѣло силою личнаго усмотрѣнія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что именно такова послѣдняя цѣль реакціонныхъ стремленій газеты.

Мы только-что видѣли примѣръ безцеремоннаго отношенія къ фактамъ нашей русской жизни; посмотримъ теперь, какъ обращается реакціонная печать съ данными, касающимися западно-европейскаго государственнаго устройства. Мѣсяца два тому назадъ, разбирая сѣтованія „Московскихъ Вѣдомостей" на „безвластіе" (!) русскихъ министровъ, мы предложили имъ доказать, что во Франціи и Германіи судебные органы зависимы отъ министра юстиціи, а органы мѣстнаго самоуправленія—отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Московская газета отозвалась на это предложеніе. Полную независимость прусскихъ судовъ она признаетъ безъ оговорокъ, но поддерживаетъ тезисъ о зависимости судовъ французскихъ, мотивируя его слѣдующими данными:

1) министръ юстиціи въ правѣ увольнять слѣдственныхъ судей отъ занимаемой ими должности, хотя и съ оставленіемъ въ званіи судьи; 2) опредѣленія апелляціонныхъ судовъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ судей приводятся въ исполненіе лишь съ согласія министра юстиціи; 3) кассаціонный судъ можетъ лишить нерадиваго судью присвоеннаго ему права несмѣняемости не иначе, какъ по прямому о томъ заявленію министра юстиціи; 4) палаты и трибуналы получаютъ отъ министра юстиціи приказанія и инструкціи во всемъ касающемся исполненія законовъ и регламентовъ по части судебнаго управленія [1]). Въ чемъ же заключается здѣсь *зависимость* судей отъ министра? Слѣдственный судья во всякомъ случаѣ остается *судьею*, мѣняя только одну отрасль судебныхъ занятій на другую. Дисциплинарныя взысканія опредѣляются судомъ, безъ всякаго участія министра юстиціи; если въ нѣкоторыхъ случаяхъ они подлежатъ утвержденію министра, то это — новая гарантія для судей, а отнюдь не источникъ подчиненія администраціи, могущей дѣйствовать противъ судьи только на почвѣ судебнаго опредѣленія. Приказанія и инструкціи, относящіяся къ исполненію законовъ и регламентовъ по части *судебнаго управленія*, нимало не стѣсняютъ судей въ рѣшеніи *судебныхъ дѣлъ*. Споръ между московской газетой и нами шелъ о томъ, облеченъ ли французскій министръ юстиціи, по отношенію къ судьямъ, болѣе обширною властью, чѣмъ нашъ министръ юстиціи. Всѣ факты, приводимые „Московскими Вѣдомостями“, говорятъ въ пользу нашего мнѣнія. Обязательные для судей циркуляры, по вопросамъ судебнаго управленія, наше министерство юстиціи разсылало и разсылаетъ постоянно; исправляющихъ должность судебнаго слѣдователя оно, сплошь и рядомъ, просто удаляетъ, не сохраняя за ними никакого судебнаго званія и никакихъ судебныхъ функцій; сообщать высшему дисциплинарному присутствію о нерадивости судей русскій министръ юстиціи уполномоченъ, по закону 20-го мая 1885 г., въ такой же мѣрѣ, какъ и французскій garde des sceaux, и послѣдствіемъ такого сообщенія можетъ быть, какъ и во Франціи, увольненіе судьи. Не ясно ли, что судебная администрація вооружена въ Россіи, по закону, властью отнюдь не меньшею, чѣмъ во Франціи? Все различіе между обоими государствами сводится, съ этой точки зрѣнія, къ тому, что во Франціи законъ служитъ единственнымъ источникомъ власти, а у насъ, кромѣ него, существуютъ и другіе. Чего домогаются, наконецъ, „Московскія Вѣдомости“? Онѣ требуютъ „назначенія ми-

[1]) Право министра юстиціи увольнять мировыхъ судей не имѣетъ существеннаго значенія, потому что кругъ дѣйствій этихъ должностныхъ лицъ во Франціи крайне ограниченный и не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ компетенціей нашихъ мировыхъ судей.

нистра юстиціи предсѣдателемъ высшаго дисциплинарнаго присутствія и замѣны самостоятельнаго рѣшенія дѣлъ присутствіемъ — представленіемъ всѣхъ его заключеній, чрезъ министра юстиціи, на окончательное утвержденіе верховной власти". Есть ли здѣсь что-либо общее съ французскими судебными порядками, и не правы ли мы были, утверждая, что ссылкой на Францію нельзя доказать „безвластіе" нашего министерства юстиціи?

Переходимъ къ органамъ самоуправленія, сначала французскимъ, потомъ прусскимъ. „Московскія Вѣдомости" выступаютъ здѣсь, прежде всего, съ слѣдующимъ положеніемъ: „*всѣ* неправильныя постановленія генеральныхъ совѣтовъ отмѣняются исполнительною властью, безъ всякаго права протеста со стороны совѣта". Раскрываемъ книгу русскаго профессора Ивановскаго: „Организація мѣстнаго самоуправленія во Франціи и Пруссіи" (Казань, 1886), и находимъ (на стр. 260), что между постановленіями генеральныхъ совѣтовъ есть такія, *которыя не состоятъ подъ контролемъ исполнительной власти*; есть и другія, которыя могутъ быть уничтожены ею лишь въ случаѣ превышенія власти или нарушенія закона и правительственныхъ распоряженій. Не ошибся ли, однако, русскій ученый? Беремъ „Курсъ административнаго права", Альфреда Готье (Paris, 1880); и здѣсь (стр. 100 и слѣд.) мы видимъ, что въ одной категоріи дѣлъ генеральные совѣты подчинены только законодательной власти, а въ другой—государственному совѣту, на разсмотрѣніе котораго префектъ представляетъ постановленія, признаваемыя имъ несогласными съ закономъ. Во что же обращается, затѣмъ, категорическій тезисъ московской газеты?.. Къ чему генеральнымъ совѣтамъ право протеста, когда префектъ, въ случаѣ разногласія между нимъ и совѣтомъ, прямо переноситъ дѣло въ государственный совѣтъ, соотвѣтствующій, въ этомъ отношеніи, нашему первому департаменту сената? Правда, есть и такія постановленія генеральнаго совѣта, которыя требуютъ безмолвнаго или прямо выраженнаго утвержденія исполнительной власти; но вѣдь то же самое можно сказать и о нѣкоторыхъ постановленіяхъ нашихъ земскихъ собраній. Что касается до разницы между французскими департаментскими коммиссіями и нашими губернскими земскими управами, то этого вопроса мы вовсе не касались; мы говорили только о генеральныхъ совѣтахъ, а не объ исполнительныхъ ихъ органахъ. Замѣтимъ, однако, что роль департаментскихъ коммиссій опредѣляется московской газетой слишкомъ узко, далеко не согласно съ дѣйствительнымъ ея значеніемъ. Изъ той же книги Готье (стр. 113—115) видно, что департаментская коммиссія не только „дѣлаетъ заявленія префекту и представленія генеральному совѣту", не только „содѣйствуетъ префекту въ состав-

ленiи годовой департаментской смѣты", но и постановляетъ *рѣшенiя* (décisions), которыя префектъ не можетъ уничтожить собственною властью, а можетъ лишь обжаловать, смотря по обстоятельствамъ, генеральному или государственному совѣту. Не слѣдуетъ, наконецъ, упускать изъ виду, что существующее теперь устройство генеральныхъ совѣтовъ и департаментскихъ коммиссiй разсматривается во Францiи какъ нѣчто временное, какъ переходъ отъ полнаго безправiя мѣстныхъ органовъ самоуправленiя къ болѣе серьезной и широкой децентрализацiи. Префектъ, по словамъ Готье, долженъ замыкаться все больше и больше въ роль политическаго агента и представителя центральной власти. Кто рекомендуетъ обратное движенiе, тому, очевидно, не слѣдуетъ ссылаться на примѣръ Францiи. Административная реформа и тамъ стоитъ на очереди, но въ направленiи діаметрально противоположномъ тому, которое рекомендуютъ наши газетные реакцiонеры; чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только прочесть у Готье главу о муниципальныхъ совѣтахъ. *Зависимыми* отъ министра внутреннихъ дѣлъ эти совѣты назвать нельзя, потому что онъ ничего не можетъ предписать имъ—но они стѣснены административной опекой, доживающей, по всей вѣроятности, свои послѣднiе годы.

Въ Пруссiи мѣстное самоуправленiе имѣетъ, со времени изданiя законовъ 1872 и 1875 гг., гораздо болѣе широкую основу, чѣмъ во Францiи; признаковъ „зависимости" отъ министерства внутреннихъ дѣлъ даже „Московскiя Вѣдомости" отыскали здѣсь немного—и это немногое отнюдь не говоритъ въ пользу реакцiонныхъ вожделѣнiй. Бóльшая часть постановленiй провинцiальнаго сейма, въ особенности по увеличенiю мѣстныхъ налоговъ, подлежитъ, по словамъ московской газеты, министерскому утвержденiю. На самомъ дѣлѣ это утвержденiе требуется только для *весьма немногихъ* постановленiй провинцiальнаго сейма, а именно: 1) для издаваемыхъ имъ регламентовъ и статутовъ (соотвѣтствующихъ, отчасти, нашимъ „обязательнымъ постановленiямъ", для которыхъ также необходимо согласiе администрацiи); 2) для займовъ (на заключенiе которыхъ собственною властью и наше земство не имѣетъ права); 3) для обложенiя нѣкоторыхъ частей провинцiи больше или меньше сравнительно съ другими (это у насъ вовсе не допускается); 4) для увеличенiя провинцiальнаго сбора болѣе чѣмъ на 25% общей суммы прямыхъ налоговъ, и 5) для обремененiя провинцiи новымъ сборомъ, безъ законнаго къ тому обязательства и болѣе чѣмъ на пять лѣтъ (Provinzial-Ordnung 29 iюня 1875 г., ст. 119 и 120). Если вспомнить о нашемъ законѣ 21-го ноября 1866 г. и объ ограниченности источниковъ земскаго обложенiя, то нельзя не признать, что свобода дѣйствiй прусскихъ провинцiальныхъ сеймовъ стѣснена отнюдь не

больше, чѣмъ свобода дѣйствій нашихъ губернскихъ земскихъ собраній.

Второй признакъ „зависимости“ формулируется московской газетой такъ: „кромѣ состоящаго въ постоянномъ комитетѣ провинціальнаго сейма *земскаго директора*, утверждаемаго правительствомъ, существуетъ еще особый провинціальный совѣтъ (Provinzialrath) изъ членовъ, избираемыхъ постояннымъ же комитетомъ провинціальнаго сейма, и изъ *чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ*“ (курсивъ въ подлинникѣ). Представимъ себѣ, что нашей губернской земской управѣ предоставлено было бы выбирать нѣсколькихъ членовъ въ губернское правленіе; что сказали бы мы о томъ публицистѣ, который усмотрѣлъ бы въ этомъ доказательство зависимости земства отъ администраціи или источникъ вліянія администраціи на земство? „Московскія Вѣдомости“ поступаютъ именно такимъ образомъ. Прусскій провинціальный совѣтъ соотвѣтствуетъ, болѣе или менѣе, нашему губернскому правленію; роль губернской земской управы играетъ въ Пруссіи Provinzialausschuss (постоянный комитетъ провинціальнаго сейма), весь цѣликомъ состоящій изъ членовъ, выбранныхъ провинціальнымъ сеймомъ. Если земскій директоръ (входящій въ составъ этого комитета) утверждается въ должности правительствомъ, то вѣдь и у насъ существуетъ то же самое условіе по отношенію къ предсѣдателю губернской земской управы... „Московскія Вѣдомости“ забыли прибавить, что большинство въ провинціальномъ совѣтѣ принадлежитъ выборнымъ членамъ; ихъ пятеро, а правительственныхъ членовъ только двое—оберъ-президентъ провинціи и одинъ изъ мѣстныхъ чиновниковъ, получившій юридическое образованіе и имѣющій право быть судьею.

Третій и послѣдній признакъ зависимости—это первенствующая роль, принадлежащая въ уѣздѣ ландрату, т.-е. должностному лицу, назначаемому короной и подчиненному высшимъ представителямъ административной власти. Безспорно, ландратъ предсѣдательствуетъ не только въ постоянномъ комитетѣ уѣзднаго сейма (Kreisausschuss), но и въ самомъ уѣздномъ сеймѣ; зато уѣздный комитетъ участвуетъ не только въ дѣлахъ хозяйственныхъ, но и въ общемъ управленіи уѣздомъ, а дѣла въ комитетѣ рѣшаются по большинству голосовъ. Если ландратъ назначается, а не избирается, то это объясняется именно тѣмъ, что онъ стоитъ во главѣ всего уѣзднаго управленія, какъ представитель центральной власти. Положеніе нашего предсѣдателя уѣздной земской управы совсѣмъ иное, вовсе не властное и гораздо менѣе вліятельное; не удивительно, что эта должность замѣщается по выбору. Предводитель

дворянства, предсѣдательствующій у насъ въ уѣздномъ земскомъ собраніи, такой же, въ сущности, чиновникъ, какъ и ландратъ...

Заключеніе изъ всего сказаннаго до сихъ поръ вытекаетъ само собою: примѣромъ Франціи и Пруссіи невозможно доказать необходимость регресса въ области суда и мѣстнаго самоуправленія. Что бы ни говорила по этому поводу реакціонная печать, ей никогда не удастся сдѣлать бѣлое чернымъ и черное бѣлымъ. А между тѣмъ мы еще не коснулись вовсе одной изъ самыхъ важныхъ сторонъ вопроса; мы ничего не сказали о тѣхъ особенностяхъ нашего государственнаго и общественнаго строя, въ виду которыхъ у насъ въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходима самостоятельность судебныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ этой темѣ.

ОТВѢТЪ

АВТОРУ СТАТЬИ: „НѢЧТО О ФИНАНСАХЪ ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Въ соображеніяхъ, высказанныхъ во Внутреннемъ Обозрѣніи майской книги журнала, по поводу вопроса о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1887 годъ, было не даромъ упомянуто о „патріотахъ"; они очень скоро отозвались, въ лицѣ автора статьи: „Нѣчто о финансахъ Вѣстника Европы" [1]), который въ своихъ возраженіяхъ журналу ничѣмъ не затруднился, кромѣ одного вопроса: „Но мы затрудняемся,—заключаетъ авторъ статьи,—сказать, что думать о тѣхъ дѣятеляхъ печатнаго слова, которые сознательно служатъ некрасивой неправдѣ?" Но напрасно было затрудняться такимъ вопросомъ: неправду некрасивую невозможно и встрѣтить, такъ какъ неправда ходитъ всегда подмалёванная, а являться некрасивою выпадаетъ исключительно на долю правды; вотъ почему только о правдѣ, объ одной, и сказано, что „правда глаза колетъ"; неправда принимаетъ обыкновенно всѣ мѣры къ тому, чтобы не колоть глазъ. Для дѣла было

[1]) „Нов. Вр.", 3 мая 1888 г.

бы болѣе выгодно, еслибы авторъ затруднился въ болѣе существенныхъ вопросахъ, что́, безъ сомнѣнія, сдѣлало бы его непремѣнно и болѣе разборчивымъ въ полемическихъ пріемахъ.

Разсматривая вѣдомость, напечатанную въ „Вѣстникѣ финансовъ, промышленности и торговли", о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1887 годъ, мы сказали, что она можетъ подать *поводъ къ недоразумѣніямъ*; „самое заглавіе статьи: „Государственные *доходы* и *расходы* за 1887 годъ", — говорили мы,—наводитъ на мысль, будто цифры таблицы представляютъ полный, или, по крайней мѣрѣ, приблизительный результатъ оборотовъ по *финансовой росписи* на 1887 г.— между тѣмъ онѣ не болѣе, какъ итогъ свѣденій о *кассовыхъ* оборотахъ казны за 12 мѣсяцевъ, которыми далеко не исчерпывается смѣтный годъ, особенно по расходамъ". Очевидно, мы хорошо понимали различіе между бюджетнымъ и кассовымъ отчетомъ. Но почтенный противникъ, несмотря на всю ясность высказанной нами мысли, дѣлаетъ попытку увѣрить своихъ читателей, будто мы не поняли или не хотѣли понять всего различія между финансовыми результатами исполненія росписи за 1887 г. и простымъ кассовымъ отчетомъ за то же время. „Сказанныя свѣденія о доходахъ и расходахъ 1887 года,—говоритъ онъ,—какъ это *многократно (?) оговорено* въ оффиціальныхъ же объясненіяхъ, сопровождающихъ эти свѣденія, представляютъ собою не бюджетный, а кассовый отчетъ. т.-е. не отчетъ по исполненію росписи 1887 года, а отчетъ о всѣхъ суммахъ, дѣйствительно поступившихъ въ государственное казначейство и отпущенныхъ изъ него въ теченіе гражданскаго 1887 года, съ 1-го января по 31-го декабря включительно". Но, во-первыхъ, изъ вышеприведенныхъ словъ журнала видно, что журналъ вовсе не затруднился вопросомъ о различіи между „бюджетнымъ" и „кассовымъ" отчетомъ; а во-вторыхъ, невѣрно и то, будто въ оффиціальныхъ заявленіяхъ „многократно" оговорено о томъ: слово „кассовый" въ нихъ не только *многократно,* но не приводится и однократно, а самое оглавленіе статьи, какъ мы замѣтили выше, даетъ поводъ придти къ заключенію, что дѣло, какъ будто, идетъ не о кассовомъ отчетѣ, а о финансовомъ или, что́ тоже, бюджетномъ; въ самой статьѣ встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: „для сравненія *изображаемыхъ этими свѣденіями финансовыхъ* результатовъ за 1887 г." [1])... Наконецъ, какъ то́ будетъ показано ниже, и въ вѣдомости, и въ комментаріяхъ къ ней замѣчается равно несовмѣстимый, по нашему мнѣнію, ни съ понятіемъ о кассовомъ, ни съ понятіемъ о финансо-

[1]) „Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли", № 12, стр. 692, столб. 2.

вомъ отчетѣ, пробѣлъ по цѣлому отдѣлу несомнѣнныхъ въ теченіе 12 мѣсяцевъ расходовъ—и весьма вѣроятныхъ поступленій.

Мы выразили только опасеніе, что все это можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, а наша ежедневная печать доказала, что такія недоразумѣнія болѣе, чѣмъ возможны. Такъ, многія изъ газетъ, приводя цифры собственно кассовой вѣдомости — около 831 м. р. доходовъ и 832 м. расходовъ—придавали ей именно бюджетное значеніе и говорили уже о равновѣсіи по бюджету 1887 года. Даже самъ нашъ противникъ хотя и поучаетъ насъ тому, что цифры министерства финансовъ не болѣе, какъ *кассовые* итоги, тутъ же пускается, на основаніи этихъ итоговъ, въ соображенія, которыя могли бы быть основательными лишь въ томъ случаѣ, если придавать цифрамъ *бюджетный* характеръ.

Вотъ почему мы и замѣтили, что приведенная въ вѣдомости министерства финансовъ цифра *поступленій* за 1887 годъ дѣйствительно можетъ представлять *полную сумму* государственныхъ *доходовъ* за этотъ годъ; между тѣмъ о расходахъ никакъ нельзя сказать, что они составляютъ полную сумму всѣхъ денежныхъ выдачъ за тотъ же годъ. Для опредѣленія *вѣроятныхъ* результатовъ исполненія государственной росписи 1887 г., необходимо присоединить еще всѣ расходы льготнаго срока (все неоплаченное по 31-е декабря 1887 г.) и суммы, подлежащія выдачѣ въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ; а тѣ и другія надлежало бы исчислить на основаніи примѣра прежнихъ годовъ. Въ окончательномъ заключеніи мы пришли къ такому выводу: „роспись на 1887 г.,—говорили мы,—была сведена съ дефицитомъ по обыкновенному бюджету въ 35½ руб., и по чрезвычайному въ 43½ мил.,—всего до 80 мил.;—при болѣе же удачномъ сравнительно поступленіи доходовъ, дефицитъ можетъ оказаться даже еще нѣсколько меньше".

Вотъ этотъ-то выводъ и вызвалъ возраженія. Но своего вывода авторъ статьи не дѣлаетъ, своихъ мнѣній не высказываетъ, а потому и намъ остается одно: повѣрить степень основательности его возраженій намъ. Необходимости приложеній—къ цифрѣ вѣдомости—дополнительныхъ расходовъ онъ, конечно, не опровергаетъ, но говоритъ, что ихъ нужно было прибавить не къ 832 мил. рублей, а къ цифрѣ, гораздо меньшей, опредѣляемой объясненіемъ въ статьѣ „Вѣстника финансовъ", гдѣ говорится:

„Расходовъ въ теченіе 1887 г. произведено всего на 832,2 милліона; въ этой суммѣ собственно расходовъ обыкновенныхъ, покрываемыхъ *бюджетными средствами 1887 года*, заключается на *765,3* мил. рублей; расходовъ обыкновенныхъ *льготнаго срока*, покрываемыхъ оставшимися въ распоряженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ *бюджетными средствами 1886 г.*, содержится *25,8 мил. р.;* расходовъ *за счетъ*

истекшихъ смѣтъ, предшествующихъ 1886 году, имѣется *31,9 мил. р.* и, наконецъ, *авансовыхъ платежей въ счетъ росписи 1888 г. — 9,2 мил. р.*".

Эти слова—отъ себя уже—авторъ комментируетъ такимъ образомъ:

„Очевидно, всѣ эти расходы въ счетъ льготнаго срока росписи 1886 г., въ счетъ росписей предшествующихъ лѣтъ и авансовые платежи въ счетъ росписи 1888 г., всего на сумму до *67 мил. р.*, слѣдовало исключить изъ общаго итога расходовъ, показаннаго по кассовому отчету за 1887 годъ, если „Вѣстникъ Европы" хотѣлъ вывести на основаніи кассоваго отчета заключеніе о бюджетномъ отчетѣ по росписи 1887 г. А затѣмъ къ остатку (765,3 мил. руб.) слѣдовало прибавить предполагаемыя суммы невыполненныхъ до 1-го января 1888 года, но еще подлежащихъ исполненію расходовъ въ счетъ росписи 1887 года. Но финансистъ „Вѣстника Европы", умѣющій, какъ онъ хвастается, „читать и понимать росписи и отчеты", предпочелъ слѣдовать правиламъ особенной бухгалтеріи и, не вычитая изъ кассоваго итога расходовъ, произведенныхъ въ 1887 г. за счетъ другихъ лѣтъ, прибавилъ къ этому итогу предполагаемыя цифры невыполненныхъ расходовъ по росписи 1887 г., причемъ опять поступилъ смѣло: не замѣчая, что въ 1887 г. обыкновенныхъ расходовъ, покрываемыхъ бюджетными средствами этого года, произведено 765 мил. р., а въ 1886 г. такихъ же расходовъ произведено только 736 мил. р., т.-е. почти на 30 мил. р. менѣе, финансистъ „Вѣстника Европы" принимаетъ для 1887 г. цифру невыполненныхъ расходовъ ту самую, какая выведена въ отчетѣ Государственнаго Контроля по исполненію росписи 1886 г., именно, около 100 мил. р.

„Такимъ образомъ, въ итогѣ расходовъ 1887 года, составленномъ по правиламъ бухгалтеріи „Вѣстника Европы", нѣкоторыя крупныя цифры сочтены два раза, нѣкоторыя три раза, а нѣкоторыя перенесены изъ росписи 1888 г. Неудивительно, что получился дефицитъ отъ 80 до 100 мил. р.".

Все, что здѣсь сказано авторомъ, можетъ быть названо азбучной истиной, но... и это „но" мы должны будемъ повторить не одинъ разъ. По мнѣнію нашего противника, изъ цифры расходовъ 1887 г., для превращенія кассоваго отчета въ бюджетный, необходимо вычесть, между прочимъ, расходы въ счетъ росписи слѣдующаго, 1888 года. Но надобно помнить, что авансовые расходы производятся ежегодно: въ 1884 г., въ счетъ смѣты 1885 г., было произведено расходовъ на 9 мил. р.; въ 1885 г., въ счетъ смѣты 1886 г., около 15 мил. р.; наконецъ, въ 1887 г., въ счетъ смѣты 1888 года, какъ это видно изъ статьи „Вѣстника финансовъ", 9 мил. рублей. Требовать исключенія этой послѣдней суммы изъ кассоваго итога расходовъ за 1887 годъ со стороны автора статьи было бы совершенно основательно; но взамѣнъ того слѣдовало бы кое-что прибавить, и именно—авансовые расходы, произведенные въ 1886 г. въ счетъ росписи 1887 года. Это-то и упущено въ статьѣ, хотя такой ошибки избѣгнуть было легко: упомянутый авансъ цѣликомъ пропечатанъ въ отчетѣ государственнаго контроля

по исполненію государственной росписи за 1886 годъ. Онъ равняется 12 мил. р. [1]), съ прибавленіемъ которыхъ къ 765 мил. руб. цифра обыкновенныхъ расходовъ, показанная въ статьѣ „Вѣстника финансовъ", возростетъ уже до 777 мил. рублей.

Несомнѣнно и то, что изъ кассовой вѣдомости расходовъ, для приданія ей значенія бюджетной, всегда слѣдуетъ исключать расходы льготнаго срока предшествующаго года и расходы прежнихъ лѣтъ; но все это мы и сдѣлали бы легко, еслибы можно было дать себѣ сколько-нибудь ясный отчетъ въ томъ, что̀ такое означаютъ „оставшіяся въ распоряженіи отдѣльныхъ вѣдомствъ бюджетныя средства 1886 года", и еслибы при этомъ было выяснено: какъ понимать то, что „*имѣется* расходовъ за счетъ истекшихъ лѣтъ". Расходы могутъ быть произведены, могутъ предстоять (конечно, не по кассовому отчету); но какъ расходы могутъ „имѣться" — это мы считали недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ для оффиціальнаго сообщенія. Впрочемъ, это не единственное мѣсто въ комментаріяхъ, которое намъ представилось недостаточно яснымъ и опредѣленнымъ. Напримѣръ, какъ видно изъ выше приведенной цитаты, въ комментаріяхъ—въ сумму 832 мил. р. расходовъ включены и 9 м. р. авансоваго расхода въ счетъ росписи 1888 года; въ самой же вѣдомости—цифра 832 м. р. стоитъ противъ рубрики: „всего государственныхъ расходовъ обыкновенныхъ и оборотныхъ въ счетъ всѣхъ росписей, „*дѣйствовавшихъ въ отчетномъ году*". Если подъ эту рубрику и можно подвести роспись 1886 г. и росписи нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ, то включать въ нее несуществовавшую еще въ 1887 году роспись 1888 года было бы, какъ намъ кажется, неудобно.

Вотъ почему мы не нашли возможнымъ пользоваться въ этомъ случаѣ комментаріями и должны были предпочесть остановиться на расходной цифрѣ вѣдомости; къ этому насъ побуждало особенно одно обстоятельство, повидимому ускользнувшее отъ вниманія нашего противника. Говоря о вѣроятныхъ результатахъ исполненія государственной росписи на 1887 годъ, мы разумѣли роспись въ цѣломъ ея составѣ, со всѣми подраздѣленіями. Между тѣмъ въ вѣдомость о доходахъ и расходахъ 1887 г. не вошли ни чрезвычайныя поступленія, ни чрезвычайные расходы. Этотъ пробѣлъ ничѣмъ не объясняется въ коммен-

[1]) Въ приложеніи къ отчету государственнаго контроля за 1886 г., стр. 95, значится обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ въ счетъ росписи 1887 года 11.722.536 р. 99 к. Въ этой суммѣ заключается 1.566.334 р. метал., которые переложены въ кредитные по курсу, принятому для 1886 г., по 1 р. 50 к. кр. за метал. рубль; при переложеніи по курсу, принятому для 1887 года, 1 р. 67 к. кред., за 1 р. мет., сумма эта возростетъ на 265.000 рублей.

тарiяхъ къ вѣдомости; его не замѣтилъ и авторъ статьи, хотя подобный пробѣлъ — едва ли правильный и въ бюджетныхъ свѣденiяхъ—еще менѣе можетъ находить себѣ основанiя при сведенiи итоговъ кассовыхъ оборотовъ. Правда, дѣйствительныхъ чрезвычайныхъ поступленiй можно ожидать немного; по росписи ихъ было исчислено всего лишь около 5 мил. р., да и изъ нихъ полный взносъ нѣкоторой части (военнаго вознагражденiя отъ Турцiи) весьма сомнителенъ; такiе чрезвычайные рессурсы, какъ прежнiе остатки и суммы, добытыя при посредствѣ банкирскихъ операцiй, съ полнымъ основанiемъ могли также не попасть въ вѣдомость. Но такъ-называемые чрезвычайные расходы на сооруженiе желѣзныхъ дорогъ и портовъ несомнѣнно производились, а о нихъ нѣтъ и упоминовенiя, хотя по росписи они назначены въ весьма крупной цифрѣ 48½ мил. рублей. Разсчитывать на какое-либо уменьшенiе въ этихъ расходахъ едва ли есть основанiе; въ послѣднiе года кредиты, назначенные на тотъ же предметъ по росписи, не только расходовались цѣликомъ и притомъ именно въ 12 мѣсяцевъ каждаго года, но къ нимъ еще отпускались значительные дополнительные сверхсмѣтные кредиты. Такъ, въ перiодъ 1883—1886 годовъ на чрезвычайные расходы было отпущено по росписямъ 117½ м. р. [1]), къ нимъ добавлено 70 мил. р. сверхсмѣтными кредитами, а израсходовано 112 мил. р. въ теченiе 12 мѣсяцевъ соотвѣтствующихъ лѣтъ; остальные же 75 мил. р. оставались на льготный и дальнѣйшiе сроки.

Эти одни 48½ м. р., въ дополненiе къ показаннымъ выше 777½ м. р., составляя 826 мил. р., равняются приблизительно всей расходной цифрѣ вѣдомости (832 м. р.) и даютъ намъ возможность основывать на послѣдней свои выводы, не прибѣгая къ тѣмъ разъясненiямъ, на какiя мы вызваны теперь кажущимися возраженiями, будто нѣкоторыя крупныя цифры сочтены нами два раза, нѣкоторыя три!

Есть еще одно возраженiе—будто бы журналъ, не замѣчая, что въ 12 мѣсяцевъ 1887 г. обыкновенныхъ расходовъ произведено противъ 1886 года на 30 мил. р. болѣе, принимаетъ для 1887 года цифру невыполненныхъ расходовъ, ту самую, какая оказалась по исполненiю росписи на 1886 годъ, т.-е. 100 м. р. По мнѣнiю автора статьи, слѣдовало бы принять на 30 м. р. менѣе.

На это замѣтимъ, во-первыхъ, что такъ какъ по росписи 1887 года исчислено расходовъ болѣе сравнительно съ 1886 годомъ, то этотъ излишекъ и долженъ сказаться или въ расходахъ въ теченiе 12 мѣсяцевъ, или въ дополнительныхъ расходахъ; во-вторыхъ, дополни-

[1]) Независимо отъ уплатъ банку за выпущенные кредитные билеты.

тельныхъ обыкновенныхъ расходовъ, о которыхъ только и ведетъ рѣчь нашъ противникъ, мы предполагали не 100 мил. р., а всего лишь въ 80 мил. р., т.-е. въ наименьшей цифрѣ, въ какой оказались дополнительные расходы за послѣднее десятилѣтіе, да и то, въ виду исключительно благопріятныхъ обстоятельствъ 1887 года, еще значительно ее понизили, выразивъ надежду, что недоборъ по исполненію всей росписи вообще будетъ менѣе того, въ какомъ онъ ожидался при ея составленіи.

Впрочемъ, къ концу этого года, появится отчетъ государственнаго контроля, и вполнѣ выяснится тогда, насколько вѣдомость о государственныхъ расходахъ, публикуемая министерствомъ финансовъ обыкновенно въ половинѣ марта, можетъ служить для непосредственнаго указанія результата полнаго исполненія государственной росписи. Если хотя бы часть упованій автора статьи сбылась относительно равновѣсія между доходами и расходами по исполненію росписи на 1887 годъ,—то и этому нельзя будетъ не радоваться; но пока, теперь, было бы невыгодно предаваться излишнимъ надеждамъ, такъ какъ нѣтъ ничего легче, какъ быть обманутымъ подобными надеждами и ожиданіями; всего лучше это доказывается нашими государственными росписями. Несмотря на то, что онѣ составляются весьма компетентными учрежденіями, имѣющими въ своемъ распоряженіи данныя, совершенно недоступныя для частныхъ лицъ, —въ нихъ однако при ихъ исполненіи весьма часто обнаруживается погрѣшность на много десятковъ милліоновъ. Притомъ, какъ у насъ это не разъ говорилось, напр. при обозрѣніи государственной росписи на 1888 годъ [1]), отдѣльно тотъ или другой бюджетный результатъ самъ по себѣ не имѣетъ еще значенія, или имѣетъ только временное, и часто зависитъ отъ случая. Крупное поступленіе какихъ-нибудь уплатъ за прежнее время, отсрочка въ удовлетвореніи тѣхъ или другихъ потребностей могутъ въ томъ или другомъ году значительно повліять на результатъ исполненія росписи. Но это ничего еще не рѣшитъ: дефицитъ, уменьшенный или даже устраненный въ финансовой области, перенесется только въ область жизни, — порождая дефицитъ въ удовлетвореніи государственныхъ и народныхъ потребностей. Подъ дефицитомъ собственно и слѣдуетъ разумѣть несоотвѣтствіе между этими потребностями и средствами къ ихъ удовлетворенію. Какого либо ручательства за такое соотвѣтствіе не усматривалось и въ опубликованной министерствомъ финансовъ вѣдомости о государственныхъ доходахъ и расходахъ за 1887 годъ, несмотря на то, что этотъ годъ можетъ быть причисленъ къ числу наиболѣе удачныхъ въ экономи-

[1]) „Вѣстникъ Европы", февраль 1888 г., стр. 813.

ческомъ отношеніи. Въ поступленіи доходовъ сказалась, по нашему мнѣнію, та же косность, какая замѣчалась въ нихъ и въ предшествующіе годы; въ расходахъ—прежняя, совершенно впрочемъ естественная и понятная, наклонность постоянно расти. Точно также ручательствомъ за установленіе равновѣсія между государственными доходами и расходами не служитъ, по нашему мнѣнію, и система введенія новыхъ мелкихъ налоговъ, и постоянное возвышеніе существующихъ, получившая столь широкое примѣненіе въ послѣднее время и сдѣлавшая новый значительный шагъ, начиная съ текущаго года. Средства къ прочному установленію бюджетнаго равновѣсія—мы всегда видѣли и теперь видимъ—вовсе не въ мѣрахъ такъ-называемыхъ чисто-финансовыхъ и фискальныхъ, а въ мѣрахъ экономическихъ, обнимающихъ всю умственную, промышленную и общественную жизнь народа.

О.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1888.

Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ по поводу статей г. Татищева.—Внѣшняя политика Германіи и Австро-Венгріи.—Двѣ политическія желѣзныя дороги.—Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи.

Въ послѣднее время какъ будто меньше говорилось о болгарскомъ вопросѣ—и по весьма понятной причинѣ: никакихъ особыхъ измѣненій не произошло въ положеніи княжества за послѣднее полугодіе, и вопросъ остается все въ томъ же самомъ видѣ, безъ всякой существенной перемѣны. Совмѣстныя усилія нѣкоторыхъ великихъ державъ въ Константинополѣ имѣли, повидимому, формальный успѣхъ, и турецкая нота 5-го марта (н. ст.) признала пребываніе принца Кобургскаго въ Болгаріи незаконнымъ; однако и послѣ того принцъ Кобургскій попрежнему сохраняетъ занятый имъ постъ, не обращая вниманія на дипломатическія угрозы. Онъ даже употребляетъ обычные и единственно цѣлесообразные способы для достиженія популярности въ массахъ, старается ближе стать къ потребностямъ и желаніямъ населенія, разъѣзжаетъ по странѣ для личнаго ознакомленія съ ея нуждами и настроеніемъ, выказываетъ щедрость въ затратѣ денежныхъ средствъ при исполненіи обязанностей княжескаго званія и, по мѣрѣ возможности, усиливается отождествлять свои интересы съ защитою національной независимости. Пользуясь скрытой или явною поддержкою могущественныхъ западно-европейскихъ кабинетовъ, при свободѣ бездѣйствія съ нашей стороны, принцъ Фердинандъ систематически укрѣпляетъ свое положеніе, при помощи вліятельныхъ мѣстныхъ элементовъ. Удастся ли ему прочно водвориться въ Болгаріи и не подвергнется ли онъ участи своего предшественника—объ этомъ судить теперь трудно; повидимому, сами болгары, даже изъ непринадлежащихъ къ сторонникамъ нынѣшняго правительства, начинаютъ вѣрить въ успѣхъ принца Кобургскаго, вслѣдствіе современнаго неопредѣленнаго состоянія международной политики въ Европѣ.

Во всякомъ случаѣ, болгарскій кризисъ, какъ будто, пересталъ уже служить предметомъ общаго безпокойства у насъ и за границей; о немъ можно говорить теперь болѣе хладнокровно и безпристрастно, опираясь на фактическій матеріалъ, обнародованный за послѣдніе годы. Но,

къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ, большею частью, иностраннаго происхожденія, и выводы, дѣлаемые изъ него, могутъ считаться односторонними, а у насъ не практикуется еще обычай — публиковать дипломатическіе документы и отчеты по международнымъ вопросамъ, касающимся Россіи и интересующимъ общественное мнѣніе. Объ этомъ напомнилъ недавно и „Правительственный Вѣстникъ“ по поводу статей г. С. Татищева, напечатанныхъ въ „Новомъ Времени“, подъ заглавіемъ: „Россія и Болгарія. Историческая справка“. Авторъ этихъ статей пожелалъ, какъ сказано въ нашей оффиціальной газетѣ, „путемъ историческаго разслѣдованія событій со времени войны 1877—1878 гг. обнаружить ошибки русской политики, доведшія болгарскій вопросъ до его настоящаго положенія, съ тѣмъ, чтобы указать выходъ изъ затрудненія“. Между тѣмъ подобное предпріятіе оказывается преждевременнымъ, по причинамъ, указаннымъ въ дальнѣйшихъ соображеніяхъ „Правительственнаго Вѣстника“ (№ 91, отъ 28-го апрѣля). „Каковы бы ни были мотивы, побудившіе г. Татищева предпринять этотъ трудъ, — говорится въ сообщеніи —но самыя событія, истекшія со времени послѣдней войны, слишкомъ еще свѣжи, чтобы поддаться безпристрастной и всесторонней критикѣ, составляющей непремѣнное условіе добросовѣстнаго историческаго изслѣдованія. Изслѣдованіе въ этихъ условіяхъ представляется въ настоящее время тѣмъ менѣе выполнимымъ, что потребный для этого матеріалъ пока слишкомъ недостаточенъ; что опубликованные императорскимъ правительствомъ и относящіеся до этой эпохи правдивые документы еще немногочисленны, и что для опубликованія остальныхъ не наступило еще, по мнѣнію правительства, время, вслѣдствіе невозможности разсчитывать на ихъ вѣрную оцѣнку. Такой оцѣнкѣ препятствуетъ въ особенности то, что событія, исходнымъ пунктомъ коихъ послужила минувшая война, находятся въ тѣсной связи съ настоящимъ политическимъ положеніемъ. Всѣ эти обстоятельства должны были неизбѣжно отразиться на трудѣ г. Татищева, который поэтому представляетъ лишь личный его взглядъ на событія и не можетъ претендовать на значеніе историческаго изслѣдованія, отражающаго описываемую эпоху въ ея истинномъ свѣтѣ. По этимъ самымъ причинамъ и отзывы автора, по поводу образа дѣйствій русскихъ представителей, принимавшихъ, болѣе или менѣе, непосредственное участіе въ событіяхъ, представляются голословными и опрометчивыми. Рѣзкость нѣкоторыхъ изъ означенныхъ отзывовъ можетъ тѣмъ менѣе быть оправдана, что, вслѣдствіе приведенныхъ выше причинъ, означенные представители лишены съ своей стороны возможности, ради личной защиты, прибѣгать къ какимъ бы то ни было разоблаченіямъ въ печати“. Какъ все это ни

справедливо, но нельзя признать выгоднымъ для насъ того обстоятельства, что у насъ не существуетъ никакого противовѣса невыгоднымъ для насъ матеріаламъ, разсѣяннымъ въ оффиціальныхъ заграничныхъ „синихъ", „зеленыхъ" и „желтыхъ" книгахъ, а „правдивые документы", имѣющіеся въ распоряженіи нашего правительства, не могутъ быть обнародованы своевременно, въ назиданіе недоброжелателямъ и критикамъ русской дипломатіи. Такимъ образомъ, все неблагопріятное для нашей политики печатается свободно въ иностранныхъ изданіяхъ, а потому казалось бы тѣмъ болѣе необходимо предавать гласности всѣ документальныя данныя, могущія свидѣтельствовать о достоинствахъ и успѣхахъ нашей внѣшней политической дѣятельности. Если эти правдивые документы говорятъ въ нашу пользу, то нѣтъ повода сомнѣваться въ ихъ вѣрной оцѣнкѣ со стороны публики; а пока они хранятся въ тайнѣ, нельзя ничего возразить противъ враждебныхъ намъ предположеній и комментаріевъ. Дѣло поставлено такъ, что самые благонамѣренные патріоты, пользуясь существующими понынѣ фактическими свѣденіями, могутъ невольно „ободрить недоброжелателей Россіи", ибо „отзывами русскаго публициста, мотивированными патріотическими побужденіями, эти недоброжелатели не преминутъ, конечно, воспользоваться, чтобы сложить на представителей императорскаго правительства всю отвѣтственность за настоящее политическое положеніе". Очевидно, устранить и опровергнуть такого рода отзывы и выводы можно однимъ только способомъ—измѣненіемъ фактической ихъ основы, сообщеніемъ фактовъ и документовъ, которые ранѣе были неизвѣстны. Это обстоятельство, конечно, не зависитъ уже отъ изслѣдователей и публицистовъ.

Осуждая изслѣдованіе г. Татищева, хотя и „мотивированное патріотическими побужденіями", „Правительственный Вѣстникъ" сообщаетъ, впрочемъ, и нѣкоторыя положительныя указанія относительно русской политики въ Болгаріи. Эту часть сообщенія мы приведемъ здѣсь цѣликомъ, въ виду ея общаго политическаго интереса:

„Несмотря на перемѣны, происходившія въ личномъ составѣ русскаго, какъ дипломатическаго, такъ и военнаго представительства въ Болгаріи, всѣ лица, на которыхъ выпадала обязанность служить посредниками между Россіею и княжествомъ, руководствовались одними и тѣми же началами. Всѣ они горячо пеклись о будущемъ благоденствіи Болгаріи и, въ этихъ видахъ, не переставали внушать кому слѣдовало необходимость заботиться объ обезпеченіи достоинства православной церкви, которой болгары обязаны сохраненіемъ своей національности въ вѣка рабства, о поддержаніи нравственности въ школахъ и дисциплины въ арміи и о сбереженіи средствъ страны. Эти начала поддерживались ими, насколько дозволяла это обезпеченная за княже-

ствомъ самостоятельность въ дѣлахъ внутренняго управленія". Такимъ образомъ, оказывается, что, дѣйствительно, важнѣйшія внутреннія дѣла Болгаріи — церковь, школа, армія и финансы — составляли предметъ постоянныхъ заботъ русскихъ дѣятелей въ княжествѣ. Это одно уже объясняетъ вполнѣ всю трудность задачи нашихъ агентовъ въ Болгаріи: имъ приходилось заботиться о внутреннихъ дѣлахъ Болгаріи, но безъ нарушенія обезпеченной за княжествомъ самостоятельности въ управленіи этими же самыми внутренними дѣлами. При такихъ отношеніяхъ, самыя лучшія заботы объ успѣхѣ внутреннихъ дѣлъ всегда и вездѣ легко могутъ быть понимаемы какъ нарушеніе самостоятельности, и не могло ли одно это обстоятельство портить отношенія между обѣими заинтересованными сторонами?

„Что же касается отношеній русскихъ представителей къ отдѣльнымъ личностямъ и партіямъ,—говоритъ далѣе „Правительственный Вѣстникъ",—то таковыя не могли не подвергаться частымъ колебаніямъ уже по той причинѣ, что Болгарія слишкомъ быстро перешла отъ состоянія полнаго порабощенія къ конституціонной формѣ правленія. Благодаря этому быстрому переходу, слишкомъ рано пробудились политическія страсти; онѣ внесли въ государственную жизнь княжества неустойчивость и постоянно мѣшали болгарскимъ дѣятелямъ относиться къ доброжелательнымъ намѣреніямъ императорскаго правительства съ тѣмъ довѣріемъ и безпристрастіемъ, на каковыя послѣднее имѣло полное право разсчитывать. Въ этомъ прискорбномъ явленіи, а равно въ нѣкоторыхъ другихъ вліяніяхъ, враждебныхъ русскому, и слѣдуетъ искать разъясненіе постепеннаго ухудшенія отношеній Болгаріи къ Россіи, — ухудшенія, вслѣдствіе коего императорское правительство предпочло, наконецъ, вызвать своихъ представителей изъ княжества. Разсчитывая, что время и опытъ побудятъ, наконецъ, болгарскихъ политическихъ дѣятелей придти къ сознанію ихъ заблужденій, императорское правительство сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы облегчить имъ возвращеніе на путь законности и возстановленіе нормальныхъ отношеній къ Россіи. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" была опубликована программа, которой отнынѣ императорское правительство намѣрено держаться относительно княжества. Эта программа остается неизмѣнною, и если до сихъ поръ не прекратились неестественныя отношенія Болгаріи къ Россіи, то отвѣтственность за это лежитъ исключительно на представителяхъ власти въ княжествѣ". Можно только при этомъ опасаться, что такія „неестественныя отношенія" успѣютъ установиться прочно и сдѣлаться отъ времени и привычки даже нормальными, вслѣдствіе самой неизмѣнности нашей программы, — подобно тому, какъ измѣнились прежнія „нормальныя" отношенія

къ намъ Сербіи; такой невыгодный результатъ едва ли можетъ быть ослабленъ сознаніемъ, что отвѣтственны за то будутъ враждебные намъ правители Болгаріи.

Опасенія войны сдѣлались теперь настолько хроническими и проявляются такъ часто изъ года въ годъ, что публика перестала уже вѣрить въ ихъ серьезность. И теперь нѣтъ недостатка въ симптомахъ весьма печальныхъ: постоянныя угрозы берлинскихъ оффиціозныхъ газетъ по адресу Франціи, полемика тѣхъ же газетъ противъ Россіи, австрійскія жалобы на какія-то особыя русскія „приготовленія", нѣмецкія „репрессаліи" противъ французовъ въ Эльзасъ-Лотарингіи и ожиданіе подобныхъ же мѣръ со стороны французскихъ властей противъ пребывающихъ во Франціи нѣмцевъ,—все это указываетъ на крайне запутанное и напряженное положеніе, изъ котораго не найденъ еще правильный выходъ. Болѣзнь императора Фридриха III продолжаетъ придавать его царствованію временной, переходный характеръ; оно остается въ сущности какъ бы номинальнымъ, и вся дѣйствительная власть находится въ рукахъ тѣхъ же самыхъ дѣятелей, какъ и въ послѣдніе годы Вильгельма I. Нѣтъ никакой перемѣны не только въ составѣ и направленіи министерства, но и въ персоналѣ оффиціозной печати, въ ея вызывающихъ пріемахъ и нападкахъ. Личное миролюбіе императора не имѣетъ возможности выражаться ни въ чемъ положительномъ, и военная партія, окружающая кронпринца Вильгельма, стоитъ, повидимому, ближе къ полному господству, чѣмъ когда бы то ни было. Легко замѣтить, что тонъ берлинскихъ правительственныхъ газетъ относительно Россіи вообще сильно измѣнился къ худшему со времени кончины императора Вильгельма. Крѣпкія фамильныя традиціи, старыя политическія связи и личныя чувства побуждали покойнаго монарха выказывать дружбу къ русскому правительству даже во время политическихъ разногласій и недоразумѣній; поэтому и оффиціозная нѣмецкая печать соблюдала приличную сдержанность и избѣгала ненужныхъ рѣзкостей въ полемикѣ съ русскими газетами. Теперь нѣтъ болѣе этой сдержанности, и враждебныя чувства выражаются въ формѣ болѣе откровенной, о чемъ нельзя не пожалѣть съ точки зрѣнія интересовъ общаго мира. Органы оффиціозные и военная партія чувствуютъ себя свободными отъ прежнихъ стѣсненій; они высказываются теперь въ такомъ духѣ, какъ будто кронпринцъ Вильгельмъ вступилъ уже на престолъ. Можно подумать, будто вліятельные военно-политическіе дѣятели Берлина стремятся сознательно ускорить ходъ событій на Западѣ или на Востокѣ; они полагаютъ вѣроятно, что теперь у нихъ есть шансы нанести рѣшительный ударъ и Франціи и Россіи, при помощи Австріи и Италіи.

Внутренній кризисъ, ослабляющій французскую республику, представляется счастливой случайностью для Германіи, а энергическія австро-венгерскія приготовленія даютъ возможность разсчитывать на дѣйствительную помощь союзниковъ, въ случаѣ какого-нибудь столкновенія. Къ чему могутъ привести эти разсчеты, и что вообще имѣетъ въ виду военная партія въ Германіи—неизвѣстно. Говорить о борьбѣ съ Россіею, когда отношенія съ Франціею достигли послѣдней степени натянутости, — значитъ идти на встрѣчу будущимъ катастрофамъ и подготовлять эпоху долгихъ и кровопролитныхъ войнъ. Едва ли все общество въ Германіи раздѣляетъ воинственныя увлеченія „Post“ и другихъ газетъ; но эти взгляды принадлежатъ значительной части высшаго военнаго общества, и оффиціозная пресса служитъ только отголоскомъ вліятельныхъ сферъ, что придаетъ ея указаніямъ печальную для европейскаго мира силу.

Новыя стѣснительныя мѣры, принимаемыя германскимъ правительствомъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, доказываютъ какъ нельзя яснѣе, что нынѣшняя нѣмецкая политика не имѣетъ ничего общаго съ личной программою Фридриха III, возвѣщенною въ его манифестахъ. Требованіе паспортовъ, визированныхъ въ Парижѣ, отъ всѣхъ французовъ, пріѣзжающихъ въ Эльзасъ-Лотарингію, затрудненіе пребыванія иностранцевъ въ названныхъ провинціяхъ, разстройство торговыхъ сношеній между пограничными областями, вслѣдствіе строгихъ формальностей, введенныхъ съ 31-го мая (н. ст.),—таковы мѣропріятія, которыми германское правительство отвѣчаетъ на упорныя сочувствія эльзасцевъ къ французской республикѣ. Само собою разумѣется, что стѣсненія нигдѣ и никогда не достигали цѣли, когда дѣло шло о нравственной связи между народомъ и правителями. Чѣмъ рѣзче дѣйствуетъ власть, тѣмъ болѣе отталкиваетъ она населеніе, и жители Эльзасъ-Лотарингіи, которые современемъ могли бы вполнѣ примириться съ нѣмецкимъ владычествомъ, будутъ обнаруживать французскія симпатіи уже ради протеста противъ обременительныхъ и ненужныхъ придирокъ нѣмецкаго управленія. Еще недавно нѣмецкіе дѣятели въ краѣ имѣли возможность съ гордостью ссылаться на чисто-культурные способы германизаціи населенія и на отсутствіе раздражающихъ административныхъ мѣръ; теперь же усвоивается другая система — „репрессалій“, и плоды прежнихъ разумныхъ усилій могутъ испортиться въ короткое время. Выселеніе туземныхъ обывателей во Францію вызывается уже не національно-политическими мотивами, но и прямыми выгодами и преимуществами французскаго подданства, такъ какъ во Франціи они не будутъ подвергаться стѣснительнымъ мѣрамъ и произволу администраціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе обостряются взаимныя отношенія между двумя

великими націями, и разрывъ можетъ произойти вслѣдствіе какого-нибудь новаго пограничнаго конфликта, который въ другое время прошелъ бы безслѣдно.

Понятно, что при такой тяжелой политической атмосферѣ нельзя быть увѣреннымъ въ сохраненіи мира даже на нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Это и высказалъ прямо венгерскій министръ-президентъ Тисса, въ засѣданіи мадьярской палаты депутатовъ, 26-го (14) мая, въ отвѣтъ на запросъ Гельфи по поводу предполагаемаго участія многихъ венгерскихъ фирмъ въ предстоящей всемірной выставкѣ 1889 года въ Парижѣ. Министръ торговли, графъ Сечени, совѣтовалъ представителямъ этихъ фирмъ отказаться отъ своего намѣренія, такъ какъ подданнымъ австрійской монархіи не слѣдуетъ участвовать въ празднованіи годовщины французской революціи, отъ которой пострадала и фамилія Габсбурговъ, въ лицѣ Маріи-Антуанеты. Депутатъ Гельфи, считая страннымъ такое соображеніе, просилъ министра-президента объяснить, дѣйствительно ли правительство Венгріи относится враждебно къ французской выставкѣ. Тисса въ своемъ отвѣтѣ пошелъ гораздо дальше, чѣмъ его товарищъ, министръ торговли; онъ намекнулъ на неопредѣленность политическаго положенія, на невозможность предвидѣть, сохранится ли миръ до будущаго года, и, наконецъ, на слабость французскаго правительства, которое будто бы не въ состояніи гарантировать иностраннымъ экспонентамъ полную безопасность ихъ собственности и ихъ національнаго достоинства. Тисса упомянулъ не только о непрочности мира вообще, но и спеціально о неизвѣстности, каковы будутъ отношенія между Австро-Венгріею и Франціею. Заявленія министра смутили значительную часть австрійской печати; венгерскія оффиціозныя газеты стали отрицать прямой смыслъ пессимизма Тиссы и отвергали всякій оттѣнокъ вражды къ французамъ. Но эффектъ былъ произведенъ, и французскій посланникъ въ Вѣнѣ передалъ графу Кальноки недоумѣніе правительства республики по поводу такой непріязненной выходки венгерскаго министра-президента противъ Франціи. Конечно, „инцидентъ“ окончится обмѣномъ дипломатическихъ объясненій, но это ни въ чемъ не измѣнитъ реальнаго факта—полной солидарности между Австріею и Германіею въ вопросахъ внѣшней политики.

Эта солидарность помогаетъ и австрійцамъ постепенно достигать своихъ цѣлей на Востокѣ. Желѣзная дорога, сближающая Вѣну съ западною частью Балканскаго полуострова, окончена теперь, и побережье Эгейскаго моря пользуется отнынѣ прямымъ сообщеніемъ съ австрійской столицею. Движеніе по новой желѣзно-дорожной линіи, отъ Бѣлграда и Ниша до Салоникъ, открылось торжественно 18-го (6) мая. Вѣнскій кабинетъ имѣетъ основаніе видѣть въ этомъ мир-

номъ событіи важный практическій успѣхъ, не только политическій, но и хозяйственный, экономическій; отнынѣ австрійцы распространятъ свое непосредственное вліяніе и на Македонію, которую будутъ снабжать продуктами своихъ фабрикъ, банковъ и школъ. Почти одновременно съ этимъ, а именно 15-го (27) мая, Россія, правда, также обогатилась новою желѣзною дорогою, сооруженною съ громадными усиліями и затратами казны, — отъ Каспійскаго моря до Самарканда; но эта дорога проходитъ отчасти по азіатскимъ пустынямъ, и если она обѣщаетъ значительныя выгоды, то только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Закаспійская дорога имѣетъ политическое значеніе для нашихъ владѣній въ средней Азіи и должна увеличить производительность ихъ и торговлю; она считается также весьма важною на случай военнаго столкновенія нашего съ Англіею, — которое, быть можетъ, никогда не состоится,—и для постепеннаго напора на Индію, о которой продолжаютъ мечтать иные изъ нашихъ военно-политическихъ фантазеровъ. Австро-Венгрія разсчитываетъ на близкое будущее: она мало-по-малу завладѣваетъ жизненными интересами балканскихъ земель, находящихся у нея подъ руками.

Впрочемъ бѣлградско-салоникская дорога построена хотя не на счетъ казны, но при весьма значительномъ участіи французскихъ капиталистовъ, которые имѣли въ виду расширить торговыя сношенія съ балканскими землями и открыть новые рынки для французскихъ товаровъ. Съ другой стороны, и англійская промышленность получитъ болѣе удобный доступъ въ Македонію и Сербію черезъ Салоники, такъ что австрійцы должны будутъ выдерживать серьезную конкурренцію въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ на полуостровъ. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что, въ силу своего географическаго положенія, Австро-Венгрія извлечетъ наибольшую пользу изъ новой желѣзнодорожной линіи и безъ особыхъ усилій заберетъ ее вполнѣ въ свои руки.

Англійскіе консерваторы имѣютъ какой-то особый взглядъ на консерватизмъ, рѣзко отличающій ихъ отъ континентальныхъ консерваторовъ: вмѣсто того, чтобы хлопотать исключительно объ авторитетѣ и преимуществахъ власти, они стараются еще болѣе расширить народное самоуправленіе, составляющее основу общественнаго быта Англіи. Консервативное министерство въ Англіи ставитъ себѣ задачей дѣйствительно охранять реальные интересы народа, и для этой цѣли оно предпринимаетъ реформы, которыя въ другихъ странахъ назывались бы не только либеральными, но радикальными. Управляющій дѣлами мѣстнаго управленія въ кабинетѣ лорда Солсбёри (т.-е. президентъ local government board), членъ парламента Ритчи, внесъ

въ палату общинъ, еще въ мартѣ мѣсяцѣ, два замѣчательныхъ билля, которые съ рѣдкимъ единодушіемъ одобрялись газетами всѣхъ партій. Эти два проекта касаются устройства мѣстнаго управленія въ Англіи и въ княжествѣ Уэльскомъ. Правительство предлагаетъ предоставить вновь организованнымъ мѣстнымъ властямъ много такихъ функцій, которыя теперь исполняются правительственными учрежденіями и парламентомъ. На выборные совѣты графствъ и округовъ будетъ возложено разсмотрѣніе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, относящихся до мѣстныхъ налоговъ, финансовыхъ вопросовъ, администраціи заведеній для душевно-больныхъ, преобразованія промышленныхъ школъ, продажи спиртныхъ напитковъ, надзора за мѣрами и вѣсами, за взрывчатыми веществами, за эпизоотіями, за содержаніемъ мостовъ и дорогъ и т. п. Завѣдываніе полиціей будетъ ввѣрено особому дополнительному комитету, назначенному совѣтомъ графства. Совѣты графствъ будутъ уполномочены устанавливать правила о пользованіи водами въ рѣкахъ, принимать временныя мѣры относительно гаваней, плотинъ, электрическаго освѣщенія, снабженія газомъ и водою. Имъ будетъ также принадлежать право утверждать пошлины съ торговыхъ сдѣлокъ. Члены совѣтовъ будутъ избираться непосредственнымъ народнымъ голосованіемъ, причемъ женщины, платящія налоги, пользуются правами избирателей. Девять главныхъ провинціальныхъ городовъ будутъ имѣть свои самостоятельные совѣты. Города съ населеніемъ ниже десяти тысячъ человѣкъ перестанутъ имѣть свою особую полицію. Лондонъ образуетъ графство съ лордомъ-лейтенантомъ, съ городскими чиновниками и съ выборнымъ совѣтомъ. Правительственный департаментъ столичныхъ работъ будетъ упраздненъ, но лондонская полиція останется въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Совѣтамъ графствъ предоставляется повышать на двадцать процентовъ существующіе патентные сборы за право торговли спиртными напитками; изъ этихъ увеличенныхъ сборовъ будетъ выдаваться вознагражденіе тѣмъ лицамъ, которымъ новые совѣты откажутъ въ возобновленіи разрѣшенія производить питейную торговлю. Мѣстнымъ властямъ будутъ переданы сборы различныхъ налоговъ приблизительно на пять милліоновъ шестьсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ (т.-е. на 56 милліоновъ рублей); зато будутъ прекращены выдачи суммъ изъ государственнаго казначейства въ распоряженіе мѣстныхъ управленій, на два милліона шестьсотъ тысячъ фунтовъ (т.-е. на 26 мил. рублей ежегодно). Очевидно, дѣло идетъ о коренномъ преобразованіи мѣстнаго управленія въ духѣ автономіи и децентрализаціи, независимо отъ существующаго самоуправленія городскихъ и сельскихъ общинъ. Новое устройство предназначается пока только

для Англіи въ тѣсномъ смыслѣ съ княжествомъ Уэльскимъ (т.-е. безъ Шотландіи).

Такъ какъ главныя основанія проекта встрѣчены весьма сочувственно либеральной оппозиціею, то оба билля пройдутъ въ палатѣ общинъ безъ особенныхъ затрудненій. Либералы отнеслись также съ похвалою къ финансовымъ мѣрамъ Гошена, представляющимъ громадныя сбереженія въ ежегодной уплатѣ процентовъ по государственнымъ займамъ и уменьшающимъ податныя тягости населенія въ значительныхъ размѣрахъ. Англійскіе консерваторы отвергаютъ ту безплодную, отрицательную и иногда разрушительную роль, которая въ другихъ мѣстахъ считается необходимою принадлежностью охранительной политики; они создаютъ нѣчто положительное, полезное для народа и государства, отнимая этимъ поводы къ обвиненіямъ и нападкамъ со стороны либеральной партіи. Если такой же способъ дѣйствій будетъ примѣненъ къ Ирландіи взамѣнъ односторонней насильственной системы, усвоенной статсъ-секретаремъ Бальфуромъ, то министерство лорда Солсбёри окажетъ крупную услугу своей странѣ, упрочитъ надолго положеніе консерваторовъ и предупредитъ внутренніе политическіе кризисы, неизбѣжно возникающіе при слѣпомъ противодѣйствіи народнымъ потребностямъ и стремленіямъ.

Въ румынскомъ королевствѣ довольно давно уже происходило сильное политическое броженіе, которое разрѣшилось пока назначеніемъ новаго министерства Розетти-Карпъ. Во главѣ правительства, въ теченіе цѣлыхъ почти двѣнадцати лѣтъ стоялъ энергическій Іоаннъ Братіано, бывшій тогда либеральнымъ дѣятелемъ и превратившійся затѣмъ въ неразборчиваго честолюбца и реакціонера. Чтобы отдѣлаться отъ настойчивой, хотя и немногочисленной оппозиціи въ румынской палатѣ депутатовъ, Братіано убѣдилъ короля Карла, въ декабрѣ прошлаго года, распустить палату и назначить новые выборы на февраль. Предвидя, что правительство пуститъ въ ходъ всѣ свои силы и средства для обезпеченія за собою побѣды на выборахъ, члены оппозиціи обращались лично къ королю съ просьбою позаботиться о свободѣ избирательнаго движенія; король обѣщалъ принять зависящія отъ него мѣры, но это обѣщаніе не имѣло серьезныхъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ власть оставалась по-прежнему въ рукахъ министерства Братіано. При помощи обычнаго административнаго воздѣйствія, достигнуто было избраніе 115 правительственныхъ кандидатовъ изъ общаго числа 183; но все-таки и оппозиція пріобрѣла до 50 новыхъ членовъ, а это было несомнѣнною побѣдою при данныхъ условіяхъ избирательной борьбы. Скандальные

процессы, обнаружившіе продажность нѣкоторыхъ высшихъ чиновниковъ, поколебали положеніе Братіано, и въ началѣ марта министръ-президентъ подалъ въ отставку. Послѣдствія показали, что это былъ только ловкій маневръ, имѣвшій цѣлью убѣдить населеніе въ невозможности другого министерства при существующемъ составѣ палатъ. Черезъ нѣсколько дней, послѣ намѣренно-неудачныхъ попытокъ образовать новый кабинетъ, король вновь подтвердилъ свое довѣріе къ Братіано и предоставилъ ему управлять страною хотя по прежнему, но по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Король Карлъ, какъ членъ фамиліи Гогенцоллерновъ, отправился тогда въ Берлинъ на похороны императора Вильгельма, имѣлъ какіе-то секретные переговоры съ княземъ Бисмаркомъ и на обратномъ пути остановился въ Вѣнѣ, гдѣ происходили у него продолжительныя совѣщанія съ графомъ Кальноки. Братіано еще раньше побывалъ въ столицахъ обѣихъ имперій для свиданій съ германскимъ канцлеромъ и съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Утверждали положительно, что Румынія формально присоединилась къ союзу, направленному противъ Россіи, для обезпеченія своего нейтралитета отъ нарушенія со стороны русскихъ войскъ. Эти слухи послужили поводомъ къ волненію въ оппозиціи, и оппозиція противъ министерства Братіано стала усиливаться съ каждымъ днемъ. Репрессивныя мѣры, принимаемыя подъ предлогомъ сохраненія общественнаго спокойствія, довели дѣло до уличныхъ безпорядковъ и кровавыхъ столкновеній. Въ разныхъ мѣстахъ страны возникли крестьянскія волненія, которыя не прекратились еще и понынѣ. Новый кабинетъ Розетти выработалъ уже проектъ, имѣющій цѣлью увеличить земельные надѣлы крестьянъ и улучшить ихъ матеріальное положеніе при помощи государства, но политическія симпатіи и связи правительства остались прежнія, и австрійскія газеты имѣютъ основаніе заявлять, что перемѣна министерства въ Бухарестѣ нисколько не повліяла на внѣшнюю политику Румыніи.

Оригинально во всей этой исторіи то, что безобразія, происходившія въ Румыніи при произвольномъ и несправедливомъ управленіи Братіано, приписывались нѣкоторыми газетами парламентаризму, не соотвѣтствующему будто бы политическому развитію и потребностямъ населенія. Можно сказать наоборотъ, что режимъ Братіано былъ бы немыслимъ, еслибы румынскимъ палатамъ дѣйствительно принадлежало право контроля, и еслибы самый составъ большинства депутатовъ выражалъ собою дѣйствительныя желанія избирателей, т.-е. еслибы въ Румыніи не былъ стѣсненъ парламентаризмъ. Немыслимо было бы также, чтобы правительство Румыніи вовлекло страну въ опасныя международныя сдѣлки при болѣе свободномъ и самостоятельномъ

положеніи народнаго представительства. Склонность короля Карла Гогенцоллернскаго къ особой австро-нѣмецкой политикѣ находится въ явномъ противорѣчіи не только съ жизненными интересами и симпатіями народа, но и съ естественнымъ положеніемъ и состояніемъ небольшого румынскаго королевства, и можетъ быть объясняема только тѣмъ, что ему приходилось выбирать не между австро-нѣмецкимъ вліяніемъ и независимою политикою, а между зависимостью отъ тѣхъ или другихъ сосѣдей, и онъ только оказалъ предпочтеніе одной предъ другою. Такое государство, какъ Румынія, находясь между тремя могущественными державами, должно заботиться прежде всего о томъ, чтобы не давать ни малѣйшаго повода къ какому-либо неудовольствію сосѣдей; мѣшаясь же само въ ихъ взаимные счеты безъ крайней въ томъ нужды, оно рискуетъ быть раздавленнымъ при первой европейской войнѣ. Королю Карлу и его совѣтникамъ можетъ казаться полезнымъ поддерживать близкія связи съ великими европейскими имперіями, но общенародное мнѣніе Румыніи—еслибы оно дѣйствительно имѣло право голоса въ столь важныхъ для нея вопросахъ—никогда не допустило бы господства той рискованной политики, о которой говорятъ теперь австрійскія газеты; правда, не нужно себя обманывать и думать, что нынѣшняя анти-австрійская партія въ Румыніи, одержавъ верхъ, сдѣлается русскою партіею: мы слишкомъ часто обманывали уже себя въ этомъ отношеніи въ дѣлахъ Сербіи и Болгаріи, чтобы впасть въ новую ошибку при оцѣнкѣ того, что происходитъ въ настоящее время въ Румыніи.

Годъ тому назадъ, 1-го іюня 1887 г., пало „австрофильское“ министерство Гарашанина въ Сербіи, и по этому поводу мы тогда же (іюльск. кн. 1887 г., стр. 402) высказались: „но ошибочно было бы полагать, что управленіе Ристича должно считаться равносильнымъ преобладанію русскаго вліянія въ Сербіи... Наши газеты почему-то вообразили, что вступленіе Ристича во власть означаетъ рѣшительный переходъ Сербіи на сторону Россіи“. Такое мнѣніе вызвало тогда въ „нашихъ газетахъ“ упреки и намеки по нашему адресу; но прошло не болѣе года съ того времени, и высказанное нами вполнѣ оправдалось послѣдующими событіями. Въ виду того, мы, еще въ концѣ прошедшаго года (ноябр. кн., стр. 418), возвратились къ дѣламъ Сербіи и снова провѣрили высказанный въ газетахъ взглядъ на значеніе министерства Ристича,—„будто бы назначеніе Ристича на постъ министра-президента равносильно возвращенію Сербіи въ сферу русскаго *вліянія* и русскихъ *интересовъ*“. „Самое раздѣленіе сербскаго общества на *русскую* и *австрійскую* партіи,—говорили мы,—вовсе не означаетъ, какъ то думаютъ наши газеты, будто все дѣло состоитъ въ томъ, что тамъ одна партія желаетъ усиленія вліянія на внутреннія

сербскія дѣла русскихъ, а другая—австрійцевъ; вѣрно одно, что тамъ и та, и другая партія, одинаково стоятъ за внутреннюю независимость отъ кого бы то ни было, а потому „русской партіи", въ смыслѣ стремленія подчинить Сербію русскому вліянію, вовсе не существуетъ въ Сербіи. Тому, кто нынѣ (т.-е. въ 1887 г.) бывалъ въ Сербіи и имѣлъ случай говорить съ лицами, принадлежащими къ такъ-называемой „русской партіи" (тогда господствовавшей),—все это очень хорошо извѣстно; если же наши газеты думаютъ иначе, то имъ придется современемъ обвинить и сербовъ въ неблагодарности; „русская партія" въ Сербіи весьма искренно желала бы, при помощи именно Россіи (это совсѣмъ понятно), сохранить свою независимость, но далѣе этого нейдутъ желанія и „русской партіи".

По поводу всего этого высказаннаго нами мы получили послѣ письмо (на русскомъ языкѣ) изъ самой Сербіи отъ лица, симпатіи котораго къ Россіи должны быть поставлены внѣ всякаго сомнѣнія, и въ то же время достаточно авторитетнаго въ своей странѣ.—„Вы правильно—говорится въ письмѣ—оцѣнили тенденцію и одной, и другой партіи (въ Сербіи): одна больше разсчитываетъ на Россію, другая больше на Австрію, въ достиженіи *своихъ* національныхъ цѣлей; но ни одна, ни другая, во внѣшнихъ отношеніяхъ не желаетъ преобладанія того или другого *чужого* вліянія въ Сербіи, и этому по доброму желанію (намѣренно) не способствуетъ. Разница, между тѣмъ, одной и другой партіи въ самой странѣ—большая. Во-первыхъ, онѣ „руссофильскою" и „австрофильскою" называются только за границей, а въ странѣ—„радикально-либеральною" и „напрднячской, или прогресситской партіей. Первая представляетъ почти массу народа, а вторая—часть его интеллигенціи. По своей прошедшей дѣятельности, „радикально-либеральную" партію (за границей: „руссофильская"), имѣющую задачей освобожденіе и объединеніе сербской національности, можно бы назвать „національною", а партію „напрднячскую" — „консервативно-бюрократическою" (за границей: „австрофильская"). Вы видите, что здѣсь партіи либеральную и радикальную сливали въ одну. Если теперь, послѣ разрыва ихъ союза, эти двѣ партіи разошлись, — это произошло только по близорукости г-на Ристича, который союзомъ такъ неудачно руководилъ. Я надѣюсь все-таки, что въ будущемъ обѣ бывшія союзныя партіи сольются въ одну, потому что одну программу и одни стремленія имѣютъ", и т. д.

Въ какой степени все это мало совпадаетъ съ воззрѣніями и пожеланіями нашихъ публицистовъ извѣстнаго пошиба — напрасно было бы о томъ и говорить, но нельзя не рекомендовать ихъ серьезному вниманію подобный голосъ изъ самой Сербіи.

ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Генералъ Буланже и Поль Дерулэдъ.

Героемъ дня и центральною фигурою современной Франціи все еще оказывается, по разнымъ причинамъ, генералъ Буланже. Почему льнутъ къ нему массы французовъ изъ различныхъ слоевъ общества, что̀ нашли въ немъ горячіе приверженцы изъ республиканцевъ и бонапартистовъ, ради чего устроиваются ему шумныя уличныя оваціи и какіе мотивы заставляютъ такихъ серьезныхъ людей, какъ сенаторъ Наке́, выступать въ роли убѣжденныхъ буланжистовъ,—на это не даютъ отвѣта многочисленныя газеты и брошюры, посвященныя спеціально генералу Буланже. Одни поклоняются просто какому-то отвлеченному герою въ блестящемъ мундирѣ, съ роскошнымъ плюмажемъ на головѣ, съ чертами лица бывшаго военнаго министра; другіе увлекаются перспективой военныхъ побѣдъ, которыя возможны будто бы только при переходѣ власти въ руки генерала, съумѣвшаго внушить къ себѣ довѣріе Рошфора и его единомышленниковъ; третьи говорятъ о довѣріи къ нему солдатъ, матеріальное положеніе которыхъ улучшено при его министерствѣ; наконецъ, многіе привѣтствуютъ его исключительно изъ вражды къ оппортунистамъ и къ парламентскимъ дѣльцамъ, не оправдавшимъ ожиданій населенія. Необычайная популярность генерала Буланже основана на цѣломъ рядѣ фантастическихъ предположеній и натяжекъ. Буланжистская пресса ежедневно повторяетъ, какъ нѣчто разумѣющееся само собою, что Буланже—единственный изъ французскихъ генераловъ, дѣйствительно озабоченный интересами военной обороны; что безъ него и внѣ его нѣтъ ни надлежащей военной организаціи, ни дѣльныхъ приготовленій къ успѣшному отпору на случай войны, ни достойной и твердой внѣшней политики, ни истиннаго патріотизма. И повидимому толпа принимаетъ на вѣру эти восторженныя фразы, оскорбительныя для всѣхъ прочихъ военныхъ и политическихъ дѣятелей Франціи. Удаленный изъ состава арміи, предполагаемый полководецъ превратился вдругъ въ конституціоннаго реформатора, способнаго будто бы избавить страну отъ всякихъ внутреннихъ золъ, и публика съ одинаковою легкостью повѣрила въ эту новую миссію своего любимца. Невольно думается, что люди, утомленные своею свободою, создали себѣ кумиръ, которому и приписываютъ небывалые подвиги и всевозможныя добро-

дѣтели. Поклонники Буланже, пытающіеся объяснить его значеніе въ печати, какъ-то сознательно путаются въ своихъ доводахъ. Депутатъ Лезанъ, въ брошюрѣ: „Pourquoi et comment je suis boulangiste", заявляетъ, что онъ сдѣлался буланжистомъ по тремъ причинамъ: во-первыхъ, потому что онъ патріотъ, во-вторыхъ, потому что онъ желаетъ мира, и, въ-третьихъ, потому что онъ республиканецъ. Съ такимъ же основаніемъ бонапартисты мотивируютъ свое присоединеніе къ буланжизму тѣмъ, что они враги нынѣшней республики,—а проповѣдники идеи возмездія, члены извѣстной лиги патріотовъ, примкнули къ движенію потому, что они хотятъ войны, по крайней мѣрѣ въ будущемъ.

Чтобы разобраться въ этой путаницѣ и получить болѣе точное представленіе о цѣляхъ буланжистской пропаганды, мы рѣшились побывать у самого генерала и побесѣдовать съ нимъ лично, въ качествѣ любознательнаго русскаго корреспондента. Буланже, какъ мы слышали раньше, отличается своею доступностью и привѣтливостью, что вполнѣ подтвердилось и въ данномъ случаѣ. Въ отвѣтъ на наше письмо онъ прислалъ на другой день весьма любезную записочку, изъ которой мы узнали, что онъ „будетъ очень счастливъ принять" насъ, и что многочисленная корреспонденція помѣшала ему вскрыть наше письмо раньше. Въ назначенный часъ, утромъ, мы направились въ Grand Hôtel du Louvre, гдѣ находится временная квартира генерала. Въ коррридорѣ третьяго этажа гостиницы была уже цѣлая толпа господъ, ожидающихъ своей очереди. Тутъ были и физіономіи старыхъ бонапартистовъ, и молодые репортеры, и какія-то сомнительныя личности, и элегантные, самодовольные франты, и двѣ-три дамы, и нѣсколько юношей, почти мальчиковъ; нѣкоторые имѣли въ петличкахъ цвѣтокъ красной гвоздики, которую можно было получать изъ рукъ маленькаго грума, по желанію. Заходили и депутаты,—между прочимъ Эдуардъ Тюркé, старый, сухой господинъ, бывшій товарищъ министра; они принимались, конечно, внѣ очереди, на правахъ коллегъ. Посѣтители, которые по порядку вызывались маленькимъ грумомъ, входили въ кабинетъ Буланже въ своихъ пальто́, съ палками въ рукахъ и чуть ли не въ шляпахъ,—по обыкновенію французовъ.

Дождавшись своей очереди, мы увидѣли предъ собою человѣка средняго роста, немного согбеннаго, съ небольшимъ энергическимъ лицомъ, съ рыжею бородою. Онъ непохожъ на свои портреты, гдѣ онъ изображается красавцемъ; но его большіе, голубые глаза, глядящіе какъ-то сурово и неопредѣленно, сразу обращаютъ на себя вниманіе. Буланже встрѣтилъ насъ словами, что онъ получилъ записку, и началъ обычными, хотя нѣсколько странными вопросами:

„Comment allez-vous?“ и т. п., выражая этимъ какъ будто желаніе избѣгнуть политическаго разговора. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ мы сказали ему, отвѣчая на его вопросъ, что въ Россіи интересуются движеніемъ, во главѣ котораго стоитъ генералъ, но не понимаютъ цѣлей его партіи, и что вообще этимъ движеніемъ довольны у насъ ожидающіе отъ генерала прежде всего устраненія парламента и установленія личнаго режима. Буланже съ равнодушнымъ, усталымъ видомъ повторялъ: „знаю это, знаю!“ — и продолжалъ: „у насъ господствуетъ политика группъ и партій; я хочу образовать одну великую національную партію, открытую для всѣхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали“. Мы высказались по этому поводу, что различія мнѣній существуютъ въ самомъ народѣ, и что слѣдовательно объединеніе не состоится. Буланже съ живостью возразилъ: „я имѣю твердую надежду, что единство будетъ достигнуто“. На вопросъ, какъ нужно понять его отношеніе къ парламентаризму, онъ заявилъ категорически: „я противъ парламентаризма и хочу устранить его *легально* (légalement)“, причемъ особенно напиралъ на это послѣднее слово. „Я хочу добиться пересмотра конституціи въ этомъ смыслѣ“,—говорилъ онъ дальше. Не думаетъ ли онъ,—спросили мы его,—обойтись безъ народнаго представительства, и считаетъ ли онъ это возможнымъ въ современной Франціи? Если же нѣтъ, то значитъ у него будетъ парламентъ и парламентаризмъ по прежнему. „Безъ сомнѣнія,—отвѣчалъ онъ,—будетъ существовать парламентъ, но теперь—nous avons un parlement, qui est mauvais, et nous aurons un parlement, qui sera bon“.

Этимъ закончился разговоръ, который былъ любопытенъ только въ одномъ отношеніи. По признанію самого Буланже, борьба съ парламентаризмомъ, начатая съ такимъ шумомъ и трескомъ, не имѣетъ, въ сущности, принципіальнаго характера, а направлена лишь противъ нынѣшней палаты депутатовъ. Со стороны предводителя партіи весьма естественно думать, что хорошъ только парламентъ, состоящій изъ его приверженцевъ, но стремиться къ замѣнѣ одной палаты другою и мечтать о созданіи новой обширной партіи, въ дополненіе къ прежнимъ—не значитъ еще быть смѣлымъ новаторомъ въ области внутренней политики.

Въ какомъ-то смутномъ, непріятномъ настроеніи вышли мы изъ Hôtel du Louvre, гдѣ около часу провели въ корридорѣ, въ обществѣ разныхъ „кокардистовъ“ и просителей. Эта разноцвѣтная толпа ожидающихъ, ихъ торжественный видъ, ихъ счастливыя улыбки при выходѣ изъ завѣтнаго кабинета,—все это показалось намъ очень страннымъ и грустнымъ. Много, значитъ, есть людей во Франціи, жаждущихъ

имѣть надъ собою господина, которому можно бы льстить въ разсчетѣ на будущія милости. Буланже, очевидно, усталъ принимать осаждающихъ его посѣтителей; онъ по возможности отдѣлывается отъ нихъ банальными фразами, и ему не всегда это удается: какъ человѣкъ военный, онъ не умѣетъ уклоняться отъ щекотливыхъ для него вопросовъ и высказываетъ иногда то, что̀ удобнѣе было бы умалчивать съ точки зрѣнія его приверженцевъ. Не много узнали и мы отъ генерала, который на этотъ разъ былъ какъ-то особенно скупъ на слова; это объяснялось отчасти тѣмъ, что онъ былъ слишкомъ занятъ приготовленіями къ поѣздкѣ въ сѣверный департаментъ, назначенной на слѣдующее же утро. Но отдѣльныя заявленія его вполнѣ освѣщались и дополнялись для насъ продолжительною бесѣдою, которую мы имѣли, за два дня до того, съ наиболѣе популярнымъ и горячимъ изъ его сотрудниковъ, президентомъ лиги патріотовъ, Полемъ Дерулѣдомъ.

Не будучи политикомъ по профессіи, оставаясь поэтомъ и фантазеромъ, Дерулѣдъ создалъ себѣ репутацію самаго искренняго и рѣшительнаго патріота въ воинственномъ смыслѣ этого слова. Какъ передовой выразитель идеи „реванша“ по отношенію къ Германіи, какъ организаторъ распространенной по всей странѣ „лиги патріотовъ“, онъ пользуется совершенно особымъ положеніемъ и вліяніемъ въ различныхъ классахъ общества. Вліяніе его тѣмъ сильнѣе, что оно вполнѣ безкорыстно: онъ—одинъ изъ немногихъ дѣятелей Франціи, которые не только не извлекаютъ выгоды изъ своего положенія, но затрогиваютъ свои личныя средства на любимое дѣло. Онъ отдалъ часть своего состоянія на устройство и поддержку „лиги патріотовъ“, которая понынѣ существуетъ главнымъ образомъ на его счетъ; ему же принадлежитъ еженедѣльный иллюстрированный органъ лиги „Drapeau“, издаваемый очень толково и изящно. Въ помѣщеніи лиги (rue St. Augustin, 22) всегда ждутъ Дерулѣда какіе-то посѣтители—эльзасцы, буланжисты съ oeillet rouge въ петличкѣ, депутаты.

Послѣ обычнаго обмѣна вѣжливостей, Дерулѣдъ сталъ подробно излагать воззрѣнія и планы буланжистовъ. Мы предупредили его, что находимъ труднымъ сочувствовать буланжистскому движенію, какъ относящемуся спеціально къ личности одного человѣка и не имѣющему общей политической основы. Дерулѣдъ объяснилъ на это, что страна дѣлится теперь на два лагеря—ферристскій и національно-буланжистскій. „Первые представляютъ своекорыстную буржуазію, преслѣдующую свои частные интересы въ парламентѣ и внѣ его; это клика аферистовъ, умѣющихъ хорошо говорить, покрывшихъ

страну сѣтью своихъ комитетовъ и разоряющихъ и позорящихъ Францію въ теченіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ; они имѣютъ во главѣ, съ одной стороны, Ферри, а съ другой—Филиппа Орлеанскаго. Мечта каждаго депутата—сдѣлаться министромъ и увеличить этимъ свои доходы; отсюда непостоянство министерствъ, частые кабинетные кризисы, отсутствіе прочнаго правительства, анархія и разореніе. Министры назначаются не по способностямъ и качествамъ, а по количеству голосовъ, которые они приносятъ съ собою, какъ представители парламентскихъ группъ. Патріоты терпѣли и молчали, пока ожидалась война,—чтобы не повредить республикѣ; они все надѣялись, что когда-нибудь установится правительство изъ людей, готовыхъ и имѣющихъ возможность исполнить свои обѣщанія. Но надежды и ожиданія оказались напрасными; безсиліе парламента и правительства стало ясно для всѣхъ, угрожая самымъ насущнымъ интересамъ страны. Народу надоѣло все это. Когда умеръ императоръ Вильгельмъ и вступилъ на престолъ миролюбивый Фридрихъ, патріоты рѣшились воспользоваться этою передышкою для внутренняго переустройства республики. Это партія—реформаторская. Буланже—только глава партіи, и его популярность есть сила, которую должны утилизировать патріоты для достиженія цѣли"... „Теперешнюю конституцію,—продолжалъ Деруледъ,—составили члены національнаго собранія, выбранные только для заключенія мира и употребившіе во зло довѣріе избирателей; они выработали конституцію, имѣя въ виду возстановленіе монархіи. Президентъ республики, какъ выбранный палатами, не имѣетъ авторитета и не можетъ держать министровъ, которые не нравятся парламенту; министры навязываются президенту, и исполнительная власть смѣшана съ законодательною,—судебная власть также узурпируется палатою (какъ видно, напр., изъ назначенія коммиссіи для разслѣдованія дѣла Каффареля-Вильсона и др.), такъ что всѣ власти перепутаны, и всѣмъ распоряжаются депутаты. Это абсурдъ, которому пора положить конецъ". Съ особеннымъ негодованіемъ, почти съ пѣною у рта, говорилъ Деруледъ объ оппортунистахъ, ферристахъ, господствующихъ надъ Франціею. Ферри и его приверженцы стоятъ за существующій порядокъ вещей только потому, что онъ удобенъ для нихъ лично, такъ какъ Ферри считаетъ возможнымъ управлять этими мелкими партійными счетами, льстя однимъ, подкупая обѣщаніями другихъ и лавируя между разными элементами большинства, чтобы сохранить власть.

Но почему — замѣтили мы — движеніе противъ ферристовъ и противъ ихъ господства возникло именно теперь, когда Ферри вовсе не имѣетъ никакой власти, и когда во главѣ правительства стоятъ

радикалы, сочувственные патріотамъ, — Флоке, Фрейсинэ, Гобле, бывшій товарищъ Буланже по министерству. А движеніе буланжистское несомнѣнно враждебно нынѣшнему радикальному правительству, оно ослабляетъ его, вмѣсто того, чтобы поддерживать въ реформаторскихъ намѣреніяхъ. „Оппортунисты, — возразилъ Деруледъ, — господствуютъ потому, что всегда имѣютъ возможность свергнуть кабинетъ и грозятъ исполнить это при первой реформаторской попыткѣ правительства. Министры, какъ Гобле и Флоке, ничего не могутъ сдѣлать, подъ давленіемъ оппортунистовъ; поэтому патріоты создаютъ народное анти-парламентское движеніе, чтобы побудить министерство примкнуть къ ихъ партіи и сознаться, что нѣтъ другого выхода, кромѣ пересмотра конституціи и дальнѣйшихъ реформъ". Мы замѣтили при этомъ, что обыкновенно свергателями министерствъ являются однако не оппортунисты, а такъ-называемые радикалы въ союзѣ съ правою, и что о прочности правительства больше всего хлопотали всегда умѣренные республиканцы, противъ которыхъ ополчаются теперь буланжисты. Въ разговорѣ упомянуто было также имя Карно, и мы выразились между прочимъ, что это безспорно человѣкъ честный. „Это позоръ для Франціи,—воскликнулъ Деруледъ,—если честность считается достоинствомъ для президента; честныхъ людей вы найдете и въ моей передней. Карно честенъ относительно кармана, но не относительно совѣсти; выбранный только въ виду анти-ферристскаго народнаго движенія, онъ обратился не къ Флоке, не къ Гобле, не призвалъ Буланже, а обратился къ оппортунистамъ—къ Фальеру, къ Тирару, который есть не что иное какъ „valet de Ferry". Онъ, Карно, и его окружающіе отняли командованіе у Буланже изъ зависти къ его популярности, въ наказаніе за оппозиціонные разговоры въ кружкѣ друзей генерала, за голосованіе въ его пользу и пр.; а когда нѣмецкія газеты похвалили правительство и совѣтовали дойти до конца, то эти imbéciles послушались и дошли до конца—исключили Буланже изъ арміи". Надо замѣтить, что буланжистская пресса приводила дѣйствительно по этому поводу какія-то небывалыя заявленія берлинской „Post", которыхъ не могли „послушаться" въ Парижѣ по той простой причинѣ, что французскіе министры вообще не читаютъ иностранныхъ и тѣмъ болѣе нѣмецкихъ газетъ. По словамъ Дерулэда, нынѣшніе правители довели Францію до постыднаго положенія. Почему же—спросили мы—народъ выбираетъ недостойныхъ депутатовъ? Вѣдь реформаторы всегда имѣютъ законное оружіе — посредствомъ избирательной агитаціи замѣнить ферристовъ патріотами. Дерулэдъ отвѣчалъ на это, что въ сущности страна управляется не болѣе какъ двумя тысячами гражданъ—лю-

дей, которые назначаютъ себя и своихъ приближенныхъ членами избирательныхъ комитетовъ во всей странѣ. На наше замѣчаніе, что въ такомъ случаѣ французскій народъ не есть свободный народъ, а скорѣе стадо,—чему не могутъ покѣрить за границей,—Деруледъ съ живостью возразилъ, что какъ это ни обидно, но онъ долженъ признать, что дѣйствительно народъ иногда играетъ роль пассивнаго стада, и что онъ самъ чувствовалъ себя членомъ этого стада, когда былъ на войнѣ. —Но вѣдь каждая партія имѣетъ свои избирательные комитеты,—и радикальная, и теперь буланжистская,—такъ что оппортунисты не обладаютъ въ этомъ отношеніи никакими преимуществами, и все сводится, слѣдовательно, къ свободной борьбѣ мнѣній,—замѣтили мы далѣе. Оставивъ это указаніе безъ отвѣта, Деруледъ перешелъ къ положительной программѣ буланжистовъ и сообщилъ ихъ политическіе планы. Онъ оговорился при этомъ, что самъ генералъ Буланже не могъ бы быть столь откровененъ, въ виду его положенія, какъ главы партіи.

„Великая нація—говорилъ Деруледъ—должна имѣть правительство сильное, которое выражало бы собою настоящія чувства и стремленія народа, и которое болѣе соотвѣтствовало бы національнымъ потребностямъ и настроенію, чѣмъ управленіе Карно. Для этого есть одинъ только способъ: нужно обратиться къ самому народу, чтобы онъ рѣшилъ, какой онъ хочетъ установить режимъ, хочетъ ли онъ остаться при нынѣшнемъ парламентскомъ непостоянствѣ или предпочитаетъ устроиться болѣе прочно, соединившись около популярнаго вождя". Планъ кампаніи, по словамъ Деруледа,—такой: организовать выборы 1889 года, чтобы получить большинство изъ буланжистовъ; затѣмъ въ палатѣ потребовать назначенія выборовъ въ учредительное собраніе для составленія новой конституціи, дать три мѣсяца для подготовленія выборовъ и для созванія учредительнаго собранія, и три мѣсяца для выработки конституціи. Для управленія страною въ это переходное время будетъ назначенъ особый совѣтъ правительственный. Сенатъ будетъ упраздненъ. Какъ будетъ организованъ парламентъ—изъ одной ли палаты, или изъ двухъ,—это рѣшится потомъ; только установлены будутъ гарантіи прочности управленія и возвышена будетъ исполнительная власть,—палатамъ останутся лишь законодательныя полномочія и право контроля дѣйствій правительства. Детали, конечно, не разработаны; „мы увидимъ, какъ сдѣлать".

Изъ словъ Деруледа можно заключить, что „патріоты" стремятся къ установленію чисто личнаго владычества, и что ихъ будущій парламентъ („qui sera bon", по выраженію ген. Буланже) окажется копіей законодательнаго корпуса временъ второй имперіи. Свободно избран-

ный парламентъ, каковъ бы онъ ни былъ, есть только отраженіе чувствъ и желаній народа; разъединеніе между партіями въ палатѣ происходитъ отъ такого же разъединенія въ народѣ, гдѣ рядомъ съ республиканцами есть и бонапартисты, и клерикалы, и соціалисты. Что можетъ сдѣлать парламентъ, раздѣленный на-двое или на-трое, какъ нынѣшняя палата депутатовъ? И какъ измѣнить этотъ разладъ, ведущій къ безсилію,—пока этотъ разладъ не устраненъ въ самомъ населеніи? Притомъ, развѣ партія Буланже устранитъ этотъ разладъ? Останутся всегда тѣ же противники его—радикалы, оппортунисты, соціалисты. По поводу обращенія къ народу съ вопросомъ о правительственной системѣ нельзя было не напомнить, что народная масса не можетъ прямо рѣшать такіе сложные вопросы, что съ плебисцитомъ уже дѣлались опыты при имперіи, и результаты были печальные. Въ отвѣтъ на такія замѣчанія, Деруледъ заявилъ, что онъ не стѣсняется признать себя сторонникомъ плебисцита, хотя это слово непріятно многимъ его друзьямъ и отвергается ими. „Народъ одинъ можетъ и имѣетъ право давать себѣ конституцію; а что объ этомъ же хлопочутъ бонапартисты—это ничего не значитъ. Бонапартисты—все-таки демократы, приверженцы народныхъ правъ, и можно съ ними идти рука объ руку противъ буржуазной парламентской олигархіи". Нѣсколько разъ Деруледъ повторялъ, что всѣ эти Ферри, Рибо и др. составляютъ олигархію, что при нихъ республика ничего не сдѣлала для народа, и что новая партія буланжистовъ есть именно демократическая, не имѣющая въ себѣ ничего реакціоннаго. Мы возразили, что трудно считать бонапартистовъ искренними друзьями народа, что они хотятъ просто возстановить свое утраченное вліяніе и положеніе, и что ихъ участіе въ буланжистскомъ движеніи придаетъ послѣднему характеръ реакціонный. Деруледъ отрицалъ существованіе бонапартистскихъ симпатій въ народѣ; онъ думаетъ, что народъ хочетъ сохранить республику въ преобразованномъ видѣ. Но вопросъ о формѣ правленія—въ сущности второстепенный для Деруледа, хотя онъ стоялъ за республику еще при имперіи. Онъ любитъ Францію „toute nue",—режимъ только одѣяніе, которое онъ разорветъ, чуть только окажется, что оно сдавливаетъ и стѣсняетъ страну. „Не мы идемъ къ бонапартистамъ, а они идутъ къ намъ. Общими силами можно будетъ перестроить, реформировать республику въ духѣ демократіи. Что во главѣ движенія стоитъ генералъ, и что онъ же будетъ назначенъ правителемъ подъ именемъ директора или президента—это такъ же мало противорѣчитъ либерализму или идеѣ республики, какъ, напр., рѣшающая роль Вашингтона при составленіи конституціи Соединенныхъ Штатовъ, или двойное президентство гене-

рала Гранта. Плебисцитъ существуетъ и въ Швейцаріи, и однако это не мѣшаетъ ей быть республикою демократическою". Само собою разумѣется, что сравненіе генерала Буланже съ Вашингтономъ или Грантомъ можетъ вызвать только улыбку, тѣмъ болѣе, что ни Вашингтонъ, ни Грантъ не добивались власти путемъ искусственной народной агитаціи противъ существующаго республиканскаго строя. Всѣхъ этихъ общихъ политическихъ вопросовъ и мотивовъ совершенно не видно въ спеціальной буланжистской прессѣ: органы ея, какъ „Intransigeant" Рошфора и „Cocarde" Лабрюйера, занимаются исключительно прославленіемъ личности генерала и переполнены свѣденіями о каждомъ его шагѣ, — какъ онъ обѣдаетъ, что́ онъ дѣлаетъ, куда ѣдетъ и какъ гуляетъ. Никакой политики въ этомъ нѣтъ. Деруледъ оправдывалъ газеты тѣмъ, что „таковъ уже французскій способъ мышленія", и что для народа нужно, чтобы движеніе олицетворялось популярнымъ вождемъ. Мы замѣтили еще, что различные элементы буланжизма выкажутъ свои истинныя стремленія, когда дѣло дойдетъ до сознанія чего-нибудь положительнаго, т.-е. когда достигнется большинство въ парламентѣ; тогда партія сама собою распадется на свои составныя части. „Когда получимъ большинство,—прервалъ Деруледъ,—тогда посмотримъ". Другими словами, тогда будетъ по необходимости продолжаться та же система лавированія между партіями для сохраненія власти,—система, которая теперь ставится въ упрекъ оппортунистамъ.

Что касается великихъ внутреннихъ реформъ, обѣщаемыхъ буланжистамъ, то намъ удалось только узнать, что онѣ не коснутся владычества бюрократіи, не затронутъ тяжелаго и сложнаго административнаго механизма, не внесутъ духа автономіи въ организацію мѣстнаго управленія. Реформаторы-патріоты стоятъ за сосредоточенность администраціи, за крѣпкую государственную власть; они остаются при традиціонномъ во Франціи взглядѣ на государство, которое должно устроивать все и заботиться обо всемъ черезъ посредство арміи чиновниковъ. Деруледъ не признаетъ требованій либерализма относительно децентрализаціи; ему кажется, что расширеніе свободы общинъ и провинціальныхъ собраній было бы опасно для политическихъ интересовъ страны. Въ заключеніе онъ еще разъ повторилъ, что его партія не имѣетъ ничего общаго съ реакціонерами. „Объясните у васъ,—сказалъ онъ намъ на прощаніе,—что мы благоразумнѣе, чѣмъ думаютъ,—что мы вовсе не помышляемъ о реакціи, а напротивъ—хотимъ реформировать и улучшать".

Всѣ эти объясненія Деруледа носятъ на себѣ печать искренности и прямоты и въ нихъ какъ нельзя яснѣе выражаются сла-

быя и сильныя стороны буланжизма. Президентъ „лиги патріотовъ“ производитъ впечатлѣніе пылкаго, увлекающагося человѣка; говоритъ онъ краснорѣчиво и легко, съ паѳосомъ и огнемъ. Это патріотъ съ душой, страстно влюбленный въ свою Францію, весь проникнутый жаждою ея величія и славы. Вся тайна быстрыхъ успѣховъ генерала Буланже заключается въ такой способности французовъ къ страстному политическому увлеченію, въ всеобщемъ чувствѣ свободы, которое позволяетъ каждому громко поднимать свой голосъ за или противъ того или другого направленія въ дѣлахъ государственныхъ.

Л. С.

Парижъ, 18-го (1-го) мая.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня, 1888.

— *Судебные ораторы во Франціи.* Избранныя рѣчи Беррье, Шэ-д'Эстъ-Анжа, Ж. Фавра, Лашо, Филиппа Дюпена, Порталиса, Дюпена старшаго и Мирабо, переведенныя Алексѣемъ Шмаковымъ. Москва, 1888.

Знакомство съ лучшими французскими судебными ораторами очень полезно для русскихъ юристовъ и далеко не лишено интереса для русской образованной публики. Трудъ г. Шмакова заслуживаетъ, поэтому, полнаго сочувствія. Признавая какъ нельзя болѣе желательнымъ его продолженіе, мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о выборѣ матеріала и способѣ его обработки. Не совсѣмъ цѣлесообразнымъ кажется намъ, прежде всего, включеніе въ число образцовъ судебнаго краснорѣчія такихъ рѣчей, которыя произнесены ораторомъ pro domo sua, по собственному дѣлу. Пріемы, манера, тонъ — все является здѣсь существенно различнымъ отъ обычной адвокатской защиты. Увлеченіе можетъ идти гораздо дальше, личное чувство можетъ бить черезъ край, выражаясь то въ страстныхъ порывахъ, то въ глубокомъ горѣ или неудержимомъ гнѣвѣ. Въ громадную ошибку впалъ бы тотъ адвокатъ, который, прочитавъ напечатанную у г. Шмакова рѣчь Мирабо, вообразилъ бы себѣ, что такъ позволительно говорить, защищая тяжущагося или подсудимаго. Мирабо *самъ* былъ отвѣтчикомъ, *самъ* опровергалъ передъ судомъ требованіе своей жены о разлученіи отъ стола и ложа. Только этимъ извиняется, до извѣстной степени, его бѣшеная выходка противъ адвоката противной стороны—Порталиса, только этимъ объясняется весь складъ рѣчи, переполненной патетическими восклицаніями („О ты, любившая меня неизмѣнно! Ты, чье мановеніе очей возвратило меня!.. Викторъ, нашъ несчастный Викторъ, развѣ онъ не кричитъ въ твоей груди: это мой отецъ, зачѣмъ ты его гонишь?!“ и т. п.

Нельзя сказать, притомъ, чтобы рѣчь Мирабо по дѣлу съ женою составляла замѣчательное произведеніе ораторскаго искусства: въ ней слишкомъ много сантиментальности во вкусѣ XVIII-го вѣка, слишкомъ много треска и шумихи. Отрывокъ изъ отвѣтной рѣчи Порталиса такъ невеликъ, что не даетъ почти никакого понятія о дарованіи этого оратора.

Не вполнѣ удачнымъ кажется намъ, дальше, выборъ рѣчи Филиппа Дюпена по дѣлу генерала де-Риньи. Она можетъ считаться судебной только по имени, только потому, что была произнесена передъ судомъ; въ сущности это—отчасти стратегическій, отчасти историческій этюдъ, посвященный одному изъ эпизодовъ алжирской войны (неудачной попыткѣ взять Константину, въ 1836 г.). Самъ по себѣ этотъ этюдъ не лишенъ интереса, хотя для полной его оцѣнки необходимо основательное знакомство съ положеніемъ дѣлъ въ Алжиріи до и послѣ перваго похода на Константину; но проступокъ, въ которомъ обвинялся генералъ де-Риньи, былъ слишкомъ спеціальнаго свойства, и это не могло не отразиться на рѣчи его защитника. Устами Филиппа Дюпена говорилъ, въ сущности, самъ подсудимый, разбирая военныя дѣйствія, въ которыхъ ему пришлось разыграть выдающуюся роль. Въ нѣсколько меньшей степени то же самое замѣчаніе примѣнимо и къ другой рѣчи Филиппа Дюпена, вошедшей въ составъ сборника г. Шмакова—по дѣлу герцога Деказа. Нѣкто Макъ-Леанъ напечаталъ пасквиль, въ которомъ обвинялъ Деказа (бывшаго первымъ министромъ при Людовикѣ XVIII-мъ) въ соучастіи съ Лувелемъ, убійцей герцога Беррійскаго. Противъ Макъ-Леона предъявлено было обвиненіе въ клеветѣ, которое и поддерживалъ на судѣ Филиппъ Дюпенъ. Его рѣчь имѣла преимущественно характеръ исторической справки, тѣмъ болѣе, что между убійствомъ герцога Беррійскаго и напечатаніемъ пасквиля Макъ-Леана прошло около десяти лѣтъ. Мы далеки отъ мысли, чтобы защитительныя рѣчи по дѣламъ политическимъ меньше заслуживали изученія, чѣмъ защитительныя рѣчи по обыкновеннымъ уголовнымъ дѣламъ; наши возраженія относятся только къ тѣмъ процессамъ, гдѣ слишкомъ сильно выступаетъ на первый планъ анализъ какого-нибудь отдѣльнаго историческаго факта.

Право на включеніе въ категорію „избранныхъ“ имѣютъ, съ одной стороны, такія рѣчи, въ которыхъ краснорѣчіе достигаетъ своего апогея, съ другой — такія, которыя наиболѣе характеристичны для отдѣльнаго оратора или для цѣлой ораторской школы. Съ этой точки зрѣнія мы не можемъ одобрить помѣщеніе въ сборникъ г. Шмакова рѣчи Лашо за Марію Бьеръ. О достоинствахъ и недостаткахъ Лашо читатели сборника могутъ составить себѣ достаточно ясное понятіе

по другой рѣчи того же адвоката, за ла-Поммере, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо болѣе замѣчательную. Въ защитѣ Маріи Бьеръ мы не видимъ ничего, кромѣ самаго ординарнаго фразерства. Центромъ тяжести являются здѣсь письма Маріи Бьеръ и выписки изъ ея дневника; самъ Лашо прибавляетъ къ нимъ весьма немногое. Вмѣсто того, чтобы два раза давать мѣсто рѣчамъ Лашо, не лучше ли было бы познакомить читателей съ однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ адвокатовъ, имена которыхъ вовсе не встрѣчаются въ сборникѣ г. Шмакова (Мари, Кремье, Палье, Руссъ, Аллу, Бетмонъ, Дюфоръ, Ліувилль и др.)?.. Для характеристики Беррье слѣдовало бы выбрать что-либо болѣе крупное, чѣмъ рѣчь по дѣлу ла-Ронсьера, слишкомъ уступающую, во всѣхъ отношеніяхъ, рѣчи Шэ-д'Эстъ-Анжа по тому же дѣлу (она также напечатана у г. Шмакова). Что касается до „очерка исторіи краснорѣчія", то не въ статьяхъ этого рода заключалась главная сила Беррье, могучаго не столько въ разсужденіяхъ, сколько въ порывахъ. Мы желали бы видѣть въ слѣдующихъ частяхъ сборника г. Шмакова только такія несомнѣнно выдающіяся произведенія, какими представляются, въ этомъ томѣ, рѣчь Шэ-д'Эстъ-Анжа за ла-Ронсьера, рѣчь Лашо за ла-Поммере, рѣчь Жюля Фавра по дѣлу Бру-де-Лоріера' или заключеніе Дюпена старшаго по вопросу о дуэли.

Небольшія вступленія, предпосылаемыя составителемъ сборника, въ большинствѣ случаевъ, отдѣльнымъ судебнымъ рѣчамъ, соотвѣтствуютъ своей цѣли, облегчая для читателей пониманіе обстоятельствъ дѣла. Иногда они грѣшатъ недостаткомъ простоты; это особенно замѣтно въ предисловіи къ рѣчи Мирабо. Въ предисловіи къ рѣчи Лашо по дѣлу Маріи Бьеръ насъ поразила слѣдующая фраза: „позади предсѣдательскаго кресла можно было видѣть почти всѣхъ литературныхъ знаменитостей Парижа; *здѣсь были извѣстнѣйшіе философы и романисты: Александръ Дюма-сынъ, Бело, Людовикъ Галеви*". Мы желали бы знать, кого же именно изъ этихъ трехъ писателей г. Шмаковъ считаетъ „извѣстнѣйшимъ философомъ"? Вѣроятно, Дюма-сына, потому что его называетъ философомъ самъ Лашо; но что̀ понятно въ рѣчи французскаго адвоката, то производитъ странное впечатлѣніе въ устахъ русскаго автора. На титулъ философа Александръ Дюма имѣетъ столь же мало права, какъ и любой изъ современныхъ французскихъ драматурговъ; претензія на философствованіе и философія — далеко не одно и то же. А Бело, авторъ „Огненной женщины"—неужели онъ въ самомъ дѣлѣ „извѣстнѣйшій романистъ" и „литературная знаменитость"?.. Переводъ г. Шмакова, вообще говоря, можетъ быть названъ хорошимъ. Кое-гдѣ встрѣчаются неточности; такъ напримѣръ, въ заключеніи по вопросу о дуэли, слово *parties*

невѣрно передано словомъ *партіи* — нужно было бы сказать: *стороны* [1]). *Религіозное вниманіе* — явный галлицизмъ; слова: attention religieuse не поддаются буквальному переводу. Русское: *а!* встрѣчающееся у г. Шмакова слишкомъ часто — далеко не одно и то же, что французское: *ah!* Посовѣтовать переводчику можно въ особенности одно: не стремиться къ слишкомъ точному воспроизведенію французскихъ цвѣтовъ краснорѣчія, въ русскомъ переводѣ сплошь и рядомъ утрачивающихъ весь свой блескъ и всю свою прелесть. Таково, напримѣръ, восклицаніе Беррье: „Я раскрою извороты злодѣя въ любомъ ихъ мгновеніи".

— *В. И. Модестовъ*, О Германіи. Наука, школа, парламентъ, люди, стремленія. С.-Петербургъ, 1888.

Эта книга появилась въ свѣтъ весьма кстати. Наше время благопріятствуетъ развитію квасного патріотизма, а онъ мѣшаетъ видѣть и понимать хорошее, если оно находится по ту сторону нашей границы. Особенно мало у насъ расположены къ справедливости по отношенію къ Германіи — и напоминаніе о великихъ заслугахъ нѣмецкой науки, нѣмецкой школы представляется далеко не излишнимъ. Нѣмецкая школа имѣетъ для насъ еще интересъ особаго рода: она служитъ или по крайней мѣрѣ служила образцомъ для нашей, заимствовавшей отъ нея свои основныя начала и остающейся имъ вѣрною даже тогда, когда они начинаютъ колебаться у себя дома. Самый цѣнный отдѣлъ книги г. Модестова — именно тотъ, который касается нѣмецкихъ гимназій („Школьный вопросъ въ Германіи" и „Германская школа"); рекомендуемъ его вниманію нашихъ педагоговъ, да и всѣхъ тѣхъ, кого занимаетъ судьба русской средней школы. Много любопытнаго можно найти и въ этюдахъ о нѣмецкихъ университетахъ, съ которыми авторъ знакомъ по личному опыту. Вторая часть книги отведена статьямъ политическаго содержанія, которыя также читаются не безъ интереса. Къ князю Бисмарку и его ближайшимъ единомышленникамъ г. Модестовъ не чувствуетъ никакой нѣжности, но онъ не забываетъ изъ-за нихъ о другой сторонѣ медали. „Есть Германія Бисмарка,—говоритъ онъ въ статьѣ: „Будемъ справедливы",—Германія властолюбивая, жаждущая добычи, алчная до чужого добра, смѣло хватающая то, что́ плохо лежитъ, стоящая во всеоружіи съ угрожающимъ кулакомъ, съ презрѣніемъ къ другимъ народамъ, съ боевыми пошлинами—и есть Германія мирная, миролюбивая, трудя-

---

[1]) „Въ защиту поединковъ указываютъ крайній мотивъ: тайное соглашеніе партій".

щаяся, вѣрящая въ добро, гнушающаяся насилія, нерѣдко добродушная и симпатичная... Эта послѣдняя Германія и есть настоящая, та самая, которой принадлежатъ громадныя заслуги передъ человѣчествомъ, могучая двигательница науки и мысли, защитница свободы личности и правъ разума. Она переживетъ двадцать Бисмарковъ и двадцать внутреннихъ переворотовъ — такъ она здорова, крѣпка, сильна, жизненна!" Въ этихъ словахъ прекрасно выражена прекрасная мысль, все еще, къ сожалѣнію, не пользующаяся правомъ гражданства въ современномъ русскомъ обществѣ.

— *Pouchkine.* Poltawa. Traduit du russe par Wladimir Mikhaïlow. St.-Pétersbourg, 1888.

Года три тому назадъ мы говорили о переводѣ „Евгенія Онѣгина" на французскій языкъ, исполненномъ г. Михайловымъ; теперь передъ нами лежитъ другая работа того же автора—переводъ „Полтавы". Г. Михайловъ трудится неутомимо—и если его труды не достигаютъ вполнѣ своей главной цѣли, то это объясняется невозможностью ея достигнуть. Французскій стихъ такъ далекъ отъ русскаго, что масса красотъ подлинника неизбѣжно исчезаетъ въ переводѣ. Къ переводу „Полтавы" примѣнимо почти все то, что было сказано нами о переводѣ „Онѣгина". „Сжатость пушкинскаго стиха,—замѣтили мы тогда,—почти вездѣ уступаетъ мѣсто расплывчатости, простота часто замѣняется дѣланностью; тонъ перевода напоминаетъ, по временамъ, псевдо-классическую манеру, т.-е. нѣчто прямо и безусловно противоположное духу пушкинской поэмы". То же самое намъ приходится повторить и теперь, съ прежней оговоркой, что многое передано г. Михайловымъ хорошо, вѣрно и даже изящно. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. „Quel est ce fier guerrier chevauchant jour et nuit? Son coursier est ardent et son harnais reluit". Съ перваго раза въ этихъ словахъ трудно узнать знаменитые стихи: „Кто при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ?" Coursier, fier guerrier—все это точно взято изъ архива „высокихъ" выраженій, въ которыя французскіе классики считали нужнымъ облекать самыя обыденныя жизненныя понятія. Такая же метаморфоза совершилась и съ послѣдними стихами, посвященными казаку: „Затѣмъ, что въ ней (въ шапкѣ) доносъ зашитъ, доносъ на гетмана-злодѣя царю Петру отъ Кочубея". Они переданы такъ: „car ce bonnet récèle un *funeste mystère*: l'écrit de Kotchoubey contre l'hetman à Pierre". Въ чудесномъ описаніи украинской ночи слова: „прозрачно небо; *звѣзды блещутъ*"—переведены слѣдующимъ образомъ: „les cieux trans-

parents y *brillent de milliers de points étincelants*". Листы тополей трепещутъ, у переводчика, отъ „дуновенія зефира" („au souffle du zéphyr"); луна, у Пушкина просто „озаряющая" сады, у переводчика „льетъ на нихъ золотыя волны" („verse des flots d'or). За этимъ слѣдуетъ еще амплификація: „la lueur d'or s'épanche sur leurs jardins princiers et leur ancien château". У Пушкина къ картинѣ душевныхъ мукъ Кочубея не прибавлено никакого общаго размышленія; у переводчика она заканчивается такъ: „voilà l'horreur extrême que ne saurait souffrir aucun être mortel sans être dévoré d'un désespoir cruel"... Къ числу лучшихъ страницъ перевода принадлежатъ характеристика Мазепы въ началѣ поэмы (хотя и здѣсь есть длинноты), разговоръ Кочубея съ Орликомъ—во второй, разговоръ Мазепы съ Маріей—въ третьей пѣснѣ.

— *Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго городского общественнаго управленія за шестнадцать лѣтъ* (1872—88). Кременчугъ, 1888.

Такихъ систематическихъ обзоровъ городского общественнаго управленія, за болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, у насъ появлялось до сихъ поръ весьма немного, — а между тѣмъ, они имѣютъ большое значеніе, особенно въ виду постоянно повторяющихся нападеній на дѣятельность городскихъ думъ. Отчетъ кременчугской городской управы содержитъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ; онъ даетъ понятіе и о плодахъ, которые можетъ принести хорошо руководимое городское хозяйство, и о внѣшнихъ препятствіяхъ, затрудняющихъ его развитіе. Если Кременчугъ обремененъ довольно значительными долгами и все-таки лишенъ многихъ необходимыхъ принадлежностей городского благоустройства, то это объясняется, преимущественно, громадными расходами, возлагаемыми на него квартирною повинностью. Въ Кременчугѣ, какъ въ городѣ большомъ и населенномъ, расположено сравнительно много войскъ, на помѣщеніе которыхъ городъ истратилъ, въ теченіе тринадцати лѣтъ, болѣе двухсотъ тысячъ рублей. Понятно, какимъ тяжелымъ бременемъ этотъ расходъ лежитъ на городскихъ финансахъ. Въ прежнее время полицейская и пожарная команды въ Кременчугѣ пополнялись не вольнонаемными людьми, а назначаемыми изъ войскъ солдатами, которымъ городъ давалъ содержаніе и обмундированіе наравнѣ съ отпускаемымъ казною; съ 1872 г. этотъ способъ комплектованія полиціи и пожарной команды отмѣненъ, вслѣдствіе чего расходъ города на содержаніе той и другой увеличился почти втрое. За послѣдніе три года усилія городской управы были обращены преимуще-

ственно на увеличеніе городскихъ доходовъ, безъ отягощенія городскихъ жителей—и они не остались безъ успѣха. Весьма разумнымъ представляется, напримѣръ, принятіе городомъ въ непосредственное свое завѣдываніе городскихъ каменоломенъ. Урокъ и примѣръ столичнымъ думамъ, отдающимъ въ эксплуатацію частныхъ обществъ еще болѣе важныя части хозяйства, какъ наприм. воду, освѣщеніе, конножелѣзныя дороги и т. п. При прежней системѣ эксплуатаціи—отдачѣ въ аренду — каменоломни давали, среднимъ числомъ, менѣе полуторы тысячи рублей въ годъ; при новой системѣ цифра дохода возросла до семи тысячъ, не считая цѣнности камня, употребленнаго на городскія постройки. Продажная цѣна камня, при этомъ, не увеличилась, а уменьшилась! Для подвоза камня отъ каменоломенъ къ городу и на желѣзную дорогу городскою управой сооруженъ конножелѣзный путь, дающій почти 20% на затраченный капиталъ. Еще больше (свыше 30%) получаетъ городъ отъ построенныхъ имъ скотобоенъ. Между городскими расходами особеннаго вниманія заслуживаютъ большія затраты на женскую гимназію и на реальное училище. Пожалѣть можно только объ одномъ—что кременчугское городское управленіе мало, повидимому, заботится о начальномъ народномъ обученіи. До введенія въ дѣйствіе городового положенія въ Кременчугѣ и соединенномъ съ нимъ посадѣ Крюковѣ было лишь одно приходское училище; теперь, кромѣ него, открыто въ Кременчугѣ два и въ Крюковѣ одно начальное училище. Для города съ сорока слишкомъ тысячами населенія—это очень мало; а между тѣмъ увеличеніе числа начальныхъ школъ не включено городской управой въ перечень задачъ, предстоящихъ, въ ближайшемъ будущемъ, городскому общественному управленію. Нужно надѣяться, что этотъ пробѣлъ скоро будетъ пополненъ.

Максъ Кохъ, Шекспиръ. Переводъ съ нѣмецкаго А. М. Гуляева, съ предисловіемъ, примѣчаніями и дополненіями Н. И. Стороженка. Москва, 1888.

Хотя на русскій языкъ и переведены нѣкоторыя изъ лучшихъ иностранныхъ сочиненій о Шекспирѣ (напр. Гервинуса, Жене, Даудена), хотя у насъ есть и оригинальныя изслѣдованія о шекспировской эпохѣ (напр. труды г. Стороженка о предшественникахъ Шекспира и о Робертѣ Гринѣ), переводъ книги Коха никакъ не можетъ быть названъ излишнимъ. Это—очень добросовѣстная, очень интересная монографія, основанная на всестороннемъ знакомствѣ съ огромной шекспировской литературой. На первомъ планѣ стоитъ изученіе времени и обстановки, среди которыхъ жилъ Шекспиръ, изученіе вліяній,

отразившихся на его творчествѣ. Чрезвычайно любопытны замѣчанія Коха о вѣроятномъ отношеніи Шекспира къ тремъ великимъ его современникамъ—Монтеню, Джордано Бруно и лорду Бэкону. Они могли дѣйствовать на него, какъ мыслители; какъ поэтъ, онъ долженъ былъ испытать на себѣ обаяніе итальянской поэзіи, игравшей въ то время большую роль въ англійскомъ образованномъ обществѣ. Обѣ поэмы Шекспира („Венера и Адонисъ“ и „Лукреція“) и его сонеты состоятъ въ тѣсной связи съ итальянскими образцами, но далеки отъ рабскаго подражанія имъ. Въ концѣ XVI-го вѣка лирика и эпосъ считались высшими формами поэзіи, чѣмъ драма; весьма вѣроятно, что главное свое право на безсмертіе Шекспиръ видѣлъ вовсе не въ томъ, на чемъ основана его неувядаемая слава. Нельзя не признать, однако, вмѣстѣ съ Кохомъ, что поэмы и сонеты Шекспира также имѣютъ высокую художественную прелесть, что онъ является и здѣсь „превосходнымъ, почти несравненнымъ, the soul of his age“. „Въ эпическомъ творчествѣ,—говоритъ Кохъ,—Шекспиръ не можетъ, правда, помѣряться съ Спенсеромъ; его поэмы лишены дѣйствія. Но онъ превосходитъ Спенсера яркостью изображенія и пылкой страстностью рѣчей, между тѣмъ какъ ему удается избѣгнуть безпрестанной аллегоріи Спенсера. Въ сонетахъ Сёррей граціозенъ, но все же еще нѣсколько грубоватъ и трезвъ; онъ напоминаетъ Джіотто, если сонеты Шекспира сравнивать съ картинами Тиціана. Въ сонетахъ Сиднея еще слишкомъ сильно слышно рыцарство, хотя впрочемъ, служеніе любви, какъ училъ о немъ Петрарка, никѣмъ не было воспѣто на англійскомъ языкѣ съ такою прелестью, какъ авторомъ „Аркадіи“. Въ чистотѣ языка, гладкости стиха, элегантности стиля Даніель превосходитъ Шекспира, но онъ по временамъ слишкомъ разсудоченъ и не лишенъ педантизма. Высшая законченность формы, увлекательная страстность—вотъ превосходныя черты сонетовъ Шекспира. Въ рамкахъ чисто условнаго творчества насъ охватываетъ человѣческое и въ его заблужденіяхъ, и въ радостяхъ, и въ страданіяхъ. Рядомъ съ Микель-Анджело Шекспиръ является если не первымъ, то во всякомъ случаѣ самымъ могучимъ изъ сонеттистовъ не только елизаветинской Англіи, но и всей міровой литературы“. Не даромъ же въ Германіи насчитывается болѣе десяти переводовъ сонетовъ Шекспира. Въ русской литературѣ имъ посчастливилось гораздо меньше; у насъ, если мы не ошибаемся, они переведены только одинъ разъ (Гербелемъ), и далеко не удачно. Помимо художественнаго достоинства, сонеты Шекспира имѣютъ большую цѣнность какъ матеріалъ для его біографіи—и Кохъ пользуется ими, въ этомъ отношеніи, весьма искусно. Критическаго анализа драма-

тическихъ произведеній Шекспира Кохъ не даетъ—но это не уменьшаетъ значенія его книги для русской публики, потому что именно критикой особенно богаты раньше переведенныя на русскій языкъ сочиненія о Шекспирѣ.—К. К.

Въ теченіе мая мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія книги и брошюры:

Авенаріусъ, В. П. Сказки А. С. Пушкина. Съ рисунками М. В. Нестерова. М. 1888. Стр. 103. Ц. 1 р.

——— Сочиненія А. С. Пушкина, изданныя для юношества. Съ біографіею поэта, портретами и снимками съ почерка его, картинами и политипажами въ текстѣ. Т. I. Стихотворенія и сказки. М. 1888. Стр. 209. Ц. 1 р. 50 коп.

Бибиковъ, В. Разсказы. Спб. 1888. Стр. 400. Ц. 1 р. 25 к.

Бильдерлингъ, П. А. Ардепская лошадь и условія скрещиванія ея съ русскими лошадьми. Спб. 1888. Стр. 45. Ц. 45 к.

Блюменфельдъ, Г. Ѳ. Крымско-татарское землевладѣніе. Одесса. 1888. Стр. 112. Ц. 75 к.

Бони. Гипнотизмъ. Перев. П. Мокіевскаго. Спб. 1888. Стр. 165. Ц. 1 р.

Брутъ, Ив. Шесть сказокъ. М. 1888. Стр. 85. Ц. 1 р.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 11. Спб. 1888. Стр. 463—510. Ц. 75 к.

Вешняковъ, В. Второе дополненіе и сборникъ законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Спб. 1888. Стр. 228. Ц. 1 р.

Волженскій, Наглядная русская азбука для самообученія чтенію и письму. Съ 117 рис. М. 1888. Стр. 32. Ц. 10 к.

Воскресенскій, Е. Лирика Пушкина. М. 1888. Стр. 77. Ц. 30 к.

Гацискій, А. С. Историческія записки объ учрежденіи въ Новгородѣ губернской архивной коммиссіи (1884—87 г.). Н.-Новгородъ. 1887. Стр. 64.

Гервинусъ, Г. Исторія девятнадцатаго вѣка, отъ времени Вѣнскаго конгресса. Т. VI. Возстаніе и возрожденіе Греціи. Перев. п. р. Антоновича и Бакста. Спб. 1888. Ц. 2 р. 75 к.

Дѣдицкій, Б. Литературный сборникъ, издав. галицко-русск. Матицею. Львовъ. 1887. Стр. 370.

Жандръ, Н. П. Полное собраніе сочиненій. 2 тома. Спб. 1888. Стр. 195 и 251. Ц. 4 р.

З. Н. З. Дѣтскій театръ. Новыя пьесы для дѣтей отъ 8 до 15 лѣтъ. Орелъ, 1888. Стр. 109. Ц. 1 р.

Кауфманъ, И. И. Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе. Спб. 1888. Стр. 383. Ц. 2 р. 50 к.

Коптевъ, А. Воспоминаніе о поѣздкѣ въ Константинополь, Каиръ и Іерусалимъ въ 1887 г. Спб. 1888. Стр. 388.

Кравчинскій, Д. О хозяйствѣ въ лѣсахъ. Спб. 1888. Стр. 146. Ц. 75 к.

Кулишеръ, М. И. Лѣса волынской губерніи подъ надзоромъ казны. Кіевъ, 1888. Стр. 28.

Ланге, Н. Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка. Ч. I. Нѣмецкія ученія. Спб. 1888. Стр. 383.

Леманъ, Ан. Очерки кадетской жизни. Спб. 1888. Стр. 248. Ц. 80 к.

Маркевичъ, В. Юридическій ежегодникъ за 1887 г. Спб. 1888. Ц. 2 р. 25 коп.

Миропольскій, С. Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ, съ наставленіемъ для обучающихъ. Спб. 1888. Стр. 108 и 31. Ц. 30 к.

Модестовъ, В. И. О Германіи. Наука, школа, парламентъ. Спб. 1888. Стр. 276. Ц. 1 р. 50 к.

Мушкетовъ, Физическая геологія. Ч. II. Геологическая дѣятельность атмосферы и воды. Спб. 1888. Стр. 620.

Наумовъ, Н. И. Паутина. Разсказъ изъ жизни пріисковаго люда въ Сибири. Спб. 1888. Стр. 233. Ц. 50 к.

Немировъ, Г. А. Петербургъ до его основанія. Очеркъ исторіи р. Невы и мѣстности нынѣшняго Петербурга въ 1703 г. Вып. I. Спб. 1888. Стр. 56.

Немировичъ-Данченко, В. Всесвѣтный бродяга. Спб. 1888. Стр. 112. Ц. 75 к.

Носенко, Д. А. Уставъ судопроизводства торговаго. Спб. 1888. Стр. 301. Ц. 2 р. 75 к.

——— Уставъ вексельный. Спб. 1888. Ц. 60 к.

Панаевъ, И. И. Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора. Т. 3. Спб. 1888. Ц. 3 р.

Первухинъ, И. Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда. Эскизъ 1-й. Древняя религія вотяковъ. Вятка. 1888. Стр. 104. Ц. 25 к.

Пьянковъ, В. Справочная книжка г. Евпаторіи и его уѣзда. Евпаторія 1888. Стр. 130. Ц. 75 к.

Семевскій, В. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и XIX в. 2 т. Спб. 1888. Стр. 615 и 525. Ц. 6 р.

Соколовскій, А. Л. Двѣнадцатая ночь. Ком. Шекспира. Спб. 1888. Стр. 48.

Соловьевъ, А. М. Объяснительный словарь малопонятныхъ церковнославянскихъ словъ, встрѣчаемыхъ въ Евангеліи, Часословѣ и Псалтири. М. 1888. Стр. 75. Ц. 10 к.

Судейкинъ, Вл. Операціи государственнаго банка. Спб. 1888. Стр. 126. Ц. 1 р.

Тарновскій, В. М. Проституція и аболиціонизмъ. Спб. 1888. Стр. 261. Ц. 3 р.

Тихоновъ, Вл. Комедіи. Спб. 1888. Стр. 449. Ц. 2 р.

Федотовъ, Н. Краткій словарь наиболѣе употребительныхъ шведскихъ и финскихъ словъ, напечатанныхъ русскими буквами, съ русскимъ переводомъ. Спб. 1888. Стр. 16. Ц. 10 к.

——— Путеводитель на Иматру, съ подробными планами. Спб. 1888. Стр. 30. Ц. 1 р.

——— Одиннадцать подробныхъ плановъ дачныхъ мѣстностей по фин. жел. дорогѣ. Спб. 1888. Ц. 50 к.

——— Дачныя мѣстности по финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ отъ Спб. до Гельсингфорса. Спб. 1888. Стр. 155. Ц. 1 р.

Шмаковъ, А. Судебные ораторы во Франціи. Избранныя рѣчи. М. 1888. Стр. 439. Ц. 3 р. 50 к.

Эльпе. Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладнаго знанія. Спб. 1888. Стр. 175. Ц. 65 к.

— Библіографическіе матеріалы по желѣзно-дорожному дѣлу. 1876—1883. Спб. 1888. Стр. 290.

— Всеобщая исторія литературы. Вып. XXII. Спб. 1888. Стр. 737—883.

— Историко-статистическое описаніе церкви Св. Благовѣрнаго кн. Александра Невскаго, въ посадѣ Кибартахъ, на ст. Вержболово. Вильна, 1888. Стр. 44.

— Отчетъ Комиссіи народныхъ чтеній въ Кіевѣ за 1882.—870. Кіевъ, 1888. Стр. 20.

— Отчетъ о дѣйствіяхъ испытательной сельско-хозяйственной станціи въ Богодуховѣ, въ 1887 г. Спб. 1888. Стр. 45.

— Прописи и рисованіе по клѣткамъ, для городскихъ и народныхъ училищъ. М. 1888. Стр. 16. Ц. 10 к.

— Сборникъ матеріаловъ для исторіи тверскаго губернскаго земства. Т. V. Тверь, 1887. Стр. 781.

— Сводъ матеріаловъ по изученію экономическаго быта государств. крестьянъ Закавказскаго края. Т. III. Тифлисъ, 1888. Стр. 384 и 135.

— Сибирскіе разсказы изъ жизни пріисковаго люда. Спб. 1888. Стр. 322. Ц. 1 руб.

— Труды Общества русскихъ врачей въ Спб. Годъ 53. Спб. 1888.

ЗАМѢТКА.

Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи Посполитой.

— *Адольфъ Павинскій*. Правленіе сеймиковъ въ Польшѣ по даннымъ куявскихъ воеводствъ (*Adolf Pawiński*. Rządy sejmikowe w Polsce na tle stosunków województw kujawskich. Warszawa. 1888).

Къ числу новыхъ, характеристическихъ явленій, наблюдаемыхъ надъ современной польской дѣйствительностью, принадлежитъ быстрое и весьма успѣшное развитіе національной исторіографіи съ чисто научными задачами. Таковъ замѣчательный компендіумъ польской исторіи даровитаго краковскаго профессора Бобржинскаго [1]),— трудъ, который выходитъ теперь третьимъ изданіемъ и скоро появится въ русскомъ переводѣ. Таковы же два капитальныя сочиненія, посвященныя изученію послѣднихъ временъ рѣчи посполитой, о „Четырехлѣтнемъ сеймѣ“, кс. Калинки, и о „Внутренней исторіи Польши при Станиславѣ-Августѣ“, г. Корзона. Наконецъ, рядомъ съ трудами гг. Бобржинскаго, Калинки и Корзона, по общему значенію для польской національной исторіографіи можно поставить послѣдній трудъ варшавскаго профессора А. И. Павинскаго по внутренней исто-

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1886 г., декабрь.

ріи рѣчи посполитой. Этотъ важный историческій трудъ основанъ исключительно на архивномъ матеріалѣ,—послѣдній изданъ г. Павинскимъ въ четырехъ томахъ (Lauda i instrukcye sejmikowe),—хотя и въ немъ излагается, главнымъ образомъ, исторія сеймика двухъ соединенныхъ воеводствъ рѣчи посполитой; но этотъ вопросъ имѣетъ болѣе общее значеніе и притомъ значеніе весьма важное для пониманія внутренней исторіи Польши въ эпоху избирательныхъ королей, а затѣмъ и самой судьбы этого государства. Никогда не подлежало сомнѣнію, что рѣчь посполитая пала, вслѣдствіе своего „непорядка", коимъ, какъ долгое время думали поляки, она „стояла" (Polska nierządem stoi). Верховная власть въ Польшѣ принадлежала шляхтѣ, высылавшей своихъ „пословъ" на общегосударственные, или „вальные" сеймы, которые и были законодательнымъ учрежденіемъ въ „республикѣ" („рѣчь посполитая"). Сеймы эти, по замѣчанію Руссо, не имѣли надъ собой никакой высшей власти, но имъ никто и не повиновался (la diète—rien ne la domine, mais rien ne l'obéit); притомъ въ столѣтіе между 1652 и 1764 гг. они очень часто „срывались", т.-е. расходились безъ всякаго результата. Уже въ прошломъ столѣтіи, когда въ рѣчи посполитой послѣ вѣкового „непорядка" почувствовалась потребность реформы, было обращено вниманіе публицистами, какъ польскими, такъ и иностранными (Мабли и Руссо) на ненормальныя отношенія, существовавшія между сеймами и сеймиками, а въ новыхъ историческихъ трудахъ (см., напр., *Hüppe*: Verfassung der Republik Polen) эти ненормальныя отношенія прямо разсматриваются какъ причина безсилія сейма. Дѣло въ томъ, что въ Польшѣ существовали мѣстные сеймики съ поголовнымъ участіемъ шляхты, на коихъ выбирались послы въ общій сеймъ, а также разныя мѣстныя должностныя лица и рѣшались мѣстныя же дѣла. По прекращеніи династіи Ягеллоновъ (1572 г.) сеймики дѣлаются все болѣе и болѣе независимыми отъ сеймовъ, и земли, имѣвшія такія собранія, превращаются какъ бы въ самостоятельныя республики: „посламъ" на сеймъ даются самыя опредѣленныя инструкціи, на что соглашаться и чего не позволять, даже съ правомъ „сорвать" сеймъ; на сеймѣ строжайшимъ образомъ требуется единогласіе „земскихъ пословъ", какъ на международномъ конгрессѣ; „послы" эти даютъ свое согласіе на тѣ или другія рѣшенія подъ условіемъ вторичнаго ихъ принятія сеймиками и т. д.; однимъ словомъ, законодательная власть все болѣе и болѣе переносится съ сеймовъ на сеймики, которые стремятся, кромѣ того, отобрать въ свою пользу у центральныхъ учрежденій и разныя общегосударственныя административныя функціи, напр. завѣдываніе финансами и военною силою государства. Рѣчь посполитая. такимъ образомъ, превратилась въ федерацію вое-

водствъ съ весьма слабыми и бездѣятельными центральными учрежденіями, и понятно, что съ этой стороны обстоятельное изученіе исторіи сеймиковъ представляетъ весьма значительный общій интересъ.

Матеріалъ для этой исторіи заключается въ такъ-называемыхъ „лявдахъ“ (lauda), т.-е. постановленіяхъ сеймиковъ и въ наказахъ (instrukcye), которые давались ими посламъ. Нельзя сказать, чтобы этимъ матеріаломъ не пользовались прежде, и именно у насъ были сдѣланы изданія многихъ подобныхъ документовъ. Первый примѣръ былъ поданъ проф. Иванишевымъ, издавшимъ во второй части „Архива юго-западной Россіи“ (Кіевъ, 1861) постановленія сеймиковъ теперешней юго-западной Россіи до середины XVII в., а въ готовящемся къ выходу въ свѣтъ продолженіи (подъ редакціей г. Стороженка) будутъ помѣщены постановленія этихъ сеймиковъ и изъ второй половины XVII вѣка. Подобный же матеріалъ заключаетъ въ себѣ и IV томъ „Актовъ, издаваемыхъ виленскою археографическою коммиссіею“ (Вильна, 1870). Кромѣ того, проф. Иванишевъ помѣстилъ въ своемъ изданіи вступительную статью о содержаніи напечатанныхъ имъ постановленій, имѣющихъ, главнымъ образомъ, интересъ для исторіи русской народности во владѣніяхъ рѣчи посполитой, а г. Стороженко составилъ непоступавшую еще въ продажу книгу о западно-русскихъ сеймикахъ во второй половинѣ XVII вѣка. Но ни изданія эти, ни указанныя изслѣдованія не имѣли въ виду содѣйствовать разъясненію ненормальныхъ отношеній, существовавшихъ между сеймами и сеймиками: для русскихъ ученыхъ матеріалъ, заключающійся въ сеймиковыхъ „лявдахъ“ и инструкціяхъ, имѣлъ значеніе по отношенію къ мѣстной, западно-русской исторіи. Проф. Павинскій воспользовался такимъ же матеріаломъ для изслѣдованія упомянутыхъ отношеній между сеймомъ и сеймиками и издалъ цѣлыхъ четыре тома „laudów instrukcyj sejmkowych“ за цѣлые два вѣка (1572—1795), на основаніи коихъ и написалъ цѣлый томъ въ 52 листа, in-quarto (болѣе 400 стр.), о правленіи сеймиковъ въ Польшѣ, изложивъ въ первой части этого труда исторію организаціи сеймиковъ и ихъ компетенціи и дѣятельности, ихъ значеніе, какъ органовъ представительства и органовъ администраціи въ области финансовъ, войска, суда и т. д., а во второй части—исторію взаимныхъ отношеній между сеймиками и сеймами. Если мысль о ненормальности этихъ отношеній не можетъ быть названа новымъ открытіемъ, то впервые только проф. Павинскій изслѣдовалъ ихъ сущность въ мельчайшихъ подробностяхъ и сдѣлалъ обстоятельный обзоръ этой исторіи; и если раньше проф. Павинскаго издавались сеймиковыя постановленія и инструкціи, то опять-таки онъ первый воспользовался такимъ матеріаломъ для того, чтобы пролить свѣтъ на внутренній историческій процессъ, привед-

шій къ разложенію большое государство и къ потерѣ народомъ, который его основалъ, своей политической независимости. Благодаря этому, новый трудъ неутомимаго варшавскаго профессора, состоящаго, кромѣ того, директоромъ главнаго архива царства польскаго и занимающагося изданіемъ историческихъ источниковъ (Zródła dziejowe), имѣетъ, при всемъ своемъ спеціальномъ, повидимому, содержаніи, весьма важное общее значеніе, и мы позволили бы себѣ указать на него всѣмъ интересующимся исторіей въ настоящей замѣткѣ. Въ небольшомъ этюдѣ по исторіи польскаго сейма, который мы готовимъ къ печати, новые факты и главныя идеи, содержащіеся въ сочиненіи проф. Павинскаго, найдутъ себѣ надлежащее помѣщеніе, а тутъ мы ограничиваемся только самыми общими указаніями объ этомъ капитальномъ вкладѣ въ историческую науку.

Нельзя не отмѣтить еще того, что проф. Павинскій далъ своему предмету весьма широкую постановку. Онъ исходитъ изъ понятія о мѣстномъ самоуправленіи, которое, какъ совершенно вѣрно онъ замѣчаетъ, въ разныя времена и въ разныхъ государствахъ находилось въ весьма различныхъ отношеніяхъ къ правительственной администраціи; при этомъ именно способъ самоуправленія, по мнѣнію автора, наиболѣе характеренъ для даннаго народа въ сравненіи съ организаціей центральныхъ властей и правительственной іерархіею, которыя болѣе или менѣе сходны между собою въ разныхъ государствахъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть сведены къ одному общему типу. Сущность самоуправленія во Франціи и въ Англіи совершенно различна, подобно тому какъ и въ политическомъ строѣ и соціальной жизни обѣ страны принадлежатъ не къ одинаковымъ типамъ. Высоко цѣня труды Гнейста по англійскому selfgovernment'у, какъ наиболѣе содѣйствовавшіе выясненію вопроса о самоуправленіи вообще, находя, что и для другихъ странъ, для Франціи, Бельгіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлано не мало въ этомъ отношеніи, почтенный авторъ заявляетъ, что о самоуправленіи въ Польшѣ нѣтъ не только никакихъ работъ, но даже сколько-нибудь подробныхъ указаній въ самой польской литературѣ. Этотъ пробѣлъ и восполняетъ проф. Павинскій своимъ новымъ трудомъ, приступивъ къ нему, вооруженный знаніемъ исторіи самоуправленія и въ другихъ государствахъ, а потому онъ могъ время отъ времени прибѣгать къ сравненіямъ Польши съ иными странами, хотя сравнительный методъ и не играетъ видимой роли въ его изслѣдованіи. Онъ обѣщаетъ современемъ издать работу о началѣ самоуправленія въ Польшѣ до наступленія эпохи вольной элекціи королей; въ изданномъ же трудѣ онъ изображаетъ эпоху, когда „сеймиковое самоуправленіе“ вышло за предѣлы того, что спеціально называется

selfgovernment'омъ, т.-е. перешло въ „правленіе сеймиковъ“: въ безкоролевье конфедерированнымъ сеймикамъ принадлежитъ непосредственное отправленіе верховной власти въ государствѣ; избраніе короля производится всѣми сеймиками рѣчи посполитой, переносящимися изъ своихъ воеводствъ на элекціонное поле между Варшавой и Волей; сеймики чрезъ своихъ „пословъ“ законодательствуютъ на сеймахъ, постановленія коихъ на нихъ потомъ ратифицируются; сеймики вносятъ полнѣйшую децентрализацію въ завѣдываніе государственной казной и вооруженными силами рѣчи посполитой и т. д. Отсюда и заглавіе труда—„Правленіе сеймиковъ“: сеймики дѣйствительно правили Польшей. „Сеймикъ,—говоритъ, напримѣръ, авторъ,—былъ органомъ представительства и органомъ исполнительной власти, т.-е. государственнаго управленія. И въ томъ, и въ другомъ отношеніяхъ онъ доходитъ въ извѣстное время до такого значенія и вліянія, что получаетъ характеръ независимой территоріи, самостоятельнаго штата или республики“ (въ родѣ американскаго штата). Поэтому онъ сравниваетъ здѣсь Польшу не съ Англіей, а съ Сѣверной Америкой, но—говоритъ онъ—американскіе штаты, бывшіе также своего рода воеводствами и имѣвшіе своего рода сеймики, которые были также представлены на „вольномъ“ сеймѣ (конгрессѣ), перешли отъ формъ шаткой конфедераціи къ болѣе тѣсной уніи. Въ заключеніи къ своему труду проф. Павинскій посвящаетъ нѣсколько страницъ рѣшенію вопроса, почему рѣчь посполитая пошла въ этомъ отношеніи не по слѣдамъ Соединенныхъ Штатовъ, хотя въ послѣдней трети прошлаго вѣка и сдѣланы были попытки установить болѣе нормальныя отношенія между сеймикомъ и сеймами.

Заключимъ нашу замѣтку общимъ указаніемъ на характеръ современной польской исторіографіи, проявляющійся и въ книгѣ проф. Павинскаго. Успѣхи исторической науки въ Польшѣ кто-то объяснялъ тѣмъ, что полякамъ остается только жить прошедшимъ. Такое объясненіе вполнѣ приложимо къ минувшему уже времени, когда польская исторіографія идеализировала прошлое, чтобы поддерживать патріотическое настроеніе общества: это, дѣйствительно, было жизнью въ прошломъ. Современные польскіе историки къ этому послѣднему относятся иначе: они допытываются одной правды для того, чтобы знать и понимать свою исторію, знать и понимать себя, поскольку историческая наука способствуетъ національному самосознанію. Трудъ проф. Павинскаго—одинъ изъ лучшихъ образцовъ научнаго духа въ польской исторіографіи, а такіе труды получаютъ значеніе не только для людей одной съ ихъ авторами націи, но и для всѣхъ вообще занимающихся и интересующихся исторіей.

Н. Карѣевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1888.

Новыя нападенія на адвокатуру.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.—Лѣтопись „грѣховъ“ самоуправленія.—Рѣчь саратовскаго губернатора.—Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публицистами.—Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ.

Нѣсколько времени тому назадъ у насъ была въ ходу поговорка: „положеніе—хуже губернаторскаго“. Теперь ее съ успѣхомъ можно было бы замѣнить другою: „положеніе—хуже адвокатскаго“. Какихъ нападеній, въ самомъ дѣлѣ, не приходится испытывать нашей присяжной адвокатурѣ! Ее бранятъ въ печати, порицаютъ съ высоты судейскаго стола, осыпаютъ жалобами подсудимые и тяжущіеся. Во всемъ этомъ не было бы никакой бѣды, еслибы нападающіе были поразборчивѣе, еслибы въ огульныхъ приговорахъ не откладывалась въ сторону всякая мысль о безпристрастіи и справедливости. Общественный контроль надъ адвокатурой совершенно необходимъ и въ высшей степени полезенъ, но только при соблюденіи двухъ условій: при полномъ уваженіи къ основнымъ началамъ защиты—и при тщательномъ разборѣ каждаго отдѣльнаго случая, возбуждающаго сомнѣніе въ правильности дѣйствій адвоката или адвокатуры. У насъ эти условія нарушаются на каждомъ шагу. Какой-нибудь газетѣ не нравится результатъ послѣднихъ выборовъ въ петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ; нимало не колеблясь, она требуетъ немедленныхъ перемѣнъ въ устройствѣ присяжной адвокатуры. Въ чемъ же должны заключаться эти перемѣны? Въ отмѣнѣ выборнаго начала, въ уничтоженіи или уменьшеніи корпоративныхъ правъ сословія? Но развѣ единичная ошибка въ примѣненіи системы можетъ служить аргументомъ противъ самой системы? Или, можетъ быть, рѣчь идетъ о томъ, чтобы внести въ область адвокатуры ограниченія національнаго и религіознаго свойства? Общество, можетъ быть, находится въ опасности, потому что въ составъ совѣта присяжныхъ повѣренныхъ проникъ *одинъ* еврей [1])? Такая мысль могла возникнуть только въ нашу печальную эпоху, когда травля иноплеменниковъ и иновѣрцевъ вошла въ моду и безсмѣнно стоитъ à l'ordre du jour. Разъ что юристамъ-евреямъ закрытъ, почти безусловно, доступъ на универси-

[1]) Газета, о которой идетъ рѣчь, утверждаетъ, что въ петербургскомъ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ засѣдаютъ уже два еврея, но это невѣрно; до послѣднихъ выборовъ въ совѣтѣ не было ни одного еврея, а выбранъ вновь только одинъ.

тетскую каѳедру, въ судъ, въ прокуратуру, во всѣ отрасли государственной службы—куда же имъ идти, какъ не въ адвокаты, и удивительно ли, что между присяжными повѣренными ихъ довольно много? На какомъ основаніи отказывать имъ въ возможности имѣть одного или хотя бы и двухъ представителей въ учрежденіи, стоящемъ во главѣ сословія? Не смѣшно ли думать, что даже незначительное ихъ меньшинство можетъ повліять, и непремѣнно повліять въ дурную сторону, на способъ рѣшенія дѣлъ въ совѣтѣ? Прежде, чѣмъ останавливаться на подобныхъ догадкахъ, не слѣдовало ли бы, по меньшей мѣрѣ, взвѣсить и оцѣнить права лица, на которое палъ товарищескій выборъ? Еслибы оказалось, что оно пользуется заслуженнымъ авторитетомъ въ средѣ корпораціи и усердно трудится на ея пользу, то неужели и этимъ не уравновѣшивались бы формальныя справки о происхожденіи его и вѣроисповѣданіи? Неужели во всѣхъ сферахъ нашей общественной жизни не останется ни одного уголка, въ которомъ судили бы о человѣкѣ не по его метрическому свидѣтельству?.. На отдѣльную газетную замѣтку мы не обратили бы вниманія, еслибы она выражала только мнѣніе ея автора; но она показалась намъ характеристичной, какъ „признакъ времени".

Петербургскій совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ и всѣ другіе, ежегодно печатаетъ свои отчеты. Періодическая пресса, за немногими исключеніями, либо проходитъ ихъ молчаніемъ, либо извращаетъ содержащіеся въ нихъ факты. Вотъ что̀ мы читаемъ, напримѣръ, въ фельетонѣ газеты, вовсе не враждебной, вообще, новымъ судебнымъ порядкамъ: „вѣденію дисциплинарной дѣятельности совѣта подлежали 102 дѣла, по которымъ привлекались къ отвѣтственности 92 присяжныхъ повѣренныхъ. Сравнительно съ общимъ числомъ (299) адвокатовъ, процентъ *провинившихся* смущаетъ своимъ размѣромъ". Итакъ, всякій присяжный повѣренный, противъ котораго принесена жалоба, непремѣнно въ чемъ-нибудь *провинился?* Совершенно неосновательныхъ, кляузныхъ жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ никогда не бываетъ? Рядомъ съ цифрою жалобъ газетѣ слѣдовало бы привести цифры взысканій, наложенныхъ совѣтомъ; только она одна можетъ дать понятіе о числѣ дѣйствительно *провинившихся* присяжныхъ повѣренныхъ. Всѣхъ дисциплинарныхъ мѣръ, въ послѣднемъ отчетномъ году, принято противъ присяжныхъ повѣренныхъ *двадцать-семь;* двое присяжныхъ повѣренныхъ исключены изъ сословія, шести запрещена на время адвокатская практика, въ остальныхъ 19 случаяхъ взысканіе ограничилось предостереженіемъ или выговоромъ. Если и допустить, что ни одинъ изъ „провинившихся" не подвергся взысканію два раза или больше, то общее ихъ число не превышаетъ, все-таки, одной десятой части всего наличнаго состава присяжныхъ повѣренныхъ. Это, конечно, не мало—но еслибы

другіе роды общественной дѣятельности были подчинены такому же строгому контролю, какой существуетъ по отношенію къ адвокатамъ, то процентъ „провинившихся“ и тамъ, по всей вѣроятности, оказался бы развѣ немногимъ меньше. Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о значеніи товарищескаго суда, нужно было бы сравнить результаты его дѣятельности съ соотвѣтствующими результатами *судебнаго* надзора надъ адвокатурой. Точныхъ данныхъ по этому предмету у насъ нѣтъ, онѣ никогда, кажется, и не были собраны и обнародованы; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что судебный надзоръ несравненно снисходительнѣе корпоративнаго. Гдѣ нѣтъ совѣта [1]), тамъ подается гораздо меньше жалобъ на присяжныхъ повѣренныхъ—безъ сомнѣнія не потому, чтобы меньше было съ ихъ стороны неправильныхъ дѣйствій или упущеній, а только потому, что разборъ въ совѣтѣ отличается бо́льшею скоростью, простотою и строгостью. Есть, впрочемъ, еще другой путь для сравненія обоихъ видовъ надзора: это — приведеніе въ ясность, сколько совѣтскихъ опредѣленій было до сихъ поръ отмѣнено судебными палатами (по жалобамъ осужденныхъ или по протестамъ прокурора), и притомъ отмѣнено какъ въ смыслѣ болѣе строгаго, такъ и въ смыслѣ болѣе снисходительнаго рѣшенія. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что случаевъ второго рода оказалось бы значительно больше. Нѣсколько инымъ отношеніе между обѣими инстанціями становится развѣ въ послѣднее время, но и то преимущественно по тѣмъ дѣламъ, по которымъ присяжные повѣренные обвиняются въ неуваженіи къ суду или неподчиненіи судебнымъ порядкамъ, а не въ поступкахъ, носящихъ на себѣ характеръ недобросовѣстности или безнравственности.

Не противорѣчитъ ли, однако, нашему мнѣнію о строгости корпоративнаго суда слѣдующій фактъ, заимствованный одною изъ петербургскихъ газетъ изъ послѣдняго совѣтскаго отчета? Присяжный повѣренный М. взыскалъ въ пользу довѣрителя своего Z. нѣсколько сотъ рублей, но при разсчетѣ съ довѣрителемъ обманно присвоилъ себѣ 20 рублей, будто бы израсходованныхъ имъ для поѣздки въ Москву, куда онъ и не думалъ ѣздить. „Болѣе мизернаго надувательства, на которое пошелъ бы даже не всякій приказчикъ,—говоритъ газета,—нельзя себѣ и представить; даже артель палкинскихъ половыхъ изгнала бы изъ своей среды полового, польстившагося на обманное похищеніе двухъ красненькихъ. А между тѣмъ совѣтъ опредѣлилъ сдѣлать мелкому плуту изъ присяжныхъ повѣренныхъ только предостереженіе“. Можно не раздѣлять выражающейся въ

[1]) Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ существуютъ до сихъ поръ только въ Петербургѣ, Москвѣ и Харьковѣ; открытіе ихъ въ другихъ судебныхъ округахъ пріостановлено неотмѣненнымъ еще Высочайшимъ повелѣніемъ 5 декабря 1874 г.

этихъ словахъ мысли объ обратной пропорціональности между виновностью похитителя и цѣнностью похищеннаго, можно не соглашаться съ тѣмъ, чтобы „мизерное надувательство“, „мелкое плутовство“ было болѣе преступно и презрѣнно, нежели крупное; но несоразмѣрность взысканія и вины тѣмъ не менѣе бросается въ глаза, и еслибы газетное сообщеніе было вполнѣ согласно съ истиной, то образъ дѣйствій совѣта безспорно заслуживалъ бы порицанія. Мы справились съ подлиннымъ отчетомъ (стр. 56)—и убѣдились въ томъ, что виноватъ не совѣтъ, а газетный репортеръ. Довѣритель—какъ оказалось при разсмотрѣніи дѣла въ совѣтѣ—не былъ обманутъ своимъ повѣреннымъ; онъ зналъ, что М. въ Москву не ѣздилъ, и двадцать рублей составляли, на самомъ дѣлѣ, не что иное какъ добавочное вознагражденіе, которое Z. согласился предоставить М. за ускореніе дѣла. Никакого плутовства со стороны М., слѣдовательно, не было; совѣтъ призналъ его виновнымъ только въ неправильномъ означеніи повода къ полученію 20 рублей, — а за такую оплошность или неточность предостереженіе является взысканіемъ достаточно тяжкимъ.

Чѣмъ рѣшилъ московскій совѣтъ дѣло присяжнаго повѣреннаго Шубинскаго (защитника Кетхудова), возбужденное опредѣленіемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената, начато ли какое-либо дисциплинарное производство противъ присяжнаго повѣреннаго Карабчевскаго, защищавшаго въ Москвѣ одного изъ подсудимыхъ по извѣстному процессу о фальсификаціи чая и другихъ товаровъ — этого до сихъ поръ никто не знаетъ; но реакціонная печать уже теперь спѣшитъ внести эти дѣла въ пассивъ гонимаго сословія. „Гг. Карабчевскіе и Шубинскіе,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости,—не являются исключеніями въ нашей присяжной адвокатурѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ корпораціи петербургскихъ и московскихъ присяжныхъ повѣренныхъ немедленно исключили бы ихъ изъ своей среды и торжественно, публично отреклись бы отъ всякой солидарности съ такими софистами. Но эти корпораціи, по понятнымъ причинамъ, этого не дѣлаютъ, ограничиваясь въ крайнемъ случаѣ какимъ-то негласнымъ шушуканіемъ при закрытыхъ дверяхъ и тайными выговорами, о которыхъ публикѣ, которой нужно же различать адвоката отъ адвоката, ничего не бываетъ извѣстно. Мы понимаемъ негласный товарищескій судъ офицеровъ, дорожащихъ честью своего мундира и своего полка; но какія гарантіи представляетъ негласный товарищескій судъ адвокатской корпораціи, видящей въ Шубинскихъ и Карабчевскихъ плоть отъ плоти своей?“.. Сколько въ этихъ немногихъ словахъ отступленій отъ правды, недомолвокъ и лицемѣрія! Итакъ, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ ограничиваются, *и то лишь въ крайнихъ случаяхъ*, какимъ-то *шушуканьемъ* и *тайными выговорами*? Они никогда никого не исключаютъ, никому не запрещаютъ на

время отправленіе адвокатскихъ обязанностей?.. Едва ли найдется хотя бы одинъ совѣтскій отчетъ, въ которомъ бы не шла рѣчь о нѣсколькихъ подобныхъ мѣрахъ; но московской газетѣ удобнѣе не знать этого факта — и она говоритъ такъ, какъ будто его никогда не существовало. Не знаетъ она точно также — т.-е. не хочетъ знать — и гарантій, которыми обставленъ „товарищескій судъ"; она не знаетъ, что каждое постановленіе совѣта можетъ быть опротестовано прокуроромъ и отмѣнено судебной палатой. Вражда къ адвокатурѣ доводитъ „Московскія Вѣдомости" — incredibile dictu — до защиты... *гласности,* столь мало имъ симпатичной при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, во всякой другой сферѣ. Онѣ забываютъ, что даже въ первоначальномъ текстѣ судебныхъ уставовъ гласность, по дѣламъ дисциплинарнымъ, допускалась только въ видѣ исключенія, по просьбѣ самого обвиняемаго, а теперь, за силою закона 20-го мая 1885 г., не допускается вовсе. Безспорно, въ случаяхъ серьезныхъ обвинительные приговоры совѣта присяжныхъ повѣренныхъ не должны оставаться тайной для публики; но справедливо ли было бы оглашеніе каждаго выговора, каждаго предостереженія? Справедливо ли было бы подрывать этимъ путемъ репутацію присяжнаго повѣреннаго, виновнаго только въ необдуманности или неосторожности? Дисциплинарное взысканіе, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ скорѣе значеніе напоминанія, увѣщанія, чѣмъ настоящаго наказанія; оно не влечетъ за собою потери права на общественное довѣріе, развѣ если оно назначается уже не въ первый разъ и свидѣтельствуетъ о небрежности, вошедшей въ привычку. Вотъ почему намъ казалось бы необходимымъ опредѣлить, въ законодательномъ порядкѣ, въ какихъ именно случаяхъ постановленія совѣта, состоявшіяся по жалобамъ на присяжныхъ повѣренныхъ, должны быть доводимы до всеобщаго свѣденія. Въ эту категорію слѣдовало бы отнести, кромѣ постановленій о временномъ запрещеніи практики и объ исключеніи изъ сословія, и постановленія менѣе строгія, если присяжные повѣренные, противъ которыхъ они направлены, и прежде уже подвергались дисциплинарнымъ взысканіямъ. Пока нѣтъ закона, регулирующаго степень гласности совѣтскихъ постановленій, печатаніе ихъ въ отчетѣ совѣта, безъ означенія именъ присяжныхъ повѣренныхъ, представляется неизбѣжнымъ и никакъ не можетъ быть вмѣняемо въ вину совѣту или всему адвокатскому сословію.

Упрекъ въ соблюденіи тайны — не единственное несправедливое обвиненіе, взводимое московской газетой на совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. Совершенно лишеннымъ основанія является требованіе, чтобы присяжный повѣренный, виновный въ произнесеніи нѣсколькихъ неумѣстныхъ фразъ, непремѣнно подвергался за нее высшей карательной мѣрѣ —исключенію изъ сословія. Эта мѣра имѣетъ, въ

сущности, чисто-уголовный характеръ; она влечетъ за собою весьма существенное ограниченіе правъ, не ограниченное никакимъ срокомъ. Для человѣка извѣстныхъ лѣтъ, посвятившаго себя исключительно адвокатскому труду, она равняется разрушенію всѣхъ надеждъ на будущее, непоправимому разстройству цѣлой жизни. Единственнымъ оправданіемъ подобной мѣры можетъ служить явная недобросовѣстность присяжнаго повѣреннаго или такой порокъ, который рѣшительно несовмѣстенъ съ правильною адвокатскою дѣятельностью. Газета, „съ легкимъ сердцемъ“ рекомендующая крайнюю строгость по отношенію къ адвокатамъ, заговорила бы, безъ сомнѣнія, совершенно иначе, еслибы для дѣятелей періодической печати существовалъ такой же товарищескій судъ, какому подчинены присяжные повѣренные. Домогаясь высшей кары для „софистовъ“, для людей злоупотребляющихъ словомъ, она произнесла бы, въ такомъ случаѣ, обвинительный приговоръ самой себѣ. Сколько разъ она поддерживала явную неправду, обвиняла ни въ чемъ неповинныхъ людей, переиначивала мнѣнія своихъ противниковъ!.. Конечно, слово, произнесенное передъ судомъ, легче можетъ имѣть практическія послѣдствія, чѣмъ слово, сказанное въ печати; но въ устной рѣчи труднѣе удержаться отъ увлеченія, немедленно, притомъ, встрѣчающаго отпоръ со стороны предсѣдателя и прокурора.

Какъ бы возмутительны ни были выходки реакціонной печати, къ нимъ уже всѣ привыкли и серьезнаго значенія онѣ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ. Совсѣмъ другое дѣло — осужденіе, раздающееся съ предсѣдательскаго кресла. Прежде всего и больше всего обязанный быть безпристрастнымъ, предсѣдатель суда имѣетъ безспорное право возстановить настоящій смыслъ фактовъ, извращенныхъ обвинителемъ или защитникомъ, предостеречь присяжныхъ противъ явно-неправильныхъ взглядовъ, высказанныхъ во время преній; но онъ не долженъ допускать произвольныхъ обобщеній, не долженъ возлагать на цѣлую корпорацію отвѣтственность за вину одного изъ ея членовъ. Это, къ сожалѣнію, упустилъ изъ виду предсѣдатель московскаго окружного суда, если только въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ вѣрно передано заключительное его слово по упомянутому уже нами дѣлу о фальсификаціи чая. „Въ другихъ государствахъ,—такъ передаетъ газета слова предсѣдателя,—гдѣ судъ присяжныхъ существуетъ уже давно, присяжная адвокатура служитъ отраженіемъ духа народа. Въ англійскихъ судахъ рѣчи адвокатовъ серьезны и спокойны; во Франціи отъ рѣчи защитника требуютъ страстности, горячности, краснваго произнесенія; въ судахъ нѣмецкихъ адвокатская рѣчь несетъ въ себѣ доводы философіи и другія научныя стороны. У насъ судъ присяжныхъ — дѣло молодое, и поэтому приходится видѣть и слышать въ судахъ, что представители

корпораціи присяжной адвокатуры, подобно молодымъ людямъ, извиняющимся предъ своими учителями и старшими родными, стараются, оправдывая дѣйствія своихъ кліентовъ, сваливать вину на другихъ. Такъ было и въ этомъ дѣлѣ, когда защитники А. и И. Поповыхъ старались свалить вину на всѣхъ другихъ, но только не на дѣйствительныхъ виновниковъ". Послѣдняя фраза, прямо выражающая мнѣніе предсѣдателя о виновности подсудимыхъ, была бы болѣе умѣстна въ обвинительной рѣчи, чѣмъ въ предсѣдательскомъ резюме. Не на нее, однако, мы хотимъ обратить теперь особенное вниманіе читателей; насъ поражаетъ всего больше общая характеристика русской присяжной адвокатуры, набросанная предсѣдателемъ московскаго окружного суда. Неужели „сваливаніе съ больной головы на здоровую" составляетъ, въ самомъ дѣлѣ, отличительную черту русскихъ защитниковъ? Неужели эта черта можетъ идти въ параллель съ серьезностью англійской, съ страстностью французской, съ научнымъ оттѣнкомъ нѣмецкой защиты? Не сравниваются ли здѣсь величины совершенно несоизмѣримыя — формы рѣчи, выработанныя національнымъ темпераментомъ, съ отдѣльнымъ, случайнымъ пріемомъ адвокатской тактики? Неужели все творчество русской адвокатуры, въ теченіе двадцати-двухъ лѣтъ, исчерпывается созданіемъ или усовершенствованіемъ этого пріема — и неужели онъ повторяется настолько часто, что можетъ считаться типичнымъ для русской защиты? Не ясно ли, что замѣчаніе, вполнѣ примѣнимое, быть можетъ, къ дѣлу А. и И. Поповыхъ, превратилось въ огульное осужденіе цѣлаго сословія исключительно подъ вліяніемъ господствующихъ „вѣяній", неблагопріятныхъ для адвокатуры? Въ манерѣ нѣкоторыхъ защитниковъ многое и намъ далеко не симпатично; но за этихъ *нѣкоторыхъ* ни въ какомъ случаѣ не должны отвѣчать *всѣ*. Такіе переходы отъ частнаго къ общему должны быть предоставлены всецѣло извѣстнымъ газетамъ; отъ суда и судей общество въ правѣ ожидать совершенно иного отношенія къ защитникамъ и защитѣ.

Адвокатура — не единственное учрежденіе, къ которому примѣняется вкривь и вкось принципъ солидарной отвѣтственности. Въ реакціонныхъ газетахъ открыты, съ нѣкоторыхъ поръ, особые отдѣлы, озаглавленные: „Наши суды", „Наше самоуправленіе", и наполняемые перечнемъ судебныхъ, земскихъ, городскихъ прегрѣшеній — дѣйствительныхъ или мнимыхъ,—въ качествѣ будущихъ мотивовъ для смертнаго приговора надъ ненавистными учрежденіями. Чтобы получить ясное понятіе о значеніи этой кампаніи, достаточно сопоставить два факта, почти въ одно и то же время оглашенные въ печати. 15-го мая „Московскія Вѣдомости" вносятъ въ свою памятную книжку

провинности потійской (кутаисской губерніи) городской думы, продающей городской лѣсъ, по баснословно-дешевой цѣнѣ, гласнымъ думы и членамъ городской управы — а 16-го мая „Новое Время" печатаетъ тифлисскую корреспонденцію о существующей на бумагѣ, но не существующей на самомъ дѣлѣ сухопутной дорогѣ отъ Кутаиса до Сухума. „Работы по этой дорогѣ,—говоритъ корреспондентъ, —производились долго, деньги въ расходъ выводились аккуратно и отчеты представлялись своевременно куда слѣдуетъ. Наконецъ, дорога окончена, и разсчеты произведены. Вдругъ одна изъ кутаисскихъ властей вздумала проѣхать по новой дорогѣ въ Сухумъ. Доѣхалъ сановникъ до селенія Зугдиды — и далѣе пути не нашелъ. Спрашиваетъ: куда дѣвалась новая дорога? Докладываютъ: размыло весенней водой. Возвращается власть назадъ и отправляется въ Сухумъ на пароходѣ, но оттуда опять хочетъ ѣхать сухимъ путемъ. Опять дорога оказывается размытой. Ѣдетъ власть на пароходѣ до Очемчиръ и здѣсь приказываетъ везти себя по новому шоссе. Мѣстная власть, какъ видно, не была предупреждена строителями, и потому отвѣтила просто, что здѣсь никакой сухопутной дороги испоконъ вѣка не было, и никто и не думалъ ее проводить. По возвращеніи въ Кутаисъ сановникомъ возбуждено дѣло, по которому привлечено къ слѣдствію восемь человѣкъ". *Хищеніе*, какъ видно, произошло колоссальное и до крайности наглое — но что̀ сказали бы реакціонныя газеты о томъ дерзновенномъ, который бы включилъ этотъ фактъ въ особую рубрику: „Наша администрація"? Да и одна ли только печать вознегодовала бы на такую дерзость?.. А между тѣмъ значеніе обоихъ сообщеній, нами приведенныхъ, совершенно одинаково. Первое доказываетъ, что злоупотребленія возможны и встрѣчаются на самомъ дѣлѣ въ области самоуправленія; второе свидѣтельствуетъ о томъ, что они возможны и встрѣчаются на самомъ дѣлѣ въ области управленія. Несправедливо было бы, безъ сомнѣнія, выводить изъ исторіи несуществующей сухумо-кутаисской дороги какое-нибудь общее заключеніе, неблагопріятное для администраціи —но столь же несправедливо было бы обвинять все вообще городское самоуправленіе за вину потійской городской думы. Намъ могутъ возразить, что несуществующая дорога — фактъ единичный, а злоупотребленіямъ земскаго и городского самоуправленія имя—легіонъ; но это возраженіе было бы лишено всякаго фактическаго основанія. Никто, по указанной нами уже причинѣ, не ведетъ списка административнымъ провинностямъ, да и простое оглашеніе ихъ въ печати сопряжено съ большими затрудненіями. На земство и городскія думы, въ послѣднее время, удары сыплются со всѣхъ сторонъ и повторяются многоголоснымъ эхо—а по отношенію администраціи „Москов. Вѣдомости" не ведутъ, да и не всегда могли бы вести систематическій по-

ходъ... Справедливость требовала бы, по меньшей мѣрѣ, одного: открытія, рядомъ съ рубрикой ошибокъ и проступковъ—рубрики заслугъ, въ которую вносилось бы все хорошее изъ сферы земскаго и городского самоуправленія. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что для этой послѣдней рубрики понадобилось бы столько мѣста, сколько не могла бы отвести для нея ни одна ежедневная газета.

Мы говорили до сихъ поръ о дѣйствительныхъ погрѣшностяхъ самоуправленія; но въ его пассивъ реакціонныя газеты включаютъ иногда и такіе факты, настоящее мѣсто которыхъ—на другой сторонѣ баланса. Подъ тѣмъ же заглавіемъ: „Наше самоуправленіе", мы находимъ, напримѣръ, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 138) распоряженіе двухъ уѣздныхъ земскихъ управъ (тимской и щигровской, курской губерніи) о назначеніи въ продажу трехсотъ десяти имѣній, за неплатежъ земскихъ недоимокъ. Московская газета соболѣзнуетъ бѣднымъ землевладѣльцамъ, противъ которыхъ принята эта жестокая мѣра. Особое негодованіе возбуждаетъ въ газетѣ крайне невысокая цифра недоимокъ, за которыя назначены въ продажу нѣкоторыя имѣнія. Но кто же мѣшаетъ землевладѣльцамъ уплатить эти ничтожныя недоимки? Не ясно ли, что въ распоряженіи управъ слѣдуетъ видѣть только напоминаніе неисправнымъ плательщикамъ, отъ которыхъ вполнѣ зависитъ предупредить продажу имѣній?... Накопленіе недоимокъ—одно изъ главныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ земское хозяйство; а главными недоимщиками являются, въ большинствѣ случаевъ, личные землевладѣльцы, именно потому, что противъ нихъ рѣдко принимаются достаточно энергичныя понудительныя мѣры. Земскія управы, рѣшившіяся положить конецъ этому безпорядку, заслуживаютъ не порицанія, а полнаго сочувствія. Незначительность нѣкоторыхъ недоимокъ (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" приведены, очевидно, только самыя низкія цифры) объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что управы сразу распорядились назначеніемъ въ продажу всѣхъ имѣній, на которыхъ числилась недоимка. Само собою разумѣется, что такому распоряженію должно было предшествовать предъявленіе окладныхъ листовъ, въ которыхъ опредѣлена цифра недоимки. Если эта формальность, въ томъ или другомъ случаѣ, не была соблюдена, ничто не мѣшало обжаловать дѣйствія уѣздной управы въ губернскую управу или уѣздное земское собраніе; но нѣкоторые изъ числа курскихъ недоимщиковъ предпочитаютъ жаловаться—„Московскимъ Вѣдомостямъ". И это очень понятно. Губернская управа или уѣздное земское собраніе произвели бы повѣрку обжалованныхъ дѣйствій—а московская газета вѣритъ жалующимся на-слово и спѣшитъ принять ихъ подъ свою защиту. *Взысканіе* недоимокъ она признаетъ позволительнымъ, должно быть, только по отношенію къ крестьянамъ; дворянъ-землевладѣльцевъ, съ точки зрѣ-

нія Страстного бульвара, можно только почтительно *просить*, не благоугодно ли имъ будетъ уплатить когда-нибудь и что-нибудь изъ слѣдующаго съ нихъ сбора. Кто поступаетъ иначе, тотъ идетъ наперекоръ правительственнымъ цѣлямъ и рискуетъ быть причисленнымъ, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей", къ категоріи людей вредныхъ или неблагонадежныхъ.

Мы говорили недавно о циркулярахъ саратовскаго губернатора, навлекшихъ на него доносы реакціонной прессы. Совершивъ поѣздку въ Петербургъ, генералъ Косичъ созвалъ въ Саратовѣ съѣздъ уѣздныхъ исправниковъ и обратился къ нимъ съ рѣчью, изъ которой видно, что онъ не намѣренъ прекратить начатое дѣло. На разосланные имъ вопросы онъ получилъ до трехсотъ отвѣтовъ, и вывелъ изъ нихъ заключеніе, что „главная причина, породившая и поддерживающая неудовлетворительный ходъ дѣлъ вообще, есть недостатокъ въ населеніи твердаго и стройнаго, не матеріальнаго только, но и въ особенности нравственнаго порядка". Не входя въ разборъ этого заключенія, замѣтимъ только, что не можемъ уяснить себѣ цѣль сообщенія его—гг. исправникамъ. Неужели можно думать, что полиція призвана, между прочимъ, къ водворенію и укрѣпленію „нравственнаго порядка"? Повидимому — да. Исправникамъ совѣтуется почаще бесѣдовать съ крестьянами, внушать имъ добрыя начала, поучать ихъ всему хорошему, начиная съ общественныхъ приличій и до воспитанія дѣтей. „Слѣдуетъ замѣчать,—говоритъ губернаторъ,—относятся ли младшіе съ уваженіемъ къ старшимъ. На сходахъ впереди должны быть люди постарше; кто помоложе—долженъ слушать стариковъ; пьяныхъ, безтолковыхъ крикуновъ удалять. Смотрѣть, соблюдается ли чистота во дворахъ, все ли въ порядкѣ по домашнему обиходу, вокругъ дома и двора, вывезенъ ли навозъ; исправно ли содержится скотина, хорошо ли съ нею обращаются; исправны ли плугъ, соха, борона, починены ли телѣга, сбруя". Представимъ себѣ, что всѣ эти указанія не останутся мертвой буквой, что полиція ревностно примется за обученіе крестьянъ хозяйственности, приличіямъ и нравственности. Что можетъ изъ этого выйти, если и допустить, что учителя во всемъ будутъ превосходить своихъ учениковъ? Не что иное, какъ пародія на аракчеевскія военныя поселенія. За безпорядокъ въ избѣ, за неисправное содержаніе земледѣльческихъ орудій или рабочаго скота, поселенцы и ихъ жены подвергались строгимъ карательнымъ мѣрамъ, на которыя едва ли уполномочена саратовская полиція. Увѣщанія ея и совѣты либо будутъ оставаться втунѣ, либо повлекутъ за собою превышенія власти,

несовмѣстныя съ главной задачей, возлагаемой на полицію—съ охраненіемъ общественнаго порядка,—либо послужатъ источникомъ дохода. Въ особенности опаснымъ было бы рекомендуемое вмѣшательство полиціи въ дѣла сельскаго схода. Къ чему можетъ привести вынужденное молчаніе младшихъ членовъ схода, удаленіе „безтолковыхъ крикуновъ", охраняемое полиціей преобладаніе „стариковъ"—это не трудно вообразить себѣ, въ особенности если припомнить, что агентами полиціи на сельскомъ сходѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, могутъ быть одни лишь урядники. Стóитъ только уряднику войти въ согласіе съ мѣстнымъ „міроѣдомъ"—и отъ нихъ всегда будетъ зависѣть „сорвать" сходъ, или добиться желаннаго общественнаго приговора. Кто станетъ возражать имъ, тотъ будетъ объявленъ „безтолковымъ крикуномъ" и удаленъ со схода. Прибавимъ къ этому, что полиціи, по теоріи саратовскаго губернатора, должно принадлежать рѣшающее слово и въ выборѣ крестьянскихъ общественныхъ властей. „Необходимъ,—читаемъ мы въ рѣчи генерала Косича,—необходимъ *самый тщательный подборъ* волостныхъ старшинъ; еще важнѣе выборъ вполнѣ благонадежныхъ, распорядительныхъ сельскихъ старостъ. *Всѣми мѣрами* (?!) надо добиваться того, чтобы старосты были обезпечены содержаніемъ". Что̀ можетъ устоять противъ союза волостного старшины, *подобраннаго* полиціей, сельскаго старосты, ея усиліями „обезпеченнаго содержаніемъ", и урядника, уполномоченнаго удалять со схода „безтолковыхъ крикуновъ"?...

Лучшей гарантіей противъ системы полицейскаго всевластія и всеучастія представляется, въ настоящее время, малочисленность полицейскихъ чиновъ, обремененныхъ, притомъ, занятіями болѣе неотложными, чѣмъ пропаганда „нравственнаго порядка". Положеніе дѣлъ можетъ, однако, значительно измѣниться, если насадителями трудолюбія, приличій и добрыхъ нравовъ явятся земскіе начальники, спеціально посвящающіе себя этому дѣлу и поощряемые въ своемъ усердіи циркулярами губернскаго начальства. Аналогія съ военными поселеніями, которую мы провели полу-шутя, можетъ сдѣлаться тогда весьма серьезной... Мы нимало не сомнѣваемся въ добрыхъ намѣреніяхъ генерала Косича; достаточнымъ доказательствомъ ихъ служитъ, въ нашихъ глазахъ, первоначальное обращеніе его къ общественному содѣйствію, а также то мѣсто его послѣдней рѣчи, гдѣ онъ рекомендуетъ полиціи способствовать крестьянамъ въ покупкѣ земли и въ арендованіи ея на продолжительные сроки. Но вѣдь и добрыя намѣренія приводятъ иногда къ недобрымъ результатамъ. Далеко не безопасная даже въ хорошихъ рукахъ, ошибочная система можетъ принести непоправимый и неисчислимый вредъ, какъ только свойственные ей недостатки перестанутъ находить нѣкоторый противовѣсъ въ личномъ настроеніи главнаго исполнителя... Рѣчь генерала Косича ка-

жется намъ въ высшей степени убѣдительнымъ аргументомъ противъ новаго расширенія губернаторской власти, противъ института земскихъ начальниковъ, противъ ослабленія земскаго и крестьянскаго самоуправленія.

Одно изъ самыхъ постыдныхъ явленій нашей эпохи—это усиливающаяся агитація въ пользу тѣлесныхъ наказаній. Возражать тому органу печати, который ведетъ ее систематически и непрерывно, мы считаемъ излишнимъ; грубый его цинизмъ можетъ только вредить всякому дѣлу, которое онъ беретъ подъ свою защиту. Гораздо опаснѣе тѣ приверженцы палочной расправы, которые ищутъ для себя точки опоры въ существующихъ обычаяхъ и стараются возвести въ принципъ самыя худшія изъ числа административныхъ традицій. Сюда относится, напримѣръ, самарскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей", жалѣющій о томъ, что при подавленія недавнихъ безпорядковъ въ Самарѣ не были пущены въ ходъ розги. „Дальнобойное ружье — говоритъ корреспондентъ — несоотвѣтственное оружіе для усмиренія толпы. Пора подумать, чѣмъ оно должно быть замѣнено; лучшее, что извѣстно (!), это способъ дѣйствій Коцебу въ Одессѣ въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Здѣсь сильные безпорядки были быстро пріостановлены помощью войскъ, которыя не стрѣляли, но по-просту оцѣпляли толпу и, отбивая группы человѣкъ по пятидесяти, подвергали тутъ же на мѣстѣ тѣлесному наказанію. Пора, кажется, объ этомъ вспомнить теперь, когда отъ полнаго бездѣйствія переходятъ къ стрѣльбѣ". Мы желали бы знать, когда и гдѣ у насъ наблюдалось „полное бездѣйствіе" во время уличныхъ безпорядковъ? Способъ, рекомендуемый корреспондентомъ московской газеты, употреблялся не однимъ генераломъ Коцебу и не въ одной Одессѣ; о немъ знаетъ и Варшава, и Нижній-Новгородъ, и другіе города, гдѣ происходили, напримѣръ, еврейскіе безпорядки. Его полнѣйшая несостоятельность доказывается тѣмъ простымъ соображеніемъ, что примѣненіе его мыслимо лишь *послѣ прекращенія* безпорядковъ; положить имъ конецъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ. Мы говорили объ этомъ много разъ, начиная съ 1871 г.—но у насъ необходимо, къ сожалѣнію, повторять безъ конца однѣ и тѣ же очевидныя истины. Тѣлесное наказаніе возможно только по отношенію къ людямъ, уже находящимся въ рукахъ власти—а этихъ людей ничто не мѣшаетъ предать суду и отвѣтственности въ общемъ законномъ порядкѣ Само собою разумѣется, что мы вовсе не стоимъ за употребленіе, при подавленіи безпорядковъ, дальнобойнаго или какого бы то ни было ружья. Мы утверждаемъ только одно: оружіе можетъ быть пущено въ ходъ *во время* самыхъ безпорядковъ, розги—не могутъ, и этого достаточно, чтобы исключить ихъ изъ числа средствъ *прекращенія*

безпорядковъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, онѣ могутъ быть только орудіемъ *расправы, послѣ* безпорядковъ, когда безпорядокъ уже прекращенъ, но отнюдь не предохранительной или предупредительной мѣрой; а какъ орудіе расправы онѣ осуждены безповоротно уже четверть вѣка тому назадъ, въ великій день 17 апрѣля 1863 года.

Прошло уже два года со времени пріостановки пріема на высшіе женскіе курсы—а обѣщанное преобразованіе ихъ все еще не состоялось, и они должны одни за другими исчезнуть со сцены. Для петербургскихъ (бестужевскихъ) курсовъ этотъ моментъ наступитъ черезъ годъ; для московскихъ курсовъ профессора Герье онъ уже наступилъ, и они закрыты въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ. Прощанье слушательницъ съ учредителемъ и профессорами курсовъ было самое задушевное; рядомъ съ глубокимъ сожалѣніемъ о прекращеніи прекраснаго, въ высшей степени полезнаго дѣла, слышалась живая благодарность тѣмъ, кто его создалъ и блистательно велъ, не щадя трудовъ и усилій. „Шестнадцать лѣтъ тому назадъ,—сказала одна изъ слушательницъ, обращаясь къ В. И. Герье,—вы открыли это первое въ Россіи учрежденіе, предназначенное служить цѣлямъ высшаго женскаго образованія. Вмѣстѣ съ избраннымъ кружкомъ лицъ, имена которыхъ намъ всегда будутъ дороги, вы отозвались на возникавшую потребность въ высшемъ образованіи, дали ей опредѣленное направленіе и сдѣлали ее для насъ привычной и необходимой. Вы повѣрили въ серьезность и искренность нашихъ стремленій: порукой этого служитъ то, что вы предложили намъ настоящую университетскую науку, ждали и требовали отъ насъ серьезной работы. Конечно, послѣ очевиднаго и несомнѣннаго успѣха не трудно сочувствовать дѣлу; но именно за вашу неизмѣнную преданность и служеніе дѣлу, еще не успѣвшему побѣдить въ обществѣ недовѣріе и предразсудки, приносимъ мы вамъ горячую признательность и желали бы, чтобы это чувство признательности могло что-нибудь прибавить къ сознанію принесенной вами пользы. Трудно установить точную мѣрку того, что каждая изъ насъ взяла отъ курсовъ сообразно своимъ силамъ и склонностямъ; но у всѣхъ насъ безъ различія годы, проведенные на курсахъ, останутся навсегда въ памяти, какъ лучшіе годы жизни; на всѣхъ насъ постановка занятій и характеръ преподаванія оказывали нравственное вліяніе, пробуждали умственные интересы и вносили лучшее, высшее содержаніе въ нашу обыденную жизнь. Намъ тяжело видѣть перерывъ дѣла, такъ хорошо и заботливо устроеннаго; еще тяжелѣе было бы при этомъ думать, что слѣдующія поколѣнія женщинъ будутъ лишены такой поддержки и такого поощренія". Другая бывшая слушательница курсовъ прочла коллективное письмо отъ кружка петер-

бургскихъ женщинъ, изъ котораго мы заимствуемъ слѣдующія слова: „Вы задались простою, но широкою цѣлью общаго просвѣщенія личности и положили въ основу своего учрежденія курсъ общеобразовательный; вы предлагали учащимся посредствомъ систематическаго знакомства съ различными областями творческой дѣятельности человѣческаго ума и развитіемъ критической мысли выйти на свѣтлый путь самообразованія. Много споровъ слышалось вокругъ новаго учрежденія, высказывалось недовѣріе, сталкивались личныя мнѣнія, быстро смѣнялись запросы минуты. Но вы неизмѣнно, съ неослабѣвавшей энергіею преслѣдовали все ту же простую цѣль; вы дѣйствовали во имя того, что вѣчно и истинно, что переживаетъ всякія злобы дня, что несомнѣнно и всегда необходимо для блага человѣчества, — во имя науки, просвѣщенія и развивающей критической мысли. Вы создали стройное, независимое учрежденіе, возникновеніе котораго составляетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ исторіи нашего времени. Простыми словами благодарности нельзя цѣнить такое служеніе; оно принадлежитъ исторіи русскаго просвѣщенія, и только исторія въ свое время можетъ измѣрить все его значеніе. Историкъ на каѳедрѣ, посвятившій себя изученію прошлаго, вы въ настоящемъ сами явились дѣятельной исторической силой, отозвавшись на одинъ изъ существеннѣйшихъ вопросовъ своего времени". Отвѣчая на привѣтствія слушательницъ и преподавателей (отъ имени которыхъ говорилъ профессоръ Ключевскій), В. И. Герье перенесся мысленно въ то время, когда учреждались курсы. „Никогда, можетъ быть,—сказалъ многоуважаемый профессоръ, — не было эпохи, когда вѣра въ просвѣщеніе была такъ глубока, а потребность образованія такъ сильна, какъ въ русскомъ обществѣ въ 60-хъ годахъ. Потребность подвинуть впередъ дѣло женскаго образованія очень живо ощущалась среди русскихъ женщинъ; но пути, которые должны были вести къ этой цѣли, представлялись всѣмъ различно. Одни желали открытія для женщинъ университета, другіе преимущественно имѣли въ виду научно-практическую дѣятельность на поприщѣ медицины и прикладныхъ наукъ, многіе видѣли въ образованіи лишь средство доставить женщинѣ болѣе самостоятельное положеніе въ обществѣ и болѣе обширный кругъ дѣятельности. То, что мы предлагали—учебное учрежденіе для общаго систематическаго образованія, — не для всѣхъ могло быть заманчиво. Оно требовало много труда и напряженія и не обѣщало никакого соотвѣтствующаго улучшенія внѣшняго быта трудящихся. Въ первые годы курсовъ мнѣ дѣйствительно приходилось испытывать это неудобство. У многихъ лицъ, являвшихся записываться на курсы или справляться о нихъ, первое слово, обращенное ко мнѣ, заключалось въ вопросѣ: а какія права даютъ ваши курсы? Но прошло нѣсколько лѣтъ, и никто уже не задавалъ этого

вопроса, а число слушательницъ на курсахъ стало все расти и расти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивалось и число слушательницъ, одушевленныхъ самымъ серьезнымъ интересомъ къ наукѣ и прилагавшихъ къ дѣлу своего образованія самый неутомимый и послѣдовательный трудъ Скоро двухлѣтній курсъ пришлось расширить въ трехлѣтній. Для многихъ и очень многихъ пребываніе на курсахъ было высокимъ подвигомъ самоотверженія и служенія идеалу. На основаніи многихъ наблюденій, я имѣю право сказать, что любовь къ просвѣщенію нигдѣ не горѣла такимъ чистымъ пламенемъ и не проявлялась такъ безкорыстно и съ такимъ самозабвеніемъ, свойственнымъ женской натурѣ, какъ въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія. Этотъ фактъ принадлежитъ къ самымъ отраднымъ явленіямъ нашей современной общественной жизни. Несмотря на многія житейскія затрудненія, предубѣжденія и подчасъ недобросовѣстную клевету, слушательницы со всѣхъ концовъ Россіи въ теченіе 16 лѣтъ поддерживали наше учрежденіе и этимъ доказывали его цѣлесообразность и необходимость".—Да, профессоръ В. И. Герье совершенно правъ: учрежденіе и процвѣтаніе высшихъ женскихъ курсовъ принадлежитъ къ числу самыхъ отрадныхъ явленій нашего недавняго прошлаго — но тѣмъ прискорбнѣе ихъ закрытіе въ моментъ наибольшаго ихъ успѣха.

ПОПРАВКА.

Въ статьѣ: „Пьянство и борьба противъ него", на стр. 646, строч. 12 св., напечатано: „каждый девятый"; слѣдуетъ читать: „каждый девятидесятый".

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1888.

Книга пятая. — Май.

стр.

Послѣдніе годы жизни К. Д. Кавелина—1877—1885 гг.—По воспоминаніямъ и семейной перепискѣ.—Д. А. КОРСАКОВА 5

Жить, какъ люди живутъ.—Заброшенный дневникъ.—В. КРЕСТОВСКІЙ (Псевдонимъ) 52

Новѣйшіе критики парламентаризма.—Жюль Симонъ, Спенсеръ и Мэнъ.—I-II. — Л. З. СЛОНИМСКАГО 96

Муся.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—I-VII. В. Д. КАРЕНИНА. 121

Стихотворенія.—I. Затишье.—II. На мотивъ изъ С. Прюдома.—III. Изъ Коппе. — IV. Поэту, на мотивъ изъ Сырокомли.—О. М. 191

Сибирь и изслѣдованія ея.—III. Аббатъ Шаппъ и имп. Екатерина II.—IV. Русскіе географическіе поиски и иностранная литература о Сибири до конца XVIII вѣка.—А. Н. ПЫПИНА. 195

Выставка машинъ.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 238

В. М. Гаршинъ и его творчество.—К. К. АРСЕНЬЕВА 239

Наканунѣ переворота.—Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго. — Часть первая.—II: VI-XI.—А. Э. 259

Хроника.—Императоръ Вильгельмъ I.—Старая и новая Германія.—IV-VII. — Е. И. УТИНА 304

Внутреннее Обозрѣніе.—Проектъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю.—Возможно ли введеніе въ этомъ краѣ института присяжныхъ засѣдателей?—Раздробленіе прибалтійскихъ губерній между двумя судебными округами. — Вопросъ о государственномъ языкѣ, въ связи съ преобразованіемъ остзейскихъ судебныхъ учрежденій.—Слухи и толки объ измѣненіяхъ въ проектѣ положенія о земскихъ начальникахъ.—Государственный доходъ и расходъ за 1887 годъ 339

Иностранное Обозрѣніе. — Канцлерскій кризисъ въ Германіи. — „Буланжисты" во Франціи. — Министерство Флоке и его программа. — Личные успѣхи генерала Буланже и ихъ политическое значеніе.—Увлеченія оппортунистовъ 363

Литературное Обозрѣніе. — П. А. Матвѣевъ, Болгарія послѣ берлинскаго конгресса.—В. Мочульскій, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ.—П. В. Владимірова, Докторъ Франциск Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ.—А. П.—К. Ярошъ, Вопросы современной морали. — П. И. Георгіевскій: Экономическая отвѣтственность, г. Яроцкаго.—К. К.—Новыя книги и брошюры 373

Возраженіе на статью Е. С. Некрасовой о графинѣ Е. П. Ростопчиной.—С. П. СУШКОВА. 388

Изъ Общественной Хроники. — Заключеніе А. Ѳ. Кони по дѣлу Кетхудова. — Вопросъ о свободѣ защиты и о ея предѣлахъ.—Необходимость возвращенія къ судебнымъ традиціямъ конца шестидесятыхъ годовъ.—Программы испытаній въ юридической коммиссіи государственныхъ экзаменовъ. — Городскія читальни въ Петербургѣ и новый порядокъ для нихъ.—Письмо въ редакцію объ изданіи литературнаго сборника въ память В. М. Гаршина 438

Библіографическій Листокъ.—Сборникъ имп. русскаго историческаго общества. Томи 61, 63 и 65. — Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, С. А. Венгерова, вып. 10.—Полное собраніе сочиненій И. И. Панаева. — Искра божья, гр. Е. А. Саліаса. — Сатиръ и Нимфа, ром. Н. А. Лейкина.

Книга шестая. — Іюнь. стр.

Жить, какъ люди живутъ. — Заброшенный дневникъ. — Окончаніе — В. КРЕСТОВСКІЙ (Псевдонимъ) 453
Донецкіе углекопы.—По мѣстнымъ даннымъ.—С. РУСОВЪ 493
Муся.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Часть первая.—VIII-XV. В. Д. КАРЕНИНА. 516
Пьянство и борьба противъ него.—I.—И. И. ЯНЖУЛА 614
Наканунѣ переворота. — Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофордъ.—Съ англійскаго.—Часть вторая:—XII-XVII.—А. Э. 649
Сибирь и изслѣдованія ея.—V. Время Александровское и Николаевское до сороковыхъ годовъ.—VI. Сороковые годы; основаніе Географическаго Общества и его дѣятельность по изученію Сибири; новѣйшія изысканія. — А. Н. ПЫПИНА. 700
Стихотвореніе.—Я пѣлъ, а на меня украдкой.—М. С—НЪ. 735
Новости французской литературы. — Мишле, Ренанъ и Сорель. — К. К. АРСЕНЬЕВА 736
Хроника.—Императоръ Вильгельмъ I. — Старая и новая Германія.—Е. И. УТИНА. 754
Внутреннее Обозрѣніе. — Предполагаемое устройство мирового суда въ остзейскомъ краѣ, въ связи съ общимъ вопросомъ о назначеніи или выборѣ мировыхъ судей.—Волостные и верхніе крестьянскіе суды, проектируемые для прибалтійскихъ губерній.—Слухи о новомъ расширеніи административно-карательной власти, предоставляемой земскимъ начальникамъ.—Сенатъ, или только одно министерство внутреннихъ дѣлъ?—Ссылка „Московскихъ Вѣдомостей“ на западно-европейскіе порядки въ области суда и мѣстнаго самоуправленія 805
Отвѣтъ автору статьи: „Нѣчто о финансахъ Вѣстника Европы“. — О. . 830
Иностранное Обозрѣніе.—Положеніе болгарскаго вопроса и сообщеніе „Правительственнаго Вѣстника“ по поводу статей г. Татищева.—Внѣшняя политика Германіи и Австро-Венгріи. — Двѣ политическія желѣзныя дороги.—Реформа мѣстнаго управленія въ Англіи.—Новѣйшія событія въ Румыніи.—Письмо изъ Сербіи о партіяхъ въ Сербіи 838
Письма изъ-за границы.—Генералъ Буланже и Дерулэдъ.—Л. С. . . . 851
Литературное Обозрѣніе.—Судебные ораторы во Франціи, перев. А. Шимкова.—О Германіи, В. И. Модестова.—Pouschkine: Poltava, trad. par W. Mikhallow. — Очеркъ о результатахъ дѣятельности кременчугскаго город. общ. управленія за 16 лѣтъ.—Максъ Кохъ, Шекспиръ, пер. А. Гуляева.—К. К.—Новыя изданія книгъ и брошюръ 861
Замѣтка. — Новый трудъ по внутренней исторіи Рѣчи-Посполитой.—Н. КАРѢЕВА. 871
Изъ Общественной Хроники.—Новыя нападенія на адвокатуру.—Отчетъ петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ. — Лѣтопись грѣховъ самоуправленія. — Рѣчи саратовскаго губернатора. — Способы прекращенія уличныхъ безпорядковъ, выработанные публицистами.—Закрытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Москвѣ. 876
Библіографическій Листокъ.—Влад. Соловьевъ, Національный вопросъ въ Россіи. — Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа, Д. Заварницкаго.—Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе, И. И. Кауфмана. — Азбучный указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря.—О ядахъ въ организмѣ животныхъ и человѣка, и о борьбѣ съ ними, И. Р. Тарханова.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Владиміръ Соловьевъ. Національный вопросъ въ Россіи. Изданіе второе, дополненное. Спб. 1888. Стр. 208. Ц. 1 р.

Подъ такимъ общимъ заглавіемъ авторъ соединилъ цѣлую серію этюдовъ, послѣдовательно вытекающихъ одинъ изъ другого; заключительнымъ выводомъ изъ нихъ, хотя еще и не вполнѣ досказаннымъ, послужила статья того же автора, недавно помѣщенная въ нашемъ журналѣ, подъ заглавіемъ: „Россія и Европа“; авторъ, опираясь на свои предыдущіе этюды, заключаетъ въ этой статьѣ полемикой съ главными представителями національной идеи въ ея, такъ сказать, ветхозавѣтномъ смыслѣ народнаго обособленія, „грубаго и безыдейнаго національнаго“, эгоизма, исключительности и ничѣмъ еще недоказаннаго превосходства. Всѣ эти этюды въ теченіе пяти послѣднихъ лѣтъ (1883—1888 г.) появлялись въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: „Русь“, „Извѣстія Спб. Славянскаго Общества“, „Православное Обозрѣніе“, Московскій Сборникъ“, и послѣдній, заключительный этюдъ, какъ мы уже упомянули, въ „Вѣстникѣ Европы“. По отношенію къ общей и главной задачѣ всѣхъ этихъ этюдовъ, идею автора должно резюмировать такъ, его же словами: „Національный вопросъ въ Россіи есть вопросъ не о существованіи, а о *достойномъ* существованіи“; достойно же существовать, по словамъ автора, можетъ какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ, только подъ однимъ условіемъ—подчиненія себя нравственному закону, а не требованіямъ національнаго обособленія и эгоизма, къ чему клонятся всѣ убѣжденія его противниковъ.

Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Д. Эварницкаго. 2 части. Спб. 1888. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. III и 294; 257 стр. Ц. 6 р.

Настоящій трудъ,—какъ объясняетъ авторъ въ предисловіи,— есть результатъ восьмилѣтнихъ поѣздокъ по бывшимъ землямъ запорожскихъ казаковъ; авторъ не имѣлъ въ виду цѣльной исторіи Запорожья, которая нашла себѣ мѣсто въ извѣстной, недавно вновь переизданной книгѣ, г. Скальковскаго, а именно хотѣлъ собрать данныя по топографіи и археологіи Запорожья, какія сохранились на бывшихъ мѣстностяхъ Сѣчи, уцѣлѣвшихъ бытовыхъ памятникахъ и въ народномъ преданіи. Въ изслѣдованіи своемъ авторъ собралъ богатые результаты: топографія Запорожья никогда еще не была обслѣдована такъ подробно и точно; къ этому присоединяется много новыхъ историческихъ свѣденій и народныхъ преданій; дано много объясненій стараго запорожскаго быта, которыя иллюстрируются любопытными рисунками. Спеціальный матеріалъ, акты и собраніе народныхъ пѣсенъ войдутъ въ особое изданіе; настоящая книга посвящена обще-историческому и этнографическому разсказу, который будетъ замѣчательнымъ вкладомъ въ исторію южной Россіи.

Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возстановленіе, соч. И. И. Кауфмана. Спб. 1888, стр. 385.

Въ трехъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ состоитъ новый трудъ И. И. Кауфмана, выясняется въ отношеніи кредитныхъ билетовъ: 1) чего никоимъ образомъ *не слѣдовало бы* допускать; 2) что *могло бы* быть сдѣлано, и 3) что *должно* быть сдѣлано. По мнѣнію автора, не слѣдовало бы допускать совмѣстнаго обращенія звонкой монеты и обезцѣненныхъ бумажныхъ денегъ, такъ какъ подобное совмѣстное ихъ обращеніе связано съ рѣзкимъ кризисомъ для народнаго и государственнаго хозяйства. Съ цѣлью разъяснить то, что могло бы быть сдѣлано, авторъ даетъ историко-критическій обзоръ предположеній, высказанныхъ въ нашей научно-экономической литературѣ по вопросу о преобразованіи кредитнаго денежнаго обращенія. Наконецъ, для сужденія о томъ, что должно быть сдѣлано — авторъ весьма обстоятельно и подробно излагаетъ исторію бумажно-денежнаго вопроса въ тѣхъ странахъ, которыя успѣшно разрѣшили его, а потому въ заключеніе дается довольно полный обзоръ данныхъ о чрезвычайныхъ ресурсахъ и бумажныхъ деньгахъ въ Англіи, Франціи, Пруссіи, Италіи и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Мы еще будемъ имѣть случай дать болѣе подробный отчетъ объ этомъ капитальномъ трудѣ и ближе познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Азбучный Указатель именъ русскихъ дѣятелей для русскаго біографическаго словаря. Т. I, А—Л. Спб. 1887. Ц. 3.

Русское историческое Общество задалось весьма полезною мыслію, которая и выражена въ самомъ заглавіи одного изъ многочисленныхъ томовъ издаваемаго имъ „Сборника“ (т. 60). Цѣль изданія „Азбучнаго Указателя“ состоитъ въ томъ, чтобы, предварительно приступа къ работамъ, предложить всѣмъ любителямъ отечественной исторіи указать ошибки въ извѣстіяхъ, уже сообщенныхъ въ самомъ Указателѣ (годы рожденія и смерти, званіе упоминаемыхъ въ „Указателѣ“ лицъ и т. п.) и сообщить свѣденія для тѣхъ біографій, какія войдутъ въ проектируемый словарь. Составители предполагаютъ, однако, въ словарь перенести имена только тѣхъ лицъ, которыя заслуживаютъ, по мнѣнію составителей, болѣе или менѣе пространныхъ біографій; но это послужило бы только къ неполнотѣ словаря; пришлось бы каждому пріобрѣсть также и настоящій „Азбучный указатель именъ“, въ которомъ, можетъ быть, найдутся ошибки, но онѣ такимъ образомъ и останутся неисправленными, если будутъ относиться къ именамъ лицъ, не попавшихъ въ словарь, какъ не заслуживающихъ, по мнѣнію составителей, особой біографіи.

О ядахъ въ организмѣ животныхъ и человѣка и о борьбѣ съ ними. Проф. И. Р. Тарханова. Спб. 1888. Стр. 304. Ц. 2 р.

Настоящій трудъ служитъ очеркомъ публичныхъ лекцій въ педагогическомъ музеѣ, и своимъ содержаніемъ вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя въ послѣднее время все чаще и чаще предъявляются со стороны общества, весьма нуждающагося у насъ въ распространеніи здравыхъ идей о личной и общественной гигіенѣ. Въ интересномъ изложеніи автора каждый найдетъ обстоятельныя разъясненія тѣхъ всевидимыхъ опасностей, которыми человѣкъ окруженъ, и борьба съ которыми, тѣмъ не менѣе однако, возможна, подъ условіемъ всесторонняго оздоровленія страны.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1888 Г.

(Двадцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Янв.	Іюль	Янв.	Апр.	Іюль	Окт.
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

☛ **Съ перваго іюня открывается подписка на 2-ую половину и 3-ью четверть года.** ☚

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 2 лин., 7; 2) въ ея Отдѣленіи, при книжн. магаз. Э. Мелье, на Невск. просп., у Полиц. моста; — въ *Москвѣ:* 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, и Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—Иногородные обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

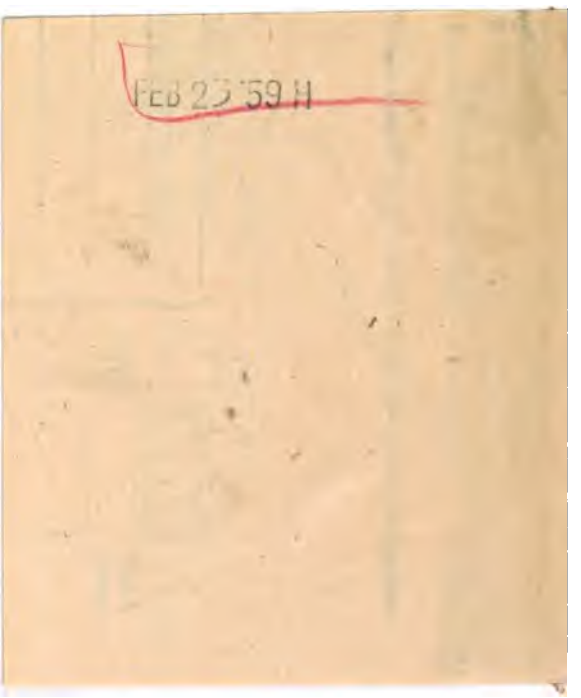
Примѣчаніе.—1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.— 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не ранѣе* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.


FEB 23 '59 H